И. И. ЛАППО.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ
XVI СТОЛѢТІЯ.

Литовско-Русскій повѣтъ
и
его сеймикъ.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1911.

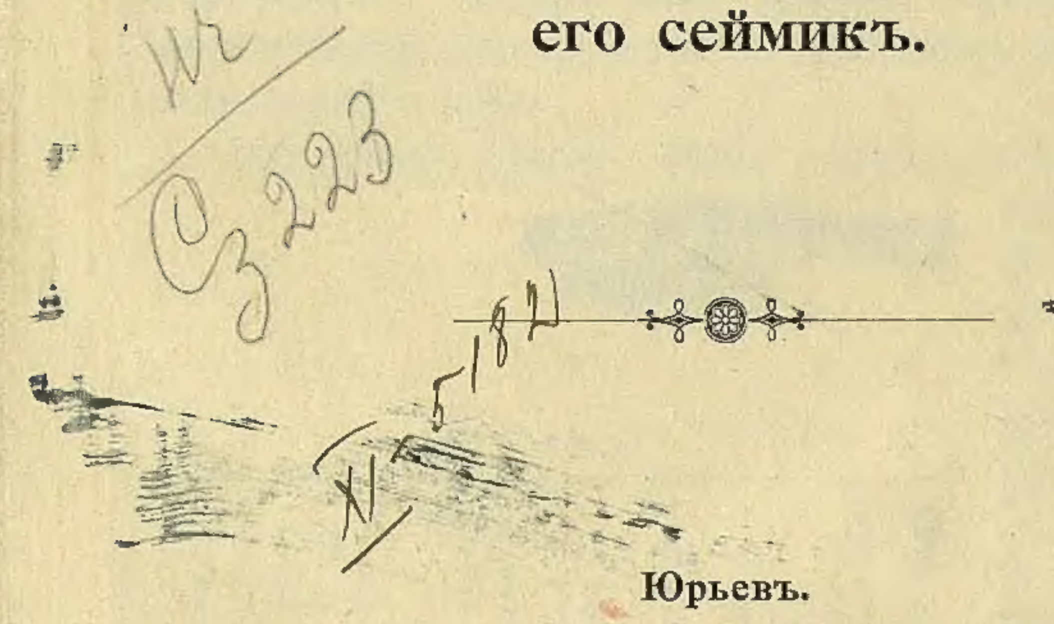
2007081686

И. И. ЛАППО.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVI СТОЛѢТІЯ.

Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ.



Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1911.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ собою часть задуманнаго авторомъ труда, посвященнаго изученію строя Великаго Княжества Литовскаго въ первыя десятилѣтія послѣ Люблинской Уніи. Уже работая надъ первымъ томомъ этого труда, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1901 году[1]), авторъ собиралъ матеріалы, относящіеся къ различнымъ сторонамъ строя и жизни Великаго Княжества Литовскаго второй половины XVI столѣтія, постоянно чувствуя невозможность при современномъ состояніи изслѣдованія этой научной области ограничивать себя лишь строго опредѣленными рамками, и изученіе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика было имъ начато еще во время этой работы. Авторъ даже сначала предполагалъ закончить его одновременно съ выпускомъ въ свѣтъ этого перваго тома.

Случилось, однако, иначе. Трудъ, отложенный на время, обычно для изслѣдователя превращается въ почти совершенно новую работу. Опубликованіе новыхъ источниковъ давало новые матеріалы. Ихъ продолжалъ авторъ собирать и въ своихъ занятіяхъ надъ рукописями. Это расширяло матеріалъ, который вводился въ изслѣдованіе, и уже само по себѣ

---

1) Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586). Опытъ изслѣдованія политическаго и общественнаго строя. Томъ первый. СПБ. 1901.

отсрочивало время, когда болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ начатая работа могла вылиться въ окончательную редакцію, тѣмъ болѣе, что университетское преподаваніе не такъ много оставляло и времени, которое авторъ имѣлъ возможность отдавать своимъ занятіямъ надъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ. Работая надъ выпускаемымъ въ свѣтъ томомъ, авторъ совершенно измѣнилъ его первоначальный планъ. Вмѣсто изученія повѣтоваго сеймика и съѣзда Великаго Княжества Литовскаго, предположеннаго какъ содержаніе настоящей части его труда, авторъ рѣшилъ ограничиться въ ней лишь изслѣдованіемъ повѣтоваго сеймика, но поставить его въ связь съ изученіемъ Литовско-Русскаго повѣта, отложивъ изслѣдованіе съѣзда Княжества до продолженія своего труда. Учрежденіе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика было органическою частью всей реформы 1565—1566 годовъ, создавшей почву для конституціи II-го статута и выработавшей организацію Великаго Княжества Литовскаго, съ которою оно вступило въ 1569 году въ соединеніе съ Польшею. Эта организація создавала изъ шляхетскаго „народа“ Княжества повѣтовыя корпораціи, раздѣлившись на которыя, онъ осуществлялъ свои права въ своемъ государственномъ союзѣ. Отдѣлить изученіе повѣтоваго сеймика отъ изученія повѣта было невозможно и потому, что историческое изслѣдованіе до настоящаго времени еще не опредѣлило вполнѣ значенія повѣтоваго строя, созданнаго этою реформою, и тѣмъ не дало возможности при изученіи Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика ограничить задачи изслѣдованія имъ однимъ. Авторъ долженъ былъ остановиться на повѣтовой реформѣ 1565—1566 годовъ и постараться опредѣлить то, чѣмъ былъ повѣтъ, созданный

ею, какъ единица дѣленія шляхетскаго „народа“ и единица областного дѣленія Литовско-Русскаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ остановиться и на подготовкѣ этой реформы, т. е. на дореформенномъ повѣтѣ и на постепенномъ выясненіи сторонъ новаго повѣтоваго строя, которыя назрѣвали въ сознаніи шляхты и въ потребностяхъ государства. Все это объясняетъ происхожденіе двухъ первыхъ главъ предлагаемаго вниманію читателя изслѣдованія.

Но изученіе сеймика потребовало и изученія повѣтовой шляхты, какъ корпорацій Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Стараясь дать въ первомъ томѣ своего труда изученіе Литовско-Русской шляхты, какъ „народа“ Великаго Княжества Литовскаго, въ ея слояхъ, признававшихся жизнью того времени, авторъ долженъ былъ теперь вновь вернуться къ ней и разсмотрѣть ее какъ повѣтовыя шляхетскія корпораціи, собраніями которыхъ были сеймики повѣтовъ Княжества. Таково происхожденіе третьей главы настоящаго изслѣдованія. Остальныя его главы изучаютъ повѣтовый сеймикъ и повѣтовыя собранія шляхты Великаго Княжества Литовскаго.

Расширеніе задачъ, поставленныхъ себѣ авторомъ, вызвало и увеличеніе размѣровъ книги, которая должна дать посильное ихъ выполненіе. Эти размѣры отняли возможность изученія повѣтоваго сеймика въ связи съ Литовско-Русскимъ съѣздомъ. Приходилось выбирать между изученіемъ сеймика въ связи съ повѣтовымъ строемъ и изученіемъ его въ связи со съѣздомъ Княжества. Авторъ избралъ первое, и онъ не думаетъ, что этимъ сдѣлалъ ошибку. Изученіе съѣзда онъ предполагаетъ дать въ дальнѣйшемъ продолженіи своего труда, ставя его въ связь съ изученіемъ значенія для Великаго Княжества Литов-

скаго вальнаго Польско-Литовскаго сейма. Эта связь представляется еще болѣе естественною, кромѣ того что она даетъ больше удобства въ распредѣленіи соотвѣтствующаго матеріала. Та же необходимость отложить на время изслѣдованіе Литовско-Русскаго съѣзда отразилась и на изученіи сеймика времени безкоролевій. Онъ тѣсно связанъ со съѣздомъ Великаго Княжества Литовскаго, и авторъ рѣшился въ настоящемъ томѣ ограничиться лишь бѣглымъ его очеркомъ, оставляя за собою право остановиться на этомъ видѣ повѣтоваго сеймика, изучая Литовско-Русскій съѣздъ.

При изученіи строя Великаго Княжества Литовскаго во второй половинѣ XVI столѣтія возможно установленіе хронологическихъ границъ этого изученія двумя способами: можно изучать этотъ строй до времени утвержденія статута 1588 года, или же захватывая и годы XVI вѣка послѣ утвержденія этого кодекса. Въ первомъ случаѣ изслѣдованіе изучаетъ строй Литовско-Русскаго государства, созданный II-мъ статутомъ, и слѣдитъ за его измѣненіями, внесенными соединеніемъ съ Польшею; во второмъ случаѣ оно принимаетъ во вниманіе и закрѣпленіе наroставшихъ въ этотъ періодъ времени явленій выработаннымъ въ эту эпоху кодексомъ. Въ вышедшемъ въ 1901 году томѣ своего труда авторъ становился на первый изъ этихъ путей; дальнѣйшая работа заставила его предпочесть второй. Этимъ объясняется и нѣсколько измѣненное общее заглавіе, которое имъ принято для настоящаго тома и для дальнѣйшаго продолженія труда.

Довольно большое количество архивныхъ документовъ, которые пришлось привлечь къ работѣ, заставило автора выдѣлить часть ихъ въ Прило-

женія [1]). При этомъ выдѣленіи онъ старался собрать въ изданіи сколько-нибудь цѣльный матеріалъ, удерживаясь отъ большого его расширенія.

Юрьевъ Лифляндскій.
17 ноября 1910 года.

---

1) При воспроизведеніи текста этихъ документовъ въ изданіи (какъ въ Приложеніяхъ, такъ и въ самой книгѣ) оригиналъ передавался съ возможною точностью. Всѣ вставки и дополненія, дѣлаемыя при изданіи, ставились въ прямыя скобки. „θ“ замѣнялась черезъ „ф“; „и“ въ случаяхъ, требуемыхъ нашимъ современнымъ правописаніемъ, передавалось черезъ „і“; „ъ“ и „ь“ на концѣ словъ, въ случаѣ опущенія ихъ оригиналомъ, приставлялись сообразно съ тѣмъ, какъ эти буквы даются имъ въ случаяхъ, когда данныя слова написаны въ немъ съ ними; при возможности колебаній „ъ“ и „ь“ на концѣ ставились въ прямыхъ скобкахъ; въ предлогахъ „ъ“ не приставлялся въ тѣхъ случаяхъ, когда согласная, къ которой онъ долженъ быть присоединенъ, измѣнена по сравненію съ нашимъ современнымъ правописаніемъ. Такимъ же способомъ передавались и въ текстѣ цитируемыя мѣста изъ изданныхъ актовъ, переданныя въ ихъ изданіи иначе. Изъ документовъ, напечатанныхъ въ Приложеніяхъ, были изданы раньше: №№ I, 1 (А. Ю. и З. Р. II, № 148 — безъ окончанія) и VIII, 1 (А. З. Р. III, № 119). Когда были уже напечатаны первыя восемь главъ настоящаго изслѣдованія, вышелъ въ свѣтъ трудъ проф. М. К. Любавскаго „Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно“ (М. 1910). Авторъ сожалѣетъ, что не имѣлъ, такимъ образомъ, возможности воспользоваться этимъ трудомъ и сдѣланнымъ въ немъ изданіемъ привилеевъ, выданныхъ Великому Княжеству Литовскому и его областямъ.

Оглавленіе.

Оглавленіе Приложеній.

Литовско-Русскій повѣтъ

и

его сеймикъ.

Глава I.

Литовско-Русскій повѣтъ времени до реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія.

Литовско-Русскій повѣтъ до и послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка. Административно-судебное и военное значеніе стараго повѣта. Повѣтъ въ „ухвалѣ“ 1528 года о земской оборонѣ и происхожденіе текста этой „ухвалы“. Повѣтъ по статуту 1529 года. Развитіе судебнаго, военнаго и политическаго значенія повѣта въ годы между утвержденіемъ перваго Литовскаго статута и реформами шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Повѣтъ по „Реестру пописа“ 1565 года. Общій выводъ изъ изученія стараго повѣта. Литовско-Русскій повѣтъ въ русской исторической литературѣ. Вопросъ о происхожденіи слова „повѣтъ“ въ значеніи дѣленія Литовско-Русскаго государства.

Слово „повѣтъ“ хорошо извѣстно областному дѣленію Великаго Княжества Литовскаго задолго до реформъ 65—66 годовъ XVI столѣтія, создавшихъ его строй, съ которымъ оно вступаетъ въ унію съ Польшей на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Но старый повѣтъ не то, чѣмъ явился повѣтъ, бывшій созданіемъ этихъ реформъ, закрѣпленныхъ конституціею II-го Литовскаго статута. Однако, въ то же время, какъ эта конституція, такъ и повѣтъ, ставшій потомъ основною ячейкою политической жизни Княжества, тѣсно связаны съ предшествующею жизнью Литовско-Русскаго государства, развились на ея исторической основѣ, но само это развитіе, являясь естественнымъ ростомъ Княжества, сдѣлало ихъ отличными отъ того, чѣмъ они были въ предшествующее время. Старый повѣтъ былъ единицею судебно-административнаго и военнаго дѣленія Литовско-Русскаго государства. Оба эти значенія сохранилъ и повѣтъ пореформенный, но его характеръ совершенно измѣнился на основѣ выросшаго къ этому времени значенія народа-

шляхты Княжества и на основѣ новаго строя его парламента съ иною системою шляхетскаго представительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и предѣлы повѣтовъ, въ значеніи единицъ областного дѣленія, путемъ созданія новыхъ повѣтовыхъ округовъ, ставшихъ необходимыми, какъ часть общей реформы 1565—1566 годовъ. Но значеніе повѣта въ эту эпоху не было созданіемъ простой теоретической мысли, отвлекшейся отъ дѣйствительности предшествующаго времени. Реформа развила тѣ стороны стараго повѣта, которыя подлежали развитію согласно ея цѣлямъ, а не создавала ихъ совершенно вновь. Посмотримъ, чѣмъ же былъ Литовско-Русскій повѣтъ до реформы и какъ развивалось его значеніе ко времени ея осуществленія.

Въ значеніи округа слово „повѣтъ" встрѣчается уже въ Литовско-Русскихъ актахъ XIV столѣтія [1]). Присматриваясь къ значенію этого слова въ источникахъ XIV, XV и начала XVI столѣтій, можно вывести заключеніе, что оно употребляется для обозначенія округа, объединеннаго одною административною властью. „Тежъ, естли бы жидове, подлугъ своего обычая, нѣкоторого жида умерлого, отъ мѣста до мѣста, отъ повѣта до повѣта, або отъ одное земли до другое везли бы чрезъ мыта: ничого на нихъ мыта не маетъ брано быти" — читаемъ въ привилеѣ Витовта, данномъ Литовскимъ евреямъ въ 1388 году [2]). Въ грамотахъ, которыя опредѣляютъ права господарскихъ намѣстниковъ, можно уловить значеніе слова „повѣтъ" какъ округа, подлежащаго управленію намѣстника и тянущаго къ центру, въ которомъ намѣстникъ находится. Такъ, въ грамотѣ Сигизмунда I, данной 20 апрѣля 1514 года [3]) и обращающейся отъ имени великаго князя къ „княземъ и паномъ, и бояромъ и дворяномъ" господарскимъ, „и войту и мѣщаномъ, и тивуномъ,

---

1) Нпр., Каменецкій повѣтъ — А. З. Р. I. № 6 (1383 г.).

2) А. З. Р. I. № 9. С. А. Бершадскій. Документы и Регесты къ исторіи Литовскихъ евреевъ. Т. I. СПБ. 1882. Стр. 11 (№ 1, арт. 12). Działyński. Zbior praw Litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tych że prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań 1841. Str. 105. С. А. Бершадскій датируетъ этотъ документъ 2-мъ іюля 1388 года. Редакторъ Актовъ Западной Россіи, протоіерей І. Григоровичъ, и Дзялыньскій — 1-мъ іюля того же года.

3) А. З. Р. II. № 87.

и сотникомъ, и людемъ" господарскимъ „путнымъ и тяглымъ" Городенскихъ дворовъ господаря, сообщается имъ всѣмъ о томъ, что великій князь далъ пану Юрію Миколаевичу Радивиловича[1]) „держати" отъ себя господарскій замокъ Городенъ[2]) со всѣми господарскими дворами, „которыи къ тому замку" великаго князя „прислухають". Всѣ перечисленныя выше группы населенія должны быть „послушни" новому старостѣ-державцѣ. Далѣе въ томъ же документѣ упоминаются соляники и бобровники, „колько-кольвекъ ихъ есть въ Городенскомъ повѣтѣ", а также озера и езы по рѣкамъ, опять „у повѣтѣ Городенскомъ". Такимъ образомъ, всѣ господарскіе дворы, подлежащіе управленію Городенскаго старосты, съ ихъ округами и съ населеніемъ, такъ или иначе тянущимъ къ этимъ дворамъ, составляютъ Городенскій повѣтъ. Повѣтъ — округъ, подлежащій власти одного господарскаго намѣстника-державцы. Значеніе такого округа слово „повѣтъ" имѣетъ и въ XV столѣтіи, что совершенно ясно изъ слѣдующей статьи Судебника Казимира: „а коли бы нашъ человѣкъ вину далъ князьскому или паньскому или боярському человѣку, а въ которомъ повѣтѣ, подъ нашимъ намѣстничьствомъ или тивуньствомъ: ино нашему намѣстнику, а любо тивуну, обослати, ижьбы нашому человѣку стало ся право" [3]).

При такомъ значеніи слова „повѣтъ", оно прилагается одинаково и къ округамъ замковъ, и къ округамъ дворовъ господарскихъ. Оно можетъ обозначать и округъ болѣе крупныхъ размѣровъ, и округъ размѣровъ меньшихъ, причемъ округъ этихъ послѣднихъ размѣровъ можетъ даже составлять часть повѣта болѣе крупнаго. Послѣ смерти Путивльскаго князя Богдана[4]) Сигизмундъ I распорядился

1) Кіевскій воевода, подчашій, намѣстникъ Мерецкій и Мозырскій.

2) Т. е. Городно.

3) А. З. Р. I. № 67. По дѣленію М. Ф. Владимірскаго-Буданова статья 9 (Христоматія по исторіи русскаго права. Выпускъ второй).

4) Князь Богданъ Өеодоровичъ Глинскій, отвезенный плѣнникомъ въ Москву въ 1500 году, вступившій въ Московскую службу и оставшійся въ Москвѣ послѣ освобожденія плѣнныхъ въ 1509 году. Ср. J. Wolff. Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca czternaztego wieku. Warszawa 1895. Str. 87 i 405.

въ 1512 году: „ино, коли князя Богдана въ животѣ не стало, мы во вси его имѣнья, которые у Кіевскомъ повѣтѣ и индѣ гдѣ кольвекъ будуть въ повѣтѣхъ замковъ и дворовъ нашихъ, казали есьмо на насъ ся увязати, къ замку нашому Кіевскому, воеводѣ Кіевскому пану Юрью“ [1]). Еще примѣръ. Въ листѣ Сигизмунда I отъ 18 марта 1507 года, выданномъ въ Виленскій повѣтъ, читаемъ: „намѣстникомъ нашимъ и тивуномъ по дворомъ нашимъ Виленского повѣта, и княземъ, и паномъ, кнегинямъ и паньямъ вдовамъ, и бояромъ и дворяномъ нашимъ, тымъ, которые имѣнья свои мають въ повѣтѣ тыхъ дворовъ нашихъ, и татаромъ, и слугамъ путнымъ“ [2]). Читая дальше тотъ же листъ Сигизмунда I, встрѣчаемъ въ немъ такія слова: „державцы наши мають тую серебщину [3]) выбирати, безъ всякого умѣшканья, кождый у своемъ повѣтѣ, зъ нашихъ людей; а хоружій кождый у своемъ повѣтѣ маеть выбирати зъ людей боярскихъ и дворянскихъ и вдовьихъ и татарскихъ, подъ свѣдомомъ кождого державцы нашого“. Приведенныя слова документа совершенно отчетливо отмѣчаютъ три явленія: 1) Виленскій повѣтъ, какъ повѣтъ воеводства, вмѣщаетъ въ себѣ рядъ повѣтовъ державъ, 2) повѣты имѣютъ своихъ хоружихъ, т. е. они имѣютъ значеніе военнаго дѣленія земскаго войска Княжества и 3) серебщина, установленная сеймомъ, собирается съ имѣній землевладѣльцевъ, подлежащихъ несенію земской военной службы, не державцею, а хоружимъ, т. е. должностнымъ лицомъ, стоящимъ во главѣ той части населенія даннаго округа, которая позднѣе стала именоваться его шляхтою; державца лишь сохраняетъ надзоръ за сборомъ серебщины хоружимъ съ этой части земель, входящихъ въ повѣтъ-державу, самъ же онъ непосредственно собираетъ серебщину только съ господарскихъ людей державы. Такъ уже въ началѣ XVI столѣтія намѣ-

---

1) А. З. Р. II. № 76. Кіевскимъ воеводою былъ въ это время панъ Юрій Миколаевичъ Радивилъ.

2) А. З. Р. II. № 17.

3) Рѣчь идетъ о сборѣ серебщины, установленной Городенскимъ сеймомъ 1507 года. М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. М. 1900 (и въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Др. Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ). Стр. 179.

чается различіе повѣта державцы и повѣта шляхетскаго въ ихъ значеніи: они совпадаютъ въ своихъ границахъ округа намѣстничества-державы, но различаются по правамъ землевладѣльцевъ — земли господарскія, съ одной стороны, и земли княжескія, панскія, боярскія, дворянскія и татарскія, съ другой.

Итакъ слово „повѣтъ", какъ обозначеніе административно-судебнаго округа, было общимъ названіемъ, которое могло прилагаться и къ цѣлой землѣ или воеводству [1]), и къ тѣмъ староствамъ и державамъ, которыя лежали внутри этихъ земли или воеводства. „Повѣтовый державца" [2]) управляетъ и судитъ въ предѣлахъ своего повѣта, будетъ ли это воеводство, староство, или держава. Когда панъ Янъ Литаворъ Хребтовичъ былъ „державьцою Слонимскимъ", то господарскіе люди „Белавичане и Гощовъцы на оный часъ подъ его жъ поветомъ были", какъ говоритъ одинъ судный документъ 1511 года [3]). Административно-судебнымъ центромъ повѣта могъ быть крупный городъ, со своимъ замкомъ стоявшій во главѣ цѣлой земли или воеводства, но могъ быть и городъ помельче, а также простой господарскій дворъ. Рядомъ съ повѣтами Виленскимъ или Троцкимъ встрѣчаемъ повѣты Мартиновскаго двора [4]), Молодеченскій [5]) и т. д. Въ предѣлахъ своихъ повѣтовъ воеводы, старосты и державцы творятъ судъ и управу не только по отношенію къ городскимъ и сельскимъ подданнымъ госпо-

---

1) Полоцкій повѣтъ — А. Ю. и З. Р. I. № 42 (1507 г.), № 47 (1508 г.); Кіевскій повѣтъ — ibidem, № 72 (1522 г.) и т. д. Перечни Литовско-Русскихъ повѣтовъ времени до реформы 1565—1566 годовъ см. въ указателяхъ: 1) къ Актамъ Литовской Метрики Ѳ. И. Леонтовича (Т. I. Вып. II. Варшава 1897. Стр. XVIII), 2) къ Сборнику Матеріаловъ I. Малиновскаго (стр. CXLIV) и 3) къ XX-му тому Русской Исторической Библіотеки (стр. 226).

2) „.... якожъ онъ на онъ часъ то объявилъ пану Шимку Мацковичу, яко державцы поветовому" (панъ Шимко Мацковичъ — тивунъ Виленскій, державца Ушпольскій, Певянскій и Радунскій) А. Вил. XXIV. № 43. „Тыхъ поветовъ державцы". I. Малиновскій. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ рады Великаго Княжества Литовскаго. Томскъ 1901. Стр. 165.

3) Р. Ист. Б. XX. Ст. 696.

4) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 571, 592, 593.

5) Р. Ист. Б. XX. Ст. 904.

дарскимъ, но и по отношенію къ боярамъ-шляхтѣ[1]). Извѣстенъ характеръ этихъ суда и управы. Они были судомъ и управою господарскаго намѣстника, съ перевѣсомъ надъ публичнымъ началомъ начала личнаго, котораго ограниченіями были Уставныя земскія грамоты для отдѣльныхъ земель, Нѣмецкое право для нѣкоторыхъ „упривильеваныхъ“ городовъ, да возможность вмѣшательства господаря. Господарь освобождалъ отъ власти намѣстника или ее ограничивалъ своимъ привилеемъ. Онъ ограничивалъ эту власть и своимъ разборомъ дѣла по жалобѣ обиженныхъ намѣстникомъ или отъ него потерпѣвшихъ. Личное начало управленія несомнѣнно перевѣшиваетъ въ эту пору въ областной жизни его значеніе государственное. Самыя книги суда воеводы или старосты этого времени называются иногда именемъ пана, занимающаго старостинскій или воеводскій урядъ, а не обозначеніемъ этого уряда[2]). Жалобы на произволъ намѣстниковъ, на „новины“, которыя они нерѣдко вводятъ, также иллюстрируютъ это личное начало въ дѣятельности намѣстниковъ, но въ то же время иллюстрируютъ и отстаиваніе „старины“ въ областной жизни и въ областномъ управленіи[3]). Передъ нами тутъ выступаетъ вторая характерная черта дореформеннаго областного строя — „старина“, которая какъ руководящій принципъ признается оффиціально и великими князьями въ ихъ заявленіяхъ: „бо мы старины не рушаемъ, а новинъ не уводимъ“[4]). Но ниже увидимъ не разъ, какъ подъ покровомъ этого принципа въ областномъ строѣ раз-

---

1) М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута. М. 1892 (и въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. Университетѣ). Очеркъ III. Стр. 297—764.

2) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 51.

3) Ср. стр. 24—25 изслѣдованія М. В. Довнаръ-Запольскаго Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I, Кіевъ 1901 (и въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ) и стр. 13—36 его же изслѣдованія Очерки по организаціи Западно-Русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ, Кіевъ 1905.

4) Ср. систематическій сводъ уставныхъ земскихъ грамотъ на стр. 113 изслѣдованія М. Ясинскаго Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, Кіевъ 1889 (и въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ).

вивались новыя явленія, которыя этотъ строй постепенно измѣняли, пока наконецъ не выразились ясно и опредѣленно въ конституціи статута 1566 года.

Рядомъ со значеніемъ единицы административно-судебнаго дѣленія дореформенный повѣтъ имѣлъ и значеніе единицы дѣленія военнаго. Повѣтъ былъ хоружествомъ; повѣты были частями земскаго войска, въ которыя формируются господарскіе бояре и земяне для отбыванія земской военной службы. Въ датированныхъ октябремъ 1509 года посольскихъ рѣчахъ отъ рады Великаго Княжества Литовскаго къ великому князю Сигизмунду I читаемъ: „а мы, милостивый господарю, подле росказанья вашое милости, пріехали здесе до Лиды. Сами з нашими слугами лежимъ, а при насъ поветовъ велми мало“ [1]). Въ „отказѣ“ того же великаго князя посольству рады Княжества, относящемуся ко второй половинѣ 20-хъ годовъ XVI столѣтія, стоитъ: „тежъ его милость первей сего по всимъ поветамъ до въсихъ подданыхъ Великого Князьства Литовского писалъ, приказуючи, абы были вси на службу его милости поготове конъне а збройне“ [2]). Наканунѣ утвержденія I-го статута военныя нужды Великаго Княжества Литовскаго требовали особаго къ себѣ вниманія. Государству грозили серьезныя опасности отъ Москвы, Татаръ и Турокъ [3]). 1 мая 1528 года на Виленскомъ сеймѣ были на 10 лѣтъ установлены размѣры земской военной службы съ имѣній [4]). 21 января 1529 года на томъ же исключительномъ по своей продолжительности Виленскомъ сеймѣ Сигизмундъ I „зо всими паны радами его милости, такъ духовными, яко и свѣтскими, рачилъ установити и замкнути раду свою господарскую къ оборонѣ посполитого доброго рѣчи земской“ и дополнилъ предшествующее постановленіе, введя рядъ новыхъ постановленій для военной земской службы, а также опредѣливъ размѣры денежныхъ сборовъ на военныя нужды [5]). Къ этому времени подоспѣло и окончаніе переписи всего

---

1) Сборникъ Матеріаловъ I. Малиновскаго. Стр. 140.
2) Сборникъ Матеріаловъ I. Малиновскаго. Стр. 183.
3) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 247.
4) А. З. Р. II. № 152.
5) А. З. Р. II. № 161.

служащаго военную земскую службу населенія Княжества — извѣстный „пописъ“ 1528 года, получившій оффиціальное значеніе „ухвалы“ сейма[1]).

Посмотримъ, какъ эта „ухвала“ (о размѣрахъ военной службы обывателей Княжества съ ихъ земскихъ имѣній) употребляетъ слово „повѣтъ“. „Ухвала“ 1528 года знаетъ два большихъ повѣта: Виленскій и Троцкій[2]). Части зем-

---

1) „Ухвала на великомъ сойме Виленскомъ, въ року 1528 мѣсяца мая 1 дня учиненая, з стороны обороны земское, колько хто съ пановъ радъ, врядниковъ и всихъ обывателей Великого Князства Литовского з ыменей своихъ ку служьбе военъной коней ставити маеть“. Литовская Метрика, Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ книга 1. Части этой „ухвалы“ изданы Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ въ XIII-мъ („пописъ земли Волынское“ — стр. 19—21) и XXIV-мъ (значительная часть „ухвалы“ — стр. 32—69) томахъ издаваемыхъ ею Актовъ, а также въ Архивѣ Сангушковъ (Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, tom III. № CCCXL — общій перечень повѣтовъ Троцкаго воеводства, земяне Берестейскіе, Подляшскіе и „пописъ земли Волынское“). „Реестръ бояръ Пинскихъ пописа 1528“ напечатанъ въ Пинскихъ Актахъ, приложенныхъ къ труду А. С. Грушевскаго Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI в. — № XXXVI (Кіевскія Унив. Извѣстія 1903 г. и въ отдѣльномъ оттискѣ этого труда стр. 45—47). Изданіе части „ухвалы“ въ Żródła Dziejowe, къ сожалѣнію, сдѣлано не по русскому оригиналу, что значительно уменьшаетъ научную цѣнность этого изданія. Неудобство передачи русскаго текста оригинала Лит. Метрики въ польско-латинской транскрипціи отмѣчено И. Т. Барановскимъ (Ignacy Tadeusz Baranowski — рецензія первой части XVII-го тома Żródła Dziejowe. Kwartalnik Historyczny, 1909, zeszyt 3, str. 423). Въ настоящее время 1-я книга Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ издается Императорской Археографической Коммиссіею вмѣстѣ съ „пописами“ 1565 и 1567 годовъ. За любезное предоставленіе возможности воспользоваться уже напечатанными первыми 24-мя листами этого изданія приносимъ благодарность г. правителю дѣлъ Коммиссіи В. Г. Дружинину. Для удобства провѣрки нашихъ ссылокъ на „ухвалу“ 1528 года, въ виду невыхода еще въ свѣтъ ея изданія, даемъ указанія и на листы рукописи, и на столбцы изданія.

2) Названіе Виленскаго повѣта „ухвала“ даетъ совершенно ясно передъ началомъ перечня частей земскаго войска этого повѣта — „то поветъ Виленскій“ (л. 11 об., ст. 21 изданія). Названіе Троцкаго повѣта передъ началомъ перечня частей его земскаго войска дано такъ: „реистръ бояръ Ковенского повѣту Троцкого“ (л. 68, ст. 63 изданія). Но совершенно опредѣленно дано это названіе при подведеніи итога по этому повѣту: „сума великая всихъ реистровъ Троцкого повету . . . . .“ (л. 108, ст. 109 изданія).

скаго войска Виленскаго повѣта, выдѣляемыя „ухвалою", слѣдующія: дворъ Ошмена, дворъ Мѣдники, дворъ Менскій, дворъ Айна, дворъ Лидскій, замокъ Новгородскій, дворъ Марково, хоружество Кревское и Свирское, бояре Рудоминскіе, бояре Мемижскіе, бояре Керновскіе, бояре Мойшагольскіе, бояре Вилькомирскіе, бояре Пенянскіе, князья и бояре Гедройтскіе, бояре Судеревскіе, бояре Неменчинскіе, бояре Оникштенскіе и владѣющіе имѣніями въ Браславлѣ бояре Смоленскіе [1]). Слово „повѣтъ" приложено „ухвалою" къ тремъ изъ этихъ частей земскаго войска Виленскаго повѣта; она называетъ повѣты Керновскій, Мойшагольскій и Вилькомирскій [2]). Въ составѣ Троцкаго повѣта „ухвала" выдѣляетъ слѣдующія части земскаго войска: повѣтъ Ковенскій [3]), бояре Жижморскіе, бояре Сомилишскіе, бояре Лепуньскіе, бояре Высокодворскіе, бояре Ейшишскіе, бояре Радуньскіе, бояре Перелайскіе, бояре Коневскіе, бояре Дорсунишскіе, бояре Бирштанскіе, бояре Мерецкіе, бояре Василишскіе, бояре Острыньскіе, бояре Жолудскіе, бояре Городенскіе, бояре Волковыйскіе, бояре Слонимскіе, бояре Каменецкіе, земяне Берестейскіе, не имѣющіе людей земяне Подляшскіе, бояре Упитскіе, бояре Троцкіе и бояре Курк-

---

1) Къ реестру бояръ Керновскихъ текстъ „ухвалы" присоединяетъ путныхъ слугъ села Жолдунскаго, къ реестру бояръ Вилькомирскихъ — бояръ Товянцевъ, къ реестру бояръ Пенянскихъ — бояръ Бетиголцевъ и бояръ Шейвянцевъ. Весь повѣтъ Виленскій переписанъ на л. л. 11 об. — 67 об. (ст. 21—62 изданія).

2) „Того жъ повѣту Керновского слуги господарьскіи путныи, кождый именемъ написавъ" (л. 50 об., ст. 48 изданія), „бояре повету Мойшокголского жъ, которіи людей не маютъ, сами маютъ ку службе ехати" (л. 52 об., ст. 49 изданія), „то реестръ повѣту Вилькомирского" (л. 53 об., ст. 50 изданія). Виленскій „повѣтъ" упоминается дважды: 1) въ общемъ заголовкѣ (см. выше въ примѣчаніи 2 на стр. 8 и 2) при подведеніи общаго итога — „сума всего повету Виленьского 2000 осмъ сотъ 95 коней" (л. 67 об., ст. 62 изданія).

3) Заголовокъ, стоящій въ I-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовской Метрики („реестръ бояръ Ковенского повѣту Троцкого") можетъ давать поводъ къ сомнѣнію въ томъ, что имѣемъ въ немъ названіе Ковенскаго „повѣта". Но, что это такъ, видно изъ слѣдующаго: 1) сама эта книга Троцкихъ бояръ переписываетъ много ниже (л. л. 106 -107, ст. 106—108 изданія) и 2) въ выписи, выданной 5 марта 1641 года изъ Литовской канцеляріи, этотъ заголовокъ переданъ болѣе ясно — „реестръ повету Ковенъского, бояръ Троцъкого перъвый реестръ" (А. Вил. XXIV, стр 48).

левскіе[1]). Въ реестрѣ земскаго войска Троцкаго повѣта слово „повѣтъ“ при переписи частей его встрѣчается три раза. Уже отмѣчено выше указаніе этимъ реестромъ Ковенскаго повѣта, какъ части повѣта Троцкаго. Въ реестрѣ Бирштанскихъ бояръ передъ началомъ переписи бояръ, не имѣющихъ людей, находится слѣдующій заголовокъ: „а то бояре, которыи людей не мають, Биръштанского жъ повету“[2]). Наконецъ въ реестрѣ Мерецкихъ бояръ встрѣчаемъ такой заголовокъ: „реистръ бояръ Мерецкихъ; по тому жъ вся шляхта писана, яко в ынших повѣтехъ“[3]). Окончивъ перепись земскаго войска Троцкаго повѣта, „ухвала“ 1528 года переписываетъ господарскихъ татаръ, служащихъ военную службу со своихъ имѣній[4]), и затѣмъ переходитъ къ переписи земскаго войска Подляшья, которая состоитъ изъ трехъ частей: 1) „реестръ земянъ Мельницъкихъ“, 2) „реистръ земъли Дорогицкое“ и 3) „земля Бельская“[5]). Послѣдняя часть переписи войска Подляшья, т. е. „земля Бельская“, подраздѣляется на парафіи (Бѣльская, Лубинская, Вышковская, Топичевская, Саражская, Кулешская, Соколовская, Кобылинская, Плонская, Яблонская, Дубровская, Вышенская, Домановская, Бронская и Долобовская). Парафіи состоятъ въ „ухвалѣ“ изъ селъ земянъ. При этомъ въ парафіи Плонской обозначены бояре Бѣльскіе Гриневичи (безъ указанія селъ, въ которыхъ они живутъ)[6]) и бояре Бѣльскіе Роговскіе (два села — Рогово и Оплотъ Волчки)[7]). За реестромъ Подляшья „ухвала“ 1528 года даетъ „пописъ земли Волыньское“, за которымъ слѣдуютъ „реистръ бояръ Пинъскихъ“, „реистръ бояръ Клецкихъ“, „реистръ бояръ Городецкихъ“, „реистръ бояръ Рогачовъскихъ“, „реистръ бояръ Кобрынскихъ“[8]). Затѣмъ слѣдуютъ „реистръ земли

---

1) Весь Троцкій повѣтъ переписанъ на л. л. 68—108 (ст. 63—109 изданія).

2) Л. 87 об. (ст. 84 изданія).

3) Л. 88 (ст. 85 изданія).

4) Л. л. 108 об. — 117 (ст. 109—120 изданія).

5) Все Подляшье переписано на л. л. 117 — 193 (ст. 120—182 изданія).

6) Л. л. 173 и об. (ст. 167—168 изданія).

7) Л. л. 175 об. и 176 (ст. 169 изданія).

8) „Пописъ земли Волыньское“ — л. л. 193 об. — 201 об. (ст. 183—188 изданія), „реистръ бояръ Пинъскихъ“ — л. л. 202—205 (ст. 188 189 изданія), „реистръ бояръ Клецкихъ“ (а вмѣстѣ съ ними и Клецкихъ та-

Полоцкое", „реистръ земли Витебъское", „бояре замъку Мъстиславъского" и, наконецъ, „пописъ шляхты земли Жомоитъское и ихъ людей", которымъ заканчивается текстъ „ухвалы" въ первой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ Литовской Метрики. „Пописъ" шляхты Жомоитской дѣлитъ ее на части по господарскимъ дворамъ и волостямъ Жомойти: дворы — Вилькея, Велена и Ясвойни, волости — Ойрягола, Росейни, Видукли, Коршогво, Поюре, Шовды, Ретово, Гондинга, Вешвяне, Телшы, Биржаняны, Дирвяны [1]), Медингоны, Жоряны, Потумшы, Корkляне, Ужвента, Біржаны, Крожы, Келменская, Тондягола, Видукльская.

Присматриваясь къ употребленію слова „повѣтъ" текстомъ „ухвалы" 1528 года, сразу легко сдѣлаемъ два вывода: 1) это слово употребляется лишь въ тѣхъ частяхъ „ухвалы", которыя заключаютъ въ себѣ перепись земскаго войска Виленскаго и Троцкаго воеводствъ [2]), и 2) это слово употребляется и для обозначенія каждаго изъ этихъ двухъ воеводскихъ округовъ въ ихъ значеніи военнаго дѣленія Литовско-Русскаго государства, и для обозначенія ихъ подраздѣленій. Первый изъ сдѣланныхъ выводовъ находитъ свое объясненіе въ техникѣ составленія текста „ухвалы" 1528 года. Этотъ текстъ составился изъ ряда отдѣльныхъ реестровъ, составленныхъ въ отдѣльныхъ частяхъ государства различными лицами и затѣмъ присоединенныхъ одинъ къ другому. Эта перепись земскаго войска Литовско-Русскаго государства, которою, по выраженію Западно-Русской лѣтописи, „всю землю Литовскую пописали" [3]), представляетъ собою рядъ переписей отдѣльныхъ частей государства, веденныхъ одновременно въ 1528 году и слитыхъ

таръ) — л. л. 205—206 (ст. 189—190 изданія), „реистръ бояръ Городецкихъ" — л. л. 206—207 (ст. 190—191 изданія), „реистръ бояръ Рогачовъскихъ" (вмѣстѣ съ ними и путныхъ слугъ) — л. 207 об. (ст. 191 изданія), „реистръ бояръ Кобрынскихъ" (вмѣстѣ съ ними бояре Грушовскіе и Черевачицкіе, бывшіе за князьями Сангушковичами) — л. л. 208—210 (ст. 191—192 изданія).

1) Эта волость раздѣляется на два тивунства.

2) Новгородское воеводство входило въ военный округъ Виленскаго воеводы. М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе. Стр. 126.

3) П. С. Р. Л. XVII, ст. 405.

затѣмъ въ одинъ текстъ „ухвалы“ [1]) .Такъ, въ Жомоитскую землю для переписи были посланы въ 1528 году господарскій секретарь, державца Скерстомонскій, панъ Станиславъ Якубовичъ Скопъ вмѣстѣ съ господарскимъ дворяниномъ, паномъ Яномъ Орвидовичемъ. Но эти лица получаютъ списки бояръ-шляхты уже готовыми изъ рукъ Жомоитскаго старосты. Послѣдній распоряжается, чтобы всѣ тивуны Жомойти, каждый въ своемъ тивунствѣ, вмѣстѣ съ присоединенными къ каждому изъ нихъ двумя земянами и дьякомъ отъ старосты Жомоитскаго, „пописали“ бы всѣхъ господарскихъ бояръ-шляхту съ имѣніями и людьми. Каждый земянинъ и мѣщанинъ, „пописавшы имѣнья свои и люди, и сохи ихъ“, присягаютъ передъ производящими перепись коммиссіями (тивунъ, два земянина и дьякъ старосты) въ томъ, что „вѣрне а справедливе все пописали, а ничого не втаили“. Что касается до духовныхъ лицъ, то „плебани“ освобождаются отъ присяги при этомъ пописѣ, давая свѣдѣнія безъ присяги „подъ духовеньствомъ своимъ“. Когда эти коммиссіи перепишутъ господарскую шляхту „и ихъ имѣнья и люди, и тежъ люди плебаньскіе и мѣщаньскіе, и сохи, и кони, и маемость кождого чоловѣка“, тогда онѣ представляютъ свои реестры Жомоитскому старостѣ и приносятъ передъ нимъ присягу въ томъ, что „справедливе“ господарскую шляхту „и ихъ имѣнья и люди и тежъ люди плебаньскіи и мѣщаньскіи, фольварки и сохи, и кони пописали, а ничого не втаили“. Скопъ и Орвидовичъ должны сами „пописати“ въ тивунствахъ земли Жомоитской лишь „бояръ посѣдныхъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ, и всихъ людей“ господарскихъ съ ихъ „маемостью“, земли пустыя, земли, розданныя великими князьями Александромъ и Сигизмундомъ, ими же розданныхъ людей, а также сколько людей тивуны на господаря „прысадили“ и сколько ихъ „убыло“ послѣ пописа господарскихъ писарей [2]). Можно думать, что въ 1528 году подобныя же распоряженія были посланы и въ другія земли и воеводства Литовско-Русскаго

---

1) Ср. замѣчаніе С. А. Бершадскаго на стр. 25 Отчета о второмъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова (М. 1894).

2) М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе. Приложенія. № 44.

государства [1]). Съ другой стороны, трудно предполагать, что рядомъ съ такою общею переписью населенія, когда дѣйствительно „всю землю Литовскую пописали“, была предпринята еще другая перепись исключительно для землевладѣльцевъ, служившихъ земскую военную службу. Надо думать, что изъ этой общей переписи, составлявшейся по типу такъ называемыхъ „ревизій“, т. е. подробныхъ описаній [2]), были лишь выбраны простые списки лицъ, обязанныхъ служить земскую службу съ указаніемъ размѣровъ этой службы. Составленный такимъ образомъ общій реестръ былъ представленъ Виленскому сейму и имъ санкціонированъ, т. е. получилъ значеніе „ухвалы“, сеймоваго постановленія.

Если принять сейчасъ изложенный способъ составленія „ухвалы“ 1528 года, то, конечно, отдѣльные реестры частей государства должны отражать въ себѣ и мѣстныя особенности, притомъ не только по отношенію къ явленіямъ жизни, но и по отношенію къ терминологіи, державшейся въ данное время въ различныхъ частяхъ Литовско-Русскаго государства, такъ какъ передъ нами работа мѣстныхъ дѣятелей, безъ переработки ея вновь въ центрѣ государства, такой переработки, которая могла бы ввести и общую терминологію въ отдѣльные реестры, составившіе текстъ „ухвалы“ 1528 года. Если всѣ представленныя соображенія могутъ быть приняты, то по отношенію къ употребленію слова „повѣтъ“ этою „ухвалою“ можетъ быть сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: слово „повѣтъ“ къ 1528 году привилось въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго воеводскихъ военныхъ округовъ, но не вошло еще вполнѣ въ число словъ, употреблявшихся обывателями остальныхъ частей государства. Иначе говоря, слово „повѣтъ“ можетъ, на основаніи его употребленія текстомъ „ухвалы“ 1528 года, считаться употребительнымъ въ эту эпоху главнымъ образомъ въ государственномъ ядрѣ территоріи Литовско-Русской, территоріи старыхъ удѣловъ Ольгерда и Кейстута эпохи политическаго дуализма Княже-

---

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 248.

2) См., нпр., Полоцкую Ревизію 1552 года. Полоцкая ревизія 1552 года. Къ изданію приготовилъ И. И. Лаппо. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р. при Моск. Ун. 1905, II и отдѣльно М. 1905.

ства XIV столѣтія, гдѣ Вильна и Троки сначала дѣлили между собою значеніе общегосударственныхъ центровъ [1]), но затѣмъ одно „столечное мѣсто“ Вильна взяло на себя всю роль государственнаго центра Великаго Княжества Литовскаго.

Для органовъ центральнаго управленія слово „повѣтъ“ въ значеніи округа, въ предѣлахъ котораго дѣйствуетъ опредѣленная власть, должно было представлять несомнѣнное удобство. При различіи названій носителей этой власти — воеводы, намѣстники, старосты, державцы и т. д. — подыскать слово, обозначающее административный округъ безъ различія его предѣловъ, въ значеніи просто подчиненности его опредѣленной власти, представлялось желательнымъ, и слово „повѣтъ“, какъ не выработанное предшествующимъ уже временемъ, которое могло бы его пріурочить лишь къ одному опредѣленному виду правительственныхъ округовъ, должно было представлять собою удобство въ практикѣ центральной власти, свободное отъ болѣе частныхъ чертъ. Отсюда и возможность названія повѣтомъ и цѣлаго воеводства, и округовъ господарскихъ дворовъ, входившихъ въ его составъ, т. е. обозначеніе однимъ и тѣмъ же словомъ и цѣлаго, и его частей. Выше приведены слова „ухвалы“: „реистръ бояръ Мерецкихъ; по тому жъ вся шляхта писана, яко в ыншыхъ поветехъ“. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подъ „иншими“ повѣтами тутъ понимаются тѣ округи Троцкаго повѣта-воеводства, именами которыхъ названы части земскаго войска, составляющія войско этого повѣта-воеводства. И въ самомъ дѣлѣ акты первыхъ десятилѣтій XVI столѣтія называютъ всѣ эти округи повѣтами [2]).

---

1) Такъ, главный скарбъ находился долго не въ Вильнѣ, а въ Трокахъ. М. В. Довнаръ-Запольскій. Литовскія упоминки Татарскимъ ордамъ. Симферополь 1898. Стр. 4.

2) Повѣты Берестейскій, Василишскій, Волковыйскій, Городенскій, Ейшишскій, Жижморскій, Каменецкій, Ковенскій, Радунскій, Слонимскій, Сомилишскій и Троцкій см. по указателямъ къ Актамъ Литовской Метрики Ѳ. И. Леонтовича (Томъ первый, выпускъ второй, стр. XVIII) и къ XX-му тому Русской Исторической Библіотеки (стр. 226). Повѣты Бирштанскій, Дорсунишскій, Жолудскій, Лепунскій, Меречскій, Остринскій — въ указателѣ къ первому изъ этихъ изданій. Упитскій повѣтъ — Русск. Ист. Библ.

Таковы наблюденія, которыя могутъ быть сдѣланы надъ употребленіемъ „ухвалою“ 1528 года слова „повѣтъ“ въ значеніи подраздѣленія Виленскаго и Троцкаго воеводствъ-повѣтовъ. Но части земскаго войска этихъ воеводствъ, становящіяся въ военныхъ сборахъ около своихъ воеводъ, должны имѣть своихъ хоружихъ, стоящихъ во главѣ ихъ съ хоругвями повѣтовъ. „Ухвала“ 1528 года называетъ ихъ не во всѣхъ частяхъ, на которыя распадается земское войско Виленскаго и Троцкаго воеводствъ-повѣтовъ. Въ Виленскомъ воеводствѣ названы только хоружіе Ошменскій, Медницкій, Новгородскій, Рудоминскій, Мемижскій, Мойшагольскій, Пенянскій [1]). Въ воеводствѣ Троцкомъ названы хоружіе Ковенскій, Сомилишскій, Лепуньскій, Высокодворскій, Ейшишскій, Бирштанскій, Мречскій, Василишскій, Остринскій, Троцкій и Курклевскій [2]). Но трудно видѣть въ отсутствіи упоминанія „ухвалою“ хоружихъ въ другихъ частяхъ земскаго войска Виленскаго и Троцкаго воеводствъ основаніе для того, чтобы отрицать въ нихъ существованіе уряда хоружія: въ реестрѣ хоружества Кревскаго и Свирскаго „ухвалою“ не названъ хоружій, а между тѣмъ самое названіе этой части земскаго войска Виленскаго воеводства

XXVII, ст. 710. Въ выписи части „уфалы“ 1528 года, выданной изъ Литовской Метрики въ 1619 году, стоитъ — „повѣтъ Троцкій, который въ собе маетъ поветы: напродъ Ковенскій, Жнжморскій, Сомилижскій, Лейпунскій, Высокодворскій и Ейшишскій, Радунскій, Перелайскій, Коневскій, Дорсунишскій, Берштанскій, Мерецкій, Василишскій, Острынскій, Жолудскій, Городенскій, Волковыйскій, Слонимскій, Каменецкій, Берестейскій, Упитскій, Троцкій, Курклевскій“. (Archiwum Sanguszków. Tom III. № CCCXL).

1) Ошменскій хоружій Миколай Якубовичъ (л. 11 об., ст. 21), Медницкій — Станиславъ Стецковичъ (л. 19 об., ст. 27), Новгородскій — Михно (л. 29 об., ст. 34), Рудоминскій — Томасъ Якубовичъ (л. 37, ст. 39), Мемижскій — Юри Войдатовичъ (л. 43, ст. 43), Мойшагольскій — Якубъ Товтвгиновичъ (л. 51 об., ст. 49), Пенянскій — Матей Стецковичъ (л. 61, ст. 56).

2) Ковенскій хоружій „Война хоружій Лабуньскій (л. 69, ст. 64), Сомилишскій — Миколай Ивашковичъ (л. 75, ст. 70), Лепуньскій — Янъ Гестовтовичъ (л. 77, ст. 73), Высокодворскій — Миколай Ѳедевичъ (л. 78, ст. 73), Ейшишскій — Станько (л. 81, ст. 77), Бирштанскій — Станиславъ Мацковичъ (л. 87, ст. 84), Мречскій — „хоружій Мерецкій самъ“ (л. 88, ст. 85), Василишскій — Янъ Богданъ Довгирдовичъ (л. 89, ст. 86), Остринскій — Миклашъ (л. 90 об., ст. 88), Троцкій — Андрушко Богдановичъ (л. 106 об., ст. 107), Курклевскій — Матей Бернатовичъ (л. 107 об., ст. 108).

говоритъ о наличности въ ней уряда хоружія[1]). Однако, съ другой стороны, возможно и предположеніе о соединеніи нѣсколькихъ частей земскаго войска воеводства подъ одною и тою же хоругвью — такому предположенію текстъ „ухвалы“ не противорѣчитъ.

Подведемъ итогъ извлеченному изъ текста „ухвалы“ 1528 года для изученія Литовско-Русскаго повѣта. Повѣтами она называетъ и воеводства Виленское и Троцкое, и ихъ части, т. е. округи господарскихъ дворовъ и замковъ. Хоружіе обозначены ею не во всѣхъ повѣтахъ. Не указаны ею и хоружіе цѣлыхъ воеводствъ, которые бы держали общія хоругви для всѣхъ частей воеводствъ-повѣтовъ, становясь рядомъ съ воеводою и объединяя около своихъ хоругвей всѣ части земскаго войска, образуемыя повѣтами-частями каждаго изъ двухъ воеводствъ-повѣтовъ. Не указываетъ „ухвала“ хоружихъ и въ рядѣ повѣтовъ, составляющихъ воеводства. Нельзя не признать, что текстъ „ухвалы“ 1528 года не даетъ вполнѣ точнаго и опредѣленнаго, ограничивающаго слишкомъ широкую возможность пониманія, значенія для слова „повѣтъ“, и, конечно, въ этомъ вина не редакціи его, а вина жизни, не успѣвшей еще выработать точнаго и опредѣленнаго содержанія для понятія „повѣта“.

Ту же неопредѣленность найдемъ и въ статутѣ 1529 года, въ тѣхъ его артикулахъ, въ которыхъ ему приходится употреблять слово „повѣтъ“. Воеводы, каштеляны, канцлеръ, маршалки, старосты, державцы и всѣ уряды господарскіе имѣютъ, по этому кодексу, свои повѣты, въ которыхъ они вѣдаютъ судъ и управленіе[2]). Такимъ образомъ повѣты свои имѣютъ не только носители власти въ областяхъ, притомъ какъ въ цѣлыхъ воеводствахъ, такъ и въ подраздѣленіяхъ по-

1) „Реистръ хоружства Кревского и Свирского“ л. л. 35 об. — 36 об. (ст. 38—39 изданія).

2) „Тежъ уставуемъ: ачъ колве права писаные дали есмо земли, Великому Князству Литовскому, а вшакже старыхъ врадовъ, воеводства Виленского и воеводства Троцкого и иншыхъ воеводъ, кашталяновъ и канцлерства, маршалства земского и маршалства дворного и старостъ, и вси врады наши ничимъ не вменшаемъ — маеть ся кождый съ нихъ у своемъ повете справовати и судити и радити, и децкихъ своихъ всылати, и врадовъ своихъ уживати подле давного обычая, одно судити маютъ съ тымъ писанымъ правомъ“. I ст., III, 4. Ср. I ст., I, 15 и I. ст., VI, 1 и 3.

слѣднихъ, староствахъ и державахъ, но и представители центральнаго управленія, канцлеръ и маршалки. Рядомъ съ этимъ значеніемъ округовъ компетенціи того или другого уряда въ статутѣ 1529 года ясно обрисовывается и значеніе повѣтовъ, какъ единицъ военнаго дѣленія, т. е. какъ частей земскаго войска. Статутъ требуетъ, чтобы всѣ подданные господаря, обязанные служить военную службу, „не инде бы ся шиховали[1]) ани ся инде становили персонами своими, толко подъ хоруговю своею поветовою, въ которомъ повете суть осели". Исключеніями могутъ быть лишь случаи съ „особного росказанья гетманского". Служащіе раднымъ панамъ, господарскимъ урядникамъ, или вообще кому-либо, въ случаѣ сбора земскаго войска, должны замѣстить себя „подле пана своего" другимъ лицомъ, не обязаннымъ земскою военною службой, а сами „местца своего хоруговного, яко повиннейшого, жадною мерою опустити и омешкати" не смѣютъ, подъ угрозою утраты своего имѣнія. Кто владѣетъ имѣніями въ разныхъ повѣтахъ одновременно, „тотъ маеть въ повете своемъ томъ со всимъ своимъ почтомъ з ыменей купленныхъ и выслужоныхъ и отчизныхъ и з женнего именья стати, въ которомъ повете будетъ его имене отчизное головное"[2]). Такимъ образомъ статутъ 1529 года закрѣпляетъ то двоякое значеніе повѣта, которое, какъ мы видѣли уже выше, устанавливалось ко времени его утвержденія. Но и въ этомъ кодексѣ слово „повѣтъ" остается обозначеніемъ въ одно и то же время и цѣлаго, и его части. Повѣтами продолжаютъ называться и округи воеводъ, и округи державцевъ, лежащіе внутри границъ воеводскихъ повѣтовъ. „А внакже который бы з державецъ нашихъ таковою речью былъ обвиненъ, таковый кождый маеть припозванъ быти передъ воеводу повету своего и будетъ повиненъ судъ свой оказовати" — гласитъ одинъ изъ артикуловъ статута[3]). Державцы, имѣя свои повѣты, въ то же время имѣютъ и своего повѣтоваго воеводу, котораго повѣтъ

1) О значеніи слова „шихъ" см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586), томъ первый (СПБ. 1901), стр. 544.

2) I ст., II, 2.

3) I ст., VI, 1.

вбираетъ въ себя повѣты всѣхъ державцевъ его воеводства. Нѣкоторая неопредѣленность значенія слова „повѣтъ“, какъ термина, на лицо въ статутѣ 1529 года. Кромѣ того, въ рядахъ населенія, служащаго со своихъ имѣній, осѣлостей въ повѣтѣ, земскую военную службу, статутъ различаетъ двѣ группы: 1) „шляхту, которые суть у поветехъ“ и 2) „пановъ, которые не судятся у поветехъ“ [1]). Такимъ образомъ повѣтъ еще не объединяетъ подсудностью повѣтовому суду всѣхъ, служащихъ со своихъ осѣлостей военную земскую службу въ его предѣлахъ.

Итакъ статутъ 1529 года и правительственные акты его времени еще не выработали вполнѣ опредѣленнаго значенія для слова „повѣтъ“, не успѣли еще создать изъ него термина, подъ которымъ понималось бы значеніе только одного опредѣленнаго вида областного дѣленія Литовско-Русскаго государства. Акты послѣдующихъ годовъ сохраняютъ ту же сбивчивость въ пониманіи этого слова, но чѣмъ ближе приближаемся ко времени утвержденія статута 1566 года, тѣмъ яснѣе начинаетъ выступать одна черта при примѣненіи слова „повѣтъ“. Эта черта — значеніе повѣта какъ округа, который составляетъ боярство-шляхта. Двѣ задачи особенно настойчиво встали въ эту эпоху для областной организаціи съ точки зрѣнія устройства шляхетскаго класса: 1) организація суда въ повѣтѣ и 2) организація земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго въ его частяхъ, которыя составлялись боярствомъ-шляхтою областей. Первая изъ этихъ задачъ сильно интересовала саму шляхту. Судъ державцы повѣта затрагивалъ шляхетскіе интересы неизмѣримо больше, чѣмъ его администрація, мало въ общемъ чувствуемая шляхтою въ ея „власныхъ маетностяхъ“ и „господарствахъ“. Заботы о лучшемъ устройствѣ мѣстнаго суда съ большимъ постоянствомъ обнаруживаетъ шляхта эпохи между I-мъ и II-мъ статутами. Уже статутъ 1529 года отъ имени господаря постановляетъ: „кожды воевода и старосты и державцы наши маютъ обрати дву земяновъ въ повете своемъ и ку присязе ихъ привести, которые маютъ судити посполе з урядники“ [2]). За этимъ общимъ

1) I ст., VI, 4.
2) I ст., VI, 3.

постановленіемъ слѣдуетъ его развитіе: „засе тежъ уставуемъ, нжъ воеводы и старосты и державцы наши маютъ кожды у своемъ повете обрати двохъ земяниновъ, людей добрыхъ а годныхъ веры, и ку присязе привести". Во время отсутствія или недосуга воеводы, старосты, державцы, эти два земянина вмѣстѣ съ намѣстниками и маршалками сейчасъ названныхъ областныхъ правителей будутъ разбирать дѣла, руководствуясь статутомъ, а присяжные писари воеводъ, старостъ или державцевъ „маютъ также при нихъ быти и то все пописовати и къ тому винъ" господарскихъ и пановъ своихъ, а также и „иныхъ доходовъ" послѣднихъ „смотрети". Безъ „пановъ земянъ присяжныхъ" намѣстники и маршалки воеводъ, старостъ и державцевъ судить не должны — по крайней мѣрѣ „одинъ съ тыхъ земяпинъ" долженъ быть при нихъ „вставичне". Этимъ признается участіе въ повѣтовомъ судѣ двухъ представителей шляхетскаго населенія повѣта, хотя и избираемыхъ еще не самою шляхтою, а повѣтовымъ намѣстникомъ-державцею.

Порядокъ, установленный статутомъ 1529 года, однако, не удовлетворилъ шляхту, да фактически онъ и не осуществился, по крайней мѣрѣ во всѣхъ повѣтахъ [1]). На Берестейскомъ сеймѣ 1544 года станы сейма представили господарю просьбу объ исправленіи статута и напечатаніи его въ исправленномъ видѣ, что было, очевидно, необходимо для исполненія требованія его о томъ, чтобы урядники, отправлявшіе судъ, руководились имъ въ своей дѣятельности. Отвѣтомъ господаря на эту просьбу было изъявленіе его желанія, чтобы была составлена избранная станами коммиссія для исправленія статута [2]). Но просьбы становъ, касающіяся суда, на сеймѣ 1544 года этимъ не исчерпывались. Станы просили, чтобы воеводы, старосты и державцы судили шляхту не одни, а съ повѣтовыми судьями и писаремъ, которыхъ она будетъ избирать и которые принесутъ передъ нею присягу. Этому суду должны подлежать также всѣ князья, паны и духовенство, а отъ него аппелляція возможна къ господарю или къ панамъ-радѣ на сеймъ. Сигизмундъ Августъ не согласился, однако, исполнить эту

1) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 295—298.

2) Zbior Praw Litewskich. Str. 406—407.

просьбу и оставилъ устройство суда въ повѣтахъ по старому [1]. На томъ же Берестейскомъ соймѣ 1544 года были представлены господарю и другія просьбы, имѣвшія въ виду преобразованіе повѣтоваго суда. Въ числѣ ихъ отмѣтимъ просьбы объ учрежденіи при каждомъ господарскомъ дворѣ присяжныхъ вижей, которые одни должны быть признаны имѣющими компетенцію оффиціальнаго удостовѣренія [2], объ установленіи обязательства для воеводъ, старостъ и державцевъ судить шляхту лишь въ ея повѣтахъ, а не въ другихъ ихъ державахъ [3], и о томъ, чтобы книги повѣтовыхъ судовъ не вывозились изъ повѣтовъ воеводами, старостами и державцами, а оставались бы всегда въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ [4]. Во всѣхъ этихъ просьбахъ ясно сказывается такая тенденція: сдѣлать повѣтъ опредѣленною единицею въ значеніи шляхетскаго судебнаго округа, ввести выборное начало въ замѣщеніе урядовъ, имѣющихъ къ повѣтовому суду отношеніе, и ограничить судебное значеніе господарскихъ намѣстниковъ въ повѣтахъ, т. е. воеводъ, старостъ и державцевъ.

На Виленскомъ соймѣ 1547 года княжата, панята и

---

1) Вотъ отвѣтъ Сигизмунда Августа: „его милость тую речъ, коло справъ и судовъ въ поветехъ, рачилъ зоставити и подле першого постановеня и статуту земского, а теперъ не видело ся его милости иначей тое справы вчиненое установляти". Ibidem, str. 411 (Дзялыньскій передаетъ текстъ латинскими буквами).

2) Ibidem, str. 410—411. Вопросъ объ учрежденіи повѣтовыхъ вижей былъ переданъ Сигизмундомъ Августомъ на разсмотрѣніе коммиссіи по исправленію статута.

3) На эту просьбу отвѣтъ былъ данъ такой: „его милость коло того съ паны радами своими рачилъ обмову вчинити и на томъ з ихъ милостью зостать, ижь воеводове, старосты и нашіе врадники и суди не мають васъ нигде инде судити, одно на своихъ местцахъ въ поветехъ; на штожъ панове воеводы и старосты и сами призволили, кромъ которые бы з васъ сами по своей доброй воли хотели инде, а не въ повете передъ ними ся становити — то будеть на вашой воли". Ibidem, str. 411—412

4) Ibidem, str. 412. На эту просьбу послѣдовало согласіе Сигизмунда Августа: „тые книги съ паны воеводами, старосты и державцы не мають нигде съ повету быть вывожоны, одно тамъ на местцу мають быти". О просьбахъ касательно суда, представленныхъ на Берестейскомъ соймѣ 1544 года, см. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій соймъ, стр. 296 и сл.

все рыцарство Литовско-Русскаго государства представили просьбу о томъ, чтобы господарь далъ имъ, „водле статуту", въ ихъ повѣтахъ судьями, „людей добрыхъ", которыхъ бы они „сами межы собою обрали"; присяжный писарь, согласно этой просьбѣ, долженъ быть въ каждомъ повѣтѣ также „отъ шляхты обраный"[1]). Такимъ образомъ повѣтовая шляхта вновь предъявляетъ притязаніе на право выбора своихъ повѣтовыхъ судей и писаря. Въ признаніи этого начала избранія шляхетскимъ населеніемъ повѣтовъ состава повѣтовыхъ судовъ было, однако, отказано господаремъ. Его отвѣтъ гласитъ: „тая рѣчь о судьяхъ повѣтовыхъ маетъ справована быти водлѣ першого застановенья и статуту земского, яко около того въ статутѣ есть описано". Добиваясь права избранія судей и присяжнаго писаря въ каждомъ повѣтѣ, на томъ же Виленскомъ сеймѣ 1547 года княжата, панята и рыцарство просили и о томъ, чтобы „въ кождомъ повѣтѣ, при судьяхъ повѣтовыхъ были обраны по три, по чотыри, альбо по пяти, колько будетъ потреба, бояре, люди добрыи и вѣры годныи, неподозрѣныи, въ томъ же повѣтѣ осѣлыи, которые бы вижьми присяжными были". На эту просьбу отъ Сигизмунда Августа получился такой отвѣтъ: ее „рачитъ его милость подлѣ тоѣ жъ ухвалы прошлоѣ Берестейскоѣ вскладати на тыхъ, хто статутъ поправовати будетъ, а тыи на онъ часъ нехай бы тому слушный посредокъ и постановенье нашли и его королевской милости при ономъ поправленью статуту то ознаймили; а его милость на онъ часъ на то призволити рачитъ, што ся его милости слушного и годного видѣти будетъ"[2]). Господарь вновь не счелъ возможнымъ немедленно удовлетворить и эту просьбу, относящуюся къ реформѣ суда. Причина его нерѣшитель-

1) А. З. Р. III. № 4 (9). Ср. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 526 и сл. Текстъ выписки изъ статута 1529 года въ этой просьбѣ не вполнѣ соотвѣтствуетъ тексту 3-го артикула VI-го раздѣла этого кодекса, давая больше шляхтѣ, чѣмъ даетъ этотъ артикулъ въ дѣйствительности: „ижъ въ статутѣ права земского есть описано, штожъ панове воеводы мають въ кождомъ повѣтѣ воеводства своего обрати судей, который мають судити шляхту на роки слушныи, ижъбы кождый въ повѣтѣ своемъ могъ завжды справедливости своее за малымъ накладомъ дойти".

1) А. З. Р. III. № 4 (10).

ности ясна: права, которыхъ добивалась шляхта, не только замѣтно поднимали ея значеніе, но шли въ разрѣзъ съ правами суда и управленія высшихъ сановниковъ и вельможъ Литовско-Русскаго государства, правившихъ воеводствами, староствами и державами, а въ данное время кромѣ могущества этой группы вообще нужно считаться и съ исключительнымъ вліяніемъ на Сигизмунда Августа виднѣйшихъ представителей ея, Радивиловъ, благодаря близости къ нимъ великаго князя черезъ его бракъ съ Варварою Радивиловною [1]).

Но неуспѣхъ не остановилъ шляхту повѣтовъ въ ея стремленіи къ введенію выборнаго и осѣлаго въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ состава повѣтовыхъ судовъ. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года встрѣчаемся вновь съ просьбами Литовско-Русской шляхты по тому же предмету, т. е. по дѣлу новой организаціи повѣтоваго суда. Шляхта проситъ, чтобы „въ кождомъ повѣтѣ были судья и писарь присяжныи“ [2]), чтобы передъ этими повѣтовыми судьями „были справованы и записываны“ въ повѣтахъ „записы на вѣчьность, на имѣнія и на заставы“ [3]), чтобы въ повѣтахъ были учреждены присяжные вижы — „шляхта осѣлая“, подобно вознымъ Подляшья и съ доходами послѣднихъ [4]), чтобы изъ повѣтовъ не вывозились „книги судовые воеводинскіе и судей повѣтовыхъ“ [5]). Эти просьбы, часть которыхъ была

---

1) Лучшимъ, художественнымъ изложеніемъ исторіи брака Сигизмунда Августа съ Варварою Радивиловною, вдовою Троцкаго воеводы Станислава Гаштольда, остается старая работа Шайнохи — Barbara Radziwiłłówna (Szkice Historyczne przez Karola Szajnochę. Tom I. Warszawa 1881. Str. 139—210).

2) А. З. Р. III. № 11, II, 2-я просьба.

3) Ibidem, 3-я просьба.

4) Ibidem, 5-я просьба.

5) Ibidem, 6-я просьба. Примѣромъ вывезенной воеводою книги повѣтоваго суда можетъ служить 16-я книга Записей Литовскихъ Литовской Метрики („Книги справъ судовыхъ бояръ, мещанъ и волостныхъ людей Витебъского и Полоцького повету, за пана Яна Юревича Глебовича, воеводы Витебъского и потомъ Полоцького, отправованыхъ отъ року тисеча пятьсотъ трыдцатого ажъ до року тисеча пятьсотъ трыдъцать осмого“), попавшая въ Метрику, конечно, потому, что Янъ Глѣбовичъ, сдѣлавшись канцлеромъ (уже въ бытность свою Виленскимъ воеводою), присоединилъ ее къ книгамъ государственнаго архива.

удовлетворена господаремъ уже раньше, получили въ общемъ благопріятные отвѣты господаря, но принципъ избранія состава повѣтовыхъ судовъ шляхтою повѣтовъ все еще не былъ признанъ. Отмѣтимъ и то, что возобновленіе просьбъ, получившихъ согласіе господаря на предшествующихъ сеймахъ, показываетъ, что проведеніе ихъ въ жизнь встрѣчало противодѣйствіе со стороны повѣтовыхъ державцевъ.

Черезъ три года, на Виленскомъ сеймѣ 1554 года, шляхта выступила, однако, опять съ просьбою о томъ же. Она просила, „абы судьи въ кождомъ хоружствѣ установлены были и писарь присяглый, обираючи ихъ водлѣ звычаю Подляшскоѣ земли, которые ижьбы судили кождого стану особу одинако, хто бы въ которомъ хоружствѣ имѣнья мѣлъ“. Шляхта просила, чтобы и паны-рада судились въ повѣтахъ, чего не было до этого времени. Возобновлена была просьба и о присяжныхъ вижахъ при „кождомъ урядѣ“. Отвѣтъ господаря на эту просьбу говоритъ, что со времени утвержденія статута 1529 года шляхта чинитъ на каждомъ сеймѣ „о таковыхъ правныхъ потребахъ змѣнки“. Для исправленія статута „высажоны суть особы мепованые“, и, когда они сдѣлаютъ свое дѣло, господарь разсмотритъ исполненную ими работу вмѣстѣ съ панами-радою и утвердитъ то, что въ ней найдетъ подходящимъ. До этого времени, отвѣчаетъ великій князь шляхтѣ, „будете ся справовати по тому, яко на прошломъ соймѣ ухвалено и постановлено около судей и вижовъ присяжныхъ“. Сигизмундъ Августъ далѣе лишь дѣлаетъ постановленіе о приведеніи въ исполненіе воеводами требованія закона касательно назначаемыхъ ими судей и вижовъ, а также устанавливаетъ мѣры для лучшаго отправленія суда, но на старой его основѣ, т. е. на основѣ власти намѣстника-державцы [1]).

Таково развитіе требованій шляхты повѣтовъ въ области реформы повѣтоваго суда въ эпоху до Бѣльскаго сейма 1564 года и Виленскаго сейма 1565—1566 годовъ, изъ которыхъ первый создалъ почву для этой реформы, а второй ее совершилъ, внеся ее въ статутъ 1566 года. Требованія шляхты, изложенныя выше, намѣчали: 1) подсудность повѣтовому суду всѣхъ „повѣтниковъ“, 2) избраніе „повѣтни-

1) А. З. Р. III. № 13, I, 3-я просьба и отвѣтъ.

ками“ повѣтовыхъ судей и вижовъ, 3) осѣлость въ повѣтѣ кандидатовъ на эти должности, 4) значеніе книгъ повѣтоваго суда, какъ хранилища актовъ по землевладѣнію „повѣтниковъ“ и 5) принадлежность этихъ книгъ не намѣстнику-державцѣ, а повѣту въ лицѣ его повѣтоваго суда.

Итакъ, въ области повѣтоваго суда повѣтъ стремится сдѣлаться самостоятельною единицею для тѣхъ, кто подъ нимъ находится, т. е. для „повѣтниковъ“. Подъ „повѣтниками“ понимаются въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія землевладѣльцы повѣта, служащіе земскую военную службу и сливающіеся въ классъ, который именуется шляхтою. Эта связь земской военной службы въ повѣтѣ съ правами, которыхъ домагается шляхта для повѣта, ярко иллюстрируется замѣною слова „повѣтъ“ словомъ „хоружество“, которую мы видѣли выше въ просьбѣ шляхты на Виленскомъ сеймѣ 1554 года [1]). И несомнѣнно, что организація земской военной службы въ представленіяхъ шляхты ложилась въ основу дѣленія ея на повѣты; эти послѣдніе становятся хоружествами, и каждый повѣтъ получаетъ своего хоружія, около котораго повѣтники становятся, собираясь въ земское войско [2]). Въ годы, наступившіе послѣ утвержденія статута 1529 года, хоружіе начинаютъ выступать въ источникахъ, какъ урядники, имѣющіеся въ каждомъ повѣтѣ [3]). Шлях-

---

1) См. выше, стр. 23.

2) Вотъ нѣсколько выписокъ изъ источниковъ, говорящихъ о значеніи повѣтовъ, какъ частей земскаго войска: „што панове рада писали до короля его милости, поведаючы, ижъ они послали въ листе своемъ рейстръ попису поветовъ, которые бы мели до замку Кіевского посланы быти“ (Сборникъ Матеріаловъ I. Малиновскаго, стр. 191); „...и яко бы болшая послуга съ тыхъ людей пеняжныхъ, нижли съ поветовъ намъ была“ (ibidem, стр. 203); „лечъ пишете ваша милость до насъ, ижъ того естъ большая потреба, абы вся земля повету тамошънего панъства нашого ку вашой милости послушенство мели и въ часъ, за обосланъемъ вашое милости, ку службе нашой до вашое милости збирали“ (ibidem, стр. 219); „абы вси поветы, подданыи наши, ку службе нашой чимъ нарыхлей тягнули“ (ibidem, стр. 220; ср. ibidem, стр. 43, 184, 190, 215). Ср. А. Ю. и З. Р. I, № 171 (документъ этотъ относится къ 1535-му, а не къ 1576 году, какъ онъ датированъ въ изданіи).

3) „А про то, штобы твоя милость въ воеводствѣ и повѣтѣхъ своихъ всимъ хоружимъ, княземъ и паномъ, и княгинямъ, и панямъ вдовамъ, и бояромъ, и дворяномъ, и всимъ подданымъ нашимъ грозно

тичъ долженъ принадлежать къ той или другой хоругви. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года княжата, панята и шляхта Литовско-Русскаго государства просятъ господаря, чтобы шляхта спадковыхъ имѣній [1]) или имѣла бы своихъ особыхъ хоружихъ, или же „къ которымъ иньшимъ хоругвямъ повѣтовымъ привернены были“ [2]). Въ земскомъ войскѣ хоружіе находятся „съ повѣты своими“ [3]).

Наканунѣ утвержденія II-го статута Виленскій сеймъ 1563 года организуетъ земскую военную службу слѣдующимъ образомъ. Съ десяти службъ людей выставляется одинъ пахолокъ „конно и збройно“ съ имѣній отчизныхъ, выслуженныхъ и купленныхъ, одинаково, какъ панами-радою, такъ и всѣми станами, обязанными нести земскую военную службу. Шляхтичи, „на имѣньяхъ осѣлые“, но служащіе панамъ, остаются во время сбора земскаго войска при своихъ панахъ, „а подъ хоруговью съ имѣнья своего, подлѣ повинности своей“, вмѣсто себя выставляютъ такихъ же шляхтичей, какъ они сами, „на добромъ конѣ, водлѣ уставы, съ почтомъ слугъ своихъ“. Эти выставляемые шляхтичи должны „съ почтомъ“ выставляющаго ихъ „въ войску обецнѣ съ хоружимъ“ находиться „на службѣ господарской“ [4]). Каждый хоружій „передъ рушеньемъ на войну“ долженъ сообщить о рушеньѣ „шляхтѣ всей хоругви своее въ часъ“, поступая въ этомъ „по старому обычаю“. Собравшись около своего хоружія, шляхта повѣта отправляется вмѣстѣ съ нимъ къ гетману, на назначенное для сбора господарскихъ войскъ мѣсто. Шляхтичей, оставшихся дома, „кождый хоружій въ хоружствѣ своемъ повиненъ будетъ имены на реистрѣ списати справедливѣ, подъ присягою своею, и, пріѣхавши до войска, господарю королю его милости и тежъ пану гетману оповѣдити и справу въ томъ

приказалъ, ажъбы они того часу, ничого не мѣшкая, къ той ся службѣ нашой справили и знарядили, конно и збройно....“ А. З. Р. II. № 173 (Листъ Сигизмунда I отъ 3 сентября 1533 года къ пану Олбрахту Мартиновичу Гаштольду, Виленскому воеводѣ, канцлеру, старостѣ Бѣльскому и Мозырскому).

1) О спадковой шляхтѣ см. ниже, въ третьей главѣ.

2) А. З. Р. III. № 11, I, 27.

3) А. З. Р. III. № 24, I, 18.

4) А. З. Р. III. № 33, 1.

датп“ [1]). Нельзя не отмѣтпть, что шляхта въ своей просьбѣ, отвѣтомъ на которую является это постановленіе о дѣятельности хоружпхъ во время рушенья, говорпла о дѣятельностп пхъ совмѣстно со старостамп и державцамп „въ повѣтѣхъ своихъ“, какъ прп назначенін дня и мѣста для сбора повѣтовой шляхты передъ рушеньемъ, такъ прп переписи собравшейся повѣтовой шляхты п ея почтовъ, при передвиженіи въ ставку гетмана и при дачѣ ему и господарю отчета о собравшихся въ рушеньѣ. Но Сигизмундъ Августъ въ своемъ отвѣтѣ на эту просьбу „для нѣкоторыхъ слушныхъ прпчпнъ, старостъ и державцовъ въ то не вкладаючи, рачитъ на хоружихъ то прекладати“, т. е. представители повѣтовой администраціи отстранялись господаремъ отъ всякой роли въ военномъ рушеньѣ повѣтовой шляхты. Признавая повѣты-хоружества отдѣльными единицами земскаго войска, пересказываемое постановленіе Виленскаго сейма 1563 года знаетъ и недостатокъ этого дѣленія съ точки зрѣнія военнаго дѣла, а именно неравенство силъ отдѣльныхъ хоружествъ, которыя составлялись не по числу конныхъ ратниковъ, служившихъ подъ хоругвями, а по осѣлости шляхтичей въ повѣтахъ-хоружествахъ. Поэтому постановленіе 1563 года говоритъ: „гдѣ бы и колько хоругвей въ малыхъ почтѣхъ было, ино за росказаньемъ его королевской милости панъ гетманъ великій, водлѣ баченья своего, по кольку хоругвей до одного хоружества маетъ зложити“ [2]).

При такомъ значеніи своего уряда хоружій долженъ, конечно, получать отъ центральной власти извѣщенія о созывахъ ею земскаго войска. Дѣйствительно, военные листы о сборѣ шляхты на земскую военную службу разсылаются хоружимъ, наряду съ державцами, тивунами Жомойти, панами и земянами. Такъ, военные листы, выданные Сигизмундомъ Августомъ по всему Литовско-Русскому государству изъ Петркова 23 ноября 1564 года [3]), въ числѣ

1) Ibidem, 2. Ср. ibidem, 4.

2) А. З. Р. III. № 33, 2.

3) „Року 1564, м[е]с[е]ца ноябра 23 дня листы военъные отъ г[о]с[по]д[а]ра его милости принесены съ Петрпкова, писаные по всему панъству, Великому Князству Литовъскому, и, складаючи рокъ ку збиранью въ Меньску по Светомъ Мартине у двухъ неделяхъ, розосланы

другихъ лицъ были адресованы хоружимъ Гераноискому, Стоклишскому, Ковенскому, Керновскому, Вилкомирскому, Оникштенскому, Медницкому, Мойшаголскому, Судеревскому, Мемежскому, Упитскому, Рудоминскому, Гедройтскому, Бирштанскому, Дорсунишскому, Ошменскому, Пенянскому, Василишскому, Радуньскому, Ейшишскому, Волковыйскому, Коневскому, Довговскому, Остринскому, Лепунскому, Меречскому, Пунскому, Городенскому, Новгородскому, Лидскому, Марковскому, Менскому, Кревскому, Мстиславскому и Слонимскому [1]).

Такъ определилось значенiе повѣта-хоружества какъ военнаго дѣленiя шляхты ко времени утвержденiя статута 1566 года. Нужно отмѣтить и естественный выводъ, который дѣлала шляхта изъ этого значенiя повѣта-хоружества. Являясь военною корпорацiею повѣта, повѣтовая шляхта считаетъ себя въ правѣ и ходатайствовать передъ господаремъ о назначенiи въ свои хоружiе такого лица, которое она сама желаетъ видѣть во главѣ себя во время военнаго рушенья своего повѣта. На Виленскомъ сеймѣ 1559 года Мстиславскiй повѣтъ представилъ великому князю просьбу о назначенiи на вакантный урядъ Мстиславскаго хоружiя своего „брата" Богдана Селицкаго, и Сигизмундъ Августъ исполнилъ эту просьбу [2]).

Итакъ, повѣтъ вырабатывается въ округъ шляхетскаго суда и въ единицу шляхетскаго военнаго дѣленiя. Изъ послѣдняго, естественно, должно было определиться и его политическое значенiе. Исторiя Великаго Княжества Литовскаго хорошо знаетъ такъ называемые военные, полевые сеймы. Они происходили во время сборовъ земскаго войска, въ которыхъ шляхта стояла раздѣленною отрядами по своимъ повѣтамъ-хоружествамъ. Очевидно, что и обсужденiе дѣлъ на такихъ сеймахъ должно было отражать на себѣ это дѣленiе шляхты на ея единицы-хоружества. Соединен-

---

тые листы з Новагородка черезъ дворанъ г[о]с[по]д[а]рскихъ ноября 24 дня". Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 59 об. Списокъ адресатовъ этихъ листовъ находится на л. л. 59 об.—61 об. книги.

1) Кромѣ этихъ 35-ти хоружихъ въ спискѣ обозначены и хоружiй дворный, а также хоружiе (и маршалки) стяговъ татарскихъ.

2) А. З. Р. III. № 24, V, 3.

ные въ хоружества-повѣты, шляхтичи не могли не обсуждать сеймовыя дѣла по этимъ группамъ, на которыя они распадались. Дѣятельность боярства-шляхты на полевыхъ сеймахъ должна была протекать при наличности раздѣленія его по повѣтовымъ хоружествамъ. Такимъ полевымъ сеймомъ былъ, напримѣръ, сеймъ, образовавшійся въ 1521 году изъ земскаго войска, собравшагося подъ Минскомъ [1]). Въ своемъ обращеніи къ панамъ-радѣ, собравшимся вмѣстѣ со шляхтою подъ Минскомъ, Сигизмундъ I говоритъ: „и тое есмо наден, ижъ ваша милость, панове рада наша, для потребы нашое и земское вже весполокъ до Менъска ся зъехали, а подъданыи наши зъ земль и поветовъ отчизны нашое Великого Князьства, надеваемыся, тамъ же при вашой милости суть. Господаръ король его милость вашое милости, яко пановъ радъ своихъ высокихъ а верныхъ, велико жедаеть, ижъ бы ваша милость рачили, тамъ весполокъ на томъ местцы будучи, о томъ пильне а охотне мыслити и радити, и то находити, откуль бы тотъ упоминокъ мялъ собранъ и безъ умешканья зготованъ быти . . .“ [2]). Съ ростомъ политическаго значенія шляхты, и выраженія источниковъ объ ея участіи въ обсужденіяхъ дѣлъ становятся иными. Въ листахъ Сигизмунда Августа, созывающихъ въ 1564 году земское войско Литовско-Русскаго государства въ Минскъ, при чемъ это собраніе войска должно было обратиться въ полевой сеймъ для обсужденія государственныхъ дѣлъ, читаемъ: „писали есьмо до пановъ радъ нашихъ, князей, пановъ и всихъ становъ, якожъ и“ адресату даннаго листа [3]) „приказуемъ, абы еси подъ тымъ же зъеханьемъ своимъ ку пану гетьману на войну и въ томъ же часе, где вси будете споломъ, о томъ о всемъ, яко вышей описано, и на што есте привилей одержали, и чого до порадку судовъ, права и справедливости потреба, намовилися, зголиве и одностайне тые речи постановивши и докончивши а списавши, намъ ознаймили и послали; а мы

---

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 223—224.

2) Сборникъ Матеріаловъ І. Малиновскаго. Стр. 177. Рѣчь идетъ объ уплатѣ упоминковъ, которыхъ требовалъ Крымскій ханъ.

3) Листъ адресованъ господарскому чашнику Великаго Княжества Литовскаго, державцѣ Скерстомонскому и Росепнскому, пану Матѣю Петковичу.

вжо на то позволимъ и то съ тымъ учинимъ, што будетъ слушного и годного" [1]).

Но не одни военные полевые сеймы должны были создавать почву для выработки политическаго значенія повѣтовъ-хоружествъ. Осѣлость въ нихъ, необходимо устанавливавшая, благодаря принадлежности къ одному хоружеству, знакомства и связи, должна была соединять шляхту хоружества въ одну корпорацію и во время ея жизни въ повѣтѣ, а не только на полѣ военнаго сейма. „Ухвала" Виленскаго сейма 1554 года упоминаетъ просьбу, которую принесла къ господарю „шляхта хоружества Ейшишского, Сомилишского, Высокодворского, Жижморского и Стоклишского" [2]). Хоружіе являются представителями шляхты на вальныхъ сеймахъ [3]) и хлопочутъ въ 1559 году на Виленскомъ сеймѣ, „абы шляхта на съемъ при хоружихъ братью свою обирали и слали" [4]). Въ числѣ просьбъ, на которыя долженъ былъ дать свои „отказы" Сигизмундъ Августъ во

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія, стр. 146—147.

2) А. З. Р. III. № 13, I, 17.

3) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ (страницы указаны на LXIX стр. указателя „хоружій — участіе на сеймахъ"). Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 г. Харьковъ 1902. Стр. 80—81. Вотъ два образца текста, ясно говорящіе о мѣстѣ хоружихъ на вальныхъ сеймахъ. „Господаръ король его милость и великій князь Жикгимонтъ Августъ казалъ записати: ижъ будучи его королевъской милости съ паны радами ихъ милостью, духовными и свецкими, и княжаты, и паняты хоруговъными, и хоружими и зо въсими земълями рыцерствомъ шляхтою паньства его милости отчизного Великого Князства Литовского на великомъ вальномъ сойме у Вилни, рачилъ король его милость намову мети и зъ ихъ милостью паны радами, и со въсими княжаты и паняты, хоружими и рыцерствомъ шляхътою, на тотъ съемъ приехаными, около постановенья..." (постановленіе о лѣсныхъ товарахъ, сдѣланное на Виленскомъ сеймѣ 1547 года — Книга Посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго..... издана, по порученію Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. М. Оболенскимъ и проф. И. Даниловичемъ. М. 1843. Стр. 36); „вси станы, до сойму належачіе, такъ панове рада наша, яко тежъ панове врядники наши столовые и земскіе, княжата, панята, хоружіе, шляхта, все собранье того сойму..." (универсалъ Сигизмунда Августа, данный въ Вильнѣ 19 іюня 1563 года. — А. З. Р. III. № 34).

4) А. З. Р. III. № 24, I, 14.

время этого сейма, были просьбы „повѣтовъ“ Витебскаго и Мстиславскаго[1]). Повѣты становятся, такимъ образомъ, единицами и политическими, не только сеймуя на полевыхъ сеймахъ, составляя свои просьбы господарю и получая на нихъ его отвѣты, но получивъ и свое повѣтовое представительство на вальныхъ сеймахъ Литовско-Русскаго государства.

Такъ намѣчались стороны, которыя должны были опредѣлить значеніе повѣта въ подготовлявшейся его реформѣ. Наканунѣ этой реформы, въ 1565 году, была произведена перепись земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго. Текстъ ея рисуетъ старое повѣтовое дѣленіе Литовско-Русскаго государства предъ самымъ его преобразованіемъ, хотя дѣлаетъ это и не совсѣмъ полно, благодаря неполнотѣ переписи. Въ 1565 году былъ составленъ „Реестръ попису войска господарского Великого Князства Литовского“, дошедшій до насъ въ копіи XVII-го столѣтія[2]). Этотъ „Реестръ“ переписываетъ земское войско повѣтовъ Кіевскаго, Виленскаго, Троцкаго и Новгородскаго, а также земли Волынской и татарскихъ хоругвей. Его неполнота очевидна. Кромѣ того, что нѣтъ въ переписи земскаго войска земель Жомоитской, Полоцкой и Витебской, и описанныя части войска представлены далеко не полно: Кіевскій повѣтъ представленъ только двумя лицами (панъ Богданъ Заморенокъ

1) А. З. Р. III. № 24 (IV и V).

2) „Реестръ попису войска господарского Великого Князства Литовского, которое се пописовало збираты ы пописоваты въ Ракове року отъ Нароженя Сына Божого тысеча пятьсотъ шестьдесятъ пятого мѣсяца ыюлья девятого дня за гетманьства ы справы его милосьты пана Миколая Радывила, воеводы Троцького, гетмана найвышшого Великого Князства Литовского, старосты Мерецького, державцы Лидьзкого ы Сумилиского; а пописовано тое войско черезъ мене, Михала Грыгорьевича Коледу, служебника его королевской милосьты“. Имп. Публ. Библ. F. IV. 82. Время происхожденія копіи этого „Реестра“, хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, обозначено въ концѣ рукописи: „тотъ реестръ выписалъ есми з метрыкъ его королевской милосты Великого Княз[ства] Литовского, году 1600 трыцатъ четьвертого, у Вертникахъ“ (Л. 122 об.). Этотъ „Реестръ“, какъ было указано выше (стр. 8. прим. 1), издается въ настоящее время Имп. Археографическою Коммиссіею вмѣстѣ съ „ухвалою“ 1528 года и „пописомъ“ 1567 года. Въ виду невыхода еще въ свѣтъ этого изданія, въ ссылкахъ на „Реестръ“ 1565 года указываемъ листы рукописи и столбцы изданія рядомъ.

и панъ Малхеръ Носыловскій), земля Волынская, да и другіе повѣты не могутъ быть признаны также представленными съ полнотою. Но, несмотря на эти дефекты, „Реестръ“ 1565 года даетъ цѣнныя данныя для изученія повѣтоваго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго накапунѣ реформы его, произведенной въ 1565—1566 годахъ. Эти данныя и постараемся привести.

Виленскій и Троцкій повѣты представлены „Реестромъ“ 1565 года раздѣленными на рядъ хоругвей или хоружествъ. Въ составѣ повѣта Виленскаго[1]) обозначены хоругви Ошменская, Кревская, Медницкая, Рудоминская, Неможская, Лидская, Гераноинская, Гедройтская, Неменчинская, Мойшаголская, Вилкомирская, Керновская, Оникштенская, Пенянская, Корклевская и кромѣ того Воложинцы. Такимъ образомъ Виленскій повѣтъ показанъ составленнымъ изъ пятнадцати хоружествъ и стоящихъ внѣ ихъ бояръ Воложинцевъ. Составъ Троцкаго повѣта[2]) по „Реестру“ сложнѣе. Въ него входятъ хоругви Берестейская, Кобринская, Пинская, Слонимская, Волковыйская, Василишская, Острынская, Коневская, Радунская, Ейшишская, Троцкая, Сомилишская, Лепунская, Довговская и Перелайская, Жижморская, Высокодворская, Стоклишская, Олитская, Дорсунишская, Бирштанская, Пунская, Меречская, Городенская, Упитская и внѣ этихъ хоругвей стоящіе господарскіе бояре Переломскіе. Но кромѣ этихъ двадцати четырехъ хоружествъ и Переломчанъ въ составъ земскаго войска Троцкаго повѣта входили земяне Подляшья, принадлежавшаго къ военному округу Троцкаго воеводы, несмотря на то, что съ 1514 года существовалъ особый Подляшскій воевода[3]). „Реестръ“ 1565 года называетъ, не выдѣляя ихъ въ особый отдѣлъ (т. е. съ особымъ заголовкомъ для Подляшской части войска), хоругви Бѣльскую, Дорогицкую и Мельницкую[4]). Двѣ первыя изъ

---

1) Виленскій повѣтъ переписанъ на л. л. 14 об. — 37 (ст. 200—299 изданія).

2) Троцкій повѣтъ (безъ Подляшья и Новгородскаго повѣта — л. л. 37 об. — 75 об. (ст. 299—358 изданія).

3) См. М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 20.

4) Л. л. 75 об.—106 об. (ст. 358—409 изданія).

этихъ хоругвей состоятъ изъ ряда парафій каждая[1]). Новгородскій повѣтъ показанъ „Реестромъ“ безъ подраздѣленія его на хоружества[2]). Что касается земли Волынской, то она, имѣя своего общаго хоружія „земли Волынъское“ (панъ Михайло Ѳедовичъ Сербинъ), не подраздѣлена также „Реестромъ“ на болѣе мелкія хоругви[3]). Изъ общаго состава ея шляхты подъ особыми заголовками описаны „Реестромъ“ лишь бояре Ковелскіе и бояре Гулявицкіе. Оканчивается „Реестръ“ 1565 года переписью Литовскихъ татаръ, которые представлены четырьмя хоругвями: Виленскою, Городенскою, Троцкою и Новогородскою[4]).

„Реестръ“ 1565 года старается по отношенію къ слову „повѣтъ“ выдержать терминологію и въ своихъ заголовкахъ называетъ повѣтами лишь воеводскія части земскаго войска. Но тотъ же „Реестръ“ въ своемъ текстѣ обнаруживаетъ ясно, что въ его время и хоружества также назывались повѣтами. Обозначивъ въ своихъ заголовкахъ хоругви Рудоминскую[5]), Немежскую[6]), Лидскую[7]), Вилкомирскую[8]) и Ейшишскую[9]), онъ въ разныхъ мѣстахъ своего текста называетъ повѣты Рудоминскій, Немежскій, Лидскій, Вилко-

---

1) Бѣльская хоругвь — парафіи Добровская, Яблонская, Кулевская, Кобыленская, Соколовская, Плонская, Сарабская Посвентенская, Топичевская, Вышковская и Бѣльская, Лубинская, Бранская, Домановская, Вышинская, Яновская и Тыкотинская, Райгродская и Трученская, Дязковская, Долобовская. Дорогицкая хоругвь парафіи 1) Дрогицкая, 2) Руцкая, Долобойская и Дятковна, 3) Кожуховская и Кобыленская, 4) Острожанская и Будешская, 5) Кодпубовская, 6) Мортаская, 7) Перлевская и Граненская, 8) Венская, Руденская, Техановская и Побрыковская, 9) Кучинская, 10) Длуская, Домбровская и Яблонковская, 11) Пресмыцкая, Верeземская и Суховейская, 12) Яблонская, Нетецкая и Розбитская, 13) Папротская, 14) Скрычевская, Соколовская, Медзилеская, Косовская и Скиневская, 15) Маковецкая и Стердынская. Въ Мельницкой хоругви парафіи не обозначены.

2) Л. л. 106 об. — 113 (ст. 409—418 изданія).

3) Л. л. 113—118 (ст. 418—424 изданія).

4) Л. л. 118—122 (ст. 424—430 изданія).

5) Л. 24 (ст. 276 изданія).

6) Л. 26 об. (ст. 281 изданія).

7) Л. 27 об. (ст. 283 изданія).

8) Л. 33 (ст. 293 изданія).

9) Л. 59 (ст. 334 изданія).

мирскій и Ейшишскій [1]). Такимъ образомъ, привычное именованіе хоружествъ повѣтами не позволило составителю „Реестра“ удержаться отъ того, чтобы этимъ болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ земскаго войска дать имя повѣтовъ. Между тѣмъ, какъ разъ въ это время готовымъ проектомъ II-го статута было уже предположено пріурочить его къ болѣе крупнымъ, хотя и не воеводскимъ, частямъ земскаго войска Литовско-Русскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ частямъ территоріи послѣдняго, на которыхъ размѣщались своимъ землевладѣніемъ эти части земскаго войска.

„Реестръ“ 1565 года раздѣляетъ Литовскихъ господарскихъ татаръ на хоругви. Современные ему документы называютъ эти хоругви также находящимися въ повѣтахъ. Въ одной изъ записей Литовской Метрики, относящихся къ 1563 году, которая говоритъ о разсылкѣ военныхъ листовъ татарамъ въ іюлѣ 1563 года, стоитъ: „хоружому татарскому въ повете Мерешлянскомъ Всеиху и всимъ княземъ, впаномъ и мурзамъ, и татаромъ, которые именья и оселости свои въ повете того хоружъства маютъ“ [2]). Такимъ образомъ въ повѣтахъ, какъ административно-судебныхъ округахъ и въ то же время округахъ-хоружествахъ шляхты, помѣстились и хоружества татарскія, независимыя отъ хоружествъ шляхетскихъ. Это вносило еще одно противорѣчіе въ Литовско-Русскую терминологію времени до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, на этотъ разъ по отноше-

1) Рудоминскій повѣтъ л. 108 (ст. 410), Немежскій — л. 18 (ст. 266), Лидскій, — л. л. 27 об. и 30 (ст. 283 и 288), Вилкомирскій — л. 33 (ст. 293), Ейшишскій — л. 61 (ст. 338). Сверхъ того названъ повѣтъ Ляховицкій — л. 27 об. (ст. 283).

2) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 12 об. Запись, стоящая передъ приведенными нами въ текстѣ словами, слѣдующая: „року 63, м[е]с[е]ца іюля 16 дня писаны военъные листы до татаръ, абы на день Светого Якуба у Радошковичохъ становилися; и розосланы тые листы того жъ м[е]с[е]ца іюля 17 дня. Васплей Кошка понесъ до тыхъ: до царевича Пуньского, до хор[ужого] татарского повету Виленского, до хор[ужого] татарского повету Троцкого, до хор[ужого] татарского стягу Аларского, до хор[ужого] татарского повету Новгородского, до хор[ужого] татарского повету Городенского, до хор[ужого] татарского повету Мерешлян[ского], до хор[ужого] Кревского. Тые листы тымъ обычаемъ писаны“ (л. л. 12—12 об.). За этими словами слѣдуетъ обращеніе, приведенное нами въ текстѣ.

нію къ словамъ „хоругвь“ и „хоружество“ въ ихъ значеніи военнаго дѣленія — хоругви и хоружества Городенское, Кревское и другихъ повѣтовъ, въ которыхъ имѣлись служащіе войну господарскіе татаре, могли обозначать и хоружества шляхетскія, и хоружества татарскія одновременно.

Подведемъ итогъ нашему изученію Литовско-Русскаго повѣта эпохи до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ. Старый повѣтъ въ значеніи единицы областного дѣленія Литовско-Русскаго государства былъ округомъ, въ предѣлахъ котораго дѣйствовала административно-судебная власть господарскаго намѣстника-державцы того или другого ранга. Этому же округу принадлежало значеніе военнаго дѣленія государства, такъ какъ обязанные военною земскою службою землевладѣльцы, имѣвшіе осѣлость въ предѣлахъ этого округа-повѣта, образовывали особую часть въ составѣ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго. Въ эпоху между изданіемъ статута 1529 года и реформами статута 1566 года Литовско-Русскій повѣтъ начинаетъ превращаться въ округъ шляхетскихъ суда, военнаго дѣленія и представительства на вальныхъ сеймахъ, вырабатывая отдѣльныя стороны этого значенія, но не успѣвъ еще ихъ выработать окончательно. Противорѣчій было еще слишкомъ много въ томъ строѣ, который вырабатывался, но не успѣлъ еще опредѣлиться вполнѣ и еще не успѣлъ значительно примирить одни изъ этихъ противорѣчій и отбросить совсѣмъ другія. Старыя права господарскихъ намѣстниковъ-державцевъ, въ общемъ смыслѣ этого послѣдняго слова, были еще въ ихъ рукахъ по отношенію къ повѣтовому суду. Не опредѣлилось еще вполнѣ и устройство повѣта, какъ военнаго дѣленія шляхты. Наконецъ не выработалась окончательно и форма, въ которую бы вылились собранія шляхты повѣтовъ-хоружествъ для обсужденія государственныхъ и повѣтовыхъ нуждъ, въ связи съ болѣе стройной организаціей шляхетскаго представительства на вальныхъ сеймахъ. Кромѣ стараго значенія областныхъ урядовъ, державшихъ въ своихъ рукахъ судъ надъ шляхтою, осуществленію задачъ, которыя стояли въ эту эпоху и передъ верховною властью, и передъ шляхтою, требуя своего разрѣшенія, мѣшало слишкомъ большое неравенство размѣровъ старыхъ повѣтовъ. Оно не давало возможности болѣе или менѣе

равномѣрнаго раздѣленія шляхты по повѣтамъ ни на части земскаго войска, ни на округи сеймоваго представительства, ни на округи областного суда — рядомъ со слишкомъ большимъ числомъ шляхты въ одномъ повѣтѣ, ея оказывалось слишкомъ мало въ другомъ[1]). Этимъ внутреннимъ недостаткамъ повѣтоваго дѣленія соотвѣтствуетъ и противорѣчіе въ употребленіи термина „повѣтъ", употреблявшагося одновременно и для обозначенія воеводства, какъ цѣлаго, объединяющаго повѣты-части его, и для обозначенія этихъ послѣднихъ. Реформа была необходима. Литовско-Русская шляхта до нея доросла. Въ ея требованіяхъ, кромѣ указаній на недостатки стараго повѣтоваго строя, эти требованія и вызывавшіе, встрѣчаемъ указанія на судебные порядки Подляшья. Такимъ образомъ Подляшье, т. е. одна изъ земель Великаго Княжества Литовскаго, имѣло въ своемъ повѣтовомъ строѣ уже до реформы II-го статута судъ, котораго общія очертанія представлялись шляхтѣ другихъ земель государства заслуживающими въ нихъ перенесенія. Но судебная организація Подляшья, какъ стоящая въ тѣсной связи съ устройствомъ суда въ пореформенномъ повѣтѣ, уже вводитъ насъ въ изученіе новаго повѣта, а потому и должна быть разсмотрѣна въ связи съ организаціей этого послѣдняго.

Опредѣленіе значенія слова „повѣтъ", какъ оно дѣлалось и отчасти дѣлается въ русской исторической литературѣ, въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть признано ни вполнѣ яснымъ, ни вполнѣ правильнымъ. Н. Г. Устряловъ, первый изъ общихъ историковъ Россіи такъ энергично отстаивавшій равное право исторіи Великаго Княжества Литовскаго „на вниманіе бытописателя, какъ и судьба Московскаго государства"[2]), и требовавшій включенія его

---

1) Ср. выше (стр. 26) сознаніе этого въ постановленіяхъ Виленскаго сейма 1563 года о военной земской службѣ.

2) О системѣ прагматической русской исторіи. (Разсужденіе, написанное на степень доктора философіи Николаемъ Устряловымъ). СПБ. 1836. Стр. 36.

исторіи въ общую исторію Россіи [1]), уже допустилъ въ своемъ изложеніи неточность въ употребленіи слова „повѣтъ“. Говоря о времени Ягайла, Устряловъ пишетъ, что уже тогда „государство раздѣлилось на воеводства и повѣты; воеводы, каштеляны, старосты, земскіе судьи замѣнили прежнихъ намѣстниковъ, посадниковъ, волостелей и тіуновъ“ [2]). Такимъ образомъ уже XIV-му вѣку были приписаны, благодаря слишкомъ большому обобщенію терминовъ, черты областного устройства, которыя опредѣлились лишь много позднѣе. Въ историческихъ трудахъ послѣдующаго времени „повѣтъ“ или считается словомъ не требующимъ опредѣленія [3]), или опредѣляется просто какъ „уѣздъ“ или „округъ“ [4]). Только въ послѣднія десятилѣтія XIX-го столѣтія, когда стало значительно углубляться научное изу-

---

1) Кромѣ цитированнаго въ предыдущемъ примѣчаніи „разсужденія“ Устрялова см. его же Изслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать великое княжество Литовское? (читано на торжественномъ актѣ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ 30 декабря 1838 года). СПБ. 1839.

2) Н. Устряловъ. Русская Исторія. Часть первая. Стр. 341. (Цитируемъ по изданію 1837 года).

3) Неподписанная статья подъ заглавіемъ „Исторія управленія и законодательства Литвы“ (стр. 49–50), напечатанная въ Памятной Книжкѣ Виленской губерніи на 1853 годъ (эта статья извлечена изъ сборника „Историко-статистическіе очерки Виленской губерніи. Изданы съ разрѣшенія Начальства Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Вильна 1853“. Въ оглавленіи къ этому сборнику авторомъ статьи обозначенъ Павелъ Кукольникъ). Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-Западнаго Края и Царства Польскаго, составленный Н. Горбачевскимъ, Вильна 1874) не считаетъ слова „повѣтъ“ требующимъ поясненія. Въ числѣ значеній слова „districtus“ въ этомъ Словарѣ находимъ такое: „повѣтъ или уѣздъ“ (стр. 99).

4) О. Турчиновичъ. Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи. СПБ. 1857 (стр. 238). И. Порай-Кошицъ. Историческій разсказъ о Литовскомъ дворянствѣ. СПБ. 1858 (стр. 32—33). И. Д. Бѣляевъ. Разсказы изъ Русской Исторіи. Книга четвертая. Часть первая. Исторія Полотска или Сѣверо-Западной Руси, отъ древнѣйшихъ временъ до Люблинской Уніи. М. 1872 (стр. 328, примѣчаніе). М. О. Кояловичъ. Чтенія по исторіи Западной Россіи. Изданіе четвертое. СПБ. 1884 (стр. 170). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія. Томъ второй. Выпускъ первый. СПБ. 1885 (стр. 60; ср. стр. 62). П. Дм. Брянцевъ. Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Вильна 1889 (стр. 355 и 357). Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи. Томъ третій. М. 1890 (стр. 77).

ченіе историческаго прошлаго Литовско-Русскаго государства, были сдѣланы опыты выясненія болѣе опредѣленнаго значенія для слова „повѣтъ“.

В. Б. Антоновичъ, изучая въ напечатанной имъ въ 1882 году статьѣ строй Кіевской земли въ Литовскую эпоху, опредѣляетъ повѣты [1]) какъ „округи, на которые распадалось Кіевское княженіе“. Жители повѣтовъ, „къ какой бы сословной категоріи ни принадлежали, были подчинены намѣстнику“ князя, правившему господарскимъ замкомъ и „обширнымъ территоріальнымъ округомъ“, тянувшимъ къ этому замку. Это подчиненіе было „въ военномъ, судебномъ и административномъ отношеніяхъ“. Жители повѣта „несли по его (намѣстника) распоряженію извѣстныя въ пользу князя повинности и давали намѣстнику извѣстныя дани“. Когда вмѣсто князей въ Кіевѣ явились воеводы, „Кіевская земля потеряла связь административную, объединявшую ея повѣты, распалась на нѣсколько независимыхъ отъ главнаго города областей“, хотя „понятіе объ историческомъ единствѣ земли сохранилось какъ въ сознаніи жителей, такъ и въ отношеніи къ нимъ правительства“. В. Б. Антоновичъ дѣлаетъ опытъ и объясненія происхожденія слова повѣтъ, сближая его со словомъ „повѣщать“ [2]). Опредѣленіе, которое далъ „повѣту“ В. Б. Антоновичъ, выведено имъ изъ данныхъ, почерпнутыхъ имъ въ группѣ однородныхъ матеріаловъ, въ составленныхъ въ 1552 году описаніяхъ господарскихъ замковъ — Кіевскаго, Мозырскаго, Чернобыльскаго, Остерскаго, Овруцкаго, Житомирскаго, Черкасскаго и Каневскаго. Это опредѣленіе несо-

---

1) В. Б. Антоновичъ. Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569). Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885. Стр. 246—247. (Статья была первоначально напечатана въ январьской книжкѣ Кіевской Старины за 1882 годъ).

2) „Терминъ „повѣтъ“ возникъ, вѣроятно, отъ того, что намѣстникъ, созывая жителей своего округа „на военную потребу“, призывая ихъ въ судъ или сообщая имъ административныя распоряженія, „повѣщалъ“ ихъ или „давалъ имъ вѣсти“, какъ тогда выражались офиціально. Для разсылки „вѣстей“ староста располагалъ особыми „замковыми слугами“ или такъ называемыми „путными боярами“, которые по его приказанію „ѣздили въ путь“ развозить „вѣсти“ (Op. cit., примѣчаніе 2-е на стр. 246).

мѣнно было шагомъ впередъ въ дѣлѣ изученія Литовско-Русскаго повѣта. Оно ставило это изученіе на почву актоваго матеріала, не довольствуясь ходячими представленіями о значеніи слова „повѣтъ", повторявшимися раньше. Антоновичъ указалъ вѣрно и нѣкоторыя черты значенія повѣтоваго дѣленія. Но онъ въ своемъ опредѣленіи распространилъ данныя пятидесятыхъ годовъ XVI-го вѣка и на предшествующее время, а кромѣ того, изучая лишь одну опредѣленную группу источниковъ, не могъ указать тѣхъ сторонъ значенія слова „повѣтъ", которыя обрисовываются другими группами источниковъ. Путь, на который ступилъ Антоновичъ, долженъ былъ привести къ расширенію объема его опредѣленія въ однихъ отношеніяхъ и къ сокращенію въ другихъ, а также и къ опредѣленію эпохъ въ исторіи Литовско-Русскаго повѣта, еслибы къ изученію „повѣта" были привлечены матеріалы болѣе разнородные и еслибы было разграничено время, для котораго можетъ имѣть силу дѣлаемое опредѣленіе.

Случилось, однако, иначе. Опредѣленію „повѣта", сдѣланному В. Б. Антоновичемъ, сразу было дано самое широкое значеніе, а эпохи, которыя должны были быть различены въ исторіи этого дѣленія, были оставлены безъ всякаго вниманія. Образцомъ перваго можетъ служить слѣдующее опредѣленіе, которое даетъ „повѣту" Н. В. Стороженко[1]). Въ эпоху Витовта происходитъ преобразованіе удѣловъ „въ намѣстничества, зависѣвшія отъ самого великаго князя. Единицей такого новаго устройства былъ такъ называемый повѣтъ — самая крупная единица, въ родѣ нашей губерніи. Центромъ каждаго повѣта былъ замокъ, имѣвшій не только значеніе укрѣпленія, но и главнаго административнаго центра. Замокъ отдавался въ управленіе намѣстнику", котораго власть „въ данной области" вполнѣ замѣняла власть великаго князя и который былъ „начальникомъ военныхъ силъ повѣта" съ одной стороны и „главнымъ судьею, военнымъ и гражданскимъ, въ своемъ повѣтѣ" съ другой. Кромѣ того, „у намѣстника была еще широкая административная власть: онъ приводилъ въ испол-

---

1) Н. В. Стороженко. Западно-Русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Кіевъ 1888. Стр. 8—9.

ненie распоряженiя правительства, наблюдалъ за распредѣленiемъ поземельной собственности, за правильнымъ исполненiемъ воинской повинности, долженъ былъ слѣдить за переходомъ земельнаго имущества". Такимъ было, по мнѣнiю Н. В. Стороженка, „областное управленiе" вплоть до Люблинской Унiи. Послѣ этой Унiи „все областное управленiе на всемъ пространствѣ Литовско-Русскихъ земель было реформировано по польскому образцу. Административная единица сдѣлалась крупнѣе: вмѣсто повѣта воеводство, состоявшее изъ двухъ, трехъ повѣтовъ, во главѣ котораго стоялъ воевода". Если первая часть приведеннаго сейчасъ мнѣнiя страдаетъ въ общемъ тѣмъ же недостаткомъ, который имѣетъ и породившее его опредѣленiе „повѣта", данное В. Б. Антоновичемъ, причемъ Н. В. Стороженко еще болѣе усиливаетъ этотъ недостатокъ, еще шире обобщая это опредѣленiе, то вторая часть его должна быть признана совершенно уже неправильною, такъ какъ въ ней имѣемъ утвержденiе, что созданiе воеводствъ, въ которыя сливаются повѣты, было дѣломъ Люблинской Унiи. Н. В. Стороженко совершенно упустилъ изъ виду реформу воеводствъ и повѣтовъ, совершенную въ 1565—1566 годахъ. Нѣкоторое влiянiе опредѣленiя, даннаго повѣту В. Б. Антоновичемъ, замѣтно и во взглядѣ М. Ф. Владимiрскаго-Буданова на значенiе этого термина. Въ своей статьѣ „Формы крестьянскаго землевладѣнiя въ Литовско-Русскомъ государствѣ XVI в."[1]) М. Ф. Владимiрскiй-Будановъ говоритъ: „названiе волость въ XV вѣкѣ и въ 1-ой половинѣ XVI вѣка одинаково примѣнялось какъ къ цѣлымъ областямъ, такъ и подраздѣленiямъ ихъ"; измѣненiе значенiя этого слова происходитъ въ слѣдующемъ столѣтiи — „со второй половины XVI вѣка для первой единицы является названiе повѣтъ, заимствованное отъ Польши (названiе, нелегко изъяснимое филологически); названiе же волости удержалось для подраздѣленiя повѣтовъ" [2]).

Въ 1883 году, т. е. пятью годами раньше выхода книжки Н. В. Стороженка, вышло въ свѣтъ изслѣдованiе С. А. Бер-

1) Кiевскiй Сборникъ 1892 г.
2) Цитируемъ по отдѣльному оттиску этой статьи — стр. 24.

шадскаго, посвященное исторіи евреевъ въ Литвѣ [1]), но заключающее въ себѣ главу о „государственной власти и Литовскомъ обществѣ“ [2]), въ которой дано изображеніе государственнаго и общественнаго строя Великаго Княжества Литовскаго до Люблинской Уніи включительно. Обширный и разнообразный матеріалъ, собранный для его изслѣдованія С. А. Бершадскимъ и въ изданіяхъ, имѣвшихся въ то время, и въ архивахъ, заставляетъ ожидать отъ его труда болѣе правильнаго и всесторонняго опредѣленія Литовско-Русскаго повѣта. Но этого въ изслѣдованіи его не находимъ. Помѣшали С. А. Бершадскому это сдѣлать: 1) чрезвычайная краткость и сжатость его очерка власти и общества Литовско-Русскаго государства, явившагося лишь вводною главою въ его книгѣ, и 2) его желаніе дать одно опредѣленіе „повѣту“ на всемъ громадномъ протяженіи времени отъ эпохи Витовта до Люблинской Уніи. Вотъ слова С. А. Бершадскаго о Литовско-Русскомъ повѣтѣ. „Въ административномъ отношеніи Великое Княжество было раздѣлено на воеводства, повѣты, державства, ключи и тивунства. Во главѣ каждаго изъ этихъ округовъ стояли особенные чиновники: воеводы, старосты, державцы, ключники и тивуны. Округи эти не находились въ какой-либо іерархической зависимости одинъ отъ другого, и различіе между ними сводилось, главнымъ образомъ, къ пространству и населенности“ [3]). Такимъ образомъ, повѣтомъ является округъ, во главѣ котораго стоитъ староста. Можно догадываться о томъ, что́ лежитъ въ основѣ этого опредѣленія. Въ эпоху послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ во главѣ повѣтовой администраціи и гродскаго суда дѣйствительно стоялъ староста. Но 1) это утвержденіе правильно лишь по отношенію къ такъ называемымъ старостамъ судовымъ, а не ко всѣмъ старостамъ, притомъ эпохи лишь послѣ реформы, 2) воеводы воеводствъ, существовавшихъ уже до этой реформы, также обладали значеніемъ судоваго старосты

1) С. А. Бершадскій. Литовскіе Евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи. СПБ. 1883.

2) Глава V.

3) Op. cit. Стр. 295.

въ своихъ центральныхъ повѣтахъ и 3) даже для эпохи послѣ реформы опредѣленіе значенія повѣта С. А. Бершадскимъ не можетъ быть признано вполнѣ правильнымъ, такъ какъ имъ оставлены безъ вниманія значеніе новыхъ повѣтовъ, какъ округовъ шляхетскаго суда, сеймикованья и военнаго дѣленія [1]).

Такимъ образомъ и опредѣленіе „повѣта", сдѣланное совершенно независимо отъ взгляда В. Б. Антоновича, оказалось неудовлетворительнымъ, и мы уже указали причины этого, изъ которыхъ основною должно быть признано смѣшеніе эпохъ въ исторіи повѣтоваго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Отъ этого недостатка первый избавился М. К. Любавскій, и въ его изученіи Литовско-Русскій повѣтъ эпохи до статута 1529 года впервые получилъ правильное опредѣленіе своего значенія, какъ административно-судебнаго округа. М. К. Любавскій говоритъ о повѣтѣ времени до перваго Литовскаго статута такъ [2]): „чаще всего въ актахъ изучаемаго времени встрѣчаемся съ заимствованнымъ у поляковъ словомъ „повѣтъ" въ приложеніи къ правительственнымъ округамъ разныхъ величинъ: и къ воеводствамъ, и къ староствамъ, и къ округамъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, и даже къ болѣе мелкимъ, административно-объединеннымъ, территоріямъ". М. К. Любавскій отмѣчаетъ въ актахъ, какъ слово „повѣтъ" является равнозначащимъ и со словомъ „земля", и со словомъ „волость". По его объясненію „названіе „повѣтъ" потому и заимствовано было отъ поляковъ, что въ русскомъ языкѣ не находилось слова для обозначенія правительственнаго округа въ полномъ его составѣ", а между тѣмъ въ такомъ словѣ нужда была, ибо „въ составъ правительственнаго округа намѣстника-державцы и тивуна . . . . . входили не только земли господарскія и господарскихъ подданныхъ, составлявшія господарскую волость, но также земли кня-

---

1) Позднѣе С. А. Бершадскій называлъ повѣтъ и уѣздомъ. См. стр. 13 его работы Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады Великаго Княжества Литовскаго (оттискъ изъ Кіевской Старины), Кіевъ 1888.

2) М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе. Стр. 74—77.

жескія и панскія, населенныя подданными князей и пановъ". Такимъ образомъ М. К. Любавскій, признавая „чисто-нарицательное" значеніе слова „повѣтъ", считаетъ его употреблявшимся для обозначенія вообще округа, въ предѣлахъ котораго осуществлялась одна административная власть въ лицѣ стоявшаго во главѣ его правителя, независимо отъ размѣровъ округа и ранга должностного лица на іерархической лѣствицѣ Княжества. Если бы къ этому опредѣленію „повѣта" было добавлено поясненіе его значенія, какъ военнаго дѣленія земскаго войска Литовско-Русскаго государства, то къ нему прибавить было бы нечего. Оно страдаетъ лишь упущеніемъ изъ виду именно этой стороны значенія повѣта, которая успѣла обнаружиться достаточно къ эпохѣ изданія перваго Литовскаго статута [1]). Можетъ быть возможно возраженіе и противъ слишкомъ категорической формы, въ которой выражено утвержденіе о заимствованіи слова „повѣтъ" отъ поляковъ.

Сейчасъ изложенное опредѣленіе „повѣта", сдѣланное М. К. Любавскимъ въ 1892 году, было отвергнуто въ 1894 году Ѳ. И. Леонтовичемъ, какъ „совершенно произвольное". По мнѣнію самого Ѳ. И. Леонтовича, высказанному тогда, „главной связью, сводившей населеніе каждой волости-повѣта въ одно цѣлое (подъ общимъ титуломъ „повѣтниковъ"), является прежде всего общая для всѣхъ ратная и замковая „служба" („потреба"). Позже тѣ же волости-повѣты являются съ общимъ значеніемъ административно-судебныхъ округовъ, но такъ могло быть и раньше. Мѣстные центры военной организаціи государства, повѣтовые замки, изстари являлись также главными центрами областной администраціи; „повѣтники" тянутъ къ своей волости-повѣту, къ своему замку, не только въ пору ратной „потребы" или замковой „службы", но и по суду, данямъ и т. д." [2]). Такимъ

1) Въ другомъ трудѣ — Литовско-Русскій сеймъ — М. К. Любавскій далъ и изложеніе реформы 1565—1566 годовъ (глава VI, §§ 9 и 10). На страницахъ обоихъ своихъ капитальныхъ трудовъ М. К. Любавскимъ разсѣяны весьма цѣнныя указанія и на развитіе повѣтоваго строя въ XVI столѣтіи.

2) Ѳ. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи Литовско-Русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства. СПБ. 1894 (первоначально въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. за 1893 и 1894 годы). Стр. 317—318.

образомъ Ѳ. И. Леонтовичъ полагалъ въ основу опредѣленія слова „повѣтъ" военное значеніе его центра, который притягиваетъ къ себѣ служащее ратную и замковую службу населеніе по этой службѣ, а съ этимъ соединяется и подчиненіе этого населенія центральной власти повѣта по суду и администраціи. Этотъ взглядъ на значеніе повѣта Ѳ. И. Леонтовичъ, однако, вскорѣ измѣнилъ подъ вліяніемъ изученія актовъ Литовской Метрики и въ 1897 году опредѣлилъ „повѣтъ", отказавшись отъ пріуроченія его исключительно къ военнымъ центрамъ. „Въ Литвѣ до начала XVI в. понятія повѣта и волости совпадали, какъ административныя подраздѣленія земель-воеводствъ. Съ образованіемъ шляхетской „Речи Посполитой", повѣтъ сталъ обозначать собственно шляхетскій округъ; впрочемъ, и сельскія волости иногда называются повѣтами". Такъ формулировалъ свой взглядъ на повѣтъ Ѳ. И. Леонтовичъ въ это время [1]). Наконецъ, въ 1908 году Ѳ. И. Леонтовичъ еще разъ вернулся къ опредѣленію „повѣта" въ трудѣ, посвященномъ изученію областного управленія Великаго Княжества Литовскаго времени до и послѣ Люблинской Уніи [2]). Въ этомъ трудѣ повѣты Литовско-Русскаго государства относятся „къ длинному ряду институтовъ, заимствованныхъ изъ стараго административнаго строя Польши. Польскіе воеводы (comes), управлявшіе powiatami (districti), уже при Болеславѣ I [3]) (конца X и начала XI в.) составляли главныхъ его радныхъ пановъ. О повѣтахъ, какъ административныхъ районахъ, говоритъ, затѣмъ, Вислицкій Статутъ, какъ и другіе памятники стараго польскаго права". Что касается Литвы, то въ ней „повѣты существовали уже во время изданія перваго земскаго привилея 1387 г. Въ русскихъ земляхъ, въ особен-

1) Акты Литовской Метрики. Томъ первый. Выпускъ вторый. Собраны заслуж. профессоромъ Императорскаго Варшавскаго Университета Ѳ. И. Леонтовичемъ. Варшава 1897. Указатель, стр. XVIII.

2) Ѳ. И. Леонтовичъ. Областное управленіе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до и послѣ Люблинской уніи. Юридическія Записки, издаваемыя Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ. 1908 г. вып. II, 1909 г. вып. I (III).

3) Въ цитируемомъ текстѣ напечатано „при Болеславѣ III" (Юридическія Записки, издав. Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ. 1908 г. Вып. II. Стр. 253). Исправляемъ эту очевидную опечатку.

ности рано подвергшихся полонизаціи (напр. Подляхіи, Подольи, Волыни), еще въ первой половинѣ XIV в. становятся извѣстными districti, или повѣты, которыми управляли мѣстные воеводы, старосты и пр.". Указавъ на упоминаніе повѣтовъ „въ Статутѣ Литовскомъ и другихъ актахъ до и послѣ Люблинской уніи", Ѳ. И. Леонтовичъ отмѣчаетъ, что „въ актахъ XV и XVI в. повѣты имѣютъ различное значеніе. Иногда подъ повѣтомъ разумѣется цѣлая земля, иногда ея меньшая часть, округъ, подвѣдомый воеводѣ, старостѣ и пр. Въ актахъ встрѣчаются указанія даже на повѣтъ въ повѣтѣ. Съ половины XV в. установилось вполнѣ понятіе о повѣтѣ, какъ вообще объ административномъ подраздѣленіи княжихъ удѣловъ или большихъ округовъ, бывшихъ въ завѣдываніи областныхъ урядниковъ-намѣстниковъ, воеводъ, старостъ и проч." [1]).

---

1) Къ этому Ѳ. И. Леонтовичъ прибавляетъ: „повѣтъ въ послѣднемъ значеніи изрѣдка замѣняется въ актахъ древне-русскимъ уѣздомъ, также трактомъ". Первая изъ этихъ замѣнъ, т. е. замѣна слова „повѣтъ" словомъ „уѣздъ", указана Ѳ. И. Леонтовичемъ на основаніи слѣдующихъ словъ М. К. Любавскаго: „для обозначенія округовъ, которыми завѣдывали областные правители, въ оффиціальномъ языкѣ Литовской Руси существовали три названія: „волость", „держава" и „повѣтъ" (изрѣдка попадается въ актахъ и слово „уѣздъ")". Въ подтвержденіе своихъ словъ объ „уѣздѣ" М. К. Любавскій приводитъ (Обл. дѣленіе и мѣстн. упр., стр. 71) только одно указаніе источника, а именно документъ № 4 въ 1-мъ отдѣлѣ XIII-го тома Актовъ, изд. Виленскою Археографическою Коммиссіею. Но на этомъ документѣ едва ли возможно обосновать наличность „уѣзда", какъ дѣленія Литовско-Русскаго государства. Указанный М. К. Любавскимъ документъ представляетъ собою листъ Сигизмунда I-го, внесенный въ 1728 году въ гродскія книги Ошмянскаго повѣта, а изъ нихъ перенесенный въ 1762 году въ книги Литовскаго трибунала. При внесеніи этого листа въ Ошмянскія гродскія книги подстароста вписалъ его, „z ruskich na polskie litery przekładając y tłumacząc" (А. Вил. XIII, стр. 7). Такимъ образомъ въ изданіи этотъ листъ является обратнымъ переводомъ съ польскаго языка на русскій; при такомъ переводѣ, надо думать, и слово „powiat" обратилось въ „уѣздъ". Послѣднее слово едва ли возможно въ дѣйствительности встрѣтить въ Литовско-Русскихъ актахъ для обозначенія дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Что касается слова „трактъ" въ его приложеніи къ дѣленію земли Жомонтской, то мы считаемъ это слово ведущимъ свое происхожденіе отъ латинскаго „tractus" въ общемъ значеніи, которое это слово имѣло въ средне-вѣковой латыни. См. выписку изъ словаря Дю-Канжа ниже (стр. 50, прим. 2).

Уже въ приведенныхъ опредѣленіяхъ „повѣта", сдѣланныхъ въ различное время Ѳ. И. Леонтовичемъ, обнаруживаются двѣ стороны въ значеніи этого термина: 1) „административное подраздѣленіе земель-воеводствъ", 2) „собственно шляхетскій округъ" со времени образованія „шляхетской Речи Посполитой". Послѣдняя сторона значенія „повѣта" болѣе подробно опредѣлена Ѳ. И. Леонтовичемъ въ его изслѣдованіи „Сословный типъ территоріально-административнаго состава Литовскаго государства и его причины"[1]. Здѣсь о „повѣтѣ" читаемъ слѣдующее: „нобилитація государства неизбѣжнымъ образомъ должна была повлечь за собой также нобилитацію составныхъ его частей. Такимъ образомъ, уже въ актахъ 30-хъ годовъ XVI вѣка названіе „земли" начинаетъ пріурочиваться къ одной шляхтѣ. Такой же шляхетскій характеръ получаютъ въ XVI вѣкѣ воеводства и повѣты, — „повѣтниками" уже до Люблинской уніи считалась въ Литвѣ одна повѣтовая шляхта. И дѣйствительно, вся административная дѣятельность повѣтовъ и воеводствъ имѣетъ въ виду лишь одну шляхту; все здѣсь функціонируетъ для нея одной, все вращается въ сферѣ ея интересовъ и никого больше. Областные сеймы собираются изъ одной шляхты и ради ея сословныхъ дѣлъ, какъ и всѣ земскіе уряды отъ высшихъ и до низшихъ принадлежатъ той же шляхтѣ. Для не-шляхтича повѣтъ, земля и воеводство — только географическіе термины: тамъ нѣтъ для него ни правовой охраны, ни другихъ общественныхъ связей и интересовъ"[2].

Такимъ образомъ, Ѳ. И. Леонтовичъ далъ рядъ опредѣленій „повѣта" въ различныхъ своихъ трудахъ. Эти опредѣленія не совсѣмъ совпадаютъ. Подъ вліяніемъ дальнѣйшаго изученія источниковъ и появленія новыхъ изслѣдованій Ѳ. И. Леонтовичъ вносилъ новыя черты въ свое пониманіе Литовско-Русскаго повѣта. То же заставляло его дѣлать и примѣненіе имъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ онъ изучалъ строй Великаго Княжества Литовскаго въ различныхъ своихъ трудахъ: изученіе административнаго строя обращало его вниманіе на однѣ стороны

1) Журн. Мин. Нар. Пр. 1895. VI и VII.
2) Журн. Мин. Нар. Пр. 1895. VII. Стр. 2.

повѣта, изученіе „сословнаго типа“ государства — на другія. Но взглядъ на „повѣтъ“ Княжества, какъ на заимствованный изъ Польши, проводился Ѳ. И. Леонтовичемъ постоянно. На протяженіи времени съ 1863 года[1]) Ѳ. И. Леонтовичъ опубликовалъ длинный рядъ своихъ трудовъ по исторіи Великаго Княжества Литовскаго, изучая отдѣльные вопросы и стороны строя его за все время отъ образованія государства до конца XVIII столѣтія. Но Ѳ. И. Леонтовичъ не оттѣняетъ въ своемъ изученіи значенія реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, реформъ, создавшихъ конституцію II-го статута и строй Литовско-Русскаго государства, съ которымъ оно вступило въ соединеніе съ Польшею въ 1569 году. Не остановившись на повѣтовой реформѣ 1565—1566 годовъ и не выдѣливъ въ исторіи Литовско-Русскаго повѣта эпохъ до и послѣ этой реформы, Ѳ. И. Леонтовичъ лишилъ свои опредѣленія повѣта той ясности и полноты, которыя должно было обезпечить этимъ опредѣленіямъ его многолѣтнее и широкое изученіе Литовско-Русскаго права. Это мы считаемъ главнымъ возраженіемъ, которое должно быть сдѣлано по отношенію ко всѣмъ опредѣленіямъ „повѣта“, которыя даны Ѳ. И. Леонтовичемъ.

Значеніе повѣта, какъ шляхетской корпораціи, выдвинулъ и М. В. Довнаръ-Запольскій. Изучая „земскія подати и повинности“ и шляхту въ ея отношеніяхъ къ нимъ[2]), М. В. Довнаръ-Запольскій говоритъ, что въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія „каждый повѣтъ представляетъ собою общину, объединенную въ военно-административномъ, судебномъ и политическомъ отношеніяхъ“. Повѣтъ составляетъ только шляхта; „въ свою очередь повѣтъ разбивается на шляхетскіе роды, состоящіе изъ гербовной братіи“[3]). Къ сожалѣнію, несмотря на знакомство съ обширнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, М. В. Довнаръ-Запольскій

---

1) Въ 1863 году вышла въ свѣтъ его магистерская диссертація „Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI в. в.“ (въ №№ 10 и 11 Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій и отдѣльно — Кіевъ 1863).

2) М. В. Довнаръ-Запольскій. Госуд. хозяйство Вел. Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. Глава VI.

3) Op. cit. Стр. 655.

не вошелъ болѣе детально въ изученіе Литовско-Русскаго повѣта [1]).

Въ дополненіе къ приведеннымъ опредѣленіямъ „повѣта“ Великаго Княжества Литовскаго, сдѣланнымъ въ русской исторической литературѣ, отмѣтимъ взглядъ на него М. С. Грушевскаго, изложенный имъ въ пятомъ томѣ написаннаго по-украински его труда „Історія України-Руси“ [2]). М. С. Грушевскій противополагаетъ „польскій терминъ“ повѣтъ „старорусскому“ термину „волость“. Послѣднее слово въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ пріурочилось къ меньшему округу — сельской организаціи. Что же касается до „повѣта“, то это слово стало обозначать округи болѣе крупные, съ особыми намѣстниками или старостами во главѣ. М. С. Грушевскій признаетъ большую неравномѣрность территоріи повѣтовъ и считаетъ возможнымъ отмѣтить, что въ собственной Литвѣ повѣты были гораздо меньше и много крупнѣе въ областяхъ-аннексахъ, а особенно на Украинѣ. Въ изложеніи М. С. Грушевскаго повѣтомъ является округъ, находящійся подъ административно-судебною властью намѣстника. На образованіе взгляда на повѣтъ, высказаннаго г. Грушевскимъ, повліяли несомнѣнно опредѣленія этого вида областного дѣленія, сдѣланныя В. Б. Антоновичемъ и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ. На эту связь указываютъ признаніе необходимости крупныхъ размѣровъ территоріи округа для того, чтобы онъ могъ называться повѣтомъ, а также упоминаніе о повѣтовыхъ замкахъ, къ которымъ принадлежали господарскіе дворы [3]) и о центральномъ замкѣ повѣта [4]). Но дѣятельность и компетенція намѣстника, сто-

1) Ученая критика уже отмѣтила упущеніе изъ виду М. В. Довнаръ-Запольскимъ различія предѣловъ повѣтовыхъ округовъ до и послѣ реформы 1565—1566 годовъ. См. разборъ этого изслѣдованія М. В. Довнаръ-Запольскаго, сдѣланный М. К. Любавскимъ въ Отчетѣ о присужденіи премій П. Н. Батюшкова (СПБ. 1904. Стр. 87).

2) Михайло Грушевський. Історія України-Руси. Том V. У Львові, 1905. Стр. 294 и сл.

3) Op. cit. Стр. 295.

4) Op. cit. Стр. 298. Г. Грушевскій, повидимому, думаетъ, что повѣтами могли называться лишь округи, управляемые господарскими намѣстниками, но не князьями, подчиненными великому князю. Онъ пишетъ: „кн. Пинське і кн. Туровське також стали повітами в XVI в. по

явшаго во главѣ повѣта, изображена М. С. Грушевскимъ на основаніи изслѣдованія ихъ М. К. Любавскимъ и на основаніи самостоятельнаго изученія источниковъ.

Таковы мнѣнія о Литовско-Русскомъ повѣтѣ, высказанныя въ русской исторической литературѣ[1]). Въ вопросѣ о происхожденіи слова „повѣтъ“ и обозначаемаго этимъ словомъ вида областного дѣленія Литовско-Русскаго государства изложенныя ученыя мнѣнія расходятся: одни изъ нихъ выводятъ Литовско-Русскій повѣтъ изъ Польши, другія считаютъ его возникшимъ самостоятельно въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Въ утвержденіи, что Литовско-Русскій повѣтъ происхожденія польскаго, нужно отмѣтить двѣ стороны, противъ которыхъ должны быть сдѣланы возраженія. Первое изъ нихъ слѣдующее. Латинское слово „districtus“, переводимое польскимъ „powiat“ и русскимъ „повѣтъ“, не можетъ быть признано вполнѣ соотвѣтствующимъ этимъ словамъ по своему значенію. Слово „powiat“ въ новомъ польскомъ языкѣ употребляется для обозначенія единицы областного дѣленія въ двоякомъ значеніи: 1) въ общемъ значеніи подраздѣленія крупной единицы областного дѣленія и 2) въ спеціальномъ значеніи того вида областного дѣленія, которое существовало въ Польшѣ съ послѣднихъ десятилѣтій XIV столѣтія вплоть до раздѣловъ Речи Посполитой. Въ первомъ случаѣ имѣемъ слово общаго значенія, во второмъ — опредѣленный терминъ. Примѣромъ употребленія слова „powiat“ въ первомъ изъ указанныхъ сейчасъ его значеній можетъ служить приложеніе его къ

вымертію княжихъ династій“ (стр. 294). Между тѣмъ Пинскій повѣтъ извѣстенъ актамъ конца XV столѣтія, когда Пинскъ находился еще во владѣніи семьи князя Семена Олельковича. Р. Ист. Б. XXVII, ст. 129, 130, 683. Ср. слѣдующее примѣчаніе.

1) А. С. Грушевскій въ своемъ трудѣ Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI в. (Кіевскія Университетскія Извѣстія за 1902 и 1903 г. г. и отдѣльно), изучая „мѣстную администрацію“ (стр. 88—97, К. Унив. Изв. 1902 г. X), не останавливается на терминѣ „повѣтъ“, хотя указываетъ повѣты Пинскій и Городецкій въ изучаемой имъ территоріи (стр. 44 и сл.). Пинскій князь Өеодоръ Ивановичъ Ярославичъ въ одномъ изъ своихъ листовъ говоритъ: „въ повѣтѣ нашомъ Городецкомъ“ (Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. . . . . Вильна 1867. Стр. 332). Ср. предыдущее примѣчаніе.

современнымъ уѣздамъ Россіи, такъ непохожимъ на повѣты старой Польши и Польско-Литовской Речи Посполитой [1]). Латинское слово „districtus“ переводилось на польскій языкъ словомъ „powiat“, и создалось утвержденіе, что повѣтовое дѣленіе въ Польшѣ было введено уже Болеславомъ I-мъ на рубежѣ X-го и XI-го столѣтій [2]). Бракъ Ягайла съ Ядвигою и обѣщанное предшествующей этому браку Кревскою уніей соединеніе Литвы съ Польшею дали поводъ говорить о перенесеніи Польскаго повѣта въ Великое Княжество Литовское. Такому утвержденію благопріятствовали преувеличенныя представленія о силѣ Польскаго вліянія на Литовско-Русское государство въ эту эпоху и о размѣрахъ власти великаго князя надъ этимъ государствомъ. Перенесеніе Польскаго повѣта въ Великое Княжество Литовское доказывалось ссылками

---

1) Примѣръ употребленія слова „powiat“ рядомъ въ обоихъ значеніяхъ даетъ слѣдующая выписка изъ труда г. Янковскаго, посвященнаго изученію Ошмянскаго повѣта: „Gdy mowa o powiecie oszmiańskim z przed więcej niż stu laty, należy przedewszystkiem nie tracić z oczu ówczesnych jego granic. Siegały one daleko po za dzisiejszy powiatu obszar, obejmując niemal cały dzisiejszy powiat święciański i znaczną część wilejskiego“. (Powiat Oszmiański. Materjały do dziejów ziemi i ludzi. Zebrał i wydał Czesław Jankowski. Część druga. Petersburg 1897. Str. 257). Ср. обозначеніе словомъ „powiat“ современныхъ уѣздовъ Виленскаго, Свенцянскаго, Вилейскаго, Новогрудскаго, Лидскаго и Ошмянскаго на картахъ послѣдняго уѣзда въ 1896 году, приложенныхъ ко всѣмъ четыремъ частямъ этого труда г. Янковскаго (всѣ онѣ вышли въ Петербургѣ — 1-я часть въ 1896 году, 2-я въ 1897-мъ, 3-я въ 1898-мъ, 4-я въ 1900-мъ).

2) Бандтке еще избѣгаетъ называть Болеславово дѣленіе повѣтами (Dzieje Królestwa Polskiego przez Jerzego Samuela Bandtkie. Tom I. W Wrocławiu 1820. Str. 208—209. Русскій переводъ — Исторія государства Польскаго. Сочиненіе Георга Самуила Бандтке. Переводъ съ Польскаго П. Г. СПБ. 1830. Стр. 103—104). Но другіе историки и историки права ведутъ начало повѣтоваго дѣленія Польши съ эпохи этого князя (напр., Joachim Lelewel — Polska, Dzieje i Rzeczy jéj, tom II, Poznań 1859, str. 20—21, 26; Jan Wincenty Bandtkie-Stężyński, Historya Prawa Polskiego, Warszawa 1850, str. 70). Русскіе труды и переводы польскихъ трудовъ по исторіи Польши также повторяютъ это (впр., И. Кулжинскій, Исторія Польши, Кіевъ 1864, стр. 18; М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши, переводъ подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева, томъ I, СПБ. 1888, стр. 77—79; Влад. Грабеньскій, Исторія Польскаго народа, переводъ подъ редакціей пр.-доцента Н. Ястребова, СПБ. 1910, стр. 16).

на слово „districtus", которое употребляютъ нѣкоторые документы, выданные Ягайломъ[1]). Но это слово отнюдь не можетъ считаться терминомъ, находившимъ свое примѣненіе исключительно въ Польшѣ. Слово „districtus" было однимъ изъ обычныхъ словъ средневѣковой латыни, и употребленіе его латинскимъ языкомъ актовъ Великаго Княжества Литовскаго нисколько не говоритъ о перенесеніи Польскаго областного дѣленія или его наименованія въ Литовско-Русское государство. Гдѣ употреблялся латинскій языкъ, тамъ употреблялось и слово „districtus", обозначая судебно-административные округи, столь различные по своему происхожденію въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, дѣйствовавшихъ въ различныхъ государствахъ[2]).

Итакъ, первое изъ возраженій, которыя нужно сдѣлать

1) Большое вліяніе на усвоеніе этого взгляда оказалъ Ярошевичъ, трудъ котораго (Obraz Litwy pod względem jéj cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII przez J. Jaroszewicza, professora prawa krajowego w b. Uniwersytecie Wileńskim. Три тома, изданные въ Вильнѣ въ 1844 и въ 1845 годахъ) долго служилъ единственнымъ достаточно для своего времени полнымъ изложеніемъ внутренняго строя Великаго Княжества Литовскаго. Какъ мы видѣли выше, въ новѣйшее время на Польскомъ происхожденіи Литовско-Русскаго повѣта настаиваетъ Ѳ. И. Леонтовичъ. Но онъ ссылается въ подтвержденіе своего взгляда или на старые польскіе труды, которые еще не знаютъ результатовъ новыхъ изслѣдованій вопроса о Польскомъ повѣтѣ (Jaroszewicz, Maciejowski, Bandtkie-Stężyński), или на латинское слово „districtus" въ актахъ, относящихся къ исторіи Литовско-Русскаго государства, принимая это слово равнозначущимъ слову „повѣтъ" (при этомъ ссылка на № 464 собранія Даниловича, сдѣланная на стр. 317 Очерковъ исторіи Литовско-Русскаго права, относится даже не къ тексту переведеннаго на польскій языкъ документа, а къ примѣчанію издателя — Skarbiec Diplomatów Papiezkich, Cesarskich, Krolewskich, Książęcych; Uchwal narodowych, Postanowień różnych wladz i urzędów, poslugujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiéj i ościennych im krajów; zebral i w treści opisal Ignacy Danilowicz, tom I, Wilno 1860, str. 229).

2) Въ словарѣ Дю-Канжа находимъ такое опредѣленіе для слова „districtus": „Districtus, Territorium feudi seu tractus, in quo Dominus vassalos et tenentes suos distringere potest: justitiae exercendae in eo tractu facultas". Въ числѣ выписокъ изъ источниковъ въ словарѣ встрѣчаемъ слѣдующую: „et totum Districtum ejusdem insulae cum tota justitia dedi eis". Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis conditum a Carolo Dufresne Domino Du Cange cum supplementis integris monachorum ordinis S. Benedicti D. P. Carpenterii Adelungii, Aliorum, Suisque digessit P. A. L. Henschel. Tomus Secundus. Parisiis 1842. P. 889.

по поводу ученыхъ мнѣній о Польскомъ происхожденіи Литовско-Русскихъ повѣтовъ, касается самаго слова „повѣтъ“. Второе — относится къ содержанію понятія, выражаемаго этимъ словомъ. Разработка исторіи права Польши въ настоящее время обнаружила, что „повѣтъ“, въ спеціальномъ значеніи особаго вида областного дѣленія, въ самой Польшѣ возникаетъ лишь въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIV столѣтія и что округи „гродовъ“ предшествующаго времени не имѣютъ права называться въ ученой литературѣ повѣтами. Такимъ образомъ не только выяснилось несоотвѣтствіе термина „districtus“ термину „powiat“, но и самое существо Польскаго повѣта оказалось рѣзко отличнымъ отъ того, чѣмъ были дистрикты болѣе ранняго времени. Если въ основу повѣтоваго дѣленія Польши въ послѣднія десятилѣтія XIV вѣка ложился не административный принципъ, а принципъ компетенціи шляхетскаго повѣтоваго суда, какъ это выяснено теперь, то, естественно, является вопросъ: почему до-реформенный Литовско-Русскій повѣтъ, не имѣвшій этого суда повѣтовъ Польскихъ, долженъ былъ заимствовать отъ послѣднихъ свое названіе, хотя онъ не обладалъ именно тѣмъ, что было сутью повѣтоваго дѣленія Польши?[1]).

Но слово „повѣтъ“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано чуждымъ русскому языку. Литовско-Русскіе акты знаютъ слово „повѣтъ“. Такъ, въ записи „шкодъ“ людей князя Ивана Андреевича Полубенскаго, внесенной въ одну изъ книгъ Литовской Метрики между документами

---

1) „Te miejscowości, w których roczki się zbierały, stały się ośrodkami, okolo których utworzył się powiat. Kiedy pierwotnie można bylo pozywać to do tej, to do tamtej miejscowości, powoli w ciągu paru ostatnich dziesiątków lat XIV stulecia wyrabia się ścisle określenie zasady, że osiadłych w pewnych granicach należy pozywać tylko i wyłącznie do sądu tego okręgu. A taki okrąg — to powiat“ — такъ опредѣляетъ значеніе повѣта изслѣдователь областного суда Польши г. С. Кутшеба (Stanisław Kutrzeba. Starostowie, ich początki i rozwój do końca XIV w. Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno — Filozoficzny. Serya II. Tom XX. Str. 266). Результаты новѣйшей разработки вопроса о происхожденіи Польскаго повѣта см. въ переведенномъ на русскій языкъ трудѣ того-же д-ра Станислава Кутшебы — Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Переводъ подъ редакціей прив.-доцента Н. В. Ястребова. СПБ. 1907. Стр. 51–52. Ср. М. Грушевскій, Барское староство — историческіе очерки (Кіевъ 1894) стр. 130 и сл.

1521 года, читаемъ: „отъ тое пожоги выгорели двенадцать грядъ капусты, пять грядъ огурковъ, чосноку три гряды, куровъ тридцатеро, гусей пятеро; поветь згорела; подъ поветью были трои колеса“ [1]). Слово „повѣць“ въ значеніи павѣса, уменьшительныя отъ него „повѣтка“ и „повѣточка“, а также произведенное отъ него прилагательное „повѣтный“ до настоящаго времени употребляются въ Бѣлоруссіи [2]). Слово „повіт“ въ значеніи сарая извѣстно словарю языка „русскихъ южанъ“ [3]). Словари вообще русскаго и даже великорусскаго языка внесли слово „повѣть“ на свои страницы [4]). Но и слово „повѣтъ“ извѣстно древне-русскому языку въ значеніи завѣта, зарока или запрещенія [5]). Въ живомъ великорусскомъ языкѣ слово „повѣтъ“ также сохранилось по Далю въ отдѣльныхъ говорахъ въ значеніи завѣта, завѣщанія или наговора [6]). Если уже наличность слова „повѣть“ въ русскомъ языкѣ даетъ нѣкоторую воз-

---

1) Р. Ист. Библ. XX. Ст. 1522—1523.

2) И. И. Носовичъ. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія. СПБ. 1870. Стр. 434.

3) Пискуновъ Фортунатъ. Словарь живаго народнаго, письменнаго и актоваго языка русскихъ южанъ Россійской и Австро-Венгерской имперіи. Изданіе второе. Кіевъ 1882. Стр. 193.

4) Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный. Часть IV. СПБ. 1822. Ст. 1194 (повѣть — „въ деревняхъ заборъ“). Общій церковно-славяно-россійскій словарь или Собраніе реченій какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ . . . . . по порученію Комитета Устройства Учебныхъ Заведеній составленное П. . С. . съ присовокупленіемъ таблицъ склоненій и спряженій. Часть II. СПБ. 1834. Ст. 518 (повѣть — „въ деревняхъ заборъ“). Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ III. СПБ. 1847. Стр. 243 (повѣть — „родъ чердака надъ сараемъ, или другимъ строеніемъ“; повѣтье — „крестьянскій сарай для телѣгъ, саней и всякой упряжи“). Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля. Третье изданіе (подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ). II. Ст. 387 (повѣть — „вообще крытое мѣсто, ... “).

5) „Они же не пріяша рѣчи его, Дария боящися, бяху бо под рукою его и повѣтъ имуще не воевати на нь“. Жит. Алекс. Макед. Цитируемъ по Матеріаламъ И. И. Срезневскаго, который беретъ эту выписку отъ Востокова (Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ И. И. Срезневскаго. Томъ второй. СПБ. 1902. Ст. 1010). „Повѣтъ — завѣтъ, зарокъ, запрещеніе“.

6) Толковый словарь жив. велик. языка. II. Ст. 387.

можность искать сближенія съ нимъ „повѣта" Литовско-Русскаго областного дѣленія, то употребленіе древне-русскимъ языкомъ слова „повѣтъ" въ значеніи завѣта или запрещенія можетъ служить серьезнымъ основаніемъ для того, чтобы выводить изъ него это обозначеніе округа, въ предѣлахъ котораго правитъ, т. е. приказываетъ, разрѣшаетъ и запрещаетъ опредѣленная власть. Употребленіе актами выраженія „подъ повѣтомъ" въ значеніи „подъ управленіемъ", приведенное выше [1]), вполнѣ гармонируетъ съ общимъ характеромъ значенія слова „повѣтъ" какъ зарока или запрещенія, заключающаго въ себѣ элементъ власти. Мы не рѣшились бы всецѣло настаивать на сдѣланныхъ сейчасъ филологическихъ сближеніяхъ. Но не можемъ, однако, не отмѣтить, что русское происхожденіе слова „повѣтъ" Литовско-Русскихъ памятниковъ можетъ казаться вѣроятнымъ и по другому основанію. Это слово никогда не дается памятниками въ польскомъ его произношеніи, если оно написано русскими буквами. „Повятъ" вмѣсто „поветъ" едва ли возможно встрѣтить въ Литовско-Русскихъ памятникахъ, если они писаны русскимъ, а не польскимъ письмомъ. Между тѣмъ слова, употребляемыя и польскимъ и русскимъ языками, встрѣчаются въ этихъ памятникахъ сплошь и рядомъ и въ польскомъ и въ русскомъ ихъ произношеніи: „одностайне" и „еднностайне", „печать" и „печеть", „шапка" и „чапка", „сабля" и „шабля" и т. д. Во всякомъ случаѣ, едва ли возможно доказать, что старый „повѣтъ" Литовско-Русскаго государства былъ перенесенъ изъ Польши, и едва ли возможно утверждать, что русскій языкъ не могъ дать названія тому, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ понималось подъ „повѣтомъ" въ періодъ времени до реформъ 1565—1566 годовъ.

---

1) См. выше, стр. 5. Еще примѣръ. Въ листѣ-пожалованіи великаго князя Казимира на Пинскъ княгинѣ Маріи Семеновой Александровича (Олельковича) въ 1471 году стоитъ: „а которы панове и бояре наши подъ Пинскимъ повѣтомъ имене держатъ, то бы они такъ и держали, а княгини въ то не надобе вступатися" (А. С. Грушевскій. Op. cit. Приложенія. № 1. К. Ун. Изв. 1903 г. II). Ср. выше, на стр. 16—17, примѣненіе статутомъ 1529 года слова „повѣтъ" къ обозначенію компетенціи урядовъ, не имѣвшихъ областного административнаго значенія.

Глава II.

Литовско-Русскій повѣтъ послѣ реформы шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія.

Повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ и ея значеніе. Воеводства и повѣты, созданные реформою. „Списанье поветовъ и границъ“, сохранившееся въ Литовской Метрикѣ, и „Пописъ“ 1567 года. Установленіе границъ новыхъ повѣтовъ и разрѣшеніе вопросовъ, съ нимъ связанныхъ. Измѣненія въ составѣ повѣтовъ отдѣльныхъ воеводствъ послѣ реформы 1565—1566 годовъ. Люблинская Унія 1569 года и воеводства и повѣты Великаго Княжества Литовскаго послѣ нея. Вопросъ о границахъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, смежныхъ съ Польшею. Смоленское воеводство. Просьбы Литовско-Русскихъ повѣтовъ объ измѣненіи отдѣльныхъ сторонъ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ. Опредѣленіе центровъ для новыхъ повѣтовъ. Вопросъ о повѣтовомъ центрѣ Жомонтской земли. Перенесеніе повѣтоваго центра Упитскаго повѣта изъ Упиты въ Поневѣжъ. Созданіе временныхъ повѣтовыхъ центровъ. Господарскіе дворы и замки, какъ мѣсто функціонированія повѣтовыхъ урядовъ. Повѣтовый дворъ и „изба судовая“. Новый повѣтъ въ значеніи шляхетскаго округа и шляхетской корпораціи. Новый повѣтъ въ значеніи единицы областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Итоги изученія новаго повѣта. Подляшье въ XVI столѣтіи и его строй до присоединенія Подляшской земли къ Польшѣ въ 1569 году.

Къ шестидесятымъ годамъ XVI столѣтія въ Литовско-Русскомъ государствѣ ясно обнаружилась потребность реформы суда, военнаго дѣленія земскаго войска, шляхетскаго представительства на сеймѣ и, наконецъ, областной администраціи. Для своего осуществленія эта реформа требовала новаго областного дѣленія и измѣненія предѣловъ компетенціи старыхъ урядовъ, вѣдавшихъ судъ и управленіе въ областяхъ Литовско-Русскаго государства и ихъ подраздѣленіяхъ. Первое было совершено Виленскимъ сеймомъ

1565—1566 годовъ[1]); второе оказалось возможнымъ послѣ Бѣльскаго сейма 1564 года, на которомъ должностныя лица, занимавшія въ это время уряды, соединенные съ областными судомъ и администраціей, сами отказались отъ прежнихъ правъ, принадлежавшихъ этимъ урядамъ[2]). На Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года всѣ воеводы, земскіе урядники, старосты и державцы, „и которыхъ кольвекъ владности судовые" въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ „перекажали и впередъ перекажати бы могли" проекту II-го статута „и порядку а засаженью судовъ, въ немъ постановеному и описаному, пришедши" и ставши передъ господаремъ „облично. . . . , суды свои зо всими владностями и пожитъки, которыи по звирхности судовъ" великаго князя „не мней на нихъ належали и зъ обычаю перво помененого, и водлугъ статуту старого, выпустили" и всѣхъ своихъ правъ по судебному значенію своихъ урядовъ, „и тежъ водле звычаю права Корунъного вецовъ, судовъ и справъ всихъ воеводскихъ отъступили и выректи наконецъ". Этого мало. Воеводы, урядники, князья, паны, маршалки и вся шляхта, „никого не выймуючи, почонъ отъ старшого" по великомъ князѣ, „ажъ до наменъшого, такъ духовныи, яко и светскіи, великого [а] малого роду, — вси обыватели Великого Князьства на томъ сойме великомъ вальномъ Бельскомъ въ одно ровное право, въ однакій и не инакшій судъ и моцъ а властность и поступъки судовые, и въ послушеньство а въ порядокъ врядовъ, на судъ выбраныхъ и высажоныхъ, сами и съ потомки своими поддали и поддають". Такимъ образомъ уничтожалось главное препятствіе къ реформѣ областного суда, которой уже не одно десятилѣтіе добивалась шляхта Литовско-Русскаго государства: 1) сами обладатели урядовъ, соединенныхъ съ правами суда надъ шляхтою, отказались отъ этихъ правъ и 2) лица, которыя не подлежали повѣтовому суду[3]), добровольно признали свою ему подсудность. Но Литовско-Русская шляхта получила на Бѣль-

---

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 719 и сл.

2) Бѣльскій привилей 1564 года. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, XXIII, Статутъ 1566, стр. 4—11. Тотъ же привилей изданъ М. К. Любавскимъ — приложеніе № 48 къ изслѣдованію „Литовско-Русскій сеймъ".

3) См. выше, стр. 18.

скомъ сеймѣ не только это. Ей было гарантировано, что при новой организаціи областного суда, въ общемъ похожей на Польскую, воеводы не получать въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ того значенія, которое имъ было удѣлено строемъ областного суда Польши, въ которой надъ повѣтовыми судами въ эту эпоху стояли судебныя вѣча съ воеводами и каштелянами во главѣ [1]). Такимъ образомъ Литовско-Русская шляхта сумѣла пріобрѣсти крупныя уступки отъ стоявшихъ надъ нею пановъ и князей. Лишь послѣ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній шляхты открывалась возможность созданія Литовско-Русскаго повѣта въ томъ его значеніи, въ которомъ онъ существовалъ со времени утвержденія II-го статута все послѣдующее время жизни Великаго Княжества Литовскаго — и въ немногіе послѣ этого годы его совершенно самостоятельнаго существованія до Уніи 1569 года, и потомъ въ эпоху „спольной" Польско-Литовской Речи Посполитой, вплоть до ея раздѣловъ XVIII столѣтія. Новый повѣтъ явился единицею значенія военнаго, судебнаго, политическаго и административнаго. Необходимость этой новой единицы ясно чувствовалась въ серединѣ XVI вѣка, и мы уже видѣли, что намѣчался и путь, которымъ она должна была создаться. Этотъ путь — реформа военнаго дѣленія народа-шляхты; новое дѣленіе должно было и могло создать округи, на которые народъ-шляхта распадется и по границамъ территорій которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣлятся земли господарскія и владѣльческія, всѣхъ ихъ видовъ. Областное дѣленіе государства складывалось на основѣ раздѣленія на округи той части его населенія, которая была признана его „народомъ", т. е. шляхты. На первый взглядъ можетъ показаться, что при введеніи новаго повѣтоваго дѣленія имѣлось въ виду главнымъ образомъ созданіе судебныхъ округовъ для новыхъ судовъ [2]). Но въ дѣйстви-

1) О судебныхъ вѣчахъ Польши см., напр., Dr. Oswald Balzer, Geneza Trybunału Koronnego — studyum z dziejów sądownictwa Polskiego XVI wieku (Warszawa 1886, str. 18). На русскомъ языкѣ — указанный уже выше Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши д-ра Станислава Кутшебы, въ переводѣ подъ редакціей Н. В. Ястребова (стр. 119—120).

2) Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 г. (Харьковъ 1902), стр. 103: „раздѣленіе Ли-

тельности новый повѣтъ вводился отнюдь не въ цѣляхъ одной судебной реформы. Онъ долженъ былъ служить дѣлу всѣхъ четырехъ указанныхъ выше реформъ одновременно. Правда, что въ глазахъ шляхты выступала на первый планъ судебная сторона значенія новаго повѣта. Съ судомъ и его книгами шляхта имѣла дѣло постоянно, чѣмъ и объясняется ея интересъ именно къ этой сторонѣ значенія новаго дѣленія. Господарскіе листы въ повѣты, тотчасъ по ихъ учрежденіи, также иногда ставятъ судебное значеніе реформы на первый планъ [1]). Но господарскіе же листы сразу указываютъ и на другія стороны значенія новаго повѣта, какъ округа съ военнымъ, политическимъ и административнымъ значеніями. Повѣтъ сталъ единицею дѣленія государственной территоріи и единицею дѣленія народа-шляхты на корпораціи по мѣсту осѣлости, служенію земской военной службы подъ одного хоругвью, по сеймикованью какъ корпораціи этой хоругви, по присуду и по администраціи. Мы видѣли выше, какъ эти стороны реформы намѣчались и какъ утверждалась необходимость ихъ осуществленія въ предшествующее время. Новый повѣтъ и его устройство и были этой реформы осуществленіемъ. Если для шляхты повѣтовый судъ стоялъ на первомъ планѣ, то для центральной власти не менѣе важнымъ должно было представляться преобразованіе военнаго дѣленія земскаго войска, особенно необходимое въ тѣ годы тяжелой войны съ Москвою, которые переживало Литовско-Русское государство въ эпоху утвержденія II-го статута. И шляхта, и ея господарь сознавали, что главная задача государственной власти „оборона и справедливость“, онѣ — „фундаментъ покою посполитого“ [2]). Только шляхта въ своихъ повседневныхъ дѣлахъ и заботахъ ближе чувствовала нужду въ реформѣ областного суда, а центральная власть сознавала потребность въ обѣихъ реформахъ и даже, быть

товско-Русскаго государства на повѣты было произведено въ 1564—1565 г. г. ради судебныхъ цѣлей“.

1) Ср. универсалъ Сигизмунда Августа, выданный 28 января 1566 года въ Пинскій повѣтъ — Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 53—55.

2) Журн. Мин. Нар. Пр. 1897. VI. Стр. 263. См. также ниже, Приложенія, стр. 98, 113.

можетъ, больше въ военной, чѣмъ въ судебной. Реформа шляхетскаго представительства и вальнаго сейма назрѣла также. Наконецъ, назрѣла и реформа областной администраціи. Необходимость всѣхъ этихъ реформъ явилась результатомъ не только внутренняго роста государства и развитія его жизни, но и результатомъ наклона этого развитія въ сторону шляхетскаго начала, которое получило полное признаніе въ серединѣ XVI столѣтія.

Виленскій сеймъ 1565—1566 годовъ раздѣлилъ все Литовско-Русское государство на 30 повѣтовъ, которые составили 13 воеводствъ. Число повѣтовъ въ отдѣльныхъ воеводствахъ не было одно и то же. Оно колеблется между пятью и однимъ повѣтомъ. Виленское воеводство получило пять повѣтовъ: Виленскій, Ошменскій, Лидскій, Вилькомирскій и Браславскій. Троцкое — четыре: Троцкій, Городенскій, Ковенскій и Упитскій. Волынское, Новгородское и Подляшское — по три. Повѣтами Волынскаго воеводства были: Луцкій, Владимірскій и Кремянецкій; Новгородскаго — Новгородскій, Слонимскій и Волковыйскій; Подляшскаго — Дорогицкій, Мельницкій и Бѣльскій. По два повѣта получили четыре воеводства: Кіевское, Витебское, Берестейское и Минское. Повѣты Кіевскаго — Кіевскій и Мозырскій, Витебскаго — Витебскій и Оршанскій, Берестейскаго — Берестейскій и Пинскій, Минскаго — Минскій и Рѣчицкій. Наконецъ, четыре воеводства имѣли въ своемъ составѣ лишь по одному повѣту: воеводства Полоцкое, Мстиславское, Браславля Подольскаго и староство Жомонтское. Изъ перечисленныхъ сейчасъ тринадцати воеводствъ восемь существовали до Виленскаго сейма 1565—1566 годовъ, пять были учреждены на немъ — Волынское, Берестейское, Мстиславское, Браславля Подольскаго и Минское. Но, существуя до реформы 1565—1566 годовъ, восемь старшихъ воеводствъ, конечно, измѣнили свои предѣлы съ введеніемъ реформы, такъ какъ изъ нихъ были выдѣлены пять воеводствъ новыхъ.

Мы имѣемъ два оффиціальныхъ документа, говорящихъ о распредѣленіи старыхъ повѣтовъ между тридцатью новыми, которые они образовали своимъ сліяніемъ. Эти документы — „Списанье поветовъ и границъ“, сохраненное VII-ю книгою Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Литовской

Метрики, и „Пописъ“ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго, составленный въ 1567 году. „Списанье поветовъ и границъ“ находится въ VII-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ между документами 1566 года, на листахъ 117—125 книги[1]). Передъ этимъ документомъ въ книгѣ Метрики записана „наука и злецене з росказанья его кролевское милости поселъства на соймикъ поветовый Мельницкій, зложоный въ тыхъ часехъ передъ кветною неделею за тыйдень року[2]) шестьдесятъ шостого“[3]). Послѣ „Списанья поветовъ и границъ“ въ книгу внесена запись разсылки господарскихъ листовъ, со слѣдующимъ заголовкомъ: „року 66, м[е]с[е]ца октебра 18 дн[я], з Варшавы розъсылало листы соймовые и иные“[4]). Такимъ образомъ мѣсто въ ряду записей книги Литовской Метрики, на которомъ сохранился текстъ „Списанья“, не имѣющаго даты въ оригиналѣ, вмѣстѣ съ соображеніями о необходимости составленія подобнаго документа при утвержденіи II-го статута, а также и изученіемъ подробностей содержанія этого „Списанья“ заставляютъ считать несомнѣннымъ его составленіе именно въ 1565—1566 годахъ, въ эпоху начала осуществленія повѣтовой реформы.

„Списанье поветовъ и границъ“ говоритъ, что „къ хоругви до Вилни тые маютъ быти прилучоны: Керновеская, Курклевская, Кгедроитская, Судеревская, Неменъчинская, Мойшакгольская, Рудоминьская, Мемежъская“[5]). Вилкомирскій повѣтъ, согласно тому же документу, принимаетъ въ себя „меньшіе поветы“ — Оникштенскій, Пепянскій и Курклевскій; къ Ковенскому — „прилучоны“ хоругви Дорсунишская, Бирштанская, Пуни и Стоклишская; къ Троц-

---

1) Издано М. К. Любавскимъ — Приложенія къ книгѣ „Литовско-Русскій сеймъ“, № 55 (въ передачѣ заголовка къ этому документу вкрался недосмотръ: „Описанье“ вмѣсто „Списанье“).

2) Въ оригиналѣ описка: „рош“.

3) Л. л. 115 об. — 117. Издано М. К. Любавскимъ (Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія. № 57) и Н. А. Максимейкомъ (Сеймы Литовско-Русскаго государства. Приложенія. Стр. 157—159).

4) Л. 125. Эта запись издана также М. К. Любавскимъ (Op. cit., № 60) и Н. А. Максимейкомъ (Op. cit., стр. 166 и сл.).

5) Лит. Метр. $\frac{\text{III А}}{7}$ л. 117. Въ изданіи М. К. Любавскаго стр. 156.

кому — „прилучоны“ хоругви Сомилишская, Жижморская, Высокодворская, Лепуньская, Волкиницкая, Довговская, Перелайская и Меречская, Олитская и Немонойтская. Но, соединяя нѣкоторые старые повѣты, „Списанье“ другіе оставляетъ въ ихъ прежнихъ предѣлахъ. Прямо это документъ говоритъ о повѣтахъ Упитскомъ и Браславля Подольскаго: „поветъ Упитъскій самъ въ собе зоставаеть, которого есть миль 17“ [1]) и „Браславль и Веница такъ, яко на тотъ часъ есть у своихъ границахъ, зостало“ [2]). О другихъ повѣтахъ „Списанье“ не говоритъ прямо, что они остаются въ своихъ прежнихъ границахъ, но не говоритъ и о присоединеніи къ нимъ другихъ старыхъ повѣтовъ-хоружествъ. Это заставляетъ думать, что крупныхъ перемѣнъ въ ихъ предѣлахъ оно не предполагаетъ.

Другой документъ оффиціальнаго происхожденія, который былъ названъ нами выше, — „Пописъ“ земскаго войска Литовско-Русскаго государства въ Молодечнѣ въ 1567 году. Городенскій сеймъ своимъ „рецесомъ“, датированнымъ 6-го января 1567 года, установивъ размѣры земской военной службы, установилъ и созывъ земскаго войска въ посполитомъ рушеньѣ листами господаря или великаго гетмана, когда это будетъ необходимо по ходу военныхъ дѣйствій Московской войны [3]). 15 апрѣля 1567 года изъ Петркова были выданы Сигизмундомъ Августомъ въ Великое Княжество Литовское военные листы, назначающіе для сбора земскаго войска Молодечно мѣстомъ и Седьмую Субботу днемъ [4]). День Седьмой Субботы послѣ Пасхи падалъ въ

---

1) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 118 об. Въ изданіи М. К. Любавскаго стр. 158.

2) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 123 об. Въ изданіи М. К. Любавскаго стр. 163.

3) Док. М. Архива Мин. Юстиціи. I. Стр. 463.

4) „Року [15]67 писаны листы военъные по панъству его кролевское милости, Великому Князству Литовъскому, складаючи рокъ збиранью войска у Молодечне на день Семое Суботы, теперешнего пришлого свята, и розосланы тые листы з Петрикова м[е]с[е]ца апреля 15 дня“. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 145. Запись разсылки этихъ листовъ находится въ той же книгѣ Метрики на л. л. 145—147. Какъ образецъ этихъ военныхъ листовъ приведенъ листъ господарскому писарю, державцѣ Свислочскому, пану Михаилу Гарабурдѣ. Въ этомъ листѣ, послѣ указанія на дѣйствія

1567 году на 17 мая[1]). Но земское войско собралось къ этому дню въ Молодечно далеко не въ полномъ составѣ[2]), что вызвало разсылку новыхъ господарскихъ листовъ, требовавшихъ на основаніи постановленія Городенскаго сейма, чтобы обязанные служить земскую военную службу ѣхали со своими почтами „до Молодечна днемъ и ночю, яко на кгвалтъ поспешаючися" [3]).

Но и этотъ второй призывъ Сигизмунда Августа, датированный уже 13 іюля 1567 года, т. е. почти черезъ два мѣсяца послѣ истеченія назначеннаго срока для сбора земскаго войска въ Молодечнѣ, очевидно, не достигъ своей цѣли, такъ какъ 1 августа 1567 года вновь были выданы великимъ княземъ листы, требующіе того же[4]). Изъ всего этого ясно, что „попись" земскаго войска, составленный въ Молодечнѣ въ 1567 году, не можетъ считаться полной пере-

---

Московскаго великаго князя и ссылки на постановленіе Городенскаго сейма, Сигизмундъ Августъ назначаетъ мѣсто „збиранью" войска въ Молодечнѣ и предписываетъ Гарабурдѣ „тягнуть" туда съ его почтомъ и стать тамъ „на день Семое Суботы". Дата листа: Петрковъ, 14 апрѣля 1567 года. Подпись: „Матысъ Савицкій, писарь" (л. л. 147 об. — 148 книги).

1) Н. Горбачевскій. Археографическій Календарь.... Вильна. 1869. Таблица № 9. О „Семой Суботѣ" см. стр. 328 Словаря древняго актоваго языка Н. Горбачевскаго.

2) Ср. Литовско-Русскій сеймъ М. К. Любавскаго, стр. 779—780.

3) Какъ образецъ этихъ листовъ въ VII-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ Метрики приведенъ листъ Сигизмунда Августа, адресованный „маршалъку нашому пану Ивану Воловичу, хоружому, земяномъ и двораномъ нашимъ и всему рыцерству-шляхте, тымъ, которые именя свои въ повете Городенскомъ маютъ". Листъ этотъ предписывается огласить въ мѣстахъ, при костелахъ и на торгахъ. Дата листа: Кнышинъ, 13 іюля 1567 года. Заголовокъ его въ книгѣ: „тые листы такъ писаны о показанью се на войну, яко до потребы, въ Молодечне". Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 151.

4) „Року [15]67, м[е]с[е]ца августа писаны листы военъные до всихъ поветовъ, абы ку попису до Молодечна днемъ и ночью поспешали; и розослано тые листы з Городна того жъ м[е]с[е]ца августа". Какъ образецъ этихъ листовъ въ VII-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ Метрики вписанъ листъ Сигизмунда Августа къ „княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ поветовымъ, хоружому, земяномъ и двораномъ нашимъ, всимъ тымъ, которыеименья и оселости свои въ повете Троцкомъ маютъ". Дата листа: Городна, 1 августа 1567 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 151—152.

писью всѣхъ обязанныхъ служить земскую военную службу въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Но онъ можетъ дать и дѣйствительно даетъ указанія на составъ новыхъ повѣтовъ въ ихъ сравненіи со старыми, такъ какъ, будучи первымъ „пописомъ" послѣ повѣтовой реформы, онъ долженъ былъ считаться съ переходомъ стараго повѣтоваго дѣленія въ новое, созданное Виленскимъ сеймомъ 1565—1566 годовъ и утвержденное на этомъ сеймѣ II-мъ статутомъ.

„Пописъ" 1567 года[1]) указываетъ слѣдующія старыя

1) Заглавіе этого „Пописа" въ рукописи его слѣдующее: „Лѣта Божего Нароженя 1567 року. Пописъ войска земъского Великого Князъства Литовъского, которые збиралися за уфалою сойму Городенского на мѣстцо, черезъ листы короля его милости назначоное, къ Молодечну. Которому збиранью часъ былъ од короля его милости зложонъ на Семую Суботу, недавно прошлую; а почали збирати и пописыватися въ Красномъ Селе передъ его милостью паномъ гетманомъ, паномъ Григоремъ Александровичомъ Ходкевича, паномъ Виленскимъ, гетманомъ наивышшимъ Великого Князъства Лит[о]вского, старостою Городенскимъ, державцою Могилевскимъ, черезъ мене, служебника его милости, Стефана Якимовича списано". Рукопись „Пописа" 1567 года, не имѣя старинной пагинаціи, имѣетъ двойную пагинацію новую (цифрами): наверху листовъ и внизу ихъ. Нижній счетъ начинается съ 17 листа. Эти пагинаціи начинаютъ расходиться съ 18 листа. Причина различія въ счетѣ: чистые листы книги, которые не принимаются въ расчетъ верхней пагинаціей и считаются пагинаціей нижней. Имѣются въ книгѣ и попытки исправлять верхнюю пагинацію счетомъ нижней (такъ, зачеркнута цифра 17 и рядомъ написано 18, зачеркнуто 26 и рядомъ написано 29). Такъ какъ число чистыхъ листовъ, находящихся въ книгѣ между листами исписанными, все растетъ по мѣрѣ удаленія отъ ея начала, то и разница въ нижней и верхней пагинаціяхъ постоянно увеличивается съ приближеніемъ къ концу книги: 18 наверху соотвѣтствуетъ 19-ти внизу, 26—29-ти, 39—42-мъ, 40—46-ти и т. д., 352—382-мъ. Послѣдняя цифра нижняго счета — 412 (наверху 378). Далѣе нижній счетъ листовъ прекращается, возобновляясь, однако, время отъ времени: 421 (наверху 378), 677 (наверху 643) и еще не однажды. Послѣдній листъ текста — 860-й по верхней пагинаціи, 911 по нижней. Рукопись „Пописа" 1567 года принадлежитъ Несвижскому архиву князей Радивиловъ. Мы имѣли возможность ознакомиться съ нею, благодаря любезному разрѣшенію Императорской Археографической Коммиссіи, которая въ настоящее время издаетъ „пописъ" 1567 года вмѣстѣ съ „пописомъ" 1565 года и „ухвалою" 1528 года. За это разрѣшеніе приносимъ глубокую благодарность Императорской Археографической Коммиссіи, а равно и ея дѣлопроизводителю Василію Григорьевичу Дружинину, любезность котораго облегчила намъ работу надъ этою рукописью. Какъ выше было

хоружества-повѣты „прилучоными“ къ другимъ для образованія новыхъ повѣтовъ: къ Ошменскому повѣту — хоругви Кревскую, Свирскую и Геранонискую[1]), къ Вилкомирскому — Пенянскую[2]), къ Троцкому — Довговскую и Перелайскую, Жижморскую, Сомилишскую, Высокодворскую, Олитскую, Лепунскую и Меречскую[3]) (часть шляхты последней хоругви была присоединена, однако, къ повѣту Городенскому)[4]), къ Ковенскому — шляхту кола Пунскаго съ его хоружимъ (Янъ Соболевскій), кола Дорсунишскаго, кола Бирштанскаго и кола Стоклишскаго[5]), къ Лидскому — хоругви Ейшишскую, Василишскую, Радуньскую и Остринскую[6]). Берестейскій повѣтъ показанъ слитымъ изъ трехъ

указано (стр. 8, прим. 1), мы пользовались уже отпечатанными 24-мя листами изданія. Въ ссылкахъ на изданную часть „Пописа“ въ этихъ листахъ (ст. 431—768 изданія) мы указываемъ столбцы изданія и листы книги по верхней пагинаціи. Въ ненапечатанной еще на этихъ столбцахъ изданія части книги ссылки дѣлаемъ на листы книги по верхней же ея пагинаціи. Эта послѣдняя предпочтена нами, какъ не прерывающаяся.

1) „До того жъ повѣту Ошменского прилучона хоруговъ Кревская и Свирская“ (л. 123 об., ст. 593 изданія). „Къ тому жъ повѣту Ошменскому прилучона хоруговъ Кгеранонпская“ (л. 128, ст. 597 изданія).

2) „До тое жъ хоругви Вилкомирское прилучона хоруговъ Пенянская“ (л. 163 об., ст. 630 изданія).

3) „До того жъ повѣту Троцкого прилучона хоруговъ Довкговская и Перелайская“ (л. 176, ст. 644 изданія). „До того жъ повѣту Троцкого прилучона хоруговъ Жижморская“ (л. 178, ст. 646 изданія). „До того жъ повѣту Троцкого прилучона хоруговъ Сомилишская“ (л. 182, ст. 652 изданія). „До того жъ повету Троцкого прилучона хоруговъ Высокодворская“ (л. 188, ст. 658 изданія). „До того жъ повѣту Троцкого прилучона хоруговъ Олицкая“ (л. 191 об., ст. 663 изданія). „До то[го] жъ повѣту Троцкого прилучона (въ оригиналѣ стоитъ: „прулучона“) хоруговъ Лепунская“ (л. 195, ст. 667 изданія). „До того жъ повѣту Троцкого прилучона хоруговъ Мерецкая“ (л. 197, ст. 670 изданія).

4) „Шляхта хоругви Мерецкое, которые именья свои маютъ поблизу Сепре и около Веисе и Берзникъ, которые въ поветъ Городеньскій прилучоны“ (л. 238, ст. 710 изданія).

5) „Шляхта кола Пунского“ (л. 270, ст. 741 изданія). „Шляхта кола Дорсунишского“ (л. 271 об., ст. 742 изданія). „Шляхта кола Вирштаньского“ (л. 273, ст. 745 изданія). „Шляхта кола Стоклишского“ (л. 274, ст. 746 изданія).

6) „До того жъ повѣту Лидского прилучона хоруговъ Еишиская“ (л. 280 об., ст. 755 изданія). „До того жъ повѣту Лидского прилучона хоруговъ Василишъская“ (л. 295). „До того жъ повѣту Лидского при-

старыхъ повѣтовъ: Берестейскаго, Каменецкаго и Кобринскаго[1]). Что касается повѣта Виленскаго, то „прилучоными“ къ нему показаны лишь хоругви Рудоминская, Керновская и Судеревская[2]). Сравнивая хоружества, которыя показываетъ „Поппсъ“ 1567 года, какъ присоединенныя къ другимъ для образованія новыхъ повѣтовъ, съ показанными въ такомъ же положеніи присоединенными „Списаньемъ поветовъ и границъ“, легко отмѣтить бóльшую полноту указаній перваго по сравненію съ послѣднимъ. „Списанье“ упустило отмѣтить хоругви Кревскую, Свирскую, Гераноннскую, Ейшишскую, Василишскую, Радуньскую, Остринскую, Каменецкую и Кобринскую. Правда, что и „Попись“ 1567 года упускаетъ назвать хоругви Курклевскую, Гедройтскую, Немепчинскую, Мойшагольскую, Мемижскую, Оникштенскую, Волкиницкую и Немоноитскую, но объяснить этотъ пропускъ можно и неполнотою его рукописи, и неявкою къ „попису“ нѣкоторыхъ хоругвей.

Уже неполнота въ перечисленіи хоружествъ, слитыхъ реформою 1565—1566 годовъ въ новые повѣты, отмѣчаемая въ „Списаньѣ“, заставляетъ относиться съ извѣстною осторожностью къ этому документу. Но изученіе его даетъ еще и другое основаніе для того, чтобы эта осторожность усилилась. „Списанье поветовъ и границъ“ говоритъ, что въ рядѣ повѣтовъ повѣтовые земскіе суды отправляютъ свои сессіи не въ одномъ центральномъ пунктѣ повѣта, а въ нѣсколькихъ его городахъ и господарскихъ дворахъ, которые имѣютъ и свои особыя земскія книги. Въ Виленскомъ повѣтѣ „одны книги и судьи у Вильни, други[е] книги въ Кернове, а судьи тые жъ будуть судити“. Въ Ковенскомъ повѣтѣ „книги головные“ должны находиться въ Ковенскомъ замкѣ, но сессіи

лучона хоруговъ Радунская“ (л. 302 об.). „До того жъ по[вѣ]ту Лидского прилучона хоруговъ Острынъская“ (л. 307).

1) „Повѣтъ Берестейскій, Каменецкій и Кобринскій, надъ которыми повѣты хоружій одинъ — панъ Кирдѣй Кричевскій, судья Берестейскій“ (л. 675).

2) „До того жъ повѣту Виленского прилучона хоруговъ Рудоминская“ (л. 84, ст. 551 изданія). „До того жъ повету Виленского прилучона хоруговъ Керновская“ (л. 87 об., ст. 557 изданія) „До того жъ повету Виленского прилучоно хоруговъ Судеровскую“ (л. 94, ст. 566 изданія).

земскаго суда отбываются по двѣ недѣли въ Ковнѣ и въ Пуняхъ, причемъ эти сессіи (роки) „мають быти четверы до году“. Въ Троцкомъ повѣтѣ: одни роки и книги въ Трокахъ, другіе — въ Меречи; сессіи земскаго суда также обозначены по четыре раза въ году. Въ Мстиславскомъ воеводствѣ роки и книги предположены въ Мстиславлѣ и Радомлѣ, въ Витебскомъ — въ Витебскѣ и Оршѣ. Говоря о распредѣленіи сессій земскихъ судовъ и ихъ книгъ по повѣтамъ, „Списанье“ уже само обнаруживаетъ, что оно дѣлаетъ это лишь предположительно. Послѣ описанія границъ Ошменскаго повѣта стоитъ: „книги перъвшіе у Ошмене, другіе въ Мяделе, третіе у Швинтанехъ, естлибы потреба; суды того повету напервей мають починати въ Ошъмене, а потомъ въ Мяделе, а на конецъ въ Швинътанехъ“ [1]). Статутъ 1566 года и дѣйствительная организація земскихъ судовъ въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ обнаруживаютъ, что это предположеніе „Списанья“ устроить сессіи земскихъ судовъ въ нѣсколькихъ пунктахъ одного и того же повѣта, съ особыми книгами для этихъ пунктовъ, на самомъ дѣлѣ не осуществилось. Статутъ знаетъ только однѣ книги земскаго суда для цѣлаго повѣта: „уставуемъ тежъ, хотечы то мѣти, и приказуемъ, абы въ кождомъ таковомъ повѣтѣ, гдѣ судъ земскій будеть, въ замку албо у дворѣ нашомъ, судья, подсудокъ и писарь земскій посполъ зъ шляхтою выбрали, збудовали и [о]патрыли таковое мѣсто, гдѣ бы завжды книги земскіе безпечнѣ отъ всякое пригоды были захованы“ [2]). Статутъ говоритъ лишь объ одномъ мѣстѣ храненія земскихъ книгъ для цѣлаго повѣта, о нахожденіи ихъ только въ одномъ пунктѣ повѣта. Что касается сессій или „роковъ“ земскихъ судовъ, то статутъ 1566 года установляетъ

1) О Кіевскомъ повѣтѣ („воеводство Кіевское“), „Списанье“ говоритъ: „книги абы были розложоны на трехъ местцахъ для далекости дороги и тежъ, ижъ не есть шляхъта частая — перъшіе книги въ Кіеве, другіе въ Житомири“. Если не считать пропускъ третьяго пункта, предназначеннаго для сессій земскаго суда и храненія его книгъ, погрѣшностью рукописи, то въ этомъ пропускѣ можно видѣть еще указаніе на предположительный характеръ „Списанья“, не имѣвшаго еще возможности установить третій пунктъ для отправленій земскаго суда въ Кіевскомъ повѣтѣ.

2) II ст., IV, 11.

число ихъ въ году не четыре, а три: Троицкая (весенняя), Михайловская (осенняя) и Трикрольская (зимняя)[1]). Статутъ 1588 года не измѣняетъ этихъ постановленій[2]), а актовыя книги земскихъ судовъ доказываютъ, что они дѣйствительно вступили въ силу[3]).

Таковы замѣчанія, которыя вызываетъ текстъ „Списанья поветовъ и границъ", сохранившійся въ 7-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской. На основаніи изложенныхъ выше наблюденій нельзя признать этотъ текстъ получившимъ оффиціальное утвержденіе на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ. Надо думать, что „Списанье" было лишь проектомъ, который затѣмъ былъ сданъ въ государственный архивъ Великаго Княжества Литовскаго, а потомъ при составленіи 7-ой книги Публичныхъ Дѣлъ былъ внесенъ въ нее вмѣстѣ съ документами и актами, имѣвшими санкцію правительственной власти. Организація земскаго суда въ этомъ проектѣ предполагалась ближе къ устройству того же суда въ Польшѣ, и статутъ 1566 года внесъ отмѣну нѣкоторыхъ предполагавшихся къ введенію сторонъ Польскаго земскаго суда. Въ Польшѣ дѣйствительно судья и подсудокъ земскаго суда были судебными урядниками, которые творили судъ, лично или черезъ своихъ замѣстителей, въ опредѣленныхъ пунктахъ поочередно[4]).

Границы новыхъ повѣтовъ въ общемъ должны были быть опредѣлены Виленскимъ сеймомъ 1565—1566 годовъ, хотя сохранившееся и извѣстное уже намъ ихъ „Списанье" и не можетъ быть признано ихъ точнымъ и законченнымъ

1) II ст., IV, 27. Троицкіе роки начинаются на другой день послѣ „святое Троицы, Рымского свята", Михайловскіе — „на завтрее" послѣ дня „светого Михайла, Рымского жъ свята" (день св. Михайла — 29 сентября), Трикрольскіе — „о Трехъ Кролехъ, святѣ Рымскомъ", также на другой день послѣ этого праздника (день Трехъ Кролей 6 января).

2) О земскомъ судѣ Великаго Княжества Литовскаго въ концѣ XVI вѣка см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 263—294.

3) А. Вил. XXII. Стр. 302 и сл.

4) Stanisław Kutrzeba. Sądy ziemskie i grodzkie w wiekach średnich. Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Hist.-Filoz. Serya II. Tom XV. Str. 304. Serya II. Tom XVII. Str. 81, 145. Д-ръ Станиславъ Кутшеба. Очеркъ исторіи общественно-госуд. строя Польши (переводъ подъ ред. Н. В. Ястребова). Стр. 117—118.

установленіемъ. Не только отмѣченный выше характеръ этого документа, какъ проекта, заставляетъ это утверждать — самый текстъ „Списанья“ говоритъ объ еще только предстоящемъ точномъ опредѣленіи границъ повѣтовъ. Этотъ текстъ заканчивается слѣдующими словами: „тые границы мають быти черезъ кашталяна и увесь врадъ кождого повету выпростованы и копцами засыпаны водле наболшого уважаня, яко наслушней быти розумеючи, водами живыми и дорогами, а где не можеть быти, тогды копцами осыпывати ихъ“. Такимъ образомъ, границы повѣтовъ еще ожидали своего точнаго опредѣленія на мѣстѣ и по словамъ „Списанья“.

Надо думать, однако, что не для всѣхъ повѣтовъ точныя границы установились сразу. О томъ, что Кіевскій повѣтъ не имѣлъ еще, по крайней мѣрѣ, до зимы 1566 года вполнѣ опредѣленно обозначенныхъ границъ съ другими повѣтами, совершенно ясно говоритъ универсалъ о созывѣ Берестейскаго сейма на 1 декабря 1566 года, выданный въ этотъ повѣтъ Сигизмундомъ Августомъ изъ Варшавы 15 октября 1566 года. Въ этомъ универсалѣ отъ имени великаго князя говорится: „при томъ бачечи тежъ мы быти и того потребу, абы границы поветовъ помешанья не терпели, для того хоче[мъ м]ети, абы, з ведомостью пана воево[ды] Кіевского, подоко[мо]рый Кіевъскій з судъею и подсудъкомъ тамошними Кіевъскими, обославшися з ыными врядниками другихъ поветовъ прилеглыхъ, объехати сполъне границы, покуля тотъ поветъ Кіевъскій замеренье свое во прахъ судовыхъ маеть мети; где бы потреба знаки новые положити, менуючи урочищами, то бы есте все, меновите списавши, черезъ послы на съемъ до насъ послали; а мы, намовивши около того съ паны радами нашими ихъ милостью, учинимъ съ тымъ и отправити кажемъ такъ, яко ся намъ г[о]с[по]д[а]ру наслушней будеть видети“ [1]). Можно ду-

1) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 127 об. — 128 об. Заголовокъ этого документа такой: „Универсалъ о сойме, у Берести зложономъ. Тые листы такъ писаны“. Въ приведенномъ книгою въ качествѣ образца листѣ въ Кіевскій повѣтъ Сигизмундъ Августъ обращается къ „княземъ, паномъ, старостамъ и всимъ врадникомъ дворнымъ и земъскимъ и поветовымъ, земяномъ и дворяномъ нашимъ, тымъ, которые мають именья свои въ повете Кіевъскомъ“. См. Л.-Р. сеймъ М. К. Любавскаго, Прилож. № 60.

мать, что такого же содержанія листы были посланы въ октябрѣ 1566 года и въ другіе повѣты Великаго Княжества Литовскаго [1]).

Вальные сеймы Литовско-Русскаго государства, собиравшіеся въ ближайшее время послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, постоянно выдвигали вопросы о болѣе точномъ опредѣленіи или измѣненіи границъ новыхъ повѣтовъ. На Берестейскомъ сеймѣ 1566 года послы Витебскаго повѣта въ числѣ „отказовъ" Сигизмунда Августа получили такой: „также и для достаточнейшого ограниченья оного повету рачыть его кор. милость тамъ некоторыхъ пановъ радъ и врадниковъ земскихъ зослати и тотъ поветъ ограничити росказати" [2]). На Городенскомъ сеймѣ 1568 года Виленское воеводство просило, чтобы „для иславы того воеводства, або земли Виленское, яко столицы его милости господарское", великій князь „рачилъ ее въ границахъ пошырити и прибавити". На томъ же сеймѣ Троцкое воеводство просило объ исправленіи границъ Троцкаго повѣта съ Городенскимъ и Ковенскимъ, причемъ послы его представили господарю „на писме то", по какимъ бы „врочищамъ границы того округу земли Троцкое мети хотели". Кромѣ того Троцкое воеводство хлопотало о возвращеніи „въ присудъ воеводства Троцкого" шляхты хоружествъ Ейшишскаго, Радуньскаго, Коневскаго [3]), Дубицкаго, Василишскаго и Острынскаго, „которіе съ теперешнего нового постановеня суть обернены въ присудъ повету Лидского". Всѣ эти просьбы Виленскаго и Троцкаго воеводскихъ повѣтовъ были, однако, отложены Сигизмундомъ Августомъ до другого сейма съ оставленіемъ пока этихъ дѣлъ „водле першого постановеня и розграниченья зъ сойму Виленского" 1565—1566 годовъ [4]). На томъ же сеймѣ Мельницкій повѣтъ хлопоталъ о присоединеніи къ нему ряда имѣній и парафій, не вошедшихъ въ него по новому раз-

1) Заголовокъ къ тексту этого листа въ VII-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ (см. предшествующее примѣчаніе) даетъ право это думать.

2) Док. Моск. Архива Мин. Юст. I. Стр. 203.

3) Въ изданіи стоитъ: „Ковенского".

4) Док. Моск. Архива Мин. Юст. I. Стр. 486.

граничепію повѣтовъ [1]). Наконецъ въ 1569 году, на Люблинскомъ соймѣ былъ поднятъ вопросъ о части Ошменскаго повѣта: Виленскіе послы хлопотали о присоединеніи ея къ Виленскому повѣту, Ошменскіе — о томъ, „жебы ни въ чомъ не змешпано того повету Ошменского, а ни до повету Виленского прилучоно". Сигизмундъ Августъ „комисаре певные зеслать границы тыхъ поветовъ объехати и огледати росказати рачилъ" и, когда эти коммиссары ему „дадуть справу, на онъ часъ его королевская милость о томъ постановенье слушное вчинити хочеть на пришломъ сойме" [2]). О неуменьшеніи своихъ границъ хлопоталъ на этомъ соймѣ и Берестейскій повѣтъ [3]).

Вопросъ о границахъ того или другого повѣта поднимался и впослѣдствіи. На мѣстѣ могли возникать и дѣйствительно возникали споры и недоразумѣнія по поводу того, къ какому повѣту принадлежитъ мѣстность, лежащая на границѣ двухъ повѣтовъ. Такой вопросъ, напримѣръ, былъ поднятъ въ концѣ XVI столѣтія Пинскимъ сеймикомъ, что вызвало приказаніе Сигизмунда III-го Новгородскому и Пинскому подкоморіямъ съѣхаться на границѣ этихъ повѣтовъ и опредѣлить точно предѣлы того и другого [4]). Дѣло о границахъ Полоцкаго и Витебскаго повѣтовъ было представлено рѣшенію Стефана Баторія во время Торунскаго сейма 1576 года. Витебскій воевода [5]) и земскіе урядники

1) Ibidem. Стр. 491—492.

2) Ibidem. Стр. 500—501.

3) Ibidem.

4) Въ записи листа Сигизмунда Августа въ Пинскій повѣтъ отъ 28 января 1566 года о введеніи въ немъ новыхъ повѣтовыхъ судовъ, сдѣланной въ Пинскихъ гродскихъ книгахъ 20 января 1662 года (въ видѣ выписи изъ Пинскихъ гродскихъ же книгъ отъ 3 іюня 1615 года), послѣ окончанія текста этой выписи стоитъ: „а прыписокъ на томъ выписе тыми словы — якожъ и король его милость Жыкгъмунтъ Третій въ року тисеча пятъсотъ деветдесятъ шосътомъ, мая шостого дня пише до подкоморого Новъгородского Адама Хрептовича, же доношоны были прозбы отъ посъловъ з ынъструкъцыи, абы съ подкоморымъ Пинскимъ, на границу ихъ зехавшы, успокоили, окъружыли, што до которого повету належыть, абы поветъ Пинскій уближеня и шкоды не мелъ". Виленскій Центральный Архивъ, № 13014 (Пинскаго гродскаго суда № 27). Стр. 358.

5) Панъ Станиславъ Пацъ.

и шляхта Витебскаго повѣта принесли жалобу королю на нарушеніе урядниками и шляхтою Полоцкаго воеводства „заграниченья повѣту Витебского“ [1]). Только что вступившій на Польско-Литовскій престолъ и еще не вполнѣ знакомый со строемъ соединенной Речи Посполитой, король Стефанъ получилъ по поводу этого дѣла отъ пановъ-рады Княжества „певную справу и вѣдомость, ижъ не только воеводство Витебское съ Полоцкимъ, але и все Великое Князство Литовское, на томъ вальномъ соймѣ [2]), около росписанья повѣтовъ и воеводствъ въ новый порядокъ приведено и такъ постановлено, абы, яко къ справедливости людской суды кгродскіе и земскіе въ повѣтѣхъ были засажоны, такъ и кождому стану, гдѣ бы найближей, въ повѣтѣ позывати и судитися быти могло“. Баторій призналъ для себя невозможнымъ „ни въ чомъ порядку и постановенья продка“ своего „рушити“. Онъ „во всемъ“ его хранитъ „при моцы“, а потому и запретилъ Полоцкому воеводѣ и его Лепельскому намѣстнику [3]) „черезъ тые границы вступоватися“, посылать за нихъ позвы, листы и возныхъ изъ Полоцкаго воеводства и принуждать къ отбыванію какихъ-либо „повинностей“ шляхту, которой имѣнія лежатъ „за тыми границами“. Не безынтересной является въ листѣ короля Стефана и мотивировка этого приказанія: „бо, естли быхъ мы тое заграниченье межи воеводствы Полоцкимъ и Витебскимъ взрушили, тогды бы и вси воеводства и повѣты въ Великомъ Князствѣ Литовскомъ мусили ся порушити, чого быхмо не рады видѣли, абы таковые справы, которые въ порадное постановенье пришли, мѣли зася рушоны быти“. Можетъ быть указанъ и Берестейскій повѣтъ, какъ примѣръ повѣта, о границахъ котораго поднимались на мѣстѣ вопросы. Въ 1578 году Берестейскій староста, панъ Остафій Воловичъ [4]) обратился къ королю Стефану съ просьбою

---

1) А. З. Р. III. № 74.

2) Имѣется въ виду Виленскій соймъ 1565—1566 годовъ.

3) Въ годы, когда Полоцкъ послѣ взятія его Москвою въ 1563 году еще не былъ возвращенъ Великому Княжеству Литовскому Стефаномъ Баторіемъ, замковый урядъ Полоцкаго воеводства находился въ Леплѣ. И. И. Лаппо. Великое Княжество Литовское. I. Стр. 629—630.

4) Панъ Троцкій, подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, староста Берестейскій и Кобринскій. Въ пяти новыхъ воеводствахъ,

о выдачѣ ему „видимуса", т. е. копіи, съ листа Сигизмунда Августа, выданнаго въ 1566 году въ Берестейскій повѣтъ съ описаніемъ его границъ и повелѣніемъ о началѣ дѣятельности новоучрежденныхъ повѣтовыхъ судовъ. Этотъ „видимусъ" былъ нуженъ Берестейскому старостѣ „для оказанья его на велю местцахъ, звлаща пры границы оного воеводства" [1]).

Съ вопросомъ о границахъ повѣтовъ приходилось считаться и органамъ повѣтовой администраціи, и органамъ повѣтоваго суда, и органамъ военнаго управленія повѣта. Для всѣхъ ихъ необходимо было точно знать границы территоріи, на которую простирается ихъ компетенція. Для разрѣшенія споровъ о границахъ шляхетскихъ имѣній статутъ 1566 года создалъ въ повѣтахъ урядъ подкоморія [2]), до этого времени существовавшій только въ Подляшьѣ [3]).

учрежденныхъ въ 1566 году (Волынское, Берестейское, Мстиславское, Браславля Подольскаго и Минское) во главѣ администраціи и замковаго суда центральныхъ повѣтовъ воеводствъ стояли не воеводы, а старосты (И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 591 и сл. М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 726). Поэтому и съ просьбою о выдачѣ этого „видимуса" къ Баторію обратился не воевода Берестейскій (Гаврила Ивановичъ Горностай), а Берестейскій староста.

1) Лит. Метр. $\frac{1\ А}{59}$ л. л. 92 об. — 98 об. „Стефанъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій. Ознаймуемъ симъ листомъ нашымъ. Покладалъ передъ нами панъ Троцькій, подканьцлерый Великого Князства Литовъского, староста Берестейскій и Кобрыньскій, панъ Остафей Воловичъ листъ продка нашого, славное памети короля его милости Жыкгимонъта Августа, даный княжатомъ, панятомъ, шляхтерыцерству и всимъ обователемъ воеводства Берестейского, въ которомъ то описуеть: напередъ около границъ стеганья и владзы того воеводства, потомъ около порадку судовъ и врадовъ судовыхъ оного воеводства водлугъ объясненья статуту Великого Князства Литовъского и о иныхъ речахъ, которые шырей въ томъ листе суть помєнены. И просилъ насъ, абыхмо видымусъ того листу для оказанья его на велю местцахъ, звлаща пры границы оного воеводства, дати его милости велели. А такъ мы, огледавшы того листу продка нашого, росказали есмо его слово отъ слова въ сесь нашъ листъ вписати, который такъ се въ собе маеть". Далѣе слѣдуетъ текстъ самаго листа Сигизмунда Августа. Дата этого „видимуса": Варшава, 13 апрѣля 1578 года. Его заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Видымусъ около границъ воеводства Берестейского и о порадку судовъ и иныхъ речахъ".

2) II ст., IV, 70.

3) Журн. Мин. Нар. Пр. 1899. VIII. Стр. 346—347.

Назначеніемъ этого уряда и явился разборъ споровъ во „всякихъ розницахъ земленыхъ и граничныхъ“. Статутъ предвидитъ при разборѣ дѣлъ въ подкоморскомъ судѣ возможность возникновенія вопроса и о границахъ смежныхъ повѣтовъ. На такой случай онъ постановляетъ: „гдѣ бы тежъ розницы въ кгрунтахъ придалися на границы сполной дву повѣтовъ, тогды не одинъ который подкоморій, але обадва зъ обу-дву повѣтовъ на такій кгрунтъ певный выѣхати маютъ“[1]). Статутъ 1588 ґода, вообще болѣе подробно излагая дѣятельность подкоморскаго уряда[2]), больше останавливается и на случаѣ возникновенія передъ нимъ дѣла, связаннаго съ разрѣшеніемъ вопросовъ о границахъ смежныхъ повѣтовъ. Развивая и дополняя установленное въ этомъ отношеніи II-мъ статутомъ, статутъ 1588 года, между прочимъ, говоритъ отъ имени господаря: „кождый подъкоморый повиненъ границы повету своего съ канцлерен нашое на письме за печатью нашою у себе мети, и канъцлерея наша маеть имъ то выдавати“. Если въ выясненіи границъ смежныхъ повѣтовъ соглашенія съѣхавшихся ихъ подкоморіевъ не послѣдуетъ, „тогды кождый з нихъ всю справу, яко се точити будеть, и прытомъ зданъе свое достаточне выписавшы, маютъ съ тымъ“ отослать тяжущихся, въ дѣлѣ которыхъ возникъ этотъ вопросъ о границахъ повѣтовъ, въ трибуналъ. Послѣдній высылаетъ для разрѣшенія этого вопроса коммиссаровъ, указавъ при этомъ имъ, которое изъ мнѣній подкоморіевъ трибуналу представляется болѣе правильнымъ. Статутъ при этомъ выговариваетъ право апелляціи для тяжущихся даже въ томъ случаѣ, если подкоморіе смежныхъ повѣтовъ въ такомъ дѣлѣ не разошлись въ своемъ опредѣленіи границъ[3]). Законъ, такимъ образомъ, весьма озабоченъ сохраненіемъ неприкосновенными повѣтовыхъ границъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это развитіе и дополненіе статутомъ 1588 года постановленій II-го статута было вызвано практикою[4]), которая должна была

---

1) II ст., IV, 70 — отдѣлъ артикула, озаглавленный „Справа урядовая“.

2) III ст., IX.

3) III ст., IX, 8 (Артикулъ озаглавенъ: „О розницы въ такихъ кгрунтехъ, которые бы были на границы спольной двухъ поветовъ“).

4) О составленіи III-го статута см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 189 -218 и баронъ А. Э. Нольде, Очерки по исторіи кодификаціи мѣ-

выдвинуть много отдѣльныхъ случаевъ разногласій и споровъ о границахъ повѣтовъ, что подтверждается и приведенными выше отдѣльными указаніями источниковъ на такіе споры и разногласія. Акты подкоморскихъ судовъ не только сохранили изложеніе того, какъ подкоморіе исполняли требованіе закона о выясненіи ими границъ смежныхъ повѣтовъ, но указываютъ, что описанія границъ своихъ повѣтовъ, выданныя изъ канцеляріи Княжества, подкоморіе имѣли и до времени изданія III-го статута. Въ записи разсмотрѣнія подобнаго дѣла Троцкимъ[1]) и Ковенскимъ[2]) подкоморіями, сдѣланной въ Троцкихъ подкоморскихъ книгахъ подъ 10-мъ декабря 1590 года[3]), читаемъ, что эти подкоморіе втеченіе четырехъ дней ѣздили по спорнымъ мѣстамъ, „прыпатруючисе границамъ межы поветы и у шляхты околичное, у людей ведомыхъ, доведуючисе“. Смотрѣли Троцкій и Ковенскій подкоморіе и по „описаню границъ“, которое было выдано „на писме“ Троцкому подкоморію изъ „канцлярыи его королевской милости“ подъ печатью и за подписью „руки его королевской милости славное памети Стефана“. Такимъ образомъ, „описанія“ границъ повѣтовъ были подкоморіямъ выданы въ имѣющихъ оффиціальное значеніе выписяхъ еще въ эпоху до утвержденія статута 1588 года.

Послѣ реформы Виленскаго сейма 1565—1566 годовъ Литовско-Русское государство, какъ мы видѣли выше, было раздѣлено на тринадцать воеводствъ, которыя распадались на тридцать повѣтовъ. Центральные повѣты иногда называются „воеводствами“, рядомъ съ именованіемъ ихъ повѣтами[4]), что нарушаетъ выдержанность терминологіи источ-

---

стныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ, выпускъ I — Попытка кодификаціи Литовско-Польскаго права, СПБ. 1906 (и въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1906—1907 г. г.), стр. 21.

1) Богданъ Огинскій съ Козельска, подкоморій Троцкій, державца Дорсунишскій.

2) Каспоръ Матушевичъ Гедройть, подкоморій Ковенскій.

3) А. Вил. XXX. № 18. Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, VIII, стр. 382.

4) Примѣровъ акты даютъ очень много. Вотъ нѣсколько: земскія книги Минскаго воеводства (Описаніе документовъ архива Западнорусскихъ уніатскихъ митрополитовъ, томъ первый, СПБ. 1897, стр. 58), книги земскія „справъ судовыхъ земли воеводства Полоцкого“ (Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки, выпускъ пятый,

никовъ, не давая никакой другой основы для пріурочиванія названія „воеводства“ къ центральнымъ повѣтамъ кромѣ той, что имя даннаго повѣта совпадало съ именемъ его воеводства.

Въ распредѣленіи повѣтовъ по воеводствамъ произошли вскорѣ послѣ реформы середины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія нѣкоторыя измѣненія. „Списанье поветовъ Великого Князства Литовского и врядниковъ въ нихъ“, сохраненное Литовскою Метрикой и составленное, повидимому, при началѣ осуществленія повѣтовой реформы, Лидскій повѣтъ относитъ къ числу повѣтовъ Троцкаго воеводства[1]), между тѣмъ какъ акты и записи уже ближайшаго времени послѣ утвержденія II-го статута относятъ его къ составу воеводства Виленскаго[2]). Находясь на границѣ

Вильна 1906, Приложенія, стр. 35), книги судовыя земскія воеводства Витебскаго (А. Вил. XIII, стр. 9) и т. д. Повѣты Минскій, Полоцкій, Витебскій, Виленскій и т. д. см., напр., на стр. 182—183 Приложеній къ Литовско-Русскому сейму М. К. Любавскаго. Именованіе центральныхъ повѣтовъ и воеводствами, и повѣтами см. ниже — Приложенія, стр. 31—32, 116—118, 121—122 и др.

1) Лит. Метр. $\frac{III\ A}{7}$ л. л. 197 об. — 203 об. Это „Списанье“ издано М. К. Любавскимъ (Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія. № 79). Въ спискѣ повѣтовъ на л. л. 162—162 об. 9-ой книги Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ Метрики Лидскій повѣтъ также относится къ составу Троцкаго воеводства. Вотъ этотъ списокъ: „Поветы — Виленскій, Ошъменскій, Вилкомерскій, Браславъскій, Троцкій, Городенскій, Ковенскій, Лидскій, Упитъскій, Кіевъскій, Мозырскій, Луцкій, Володимерскій, Кремяницкій, Новъгородскій, Слонимъскій, Волковыскій, Витебъскій, Оршанъскій, Дорогицкій, Мелницъкій, Белскій, Берестейскій, Пинскій, Мъстиславскій, Браславскій, Веницкій, Менскій, Речыцкій“. Въ книгѣ Метрики этотъ списокъ находится между записями 1569 года.

2) „Воеводство Виленское — поветы Виленьскій, Ошъменьскій, Лидъскій, Вилькомерскій, Браславъскій; воеводство Троцкое — поветы Троцкій, Ковеньскій, Городеньскій, Упитъскій; воеводство Кіевское — поветы Кіевъскій, Речыцкій, Мозырскій; воеводство Новгородское — поветы Новгородъскій, Слонимъскій, Волковыскій; воеводство Витебъское — поветы Витебъскій, Оршаньскій; воеводство Мъстиславское - поветы тамошніе; воеводство Берестейское — поветы Берестейскій, Пинскій; воеводъство Менское — поветъ тамошній“. Лит. Метр. $\frac{III\ A}{9}$ л. л. 186 об.—187. Списокъ этотъ помѣщенъ въ книгѣ Метрики между записями 1569 года. Городенскій сеймъ 1568 года знаетъ Лидскій повѣтъ въ составѣ Виленскаго воеводства (Док. Моск. Архива Мин. Юст. I, стр. 485). Для времени послѣ Люблинской Уніи см. ниже, Приложенія.

обоихъ старыхъ воеводствъ, Виленскаго и Троцкаго, округъ Лиды, по своему географическому положенію, могъ быть отнесенъ къ обоимъ этимъ воеводствамъ послѣ ихъ преобразованія, и, можно думать, что имѣло мѣсто колебаніе въ рѣшеніи вопроса о включеніи преобразованнаго Лидскаго повѣта въ составъ того или другого изъ этихъ воеводствъ. Колебаніе, можно полагать, было тѣмъ умѣстнѣе, что къ новому Лидскому повѣту послѣ реформы оказались „прилучоными" хоругви Ейшишская, Василишская, Радуньская и Острынская [1]), которыя всѣ до реформы входили въ составъ Троцкаго воеводства [2]). Но, очевидно, значеніе Виленскаго воеводства, какъ занимающаго первое мѣсто въ ряду всѣхъ остальныхъ воеводствъ, имѣющаго своимъ центромъ столицу всего государства, „столечное мѣсто Виленское", заставило отнести въ концѣ концовъ вновь образованный повѣтъ къ нему, а не къ воеводству Троцкому, хотя этотъ повѣтъ и составился изъ одного лишь хоружества (Лидское), входившаго до реформы въ округъ Виленскаго воеводы, и четырехъ (Ейшишское, Василишское, Радуньское и Острынское), входившихъ въ составъ округа воеводы Троцкаго. Такимъ образомъ Виленское воеводство получило пять повѣтовъ (Виленскій, Ошменскій, Лидскій, Вилькомирскій и Браславскій), а Троцкое четыре (Троцкій, Городенскій, Ковенскій и Упитскій), и число повѣтовъ этихъ воеводствъ оказалось соотвѣтствующимъ и мѣстамъ ихъ на лѣствицѣ почетнаго значенія одного по отношенію къ другому, а также и въ ряду остальныхъ воеводствъ, изъ которыхъ ни одно не имѣло болѣе трехъ повѣтовъ въ своемъ составѣ.

Другимъ повѣтомъ, перечисленнымъ изъ одного воеводства въ другое, оказался повѣтъ Мозырскій. При введеніи новаго повѣтоваго дѣленія онъ входилъ въ составъ Кіевскаго воеводства, которое дѣлилось на два повѣта — Кіевскій и Мозырскій. Но въ 1569 году Кіевское воеводство вмѣстѣ съ Подляшскимъ, Волынскимъ и Браславля Подольскаго было оторвано отъ Литовско-Русскаго государства во время Люблинскаго сейма и присоединено къ Польшѣ. Однако Мозырскій повѣтъ остался въ составѣ Великаго

1) См. выше, стр. 63.

2) См. выше, стр. 9 и 31.

Княжества Литовскаго и былъ присоединенъ къ пограничному съ нимъ Минскому воеводству, которое черезъ это увеличило число своихъ повѣтовъ съ двухъ (Минскій и Рѣчицкій) до трехъ[1]).

Послѣ Люблинской Уніи 1569 года въ составѣ Великаго Княжества Литовскаго было девять воеводствъ вмѣсто тринадцати, созданныхъ реформою 1565—1566 годовъ. Четыре воеводства, какъ сейчасъ было отмѣчено, были присоединены къ Польшѣ. Число Литовско-Русскихъ повѣтовъ со времени Люблинской Уніи уменьшилось съ тридцати до двадцати двухъ. Все раздѣленіе Великаго Княжества Литовскаго на воеводства и повѣты въ 1569 году получило слѣдующій видъ: 1) воеводство Виленское — повѣты Виленскій, Ошменскій, Лидскій, Вилькомирскій и Браславскій; 2) воеводство Троцкое — повѣты Троцкій, Городенскій, Ковенскій и Упитскій: 3) земля Жомоитская; 4) воеводство Полоцкое; 5) воеводство Новгородское — повѣты Новгородскій, Слонимскій и Волковыйскій; 6) воеводство Витебское — повѣты Витебскій и Оршанскій; 7) воеводство Берестейское — повѣты Берестейскій и Пинскій; 8) воеводство Мстиславское; 9) воеводство Минское — повѣты Минскій, Мозырскій и Рѣчицкій[2]).

Мы видѣли выше[3]), что границы Литовско-Русскихъ повѣтовъ возбуждали вопросы и что Литовско-Русскій кодексъ внесъ даже въ свои артикулы опредѣленныя указанія на способъ ихъ точнаго выясненія. Границы повѣтовъ, присоединенныхъ въ 1569 году къ Польшѣ, и границы смежныхъ съ ними повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго также не всегда были безспорны. Возникалъ и тутъ

---

1) О составѣ и происхожденіи Минскаго воеводства въ трудахъ, посвященныхъ исторической географіи Речи Посполитой и вышедшихъ даже въ недавнее время, существуютъ совершенно превратныя представленія. Вотъ выписка изъ одного изъ нихъ — Ягайло „na sejmie horodelskim r. 1413 utworzyl województwo Mińskie, w pewnych granicach ustalone, które jednak dopiero około roku 1500 zostało ostatecznie urządzone i podzielone na wielkie trzy powiaty: Miński, Mozyrski i Rzeczycki“ (Zygmunt Gloger. Geografią Historyczna ziem dawnej Polski. W Krakowie 1900. Str. 316).

2) См. ниже, Приложенія, стр. 72.

3) Стр. 67 и сл.

рядъ вопросовъ о принадлежности пограничной земли къ тому или другому повѣту. Но разрѣшеніе такихъ вопросовъ было сложнѣе, такъ какъ они не были уже внутреннимъ дѣломъ Княжества. Люблинская Унія 1569 года не слила въ дѣйствительности Польшу и Великое Княжество Литовское въ единое государство, хотя сей актъ и говоритъ объ этомъ[1]). Княжество и послѣ Люблинскаго соединенія остается такимъ же „панствомъ", т. е. государствомъ, какимъ была и Польша или Корона, съ которою оно вступило въ договорную унію. „Речь посполитая" Литовско-Русская продолжала существовать и послѣ образованія въ 1569 году соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой[2]). Въ виду такого значенія Княжества и Короны въ соединенномъ государствѣ, вопросы о границахъ ихъ требовали соотвѣтствующихъ способовъ разрѣшенія. Подкоморіе смежныхъ повѣтовъ въ такихъ дѣлахъ не могли уже признаваться компетентными, и для разрѣшенія ихъ назначались коммиссары изъ обоихъ „панствъ". Во время Торунскаго сейма 1576 года паны-рада и земскіе послы Великаго Княжества Литовскаго, по порученію обывателей Княжества, говорили о томъ, чтобы не дѣлалось уменьшенія границъ воеводства Берестейскаго. Дѣло было въ томъ, что шляхетный Каспаръ Дембинскій, державца Розпишовскій, считалъ себя подсуд-

1) „Iż iuż Korona Polska y Wielkie Xięstwo Litewskie iest iedno nierozdzielne y nierożne ciało, a także nie rożna, ale iedna spolna Rzeczpospolita, ktora się ze dwu Państw y narodow w ieden lud zniosła y spoiła". Цитируемъ привилей на Унію по изданію его въ Volumina Legum (Tom II. Petersburg 1859. Str. 89).

2) См. ниже, Приложенія, стр. 149. Выраженіе „речъ посполитая" понимается языкомъ Литовско-Русскихъ актовъ нѣсколько иначе, чѣмъ его понимаютъ обыкновенно въ нашемъ современномъ языкѣ. Это выраженіе не обозначало „государства", а обозначало понятіе общаго интереса, общаго дѣла, какъ цѣлаго государства („панства"), такъ и его частей, имѣющихъ значеніе болѣе или менѣе самостоятельныхъ единицъ. Рядомъ съ речью посполитою „паньства Великого Князства Литовского" (напр., А. Ю. и З. Р. I. № 148) можетъ быть речь посполитая и отдѣльнаго города, имѣющаго самоуправленіе („то все на ратушъ Меньскій ку пожитку речи посполитое мѣстское вѣчне давано и оборочано быти маеть". А. Ю. и З. Р. I. № 204). Повѣтовый сеймикъ Жомоитской земли въ 1573 году разсуждалъ, между прочими дѣлами, и о „пильныхъ потребахъ речи посполитое земли Жомойтское" (Вил. Арх. Сб. IV, стр. 11).

нымъ по имѣніямъ своей жены судамъ Подляшскаго, а не Берестейскаго воеводства. Послы нѣкоторыхъ Коронныхъ воеводствъ и самъ Дембинскій доказывали Стефану Баторію, что эти имѣнія входятъ въ составъ территоріи Подляшья. Этого мало. Они заявляли, что и „добра“ господарскія Ломазы, Воинъ и Кадецецъ имѣли быть присоединенными къ Коронѣ Польской Сигизмундомъ Августомъ. Паны-рада и послы Княжества „брался“ доказать привилеями и „доводами“, что и эти господарскія „добра“, и имѣнія Каспара Дембинскаго никогда не входили въ составъ Подляшья и далеко находятся отъ границъ послѣдняго. Каспаръ Дембинскій, со своей стороны, „брался“ доказать документами, что спорныя имѣнія входили въ составъ не Берестейскаго, а Подляшскаго воеводства. Для разрѣшенія этого дѣла Стефанъ Баторій назначилъ коммиссаровъ. Со стороны Польши были имъ „депутованы“: 1) Подляшскій воевода, панъ Миколай Кишка, 2) Бѣльскій каштелянъ, панъ Сигизмундъ Чижовскій и 3) Варшавскій каштелянъ, панъ Войтехъ Ренчайскій; со стороны Княжества — 1) Полоцкій воевода, панъ Миколай Дорогостайскій, 2) Смоленскій каштелянъ, панъ Доминикъ Пацъ и 3) крайчій Великаго Княжества Литовскаго, панъ Янъ Кишка. Эти коммиссары, разобравъ дѣло на мѣстѣ, должны представить королю письменный докладъ, и на основаніи этого доклада король разрѣшитъ вопросъ о границахъ Подляшья и Берестейскаго воеводства, обсудивъ его съ панами-радою. Разсмотрѣніе даннаго дѣла коммиссарами признается весьма важнымъ. Если кто-либо изъ назначенныхъ въ коммиссію шести лицъ не будетъ имѣть возможности явиться для исполненія возложеннаго на него порученія, король замѣнитъ его другимъ лицомъ [1]).

---

1) Задача этихъ коммиссаровъ опредѣляется такъ: „a ci mianowani komisarze nasi, zgodziwszy się między sobą, maią się ziachać na pewny czas, to iest we czterech niedzielach po Wielkiey Nocy, y na pewne mieysce w Miedzyrzeczu; a iako wywodów y obron szlachetnego Kaspra Dembinskiego wysłuchać, także y z Wielkiego Xienstwa Litewskiego a starostwa Brzeskiego, iako dowody o granice, ktory ziemię Podlaską z starostwem Brzeskim dzielą, będą pokazować, tak y wszelakie dowody maią, obaczywszy y oglądawszy y wysłuchawszy, w tey sprawie maią na pismie ku wiadomosci naszey odesłać; a my potym, z radami naszymi wyrozumiawszy, tak zastanowiemy, iakoby każde wojewodztwo w swych zwykłych granicach za-

Въ 1578 году вновь встрѣчаемся съ вопросомъ о разграниченіи Подляшья и воеводства Берестейскаго[1]). На Варшавскомъ сеймѣ этого года послы Берестейскаго сеймика просили о недопущеніи нѣкоторымъ Берестейскимъ шляхтичамъ выхода съ ихъ имѣніями изъ подъ юрисдикціи и уряда ихъ повѣта. Съ другой стороны и Мельницкій повѣтъ Подляшья представилъ свою просьбу о несокращеніи территоріи его повѣтовой юрисдикціи. Иными словами, опять былъ поднятъ вопросъ о точномъ опредѣленіи границъ Берестейскаго воеводства и Подляшья. Разрѣшеніе этого вопроса вновь было возложено на коммиссаровъ, причемъ составъ этой коммиссіи[2]) былъ еще больше, чѣмъ составъ коммиссіи 1576 года.

Однако дѣло точнаго опредѣленія границъ Короны и Княжества, несмотря на эти постановленія, подвигалось туго. Сеймъ 1589 года внесъ въ свою конституцію постановленіе о разграниченіи пограничныхъ воеводствъ Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Коммиссары должны, согласно этому постановленію, въ первый понедѣльникъ послѣ дня св. Бартоломея (т. е. 28 августа 1589 года)

---

chowane bylo; a do tego czasu y zeznania naszego szczerosci twoiey, panie Trocki, rozkazuiemy, abyś na dobra y imiona dziedziczne Kozniszowskiego prawnych postepkow nie sciągal y powiatu nie ruszal aż do uznania naszego, ku ktoremu wojewodztwu te imiona pani Dembinskiey należą". Листъ этотъ подписалъ Стефанъ Баторій своею рукою и приказалъ приложить къ нему печать Короны и печать Великаго Княжества. Дата документа: Торунь, 13 декабря 1576 года. Документъ начинается титуломъ Стефана Баторія. Въ рукописной книгѣ Библіотеки Главнаго Штаба онъ имѣетъ такой заголовокъ: „Deputantur comisarii ad constituendos fines et terminos inter Magnum Ducatum Lithvaniae et Palatinatum Podlachiae". Библіотека Гл. Штаба, Akta Historyczne, № 2901, XI.

1) Acta Historica, Res Gestas Poloniae Illustrantia. Tomus XI. № CV.

2) 1) Епископъ Перемышльскій Войтехъ Старозребскій, 2) Миколай Кишка на Техановцѣ, воевода Подляшскій, староста Дорогицкій и Бѣльскій, 3) Гавріилъ Горностай, воевода Берестейскій, староста Минскій и Каменецкій, 4) Павелъ Щавинскій, каштелянъ Ленчицкій, староста Сохачевскій и Варецкій, 5) Янъ Гайко, каштелянъ Берестейскій, державца Трабскій, 6) Янъ Дульскій, каштелянъ Хелминскій, староста Бранскій, Суражскій и Рогозинскій, 8) Янъ Глѣбовичъ, каштелянъ Минскій, староста Оникштенскій и Радошковскій, 9) Миколай Лысаковскій, каштелянъ Хелмскій, 10) князь Александръ Пронскій, стольникъ Великаго Княжества Литовскаго, 11) Адамъ, судья и поборца земли Берестейской.

съѣхаться и, не разъѣзжаясь, совершить разграниченіе пограничныхъ воеводствъ и повѣтовъ на вѣчныя времена[1]). Несмотря на неоднократныя возобновленія послѣдующими сеймами постановленія о совершеніи наконецъ этого дѣла, XVI-й вѣкъ такъ и не увидѣлъ его исполненія, передавъ его XVII-му столѣтію, хотя неудобства отъ отсутствія точнаго опредѣленія границъ двухъ „панствъ", соединенныхъ Люблинскою Уніей, конечно, постоянно давали себя чувствовать.

Въ числѣ воеводствъ Великаго Княжества Литовскаго считалось одно, которое въ дѣйствительности не входило въ составъ Княжества. Это — воеводство Смоленское. Въ началѣ великокняженія Сигизмунда Стараго Смоленскій намѣстникъ былъ переименованъ въ Смоленскаго воеводу[2]), что дало возможность и Смоленскую землю называть Смоленскимъ воеводствомъ[3]). Но въ 1514 году Смоленскъ былъ утраченъ Литовско-Русскимъ государствомъ и отошелъ къ Москвѣ, оставаясь за нею до 1611 года. Тѣмъ не менѣе воеводъ Смоленскихъ имѣло Великое Княжество Литовское и во вторую половину XVI столѣтія, но, конечно, эти воеводы имѣли лишь титулярное значеніе, не держа въ своихъ рукахъ дѣйствительной воеводской власти, хотя этотъ титулъ и давалъ носителямъ его мѣсто въ „лавицѣ" пановъ-

---

1) Volumina Legum II. Petersburg 1859. Str. 287 (O rozgraniczeniu Woiewodztw, Ruskiego, Wołyńskiego, Podolskiego, Belskiego, Lubelskiego, Bracławskiego, y Kiiowskiego, także y W. X. L. z Podlaszem, y Mazowsza z Podlaszem, Nurskiego Powiatu z Kiiowską Ziemią). Ср. С. Шолковичъ, О границахъ Польской короны и Великаго княжества Литовско-Русскаго, стр. 70 и сл. въ изданіи этой статьи въ VIII-мъ выпускѣ Памятниковъ Русской старины въ западныхъ губерніяхъ, изд. съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ (СПБ. 1885) и стр. 71 и сл. въ изданіи ея во II-мъ выпускѣ Сборника статей, разъясняющихъ Польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи (составилъ и издалъ С. Шолковичъ. Вильна 1887).

2) I. Wolff. Senatorowie i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Str. 51.

3) „Воеводство" Смоленское см., напр., Приложеніе № 24 къ Областному дѣленію и мѣстному управленію М. К. Любавскаго (1514 г.), Вил. Арх. Сб. I. № 55 (1580 г.). Но названіе „земля" продолжаетъ употребляться для обозначенія Смоленскаго воеводства — напр., П. С. Р. Л. XVII, ст. 407. См. также то же 24-ое приложеніе къ труду М. К. Любавскаго.

радъ Княжества[1]). Въ спискахъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго, которые сохранились въ актахъ оффиціальнаго происхожденія, мы въ изучаемое время, конечно, никогда не встрѣтимъ Смоленскаго повѣта, какъ дѣйствительно существующей части государственной территоріи Княжества. Привилеи на урядъ Смоленскаго воеводы этого времени признаютъ оффиціально захватъ центра и земель Смоленскаго воеводства непріятелемъ[2]). Такимъ образомъ,

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 578 и 678. Иногда поверхностный просмотръ актовъ можетъ давать поводъ думать о дѣятельности уряда Смоленскаго воеводы и во вторую половину XVI столѣтія: акты обращаются къ лицамъ, этотъ урядъ занимающимъ. Но на самомъ дѣлѣ въ такихъ случаяхъ имѣемъ дѣятельность этихъ лицъ по другимъ урядамъ, которые они соединяли въ своихъ рукахъ съ урядомъ воеводы Смоленскаго, и послѣдній обозначенъ впереди ихъ, какъ болѣе ихъ почетный. Такъ, „листъ ротъмистру Валенътому Каменьскому до пана Григоря Воловича, воеводы Смоленского, ловчого etc., о шеснадцать волокъ неоселыхъ въ лесництве Немоноитскомъ“ заключаетъ въ себѣ слѣдующее распоряженіе короля Генриха: „про то, ижъ то т[воей] м[илости], враду ловецкому, належить, приказуемъ, абы т[воя] м[илость], пане воеводо Смоленьскій, о томъ ведаючы“, эти 16 волокъ „въ лесницъстве Немоноитскомъ съ проробками и зъ озеромъ, которое межи тыми волоками есть, и зо всимъ, якъ се оные волоки сами въ собе маютъ и якъ передъ тымъ Рачковскій держалъ, Каменьскому завелъ и подалъ, въ то его увезати тыхъ кгрунтовъ ему водлугъ данины нашое вживати допустилъ“. Дата: Краковъ. 10 мая 1574 года. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. л. 120—120 об.

2) Такъ, „прывилей пану Юрю Остику на воеводство Смоленьское“, данный Стефаномъ Баторіемъ 13 апрѣля 1578 года, отъ имени короля говоритъ: „тогды з ласки нашое г[о]с[по]д[а]ръское, подвышаючы его милость местцомъ вышъшымъ въ лавицы радъ нашыхъ, дали есмо и симъ листомъ нашымъ даемъ его милости воеводство Смоленьское зъ всякою владзою того достоенъства и што кольвекъ здавна къ нему прыслухаетъ, съ тымъ ещо докладомъ, ижъ, кгды бы Панъ Богъ, з милосердья Своего Бозского, везревшы на справедливость нашу и всее речы посполитое, рачылъ намъ помочы дойти замъку Смоленьского и всихъ земль и волостей, которые непрыятельская рука, посягнувшы, несправедливе держыть, тогды то все, по давному обычаю, маетъ панъ Юрей Остикъ, воевода Смоленскій, держати со всими на воеводство тое пожытками и з доходами, якимъ кольвекъ именемъ назваными, здавна прыслухаючыми, ни въ чомъ ихъ не зменьшаючи, одно яко и першые воеводове держали и ужывали на немъ, до жывота своего альбо до вышшого и пожыточнейшого местца въ лавицы радъ нашыхъ“. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{59}$ л. 98 об. (весь привилей находится на л. л. 98 об. — 100). Ср. при-

въ оффиціальныхъ документахъ Великаго Княжества Литовскаго этой эпохи имѣемъ одновременно и сохраненіе уряда Смоленскаго воеводы, и сознаніе дѣйствительнаго отсутствія его воеводства въ составѣ Литовско-Русскаго „панства“.

Созданное въ 1565—1566 годахъ дѣленіе Великаго Княжества Литовскаго на воеводства и повѣты не вполнѣ удовлетворило станы Литовско-Русскаго государства. Съ одной стороны, послѣдніе обнаружили желаніе увеличить число воеводствъ, обративъ нѣкоторые изъ созданныхъ реформою невоеводскихъ повѣтовъ въ воеводства; съ другой стороны, среди нѣкоторыхъ повѣтовъ былъ поднятъ вопросъ о присоединеніи бояръ и земянъ, которые къ нимъ присоединены не были. Станы Литовско-Русскаго сейма могли желать увеличенія числа воеводствъ государства по двумъ причинамъ. Первою изъ этихъ причинъ могло быть сознаніе бо́льшаго удобства при наличности бо́льшаго числа воеводствъ, т. е. соединенія подъ главенствомъ одного воеводы меньшаго числа повѣтовъ. Это могло дать государству болѣе равномѣрное военное дѣленіе земскаго войска — повѣты въ посполитомъ рушеньѣ соединялись въ воеводства[1]; это могло дать и бо́льшее удобство для дѣятельности воеводскаго уряда въ тѣхъ случаяхъ, когда эта дѣятельность должна была развиваться не въ предѣлахъ центральнаго повѣта, а на территоріи остальныхъ повѣтовъ воеводства[2]). Второю причиною, вызывавшею просьбы становъ объ увеличеніи числа воеводствъ, вѣроятно, было желаніе увеличить число радныхъ пановъ Княжества — каждое воеводство имѣло своихъ воеводу и каштеляна, соединявшихъ со своими областными урядами мѣсто въ радѣ господарской. Это увеличеніе числа радныхъ пановъ Княжества было особенно нужно въ виду ожидавшагося заключенія уніи съ Польшею, о которой уже говорили на Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймикахъ[3]) и которую устроить станы

вилей на Смоленское воеводство, данный пану Филону Кмитѣ въ Вильнѣ 18 октября 1579 года — А. З. Р. III, № 115 и Описаніе Рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки, выпускъ III, стр. 87.

1) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 543.

2) Ibidem. Стр. 596—599.

3) Ср. просьбу на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года объ уніи съ Польшею отъ пословъ Витебскаго повѣта (особенно заинтересованнаго

Княжества стремились не на основѣ Польскаго ея пониманія, а съ проведеніемъ Литовско-Русскаго взгляда на ея характеръ и цѣли. Увеличить число радныхъ пановъ Княжества значило увеличить число Литовско-Русскихъ голосовъ при предстоящемъ обсужденіи проекта уніи съ Польшею на сеймѣ, который будетъ созванъ для этого обсужденія, и въ то же время увеличить число сенаторовъ въ „спольномъ“ Польско-Литовскомъ сенатѣ, если таковой будетъ установленъ ожидавшимся соглашеніемъ о соединеніи государствъ Польскаго и Литовско-Русскаго. Просьба становъ Литовско-Русскихъ объ увеличеніи числа воеводствъ была представлена Сигизмунду Августу уже на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 годовъ. Станы просили великаго князя, чтобы онъ „прикладомъ первшое ласкавое учинности“ своей „около прибавенья достоенствъ“, учредилъ уряды воеводъ и каштеляновъ въ Городнѣ и въ Ковнѣ. Сигизмундъ Августъ, однако, „съ причинъ певныхъ“ этой просьбы не исполнилъ, оставивъ это дѣло „при воли“ своей „господарской“ [1]). Та же просьба объ учрежденіи Ковенскаго и Городенскаго воеводствъ была возобновлена въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, и на нее тогда былъ данъ Сигизмундомъ Августомъ окончательный категорическій отказъ [2]).

На Городенскомъ же сеймѣ 1566—1567 годовъ Волковыйскій повѣтъ просилъ господаря о „приверненье“ подъ присудъ этого повѣта шляхты Волпенской, Мстибоговской, Лысковской и Межирѣчской, а Новгородскій повѣтъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми Клецкими земянами ходатайствовалъ о признаніи шляхтою этого повѣта земянъ Клецкихъ, — которыхъ „отъ хоругви Новгородское отлучоно и подъ послушеньство и въ присудъ Клецкій примушають надъ право посполитое и вольности ихъ шляхетскіе“. Обѣ просьбы были отклонены Сигизмундомъ Августомъ [3]). Въ вопросахъ о границахъ отдѣльныхъ повѣтовъ, поднимаемыхъ послами Литовско-

въ уніи съ Польшею, обѣщавшей увеличеніе военныхъ силъ Княжества въ годы тяжелой Московской войны, столь опасной для этого повѣта въ виду его пограничнаго положенія). Док. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 202—203.

1) Док. М. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 461 (артикулъ 34).

2) Ibidem. Стр. 500.

3) Ibidem. Стр. 462 (артикулы 35 и 36).

Русскихъ сеймиковъ на вальныхъ сеймахъ второй половины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, отмѣченныхъ уже нами выше [1]), несомнѣнно играло свою роль желаніе увеличить число „повѣтниковъ" въ хлопотавшихъ объ увеличеніи своихъ предѣловъ повѣтахъ. Отдѣльныя стороны повѣтовой реформы вообще вызвали длинный рядъ просьбъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, стремившихся измѣнить или точнѣе опредѣлить и уяснить созданный строй, а также касающихся отдѣльныхъ лицъ и занимаемыхъ ими повѣтовыхъ урядовъ [2]).

Повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ вызвала рядъ просьбъ и Жомоитской земли, сряду послѣ утвержденія реформы. На Берестейскомъ сеймѣ 1566 года Жомоитскіе послы представили Сигизмунду Августу отъ имени „князей, пановъ и бояръ, шляхты земли Жомойтское" шесть просьбъ [3]). Одна изъ нихъ добивается выкупа Юрборга и Полонги, къ которымъ въ Пруссію къ суду по Нѣмецкому праву притягиваются господарскіе подданные [4]). Двѣ другихъ настаиваютъ на сохраненіи старыхъ правъ Жомойти и ея границъ „по реку Невяжу" [5]). Одна просьба добивалась ограниченія права шляхты на отчужденіе земельныхъ имуществъ. Жомоитскіе обыватели желали, чтобы шляхтѣ, отчуждающей свои имѣнія, ихъ „не было вольно отъ детей своихъ безъ слушныхъ причинъ отдалятн" [6]). Двѣ остальныя касаются непосредственно новаго повѣтоваго устройства, созданнаго Виленскимъ сеймомъ 1565—1566 годовъ. Жомоитская земля просила для своего старосты титула воеводы. Этотъ воевода-староста долженъ по старинѣ избираться Жомоитскою землею, какъ и вновь учрежденный каштелянъ Жомойти [7]). Что касается организаціи новаго повѣтоваго суда въ землѣ Жомоитской, то ея обыватели просили о слѣдующемъ.

---

1) См. выше, стр. 68—69.

2) Эти просьбы см. въ VII-ой главѣ изслѣдованія М. К. Любавскаго Литовско-Русскій сеймъ (стр. 735 и сл.).

3) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 200—202. Ср. изложеніе этихъ просьбъ М. К. Любавскимъ — Литовско-Русскій сеймъ, стр. 752—753.

4) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 202 (6).

5) Ibidem. Стр. 200 (1), стр. 201 (3).

6) Ibidem. Стр. 201—202 (4).

7) Ibidem. Стр. 202 (5).

Гродскій судъ въ Жомойти долженъ быть „засажонъ“ вмѣстѣ („зодного“) съ судомъ земскимъ, чтобы „для розности судовъ шляхте у справедливости п[р]оволока не была“. Приговоры этого объединеннаго повѣтоваго суда должны приводиться въ исполненіе гродскимъ урядомъ. „Роки“ суда должны отсуживаться черезъ восемь недѣль и длиться по двѣ недѣли. За рѣку Невяжу „апеляцыя абы не шла“. Аппелляціонныя жалобы на рѣшенія повѣтоваго суда Жомойти должны разсматриваться Жомоитскимъ старостою[1]) вмѣстѣ съ каштеляномъ и „иными врядниками земскими“, въ періодическихъ ихъ съѣздахъ. Въ случаѣ желанія тяжущагося „ся до господаря его милости отозвати“, эта аппелляція не должна идти прямо къ великому князю, но староста Жомоитскій долженъ переслать господарю все дѣло „на спытанье по науку“ и затѣмъ, получивъ эту „науку“, т. е. указаніе великаго князя, староста же сообщаетъ „сторонамъ декретъ“. За аппелляцію къ великому князю „упорне“, помимо старосты, виновный въ этомъ долженъ заплатить „вины пять копъ грошей“[2]). Такимъ образомъ, Жомоитская земля стремилась ввести въ своемъ повѣтѣ судъ, отличный отъ повѣтовыхъ судовъ остальныхъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго. Вмѣсто земскаго и гродскаго судовъ она желала ввести одинъ повѣтовый судъ; вмѣсто трехъ ежегодныхъ сессій земскаго суда остальныхъ повѣтовъ она хотѣла имѣть сессіи своего повѣтоваго суда каждыя восемь недѣль; наконецъ, она хотѣла измѣнить и общій порядокъ аппелляціи въ интересахъ сохраненія большей самостоятельности для Жомойти, которую она такъ ревниво охраняла[3]). Сигизмундъ Августъ удовлетворилъ далеко не всѣ эти просьбы. Въ общемъ онъ сталъ на точку зрѣнія необходимости сохранить неприкосновенными постановленія статута 1566 года, обязательныя и для Жомоитской земли, какъ сдѣланныя для цѣлаго Великаго Княжества Литовскаго, котораго частью была Жомойть. Значеніе Невяжи, какъ границы, было признано. Введеніе

---

1) Жомоитскій староста долженъ „съ повинности своее на певные часы“ пріѣзжать для этой цѣли въ Жомойть.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 200 201 (2).

3) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 306—307.

новаго строя и статута 1566 года не должно считаться противорѣчащимъ старымъ правамъ Жомойти — ея послы принимали участіе на сеймахъ, вырабатывавшихъ этотъ строй и разсматривавшихъ новый статутъ. Просьба объ ограниченіи права шляхтича отчуждать свои имѣнія отклонена, какъ стоящая въ противорѣчіи съ постановленіемъ всѣхъ становъ, внесеннымъ въ статутъ. Выкупъ Юрборга и Полонги великій князь разрѣшилъ [1]). Просьба о переименованіи Жомоитскаго старосты въ воеводу была отложена великимъ княземъ до слѣдующаго сейма, „не отмовляючы того достоенства причинити“ [2]), назначеніе же господаремъ каштеляна было признано не наносящимъ ущерба правамъ и вольностямъ Жомойти. Наконецъ, просьба объ учрежденіи особаго судебнаго строя получила отрицательный отвѣтъ. Великій князь отказался измѣнить для Жомоитской земли установленный статутомъ 1566 года судебный строй повѣтовъ, и земскіе судья, подсудокъ и писарь, избранные и утвержденные общимъ порядкомъ, должны въ Жомойти приступить къ исполненію своихъ обязанностей. Жомоитскій староста долженъ ихъ „на местцахъ певныхъ засадити, на двои книги разложивши, до которыхъ судьи мають зъежд[ч]ати се ку отправованью судовъ на роки, въ статуте описаные“. Эти послѣднія слова „отказа“ Сигизмунда Августа говорятъ о предположеніи для отсуживанія земскихъ „роковъ“ въ Жомоитской землѣ двухъ пунктовъ, въ которыхъ эти суды отбывали бы установленныя статутомъ свои Троицкую, Михайловскую и Трикрольскую сессіи.

Жомоитская земля не удовлетворилась тѣми „отказами“, которые ей были даны Сигизмундомъ Августомъ на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года. Сохраненіе своихъ особыхъ правъ въ ряду областей Великаго Княжества Литовскаго продолжало служить предметомъ заботы Жомоитскихъ обывателей, опасавшихся ущерба имъ отъ введенія въ Жо-

---

1) Объ окончательномъ разрѣшеніи этого дѣла см. Литовско-Русскій сеймъ М. К. Любавскаго, стр. 753—754, прим. 39.

2) Въ дѣйствительности Жомоитскій староста былъ переименованъ въ воеводу только въ концѣ 1793 года Гродненскимъ сеймомъ, послѣ второго раздѣла Польско-Литовской Речи Посполитой. J. Wolff. Senatorowie i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Str. 5 i 90.

мойти общаго повѣтоваго строя Литовско-Русскаго государства. На Городенскій сеймъ 1568 года Жомоитская земля представила просьбу „о направенье“ ся привилеевъ, правъ и вольностей, которыхъ нарушеніе она видѣла въ совершившихся реформахъ. Разсмотрѣніе этой просьбы, однако, было отложено Сигизмундомъ Августомъ до слѣдующаго сейма [1]). Въ числѣ господарскихъ „отказовъ“, данныхъ посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ на этомъ послѣднемъ, т. е. Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, не находимъ указанія на разсмотрѣніе Сигизмундомъ Августомъ дѣла Жомойти [2]). Такимъ образомъ, Жомоитская земля, вступая вмѣстѣ съ остальными землями Великаго Княжества Литовскаго въ соединеніе съ Польшею, не успѣла получить пересмотра своего новаго повѣтоваго устройства на основѣ своихъ старыхъ правъ и вольностей. Это заставило Жомойть энергично хлопотать о защитѣ своихъ старыхъ привилеевъ въ эпоху послѣ заключенія Люблинской Уніи, какъ увидимъ ниже.

Созданные въ 1565—1566 годахъ новые повѣты должны были получить свои центры. Значеніе, которое было дано реформою повѣтамъ, требовало того, чтобы эти центры были значительными поселеніями: они должны были помѣщать въ себѣ значительное число лицъ во время съѣздовъ въ нихъ шляхты, слитой изъ нѣсколькихъ повѣтовъ-хоружествъ, во время отправленія судебныхъ сессій повѣтовыхъ судовъ, военныхъ собраній и сеймиковъ. Центрами однихъ изъ новыхъ повѣтовъ стали старые крупные города и замки, другихъ — нѣкоторые господарскіе дворы и мѣстечки; для части повѣтовъ повѣтовые центры нужно было создать вновь. Гваньини въ своемъ „Описаніи“ Великаго Княжества Литовскаго [3]) называетъ по нѣскольку городовъ въ каждомъ

1) „Прывилей обывателемъ земли Жомоитьское, ижъ маеть г[о]с[по]д[а]ръ его милость правъ и вольностей водлугъ прывильевъ ихъ стародавныхъ направити, абы имъ волностей не нарушали“. Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{52}$ л. л. 267 об. — 268. Изданъ Н. А. Максимейкомъ - стр. 197 Приложеній къ книгѣ Сеймы Литовско-Русскаго государства.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 497—502.

3) Sarmatiae Europeae Descriptio, quae Regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Massouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liuoniam et Moschoviae, Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, Equitis Aurati, peditumque praefecti. Cui suplementi loco,

изъ воеводствъ, существовавшихъ послѣ реформы, но не во всѣхъ изъ нихъ указываетъ городовъ больше числа повѣтовыхъ центровъ повѣтовъ, составившихъ данныя воеводства. Такъ, въ воеводствѣ Троцкомъ Гваньини называетъ лишь Троки, Городну, Ковну, Лиду и Упиту [1]), или въ Берестейскомъ — лишь Берестье и Пинскъ [2]). Но въ рядѣ другихъ воеводствъ „Descriptio" Гваньини знаетъ гораздо больше городовъ и замковъ. Въ Виленскомъ воеводствѣ это „Описаніе" показываетъ шесть городовъ (Вильна, Ошмяна, Вилкомиръ, Браславъ, Икажно и Дрисвятъ) [3]), въ Минскомъ — восемь (Минскъ, Кейдановъ, Радошковичи, Борисовъ, Логойскъ, Свислочь, Бобруйскъ и Друцкъ) [4]), въ Новгородскомъ — четыре (Новгородокъ, Слонимъ, Волковыйскъ и Мстибоговъ) [5]), въ Мстиславскомъ — десять (Мстиславль, Дубровна, Копысь, Шкловъ, Могилевъ, Быховъ, Рѣчица, Стрѣшинъ, Любечъ и Вышгородъ) [6]), въ Витебскомъ — тринадцать (Витебскъ, Орша, Суражъ, Ула, Туровля, Суша, Чашники, Сѣнно, Лепель, Тетча, Красное, Воронечъ и Стрыжовъ) [7]) и т. д.

Такимъ образомъ, при опредѣленіи центровъ для большинства повѣтовъ большихъ затрудненій быть не могло, такъ какъ въ ихъ предѣлахъ уже имѣлись достаточно крупные города или мѣстечки для того, чтобы можно было воспользоваться ими съ этою цѣлью. Но для нѣкото-

---

ea quae gesta sunt superiori anno, inter Serenissimum Regem Poloniae et Magnum Ducem Moschouiae breuiter adiecta sunt. Item Genealogia Regum Polonorum. Spirae. Cum privilegio Imper. et Regis Gall. Apud Bernardum Albinum. MDLXXXI. Глава книги подъ заглавіемъ „Provinciarum seu palatinatuum Lituaniae ciuitatumque praecipuarum descriptio" (листы книги 57—61 об.).

1) Troki, Grodno, Cowno, Lida, Upita (op. cit., листъ 58). Лида показана, такимъ образомъ, въ составѣ Троцкаго воеводства, куда она отнесена была повѣтовою реформой первоначально.

2) Brestia, Pinsco (op. cit., листъ 58 об).

3) Vilna, Osmiana, Vilkomeria, Bratislauia, Ikaznia, Driswiat (op. cit., листы 57 об. — 58).

4) Minsko, Keidanow, Radoskowice, Borissow, Lohoisko, Swislocz, Bobroisko, Odruczko (op. cit., листы 58—58 об.).

5) Nouogrodek, Slonim, Wolkovisko, Msczibow (op. cit., листъ 58 об.).

6) Msczislauia, Dambrowna, Kopysz, Sklow, Mohilow, Bychow, Reczycza, Strissin, Lubetz, Viszehorod (op. cit., листъ 59 об.).

7) Vitebsk, Orsha, Suraś, Ula, Turowla, Susza, Czasniki, Sienno, Leplo, Ciotcza, Crassne, Woroniec, Strzyzow (op. cit., листы 59 об. — 60).

рыхъ изъ повѣтовъ ихъ центры нужно было создать вновь. Это имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда въ предѣлахъ территоріи повѣта вовсе не оказывалось крупнаго поселенія, или когда, имѣясь въ наличности, оно оказывалось неудобнымъ для назначенія повѣтоваго центра. Первый изъ этихъ случаевъ обнаруживается въ землѣ Жомоитской. Эта земля въ эпоху повѣтовой реформы сохраняла въ значительной степени бытъ глубокой старины, мало поддававшійся измѣненіямъ. „Описаніе" Гваньини рисуетъ патріархальный бытъ Жомоитской земли и невысокую культуру ея населенія [1]). По разсказу этого „Описанія" и обработка земли велась въ его время въ Жомойти деревянными, а не желѣзными орудіями [2]). Обилію лѣсовъ [3]) соотвѣтствуетъ и отсутствіе укрѣпленныхъ замковъ [4]). Михалонъ Литвинъ, писавшій около 1550 года, излагая домыселъ объ Итальянскомъ происхожденіи Литвы, внесенный и въ Западно-Русскую лѣтопись [5]), даетъ въ своемъ изложеніи черту быта Жомойти его времени, вполнѣ совпадающую съ характеристикою этого быта, дѣлаемою „Описаніемъ" Гваньини. Михалонъ Литвинъ [6]) говоритъ, что, когда корабли предковъ

---

1) „Agrestis turba in humilibus casis, iisque ob longioribus vitam ducit, in quibus ignis in medio accensus ardet, ad ignem vero pater familias cum domesticis, seruisque sedit, iumentaque et totam suppelectilem domesticam cernit. Solent enim sub eodem quo ipsi habitant tecto, sine ullo interstitio peccora habere. Maiores eorumdem cornibus animalium vrorum videlicet pro poculis utuntur. Audaces sunt et strenui homines et ad bellum prompti, loricis aliisque plurimis armis praecipue autem cuspide venatorum utuntur, equos adeo paruos habent, ut vix credibile sit ad tantos labores eos posse sufficere, quibus foris in bello domique in colendis agris vtuntur". Листъ 60 об.

2) „Terram non ferro sed ligno procindunt, quod eo magis mirandum, cum terra eorum tenax et non arenosa sit. Araturi ligna complura, quibus vomeris loco utuntur, secum portare solent, scilicet vt vno stracto, aliud atque aliud ne quid in mora sit in promptu habeant". Ibidem.

3) „Prouincia haec naemoribus syluisque abundat, in quibus horrendae quandoque visiones fieri dicuntur". Ibidem.

4) „Nullo castro munito insignis est, ciuitates tamen in ea cum pagis tam regiae, quam nobilium complures sunt". Ibidem.

5) П. С. Р Л. XVII. Ст. 227 и сл., 239 и сл. и т. д., 421 и сл., 473 и сл.

6) Michalonis Litvani. De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum, Fragmina X multiplici Historia referta. Et Johan. Lasicii Poloni De diis Samagitarum, caeterorumque Sarmatarum, et falsorum

Литовцевъ были принесены волнами къ тому берегу, гдѣ въ его время находится Плотели, они высадились на сушу и „поселились по военному обычаю, понынѣ сохранившемуся у Жмуди, въ шалашахъ у очаговъ“ [1]). Картинѣ быта Жомойти, рисуемой этими извѣстіями, соотвѣтствуетъ и отсутствіе въ землѣ Жомоитской городовъ-мѣстъ въ XVI столѣтіи. „Пописъ шляхты земли Жомоитьское и ихъ людей“, совершенный въ 1528 году, знаетъ въ этой землѣ лишь господарскіе дворы и волости [2]). Въ эпоху реформы 1565—1566 годовъ Жомоитская земля не могла выдвинуть ни одного уже готоваго населеннаго мѣста, которое могло бы сразу стать центромъ ея, какъ повѣта. Жомоитскій повѣтовый сеймикъ собирался въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія не въ одномъ постоянномъ мѣстѣ [3]), повѣтовый судъ, повидимому, также не опредѣлилъ вполнѣ мѣста для своихъ сессій. Естественно, что отсутствіе опредѣленнаго повѣтоваго центра, являясь существеннымъ неудобствомъ въ повѣтовой жизни, чувствовалось Жомоитскою шляхтой, и она должна была озаботиться его созданіемъ.

9 апрѣля 1574 года обыватели Жомоитской земли получили отъ перваго избирательнаго короля соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой подтвержденіе стариныхъ правъ своей земли [4]). Это подтвержденіе требовалось Жомойти въ виду измѣненія положенія Великаго Княжества

Christianorum, Item de religione Armeniorum. Et de initio Regiminis Stephani Batorii. Nunc primum per J. Jac. Grasserum, C. P. ex Manuscripto Authentico edita. Basileae MDCXV. Отрывки сочиненія Михалона Литвина переведены на русскій языкъ дважды: 1) С. Шестаковымъ — Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. В. Калачовымъ (книга II, М. 1854; въ изданіи данъ латинскій текстъ и его переводъ) и 2) К. Мельникъ - Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, выпускъ I (подъ редакціей В. Антоновича) Кіевъ 1890.

1) „. . . . nostri progenitores laborum et periculorum maris pertaesi, et captiuis tam viris quam foeminis onusti, coepere in tabernaculis ad focos, more militari, adhuc in Samagitia durante, vitam degere“. P. 24. Въ текстѣ цитируемъ по переводу К. Мельникъ (Мемуары . . . I, стр. 37).

2) См. выше, стр. 11. Ср. М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 201.

3) Вил. Археогр. Сб. IV. № 10 (1573 г.) — сеймики въ Вилькеѣ и въ Крожахъ.

4) А. З. Р. III. № 59.

Литовскаго Уніею 1569 года и вступленія на престолъ впервые не потомка старой династіи. Но грамота, выданная королемъ Генрихомъ, утверждая и гарантируя старыя права Жомойти, должна была считаться съ реформою 1565—1566 годовъ, существеннымъ образомъ измѣнявшей строй земли Жомоитской. Отъ этой реформы послѣдняя отнюдь не хотѣла отказываться. Отъ имени короля Генриха грамота 9 апрѣля 1574 года говоритъ[1]: „а ижъ врядники, то есть каштелянъ, подкоморый и войскій, также судья, подсудокъ и писарь земскій, передъ тымъ въ земли Жомойтской не были, але ново, за продка нашого короля его милости славноѣ памяти Жикгимонта Августа, суть причинены и постановлены, мы господарь, за причиною“ Жомоитскаго старосты Яна Ходкевича и „за жеданьемъ всихъ врядииковъ, шляхты и рыцерства, родичовъ земли Жомойтскоѣ, къ большой тоѣ земли оздобѣ, до первшихъ стародавныхъ врядовъ и тые новые вѣчными часы тамъ уставляемъ и симъ листомъ нашимъ ихъ утвержаемъ“. Но земля Жомоитская въ числѣ своихъ старинныхъ правъ имѣла и право избранія своихъ старостъ и тивуновъ[2]). Это право должно было быть приложено и къ новымъ должностнымъ лицамъ Жомойти, хотя статутъ 1566 года его признаетъ вообще лишь по отношенію къ членамъ земскаго повѣтоваго суда. Грамота короля Генриха говоритъ: „а на обранье електовъ на вряды всякіе въ той земли Жомойтской, то есть на староство Жомойтское, каштелянство, подкоморство, войское, тивуньство, державцы, судьи и подсудка и писаря земскихъ, и на иные вряды, кгды который съ тыхъ теперешнихъ пановъ радъ нашихъ и врядниковъ земли Жомойтскоѣ на большое достоенство преложонъ будетъ, або тежъ умретъ“ — господарь разрѣшаетъ съѣзжаться въ Россіены. Такимъ образомъ, уже въ 1574 году центромъ Жомоитской земли намѣчались Россіены. Но это мѣстечко еще не сразу получило значеніе Жомоитскаго повѣтоваго центра въ обычномъ, такъ сказать, теченіи повѣтовой жизни. Повѣтовые суды

---

1) Ibidem, артикулъ 29.

2) А. З. Р. I. № 103 (артикулы 9 и 16). Działyński. Zbior Praw Litewskich, str. 68 (IX) i 70 (XVI). Ср. М. Ясинскаго Уставныя земскія грамоты, стр. 118 (4 а) и 119 (b).

Жомойти отбывали свои сессіи еще не въ Россіенахъ[1]). Только въ царствованіе Стефана Баторія Жомоитская шляхта создала въ Россіенахъ дѣйствительный центръ своего повѣта. Во время Варшавскаго сейма 1581 года послы Жомоитской земли (урожоный Мальхеръ Войтеховичъ Шеметъ, тивунъ Дирвянскій, и урожоный Павелъ Станиславовичъ Довмонтъ Сесицкій) обратились къ Стефану Баторію отъ имени всѣхъ Жомоитскихъ обывателей съ просьбою о разрѣшеніи послѣднимъ „окупити" господарское мѣстечко „Росеины", заложенное Сигизмундомъ Августомъ въ 1200 копахъ грошей Литовскому чашнику, пану Матею Петькевичу[2]). Россіены нужны Жомоитскимъ обывателямъ „для зъеждчанья на соймики, такъ тежъ для судовъ головныхъ[3]), земъскихъ и кгродскихъ и для хованья книгъ судовыхъ". Король исполнилъ просьбу Жомоитской шляхты, далъ ей разрѣшеніе выкупить Россіены у жены и дѣтей уже умершаго Петькевича, „и, по отданью сумы вниное, обыватели земли Жомоитское", какъ говоритъ выданный Баторіемъ привилей, „мають се зъеждчати на суды и на соймики и тамъ въ томъ местечку мають книги справъ судовыхъ, такъ головныхъ, яко земскихъ и кгродскихъ, ховать". Жомоитскому старостѣ, Литовскому подчашію, пану Яну Кишкѣ королемъ Стефаномъ приказано: „тамъ зъехавъшы до Росеинъ, пляцъ на збудованье двору водле потребы вымерити и имъ подати, въ которомъ дворе обыватели земъли Жомоитское мають се судить и тамъ книги справъ своихъ судовыхъ ховать". Этотъ дворъ утверждается королемъ за

---

1) Въ іюнѣ 1575 года гродскій судъ Жомоитской земли имѣлъ свое пребываніе въ Немокштахъ (А. Вил. XXIV, № 225). Документы книгъ Россіенскаго земскаго суда за 1575—1600 годы описаны въ пяти первыхъ выпускахъ „Описи документовъ Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовыхъ книгъ" (Вильна 1901—1907), но, къ сожалѣнію, эта Опись не отмѣчаетъ мѣста засѣданій земскаго суда Жомоитской земли.

2) „а по смерти дей помененого пана чашника малжонка, дети и опекуны детей его тое местечко Росейны въ той преречоной суме пенезей, дванадцати сотъ копахъ, держить".

3) Учрежденный въ 1581 году Литовскій трибуналъ не былъ сразу по учрежденіи принятъ Жомоитской землею. Она сохранила за собою право имѣть свои особые „суды головные" (Способъ правъ трибунальскихъ, стр. 5 — Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XXV) до 1588 года (А. Вил. VIII, стр. 262—263).

Жомоитскими обывателями навсегда; что же касается мѣстечка Россіенъ, то оно переходитъ въ распоряженіе господаря послѣ того, какъ Жомоитская шляхта доходами съ него вернетъ себѣ уплаченныя ею 1200 копъ грошей наслѣдникамъ Петькевича[1]).

Актовыя книги Жомоитскаго земскаго суда показываютъ, что уже въ 1581 году этотъ судъ отбывалъ свои сессіи въ Россіенахъ. „Году отъ Нароженья Сына Божего 1581, мѣсеца октебра 10 дня, на рокахъ земскихъ судовыхъ водлугъ статуту по Светомъ Михалѣ, свята Римского осенного, на завтре, въ Росейняхъ передъ нами, Казимеромъ Яновичомъ Орвидомъ — судьею, Криштофомъ Яновичомъ Бѣлевича — подсудкомъ, врядники господарскими земскими Жомойтскими" — читается въ одной выписи изъ книгъ Жомоитскаго земскаго суда[2]). Повидимому въ противорѣчіи съ этимъ обращеніемъ Россіенъ въ повѣтовый центръ Жомойти уже въ 1581 году стоитъ „Привилей обывателемъ земли Жомоитское, позволяючи местечко Ро-

---

1) „Чого имъ моцю теперешнего сойму вальнего позволяемъ и то имъ утвержаемъ вечными часы. А што се дотычеть цынъшовъ и иншыхъ доходовъ, которые съ того местечъка и з села, до того местечка приналежачого, названого Миняны, приходить, тые вси цынъшы и пожытки обывателемъ земли Жомоитъское — до того часу на себе брати мають, покулъ тую всю суму, дванадцать сотъ копъ грошей, выберуть сполна. А по выбраню тое сумы мы г[о]с[по]д[а]ръ и потомъки наши то местечко наше Росеины и село верхупомененое, къ нему належачое, давать будемъ въ державу намъ добре заслужоному. И на то все дали есмо имъ сесь нашъ листъ, рукою нашою г[о]с[по]д[а]ръскою подписавъшы, до которого и печать нашу Великого Князства Литовского притиснути есмо велели". Документъ находится на л. л. 32 об. 33 об. 67-ой книги Литовскихъ Записей Метрики Литовской. Его заголовокъ: „Позволенье обывателемъ земли Жомоитъское окупеня местечка Росеинь и отправованя тамъ судовъ и кованья книгъ справъ ихъ". Дата документа: Варшава, Коронный вальный сеймъ, 3 марта 1581 года („.... марьца третего дня, при бытности пановъ радъ нашыхъ и пословъ земъскихъ обоего народу"). Документъ имѣетъ подписи: 1) „руки г[о]с[по]д[а]рское" и 2) писаря Миколая Ясенскаго. Копія съ этого документа находится и въ Akta Historyczne № 2901, XI Библіотеки Главнаго Штаба („Pozwolenie obywatelem zemli Zomoytskoie okupenia mesteczka Rosein y otprawowania tam sudow y chowania inych spraw").

2) А. Вил. XIV. № 21 (стр. 238). Указаніе на Михайловскіе роки 1583 года, отсуживавшіеся въ Россіенахъ — ibidem, № 24 (стр. 266—271).

сейми у малжонки и потомковъ пана Матея Петкевича окупити и тамъ соймики мети и суды отправовати", сохранившійся въ Литовской Метрикѣ съ датою: Варшава, вальный сеймъ, 16 февраля 1585 года[1]). Текстъ привилея 1581 года и привилея 1585 года въ общемъ одинъ и тотъ же[2]), но первый изъ нихъ полнѣе въ частяхъ, говорящихъ о правахъ на Россіены наслѣдниковъ пана Петкевича, а послѣ нихъ Жомонтской шляхты[3]). Кромѣ того за подписью господарской руки въ привилеѣ 1581 года слѣдуетъ подпись писаря Николая Ясенскаго, а въ привилеѣ 1585 года — Льва Сапеги, названнаго также писаремъ. И въ началѣ марта 1581 года[4]), и въ серединѣ февраля 1585 года[5]) вальный сеймъ засѣдалъ въ Варшавѣ дѣйствительно, и обозначеніе даты въ обоихъ привилеяхъ не возбуждаетъ

1) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{69}$ л. л. 274—274 об.

2) Конечно, какъ во всякомъ повтореніи текста въ старыхъ рукописяхъ, встрѣчаются не имѣющія значенія различія: нпр., „отправованья" $\left(\frac{I\ A}{69}\right.$ л. 274$\left.\right)$ — „и отправованя" $\left(\frac{I\ A}{67}\right.$ л. 33$\left.\right)$, „дванадцать сотъ копахъ грошей" $\left(\frac{I\ A}{69}\right.$ л. 274$\left.\right)$ — „дванадцать сотъ копъ грошей литовскихъ" $\left(\frac{I\ A}{67}\right.$ л. 33$\left.\right)$.

3) Въ $\frac{I\ A}{67}$ находятся слова, которыхъ нѣтъ въ $\frac{I\ A}{69}$: „а по смерти дей помененого пана чашника малжонка, дети и опекуны детей его тое местечко Росейны въ той преречоной суме пенезей, дванадцати сотъ копахъ грошей, держить". Окончаніе привилея въ $\frac{I\ A}{69}$ такое: „Чого имъ моцю теперешнего сойму вального позволяемъ и то имъ утвержаемъ вечными часы. А тое местечко Росейны и село Меняны, до него належачое, мають обывателе земли Жомонтское тымъ же правомъ, яко было отъ продка нашого, славное памети короля его милости Жикгимонта Августа, небожчику чашнику заведено, за которымъ малжонка его держала, держати и всякихъ пожитковъ, оттуль приходячыхъ, уживати ажъ до отданья имъ отъ насъ сумы п[е]н[е]зей, верху помененое. И на то все дали есмо имъ сесь нашъ листъ, рукою нашою г[о]с[по]д[а]рьскою подписавъшы, до которого и печать нашу Великого Князства Литовского притиснути есмо велели. Писанъ у Варшаве, на сойме валномъ Корунномъ, лета Божъего Нароженя тисеча пятсотъ осмъдесятъ пятого, м[е]с[е]ца февраля шеснадцатог[о] дня, при бытности пановъ радъ нашихъ и пословъ земъскихъ обоего народу. Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское. Левъ Сапега, писар[ъ]".

4) Конституція сейма 1581 года датирована 6-мъ марта. Volumina Legum. II. Petersburg 1859. Str. 212.

5) Объ этомъ сеймѣ см. Józefa Szujskiego, Dzieje Polski, tom III (W Krakowie 1894), str. 95—101.

никакихъ сомнѣній. Но не совсѣмъ правильною должна быть признана подпись Льва Сапеги, какъ писаря, подъ привилеемъ 1585 года: 2-го февраля 1585 года Левъ Сапега получилъ привилей на подканцлерство Великаго Княжества Литовскаго[1]) и подканцлеромъ подписывался уже 1-го февраля этого года[2]), т. е. накапунѣ выдачи ему привилея на этотъ урядъ Стефаномъ Баторіемъ. Можно думать, что подпись Льва Сапеги съ обозначеніемъ его писаремъ на привилеѣ отъ 16 февраля 1585 года представлялась не совсѣмъ умѣстной и при внесеніи этого привилея въ книги Литовской Метрики или при перепискѣ ихъ на рубежѣ XVI и XVII столѣтій, въ эпоху уже канцлерства того же Льва Сапеги, когда подчиненнымъ ему писцамъ и писарямъ Метрики должно было особенно бросаться въ глаза неправильное обозначеніе ихъ главнаго начальника. Въ самомъ дѣлѣ, при внесеніи того же привилея отъ 16 февраля 1585 года въ другую книгу Литовской Метрики подпись Льва Сапеги совершенно опущена[3]). Но трудно на основаніи одного этого замѣчанія заподозрѣть самый документъ, подъ которымъ неудачно поставлена подпись Льва Сапеги. Съ другой стороны, не совсѣмъ обычнымъ должно быть признано и полное игнорированіе привилеемъ 1585 года уже состоявшагося въ 1581 году удовлетворенія ходатайства Жомоитской шляхты о передачѣ ей Россіенъ для созданія повѣтоваго центра. Привилей 1585 года, возможно, не договариваетъ чего-либо о тѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла, которыя наросли между 1581 и 1585 годами и которыя вызвали возобновленіе ходатайства Жомоитскаго сей-

1) J. Wolff. Senatorowie i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Str. 163.

2) А. З. Р. III. № 145.

3) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{70}$ л. л. 183—183 об.: „Прывилей обывателей земъли Жомоитъское на позволенье выкупить местечъка Росеинъ у потомъковъ небощыка пана Петъкевича". Дата: Варшава, вальный сеймъ, 16 февраля 1585 года. Документъ совершенно тотъ же, что на л. л. 274—274 об. книги $\frac{I\ A}{69}$. Отличія только въ обычныхъ мелочахъ при перепискѣ: нпр., „дванадцать" $\left(\frac{I\ A}{69}\text{ л. } 274\right)$ — „дванадцати" $\left(\frac{I\ A}{70}\text{ л. } 183\right)$, „на суды" $\left(\frac{I\ A}{69}\text{ л. } 274\right)$ — „на судъ" $\left(\frac{I\ A}{70}\text{ л. } 183\text{ об.}\right)$ и т. п.

мика о Россіенахъ. Во всякомъ случаѣ, съ восьмидесятыхъ годовъ XVI столѣтія повѣтовый центръ земли Жомоитской утвердился въ Россіенахъ.

Итакъ, Жомоитская земля при введеніи повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ оказалась безъ повѣтоваго центра, и послѣдній опредѣлился въ ней лишь въ восьмидесятыхъ годахъ XVI столѣтія. Въ иномъ положеніи оказался повѣтъ Упитскій. Повѣтовый центръ его не удержался въ Упитѣ, именемъ которой былъ названъ повѣтъ. Уже въ первые годы послѣ повѣтовой реформы въ значеніи центра Упитскаго повѣта выступаетъ „дворъ Поневяжскій" [1]). На Торунскомъ сеймѣ 1576 года Упитскіе послы представили Стефану Баторію отъ имени всѣхъ обывателей Упитскаго повѣта въ числѣ другихъ просьбъ и просьбу, касающуюся положенія ихъ повѣтоваго центра [2]). По словамъ ихъ, Упит-

1) См. стр. 150—151 Приложеній къ книгѣ Н. А. Максимейка Сеймы Л.-Р. государства.

2) Лит. Метр. $\frac{I\ A}{61}$ л. 24. Документъ послѣ титула Стефана гласитъ слѣдующее „Скарбному нашому Великого Князства Литовского, старосте Упитскому, ключнику Виленскому, пану Ивану Зарецкому, а въ небытности пана скарбного на тотъ часъ на Упите, ино подстаростему его Упитскому. Будучы здеся въ Торуню при насъ г[о]с[по]д[а]ри на соймe, послы земскіе, отъ всихъ обывателей съ повету Упитского на с[ъ]емъ посланые, межи иными речами до насъ прозбы свои именемъ всихъ обывателей того повету Упитского о то, ижъ дому, где бы на рокохъ земъскихъ судовыхъ того повету на справахъ судовыхъ заседати мели, местца спокойного не маютъ, абыхмо пляцъ на тотъ домъ удобный въ местечку нашомъ староства Упитского Поневеже местце на то годное въ рынку обрати и вымерыти такъ много, яко бы оный домъ сталъ, росказавшы, имъ мети казали. Ино мы, видечы прозбы ихъ, до насъ донесеные, слушные, на то позволили и листъ нашъ до подстолего Великого Князства Литовского, пана Яна Зеновевича, опекуна детей зошлого князя Ивана Крошынского, а, въ небытности его у Поневежи, до врядника тамошнего Поневяжского, абы тамъ въ ономъ местечъку намомъ помененомъ Поневяжскомъ въ рынку пляцъ на местцы, ку збудованю того дому судовного годномъ, обравшы и, якъ много пляцу потреба указовати будеть, отмерывшы, имъ завелъ, подалъ и поступилъ, на которомъ пляцу они тотъ домъ удобный сами збудовати накладомъ своимъ маютъ. А тебе, пане скарбный, а въ небытности на Упите, абы ты, подстаростій его Упитскій, дерева на тотъ домъ судовный водле потребы съ пущы староства Упитского Половенское имъ додалъ, иначей того не чынечы конечно". Дата документа: Торунь, 14 декабря 1576 года. Документъ имѣетъ „подпись руки г[о]с[по]д[а]рское".

скій повѣтъ не имѣетъ дома, въ которомъ бы могли отправляться сессіи земскаго повѣтоваго суда; поэтому они просятъ короля Стефана объ отпускѣ имъ мѣста въ Поневѣжѣ для постройки этого дома. Баторій исполнилъ эту просьбу и послалъ соотвѣтствующее приказаніе Упитскому старостѣ, распорядившись и объ отпускѣ лѣса на постройку изъ господарской пущи Упитскаго староства [1]). Поневѣжъ сталъ повѣтовымъ центромъ Упитскаго повѣта, хотя этотъ повѣтъ продолжаетъ называться Упитскимъ [2]). И рочки гродскіе, и роки земскіе стали отсуживаться въ Поневѣжѣ [3]), а не въ

1) Кромѣ листа Упитскому старостѣ по этому дѣлу Стефанъ Баторій послалъ листъ и въ Поневѣжъ, адресованный „подстолему нашому Великого Князства Литовского, пану Яну Зеновевичу, опекуну детей зошлого старосты Упитского, князя Ивана Крушинского, а въ небытности пана подстолего на тотъ часъ въ местечку нашомъ староства Упитского, у Поневежи, ино тому, хто бы отъ него врадникомъ Поневежскимъ былъ“. Дата этого листа, также подписаннаго господаремъ: Торунь, 16 декабря 1576 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{61}$ л. л. 24 об.—25.

2) Ср. Zygmunt Gloger, Geografia Historyczna ziem dawnej Polski, str. 286. Описаніе Поневѣжа — Вил. Арх. Сб. VIII, стр. 61 —63.

3) А. Вил. XXVI. №№ 167, 173 и др. Ср. Опись документовъ Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовыхъ книгъ, выпускъ VII, Вильна 1909 (стр. IV Предисловія). Къ сожалѣнію Предисловіе къ этому выпуску Описи, составленное Дм. Ив. Довгялломъ, не свободно отъ ряда серьезныхъ промаховъ. Такъ, Упита и ея округъ отнесены въ составъ Троцкаго повѣта со ссылкою на Областное дѣленіе и мѣстное управленіе М. К. Любавскаго (авторъ этого труда упорно именуется почему то Любовскимъ). Но г. Довгялло упустилъ изъ виду, что трудъ М. К. Любавскаго изучаетъ областное дѣленіе Литовско-Русскаго государства лишь эпохи ко времени изданія статута 1529 года, а акты Упитскаго земскаго суда, о которыхъ говоритъ VII выпускъ Описи, относятся къ 1585—1587 годамъ, когда существовалъ уже Упитскій повѣтъ, созданный реформою 1565—1566 годовъ. „Москвитины“ разсматриваются г. Довгялломъ серьезно какъ показатели „великорусской колонизаціи“ и т. д. Тѣ же промахи находятся и въ изданіи этого Предисловія отдѣльною брошюрой (съ небольшими сокращеніями) — Дм. Ив. Довгялло, Поневѣжская Старина (1585—1587 г.), Вильна 1910. Упитская волость въ VIII-мъ томѣ Виленскаго Археографическаго Сборника совершенно неправильно отнесена къ составу земли Жомоитской (№ 1. „1554 г. Инвентарь Упитской волости, въ Жмудской землѣ“). Повидимому, основаніемъ для того, чтобы отнести Упитскую волость къ составу Жомойти, издатели считали приписку на копіи, съ которой сдѣлано изданіе, говорящую о выдачѣ ея изъ скарба „ясневельможному пану его милости, пану Ярошу Воловичу, старостѣ енералному земли Жомоицкое, державцы

Упитѣ, которая въ качествѣ повѣтоваго центра оказалась неудобною для обывателей Упитскаго повѣта. Но центръ повѣта могъ переноситься изъ одного мѣста въ другое и не по желанію самой повѣтовой шляхты или по соображеніямъ ея удобства, а и по причинамъ внѣшнимъ. Такъ, Полоцкъ еще въ 1563 году былъ захваченъ Москвою, и реформа 1565—1566 годовъ застигла большую часть Полоцкаго воеводства вмѣстѣ съ его центромъ въ рукахъ Москвы. Для оставшейся въ составѣ Литовско-Русскаго государства части этого воеводства долженъ былъ быть созданъ временный повѣтовый центръ, и для этой цѣли былъ назначенъ Лепель [1]).

Въ городѣ или мѣстечкѣ, ставшемъ повѣтовымъ центромъ, долженъ находиться повѣтовый домъ, въ которомъ отправляются роки повѣтоваго суда и въ которомъ, какъ увидимъ ниже, по крайней мѣрѣ въ большой части повѣтовъ, собирается и повѣтовый соймикъ. При введеніи реформы 1565—1566 годовъ въ эти повѣтовые дома обращались господарскіе дворы, находившіеся въ центральныхъ пунктахъ отдѣльныхъ повѣтовъ. Господарскіе дворы далеко не были всѣ одного типа. Ихъ должно раздѣлить на двѣ группы: одни служили мѣстами пребыванія господаря на болѣе или менѣе продолжительное время, для жизни его въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ во время его нахожденія въ этомъ

Шавелскому, Кобрынскому и Упійскому, для вѣдомости и обороны грунтовъ короля его милости волости Упійское" (Вил. Арх. Сб. VIII, стр. 120 и IV). Но 1) конецъ этой приписки ясно показываетъ, что Воловичъ получилъ эту копію не какъ староста Жомоитскій, а какъ державца Упитскій и 2) обозначеніе припискою Воловича сначала старостою Жомоитскимъ и уже потомъ державцою Упитскимъ отнюдь не показываетъ, что онъ получалъ эту копію по уряду Жомоитскаго старосты, такъ какъ при перечисленіи урядовъ лица соблюдалось правило ставить впереди уряды болѣе важные, хотя это лицо въ данномъ случаѣ и выступало бы дѣйствующимъ по другимъ своимъ урядамъ.

1) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 628—630. Въ спеціальной работѣ, посвященной исторіи Лепеля (Дм. Ив. Довгялло. Лепель, уѣздный городъ Витебской губерніи. Хроника минувшей жизни. Витебскъ 1905) упущенъ этотъ моментъ историческаго прошлаго города, хотя и указаны перемѣны въ положеніи Лепеля въ періодъ времени съ 1563 года по 1579 годъ (возвращеніе Полоцка отъ Москвы) и превращеніе его въ замокъ (стр. 9—10).

„панствѣ“, для охоты и для отдыха; другіе не имѣли этого назначенія и являлись лишь центрами округовъ старыхъ повѣтовъ-державъ. Дворы перваго типа были господарскими городскими или загородными дворцами, „палацами“, и часто украшались богато, дѣлаясь любимыми мѣстами для продолжительнаго пребыванія великаго князя. Такимъ былъ, напримѣръ, Кнышинъ. При немъ находился деревянный замокъ, въ которомъ любилъ жить Сигизмундъ Августъ, въ Кнышинѣ и умершій[1]). У другихъ великихъ князей и королей были другіе любимые города и мѣстечки[2]). Это одинъ типъ господарскихъ дворовъ.

Другой ихъ типъ не имѣлъ характера господарскихъ резиденцій. Его представляютъ дворы, въ которыхъ отправлялись лишь управленіе и судъ державцы или старосты. Посмотримъ, какъ изображаютъ такіе дворы современныя описанія. По описанію 1560 года[3]) господарскій дворъ въ Оршанскомъ замкѣ имѣлъ слѣдующія постройки. Во-первыхъ свѣтлица, „при земли, деревеная, добрая“, въ ней шесть оконъ „отваристыхъ“ на завѣсахъ, „оболоны скляные“, двери не на завѣсахъ („защепокъ“ нѣтъ), дубовый столъ, „лавы добри“ и бѣлая печь „кафлей простыхъ“. При этой свѣтлицѣ сѣни, въ которыхъ „коминъ глиною обмурованъ“ и двое дверей („не на завесехъ и защепокъ нетъ“). При

1) Ср. Описаніе путешествія въ Москву посла Римскаго императора, Николая Варкоча, съ 22 іюля 1593 года, стр. 5 (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р. при М. Ун. 1874. Книга IV. Отдѣльно — М. 1875). Jean Choisnin въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что Сигизмундъ Августъ отправился передъ смертью въ Литву, .. „en un sien chasteau appellé Knichin, qu'il aimoit fort, où il délibéra de recouvrer sa première santé, ou bien d'y finir ses jours, si Dieu l'avoit ainsi ordonné“. Nouvelle Collection des Mémoires pour servir a l'histoire de France depuis le XIII siècle jusqu'a la fin du XVIII. Précédés de notices pour caractériser chaque auteur des mémoires et son époque; suivis de l'annalyse des documents historiques qui s'y rapportent; par. M. M. Michaud de l'académie Française et Poujoulat. Tome onzième. A Paris. 1838. P. 382.

2) Владиславъ IV, напримѣръ, любилъ ѣздить въ Меречь (ср. Juliana Ursyna Niemcewicza, Podróże Historyczne po ziemiach Polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte. Paryż 1858 — str. 359). Онъ тамъ и умеръ (ср. Józefa Szujskiego, Dzieje Polski, tom III. W Krakowie 1894 — str. 347).

3) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 124—125.

сѣняхъ обозначена „комора“, въ ней „коминъ деревяный, глиною обмурованъ“, четыре „отворнстыхъ“ окна („на завесахъ, оболоны скляные, дверы не на завесахъ“ и пѣтъ „защепокъ“). У этой коморы („у боку тое комори“) малыя сѣни, а изъ нихъ „светлочка малая, новая“ съ бѣлою печью „кахлевъ простыхъ“, съ четырьмя „отворнстыми“ окнами („на завесахъ, въ нихъ оболоны простые, скураные“), съ „округлымъ“ хорошимъ столомъ и хорошими лавами („двери не на завесахъ и защепокъ нетъ“). Кромѣ этой главной постройки двора показана и другая свѣтлица, „вечаная при земли“, въ четыре окна („окна 4 и двери не на завесахъ“), съ хорошею бѣлою печью „кахлевъ простыхъ“ и съ хорошими лавами. Изъ свѣтлицы идутъ сѣни („двери не на завесехъ и защепокъ нетъ“). Кромѣ этихъ двухъ домовъ во дворѣ показаны его описаніемъ и хозяйственныя постройки: пекарня, кухня, свирни и т. д. Но въ Оршѣ былъ не одинъ господарскій дворъ. Кромѣ этого показанъ другой — „неподалеку замку“. Въ этомъ второмъ господарскомъ дворѣ описаніемъ показана деревянная свѣтлица въ три окна („оболоны паперные“), съ круглымъ столомъ, двумя лавами („двери не на завесахъ, з защепкою“) и бѣлою печью „кахлевъ простыхъ“. При свѣтлицѣ сѣни, въ которыхъ „коминъ деревяный, глиною облепленъ“, а изъ сѣней входъ въ другую свѣтлицу въ пять „малыхъ“ оконъ, съ двумя лавами и бѣлою печью „кахлевъ простыхъ“ (двери „не на завесахъ, з защепками и пробой“). При свѣтлицахъ ганокъ, а „въ немъ столъ липовый и лавы добри“. Въ составѣ второго двора также обозначенъ рядъ хозяйственныхъ построекъ.

Передъ нами описаніе господарскихъ дворовъ, находившихся въ замкѣ и около замка[1]), имѣвшаго довольно крупное значеніе. Дворы господарскіе, лежавшіе вдали отъ крупныхъ городовъ и замковъ, также имѣли достаточно

---

1) Ср. два замковыхъ двора въ Пинскомъ замкѣ (Писцовая книга бывшаго Пинскаго староства, составленная по повелѣнію короля Сигизмунда Августа въ 1561—1566 годахъ Пинскимъ и Кобринскимъ старостою Лавриномъ Войною — часть I. Вильна 1874. Стр. 4 –5), ср. описанія замковыхъ дворовъ въ замкахъ Радошковскомъ (Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 91—93), Довгялишскомъ (ibidem, стр. 120—121) и др.

построекъ. Такъ, Черсвятскій дворъ въ Полоцкомъ воеводствѣ имѣлъ слѣдующія „будованя“: четыре дома и рядъ хозяйственныхъ построекъ. Описаніе этого двора[1]) указываетъ и особый „дворецъ“, въ которомъ живетъ намѣстникъ, отмѣчая тѣмъ, что намѣстникъ не жилъ въ постройкахъ собственно господарскаго двора, а имѣлъ особый дворъ, служившій ему жилищемъ. Конечно въ крупнѣйшихъ городахъ Великаго Княжества Литовскаго бывало даже не по одному господарскому двору рядомъ съ „палацомъ“ великокняжескимъ въ ихъ замкахъ[2]), и изъ этихъ дворовъ можно было выбрать одинъ для того, чтобы его обратить въ дворъ повѣтовый. Такимъ образомъ, почти во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, которые повѣтовою реформою 1565—1566 годовъ были обращены въ центры повѣтовъ[3]), имѣлись уже готовые дворы съ большимъ или меньшимъ количествомъ построекъ, и они были господаремъ предоставлены повѣтамъ для ихъ повѣтовыхъ нуждъ, которыя были созданы реформою. Эти дворы теперь стали „повѣтовыми“[4]) съ превращеніемъ стараго повѣта въ округъ шляхетскаго суда и управленія судоваго старосты. Статутъ 1566 года совершенно опредѣленно говоритъ объ этомъ. „Въ кождомъ повѣтѣ княжата, панове-рада наша“, гласитъ этотъ кодексъ отъ имени великаго князя, „также рицерство и шляхта, вси, хто кольвекъ якого стану будетъ тамъ имѣнья свои мѣти, зъѣхатися мають до двора, которій на посродку того повѣту будетъ“, для выбора членовъ земскаго повѣтоваго суда[5]). Земскій судъ, гласитъ статутъ 1566 года отъ имени господаря, находится „въ замку албо у дворѣ

---

1) Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 63—64.

2) О господарскихъ „палацахъ“ середины XVI ст. въ Вильнѣ см. J. Kraszewskiego, Wilno od początków jego do roku 1750 (tom I, Wilno 1840, str. 239—240), А. Вил. XX (Предисловіе, стр. CXVI—CXVII). Описаніе господарскаго дворца въ Городнѣ (уже середины XVII ст.) — Писцовая книга Гродненской экономіи съ прибавленіями, изданная Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ (часть вторая, Вильна 1882, стр. 1—11).

3) Неудовлетворительнымъ такой дворъ оказался въ Упитѣ, какъ было отмѣчено выше (стр. 96—97).

4) Ср. II ст., IV, 21.

5) II ст., IV, 1.

нашомъ“ [1]), и это же говорятъ и акты земскихъ судовъ [2]). Но, конечно, въ повѣтахъ, въ первые же годы послѣ реформы 1565—1566 годовъ, должна была обнаружиться потребность въ особыхъ домахъ для земскихъ судовъ. Сессіи земскаго суда совпадали съ занятіями суда замковаго, или гродскаго, какъ онъ сталъ потомъ обычно называться. Было необходимо создать особые дома для засѣданій суда земскаго. Статутъ 1566 года обходитъ вопросъ о спеціальныхъ домахъ для земскихъ судовъ. Онъ озабоченъ лишь устройствомъ помѣщеній для храненія земскихъ книгъ, требуя отъ имени господаря, чтобы „въ кождомъ таковомъ повѣтѣ, гдѣ судъ земскій будеть, въ замку албо у дворѣ нашомъ, судья, подсудокъ и писаръ земскій посполъ зъ шляхтою выбрали, збудовали и патрыли таковое мѣсто, гдѣ бы завжды книги земскіе безпечнѣ отъ всякое пригоды были захованы“ [3]). Повидимому, при введеніи въ жизнь реформы вопросъ о помѣщеніяхъ для сессій земскихъ судовъ не былъ предвидѣнъ. Этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, вытекавшіе изъ реформы 1565—1566 годовъ, долженъ былъ, однако, возникнуть и рѣшиться въ послѣдующіе годы. Повѣтовая шляхта дѣйствительно должна была серьезно остановить свое вниманіе на помѣщеніяхъ, гдѣ отсуживались „роки“ ея земскихъ судовъ. Обнаружились совпаденія засѣданій судовъ земскаго и замковаго. Дома, въ которыхъ отбывали свои сессіи земскіе суды, требовали ремонта, и должны были возникать вопросы въ повѣтахъ о томъ, кто долженъ поддерживать постройки — повѣтовый замковый урядъ или повѣтовая шляхта. Съ другой стороны, земскій судъ пріобрѣталъ все большее значеніе въ повѣтѣ. Уже статутъ 1566 года придавалъ ему значеніе своего рода основного повѣтоваго учрежденія. Это видно не только изъ того, что онъ въ своихъ артикулахъ, посвященныхъ судоустройству и судопроизводству [4]), говоритъ о земскомъ судѣ болѣе подробно и прежде, чѣмъ о другихъ судахъ повѣта,

---

1) II ст., IV, 11.

2) Нпр., Историко-Юридическіе Матеріалы XXXI, Акты Витебскаго земскаго суда стр. 5, 9, 15 и др.

3) II ст., IV, 11.

4) IV раздѣлъ статута 1566 года.

но и изъ того, что повѣтовое сеймикованье онъ пріурочиваетъ къ земскому суду словами: „и, зволившыся, вси одностайнымъ зданьемъ мають обирати пословъ своихъ, то естъ отъ кождого суду земского, колко ихъ у томъ воеводствѣ будеть, по двѣ особы, послати ихъ на соймъ....“ 1). Въ то же время и самые „роки“ земскихъ судовъ, какъ увидимъ ниже, стали довольно значительными съѣздами шляхты, которая стала пользоваться ими не только для судебныхъ цѣлей, но и для цѣлей выработки своихъ дѣйствій и заявленій, какъ шляхетской корпораціи повѣта. Въ отдѣльныхъ случаяхъ шляхта имѣла возможность разрѣшать задачу постройки и поддержанія домовъ для земскихъ судовъ, обращаясь къ господарю съ челобитьемъ объ отпускѣ строительныхъ матеріаловъ изъ господарскихъ пущъ 2), но, конечно, этотъ способъ разрѣшенія задачи не могъ признаваться нормальнымъ, въ виду постоянства данной потребности повѣтовъ и того значенія, которое имѣли земскіе суды. При пересмотрѣ и дополненіи артикуловъ статута 1566 года депутатами Великаго Княжества Литовскаго, составлявшими проектъ III-го статута, обсуждался вопросъ о постоянномъ податкѣ съ шляхты, однимъ изъ назначеній котораго должно было быть „будованье домовъ для зложенья книгъ земскихъ“, или „будованье домовъ судовыхъ“ 3). Наконецъ статутъ 1588 года далъ разрѣшеніе вопроса о домахъ для земскихъ судовъ слѣдующимъ постановленіемъ: „къ тому тежъ воеводове, старостове судовые, въ кождомъ воеводъстве, земъли и повете, местъца пристойные на збудованье домовъ для отправованья судовъ земъскихъ, недалеко замковъ и дворовъ нашихъ судовыхъ, вряду земскому и шляхте указати и поступити мають, а врядники земъскіе со въсими станы оного повету будуть повинъни яко тое схованье книгъ судовыхъ у замку албо у дворе, такъ и тотъ домъ судовый збудовати съ тыхъ пенезей, яко то особливою уфалою естъ постановено, што за моцно деръжано быти маетъ“ 4). Такимъ

1) II ст., III, 5.

2) См. выше (стр. 97) объ отпускѣ господаремъ лѣса на постройку судоваго дома въ Поневѣжѣ.

3) Приложенія, стр. 135.

4) III ст., IV, 13.

образомъ, статутъ 1588 года разрѣшилъ законодательнымъ путемъ вопросъ объ особомъ домѣ въ каждомъ повѣтѣ для земскихъ судовъ. Но тотъ же кодексъ обнаруживаетъ, что ко времени его учрежденія судовые дома существовали не во всѣхъ повѣтахъ. Въ одномъ изъ артикуловъ статута 1588 года, говорящемъ объ отводѣ гродскимъ урядомъ „господъ", т. е. квартиръ, во время земскихъ роковъ и гродскихъ рочковъ, находимъ требованіе, чтобы отводился „особный домъ престронъный, где на судехъ заседати маютъ", съ оговоркою, что это должно дѣлаться „тамъ, где еще дому судового нетъ" [1]). Конечно, этотъ отводъ временныхъ помѣщеній для засѣданій суда долженъ былъ имѣть мѣсто, вѣроятно, иногда и потомъ, въ случаяхъ, когда построенный особый судовый домъ почему-либо не могъ служить своему назначенію. „Изба судовая", какъ называютъ часто этотъ домъ Литовско-Русскіе акты [2]), стала въ новомъ повѣтѣ тѣмъ пунктомъ повѣтоваго центра, который собиралъ шляхту повѣта и для ея судебныхъ дѣлъ и записей въ повѣтовыя книги, и въ ея собраніяхъ, какъ повѣтовой корпораціи [3]).

Созданные въ 1565—1566 годахъ новые повѣты, являясь совершенно опредѣленными единицами областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго, получили двоякое значеніе: во-первыхъ, они стали территоріальнымъ дѣленіемъ государства и во-вторыхъ, они сдѣлались дѣленіемъ народа-шляхты Княжества на части, на повѣтовыя корпораціи. Остановимся сначала на второмъ изъ этихъ значеній новаго повѣта. Для шляхты повѣтъ явился округомъ ея военнаго дѣленія, суда, администраціи и соймикованья. Шляхта повѣтовъ образовала отряды земскаго войска Княжества. Она становится въ военномъ „рушеньѣ" около своихъ повѣтовыхъ хоружихъ, подъ хоругвями повѣтовъ. Каждому повѣту послѣ реформы 1565—1566 годовъ изъ

1) III ст., IV, 52.

2) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 279. „Свѣтлица судовая" (Опись документовъ Виленскаго Центр. Архива древн. актовыхъ книгъ, вып. II, стр. 10 и др.). Ср. „канцлерія кгродская" (ibidem, стр. 27 и др.).

3) См. ниже, въ главахъ, посвященныхъ изученію повѣтоваго сеймика и другихъ собраній шляхты повѣтовъ.

скарба Великаго Княжества Литовскаго было выдано особое знамя, повѣтовая хоругвь[1]). Повѣты, какъ полки шляхетскаго земскаго войска, соединяются въ воеводства, своего рода дивизіи, а эти послѣднія составляютъ все земское, народно-шляхетское войско Великаго Княжества Литовскаго. Воеводства имѣютъ особые цвѣта для своихъ хоругвей[2]). Шляхетское войско цѣлаго Княжества объединяетъ свои хоругви около хоругви земской. Къ этому войску повѣтовъ присоединяется въ общемъ военномъ сборѣ и войско двора господарскаго, стоящаго подъ дворною хоругвью. Во главѣ повѣтовыхъ полковъ шляхты стоятъ повѣтовые хоружіе и маршалки, а въ центральныхъ повѣтахъ воеводствъ — хоружіе и каштеляны. Во главѣ войска воеводства находится воевода[3]). Наконецъ, во главѣ всего шляхетскаго войска Княжества — хоружій земскій и гетманъ наивысшій. Присоединяющееся къ этому войску войско господарскаго двора имѣетъ во главѣ себя гетмана и хоружія дворныхъ[4]).

1) Статутъ 1566 года говоритъ отъ имени господаря: „хорогвы мають“ хоружимъ „даваны быти з скарбу нашого подлугъ давного обычаю“ (II ст., II, 5. Въ изданіи статута въ XXIII-й книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. стоитъ „за скарбу“. Ср. стр. 29 Краковскаго изданія II-го статута —Collectanea ex Archivo Collegii Juridici, tomus VII, Kraków 1900). Статутъ 1588 года дословно повторяетъ слова II-го статута о выдачѣ повѣтовымъ хоружимъ хоругвей „зъ скарбу“ (III ст., II, 5).

2) „Списанье поветовъ Великого Князства Литовского и врядниковъ въ нихъ“, указанное нами выше, опредѣляетъ для отдѣльныхъ воеводствъ такіе цвѣта хоругвей: воеводство Виленское — хоругвь „чирвоная, въ белымъ полю гербъ“, воеводство Троцкое — „лазуровая, въ беломъ полю гербъ“, староство Жомоитское — „белая, въ чирвономъ полю гербъ“, воеводство Кіевское — „папужъковая, въ чирвономъ полю гербъ“, воеводство Волынское — „брунатная, въ белумъ полю гербъ“, воеводство Полоцкое — „спкоража, въ беломъ полю гербъ“, воеводство Новгородское — „пелпстая, въ беломъ полю гербъ“, воеводство Витебское — „зеленая, въ беломъ полю гербъ“, воеводство Подляшское — „хоруговъ Дорогицкая и Мельницкая жолто-горачая, въ беломъ полю гербъ“, воеводство Берестейское — „хоруговъ блякитная, въ чирвономъ полю гербъ“, воеводство Мстиславское — „жолътая, въ чирвономъ полю гербъ“, воеводство Браславля Подольскаго — „шарая, въ чирвономъ полю гербъ“, воеводство Менское — „гвоздиковая, въ беломъ полю гербъ“.

3) Въ землѣ Жомоитской — староста Жомоитскій.

4) Объ организаціи посполитаго рушенья въ эпоху дѣйствія II-го статута и о должностныхъ лицахъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе см.

Должностными лицами, вѣдавшими повѣтъ, какъ шляхетскую корпорацію, въ значеніи военнаго дѣленія народа-шляхты Княжества, были каштеляны (въ центральныхъ повѣтахъ воеводствъ), маршалки (въ остальныхъ повѣтахъ) и повѣтовые хоружіе (во всѣхъ повѣтахъ). Назначеніе на уряды каштеляна и маршалка принадлежало господарю. Эти уряды стояли слишкомъ высоко на ступеняхъ іерархической лѣствицы должностныхъ лицъ Княжества, чтобы шляхта могла считать себя въ правѣ участвовать въ ихъ замѣщеніи: каштеляны были радными панами[1]), повѣтовые маршалки долго считались долженствующими получить это значеніе[2]); такимъ образомъ, первые входили въ составъ „стана сенаторскаго", а вторые считались на пути, или, по крайней мѣрѣ, очень близкими къ нему, и „станъ шляхетскій" не могъ вступаться въ дѣло введенія новыхъ лицъ въ эту среду. Въ иномъ положеніи находился урядъ повѣтоваго хоружія. По отношенію къ этому уряду шляхта еще до реформы 1565—1566 годовъ обнаруживала тенденцію къ участію въ его замѣщеніи путемъ рекомендаціи лицъ, для нея желательныхъ[3]). Въ годы послѣ реформы встрѣчаемся съ ходатайствами шляхты отдѣльныхъ повѣтовъ о замѣщеніи повѣтовыхъ урядовъ хоружія лицами, которыхъ „залецають" господарю шляхетскіе обыватели даннаго повѣта[4]). Статутъ 1588 года призналъ обязательнымъ участіе повѣтовой шляхты въ назначеніи ея хоружія. Отъ имени господаря этотъ кодексъ гласитъ: „хоружъства во всихъ земляхъ и поветехъ Великого Князства, где до того часу бывали, такимъ радомъ и способомъ мають быти захованы, ижъ мы господаръ хоружихъ инакъшихъ не маемъ установляти, только людій зацныхъ, годныхъ, ростропныхъ, родичовъ властныхъ того панства и оселыхъ въ повете томъ, ведже того вряду хоружства иначей давати не маемъ — за обраньемъ на то певныхъ особъ черезъ обывателей кождое земли

И. И. Лаппо, op. cit., стр. 314—333, 387, 527—548, 556 563, 665 667. О гетманѣ дворномъ — ibidem, стр. 435—440.

1) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 616 и сл.

2) Ibidem. Стр. 318.

3) См. выше, стр. 27.

4) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 323.

и повету, тымъ порадъкомъ, яко обиранье врядъниковъ судовыхъ земъскихъ въ семъ же статуте есть описано" [1]). Этотъ порядокъ такой: шляхта повѣта избираетъ на урядъ четырехъ своихъ кандидатовъ, изъ которыхъ одного господарь утверждаетъ по своей „звирхности господарской".

Итакъ, повѣтъ въ значеніи дѣленія земскаго шляхетскаго войска Великаго Княжества Литовскаго представлялъ собою полкъ, въ который становилась повѣтовая шляхетская корпорація около своихъ маршалка, или каштеляна, и хоружія, подъ повѣтовою хоругвью, которую держитъ ея хоружій [2]). Эта хоругвь и особые начальники для каждаго повѣтоваго полка, т. е. хоружіе и маршалки или каштеляны, и въ общемъ военномъ сборѣ, и въ „тягненьѣ"-походѣ воеводскаго или всего земскаго войска Княжества постоянно охраняютъ значеніе шляхетской корпораціи повѣта, какъ отдѣльной единицы, предохраняя ее отъ полнаго слiянія съ земскимъ войскомъ воеводства или цѣлаго Литовско-Русскаго „панства". Сознаніе шляхетскою корпораціею повѣта своего значенія, какъ повѣтовой единицы, выразилось въ эпоху выработки III-го статута и въ признаніи права ея на участіе въ замѣщеніи уряда повѣтоваго хоружія, особенно близко стоявшаго къ шляхтѣ во время ея военныхъ „рушеній" и сборовъ.

Такое же значеніе опредѣленной единицы дѣленія шляхты и значеніе шляхетской корпораціи получилъ повѣтъ послѣ реформы 1565—1566 годовъ и въ качествѣ судебнаго округа. Статутъ 1566 года въ каждомъ повѣтѣ учреждаетъ три повѣтовыхъ суда: земскій, замковый и подкоморскій. Первому изъ этихъ судовъ принадлежитъ право судить шляхту повѣта „о земскіе речы зъ имѣней" [3]), судъ подкоморскій долженъ разбирать дѣла „о

---

1) III ст., II, 5.

2) Статутъ 1588 года гласитъ: „а хоруговъ самъ хоружый въ гуфе своемъ, на шиху и ку потребе, маеть держати и статечне се въ томъ вряде на потребахъ нашихъ и земъскихъ маеть заховати подлугъ цноты и повинъности, на хоружыхъ належачое, не засажываючи местъца своего инъшимъ, подъ страченьемъ вряду, окромь обложное хоробы; а хоруговъи мають имъ быти даваны зъ скаръбу нашого, подлугъ давного обычая". III ст., II, 5.

3) II ст., IV, 2.

всякихъ розницахъ земленыхъ и граничныхъ за одосланьемъ отъ суду земского" [1]) и, наконецъ, замковый судъ вѣдаетъ дѣла уголовныя: „о наѣздъ кгвалтовный на домы шляхецскіе, кг[в]алтъ въ мѣстехъ" господарскихъ, „о пожогу и разбои по дорогахъ, о к[г]валтоване паненъ и невѣстъ, о злодѣйство, о фалшъ, о голову шляхецкую" [2]). Весь составъ земскаго суда, т. е. земскіе судья, подсудокъ и писарь, по статуту 1566 года, замѣщается господаремъ изъ кандидатовъ, избираемыхъ повѣтовою шляхтою. На каждый изъ этихъ урядовъ шляхта повѣта представляетъ четырехъ своихъ „електовъ", одного изъ которыхъ господарь и назначаетъ. Только въ случаѣ перемѣщенія шляхтою на вакантное мѣсто члена земскаго суда другого члена того же суда, четырехъ кандидатовъ на замѣщаемый урядъ представлять господарю не требуется; онъ утверждаетъ непремѣнно этого перемѣщаемаго шляхтою урядника, и лишь на мѣсто послѣдняго должны быть избраны ею обычнымъ порядкомъ четыре „електа" [3]). Такимъ образомъ, установилось даже ограниченіе для господаря въ правѣ выбора изъ избираемыхъ шляхтою повѣта кандидатовъ: разъ шляхетскій кандидатъ получилъ довѣріе господаря однажды, при назначеніи на одинъ изъ урядовъ земскаго повѣтоваго суда, господарь этимъ лишается права препятствовать ему въ полученіи другого, высшаго уряда въ составѣ этого суда. Статутъ 1588 года оставляетъ всѣ эти постановленія предшествующаго кодекса въ полной силѣ [4]). Очевидно повѣтовая шляхта была вполнѣ удовлетворена тѣмъ, что далъ ей, какъ повѣтовой корпораціи, въ этомъ отношеніи статутъ 1566 года.

1) II ст., IV, 70.

2) II ст., IV, 20.

3) Текстъ II-го статута въ изданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Моск. Университетѣ (Временникъ XXIII, стр. 64), благодаря краткости, не совсѣмъ ясно выражаетъ этотъ порядокъ перемѣщенія членовъ земскаго суда внутри его. Яснѣе выражено въ латинскомъ переводѣ статута 1566 года: „quodsi nobilitati placuerit in demortui locum, alterum collegarum superstitem eligere, in eius rursus electi in eodem conuentu alium aeque idoneum eligent; is vero sic electus et a nobis confirmatus, eadem ratione, quae supra descripta est, iusiurandum dabit" (Collectanea ex Archivo Collegii Juridici. Tomus VII. P. 72).

4) III ст., IV, 1.

Иначе было въ дѣлѣ организаціи судовъ подкоморскаго и замковаго. По статуту 1566 года повѣтовый подкоморій назначается господаремъ единолично[1]). Вообще этотъ урядъ былъ введенъ въ проектъ II-го статута передъ самымъ его утвержденіемъ, послѣ довольно поверхностнаго обсужденія. На это указываетъ уже самый характеръ артикула статута, въ которомъ изложена организація подкоморскаго суда и который сливаетъ постановленія, долженствующія быть раздѣленными на нѣсколько артикуловъ, какъ это сдѣлано въ статутѣ 1566 года при изложеніи организаціи судовъ земскаго и замковаго. Но кромѣ того мы имѣемъ и прямое указаніе источниковъ, что подкоморскій судъ не былъ предположенъ къ учрежденію проектомъ II-го статута. Въ господарской „наукѣ", т. е. инструкціи, секретарю и писарю, пану Базиліусу Древинскому, по которой онъ долженъ былъ „донести и оповѣдати" поставленные Сигизмундомъ Августомъ вопросы на обсужденіе панамъ-радѣ, съѣхавшимся на Берестейскій сеймъ 1566 года, стоитъ: „не безпотребнѣ тежъ то его королевской милости въ листѣхъ соймовыхъ доложити и въ пропозыціи припоменути росказати рачилъ около поправенья статуту, а то для того, жебы ся, для поспѣшного на онъ часъ выданья статуту, чого ся въ немъ потребного не занехало и не опустило, або тежъ непотребного и шкодливого не приложило, кгдыжъ то ваша милость сами вѣдати рачите, якъ короткій часъ былъ ку справованью и ревидованью такъ великоважныхъ речей, што ся изъ роздѣлу девятого, около правъ и границъ земляныхъ написаного, значить, ижъ ся первей всякіе справы земленые на врядъ судейскій были вложили, а потомъ, за становеньемъ подкоморихъ, на врядъ подкоморскій преложоны"[2]). Но, конечно, способъ назначенія на подкоморскій урядъ едва ли бы былъ измѣненъ II-мъ статутомъ даже въ томъ случаѣ, еслибы учрежденіе подкоморскаго суда было сдѣлано и безъ всякой торопливости. Надо думать, что начало избранія шляхтою повѣтовъ кандидатовъ на повѣтовое под-

1) II ст., IV, 70. Вся организація подкоморскаго суда изложена въ этомъ одномъ артикулѣ.

2) А. Ю. и З. Р. I. № 148 (стр. 158). Ср. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 169—170 (23 и 24).

коморство могло получить свое признаніе лишь въ годы, болѣе близкіе къ окончательной выработкѣ проекта III-го статута и его утвержденію. Статутъ 1588 года посвящаетъ цѣлый свой раздѣлъ организаціи повѣтоваго подкоморскаго суда и вопросу „о правахъ земленыхъ, о границахъ и о межахъ“ [1]). Устройство подкоморскаго суда III-мъ статутомъ было совершено, конечно, на основаніи указаній практики предшествующаго времени, которую вообще принимала постоянно во вниманіе спокойная и обстоятельная работа Литовско-Русскихъ депутатовъ надъ составленіемъ проекта этого кодекса. Должны были считаться эти депутаты и съ замѣтнымъ развитіемъ повѣтовъ, какъ корпорацій повѣтовой шляхты, дѣлавшимъ успѣхи, благодаря той обстановкѣ, въ которой переживалъ народъ-шляхта Великаго Княжества Литовскаго годы, наступившіе послѣ заключенія Люблинской Уніи. Статутъ 1588 года установляетъ, что господарь не будетъ никому давать подкоморскихъ урядовъ повѣтовъ иначе, какъ „за обраньемъ на то певныхъ особъ чотырехъ черезъ обывателей кождое земли и повету, тымъ порядкомъ, яко обиранья иньшыхъ врядниковъ судовыхъ земъскихъ, судьи, подъсудка и писара, естъ въ семъ статуте описано“. Такимъ образомъ, шляхта повѣта, согласно III-му статуту, избираетъ четырехъ кандидатовъ на урядъ повѣтоваго подкоморія, а господарь утвердитъ изъ нихъ того, „кого се“ ему „напрыстойней видети будеть“ [2]). Помощники и замѣстители повѣтовыхъ подкоморіевъ, коморники, назначаются и по статуту 1566 года, и по статуту 1588 года непосредственно самими подкоморіями [3]).

Еще замѣтнѣе, чѣмъ въ исторіи суда подкоморскаго, обнаруживается развитіе шляхетскаго повѣта въ исторіи замковаго суда, за тотъ же періодъ времени, протекшій между утвержденіемъ II-го и III-го статутовъ. Статутъ 1566 года о замковомъ судѣ говоритъ отъ имени господаря слѣдующее: „уставуемъ, ижъ воеводове, старостове и вси державцы замковые и дворовъ нашихъ повѣтовыхъ маютъ, зособна кождый зъ нихъ, на врядѣ своемъ выбрати чело-

---

1) III ст., IX.
2) III ст., IX, 1.
3) II ст., IV, 70. III ст., IX, 10.

вѣка доброго, шляхтича въ томъ же повѣтѣ осѣлого, прысяглого, который уставичнѣ повиненъ будеть посполу зъ урядомъ замковымъ судити и справовати вси речы судовые, которые замку або вряду нашому прыналежати будуть"[1]). Статутъ 1588 года вводитъ въ составъ замковаго суда еще писаря, прибавляя требованіе принесенія всѣми членами этого суда, называемаго имъ гродскимъ, присяги по тексту присяги членовъ земскаго суда: „уставуемъ, ижъ воеводове и старостове судовые мають, з особна кождый з нихъ, на вряде своемъ выбрати и на судъ засадити наместника, албо подъстаростего, судью замъкового и писара, людей добрихъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ праве и писма руского умеетныхъ, шляхтичовъ въ томъ же повете оселыхъ и родичовъ того панства, Великого Князства Литовъского, которіе, присегу вчинивъши ротою судьи земъского, а писаръ ротою писара земъского, а посполу вси три, зуполный судъ, заседши, мають и моцъ мети будуть судити и справовати вси речи судовые, замку або двору нашому належачіе"[2]). Такимъ образомъ, III статутъ приблизилъ характеръ замковаго, или, какъ онъ сталъ обычно называться, гродскаго суда къ характеру суда земскаго, установивъ требованіе совершенно одинаковой присяги отъ членовъ обоихъ судовъ и уровнявъ число этихъ членовъ въ обѣихъ судебныхъ коллегіяхъ. Реформа замковаго суда была начата еще до утвержденія статута 1588 года. „Поправы статутовыя", утвержденныя на Варшавскомъ сеймѣ 1578 года, уже ввели ежемѣсячныя сессіи гродскихъ судовъ. Эти „Поправы" указываютъ и на тотъ толчокъ, который получила эта реформа для своего осуществленія — удобство ежемѣсячныхъ регулярныхъ сессій было сознано станами Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху предшествующаго безкоролевья, когда отбывались такія сессіи[3]). III статутъ вноситъ это постановленіе „Поправъ" и на свои страницы: „рочки" гродскаго суда должны начинаться „першого дня личбы месечное"[4]), т. е.

---

1) II ст., IV, 21.

2) III ст., IV, 37.

3) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Р. XXIII. Стр. 200—201.

4) III ст., IV, 33. Если перваго числа какого-либо мѣсяца случится праздникъ, то гродскіе рочки должны начинаться „назавтрее по

отсуживаться ежемѣсячно. Реформа „Поправъ“ 1578 года дѣйствительно осуществилась до утвержденія III-го статута. Такъ напримѣръ, подъ 2-мъ сентября 1586 года въ книгахъ Упитскаго гродскаго суда встрѣчаемъ слѣдующую запись: „на рочкохъ сентябровыхъ кгродскихъ Упитскихъ, водлугъ порядку статутового початыхъ отъправовать, — передо мною Михаломъ Станиславовичомъ Кгруздемъ подстаростимъ Каспоромъ Станиславовичемъ Кгруздемъ судьею, а Михаломъ Купрелемъ писаромъ, врядники кгродскими Упитскими, будучымъ отъ вельможъного пана его милости, пана Яна Яновича Волъменъского, кашталяна Полоцъкого, старосты Упитского, нашого милостивого пана, на справы судовые высажоными....“ [1]). Подобное же начало имѣетъ въ Упитскихъ гродскихъ книгахъ и рядъ записей, сдѣланныхъ въ слѣдующіе за 2-мъ сентября дни [2]), а также и 1-го сентября этого года [3]).

Чтобы закончить нашу бѣглую характеристику обычнаго повѣтоваго судебнаго строя [4]), намъ остается еще сказать объ урядѣ вознаго, который былъ созданъ статутомъ 1566 года. Этотъ кодексъ отъ имени господаря постановляетъ: „уставуемъ, хотечи мѣти, абы въ правѣ земскомъ завжды порядокъ и справа обычайнѣ шла, даемъ моцъ, абы воеводове въ кождомъ повѣтѣ судовомъ, гдѣ книги лежать, а староста Жемонтскій тамъ въ той земли Жомонтской, возныхъ выбирали, пострыгали, уставляли, тежъ шляхту, людей добрихъ, вѣры годныхъ, цнотливыхъ, оселыхъ въ томъ же повѣтѣ, такъ много, яко бы ихъ потреба

святе“. Статутъ 1588 года болѣе обстоятельно перечисляетъ и дѣла, подлежащія гродскому суду. III ст., IV, 30.

1) А. Вил. XXVI. Стр. 250.

2) А. Вил. XXVI. Стр. 209, 215, 219 и др.

3) А. Вил. XXVI. Стр. 244, 246, 247.

4) Дать изложеніе устройства и дѣятельности повѣтовыхъ судовъ конца XVI-го столѣтія мы старались въ нашихъ статьяхъ: Земскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка (Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 263 и сл.), Подкоморскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка (Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, VIII, стр. 341 и сл.) и Гродскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XVI столѣтіи (Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 51 и сл.).

указовала, водлѣ повѣту и шырокости его а потребы людской, а принявшы отъ его присегу, въ рейстра свои вписовати и листы свои таковымъ вознымъ давати мають" [1]). Обязанностями вознаго, по II-му статуту, являются: доставка „позвовъ", т. е. судебныхъ повѣстокъ, присутствіе на судебныхъ засѣданіяхъ для привода къ присягѣ свидѣтелей и задерживанія на судѣ желающихъ уѣхать „отъ права", присутствованіе „при освѣдченью всякомъ", приведеніе въ исполненіе судебныхъ приговоровъ, освидѣтельствованіе ранъ, грабежей и т. п. для оффиціальнаго заявленія о нихъ къ записи въ книги повѣтоваго уряда [2]). Статутъ 1588 года при назначеніи воеводами или Жомоитскимъ старостою на урядъ вознаго вводитъ начало избранія повѣтомъ. Подлежатъ назначенію на эту должность по III-му статуту лишь такіе осѣлые въ повѣтѣ шляхтичи, „которыхъ врядъ земъскій и шляхта оберуть и дадуть сведецьство о цноте и добромъ захованью ихъ" [3]). Въ общемъ обязанности вознаго статутъ 1588 года опредѣляетъ по существу сходно съ опредѣленіемъ ихъ и статутомъ 1566 года [4]). Итакъ, число возныхъ въ повѣтахъ различно; оно опредѣляется потребностями отдѣльныхъ повѣтовъ. Утвержденіе возныхъ зависитъ отъ воеводской власти. Но статутъ 1588 года во главѣ возныхъ повѣта ставитъ одного, который утверждается не иначе, какъ самимъ господаремъ. Этотъ возный получаетъ названіе генерала. Статутъ 1588 года о немъ отъ имени господаря говоритъ: „уставуемъ, ижъ въ кождомъ воеводъстве и повете въ здешнемъ панстве нашомъ, Великомъ Князстве Литовъскомъ, надъ иншые одинъ возный установленъ быти маеть, таковый, которого латиньскимъ езыкомъ зовуть енералъ, а таковый врядъ въ томъ воеводъстве и повете оселому родичю Великого Князства, писмо руское умеючому, за прычиною и ознайменьемъ о немъ намъ господару отъ воеводъ, старостъ судовыхъ и шляхты, обывателевъ тыхъ повстовъ, отъкуль тотъ будеть, а мы господарь листы съ канцелярен нашое на таковые вряды имъ

1) II ст., IV, 4.
2) II ст., IV, 5.
3) III ст., IV, 8.
4) III ст., IV, 9.

давати маемъ“ [1]). Такимъ образомъ, повѣтовый генералъ-возный избирается шляхтою своего повѣта, но утверждается господаремъ, а не воеводою. Причина этого, конечно, лежитъ въ томъ, что генералъ-возный исполняетъ обязанности по „возновскому уряду“ не только въ границахъ своего повѣта, но „въ кождое воеводство и поветъ по всей земли того паньства“, Великаго Княжества Литовскаго, „где кому одно потреба будеть, позвы носити и врядомъ своимъ возновъскимъ владати и шафовати модъ мети будеть“ [2]). При исполненіи своихъ обязанностей по оффиціальному освидѣтельствованію, доставленію „позвовъ“ и приведенію въ исполненіе судебныхъ приговоровъ какъ простые возные, такъ и генералъ-возный должны при себѣ имѣть „сторону“, двухъ шляхтичей, „веры годныхъ для подъпиранья вызнанья и сведецства своего“ [3]).

Повѣтовымъ судамъ была подсудна вся шляхта, владѣющая имѣніями въ предѣлахъ повѣта. Но повѣтовые суды имѣли для шляхты повѣтовъ не только чисто судебное значеніе. Книги этихъ судовъ, особенно гродскаго и земскаго, хранили акты и документы какъ судебнаго, такъ и несудебнаго происхожденія. Кромѣ записей судебныхъ процессовъ, судебныхъ рѣшеній и заявленій, дѣлаемыхъ въ книги со спеціальною цѣлью начать судебное дѣло или служить ему доставленіемъ новыхъ матеріаловъ для разрѣшенія дѣла въ судѣ, въ книги эти вносились шляхтою документы, которые она хотѣла предохранить „отъ згубы“, и заявленія, которыми имѣла въ виду обезпечить какія-либо свои права или предохранить себя отъ злоупотребленій и опасностей — заявленія о побѣгѣ челяди, долговыя обязательства, заявленія объ угрозахъ здоровью и жизни, заявленія о пропажѣ печати или документовъ и т. д. [4]).

---

1) III ст., IV, 104.

2) Ibidem.

3) III ст., IV, 9. Въ дѣлахъ „хлопъскихъ“, не слишкомъ крупныхъ, возный дѣйствуетъ и безъ „стороны“. Ibidem. Ср. II ст., IV, 5. О возныхъ см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 272—278 и Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 65—66.

4) О книгахъ повѣтовыхъ судовъ см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897 VI, стр. 289 -290, 1899 VIII, стр. 373—374, 1904 IV, стр. 337—339, 1908 I, стр. 71—81.

Но такое нотаріальное значеніе книги повѣтовыхъ судовъ имѣли не только для отдѣльныхъ шляхетныхъ обывателей повѣта. То же значеніе онѣ имѣли и для всей шляхты его, какъ повѣтовой корпораціи. Въ нихъ вносятся господарскіе привилеи и универсалы, имѣющіе значеніе для всего повѣта; въ нихъ вносятся листы, адресованные повѣту, какъ цѣлому; въ нихъ вноситъ повѣтъ документы, вышедшіе съ его сеймика; въ нихъ вносятъ акты своей дѣятельности повѣтовыя должностныя лица. Книги повѣтовыхъ судовъ должны были хранить въ себѣ всѣ акты и документы, которые имѣли цѣну и значеніе какъ для каждаго „повѣтника"-шляхтича, такъ и для цѣлаго повѣта въ значеніи шляхетской корпораціи.

Въ эпохи безкоролевій обычные повѣтовые суды должны были прекращать свою дѣятельность. Они дѣйствовали именемъ господаря [1]) и, конечно, не могли сохранять своихъ полномочій, когда государство вступало въ годины безкоролевій и народъ-шляхта безъ короля оказывался „въ своей стародавной свободѣ и вольности избранія себѣ новаго государя" [2]).

При отсутствіи „звирхности господарской" и повѣтовый судъ въ эпохи безкоролевій долженъ былъ получать свои полномочія отъ народа-шляхты, его „становъ", которые брали въ свои руки верховную власть. Обычные повѣтовые суды во время безкоролевій прекращали свои отправленія и замѣнялись такъ называемыми судами каптуровыми [3]). Каптуровый судъ повѣта замѣнялъ всѣ три обычныхъ повѣтовыхъ суда, т. е. земскій, гродскій и подкоморскій, беря на себя всѣ судебныя дѣла, которыя могутъ возникнуть въ

---

1) 10 артикулъ IV раздѣла II статута гласитъ: „тежъ мы господаръ даемъ подъ гербомъ того панства нашего Великого Князства Литовского, погоню, печать до кождого повѣту; тую печать писаръ земскій присяжный въ себе самъ, а не хто иншый, ховати маеть, которою печатью и подъ тытуломъ нашимъ позвы мають быти печатованы а выдаваны". Ср. III ст., IV, 18.

2) И. И. Лаппо. Пинскій сеймикъ послѣ отреченія Яна Казимира. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910. II. Стр. 289.

3) О происхожденіи названія этихъ судовъ см. Oswald Balzer, Początek sądów kapturowych — Studya nad prawem Polskiem (Poznań 1889), str. 281—283.

повѣтѣ. Виленскій съѣздъ, собравшійся въ январѣ 1587 года, установляетъ послѣ смерти Стефана Баторія такой составъ каптуровыхъ судей въ повѣтахъ Княжества: 1) „зупелный и оселый врадъ кгродскій“, т. е. самъ воевода или староста судовый повѣта, „а въ небытности самыхъ“, ихъ „врадники присяглые“, 2) повѣтовый подкоморій, 3) весь составъ земскаго суда повѣта, т. е. судья, подсудокъ и писарь. Эти судьи, представлявшіе собою соединенный составъ всѣхъ трехъ обычныхъ судовъ повѣта, должны съѣзжаться въ своемъ повѣтѣ „на кождые рочки кгродскіе въ кождомъ мѣсяцу“, начиная съ марта текущаго 1587 года. Съѣхавшись для отправленія суда, эти каптуровые судьи, прежде чѣмъ приступить къ отсуживанію „рочковъ“, должны принести присягу передъ шляхтою — „яко сами старостове, которые бы до того часу на врадъ свой не присегали, также и врадники ихъ кгродскіе, которые маютъ быти оселые, хотя бы первей того и присегали, и врадники земскіе“, отъ Виленскаго съѣзда „присажоные, маютъ передъ шляхтою, которые ся на тотъ часъ для справъ зъѣдутъ, кождый зъ нихъ, на врадѣ кгродскомъ присегу вдѣлати ротою судей земскихъ“. Если кто-либо изъ земскихъ урядниковъ, введенныхъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года въ составъ каптуроваго суда, на первые „рочки“ этого суда не явится и не принесетъ требуемой съѣздомъ присяги, „тогды тамъ же на тыхъ рочкахъ шляхта зъ урадомъ на его мѣстцѣ иншого депутата, шляхтича осѣлого въономъ повѣтѣ, обрати маютъ, который присегу вдѣлати будетъ повиненъ“. Вообще отъ присяги при вступленіи въ составъ каптуроваго суда освобождаются только сенаторы [1]). Причина этого понятна: съ наступленіемъ безкоролевья паны-рада приносили особую присягу на вѣрное служеніе государству [2]).

Актовыя книги Литовско-Русскихъ судовъ сохранили указанія на дѣятельность каптуровыхъ судовъ, учрежденныхъ январьскимъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года. Такъ, въ Упитскихъ гродскихъ книгахъ подъ 4-мъ марта 1587

---

1) Постановленіе Виленскаго съѣзда отъ 29 января 1587 года — А. Вил. III, стр. 310—319.

2) Текстъ этой присяги — И. И. Лаппо. Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 736.

года записано: „на рочкохъ кгродскихъ, месеца марца первого дня прыпалыхъ и водълугъ порядку нового, на зезде Виленъскомъ въ семъ року осмъдесятъ семомъ отъ ихъ милости пановъ радъ и всее речы посполитое Великого Князства Литовского уфаленого, судовие отправованыхъ, передъ нами, особами, на тотъ часъ на местъцу судейскомъ водлугъ постановенья Виленского заселыми — Станиславомъ Давидовичомъ на местъце вельможъного пана его милости пана Юря Яновича Волъменъского, подкоморого Упитского, Юремъ Балтромеевичомъ Блусемъ на местъце его милости пана Яна Миколаевича Визкгирда, суди земъского Упитского, секретара и ревизора его королевское милости, отъ ихъ милости пановъ обывателевъ повету Упитского высажоными и депутованы[ми], Яномъ Жыкгимонътовичомъ подсудкомъ, Миколаемъ Лопатинскимъ писаромъ, врядники земскими Упитскими, Михаломъ Станиславовичомъ Кгруздемъ подстаростимъ, Каспоромъ Станиславовичомъ Кгруздемъ судею а Михаломъ Купрелемъ писаромъ, врядники кгродскими Упитскими, отъ вельможного пана его милости пана Яна Яновича Волъменского, каштъаляна Полоцкого, старосты Упитского, нашого милостивого пана, на справы судовые высажоными" [1]) — за этимъ обозначеніемъ состава суда слѣдуетъ изложеніе дѣла, имъ разсмотрѣннаго.

Въ случаѣ неприбытія на „рочки" кого-либо изъ членовъ каптуроваго суда, остальные его члены, согласно постановленію январьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года, творятъ судъ и безъ него. Въ интересахъ поддержанія порядка въ повѣтахъ и охраны въ нихъ въ безгосударственное время правосудія каптуровые суды получаютъ большія полномочія, какъ въ значеніи ихъ приговоровъ, такъ и въ дѣлѣ приведенія въ исполненіе послѣднихъ [2]). Постановле-

---

1) Вил. Центр. Архивъ. № 15190. Упитскаго гродскаго суда № 1. Л. 297. Документъ изданъ на стр. 231—236 XXVI-го тома Актовъ, изд. Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Другіе примѣры дѣятельности этого каптуроваго суда — А. Вил. XXVI, №№ 308, 309, 310, 311, 312, 314, 315.

2) А. Вил. III. Стр. 311 и сл. Указаніе на дѣятельность каптуровыхъ судовъ въ безкоролевье послѣ смерти Сигизмунда Августа см. ниже, стр. 121 прим. 1. О дѣятельности каптуровыхъ судовъ въ безкоролевье послѣ бѣгства изъ Кракова короля Генриха говоритъ хотя бы

пія Виленскихъ съѣздовъ 1587 года показываютъ, что отдѣльные повѣты могли создавать во время безкоролевья свои суды, отличающіеся отъ тѣхъ каптуровыхъ судовъ, которые учреждались для всего Великаго Княжества Литовскаго. На январьскомъ Виленскомъ съѣздѣ „воеводства Берестейского послове оповѣдалися, ижъ при своемъ постановеномъ порадку въ воеводствѣ своемъ, зъ стороны справедливости учиненого, зоставаютъ“ [1]). Ноябрьскій Виленскій съѣздъ того же 1587 года, подтверждая введеніе каптуровыхъ судовъ въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ они еще не были введены, въ своемъ универсалѣ говоритъ: „такъ же и воеводство Берестейское водлугъ постановеня и порадку своего судити се маютъ“ [2]). Конечно каптуровые, чрезвычайные суды времени безкоролевій могутъ продолжать свою дѣятельность лишь до коронаціи новаго господаря [3]). Короновавшись, послѣдній возстановляетъ обычный нормальный строй повѣтовыхъ судовъ [4]).

слѣдующая выписка изъ книгъ Слонимскаго гродскаго суда: „Року [15]75 м[е]с[е]ца февраля 8 дня, во второкъ. На рочкохъ кгродскихъ, водле уфалы на зездѣ Виленскомъ, въ року прошломъ [15]74 учиненое, передо мною Лаврыномъ Здитовскимъ судею а Офонасомъ Гавриловичомъ подстаростимъ, врядники кгродскими Слон[имскими], постановившися очевисто, земянка повѣту Слон[имского] Мартиновая Кгурская Ганна Шимоновна Калусовского оповедала и доброволне до книгъ вызнала....“ Вил. Центр. Архивъ, № 7864. Слонимскаго гродскаго суда № 2 (1574—1579 г. г.). Л. 83. Эта выписка показываетъ, что составъ каптуроваго суда, учрежденнаго въ 1587 году, былъ полнѣе состава тѣхъ же судовъ предшествующаго времени. Оно и понятно: въ 1587 году Литовско-Русскій съѣздъ считался уже съ готовымъ проектомъ III-го статута, развившимъ значеніе повѣта, какъ шляхетскаго округа.

1) А. Вил. III. Стр. 317.

2) См. ниже, Приложенія, стр. 152.

3) Ibidem.

4) Универсалы избирательныхъ господарей „по щастливой коронацыи“, признавая силу приговоровъ каптуровыхъ судовъ окончившагося безкоролевья, дѣлаютъ распоряженіе и о возстановленіи обычныхъ судовъ, „абы справедливость шла и чинена была“. Универсалъ короля Генриха, данный въ Краковѣ 28 апрѣля 1574 года (Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. л. 112—113 об.), универсалъ, данный Стефаномъ Баторіемъ въ Варшавѣ 8 іюля 1576 года (А. З. Р. III. № 66), универсалъ, данный Сигизмундомъ III-мъ въ Краковѣ 1 февраля 1588 года (Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. л. 277 об. — 278 об. Издано въ VIII томѣ А. Вил., стр. 262—263).

Мы разсмотрѣли значеніе шляхетскаго повѣта, какъ судебнаго повѣтоваго округа. И въ судебной организаціи, и въ организаціи военной повѣтовая шляхта выступаетъ опредѣленною корпораціей, образуемой осѣлыми въ границахъ повѣтоваго округа шляхтичами. Яркимъ выраженіемъ значенія повѣта, какъ шляхетской корпораціи, были повѣтовые сеймики и другія собранія повѣтовой шляхты, на которыхъ она выступала въ качествѣ коллективной единицы. На эти единицы распадался весь народъ-шляхта Великаго Княжества Литовскаго, изъ нихъ онъ составлялся, какъ цѣлое. Значеніе повѣтоваго сеймика при томъ строѣ, въ какой сформировалась общественная и политическая жизнь соединеннаго Польско-Литовскаго государства, несомнѣнно [1]). Но изученію сеймика и другихъ собраній повѣтовой шляхты посвящена вторая половина настоящаго изслѣдованія, на страницахъ которой мы и постараемся изучить эту сторону организаціи и жизни повѣта, какъ шляхетской корпораціи. Теперь же обратимся къ изученію повѣта, какъ административно-шляхетскаго округа.

Администрація повѣта, какъ шляхетскаго округа, имѣла дѣло только со шляхтою, жившею въ предѣлахъ повѣта. Подданные шляхетскихъ обывателей, будутъ ли это ихъ люди-земледѣльцы, мѣщане или челядь, находились внѣ повѣтовой администраціи: ихъ вѣдала панская власть ихъ господарей, шляхетныхъ ихъ господъ, которые и управляли ими, и ихъ судили [2]). Что касается самой шляхты повѣта, то административная власть надъ ней принадлежала повѣтовому старостѣ, а въ обычномъ отсутствіи его, его

---

1) Значеніе сеймика въ строѣ Польской части соединеннаго государства общепризнано, и даже труды самаго общаго характера признаютъ, что „najważniejszym jednak czynnikiem, nadającym powiatowi charakter samoistnej cząstki organizmu państwowego, jest instytucya sejmików powiatowych, rozwijająca się w XVI w". (Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, wydany przez Bronisława Chlebowskiego.... Władysława Walewskiego.... według planu Filipa Sulimierskiego. Tom VIII. Warszawa 1887. Str. 889).

2) Подробно объ отношеніи шляхтича-пана къ его поддапнымъ см. у Ѳ. И. Леонтовича — Панскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Варшавскія Унив. Извѣстія 1895, V, стр. 1—59) и Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства (Варшава 1899, стр. 48—104). Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 108—109.

намѣстнику-подстаростѣ [1]). Повѣтовая администрація имѣла своею обязанностью прежде всего передачу повѣтовой шляхтѣ распоряженій центральной власти и приведеніе этихъ распоряженій въ исполненіе, поскольку это было въ предѣлахъ ея полномочій, силы и средствъ. Созывъ повѣтовыхъ сеймиковъ дѣлается центральною властью черезъ органы повѣтовой администраціи [2]). Черезъ эти же органы центральная власть оповѣщаетъ шляхту повѣтовъ о другихъ своихъ распоряженіяхъ и постановленіяхъ, которыя ея касаются [3]). Конечно эта передача распоряженій центральной власти идетъ черезъ повѣтовую администрацію по адресу лишь рядовой шляхты: высшіе ея слои получаютъ соотвѣтствующіе листы отъ центральной власти непосредственно, она адресуетъ ихъ имъ лично [4]).

Эта функція повѣтовой администраціи, т. е. передача шляхетскому повѣту распоряженій центральной власти, сохранена Литовско-Русскими актами очень полно и представлена весьма большимъ ихъ числомъ. Достаточно отчетливо представляютъ они и приведеніе повѣтовою администраціей въ исполненіе приговоровъ судовъ. Но въ этомъ отношеніи администрація повѣта далеко не всегда оказывалась въ силахъ исполнять свое назначеніе, за недостаткомъ для этого средствъ въ ея распоряженіи [5]). Она нерѣдко оказывалась не въ силахъ принудить подчиниться судебному „вироку" лицъ, которыя не желали этого сдѣлать. За исполненіемъ своихъ постановленій, касающихся отдѣльныхъ

---

1) О замѣщеніи подстаросты понамѣстникомъ Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 61—63.

2) См. ниже, Приложенія, стр. 27—28 и др.

3) Примѣровъ источники даютъ очень много. Вотъ одинъ изъ нихъ. „Лимитованье справъ всихъ воеводства Меньского" говоритъ отъ имени Сигизмунда Августа объ опубликованіи этого листа такъ: „твоя бы милость, пане воеводо, а въ небытности его на тотъ часъ въ Менску, тобе, наместнику его милости тамошьній, прыказуемъ, ажъ бы еси сесь нашъ листъ обавателемъ оного повету ознаймилъ и при костелехъ и на торгохъ объволати казалъ, яко бы кожъдый, маючи справу и рокъ за лимитацыями, о томъ ведаючи, на дворе нашомъ пиленъ былъ". Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. л. 238—238 об. (Дата: Варшава, 13 іюля 1570 года). Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 296 и сл.

4) См. ниже, Приложенія.

5) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897 VI, стр. 289; 1908 I, стр. 110—112.

обывателей повѣта, центральная власть иногда должна была обращаться не столько къ административнымъ органамъ повѣтовъ, сколько къ самимъ повѣтовымъ обывателямъ, сознавая хорошо недостатокъ средствъ у повѣтовой администраціи[1]). Лично шляхтичъ, какъ „господарь“ своего имѣнія или

1) Какъ примѣръ такого обращенія можетъ быть указанъ „листъ, даный пану Малхеру Сновъскому на пойманье злочынцовъ его Оношковичовъ и Филипа Лимонта, яко выволанцовъ“ (Лит. Метр $\frac{I\ A}{57}$ л л. 113 об. — 115). Въ этомъ листѣ король и великій князь Генрихъ обращается къ „княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ вдовамъ, земяномъ и дворяномъ, и всимъ врадникомъ нашимъ г[о]с[по]д[а]ръскимъ и тежъ князьскимъ, паньскимъ и земянъскимъ, и тежъ въ местехъ нашихъ войтомъ, бурмистромъ, въ паньстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ“. Королю „мовилъ“ маршалокъ, судья земскій Новгородскій, державца Куренецкій, панъ Мальхеръ Жигимонтовичъ Сновскій, что въ 1573 году, во время безкоролевья, Новгородскій земянинъ Оношко Полуяновичъ со своими сыновьями, невѣсткою, дочкою, съ Филиппомъ Лимонтомъ и многими другими „помочъниками своими“ напалъ на имѣніе и дворы Сновскаго въ Новгородскомъ повѣтѣ и тамъ учинилъ грабежъ и насиліе. Къ разбору дѣла Новгородскимъ каптуровымъ судомъ изъ всѣхъ участниковъ этого наѣзда явился лишь одинъ Оношко Полуяновичъ, который и сознался въ совершенномъ преступленіи. Остальные участники наѣзда на судъ не явились. Полуяновичъ на судѣ „былъ, яко шкодникъ, пожогъца и кгвалътовникъ отъ пана маршалъка (т. е. Сновскаго) у томъ учинъку его поконанъ и на горло сказанъ“, не явившихся же его соучастниковъ „водлугъ уфалы постановенья капътурового“ тогда же, „яко злочинъцовъ и зърушителевъ права и покою посполитого, за нестаньемъ у права есть выволано“. Но эти соучастники, „не будучы послушни вироку судового“, не только не выѣхали изъ предѣловъ Княжества, но, оставшись въ Новгородскомъ повѣтѣ и „перемешкиваючи“ среди Новгородской шляхты, чинятъ угрозы пану Сновскому, его женѣ и слугамъ. Далѣе документъ отъ имени короля говоритъ: панъ Сновскій „жедалъ насъ г[о]с[по]д[а]ра, нжъ бы ему листъ съ канцлярей нашое на пойманье таковыхъ злочинъцовъ, съ права поконаныхъ, даный былъ. Ино, кгдыжъ вжо тые то Оношковичи и Лимонтъ, яко вышей поменено, для таковогo учинку, яко непослушные и у права нестаные, зъ земли воеводства Новгородского выволаны суть, про то и теперъ допустили есмо и симъ листомъ нашимъ допускаемъ, абы панъ Сновскій, маршалокъ нашъ, оныхъ всихъ выволанцовъ, злочынцовъ своихъ, на жалобу уверху менованыхъ, где кольвекъ постигнеть, до кождого враду, подъ которымъ кольвекъ ихъ зостати можеть, черезъ кого жъ кольвекъ поймавши, ведле того жъ суду Новгородского ку караныо подалъ. Про то хочемъ мети и приказуемъ вамъ — где бы кольвекъ панъ маршалокъ таковыхъ злочинцовъ своихъ, съ права на выволанье сказаныхъ, въ местехъ, дворехъ и селахъ князьскихъ, паньскихъ, духовныхъ и свецкихъ и земянь-

„господарства“-хозяйства, имѣлъ соприкосновеніе съ органами повѣтовой администраціи лишь въ указанныхъ сейчасъ случаяхъ. Охрана его чести, имущества, правъ и жизни принадлежала не ей, а его саблѣ и суду. Поэтому и въ случаѣ угрозъ или опасностей, которыя стоятъ передъ шляхтичемъ отъ его враговъ, онъ не проситъ защиты старостинскаго уряда, а самъ принимаетъ, сколько это въ его силахъ, мѣры предосторожности, да заявитъ въ книги суда о томъ, что его врагъ „пофальку на здоровье“ его „учинилъ, похваляючися“ его „смертью з сего света позбавити“ или причинить ему какое-либо другое зло [1]). Записи такого содержанія не просятъ администрацію повѣта о принятіи какихъ-либо мѣръ охраны для вносящихъ ихъ. Ничего не говорятъ объ этихъ мѣрахъ и сами органы повѣтовой администраціи, ни при внесеніи такихъ заявленій въ книги, ни въ самостоятельно дѣлаемыхъ своихъ записяхъ. Ясно, что эти заявленія вносились лишь какъ вспомогательный матеріалъ для могущаго возникнуть судебнаго дѣла, если угроза будетъ приведена въ исполненіе, или если угрожаемый приметъ такія мѣры самообороны, которыя приведутъ его къ преступленію. Требовать отъ повѣтовой администраціи функцій полиціи шляхтичъ не могъ: у нея не было средствъ для охраны безопасности повѣтовой шляхты. Но это же отсутствіе повѣтовой полиціи должно было способствовать большей силѣ корпоративнаго сознанія шляхты повѣта, такъ какъ охрану своей безопасности отъ ее нарушающихъ повѣтовая шляхта должна была брать въ свои руки, вырабатывая для этого мѣры на своихъ повѣтовыхъ собраніяхъ [2]).

скихъ, кгде жъ колвекъ переховываючысе выведати могъ, оныхъ имати а до враду ку караныю вести велелъ, абы есте ему самому и посланцомъ его таковыхъ злочинцовъ ничимъ забороняти не смели и ихъ имати допустили и выдавали а, где бы того потреба была, и сами на таковыхъ помочъ давали. Пакли жъ бы хто жъ кольвекъ з васъ, такъ з вышъшого и низшого стану, за таковыми злочынцами стояти и ихъ у себе переховывати и, не выдаючы, яко жъ кольвекъ боронити смелъ и хотелъ, тогды таковый таковое жъ каране, яко и оные злочинцы, з вынайденья нашого г[о]с[по]д[а]ръского на собе поносити виненъ будетъ“. Дата этого листа: Краковъ, 6 мая 1574 года.

1) Нпр., А. Вил. XXVI, № 25. Ср. ibidem, №№ 63, 367 и др.

2) Такъ, одна изъ записей 1586 года (6 января), сдѣланныхъ въ

Повѣтъ, какъ шляхетская корпорація, долженъ по статуту 1566 года приходить на помощь повѣтовому уряду въ случаѣ отказа подчиниться приговору земскаго повѣтоваго суда со стороны лица, по отношенію къ которому этотъ приговоръ произнесенъ[1]). По призыву своего повѣтоваго старосты вся шляхта повѣта должна въ военномъ рушеньѣ ѣхать „на таковое увязанье и за се на поиманье таковoго противника". Это рушенье повѣтовъ на „непослушныхъ вряду" было отмѣнено „Поправами статутовыми", утвержденными на Варшавскомъ сеймѣ 1578 года[2]). Но извѣстны и примѣры обращенія за помощью къ повѣтовой шляхтѣ, въ случаяхъ сопротивленія уряду, не только повѣтовыхъ старостъ, но даже и верховной власти. Такъ, 6 октября 1569 года былъ выданъ листъ Сигизмунда Августа „ко всимъ земяномъ" господарскимъ, „шляхте повету Волковыйского" съ призывомъ ихъ противъ неподчиняющагося приговору Волковыйскаго гродскаго суда Волковыйскаго земянина Матея Яновича Клочка Подорозскаго. На это неподчиненіе принесъ Сигизмунду Августу жалобу потерпѣвшій отъ Подорозскаго земянинъ Волковыйскаго повѣта Григорій Висковскій[3]). Сигизмундъ Августъ въ исполненіе этого

Слонимскія гродскія книги, представляетъ собою листъ Волковыйскаго сеймика, въ которомъ этотъ сеймикъ обращается къ шляхтѣ Новгородскаго и Слонимскаго повѣтовъ, составлявшихъ одно воеводство съ повѣтомъ Волковыйскимъ, и проситъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ для избавленія отъ Силы Михайловича Скробота, творящаго наѣзды и насилія со своими „помочниками" и наемными Новгородскими татарами. Вил. Центр. Архивъ. № 7866, книга Слонимскаго гродскаго суда за 1583—1586 годы. Л. л. 364 об. — 365. Документъ этотъ издается нами ниже, въ главѣ, посвященной изученію сеймика для выбора членовъ Литовскаго трибунала.

1) II ст., IV, 67. См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 561—562.

2) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XXIII. Стр. 207 и сл.

3) Висковскій позывалъ Подорозскаго передъ гродскій Волковыйскій судъ „о квалтовное черезъ Клочка выбите его съ покойного держаня его некоторыхъ селъ, людей и волокъ неоселыхъ в ыймeню Петуховскомъ, то естъ земля Пашутичъ и Мешковичъ, и з волокъ пустыхъ, о трехъ волокъ у Вербове, што де онъ зоставнымъ обычаемъ отъ старостича Мелницького Каспора Никодымовича Техоновецкого и жоны его, небожщицы Едвиги Станиславовны Клочковны Петуховское и въ презыску своемъ, который дей ему отъ враду кгродского Волковыйского

челобитья приказалъ „писати листъ“ свой „до воеводы Берестейского, державцы Волковыйского, пана Юря Тишкевича, а въ небытности его милости у Волковыйску, ино до врадника его тамошнего, также до судп кгродского Волковыйского“ съ приказомъ имъ, согласно статуту, обослать всѣхъ обывателей Волковыйскаго повѣта, рушиться съ ними и привести этимъ способомъ въ исполненіе приговоръ гродскаго суда[1]). Но Матей Подорозскій не былъ приведенъ въ подчиненіе и этимъ средствомъ. Отъ имени Сигизмунда Августа объ этомъ такъ разсказываетъ излагаемый нами документъ: „ижъли дей тотъ Матей Подорозскій, недбаючы ничого и о листы нашы, способившыся на стрелбу ручничную и на гаковничную, до оного села, верху помененого Пашутичъ, не допустилъ, на врадъ Волковыйскій и на всю шляхту повету Волковыйского стрелбу, яко одно на якого непрыятеля нашого належыть, чынилъ, што шырей и достаточней противность его на листе врадника и суди кгродского Волковыйского, до насъ писаномъ, естъ доложоно и описано“[2]). Въ виду этого, господарь приказалъ выдать

на Станиславу Яновичу Клочку Петуховскомъ и жоне его Малкгорете Чыжовне сказанъ былъ, мелъ, якожъ дей на онъ часъ съ права за слушными доводы его оные села и волоки его врадъ кгродскій ему зась прысудилъ и на увязане ему въ то возного того жъ повету Волковыйского Алексея Дашковича Кобызя прыдали“ (въ оригиналѣ стоитъ: „прыпали“). Матей Подорозскій отказался подчиниться этому приговору Волковыйскаго гродскаго суда, и Висковскій билъ Сигизмунду Августу челомъ: великій князь „заховалъ“ бы „его въ томъ водлугъ статуту земского“ и приказалъ бы „ему увязане правне довести“.

1) О томъ же отъ господаря было писано и шляхтѣ повѣта: „а до васъ особливый листъ нашъ писати есмо росказали, абы вы, оному враду допомогаючы, конно збройно, яко сте повинни намъ г[о]с[по]д[а]ру и речы посполитой служыти, ехавъшы, тое отъправы чинити моцно допомагали“. Ср. выше, стр. 121, прим. 1.

2) Далѣе документъ отъ имени Сигизмунда Августа продолжаетъ: „съ которого листу мы обачывшы спротивость его а заховываючы сторону жалобливую, того Грыгоря Висковского, водле обычаю права посполитого и статуту земского, росказали есмо выдаць лист[ы] съ канцлереи нашое по всему панству Великому Князству Литовскому, за которыми ижъ бы его, яко противника звирхности нашое г[о]с[по]д[а]рьское и праву посполитому, поймали и такъ далей з нимъ поступовать, яко на таковыхъ у статуте естъ описано. Про то, кгды вамъ воевода Берестейскій, державца Волковыйскій листомъ нашымъ, также и своимъ

изъ канцеляріи листы по всему Великому Княжеству Литовскому о поимкѣ Подорозскаго; шляхта Волковыйская вновь получаетъ приказъ рушиться вмѣстѣ съ гродскимъ урядомъ своего повѣта, захватить ослушника, передать его Волковыйскому уряду и привести наконецъ въ исполненіе приговоръ суда, которому не желаетъ подчиниться Подорозскій.

Съ повѣтовой администраціей шляхта повѣта могла встрѣчаться и при сборѣ „податковъ", устанавливаемыхъ вальнымъ сеймомъ. Уже тотъ же Виленскій сеймъ 1565—1566 годовъ, который ввелъ повѣтовую реформу, постановилъ и сборъ податка съ населенія Литовско-Русскаго государства [1]). Этотъ податокъ выдается повѣтовою шляхтою „до бирчихъ поветовыхъ, па то обраныхъ и постановеныхъ", которые, выдавъ уплатившимъ его свои квитанціи, передаютъ полученныя деньги „до бирчихъ головныхъ земскихъ" [2]). Въ случаѣ недостатка собранныхъ этимъ податкомъ денегъ „на заплату людемъ служебнымъ", т. е. паемному войску, объ этомъ главные поборцы сообщаютъ повѣтовымъ сеймикамъ, и податокъ увеличивается въ размѣрахъ, на такой случай также установленныхъ сеймомъ 1565—1566 годовъ [3]). Городенскій сеймъ 1566—1567 годовъ поста-

ознаймить, прыказуемъ вамъ, ижъ бы есте з воеводою, а въ небытности его, нно з урадомъ его кгродскимъ тамошънимъ, напротивко Матею Клочъку Подорозскому сами особами своими конно збройно, яко намъ г[о]с[по]д[а]ру служыте, ехали и оного Матея Подорозского, яко спротивника звирхности нашое г[о]с[по]д[а]ръской и праву посполитому, поймавшы, до везеня на врадъ Волковыйскій подали. А што ся дотычеть речы сужоное и зарукп, черезъ врадъ нашъ на Клочка положоное, прыказуемъ вамъ, ижъ бы есте вpаду нашому кгродскому Волковыйскому того моцне допамогли, ижъ бы Висковскому яко въ речы сужоной, такъ же и за закладъ отправа безотъволочная стала, не смеючы ничымъ сего росказаня нашого ослухатисе подъ виною не на послушного, въ статуте описаною". Дата: Кнышинъ, 6 октября 1569 года. Заголовокъ документа: „Листъ, писаный до всихъ земянъ повету Волковыйского, абы суду кгродскому Волъковыйскому на помочи были до взятья Матея Яновича Клочъка, яко противного г[о]с[по]д[а]ру, и жебы его до везенья осадили". Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. л. 89—90 об.

1) Ср. Литовско-Русскій сеймъ М. К. Любавскаго, стр. 691—694.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 167.

3) Ibidem. Стр. 168.

новляетъ новый податокъ; его шляхта вноситъ опять повѣтовымъ бирчимъ, которые передаютъ его бирчимъ главнымъ[1]). Подобное же постановленіе дѣлаетъ и Городенскій сеймъ 1568 года[2]), послѣдній сеймъ Литовско-Русскаго государства, какъ „речи посполитой" совершенно отдѣльной отъ Польши.

Послѣ заключенія Люблинской Уніи, спольными Польско-Литовскими сеймами XVI столѣтія былъ сдѣланъ рядъ постановленій о сборѣ податковъ съ повѣтовой шляхты[3]). Сборщиками податка въ повѣтахъ и эти сеймы назначаютъ повѣтовыхъ бирчихъ, которые собираютъ деньги съ повѣтовыхъ обывателей и привлекаютъ къ повѣтовому суду тѣхъ, кто ихъ не платитъ[4]). Повѣтовые бирчіе назначаются на сеймахъ, устанавливающихъ податки, изъ числа шляхетныхъ обывателей того повѣта, въ которомъ они будутъ собирать этотъ податокъ[5]).

Въ области повѣтовой администраціи мы встрѣчаемся съ должностными лицами, изъ которыхъ одни принадлежали по своей осѣлости къ шляхтѣ повѣта, другіе могли ея и не имѣть, т. е. могли не быть „повѣтниками" даннаго шляхетскаго округа по своему землевладѣнію — повѣтовые бирчіе были „повѣтниками", глава повѣтовой администраціи, т. е. воевода или судовый староста, могъ и не имѣть осѣлости въ предѣлахъ повѣта, которымъ онъ правилъ. Назначеніе на урядъ воеводы было прежде всего введеніемъ въ „лавицу радъ" господарскихъ или перемѣщеніемъ сановника на бо-

---

1) Ibidem. Стр. 455—456. Ср. М. К. Любавскій, op. cit., стр. 762—763.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 464—474.

3) См. поборовые универсалы сеймовъ, начиная съ Люблинскаго сейма 1569 года во II-мъ томѣ Voluminum Legum. Русскій текстъ поборового универсала Варшавскаго сейма 1578 года см. на л. л. 175—187 об. книги $\frac{I\ A}{60}$ Литовской Метрики. Заголовокъ документа въ книгѣ: „Универсалы поборовые на две лете, уфала сойму валного Варшавъского року 1578, м[е]с[е]ца марца 3 дня". Послѣ окончанія текста универсала въ 60-ой книгѣ Литовскихъ Записей Метрики слѣдуетъ: „поборцы, которые универсалы поборовые побрали" (л. л. 188—188 об.).

4) Нпр., А. Вил. XXVI, № 297, или Опись документовъ Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовыхъ книгъ, вып. VII, ст. 95 и сл.

5) См. списки поборцевъ въ указанныхъ выше поборовыхъ универсалахъ.

лѣе высокое мѣсто въ этой „лавицѣ“. Какъ панъ-рада, воевода вовсе не былъ обязанъ быть осѣлымъ въ томъ воеводствѣ, во главѣ котораго онъ стоялъ. Лишь земля Жомоитская постоянно отстаивала свое право имѣть своимъ старостою сановника, связаннаго съ Жомойтью происхожденіемъ и землевладѣніемъ [1]). Судовые старосты также назначались господаремъ по его усмотрѣнію, независимо отъ ихъ осѣлости, а иногда даже получали свое староство „въ суме пенезей“, т. е. какъ залогъ въ той ссудѣ, которую они дѣлали скарбу [2]). Остальные уряды, бывшіе въ повѣтахъ и имѣвшіе въ своей компетенціи опредѣленный кругъ дѣлъ или имѣвшіе просто титулярное значеніе, — городничій, войскій, конюшій и т. д. [3]) — также въ первое время замѣщались господаремъ, надо думать, независимо отъ обладанія или необладанія осѣлостями въ повѣтахъ, урядниками которыхъ они были.

Категорическое требованіе осѣлости въ повѣтѣ для повѣтовыхъ урядниковъ всѣхъ видовъ было предъявлено статутомъ 1588 года. Этотъ кодексъ внесъ въ свои артикулы слѣдующія обязательства для господаря при назначеніи на уряды. „Такъ же мы господаръ обецуемъ и шлюбуемъ подъ присегою нашою, которую учинили есмо Великому Князству Литовскому и всимъ станомъ, обывателемъ его, беручи то изъ статуту старого короля его милости Жикгимонта першого, тому паньству Великому Князству Литовъскому даного, а въ сесь укладаючы и на то позволяючы, штожъ въ томъ паньстве Великомъ Князстве Литовскомъ и во всихъ земляхъ, ему прислухаючихъ, достойностей духовныхъ и светъскихъ, городовъ, дворовъ, кгрунътовъ, староствъ, державъ, врядовъ земскихъ и дворныхъ, посесый, або въ державье и поживанье, и вечностей жадныхъ чюжоземцомъ и заграничникомъ, а ни суседомъ того паньства давати не маемъ, але то все мы и потомъки наши, великіе князи Литовскіе, давати будемъ повинни только Литве, Руси, Жомойти, родичомъ старожытнымъ и уроженцомъ Великого Князства Литовъского и иныхъ земль, тому Великому Князству па-

1) Ср. А. З. Р. III, № 59. См. выше, стр. 90 и сл.
2) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 268 и сл.
3) Ibidem. Стр. 333—352.

лежачыхъ"[1]). Это постановленіе III-го статута ставитъ своею цѣлью охрану всего Великаго Княжества Литовскаго отъ захвата его урядовъ чужеземцами, особенно нужную послѣ Люблинской Уніи при той тенденціи къ слiянію Княжества съ Польшею, которую обнаруживала послѣдняя и противъ которой такъ энергично боролось первое[2]). Статутъ 1588 года, чтобы сдѣлать это свое требованіе входящимъ въ исполненіе непремѣнно, установилъ даже конфискацію „до столу и скарбу" Великаго Княжества Литовскаго имущества тѣхъ „чюжоземцовъ, заграничниковъ и суседовъ того паньства и всихъ земль, ему прислухаючихъ", которые осмѣлились бы „што съ того упросити, взяти и въ держанье прійти", а, послѣ указанія имъ на требованіе Литовско-Русскаго закона, не отказались бы немедленно отъ противозаконныхъ пожалованій[3]). Но, охраняя всѣмъ этимъ Литовско-Русское „панство", III статутъ охраняетъ и повѣтъ въ его значеніи шляхетской корпораціи. Тотъ же артикулъ статута 1588 года отъ имени господаря гласитъ: „ведьже и тубыльцомъ, хотя и родичомъ Великого Князства Литовского, достоенъства и вряды всякіе маютъ быти даваны добре значнымъ и правдиве, незмышлене въ томъ воеводъстве або повете оселымъ; а хотя бы хто обчого народу за свои заслуги въ той речи посполитой пришолъ ку оселости, з ласки данины нашое, або которимъ инымъ правомъ, тогды и таковый только оселости оное уживати маеть, учинивши первей присегу по взятью оное оселости на першыхъ рочкохъ кгродскихъ оного повету, передъ врядниками земъскими або кгродскими того жъ повету, которіе на онъ часъ тамъ прибыти могутъ, ижь маеть быти верным и зычливымъ тому паньству Великому Князству Литовъскому такъ, яко и тубылцы, и служечи службу земъскую тому жъ паньству, але и таковые на достоенъства всякіе, вряды духовные и светъскіе, не маютъ быти припущани а ни отъ насъ господара установлены, чого печатары и писары наши съ повинъности своее постерегати винъни будуть".

---

1) III ст., III, 12. Ср. I ст., III, 3, II ст., III, 9.
2) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 223—224.
3) III ст., III, 12.

Такимъ образомъ, III статутъ категорически требуетъ, чтобы всѣ уряды въ повѣтахъ занимались лицами, принадлежащими къ числу „повѣтниковъ“ того повѣта, урядъ котораго они получаютъ. Это требованіе статута, конечно, могло исполняться безъ большого труда и господаремъ. „Добре значныя“ лица владѣли имѣніями-осѣлостями въ разныхъ повѣтахъ одновременно; сколько-нибудь крупный шляхтичъ обыкновенно соединялъ въ своихъ рукахъ „маетности нерухомыя“, разбросанныя въ разныхъ повѣтахъ и воеводствахъ. Хотя привилеи на повѣтовые уряды и времени послѣ утвержденія III-го статута не выдвигаютъ указаній на осѣлость назначаемыхъ лицъ въ данныхъ повѣтахъ [1]), но акты повѣтовыхъ судовъ даютъ рядъ указаній на принадлежность ихъ къ числу „повѣтниковъ“ тѣхъ повѣтовъ, уряды которыхъ они занимали. Книги повѣтовыхъ судовъ Вилькомирскаго повѣта даютъ указанія на землевладѣніе Вилькомирскихъ повѣтовыхъ урядниковъ въ предѣлахъ этого повѣта [2]), книги судовъ Троцкаго повѣта указываютъ имѣнія урядниковъ своего повѣта [3]) и т. д. [4]). Приведенный выше артикулъ статута 1588 года настолько охраняетъ шляхетскій повѣтъ отъ постороннихъ ему элементовъ,

---

1) Такъ, привилей „пану Стефану Лозце на маршалковство повету Мозырского“ (Лит. Метр. $\frac{I\ A}{72}$ л. 148), данный Сигизмундомъ III въ Варшавѣ 28 марта 1589 года, назначаетъ на вакантный урядъ Мозырскаго маршалка Стефана Лозку (подчашій Кіевскій, войскій Рѣчицкій, урожоный панъ) по „залеценью“ его „годности“ нѣкоторыми панами радами и для того, чтобы сдѣлать его охотнѣйшимъ къ службамъ. Ср. привилей „пану Александру Радиминскому на столниковство въ земли Жомонтской“, данный тѣмъ же королемъ въ Варшавѣ, 16 апрѣля 1589 года (ibidem, л. 185 об.—186).

2) Нпр., указанія актовъ гродскаго Вилькомирскаго суда на землевладѣніе Каспера Довгирда, „войскаго и земенина“ повѣта Вилькомирскаго (А. Вил. XXXII, №№ 197, 198, 205), или Станислава Миколаевича Шовковскаго, маршалка повѣта Вилькомирскаго (ibidem, №№ 204, 207).

3) Нпр., подданные „пани Раецкое, войское Троцкое з села Пиплевъ“ А. Вил. XXX, № 61 (стр. 300) и др.

4) Указаній на такихъ урядниковъ въ повѣтахъ очень много: нпр., войскій Витебскій (А. Вил. XXXII, № 233), войскій Упитскій (ibidem, №№ 157, 197 и др.), войскій Жомонтскій (А. Вил. XXVI, № 629), стольникъ Вилькомирскій (А. Вил. XXXII, № 5), подстолій Троцкій (А. Вил. XXX, № 37, стр. 177), конюшій и ловчій земскій Витебскій (Ист. Юр. Мат. XXXI. Акты Витебскаго земскаго суда, стр. 39).

что даже получившихъ осѣлость въ повѣтѣ неродичей Великаго Княжества Литовскаго устраняетъ отъ занятія повѣтовыхъ урядовъ, хотя бы они и принесли уже присягу на вѣрность Литовско-Русскому „панству“.

Требуя осѣлости въ повѣтѣ для всѣхъ вообще повѣтовыхъ урядовъ, статутъ 1588 года, говоря объ отдѣльныхъ повѣтовыхъ урядахъ, подтверждаетъ это требованіе по отношенію къ нимъ. Въ статутъ, однако, не вошло перечисленіе всѣхъ должностей, и поэтому онъ могъ самъ примѣнить это свое требованіе на своихъ страницахъ лишь къ нѣкоторымъ должностямъ, а именно къ повѣтовымъ урядамъ хоружія [1], членовъ земскаго суда [2], возныхъ [3], подстаросты и замковыхъ судьи и писаря [4] и, наконецъ, подкоморія и коморниковъ [5]. По отношенію къ остальнымъ урядамъ онъ ограничился общимъ требованіемъ, приведеннымъ выше.

Но категорическимъ требованіемъ осѣлости въ границахъ повѣта не исчерпываются всѣ постановленія III-го статута, имѣющія своею цѣлью охрану повѣта, какъ шляхетской корпораціи. Онъ обязалъ всѣхъ повѣтовыхъ урядниковъ, творившихъ судъ надъ „повѣтниками“, принесеніемъ присяги по тексту клятвеннаго обѣщанія, приносимаго при вступленіи въ свою должность членами земскаго суда повѣта. И подкоморій, и его коморники [6], и члены гродскаго суда съ самимъ судовымъ старостою во главѣ [7], по требованію статута 1588 года, обязаны присягнуть: первые на ближайшихъ послѣ своего назначенія земскихъ рокахъ

1) III ст., II, 5.

2) III ст., IV, 1.

3) III ст., IV, 8. Требованіе осѣлости въ повѣтѣ отъ генералъ-вознаго — III ст., IV, 104.

4) III ст., IV, 37.

5) III ст., IX, 1 и 10.

6) Ibidem.

7) III ст., IV, 36 и 37. О присягѣ судоваго старосты статутъ говоритъ, что ее должны принести всѣ старосты (кромѣ радныхъ пановъ, присягавшихъ по своему положенію сенаторовъ) на первыхъ же рочкахъ гродскихъ послѣ изданія III-го статута; вновь назначаемые старосты приносятъ эту присягу на первыхъ же гродскихъ рочкахъ, „при собранью шляхты“, и до этого не могутъ „врядомъ своимъ шафовати“. Повторять присяги не должны воеводы и старосты „украинъные“, уже присягнувшіе передъ господаремъ.

шляхетскаго суда своего повѣта, „передъ врядомъ судовымъ земъскимъ и передъ всими иными станы“, по особому тексту присяги, послѣдніе — „ротою“ судьи и писаря земскихъ. Наконецъ, какъ мы видѣли выше, III статутъ распространилъ и право избранія повѣтовою шляхтою урядниковъ своихъ повѣтовъ. Статутъ 1566 года даетъ шляхтѣ это право по отношенію лишь къ членамъ земскихъ судовъ, статутъ 1588 года распространяетъ его и на повѣтовыхъ хоружихъ, подкоморіевъ и возныхъ.

Таково было развитіе повѣта, какъ шляхетской корпораціи „повѣтниковъ“, въ годы между утвержденіемъ II-го статута и выработкою III-го. Теперь обратимся къ знакомству съ новымъ повѣтомъ, какъ округомъ территоріальнаго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Въ предѣлы повѣта, обозначенные извѣстными границами, входили не только шляхетскія осѣлости-имѣнія, но и земельныя владѣнія, не принадлежавшія повѣтовой шляхтѣ. Уже извѣстное намъ разграниченіе повѣтовъ показываетъ, что повѣтъ, обозначенный „водами живыми и дорогами“ или „копцами“, насыпанными курганами [1]), понимался какъ часть территоріи государства, а не только какъ дѣленіе народа-шляхты послѣдняго. Литовско-Русскіе акты не оставляютъ въ этомъ сомнѣнія. Такъ, одинъ изъ листовъ Стефана Баторія, выданный изъ Варшавы 8 февраля 1578 года, обращается отъ имени короля „ко всимъ подданымъ нашимъ, жидомъ збору Пиньского, такъ въ мѣстѣ Пиньскомъ, яко тежъ въ мѣстѣхъ и мѣстечкахъ князскихъ, паньскихъ, земяньскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, также и въ иншихъ мѣстечкахъ, селахъ и корчмахъ въ повѣтѣ Пиньскомъ мѣшкаючимъ“ [2]). Такіе же листы были посланы „до мѣста Новгородского, до мѣста и повѣту Меньского, до мѣста и повѣту Городеньского“ и т. д. [3]). Села и города обозначаются какъ находящіеся въ томъ или другомъ повѣтѣ [4]).

---

1) О копцахъ и вообще граничныхъ знакахъ см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, VIII, стр. 396—400

2) А. З. Р. III. № 93.

3) Ibidem. Стр. 222.

4) Хорошій примѣръ такого употребленія слова „повѣтъ“ даетъ документъ, озаглавленный въ Литовской Метрикѣ — „Осажене места въ селе Смедине въ повете Володимерскомъ“, подъ датою: Варшава, 29 сен-

Границы повѣта, какъ территоріальнаго округа, вмѣщаютъ внутри себя всю совокупность земель всѣхъ ихъ видовъ, разъ эти земли лежатъ въ повѣтовомъ обводѣ. Но, конечно, шляхетскія осѣлости и ихъ обладатели, съ одной стороны, и земли не-шляхты и ихъ владѣльцы и населеніе, съ другой стороны, находились въ совершенно различныхъ отношеніяхъ къ органамъ управленія и суда, стоявшимъ во главѣ повѣтовъ, созданныхъ реформою 1565—1566 годовъ. Тѣ четыре стороны значенія новаго повѣта для его шляхетныхъ обывателей, которыя мы видѣли выше, не могли имѣть мѣста въ понятіи повѣта, какъ простой единицы территоріальнаго дѣленія. Начнемъ наше разсмотрѣніе этого значенія повѣта со сравненія характера находившейся въ повѣтовомъ центрѣ административной власти въ ея правахъ по отношенію къ шляхтѣ и не-шляхтѣ.

Привилеи на судовыя староства очень отчетливо раздѣляютъ значеніе и компетенцію уряда повѣтоваго старосты по отношенію къ шляхтѣ повѣта и по отношенію къ не имѣющему правъ повѣтоваго шляхетства населенію староства. Вотъ примѣръ. Въ 1571 году Упитскимъ старостою былъ назначенъ господарскій скарбный, Виленскій ключникъ, панъ Иванъ Семеновичъ Зарецкій. Привилей, выданный ему на этотъ урядъ, такъ говоритъ отъ имени Сигизмунда Августа о компетенціи Зарецкаго, какъ старосты: „дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ упродъ менованому скаръбному нашому, пану Ивану Семеновичу Зарецкому староство судовое Упитское и всю волость нашу тамошнюю Упитскую, ку тому староству прислухаючую[1]); маеть панъ Иванъ Семеновичъ Зарецкій тое староство Упитское держати, князей, пановъ, шляхъты, всихъ обывателей того повету Упитского судити, радити и владности въ томъ уживати водле статуту земъского, а [съ] подданыхъ нашихъ вси пожитки и доходы наши выбирати, а десятый грошъ и иные звыклые пожитки на старостъ нашихъ тамошнихъ брати, прислухаючіи на себе вземши, пенези и иные всякіе доходы, до скарбу нашого належачіе, отдавати и личбу

тября 1568 года. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 32 об. См. выписку изъ этого документа — И. И. Лаппо, op. cit., стр. 605.

1) Въ оригиналѣ стоитъ: „прислугаючую“.

чинити съ нихъ, подданыхъ нашихъ судити, радити, винныхъ винами водле статуту уставы нашое карати и во всемъ слушне и радне, безъ обтежливости подданыхъ нашихъ, пожитки наши намъ причиняти и примножати" [1]).

Приведенныя слова привилея совершенно ясно раздѣляютъ компетенцію стоящаго во главѣ администраціи повѣта старосты: одну компетенцію онъ имѣетъ по отношенію къ повѣтовой шляхтѣ, обывателямъ повѣта, и другую — по отношенію къ господарскимъ подданнымъ староства. Предѣлы послѣдней гораздо больше, чѣмъ предѣлы первой, но за то округъ, на который она простирается, гораздо меньше округа компетенціи судоваго старосты, какъ главы шляхетскаго повѣта. Этотъ округъ — староство-держава; въ предѣлахъ его судовый староста былъ обычнымъ старостою-державцею несудовыхъ староствъ и державъ [2]). Такою же властью и правами, какими обладалъ судовый староста въ предѣлахъ своего староства-державы, владѣли и остальные старосты и державцы, которые управляли господарскими землями, лежавшими въ обводѣ повѣта, какъ территоріальнаго округа.

Управляя своими староствами и державами, несудовые старосты и державцы въ эпоху дѣйствія II-го статута стояли внѣ шляхетскаго повѣта, хотя ихъ державы и староства лежали внутри границъ повѣтовыхъ [3]). Статутъ 1566 года отъ имени великаго князя гласитъ: „тежъ уставуемъ, ижъ врядниковъ нашихъ, то есть воеводъ, старостъ, державецъ замковъ и дворовъ нашихъ и тивуновъ зъ ихъ врядовъ, которые отъ насъ держать, кому бы кольвекъ кривда се дѣяла або видѣла, не маеть ихъ нихто судити,

1) „Привилей пану Ивану Семеновичу Зарецкому на староство судовое Упитское" (Дата: Варшава, 25 мая 1571 года). Лит. Метр. $\frac{\text{II А}}{53}$ л. л. 295 об. — 298.

2) О несудовыхъ старостахъ и державцахъ см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 266—293.

3) Для позднѣйшаго времени въ предѣлахъ, напримѣръ, Витебскаго воеводства отмѣчаются четыре несудовыхъ староства (въ Витебскомъ и Оршанскомъ повѣтахъ): Суражское, Усвятское, Любошанское и Велижское; въ Мстиславскомъ воеводствѣ — Кричевское, Пропойское, Рогачевское, Чечерское и Гомельское. О. Турчиновичъ. Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древн. врем. Стр. 298, прим. 275 и 276.

одно за позвы нашими мы сами господаръ". Лишь по своимъ именіямъ, „еслибы кому якую кривду учынили", они „передъ судомъ земскимъ будуть повинни становитися и отповѣдати" [1]). Универсалъ Виленскаго съѣзда, собравшагося въ ноябрѣ 1587 года, установляя податокъ „со всихъ подданыхъ всякихъ добръ господарскихъ у Великомъ Князьстве Литовскомъ и въ земли Жомонтской" для выдачи его „на страву" Литовско-Русскимъ посламъ къ кандидатамъ на Польско-Литовскій престолъ [2]), требуетъ, чтобы державцы господарскихъ земель за невыдачу этого податка и неучиненье въ немъ отчета вызывались бы „з ымени своего отчизного, албо якимъ же колвекъ правомъ набытого, до кгроду, въ которомъ повете оселость свою мети будеть" [3]). Лишь статутъ 1588 года призналъ подсудность державцевъ, въ общемъ значеніи этого слова, суду повѣта не только по ихъ имѣніямъ-осѣлостямъ, но и по ихъ державамъ. Отъ имени господаря этотъ кодексъ постановляетъ: „кождый воевода, староста, деръжавца и тивунъ, и каждый врядникъ нашъ, естлибы што самъ учинилъ, албо бы з урядниковъ, слугъ своихъ, справедливости кому, за упомненьемъ черезъ листъ вряду нашого земского або кгродъского, учинити не хотелъ, маеть быти о то позванъ на рокъ завитый, водлугъ учинку, до суду належного, земъского або кгродъского, въ томъ повете, где тотъ замокъ, або дворъ, або волость наша, держава его, лежить, або где врядъ его естъ". Если гродскому суду повѣта подлежитъ самъ судовый староста или его слуга или урядникъ, то дѣло разсматривается гродскимъ судомъ другого, ближайшаго повѣта. Но „отъправа", приведеніе въ исполненіе приговора повѣтоваго суда, по отношенію къ этимъ господарскимъ урядникамъ, „маеть быти чинена на властномъ именью таковою врядника", лежащемъ въ томъ же повѣтѣ. Если въ томъ повѣтѣ, гдѣ лежитъ его держава, державца или тивунъ осѣлости-имѣнія не имѣетъ, то приговоръ суда посылается для приведенія въ исполненіе къ уряду и суду того повѣта, въ предѣлахъ

1) II ст., IV, 45. Ср. II ст., IV, 2.

2) Австрійскій эрцгерцогъ Максимиліанъ и Шведскій королевичъ Сигизмундъ.

3) Приложенія. Стр. 152—154.

котораго находится его имѣніе. Если державца вообще не имѣетъ своей осѣлости въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, то послѣ рѣшенія дѣла повѣтовымъ судомъ „укривжоный" долженъ обратиться „з листомъ судовымъ" къ господарю, и послѣдній „черезъ посланца" своего прикажетъ „отъправу на маетности его рухомой учинити"[1]). Такимъ образомъ, ко времени утвержденія III-го статута въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ сознаніе необходимости распространенія компетенціи повѣтовыхъ судовъ на лицъ, которыя ей не подлежали, сдѣлало несомнѣнные успѣхи, и старосты и державцы господарскихъ земель, находившихся въ предѣлахъ повѣта, должны были признать свою подсудность общему шляхетскому суду повѣта[2]).

По отношенію къ повѣтовой администраціи староства и державы, находившіяся въ предѣлахъ повѣта, занимали независимое положеніе. Ими правили старосты и державцы, и даже для обозначенія округа, на который простиралась ихъ административная и судебная власть, рядомъ со словомъ „присудъ"[3]) изрѣдка употребляется и слово „повѣтъ", какъ пережитокъ въ этомъ употребленіи до-реформенной старины, нарушающій, такимъ образомъ, иногда единство

---

1) III ст., IV, 67. Объ отправленіи правосудія гродскимъ судомъ по отношенію къ воеводамъ, судовымъ старостамъ и ихъ урядникамъ — III ст., IV, 39.

2) Какъ примѣры разбора непосредственно господарскимъ судомъ дѣлъ державцевъ, идущихъ въ этотъ судъ мимо повѣтовыхъ судовъ въ эпоху дѣйствія II-го статута, могутъ быть указаны хотя бы „справа державцы Немоноитьского з Якубомъ Вертутою о забитье войта волости Немоноитьское Матея Мелешъка отъ сына его Миколая Вертуты" (Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. л. 4 об. — 5 об. Дата: Кнышинъ, 22 марта 1566 года), или дѣло державцы Утенскаго Матея Рудомины съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ („угода князю Анъдрею Курпъскому з Матеемъ Рудоминою о поранене слугъ и о заруки". Ibidem, л. л. 248 -250 Дата: Варшава, 1 августа 1570 года).

3) Нпр., „листъ бояръ Гомейскихъ, ижъ бы ихъ старостове подъ прысудъ свой ку замъку не прыворочали и до жадныхъ повинностей ихъ не прымушали". Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. л. 71 об. — 73. Этотъ листъ Сигизмунда Августа, датированный августомъ 1569 года, обращается отъ имени господаря къ „старосте Гомейскому, пану Михайлу МыщцеВарковскому и инымъ старостамъ Гомейскимъ, которые потомъ тотъ замокъ Гомейскій отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра въ держанью своемъ мети будуть".

установленнаго реформою 1565—1566 годовъ значенія этого термина [1]). Въ границахъ своихъ староствъ и державъ старосты и державцы сами стоятъ во главѣ администраціи и отправляютъ ее лично или черезъ своихъ слугъ и урядниковъ. Это самостоятельное значеніе ихъ хорошо иллюстрируется способомъ передачи имъ распоряженій верховной власти: эти распоряженія адресуются имъ непосредственно, а не передаются черезъ посредство повѣтоваго уряда [2]). По отношенію къ сбору чрезвычайныхъ податковъ старосты и державцы до 1569 года были независимы отъ повѣта и органовъ, вѣдавшихъ сборъ этихъ податковъ съ повѣтовыхъ обывателей. Городенскій сеймъ 1566—1567 годовъ, установляя чрезвычайный податокъ „съ подданыхъ духовныхъ и светскихъ, и всякого стану, хто кольвекъ люди свои маетъ“, и назначая повѣтовыхъ поборцевъ для сбора этого податка, поручаетъ имъ собирать его „отъ врадниковъ князьскихъ, панскихъ и шляхетскихъ“ [3]). Рецессъ этого сейма молчитъ о сборѣ податка съ господарскихъ подданныхъ державъ и староствъ. Но это не значитъ, что державы и староства были освобождены отъ этого податка. Еще въ началѣ сентября 1566 года Сигизмундъ Августъ обложилъ державы и староства чрезвычайнымъ сборомъ, въ виду недостатка средствъ на уплату наемному войску [4]). Старосты и державцы, собравъ этотъ податокъ, должны представить его непосредственно въ скарбъ [5]). Та-

---

1) Такъ, въ цитированной выше (стр. 131) записи разсылки господарскихъ листовъ отъ 8 февраля 1578 года „до жидовъ“ встрѣчаемъ рядомъ съ повѣтами Минскимъ, Городенскимъ, Виленскимъ, Троцкимъ, Берестейскимъ и Ковенскимъ повѣты Кобринскій и Мстибоговскій. А. З. Р. III. № 93 (стр. 222).

2) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 281 и сл.

3) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 454—455.

4) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 765—767.

5) Обращаясь къ Василишскому державцѣ („а въ небытности его самого на тотъ часъ у Василишкахъ, ино врадънику его тамошнему и всимъ войтомъ и подъданымъ нашимъ местскимъ и волостнымъ державы Василишъское“), отъ имени Сигизмунда Августа образецъ листовъ, писанныхъ о сборѣ этого податка, говоритъ: „а такъ, абы ты тотъ серебъщизный податокъ зо всихъ тыхъ вышей помененыхъ подъданыхъ нашихъ державы Василишъское, местскихъ и селскихъ, подълугъ того постановенья нашого конечно, по Светомъ Михале, Римъского свята

кой же порядокъ сбора чрезвычайнаго податка имѣлъ мѣсто и въ 1568 году. Опять сборъ этотъ съ повѣтовыхъ обывателей былъ переданъ Городенскимъ сеймомъ 1568 года въ руки повѣтовыхъ поборцевъ [1]), а старосты и державцы, собравъ его сами съ господарскихъ подданныхъ староствъ и державъ, должны были доставлять собранныя деньги прямо въ скарбъ. Господарскими листами было предписано старостамъ и державцамъ, чтобы они „у дворехъ“ господарскихъ своихъ староствъ и державъ, „со всихъ подданыхъ местъ и волостей“ господарскихъ, „тотъ отъ“ великаго князя „уфаленый и постановеный податокъ“ выбрали, „никому не фолькгуючи и никого въ томъ не укриваючи“, его „на тые две раты вышей описаные [2]) до скарбу“ господарскаго „земъского отнесли и отдали и личбу достаточную съ того вделали, и присегу, яко то естъ черезъ“ нихъ „справедливе выбрано а никому не фолкговано и ничого не утаено, тамъ же въ скарбе вчинили“ безъ малѣйшей просрочки [3]).

близько пришлого въ теперешнемъ року шестдесятъ шостомъ выбрати и до скарбу нашого отдавати велѣлъ. Пакли жъ бы они на тотъ вышей помененый рокъ, у двухъ неделяхъ по Светомъ Михалѣ, того податъку серебъщизного до тебе не отдали а въ недбалость то собе положили, ты бы на кожъдомъ таковомъ оный податокъ серебъщизный з децкованьемъ отправовалъ а безъ жадного мешканья до скарбу нашого отдалъ. А вамъ, войтомъ, мещаномъ и всимъ подданымъ нашимъ державы Василишъское, приказуемъ, абы есте, водле того постановеня нашого, конечно на тотъ вышей помененый рокъ оный платъ серебъщизный до двора нашого тамошнего отдали, сплошенства жадного въ томъ не чинечи“. Этотъ листъ обращается отъ имени Сигизмунда Августа къ „маршалъку нашому, державцы Василишскому, пану Яну Волчку“ („а въ небытности его . . .“ см. выше). Заголовокъ, стоящій передъ этимъ листомъ въ книгѣ Литовской Метрики: „а тые листы писаны до дворовъ королевскихъ тымъ обычаемъ — до державецъ о выбраню податковъ, уфаленыхъ съ подданыхъ г[о]с[по]д[а]рскихъ“. Дата листа: Люблинъ, 5 сентября 1566 года. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 114 об.—115.

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 468.

2) Объ этихъ ратахъ, т. е. срокахъ, листъ Сигизмунда Августа говоритъ такъ: „якожъ отданью того податъку въ скарбъ нашъ земъскій покладаемъ две раты, то естъ половицу его на день светого Балътромея, пришлого свята м[е]с[е]ца августа двадцат четвертого дня у волъторокъ, а другую половицу въ день светого Мартина м[е]с[е]ца ноября первогонадцать дня у четвергъ въ семъ року нине идучомъ“, 68-мъ.

3) Этотъ листъ отъ имени Сигизмунда Августа обращается къ „пану Виленьскому, гетману нашому навышшому Великого Князства

Итакъ, въ первые годы послѣ введенія новаго повѣтоваго строя въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ реформою 1565—1566 годовъ староства и державы по сбору чрезвычайной серебщины стояли внѣ шляхетскихъ повѣтовъ. Иной порядокъ установился со времени заключенія Люблинской Уніи. Уже поборовый универсалъ, выданный Сигизмундомъ Августомъ съ Люблинскаго сейма 11 августа 1569 года, передаетъ сборъ установленной этимъ сеймомъ серебщины со старостствъ въ руки повѣтовыхъ поборцевъ[1]). То же дѣлаютъ и поборовые универсалы, выданные съ послѣдующихъ спольныхъ сеймовъ XVI столѣтія[2]). Новый порядокъ сбора серебщины на государственныя нужды съ державъ и староствъ былъ усвоенъ и Литовско-Русскими съѣздами, когда они устанавливали чрезвычайные податки въ Княжествѣ совершенно самостоятельно, безъ спольныхъ Польско-Литовскихъ сеймовъ. Такъ, Волковыйскій съѣздъ 1577 года отдалъ въ руки повѣтовыхъ поборцевъ сборъ податка, наложеннаго имъ „яко на добра его королевской милости и всихъ становъ духовныхъ, такъ и на вси воеводства, староства“ и всѣхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго[3]). Такимъ образомъ, съ 1569 года старосты и державцы по сбору чрезвычайныхъ податковъ оказались подчиненными повѣтовымъ поборцамъ, какъ и шляхта повѣтовъ.

Въ военныхъ рушеньяхъ повѣтовой шляхты старосты и державцы, какъ таковые, не могли имѣть мѣста. Всѣ

Литовского, старосте Городеньскому, деръжавцы Могилевскому, пану Григорью Алексанъдровичу Ходкевича, а въ небытности его милости самого на тотъ часъ у Городне и во всихъ иныхъ дворехъ нашихъ староства Городенского, ино подстаростему и всимъ врадникомъ его милости тамошнимъ“. Дата листа: Городна, 12 іюля 1568 года. Заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Таковые листы писаны до державецъ о проважеине вшелякое живности на певные местца з державъ своихъ“ (это заглавіе вызвано тѣмъ, что текстъ даннаго листа заключаетъ въ себѣ также распоряженіе великаго князя, касающееся „неомешканого наспижованья всякими живностями замъковъ“ господарскихъ „украиньныхъ“). Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 179—181.

1) Volumina Legum. II (Petersburg 1859). Str. 105.

2) Ibidem. Стр. 180 и др.

3) А. Вил. III. Стр. 273—275.

опи, за очень рѣдкими исключеніями [1]), были шляхтичами, осѣлыми въ томъ или другомъ повѣтѣ, а слѣдовательно должны были отбывать рушенья повѣтовой шляхты по мѣсту своей повѣтовой осѣлости [2]). Что же касается до населенія господарскихъ державъ и староствъ, то оно, какъ нешляхетское обыкновенно [3]), стояло внѣ шляхетскихъ пол-

---

1) Утенскимъ державцею былъ одно время Виленскій мѣщанинъ Матей Рудомина. О немъ говоритъ рядъ документовъ Литовской Метрики, нпр., „Справа князя Андрея Курпского з Матеемъ Рудоминою о збитье и поранене товарышовъ роты его“ (Лит. Метр. $\frac{II\ A}{51}$ л. л. 238 об.—244; дата: Варшава, 14 іюля 1570 года), „Угода князю Андрею Курпскому з Матеемъ Рудоминою о поранене слугъ и о зарукн“ (ibidem, л. л. 248—250; дата: Варшава, 1 августа 1570 года). Самъ себя Рудомина называетъ такъ: „я, Матей Андреевичъ Рудомина, державца Утенскій, радца места Виленского“ (ibidem, л. 248 об.). Другіе документы называютъ его просто Виленскимъ мѣщаниномъ. Одна запись Метрики, говорящая уже объ отобраніи отъ Рудомины Утенской державы, гласитъ слѣдующее: „постановившысе очевисте дворенинъ г[о]с[по]д[а]рскій, панъ Григорей Мартиновичъ Залускій сознал до книгъ канцелярейскихъ, ижъ дей онъ, будучы приданымъ зъ ураду отъ его милости пана, пана Виленского, маршалка навышшого Великого Князства Литовского, а маючы при собе сторону, людей добрыхъ, меновите Войтеха Яворовского а Федора Василевича Токаревского, дня учорашнего, тутъ м[е]с[е]ц[а] декабря 5 дня у Торуню подалъ очевисте лисгъ его королев[ское] м[и]л[ости], мандатъ мещанину Виленскому, пану Матею Рудомине писаный о неприняте суму за державу и дворъ его к[о]р[олевское] милости Утену, которая дей сума ему отъ его к[о]р[олевское] милости черезъ дворенина его к[о]р[олевское] милости Ивана Микулича отдавана была....“ Лит. Метр. $\frac{I\ A}{61}$ л. 18. Дата этой записи: 6 декабря 1576 года. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что члены Виленскаго магистрата получали шляхетство согласно привилею, данному Сигизмундомъ Августомъ Вильнѣ 15 іюня 1568 года. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. Часть I. Вильно 1843. № 60. Ср. Описаніе Рукоп. Отдѣленія Виленской Публ. Библіотеки, вып. III, стр. 16 (№ 174). Ср. J. Kraszewskiego, Wilno od początków jego do roku 1750, tom I, str. 280—281.

2) „Пописъ“ 1567 года, однако, „почты“ державцевъ и старостъ переписываетъ отдѣльно отъ повѣтовъ. Эти „почты“ обозначены въ составѣ „почтовъ“ пановъ радныхъ, князей и пановъ, переписанныхъ отдѣльно въ самомъ началѣ текста „Пописа“ (л. л. 2—59 об., ст. 431—519 изданія).

3) О спадковой шляхтѣ, находившейся подъ вѣдѣніемъ нѣкоторыхъ старостъ и державцевъ, см. ниже, въ III-ей главѣ.

ковъ повѣтовъ. Этимъ населеніемъ староста или державца правитъ и его судитъ такъ же, какъ это дѣлаетъ и шляхта въ своихъ имѣніяхъ. Правда, что у него есть инструкція отъ господаря и уставъ, которыми онъ руководится въ своей дѣятельности [1]) среди „господарскихъ подданыхъ" староства или державы, но инструкціи, конечно, давала и шляхта „врядникамъ" своихъ „господарствъ"-имѣній, въ которыхъ жили ея „подданые". Отношеніе старостъ и державцевъ къ повѣтовому суду мы видѣли выше. Съ отношеніемъ ихъ къ шляхетскимъ повѣтовымъ собраніямъ познакомимся ниже при изученіи ихъ и сеймика, какъ основного изъ этихъ собраній.

Внѣ шляхетскаго повѣта стояли и города „упривильеваные", лежавшіе въ округѣ, обнимаемомъ границами повѣтовъ, какъ единицъ областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Какъ не-шляхтичи, мѣщане не могли сливаться со шляхетскими обывателями ни въ военной земской службѣ, ни въ сеймикованьѣ, ни въ подсудности шляхетскимъ судамъ повѣтовъ [2]). Что же касается повѣтовой администраціи, то дарованіе городу Нѣмецкаго права выводило его изъ подъ ея власти, ставя подъ собственные управленіе и судъ города. „Въ справы тежъ мѣстскіе врадъ мой тамошній уступоватисе не маеть" — говоритъ господарь о городахъ, имѣющихъ Магдебургское право [3]).

Въ иныхъ отношеніяхъ къ шляхетскому повѣту находилось духовенство, владѣвшее имѣніями въ его границахъ. Статутъ 1566 года установляетъ, что „духовные зъ имѣней своихъ свѣцкихъ и костелныхъ паданыхъ, съ которыхъ служба земская военная бывала до сихъ часовъ, такжо зъ имѣней своихъ отчызныхъ, купленыхъ и закупленыхъ шляхецкихъ, войнѣ повинныхъ, службу земскую служыти маютъ", какъ и повѣтовая шляхта, выставляя вмѣсто себя „человѣка доброго шляхтича" [4]). Буквально то же повторяетъ

---

1) См. выше привилей пану Ивану Семеновичу Зарецкому на Упитское староство (стр. 132—133).

2) О конныхъ мѣщанахъ см. ниже, въ III-ей главѣ.

3) А. Ю. и З. Р. I. № 223. Объ отношеніи повѣтовыхъ старостъ и воеводъ къ городамъ Магдебургскаго права см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 281, 605-и сл.

4) II ст., II, 9.

и статутъ 1588 года, добавляя, что съ такихъ имѣній духовныя лица „почты свои становити мають подъ хоруговью поветовою, межы обывателей тыхъ поветовъ, въ которыхъ хто зъ нихъ именья головнейшіе маеть“ [1]). Отъ военной земской службы III статутъ освобождаетъ, „за позволеньемъ всихъ становъ“, только имѣнія Виленскаго коллегіума, пріобрѣтенныя имъ до 1588 года; но имѣнія, пріобрѣтенныя имъ послѣ изданія III-го статута, уже подлежатъ земской военной службѣ на общихъ основаніяхъ [2]).

Подсудность духовныхъ лицъ по ихъ имѣніямъ повѣтовымъ судамъ была признана уже статутомъ 1566 года. Земскій судъ повѣта, по этому кодексу, имѣетъ право „на роки зложоные позывати передъ себе, судити и справовати всихъ пановъ радъ, духовныхъ и свѣцкихъ, княжатъ, пановъ хоруговныхъ, шляхту и бояръ о земскіе речы зъ имѣней, однако [и] одностайно, хто одно кольве въ томъ повѣтѣ имѣнья свои мѣти будеть, жадного не выймуючы а ни зъ суду имене ихъ не выпущаючы“, кромѣ самого господаря и его урядниковъ съ имѣній господарскихъ [3]). Статутъ 1588 года также признаетъ общую подсудность земскому повѣтовому суду „всихъ становъ, почавши отъ вышшого, ажъ до низшого, однако и одностайне, хто одно кольвекъ въ томъ повете именья свои мети будуть“ [4]). Но въ то же время оба кодекса строго раздѣляютъ „духовное право“ и сферу компетенціи судовъ свѣтскихъ [5]). Акты повѣтовыхъ судовъ хорошо знаютъ дѣла духовныхъ лицъ по ихъ имѣніямъ, лежащимъ въ предѣлахъ повѣтовъ, но источники знаютъ и дѣятельность духовныхъ судовъ, которымъ подлежатъ духовныя лица, какъ и лица свѣтскія въ дѣлахъ, вѣдаемыхъ церковью [6]).

Уплатѣ чрезвычайной серебщины земскія имѣнія духовенства подлежатъ такъ же, какъ и имѣнія шляхты. Статутъ 1588 года не допустилъ исключенія даже по отношенію

---

1) III ст., II, 9.

2) Ibidem. О выработкѣ этого постановленія о льготѣ для Виленскаго коллегіума см. ниже, Приложенія, стр. 138—139.

3) II ст., IV, 2.

4) III ст., IV, 3.

5) II ст., III, 26. III ст., III, 31.

6) Ср. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 570.

къ Виленскому коллегіуму, имѣнія котораго, пріобрѣтенныя до 1588 года, онъ освободилъ отъ земской военной службы, какъ мы это видѣли выше. Если будетъ установленъ сеймомъ „податокъ якій на оборону речы посполитое“, то и Виленскій коллегіумъ долженъ будетъ его платить „со всихъ добръ своихъ колеятъскихъ“, когда бы то ни было и какимъ бы то ни было способомъ пріобрѣтенныхъ [1]). Сборъ серебщины съ земскихъ имѣній духовенства производится тѣмъ же способомъ, какъ и съ имѣній шляхетскихъ, т. е. черезъ повѣтовыхъ поборцевъ [2]).

Мы перечислили виды земель, которыя размѣщались въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ, какъ единицахъ областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Эти виды земель могутъ разсматриваться какъ земли, имѣющія извѣстное самостоятельное значеніе, обладающія своимъ судомъ и управленіемъ. Староства и державы, „упривильеваные“ города-мѣста, земли „духовныя“ — имѣли свои особые судъ и управу, которые осуществлялись въ ихъ предѣлахъ, какъ ихъ осуществляло и каждое шляхетское имѣніе-господарство въ своихъ предѣлахъ. Повѣтовые администрація и судъ лишь отчасти могли касаться этихъ земель. Почти совершенно независимыми отъ нихъ были мѣста „упривильеваныя“ [3]). Нѣсколько болѣе повѣтовые администрація и судъ подчиняли себѣ старостъ-державцевъ и духовенство, какъ мы это видѣли сейчасъ. Но населеніе всѣхъ этихъ земель стояло во всякомъ случаѣ не подъ повѣтовою властью и судомъ, а подъ судомъ и властью своими собственными. Лишь къ этимъ собственнымъ властямъ можетъ обращаться общая шляхетская повѣтовая власть; тѣхъ, кто стоитъ подъ этими собственными властями, вѣдаютъ и судятъ онѣ сами, какъ это дѣлаетъ и шляхта въ своихъ имѣніяхъ. Конечно, и въ этихъ своего рода

---

1) III ст., II, 9.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 167. А. Вил. III, стр. 273—275. Volumina Legum, II, поборовые универсалы.

3) Статутъ 1566 года даетъ право мѣщанамъ Магдебургскаго права обращаться къ повѣтовому земскому суду въ случаѣ „кривдъ“ отъ шляхты, не желающей „доброволнѣ усправедливити“ (II ст., IV, 47). То же повторяетъ и статутъ 1588 года (III ст., IV, 69).

самостоятельныхъ владѣніяхъ, на которыя распадался повѣтъ, какъ территоріальный округъ, встрѣчаются группы населенія, имѣющія свои права и выходящія изъ подъ мѣстной подсудности — напримѣръ, шляхта и евреи въ городахъ Магдебургскаго права, или служилая шляхта и тѣ же евреи въ имѣніяхъ и селахъ — но это не мѣняетъ общаго характера повѣта. И внутри самой шляхты, какъ увидимъ ниже, несмотря на всю видимую выдержанность шляхетской идеи въ изучаемое время, были группы, которыя не вполнѣ совпадали съ повѣтовою шляхтою; да и къ органамъ шляхетскаго повѣта, какъ также увидимъ ниже, старались тянуться иногда и кое-гдѣ такія группы населенія, которыя въ шляхетскій повѣтъ не входили. Но это результатъ исторической жизни Великаго Княжества Литовскаго и реальныхъ требованій дѣйствительности. Принципъ повѣтоваго строя не настолько колебался этимъ, чтобы онъ не оставался совершенно яснымъ и опредѣленнымъ.

Подведемъ итоги нашему изученію повѣта, созданнаго реформою 1565—1566 годовъ. Мы видѣли, что новые повѣты образовались путемъ сліянія старыхъ повѣтовъ-хоружествъ въ большинствѣ случаевъ и путемъ простого преобразованія нѣкоторыхъ изъ этихъ послѣднихъ — въ меньшинствѣ. Созданные реформою повѣты получили двоякое значеніе: 1) какъ единицы дѣленія шляхты, т. е. какъ шляхетскія корпораціи, и 2) какъ единицы областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Шляхетскій повѣтъ явился дѣленіемъ народа-шляхты по военно-земской организаціи, по суду, администраціи и сеймикованью. Реформа была результатомъ роста значенія Литовско-Русской шляхты и въ то же время была одною изъ главныхъ основъ всей конституціи II-го статута. Каждый повѣтъ получилъ свой повѣтовый центръ съ „избою судовой“, ставшей центральнымъ мѣстомъ шляхетскаго повѣта. Повѣтовая реформа, однако, не оказалась выработанною настолько, чтобы она могла въ послѣдующее время остаться безъ всякихъ измѣненій. Границы новыхъ повѣтовъ должны были точно опредѣлиться лишь нѣсколько позднѣе. Но не только повѣтовыя границы должны были нѣсколько измѣниться въ ближайшіе годы послѣ реформы; въ нѣкоторыхъ повѣтахъ оказалось необходимымъ создать и новые повѣтовые центры. Сама

шляхта сознавала отдѣльные недостатки реформы и выступила на сеймахъ второй половины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія съ просьбами объ ихъ устраненіи. Въ 1569 году была заключена Люблинская Унія, и государство Литовско-Русское вступило въ соединеніе съ Польшею, оставаясь въ этомъ соединеніи „панствомъ“, съ равнымъ значеніемъ другому соединившемуся съ нимъ Уніей „панству“, т. е. Польшѣ. Новыя условія политической жизни съ необходимостью охранять свои самостоятельность и значеніе въ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой легли въ основу дальнѣйшаго развитія шляхетскаго строя Великаго Княжества Литовскаго. Литовско-Русскій повѣтъ также развивался подъ вліяніемъ этихъ условій и опредѣлился совершенно ясно въ постановленіяхъ статута 1588 года, выработаннаго Литовско-Русскими станами согласно потребностямъ, которыя выдвинула жизнь Княжества въ годы послѣ Уніи 1569 года, и согласно требованіямъ дальнѣйшаго торжества шляхетскаго начала, причемъ Литовско-Русская шляхта, конечно, могла опираться, какъ на примѣръ, и на шляхетскій строй своей „братіи“-Поляковъ. Статутъ 1588 года вводитъ требованіе осѣлости въ предѣлахъ повѣта всѣхъ его должностныхъ лицъ; они должны быть не только „родичами“ Великаго Княжества Литовскаго, но и такими же шляхтичами-„повѣтниками“, какъ и остальные шляхетные обыватели повѣта, во главѣ котораго они стоятъ по своему должностному положенію. Кромѣ того, всѣ должностныя лица, державшія въ рукахъ судебную власть надъ повѣтовою шляхтою, получили предписаніе закона приносить присягу передъ шляхетскимъ земскимъ урядомъ и шляхтою, по образцу членовъ повѣтоваго земскаго суда. Этимъ развитіе повѣта, какъ шляхетской корпораціи не ограничилось: шляхта пріобрѣла право избранія большинства повѣтовыхъ урядовъ, съ которыми приходила въ соприкосновеніе особенно часто и существенно. Въ то же время шляхетскій повѣтъ распространилъ компетенцію своихъ повѣтовыхъ судовъ на тѣхъ лицъ, которыхъ она не достигала, какъ урядниковъ великаго князя, въ эпоху дѣйствія статута 1566 года.

Эти успѣхи шляхетскаго повѣта совершенно точно опредѣляются сравненіемъ двухъ Литовско-Русскихъ кодексовъ, т. е. статутовъ 1566 и 1588 годовъ, изъ которыхъ

одинъ регулировалъ строй Великаго Княжества Литовскаго сразу послѣ введенія повѣтовой организаціи, а другой закрѣпилъ то, что вырабатывалось и развивалось въ этой организаціи въ послѣдующіе годы. Повѣтъ въ своемъ значеніи шляхетской корпораціи растетъ съ ростомъ сознанія его „повѣтниковъ". Организація военной земской службы и шляхетская система сбора податковъ идутъ рука объ руку съ повѣтовымъ судомъ въ дѣлѣ созданія у „повѣтниковъ" сознанія своего повѣта, какъ самостоятельной единицы народа-шляхты. Это сознаніе крѣпнетъ и крѣпнетъ. „Рушенья" повѣтовъ, въ военномъ сборѣ или въ помощь администраціи „на непослушныхъ", и защита сообща своей общей безопасности уже при нормальномъ теченіи жизни Княжества должны были напоминать о повѣтѣ, какъ шляхетской единицѣ, тѣмъ изъ „повѣтниковъ", кто мало имѣлъ дѣла съ повѣтовыми урядами и шляхетскими собраніями по условіямъ своей личной жизни. Но въ годины безкоролевій сознаніе единства повѣта должно было быть еще яснѣе: тревожность и опасность времени съ отсутствіемъ „зверхности господарской" и врагами внѣшними и внутренними, неся съ собою тревогу и опасенія, этимъ самымъ должны были сплачивать шляхту повѣта тѣснѣе. Каптуровые суды, составляемые самою шляхтою, и чрезвычайныя постановленія съѣздовъ требовали постоянныхъ выступленій народа-шляхты Княжества, какъ его повѣтовъ. Быть можетъ, наиболѣе яркимъ выраженіемъ значенія повѣта, какъ шляхетской корпораціи, былъ повѣтовый сеймикъ, который, какъ увидимъ ниже, также росъ вмѣстѣ съ ростомъ шляхетскаго повѣта, не застывъ съ момента своего учрежденія, а развиваясь и укрѣпляя свои значеніе и силу. При томъ строѣ, который закрѣпился къ концу XVI столѣтія, шляхетскій повѣтъ заслоняетъ передъ наблюдателемъ жизни Великаго Княжества Литовскаго значеніе повѣта, какъ единицы территоріальнаго дѣленія Литовско-Русскаго „панства". Это понятно. Народъ-шляхта покрываетъ своимъ властнымъ и громкимъ голосомъ слабые голоса другихъ группъ населенія, размѣстившихся въ повѣтѣ-единицѣ областного дѣленія рядомъ со шляхтою, и въ эти голоса часто бываетъ нужно очень вслушиваться, чтобы ихъ уловить. Голосъ шляхты ихъ заглушаетъ и звучитъ тѣмъ сильнѣе, что онъ

образуется самъ изъ не всегда согласнаго хора отдѣльныхъ повѣтовъ. Но и значеніе повѣтоваго дѣленія, какъ дѣленія областного, было достаточно велико. Это дѣленіе создало областныя единицы съ размежеванными границами вмѣсто прежнихъ сбивавшихся въ своихъ границахъ „земель", которыя назывались иногда воеводствами; это дѣленіе внесло и опредѣленность въ терминологію областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго, въ которой потребность несомнѣнно чувствовалась.

Итакъ, новый повѣтъ сталъ, во-первыхъ, совершенно опредѣленною единицею областного дѣленія Литовско-Русскаго „панства" и, во-вторыхъ, единицею дѣленія народа-шляхты этого „панства", составившей повѣтомъ земскій полкъ и административно-судебный и политическій округъ, хранящій въ своихъ повѣтовыхъ книгахъ свои права и привилеи и держащій въ своихъ рукахъ всѣ свои уряды, одни замѣщая своимъ избраніемъ, другіе только подчиняя своему суду и повѣтовой присягѣ, не допуская, сколько возможно, къ власти въ своемъ округѣ и къ участію въ своихъ дѣлахъ не только „заграничниковъ" Литовско-Русскаго „панства", но и своего повѣта.

Въ своихъ требованіяхъ реформы областного суда Литовско-Русская шляхта указывала на порядки Подляшья и въ нихъ усматривала образецъ, на общія очертанія котораго она могла ссылаться, добиваясь осуществленія выдвигаемой ею реформы. Подляшье имѣло свои внутреннія особенности, явившіяся результатомъ образованія этой земли, какъ области Литовско-Русскаго государства, а также результатомъ состава ея шляхты. Въ XVI столѣтіи именемъ Подляшья называлась территорія, занятая повѣтами Дорогицкимъ, Мельницкимъ и Бѣльскимъ. Земля Берестейская, входившая раньше въ составъ Подляшья, уже не считалась къ этому времени его частью [1]. Свое названіе, внѣ всякаго сомнѣнія, Подляшье получило, благодаря своему пограничному положенію съ Польшею, которая часто обозначалась

1) Ср. М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 15—18.

на русскомъ языкѣ словомъ „Ляхи“ [1]). Особенно яснымъ становится происхожденіе слова Подляшье, если не упускать изъ виду его латинскую транскрипцію „Podlachia“ [2]). Дорогичинъ, Мельникъ и Бѣльскъ были въ XIII столѣтіи городами Волынскихъ князей Рюрикова дома [3]). Въ XIV столѣтіи вмѣстѣ съ остальною Волынскою землею округи этихъ городовъ вошли въ составъ Литовско-Русскаго государства и въ эту эпоху они выдѣлились въ особую часть территоріи, которая и стала называться Подляшьемъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, совершенно не сливаясь съ землею Волынскою. Въ концѣ XIV вѣка Подляшье было передано Ягайломъ Мазовецкому князю Янушу. Бѣльскъ вернулся въ составъ Великаго Княжества Литовскаго уже довольно скоро, въ великокняженіе Витовта, но Дорогичинъ и Мельникъ оставались соединенными съ Мазовіей до середины XV вѣка, и лишь въ 1443 году были выкуп-

---

1) Нпр., см. подъ словомъ „Ляхи“ на стр. 80 въ указателѣ къ XX-му тому Русской Исторической Библіотеки. На греческомъ языкѣ Польша также называлась Ляхіей — нпр., „ὁ κράλης τῆς Λαχίας“ (Болеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій .... Изданіе Императорской Академіи Наукъ. СПБ. 1907. Стр. 161—162).

2) Нпр., въ латинскомъ текстѣ 1-го артикула I-го раздѣла II-го статута читается: „in Magno Ducatu Lituaniae ac in eius municipiis, Russia, Kiiouia, Samagitia, Volhinia, Podlachia et in Smolenscensi, Polocensi, Vitebscensi, Mscislauiensi tractu ac in aliis Magni Ducatus Lituaniae partibus“ (Collectanea ex Archivo Collegii Juridici. Tomus VII. P. 1). Въ русской исторической литературѣ совершенно напрасно стремились называть Подляшье Подлѣсьемъ или Подлясьемъ, ставя это слово въ связь со словами „лясъ“ и „лѣсъ“, а не со словомъ „ляхъ“. На IX-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ на такомъ словопроизводствѣ настаивалъ о. Левъ Паевскій при обсужденіи реферата А. И. Павинскаго („О Подляшскомъ воеводствѣ въ XVI в. въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ“), указывая на примѣръ Е. М. Крыжановскаго (Труды IX-го Археологическаго съѣзда въ Вильнѣ 1893 г. Томъ II. М. 1897. Протоколы, стр. 40—41). Также Подлѣсьемъ называли Подляшье М. О. Кояловичъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. П. Дашкевичъ и др. (Ср. М. К. Любавскій, op. cit., стр. 18).

3) О православныхъ храмахъ и святыняхъ Мельника и Бѣльска см., нпр., А. Андріяшевъ, Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія, стр. 97—98. (Сборникъ сочиненій студентовъ Императорскаго Университета Св. Владиміра. Выпускъ VI. Изданъ подъ редакціей В. С. Иконникова. Кіевъ 1888. Или отдѣльно — Кіевъ 1887).

лены великимъ княземъ Казимиромъ у Мазовецкаго князя Болеслава.

По возвращеніи въ составъ Литовско-Русскаго государства округи Бѣльска, Дорогичина и Мельника вошли въ составъ Троцкаго воеводства, а не Волынской земли и оставались частью военнаго округа Троцкаго воеводы вплоть до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ[1]). Но Дорогичинскій, Мельницкій и Бѣльскій повѣты, несмотря на принадлежность ихъ къ военному округу Троцкаго воеводы, несомнѣнно представляли собою нѣчто, съ одной стороны, выдѣляющееся изъ состава Троцкаго воеводства, а съ другой стороны, объединенное своимъ строемъ и внутреннею жизнью. Объ этомъ говоритъ прежде всего общее названіе Подляшья, усвоенное этимъ повѣтамъ[2]), и особый воевода Подляшскій, существовавшій съ 1514 года[3]), хотя его воеводство и становилось въ военномъ рушеньѣ подъ команду Троцкаго воеводы, а, какъ увидимъ ниже, послѣдній не желалъ отказываться и отъ своихъ судебныхъ правъ въ повѣтахъ воеводы Подляшскаго. Внутри самихъ Подляшскихъ повѣтовъ, повидимому, произошло выдѣленіе изъ состава Дорогицкаго повѣта, повѣта Мельницкаго, который являлся раньше слитымъ съ землею Дорогицкою[4]). Въ XVI столѣтіи повѣты Дорогицкій, Мельницкій и Бѣльскій являются тремя составными частями Подляшья; Подляшская земля состоитъ изъ нихъ. Но неопредѣленность термина „повѣтъ“ въ эпоху до реформы 1565—1566 годовъ, уже отмѣченная нами выше[5]), даетъ себя чувствовать и въ Подляшьѣ. Рядомъ съ тремя большими Подляшскими повѣ-

---

1) О судьбахъ Подляшскихъ повѣтовъ въ XIV и XV вѣкахъ см. М. К. Любавскій, op. cit., стр. 15—22 и Ѳ. И. Леонтовичъ, Очерки исторіи Литовско-Русскаго права (Образованіе территоріи Литовскаго государства), стр. 53—56.

2) Примѣровъ источники даютъ очень много: имѣнія „на Подляши“ (напр., Archiwum Książąt Sanguszków, III, № CDLII), „земля Подляшская“ (напр., „wojewali zemlu Wołynskuiu y Podlaszskuiu y Ladckuiu“ — П. С. Р. Л. XVII, ст. 561) и т. д.

3) J. Wolff. Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego. Str. 42.

4) См. М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 20 и 189.

5) I глава.

тами, т. е. Бѣльскимъ, Дорогицкимъ и Мельницкимъ, акты XVI столѣтія называютъ повѣтами и части этихъ трехъ большихъ частей, на которыя распадается Подляшская земля этого времени. Въ листѣ Сигизмунда Старого отъ 24 марта 1522 года, писанномъ къ нѣкоторымъ раднымъ панамъ съ назначеніемъ ихъ въ коммиссію по опредѣленію границъ Литовско-Русскаго государства и Мазовецкаго княжества, читаемъ: „пакъ ли жъ бы зъ стороны княжатъ ихъ милости Мазовецкихъ подъданыхъ ихъ милости привилія передъ вами, обапольными комисарми, вказывали, ижъ бы княжатъ ихъ милости Мазовецкихъ предки въ тотъ часъ, какъ поветы наши Подъляшъскіе, Бельскую землю и Ганезь, и Тыкотинъ, и Дорогицкую землю ко князству Мазовецкому въ заставе мели, а будуть ли давали подъданымъ своимъ у границы тыхъ нашихъ поветовъ земли пашныи и сеножати и борти, — таковыхъ бы есте привильевъ не пріймовали, ани судили, ани въ которой моцы ихъ не мели“ [1]). Одинъ изъ актовъ 1533 года говоритъ о повѣтахъ Бѣльскомъ, Брянскомъ и Суражскомъ [2]). Между тѣмъ парафіи Брянская, Тыкотинская и Суражская входили въ составъ Бѣльской земли-хоругви [3]). Посмотримъ теперь, что̀ представлялъ собою строй Подляшья въ XVI столѣтіи, до общей повѣтовой реформы Великаго Княжества Литовскаго, произведенной въ шестидесятыхъ годахъ этого столѣтія.

Организація областного суда въ Подляшьѣ выдѣляла эту землю изъ ряда остальныхъ земель Литовско-Русскаго государства. Уже задолго до повѣтовой реформы Подляшская земля имѣла шляхетскій земскій судъ, серьезно ограничивавшій судебную власть господарскихъ намѣстниковъ, и имѣла рядъ судебныхъ урядовъ, которыхъ не было въ остальныхъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго. Эта судебная организація была результатомъ введенія въ Подляшьѣ Польскихъ судебныхъ институтовъ и Польскаго права.

---

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 1061.

2) Этотъ актъ приводитъ изъ 18-ой книги Литовскихъ Записей Метрики г. Барановскій (I g n a c y T a d e u s z B a r a n o w s k i. Podlasie w przededniu Unii Lubelskej. Odbitka z „Przeglądu Historycznego“, tomu VII. Warszawa 1909. Str. 21).

3) См. выше, стр. 10 и стр. 32, прим. 1.

Уже въ XV столѣтіи великій князь Казимиръ надѣлилъ Дорогицкую землю Польскимъ судебнымъ правомъ, сдѣлавъ это привилеемъ, не дошедшимъ, къ сожалѣнію, до насъ или, по крайней мѣрѣ, неизвѣстнымъ еще изслѣдованію до настоящаго времени. Бѣльская земля получила подобнаго же содержанія привилей отъ великаго князя Александра въ 1501 году. Къ содержанію этого привилея теперь и обратимся.

Привилей, данный Бѣльской землѣ великимъ княземъ Александромъ въ 1501 году[1]), указываетъ три вида суда въ Бѣльскомъ повѣтѣ: 1) судъ старосты, 2) судъ судьи и подсудка и 3) соединеніе обоихъ этихъ судовъ въ одинъ. Господарскій староста только „чтеры артыкулы ма замку ма судить: першы артыкулъ — о розбитье альбо о злупенье на доброволной дорозѣ, альбо о крадежъ; другій артыкулъ — коли хто кгвалтомъ на чый домъ найдетъ; третый — о дѣвичьемъ альбо о невѣстьемъ кгвалтѣ; четвертый — о пожогу“ [2]). Такимъ образомъ, судъ старосты вѣдаетъ извѣстные quatuor articulos judicii castrensis Польскаго права, т. е. stuprum, incendium, latrocinium, vim armatam alienis aedibus illatam. Всѣ остальныя судебныя дѣла подлежатъ суду судьи и подсудка: „судья тежъ съ подсудкомъ вси иншы рѣчи ма судить, нищъ не допущаючы до старосты надъ пречечоныи артыкулы, кторы залежуть на старосту“ [3]). Такъ раздѣляется компетенція суда старосты и суда судьи и подсудка. Соединеніе этихъ судовъ въ одинъ должно разбирать жалобы „русиновъ“ на „поляковъ“: „естли бы тежъ нѣкоторый Русинъ позвалъ Поляка, — староста нашъ и тежъ судья и съ подсудкомъ того Поляка маютъ судить“ [4]).

Свои полномочія суды Бѣльскаго повѣта получали отъ

---

1) Изданія этого привилея: 1) Działyński, Zbior Praw Litewskich, str. 82—91; 2) А. З. Р. I, № 189; 3) въ систематическомъ сводѣ уставныхъ земскихъ грамотъ въ трудѣ М. Н. Ясинскаго Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. О неправильности обозначенія изданіемъ этой грамоты въ Актахъ Западной Россіи данною „жителямъ Бельзской области“ см. у М. Н. Ясинскаго — op. cit., стр. 94.

2) А. З. Р. I. № 189. 7.

3) Ibidem, 8.

4) Ibidem, 6.

господаря. Староста назначался господаремъ безъ всякаго участія повѣта[1]); судья и подсудокъ — думаемъ, идя въ разрѣзъ съ установившимся въ исторической литературѣ мнѣніемъ[2]), - подлежали также назначенію великаго князя, безъ обязательнаго предварительнаго избранія шляхтою кандидатовъ на эти должности. Основанія для того, чтобы это утверждать, слѣдующія: 1) текстъ привилея 1501 года не говоритъ ни слова, что кандидаты на эти должности должны избираться шляхтою, и 2) извѣстны случаи назначенія господаремъ на эти должности лицъ по ихъ собственнымъ челобитьямъ и по ходатайству за нихъ близкихъ къ великому князю лицъ[3]). Назначенія на судебныя должности въ Бѣльскій повѣтъ, которыя выдвигаются въ исторической литературѣ, какъ примѣры назначеній „согласно съ привилеями“ [4]), мы не можемъ признать таковыми по двумъ основаніямъ: 1) объ избраніи ихъ „de jure communi Regni“ говоритъ привилей не Бѣльскому повѣту, а Дорогицкой землѣ, съ которымъ познакомимся ниже, и 2) приводимые примѣры говорятъ не объ избраніи шляхтою кандидатовъ, изъ которыхъ дѣлаетъ выборъ великій князь, а о ходатайствѣ ея за опредѣленное лицо, какъ она ходатайствовала и при назначеніяхъ на уряды хоружихъ[5]), что вовсе не доказываетъ обязательности предварительнаго избранія шляхтою кандидатовъ на этотъ урядъ.

На рѣшенія суда старосты, согласно общимъ порядкамъ Великаго Княжества Литовскаго, жалобы приносятся господарю. Указанія на это нѣтъ въ привилеѣ Бѣльскому повѣту, но, что это было такъ, подтверждается актами начала XVI столѣтія[6]). Рѣшенія суда судьи и подсудка обжалу-

1) Уставная земская грамота Бѣльскому повѣту не знаетъ права населенія на участіе въ этомъ назначеніи, каковое имѣли Витебская, Полоцкая и Жомоитская земли. См. систематическій сводъ уст. з. грамотъ у М. Н. Ясинскаго, op. cit., стр. 118—119.

2) См. М. К. Любавскій, Обл. дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 19—20 и I. T. Baranowski, op. cit., str. 17.

3) Примѣры приведены г. Барановскимъ (Op. cit., стр. 17).

4) I. T. Baranowski, op. cit. Str. 17—18.

5) См. выше, стр. 27.

6) Нпр., Р. Ист. Б. XX, ст. 828.

ются недовольными также на судъ великаго князя, съ вызовомъ предъ него судьи и подсудка: „едно бы ся кгды пригодило съ пригоды, судья съ подсудкомъ нѣкторего земянина судили, а естлибы ся ему видѣло зъ того кривду, теды таковый земянинъ може судью съ подсудкомъ позвать предъ насъ“ — гласитъ привилей 1501 года [1]). Позвы на судъ должны быть посылаемы черезъ вознаго, а не черезъ дѣтскаго [2]).

Вотъ въ основныхъ чертахъ судебное устройство Бѣльскаго повѣта по привилею 1501 года. Этотъ привилей говоритъ, что Бѣльскому повѣту даются такія же права, какія уже даны повѣту Дорогицкому. Права эти называются латинскимъ текстомъ грамоты „jus polonicum terrestre“ [3]). Но они даются, „едно вынемши нѣкторе впады“ — „casibus duntaxat aliquibus exceptis“. Возможно двоякое пониманіе послѣдней фразы: 1) можно думать, что въ ней идетъ рѣчь о сохраненіи особенностей отъ Польскаго права въ Дорогицкой землѣ, а стало быть, и въ Бѣльской, которая получаетъ строй Дорогицкой, 2) можно думать, что эта фраза говоритъ объ особенностяхъ Бѣльскаго повѣта по сравненію съ Дорогицкимъ. Въ случаѣ перваго, имѣемъ дѣло съ указаніемъ на отличіе судебнаго строя этихъ двухъ Подляшскихъ повѣтовъ отъ Польши, въ случаѣ второго — отличіе ихъ одного отъ другого, т. е. указаніе на отсутствіе единства въ судебномъ устройствѣ Подляшской земли этого времени. Вопросъ этотъ едва ли можетъ быть разрѣшенъ безъ текста привилея XV столѣтія, выданнаго Дорогицкой землѣ великимъ княземъ Казимиромъ, а потому еще разъ приходится пожалѣть объ его неизвѣстности изслѣдованію. Извѣстные въ настоящее время законодательные акты, организующіе судъ въ Дорогицкой землѣ, относятся къ XVI столѣтію и были изданы позднѣе привилея 1501 года, даннаго Бѣльской землѣ. Къ содержанію этихъ законодательныхъ актовъ теперь и обратимся.

2 іюня 1511 года были утверждены великимъ княземъ

---

1) А. З. Р. I. № 189. 9.

2) Ibidem, вступительная статья.

3) Русскій текстъ испорченъ. Латинскій текстъ у Дзялынскаго — Zbior. Str. 83.

Сигизмундомъ „Члонки, которые маеть судити староста въ земли Дорогицкой“ [1]). Этимъ документомъ опредѣлена судебная компетенція Дорогицкаго старостинскаго уряда и урегулирована совмѣстная дѣятельность его и земскаго суда въ дѣлахъ, которыя они вѣдаютъ сообща. Старостинскому суду, суду старосты „на замку“, подлежатъ только „чотыри члонъки“, которые обозначены въ привилеѣ, а именно „кгвалтъ домовый, пожога, паненскій або невестскій кгвалтъ а розбой на добровольной дорозе“. Дѣла по „шкодамъ“ господарскому „дереву бортному“ разбираются выѣзжающею на мѣсто коммиссіею, состоящею изъ гаевника, городского вижа, двухъ коморниковъ (судьи и подсудка) и городского писаря. Если эта коммиссія не постановитъ окончательнаго рѣшенія дѣла, она представляетъ его старостѣ и судьѣ съ подсудкомъ, „и они маютъ тому конецъ вчинити“. Для разрѣшенія дѣлъ о границахъ выѣзжаетъ на мѣсто староста вмѣстѣ съ судьею и съ подсудкомъ, и письмоводство въ такихъ дѣлахъ принадлежитъ писарю старосты [2]). Въ военное дѣло староста не имѣетъ права мѣшаться: его вѣдаютъ судья и подсудокъ. Что касается избранія align вознаго, то послѣдняго „маеть староста посполъ зъ судьею и съ подсудъкомъ и со всею землею обирати“. Уже эти постановленія ясно показываютъ тенденцію ограниченія старостинской власти, но и по отношенію къ четыремъ старостинскимъ артикуламъ, отданнымъ въ исключительное вѣдѣніе суда старосты, пересказываемый документъ вноситъ существенное ограниченіе въ пользу земскаго суда: „а безъ лица злодейства староста не маеть судити — маеть судити судья съ подъсудъкомъ“. Иными словами, даже дѣла старостинскихъ артикуловъ переходятъ въ вѣдѣніе земскаго суда, если преступникъ не пойманъ съ поличнымъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда суду предстоитъ разбираться въ доказательствахъ совершенія преступленія обвиняемымъ.

2 марта 1516 года Дорогицкая земля получила новый при-

---

1) Цитируемъ по изданію въ XX-мъ томѣ Русской Исторической Библіотеки (ст. 665—666). Другія изданія этихъ „Члонковъ“ — Działyński, Zbior Praw Litewskich, str. 117—118 и А. З. Р. II, № 64.

2) „А светки маеть пописовати и листы судовые давати писарь старостинъ“.

вилей отъ того же великаго князя Сигизмунда [1]). Настоящій привилей выданъ господаремъ послѣ представленія ему прежде выданныхъ этой землѣ привилеевъ. Теперь Дорогицкой землѣ въ совершенно категорической формѣ дается Польское право, „jus Polonicum“, содержимое въ Польскихъ статутахъ. Этотъ привилей, указавъ на предоставленіе шляхтѣ и обывателямъ Дорогицкаго повѣта [2]) земскаго Польскаго права великими князьями Казиміромъ и Александромъ, признаетъ излишнимъ перечисленіе по артикуламъ того, что имѣется въ Польскихъ статутахъ, перечисленіе, которое дѣлали привилеи указанныхъ великихъ князей [3]).

1) Ponowienie nadania praw Polskich ziemi Drohickiej roku 1516. Działyński. Zbior praw Litewskich. Str. 118—121. Нужно думать, что одновременно съ Дорогицкимъ повѣтомъ получилъ подобный же привилей и повѣтъ Бѣльскій. Въ одномъ „вырокѣ“ Сигизмунда Стараго отъ 17 марта 1516 года стоитъ: „и земяне Бельскіи положили передъ нами привилей нашъ, который же есмо имъ на тое право дали“ (Р. Ист. Б. XX, ст. 886). Привилей 1501 года былъ данъ великимъ княземъ Александромъ, а не Сигизмундомъ, и эти слова указываютъ на выдачу этимъ послѣднимъ новаго привилея Бѣльскому повѣту.

2) „Quod licet nobiles et terrigenae nostri districtus Drohiciensis, de speciali concessione praedecessorum nostrorum, huius Magni Ducatus nostri Lithuaniae ducum, jure terrestri Polonico, more nobilium terrigenarum, in regno nostro Poloniae degentium, gauderent et uterentur, haberentque desuper litteras et munimenta eorundem praedecessorum nostrorum, videlicet, serenissimorum olim principum, foelicis recordationis, Kazimiri genitoris et Alexandri germani nostrorum, charissimorum Poloniae regum et hujus ducatus Lithuaniae ducum, successive concessa“.

3) „Quia tamen in eisdem literis seu privilegiis, coram nobis ad praesens originaliter productis et exhibitis, multa comperimus articulatim superuacanee descripta, quae in libris statutorum regni nostri Poloniae specifice et per expressum continentur, et juxta nonnulla, quae in perniciem, jacturam et opressionem non modicam eorundem subditorum nostrorum fuere adjecta: hoc idem jus Polonicum eisdem subditis nostris nobilibus et terrigenis, privilegiatis et non privilegiatis, hoc est, jus habentibus et non habentibus, districtus praefati Drohiciensis, praesentibus et futuris eorumque successoribus, conjunctim et diuisim, de certa scientia et gratia fauoreque speciali ducatibus nostris, de nouo iterum dandum et conferendum duximus, damusque et conferimus, in omnibus punctis, articulis et conditionibus, prout in libris statutorum regni Poloniae latius continentur, in eodem districtu nostro tenentes et obseruantes, omnes et singulos articulos juri praedicto Polonico, ac justitiae, quomodolibet contrarios, in literis et priuilegiis praefatis praedecessorum nostrorum praedictorum, uti praefertur, expressos et specificatos, oppressionem huiusmodi subditorum nostrorum

Польское право признается за Дорогицкою землею „in omnibus punctis, articulis et conditionibus, prout in libris statutorum regni Poloniae latius continentur“. Все, противорѣчащее въ старыхъ привилеяхъ Польскому праву, отмѣняется настоящимъ привилеемъ. Привилей подтверждаетъ отмѣну дѣтскихъ, какъ органа областного Дорогицкаго уряда, устанавляетъ обязательность употребленія латинскаго языка во всѣхъ судебныхъ вызовахъ „iuxta consuetudinem iuris terrestris Polonici“. Польскимъ правомъ, говоритъ привилей, предусмотрѣно, чтобы на земскіе и замковые уряды назначались люди осѣлые и родичи той земли, должностными лицами которой они дѣлаются. Поэтому и Дорогицкому повѣту гарантируется Сигизмундомъ I-мъ право избранія его обывателями земскихъ урядниковъ, но съ обязательнымъ утвержденіемъ ихъ господаремъ; что же касается урядниковъ замковыхъ, то право ихъ назначенія принадлежитъ исключительно великому князю, но изъ обывателей и родичей Дорогицкаго повѣта, притомъ обязательно католиковъ [1]). Отъ суда земскихъ урядниковъ и старосты аппелляція идетъ къ господарю. Наконецъ, Дорогицкій повѣтъ получаетъ особую повѣтовую земскую печать. Привилей 1516 года много разъ повторяетъ о руководствѣ Дорогицкаго повѣта Польскимъ правомъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ называетъ право Краковское и Мазовецкое, въ частности земли Плоцкой. Мы изложили основное содержаніе привилея, остальныя статьи его говорятъ о подробностяхъ.

Таковы привилеи, выданные Литовско-Русскими господарями Бѣльскому и Дорогицкому повѣтамъ. Привилей

---

praefatorum in se continentes, et in nihilum redigentes cassantesque et mortificantes ac extinguentes perpetuo et in aeuum tenore praesentium mediante“.

1) „. . . praesenti priuilegio nostro id ipsum singulariter instituimus et ordinamus, ut in eodem districtu Drohiciensi huiusmodi officiales terrestres, per liberam electionem indigenarum et uniuersorum nobilium conuentionaliter congregatorum, de jure communi regni fieri solitam, ad eadem officia sua, totiens quotiens per decessum uacatura, non nisi cum ratihabitione nostra ducali, successorumque nostrorum, Magni Ducatus Lituaniae ducum; castrenses vero, pro arbitrio nostro duntaxat, ex eisdem incolis et indigenis districtus praedicti Drohiciensis, per nos et successores nostros Lituaniae duces, dum modo uterque ipsorum officialium romanae religionis essent, deinceps instituerentur“.

повѣту Мельницкому не дошелъ до насъ. М. К. Любавскій полагаетъ, что, „можетъ быть, его даже и совсѣмъ не было, благодаря тому, что Мельницкій повѣтъ составлялъ прежде одно цѣлое съ Дорогицкимъ“ [1]). Дѣйствительно имѣются основанія для того, чтобы говорить о тѣсной связи этихъ повѣтовъ. Въ 1547 году Сигизмундомъ Августомъ Польское право было подтверждено обоимъ этимъ повѣтамъ вмѣстѣ, однимъ привилеемъ [2]). Можно думать, что самое выдѣленіе Мельницкаго повѣта изъ состава Дорогицкой земли произошло, благодаря возникновенію особаго для него состава шляхетскаго суда, который извѣстенъ актамъ уже въ эпоху до Дорогицкаго привилея 1516 года [3]). Но и по отношенію къ суду Мельницкій повѣтъ не былъ вполнѣ самостоятельнымъ округомъ до середины XVI столѣтія. Мельницкій подкоморскій судъ былъ учрежденъ только въ 1547 году [4]), и возможно, что до этого времени Мельницкій повѣтъ входилъ въ составъ судебнаго округа Дорогицкаго подкоморія [5]). Еще отъ 1550 года имѣемъ указаніе источниковъ, что въ Дорогицкомъ и Мельницкомъ повѣтахъ былъ одинъ общій хоружій [6]). Наконецъ, извѣстное уже намъ „Списанье поветовъ Великого Князства Литовского и врядниковъ въ нихъ“, составленное при введеніи повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, говоря о хоругви Подляшскаго воеводства, называетъ „хоруговъ Дорогицкую и Мельницкую“ [7]).

Обратимся теперь къ Литовско-Русскимъ актамъ и постараемся привлечь ихъ данныя къ характеристикѣ строя Подляшскихъ повѣтовъ въ эпоху дѣйствія изложенныхъ привилеевъ. Акты двухъ первыхъ десятилѣтій XVI столѣтія постоянно говорятъ объ особомъ правѣ Дорогицкаго

---

1) М. К. Любавскій. Обл. дѣленіе и мѣстное управленіе. Стр. 20. Ср. стр. 189.

2) Ibidem. Стр. 20.

3) См., нпр., указаніе на Мельницкихъ судью и подсудка въ документахъ, находящихся между актами января 1516 года — Р. Ист. Б. XX, ст. 255.

4) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 534, прим. 1.

5) См. I. T. Baranowski, op. cit., стр. 15, прим. 2.

6) Ibidem.

7) См. выше, стр. 105, прим. 2.

и Бѣльскаго повѣтовъ. „Право Дорогицкое“ [1]), „право Дорогицкое земское“ [2]), „право писаное Дорогицкое“ [3]), „право“ Бѣльское [4]) очень часто упоминаются актами. Оно признается и дѣйствуетъ. Но нужно отмѣтить, что въ началѣ XVI вѣка, по крайней мѣрѣ до привилея 1516 года, Дорогицкое право не было точно извѣстно Литовско-Русской центральной власти. Въ самомъ дѣлѣ, при разборѣ въ 1511 году одного суднаго дѣла Сигизмундомъ Старымъ совмѣстно съ его радою было постановлено: „маютъ въ томъ вси земяне Дорогицкіе опытаны быти — такъ ли естъ въ нихъ право“, какъ его примѣняетъ обжалованный судебный приговоръ Дорогицкаго намѣстника [5]). Что касается Польскихъ урядовъ въ Подляшьѣ, то они дѣйствуютъ во всѣхъ трехъ Подляшскихъ повѣтахъ въ первыя два десятилѣтія XVI вѣка. Акты знаютъ судей и подсудковъ [6]), возныхъ [7]), повѣтовъ Дорогицкаго, Бѣльскаго и Мельницкаго, знаютъ и подкоморіевъ двухъ первыхъ повѣтовъ [8]). Упоминаются источниками и книги повѣтовыхъ судовъ въ ихъ значеніи хранилища приговоровъ и документовъ [9]).

Мы видѣли выше, что съ теченіемъ времени Литовско-Русская шляхта стала смотрѣть на судебный строй Подляшья, какъ на желательный для перенесенія и въ остальныя земли Литовско-Русскаго государства. Иными глазами смотрѣлъ на этотъ строй тотъ классъ Княжества, который держалъ въ рукахъ главное вліяніе на ходъ его жизни. Паны относились отрицательно къ институтамъ Польскаго

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 213, 214, 269, 344, 345, 612, 655.

2) Ibidem. Ст. 656—657.

3) Ibidem. Ст. 342.

4) Ibidem. Ст. 886—887.

5) Р. Ист. Б. XX. Ст. 664.

6) Нпр., судья Дорогицкій (Р. Ист. Б. XX, ст. 662—663, 787—788, 1183 -1184), подсудокъ Дорогицкій (ibidem, ст. 662), судья Бѣльскій (ibidem, ст. 153, 206, 302, 346, 387, 417, 982, 1549), судья Мельницкій (ibidem, ст. 255, 1035), подсудокъ Мельницкій (ibidem, ст. 255).

7) Нпр., ibidem, ст. 268, 283, 663, 1184.

8) Нпр., ibidem, ст. 1033, 1444.

9) Нпр., ibidem, ст. 213, 214, 215, 268 и др. Кромѣ судебныхъ урядовъ на Подляшьѣ рано упоминаются и войскіе, которыхъ еще не было въ это время въ другихъ земляхъ Княжества, нпр., войскій Дорогицкій (ibidem, ст. 283, 900), войскій Бѣльскій (ibidem, ст. 655).

права, созданнымъ въ Подляшскихъ повѣтахъ. Представители этого класса, получавшіе староститскіе уряды въ Подляшьѣ, оказывались ограниченными въ своихъ правахъ, къ которымъ они привыкли, занимая такіе же уряды въ остальныхъ земляхъ Княжества, притомъ иногда одновременно съ Подляшскими. Указанія на борьбу старостъ съ Польскимъ правомъ Подляшья акты сохранили отчетливо. Такъ, въ 1509 году въ Краковѣ Сигизмунду Старому жаловался Дорогицкій намѣстникъ, господарскій маршалокъ, панъ Янъ Литаворъ Хребтовичъ, что Дорогицкій судья Николай Водынскій дѣлалъ въ Дорогичинѣ „съемъ" и что „тамъ месту его милости Дорогицкому кгвалтъ, розъкрываванье сталося черезъ того судью и его помочники". Водынскій объяснилъ, что „онъ того сойму не справялъ, нижли роки были, подлугъ звычая земъского, а земяне Дорогицкіи вси на роки зъехалися и къ листу господаръскому". Но панъ Литаворъ возразилъ: „а въ Соколове, на Божъе Тело, съемъ есте мели съ чіею волею?"[1]) Между записями 1512 года въ Литовской Метрикѣ сохранилась жалоба того же пана Литавора, что Дорогицкіе земяне „справуються и рядять не подлугъ ихъ права писаного". Отвѣтомъ на эту жалобу было приказаніе великаго князя „подъ его милости господаръскимъ великимъ караньемъ", чтобы Дорогицкіе земяне строго держались права, дарованнаго имъ великими князьями Казимиромъ и Александромъ и подтвержденнаго Сигизмундомъ[2]). Можно думать, что и изложенные нами выше привилеи 1511 и 1516 годовъ, данные Дорогицкому повѣту, должны быть разсматриваемы въ связи съ этою борьбою господарскихъ намѣстниковъ съ неудобнымъ для нихъ Подляшскимъ строемъ. Если это было такъ, то привилей 1516 года былъ, конечно, серьезнымъ пораженіемъ намѣстниковъ.

Но проявленія недовольства Подляшскими порядками со стороны Литовско-Русскихъ пановъ не прекратились и послѣ 1516 года. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія Троцкій воевода, панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ жаловался великому князю Сигизмунду: „кривда и ущипокъ"

---

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 1183—1184.

2) Ibidem. Ст. 1186.

дѣластся Троцкому воеводѣ тѣмъ, что господарь писалъ „до всего повету Белского, абы ся не отзывали ни до кого, толко до старосты“. Гаштольдъ находилъ такой новый порядокъ „з великимъ утисненемъ справедливости ихъ, ижь то имъ отнято, што передъ тымъ бывало“, а именно право, въ случаѣ „кривды“ отъ судьи или старосты, аппеллировать въ отсутствіи господаря къ Троцкому воеводѣ. Гаштольдъ просилъ великаго князя, чтобы онъ далъ ему „листъ свой до повѣту Белского“ — „естли бы кому отъ старосты, або отъ суди кривда у правѣ была, а о то звался бы до воеводы, абы имъ того не бороняли, а тамъ бы предъ“ Гаштольдомъ „собе справедливости дотягали, яко предъ воеводою, ведлугъ давности“ [1]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что панъ Гаштольдъ этимъ больше отстаивалъ интересы и права Троцкаго воеводскаго уряда, въ округъ воеводства котораго входило Подляшье, чѣмъ интересы правосудія, какъ таковаго.

Но, рядомъ съ указаніями на недовольство Подляшскимъ судебнымъ строемъ среди отдѣльныхъ Литовско-Русскихъ пановъ, источники сохранили указанія на выраженіе такого недовольства цѣлою радою Великаго Княжества Литовскаго. Въ 1538 году къ Сигизмунду Старому въ Краковъ прибыли панъ Станиславъ Орвидъ и панъ Миколай Юньдилъ въ посольствѣ „отъ пановъ радъ Князства Великого Литовского и отъ всего рыцерства“, съ Новгородскаго сейма, обсуждавшаго дѣла безъ присутствія великаго князя [2]). Паны-рада „казали“ этимъ посламъ о Подляшьѣ „припоменути“ господарю слѣдующее. На своихъ судебныхъ съѣздахъ [3]) паны-рада встрѣчаются съ листами, представляемыми отъ подсудимыхъ „абы ихъ панове не судили“. Этихъ листовъ паны-рада „не повинни подлѣ права приймовати, которые выходять ку отволоцѣ справедливости, яко ся то частокроть трафуеть, ижъ и до повѣту Бѣльского и до повѣту Мельницкого, которые, ачъ кольвекъ ся своими особливыми справы межи собою справують, а предся въ

---

1) Сборникъ Матеріаловъ I. Малиновскаго. Стр. 399.

2) Объ этомъ сеймѣ см. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 273—282.

3) Объ этихъ съѣздахъ — I ст., VI, 5 и 7.

тѣлѣ Великого Князства Литовского сѣдять; одначе жъ и тые повѣты листовъ таковыхъ, которые бы вышли отъ" господаря „напротивку статуту ихъ, не пріймують и во всѣмъ статутомъ своимъ справуються". Судебный строй Подляшья, съ его самостоятельностью, приходитъ въ столкновенія съ общимъ судебнымъ строемъ Княжества, и паны-рада требуютъ уступки отъ Подляшья въ такихъ случаяхъ, а не уступки со стороны цѣлаго Литовско-Русскаго государства. Господарю паны-рада поручаютъ передать: „естли же, милостивый королю, тые вышей реченые повѣты, будучи члонки Великого Князства, права своего уживають и листовъ отъ вашое милости противку права своего не пріймують, а и ваша милость тежъ, господаръ нашъ, завжды оныхъ повѣтовъ при ихъ правѣ заховати звыкла, про то жебы тежъ и Великое Князство, яко голова оныхъ повѣтовъ, не мѣло ся справовать и во всемъ заховано быть подлѣ права своего посполитого, всему оному панству Великому Князству и землямъ и повѣтомъ даного, але жебы хто кольвекъ якого непослушенства паномъ ихъ милости противу листомъ вашое милости не привлащилъ, тогды ихъ милость, яко повольные слуги, и таковые листы праву своему противные пріймують, и, естли же ваша милость повѣты Великого Князства при ихъ статутѣхъ заховывати рачишъ, панове ихъ милость покорнѣ просять, абы и все Великое Князство при своемъ посполитомъ правѣ было заховано" [1]).

Эта просьба пановъ-радъ отстаиваетъ права Литовско-Русскаго государства во всѣхъ земляхъ, которыя въ его составъ входятъ. Панская тенденція въ ней закрыта идеей государственной. Совершенно открыто выступаетъ эта тенденція въ другой просьбѣ, представленной великому князю тогда же. Жомонтскій староста [2]) „передъ паны радами и передъ всимъ посполыствомъ оповѣдалъ жаль и зельжене стану своего и вказывалъ листъ позовный намѣстника Браньского и Суражского Миколая Корицкого подъ тытуломъ и подъ печатью его, гдѣ пишеть, приказуючи пану старостѣ, абы очевистѣ передъ нимъ альбо передъ его памѣстникомъ ку праву сталъ". Передъ нами выступаетъ

---

1) А. Ю. и З. Р. I. № 101 (стр. 95).

2) Панъ Янъ Миколаевичъ Радивилъ.

другая сторона Подляшскаго судебнаго строя, съ которою не могло мириться Литовско-Русское панство, избалованное своимъ исключительнымъ положеніемъ въ государствѣ: пановъ, которые не судятся въ повѣтахъ[1]), повѣтовый судъ осмѣливается привлекать на свой форумъ, притомъ это дѣлаетъ урядникъ, стоящій по своему положенію неизмѣримо ниже раднаго пана. Оскорбленіе ясно чувствуется въ тѣхъ словахъ, которыя рада Княжества поручила передать господарю по поводу этого дѣла: въ вызовѣ къ Подляшскому суду „немалое зельженье особы пана старостиное, не послѣднѣйшое рады вашое милости, замыкаеться, абы мѣлъ панъ староста, такъ поважная особа рады вашое милости, обличнѣ становитися передъ такъ ровнымъ чоловѣкомъ, а[2]) звлаща передъ врядникомъ его, яко опъ описуеть; жаль бы ся того, милый Боже, абы рада вашое милости оного панства Великого Князства къ таковому зниженью становъ своихъ мѣли приходити; и казали панове рада то вашой милости повѣдити, ижъ мають ихъ милость право посполитое, всему панству отъ вашое милости даное, которымъ ся справують и судять, и подъ нимъ сѣдять и съ него ся веселять; а подъ право Польское, которое собѣ земяне повѣту Бѣльского упросили, не поддапы суть панове рада и вся земля Литовская, але овшемъ зъ него вызволены“ [3]). Въ виду всего этого паны-рада просятъ великаго князя ихъ „при правѣхъ и вольностяхъ ихъ заховать, абы ку легкости становъ своихъ не были на томъ таковыми неслушными листы передъ врядникомъ повѣту Бѣльского потягиваны“. Соотвѣтствующее приказаніе должно быть послано великимъ княземъ и Бѣльскимъ урядникамъ, притомъ господарь долженъ имъ „грознѣ росказать, ажебы ся учтивѣ противъ особамъ радъ“ господарскихъ „заховали“ [4]).

---

1) См. выше, стр. 18.

2) Исправляемъ изъ „о“ изданія.

3) „Кгдыжъ ся такъ въ каждомъ правѣ заховываеть, и въ духовномъ и въ цесарскомъ, же тотъ, хто жалуеть на кого, маеть его тымъ правомъ доходити, подъ которымъ оный, на кого жалуеть, сѣдить, а не тымъ правомъ, подъ которымъ самъ жалобникъ сѣдить; а такъ, естли же што панъ староста будетъ кому съ повѣту Бѣльского виненъ, хочеть каждому правъ быти въ своемъ правѣ, на роцѣхъ судовыхъ передъ паны радами, а ни передъ врядникомъ Суражскимъ.“

4) А. Ю. и З. Р. I. № 101 (стр. 95—96).

Итакъ, въ основѣ недовольства Подляшскими судебными порядками, обнаруживающагося въ заявленіяхъ Литовско-Русскаго правящаго класса, отмѣчаются двѣ тенденціи: 1) аристократическая тенденція панскаго класса и 2) тенденція государственная — стремленіе охранить государственные институты Княжества въ ихъ общемъ для всего Литовско-Русскаго „панства“ значеніи. Подляшье дѣйствительно должно было останавливать на себѣ вниманіе рады Великаго Княжества Литовскаго, какъ хранительницы государственнаго достоинства и цѣлости государства. Хорошо извѣстно различіе взглядовъ на отношенія Польши и Княжества, на смыслъ и значеніе ихъ связей, которое существовало въ обоихъ этихъ государствахъ. Рада Великаго Княжества Литовскаго должна была бдительно охранять свое „панство“ отъ всякихъ поползновеній на него со стороны Польши, и съ этой точки зрѣнія Подляшье при дѣйствіи въ немъ Польскаго права, при неупотребленіи его урядами государственнаго, т. е. русскаго, языка и при пограничности его съ Польшею не могло не возбуждать извѣстныхъ опасеній. Въ самомъ дѣлѣ, источники знаютъ заявленія господарю „отъ княжатъ и панятъ и отъ земянъ пограничныхъ о кривдахъ ихъ незносныхъ, который маютъ отъ пановъ Поляковъ и отъ пановъ Мазовшанъ“ [1]), знаютъ и заботы о точномъ опредѣленіи границъ съ Мазовіей [2]), знаютъ и укрывательства преступниковъ изъ Княжества въ Мазовіи [3]). Рада Литовско-Русская должна была и изъ соображеній государственныхъ зорко слѣдить за Подляшьемъ; она должна была бороться противъ установленія его слишкомъ тѣсныхъ связей съ Польшею, опасныхъ для Литовско-Русскаго „панства“ [4]). Въ то же время она должна была и охранять обще-государственную идею Княжества, когда ей грозилъ ущербъ со стороны внутренняго строя Подляшья, имѣвшаго тенденцію развиваться дальше на основѣ Польскаго права, а не хранить лишь то, что было даровано ему господарскими привилеями.

Судебный строй Подляшскихъ повѣтовъ не былъ однимъ

---

1) А. З. Р. III. № 4 (13).

2) Р. Ист. Б. XX. Ст. 1040—1041, 1058—1062, 1193—1194.

3) Нпр., ibidem, ст. 1306.

4) Ср. А. З. Р. II, № 222.

и тѣмъ же за все время отъ дарованія имъ великими князьями уставныхъ грамотъ до отторженія ихъ къ Польшѣ въ 1569 году. Въ самомъ дѣлѣ, начало избранія повѣтовою шляхтою своихъ земскихъ урядниковъ не принадлежало этимъ повѣтамъ въ болѣе ранніе годы XVI столѣтія. Такъ, „листъ Миколаю Водынскому на судейство Дорогицкое по смерти Завишиной“, выданный Сигизмундомъ Старымъ 10 января 1507 года[1]), ни слова не говоритъ объ избраніи на судейскій урядъ Водынскаго Дорогицкою шляхтой. Господарь просто назначаетъ его на „судейство Дорогицкое“, если надъ больнымъ судьею Завишею „Божья воля станеться“, и дѣлаетъ это по простому челобитью Водынскаго. Мы видѣли выше[2]), что Бѣльскій привилей 1501 года молчитъ о выборѣ земянами судьи и подсудка. Этотъ выборъ устанавливается лишь Дорогицкимъ привилеемъ 1516 года[3]). Но и послѣ изданія этого привилея извѣстны случаи единоличнаго назначенія господаремъ земскихъ урядниковъ, на что изъ Подляшья жаловались еще въ 1551 году[4]). По отношенію къ замѣщенію уряда подкоморія также нужно признать сохраненіе господаремъ права назначенія на этотъ урядъ исключительно по своему желанію. Въ 1547 году на Виленскомъ сеймѣ шляхта Мельницкаго повѣта просила великаго князя объ учрежденіи въ ея повѣтѣ уряда подкоморія, безъ котораго трудно разбирать „граничныя справы“. Господарь учредилъ этотъ урядъ, но объявилъ, что назначитъ на него опредѣленное лицо лишь позднѣе, притомъ кого самъ пожелаетъ[5]). Можно думать, что, даровавъ Польское право Подляшью, Литовско-Русскіе господари не очень охотно поступались въ его пользу своими прерогативами и далеко были не прочь отъ расширенія на его счетъ правъ своей „звирхности господарской“. Не совсѣмъ сочувственно встрѣчалось и требованіе Подляшанами осѣлости въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ для ихъ должностныхъ

---

1) Приложеніе № 14 къ Областному дѣленію и мѣстному управленію М. К. Любавскаго.

2) Стр. 151.

3) См. выше, стр. 155.

4) I. T. Baranowski. Op. cit. Str. 22.

5) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 534, прим. 1.

лицъ. Уступая въ этомъ по отношенію къ однимъ урядамъ, господарь вовсе не былъ склоненъ этого дѣлать по отношенію къ другимъ еще въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія [1]). Не желалъ великій князь отказываться и отъ своихъ правъ на спадковую шляхту Подляшья, что выводило ее изъ подъ Польскаго шляхетскаго суда; онъ сохранялъ ее по всѣмъ дѣламъ въ присудѣ господарскаго старосты-державцы [2]).

Привилеи, данные великими князьями Подляшскимъ повѣтамъ, разсмотрѣнные нами выше, говорятъ о повѣтовомъ судѣ, его организаціи и правѣ, которымъ этотъ судъ долженъ руководствоваться въ своей дѣятельности. Они молчатъ объ остальныхъ сторонахъ повѣтоваго строя; отсюда, естественно, надо заключать, что онѣ были такими же, какъ и въ остальныхъ частяхъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ указанномъ выше [3]) столкновеніи Дорогицкаго намѣстника Яна Литавора Хребтовича съ земскимъ Дорогицкимъ судьею ясно замѣтно опасеніе шляхетскихъ собраній въ формѣ, не сходной съ обычною формою этихъ собраній въ Княжествѣ вообще. Послы Подляшскихъ повѣтовъ на вальные сеймы до реформы 1565—1566 годовъ избирались, повидимому, такъ же, какъ это дѣлалось и въ остальныхъ земляхъ Литовско-Русскаго государства, т. е. безъ созыва господарскими листами мѣстной шляхты въ предсеймовыя собранія и безъ отправки на эти собранія господарскихъ пословъ, которые сообщали бы собравшейся шляхтѣ о предметахъ занятій предстоящаго сейма. Правда, что и на сеймахъ до реформы 1565—1566 годовъ встрѣчаемъ пословъ отъ каждаго Подляшскаго повѣта отдѣльно, а не отъ цѣлой земли Подляшской, но и сеймовые представители остальныхъ частей Литовско-Русскаго государства бывали на сеймахъ не только отъ цѣлыхъ крупныхъ земель-воеводствъ, но и отъ частей послѣднихъ. Такъ, на Виленскомъ сеймѣ 1559 года госпо-

---

1) На Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ осѣлость въ повѣтѣ была признана обязательною для войскихъ (ibidem, стр. 191 192), но встрѣтила затрудненія въ признаніи для старосты, хотя и не для остальныхъ гродскихъ урядовъ (ibidem, стр. 190).

2) Ibidem. Стр. 493.

3) Стр. 158.

дарю были принесены просьбы какъ земель Жомоитской и Полоцкой и повѣта Витебскаго, такъ и повѣта Мстиславскаго[1]), бывшаго частью воеводства Виленскаго. Представителями Подляшскихъ повѣтовъ на вальныхъ Литовско-Русскихъ сеймахъ ко времени реформы 1565—1566 годовъ были хоружіе и послы, точно такъ же, какъ и отъ остальныхъ земель Княжества; черезъ нихъ „zwykłem obyczaiem" передавали на сеймы свои просьбы повѣты Подляшья, какъ свидѣтельствуетъ текстъ отвѣтовъ Сигизмунда Августа на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ[2]). На тотъ же Виленскій сеймъ 1565—1566 годовъ Бѣльскій, Дорогицкій и Мельницкій повѣты представили просьбы о томъ, чтобы у нихъ отбывались сеймики по Коронному обычаю и чтобы къ нимъ въ повѣты господарскіе листы писались на латинскомъ или польскомъ языкахъ, такъ какъ русскаго языка они не понимаютъ. Отвѣтомъ Сигизмунда Августа было слѣдующее: все Великое Княжество Литовское раздѣлено на новые повѣты „dla sądow y innych przypadkow ziemskich", въ этихъ повѣтахъ учреждены сеймики; сеймики будутъ всегда отбываться и въ Подляшскихъ повѣтахъ, но не иначе, какъ по разрѣшенію и распоряженію господаря, притомъ въ то же самое время, когда они будутъ собираться и въ остальныхъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ. По отношенію къ требованію латинскаго или польскаго языка великій князь высказался такъ: не на русскомъ языкѣ въ Подляшье пишутся изъ господарской канцеляріи лишь листы судебнаго содержанія, по вопросамъ же земскимъ листы по всѣмъ повѣтамъ Княжества пишутся по-русски, но господарь распорядится, чтобы такіе листы посылались въ Подляшье и на польскомъ языкѣ[3]). Но немного позднѣе, на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, Сигизмундъ Августъ категорически отказалъ Подляшью въ его желаніи относительно языка господарскихъ листовъ. На просьбу Дорогицкаго повѣта, чтобы въ него „листы съ канцелярыи его королевской милости латинскіе, або полскіе

---

1) А. З. Р. III. № 24.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 184.

3) „Wszakoz roskaze iego kro. msc., aby tez y polskim pismem takowe rzeczy czasem s cancellaryey do was odprawowano". Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 186.

выдаваны были, а не рускіе", великій князь отвѣтилъ: „яко первей завжды, такъ и теперъ маютъ[1]) быти листы съ канцлереи его королевской милости писаные и выдаваны рускимъ писмомъ и языкомъ по всему панству его королевской милости Великому Князьству Литовскому" [2]). Самые отвѣты господаря, какъ и просьбы Подляшскихъ повѣтовъ, вошли въ акты Городенскаго сейма 1568 года на русскомъ языкѣ [3]), а не на польскомъ, какъ это бывало раньше. Объяснять это строгое требованіе общаго государственнаго языка Великаго Княжества Литовскаго въ исходѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, конечно, нужно, съ одной стороны, ростомъ сознанія государственнаго единства Княжества, бывшимъ результатомъ конституціи II-го статута, и естественнымъ желаніемъ Литовско-Русскихъ становъ подчеркнуть это единство въ виду близости Уніи съ Польшею — съ другой [4]).

По отношенію къ сбору серебщины Подляшье не выдѣлялось по сравненію съ остальными землями Великаго Княжества Литовскаго, какъ не выдѣлялось и по общей организаціи земской военной службы. Мы видѣли выше [5]), что въ эпоху до реформъ 1565—1566 годовъ въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ чрезвычайная серебщина собиралась со шляхты хоружими. Такой же способъ ея сбора существовалъ и на Подляшьѣ: ее собираетъ хоружій [6]), а не повѣтовые поборцы, какъ это повелось въ годы послѣ реформы. Земская военная служба на Подляшьѣ также не выдѣляла его изъ ряда остальныхъ земель Литовско-Русскаго государства. Имѣя своего воеводу, Подляшье не образовало собою особой части земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго, а входило въ составъ военнаго округа Троцкаго

---

1) Исправляемъ изъ „маеть" изданія.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 492.

3) Ibidem. Стр. 491—493.

4) Въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія сознаніе государственнаго значенія русскаго языка въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ видно и изъ того, что земскіе привилеи этого времени составлялись на русскомъ языкѣ исключительно. И. В. Якубовскій. Земскіе привилеи Великаго Княжества Литовскаго. Журн. Мин. Нар. Пр. 1903. IV. Стр. 275—276.

5) Стр. 4.

6) Приложеніе № 11 къ Литовско-Русскому сейму М. К. Любавскаго.

воеводы [1]), въ то время какъ Жомойть и Волынь образовали особые военные округи, отдѣльные отъ округовъ Виленскаго и Троцкаго воеводъ, — Жомойть становилась въ общемъ собраніи земскаго войска Княжества подъ начальствомъ своего старосты, Волынь — подъ начальствомъ маршалка земли Волынской [2]).

Итакъ, отличіемъ Подляшья отъ остальныхъ земель Литовско-Русскаго государства, признаннымъ привилеями, выданными ему великими князьями, были лишь организація суда его повѣтовъ и Польское право, которымъ эти суды должны были руководиться. Но рядомъ съ этимъ юридически закрѣпленнымъ отличіемъ Подляшскіе повѣты имѣли и отличіе, которое должно быть признано болѣе глубокимъ, которое и вызвало утвержденіе въ немъ Польскаго права. Разумѣемъ бытовой укладъ Подляшья, явившійся результатомъ его предшествующей жизни и состава его шляхетнаго населенія. Бытовой укладъ жизни Подляшья несомнѣнно стоялъ гораздо ближе къ укладу Польскому, чѣмъ къ Литовскому и Русскому [3]). Дѣленіе шляхты Дорогицкаго и Бѣльскаго повѣтовъ на парафіи [4]) бросается въ глаза при просмотрѣ списковъ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго: его нѣтъ въ перечняхъ земскихъ воиновъ ни одной изъ остальныхъ Литовско-Русскихъ земель. Останавливаетъ на себѣ вниманіе и желаніе имѣть дѣло лишь съ латинскимъ или польскимъ языками въ листахъ господарскихъ и вообще въ документахъ, съ которыми приходится имѣть дѣло шляхтѣ Подляшскихъ

---

1) См. выше. стр. 31.

2) См. М. К. Любавскій, Обл. дѣленіе и мѣстн. управленіе, стр. 211 и 855—856.

3) Сдѣланная Я. Ѳ. Головацкимъ попытка обрисовать бытъ Подляшской шляхты не можетъ быть признана удавшеюся, такъ какъ въ его брошюрѣ, посвященной изученію этого быта, въ дѣйствительности приведенъ матеріалъ, касающійся почти исключительно Городенскаго повѣта (№№ II—VI его выписокъ изъ актовыхъ книгъ Виленскаго Центральнаго Архива), т. е. территоріи такъ называемой Руси Литовской или Черной Руси. Къ Подляшью относится лишь одинъ изъ приведенныхъ въ этой брошюрѣ документовъ (№ I). Яковъ Головацкій. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, т. е. въ нынѣшней Сѣдлецкой и Гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія. Вильна 1888.

4) См. выше, стр. 10 и 32. Ср. „Пописъ“ 1567 года листы 378—674.

повѣтовъ: первый изъ этихъ языковъ былъ ей знакомъ, какъ языкъ католической церкви и судебныхъ документовъ[1]), второй былъ, очевидно, языкомъ, на которомъ она говорила. Были и другія особенности, бросающіяся въ глаза даже при простомъ просмотрѣ источниковъ, говорящихъ о Подляшьѣ. Къ числу ихъ можетъ быть отнесено хотя бы настолько распространенное обращеніе Польской монеты, что Польскіе золотые считались болѣе обычною монетою Подляшья, чѣмъ Литовскіе гроши[2]). Особое положеніе Подляшья въ составѣ земель Великаго Княжества Литовскаго ясно сознавалось и въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, когда, какъ мы видѣли выше, Литовско-Русскіе станы такъ старались отстаивать государственное единство Княжества. Въ рецессѣ Городенскаго сейма 1566—1567 годовъ находимъ постановленіе о производствѣ новой помѣры въ Подляшской землѣ для болѣе правильнаго распредѣленія повинностей по зем-

---

1) См. Яковъ Головацкій, op. cit., стр. 8 (выписка изъ книги Дорогичинскаго земскаго суда). Ср. Р. Ист. Б. XX, ст. 900 (записной листъ, „писаный по-латине").

2) Такъ, въ записи одного суднаго дѣла, сдѣланной 22 февраля 1566 года, читаемъ слѣдующее. — „Панъ Рафалъ, оказавши у права моцъ зуполную отъ малжонки своее Ганны Федоровны, черезъ умоцованого пріятеля своего Якуба Кресинского поведилъ, ижъ на тотъ позовъ отказывати не повиненъ, абовемъ не водлугъ обычаю въ немъ монета описана, ачъ золотые поменилъ, шесть сотъ золотыхъ полугрошковъ Литовское монеты, але не описалъ у позве, естли черленые золотые, если Польскіе, а Литовскихъ золотыхъ ни якихъ нетъ, и тые золотые якою личбою монеты личоны быти мають? Бо инъшая личба черленымъ золотымъ, а инъшая Польскимъ, о што они не ведають, яко отъказовати. И просилъ, абы ся на позве поправовалъ а того доложылъ, якіе золотые, бо, чого на позве доложоно не будеть, на то сторона отказовати не повинъна. Отъ Тура прокураторъ его Аньдрей Романовскій поведилъ: позовъ естъ узятъ подле листу описного; яко на листе черлеными золотыми не поменено, такъ тежъ и на позве писати мусялъ; а ижъ то на Подъляшъю деелосе, пре то золотыми описано подълугъ звычаю тамошнего Подъляшъского". Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. л. 1—1 об. Весь документъ находится на л. л. 1—4 об. Его заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Справа Яна Туровича съ паномъ Рафаломъ Прокулеемъ и малъжонкою его Ганъною о шесть сотъ золотыхъ оправы матки его Барбары, о[тъ] отца его Курыла Тура на третей части именей Литвиновскихъ записаное". Ср. артикулъ „о отпущенье золотого военного Подляшаномъ" въ ухвалѣ Городенскаго сейма 1568 года (Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 475).

ской военной службѣ, такъ какъ „Подляшане тежъ ровно з Литвою войну служити маютъ“. Эта помѣра должна быть произведена не совсѣмъ обычнымъ порядкомъ, а именно — „черезъ комисаровъ, з Литвы и съ Подляшъя на то высланыхъ“ [1]). То же особое положенiе Подляшья отмѣчается документами и не государственнаго значенiя. Такъ, въ одной изъ записей Литовской Метрики, относящихся къ судебному дѣлу князя Петра Стефановича Збаражскаго съ панами Кишками о наслѣдствѣ послѣ пана Станислава Петровича Кишки, говорится объ именiяхъ въ Литвѣ, на Руси, на Волыни и на Подляшьѣ [2]). Выдѣленiе Подляшья изъ остальныхъ земель Великаго Княжества Литовскаго отмѣчается и другими документами [3]). Языкъ актовъ Литовско-Русскихъ

1). Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 452 (артикулъ 4).

2) „Лета Божъего Нароженья тисеча пятсотъ 69 м[е]с[е]ца ноябр[а] 8 дня. Г[о]с[по]д[а]ръ король его милость и великiй князь Жикгимонтъ Августъ рачылъ росказати до книгъ своихъ г[о]с[по]д[а]ръскихъ записати. Што которая справа межы тыми особами, з одное стороны — княземъ Петромъ Стефановичомъ Збаразскимъ, воеводичомъ Троцкимъ, з другое стороны — паномъ Миколаемъ Петровичомъ Техановъскимъ Кишкою, воеводою Подляшъскимъ, старостою Дорогицкимъ, а крайчимъ Великого Князства Литовъского, паномъ Яномъ Кишкою и братомъ его милости паномъ Станиславомъ, Станиславовичи Кишчичи, воеводичи Витебъскими, и сестрою ихъ панъною Ганъною — то естъ о именья Каменьѣ, Жобринъ, Воротнево и данники на Руси Лукомъцы и о иншiе именья, къ нимъ прислухаючiе, въ Литве, на Руси и на Волыни, и на Подляшю, и о доходы съ тыхъ именей, и тежъ о скарбы, чого князь Петръ Збаразскiй на панехъ Кишкахъ доходить по пане Станиславе Петровичу Кищичу, яко матерызны пана Станиславовы, на него правомъ слушнымъ спалое, ино г[о]с[по]д[а]ръ его милость . . . . .“ Запись эта находится на л. л. 211—215 книги 51 Литовскихъ Судныхъ Дѣлъ Метрики Литовской. Заголовокъ записи: „Зложенье року на вырокъ князю Збаражскому съ паны Кишками о маетность по пану Станиславе Кище“. По дѣлу князя Збаражскаго и пановъ Кишекъ есть еще нѣсколько документовъ въ той же книгѣ.

3) Напримѣръ, „листъ умоцованый Анъдрею Мацкевичу на доходженье правомъ именей, отъ воеводы Полоцкого его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] записаныхъ по малжонце его пани Петрунели Радивиловне“, отъ имени Сигизмунда Августа говоритъ такъ — „Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ кому бы то належало ведати. Што которое право и листы воевода Полоцкiй, панъ Станиславъ Станиславовичъ Довойно отъ малжонки своее, небощыцы панее Петрунели Радивилевны, на две части всихъ именей, у Великомъ Князстве Литовъскомъ и на Подъляшъю лежачыхъ, въ певной суме пенезей, такъ же золото, серебро, клейноты и

даже времени после Люблинской Уніи хорошо помнитъ главныя составныя части Великаго Княжества Литовскаго, независимо отъ оффиціальнаго раздѣленія его на воеводства и повѣты, а по отношенію къ Подляшью это было тѣмъ естественнѣе, что оно выдѣлялось изъ состава земель Княжества уже извѣстными намъ особенностями своего внутренняго строя [1]).

Что́ же давало Подляшье Литовско-Русской шляхтѣ своимъ строемъ въ эпоху до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ? Это были несомнѣнно впечатлѣнія судебной организаціи, которыя сводились къ большей свободѣ Подляшской шляхты отъ пановъ Княжества. Общая подсудность панства и шляхетства одному и тому же шляхетскому суду была яркимъ выраженіемъ идеи равенства обѣихъ этихъ частей „народа" государства. Середина XVI столѣтія была временемъ, когда шляхта Литовско-Русскаго государства совершенно опредѣленно стремилась къ превращенію въ такихъ же „пановъ", какими былъ панскій классъ, стоявшій надъ нею. Она хочетъ такихъ же панскихъ правъ, она хочетъ и сліянія съ собою пановъ въ единый „народъ-шляхту". Торжествомъ шляхетскаго движенія середины XVI столѣтія и были реформы шестидесятыхъ годовъ этого вѣка. Въ годы этого движенія до реформы шляхта остальныхъ земель Великаго Княжества Литовскаго встрѣчалась съ Подляшанами и на вальныхъ сеймахъ, и въ военныхъ сборахъ и походахъ. Этого мало, часть ея владѣла имѣніями на Подляшьѣ. Знакомство съ судебнымъ строемъ Подляшской земли распространялось все больше и больше среди Литовско-Русской шляхты, и общія впечат-

вси речы рухомые, ему певнымъ записомъ описаные, маеть, тогды съ певныхъ а слушныхъ прычынъ вышеречоный воевода Полоцкій оные две части именей Литовъскихъ и Подлясъскихъ, такъ же золота, серебра и речей рухомыхъ, отъ вышей менованое малжонки его ему записаныхъ, намъ г[о]с[по]д[а]ру пустилъ а все право свое на насъ вмилъ и то певными записы своими достато́чне описалъ . . . ." Документъ находится на л. л. 176 об. — 177 книги 51 Литовскихъ Судныхъ Дѣлъ Метрики Литовской. Дата его: Люблинъ, 16 апрѣля 1569 года.

1) Такъ, долго еще сохранялось именованіе „землями" воеводствъ Полоцкаго и другихъ, или староства Жомоитскаго (нпр., Вил. Арх. Сб. I, № 50; см. ниже, Приложенія, стр. 31, 72, 85 и др.).

лѣнія этого строя, естественно, запоминались ею: они падали на благопріятную почву стремленій шляхты Княжества къ уничтоженію исключительнаго положенія пановъ въ государствѣ. Вопросъ о томъ Польскомъ правѣ, которымъ руководились Подляшскіе суды въ своей дѣятельности несомнѣнно любопытенъ, и нужно желать, чтобы историки Польскаго права подвергли его детальному изученію на основаніи актовъ судовъ Подляшья. Но, конечно, не это уголовное или гражданское право въ его артикулахъ привлекало къ себѣ Литовско-Русскую шляхту, а общія очертанія большей независимости шляхтича отъ пана и одинаковой ихъ подсудности останавливали на себѣ ея вниманіе, страстно искавшее новыхъ основаній для того, чтобы добиться осуществленія стремленія къ торжеству шляхетской идеи. Шляхта Княжества добивается выборнаго шляхетскаго суда въ каждомъ хоружествѣ [1]) и осѣлыхъ шляхетскихъ возныхъ [2]) по примѣру Подляшья — первый передастъ въ руки шляхетскаго суда судебную власть изъ рукъ вельможнаго пана, господарскаго намѣстника, а учрежденіе вторыхъ отниметъ у него право посылать на оффиціальныя освидѣтельствованія кривдъ, ранъ и т. п. своихъ слугъ, которымъ не довѣряетъ шляхта и пользованіе которыми намѣстникомъ слишкомъ ясно подчеркиваетъ болѣе панскій, чѣмъ государственный характеръ его суда и управленія. На перенесеніе артикуловъ гражданскаго и уголовнаго права Польши нѣтъ и намека въ просьбахъ Литовско-Русской шляхты къ ея господарю. Бѣльскій привилей 1564 года и реформы II-го статута дали шляхтѣ Великаго Княжества Литовскаго то, чего она добивалась по отношенію къ суду [3]). Эти реформы давали шляхтѣ Княжества больше, чѣмъ до этого времени имѣли сами Подляшане [4]). Получивъ то, чего добивалась, Литовско-Русская шляхта уже не могла смотрѣть

---

1) См. выше, стр. 23.

2) См. выше, стр. 22.

3) См. выше, стр. 55—56 и 107 и сл.

4) См. опредѣленіе значенія Бѣльскаго привилея 1564 года для Подляшья въ отвѣтѣ Сигизмунда Августа на одну изъ просьбъ повѣтовъ Подляшья, представленныхъ ему на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ — Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 185—186 (artycul 4).

на Подляшье, какъ па землю, порядки которой она хочетъ перенести въ остальныя земли Княжества. Констптуція II-го статута, организовавъ Литовско-Русскую шляхту какъ „народъ" государства, держащій въ своихъ рукахъ государственную власть вмѣстѣ съ панами-радою и господаремъ, вызвала и ростъ въ ней государственнаго сознанія. Теперь охрана единства и цѣлости Великаго Княжества Литовскаго стала задачею его народа-шляхты не менѣе, чѣмъ его пановъ-рады, и мы видѣли уже распространеніе государственнаго русскаго языка Княжества на Подляшье послѣ введенія конституціи 1566 года: Сигизмундъ Августъ, конечно, считался съ настроеніемъ Литовско-Русскихъ становъ этого времени. Переводя отдѣльныхъ шляхтичей послѣ новаго разграниченія повѣтовъ, созданныхъ реформою 1565—1566 годовъ, подъ Польское право, которымъ руководились Подляшскіе суды въ своей дѣятельности, тотъ же великій князь требуетъ, чтобы они судились Литовскимъ статутомъ въ дѣлахъ „господарьскихъ" [1]). Господарь, та-

1) Вотъ образецъ господарскаго листа такого содержанія. — „Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Польскій etc. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ нинешнимъ и напотомъ будучимъ. Билъ намъ чоломъ земянинъ нашъ Богданъ Григоревичъ Старуновъ и поведилъ передъ нами, ижъ держить онъ именье набытое, купленое отъ некоторое шляхты замку нашого Бельского, у-въ обрубе певномъ на Гвозной лежачое; ино дей новымъ росписаньемъ поветовъ въ томъ паньстве нашомъ, Великомъ Князтве Литовскомъ, до суду земского въ поветъ Бельскій онъ съ тымъ именемъ своимъ на Гвозной не принятъ, зачимъ, до суду замку нашого Белского буваючи притягиванъ, трудность немалую въ томъ собе пріймуеть; а, ижъ бы онъ самъ и потомъкове его въ пришлые часы за притягиваньемъ его отъ враду замку нашого Бельского ку праву и присуду замку тамошнему трудности не мели и не пріймовали, билъ намъ чоломъ, абыхмо ласку нашу г[о]с[по]д[а]рьскую учинили а тое именье его, въ томъ повете вышей мененомъ, у-въ обрубе на Гвозной лежачое, купномъ набытое, съ права, присуду, послушеньства и всякое повинъности замку нашого Бельского вынемъши, подъ право Подляшское и присудъ городовый и земскій до Бранска поддали и тымъ Подляшскимъ правомъ ему и потомъству его съ того именья судити и правовати ся позволили, якожъ и панъ Виленьскій, гетманъ найвызшій Великого Князьтва Литовского, староста Городеньскій и Могилевскій, панъ Григорей Алексанъдровичъ Ходъкевича насъ за нимъ о то жедалъ. А такъ мы, з ласки нашое г[о]с[по]д[а]рьское, на жеданье и причину его милости пана Виленьского и на чоломъбитье его то учинили, тое именье его вышей мененое все, въ томъ обрубе на Гвозной,

кимъ образомъ, охраняетъ себя и свои интересы отъ права Польскаго. Тутъ можно предполагать и личный интересъ господарскій, какъ руководящее начало требованія великаго князя, но онъ шелъ во всякомъ случаѣ рука объ руку съ тою тенденціею охраны государственнаго единства Великаго Княжества Литовскаго, которая отмѣчена нами. Такъ опасеніе ущерба всему государству отъ слишкомъ большого развитія особенностей Подляшскаго строя, mutatis mutandis, перешло отъ пановъ-рады Княжества къ его господарю и его шляхетскимъ станамъ вообще наканунѣ оторванія Подляшья отъ Литовско-Русскаго „панства" и присоединенія Подляшскаго воеводства къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

съ права, присуду, послушеньства и всякое повинъности замку нашого Бельского вынемши и вызволивши, подъ право Подляшское и присудъ городовый и земскій до Браньска вечне поддали и симъ листомъ нашимъ подъдаемъ. И вже отъ сего часу онъ самъ и потомки его съ того именья своего, въ томъ вышей мененомъ обрубе на Гвозной лежачого, не передъ врадомъ нашимъ замковымъ Бельскимъ, але передъ врадомъ городовымъ и земскимъ Браньскимъ до права становитися и правомъ Подъляшкимъ судитися мають вечными часы; ведже въ речахъ нашихъ г[о]с[по]д[а]рьскихъ онъ и потомкове его не инакшимъ, одно статутомъ и правомъ Великого Князтва Литовского передъ врадомъ нашимъ замъковымъ Бельскимъ судитися будуть повинъни. А про то, пану Троцкому, старосте Бельскому, пану Юръю Алексанъдровичу Ходкевича и напотомъ будучимъ старостамъ нашимъ Бельскимъ и подстаростимъ ихъ тамошнимъ Бельскимъ о томъ ведомость даючи, приказуемъ, абы того земянина нашого Богдана Григоръевича Старунова и потомковъ его съ того вышей писаного именья его, на Гвозной лежачого, въ присудъ свой замковый Бельскій не притягивали и никоторое трудности ему самому и потомъкомъ его не задавали, але во всемъ напротивъ его водле сего листу нашого заховали, иначей того не чинечи. И на то есмо дали тому земенину нашому Богдану Григоревичу Старунову сесь нашъ листъ, подписавши его рукою нашою г[о]с[по]д[а]рьскою, до которого на твердость того и печать нашу привесити казали". Дата листа: Кнышинъ, 14 августа 1568 года. Листъ имѣетъ „подписъ руки г[о]с[по]д[а]рьское". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. л. 22 об. — 23. („Привилей Богдану Старунову, выймуючи его з ыменемъ его на Гвозной отъ присуду Бельского, и прилучене до повету Бранского").

Глава III.

Шляхта Литовско-Русскихъ повѣтовъ.

Повѣтовая реформа 1565 1566 годовъ и тотъ общественный классъ, который обращался въ повѣтовыхъ обывателей по-реформенныхъ повѣтовъ. Тяглая и военная служба господарскихъ подданныхъ, въ общемъ значеніи этого выраженія, въ до-реформенное время. Группы населенія, служившія въ эту эпоху военную земскую службу: слуги замковые, путные, панцырные, доспѣшные, щитные и конные, бояре и земяне. Шляхетство въ до-реформенное время. Панскіе бояре и земяне въ ту же эпоху. Повѣтовое шляхетство послѣ реформы 1565—1566 годовъ. Основанія для признанія шляхтичемъ. Шляхетская осѣлость въ повѣтѣ. Осѣлость въ нѣсколькихъ повѣтахъ одновременно. „Спольныя" имѣнія. Сыновья при родителяхъ. Мобилизація шляхетскаго землевладѣнія и имѣнія, не подлежавшія отчужденію. Шляхта „убогая". Шляхта „неосѣлая". Шляхта, служащая панамъ. Шляхта „спадковая". Татары-шляхта. Конные мѣщане въ ихъ повѣтовыхъ правахъ. Общій взглядъ на повѣтовую шляхту эпохи послѣ реформы 1565—1566 годовъ.

Повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ и II статутъ, какъ кодексъ, ее закрѣпившій, раздѣлили шляхту Великаго Княжества Литовскаго на повѣтовыя шляхетскія корпораціи. „Народъ-шляхта" былъ организованъ въ повѣты, образовавъ единицы военнаго дѣленія, суда, администраціи и сеймикованья. По повѣтамъ онъ осуществлялъ свои шляхетскія права и несъ свои государственныя обязанности. Но реформа 1565—1566 годовъ не была въ силахъ вполнѣ выдержать ту идею, которая лежала въ ея основѣ. Эта идея, которой нельзя отказать въ стройности, можетъ быть формулирована какъ „урожоное шляхетство" и „повѣтовая осѣлость" для „повѣтниковъ". Эти два принципа легли въ основу признанія лица членомъ шляхетскаго повѣта. Они одни должны давать шляхтичу повѣтовыя шляхетскія права, они одни должны налагать на него повѣтовыя шляхетскія

обязанности, они одни организуютъ шляхту Княжества въ повѣтовыя корпораціи. Но идея проводилась черезъ реальныя условія того соціальнаго строя, который существовалъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ ко времени реформы и который слагался постепенно подъ вліяніемъ его предшествующей исторіи. Реформа должна была брать шляхту такою, какою она была въ дѣйствительности въ моментъ утвержденія новаго повѣтоваго строя, и постараться организовать ее на основѣ своей идеи. А это дѣйствительное положеніе шляхты имѣло въ себѣ много такого, что нелегко укладывалось въ тѣ рамки, которыя ставила для повѣтоваго шляхетства реформа. Къ шестидесятымъ годамъ XVI столѣтія шляхта Великаго Княжества Литовскаго не успѣла еще ни вполнѣ обособиться отъ другихъ классовъ населенія, ни вполнѣ сплотиться внутри себя. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ и по отношенію къ ряду отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ слагалась Литовско-Русская шляхта, реформа и дѣйствительность столкнулись, и въ отдѣльныхъ случаяхъ должны были пострадать или стройность повѣтовой идеи, или интересы группъ населенія, которыя до реформы болѣе или менѣе сближались со шляхтою. Посмотримъ же на то, что представляла собою Литовско-Русская шляхта къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка и насколько она успѣла дифференцироваться отъ другихъ классовъ населенія.

Господарскіе подданные, какъ совокупность населенія господарскихъ земель, издавна дѣлились на двѣ основныя группы, которыя различались по службѣ, отправляемой ими на господаря. Эта служба могла быть или тяглой, или военной. Первая была несеніемъ „повинностей тяглыхъ мужицкихъ“, вторая — боярскою службою войны. Источники очень отчетливо сохранили это основное раздѣленіе господарскихъ подданныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1543 году къ Городецкому старостѣ Ивану Михайловичу[1]) явился земянинъ королевы и великой княгини Боны, „именемъ Тимоѳей Барановичъ“, съ такою жалобой: подстароста Михайловича „въ подводы его женетъ и въ повинности

1) Староста Пинскій, Кобринскій, Клецкій, Городецкій, Рогачевскій, державца Селецкій.

тяглые его втягиваеть, которыхъ дей и отецъ мой ку замку Городецкому не служывалъ, и тыхъ повинностей тяглыхъ мужыцкихъ николи есми не полнивалъ и зъ листы не ѣжчывалъ, кромъ службы посполъ съ бояры Городецкими, яко и инные земяне служать, служывалъ, нижли, яко Татарове въ Городку были, листы побрали". Иванъ Михайловичъ, „хотечы того добре вѣдати, если же онъ есть боярынъ, або ни", посмотрѣлъ въ книгахъ, „которые, ѣздечы, пописывалъ по всей земли Великого Князства Литовского" дворянинъ Боны, панъ Кирдей, „а въ тыхъ книгахъ нашолъ, ижъ есть написано: службы никоторое ку замку тяглое служыти, кромъ съ бояры на войну ѣздити". Послѣ этой справки Иванъ Михайловичъ постановилъ: „а такъ я, розумѣючы, ижъ онъ у книгахъ боярыномъ написанъ, зоставилъ есми его пры томъ стародавномъ звычаю — не маеть онъ [въ] подводы и съ листы и ни на которые повинности службы тяглые ѣздити, лечъ съ бояры Городецкими посполъ на войну ѣздити мають, колы господарь король часу прышлого противъ непріятелю ѣхати роскажеть" [1]).

Вотъ другой примѣръ. Въ одномъ изъ актовъ Литовской Метрики, находящемся между записями 1516 года, встрѣчаемъ такія слова нѣсколькихъ бояръ господарскихъ: „мы службу служимъ земскую, какъ и иншіи бояре, а они намъ велять дякла давати и въ подводы ходити, вернуть насъ у тяглую службу, а мы здавна, за предковъ нашихъ, тяглое службы не служивали, нежли земскую службу служимъ, какъ и иншіи бояре" [2]). То же самое раздѣленіе службы господарю на военную земскую и тяглую услышимъ и изъ устъ мѣщанъ и господарскихъ подданныхъ. 26 мая 1520 года, во время разбора дѣла о повинностяхъ Здитовскихъ мѣщанъ, послѣдніе, со своимъ войтомъ во главѣ, заявили: „тяглое службы" со Здитовскою волостью „не служивали, нижли служимъ конемъ на войну . . . ." [3]), а 12 марта 1522 года нѣсколько Слонимскихъ господарскихъ людей представили листъ великаго князя, „ижь имъ посполъ зъ волостью никоторое службы тяглое не надобе

1) Ревизія пущъ . . . . Стр. 338.
2) Р. Ист. Б. XX. Ст. 349.
3) Ibidem. Ст. 1453.

служити, сена косити, въ ловы и на толоку ходити и серебщизны давати, только мають на войну конемъ служити" [1]).

Присматриваясь къ подданнымъ Литовско-Русскаго господаря, мы можемъ раздѣлить ихъ на двѣ основныя группы. Одна группа тянетъ различныя „потягли" на господаря, другая несетъ на него военную службу. Но это раздѣленіе не представляется настолько выдержаннымъ и яснымъ, чтобы не было ряда переходныхъ, промежуточныхъ группъ, стоявшихъ между чисто тяглымъ и чисто военнымъ классами господарскихъ подданныхъ въ общемъ значеніи этого выраженія. До-реформенный соціальный строй Великаго Княжества Литовскаго, въ своихъ общихъ очертаніяхъ, довольно ясно обрисовывается уже въ настоящее время въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ его изученію [2]). Это изученіе успѣло собрать обширный матеріалъ, значительно его систематизировать и опредѣлить общій характеръ соціальнаго строя Литовско-Русскаго государства. Задачею дальнѣйшаго изученія этого строя, на нашъ взглядъ, въ настоящее время является уже изслѣдованіе его не какъ общихъ явленій въ цѣльной картинѣ Великаго Княжества Литовскаго и его общественныхъ классовъ, а какъ явленій

1) Ibidem. Ст. 1553.

2) Литература по исторіи Литовско-Русскихъ бояръ, слугъ и крестьянъ, въ главной своей части, сведена въ трудахъ М. С. Грушевскаго (Історія України-Руси. Том V. Примітки), М. В. Довнаръ-Запольскаго (Государственное хозяйство Вел. Кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I, стр. 586—589 и Очерки по организаціи Западно-Русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ, стр. 1—9) и Ѳ. И. Леонтовича (Бояре и служилые люди въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Журн. Мин. Юстиціи 1907, V, стр. 222, прим. 1). Къ указаніямъ этихъ трудовъ нужно добавить Предисловія къ отдѣльнымъ томамъ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, и Предисловія къ отдѣльнымъ томамъ Архива Юго-Западной Россіи. Кромѣ того о сословномъ строѣ Литовско-Русскаго государства говорятъ и общіе труды по исторіи Россіи (особенно К. Н. Бестужева-Рюмина и Д. И. Иловайскаго). Сверхъ того могутъ быть указаны старыя работы, напр., И. Порай-Кошица (Историческій разсказъ о Литовскомъ дворянствѣ. СПБ. 1858), И. Д. Бѣляева (Разсказы изъ Русской Исторіи, IV. М. 1872), М. О. Безъ-Корниловича (Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній, къ ней же относящихся. СПБ. 1855. См. стр. 257—259 — „Бояре Панцырные, Путные и Служки") и отдѣльныя статьи въ Памятныхъ Книжкахъ губерній Западнаго края.

жизни и строя отдѣльныхъ земель, составившихъ Литовско-Русское государство. И способъ образованія этого государства, и строй его съ сохраненіемъ мѣстной старины и мѣстныхъ особенностей требуютъ вниманія къ изученію явленій мѣстной организаціи. Въ настоящее время задачею изученія внутренняго строя Литовско-Русскаго государства въ до-реформенную эпоху уже можетъ быть поставлено изслѣдованіе этого мѣстнаго строя, какъ модификаціи тѣхъ общихъ очертаній, которыя добыты уже изслѣдованіемъ до настоящаго времени. Само собою разумѣется, что мы не можемъ ставить себѣ подобной задачи въ настоящемъ короткомъ очеркѣ, котораго цѣлью является лишь указаніе тѣхъ группъ Литовско-Русскаго населенія до-реформенной эпохи, которыя сближались въ военной службѣ съ классомъ, ставшимъ повѣтовою шляхтою въ эпоху послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ. Этого мало. Намѣчая лишь въ самыхъ общихъ чертахъ отдѣльныя группы населенія, служившія военную службу, которую служила и шляхта, мы не ставимъ своею задачею исчерпывающую характеристику этихъ группъ. Наша задача гораздо скромнѣе. Она состоитъ въ указаніи лишь тѣхъ сторонъ въ положеніи этихъ группъ населенія, которыя сближаютъ ихъ со шляхтою и отъ нея отдѣляютъ, несмотря на это сближеніе. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній и обратимся къ обзору тѣхъ группъ населенія, которыя въ до-реформенную эпоху сближались съ Литовско-Русскою шляхтою этого времени.

Военная земская служба, ставшая впослѣдствіи основой для привилегированнаго положенія служившей ее шляхты, въ болѣе раннее время сливала боярство-шляхту съ группами населенія, стоявшими ниже его на ступеняхъ соціальной лѣстницы Литовско-Русскаго государства, да и потомъ требовала особыхъ мѣръ для искусственнаго раздѣленія ихъ. Источники знаютъ хорошо переходъ простыхъ крестьянъ-подданныхъ съ тяглой на военную службу. 3 февраля 1496 года великій князь Александръ далъ Троцкимъ людямъ, Миколаю Яновичу, Миколаю Медкенновичу и Нацую Ромейковичу съ братіею, грамоту, оставляющую ихъ при военной службѣ съ освобожденіемъ отъ потяглей [1]). Изъ

---

1) Акты Литовско-Русскаго государства. I. Стр. 65—66.

этой грамоты узнаемъ, что дѣдъ этихъ людей, Яновичъ, служилъ великому князю Витовту, и послѣдній „за его служъбу вызволилъ того Яновича со всихъ служебъ и потяглей и дачокъ и листъ дей былъ ему на то свой далъ". Затѣмъ потомковъ Яновича другіе Троцкіе люди стали „прыпскивати" въ службу съ ними и къ уплатѣ поборовъ. Смотрѣвшій это дѣло Троцкій воевода, панъ Иванъ Монивидъ, „досмотрелъ и доведалъ ся, штожъ великій князь Витовтъ того деда ихъ Яновича за его служъбу вызволилъ" отъ потяглей и дачекъ, „нижли дей казалъ ему служити доспехомъ а конемъ". Попытка Троцкаго городничія, пана Стрета, требовать съ нихъ дякла вызвала новое разсмотрѣніе ихъ правъ Троцкимъ воеводою, паномъ Петромъ Яновичемъ. Наконецъ, подтвержденіе своихъ правъ эти потомки Яновича испросили у великаго князя Александра, который и далъ его имъ: „нехай они служать" господарю „доспехомъ и конемъ, а потяглей и дачокъ не надобе имъ никоторыхъ знати, подлугъ того, какъ великій князь Витовтъ вызволилъ деда ихъ Яновича".

Такой переводъ крестьянъ на службу конемъ и доспѣхомъ совершался и позднѣе. Вотъ примѣръ, относящійся къ XVI столѣтію. Королева и великая княгиня Бона въ одномъ изъ листовъ, выданныхъ ею въ 1526 году [1]), говоритъ, что ей билъ челомъ Лукьянъ Полюховичъ Дмитровичъ со своею братіею „рожоною" [2]) о томъ, чтобы „ихъ отъ службы тяглое отпустили и казали имъ службою военною часу войны" великой княгинѣ „служыти". За нихъ ходатайствовалъ передъ Боною и ея писарь, староста Пинскій и Клецкій, панъ Иванъ Михайловичъ, „повѣдаючы" ей „вѣрные послуги того Полюха, такъ у стереженью границъ" ея „отъ князя Чорторыского, такъ тежъ и во иншыхъ многихъ речахъ". Въ виду всего этого Бона постановила: „на его чоломбитье то есмо вчынили и службы тяглое ихъ есмо вызволили и казали есмо имъ намъ службою военною, часу войны, зъ ихъ отчызны посполъ зъ иншыми бояры нашыми Пинскими, межы которыхъ ихъ на боярство причаемъ, якъ на то служыть; а службы тяглое имъ не знати, а ни поплатовъ платити".

1) Ревизія пущъ. . . . Стр. 285—286.

2) Богданъ, Грынецъ, Малецъ, Степанъ и Сенецъ.

Такъ просто совершился переводъ тяглыхъ людей въ ряды боярства. Въ пятидесятыхъ годахъ XVI столѣтія Полюховичи уже именуются земянами Пинскаго повѣта [1]). Ни о какомъ „пасованьѣ", пожалованіи герба или принятіи въ гербъ Польскою шляхтою нѣтъ и рѣчи въ документахъ подобнаго содержанія, а между тѣмъ всѣ эти потомки тяглыхъ людей вступили позднѣе въ ряды шляхты, боярства и земянства. Близость боярства и тяглыхъ людей въ сознаніи общества того времени иллюстрируется и браками между боярскими семьями и семьями простыхъ подданныхъ [2]). Всѣ служатъ службу господарю — одни тяглую, другіе военную; тяглые также могутъ быть переведены на военную службу, хотя это и увеличитъ тяжесть тягла для ихъ товарищей, которые поэтому иногда и стараются вернуть къ себѣ обратно своихъ прежнихъ „поплечниковъ", отошедшихъ отъ нихъ черезъ этотъ переводъ [3]).

Между боярствомъ и тяглыми стоитъ группа населенія, носившая названіе „слугъ". Это названіе имѣло широкое примѣненіе, и подъ нимъ объединялись люди весьма различнаго общественнаго положенія. Слугами господаря великаго князя источники называютъ и князей [4]), и пановъ [5]), и бояръ-шляхту, и мѣщанъ, и жидовъ-мытниковъ, и т. д. [6]). Составъ слугъ удѣльныхъ князей также очень разнообразенъ [7]). Извѣстны источникамъ и слуги вельможъ, духовныхъ и свѣтскихъ, также разнообразнаго состава [8]). Но въ рядахъ „слугъ" наше вниманіе должны обратить на себя лишь тѣ слуги, обязанностью которыхъ была военная служба. Такіе слуги были и въ частныхъ имѣніяхъ, но еще больше ихъ было на господарскихъ земляхъ, въ различныхъ державахъ и староствахъ. Къ этимъ господарскимъ слугамъ военнаго назначенія и постараемся присмотрѣться поближе.

Господарскіе слуги военнаго назначенія распадаются

---

1) Ревизія пущъ. . . . Стр. 285.
2) Нпр., Р. Ист. Б. XX, ст. 443.
3) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 632—633.
4) Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, I, стр. 256.
5) Нпр., Ревизія пущъ . . ., стр. 327.
6) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 406—408.
7) Нпр., Ревизія пущъ . . ., стр. 112, 114, 342 и др.
8) Нпр., Р. Ист. Б. XX, ст. 9, 36, 72, 1238, 1241, 1455, 1539.

на слѣдующія группы: 1) слуги замковые, 2) путные и 3) панцырные, щитные, доспѣшные, конные. Всѣ они имѣютъ земли на службѣ того или другого изъ указанныхъ видовъ. Бона въ одной изъ своихъ грамотъ 1551 года такъ говоритъ о Васильковской землѣ въ селѣ Купятычахъ: „которую передъ тымъ слуга нашъ замковый, небожчыкъ Бортромей на службѣ стрѣлецкой держалъ“ [1]). Слуги при господарскихъ замкахъ хорошо извѣстны описаніямъ послѣднихъ [2]). Иногда при замкахъ называются ихъ описаніями и слуги путные и панцырные. Перечень такихъ слугъ встрѣчаемъ, напримѣръ, въ описаніи Полоцка, совершенномъ въ 1552 году [3]). Оба эти разряда слугъ Полоцкаго замка ставятъ коней „ку службе земской“ и сверхъ того несутъ различныя повинности, даютъ подводы и стаціи, рубятъ городъ, „справуютъ“ станы, платятъ бобровщину, вносятъ на сторожу, на воеводу и т. д., въ различныхъ размѣрахъ и въ различныхъ соединеніяхъ этихъ повинностей и платовъ. Живутъ они селами различной величины, иногда въ нѣсколько десятковъ слугъ. Нѣкоторые слуги имѣютъ своихъ „людей“, съ которыхъ получаютъ обычный доходъ землевладѣльца [4]). Въ числѣ панцырныхъ слугъ Полоцкихъ есть нѣсколько человѣкъ, освобожденныхъ великимъ княземъ Александромъ отъ путной службы съ переводомъ ихъ на службу панцырную [5]).

Обязанность слугъ путныхъ — „путь“ или „дорога“. Въ актѣ разбора дѣла двухъ Негневицкихъ слугъ путныхъ въ 1514 году (на нихъ жаловались Сигизмунду Старому господарскій писарь Святоша и Вколовичи) приведено содержаніе листа великаго князя Александра съ такимъ рѣшеніемъ: „маютъ они сами и съ своими дядками и зъ ихъ братьею, и съ своимъ плѣмѣнемъ служити службою путною и на дорогу съ ними ходити, и сено косити, и дякла давати, и на толоку ходити, подлугъ давного обычая; нежли только не маютъ съ топоромъ къ двору на роботу ходити“ [6]). Эти Негневичане были пожалованы великимъ княземъ Святошѣ и Вко-

1) Ревизія пущъ . . . Стр. 220.

2) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 166—169.

3) Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 45—55.

4) Нпр., ibidem, стр. 46.

5) Ibidem. Стр. 45.

6) Р. Ист. Б. XX. Ст. 92.

ловичамъ съ половиною двора Негневичъ [1]). Служба „пути“ или „дороги“ состояла въ исполненіи разныхъ порученій по доставкѣ листовъ, перевозкѣ денегъ и т. д. [2]). Путные слуги господарскіе должны были составлять охрану тѣхъ дворянъ и должностныхъ лицъ, которые исполняли эти порученія. Отсюда ясно, что путные слуги должны были быть людьми вооруженными. Въ одномъ судебномъ актѣ 1509 года приведены такія слова Панышевичей, людей Бездѣдовскаго стана Полоцкаго повѣта: „мы дей мещчане Полоцкіи, а земли подъ собою маемъ купъчіи, а съ того служимъ путьною службою, въ панъцпрехъ“ [3]).

Совершенно понятно привлеченіе путныхъ слугъ и къ земской военной службѣ — у нихъ имѣются кони и вооруженіе, и они могутъ стать въ ряды земскаго войска, о пополненіи которыхъ такъ печется центральная власть Литовско-Русскаго государства. Господарскіе слуги путные распредѣлялись по замкамъ и дворамъ господарскимъ, обслуживая нужды опредѣленныхъ округовъ управленія. Но по тѣмъ же округамъ, какъ хоружествамъ, дѣлилось и земское войско Княжества, и земская военная служба, въ силу ея первенствующаго значенія для государства въ тяжелый своими войнами XVI вѣкъ, начинаетъ перевѣшивать службу путную въ оцѣнкѣ значенія путныхъ слугъ для государства. Характерной иллюстраціей этого можетъ служить заключенный 2 мая 1527 года договоръ Полоцкаго воеводы и Дорогицкаго старосты, пана Петра Станиславовича Кишки съ господарскими людьми путными Сорочинцами, „которые здавна хоживали на войну двема коньми на службу господарскую“ [4]). Панъ Кишка „поднялъ ся за нихъ два кони ставити збройне на службу господарскую, на войну, а тые Сорочинцы подняли ся“ ему „за то служити — на толоку ходити до двора“ его. Это должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока панъ Кишка держитъ Дорогичинъ. Когда онъ съѣдетъ съ Дорогичина, Сорочинцы „мають сами службу господарскую военную заслу-

1) Ср. ibidem, ст. 994.

2) Ср. М. К. Любавскій, Обл. дѣленіе и мѣстн. управленіе, стр. 348 и И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 448 (путные слуги землевладѣльцевъ).

3) Р. Ист. Б. XX. Ст. 618.

4) Акты Литовско-Русскаго государства. I. Стр. 205.

говати" и не будуть уже служить пану Кишкѣ. Въ этомъ договорѣ нѣть ни слова о путной службѣ, которой можетъ мѣшать отбываніе толокъ на дворѣ пана Кишки; лишь служба земская военная фигурируетъ въ немъ — съ одной стороны, снятіе ея съ Сорочинцевъ является платою имъ за ихъ трудъ отъ лица, которому они будутъ служить; съ другой стороны, государство получало гарантію въ отсутствіи для него ущерба отъ частной службы путныхъ слугъ, эту службу на себя принявшихъ.

Какъ мы видѣли выше, путные слуги иногда имѣли своихъ людей. Поэтому мы ихъ можемъ встрѣтить и въ универсалахъ о сборѣ серебщины, которая наложена на господарскихъ и частно-владѣльческихъ подданныхъ. Въ такихъ универсалахъ слуги путные стоятъ рядомъ съ князьями, панами и боярами [1]). Но своимъ положеніемъ они очень отличаются отъ шляхты. Такъ, давая въ 1551 году различныя права и преимущества Мстиславскимъ и Радомскимъ князьямъ, панамъ и шляхтѣ, Сигизмундъ Августъ въ своей грамотѣ прибавляетъ, что этимъ будутъ пользоваться жалуемые „кромъ слугъ путныхъ, которые особливую повинность ку службамъ нашимъ маютъ" [2]). Путная служба соединена съ дякломъ и исполненіемъ повинностей, которыя несутся и тяглыми людьми, хотя часть платовъ и повинностей тяглыхъ людей съ путныхъ и сложена. Въ одномъ документѣ 1496 года о Перелайскихъ путныхъ слугахъ отъ имени великаго князя говорится такъ: „а они дей передъ тымъ тою службою не служивали и мезлевого не давали, и сена не воживали, нижли дей служать намъ службою путною и въ заставу ходять и дякло даютъ" [3]). Эти повинности отличаютъ слугъ путныхъ отъ бояръ. Но, несмотря на это, несеніе земской военной службы настолько сближаетъ ихъ съ послѣдними, что рядомъ съ названіемъ „слуги путные" они усваиваютъ и названіе „бояре путные".

Устава на волоки, данная въ 1557 году, говоритъ отъ имени господаря: „бояре путные, стародавные, а не въкупные, хочемъ мѣти, абы были на двухъ волокахъ постановлены,

1) Акты Л.-Р. государства. I. Стр. 186.
2) А. Ю. и З. Р. I. № 124.
3) Акты Л.-Р. государства. I. Стр. 70.

съ которыхъ бы за всн повинности, пѣнязми ошацовавши водлѣ кгрунту, яко люди осадные платили, а на службу тяглую и въ подводы ходити не повинни; а коли зъ росказанья нашого на дорогу поѣдуть, того году ничого платити не мають, а безъ воли и розказанья нашого вряду нашому ихъ на дорогу и нигдѣ не посылати; а будучи на дорозѣ, служити имъ по старому; навязка имъ, яко и передъ тымъ, водлѣ статуту. Служокъ съ такихъ же бояръ ревизоры обирати и не болшъ, только съ потребу, при кождомъ замку и дворѣ нашомъ зоставити мають; которыхъ служба будетъ ѣздити зъ листы нашими до дворовъ, тому врядови прилеглыхъ, и съ пѣнязми платовъ нашихъ до Вильни, до скарбу, и за кривдами подданыхъ колеею зъ росказанья врядового ѣздити; а за то имъ на одинъ конь двѣ волоки вольныхъ отъ всихъ платовъ мѣти, и на потребу вряду ѣздити не повинни"[1]). Передъ нами разборъ путныхъ слугъ, которыхъ число къ серединѣ XVI столѣтія было очень значительно. Одни изъ нихъ были признаны „боярами", и служба имъ должна предписываться лишь господаремъ, а не мѣстными урядами. Эти путные бояре платятъ со своей земли денежную подать, но свободны отъ натуральныхъ повинностей. Въ случаѣ призыва господаремъ на путную службу, подать ими уже не вносится за тотъ годъ, въ которомъ они исполняютъ эту службу. Съ другой стороны, изъ состава путныхъ слугъ выдѣляются служки для постоянной службы. Они надѣляются землею, въ размѣрѣ двухъ волокъ, свободныхъ ото всѣхъ платовъ, и съ этихъ двухъ волокъ несутъ службу на одномъ конѣ. Реформа 1557 года вносила, такимъ образомъ, слѣдующее въ устройство господарскихъ слугъ путныхъ: 1) она освобождала всѣхъ ихъ отъ натуральныхъ повинностей и 2) раздѣляла ихъ на двѣ группы — меньшую, служекъ, и большую, бояръ, изъ которыхъ вторая, естественно, должна была имѣть тенденцію къ большему или меньшему тяготѣнію къ остальному боярству.

Отъ путныхъ слугъ обратимся къ слугамъ панцырнымъ, щитнымъ, доспѣшнымъ и коннымъ. Всѣ эти названія обозначали одну и ту же группу слугъ, которая служила конно и збройно военную службу. Въ однѣхъ мѣстностяхъ они

---

1) А. З. Р. III. № 19. I, 1.

носили преимущественно одни изъ этихъ названій, въ другихъ — другія [1]), но самая служба была одна и та же. Это ясно указываютъ акты. Въ одномъ изъ листовъ Сигизмунда I-го, данномъ въ 1511 году, удовлетворяется просьба Городенскаго солянника Станка Юревича съ тремя его сыновьями о переводѣ ихъ на панцырную службу и отдается такой приказъ Городенскому старостѣ: „твоя бы милость вже тое соли на нихъ брати не велелъ — нехай они служать намъ панцерною службою, на войну ходять по тому, какъ и иныи слуги наши панцерныи посполъ з бояры намъ служать" [2]). Служба доспѣшная — то же самое, что и служба панцырная. Въ 1497 году великому князю Александру били челомъ люди Дубровенскаго пути Золотовляне, Гридко Мартиновичъ и Жданецъ Антоновичъ съ братіею, на Сенька Тереховича [3]), что онъ неправильно считаетъ ихъ своими людьми, выпросивъ ихъ у господаря „за мало". Сенько объяснилъ, что эти люди живутъ въ сельцѣ Золотовичахъ, полученномъ имъ отъ великаго князя, „а служба съ того сельца идеть одна паньцырная". Послѣ провѣрки дѣла на мѣстѣ посланнымъ отъ Александра дворяниномъ Бокеемъ, великій князь постановилъ рѣшеніе въ пользу Тереховича: „нехай онъ тое сельцо держить, а намъ съ того служъбу доспешную служить: а тымъ людъцемъ, Гридъку Мартиновичу а Жданцу Антоновичу и ихъ братьи, казали есмо" Тереховичу „служити" [4]).

Слуги щитные до такой степени сливаются со слугами панцырными, что встрѣчаемъ даже ихъ общіе списки, какъ слугъ щитныхъ и панцырныхъ вмѣстѣ. Такъ, въ реестрѣ Смоленскихъ князей, бояръ и слугъ, сохранившемся въ Литовской Метрикѣ между записями конца XV столѣтія [5]), встрѣчаемъ, напримѣръ, не только „слугъ панъсырныхъ и щитныхъ Опацъкихъ" [6]), но и подъ заголовкомъ „Юревъ-

1) Ср. М. К. Любавскій, Обл. дѣленіе и мѣстн. упр., стр. 352—355.

2) Акты Л.-Р. государства. I. Стр. 149.

3) Писарь воеводы Виленскаго и канцлера, пана Миколая Радивила.

4) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 159—161. Тотъ же документъ изданъ М. В. Довнаръ-Запольскимъ — Акты Л.-Р. государства, I, № 47.

5) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 477—508.

6) Ibidem. Ст. 507.

ского пути слуги панъсырныи“ находимъ вмѣстѣ и панцырныхъ, и щитныхъ слугъ, переписанныхъ въ перемежку [1]). Одинъ и тотъ же видъ службы влекъ за собою и общіе списки слугъ, эту службу служившихъ.

Служба конная также была службою вооруженнаго человѣка. Въ одномъ листѣ королевы и великой княгини Боны отъ 30 іюля 1554 года читаемъ: „мають тые слуги нашы верхуписаныи, сами, жоны, дѣти и потомки ихъ тое дворыще Лахвицкое въ селѣ Плотницы со всѣмъ на все, якое въ собѣ и въ границахъ и обыходѣхъ своихъ съ стародавна маеть и яко его до сего часу ужывали и держали, со всѣмъ по тому, яко въ листѣ небощика пана Ивана Михайловича описано есть, держати и его вжывати, а съ того службу военную сбройно мають служыти, гдѣ потреба вказываеть, будуть по тому, якъ иншіе слуги нашы тамошные служать, яко писано есть въ листѣ небощика пана Ивана Михайловича“. Этотъ Иванъ Михайловичъ былъ старостою Пинскимъ, Кобринскимъ и Клецкимъ, и его листъ, на который ссылается Бона, говоритъ о передачѣ имъ предку этихъ слугъ пустого дворища Лаховицкаго въ Пинской волости „на конной службѣ“ [2]).

Источниками состоянія военно-служилыхъ слугъ были: 1) рожденіе, 2) принятіе на службу. Въ спискахъ военно-служилыхъ слугъ постоянно встрѣчаемъ сыновей, стоящихъ рядомъ съ отцами. Такъ, въ спискѣ Смоленскихъ военно-служилыхъ слугъ, сохранившемся въ записяхъ Литовской Метрики между актами конца XV столѣтія, встрѣчаемъ рядъ сыновей, находящихся или „у розделе“ и „у поделе“, или „не у поделе“ со своими отцами [3]). Что касается до второго источника изучаемаго состоянія, то принятымъ въ число слугъ могъ быть всякій вольный человѣкъ. Въ одномъ судномъ актѣ начала XVI столѣтія слуги Гриньковичей (Нарушъ съ сыномъ) заявляють, „штожъ дей они ихъ верънуть въ неволю, а предки дей ихъ люди вольныи, прихожыи съ Крева; и коли дей они именьи своими делилися, мы дей имъ то припоминали, ижъ мы люди вольныи, абы

1) Ibidem. Ст. 491—493.

2) Ревизія пущъ . . . . Стр. 301—302.

3) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 488 и сл.

се нами не делили; а братья и дяди наши и тыми дей разы служать у Креве посполу зъ бояры панцырною служьбою“ [1]). Въ другомъ документѣ, датированномъ 1554-мъ годомъ, читаемъ заявленіе двухъ Пинскихъ слугъ (Василь Янковичъ и Ѳедко Рутцевичъ) о томъ, что староста Пинскій „далъ предку ихъ, человѣку вольному, прихожому съ Кіева, дворыще пустое . . . . на конной службѣ держати, ихъ вызволивши отъ службы колейницкой, которую они передъ тымъ на замокъ Пинскій служывали, а старыи колеса только оправляли“ [2]). На военную службу переводились нерѣдко и простые тяглые люди, какъ это мы видѣли выше. Сверхъ того эту службу иногда несли и мѣщане, не выходя изъ своего мѣщанскаго класса [3]).

Обратимся теперь къ Литовско-Русскому боярству и постараемся обозначить его отличіе и связи съ разсмотрѣнными группами населенія. Принадлежность къ боярскому классу опредѣляется службою „войны“; эта служба и есть служба боярская. Бояринъ со своей земли „маеть службу служити конно, збройно, часу потребы войны“ [4]). Въ силу этого всѣ, кто служитъ такую службу, могутъ называться боярами. Въ рядахъ бояръ стоятъ даже лица, обладающія княжескимъ титуломъ [5]). Но перегородки, отдѣлявшія боярство отъ другихъ классовъ населенія, не отличались ни прочностью, ни полною опредѣленностью. Мы уже видѣли, что слуги также несли военную, т. е. боярскую службу. Внутри самого боярскаго класса были различныя группы: одни бояре несли только военную земскую службу, другіе соединяли ее съ тѣми или иными повинностями. Но, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ яснѣе опредѣляется черта, характеризующая боярскій классъ въ его основномъ ядрѣ. Эта черта — исключительная военная земская служба со своихъ имѣній безъ всякихъ другихъ повинностей и подачекъ повѣтовымъ державцамъ. Бояре „посѣдные“ и несущіе повинности кромѣ военной службы начинаютъ обособляться

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 811.

2) Ревизія пущъ . . . Стр. 301—302.

3) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 555.

4) Ревизія пущъ . . . Стр. 153.

5) Нпр., Акты Л.-Р. государства, I, стр. 38, или Р. Ист. Б. XXVII, ст. 477 и сл.

отъ бояръ, знающихъ только эту службу какъ свою исключительную обязанность. Вырабатывается понятіе „вольности боярской“, въ которой бояринъ держитъ свою землю[1]), и эта вольность является сѣменами „вольности шляхетской“, выросшей на ея основѣ. Военная служба считалась вводящею лицо, ее несущее, въ ряды боярства. Но акты знаютъ и переходы бояръ въ ряды простыхъ тяглыхъ людей: несеніе военной службы могло становиться не подъ силу боярину, и онъ спускался въ ряды людей тяглыхъ. Въ 1522 году Виленскій каштелянъ, Жомоитскій староста, панъ Станиславъ Яновичъ даже имѣлъ спеціальное порученіе привести въ извѣстность бояръ-шляхту, которые, оставивъ боярство, перешли на тяглую службу. Онъ былъ „посланъ отъ великого князя на выведане шляхты, которые, за великими упадками своими не могучы послуги военной служыти з домовъ своихъ, почали великому князю податокъ давати“[2]). Это „выведане“ бояръ-шляхты, отказывавшихся отъ своего боярства, производилось въ томъ самомъ году, когда на вальномъ Виленскомъ сеймѣ было составлено „описанье артыкулу о выводе шляхецтва за примовою“[3]), имѣющее цѣлью охрану шляхетской „чести“, отъ которой, однако, въ дѣйствительности приходилось отказываться части боярства-шляхты, въ силу отсутствія матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для несенія боярской военной службы. Указаній на выходъ бояръ изъ боярской службы съ переходомъ въ городъ-мѣсто или на простую тяглую службу источники даютъ много[4]).

Но та же военная служба, которая выдѣляла боярскій классъ изъ остального населенія, и сближала его съ послѣднимъ. Военная служба была слишкомъ нужна государству, чтобы оно могло отказаться отъ требованія ея со всѣхъ тѣхъ группъ населенія, которыя могли эту службу нести по своему экономическому состоянію. Мы видѣли выше[5]), что путные слуги, которые уже тянули тягло, были

1) Ср. А. Вил. XXIV, стр. 72.
2) А. Вил. XXIV. №№ 19—21.
3) Р. Ист. Б. XX. Ст. 1114.
4) Нпр., А. Вил. XXIV, №№ 19, 21 и др.
5) Стр. 182—184.

привлечены къ службѣ войны. То же самое было сдѣлано и по отношенію къ мѣщанамъ. I статутъ требуетъ, чтобы „усп мещане и подданые“ господарскіе „часу навалное потребы и з иншими людми“ господарскими „земскими войну служили, або з дозволеньемъ“ великаго князя „на войну выправляли“ [1]). Статуты 1566 и 1588 годовъ повторяютъ то же самое требованіе, лишь яснѣе обозначая, что оно относится къ мѣщанамъ [2]). Такимъ образомъ, мѣщанство также привлекалось къ военной службѣ, и описанія повинностей съ мѣщанскихъ имѣній хорошо знаютъ военную земскую службу съ послѣднихъ [3]). Знаютъ мѣщанъ въ военныхъ сборахъ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго и переписи его, какъ они знаютъ и слугъ путныхъ въ составѣ этого войска [4]). Въ виду всего этого необходимо признать, что служеніе земской военной службы не было тѣмъ принципомъ, который могъ бы съ полною опредѣленностью раздѣлить все населеніе Великаго Княжества Литовскаго на двѣ части: служащихъ войну и ея не служащихъ. Служеніе войны отдѣляло только тяглыхъ людей въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. крестьянскую массу, отъ классовъ, надъ нею стоявшихъ, но отнюдь не могло, само по себѣ, служить дифференціаціи этихъ послѣднихъ; наоборотъ, оно ихъ сближало одинъ съ другимъ.

---

1) I ст., II, 1.

2) „Хочемъ тежъ мѣти и уставуемъ, абы подданые нашп вси мѣщане ку валной потребѣ зъ иншыми людьми нашими войну служили, або зъ дозволеньемъ нашимъ водлѣ постановеня нашого на войну выправовали“. II ст., II, 1. Ср. III ст., II, 1.

3) Нпр., Полоцкая Ревизія 1552 года, стр. 31 и сл. Ср. Сборникъ статей, посвященныхъ Василію Осиповичу Ключевскому, часть I (М. 1909), стр. 254—255.

4) „Ухвала“ 1529 года: л. 214—216 об. — „Мещанъ Полоцкихъ люди. Выслуга и купля ихъ“ (ст. 195—196 изданія; то же въ изданіи А. Вил. XXIV, стр. 55), л. 219 — „Мещане Витебъскіи, которыи люди свои мають“ (ст. 198 изданія). Та же ухвала“: нпр., — „Того жъ повѣту Керновского слуги господарьскіи путныи, кождый именемъ написанъ“ (л. 50 об., ст. 48 изданія), или — „А то слуги путныи села Жолдунского“ (л. 51, ст. 48 изданія), или — „То бояре путныи Жолудскіи, конемъ служать“ (л. 91 об., ст. 89 изданія). Та же „ухвала“ вноситъ на свои страницы иногда и сокольниковъ, и садовниковъ, и кухарей. — „Того жъ замку Новгородского сокольники“, „А то садовники Новгородскіи“, „А то кухари Новгородскіи“ (л. л. 33 об.—34 об., ст. 37 изданія).

Боярство должно было привлекать въ свои ряды лицъ, которыя имѣли какую-либо матеріальную возможность нести боярскую военную службу. Бояринъ — не „простой" человѣкъ. Это хорошо знаетъ современное общество. „Были двѣ сестре, ино одна пошла за боярина, теща моя, а другая за простого человека" — читаемъ слова господарскаго боярина (Лавринъ Яновичъ) въ одномъ судебномъ актѣ начала XVI столѣтія [1]). Въ числѣ лицъ, бывавшихъ при дореформенномъ судѣ во время разбора дѣлъ, встрѣчаемъ господарскихъ бояръ [2]), рядомъ съ хоружими, конюшими и другими урядниками [3]). Вмѣстѣ съ господарскими намѣстниками бояре разсматриваютъ тяжбы [4]). Званіе боярина цѣнно; сынъ боярина называется „боярскимъ сыномъ" [5]), какъ сынъ воеводы — воеводичемъ, сынъ старосты — старостичемъ, сынъ хоружія — хоружичемъ и т. д. Одинъ изъ бояръ повѣта-хоружества несетъ въ военныхъ сборахъ хоругвь, это — бояринъ-хоружій [6]). Являясь первоначально обозначеніемъ рода службы, боярство затѣмъ становится обозначеніемъ класса. Лицо, принадлежащее къ нему, занимая должность и не военную, продолжаетъ называться бояриномъ. Такъ являются бояре-дьяки [7]), бояре-попы [8]) и т. д. [9]). Право именоваться бояриномъ основывается на владѣніи землей, съ которой идетъ боярская служба. √ Бояринъ, занимающій какую-либо должность, продолжаетъ нести по этой землѣ свою боярскую службу, отбывая ее лично, или выставляя за себя другого коннаго ратника. Послѣднее долженъ дѣлать и престарѣлый или больной бояринъ, не имѣющій возможности лично отправлять военную боярскую службу [10]). Земля „на службѣ боярской"

---

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 443.

2) Нпр., А. Вил. XVII, № 690.

3) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 297. О доходѣ боярина, „который, при суде будеть", см. Р. Ист. Б. XX, ст. 924.

4) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 589—590.

5) Нпр., А. Вил. XXIV, № 16, или Ревизія пущъ . . ., стр. 282.

6) Нпр., Ревизія пущъ . . ., стр. 228.

7) Нпр., Акты Л.-Р. государства, I, стр. 55, или Ревизія пущъ . . ., стр. 150.

8) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 678—679.

9) Бояринъ-слуга (Ревизія пущъ . . ., стр. 328).

10) Такъ, господарскій бояринъ Амбросъ Лихій въ своей записи отъ 6 августа 1538 года говоритъ: „а такъ я, Амбросъ Лихій, будучи

должна выставлять коннаго ратника въ земскомъ войскѣ во всякомъ случаѣ. Но бояриномъ можетъ продолжать называться и человѣкъ, утратившій уже боярскую землю. Между записями Городенскаго суда за 1555 годъ встрѣчаемъ такую [1]). Городенскій господарскій бояринъ Захарьяшъ Швалевичъ и его жена „заставили“ своего сына Путила Городенскому жиду Мисану Хацкевичу за 95 грошей [2]). Этотъ Путило, однако, сбѣжалъ отъ кредитора своихъ родителей и „занесъ“ отъ него сермягу и сорочку. Мисанъ Хацкевичъ обратился съ жалобою на Швалевича въ судъ, и судъ постановилъ: „. . . . сказали есмо, абы Захарьяшъ водлугъ того листу своего вызнаного тому жиду тую полторы копы и пять грошей заплатилъ, а ижъ поруки по собѣ твердое тому жиду не далъ, а оселости певное подъ собою не мелъ, подали есмо его съ права тому жиду, маетъ его въ себе ховати ажъ до того часу, покуль ему тые пенези его заплатитъ“. Такимъ образомъ, передъ нами бояринъ, не имѣющій „осѣлости“. Онъ все-таки, несмотря на отсутствіе у него земли „на службѣ боярской“, продолжаетъ называться бояриномъ, т. е. передъ нами то же явленіе, которое такъ хорошо наблюдается по отношенію къ такъ называемой „неосѣлой шляхтѣ“ позднѣйшаго времени.

Итакъ, терминъ „бояре“ выработался въ обозначеніе военнаго класса, независимо отъ размѣровъ землевладѣнія лицъ, въ него входившихъ, а стало быть независимо отъ боевой силы, которую каждый бояринъ могъ собою представить. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ терминъ не опредѣлился настолько, чтобы отдѣлить группу населенія, имъ по преимуществу обозначаемую, т. е. землевладѣльцевъ, несущихъ исключительно военную службу, отъ другихъ группъ, соединяющихъ эту службу съ другими повинностями, — боярами называются и путные слуги. Но въ боярствѣ, съ одной стороны, вырабатывается сознаніе наслѣдственности и по-

---

при старости своей вже службы господарское служити недужъ, взялъ есми собѣ за сына мѣсто пана Василья Богдановича и тую выслужку свою ему поступилъ; а онъ маеть мене до смерти ховати и службу господарскую за мене служити, а по смерти моей душею моею печаловатися“. Ревизія пущъ . . . Стр. 200.

1) А. Вил. XVII. № 976.

2) „у полторы копы и въ пяти грошохъ.“

томственности боярскаго званія, а, съ другой — и сознаніе раздѣленія боярскаго класса по степени матеріальнаго достатка лицъ, въ этотъ классъ входящихъ. Акты сохранили выраженія „урожоный бояринъ“ [1]), „родовитый бояринъ“ [2]), а рядомъ съ этими и выраженія — бояре „подлѣйшіе“ [3]), „добрые“ [4]) и „знаменитые“ [5]). Мы имѣемъ, такимъ образомъ, хорошо сознаваемое обществомъ того времени разслоеніе боярскаго класса. Но необходимой становилась и выработка особаго названія для этого класса въ его главной и основной части, т. е. въ части, служившей исключительно военную земскую службу. Этотъ классъ былъ основою военныхъ силъ государства и вмѣстѣ съ тѣмъ становился силою, которая брала на себя значеніе цѣлой „земли“ Великаго Княжества Литовскаго, заслоняя собою все остальное его населеніе [6]). Такимъ названіемъ и становится имя „бояре-шляхта“, или просто „шляхта“, которое усваивается боярствомъ „вольнымъ“ [7]), т. е. свободнымъ ото всѣхъ повинностей, кромѣ службы господарской и земской военной. Но прежде чѣмъ перейти къ изученію термина „шляхта“ въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ эпоху до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, остановимся на земянахъ Великаго Княжества Литовскаго, которые стоятъ въ источникахъ рядомъ съ боярами и боярами-шляхтою Литовско-Русскими.

Слово „земянинъ“ обыкновенно выводятъ изъ Польши [8]). Можетъ быть и дѣйствительно слово „земянинъ“ вело свое

---

1) Нпр., А. Вил. XXIV, стр. 112.

2) Нпр., ibidem, стр. 282.

3) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 498.

4) Нпр., Р. Ист. Б. XX, ст. 1026.

5) Нпр., ibidem, ст. 998.

6) Нпр., „панове рада Великого Князьства около того намовяли зъ землею, то есть рыцерствомъ Великого Князьства“. Акты Р.-Л. государства. I. Стр. 234 (1529 г.).

7) Нпр., А. Вил. XXIV, стр. 289 (№ 180).

8) Ѳ. И. Леонтовичъ даже считаетъ самихъ Литовско-Русскихъ земянъ Польскаго происхожденія. Онъ говоритъ, сливая вмѣстѣ пановъ и земянъ: „кромѣ бояръ, въ литовско-русскихъ актахъ съ XIV в. упоминаются также nobiles, паны и земяне, — польская шляхта, жившая на Волыни, Подоліи, Подляхіи и другихъ областяхъ, сосѣднихъ съ Польшей“ (Бояре и служилые люди въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Журн. Мин. Юст. 1907, V, стр. 224. Ср. ibidem, стр. 244).

начало отъ Польскаго „ziemianin“, но возможно и другое предположеніе. Литовско-Русскіе акты знаютъ выраженіе „земскіе люди“. Такъ, въ одномъ листѣ Сигизмунда Стараго отъ 6 августа 1528 года читаемъ, что великому князю били челомъ его „земскіе люди“ Жомоитскіе Дирвянской волости, Мартинъ Юревичъ и его братаничъ Матей Яновичъ. Они представили господарю листъ великой княгини Елены, въ которомъ значится слѣдующее. Елена „опытывала“ господарскаго маршалка, своего охмистра, пана Войтеха Яновича и Дирвянскаго тивуна Петра Билевича „о некоторыхъ бояръ Дырвянскихъ“, и „оны передъ ее милостью поведили, ижъ дей и отецъ здавна служивалъ военною службою, а не тяглою, и въ томъ оне оставлены; и казала ей милость тымъ людемъ служити шляхецкою службою, по тому, какъ и предки ихъ служили, и листъ свой на то имъ дала“. Юревичъ и Яновичъ просили Сигизмунда I-го о выдачѣ имъ его листа такого же содержанія. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу и далъ имъ такой листъ — „нехай они служать намъ службою шляхецкою подле листу невистки нашое Александровое, ее милости Алены“ [1]). Съ выраженіемъ „земскіе люди“ вполнѣ гармонируетъ и выраженіе „земская служба“, которую эти люди служатъ. Мы не беремся рѣшать вопроса о томъ, было ли выраженіе „земскіе люди“ своего рода осмысленіемъ слова „земянинъ“ или „земенинъ“, какъ и слово „землянинъ“, или же наоборотъ слово „земяне“ получило свое развитіе изъ выраженія „земскіе люди“ подъ вліяніемъ Польскаго языка, изъ котораго было заимствовано и слово „шляхта“.

Въ актахъ XVI столѣтія очень трудно установить какое-нибудь различіе между земянами и боярами по существу. Какъ мы видѣли выше, въ 1543 году къ Пинскому, Кобринскому, Клецкому, Городецкому и Рогачевскому старостѣ, державцѣ Селецкому, пану Ивану Михайловичу явился земянинъ Городецкій королевы и великой княгини Боны Тимоѳей Барановичъ и заявилъ, что подстароста пана Ивана Михайловича „въ подводы его женеть и въ повинности тяглые его втягиваеть“. Этихъ повинностей къ Городецкому замку не несъ его отецъ, да и самъ Барановичъ тѣхъ

1) А. Вил. XXIV. № 34.

тяглыхъ мужицкихъ повинностей никогда также не исполнялъ и съ листами не ѣзживалъ, но несъ службу вмѣстѣ съ боярами Городецкими, какъ и иные земяне служать. Панъ Иванъ Михайловичъ, „хотечы того добре вѣдати, если же онъ есть боярынъ, або ни", посмотрѣлъ „у книгахъ тыхъ", которыя были составлены для всей земли Великаго Княжества Литовскаго дворяниномъ Боны, паномъ Кирдеемъ; Михайловичъ въ этихъ книгахъ наводитъ справку, обозначенъ ли въ нихъ Барановичъ „боярыномъ". Справка показала, „ижъ есть написано: службы никоторое ку замку тяглое служыти, кромъ съ бояры на войну ѣздити". Въ виду этого, панъ Иванъ Михайловичъ постановилъ[1]: такъ какъ Барановичъ въ книгахъ этихъ написанъ бояриномъ, то онъ долженъ и оставаться въ боярствѣ по старому, а слѣдовательно и не обязанъ въ „подводы и съ листы и ни на которые повинности службы тяглые ѣздити, лечъ съ бояры Городецкими посполъ на войну ѣздити маютъ, колы господарь король часу прышлого противъ непріятелю ѣхати роскажеть"[2]. Такимъ образомъ, земянинъ пишется въ книгахъ бояриномъ и служитъ съ боярами боярскую военную службу. Примѣровъ именованія земянъ боярами можно привести немало. Такъ, Пинскій земянинъ Иванъ Григорьевичъ называется въ листѣ Боны — „подданый нашъ, боярынъ Пинскій Иванъ Грыгорьевичъ"[3]; Семенъ Юхновичъ Орда въ привилеѣ Боны отъ 1532 года именуется земяниномъ, а въ ея же привилеѣ отъ 1528 года — бояриномъ[4]) и т. п.

(Земянская служба опредѣляется источниками не всегда одинаково. Въ однихъ случаяхъ имѣемъ опредѣленіе ея какъ службы войны вмѣстѣ съ исполненіемъ нѣкоторыхъ повинностей, въ другихъ — какъ исключительно служеніе войны конно и збройно. Въ однихъ документахъ читаемъ о земянахъ: „но служыти имъ, какъ же которымъ земяномъ — города робити пойти и иные службы служыти, которые земяне служать"[5]; въ другихъ: „а маеть онъ намъ съ тыхъ двухъ земль земянскую службу служыти на кони на добромъ

1) Ср. выше, стр. 175—176.
2) Ревизія пущъ . . . . Стр. 338.
3) Ibidem. Стр. 264.
4) Ibidem. Стр. 81—83.
5) Ревизія пущъ . . . . Стр. 290.

а въ зброи суполной такъ, какъ которые земяне наши служать на конѣхъ на добрыхъ и въ зброяхъ суполныхъ, а онъ маеть намъ такожъ службу служыти на кони на добромъ а въ зброи суполной"[1]). Если военная служба съ имѣнія для земянина обязательна, то неисполненіе этого обязательства, конечно, должно вызывать лишеніе земянина его имѣнія. Такъ оно было и въ дѣйствительности. Когда Берестейскій земянинъ Дремликъ Талюшковичъ не явился на военную службу, великій князь Александръ конфисковалъ его отчину, мотивировавъ эту конфискацію слѣдующими словами: „тое именье взяли есмо къ своей руце въ того земенина Берестейского, въ Дремлика, для таковое его выступу, ижъ онъ, видечы насъ, пана своего, въ поля вытягнувшы и не хотячи намъ служити посполъ зъ земяны, зъ братьею своею, втекъ нешляхотне зъ земли нашое до Коруны Полское и отголь злодейскимъ обычаемъ зъездки чинилъ въ землю нашу"[2]).

Въ числѣ земянъ встрѣчаемъ и слугъ[3]), и бояръ[4]), и православныхъ священниковъ[5]), и т. д. Подобно боярамъ, земяне бывали и господарскіе, великаго князя[6]), и князей удѣльныхъ[7]), и панскіе[8]). Какъ бояре, такъ и земяне иногда называются по замкамъ, къ которымъ они тянутъ военною службою[9]). Въ „Ухвалѣ" Виленскаго сейма 1528 года находимъ лишь земянъ Каменецкихъ[10]), Берестейскихъ[11]) и Подляшскихъ[12]); по отношенію къ остальнымъ землямъ Княжества „Ухвала" не употребляетъ слова „земянинъ" вмѣсто слова „бояринъ". Можно дѣйствительно полагать, что названіе „земяне" было усвоено главнымъ образомъ и

1) Ibidem. Стр. 342.
2) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 812—813.
3) Нпр., Ревизія пущъ . . ., стр. 335.
4) Нпр., ibidem, стр. 338.
5) Нпр., А. Вил. XXIV, № 8, или А. З. Р. III, № 75.
6) Нпр., Р. Ист. Б. XX, ст. 1257.
7) Нпр., Ревизія пущъ . . ., стр. 336.
8) Нпр., А. Вил. II, стр. 1.
9) Нпр., Ревизія пущъ . . ., стр. 335.
10) Л. 100 (ст. 100 изданія) — „То земяне, что людей не мають".
11) Л. 100 об. (ст. 100 изданія).
12) Л. 101 об. (ст. 101 изданія) и л. л. 117—193 (ст. 120—182 изданія).

въ болѣе раннее время землями, лежавшими ближе къ Польской границѣ[1]). Но уже къ срединѣ XVI столѣтія земянъ встрѣчаемъ и въ другихъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго[2]). Въ эпоху послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ слово „земянинъ" стало примѣняться постоянно для обозначенія повѣтовыхъ шляхтичей, хотя рядомъ съ „земянами господарскими" того или другого повѣта, какъ себя постоянно называютъ въ это время шляхтичи[3]), продолжали существовать и земяне панскіе[4]).

Итакъ, въ концѣ концовъ нужно признать, что земяне не были чѣмъ-либо особымъ отъ боярства, по крайней мѣрѣ наканунѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ. Въ это время слово „земяне" обозначало ту же группу населенія, которая обозначалась и словомъ „бояре".

Мы разсмотрѣли тѣ группы населенія Литовско-Русскаго государства, которыя служили военную земскую службу. Изъ этихъ группъ источники выдѣляютъ шляхту, или бояръ-шляхту, какъ они обычно ее называютъ. Не всегда легко опредѣлить лицъ, которыя входятъ въ эту группу: сами источники часто употребляютъ безъ всякаго различія и выраженіе „бояре" и выраженіе „бояре-шляхта"[5]). Самое польское слово „шляхта" явилось переводомъ латинскаго слова „nobiles" въ раннихъ привилеяхъ великихъ князей на права боярству[6]). Шляхетство, какъ оно понималось въ эту пору, соединяясь съ существенными правами его обладателей[7]), должно было обусловливаться для пановъ и шляхты Литовскихъ двумя тре-

---

1) Ср. М. К. Любавскій, Обл. дѣл. и мѣстн. управленіе, стр. 534 и сл.

2) Нпр., земяне Пинскіе (Ревизія пущъ . . ., стр. 239 и др.), земяне Витебскіе (I. Малиновскій, Сборникъ Матеріаловъ, стр. 365) и т. д.

3) Примѣры постоянно въ любой книгѣ повѣтовыхъ судовъ.

4) О панскихъ земянахъ этого времени см. ниже.

5) Такъ напримѣръ, въ 1522 году Виленскій каштелянъ и староста Жомоитскій, панъ Станиславъ Яновичъ при разсмотрѣніи просьбы Ловцы Яновича, „абы былъ пры шляхетстве оставленъ", спрашивалъ его околичныхъ сосѣдей: „если бы былъ правы боярынъ?" Послѣ ихъ утвердительнаго отвѣта просьба была удовлетворена. А. Вил XXIV. № 19.

6) Ср. латинскій и польскій тексты Городельскаго привилея 1413 г., изданные en regard Дзялынскимъ — Zbior Praw Litewskich. Str. 7—20.

7) Изложеніе содержанія привилеевъ 1387 и 1413 годовъ см. на стр. 463 и сл. Литовско-Русскаго сейма М. К. Любавскаго.

бованіями: 1) принадлежностью ихъ къ католической церкви и 2) принятіемъ ихъ Польскою шляхтою въ свои гербы [1]). Такимъ образомъ, нужно признать, что въ томъ видѣ, какъ оно предполагалось вначалѣ, шляхетство должно было служить дѣлу сліянія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, которое обѣщалъ Ягайло своимъ Кревскимъ актомъ 1385 года. Но, какъ оказался неисполнимымъ самъ Кревскій актъ, такъ оказались неисполнимыми и тѣ ограниченія шляхетства требованіемъ католической религіи и Польскаго герба, которыя предполагались для Литовско-Русскихъ шляхтичей. Городельскій привилей 1413 года такъ опредѣленно ихъ выдвинувшій, не считался въ этомъ постановленіи съ состояніемъ боярства областей-аннексовъ, которое было такимъ же военнымъ и землевладѣльческимъ классомъ, какъ и боярство собственной Литвы и такъ называемой Руси Литовской. Это боярство въ коренныхъ русскихъ областяхъ исповѣдывало православную вѣру и совсѣмъ не относилось такъ дружелюбно къ Польшѣ, чтобы сливаться со шляхтою послѣдней путемъ принятія ея гербовъ, едва ли особенно и цѣнныхъ въ его глазахъ. При враждебномъ отношеніи къ католичеству православія этихъ земель съ самаго начала въ нихъ христіанства, „Лядская вѣра“ стояла между русскими областями-аннексами и Польшею, препятствуя установленію ихъ слишкомъ тѣсныхъ связей со шляхтою послѣдней. А между тѣмъ фактически боярство аннексовъ нисколько не отличалось отъ шляхты Литвы и Руси Литовской, ни своею военною службою, ни своимъ вліяніемъ въ мѣстной жизни. Верховная власть Великаго Княжества Литовскаго нуждалась одинаково и въ боярствѣ аннексовъ, и въ боярствѣ государственнаго ядра.

Мы имѣемъ опыты обхода слишкомъ узкихъ воротъ, которыя поставилъ Городельскій привилей, уже въ XV столѣтіи [2]). Слѣдующее столѣтіе принесло съ собою напряжен-

---

1) „Praeterea praedictis libertatibus, privilegiis et gratiis tantummodo illi barones et nobiles terrae Littwaniae debent vti et gaudere: quibus arma et clenodia nobilium regni Poloniae sunt concessa, et cultores christianae religionis Romanae ecclesiae subiecti, et non schismatici vel alii infideles“, XIV артикулъ Городельскаго. привилея. (Цитируемъ по изданію Дзялынскаго — Zbior Praw Litewskich, str. 16).

2) См. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 430—431.

ную внѣшнюю борьбу Литовско-Русскаго государства съ сосѣдями, когда военный классъ, естественно, сталъ особенно нуженъ, а слѣдовательно, и его интересы стали особенно близки верховной власти, да когда и самъ онъ могъ смѣлѣе и упорнѣе защищать эти интересы. Въ XVI столѣтіи верховная власть совершенно отказалась отъ требованія Польскаго герба и католической религіи для правъ шляхетства. „Описанье артыкулу о выводе шляхецтва за примовою", сохранившееся въ Литовской Метрикѣ между записями 1522 года и изданное на Виленскомъ сеймѣ, установляетъ такіе способы для „вывода" шляхетства: 1) свидѣтельство двухъ шляхтичей подъ присягою въ томъ, „ижъ тотъ, кому приганено, съ одного роду отъ прадеда, отъ деда, съ одное крови имъ есть братъ", 2) такое же свидѣтельство одного шляхтича съ присягою самого доказывающаго свое шляхетство и 3) простое удостовѣреніе документа, что данное лицо бояринъ. Послѣдній способъ особенно характеренъ. Вотъ слова о немъ „артыкула": „пакъ ли жь бы тотъ, кому наганено, не могъ ни одного шляхтича на то собе мети, а естли бы на то мелъ листъ у себе старый, великого князя Витольта и Жикгимонъта, або отца нашого Казимера, короля его милости, або некоторыхъ пановъ радъ высокихъ, а въ томъ бы листе писано его бояриномъ не подле его поведанья, нижли або у праве съ кимъ будеть стоялъ, або отъ кого до него листъ будеть, писанъ шляхтичомъ, — тымъ онъ листомъ маеть шляхетъство свое вывести"[1]). Такимъ образомъ, простое обозначеніе лица бояриномъ въ какомълибо листѣ, сдѣланное не по голословному, простому заявленію его самого, доказываетъ его шляхетство. Этого мало. Силу такого доказательства имѣютъ не только листы великихъ князей, но и листы радныхъ пановъ „высокихъ", т. е. удѣльныхъ князей и крупныхъ пановъ. Очевидно, что много накопилось недоразумѣній и трудностей въ отдѣльныхъ случаяхъ при опредѣленіи шляхетства, если великому князю Сигизмунду Старому пришлось пойти на такое расширеніе способовъ доказыванія правъ на шляхетство.

Статутъ 1529 года опускаетъ этотъ послѣдній способъ

1) Р. Ист. Б. XX. Ст. 1114 (№ 388). Тотъ же документъ — М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 440, прим. 32.

доказыванія шляхетства и даже вноситъ ограниченія въ другія части приведеннаго сейчасъ „артыкула“. Онъ признаетъ лишь два способа доказыванія шляхетства для Литовско-Русскаго шляхтича —„тубыльца“: 1) представленіе двухъ шляхтичей, „зъ отца и матки“, и присяга этихъ шляхтичей и 2) если „ся родъ звелъ“, то представленіе бояръ-шляхты околичныхъ, „которые бы знали его, иже есть шляхтичь“, причемъ эти бояре приносятъ присягу въ присутствіи самого доказывающаго, „ижъ онъ есть з роду шляхтичъ“ [1]. Но на практикѣ это ограниченіе не осуществилось, и листы, о которыхъ говоритъ „артыкулъ“ 1522 года, продолжали служить доказательствомъ шляхетства въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда его приходилось провѣрять властямъ [2].

Основнымъ вопросомъ, на который нужно было давать себѣ отвѣтъ властямъ при признаніи шляхетства лица, былъ вопросъ: что такое „зъ роду шляхтичъ“? Естественно, что на этотъ вопросъ въ различныхъ частяхъ Великаго Княжества Литовскаго и даже различными лицами въ одной и той же землѣ давался различный отвѣтъ: въ однихъ случаяхъ будетъ отвѣтомъ указаніе на гербъ шляхетскаго рода, требуемый старыми привилеями [3], въ другихъ объ этомъ гербѣ не будетъ ни слова [4]. Но какое-нибудь твердое основаніе для того, чтобы имѣть возможность опредѣлить шляхетство и классъ, который на него имѣетъ право, выработать было необходимо. Такимъ основаніемъ и явилась „шляхетская служба“ землевладѣльца со свободою ото всѣхъ другихъ повинностей. Такимъ образомъ, принадлежность къ католической религіи и связь со шляхтою Польши замѣнились чисто своею Литовско-Русскою бытовою основою, которая одна оказалась въ силахъ вывести вопросъ изъ той запутанности, въ которой онъ находился. Доказываніе шляхетства этою службою и свободою отъ другихъ повинностей и стало главнымъ, основнымъ „доводомъ шляхетства“; остальныя основанія для этого доказыванія обратились лишь въ сравнительно рѣдко выдвигаемыя въ дѣйствительности. Но

---

1) I ст., III, 11.
2) Нпр., А. Вил. XXIV, № 58.
3) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 633.
4) Нпр., А. Вил. XXIV, №№ 20, 34 и др.

эта шляхетская служба, какъ основаніе для шляхетства, тѣсно сближается и въ концѣ концовъ совпадаетъ совершенно и съ обычною боярскою службою. Въ самомъ дѣлѣ вотъ опредѣленія актами той и другой службы: „а маеть онъ и его потомки зъ отчизны своей и зъ того приданья нашого намъ и потомкомъ нашимъ службою военною служити часу войны, яко имъ есть обычаемъ, бояромъ нашимъ, шляхтѣ“ [1]), говоритъ одинъ актъ о службѣ шляхетской; рядомъ съ этимъ другой актъ такъ говоритъ о службѣ боярской: „а онъ съ той земли маеть намъ службу военную земскую на кони добромъ, у панцыры добромъ служыти, а такъ, якъ иншые бояре нашы, люди добрые, служать; а большей того ему намъ иншого ничого не служыти, ни на посылки не маеть ни на которые посыланъ быти“ [2]). Нѣтъ возможности уловить никакой разницы между обоими опредѣленіями по существу, если не считать послѣдней прибавки ко второму опредѣленію, вообще даже ненужной при опредѣленіи службы шляхтича. Но другія образцы опредѣленій боярской службы ея и не имѣютъ, и, наоборотъ, опредѣленія шляхетской службы имѣютъ [3]), такъ что она вовсе оказывается несущественною частью опредѣленій того и другого вида службы.

Накануне повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ вопросъ о шляхетствѣ требовалъ формальнаго разрѣшенія. Оно было необходимо, въ виду предположенной новой организаціи шляхты Великаго Княжества Литовскаго этою подготовлявшеюся реформою, а переживаемое Литовско-Русскимъ государствомъ реформаціонное движеніе въ связи съ окрѣпшимъ сознаніемъ самостоятельной государственности указывало и путь для этого разрѣшенія. Реформаціонное движеніе, во имя религіозной свободы, заставляло формально и рѣшительно порвать съ принципомъ религіозной исключительности въ пользу католичества, который выдвигали ранніе привилеи, опредѣлявшіе шляхетство [4]); ростъ государственнаго Литовско-Русскаго сознанія требовалъ полнаго

---

1) Ревизія пущъ . . . Стр. 83.
2) Ibidem. Стр. 328.
3) Нпр., Ревизія пущъ . . ., стр. 234.
4) Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, I, стр.234—237.

отказа отъ мысли о необходимости принятія въ гербы шляхты другого государства шляхтичей Великаго Княжества Литовскаго [1]). Того же требовала и уже все это признала жизнь Литовско-Русскаго государства, которой не хватало лишь формальной отмѣны требованій старыхъ привилеевъ, не соблюдавшихся въ дѣйствительности, какъ мы это видѣли выше.

Категорическимъ и формальнымъ отказомъ великаго князя Литовскаго отъ требованія принадлежности къ католической религіи и къ Польскимъ гербамъ для Литовско-Русской шляхты былъ привилей Сигизмунда Августа, данный въ Вильнѣ 7 іюня 1563 года [2]). Этимъ привилеемъ отмѣнялось формально настоящее требованіе Городельскаго привилея и его подтвержденій послѣдующими великими князьями. Въ отмѣну этого требованія Сигизмундъ Августъ, „съ порадою и съ призволеньемъ пановъ радъ“ своихъ „духовныхъ и свѣтскихъ“, постановилъ: „ухваляемъ и хочемъ мѣти, ижъ отъ того часу не только тые панове, шляхта и бояре, або потомкове ихъ, всихъ земль нашихъ того всего паньства нашого, дарованья привильевъ и наданья всихъ вольностей и правъ земскихъ уживати и съ нихъ ся веселити мають, которые суть подданп костелу Римскому и которыхъ тежъ предкове клейноты и гербы въ Корунѣ Польской пріймовали, але тежъ и вси иные стану рыцерского и шляхетского, яко Литовского, такъ и Руского народу, одно бы были вѣры хрестіянскоѣ, и тежъ которыхъ предкове клейнотовъ альбо гербовъ съ Коруны Польскоѣ не брали, одинако и заровно того всего вѣчными часы уживати и съ тыхъ вольностей веселитися мають, яко передъ тымъ, здавна и до того часу, тыхъ всихъ вольностей станъ рыцерскій шляхетскій обоего народу, такъ Литовского, яко и Руского, уживали и съ того ся веселили“. Въ этихъ словахъ привилея Сигизмунда Августа не только отмѣна указанныхъ выше требованій Городельскаго акта 1413 года; въ нихъ имѣемъ и указаніе на то, что они не соблюдались уже давно, такъ какъ Литовско-Русская шляхта пользовалась „здавна“ шляхетскими правами, не удовлетворяя этимъ требованіямъ. Черезъ пять лѣтъ, наканунѣ Люблинской Уніи, когда Вели-

---

1) См. выше, стр. 172.

2) А. З. Р. III. № 32.

кое Княжество Литовское было озабочено полнымъ уяспеніемъ и признаніемъ правъ своей государственности, въ виду предстоящихъ переговоровъ объ условіяхъ соединенія съ Польшею, отмѣна этого артикула Городельскаго акта была вновь подтверждена Сигизмундомъ Августомъ, въ Городнѣ 1 іюля 1568 года [1]).

Такъ закончилась исторія предположенія внесенія въ Литовско-Русское государство шляхетства, какъ чисто-Польскаго института, который сталъ бы ферментомъ „втѣленія“ Великаго Княжества Литовскаго въ Польшу, обѣщаннаго въ 1385 году Ягайломъ. Но, если послѣдующая жизнь разорвала съ этимъ замысломъ и внесла свои коррективы въ пониманіе шляхетства, то, естественно, возникаетъ вопросъ: было ли въ дѣйствительности Литовско-Русское шляхетство тѣмъ, что создавали изъ него господарскіе обще-шляхетскіе привилеи конца XIV и XV столѣтій? Въ настоящее время вопросъ о Литовско-Русской шляхтѣ и ея землевладѣніи эпохи до реформъ середины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія мы можемъ считать однимъ изъ наиболѣе разработанныхъ вопросовъ въ исторической литературѣ [2]). Къ разрѣшенію его былъ привлеченъ обширный актовый матеріалъ, особенно въ трудахъ М. К. Любавскаго и М. В. Довнаръ-Запольскаго, и выводы историковъ по этому вопросу успѣли уже значительно выяснить свою правильность и путемъ провѣрки ихъ въ критикѣ отдѣльныхъ изслѣдователей. Если въ отдѣльныхъ сторонахъ изученія Литовско-Русскаго шляхетства необходимо желать еще продолженія изслѣдованія, то на поставленный нами сейчасъ вопросъ о полномъ тожествѣ дѣйствительнаго положенія Литовско-Русской шляхты, какъ цѣлаго, съ тѣмъ, какимъ предполагали шляхетскій классъ земскіе привилеи конца XIV и XV столѣтій, существующая литература даетъ уже совершенно опредѣленный отвѣтъ. Изучивъ эти привилеи и дѣйствительное положеніе шляхты Литовско-Русской до середины XVI вѣка включительно, М. К. Любавскій отмѣчаетъ великое разнообразіе, въ которое вылилось „юридическое положеніе различныхъ разрядовъ шляхетскаго

1) А. Ю. и З. Р. II. № 146.

2) См. указаніе на эту литературу выше, стр. 177, прим. 2.

сословія". „Даже общее шляхетское право", указываетъ цитируемый авторъ, „въ примѣненіи къ различнымъ разрядамъ шляхты имѣло не одинаковое значеніе и силу, допускало извѣстныя ограниченія и варіаціи въ пониманіи. Кромѣ того, . . . нѣкоторые разряды этого класса сверхъ общихъ шляхетскихъ правъ и вольностей пользовались еще своими особыми правами, а другіе наоборотъ — не пользовались нѣкоторыми изъ общихъ правъ и вольностей шляхты, гарантированныхъ въ земскихъ привилеяхъ"[1]). М. В. Довнаръ-Запольскій, изучая земскіе привилеи въ ихъ постановленіяхъ о шляхетскомъ землевладѣніи, также приходитъ къ выводу о неполномъ соотвѣтствіи ихъ съ дѣйствительностью, отмѣчая значеніе обычнаго права въ подробностяхъ организаціи этого землевладѣнія[2]). Такимъ образомъ, нужно признать, что въ дѣйствительной жизни шляхетство вовсе не было вполнѣ опредѣленнымъ институтомъ въ своихъ очертаніяхъ. Опредѣленною вполнѣ чертою его остается лишь одна: свобода шляхты ото всѣхъ повинностей кромѣ военной земской службы. Все остальное мѣнялось въ зависимости отъ мѣстныхъ и временныхъ условій.

Если это было такъ, то естественно рождается вопросъ: въ чемъ же заключалось шляхетское движеніе XVI столѣтія и въ чемъ были его смыслъ и содержаніе? Было ли оно движеніемъ шляхты Литовско-Русской къ сліянію съ Польскою шляхтою, которое имѣли въ виду первые земскіе привилеи, или же оно шло независимо отъ него, вызываемое мѣстными Литовско-Русскими условіями? Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что отвѣтъ можетъ быть принятъ только второй. Шляхетское движеніе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ имѣло своею цѣлью пріобрѣсти права „панства", поставить шляхту рядомъ съ панскимъ и княжескимъ классомъ, этими „barones" и „principes", освободиться отъ ихъ исключительныхъ правъ, сравнять ихъ съ собою, а себя съ ними въ судѣ, военной службѣ, политическихъ правахъ и правахъ „всего панства" въ своемъ землевладѣніи, этомъ „jus ducale" или „dominium" латинскихъ актовъ. Шляхта добилась

---

1) М. К. Любавскій. Л.-Р. сеймъ. Стр. 470—471.

2) М. В. Довнаръ-Запольскій. Госуд. хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. I. Стр. 609.

этого и стала „панами“. Титулъ „панъ“ сталъ удѣломъ каждаго шляхтича послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, обозначая раньше лишь ту группу населенія, которая стояла надъ боярствомъ и земянствомъ, со своими особыми „панскими“ правами.

Группы населенія, несущаго военную службу, отмѣченныя нами на господарскихъ земляхъ, существовали и на земляхъ панскихъ. Паны, или barones, какъ называетъ ихъ латинскій языкъ актовъ [1]), имѣли подъ собою бояръ и слугъ, какъ ихъ имѣлъ и самъ господарь великій князь. Источники хорошо знаютъ и панскихъ военныхъ слугъ [2]), и панскихъ бояръ [3]) и земянъ [4]). Бояре пановъ служили по требованію своихъ господъ военную службу, не неся никакихъ иныхъ повинностей и поборовъ въ пользу ихъ съ имѣній, пожалованныхъ или признанныхъ за боярами ихъ панами. Вотъ напримѣръ, изображеніе положенія панскаго боярина по одному изъ судебныхъ актовъ 1511 года [5]). Сигизмундъ Старый разсматривалъ со своими радными панами дѣло по жалобѣ господарскаго маршалка, намѣстника Дорсунишскаго, пана Венцлава Костевича и его жены, пани Ганны, на его боярина Еска Даниловича. Жалобщикъ заявилъ великому князю: „онъ маеть именье подо мъною мое въ Грушовой, которое жъ именье остало ми ся по моей жоне съ всими людьми и съ слугами путными, и зъ бояры; и коли жона моя тыми именьи делилася зъ маткою своею — и всими бояры, и слугами путными, и людьми тяглыми, и всими землями, — и онъ тогды ся осталъ на делу съ тымъ именьемъ матце [жоны] моей, кнегини Семеновой Романовича, кнегине Ульяне; и листъ на то дельчій маю; и потомъ, какъ матка жоны моей вмерла, и онъ жоне моей съ тымъ именьемъ досталъся, и служилъ намъ ажъ и до сихъ часовъ; а тыми разы намъ служити не хочеть, а хочеть съ тымъ именьемъ служити

1) О панахъ, ихъ значеніи и происхожденіи ихъ земельныхъ владѣній намъ пришлось уже говорить раньше — Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 262—266 и Отчетъ о девятомъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова (М. 1903), стр. 23.

2) Нпр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 493.

3) Нпр., А. Ю. и З. Р. I, № 129.

4) Нпр., А. Вил. II, стр. 1.

5) Р. Ист. Б. XX. Ст. 668—670.

вашей милости господару". На это заявленіе пана Костевича бояринъ Еско Даниловичъ ответилъ: „тое дей именье мое, на имя Пришвосты, далъ отцу моему князь Семенъ Романовичъ, отецъ панее твоее, а братъ ее князь Иванъ, посполе зъ маткою ихъ, едучи до Сляжска на служъбу господаръскую, и привильемъ своимъ отцу моему то потвердилъ". При этомъ Даниловичъ представилъ и самый привилей, въ которомъ значилось, „штожъ воленъ онъ тое именье отдати, продати и, где хотячы, къ своему вжиточному и лепъшому обернути". Костевичъ и жена его заявили, что они ничего не знаютъ объ этомъ привилеѣ, какъ не знаютъ и о службѣ Даниловича съ этимъ имѣніемъ брату и матери пани Ганны. Они настаивали на томъ, что имѣніе Даниловича „такъ было межи" ними „въ делу, какъ и иныхъ бояръ" ихъ, причемъ онъ молчалъ о своемъ привилеѣ. Даниловичъ, наоборотъ, утверждалъ: „коли дей твоя милость делилася зъ матькою своею, тогды я въ делу не стоялъ, и именье мое въ делъ не ставлено". На это Костевичъ съ женою „доводъ чинилъ многими людьми добрыми", доказывая, что „онъ тогды на делу былъ и именье его въ делъ ставлено". Даниловичъ, однако, „на людей ся не слалъ". Тогда господарь спросилъ его: объявлялъ ли онъ свой привилей передъ дѣльчими, когда производился этотъ раздѣлъ имѣній и „заповедывалъ ли будеть имъ, ижъ бы его именье не делено?" Даниловичъ ответилъ, что онъ этого не дѣлалъ. Послѣ всего этого великому князю и его панамъ-радѣ „виделося" слѣдующее: „хто, таковый привилей маючи, а колькодесять летъ въ молчаньи былъ и надъ то, коли ся именьемъ его делила, а онъ, тежъ тамъ будучи самъ, того не объявилъ, а замолчалъ, — самъ собе кривду вчинилъ". Костевичъ и его жена были признаны правыми, а Еско Даниловичъ — обязаннымъ имъ служить съ вышеназваннымъ его имѣніемъ. Но обязанность служить пану и пани для него была признана лишь въ связи съ владѣніемъ этимъ имѣніемъ: если онъ имъ служить не пожелаетъ, онъ воленъ, оставивъ его со всѣмъ, съ чѣмъ оно ему досталось, „прочъ ехати", причемъ пріобрѣтенное имъ самимъ, кромѣ построекъ, можетъ взять съ собою [1]).

---

1) „нижли што будеть, купивши, прибавилъ челяди, або которыхъ иныхъ речей, окромъ хоромъ, то маеть свое взяти".

Настоящій документъ даетъ слѣдующія черты для изученія положенія панскихъ бояръ. Они владѣютъ имѣніями „подъ" панами и съ этихъ имѣній обязаны служить послѣднимъ. При раздѣлѣ своей „маетности" паны дѣлятся и своими боярами съ ихъ землями. Но по волѣ пана, въ случаѣ пожалованія имъ своему боярину права полнаго распоряженія его имѣніемъ, бояринъ получаетъ свободу и отъ службы пану. Предоставленіе „вырокомъ" Сигизмунда Стараго Даниловичу права оставить своего пана, хотя онъ и былъ признанъ бояриномъ послѣдняго, можетъ быть объясняемо двояко: 1) господарь могъ это сдѣлать въ своихъ собственныхъ интересахъ, такъ какъ Даниловичъ намѣревался перейти на службу къ великому князю, и 2) право ухода отъ своего пана могло считаться общимъ правомъ панскихъ бояръ. Надо думать, что должно быть принято только второе объясненіе. Соображенія для этого слѣдующія. Во-первыхъ, Сигизмундъ I разрѣшилъ это дѣло совмѣстно съ панами-радою „супольными", т. е. въ ихъ полномъ составѣ, а они едва ли бы согласились съ уменьшеніемъ панскихъ правъ не только потому, что были хранителями традиціи въ практикѣ верховной власти, но и потому, что всякое уменьшеніе панской власти и панскихъ правъ затрогивало и ихъ собственные интересы, какъ пановъ. Во-вторыхъ, право бояръ оставлять свои земли и своихъ пановъ хорошо извѣстно актамъ, которыми верховная власть закрѣпляла за панами и князьями имѣнія съ боярами[1]).

Долженъ быть поставленъ вопросъ объ источникахъ панскаго боярства. Этими источниками были: 1) полученіе отъ пана земли на боярской службѣ, 2) наслѣдственное владѣніе ею и 3) пожалованіе господаремъ земель, которыми владѣли бояре, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами. Бояриномъ къ пану можно было „приказаться", т. е. стать его „бояриномъ приказнымъ", получивъ отъ пана землю и принявъ на себя обязательство служить ему съ нея военною службою. Такъ поступили, напримѣръ, Янъ и Станько Богдановичи и Янъ Михайловичъ „з ынъшою братьею своею со всюю Сурымътовичы". Они, по собственнымъ ихъ словамъ, „были бояре прыказныи за паномъ Мишкомъ Юшко-

1) Нпр., Р. Ист. В. XXVII, ст. 754—756.

вичомъ и землю Станевщыну взяли, и дворцы собе на той земли побудовали". Съ этой земли они „оному пану своему одъ колькось летъ службою военною служыли" [1]). Панъ охотно приметъ къ себѣ на службу способнаго нести военную службу человѣка — онъ нуженъ ему въ его панскомъ „почтѣ". Панъ даже иногда попытается переманить къ себѣ на службу и господарскаго боярина, который станетъ въ „почетъ" пана, „позволившы" ему „рукоданне служыти" [2]). Но паны въ предѣлахъ своихъ панскихъ владѣній также, конечно, возвышали на ступень боярства и людей путныхъ и тяглыхъ [3]), т. е. дѣлали въ предѣлахъ своихъ владѣній то же самое, что дѣлалъ и великій князь на своихъ господарскихъ земляхъ. Такъ параллельно боярству господарскому развивалось боярство панское. Конечно, было много случаевъ и совпаденій обоихъ этихъ видовъ боярства: бояринъ господарскій нерѣдко служилъ пану, замѣняя себя другимъ лицомъ на господарской службѣ [4]), — выгоды, предоставляемыя ему паномъ, жаловавшимъ и обезпечивавшимъ его лучше, чѣмъ господарь, побуждали его къ этому.

Мы видѣли выше возможность перехода панскаго боярина на службу великому князю, т. е. возможность превращенія его въ боярина господарскаго путемъ отказа отъ имѣнія, которое онъ держалъ подъ паномъ, и затѣмъ полученія земли на боярской службѣ подъ господаремъ. Но были и еще пути для такого перехода панскихъ бояръ въ ряды бояръ господарскихъ. Эти пути слѣдующіе: 1) выдѣленіе великимъ княземъ части бояръ на себя изъ состава имѣнія, жалуемаго имъ пану; 2) покупка панскимъ бояриномъ своего боярскаго имѣнія у пана съ освобожденіемъ, такимъ образомъ, отъ его власти, а слѣдовательно съ превращеніемъ въ боярина господарскаго, если онъ не задается за другого пана; 3) добровольная уступка самимъ паномъ земли въ

1) А. Вил.-XXIV. № 66.

2) Вил. Арх. Сб. VII. № 8. Ср. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 455—456.

3) Нпр., Ревизія пущъ . . ., стр. 149.

4) Списки земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго хорошо знаютъ примѣры этого. Такъ въ „Пописѣ" 1565 года читаемъ, что Янъ Тукола „самъ въ почте пана Кишъки" (л. 15, ст. 261 изданія), Иванъ Сенковичъ „самъ въ почъте пани Кищыное" (л. 16 об., ст. 263 изданія) и т. д., вмѣсто себя же они выставили въ хоружествѣ своихъ слугъ.

полную собственность своему боярину, чѣмъ открывалась для послѣдняго возможность вступленія въ ряды господарскихъ бояръ или шляхты; 4) переходъ на господаря панскихъ имѣній съ ихъ боярами „спадкомъ", т. е. послѣ прекращенія панскаго рода или отсутствія законныхъ наслѣдниковъ. Примѣры перваго изъ этихъ путей достаточно извѣстны источникамъ. Такъ, жалуя 19 марта 1499 года князю Михаилу Ивановичу Юрьевича Жеславскому Мстиславль и Мглинъ со всѣмъ, къ нимъ принадлежащимъ, великій князь Александръ выдѣлилъ на службу себѣ Каспора Гармановича съ его имѣніями, которыя онъ выслужилъ „во Мстиславли" на князѣ Иванѣ Юрьевичѣ [1]).

Какъ примѣръ бояръ, купившихъ землю у своего пана, могутъ быть указаны хотя бы уже названные нами выше Сурымтовичи, приказные бояре пана Мишка Юшковича. Сурымтовичи, „не хотечы за" Юшковичемъ „мешкати и ему служыти, просили оного пана своего, абы онъ тую землю, сеножати, которыи подъ собою ку дворцомъ своимъ держатъ и пашутъ, имъ бы за некоторую суму спустилъ". Панъ Мишко Юшковичъ согласился на ихъ предложеніе и продалъ просимую ими землю. Получивъ отъ пана продажный листъ, Сурымтовичи представили его великому князю съ просьбою оставить ихъ при этомъ листѣ, подтвердить его листомъ господарскимъ и дозволить имъ служить ему, господарю, „службою боярскою, а въ повете Виленскомъ, подъ хоругвъ Ошменскую, и з ынъшыми бояры поветовыми стоять". Великій князь „добре" выслушалъ листъ пана Юшковича, которымъ онъ продаетъ Сурымтовичамъ землю Станевщину на вѣки, имъ самимъ, ихъ жонамъ и потомкамъ, со всѣмъ принадлежащимъ, ничего на себя не оставляя и признавая ихъ вольность „з тыхъ земль господарю королю его милости служыти, або паномъ раде ихъ милости, або кому усхотятъ, тому служатъ по тому, якъ и" ему самому „тыи Сурымътовичы служыли службою боярскою съ тыхъ земль". На основаніи этого листа „бывшаго пана" Сурымтовичей великій князь выдалъ имъ свой листъ, постановивъ: „маютъ оны сами и ихъ потомъки намъ господарю службу военъную служыти, яко слушытъ на шляхтичовъ добрыхъ,

---

1) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 784.

а подъ хоруговью Ошменскою и з иншыми ся бояры становити по тому, яко и инъшыи бояре нашы повету Виленъского службою боярскою намъ служатъ" [1]).

Что касается добровольной уступки паномъ земли своему служилому шляхтичу, то явленіе это, надо думать, имѣло широкое распространеніе. Это видно уже изъ того, что статутъ 1529 года нашелъ нужнымъ даже опредѣлить закономъ подробности надѣленія панскихъ слугъ землею отъ ихъ господъ. Онъ постановилъ, что дареніе панами имѣній своимъ слугамъ-шляхтичамъ должно происходить съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей [2]) и можетъ быть двухъ видовъ: 1) дареніе земли съ сохраненіемъ обязанности служить пану и 2) дареніе безусловное, съ правомъ служить съ этимъ имѣніемъ „кому хотя" [3]). Акты хорошо знаютъ примѣры такого безусловнаго даренія панами имѣній своимъ слугамъ и переходы послѣднихъ въ ряды бояръ господарскихъ [4]). Наконецъ, панскіе бояре обращались въ бояръ господарскихъ и съ переходомъ панскихъ имѣній къ господарю „спадкомъ", какъ выморочныхъ послѣ пановъ. Но на изученіи „спадковой" шляхты намъ придется остановиться ниже. Поэтому мы и можемъ теперь только ограничиться на нее указаніемъ.

Въ такомъ состояніи застала повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ тотъ классъ, изъ котораго она должна была

---

1) А. Вил. XXIV. № 66. Этотъ господарскій листъ выданъ, какъ значится въ напечатанномъ текстѣ, 18 февраля 1548 года, 14 индикта. Тутъ, конечно, невѣрно или обозначеніе года, или обозначеніе индикта, такъ какъ 1548 годъ имѣлъ индиктъ 6 (Ср. Н. Горбачевскій, Археографическій календарь . . . Вильна 1869, стр. 7). Во всякомъ случаѣ, между временемъ выдачи Сурымтовичамъ продажнаго листа паномъ Юшковичемъ (23 іюня 1528 года, индиктъ 1) и поступленіемъ ихъ въ число бояръ господарскихъ прошло достаточно времени, и можно пожалѣть, что документъ молчитъ о томъ, кому Сурымтовичи служили за это время.

2) Необходимость присутствія при этомъ актѣ „людей добрыхъ стороннихъ" и необходимость выдачи паномъ соотвѣтствующаго документа подъ печатями пана и этихъ свидѣтелей, а также подтвержденіе дарственнаго листа великимъ княземъ.

3) I ст., III, 15.

4) Примѣръ выпуска боярина съ землею изъ своей службы паномъ — А. Вил. XXIV, № 47.

создать своихъ „повѣтниковъ“, повѣтовыхъ шляхетпыхъ обывателей. Шляхетскіе повѣты съ введеніемъ этой реформы должны были образовать лица, обладавшія „почтивымъ шляхетствомъ“ и осѣлостью въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ. Посмотримъ, какъ доказывалась принадлежность лица къ шляхетскому сословію и чтó служило основаніемъ, достаточнымъ для того, чтобы считаться признаннымъ шляхтичемъ. Со времени изданія „артыкула“ 1522 года о „выводе шляхецтва за примовою“[1]) способами доказыванія шляхетства лица были 1) листы, документы, 2) показанія другихъ шляхтичей. Этотъ „артыкулъ“ легъ затѣмъ въ основу и соотвѣтствующихъ постановленій статутовъ 1529, 1566 и 1588 годовъ, получивъ въ нихъ обстоятельное опредѣленіе[2]). Остановимся сначала на первыхъ, т. е. на тѣхъ документахъ, которые признавались обезпечивающими право принадлежности къ шляхетскому сословію для лица, имѣвшаго возможность на нихъ сослаться.

Документами, удостовѣряющими шляхетство, признавались грамоты господарей, судные акты и боярскіе реестры. По своему содержанію господарскія грамоты, привлекавшіяся къ доказыванію шляхетства, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько видовъ. Первымъ изъ нихъ обозначимъ акты пожалованія господаремъ земли на одной военной службѣ, безъ несенія какихъ-либо иныхъ съ нея повинностей. Примѣромъ этого вида грамотъ можетъ служить листъ великаго князя Александра, данный Ковенскому намѣстнику, пану Станку Костевичу 18 августа 1493 года. Въ этомъ листѣ великій князь говоритъ о томъ, что Ковенскій намѣстникъ просилъ его дать господарскому боярину Пацу Грынковичу Ревутову землицу въ Ковенскомъ повѣтѣ, оставшуюся пустою, „безъ службы“, послѣ смерти бездѣтнаго Ревута. Прежде съ этой землицы шла такая служба — „човномъ унизъ чого послать“. Господарь даетъ Пацу Грынковичу эту землицу съ принадлежащимъ къ ней издавна, о службѣ съ нея говоря такъ: „нехай онъ тую землицу держыть и намъ съ тое землицы служыть во двухъ

1) См., объ этомъ артикулѣ выше, стр. 198.

2) I ст., III, 11. II ст., III, 16. III ст., III, 19. О доказываніи шляхетства въ по-реформенное время см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 239 и сл.

зброяхъ, якъ иншые бояре“[1]). Когда почти черезъ сто лѣтъ послѣ этого пожалованія, въ 1572 году, потомки этого Паца Грынковича, Пацевичи, обратились къ Ковенскому старостѣ[2]) съ жалобою на помѣру ихъ Ревутовской земли на волоки, наравнѣ съ тяглыми землями, то онъ, разсмотрѣвъ эту грамоту великаго князя Александра, постановилъ: „а такъ мы, обачывшы то, ижъ они здавна шляхтою, людьми вольными, были, а ижъ тую крывду отъ мерничого невинне на собе поносятъ, учынили есмо ихъ отъ тыхъ платовъ и подачокъ вшелякихъ вольными; маютъ они з тое земли службу земскую военну[ю], водлугъ листу велик[о]го князя Александра, якъ передъ тымъ звыкли, служыти, а большъ ни якихъ повинностей, ровно съ тяглыми поддаными, не маютъ полнити“. Господарскихъ листовъ, жалующихъ земли на одной военной службѣ, извѣстно немало, и, конечно, всѣ они впослѣдствіи могли служить для получавшихъ ихъ и ихъ потомковъ „доводомъ листовнымъ“ на право принадлежности къ шляхетскому сословію Великаго Княжества Литовскаго.

Итакъ, вольность ото всѣхъ повинностей кромѣ земской военной службы и самая эта служба признавались признаками, отличающими шляхтича отъ лицъ, шляхетства не имѣющихъ. Но, присматриваясь къ сохраненнымъ источниками случаямъ доказыванія правъ на шляхетство, необходимо сдѣлать выводъ, что не только соединеніе въ документахъ указаній на наличность обоихъ этихъ условій, но даже указаніе на одно изъ нихъ признавалось достаточнымъ какъ доказательство шляхетства. Документы, свидѣтельствующіе, что данное лицо или его предки несли земскую военную службу, принимались безъ всякихъ дополнительныхъ къ нимъ свѣдѣній, какъ несомнѣнная основа для признанія шляхетства. Такими документами были списки служившихъ земскую военную службу. Послѣ переписи военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, произведенной въ 1528 году, составленные тогда списки оказались въ значеніи переписи шляхты Великаго Княжества Литовскаго, и нахожденіе чьеголибо имени въ нихъ стало признаваться доказательствомъ шля-

1) А. Вил. XXIV. № 85.

2) Панъ Янъ Ходкевичъ, грабя на Шкловѣ и на Мышѣ, староста Жомоитскій, администраторъ и гетманъ земли Инфлянтской, староста Ковенскій, державца Плотельскій и Тельшовскій.

хетства лица, которому это имя принадлежало [1]). Вотъ почему шляхта такъ заботливо вносила потомъ части этого „пописа“ въ книги своихъ повѣтовъ — онѣ служили дѣлу опредѣленія шляхетскаго происхожденія повѣтовой шляхты. Выпись списка бояръ Лидскихъ, Ейшишскихъ, Радуньскихъ, Коневскихъ, Жолудскихъ и Троцкихъ изъ книгъ господарской канцеляріи „большой Великого Князства Литовского екстрактомъ ухвалы — колько хто з обывателей Великого Князства Литовского ку обороне земской з именей своихъ коней ставити маютъ, на великомъ вальномъ сейме у Вильни въ року тысеча пятьсотъ двадцать осмомъ постановленое“, — выданная 1 іюля 1639 года подъ титуломъ короля Владислава IV-го, прямо называетъ эту „уфалу“ спискомъ шляхты: „тое списанье вышей помененыхъ бояръ-шляхты“ [2]). Въ 1796 году панъ Томашъ Якубовскій представилъ для внесенія въ земскія книги Лидскаго повѣта часть этой выписи, а именно списокъ бояръ Ейшишскихъ съ прибавленіемъ заголовка списка бояръ Радуньскихъ. Приписка на этомъ документѣ также иллюстрируетъ практическое значеніе „пописа“ 1528 года даже въ XVIII столѣтіи [3]).

Кромѣ „ухвалы“ или „пописа“ 1528 года, какъ доказательство шляхетства упоминаются въ актахъ реестры хоружихъ. Такъ, державца Олитскій и Немоноитскій Станиславъ Райскій, производя волочную помѣру въ Плотельской, Тельшовской и другихъ волостяхъ, „ку замку Плотельскому прислухаючихъ“, и забравъ въ волоки земли нѣсколькихъ бояръ, въ своемъ листѣ отъ 13 августа 1554 года говоритъ о послѣднихъ: „которыхъ бояръ хоружій Тельшовскій и з иншими бояры старыми на регестре ми ихъ дали подъ печатьми своими и написали ихъ за бояры“ [4]). Вообще списки бояръ въ военныхъ „пописахъ“ были источниками для опредѣленія шляхетства и служили основаніемъ для признанія шляхтою лицъ, въ нихъ внесенныхъ [5]).

---

1) Ср. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 446.

2) А. Вил. XXIV. № 30. Ср. ibidem, № 31.

3) А. Вил. XXIV. № 32. О „пописѣ“ или „ухвалѣ“ 1528 года см. выше, стр. 7 и сл.

4) А. Вил. XXIV. № 103.

5) См., впр., ibidem, № 52. Ср. „квитъ отъправованя служъбы военъной“ — ibidem, № 240.

Доказываніе шляхетства военною земскою службою было однимъ путемъ, на который становился „доводъ листовный“ права на принадлежность къ шляхетскому сословію. Другой путь — доказываніе свободы земельнаго владѣнія отъ какихъ-либо повинностей, при чемъ для земель бояръ эта свобода соединяется съ обязательствомъ нести военную службу, для земянъ же — иногда и безъ этого послѣдняго. Примѣры перваго встрѣчаются въ актахъ очень часто, и мы видѣли одинъ изъ нихъ уже выше. Что касается примѣровъ второго, то они очень рѣдки въ приведенныхъ въ извѣстность источникахъ. Вотъ одинъ изъ этихъ примѣровъ. 2 іюля 1494 года въ Вильнѣ великимъ княземъ Александромъ господарскимъ Переволоцкимъ людямъ Слонимскаго повѣта, Семену Созоновичу, Прону Демьяновичу и Ходору Василевскому съ ихъ братіей, былъ данъ листъ [1]) слѣдующаго содержанія. Эти люди били челомъ господарю и положили передъ нимъ листъ великихъ князей Витовта и Казимира „въ томъ, ижъ велики князь Витофтъ надалъ деду ихъ, на имя Близницу, подводъ не давати, а ни корму и никоторыхъ подачокъ давати, и [ни] какое службы не служити для того, що домъ ихъ на дорозе, и коли велики князь Витольдъ по дворахъ ездывалъ, и въ дому ихъ стоивалъ, а потомъ“ великій князь Казимиръ „далъ и сыномъ ихъ свой [листъ] по тому жъ и въ дому ихъ стоивалъ, а они подыймують станцыею, ино и“ самому Александру „ся пригодитъ коли въ дому ихъ стояти“. Въ виду этого великій князь постановляетъ: „и далисьмо имъ сесь нашъ листъ подлугъ листовъ великого князя Витофта и одца нашого, короля его милости, — подводъ имъ не надобе давати а ни корму, а никоторое подачки, и никакое службы имъ не служити, нехай будетъ такъ, какъ было за великого князя Витофта и Зыгмунта и за одца нашого, короля его милости, бо мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ“. Настоящій документъ въ серединѣ XVI столѣтія былъ признанъ совершенно достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы потомки этого Близнеца считались обладающими правами шляхетства. Въ листѣ Сигизмунда Августа, данномъ 6 іюня 1560 года Слонимскому старостѣ, пану Григорію Воло-

---

1) А. Вил. XXIV. № 139.

вичу и господарскому ревизору Андрею Илговскому, потомки Близнеца называются господарскими земянами Слонимскаго повѣта. Надо при этомъ отмѣтить, что господарь рѣшилъ настоящее дѣло послѣ совѣщанія съ радными панами Княжества, этими оффиціально признанными хранителями правъ, вольностей и традицій Великаго Княжества Литовскаго. Самое рѣшеніе Сигизмунда Августа въ пересказываемомъ его листѣ изложено такъ: „ино мы, з паны радными нашими ихъ милостю намовившисе и бачачи, ижъ тотъ листъ на шляхецтво имъ служитъ, для того, въ повинность жадную абы не были приворочаны, тотъ есмо листъ короля его милости Александра при моцы зоставили и приказуемъ вамъ [1]), ажебысте и братьи ихъ ку службе тяглой и жадной повинности не примушали и никоторое трудности для того не чинили, але осадили бысте ихъ и братью ихъ не платить, але яко вольныхъ земянъ, заховуючися въ томъ ведле сего росказаня и листу нашого“. Послѣднія слова листа Сигизмунда Августа являются отвѣтомъ на жалобу Переволоцкихъ земянъ на привлеченіе ихъ къ тяглой службѣ во время волочной помѣры. Передъ нами, такимъ образомъ, освобожденіе отъ всякихъ повинностей въ концѣ XV столѣтія и опредѣленіе этого освобожденія въ XVI-мъ равнозначащимъ признанію шляхтичемъ лица, имъ пожалованнаго.

Какъ боярская служба доказывалась не только спеціальными документами, выданными отдѣльнымъ лицамъ, но и общими списками, „реестрами“ бояръ, такъ и свобода имѣнія отъ „подачекъ“ кромѣ листовъ, выданныхъ на эти имѣнія, доказывалась общими списками земель и лицъ, съ которыхъ шли „подачки“ въ скарбъ. Эти списки — „реестры скарбные“. Отсутствіе въ нихъ имени господарскаго боярина служило доказательствомъ его шляхетства, такъ какъ „бояре путные и панъцерные, которые повинности полнити и чынъшъ давати повинъни, менovите въ рейстрахъ скаръбныхъ суть описаные“ [2]). Но кромѣ всего этого шляхетство могло быть доказываемо ссылкою на документы, въ которыхъ данное лицо обозначено паномъ, шляхтичемъ или земяниномъ. Такъ, въ одной изъ записей 1592 года, сдѣлан-

1) Т. е. Воловичу и Илговскому.

2) Нпр., А. Вил. XXIV, № 239. Ср. ibidem, № 205 и др.

ныхъ въ Жомоитскихъ земскихъ книгахъ, встрѣчаемъ листъ Сигизмунда III-го, утверждающій Балтромея Петровича Монтвидовича при „шляхетской вольности" на основаніи того, что въ „квитахъ" по установленному Варшавскимъ сеймомъ 1578 года побору, а также и въ другихъ листахъ и квитахъ отецъ Монтвидовича названъ „земениномъ земли Жомоитской" [1]). Доказательствомъ шляхетства могутъ быть въ концѣ концовъ вообще всякіе документы, которые такъ или иначе способны показать дѣйствительное пользованіе шляхетскими правами или простое обозначеніе даннаго лица, или его предковъ шляхтичами [2]). Нельзя не признать, что „доводъ листовный", съ одной стороны, усвоилъ традицію „артыкула о выводе шляхецтва за примовою" двадцатыхъ еще годовъ XVI столѣтія [3]), а, съ другой стороны, не совсѣмъ крѣпко закрывалъ двери для прохода въ ряды шляхты передъ лицами, которыхъ права на шляхетство были не совсѣмъ безспорны, — въ самомъ дѣлѣ, не всѣ изъ такихъ обозначеній лицъ панами, земянами и т. п. въ дѣйствительности, конечно, дѣлались послѣ тщательной провѣрки шляхетства лицъ, ими обозначенныхъ.

Мы разсмотрѣли основанія для признанія шляхетства, почерпаемыя изъ документовъ, представляемыхъ „на помоцъ шляхетъству своему" [4]). Свидѣтельскія показанія о шляхетствѣ, когда приходилось его доказывать, также выдвигали тѣ же основанія. Вотъ образецъ такого показанія. Доказывавшій въ 1583 году свое шляхетство господарскій бояринъ Ретовской волости Жомоитской земли Станиславъ Юцайтисъ, кромѣ листовъ, „ставилъ на доводъ шляхетства своего бояръ его королевской милости земли Жомоитское" — одного Медыгянской волости, другого Жоранской и третьяго Ретовской волости, „повинного своего". Эти бояре показали подъ присягою: Станиславъ Юцайтисъ „есть з роду шляхтичъ и, яко продкове

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III. Стр. 53 (№ 1).

2) Иногда при доказываніи шляхетства ссылаются на пожалованіе великимъ княземъ человѣка „велдомого", что и рѣшаетъ вопросъ о шляхетствѣ лица. Нпр., А. Вил. XXIV, №№ 48 и 235.

3) См. выше, стр. 198.

4) А. Вил. XXIV. Стр. 269.

его, которые неподалеку насъ мешъкають, завъжды заровно з нами службу земскую военную конно служили" [1]). Подобныхъ свидѣтельскихъ показаній о земской службѣ при доказываніи шляхетства акты знаютъ много. Иногда это признаніе выражается и такими словами документа: доказывающаго шляхетство „вси бояре-шляхта собе за брата менили быть стародавнымъ бояриномъ" [2]). Иногда приглашенные для доказыванія шляхетства шляхтичи даютъ показаніе о „кревности" съ ними доказывающаго шляхетство, о томъ, что онъ съ ними одного рода, но и къ этому они часто прибавляютъ служеніе съ ними имъ земской службы [3]). Свидѣтельскія показанія, конечно, должны были приводить тѣ же основанія для шляхетства, какъ и „доводъ листовный", часто являясь вспомогательнымъ матеріаломъ для послѣдняго. „Хоружіе и шляхта стародавная" признаютъ доказывающихъ шляхетство своей „братіей", а реестры скарбные доказываютъ отсутствіе ихъ именъ въ спискахъ „бояръ путныхъ" и „людей тяглыхъ" [4]).

Сводкою почти всѣхъ основаній для доказыванія шляхетства можетъ считаться листъ Сигизмунда Августа, данный въ Вильнѣ 3 іюля 1560 года [5]) для руководства коммиссарамъ въ Ейшишской и Радуньской волостяхъ, панамъ Яну Шимковичу [6]) и Григорію Воловичу [7]) и господарскому дворянину Размусу Богдановичу Довгирду. Въ этомъ листѣ великій князь говоритъ, что ему дана такая „справа" о положеніи дѣлъ въ этихъ волостяхъ: „многіе з подданыхъ" господарскихъ, „бояръ путныхъ и людей тяглыхъ, безъ воли и листовъ" господаря, „за поклонами, черезъ урядниковъ тамошнихъ въ шляхецкое право впущали и, закрываючисе вольностью шляхецкого роду, которые подъ собою маютъ одны одчизные, а другіе тежъ дочеснымъ

1) А. Вил. XXIV. № 118.

2) А. Вил. XXIV. № 107.

3) Нпр., А. Вил. XIII, № 15. Ср. Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III, стр. 95 (№ № 76, 87) и др.

4) Ср. А. Вил. XXIV, стр. 224—225.

5) А. Вил. XXIV. № 141.

6) Маршалокъ господарскій и писарь, староста Тыкотинскій.

7) Староста Мстибоговскій, городничій Городенскій, державца Ейшишскій, Воранскій, Коневскій, Дубицкій и Зельвенскій.

правомъ въ то вшедши, у волоки померити и въ порадокъ справить волочное подле постановеня“ великаго князя „приводити не допускаютъ ревизоромъ“ господарскимъ; тѣ же, чьи земли уже помѣрены на волоки, не платятъ съ этихъ земель платовъ. Сигизмундомъ Августомъ были посланы коммиссары „для выведенья о шляхецтве тыхъ таковыхъ подданыхъ“ его „и тежъ о забране кгрунтовъ“ его. „За писанемъ“ великаго князя передъ этими коммиссарами „хоружіе и шляхта стародавная тыхъ дворовъ“ должны были дать свѣдѣнія о предъявлявшихъ притязаніе на шляхетство и признать ихъ своею братіею. Но отрицательныхъ результатовъ этой справки мало для непризнанія шляхетства. Сигизмундъ Августъ требуетъ, чтобы были привлечены доказательства „регестры скарбными и инными слушными знаки и доводы“ съ другой стороны, со „стороны“ его „господарское“, которая заподозриваетъ шляхетство этихъ лицъ. Эти доказательства должны обнаружить, что они „суть не шляхта, але бояре путные и люди тяглые“. Господарь не хочетъ „никому вольности права уближеня чинити“ и допускаетъ этихъ лицъ „на выводъ шляхетства“ передъ посылаемыми имъ коммиссарами, согласно статуту [1]).

Въ приведенномъ сейчасъ листѣ Сигизмунда Августа ясно замѣтно нежеланіе уменьшать число шляхты. Это желаніе совершенно естественно. Его объясняетъ не только опасеніе великаго князя возстановлять противъ себя растущую въ своемъ значеніи шляхту, какъ сословіе Княжества, но и забота о военныхъ силахъ Литовско-Русскаго государства, основу которыхъ шляхта составляла и которыхъ требовалось такъ много въ виду тяжелыхъ войнъ этого времени. Иногда эту заботу встрѣчаемъ совершенно ясно выраженною въ господарскихъ листахъ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія [2]).

1) Документъ далѣе даетъ описаніе этого вывода.

2) Вотъ начало одного изъ листовъ Сигизмунда Августа, даннаго въ Кнышинѣ 12 іюля 1564 года: „чинимъ явно симъ нашимъ листомъ всемъ вобецъ и кождому зособна, ижъ мы господаръ, хотячи розширити и розмножити у панстве нашимъ Великомъ Князстве Литовскомъ людьми рыцырскими народу шляхецкого, абы на потомне часы у панстве нашымъ Великимъ Князстве Литовскомъ могло быть розширене бояръ шляхты нашое ку потребе нашой господарской и ку обороне речы поспо-

Заботясь о неуменьшеніи числа шляхты, верховная власть, естественно, относилась совершенно снисходительно къ тому, что „люди простые“ въ большомъ числѣ „за листомъ и вызволенемъ права шляхецкое вошли“ [1]), и такое вступленіе „простыхъ людей“ въ ряды шляхты было тѣмъ легче, что власть, какъ мы это видѣли выше [2]), должна была отказаться отъ требованія герба для шляхетства, т. е. должна была отвергнуть формальную основу, на которой она могла бы стоять при разрѣшеніи вопросовъ о принадлежности или непринадлежности отдѣльныхъ лицъ къ шляхетскому сословію. Вмѣсто этой формальной и внѣшней, совершенно ясной основы, право на шляхетство стало базироваться на основѣ бытовой — службѣ и землевладѣніи, — а въ силу этого должно было признать и всю неопредѣленность и невозможность строгаго и вполнѣ точнаго опредѣленія своей базы, такъ какъ разнообразіе быта не легко поддавалось укладыванію его явленій въ опредѣленныя формы.

Ссылки на гербы въ доказательство правъ на шляхетство и въ эпоху послѣ реформы 1565—1566 годовъ не слишкомъ часто встрѣчаются при „выводахъ“ и признаніяхъ шляхетства [3]). Да эти ссылки и невозможно было дѣлать большинству шляхтичей второй половины XVI столѣтія при томъ способѣ, которымъ образовалось шляхетское сословіе Великаго Княжества Литовскаго. Но въ эпоху уже существованія повѣтоваго строя, введеннаго реформою 1565—1566 годовъ, провѣрка шляхетскихъ правъ должна была производиться, конечно, строже, чѣмъ въ болѣе раннее время. Этого требовали преимущества, которыя получило повѣтовое шляхетство. Права повѣтоваго шляхтича были слишкомъ велики для того, чтобы верховная власть могла допускать къ обладанію ими новыхъ лицъ такъ же легко, какъ она вводила ихъ въ ряды шляхты въ болѣе раннее время. Съ другой стороны, и сама повѣтовая шляхта, ревниво охраняя свое значеніе въ повѣтахъ, далеко не была склонна смотрѣть сквозь

литей противко непріятеліомъ нашымъ и тому панству нашому Великому Князству Литовскому . . . .“ А. Вил. XXIV. № 169.

1) Ср. А. Вил. XXIV, стр. 222.

2) Стр. 197 и сл.

3) Нпр., А. Вил. XIII, № 15.

пальцы на пользованіе повѣтовыми шляхетскими правами, пріобрѣтаемое лицами, по ея мнѣнію, „простыми“. Сомнѣнія въ повѣтовомъ шляхетствѣ отдѣльныхъ лицъ, предъявляемыя шляхтою во время разбора дѣлъ повѣтовыми судами или на повѣтовыхъ сеймикахъ, хорошо извѣстны Литовско-Русскимъ актамъ. Какъ увидимъ ниже, повѣтовая шляхта въ годы послѣ реформы 1565—1566 годовъ враждебно относится къ повѣтовымъ правамъ господарскихъ татаръ и конныхъ мѣщанъ, съ которыми она спокойно уживалась раньше, до пріобрѣтенія исключительныхъ правъ шляхетскими корпораціями повѣтовъ. Но тенденцію къ обособленію себя отъ „простыхъ“ людей можно подмѣтить среди шляхты и нѣсколько раньше этой реформы, когда шляхетское движеніе стало уже ясно намѣчать то положеніе, которое стремилась занять шляхта въ государствѣ и которое она заняла дѣйствительно съ эпохи II-го статута. Такъ, въ одной записи Городенскаго суда, сдѣланной въ 1556 году[1]), господарскіе подданные Василь и Никонъ Даниловичи заявляютъ: „ижъ дей мы завжды службу господарскую военную посполъ съ бояры служили, есть есьмо шляхта, а не хлопи простые, кгде и братью маючи въ себе шляхту, людей добрыхъ, готови есьмо тую братью свою передъ вами поставити и тыми шляхетства своего подпереть“. Но оказалось, что шляхтичи, представленные суду Даниловичами, показали лишь слѣдующее: „ижъ дей мы о шляхетствѣ того Василя а Никона не ведаемъ, а есть ли они шляхта, або ни, только они землю зъ нами одну шляхетскую держатъ, которую отецъ ихъ у близкихъ нашихъ купилъ“. Судъ послѣ этого показанія призналъ Даниловичей принадлежащими къ „хлопскому стану“.

Однако вполнѣ обособиться отъ тѣхъ группъ повѣтоваго населенія, которымъ въ эпоху послѣ реформы 1565—1566 годовъ шляхта стала отказывать въ признаніи равныхъ съ собою правъ, ей не удалось. Въ то же время нѣкоторыя группы населенія, внѣ всякаго сомнѣнія не принадлежавшія къ составу шляхетскаго повѣта, продолжали напоминать иногда о былыхъ своихъ связяхъ съ тѣмъ боярствомъ, ко-

1) А. Вил. XVII. № 982.

торое было основнымъ ядромъ повѣтоваго шляхетства времени послѣ реформы. Такъ, въ 1593 году панцырные и путные бояре Полоцкіе представили Сигизмунду Вазѣ „листъ-привилей продка“ его, „славное памети короля его милости Стефана, съ подписомъ руки его королевское милости и съ печатью Великого Князства Литовского, даный всимъ паномъ Полоцкимъ, рыцерству-шляхтѣ, обывателемъ воеводства Полоцкого, въ которомъ“ выписанъ и привилей Сигизмунда Августа, „тежъ на певные вольности и наданья обывателемъ, всимъ мѣщаномъ и всей земли Полоцкой даный“. При этомъ Полоцкіе бояре панцырные и путные заявили господарю, что „тежъ они до того жъ привилею палежатъ, нижли ижъ не завжды, для частыхъ потребъ своихъ, оного досегнути могутъ“. Сигизмундъ III исполнилъ ихъ просьбу, приказалъ переписать подтвердительный привилей Баторія въ свой листъ и выдалъ его „всимъ бояромъ“ своимъ „панцернымъ и путнымъ воеводства Полоцкого, съ подписомъ“ своей руки и съ привѣшенною печатью Великаго Княжества Литовскаго [1]). Отсутствіе совершенно опредѣленнаго разграниченія бояръ и бояръ-шляхты наканунѣ реформы 1565—1566 годовъ заставляло власть Великаго Княжества Литовскаго и въ годы послѣ введенія этой реформы разбирать обѣ эти, такъ близко сходившіяся группы населенія, чтобы за одной признавать повѣтовыя шляхетскія права, а другой въ нихъ отказывать [2]).

Но, не успѣвъ еще вполнѣ отграничиться отъ группъ населенія, стоявшаго ниже ея, повѣтовая шляхта реформою 1565—1566 годовъ слила съ собою въ повѣтовыя шляхетскія

---

1) А. Вил. XIII. № 21. О распространеніи въ до-реформенное время на путныхъ слугъ Полоцкихъ обязательства господаря не отдавать ихъ въ частное подданство см. Отчетъ о присужденіи премій П. Н. Батюшкова, СПБ. 1904, стр. 85 .(Разборъ сочиненія М. Довнара-Запольскаго „Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ“. Рецензія профессора М. К. Любавскаго).

2) См., нпр., „Привилей бояромъ повету Слонимского Леню Ивановичу, Марку Климовичу, Василю Борисовичу а Петру Ходоровичу Простиловичомъ на шляхетство“, выданный Сигизмундомъ Августомъ въ Люблинѣ, 15 января 1569 года (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. л. 39—40). Пересказ этого документа — И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 240—242.

корпораціи тѣ группы населенія, которыя стояли въ предшествующее время выше ея. Князья и паны, стоявшіе внѣ до-реформенныхъ повѣтовъ по своей военной службѣ и подсудности, а также и по участію въ сеймованьѣ, стали въ новые повѣты, какъ повѣтовая шляхта[1]). Вмѣстѣ съ нею стояли тамъ же и повѣтовые, земскіе и дворные урядники. Паномъ сталъ теперь называться каждый шляхтичъ, и самое значеніе „пановъ", какъ особой по своему положенію группы населенія Великаго Княжества Литовскаго, обладавшей прежде особыми правами, стало забываться, такъ какъ они слились съ повѣтовой шляхтою въ общешляхетскихъ или панскихъ правахъ. Объ этомъ прежнемъ особомъ положеніи пановъ напоминали лишь обращенія господарскихъ универсаловъ, которые князей и пановъ ставили, по старой традиціи, выше не только остальной шляхты, но и воеводъ и пановъ радныхъ. Всѣ эти группы населенія теперь считались объединенными въ одномъ „почтивомъ" и „урожономъ" шляхетствѣ, для пріобрѣтенія котораго лицами, не обладавшими имъ раньше, стало требоваться уже не прежнее бытовое, довольно сбивчивое въ отдѣльныхъ случаяхъ, основаніе, а основаніе формальное — „пасованье" господаря съ пожалованіемъ герба[2]).

Итакъ, первымъ условіемъ для обладанія шляхетскими правами въ повѣтѣ было „учтивое шляхетство" лица. Вторымъ, не менѣе необходимымъ, — обладаніе осѣлостью, лежащей въ обводѣ повѣта. Если точное опредѣленіе границъ имѣній само по себѣ должно было составлять серьезную задачу шляхты и верховной власти, то въ виду указаннаго значенія повѣтовой осѣлости эта задача становится особенно важною[3]).

---

1) Группы, на которыя шляхта Великаго Княжества Литовскаго раздѣлялась оффиціальными документами, выражающими оффиціальное пониманіе этого раздѣленія (князья, паны, урядники и рядовая шляхта), мы старались разсмотрѣть на страницахъ 254—471 цитированной въ предыдущемъ примѣчаніи нашей работы.

2) Ср. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 242—243.

3) За подтвержденіемъ границъ своихъ имѣній повѣтовые шляхтичи обращаются и къ господарю. См., нпр., „Потвержене паномъ Кгодебскимъ границъ имени ихъ Бродницкого въ повете Пинскомъ". Лит. Метр. $\frac{I\,A}{72}$ л. л. 169 об. — 181 об. (Дата: Варшава, вальный сеймъ, 5 апрѣля 1589 года).

Какъ мы видѣли выше[1]), одинъ изъ повѣтовыхъ судовъ — подкоморскій — получилъ специальное назначеніе вѣдать дѣла о границахъ шляхетскихъ имѣній и точно устанавливать эти границы. Послѣднія обозначались природными условіями мѣстности, искусственно проводимыми рубежами и насыпаемыми стѣнками и копцами, а также знаками на деревьяхъ. Такое вниманіе къ точному опредѣленію границъ шляхетскихъ имѣній было необходимо, такъ какъ эти имѣнія были не только имуществомъ народа-шляхты, но и основою для его повѣтовыхъ правъ, т. е. именно тѣхъ правъ, которыя и дѣлали его „народомъ" государства. Повѣтовымъ обывателемъ шляхтичъ былъ только на основаніи своей осѣлости въ повѣтѣ. „Маршалокъ короля его милости, а з оселости земянинъ земли Жомоитское" — читаемъ въ одномъ документѣ 1596 года[2]). Шляхтича, не владѣющаго имѣніемъ-осѣлостью въ данномъ повѣтѣ, не станетъ вѣдать и повѣтовый судъ[3]). Повѣтовыми правами пользуются лишь такіе шляхтичи, которыхъ имѣнія-осѣлости находятся въ округѣ, составляющемъ повѣтъ, и группируются около его центра[4]).

Но весьма значительное число шляхтичей владѣло имѣніями, лежавшими не въ одномъ, а въ двухъ или нѣсколькихъ повѣтахъ. При этомъ такое разбросанное землевладѣніе было достояніемъ не только выдающихся своимъ экономическимъ положеніемъ лицъ; обыватели, которые должны быть признаны людьми средняго достатка, нерѣдко владѣли осѣлостями въ различныхъ повѣтахъ одновременно. Источники очень хорошо знаютъ это явленіе[5]). Завѣщанія

1) Стр. 107—108.

2) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. IV. Ст. 58 (№ 25).

3) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. VII. Ст. 85—86 (№ 514).

4) Такъ, въ одномъ листѣ Генриха, данномъ въ Краковѣ 8 мая 1574 года, переводящемъ господарскаго земянина Семена Грушу съ его имѣніемъ Бокшишки изъ Трабскаго присуда „до свободъ, вольности, вряду и судовъ кгродскихъ, земскихъ и подъ хоруговъ повету Ошменьского", такъ говорится объ имѣніяхъ шляхты этого повѣта: „. . . . до повету Ошменьского, где иньшіе обыватели" Великаго Княжества Литовскаго, „коло Ошъмены оселости свои маючіе, належать". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. 69 об. („Листъ пана Семена Груши на вольность отъ присуду Трабъского").

5) Такъ напримѣръ, 12 августа 1586 года Упитскій староста Янъ Яновичъ Волменскій (каштелянъ Полоцкій) выдалъ свой гродскій позовъ

крупныхъ пановъ и ихъ раздѣльные акты перечисляютъ длинные ряды имѣній, принадлежащихъ панамъ и находящихся въ различныхъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго[1]). Повѣтовые урядники также сплошь и рядомъ выступаютъ въ актовыхъ книгахъ повѣтовыхъ судовъ обладателями имѣній въ разныхъ повѣтахъ[2]). Наконецъ, и рядовые шляхтичи въ тѣ же книги вносятъ свои „справы“ по своимъ имѣніямъ, лежащимъ въ различныхъ повѣтахъ[3]). Иногда случалось, что подданные имѣнія земянина, которое лежало въ одномъ повѣтѣ, жили „домами своими“ на территоріи другого, пограничнаго повѣта[4]).

Обладаніе имѣніями въ различныхъ повѣтахъ создавало для шляхтичей, владѣвшихъ ими, подсудность, несеніе земской военной службы, подчиненіе администраціи и возможность сеймикованья также въ различныхъ повѣтахъ. Шляхтичъ, владѣвшій имѣніями въ нѣсколькихъ повѣтахъ одновременно, признавался обывателемъ ихъ всѣхъ, со всѣми правами и обязанностями, соединенными съ принадлежностью къ каждому изъ этихъ повѣтовъ. Подсудность различнымъ повѣтовымъ судамъ по осѣлостямъ влекла за собою обязанность и право вѣдаться по дѣламъ, связаннымъ съ землевладѣніемъ въ опредѣленномъ повѣтѣ, повѣтовыми судами и урядами этого послѣдняго, а не какого-либо другого, въ

„земяномъ и земянъкамъ господарьскимъ повету Менского и Упитского, пану Яну Юрьевичу Сологубу и сестрамъ“ его „рожонымъ, паней Зофіи Юрьевой Пресецкой а паней Гальшъце Станиславовой Нипинской, Юрьевнамъ Сологубовнамъ, а пану Якубу Якубовичу Сологубу“. Въ этомъ позвѣ староста говоритъ, обращаясь къ этимъ лицамъ: вы вызываетесь „до вряду и суду кгродского повету Упитского, з оселости тое, которую въ повете Упитскомъ в ыменью Лясахъ маете“. А. Вил. XXVI. № 292. Примѣровъ владѣнія шляхтичами имѣніями въ разныхъ повѣтахъ актовыя книги повѣтовыхъ судовъ даютъ очень много. Вотъ нѣсколько такихъ указаній: Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I, стр. 93 (№ 93), 118 (№ 228), 119 (№ 249), 146 (№ 336), 147 (№ 363); II, стр. 4—5 (№ 70), 16 (№ 14), 17 (№ 17), 106 (№ 50), 123 (№ 326) и др.

1) Нпр., А. Вил. XXII, № 632 (завѣщаніе Смоленскаго воеводы Василія Тишкевича и его жены Настасьи Андреевны), ibidem № 647 (раздѣльный актъ пановъ Василія и Өеодора Олехновичей Мелешковъ) и др.

2) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 17 (№ 17) и др.

3) Нпр., А. Вил. XXXII, № 174 и др., или Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 4—5 (№ 70).

4) Нпр., А. Вил. XXVI, № 243.

которомъ также находились имѣнія даннаго шляхтича. Дѣло его ведется „у судовъ належныхъ, то есть въ поветехъ, где которые именья прыслухають“ [1]). Если даже дѣло возникаетъ въ судѣ того повѣта, въ которомъ шляхтичъ только что пріобрѣлъ имѣніе, но еще не вступилъ во владѣніе имъ, послѣднее обстоятельство можетъ быть выдвигаемо на судѣ въ качествѣ основанія для требованія освобожденія вызваннаго къ суду по такой осѣлости отъ отвѣта передъ даннымъ повѣтовымъ судомъ [2]).

Итакъ, повѣтовая подсудность не допускала сліянія въ одно цѣлое всѣхъ имѣній шляхтича, лежавшихъ въ различныхъ повѣтахъ, а требовала того, чтобы каждое изъ

---

1) „Листъ умоцованый Анъдрею Мацкевичу на доходженье правомъ именей, отъ воеводы Полоцкого его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] записаныхъ по малжонце его, пани Петрунели Радивиловне“. Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. л. 176 об. — 177. Дата листа: Люблинъ, 16 апрѣля 1569 года. Въ этомъ листѣ такъ говорится отъ имени Сигизмунда Августа: „. . . тогды съ певныхъ а слушныхъ прычынъ впродъ речоный воевода Полоцкій (т. е. панъ Станиславъ Станиславовичъ Довойно) оные две части именей Литовъскихъ и Подлясъскихъ, также золота, серебра и речей рухомыхъ, отъ вышей менованое малжонки его (т. е. „небощыцы“ пани Петрунели Радивиловны) ему записаныхъ, намъ г[о]с[по]д[а]ру пустилъ а все право свое на насъ влилъ и то певными записы своими достаточне описалъ, хотечи и самъ тое справы пры томъ, кому бы то отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра въ судовъ належныхъ злецоно было, поперати. Ино, ижъ некоторые справы около именей помененыхъ и маетности рухомое, пану воеводе Полоцкому отъ малжонки его а отъ пана воеводы намъ г[о]с[по]д[а]ру записаныхъ, у судовъ належныхъ, то есть въ поветехъ, где которые именья прыслухають, з воеводиною Витебъскою Станиславовою Кишиною, пани Ганьною Радивиловною и детьми ее точити ся мають, тогды мы г[о]с[по]д[а]ръ во всихъ таковыхъ справахъ, которые бы съ панею воеводиною Витебскою и з детьми ее около оныхъ двохъ частей именей и маетности рухомое, воеводе Полоцкому, пану Станиславу Довойну отъ малжонки его, небощыцы пани Петрунели Радивиловны, а отъ пана воеводы намъ г[о]с[по]д[а]ру записаныхъ, въ кожъдомъ повете, въ якого кольвекъ права, которого жъ кольвекъ часу прыточили, злецаемъ и симъ листомъ нашимъ поручаемъ з стороны нашое г[о]с[по]д[а]ръское, подле права, намъ г[о]с[по]д[а]ру отъ пана воеводы Полоцкого даного, писару земъскому повету Виленъского Анъдрею Мацкевичу правне поступовати и мовити а водле права посполитого и статуту земъского въ праве зыскъ и страту прыймовати. И на то есмо Андрею Мацкевичу дали сесь нашъ листъ з нашою печатью и съ подписомъ руки нашое г[о]с[по]д[а]ръское“. Ср. II ст., IV, 17 и III ст., IV, 27.

2) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 98—99.

ныхъ разсматривалось какъ отдѣльное цѣлое по повѣту, въ которомъ оно находилось. Иначе слагались для осѣлаго въ нѣсколькихъ повѣтахъ одновременно шляхтича условія земской военной службы. Статутъ 1566 года въ артикулѣ „о шляхтѣ, которые у разныхъ повѣтѣхъ имѣнья мають“ [1]), постановляетъ, что шляхтичи, владѣющіе имѣніями въ нѣсколькихъ повѣтахъ одновременно, должны „въ томъ повѣтѣ, въ которомъ“ они будутъ „наиголовнѣйшее имѣнье свое мѣти, зо всихъ имѣней своихъ отчызныхъ, выслужоныхъ, купленыхъ и жонныхъ“ сами въ военной службѣ становиться „и почтъ свой ставити“. То же самое повторяетъ и статутъ 1588 года [2]). Такимъ образомъ, обладаніе однимъ и тѣмъ же шляхтичемъ имѣніями въ нѣсколькихъ повѣтахъ выводило часть военныхъ силъ изъ однихъ повѣтовъ, чтобы поставить ихъ подъ хоругвью другого, — шляхтичъ, владѣвшій имѣніями одновременно въ различныхъ повѣтахъ, выставлялъ своихъ ратниковъ и становился самъ въ одномъ повѣтѣ, въ которомъ находилось его главное земельное владѣніе. „Пописъ“ 1567 года даетъ рядъ примѣровъ исполненія этого требованія закона. Такъ, Пинскій хоружій Василій Ѳеодоровичъ Ѳедюшко выставилъ съ Пинскимъ повѣтомъ при „пописѣ“ четырехъ конниковъ „збройне“ и двухъ драбовъ съ имѣній, лежавшихъ въ повѣтахъ Пинскомъ и Берестейскомъ [3]), или шляхтичъ Собостьянъ Яновичъ Хрищоновичъ съ Ошменскимъ повѣтомъ выставилъ „збройно“ двухъ конниковъ и одного драба и со своего Ошменскаго имѣнія, и „съ-подъ Менска з Гребеня“ [4]).

Повѣтовой администраціи шляхтичъ, осѣлый въ нѣсколькихъ повѣтахъ, подлежалъ также по своимъ осѣлостямъ. Онъ платитъ серебщизну одновременно поборцамъ ея во всѣхъ повѣтахъ, въ которыхъ находятся его имѣнія [5]). Ад-

1) II ст., II, 8.

2) III ст., II, 8.

3) Съ имѣнія Щемерынскаго и съ другихъ дворцевъ въ Пинскомъ повѣтѣ и съ купленнаго дворца (Издитовъ) и со Здитовецкаго имѣнія жены въ повѣтѣ Берестейскомъ. „Пописъ“ 1567 года, л. 694.

4) „Пописъ“ 1567 года. Л. 104 (ст. 576 изданія).

5) Такъ, Упитскій староста въ 1586 году вызвалъ предъ свой урядъ пана Николая Радивила (князь на Олыкѣ и Несвижѣ, каштелянъ Троцкій) въ неуплатѣ имъ съ его Шавленской державы Упитскому по-

министрація соответствующихъ повѣтовъ приводитъ въ исполненіе судебные приговоры, постановленные по отношенію къ такому шляхтичу, и преслѣдуетъ его за совершенныя имъ преступленія [1]). Что касается до права участія на повѣтовомъ соймикѣ, то законъ не ставилъ никакого ограниченія выбору шляхтичемъ, владѣющимъ имѣніями въ нѣсколькихъ повѣтахъ, соймика, на которомъ онъ желаетъ присутствовать, если на это имѣетъ право по своей осѣлости. Законъ говоритъ объ участіи въ занятіяхъ повѣтоваго соймика „шляхты того жъ повѣту", ничего не прибавляя о размѣрахъ или значеніи имѣнія шляхтича, которое лежало въ одномъ повѣтѣ, по сравненію съ его имѣніями, находившимися въ другихъ повѣтахъ [2]). Правда, соймовые листы, разсылаемые передъ соймиками изъ канцеляріи Княжества панамъ, иногда приглашаютъ послѣднихъ присутствовать на соймикѣ того повѣта, въ которомъ они имѣютъ „головнейшую оселость свою" [3]). Но во-первыхъ, далеко не всѣ, владѣвшіе имѣніями одновременно въ нѣсколькихъ повѣтахъ, получали такіе особые листы передъ соймиками, если уже считать это указаніе за ограниченіе права доступа на соймики всѣхъ повѣтовъ, въ которыхъ находились имѣнія пана, что едва ли возможно дѣлать; а во-вторыхъ, въ перечняхъ участниковъ отдѣльныхъ повѣтовыхъ соймиковъ встрѣчаемъ имена урядниковъ другихъ повѣтовъ [4]), а эти урядники должны были быть „добре" осѣлыми въ тѣхъ повѣтахъ, въ которыхъ они

борцѣ установленнаго Варшавскимъ сеймомъ податка за 1581—1583 годы. А. Вил. XXVI, № 296. Примѣры вызова повѣтовыми поборцами по неуплатѣ побора съ имѣній лицъ, владѣвшихъ земельными имуществами въ разныхъ повѣтахъ - Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. VII, ст. 95 (№ 574), 96 (№ 580, в), 102 (№ 611, а), 104 (№ 625), 105 (№ 626) и др.

1) Такъ, Упитскій земскій судъ постановилъ 6 іюня 1586 года послѣ разсмотрѣнія жалобы Упитскаго поборцы на неуплату княземъ Криштофомъ Радивиломъ установленныхъ въ 1578 и 1579 годахъ поборовъ съ его имѣній Бирженскаго и Радивилишскаго: „мы врядъ з особъ своихъ посылаемъ, абы на именяхъ его милости пана воеводы Виленского (т. е. князя Криштофа Радивила), въ повете Упитскомъ лежачыхъ, екзекуцыю учинили". Ibidem. Ст. 102 (№ 611, а).

2) II ст., III, 5. III ст., III, 6.

3) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія, стр. 225.

4) Нпр., А. Вил. IV, стр. 45—46, 69 и др.

занимали повѣтовые уряды. Право осѣлой въ нѣсколькихъ повѣтахъ шляхты выбирать для своего присутствованія любой сеймикъ было даже оффиціально признано Городенскимъ сеймомъ 1566—1567 годовъ. Въ рецессѣ этого сейма читаемъ: „шляхтичу вольно быти которого кольвекъ похочеть и на которомъ кольвекъ соймику“ [1]). Конечно только, въ этомъ постановленіи нужно подразумѣвать и требованіе осѣлости въ соотвѣтствующемъ повѣтѣ, которое ясно выступаетъ изъ текста и II-го, и III-го статутовъ въ ихъ артикулахъ, говорящихъ о составѣ повѣтовыхъ сеймиковъ [2]).

Въ шляхтѣ, владѣвшей имѣніями одновременно въ нѣсколькихъ повѣтахъ, имѣемъ такую группу повѣтовыхъ обывателей, которая распространяла свои права по землевладѣнію за предѣлы одного повѣта. Рядомъ съ нею Литовско-Русскіе повѣты имѣли въ своихъ границахъ и такихъ шляхтичей, которые не были вполнѣ самостоятельными владѣльцами даже одного имѣнія, лежавшаго въ обводѣ одного повѣта. Это были 1) шляхтичи, владѣвшіе „спольными“ имѣніями, и 2) тѣ сыновья шляхты, которые еще не успѣли тѣмъ или инымъ способомъ пріобрѣсти себѣ собственнаго земельнаго имущества въ повѣтѣ.

„Спольное“ владѣніе хорошо извѣстно Литовско-Русскимъ актамъ. Они знаютъ и дома, находящіеся въ общемъ владѣніи шляхтичей [3]), и спольныя имѣнія [4]), и „себреныя“ отчизныя земли [5]), и спольные лѣса [6]). Иногда такія спольныя владѣнія остаются нераздѣльными лишь до времени, когда совладѣльцы раздѣлятъ ихъ между собою, иногда же такого раздѣла вовсе не происходитъ, и совладѣльцы или продолжаютъ ими владѣть по-прежнему сообща, или отчуждаютъ ихъ, также сообща, въ другія руки. Примѣръ перваго имѣемъ хотя бы въ передачѣ Вилькомирскимъ земяниномъ Крыштофомъ Миколаевичемъ Товтгиномъ въ 1596 году имѣнія Поппвескаго своему младшему брату, пану Якубу Ми-

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 451.

2) II. ст., III, 5. III ст., III, 6.

3) Нпр., А. Вил. XXVI, № 277.

4) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III, стр. 71 (№ 51); VII, ст. 49 (№ 310).

5) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. VII, ст. 52 (№ 328).

6) Нпр., ibidem, ст. 54 (№ 334).

колаевичу Товтгину. Панъ Крыштофъ имѣлъ „въ держаню и въ моцы своей имени сполные и нерозделные з братею" своею „рожоною молодшою, яко братъ старшы и опекунъ позоставшы по небощыку отцу" ихъ. Остальные его братья въ данное время „по службахъ забавни суть, а панъ Якубъ, братъ" его „молодшы, маючы тежъ зуполные лета", просилъ его, „ижъ бы части его, ему належачую, яко отчызну тыхъ именичъ, поступилъ". Панъ Крыштофъ, „ведаючы о томъ, ижъ онъ летъ своихъ естъ дорослы, не хотечы з нимъ о тое заводить се", уступилъ „на часть его, ему належачую, место четвертое части, до прыезду иншое брати и до делу ровного з братею иншою" своею „молодшою, именичо" ихъ „сполное Попивеское со всимъ на все, яко се тое именичо само въ себе маетъ", со всѣмъ, къ нему принадлежащимъ, и выдалъ въ удостовѣреніе этого свой „доброволный листъ" [1]. Въ другихъ случаяхъ имѣемъ продолженіе спольнаго владѣнія и даже залогъ или продажу его совладѣльцами сообща [2]. Литовско-Русскій законъ требуетъ, чтобы съ нераздѣленныхъ между братьями-шляхтичами имѣній совладѣльцы выставляли на военную службу „межы себе годнѣйшого, лѣтъ дорослыхъ" [3]), и дѣлаетъ рядъ постановленій, касающихся вообще спольныхъ имѣній [4]). Пописы земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго также знаютъ службу со спольныхъ имѣній. Такъ, „Пописъ" 1567 года, напримѣръ, въ Вилькомирскомъ повѣтѣ указываетъ Миколая Бартошевича, который былъ съ братомъ своимъ Петромъ „не у-въ одделе" [5]), а также рядъ другихъ шляхтичей, служившихъ со спольныхъ имѣній [6]). Шляхтичи, владѣвшіе спольными

---

1) А. Вил. XXXII. № 49.

2) Нпр., см. продажные листы Вилькомирскихъ земянъ Жаворонковъ, выданные въ 1596 году — ibidem, №№ 101—103. Отчужденіе земли мужемъ и женою вмѣстѣ — нпр., ibidem, №№ 45, 79 и др. Отчужденіе сестрами ихъ общаго владѣнія — нпр., ibidem, № 61. Акты знаютъ примѣры и названія спольнаго имѣнія осѣлостью — нпр., „оселость свою, именье свое властное спольное, нераздельное". А. Вил. XXVI. № 288.

3) II ст., II, 1. III ст., II, 1.

4) Нпр., II ст., VI, 9; IX, 17 или III ст., VI, 9; IX, 26.

5) „Пописъ" 1567 года. Л. 157 (ст. 624 изданія).

6) Еще примѣръ: въ повѣтѣ Браславля Литовскаго „Иванъ Ѳедоровичъ з ыменья сполного з братьею своею, з ыменья съ Молвы выслалъ слугу Петра Матеевича". Ibidem, л. 171 (ст. 637 изданія).

имѣніями, были полноправными повѣтовыми обывателями, хотя ихъ осѣлость и не была ихъ единоличнымъ владѣніемъ. Они были „почтивые" шляхтичи и осѣлые въ повѣтахъ, т. е. удовлетворяли требованіямъ, которыя ставилъ законъ для пользованія повѣтовыми шляхетскими правами.

Въ спольномъ владѣніи имѣніями встрѣчаемся съ лицами, которыя, владѣя шляхетскою землею въ повѣтѣ сообща, должны были признаваться осѣлыми повѣтовыми обывателями, нужды нѣтъ, что ихъ осѣлости-имѣнія были „спольными" или „себреными", а не единоличными владѣніями. Въ иномъ положеніи находились взрослые сыновья шляхтичей, не выдѣленные родителями и не успѣвшіе еще сами пріобрѣсти имѣнія-осѣлости въ повѣтѣ. Они едва ли могли признаваться вполнѣ полноправными повѣтовыми обывателями, такъ какъ и не имѣли лично принадлежавшей имъ осѣлости, и не несли обязанностей повѣтовой шляхты, лишь служа иногда военную земскую службу съ имѣній своихъ родителей, если послѣдніе это имъ поручали [1]). Для того, чтобы сдѣлаться полноправными повѣтовыми обывателями, имъ необходимо было пріобрѣсти имѣніе-осѣлость въ повѣтѣ. Вотъ почему такъ часто встрѣчаемъ въ актовыхъ книгахъ земскихъ судовъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ дарственные листы родителей-шляхтичей, отцовъ и матерей, своимъ сыновьямъ, достигавшимъ совершеннолѣтія. Родители передаютъ своимъ сыновьямъ цѣлыя имѣнія, или ихъ части, надѣляя ихъ черезъ это собственною осѣлостью [2]). При этомъ такая передача земли сыновьямъ наблюдается одинаково, какъ въ средѣ владѣющихъ крупными земельными имуществами пановъ, для которыхъ не было осо-

1) II ст., II, 12. III ст., II, 12.

2) Напримѣръ, въ актовыхъ книгахъ Россіенскаго земскаго суда за 1595—1598 годы имѣется довольно длинный рядъ такихъ записей: Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. IV, ст. 1 (№ 5), 6 (№ 42), 7 (№ 52), 23 (№ 182), 25 (№ 199), 33 (№ 260), 39 (№ 306), 46 (№ 354), 47 (№ 362), 51 (№ 390), 52 (№ 395), 61 (№ 41), 74 (№ 134), 79 (№ 170), 83 (№№ 199 и 202), 85 (№ 211), 94 (№ 276), 102 (№ 337), 103 (№ 340), 106 (№№ 367 и 368), 128 (№ 143), 156 (№ 135), 157 (№ 148), 160 (№ 169), 167 (№ 223), 181 (№ 56), 192 (№ 143), 193 (№ 153), 195 (№ 173), 196 (№ 181), 199 (№ 199), 201 (№ 212), 219 (№ 115), 225 (№ 163), 228 (№ 181), 235 (№ 235), 257 (№ 114), 259 (№ 130), 262 (№ 156), 266 (№ 189), 275 (№ 28), 276 (№ 38), 301 (№ 80), 302 (№ 92), 305 (№ 115), 317 (№ 204).

бенно трудно выдѣлить своему сыну часть своихъ владѣній, такъ и въ средѣ простыхъ, часто очень небогатыхъ земянъ. Примѣромъ перваго можетъ быть хотя бы сдѣланное въ Жомоитскомъ земскомъ судѣ 6 декабря 1573 года заявленіе пана Мальхера Войтеховича Шемета о томъ, что отецъ призналъ его совершеннолѣтнимъ и отдалъ ему въ самостоятельное пользованіе рядъ имѣній въ Минскомъ, Вилькомирскомъ, Ковенскомъ, Слонимскомъ и Оршанскомъ повѣтахъ [1]; примѣрами второго — дарственный листъ Жомоитскаго земянина Павла Якубовича Бычка отъ 12 мая 1585 года своему сыну Николаю на имѣніе Авижли [2]), или дарственный листъ Жомоитскаго же земянина Урбана Венцлавовича отъ 3 іюля 1596 года двумъ сыновьямъ Езофу и Станиславу Урбановичамъ [3]). Кромѣ актовъ надѣленія шляхтичами и шляхтянками своихъ сыновей осѣлостями, сохранились подобнаго же содержанія акты, выданные ими родственникамъ и усыновленнымъ [4]).

Живя при своихъ родителяхъ, сыновья шляхтичей передаютъ имъ и отвѣтственность за свои проступки. Акты судовъ сохранили примѣры вызова отцовъ въ судъ къ отвѣту за преступленія ихъ сыновей. Такъ, 5 іюня 1589 года Жомоитскій земскій судъ разсматривалъ жалобу земянина Павла Балтромеевича на земянина Балтромея Петкевича, сынъ котораго Станиславъ нанесъ побои Балтромеевичу и его ограбилъ. Повѣренный Петкевича доказывалъ, что его довѣритель неотвѣтствененъ за дѣянія своего сына, который живетъ не при немъ, а находится на службѣ у бискупа Жомоитскаго. Но противная сторона доказывала, что преступникъ жилъ во время совершенія преступленія при Петкевичѣ и требовала признанія отвѣтственности по-

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I. Стр. 76 (№ 246).

2) Ibidem. Стр. 153 (№ 21).

3) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. IV. Ст. 94 (№ 276). Въ этомъ послѣднемъ примѣрѣ земянинъ даритъ своимъ сыновьямъ половину имѣнія, кромѣ сельца, въ которомъ „сидитъ“ онъ самъ.

4) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I, стр. 7 (№ 107, а) — дарственный листъ усыновленному, та же Опись IV, ст. 35 (№ 271) — дарственный листъ зятю, ст. 239 (№ 260) — дарственный листъ братьямъ, ст. 260 (№ 141) — дарственный листъ „швагру“, ст. 197 (№ 184) — дарственный листъ пасынку.

слѣдняго. Жомоитскій земскій судъ согласился съ нею и рѣшилъ дѣло въ ея пользу[1]). Эта отвѣтственность за проступки своихъ сыновей должна была въ отдѣльныхъ случаяхъ усиливать желаніе шляхтича выдѣлить своего сына: съ полученіемъ своей собственной осѣлости послѣдній не только становился полноправнымъ повѣтовымъ обывателемъ, но и снималъ съ плечъ отца отвѣтственность за свои дѣянія.

Осѣлость шляхтича въ повѣтѣ могла быть наслѣдственною или благопріобрѣтенною[2]). Какъ наслѣдственное имѣніе, она могла быть „отчизною", „материзною", „дядьковщизною" и вообще полученною по наслѣдству или по передачѣ отъ „близкихъ" и „кревныхъ". Имѣніе благопріобрѣтенное поступало въ руки шляхтича черезъ посредство всѣхъ гражданскихъ актовъ, передающихъ на него права новому владѣльцу: купля, дареніе, мѣна, залогъ. Наконецъ, пріобрѣтались имѣнія и путемъ пожалованія ихъ господаремъ. До Берестейскаго сейма 1566 года право безусловнаго распоряженія своими имѣніями не принадлежало шляхтѣ. Лишь этотъ сеймъ призналъ это право за шляхтою и внесъ его въ статутъ 1566 года[3]). Мобилизаціи шляхетскаго землевладѣнія былъ съ этого времени открытъ широкій просторъ, и она происходила въ весьма крупныхъ размѣрахъ. Актовыя книги повѣтовыхъ судовъ полны записей документовъ по передачѣ повѣтовыми шляхетными обывателями другимъ владѣльцамъ своихъ имѣній, или ихъ частей. Такъ, на Михайловскихъ рокахъ 1570 года Слонимскому земскому суду были предъявлены къ внесенію въ земскія книги[4]) 17 продажныхъ актовъ[5]), 12 актовъ дарственныхъ[6]),

---

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 72 (№ 426). Ср. ниже о сыновьяхъ шляхтичей, какъ „неосѣлой" шляхтѣ.

2) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 472 и сл.

3) Ср. ibidem, стр. 517 и сл. Въ актахъ судовъ иногда даже встрѣчаемъ, при ссылкахъ на измѣненія, внесенныя во II статутъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года, выраженіе „въ поправе Берестейской". Нпр., А. Вил. XXVI, № 287.

4) А. Вил. XXII. Стр. 302 и сл.

5) №№ 575, 579, 585, 600, 602, 603, 604, 609, 625, 640, 641, 643, 644, 648, 649, 650, 651.

6) №№ 580, 597, 599, 610, 611, 619, 621, 622, 623, 631, 637, 639.

2 — мѣновныхъ[1]), 13 — закладныхъ[2]) и одна вѣновная запись[3]). Сверхъ того въ записяхъ той же сессіи того же земскаго суда имѣются документы уступки[4]), раздѣла[5]), выкупа[6]) и завѣщанія[7]) имѣній. Несомнѣнно, что число записей по мобилизаціи шляхетскихъ имѣній для одной сессіи и для одного повѣта весьма значительно, но при этомъ можетъ быть поставленъ вопросъ и о томъ, всѣ ли записи Михайловскихъ роковъ 1570 года внесены въ ту книгу Слонимскаго земскаго суда, которую имѣемъ въ изданіи, такъ какъ эти записи заканчиваются лишь 13-мъ октября.

Возьмемъ примѣръ другой сессіи земскаго суда и въ другомъ повѣтѣ. Обратимся къ актовой книгѣ Россіенскаго земскаго суда земли Жомоитской[8]) за 1581 годъ[9]). Изъ 263 записей, сдѣланныхъ въ ней за 20 дней Михайловскихъ роковъ (съ 30 сентября по 10 октября), 54 представляютъ собою дарственные листы[10]), 92 — продажные[11]), 1 — уступочный[12]), 6 — заставные[13]), 16 — завѣщанія[14]), 20 — раздѣлы и соглашенія[15]), 10 — мѣны[16]), 10 — вѣновныя записи[17]), 2 — вводъ

---

1) №№ 601 и 628.

2) №№ 605, 606, 607, 608, 612, 614, 615, 616, 624, 634, 636, 642, 645.

3) № 613.

4) №№ 587, 626, 652.

5) №№ 583, 638, 647. Наслѣдство — №№ 586, 588.

6) № 582.

7) №№ 569, 570, 573, 620, 629, 632.

8) Ср. выше, стр. 91—96.

9) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн I. Стр. 61—77.

10) №№ 1, 9, 16 (движимость), 18, 22, 26, 29, 30 (деньги на имѣніи), 31, 41, 45, 48, 55, 59, 62, 71, 73, 74, 75, 80, 90, 91, 92, 95, 97, 101, 107, 109, 122, 126, 127, 129, 145, 147, 156, 158, 162, 167, 168, 173, 176, 177, 180, 181, 184, 193, 194, 196, 198, 204, 210, 211, 215, 216.

11) №№ 2, 8, 10, 14, 17, 19, 23, 28, 33, 34, 38, 42, 47, 49, 50, 58, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 77, 79, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 89, 94, 103, 104, 106, 110, 112, 113, 114, 116, 117, 120, 121, 123, 128, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 149, 150, 151, 154, 155, 160, 163, 164, 166, 171, 172, 178, 179, 182, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 197, 199, 203, 205, 206, 212, 213, 214, 217, 237, 238, 261.

12) № 3.

13) №№ 4, 21, 125, 142, 165, 202.

14) №№ 5, (6), 24, 46, 52, 54, 78, 84, 98, 102, 105, 108, 115, 133, 148, 161, 169.

15) №№ 11, 12, 36, 37, 40, 53, 88, 99, 118, 146, 152, 170, 200, 223, 230, 233, 239, 240, 251, 260.

16) №№ 39, 56, 61, 111, 141, 159, 174, 183, 207, 262.

17) №№ 57, 60, 96, 119, 124, 143, 153, 157, 208, 209.

во владѣніе [1]), 1 — обязательство вернуть имѣніе [2]), 1 — выдѣлъ сына отцомъ [3]). Продажные акты составляютъ около $34^1/_2\%$ всѣхъ записей Михайловскихъ роковъ Россіенскаго земскаго суда въ 1581 году; продажные и дарственные — болѣе 50% общаго числа записей.

Такимъ образомъ, передъ нами чрезвычайно широко развившаяся мобилизація шляхетскаго землевладѣнія. Переходъ шляхетскихъ имѣній изъ рукъ въ руки, собственно говоря, не долженъ былъ отражаться на земской военной службѣ. Тотъ, кто пріобрѣталъ шляхетскую землю, принималъ на себя и обязанность нести съ нея эту службу. Но, конечно, въ дѣйствительности интересы военной службы должны были несомнѣнно страдать отъ этой такъ широко развившейся мобилизаціи шляхетскихъ имѣній. Во-первыхъ, отчужденіе частей имѣній и раздѣлы вносили извѣстную путаницу въ опредѣленіе того, кто и какую часть тяжести военной земской службы долженъ былъ нести съ этихъ частей раздѣлившагося шляхетскаго имѣнія, что пріобрѣтало особенное значеніе, въ виду постоянно обнаруживаемаго шляхтою желанія избѣгнуть этой службы [4]). Во-вторыхъ, по мѣрѣ роста числа отчуждаемыхъ и раздѣляемыхъ шляхетскихъ имѣній, увеличивалось число шляхты „убогой" и „неосѣлой". Первая сохраняла свои права въ повѣтѣ, но не могла нести шляхетскихъ повинностей въ достаточно полныхъ размѣрахъ, являясь шляхетскимъ пролетаріатомъ, вторая, лишаясь осѣлости, утрачивала и повѣтовыя права. Наконецъ, отчужденіе шляхетскихъ имѣній увеличивало число такихъ шляхтичей, которые владѣли имѣніями въ разныхъ повѣтахъ, а это обладаніе осѣлостями въ различныхъ повѣтахъ создавало, какъ мы видѣли выше, серьезныя неудобства для отправленія правосудія въ повѣтахъ и для организаціи военной земской службы по повѣтовому дѣленію шляхты.

---

1) №№ 144, 224.

2) № 201.

3) № 246.

4) Неаккуратность прибытія шляхты въ военные сборы мы видѣли выше (стр. 60—61). Въ XVII столѣтіи вѣрная королю и Речи Посполитой шляхта жаловалась на совершенное уклоненіе ея „братіи- шляхты" отъ военныхъ обязанностей во время войны съ Москвою въ 1654 году. Ист.-Юр. Мат. XXI. Стр. 339—342.

Но былъ видъ имѣній, который не подлежалъ дробленію и отчужденію. То были имѣнія, которыя жаловались господаремъ „леннымъ правомъ" и „до живота" владѣльца или „до ласки господарской"[1]). Эти земли были такими пожалованіями господаря, такими „выслугами" на немъ, которыя давались безъ права распоряженія. „Леннымъ правомъ", напримѣръ, „державъ" 200 волокъ земли, „за данною" великаго князя Сигизмунда Августа, князь Андрей Михайловичъ Курбскій. Послѣ его смерти „безъ прыстойного потомка" эта земля вернулась въ распоряженіе великаго князя: „право, ему паданое, устало, и тые села, яко добра, намъ господару належачые, па насъ и до вольного шафунку нашого прышли", говоритъ Сигизмундъ III въ своемъ привилеѣ, отдающемъ прежнее владѣніе князя Курбскаго пану Габріелю Войнѣ, подканцлеру Великаго Княжества Литовскаго, державцѣ Красносельскому. Эта земля — „спадокъ" господаря „власный". Получающій ее панъ Габріель Война „самъ, дѣти, потомки и щадки его милости мужчизного рожаю" будутъ ее со всѣмъ, къ ней принадлежащимъ, „держати, и волни того ку пожитку своему уживати правомъ леннымъ на вѣчность, покуль мужчызного рожаю потомковъ его милости ставати будеть; а гдѣ бы се вже потомки мужчизного рожаю звели, ино тые добра" на королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ „спадати маютъ" — такъ опредѣляетъ права владѣльца имѣнія, пожалованнаго „леннымъ правомъ", привилей Сигизмунда III-го, данный 12 іюня 1589 года[2]).

Но „леннымъ правомъ" имѣніе можетъ быть пожаловано не только самому получающему его лицу и его мужскимъ потомкамъ, но и его женѣ вмѣстѣ съ ними. Такое пожалованіе, напримѣръ, было сдѣлано Сигизмундомъ Августомъ 12 мая 1568 года князю Михаилу Андреевичу

1) II ст., III, 34. Ср. И. И. Лаппо, op. cit, стр. 517.

2) А. Ю. и З. Р. I. № 192, I. Объ имѣніяхъ, пожалованныхъ князю А. М. Курбскому см. Н. Д. Иванишевъ, Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни (Сочиненія. Кіевъ 1876. Стр. 153—197), Н. Устряловъ, Жизнь князя Курбскаго (Введеніе къ Сказаніямъ Князя Курбскаго) и Предисловіе къ VII-му выпуску Описи док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. (объ этомъ Предисловіи см. выше, стр. 97, прим. 3).

Оболенскому въ Обельской волости [1]). Согласно привилею этого великаго князя пожалованное имѣніе будутъ держать „князь Михайло Андреевичъ Оболенскій, его жона, дѣти и потомки ихъ властные мужского рожаю, леннымъ правомъ“. Жена получившаго такое имѣніе, овдовѣвъ, можетъ сохранить эту „осѣлость“ и послѣ выхода замужъ вновь. Это какъ разъ и было въ случаѣ съ женою князя Оболенскаго, пани Ѳеодорой Ѳеодоровной Мироновною, которая послѣ смерти перваго мужа вышла замужъ за господарскаго земянина, князя Станислава Юрагу Гедройтя. Стефанъ Баторій, послѣ представленія ему ея новымъ мужемъ привилея Сигизмунда Августа, утвердилъ за нею это имѣніе въ 1577 году слѣдующими словами своего листа: „маетъ она тые вси маетности до живота своего, водлѣ першого привилья и данины продка нашого и сего листу нашого, уживати“ [2]).

Привилеевъ на имѣнія „леннымъ правомъ“ или указаній на нихъ сохранилось достаточно. Такъ, Сигизмундъ Августъ пожаловалъ городничію Полоцкаго замка Фронцу Бартошевичу Жуку „въ земли Полоцкой сельцо, названое Путилковичы, ему самому, жонѣ, дѣтемъ и потомкомъ его мужчизного рожаю, леннымъ правомъ, вѣчными часы“ [3]); или тотъ же великій князь 1 мая 1568 года пожаловалъ 14 волокъ въ Могилевской волости съ моргами, огородами и „пляцами“ въ Могилевскомъ мѣстѣ Могилевскому протопопу Ивану Захаринчу и его брату Сасину „на вѣчность“, имъ, ихъ женамъ и мужскимъ потомкамъ [4]). Привилеи на

---

1) 64 волоки, 61 моргъ, 84 прута.

2) А. З. Р. III. № 87.

3) А. Ю. и З. Р. I. № 196.

4) О самомъ пожалованіи господарскій листъ говоритъ такъ отъ имени Сигизмунда Августа: „А такъ мы, маючи ласкавое баченье, ижъ братъ ихъ Ярьмола Захарьичъ на службе нашой г[о]с[по]д[а]рьской и земской горло свое положилъ, а хотячи ихъ самыхъ и потомковъ ихъ ку службамъ нашимъ г[о]с[по]д[а]рьскимъ и земскимъ тымъ охотнейшихъ способити, оные кгрунты наши, вышей мененые и въ семъ нашомъ листе описаные . . ., имъ есмо на службе земской дали и симъ листомъ нашимъ даемъ на вечность. Мають они сами, жоны, дети и потомки ихъ мужского рожаю тыхъ всихъ вышей мененыхъ и описаныхъ кгрунтовъ своихъ, отъ насъ имъ даныхъ, то естъ . . ., на себе держати, уживати, а намъ съ того службу земскую служити будуть повинъни, по тому, яко и иные бояре наши тамошніе Могилевскіе служать“. Лит. Метр.

имѣнія „леннымъ правомъ“ говорятъ о правѣ эксплоатаціи этихъ имѣній и ничего не говорятъ о правѣ распоряженія — послѣдняго „ленное право“ не даетъ, какъ не даютъ его и „право дожиботное“ или владѣніе „до воли и ласки господарской“. Статутъ 1566 года отъ имени великаго князя совершенно опредѣленно говоритъ: „которые бы леннымъ правомъ або дожывотьемъ, або до воли и ласки нашое господарское мѣли, тыхъ маемъ заховати водлѣ привильевъ ихъ и ласки нашое господарское“ [1]). Статутъ 1588 года опускаетъ тотъ артикулъ II-го статута, въ которомъ находятся эти слова [2]). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что шляхта Княжества стремилась уничтожить ограниченія, существовавшія для владѣльцевъ такихъ имѣній, и смотрѣть на послѣднія какъ на простыя выслуженныя или пожалованныя отъ господаря имѣнія, распоряжаться которыми она имѣла право уже согласно статуту 1566 года [3]). Но на пути для пріобрѣтенія этого права стояли ограничительныя слова господарскихъ листовъ-пожалованій на такія имѣнія, ясно его ограничивающія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Послѣ утвержденія III-го статута эти ограниченія дѣйствуютъ, какъ мы видѣли выше изъ привилея, даннаго Сигизмундомъ Вазою въ 1589 году пану Габріелю Войнѣ, хотя шляхта и стремилась къ ихъ уничтоженію [4]).

При знакомствѣ съ повѣтомъ и его шляхтою, послѣдняя выступаетъ полноправнымъ сословіемъ, держащимъ въ

$\frac{I\ A}{49}$ л. л. 15—15 об. Заголовокъ документа въ книгѣ Метрики: „Привилей протопопе Могилевскому Ивану и брату его Саснну Захарпничомъ на некоторіе кгрунты у волости Могилевской правомъ леннымъ“. Дата: Городна, 1 мая 1568 года. Еще примѣръ — Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. VII, ст. 132 (№ 778).

1) II ст., III, 34.

2) Артикулъ статута 1566 года „О вольности шафовати выслугою своею“, въ которомъ находятся эти слова (II ст., III, 34) долженъ бы слѣдовать за 41-мъ артикуломъ III-го раздѣла статута 1588 года.

3) II ст., III, 34.

4) Такъ, инструкція Берестейскаго сеймика, созваннаго на 28 сентября 1666 года (въ изданіи въ заголовкѣ недосмотръ — 1661 г.), данная его посламъ на предстоящій сеймъ говоритъ: „lenne dobra, w woiewodztwach Polockim y Witebskim będące, aby exemplo woiewodztwa Smolenskiego y powiatu Starodubowskiego, in bona haereditaria żołnierzowi cedantur“. А. Вил. III. Стр. 380.

рукахъ мѣстную жизнь и властно заявляющимъ свои желанія. Величіе значенія шляхты, подъ которымъ въ дѣйствительности скрывалось много зависимости отъ „можныхъ“ пановъ, способно скрыть отъ глазъ наблюдателя ту часть ея, которая далеко не имѣла возможности гордо держать свою голову въ шляхетскихъ собраніяхъ, задавленная бѣдностью и истомленная тяжелою земледѣльческою работой. Это были шляхтичи „малое оселости“ [1]), которые образовали группу такъ называемой „убогой“ шляхты. Убогую шляхту встрѣтимъ въ постановленіяхъ и универсалахъ о поборахъ, въ „ревизіяхъ“ и „пописахъ“, да изрѣдка въ актовыхъ книгахъ судовъ. Она теряется въ источникахъ рядомъ со шляхтою, владѣвшею значительными имѣніями, и даже со шляхтою частно-служилою, не имѣя времени и возможности, за постоянными трудами и заботами о своемъ скудномъ хлѣбѣ, оставить по себѣ много слѣдовъ въ актовыхъ книгахъ судовъ шляхетскихъ. А между тѣмъ, чѣмъ далѣе подвигалось время, тѣмъ болѣе должно было увеличиваться число убогой шляхты, въ силу дробленія шляхетскихъ имѣній и бѣднѣнія ихъ обладателей.

При обложеніи шляхты серебщиною, шляхта убогая выдѣляется въ особую группу. Такъ, „листъ, до всихъ вобецъ писаный о податкахъ, на сойме установленыхъ, абы ихъ отдавали, а сами на войну ехали водле повинности зъ оселостей своихъ“, выданный изъ Кнышина 1 января 1567 года [2]), говоритъ: „а убогая шляхъта, которые людей своихъ не маютъ, тые драба ставити и складатися на него не повинни“. Такое же выдѣленіе убогой шляхты въ особую группу, не имѣющую возможности нести тяжесть повинностей по равной съ остальною шляхтой раскладкѣ, встрѣчаемъ постоянно въ сеймовыхъ постановленіяхъ и универсалахъ, облагающихъ шляхту исключительными поборами и повинностями [3]). Полоцкая Ревизія 1552 года па-

---

1) См. это выраженіе, напр., на л. 40 об. 65-ой книги Записей Литовскихъ Метрики.

2) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 135 об. — 139 об. Въ пагинаціи книги погрѣшность: л. 137 отсутствуетъ, а прямо послѣ листа 136 помѣченъ листъ 138.

3) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 452 (арт. 3). См. также поборовые универсалы во II-мъ томѣ Voluminum Legum.

зываетъ въ рядахъ Полоцкой шляхты Володька Игнатовича Невельскаго, который со своего имѣнія „господарю его милости водле можности конемъ служыть“ [1]). Но этотъ Невельскій обѣднѣлъ случайно. Его отчизное имѣніе Невле съ 335-ю дымами „въ сторону Московскую отышло“, и онъ несетъ военную земскую повинность съ имѣнія, которымъ владѣетъ „въ заставе отъ земянки Полоцкое Костюшковое Ольфромеевича“, а въ этомъ имѣніи сидятъ лишь два вольныхъ человѣка, дающіе ему четвертый снопъ. Пописы знаютъ шляхту, не имѣющую возможности даже служить военной земской службы на конѣ, а вынужденную отбывать ее пѣшими. Такъ, „Пописъ“ 1567 года отмѣчаетъ пѣшей шляхты 10 человѣкъ въ Ошменскомъ повѣтѣ [2]), 3-хъ — въ Вилькомирскомъ [3]), 23-хъ — въ Троцкомъ [4]), 29 — въ Городенскомъ [5]), 48 — въ Лидскомъ [6]), 28 — въ Слонимскомъ [7]) и т. д.

Бѣдность убогой шляхты рисуется нѣкоторыми актами очень ярко. „Убогую“ шляхтянку можно встрѣтить служащею пастушкою, т. е. нанявшеюся на ту работу, которую въ хозяйствѣ обыкновенно несла „дѣвка дворная“ [8]). Такъ, въ актовой книгѣ Россіенскаго земскаго суда за 1590 годъ находимъ запись жалобы земянина Матея Мартиновича на земянку Малгорету Адамовичъ, сынъ которой Касперъ, по приказанію пани Малгореты, напалъ съ дворною челядью на стадо Мартиновича, угналъ это стадо въ свой дворъ, а пастушку его, шляхтянку Ганну Якубовну и „жонку дворную кіями, нагайками и дубцами збили и зранили“ [9]). Бѣдность заставляла убогихъ шляхтичей отдавать своихъ дѣтей въ услуженіе [10]) къ болѣе богатому своему сосѣду или даже къ далеко живущему пану. Убогій шляхтичъ самъ пашетъ

1) Полоцкая Ревизія 1552 года. Стр. 162—163.
2) „Пописъ“ 1567 года. Л. 134 (ст. 602 изданія).
3) Ibidem. Л. 167. об.
4) Ibidem. Л. 199 (ст. 673 изданія).
5) Ibidem. Л. 239 об. (ст. 712 изданія).
6) Ibidem. Л. 310.
7) Ibidem. Л. 360 об.
8) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 148 (№ 686).
9) Ibidem. Стр. 145 (№ 647).
10) Нпр., ibidem, стр. 78—79 (№ 480).

ниву [1]). Онъ роднится брачными союзами съ простыми подданными, женясь на дочери подданнаго [2]), или выдавая замужъ за подданнаго свою дочь [3]), хотя это и противорѣчило его шляхетской „чести“ [4]). Бѣдность нерѣдко дѣлала невозможною защиту своихъ правъ, какъ землевладѣльца, и убогій шляхтичъ оказывался иногда вынужденнымъ передавать свои права на свое имѣніе лицу, болѣе способному эти права отстаивать. Такъ поступили, напримѣръ, въ 1593 году Жомоитская земянка Ганна Петровна и ея мужъ Андрей Матеевичъ, которые, „маючи кривду и уцыскъ велики отъ суседовъ своихъ“, желающихъ ихъ „вытиснути“ изъ ихъ отчизнаго имѣнія, и, по своей бѣдности, „не маючы чымъ съ тыми суседми своими того права вести, подали се въ моцъ и во владность“ земянину Еразмусу Григорьевичу Сурвилу, а послѣдній „поднялсе отъ тыхъ суседовъ, покуль права ему станетъ, боронити“, и съ этою цѣлью они перевели на него свои права по имѣнію [5]). Та же бѣдность и слабость силъ для отстаиванія своего имѣнія отъ сосѣдей иногда заставляли шляхтича разставаться со своимъ привилегированнымъ положеніемъ осѣлаго шляхетнаго обывателя повѣта и переходить въ городъ, въ среду мѣщанъ, или поступать въ простые бояре къ сильному человѣку. Такъ, Полоцкій шляхтичъ Мартинъ Трухоновичъ Щитъ „для убозътва своего“ переселился въ Полоцкое мѣсто [6]), а Жомоитскій земянинъ Григорій Рингулайтисъ поступилъ въ бояре къ Жомоитскому бискупу Мальхеру Гедройтю, отдавши себя и свое имущество подъ власть и защиту бискупа на вѣчныя времена, съ правомъ вернуть къ себѣ

---

1) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 13 (№ 188). Ср. обстановку жизни боярина — ibidem, стр. 152 (№ 732) или стр. 117 1-го выпуска Описи (№ 210).

2) Ср. Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III, стр. 115 (№ 274) — господарскій подданный и его жена дарятъ своему зятю-земянину и его женѣ своего бѣжавшаго невольнаго челядника.

3) Нпр., ibidem, стр. 34 (№ 231).

4) Ср. недовольство шляхтича выходомъ его сестры замужъ за человѣка „стану простого“. Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I. Стр. 102—103 (№ 263).

5) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III. Стр. 73 (№ 84).

6) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 483.

его потомковъ, ушедшихъ изъ подъ этой власти, и съ правомъ для бискупа полнаго распоряженія переданнымъ ему Рингулайтисомъ имѣніемъ [1]).

Таково было положеніе „убогой“ шляхты. Равная въ идеѣ съ остальною братіей-шляхтою, она далеко не была такою въ реальной жизни. Пользуясь всѣми правами и неся обязанности повѣтовыхъ шляхетныхъ обывателей, убогая шляхта, конечно, легко, благодаря своему тяжелому матеріальному положенію, поддавалась воздѣйствію можныхъ пановъ, боровшихся между собою изъ-за вліянія въ повѣтѣ, и, подобно частно-служилой шляхтѣ, должна была явиться средствомъ для проведенія вліятельными участниками собраній повѣтовой шляхты своихъ желаній подъ угрозою мести или въ ожиданіи награды.

Убогая шляхта, какъ бы ни были невелики размѣры ея имѣній-осѣлостей въ повѣтахъ, признавалась закономъ полноправными шляхетными повѣтовыми обывателями. Въ иномъ положеніи была шляхта „неосѣлая“. Она не входила въ составъ шляхетской корпораціи повѣта, такъ какъ не имѣла въ обводѣ послѣдняго осѣлости. Въ повѣтахъ неосѣлая шляхта была или пришлая, или мѣстнаго происхожденія. Пришлые неосѣлые шляхтичи могли появляться въ повѣтахъ, служа повѣтовымъ обывателямъ или проживая въ границахъ повѣта безъ всякой службы. Неосѣлую шляхту мѣстнаго происхожденія составляли шляхтичи, утратившіе свои имѣнія или еще не успѣвшіе ихъ пріобрѣсти въ свое обладаніе. Шляхтичъ могъ продать или утратить свое имѣніе, и это низводило его въ разрядъ неосѣлыхъ. Добывать средства къ жизни онъ могъ частною службою или какимъ-либо другимъ способомъ, какъ, напримѣръ, арендою участка чужой земли. Такъ, послѣдній способъ избралъ въ 1592 году Жомоитскій земянинъ Балтромей Юшкевичъ, который, продавъ свое имѣніе Бержаны земянину Яну Гружевскому, „не маючи ся где зъ жоною и детьми проводить и мешкане метъ“, взялъ въ аренду у того же Гружевскаго проданное ему свое имѣніе, обязавшись платить ему по двѣ копы грошей въ годъ, причемъ Гружевскому было предоставлено право,

---

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III. Стр. 100 (№ 23).

въ случаѣ неуплаты денегъ въ срокъ, „пограбити (его)[1]) такъ много, яко за копъ две будетъ стало"[2]).

Въ положеніи неосѣлыхъ должны были находиться и дѣти повѣтовыхъ шляхтичей. Одни изъ нихъ оставляли имѣнія своихъ родителей для заработка или самостоятельной жизни, другіе жили при родителяхъ, не имѣя собственной повѣтовой осѣлости. Имъ эту осѣлость еще предстояло получить путемъ дара родителей или послѣ нихъ наслѣдованія, или же какимъ-либо другимъ способомъ, какъ выслугою на панѣ, покупкою, или въ приданое за женою. Всѣ эти способы хорошо извѣстны актамъ, и мы уже видѣли примѣры ихъ выше[3]).

Пріобрѣтеніе повѣтовой осѣлости было крайне желательно каждому шляхтичу, еще не обладавшему ею: она не только давала ему повѣтовыя права, она гарантировала его личности бо́льшую охрану. Въ одной записи Литовской Метрики, сдѣланной 22 марта 1566 года, читаемъ, что неосѣлаго преступника „заразомъ" можно предать суду и подвергнуть наказанію[4]), т. е. безъ врученія ему заблаговременно

1) Скобки въ изданіи.

2) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. III. Стр. 11 (№ 146).

3) См выше, стр. 229 и сл.

4) Вотъ эта запись. - „Лета Бож[ъего] Нарож[енья] 1566, м[е]с[е]ца марца 22 дня, въ пятницу. Г[о]с[по]д[а]ръ король его милость и великій князь Жыкгимонтъ Августъ рачилъ росказати до книгъ канцлярейскихъ записати. Смотрели того дела, за росказанемъ г[о]с[по]д[а]рьскимъ, на дворе короля его милости ихъ милость панъ Виленьскій гетманъ навышьшый Великого Князства Литовского староста Городенскій панъ Григорей Александровичъ Ходъкевича, староста Жомонтскій маршалокъ земскій Великого Князства Литовского панъ Янъ Еронимовичъ Ходкевича, маршалокъ дворный подканцлерый Великого Князства Литовского староста Берестейскій и Могилевскій панъ Остафей Воловичъ на року, дня нинешнего припаломъ, за мандатомъ его королевское милости жаловалъ служебникъ державцы Немонойтского, пана Яна Палуского, Станиславъ Щепановичъ на боярина г[о]с[по]д[а]ръского повету Троцкого Якуба Вертуту о томъ, яко бы сынъ того Якуба Вертуты Миколай, за росказаньемъ отца своего, съ помочниками своими, нетъ ведома для которое прычыны, часовъ теперъ прошлыхъ, въ року шестьдесятъ шостомъ м[е]с[е]ца февраля пятогонадцать дня, перенемши на добровольной дорозе недалеко отъ местечка Немонойцкого, войта волости Немонойцькое Матея Балтромеевича Мелешка на смерть забилъ и замордовалъ, при которомъ дей бою о колько-десятъ копъ грошей, пенезей г[о]с[по]д[а]ръ-

судебной повѣстки — „позва“, которая обязательно доставляется передъ судебнымъ разбирательствомъ осѣлому шляхтичу и даетъ послѣднему возможность приготовиться къ своей защитѣ на судѣ. И сами шляхтичи, и верховная власть были, поэтому, тѣмъ болѣе озабочены возстановленіемъ повѣтовой осѣлости шляхты въ томъ случаѣ, когда она утрачивалась силою исключительныхъ событій, которыя переживало государство. Такъ, когда большая часть Полоцкаго воеводства была захвачена Иваномъ Грознымъ, Сигизмундъ Августъ раздаетъ многимъ Полоцкимъ шляхтичамъ земли въ другихъ повѣтахъ и воеводствахъ „до очищенья“ ихъ имѣній отъ Московскаго захвата [1]). Эта раздача земель

скихъ цынъшовыхъ, которіе тотъ войтъ при собе мелъ, згинуло. Въ которомъ мандате его королевское милости того доложоно, ижъ бы тотъ Якубъ Вертута ку праву самъ сталъ и сына своего поставилъ. А такъ оный Якубъ Вертута, передъ ихъ милостю паны-радами у права стоячи, отказъ чинилъ: ижъ дей я николи своему сыну того забойства чинити не казалъ и того не ведаю, если могъ сынъ въ томъ виненъ або не виненъ, бомъ дей я самъ въ тотъ часъ, которого того войта забитымъ поведають, въ дому своемъ не былъ, алемъ при дворе г[о]с[по]д[а]рскомъ у Вильни мешкалъ и сына дей ми николи не припоручоно, и теперъ дей о немъ не ведаю, где есть, бо, зъ Вильня пріехавши, и въ дому своемъ не засталъ. И ихъ милость панове-рада у суду пытати рачили того служебника пана Палуского: чимъ бы того доводилъ, ижъ тотъ войтъ за росказаньемъ Якуба Вертуты отъ сына его замордованъ быти мелъ, естли того сына его ему припоручили? И оный служебникъ пана Палуского, якъ на то, ижъ бы тотъ Якубъ Вертута сыну своему росказати мелъ, такъ тежъ на то, же бы его ему припоручилъ, никоторого доводу не вчинилъ, одъно голыми словы то на Якуба поведилъ. Съ тыхъ прычинъ ихъ милость панове-рада Якуба Вертуту отъ того мандату волнымъ вчинили. А што ся дотычеть сына его Миколая, который въ томъ мужобойстве объвиненъ, того ихъ милость панове-рада стороне жалобной, яко неоселого, искати росказали, и, кгды бы кольвекъ былъ прыстигненъ, тамъ з нимъ, яко з неоселымъ, заразомъ справедливость вделана быти маеть. Што естъ для памети до книгъ канцляреи г[о]с[по]д[а]рское записано. И на то собе Амброжій, Петръ, Матей Матеевичъ и выписъ съ книгъ г[о]с[по]д[а]рскихъ канцлярейскихъ взяли. Писанъ у Кнышыне“. Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{51}$ л. л. 4 об. — 5 об. Заголовокъ документа въ книгѣ Метрики: „Справа державцы Немоноитьского з Якубомъ Вертутою о забитье войта волости Немоноитьское Матея Мелешъка отъ сына его Миколая Вертуты“.

1) Нпр., Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{49}$ л. 49 („Яцку Быстрейскому на тридцать и три волоки у волости Лидской въ селе Кулбакахъ до очищеня именей его Полоцкихъ“. Дата: Кнышинъ, 10 ноября 1569 года). Послѣ воз-

была не только нѣкоторымъ возстановленіемъ матеріальныхъ средствъ подданныхъ государственной власти, которая не сумѣла ихъ отстоять отъ внѣшняго врага, но и возстановленіемъ ихъ шляхетскаго полноправія, утраченнаго ими, благодаря слабости государства. Утрата имѣнія-осѣлости была въ то же время и утратою правъ осѣлаго шляхтича, и акты знаютъ примѣры того, какъ приходилось затѣмъ возстановлять эти права лицамъ, попавшимъ въ такое положеніе[1]). Господарскіе привилеи, жаловавшіе землю за заслуги лицамъ, земельныхъ владѣній не имѣвшимъ, говорятъ, что черезъ это пожалованіе такія лица получаютъ и осѣлость. Такъ, въ листѣ Генриха ротмистру Александру Гванини на мѣстечко Филипово въ Перстунскомъ лѣсничествѣ читаемъ, что Гванини проситъ господаря дать ему за его службу „опатренье" и „оселость", и эту просьбу король исполняетъ, „взявши ведомость о služъбахъ" его[2]).

Въ средѣ повѣтовой шляхты должна быть отмѣчена и шляхта, осѣлая въ повѣтахъ, но служившая панамъ и шляхтичамъ, болѣе обезпеченнымъ матеріально. Отношеніе этой служилой шляхты къ шляхетскому повѣту имѣло свои особенности, создаваемыя ея частно-служебнымъ положеніемъ. По своимъ имѣніямъ-осѣлостямъ служилая шляхта подлежала повѣтовымъ судамъ и администраціи и несенію военной земской службы подъ повѣтовою хоругвью, хотя лично, съ установленными закономъ извѣстными ограниченіями, должна была подчиняться суду и власти своихъ пановъ, которымъ служила[3]). Источники хорошо знаютъ эту двоякую подчиненность и подсудность служилой шляхты. Въ одной

вращенія земель Полоцкаго воеводства отъ Москвы Стефанъ Баторій выдалъ въ Вильнѣ 7 мая 1580 года „листъ потверъженя правъ шляхце целой воеводъства Полоцъкого". Лит. Метр. $\frac{I\ B}{22}$ л. л. 71 об.—77 об.

1) См., нпр., привилей Сигизмунда III-го, выданный 10 іюня 1592 года Григорію Самбору „на возстановленіе его шляхетскихъ правъ и вольностей, которыхъ лишился дѣдъ его Андрушко Самборовичъ", утратившій и отчизное, и выслуженное имѣнія, а затѣмъ поселившійся на „волокахъ волочныхъ". Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. IV. Ст. 233 (№ 224).

2) „Листъ пана Кгванинов на Филипово". Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. л. 110 об.—111 об. Дата: Краковъ, 1 іюня 1574 года.

3) О служилой шляхтѣ см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 453—461.

изъ записей Вилькомирскаго гродскаго суда, сдѣланной 8 февраля 1596 года, читаемъ такія слова о служиломъ шляхтичѣ Лаврынѣ Улчицкомъ: „панъ Улчыцки, хотяжъ княжати его милости Кошырскому служыть, ведже оселымъ шляхтичомъ у Великомъ Князстве Литовскомъ есть и справедливости собе доводити можеть“[1]). И дѣйствительно мы имѣемъ рядъ примѣровъ выступленія служилыхъ шляхтичей по своимъ дѣламъ въ судахъ повѣтовыхъ[2]), хотя еще больше встрѣчаемъ примѣровъ защиты ихъ интересовъ въ этихъ судахъ не ими самими, а ихъ панами[3]).

Но, съ другой стороны, самъ статутъ 1566 года признаетъ право суда пана надъ своимъ слугою-шляхтичемъ, отнимая отъ него лишь дѣла „о почтивость“, но оставляя дѣла „злодѣйства, забійства и иншыхъ речей выступковъ“, предоставляя панскому суду даже наказаніе смертною казнью, требуя лишь, чтобы при панскомъ судѣ надъ служилымъ шляхтичемъ были „шляхта, люди добрые“[4]). III статутъ, оставляя въ силѣ эти постановленія предшествующаго кодекса, добавляетъ лишь къ нимъ право осужденнаго аппеллировать на рѣшеніе панскаго суда въ трибуналъ[5]). Литовско-Русскіе акты хорошо знаютъ эту широту власти пана надъ своимъ служебникомъ-шляхтичемъ — „зо мною, яко слугою своимъ, водлугъ воли его поступовати и карати, чому вжо противнымъ не будучы, подъ волю его, яко пана своего, подлегати маю и виненъ буду“, говоритъ одинъ шляхтичъ про права надъ собою въ своемъ заставномъ листѣ, относящемся къ 1596 году[6]). Сами паны хорошо знаютъ свои „моцъ и владзу“ по отношенію къ своимъ служилымъ шляхтичамъ[7]), но, конечно, такой же „владзѣ“ и повѣтовыхъ урядовъ послѣдніе подлежали по своимъ осѣлостямъ.

Несенію земской военной службы осѣлая въ повѣтахъ

1) А. Вил. XXXII. Стр. 36.
2) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. VII, ст. 113 (№ 665).
3) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 15 (№ 204), 146 (№ 668).
4) II ст., III, 8.
5) III ст., III, 11.
6) А. Вил. XXXII. Стр. 323.
7) Ср. Описаніе Рукоп. Отд. Виленской Публ. Библіотеки, вып. IV, Приложенія, стр. 13.

служилая шляхта подлежала такъ же, какъ и остальные повѣтовые обыватели. Статутъ отъ имени господаря требуетъ: еслибы осѣлый въ повѣтѣ шляхтичъ „служылъ въ которого пановъ радъ нашихъ, або (до) врядниковъ, або тежъ всякого иного, ино и тотъ будеть повиненъ подъ хоруговью на мѣстцу установити брата або кревного своего, або такъ доброго шляхту, якъ самъ, абы съ тымъ мѣстца не опустилъ, а ни се омѣшкалъ, подъ страченьемъ имѣнья своего“ [1]). Рядъ примѣровъ исполненія этого требованія закона даетъ „Попись“ 1567 года. Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ изъ переписи шляхты Ошменскаго повѣта. Маршалокъ князя воеводы Троцкаго (т. е. Стефана Андреевича Збаражскаго) Михалъ Стаховскій выставилъ въ Ошменскомъ повѣтѣ со своего имѣнія, находившагося въ этомъ повѣтѣ, коннаго вооруженнаго слугу Миколая Юрьевича [2]); Станиславъ Стравинскій самъ служитъ пану Нарушевичу, а со своего имѣнія Лычичъ выставилъ коннаго вооруженнаго слугу Химицкаго [3]). Размѣры имѣній нѣкоторыхъ изъ частнослужилыхъ шляхтичей бываютъ иногда настолько значительны, что ихъ владѣльцы выставляютъ въ повѣтовомъ ополченіи даже не по одному, а по нѣскольку человѣкъ. Такъ, въ томъ же Ошменскомъ повѣтѣ Мартинъ Томасовичъ Черепко, бывшій урядникомъ „отъ пана подскарбъего“ (т. е. пана Миколая Павловича Нарушевича) въ Пенянахъ, выставилъ со своихъ Ошменскихъ имѣній трехъ коней и одного драба [4]); Станиславъ Лагоновскій самъ служилъ Виленскому воеводѣ (т. е. пану Миколаю Юрьевичу Радивилу), а со своего закупнаго (отъ пана Ильинича) имѣнія Скомарова, лежавшаго въ Ошменскомъ повѣтѣ, выставилъ трехъ конниковъ и двухъ драбовъ, выславъ на свое мѣсто Яна Войтеховскаго [5]). По другимъ повѣтамъ „Попись“ 1567 года также даетъ немало примѣровъ [6]). Нѣкоторые изъ повѣтовыхъ

---

1) II ст., II, 7. Ср. III ст., II, 7.
2) Л. 103 об. (ст. 576 изданія).
3) Л. 107 (ст. 579 изданія).
4) Л. 121 об. (ст. 592 изданія).
5) Л. 118 (ст. 588—589 изданія).
6) Нпр., въ Берестейскомъ повѣтѣ („Повѣтъ Берестейскій, Каменецкій и Кобринскій“) Станиславъ Могилницкій самъ былъ при почтѣ

шляхтичей, сами служа въ жолнерахъ у ротмистровъ [1]), также выставляли со своихъ имѣній въ повѣтахъ причитающихся съ нихъ конныхъ ратниковъ. Такъ, Семенъ Груша въ Ошменскомъ же повѣтѣ выслалъ на конѣ своего слугу Станислава Якубовича, въ то время какъ самъ „пенези бралъ въ роте пана Никодымовича“ [2]).

Итакъ, при отбываніи земской военной службы частно-служилый шляхтичъ оставался при своемъ панѣ, замѣняя себя въ земскомъ ополченіи другимъ лицомъ. Интересъ его пана въ данномъ случаѣ отвлекалъ его отъ личнаго исполненія его шляхетскихъ обязанностей въ повѣтѣ. Что касается участія въ повѣтовомъ сеймикованьѣ, то, конечно, служилый шляхтичъ, какъ осѣлый въ повѣтѣ, имѣлъ право этого участія. Безъ сомнѣнія на сеймикѣ при этомъ онъ могъ служить и интересамъ своего пана. Можно предположить, что вельможные паны, по крайней мѣрѣ иногда, не должны были упускать изъ виду возможности усиленія своего вліянія на повѣтовыхъ сеймикахъ черезъ своихъ слугъ-шляхтичей, осѣлыхъ въ повѣтахъ. Имѣнія этими шляхтичами пріобрѣтались не только до поступленія на панскую службу, но и во время ея несенія [3]). Естественно предположить, что иногда при выборѣ имѣнія для пріобрѣтенія служилый шляхтичъ принималъ въ расчетъ и выгоды своего пана, по желанію и требованію этого послѣдняго, или даже безъ нихъ; не менѣе естественно предположить и то, что сами паны, надѣляя своихъ служебниковъ-шляхтичей въ полную собственность кусками земли изъ своихъ имѣній, не упускали изъ виду того, что эти куски земли становились повѣтовыми осѣлостями ихъ слугъ, а стало быть, и открывали панамъ путь къ усиленію своего вліянія въ

пана Ильинича, а въ повѣтѣ со своихъ имѣній Ондронова Острова (Кобринскаго повѣта) и Могильницы (Дорогицкаго повѣта) ставилъ своихъ слугъ Яна Чапскаго и Яна Гинцу, всего двухъ коней збройно. Л. 689.

1) О ротмистрахъ и ихъ ротахъ см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 421—435.

2) „Пописъ“ 1567 года. Л. 129 об. (ст. 598 изданія).

3) Дарственныхъ листовъ отъ пановъ ихъ служебникамъ извѣстно очень много, нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I, стр. 12 (№ 177), 109 (№ 60), 122 (№ 298); II, стр. 2 (№ 26), 111 (№ 133) и длинный рядъ другихъ примѣровъ въ различныхъ изданіяхъ.

собраніяхъ повѣтовой шляхты: при умѣломъ пользованіи этою возможностью увеличенія числа зависимыхъ отъ него повѣтовыхъ шляхтичей, можный панъ легко могъ усиливать свое вліяніе на тотъ или другой шляхетскій повѣтъ.

Но рядомъ съ шляхтичами, поступавшими вновь на панскую службу, крупные паны имѣли подъ собою своихъ земянъ и бояръ-шляхту, издавна, иногда изъ поколѣнія въ поколѣніе, жившихъ на ихъ земляхъ. Существованіе этой панской шляхты въ до-реформенное время мы видѣли выше[1]). Послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ панская шляхта оставалась у пановъ по прежнему. Источники хорошо знаютъ земянъ и шляхтичей панскихъ въ эпоху послѣ реформы[2]). Эта шляхта не была простыми служебниками пановъ, какими дѣлались господарскіе полноправные повѣтовые шляхтичи. Это были осѣлые въ панскихъ имѣніяхъ старые бояре и старые слуги, которые находились подъ властью пановъ. Какъ въ годы до реформы совершался переходъ такихъ панскихъ бояръ и земянъ въ ряды бояръ господарскихъ[3]), такъ онъ могъ совершаться и въ эпоху послѣ реформы. Примѣръ такого перехода имѣемъ въ листѣ Альбрехта Радивила, данномъ въ Клецкѣ 12 сентября 1578 года его служебнику, пану Вавринцу Михайловичу

---

1) Стр. 204 и сл.

2) Напр., земянинъ Юрія Радивила, бискупа Краковскаго и кардинала, князя на Олыкѣ и Несвижѣ (А. Вил. XXXII, №№ 149 и 161), земянинъ Головчинскій вельможнаго князя Щаснаго Головчинскаго, шляхетный панъ Жданъ Пашковичъ Барановичъ (Ист.-Юр. Матеріалы XXX, Отдѣлъ Третій, №№ 177 и 181) и т. д. Въ одной изъ записей Слонимскаго гродскаго суда за 1584 годъ читаемъ такія слова „пріятеля" княгини Андреевой Вишневецкой, воеводиной Волынской, старостиной Любецкой, Берестейскаго земскаго писаря, пана Өеодора Потѣя: „тотъ Алексанъдеръ Стецковичъ, не будучи жаднымъ земениномъ короля его милости такъ, яко се въ позве быти менитъ, але будучи власнымъ слугою, земениномъ и подданымъ здавна ее м[и]л[ости] именъя Узловецкого и будучы збегомъ, шкодникомъ, подступцою и зрадцою и злодеемъ ее милости, который, маючи на рукахъ своихъ не малую маетность ее м[и]л[ости] а не учинившы ее м[и]л[ости] личбы, яко шкодникъ утекши, смялъ тутъ ее милость на враде ожаловати и до суду въ невинности припозвать". Вил. Центр. Архивъ, № 7865. Слонимскаго гродскаго суда № $\frac{3}{A}$ (1584 г.). Л. 249.

3) См. выше, стр. 206—209.

Кирножицкому[1]). Въ этомъ листѣ читаемъ, что Радивилъ „старого служебника“ дома Радивиловъ, Кирножицкаго, служившаго его отцу и ему самому, надѣляетъ „на вечность“ шестью волоками земли отъ своего Клецкаго замка, „з моцы, з владзы и всякого держаня и уживаня“ своего, „въ присудъ и подъ хоруговъ повѣту Новгородского выпустивши и вылучивши“. Эти шесть волокъ представляютъ собою Дойлидскій островъ, „на которомъ теперъ мешкалъ земенинъ“ Радивила „Клецкій Иванъ Ждановичъ“, и часть земли Радивиловыхъ татаръ села Малыщицкаго. Выдѣленныя шесть волокъ отдаются Кирножицкому, его женѣ, дѣтямъ и потомкамъ на вѣчныя времена, съ правомъ полнаго распоряженія. Они будутъ владѣть этою землею, по словамъ Радивила, „служечи съ того службу земскую военную, на сеймехъ вальныхъ уфаленую, не въ почете нашомъ, але господарю королю его милости, подъ хоруговю и въ присуде повету воеводства Новгородского будучи а уживаючи на томъ всехъ вольностей и свободъ шляхетскихъ, какъ яко иншіе всѣ обывателе Великого Князства Литовского, земяне господарьскіе шляхта, з именей своихъ служать и вольностей, правъ и всякихъ свободъ шляхетскихъ уживають, а намъ съ того и потомкамъ нашимъ никоторое повинности онъ самъ, жона, дети и потомки его николи полнити не будуть повинни“.

Такимъ образомъ, передъ нами переводъ въ шляхетскій повѣтъ панскаго шляхтича, совершаемый самимъ паномъ путемъ надѣленія его осѣлостью изъ панскихъ имѣній, лежащихъ въ повѣтѣ, какъ территоріальномъ округѣ. При переводѣ въ шляхетскій повѣтъ своего шляхтича панъ не только не спрашиваетъ на это согласія господаря, но даже ни слова не говоритъ объ „урожономъ шляхетствѣ“ лица, которое, освобождаясь отъ панской власти, вступаетъ въ ряды повѣтовой шляхты. Первое можетъ быть признано и не нужнымъ: законъ совершенно ясно опредѣляетъ право на принадлежность къ повѣтовой шляхтѣ всѣхъ шляхтичей, владѣвшихъ осѣлостями въ повѣтовомъ обводѣ. Указаніе на второе читатель долженъ бы ожидать встрѣтить въ листѣ

1) Описаніе Рукоп. Отд. Имп. Публ. Библіотеки. Выпускъ IV. Приложенія, № 13.

Радивила. Но вмѣсто словъ объ „урожономъ шляхетствѣ“ Кирножицкаго онъ находитъ лишь именованіе послѣдняго паномъ, т. е. шляхетскимъ титуломъ, установившимся для шляхты послѣ уравненія ея съ панами Великаго Княжества Литовскаго. Можно думать, что Кирножицкому и не требовалось никакихъ другихъ доказательствъ его шляхетства: это именованіе его паномъ могло служить достаточнымъ основаніемъ для признанія его шляхтичемъ, и, получивъ осѣлость въ повѣтовомъ обводѣ, панскій шляхтичъ сталъ полноправнымъ членомъ повѣтовой корпораціи того шляхетскаго повѣта, въ обводѣ котораго эта осѣлость находилась.

Такъ просто совершался переходъ панскихъ шляхтичей въ шляхетскіе повѣты въ эпоху послѣ реформы 1565—1566 годовъ. Онъ сталъ еще проще, чѣмъ былъ въ до-реформенное время, когда требовалось для каждаго отдѣльнаго случая вступленія въ ряды бояръ и земянъ господарскихъ разрѣшеніе великаго князя.

Совершенно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стояла панская шляхта къ ея панамъ, стояла такъ называемая „спадковая“ шляхта къ великому князю. Его права на эту шляхту основывались не на томъ, что онъ былъ господаремъ ея, какъ всей остальной шляхты Княжества, а на томъ, что она жила на земляхъ, которыя принадлежали великому князю, какъ пану-собственнику. „Спадокъ“ — выморочное имущество, которое „по ближнемъ, по пустой руцѣ“, за отсутствіемъ наслѣдниковъ, „спадаетъ“ [1]) на великаго князя. Съ теченіемъ времени такихъ „спадковыхъ“ земель оказалось въ рукахъ господаря значительное количество [2]). На нихъ жили и тяглые люди, и слуги, и земяне, и бояре всѣхъ видовъ, которые мы видѣли выше. Въ числѣ бояръ было много такихъ, которые или уже именовались шляхтою, или должны были быть признаны ею, какъ служившіе

1) Ср. II ст., VII, 7.

2) Списокъ спадковыхъ земель великаго князя см. на стр. 153—154, (прим. 1) изслѣдованія М. В. Довнаръ-Запольскаго Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I. Интересный списокъ Трабской спадковой шляхты съ указаніемъ ея повинностей и происхожденія ея имѣній — А. Вил. XXIV, № 75. Къ господарю земли частныхъ лицъ могли переходить не только „спадкомъ“, но и черезъ записи (II ст., III, 35; III ст., III, 42).

издавна, изъ поколѣнія въ поколѣніе, только военную службу, безъ несенія другихъ повинностей и безъ уплаты „посѣдей“. Повѣтовая реформа ставила ребромъ вопросъ о повѣтовыхъ правахъ и обязанностяхъ спадковой шляхты. Какъ осѣлая шляхта, спадковые шляхтичи должны бы были слиться съ „повѣтниками“, но между повѣтомъ и ими стояла та же панская власть, которую мы видѣли надъ панскою шляхтою, хотя эту власть и держалъ въ своихъ рукахъ самъ великій князь, такъ заботившійся, по его собственнымъ заявленіямъ, „о розмноженью стану шляхетского“. Повѣтовая шляхта, сразу послѣ реформы 1565—1566 годовъ, стала хлопотать о сліяніи съ собою шляхты спадковой. Но эти хлопоты встрѣтили энергичный отпоръ господаря, не желавшаго отказываться отъ своихъ правъ по отношенію къ населенію своихъ „имѣній спадковыхъ“ [1]). На сдѣланное на Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 годовъ заявленіе шляхты о томъ, что Клецкіе земяне „надъ право посполитое и вольности ихъ шляхетскіе“ отдѣлены отъ повѣтовой хоругви Новгородской и ихъ „подъ послушеньство и въ присудъ Клецкій примушають“, Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ: „разознанье и выкладъ судовый данинъ, потверженье и листовъ продковъ нашихъ и самыхъ насъ никому иному не належить, только намъ господару властне“; поэтому они должны „правне поступовати“, представивъ великому князю „мандаты“ Клецкихъ державцевъ, считаемые ими противозаконными, которые будутъ разсмотрѣны имъ вмѣстѣ съ ихъ привилеями [2]). На просьбу Бѣльскаго повѣта, представленную на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, о присоединеніи къ повѣту шляхты Тыкотинской, Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ еще опредѣленнѣе: „ижъ Тыкотинъ есть имене спадковое, тогды шляхта Тикотинская, водле звыклого обычаю давного, въ суду и во всемъ маеть послушенство чинити ку вряду тамошнему Тыкотинскому“ [3]), т. е. она остается въ прежнемъ положеніи и не сливается со шляхетскимъ Бѣльскимъ повѣтомъ.

Статутъ 1566 года, гарантируя Литовско-Русской шляхтѣ „неданье“ шляхтичей и ихъ имѣній никому, сохраняетъ всѣ

---

1) См. выше, стр. 83—84 и 164.

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 462.

3) Ibidem. Стр. 493.

права господаря на спадковую шляхту, съ правомъ пожалованія ея господаремъ кому онъ пожелаетъ: „вѣдже кому быхмо, зъ ласки нашое, дали и давати хотѣли, родичомъ Великого Князства имѣнья наши спадковые, и въ нихъ бояре, хотя бы шляхта была, а имѣньица свои здавна и ново тежъ черезъ давину оныхъ пановъ, по комъ на насъ господаря тые спадки пришли, мели[1]) и имъ служыли, а листы потверженьемъ нашимъ не вызволили, въ томъ моцы рукъ и щодробливости нашое и потомковъ нашихъ не замыкаемъ"— гласитъ II статутъ отъ имени великаго князя[2]). То же самое повторяетъ и статутъ 1588 года[3]).

Приведенныя сейчасъ слова Литовско-Русскаго закона совершенно опредѣленно сохраняютъ въ рукахъ господаря всѣ его права на распоряженіе спадковыми имѣніями и шляхтою, которая въ нихъ живетъ. Она отнюдь не уравнена въ правахъ съ остальною массою шляхты, которую составили господарскіе бояре и господарскіе земяне. Послѣднимъ оба статута гарантировали, что ни они, ни ихъ имѣнія никогда не будутъ раздаваться господаремъ, по отношенію же къ шляхтѣ спадковой великій князь сохранилъ это право до-реформеннаго времени, какъ сохранили его и паны по отношенію къ своей шляхтѣ. Но тѣ же приведенныя выше слова статута 1566 года, повторенныя и статутомъ 1588 года, совершенно ясно говорятъ и о происхожденіи шляхты спадковой. Это такіе шляхтичи, которые уже въ давнее время или недавно получили отъ пановъ, которымъ принадлежало имѣніе до его „спадка" на великаго князя, земли и этимъ панамъ служили, не освобожденные ими отъ службы на себя съ подтвержденіемъ этого освобожденія и перехода на господарскую службу великимъ княземъ. Иными словами, въ положеніи спадковой шляхты оказались такіе шляхтичи панскихъ имѣній, которые до „спадка" послѣднихъ на господаря не успѣли перейти изъ рядовъ панскихъ бояръ и земянъ въ ряды бояръ и земянъ господарскихъ однимъ изъ

1) Въ изданіи II-го статута въ XXIII-й книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. совершенно напрасно слово „мели" взято въ скобки.

2) II ст., III, 4.

3) III ст., III, 5.

тѣхъ способовъ, которые отмѣчены были нами выше[1]). Послѣ „спадка“ панскаго имѣнія на господаря, послѣдній вступилъ во всѣ права прежняго пана по отношенію къ такимъ шляхтичамъ и отнюдь не хотѣлъ отъ этихъ правъ отказываться, какъ мы уже видѣли выше.

То, что даетъ для характеристики спадковой шляхты приведенная выше выписка изъ статута, дополняется свѣдѣніями, почерпаемыми изъ Литовско-Русскихъ актовъ. Вотъ, что говоритъ, напримѣръ, о спадковой шляхтѣ Мстибогова листъ Сигизмунда Августа, данный въ Кнышинѣ 12 іюля 1564 года[2]). Господарь имѣетъ „въ рукахъ своихъ маетность спадковую по небощыку Станиславовичу Рекутовичу, старостичу Жмойдскому[3]), который съ того свѣта безпотомне смертью зышолъ.“ Эта „маетность Мстибовъ[4]) зо всими приналежностями на“ великаго князя „господара спадкомъ до рукъ и шафованя“ его „пришла“ еще въ великокняженіе Александра Казимировича. Въ этихъ „маетностяхъ, во Мстибове“, бояре-шляхта на разныхъ мѣстахъ „земли держали одъ небощика, славной памети Станислава Яновича Рекутовича, старосты[5]) Жмойцкого, которые то бояре-шляхта, держечы тые именича свое за выслугами продковъ своихъ, не даючы ничого пану Станиславу Яновичу Рекутовичу, старосты Жмойцкому, на которые то маетности, именича свое, каждый з нихъ листовъ-твердости мети не мели, однакожъ кождый з нихъ з своего именича, иной повинности, дани и подачковъ пану своему не даючы, только на потребу, когда указывала потреба на тотъ часъ пана ихъ зошлого, небощыка пана Станислава Яновича Рекутовича, старосты Жмойцкого, и потомка его, пана Станислава Станиславовича Рекутовича, ку обороне речы посполитой военное, а по смерти пана Станислава Станиславовича, старостича Жомойцкого, намъ господару, еще продкомъ нашимъ, остала“. Эти „бояре-шляхта Мстибовскіе“ служили великимъ

---

1) См. стр. 207—209.

2) А. Вил. XXIV. № 169.

3) Сынъ старосты Жомоитскаго Станислава Яновича Рекутя (см. о послѣднемъ А. Вил. XXIV, №№ 65 и 115).

4) Мстибовъ то же самое, что Мстибоговъ. Ср. М. К. Любавскій, Обл. дѣл. и мѣстн. упр., стр. 164.

5) Въ изданіи: „старостѣ“.

князьямъ Александру и Сигизмунду Старому и служатъ самому Сигизмунду Августу „конемъ службу военную“, какъ и „иншая шляхта-бояре“ господарскіе въ повѣтѣ Волковыйскомъ. Не имѣя документовъ на свои имѣнія, къ Сигизмунду Августу пріѣхали „бояре-шляхта“ его „Метибовскіе, Грегорый Миколаевичъ Семичовъ Стоцкій и Андрей Станиславовичъ Стоцкій“, и били ему челомъ о пожалованіи и подтвержденіи имъ господарскимъ листомъ имѣнія въ Стокахъ и объ оставленіи ихъ самихъ и ихъ дѣтей и потомковъ „при свободахъ и вольностяхъ“. Сигизмундъ Августъ исполнилъ ихъ просьбу, найдя ее „слушною“ самъ, а также „за причиною и радою пановъ-радъ“, въ то время при немъ бывшихъ. Оба Стоцкіе, названные уже въ настоящемъ листѣ господарскими земянами Волковыйскаго повѣта, вмѣстѣ съ ихъ жонами и потомками, получили подтвержденіе на „тую маетность, имениче Стоки, надъ речкою Стокою“, съ правомъ полнаго распоряженія. Съ этого имѣнія Стоцкіе должны Сигизмунду Августу и его преемникамъ „на потребу речы посполитое и войну противо непріятелеви“ господаря, „коли будетъ ухвалено на посполитое рушене, посполу з иншою шляхтою“ господарскою, „у повети Волковыскомъ коня ставети, яко и во всехъ земляхъ того панства“ его, Великаго Княжества Литовскаго. Далѣе документъ говоритъ отъ имени великаго князя: „и при тыхъ вольностяхъ и свободахъ ихъ самыхъ, впродъ реченныхъ Михала Семича Стоцкихъ и Андрея Стоцкого заховуемъ, жоны, дети и потомковъ ихъ на вечные часы, яко иншая бояра-шляхта нашая во всехъ панствахъ Великого Князства Литовского, которыи, маючы въ рукахъ своихъ добра столу нашого господарского, кому хотечы и кого кольвекъ особе отдать, шафовать, яко власностями своими“.

Передъ нами въ настоящемъ документѣ иллюстрація на реальномъ примѣрѣ того, что въ сжатомъ видѣ даетъ статутъ въ приведенныхъ выше словахъ о спадковой шляхтѣ. Но этотъ документъ даетъ и образецъ перевода великимъ княземъ своихъ спадковыхъ шляхтичей въ ряды полноправной шляхты господарской. Этотъ переводъ такъ похожъ на освобожденіе панами ихъ шляхтичей отъ панской власти, только тутъ освобожденіе отъ послѣдней соединяется въ одинъ моментъ съ принятіемъ ихъ въ ряды шляхты госпо-

дарской, въ то время какъ въ аналогичныхъ случаяхъ для панской шляхты эти моменты раздѣлялись. Оно такъ и должно было быть: панъ спадковой шляхты былъ одновременно и господаремъ Великаго Княжества Литовскаго.

Въ годы послѣ реформы 1565—1566 годовъ переводъ спадковыхъ шляхтичей въ шляхетскіе повѣты совершался также въ видѣ особыхъ пожалованій великаго князя, по челобитьямъ отдѣльныхъ спадковыхъ шляхтичей, т. е. какъ исключеніе изъ общаго правила. Такъ, въ привилеѣ Стефана Баторія, данномъ Юрію Жигимонтовичу въ Ригѣ 22 апрѣля 1582 года [1]), читаемъ, что этотъ Жигимонтовичъ просилъ короля, чтобы онъ „его з именемъ его Борисовичами, въ старостве Кобрынскомъ лежачомъ, отъ послушенства и присуду замку Кобрынского волными учинивши, до повету Берестейского выпустилъ и прилучылъ и ему, яко иншой шляхте Берестейской, подъ хоруговю поветовою часу войны съ почтомъ, съ того именья его Борисовичъ повинънымъ, служити и становити ся дозволилъ“ [2]). Король, принимая во вниманіе его „чоломбите“ и ходатайство пана Остафія Воловича [3]) и нѣкоторыхъ другихъ радныхъ пановъ, засвидѣтельствовавшихъ передъ нимъ „годность“ Жигимонтовича къ службамъ господарскимъ и земскимъ военнымъ, исполнилъ его просьбу. Привилей отъ имени Стефана Баторія гласитъ: „преречоного Юря Жикгимонтовича, дети и потомки его, съ тымъ именемъ его звышописанымъ Борисовичами, зо всими кгрунты его, землями и з людми, на нихъ оселыми, такъ, яко се само въ собе, въ границахъ и обыходехъ своихъ здавна мело и теперъ маеть, на вечные часы отъ послушенства и присуду замку Кобрынского вызволяемъ и выпущаемъ, а до повету и присуду Берестейского его прилучаемъ“. Перемѣна, создаваемая въ положеніи спадковаго шляхтича этимъ переводомъ его въ шляхетскій повѣтъ, обозначается слѣдующими словами при-

---

1) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{69}$ л. л. 88—88 об. (на пагинацію этой книги вполнѣ полагаться нельзя, такъ какъ она не совсѣмъ выдержана).

2) Въ привилеѣ говорится отъ имени короля: „выпустили и прилучыли“, „дозволили“.

3) Панъ Виленскій, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, староста Берестейскій и Кобринскій.

вилея: „такъ, ижъ, естлибы хто до нихъ якое дело мелъ, вжо не до суду Кобрынского, але до суду земского и кгродского Берестейского, по тому, яко и иншая шляхта Берестейского повету, позывати се мають и службу военную не индей, одно подъ хоруговю поветовою Берестейскою, з ынною шляхтою служити повинни будуть". Конечно, послѣ этого господарскаго привилея, ни „теперешній староста Кобрынскій", ни его преемники по уряду „и нихто никоторое кривды ему и потомкомъ его чинити и до присуду Кобрынского оныхъ съ тымъ именьемъ ихъ приворочати и прилучати не мають и моцы мѣти не будуть" [1]).

Такимъ образомъ, съ переводомъ спадковаго шляхтича въ шляхетскій повѣтъ онъ становится подъ повѣтовую хоругвь и подъ присудъ повѣтовыхъ судовъ, со всѣми остальными правами шляхетныхъ обывателей повѣта, освобождаясь отъ власти и суда старосты-державцы, какъ господарскаго управителя того спадковаго имѣнія, въ которомъ лежала его осѣлость. Привилеевъ такого содержанія сохранилось довольно много. Но иногда о переводѣ имѣнія въ шляхетскій повѣтъ приходилось хлопотать шляхтичу, и не принадлежавшему лично къ спадковой шляхтѣ. Это бывало тогда, когда шляхтичъ пріобрѣталъ какимъ-либо способомъ имѣніе, лежавшее въ предѣлахъ спадковыхъ земель и не присоединенное еще господаремъ къ шляхетскому повѣту. Въ такомъ положеніи былъ, напримѣръ, господарскій земянинъ Семенъ Груша, который владѣлъ вблизи Трабъ купленнымъ имѣніемъ Бокшишками на рѣкѣ Якунѣ. Трабскіе державцы, какъ жаловался Груша королю и великому князю Генриху, „его ку повинъностямъ и присудомъ двора Трабъского примушають и немалые трудности о то, жебы онъ зъ оного именейца вышей менованого уряду Трабского послушенъ былъ, ему задають" [2]). Такимъ образомъ, совершенно полноправный шляхтичъ, пріобрѣтая покупкою, наслѣдованіемъ или другимъ какимъ-либо способомъ кусокъ земли, принадлежавшій раньше спадковому шляхтичу, не успѣвшему осво-

---

1) Тотъ же привилей — Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{67}$ л. л. 166 об. — 167 и тамъ же „другій разъ омылкою списанъ" — л. л. 167 — 167 об.

2) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{57}$ л. л. 69 об. — 70. „Листъ пана Семена Груши на вольность отъ присуду Трабъского" (дата: Краковъ, 8 мая 1574 года).

бодиться отъ ограниченія его правъ, долженъ былъ хлопотать о снятіи съ него этихъ ограниченій по пріобрѣтенной землѣ, если не желалъ имъ подчиниться. Освобожденіе Семена Груши отъ присуда Трабской державы и подчиненія ея державцамъ было сдѣлано Генрихомъ въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ и Стефанъ Баторій освободилъ въ приведенномъ выше его привилеѣ Жигимонтовича отъ власти и суда старостъ Кобринскихъ [1]). Подобнаго содержанія привилеевъ, обоихъ сейчасъ указанныхъ видовъ, сохранилось довольно много. Всѣ они переводятъ въ шляхетскіе повѣты или самихъ отдѣльныхъ спадковыхъ шляхтичей съ ихъ имѣніями, или одни эти имѣнія, пріобрѣтенныя полноправными шляхетными обывателями повѣтовъ [2]).

1) Семена Грушу, его жену, дѣтей и потомковъ, гласитъ привилей отъ имени короля Генриха, „з ыменейцомъ его Бокъшишъками и зо всякими кгрунъты, которые онъ при державе Трабъской ку оному именью Бокъшишкомъ держить, съ присуду и въсякого послушеньства з державы нашое Трабъское вынявши и вольнымъ его учинивши, до свободъ, вольности, вряду и судовъ кгродскихъ, земскихъ и подъ хоруговъ повету Ошменьского прилучаемъ, такъ, ижъ вже преречоный Семенъ Груша, малъжонка, дети и потомки его жадного послушеньства и повинъности до вряду Трабъского з ыменейца своего Бокъшишокъ и зо всихъ кгрунътовъ, которые ку тому именейцу належать, чинити повинъни не будуть, але всякіе справы свои, хто бы што до него, абы онъ до кого мелъ, перецъ врядомъ повету Ошменьского отъправовати и служьбу земскую военъную подъ хоруговъю оного жъ повету служити мають вечными часы, уживаючи зъ онымъ именейцомъ всякое вольности и свободъ, яко инъшіе обыватели-шляхъта Великого Князства Литовского волности и свободъ своихъ уживають, якожъ каш[т]еляну Берестейскому, державцы Трабъскому, пану Яну Гайку и напотомъ будучимъ державцамъ Трабскимъ приказуемъ, ижъ бы Семена Груши ку жаднымъ повинъностямъ и подъ послушеньство вряду Трабского не притегали и никоторое трудности имъ о то вечне не задавали“.

2) Напримѣръ — „Листъ судьи земскому, пану Адаму Патею на вызволене именья его въ волости Кобрынской подъ прысудъ воеводства Берестейского“ (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{67}$ л. л. 179 179 об.; дата: Бѣльскъ, 1 августа 1582 года; тотъ же привилей — Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{69}$ стр. 116—117), „Листъ Александру Девечце на вызволене именя его купленого, названого Патрики, отъ присуду Кобринского и прилучене въ поветъ Берестейскій“ (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{67}$ л. л. 179 об. — 180 об.; дата: Бѣльскъ, 1 августа 1582 года), „Ивану Гоголю и брати его на вызволене съ прысуду Кобрынского з именьемъ его Кивовертами подъ хоруговъ воеводства Берестейского“ (ibidem, л. л. 189—190; дата: Варшава, 1582 годъ).

Въ нѣкоторыхъ спадковыхъ великокняжескихъ земляхъ переводъ господаремъ спадковыхъ шляхтичей въ шляхетскіе повѣты былъ произведенъ въ весьма широкихъ размѣрахъ. Такъ, это было сдѣлано въ Кобринскомъ округѣ. Въ 1588 году только что вступившему на Польско-Литовскій престолъ Сигизмунду Вазѣ господарскіе земяне „воеводства Берестейского, округу Кобринского“ заявили, что Сигизмундъ Августъ „дати рачилъ княжатомъ, папятомъ, шляхтѣ-рыцерству и всимъ обывателемъ воеводства Берестейского привилей свой господарскій зъ стороны описанья границъ и поколь ся владза и присудъ того воеводства стегати масть, также около порядку судовъ новыхъ и врядовъ судовыхъ земскихъ, кгродскихъ и подкоморскихъ опого, водлугъ статуту Великого Князства Литовского, и о иныхъ речахъ, въ томъ же округѣ воеводства Берестейского, описуючи повѣтъ Кобрынскій, шляхту-рыцерство зъ ихъ оселостями и имѣньями въ едность, подъ хороговъ и присудъ воеводства Берестейского, што все ширей въ томъ листѣ его милости Жикгимонта Августа есть описано и доложопо“. Кобринскіе земяне сказали Сигизмунду III-му, что они, въ силу этого листа, постоянно служили земскую службу подъ одною хоругвью съ Берестейскою повѣтовою шляхтою, а также и пользовались, и пользуются въ настоящее время повѣтовыми Берестейскими судами. Они просятъ, однако, поваго господаря „для всякихъ

„Привилей Щасному, Михаилу а Ивану Верещакомъ о вызволене ихъ з ыменемъ ихъ Каменемъ отъ присуду Кобринского и прилучене въ поветъ Берестейскій“ (ibidem, л. л. 200 об. — 201; дата: Варшава, 3 октября 1582 года), „Прывилей земяномъ Буйкомъ на прывороченье ихъ до повету Ошменьского отъ державы Трабъской“ (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{70}$ л. л. 3 об. — 4 об; дата: Краковъ, 8 сентября 1583 года; тотъ же привилей Буйкамъ — Василію, Езофу и Станиславу Григорьевичамъ — находится на стр. 189—190 книги 69-ой Литовскихъ Записей Метрики), „Прывилей Адаму а Анъдрею Табенцъкимъ на вызволенье ихъ отъ суду Кобрыньского до повету Берестейского“ (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{70}$ л. л. 29—29 об.; дата: Берестье, 12 ноября 1583 года), „Прывороченье Парыса Радовицкого до повету Ошменьского съ присуду Кгеранопнъского“ (ibidem, л. л. 85 об. — 86 об.; дата: Вильна, 20 марта 1584 года), „Вызволенье Станиславу Лопатецкому именья его Пацуковщызны съ прысуду Вольпеньского до повету Волковыского“ (ibidem, л. л. 103—105; дата: Вильна, 6 апрѣля 1584 года). Нѣсколько подобныхъ документовъ и издано: нпр., А. Вил. XIII, № 19.

припалыхъ потребъ“ о подтверждении имъ ихъ правъ, создаваемыхъ этимъ слияниемъ съ Берестейскимъ шляхетскимъ повѣтомъ. Сигизмундъ III въ отвѣтъ на эту просьбу Кобринскихъ земянъ постановилъ: „мы, господарь, ижъ не звыкли есмо никому вольностей ихъ умнейшати, але и овшемъ ихъ примножати, а присмотрѣвшисе добре привилею короля его милости Жикгимонта Августа, въ книгахъ нашихъ канцлерейскихъ вписаному, у которомъ ясне описуеть, же вся шляхта, обыватели округу Кобринского, до воеводства Берестейского суть злучоны и до всякихъ вольностей и правъ, тому воеводству наданыхъ, припущоны, которыхъ яко здавна, такъ и теперъ уживають, въ томъ тежъ и водле конституціи сойму вального Любельского, въ року прошломъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ девятомъ учиненое, заховуючисе и прозьбы ихъ, до насъ донесеные, видечи быти слушные, ласкаве есмо позволили, а тотъ привилей короля его милости объясняючи, симъ листомъ нашимъ шляхтѣ воеводства Берестейского округу Кобрынского варуемъ“, что они уравнены въ правахъ съ Берестейскою повѣтовою шляхтою и что Кобринскій урядъ „вжо до нихъ и оселостей ихъ ничого мѣти и до суду замку Кобрынского оныхъ примушати и трудности никоторое имъ въ томъ чинити и тежаровъ жадныхъ имъ задавати не маеть и не будеть мочь“ [1]).

Итакъ, Сигизмундъ III призналъ всю Кобринскую спадковую шляхту полноправными обывателями Берестейскаго шляхетскаго повѣта. Листъ его, данный ей съ этимъ признаніемъ, датированъ Берестьемъ и 21-мъ ноября 1588 года, т. е. выданъ именно въ ту эпоху, когда Сигизмундъ III былъ такъ озабоченъ привлеченіемъ на свою сторону Великаго Княжества Литовскаго послѣ побѣды при Бычинѣ надъ конкуррентомъ на престолъ, Австрійскимъ эрцгерцогомъ Максимиліаномъ. Коронованный безъ согласія Литовско-Русскихъ становъ, король долженъ былъ всѣми способами стараться примирить съ собою Княжество. Онъ „на Литве присягу повторилъ, бовемъ былъ безъ нашихъ коронованъ“, какъ выражается Евлашевскій [2]); онъ долженъ былъ сдѣлать

1) А. Вил. II. № 66.

2) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ II. Кіевъ 1896. Стр. 28.

и существенныя уступки въ требованіяхъ Литовско-Русскихъ становъ[1]). При такой то обстановкѣ получила признаніе повѣтовыхъ правъ и Кобринская спадковая шляхта. Но нужно серьезно сомнѣваться, чтобы „объясненіе", которое давалъ Сигизмундъ III листу Сигизмунда Августа о введеніи при осуществленіи реформы 1565—1566 годовъ новаго повѣтоваго строя въ Берестейскомъ повѣтѣ — а этотъ листъ, конечно, и былъ представленъ Кобринскою шляхтою королю[2]) — совпадало съ пониманіемъ правъ Кобринскихъ спадковыхъ шляхтичей самимъ Сигизмундомъ Августомъ и его ближайшими преемниками. Что всѣ эти господари отнюдь не считали Кобринскую спадковую шляхту полноправными шляхетными обывателями Берестейскаго повѣта, совершенно ясно доказывается ихъ привилеями, выданными отдѣльнымъ Кобринскимъ шляхтичамъ на право сліянія съ шляхетскимъ повѣтомъ[3]).

Но были повѣты, которые почти цѣликомъ образовались изъ спадковыхъ земель. Это — повѣты Пинскій, Ковенскій и Городенскій. Пинское княжество было спадкомъ на Сигизмунда Августа послѣ его матери Боны Сфорца, владѣвшей имъ на основаніи привилея Сигизмунда Стараго отъ дня Св. Франциска 1519 года[4]). Такимъ же спадкомъ послѣ Боны былъ и Кобринъ, и другія ея владѣнія[5]). Но Пинскъ и его

1) Ср. J. Szujski, Dzieje Polski, tom III (W Krakowie 1894), str. 146. Самое утвержденіе III-го статута Сигизмундомъ Вазою привилеемъ отъ 28 января 1588 года, съ такою опредѣленною въ этомъ кодексѣ тенденціею самостоятельности Княжества и охраны ея отъ Польши въ разрѣзъ требованіямъ „братской" Уніи, мы считаемъ одною изъ такихъ уступокъ Княжеству. Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, I, стр. 222—224.

2) См. этотъ листъ въ копія, выданной при Стефанѣ Баторіи 13 апрѣля 1578 года на л. л. 92 об.—98 об. книги Литовской Метрики $\frac{I\ A}{59}$ — „Видымусъ около границъ воеводства Берестейского и о порадку судовъ и иныхъ речахъ". Подобнаго содержанія листы были посланы Сигизмундомъ Августомъ при введеніи повѣтовой реформы и въ другіе повѣты. Ср. выше, стр. 69, прим. 4 и Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 53.

3) См. выше стр. 256 и стр. 257 прим. 2.

4) Описаніе Рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. Выпускъ III. Стр. 50 (Приложенія, № 10).

5) Привилей Сигизмунда Стараго, данный Бонѣ также въ день Св. Франциска 1519 года; см. ibidem, стр. 51 (№ 11).

округъ не остались спадковымъ господарскимъ владѣніемъ послѣ реформы 1565—1566 годовъ, хотя они были не только спадкомъ послѣ Боны, но и послѣдней были уже отданы какъ спадковыя земли великаго князя, перешедшія къ нему „iure caduco“ послѣ смерти Пинской княгини Александры Семеновны Олельковича, вдовы послѣдняго Пинскаго князя Ѳеодора Ярославича [1]). Листъ Сигизмунда Августа, данный въ Пинскій повѣтъ изъ Вильны 28 января 1566 года, опредѣляющій границы и дѣятельность судовъ Пинскаго повѣта, признаетъ всю Пинскую шляхту полноправными повѣтовыми обывателями, безъ какихъ-либо ограниченій ихъ правъ [2]). Такое чрезвычайно благопріятное разрѣшеніе вопроса для Пинской спадковой шляхты было, надо думать, создано тѣмъ, что при введеніи реформы 1565—1566 годовъ, когда стремились къ болѣе правильному и равномѣрному раздѣленію государственной территоріи Княжества на повѣты, съ болѣе или менѣе крупными центрами во главѣ ихъ, было признано невозможнымъ Пинскъ и его округъ не сдѣлать самостоятельнымъ повѣтомъ. Также стали самостоятельными повѣтами и округи Ковна и Городна, хотя первый былъ спадкомъ послѣ первой жены Сигизмунда Августа Варвары Радивиловны [3]), а второй — спадкомъ опять-таки послѣ Боны [4]).

Такимъ образомъ, вопросъ о повѣтовыхъ правахъ спадковой шляхты былъ разрѣшенъ далеко не одинаково для нея всей. Съ одной стороны, оказалась переведенною въ шляхетскіе повѣты шляхта нѣкоторыхъ спадковыхъ земель цѣликомъ, съ другой — въ другихъ спадковыхъ имѣніяхъ господари переводили въ шляхетскіе повѣты отдѣльныхъ шляхтичей лишь по ихъ челобитьямъ и по ходатайствамъ тѣхъ

---

1) Въ привилеѣ Сигизмунда Стараго Бонѣ на Пинскъ читаемъ: „ . . . castrum et oppidum Pynsk, cum curijs et districtibus, ad ea pertinentibus, que post obitum uxoris ducis Phedori, filie olim magnifici Iwanowycz Jaroslavicz, ad nos nostramque disposicionem iure caduco fuerunt suntque devoluta“. Ibidem. Стр. 50.

2) Вил. Центр. Архивъ, № 13014. Пинскаго гродскаго суда № 27. Стр. 355—358. Пересказъ этого листа см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 53—55.

3) М. В. Довнаръ-Запольскій. Op. cit. Стр. 153, прим. 1.

4) Ibidem. Стр. 154, примѣчаніе.

или другихъ радныхъ пановъ. Само собою разумѣется, что такое разрѣшеніе вопроса не можетъ быть признано ни полнымъ, ни справедливымъ по отношенію къ спадковой шляхтѣ, какъ цѣлому. Самый вопросъ о спадковой шляхтѣ возникалъ только послѣ созданія шляхетскихъ повѣтовъ реформою 1565—1566 годовъ. До нея его не было, такъ какъ тогда вся шляхта, и спадковая и неспадковая, находилась въ одинаковомъ положеніи господарскихъ бояръ и земянъ, судимая и управляемая господарскими намѣстниками-державцами, безъ тѣхъ шляхетскихъ правъ, которыя были признаны II-мъ статутомъ.

Въ положеніи спадковой шляхты послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ передъ нами несомнѣнно наслѣдіе стараго до-реформеннаго строя Великаго Княжества Литовскаго, который не вполнѣ укладывался въ новыя рамки, созданныя реформою. Но не одна спадковая шляхта нарушала стройность реформы. Ее нарушали и права военно-служилаго мѣщанства, и права военно-служилыхъ татаръ.

Господарскіе татары, служившіе земскую военную службу, составляли особую группу среди повѣтовой шляхты [1]). Отношеніе къ нимъ повѣтовой шляхты было иное, чѣмъ отношеніе ея къ шляхтѣ спадковой: татаръ она старалась отдѣлить отъ шляхетскаго повѣта, въ то время какъ шляхту спадковыхъ имѣній, наоборотъ, стремилась съ нимъ слить. Положеніе господаря оказалось также инымъ по отношенію къ его татарамъ, чѣмъ къ его спадковой шляхтѣ: первыхъ онъ отстаивалъ въ ихъ повѣтовыхъ правахъ, вторую ревниво старался отъ этихъ правъ удержать. Господарскіе татары, служившіе земскую военную службу, были далеко не во всѣхъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго. Татарское

---

1) На изученіи господарскихъ татаръ намъ уже пришлось остановиться въ нашей работѣ „Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія“ (томъ I, стр. 461—471). Причинами, заставляющими насъ вновь возвращаться къ господарскимъ татарамъ на настоящихъ страницахъ, являются: 1) выходъ въ свѣтъ въ 1906 году XXXI-го тома Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, заключающаго въ себѣ много очень цѣнныхъ для изученія этой группы населенія документовъ, и 2) необходимость разсмотрѣть положеніе господарскихъ татаръ въ ихъ отношеніи къ шляхетскому повѣту послѣ реформы 1565—1566 годовъ.

землевладѣніе развилось, главнымъ образомъ, въ повѣтахъ собственной Литвы и Руси Литовской, гдѣ татары осѣли еще въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Начнемъ наше изученіе господарскихъ татаръ, какъ повѣтовыхъ обывателей, съ разсмотрѣнія ихъ правъ по землевладѣнію, бывшему основой, на которой держались всѣ права шляхтича въ повѣтѣ. Какъ мы видѣли выше, шляхетское землевладѣніе характеризуется во вторую половину XVI столѣтія двумя основными чертами: 1) правомъ распоряженія и 2) свободою ото всѣхъ повинностей кромѣ земской военной службы и уплаты податковъ, постановляемыхъ сеймомъ [1]). Право распоряженія своими имѣніями въ совершаемыхъ татарами гражданскихъ актахъ выступаетъ не такъ опредѣленно, какъ это наблюдается въ подобныхъ же актахъ, исходящихъ отъ шляхты-христіанъ: съ одной стороны, имѣемъ примѣры безусловнаго пользованія имъ татарами, съ другой — образцы его отрицанія. Вотъ примѣръ перваго. 9 января 1591 года земскому суду Городенскаго повѣта была представлена выпись изъ гродскихъ книгъ того же повѣта о продажѣ Городенскому земянину Ивану Семеновичу [2]) земли господарскими татарами Городенскаго повѣта Селемшею и Хазбеемъ Яцковичами Осайтовичами. Въ этой выписи [3]) находится продажный листъ на ниву, „поле голое“, выданный Осайтовичами [4]), въ которомъ они пишутъ такъ. Будучи „пилно потребни пенезей а не маючы отъколь запоможеня въ часъ теперешній дорогій и неурожайный, року теперъ деветьдесятого, а такъ для тыхъ причынъ и для службы господарское земское военное продали“ Ивану Семеновичу, его женѣ, дѣтямъ и потомкамъ свою ниву, лежащую противъ дома ихъ имѣньица Свяцка надъ рѣкою Осташею. Деньги за проданную ниву [5]) они получили, „а

1) Отъ военно-служилыхъ, шляхетныхъ господарскихъ татаръ необходимо отличать татаръ, жившихъ торгомъ и промысломъ. См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 467.

2) Документъ представленъ земскому суду черезъ пріятеля Семеновича, пана Ивана Свяцкаго.

3) Дата явки въ Городенскія гродскія книги: 2 мая 1590 года.

4) Селемша и Хазбей Яцковичи Осайтовича и Селемшина жена, Умна Обдуловна Булатовича.

5) 20 копъ грошей „личьбы литовское“.

тую ниву вышей описаную, на тры бочки земли, пану Ивану Семеновичу, паней малъжонце его, детемъ и потомкомъ ихъ милостей завели въ моцъ и въ держане ихъ милости подали на вечные часы, отдаляючы отъ тое земли сами себе, дети и потомки" свои „вечными часы". Осайтовичи передаютъ полное право пользованія и распоряженія, причемъ обязуются „своимъ власнымъ накладомъ" защищать права купившаго отъ „близкихъ, кревныхъ" своихъ, въ случаѣ ихъ вмѣшательства въ совершенную продажу [1]).

Передъ нами полное распоряженіе татарами своею землею, безъ всякихъ его ограниченій. Иногда акты прямо указываютъ и основаніе для этого права — постановленіе Берестейскаго сейма 1566 года, предоставляющее право распоряженія своими имѣніями шляхтѣ Великаго Княжества Литовскаго. Господарскій татаринъ Новгородскаго воеводства Усеинъ Маликбашичъ, продавая въ 1570 году свое имѣніе пану Остафію Воловичу, говоритъ въ своемъ продажномъ листѣ: „ведъ же ужываючы въ томъ вольности, на сойме прошломъ Берестейскомъ въ року минуломъ тисеча пятьсотъ шестьдесятъ шостомъ уфаленое, якъ каждому шляхтичу волно своею властъностью именемъ подле воли своее шафовать, и къ тому за дозъволенъемъ и правомъ господарскимъ, его милости пану Троцъкому [2]) данымъ, ни щыей намовы и припущенья, одно по своей доброй воли и добре се на то розъмысливъшы, спустилъ и продалъ есми" пану Остафію Воловичу, его женѣ, дѣтямъ и потомкамъ „всю часть именья" своего „Крошинъского и дворца Стайковъ", какъ они перешли къ нему отъ его отца. Продажа совершена съ передачею полнаго права распоряженія имѣніемъ покупателю [3]). Такимъ образомъ, господарскій татаринъ ссылается на право, данное Берестейскимъ сеймомъ 1566 года всей шляхтѣ Литовско-Русской, и пользуется имъ при совершеніи акта отчужденія своего имѣнія. Ту же ссылку сплошь и рядомъ дѣлаютъ и шляхтичи-христіане въ своихъ продажныхъ листахъ [4]). Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ

1) А. Вил. XXXI. № 51.
2) Т. е. пану Остафію Воловичу.
3) А. Вил. XXXI. № 19.
4) Нпр., А. Вил. XXVI, №№ 307, 309, 311 и др.

татаринъ упоминаетъ въ своемъ продажномъ листѣ и о дозволеніи, данномъ господаремъ пану Остафію Воловичу на покупку татарскихъ земель [1]), т. е. обосновываетъ свое право отчужденія не только обще-шляхетскимъ правомъ, но и спеціальнымъ господарскимъ разрѣшеніемъ на пріобрѣтеніе отчуждаемой татарской земли, даннымъ лицу, ее пріобрѣтающему. Съ этимъ вполнѣ гармонируютъ слова листа Стефана Баторія, даннаго тому же пану Остафію Воловичу въ 1585 году и разрѣшающаго послѣднему вновь покупку земель господарскихъ татаръ: „подле права посполитого вечность именей татарскихъ никому иному не належыть, толко намъ господару“ [2]). Нужно признать, что законъ и практика не совсѣмъ совпадали во взглядѣ на право господарскихъ татаръ распоряжаться своими имѣніями, и право распоряженія является въ актахъ то имъ принадлежащимъ, тонѣтъ [3]).

Сами господарскіе татары называютъ свои земли, землями шляхетскими [4]). Татары называются въ актовыхъ кни-

1) Въ началѣ своего продажнаго листа Усеинъ Маликбашичъ пишетъ: „которое именье Крошынъ, у воеводстве Новгородскомъ лежачое, отецъ мой Маликъбаша Ордынецъ на господари короли его милости и великомъ князи Литовскомъ, светое и славное памети Жыкгимонте, выслужывшы, мене, сына своего, з братею моею старшою, Мортузою и Асаномъ, на овомъ именью Крошынскомъ зоставилъ, одножъ якъ отецъ мой, такъ и мы, сынове его, водле права своего тымъ именемъ нашимъ шафовать и его продавать волни не были; а такъ, нжъ господаръ король его милость и великіи князь Жыкгимонтъ Авъгусть, панъ нашъ милостивый, велможъному пану его милости, пану Остафъю Воловичу, пану Троцъкому, подъканъцлерому Великого Князътва Литовъского, старосте Берестейскому и Кобринъскому, з ласки своее господарское, право вечъное на тое именъе Крошынь дали и въ насъ оное именъе Крошинъ и дворецъ Стайки, ку тому жъ именъю прыслухаючый, на вечность купити . . . позволити рачылъ“. А. Вил. XXXI. Стр. 25—26.

2) А. Вил. XXXI. № 34. Ср. слова разрѣшительнаго листа на покупку имѣній Крошинъ и Заулье, даннаго пану Остафію Воловичу въ 1566 году Сигизмундомъ Августомъ: „не маючы, яко иншые татарове, моцы и волности ничого отъ того именья безъ особливого позволеня и ведомости нашое господарское никоторымъ обычаемъ никому заводити и впущати“. Ibidem. № 10.

3) Примѣры продажи татарами своихъ земель безъ какихъ-либо указаній на право отчужденія — ibidem, №№ 51, 52, 53 и др. Примѣры съ указаніемъ ограниченія этого права — ibidem, № 10 и др.

4) Нпр., А. Вил. XXXI, стр. 82 и др.

гахъ повѣтовыхъ судовъ земянами [1]) и являются осѣлыми въ повѣтахъ [2]). Какъ и остальная шляхта, господарскіе татары служатъ земскую военную службу со своихъ имѣній, не смѣшиваясь въ этой службѣ съ наемными войсками. Татаръ знаютъ на своихъ страницахъ „пописы" земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго [3]). Если переписывалось вмѣстѣ съ земскимъ войскомъ и войско наемное, то татарскія хоружества, какъ и хоружества шляхетскія повѣтовыя вносятся въ реестры переписи отдѣльно отъ наемниковъ. Такъ, 3 октября 1592 года на гродскіе Минскіе рочки господарскій татаринъ Минскаго повѣта, князь Аликечъ Бегимовичъ Уланъ представилъ для записи въ гродскія повѣтовыя книги выданный по его просьбѣ изъ господарскаго скарба „реестръ съ книгъ подъ датою року тисеча пятсотъ тридцать четвертого, индикъта семого, месеца іюля семого дня, пописованья войска Великого Князства Литовского, людей пенежъныхъ и поветовыхъ, въ которомъ реестре межы иншыми ротами пенежъными и хоружствами поветовыми естъ описано хоружъство татарское службы земское поветовое Ахметя Улана тыми словы . . ." [4]). Въ „ухвалѣ" Виленскаго сейма 1528 года, части которой, какъ мы видѣли выше [5]), повѣтовая шляхта вносила въ книги своихъ судовъ, какъ основаніе для своихъ правъ на „урожоное шляхетство", также переписаны и господарскіе татары [6]), и они стоятъ тамъ между боярами и земянами, переписанными по воеводствамъ и землямъ. Съ переходомъ татарской земли въ руки шляхтича-

1) Нпр., ibidem, №№ 182, 183 и др.

2) Нпр.: „земянинъ татаринъ господарьскій повету Лидского Исмаиль Алеевичъ Талковъскій, писаровичъ господарьскій арабъскій, чоловекъ учътивый, добре оселый" (ibidem, стр. 211), или — „жалуючи и оповедаючи на татарына господаръского, въ повете Меньскомъ оселого, на Обрахмана Ойдаревича" (ibidem, стр. 46).

3) См. выше, стр. 33.

4) А. Вил. XXXI. № 83.

5) Стр. 211—212.

6) Послѣ окончанія переписи земскаго войска Троцкаго повѣта текстъ „ухвалы" 1528 года начинаетъ „Реестръ князей и влановъ татарскихъ" (л. 108 об., ст. 109 изданія). Послѣ этого заголовка стоитъ: „въ томъ же реестре кождый съ нихъ менованъ естъ — на кольку конехъ мають служити". Весь списокъ татаръ занимаетъ л. л. 108 об. — 117 (ст. 109—120 изданія). Послѣ его окончанія начинается „Реестръ земянъ Мельницъкихъ".

христіанина служба съ этой земли, по признанію верховной власти Княжества, не мѣняется. Такъ, листъ Сигизмунда Августа, данный 27 декабря 1566 года пану Остафію Воловичу съ разрѣшеніемъ купить татарскія имѣнія, Крошинское и Засуле, отъ имени великаго князя говоритъ: „ино мы, бачечы, же въ томъ намъ господару и речы посполитой никоторая шкода не будеть, кгдыжъ служба земская съ тыхъ обеюхъ имеией не зменшится“ [1]). На свою земскую службу господарскіе татары несутъ расходы не меньшіе, чѣмъ остальная шляхта, и такъ же, какъ и ей эти расходы бываютъ иногда тяжелы [2]).

Рядомъ съ татарами господарскими встрѣчаемъ и татаръ панскихъ [3]), т. е. имѣемъ то же явленіе, которое мы наблюдали выше по отношенію къ остальной шляхтѣ, также дѣлившейся на земянъ господарскихъ и панскихъ или княжескихъ. Въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго для татаръ, какъ группы населенія Княжества, по сравненію съ остальною Литовско-Русскою шляхтою. Даже эти панскіе татары обращаются къ повѣтовымъ урядамъ по своимъ нуждамъ [4]), не говоря уже о татарахъ господарскихъ, имѣющихъ повѣтовую осѣлость [5]) и становящихся въ земскомъ войскѣ около хоружія своего стяга, или, какъ онъ иногда называется, хоружія повѣта [6]).

1) А. Вил. XXXI. № 10.

2) Нпр., ibidem, №№ 4—7.

3) Нпр., „татарка ясне велможного пана его милости пана Криштофа Миколаевича Радивила, княжати на Биржахъ и з Дубинокъ“ и т. д. (ibidem, № 88), или его же татары (ibidem, № 99).

4) Нпр., А. Вил. XXXI, № 99.

5) Иногда въ своихъ листахъ господарскіе татары говорятъ прямо о возможности обладанія татарами осѣлостью въ различныхъ повѣтахъ, которую они могутъ имѣть въ будущемъ. Такъ, господарскіе татары Городенскаго повѣта Селемша и Хазбей Яцковичи Осайтовича и жена Селемши Умна Обдуловна Булатовича, продавая свою ниву Городенскому господарскому земянину, пану Ивану Семеновичу, говорятъ въ своемъ продажномъ листѣ, что панъ Семеновичъ, въ случаѣ нарушенія его правъ на эту землю со стороны самихъ Осайтовичей или ихъ близкихъ, можетъ ихъ „позвать“ всѣхъ, „або одного, которого“ пожелаетъ, „до которого кольвекъ враду кгродского або земъского Городенского и до которого хотя повѣту, где кольвекъ на тотъ часъ оселость свою мети“ они будутъ. Ibidem. № 51.

6) Нпр., „князю Магметю Давлетъ Бахтыевичу, мурзе, хоружому татарскому стягу и повету Новгородского.“ Ibidem. № 108.

Шляхетство господарскихъ татаръ признавалось закономъ и властью Великаго Княжества Литовскаго[1]). Въ случаѣ подозрѣнія въ не-шляхетствѣ, высказываемаго кѣмъ-либо по отношенію къ татарину, его принадлежность къ шляхетскому сословію доказывалась совершенно такъ же, какъ это дѣлалось и для остальныхъ шляхетныхъ обывателей Княжества, оказывавшихся заподозрѣнными въ ихъ шляхетствѣ. Примѣръ „вывода" шляхетства татаръ имѣемъ въ листѣ Сигизмунда Августа отъ 26 апрѣля 1557 года[2]). Въ этомъ листѣ читаемъ слѣдующее. Сигизмунду Августу били челомъ его подданные, татары Виленскаго повѣта, Богданъ, Миско и Ордюшко Тактамовичи со своею братіею Каргажичи. Они „оповедали", что по приказанію Сигизмунда Стараго „выведанье чынилъ роду ихъ, за нагабнемъ на нихъ татарына повету Виленъского Габина Норкевича, царевичъ Острынскій Азубекъ Солтанъ", который далъ свой листъ, вписанный цѣликомъ въ настоящій листъ Сигизмунда Августа. Царевичъ Азубекъ Солтанъ въ своемъ листѣ говоритъ: когда онъ находился при господарѣ на сеймѣ въ Петрковѣ, передъ нимъ „объявили" господарскіе подданные Богданъ, Миско и Ордюшко Тактамовичи „и з ынъшыми братею и родомъ своимъ, зо всими Каряжичы", что Крычинскій татаринъ Виленскаго повѣта Габинъ Норкевичъ „прыганилъ брату его Миску на честь, менечы, яко бы онъ былъ просты чоловекъ, а не шляхчычъ." Миско пожаловался намѣстнику Виленскаго воеводы, пану Кунцу, и послѣдній „тому татарыну всказалъ былъ передъ собою стати". Норкевичъ „передъ нимъ се становилъ", но „предъ ся ему и передъ правомъ на честь ганилъ". Тогда панъ Кунецъ

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 465—467. Въ актовыхъ книгахъ повѣтовыхъ судовъ также найдемъ прямыя указанія, что дѣла господарскихъ татаръ входятъ въ „справы земъскіе шляхетъскіе" (нпр., А. Вил. XXXI, № 105).

2) А. Вил. XXXI. № 144. Документъ представляетъ собою выпись изъ канцелярейскихъ книгъ Княжества подтвержденія Сигизмундомъ III-мъ (отъ 6 марта 1595 года) листа Сигизмунда Августа (отъ 26 апрѣля 1557 года), пересказываемаго нами въ текстѣ. Заглавіе документа въ книгѣ Новгородскаго земскаго суда, по тексту которой онъ изданъ въ XXXI-мъ томѣ Актовъ, изд. Виленскою Коммиссіею, такое: „Vidimus s xiąg także kancliareiskich na szliachetstwo tatarom jxm, wydany pod datą a. 1595 marca 6 dnia".

„тому Миску на выводъ далъ, жебы свой родъ вывелъ". Послѣ этого Богданъ съ Мискомъ и Ордюшкомъ, пріѣхавъ въ Петрковъ, просили господаря, „жебы его милость ихъ пры тстяхъ ихъ зоставилъ", и великій князь приказалъ Азубеку Солтану, „о ихъ роду выведавшы, листъ свой имъ дати". Азубекъ Солтанъ „самъ о ихъ роду добре сведомъ, же они суть люди добрые", но этимъ онъ не удовлетворился и, исполняя господарское приказаніе, „пыталъ" у князя Кондюка, посла Перекопскаго царя Асламъ-Гирея, „если былъ шляхетского роду". Князь Кондюкъ „поведилъ, ижъ родъ естъ въ Орде Карачи Кыпъчакъ кнежецки добры, а они естъ того роду". Въ виду этого Азубекъ Солтанъ постановилъ: „а такъ, кгдыжъ ся есми отъ того посла о ихъ роду достаточне доведалъ, ижъ они естъ люди добрые, пры ихъ чстяхъ ихъ есми зоставилъ, и маетъ имъ навезъка быти по двадцати рублей грошей[1]), какъ иншой шляхте, и вжо черезъ то не маетъ нихто имъ и всему роду ихъ, и ихъ детемъ, и напотомъ будучымъ ихъ счадкомъ на честь прыганяти, бо они естъ роду Карачи Кипъчака, княжацкого доброго". Сигизмундъ Августъ на основаніи этого листа Азубека Солтана рѣшилъ такъ: „мы, з ласки нашое господарское, на ихъ чоломбите то есмо вчынили — пры томъ листе царевича Острынъского ихъ зоставуемъ; маютъ они и ихъ потомкове въ кождого вряду нашого подле оного листу царевичева захованы быти." Итакъ, Тактамовичи были признаны людьми „шляхетского роду" послѣ справки объ ихъ родѣ у Крымскаго посла. Принадлежность къ княжескому роду Крыма опредѣлила несомнѣнность ихъ права быть шляхтичами и Великаго Княжества Литовскаго.

Основаніе, на которомъ Тактамовичи были признаны шляхтичами то же, которое требовалось для признанія принадлежащимъ къ шляхтѣ Княжества человѣка, переселившагося въ него изъ другого государства и принадлежавшаго тамъ къ сословію, приравниваемому по своему значенію къ Литовско-Русской шляхтѣ[2]). Но въ источникахъ выдвигаются и иныя основанія для признанія татаръ шляхтичами.

---

1) Т. е. согласно 14-му артикулу III-го раздѣла статута 1529 года („О бой шляхтича, хто бы его збилъ").

2) I ст., III, 11. Ср. II ст., III, 17 и III ст., III, 21.

8 мая 1593 года на Минскихъ гродскихъ рочкахъ разсматривалось такое дѣло[1]). Господарскаго татарина Минскаго воеводства Кульзимана Зекирича и жену его Хавю Ахметевну выгналъ изъ ихъ имѣнія Минскій земянинъ, панъ Янъ Менчинскій, напавъ на ихъ дворъ и имѣніе со своими сыновьями и слугами. Нападеніе было сдѣлано съ оружіемъ въ рукахъ, хозяева избиты и изранены, а ихъ имущество захвачено. При разборѣ дѣла въ Минскомъ гродскомъ судѣ[2]) „умоцованый" Менчинскаго и его жены, панъ Станиславъ Коричевскій поднялъ вопросъ о шляхетствѣ Кульзимана. Онъ, „подавшы з розделу дванадцатого артыкулу десятого а з розделу четвертого артыкулу семьдесятъ шостого и артыкулу петдесятого з розделу одинадцатого, домавялсе, абы князь Кульзиманъ, хотя не естъ мурзою, водле тыхъ артыкуловъ то показалъ, если маеть отъ господаря короля, пана нашого милостивого надане и если бывалъ и бываеть на служъбахъ господарьскихъ въ ротахъ, або при гетманехъ господарьскихъ, и въ реестрахъ военныхъ естли естъ написанъ". Содержаніе указанныхъ Коричевскимъ артикуловъ III-го статута слѣдующее. 10-й артикулъ XII-го раздѣла[3]) отъ имени господаря постановляетъ: „которые мурзы, князи, татарове закону бесурмянского маютъ оселость, именье земскіе, з наданья продковъ нашихъ и насъ самыхъ и естли тые бываютъ на службахъ нашихъ господарскихъ и земскихъ, въ ротахъ або при гетманехъ нашихъ, и въ рейстрахъ военныхъ суть написаны, таковымъ навезка маеть быти яко шляхтичу, а жонамъ ихъ совито . . . ." и т. д. Этой группѣ татаръ противополагаются татары, которые „фурлюномъ се живять", а также которые занимаются огородничествомъ, торговлею „быдломъ", дубленіемъ кожъ и ремеслами; имъ навезка опредѣлена въ рубль грошей (женамъ ихъ въ двойномъ размѣрѣ). 76-ой артикулъ IV-го раздѣла[4]), требуя вообще, чтобы къ свидѣтельству на судѣ допускались лишь христіане, о принятіи свидѣтельскихъ показаній татаръ говоритъ: „а къ тому маютъ быти при-

1) А. Вил. XXXI. № 101.

2) На судѣ вели дѣло съ обѣихъ сторонъ „умоцованые".

3) „О головщынахъ и навезкахъ татаромъ".

4) „О светъкахъ, якіе маютъ быти у права прыймованы".

пущоны ку сведецству и татарове тые, которые на службу" господарскую „военьную ездять, яко то въ привилью продъка" Сигизмунда III-го „писано мають". Наконецъ, 50-й артикулъ XI-го раздѣла [1]), не говоря ни слова специально о татарахъ, имѣетъ въ виду случай, когда „по сказаньи" судомъ „навезки шляхетское" заявляетъ „сторона противная", что она не увѣрена въ дѣйствительномъ шляхетствѣ лица, которому ей нужно платить эту навезку. Въ такомъ случаѣ, требуетъ статутъ, лицо, претендующее на шляхетскую навезку, должно ѣхать въ землю и повѣтъ, откуда оно родомъ, и тамъ, собравъ „братью, стрыевъ, або кревныхъ своихъ, передъ врядомъ тамошнимъ кгродскимъ або земскимъ, до которого ся ему борздей трафить, маеть вывестися, ижъ естъ шляхтичъ". Урядъ этотъ затѣмъ напишетъ свой удостовѣряющій шляхетство даннаго лица „листъ отвороный" въ судъ, въ которомъ возникло дѣло [2]).

На требованіе, предъявленное Станиславомъ Коричевскимъ, Кульзиманъ „поведилъ, ижъ то, жемъ естъ учъстивый шляхтичъ, и теперъ людми добрыми показать готовъ, лечъ въ томъ, што ми сторона задаетъ, того на тотъ часъ не могучи показать, домавялсе о учинене часу, хотечи се и въ томъ, водле артыкулу петдесятого з розделу одинадцатого, выправить". Судъ послѣ этого, придерживаясь 50-го артикула XI-го раздѣла статута, приказалъ Кульзиману Зекиричу „доводъ на навезку шляхетскую показать" по этому артикулу и по 10-му артикулу XII-го раздѣла статута.

Передъ нами примѣръ способа провѣрки шляхетскихъ правъ господарскаго татарина, цѣнный тѣмъ, что онъ соединяетъ артикулы статута, говорящіе специально о татарахъ, съ артикуломъ, который говоритъ лишь о шляхтѣ вообще. Сводя вмѣстѣ указанія всѣхъ этихъ артикуловъ, получаемъ слѣдующія основанія для признанія татарина шляхтичемъ: 1) титулъ мурзы или князя, принадлежность самого татарина или его рода къ высшему разряду общества того Татарскаго царства, въ которомъ жилъ раньше онъ или его родичи, 2) осѣлость въ видѣ земскаго имѣнія, съ котораго

1) „О оказанью шляхетъства за сказаньемъ навезки".

2) Затѣмъ артикулъ статута говоритъ о дальнѣйшемъ теченіи дѣла въ судѣ и о неосѣломъ человѣкѣ.

идетъ земская военная служба, и 3) военная служба въ ротахъ или при гетманахъ господарскихъ, которая влечетъ за собою внесеніе татарина въ военные реестры, т. е. въ списки земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго. Если первое изъ этихъ оснований имѣло мѣсто при индигенатѣ выходцевъ изъ другихъ государствъ, вступающихъ въ ряды шляхты Княжеста, то два послѣднихъ требовались отъ Литовско-Русской шляхты вообще для пользованія шляхетскими правами.

Земская служба неслась господарскими татарами съ ихъ имѣній, и переходъ татарскаго имѣнія къ рядовому шляхтичу или крупному пану не отражался на ея интересахъ по признанію самой верховной власти, такъ заботившейся о сохраненіи земской военной службы съ имѣній, какъ мы это видѣли выше. Господарскіе татары служатъ со своихъ имѣній „войну", выставляя или по одному, или по нѣскольку вооруженныхъ конныхъ воиновъ, смотря по размѣрамъ имѣній, какъ это дѣлаетъ и шляхта. Въ „пописахъ" Литовско-Русскаго земскаго войска встрѣчаемъ татаръ, выставлявшихъ и по довольно значительному числу коней [1]). Въ татарскихъ имѣніяхъ бывали не только тяглые люди, но и слуги путные, бояре и бояре панцырные [2]). Послѣдніе, конечно, становились въ „почты" татаръ, какъ становились и бояре шляхты въ „почты" своихъ хозяевъ. Неся военную службу, татаринъ имѣетъ въ запасѣ коня или коней, для нея предназначенныхъ [3]). Онъ долженъ постоянно считаться съ возможностью военнаго „рушенья", какъ должна считаться съ нею и шляхта вообще. Но все-таки военная земская служба господарскихъ татаръ не совсѣмъ совпадаетъ съ этою службою шляхты. Господарскіе татары становятся въ ней подъ своими особыми стягами, образуя особыя хоружества, не

---

1) Такъ, Магметь Якубовичъ, хоружій Ноимансклаго стяга, вмѣстѣ со своимъ братомъ Обдулою выставилъ въ 1567 году съ отчизнаго имѣнія 6 коней, съ отцовской и своей купли 1 коня и съ двухъ жениныхъ имѣній также 1 коня („Пописъ" 1567 года, л. 836). Въ 1565 году въ Городенской татарской хоругви поставили по 5 коней хоружій Матей Суланъ и Богданъ Форсовичъ („Пописъ" 1565 года, л. 119, ст. 425—426 изданія).

2) См., нпр., А. Вил. XXXI, №№ 5, 6, 7, 11, 12, 16, 18 и др.

3) Нпр., „коня спбитковатого почтового" (А. Вил. XXXI, № 27).

совпадающія съ хоружествами повѣтовой шляхты. „Пописъ" 1565 года называетъ Виленскую, Городенскую, Троцкую и Новгородскую татарскія хоругви [1]). „Пописъ" 1567 года переписываетъ татарскія хоружества стяговъ Городенскаго, Нопманскаго, Мерешлянскаго, Ялопрскаго, Ордынскаго и хоружество Аисы Азаровича въ повѣтѣ Троцкомъ [2]). Записи Литовской Метрики знаютъ и другія татарскія хоружества [3]). Рядомъ съ отдѣльными записями разсылки татарамъ военныхъ листовъ, встрѣчаемъ ихъ внесенными въ общія записи военныхъ листовъ, разсылаемыхъ всѣмъ, служащимъ въ Княжествѣ военную земскую службу [4]). Присматриваясь къ обозначеніямъ татарскихъ хоружествъ „Пописомъ" 1567 года, т. е. оффиціальнымъ документомъ ближайшаго времени къ введенію повѣтовой реформы, необходимо отмѣтить 1) возможность несовпаденія границъ татарскаго хоружества съ границами повѣта и 2) возможность существованія нѣсколькихъ татарскихъ хоружествъ въ предѣлахъ одного и того же повѣта. Первое отмѣчается по отношенію къ хоружеству Нопманскому, находившемуся въ Виленскомъ и Ошменскомъ повѣтахъ, второе — по отношенію къ хоружествамъ Нопманскому же, Мерешлянскому и Ялопрскому, которыя находились въ одномъ Виленскомъ повѣтѣ. Изъ этого ясно, что предѣлы татарскаго хоружества не должны совпадать съ предѣлами повѣта, что было обязательно для повѣтоваго шляхетскаго хоружества. Далѣе, господарскіе татары не имѣютъ никакого отношенія къ повѣтовому хоружію и къ повѣтовой хоругви шляхты, кото-

1) См. выше, стр. 32.

2) Перепись татаръ въ этомъ „Пописѣ" начинается заголовкомъ: „Пописъ татаръ домовыхъ Великого Князства Литовъского" (л. 828). Переписи отдѣльныхъ хоружествъ имѣютъ слѣдующіе заголовки: „Хоружство Городенское; хоружимъ Магметь Уланъ Юхновичъ" (л. 828), „Хоружство Магметя Якубовича стягу Нопманского повѣту Виленского и Ошменского" (л. 836), „Хоружство Мортузы Олишкевича стягу Мерешлянского повѣту Виленского" (л. 841), „Хоружство Ялопрское повѣту Виленского; хоружимъ Абъдрухманъ Воиничъ" (л. 844), „Хоружство стягу Ордынского повѣту Новогородского; хоружимъ Сеить Манцеръ Касымовичъ" (л. 847 об.), „Хоружство Аисы Азаровича повѣту Троцкого" (л. 851).

3) См. выше, стр. 33, прим. 2 и И. И. Лаппо, op. cit., стр. 468.

4) См. ibidem. стр. 467.

рые объединяютъ около себя шляхту во время рушенья земскаго войска повѣта. Татары становятся особнякомъ своими стягами, около своихъ собственныхъ маршалковъ и хоружихъ. Такимъ образомъ, у нихъ не было военной связи съ повѣтовою шляхтою, которая объединяла послѣднюю въ военную корпорацію, и со шляхтою повѣта ихъ могли соединять лишь другія стороны организаціи повѣтоваго шляхетства. Повѣтовый судъ дѣйствительно сливалъ татаръ-шляхту съ повѣтовыми обывателями — примѣровъ веденія татарами своихъ дѣлъ въ повѣтовыхъ судахъ сохранилось очень много. Должна была быть связью обѣихъ этихъ шляхтъ и повѣтовая администрація, въ особенности въ значеніи власти, приводящей въ исполненіе судебные приговоры, и власти, собирающей поборы, устанавливаемые сеймомъ и собираемые повѣтовыми шляхетными поборцами. Сліянію татаръ съ повѣтовою шляхтою вполнѣ мѣшали двѣ силы: ихъ особая религія и ихъ особые нравы. Завѣщанія татаръ, подобно завѣщаніямъ шляхтичей-христіанъ, заключаютъ въ себѣ часто заботы завѣщателя о погребеніи своего тѣла. Но это погребеніе должно быть совершено по обычаямъ инымъ, чѣмъ у остальной шляхты. „А тело мое грешно онъ же малъжонокъ мой, князь Абрагимъ, водле звычаю нашого поховать маеть“ — пишетъ въ своемъ „тестаментѣ“ отъ 6 августа 1598 года господарская татарка Минскаго воеводства Айша Алеевна, писаровна „арапъская Абрагимовая съ Айсича“. Составляя свое завѣщаніе, она пригласила къ себѣ въ числѣ четырехъ свидѣтелей своей послѣдней воли и муллу, „духовника пашого, молъю Мечыца Дольбуцкого“ [1]). Татары Княжества, пользуясь шляхетскими повѣтовыми судами, имѣютъ въ то же время и своего кади. „Я, дервишъ Челебиръ Хадчы Мурзичъ, кадый всехъ татаръ Великого Князства Литовского, татарынъ господарьскій повету Виленьского“, читаемъ въ одномъ актѣ 1584 года [2]). Подписи татаръ на документахъ иногда дѣлаются по-русски [3]), иногда же „писмомъ арабскимъ“ [4]), или „писмомъ татарскимъ“ [5]).

1) А. Вил. XXXI. № 179.
2) Ibidem. № 122.
3) Нпр., А. Вил. XXXI, стр. 53.
4) Нпр., ibidem, стр. 186.
5) Нпр., ibidem, стр. 284.

На листахъ гражданскихъ актовъ татаръ въ качествѣ ихъ свидѣтелей-„печатарей“ подписывались и татары[1]), и не-татары[2]), и по этимъ подписямъ и печатямъ иногда выясняются знакомство и связи татаръ съ лицами значительнаго положенія среди шляхты[3]). Но, несмотря на эти связи, нужно отмѣтить и сохраненное источниками враждебное отношеніе повѣтовой шляхты къ шляхетнымъ татарамъ. Акты знаютъ „немалые кривъды и втиски“ имѣніямъ татаръ „отъ князей, пановъ и земянъ-шляхъты околичъныхъ“, что заставляетъ даже иногда татаръ разставаться со своими имѣніями, „хотечы па иномъ спокойнейшомъ местъцы хлебокормленье мети“[4]). Можно найти въ актахъ судовъ Княжества и мотивировку, которую могла давать повѣтовая шляхта своему нежеланію относиться къ татарамъ, какъ къ „братіи-шляхтѣ“. Въ одной записи Городенскаго земскаго суда отъ 14 октября 1594 года[5]) читаемъ: „сторона позваная, Иванъ Семеновичъ, самъ обличне до суду постановивши и черезъ умоцованого своего, пана Рафала Заневъского, збивавши нѣкоторыми причинами позвы, а ижъ слушными а правными причинами тые позвы збить допущены быть не могли, тогъды, яко бы до речи приступивши а отказъ чинечи, мовилъ, ижъ позывае татаринъ хрестіянина-шляхтича, тогъды межы ними естъ великая розность, не толко ижъ въ повинъности зъ собою не суть, але розъными въ нацеяхъ и въ вере . . .“[6]). Шляхтичъ въ данномъ примѣрѣ признаетъ великую разницу между татариномъ и шляхтичемъ-христіаниномъ, отказываетъ первому въ какихъ-либо связяхъ, въ „повинности“, съ повѣтовою шляхтою, такъ какъ онъ и она принадлежатъ къ различнымъ вѣрамъ и національностямъ. Ревниво относясь къ своему исключительному положенію среди остального населенія, шляхта въ общемъ не могла не видѣть въ татарахъ нежелательныхъ для нея претендентовъ на шляхетское равенство съ нею, хотя нерѣдко и уживалась съ

---

1) Нпр., ibidem, стр. 93 или 186.
2) Нпр., ibidem, стр. 79.
3) Нпр., ibidem, № 129.
4) А. Вил. XXXI. №№ 11, 18 и др.
5) Ibidem. № 135.
6) Ibidem. Стр. 206.

татарами мирно. Уравненіе въ правахъ пановъ, шляхты и бояръ православныхъ, католическихъ и разновѣрныхъ, данное Сигизмундомъ Августомъ 7 іюня 1563 года, относится къ лицамъ „яко Литовского, такъ и Руского народу, одно бы были вѣры хрестіянскоѣ“ [1]), и татары ни по національности, ни по религіи не подходили подъ эти требованія.

Долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, могли ли татары-шляхта принимать участіе въ повѣтовомъ сеймикованьѣ. Приведенныя выше данныя источниковъ категорически говорятъ о шляхетствѣ татаръ и объ ихъ повѣтовой осѣлости. Это требуетъ утвердительнаго отвѣта на поставленный сейчасъ вопросъ. Но есть нѣсколько замѣчаній, съ которыми необходимо считаться при разрѣшеніи этого вопроса. Въ записяхъ разсылки сеймовыхъ листовъ, созывающихъ повѣтовые сеймики, татарскія хоружества не упоминаются. Не встрѣчаются также и подписи татаръ на документахъ, вышедшихъ отъ сеймиковъ, сколько можно судить по извѣстнымъ намъ документамъ этого рода. Но есть и акты, которые могутъ давать нѣкоторый поводъ предполагать доступъ для татаръ на повѣтовые сеймики. Такимъ актомъ, напримѣръ, является „Листъ до всихъ вобецъ о уставе серебщызну и иныхъ платовъ и о готовости на войну, яко на рушенье посполитое“, данный Сигизмундомъ Августомъ въ Вильнѣ 3 января 1566 года [2]). Въ приведенномъ въ Литовской Метрикѣ, въ качествѣ образца этихъ листовъ, листѣ въ Кіевскій повѣтъ Сигизмундъ Августъ обращается къ „княземъ, паномъ, воеводамъ, старостамъ, княгинямъ, панямъ, державцамъ, вдовамъ, хоружимъ, бояромъ и двораномъ нашимъ, татаромъ и всякого стану подъданымъ нашимъ, тымъ, которые оселости свои, имінья подъ правомъ земъскимъ, въ повете Кіевъскомъ маютъ, стану такъ духовного, яко и свецкого, у границахъ нижей писаныхъ“. Послѣ описанія границъ Кіевскаго повѣта обращеніе это продолжаетъ: „а въ тыхъ же границахъ войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ мещаномъ и тежъ жидомъ и татаромъ“. Говоря о сборѣ серебщизны, этотъ листъ отъ

---

1) А. З. Р. III. № 32.

2) Лит. Метр. $\frac{\text{III-A}}{7}$ л. л. 96—99.

имени великаго князя гласить: „тогды на соймикахъ поветовыхъ, которые есмо всимъ поветомъ, з ласки нашое, дали, веземъши отъ бирчихъ земъскихъ ведомость, маеть быти ешче половица того податку вышей помененого съ кождое головы выдано на часъ, листы нашими назначоный; который же податокъ, на теперешнемъ сойме уфаленый, безъ кождого мешканья до тыхъ бирчихъ поветовыхъ отнесенъ и отданъ быти маеть черезъ врядниковъ и слугъ вашихъ пароду шляхецкого, а которые таковыхъ врядниковъ и слугъ народу шляхецкого не мають, тые сами отдати и при отданью того податку передъ тыми жъ бирчими присегу вчинити мають". Такимъ образомъ, универсалъ этотъ, раздѣляя все населеніе повѣта, а въ томъ числѣ и татаръ, на владѣющихъ имѣніями подъ „правомъ земскимъ" и такими имѣніями не владѣющихъ, называетъ татаръ-шляхту въ числѣ повѣтовыхъ обывателей. Самый контекстъ обращенія листа въ словахъ „которые оселости свои, иминья подъ правомъ земъскимъ, въ повете" рядомъ со словами „на соймикахъ поветовыхъ, которые есмо всимъ поветомъ, з ласки нашое, дали", заставляетъ считать, что этимъ листомъ выражается мысль объ участіи татаръ-шляхты въ сеймиковыхъ собраніяхъ повѣтовъ. Но отсутствіе упоминаній о татарахъ въ сеймовыхъ листахъ и въ записяхъ ихъ разсылки все-таки остается на лицо, и впечатлѣніе этого факта усиливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что записи разсылки сеймовыхъ листовъ не знаютъ въ своихъ спискахъ именъ татарскихъ царевичей рядомъ съ князьями и панами, получающими эти листы лично, въ то время какъ записи разсылки листовъ военныхъ хорошо знаютъ первыхъ рядомъ со вторыми [1]).

Противъ участія татаръ въ сеймиковыхъ собраніяхъ повѣтовой шляхты говоритъ и то, что они, какъ земскіе воины, стояли внѣ повѣтовъ въ значеніи хоружествъ. Какъ ни какъ, повѣтовая земская служба была главною основою шляхетской корпораціи повѣта. Самъ по-реформенный шляхетскій повѣтъ образовался именно на этой основѣ, да и повѣтовыя военныя собранія шляхты могли обращаться къ

---

1) Нпр., М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, № 50.

обсужденію повѣтовыхъ и государственныхъ дѣлъ[1]. Татары же стояли внѣ повѣта, какъ военнаго дѣленія шляхетскаго земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго. Въ своихъ просьбахъ о сохраненіи шляхетскихъ правъ, подаваемыхъ господарямъ въ эпоху послѣ реформъ середины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, татары, добиваясь подтвержденія своихъ правъ пользованія повѣтовыми шляхетскими судами, молчатъ о своемъ правѣ сеймикованья, а, между тѣмъ, если шляхта была недовольна и повѣтовою подсудностью татаръ, то тѣмъ болѣе она противодѣйствовала бы участію татаръ въ своихъ сеймиковыхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, вѣроятнѣе предположить, что татары-шляхта не имѣли доступа на повѣтовый сеймикъ, хотя, быть можетъ, и возможны были колебанія въ рѣшеніи этого вопроса въ отдѣльныхъ повѣтахъ, въ первые годы послѣ реформы[2].

Господарскіе татары, въ глазахъ шляхты, могли считаться не имѣющими правъ на повѣтовое шляхетство, какъ люди не-христіанской религіи и не Литовской или Русской національности. По отношенію къ мѣщанству, служившему конно-земскую военную службу, этихъ основаній шляхта не могла выдвигать въ своемъ стремленіи выбросить его изъ шляхетскаго повѣта. Такихъ мѣщанъ было достаточно въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Они существовали не только въ до-реформенное время[3], но и въ эпоху послѣ реформы 1565—1566 годовъ. II статутъ, требуя несенія военной повинности всѣми „обывателями" Великаго Княжества, считаетъ въ числѣ этихъ обывателей мѣщанъ мѣстъ господарскихъ, которые владѣютъ „земскими" имѣніями и имѣютъ „лѣта зуполные"[4]. Того же требуетъ отъ нихъ и статутъ 1588 года[5].

1) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 286 и прим. 3.

2) Этимъ мы отступаемъ отъ высказаннаго нами раньше объ участіи татаръ-шляхты въ сеймикованьѣ (Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 470).

3) См., нпр., „Роспись городовъ съ показаніемъ количества поставленныхъ ими на войну конныхъ воиновъ" — Акты Литовско-Русскаго государства, I, стр. 152.

4) II ст., II, 1.

5) III ст., II, 1.

Такимъ образомъ, „конные“ мѣщане сливаются съ повѣтовою шляхтою въ своей земской военной службѣ. Но этого было мало для обладанія правами повѣтоваго шляхтича. Владѣя въ границахъ повѣта земскимъ имѣніемъ-осѣлостью, конный мѣщанинъ не обладалъ „почтивымъ“ шляхетствомъ, такъ же, какъ и повѣтовая осѣлость, необходимымъ для вступленія въ ряды шляхтичей-„повѣтниковъ“. Для самихъ конныхъ мѣщанъ, въ большинствѣ случаевъ, вопросъ объ ихъ отношеніяхъ къ шляхетскому повѣту не становился такъ остро, какъ онъ стоялъ для господарскихъ татаръ. Крупные господарскіе города-мѣста имѣли обычно Нѣмецкое право, обезпечивавшее имъ свои судъ и управленіе, такъ что ихъ мѣщане и не имѣли нужды по своимъ дѣламъ въ шляхетскихъ повѣтовыхъ судахъ [1]), право доступа къ которымъ было необходимо для татаръ господарскихъ. На повѣтовый сеймикъ они не могли имѣть доступа, какъ нешляхтичи, такъ что и эта сторона значенія шляхетскаго повѣта не могла возбуждать какихъ-либо притязаній съ ихъ стороны. Въ иномъ положеніи были конные мѣщане тѣхъ городовъ, которые Нѣмецкаго права не имѣли. Повѣтовый судъ былъ имъ нуженъ, и они должны были добиваться доступа къ нему со своими „справами“.

Какъ разъ въ такомъ положеніи были конные мѣщане Витебска, не имѣвшаго до 1597 года Магдебургскаго права [2]). Они должны были хлопотать передъ Стефаномъ Баторіемъ и Сигизмундомъ Вазою о подтвержденіи своихъ „правъ и вольностей“, настаивая на своемъ правѣ вѣдаться шляхетскими судами Витебскаго повѣта, и были признаны въ этомъ правѣ обоими господарями [3]). Витебскіе конные мѣ-

1) О правѣ мѣщанъ городовъ Магдебургскаго самоуправленія вызывать шляхту къ повѣтовымъ судамъ, если шляхтичи „сами доброволнѣ усправедливити не хотѣли“, см. II ст., IV, 47 и III ст., IV, 69. Ср. II ст., III, 27 и III ст., III, 35.

2) Конныхъ мѣщанъ Витебскихъ мы старались изучить въ статьѣ „Къ исторіи сословнаго строя Великаго Княжества Литовскаго. Конные мѣщане Витебскіе въ XVI столѣтіи“ (Сборникъ статей, посвященныхъ Василію Осиповичу Ключевскому. Часть I. М. 1909. Стр. 254—276).

3) Подтвержденіе правъ конныхъ мѣщанъ Витебскихъ было сдѣлано Стефаномъ Баторіемъ 20 ноября 1582 года, а Сигизмундомъ Вазою 20 апрѣля 1589 года (А. Ю. и З. Р. I, № 187 и Историко-Юрид. Матеріалы, I, стр. 315—320).

щане служили земскую военную службу подъ хоругвью шляхетскаго повѣта, и несмотря на это, и Витебскій воевода съ замковымъ урядомъ, и Витебская шляхта чинили имъ различныя стѣсненія, такъ что требовалось вмѣшательство верховной власти, чтобы защитить ихъ и ихъ права. Но повѣтовой подсудности Витебскіе конные мѣщане требовали лишь до пріобрѣтенія Витебскомъ Магдебургскаго права. Послѣднее слило конныхъ мѣщанъ этого города съ остальнымъ, „посполитымъ" его мѣщанствомъ въ общей подсудности Витебскому Магдебургскому судебному уряду.

Мы разсмотрѣли группы, на которыя дѣлилась повѣтовая шляхта и которыя, такъ или иначе, тѣми или другими сторонами, соединялись со шляхетскимъ повѣтомъ. Бросимъ теперь общій взглядъ на повѣтовую шляхту въ ея составѣ и дѣйствительномъ положеніи.

Объединенная реформою 1565—1566 годовъ въ шляхетскія корпораціи, повѣтовая шляхта не успѣла еще ни вполнѣ обособиться отъ другихъ, близко къ ней стоявшихъ классовъ населенія, ни вполнѣ сплотиться внутри себя. Рядомъ съ полноправными господарскими земянами-шляхтою продолжала существовать шляхта панская и спадковая, не успѣвшая пріобрѣсти правъ шляхетныхъ обывателей-„повѣтниковъ". Идея повѣта пришла въ столкновеніе съ идеей шляхетства не только въ положеніи панскихъ и спадковыхъ шляхтичей. То же столкновеніе этихъ идей имѣемъ и въ положеніи шляхты неосѣлой. „Учтивые" шляхтичи оказались, такимъ образомъ, и внѣ шляхетскаго повѣта. Съ другой стороны, внутри самой повѣтовой шляхты оказались шляхтичи, которыхъ нельзя признать вполнѣ „вольными", независимыми въ своемъ правовомъ положеніи людьми, служилая шляхта была въ значительной степени подвластна и подсудна лицамъ, которымъ она служила. Вмѣстѣ съ тѣмъ и осѣлость на „земской" военной службѣ, которая была основою для обладанія шляхетскими повѣтовыми правами. оказалась достояніемъ не одной только шляхты. Такую осѣлость имѣли и конные мѣщане, и господарскіе татары, причемъ послѣдніе предъявляли не хуже обоснованныя права на „почтивое" шляхетство, чѣмъ сами шляхтичи-„повѣтники".

Въ эти противорѣчія властно вторгалась сила экономическихъ условій, въ которыхъ жили отдѣльные шляхтичи

и отдѣльныя группы повѣтовой шляхты. Эта сила создала „убогую“ шляхту, эта сила въ значительной степени увеличивала число неосѣлыхъ; наконецъ, она же заставляла подчасъ повѣтовыхъ шляхтичей отказываться отъ „вольностей шляхетскихъ“ въ своихъ частныхъ записяхъ, въ которыхъ они принимали на себя обязательство подчиняться тяжелымъ ихъ условіямъ, „отступивши отъ всихъ свободъ и вольности шляхетскихъ“, съ отказомъ отъ права судиться по своимъ дѣламъ лишь въ шляхетскихъ судахъ своего повѣта[1]). Та же сила экономическихъ условій стояла на пути и полнаго сліянія повѣтовой шляхты съ можными панами, вошедшими въ составъ „повѣтниковъ“ въ силу реформы 1565—1566 годовъ. И послѣ реформы сохранились слѣды прежняго раздѣленія шляхетскаго „стана“ на два, т. е. собственно шляхетскій и панскій. Какъ увидимъ ниже, передъ повѣтовыми сеймиками старая панская группа получаетъ особые господарскіе листы съ приглашеніемъ участвовать на сеймикахъ, хотя эти сеймики выбирали общихъ сеймовыхъ пословъ отъ всей шляхты повѣтовъ, слившейся изъ пановъ съ боярствомъ и земянствомъ. Сохранилось по старому и упоминаніе о князьяхъ и панахъ въ универсалахъ даже впереди воеводъ и урядниковъ, въ обращеніяхъ къ повѣтовой шляхтѣ. Сохранились и особые перечни панскихъ „почтовъ“ въ „пописахъ“ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго, и даже законъ признавалъ право пановъ-радъ, урядниковъ господарскихъ земскихъ и дворныхъ, княжатъ и панятъ „се становити на мѣстцахъ своихъ, подлугъ стародавного обычаю“[2]). Акты говорятъ, что и сами должностныя лица не сразу привыкали къ новому порядку. Смотрѣть на все рядовое земянство и боярство, какъ на свободное отъ ихъ прежней власти сословіе, имъ не было привычно, и нѣкоторые старосты и державцы старались не выпускать ихъ изъ своего присуда въ шляхетскіе повѣты[3]). Но все это, конечно, были пере-

1) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 83—84. Тамъ же, въ примѣчаніи на стр. 84, указаны и примѣры подобныхъ записей.

2) II ст., II, 7. III ст., II, 7. Ср. описаніе вооруженія „почтовъ“ панскихъ — А. Вил. III, № 156.

3) Такъ, одинъ листъ Сигизмунда Августа, данный въ августѣ 1569 года, говоритъ, что великому князю жаловались господарскіе бояре

житки стараго до-реформеннаго времени, и дальнѣйшее время должно было, съ одной стороны, пріучить общество къ новому порядку, а съ другой — постепенно сгладить и фактическое различіе между рядовою шляхтою и потомками панскихъ и княжескихъ фамилій, благодаря мельчанію послѣднихъ[1]). Паны должны были сливаться въ своихъ правахъ съ повѣтовою шляхтою. Шляхетскій повѣтъ вобралъ многихъ изъ нихъ цѣликомъ въ себя, какъ онъ это сдѣлалъ

„Гомейскіе, Уланъ Вайбасовичъ, Петръ Хацковичъ Войкачъ, Павелъ Анъдреевичъ Ворона а Исакъ Тимофеевичъ", прнося жалобу „сами отъ себе и отъ всихъ бояръ" господарскихъ „Гомейскихъ, оповедаючы то, ижъ дей они з давныхъ часовъ суть бояре-шляхъта и именя свои за данииою и листы нашыми г[о]с[по]д[а]ръскими на служъбе земъской военъной конъной подъ правомъ шляхетскимъ мають, съ которыхъ дей завжъды часу потребы службу военъную коньми намъ г[о]с[по]д[а]ру служать и на войну по тому, яко и иные бояре нашы шляхъта служать-ездять, якожъ дей пры границеныю воеводствъ, земль и поветовъ Великого Князства Литовского они вси до повету Речыцкого подъ прысудъ земъскій суть прывернены". Обращаясь къ Гомельскому старостѣ, листъ отъ имени Сигизмунда Августа продолжаетъ: „то пакъ дей ты, пане Мышъка, не ведати для которое прычыны, ихъ ку замку Гомейскому подъ прысудъ свой прыворочаешъ, до роботъ, до повинностей и подачокъ ку полненю, имъ незвыклыхъ, прымушаешъ и трудность великую имъ задаешъ". Конечно, эта жалоба вызвала полное признаніе господаремъ правъ шляхты. „А такъ мы то, яко речъ слушную, з ласки нашое г[о]с[по]д[а]ръское чынечы, всихъ бояръ нашыхъ Гомейскихъ, которые шляхътою суть, именя свои за даниною и листы нашыми на служъбе земъской военной конъной шляхетской мають, отъ прысуду и послушенъства старостъ Гомейскихъ и отъ всякихъ роботъ, повинъностей и подачокъ замъковыхъ и местскихъ, которыхъ бы они, яко шляхъта, полнити не повинни, вызволивъшы, зо всими именьями ихъ земъскими, пры замъку Гомейскомъ лежачыми, до повету Речыцкого, подъ прысудъ тамошній земъскій и право шляхетъское ихъ есмо прывернули и симъ листомъ нашымъ прыворочаемъ и влучаемъ, а къ тому особливе отъ даваня платовъ всякихъ з домовъ и огородовъ ихъ, въ месте и на передместью Гомейскомъ лежачыхъ, вызволяемъ". Гомельскому старостѣ, пану Мышкѣ („и напотомъ будучымъ старостамъ Гомейскимъ"), поэтому, господаремъ отдается соотвѣтствующее приказаніе не нарушать правъ Гомельской шляхты. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. л. 71 об. — 73. Заголовокъ документа: „Листъ бояръ Гомейскихъ, ижъ бы ихъ старостове подъ прысудъ свой ку замъку не прыворочали и до жадныхъ повинностей ихъ не прымушали".

1) Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 259—266.

и по отношенію къ князьямъ[1]), и по отношенію къ упраздненнымъ реформою до-реформеннымъ урядамъ[2]).

Отдѣленная своими привилегіями отъ остального населенія Великаго Княжества Литовскаго и дѣйствительно стоя высоко надъ нимъ въ своихъ верхнихъ слояхъ, повѣтовая шляхта незамѣтно съ нимъ сближалась и нравами, и родомъ занятій, и жизненною обстановкою, и трудностью своей жизни — въ своихъ слояхъ низшихъ. Народъ-шляхта повѣта не представлялъ собою совершенно однообразной, сплоченной единствомъ жизненныхъ условій массы. Въ составѣ повѣтовой шляхты мы видѣли рядъ отдѣльныхъ группъ, различныхъ состояній. Наверху ея стоятъ можные, крупные паны и князья, немалая часть которыхъ со своимъ значеніемъ вліятельныхъ землевладѣльцевъ соединяетъ значеніе радныхъ пановъ или крупныхъ земскихъ или дворныхъ урядниковъ. За ними слѣдуетъ группа шляхтичей, обладавшихъ достаточно большими имѣніями, причемъ часть этой шляхты занимала уряды повѣтовые и дворные или земскіе помельче. Далѣе слѣдуютъ шляхтичи, владѣвшіе имѣніями меньшихъ размѣровъ, и уменьшеніе этихъ послѣднихъ постепенно приводитъ наблюдателя къ шляхтѣ убогой, простымъ пахарямъ, сидящимъ на скудномъ кускѣ земли и несущимъ страду земледѣльческаго труда одинаково, а иногда и въ худшихъ условіяхъ, по сравненію съ простыми подданными. Шляхта служитъ частнымъ лицамъ, занимая у своихъ господъ не только вліятельныя и хорошо

---

1) О князьяхъ, какъ шляхтѣ, см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 255—262.

2) Такими упраздненными повѣтовою реформою урядами были уряды хоружихъ до-реформенныхъ повѣтовъ. Занимавшія эти уряды до реформы лица обратились въ рядовыхъ шляхтичей, хотя еще и называются „бывшими хоружими“. „Пописъ“ 1567 года называетъ цѣлый рядъ такихъ „бывшихъ хоружихъ“: Богданъ Семеновичъ Жаба, хоружій бывшій Керновскій (л. 87 об., ст. 557 изданія), Войтехъ Стецкевичъ, хоружій бывшій Кревскій (л. 123 об., ст. 593 изданія), Шимонъ Яновичъ Матушевичъ, хоружій бывшій Геранонскій (л. 128 об., ст. 598 изданія), Амброжей Станиславовичъ Гудевичъ, хоружій бывшій Довговскій (л. 176, ст. 644 изданія), Каспоръ Раецкій, хоружій бывшій Жижморскій (л. 178, ст. 647 изданія), Иванъ Селицкій, хоружій бывшій Сомилишскій (л. 182, ст. 652 изданія), Созонъ Сопотко, хоружій бывшій Высокодворскій (л. 188, ст. 658 изданія) и т. д.

оплачиваемыя мѣста частной службы, но и обращаясь въ простую домашнюю прислугу и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, т. е. неся тѣ виды труда, которые обыкновенно были удѣломъ простыхъ „людей“ и даже несвободной челяди. На ступеняхъ шляхетской лѣстницы размѣщаются всѣ виды труда и обстановки жизни, которые могли существовать въ обществѣ того времени, и „народъ“ шляхетскій разслаивался, какъ и всякій народъ вообще, хотя онъ и былъ объединенъ единымъ шляхетскимъ правомъ. Только ремесло и торгъ въ розницу считались несоединимыми съ шляхетскимъ достоинствомъ[1]). Шляхтичъ могъ продавать лишь продукты, которые онъ получалъ со своихъ земельныхъ владѣній и со своего хозяйства. Но жизнь выработала обходъ и этого требованія въ однихъ случаяхъ и создала прямое нарушеніе его въ другихъ. Источники знаютъ панскихъ купцовъ, ведшихъ торговлю, конечно, въ качествѣ агентовъ своихъ пановъ-хозяевъ. Такъ, одинъ продажный листъ отъ 23 января 1572 года говоритъ о продажѣ земли Яну Матеевичу Мечнику, „купцу ее милости паней Ганны Радивиловны Кишиной, воеводиной Витебской“[2]). И въ торговлѣ пановъ нѣтъ ничего удивительнаго: самъ великій князь издавна торговалъ черезъ своихъ агентовъ[3]). Съ другой стороны, мелкіе шляхтичи, не желая упускать выгодъ торга, иногда лично являлись со своими возами въ мѣстечки въ торговые дни и торговали въ рядахъ прочихъ торговцевъ. Такъ поступилъ, напримѣръ, земянинъ Балтромей Петровичъ Екстойтя, который, по словамъ заявленія вознаго, сдѣланнаго въ Жомоитскія земскія книги 13 октября 1590 года, пріѣхавъ въ торговый день въ Сядское, мѣстечко Марковой Внучекъ, „з возомъ купецкимъ“ всталъ „з иншими крамниками посполу въ раде и тамъ дей, з воза своего выбравши сукно и иншые речы, яко купецъ и крамникъ будучы, продавалъ, а самъ, по торгу ходечи, шкуры козловые, ленъ, воскъ, лой и иншые речы, безменомъ важечы, скуповалъ“. Когда

1) И. И. Лаппо. Великое Княжество Литовское. Томъ I. Стр. 239 и сл.

2) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I. Стр. 8 (№ 120).

3) Напр., Р. Ист. Б. XXVII, ст. 463—464. Ср. М. В. Довнаръ-Запольскій, Госуд. хозяйство Вел. Кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, I, стр. 4 и сл.

пришелъ „до краму того Балтромея" слуга пана Петровича Себестьянъ Станиславовичъ и началъ у него покупать „речы крамные", а Балтромей ему „локтемъ" продалъ „пуху бобрового", то видѣвшій все это Скудскій урядникъ, панъ Амброжей Щастновичъ сказалъ Балтромею: „чы пристоитъ тебе, менуючисе быть шляхтичомъ, а локтемъ меришъ и безменомъ важишъ, ездечы по торгу и съ товаромъ крамнымъ поеждчаешъ?" [1]). Правда, торговля шляхтича въ данномъ случаѣ вызвала замѣчаніе и даже заявленіе о ней вознаго въ земскія книги повѣта, но едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что торговля велась шляхтою достаточно широко, если и не всегда открыто и на крупныхъ торгахъ, то въ поселкахъ, лежавшихъ въ болѣе удобныхъ для отсутствія огласки мѣстахъ, и у себя дома или при случайныхъ встрѣчахъ. Склонность шляхты къ неприличествующимъ ея достоинству способамъ наживы отмѣчалъ и Виленскій съѣздъ 1584 года. Онъ жаловался, что „никоторые зъ стану рыцерского, покинувшы господарства пристойные, на лифу", т. е. въ ростъ, „пенези дають" [2]).

Но представленіе о шляхетской „чести" укоренялось тѣмъ не менѣе въ народѣ-шляхтѣ. Эта „честь" заставляетъ относиться съ порицаніемъ къ поступкамъ и дѣйствіямъ „нешляхетскимъ", изъ которыхъ одни, вродѣ нарушенія „шляхетскаго" слова или обмана [3]), идутъ въ разрѣзъ съ нравственною основою „рыцерства", другіе же, вродѣ занятія торгомъ, не были „пристойны" съ точки зрѣнія шляхетскаго декорума. Какъ внѣшній знакъ принадлежности къ шляхетскому сословію выдвигается право имѣть свои гербы и печати. „Простые" люди не могутъ ими пользоваться, „не маючы а ни ужываючы печати своее, яко простого стану и урожeня будучы" [4]). Но эти печати шляхтичей едва ли всѣ имѣли гербы вообще, или гербы, пріобрѣтенные по оффиціальному акту [5]). Печать шляхтичу

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 99 (№ 200).

2) См. ниже, Приложенія, стр. 136.

3) См., напр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 14 (№ 194).

4) А. Вил. XXXII. Стр. 143.

5) Было бы любопытно собрать снимки съ печатей Литовско-Русской шляхты, „притиснутыхъ" ею къ различнымъ документамъ, сохранившимся въ видѣ отдѣльныхъ „листовъ" или въ видѣ записей въ ак-

была нужна для приложенія ея къ документамъ, которые онъ долженъ былъ утверждать или скрѣплять, и она замѣняла ему его подпись, которую далеко не всякій шляхтичъ могъ сдѣлать по неумѣнью писать [1]). Печать для шляхтича была еще болѣе удобствомъ, чѣмъ почетнымъ отличіемъ отъ „стану простого“.

Такъ въ этомъ внѣшнемъ отличіи шляхты отъ „простыхъ“ людей имѣемъ иллюстрацію жизненныхъ условій и состава шляхты, и мы бы не рѣшились назвать ее въ строгомъ смыслѣ „гербовною братіею“, какъ это иногда дѣлается [2]). Образованіе шляхетскаго сословія Великаго Княжества Литовскаго и его бытовыя условія внесли слишкомъ много въ его строй и дѣйствительное устройство, чтобы прибавить что-либо другое къ правамъ и повинностямъ шляхетскимъ въ значеніи начала, которымъ объединялись всѣ шляхтичи Княжества въ его народъ-шляхту.

товыя книги повѣтовыхъ судовъ. Надо думать, что въ числѣ ихъ окажется достаточно примѣровъ печатей безъ всякаго герба. Кромѣ образцовъ безгербовныхъ шляхетскихъ печатей, имѣющихся въ различныхъ актовыхъ книгахъ, основаніемъ для такого предположенія является и Оршанскій гербовникъ, изданный въ XXVIII-мъ выпускѣ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ (и отдѣльно — Витебскъ 1900). Конечно, шляхты въ Оршанскомъ повѣтѣ было больше, чѣмъ число фамилій, внесенныхъ въ этотъ гербовникъ.

1) См. И. И. Лаппо, Вел. Княжество Литовское, томъ I, стр. 503. Въ виду того, что приложеніе печати вполнѣ замѣняло подпись, совершенно понятны заявленія шляхтичей о пропажѣ или похищеніи ихъ печатей — они боятся злоупотребленій при помощи этихъ печатей и „приложеня“ ихъ „до неякихъ“ документовъ.

2) Ср., напр., М. В. Довнаръ-Запольскій, Госуд. хозяйство Вел. Кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I, стр. 655.

Глава IV.

Учрежденіе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика.

Учрежденіе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика въ декабрѣ 1565 года. Постановленія II-го статута о сеймикѣ. Привилей 30 декабря 1565 года. Первые повѣтовые сеймики передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года. Вопросъ о времени учрежденія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика въ исторической литературѣ. Значеніе повѣтоваго сеймика въ связи съ реформою 1565—1566 годовъ и областными собраніями до-реформеннаго времени. Пониманіе повѣтоваго сеймика актами, его учреждающими. Расширеніе понятія повѣтоваго сеймика въ послѣдующее время и появленіе другихъ видовъ сеймика кромѣ сеймика предсеймоваго. Необходимыя условія для признанія того или другого вида собраній шляхты повѣта повѣтовымъ сеймикомъ.

Повѣтовый сеймикъ Великаго Княжества Литовскаго былъ учрежденъ въ декабрѣ 1565 года во время Виленскаго сейма 1565—1566 годовъ. Въ „отказѣ" Сигизмунда Августа на просьбы княжатъ, панятъ, маршалковъ, земскихъ урядниковъ, хоружихъ и всей шляхты Великаго Княжества Литовскаго, датированномъ 21-мъ декабря 1565 года, находимъ просьбу о томъ, чтобы господарскій привилей, „на соймики поветовые выданый", былъ внесенъ въ вводимый въ дѣйствіе II статутъ[1]). Въ томъ же „отказѣ" находится и просьба, чтобы „соймики поветовые для лепшого и вечистого всякого порадку въ речи посполитой" великій князь „кшталтомъ съ Коруны Польское отъ того часу, водле обетницы своее господарское, постановити и привильемъ своимъ на вечные часы потвердити рачилъ"[2]). Обѣ эти просьбы получили согласіе господаря. Въ самомъ дѣлѣ, исполненіемъ

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 170 (просьба 23).
2) Ibidem. Стр. 170 (просьба 25).

первой является 5 артикулъ III-го раздѣла статута [1]), исполненіемъ второй — господарскій привилей, данный въ Вильнѣ 30 декабря 1565 года [2]). Такимъ образомъ, учрежденіе повѣтоваго сеймика совершилось въ послѣдній моментъ передъ утвержденіемъ II-го статута, и артикулъ о немъ, подобно нѣкоторымъ другимъ артикуламъ [3]), былъ введенъ въ кодексъ безъ той продолжительной работы, которая была продѣлана надъ большинствомъ статей статута 1566 года его составителями [4]). Посмотримъ на то, какимъ предполагаютъ и какъ организуютъ повѣтовый сеймикъ указанный сейчасъ артикулъ II-го статута и привилей 30 декабря 1565 года.

Въ артикулѣ статута 1566 года „О соймикохъ повѣтовыхъ" находимъ слѣдующее. Цѣль учрежденія сеймика — „для лѣпшого порадку во всѣхъ речахъ и въ способу ку справедливости и оборонѣ, абы за волею всѣхъ на соймикахъ потребы се земскіе становили и отправованы были". Повѣтовые сеймики будутъ собирать Сигизмундъ Августъ и его преемники „вѣчными часы передъ сеймомъ великимъ вальнымъ". При этомъ, по словамъ статута, господари будутъ „порядою радъ" своихъ „того жъ панства", т. е. Великаго Княжества Литовскаго, „складати листы" своими „соймики повѣтовые, а меновите на тыхъ мѣстцахъ и воеводствахъ, нижей суть написаныхъ и постановленыхъ, которые соймики также листы" господарскими „даны будуть не на близшей часъ и рокъ, толко за чотыры недѣли передъ соймомъ великимъ". Кто съѣзжается на сеймики и принимаетъ участіе въ его занятіяхъ? Статутъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: воеводы, каштеляны, земскіе урядники, князья, паны и шляхта „того жъ повѣту и воеводства". Собираются на сеймикъ сейчасъ перечисленныя группы повѣтовыхъ обывателей „намовляти о тыхъ речахъ и потребахъ земскихъ, которые имъ на листахъ" [5]) господарскихъ

---

1) „О соймикохъ повѣто(во)выхъ и о выправованью и посланью зъ нихъ пословъ земскихъ на вальный соймъ".

2) А. З. Р. III. № 38.

3) См. выше, стр. 109 (объ учрежденіи повѣтовыхъ подкоморіевъ).

4) О составленіи II-го статута см. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 296, 520, 521, 547, 548, 583, 631, 632, 677—679, 699, 700, 738—745.

5) Въ изданіи статута въ XXIII-й книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Р. стоитъ: „на мѣстцахъ нашихъ". Конечно нужно

„ознаймены будуть, не мней [1]) тежъ о своихъ и о всѣхъ потребахъ земскихъ и долеглостяхъ оного повѣту и воеводства“. Такимъ образомъ, статутъ не ограничиваетъ предметовъ обсужденія сеймика только тѣми вопросами и дѣлами, которые будутъ ему предложены господаремъ: сеймикъ можетъ по собственной иниціативѣ ставить и обсуждать вопросы, притомъ какъ своей, повѣтовой жизни, такъ и жизни цѣлаго государства, отнюдь не считая себя ограниченнымъ только вопросами, поставленными ему господаремъ. Всѣ собравшіеся на сеймикъ, „зволившыся вси одностайнымъ зданьемъ, мають обирати пословъ своихъ“ на сеймъ. Эти послы выбираются „по двѣ особы“ отъ каждаго повѣта, или, какъ выражается статутъ, „отъ кождого суду земского, колко ихъ у томъ воеводствѣ будеть“. Избравъ своихъ пословъ, повѣтовый сеймикъ долженъ „послати ихъ на соймъ, ознаймившы и вручившы то все имъ, о чомъ водлѣ листовъ“ господаря „и тежъ во всѣхъ потребахъ радити, намовляти и становити мають, даючы имъ моцъ на томъ таковомъ вальномъ соймѣ поступовати и кончыти тые и иные припалые речы, водлѣ часу и потребы“.

Приведенный сейчасъ артикулъ статута безъ сомнѣнія неполно представляетъ устройство Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика. Онъ, прежде всего, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ устанавливаетъ его организацію, ничего не говоря ни о способѣ „обрадованья“ на сеймикѣ, ни объ его предсѣдателѣ, ни о другихъ сеймикахъ, кромѣ предсеймоваго, хотя самъ статутъ 1566 года знаетъ и сеймикъ для выбора членовъ земскаго суда, не называя его, впрочемъ, еще именемъ сеймика [2]). Съ другой стороны, артикулъ „О соймикохъ повѣтовыхъ“ представляетъ собою несомнѣнно лишь часть текста господарской грамоты, учреждающей сеймики. Это видно изъ ссылокъ его на то, что ниже постановлено и написано и чего мы не находимъ въ дѣй-

читать: „на листахъ нашихъ“. Ср. латинскій („litteris nostris“) и польскій („na liściech naszyh“) переводы II-го статута — Collectanea ex Archivo Collegii Juridici. Tomus VII. P. 45—46.

1) Исправляемъ изъ „на мней“ того же изданія. Ср. Coll. ex. Arch. Coll. Jur., t. VII, p. 45—46.

2) II ст., IV, 1.

ствительности въ текстѣ II-го статута. Такихъ ссылокъ въ нашемъ артикулѣ двѣ. Первая изъ нихъ приведена нами выше [1]). Вторая находится въ самомъ концѣ артикула, гдѣ говорится уже не о соймикѣ, а о соймѣ: „вѣдже князей, пановъ, маршалковъ и иныхъ всихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, подлѣ старого обычаю, маемъ листы нашими на таковый вальный соймъ взывати; и тые вси въ радѣ посполитой мѣстца и воты свои будуть мѣти способомъ звычаю стародавного, а послове земскіе мѣстца и воты свое мають мѣти водлѣ порадку, нижей написаного“.

Первая ссылка имѣетъ въ виду новое повѣтовое дѣленіе Великаго Княжества Литовскаго съ опредѣленіемъ центровъ новыхъ повѣтовъ [2]). Что касается второй ссылки, то она говоритъ о распредѣленіи мѣстъ на соймѣ для пословъ отдѣльныхъ повѣтовъ. Это распредѣленіе было сдѣлано одновременно съ учрежденіемъ повѣтоваго соймика. Кромѣ этой ссылки статута имѣемъ указаніе на него и въ спорѣ Волынскихъ и Жомоитскихъ пословъ, представленномъ ими на разрѣшеніе Сигизмунда Августа, сразу послѣ утвержденія II-го статута. На томъ же Виленскомъ соймѣ 1565—1566 годовъ, на которомъ учрежденъ былъ повѣтовый соймикъ, послы Волынской земли [3]) „просили короля его милости, абы его королевская милость межы ними и межы паны тивуны, послами земли Жомоитское на соемъ вальный, хто бы з нихъ первей въ раде посъполитой на соймехъ вальныхъ вотовати мелъ, вырокомъ своимъ розознати и розъсудити рачилъ“. Вопросъ этотъ настолько волновалъ Волынскихъ пословъ, что, не получивши разрѣшенія его во время сейма въ Вильнѣ, они послѣдовали за выѣхавшимъ изъ этого города Сигизмундомъ Августомъ „и съ тою они прозбою пилновали короля его милости по выеханью его королевское милости на соймъ Коронъный до Люблина, з Вильни ажъ до Городна“. Однако имъ все-таки не

---

1) „Маемъ мы и потомки нашы . . . . складати листы нашими соймики повѣтовые, а меновите на тыхъ мѣстцахъ и воеводствахъ, нижей суть написаныхъ и постановленыхъ“.

2) См. выше, стр. 58 и сл.

3) „Александро Жоравницкій, ключникъ Луцъкій, а Микита Серъбинъ, хоружый земли Волыньское, Гаврыло Бокей, судя Луцкій, Богданъ Костюшковичъ, судя повету Володимеръского“.

удалось добиться разрѣшенія этого спора, такъ какъ Сигизмундъ Августъ, „будучи забавенъ инъшими потребами своими г[о]с[по]д[а]рьскими и земскими и недоспешонъ будучи того межи ними на тотъ часъ скончити, отложити то рачилъ до пришлого валного сойму Великого Князьтва Литовского“. Такимъ образомъ, Волынскимъ посламъ, несмотря на ихъ настойчивость, пришлось удовольствоваться лишь записью всего этого въ книги канцеляріи Княжества „для памети“. Но они взяли себѣ выпись этой записи — „на што и выписъ съ книгъ посломъ земли Волынское подъ печатью г[о]с[по]д[а]рьскою есть данъ“ [1]).

Итакъ, статутъ 1566 года неполно опредѣляетъ организацію повѣтоваго сеймика и предполагаетъ наличность добавленія къ его артикулу „О соймикохъ повѣтовыхъ“. Обратимся теперь къ грамотѣ Сигизмунда Августа отъ 30 декабря 1565 года и посмотримъ на то, что она даетъ для изученія повѣтоваго сеймика. Эта грамота сообщаетъ во всеобщее свѣдѣніе, что на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ господарю были представлены просьбы всѣхъ становъ о приведеніи въ дѣйствіе новаго статута и о томъ, чтобы Сигизмундъ Августъ, „приводячи къ большому порядку рѣчь посполитую“, разрѣшилъ „на выбиранье пословъ, къ соймомъ вальнымъ и инымъ потребамъ земскимъ належачихъ“, имѣть „въ повѣтѣхъ (то есть, гдѣ-кольвекъ вряды судовые засажены и гдѣ потомъ черезъ“ великаго князя „засаженье врядовъ судовыхъ зъ ихъ прозьбы и зволенья дойдетъ) соймы малые къ збиранью всихъ обывателей въ кождомъ повѣтѣ“. На эти „соймы повѣтовые“ Сигизмундъ Августъ долженъ разрѣшить всѣмъ раднымъ панамъ, князьямъ, панамъ, урядникамъ земскимъ и дворнымъ „и всимъ станомъ народу шляхетского и стану рыцерского, гдѣ хто въ которомъ повѣтѣ осѣлость маетъ, на часы, черезъ листы“ господарскіе „назначоные, зъѣзжатися, тымъ же прикладомъ и порядкомъ, яко на такихъ соймѣхъ повѣтовыхъ

---

1) Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{55}$ л. 1. Заголовокъ документа въ книгѣ Метрики: „Отложене до пншого сойму спору межи послами земли Волынское и земли Жомоитское, хто з ниxъ первей вотовати маеть въ раде посполитой“. Дата: Городно, 18 марта 1566 года. Документъ изданъ Н. А. Максимейкомъ Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 151—152.

справа, поступокъ и обычай заховывается въ паньствѣ" Сигизмунда Августа, „Корунѣ Польской". Великій князь исполнилъ эти просьбы Литовско-Русскихъ становъ за ихъ заслуги передъ нимъ и ихъ государствомъ. Грамота послѣ указанія на эти заслуги гласитъ отъ имени Сигизмунда Августа: „дозволяемъ, абы вже тымъ статутомъ новымъ судилися и справовалися вси станы однакимъ порядкомъ въ повѣтѣхъ и на мѣстцахъ, судомъ засажоныхъ, передъ врядники, на суды отъ насъ высажонымп, водлугъ привилья и наданья нашого, на соймѣ Бѣльскомъ на то отъ насъ обдарованого. А въ тыхъ же повѣтѣхъ на мѣстцахъ головнѣйшихъ зъѣзжатися и збиратися княземъ, паномъ-радамъ нашимъ, врядникомъ земскимъ и дворнымъ и всему рыцерству, хто въ которомъ повѣтѣ осѣлость маетъ, дозволяемъ и, за обосланьемъ и листы нашими господарскими зъѣхавшися, о потребахъ рѣчи посполитоѣ радити и намовляти и обмышляти, о чомъ имъ отъ насъ господаря ознаймено будетъ; и съ того жъ собранья и намовъ спольныхъ пословъ обирати и на съемъ великій вальный, звыклый въ томъ паньствѣ нашомъ, кгды листы нашими господарскими мѣстцо таковому сойму ознаймено и зложено будетъ, выправляти и черезъ тыхъ пословъ потребы рѣчи посполитоѣ и кождого зособна повѣту до насъ господаря приносити, во всемъ справуючися по тому, яко въ паньствѣ нашомъ Корунѣ Польской обычай около таковыхъ съѣздовъ повѣтовыхъ, отправованья пословъ и доношенья потребъ рѣчи посполитоѣ на съемъ вальный передъ насъ господаря заховывается". Какъ повѣтовые суды, такъ и сеймики должны быть сохранены Сигизмундомъ Августомъ и его преемниками „вѣчнѣ и непорушнѣ", и „на утверженье и моцность" настоящаго „привилья" его господарь подписалъ своею рукою и приказалъ къ нему „печать" свою „привѣсити" [1]).

Нужно думать, что этотъ привилей и былъ именно тѣмъ привилеемъ, объ изданіи котораго, какъ мы видѣли выше, говоритъ „отказъ" Сигизмунда Августа Литовско-Русскимъ станамъ на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ. Настоящій привилей мало прибавляетъ для изученія организаціи Литовско-Русскаго сеймика къ тому, что даетъ для

1) А. З. Р. III. № 38.

этого изученія артикулъ „О соймикохъ повѣтовыхъ“ статута 1566 года. Онъ лишь добавляетъ указаніе на примѣръ, по которому учреждаются повѣтовые соймики Великаго Княжества Литовскаго. Этотъ примѣръ — соймики Польши. Но точнаго опредѣленія соймикованья въ Польшѣ привилей не даетъ, да едва ли онъ и могъ это сдѣлать за отсутствіемъ точныхъ регламентовъ Польскаго соймика, выросшаго безъ регламентаціи своего строя въ земляхъ Короны Польской[1]). Необходимо думать, что привилеемъ имѣлись въ виду лишь общія очертанія и общій характеръ Польскаго соймика, подобно тому какъ такія же общія очертанія Польскаго строя судовъ Подляшья, какъ мы это видѣли выше[2]), имѣлись въ виду шляхтою Великаго Княжества Литовскаго въ ея требованіяхъ судебной реформы въ до-реформенное время.

Итакъ, ни статутъ 1566 года, ни привилей 1565 года не даютъ опредѣленнаго устава для соймикованья Литовско-Русскихъ шляхетскихъ повѣтовъ. Быть можетъ, что они и не задавались такою цѣлью, предоставляя самой жизни вылить въ опредѣленныя формы учреждаемое ими шляхетское собраніе. Но Литовско-Русскій предсоймовый повѣтовый соймикъ получилъ свое существованіе только послѣ изданія привилея 1565 года и II-го статута. Въ первый разъ предсоймовые соймики повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго собрались передъ Берестейскимъ соймомъ 1566 года. „Универсалъ о зложенью сойму у Берестю“, выданный Сигизмундомъ Августомъ въ Кнышинѣ 22 марта 1566 года[3]) и созывающій повѣтовые соймики на 10 апрѣля этого года, говоритъ отъ имени великаго князя: „што на теперешнемъ валномъ сойме Виленьскомъ будучи намъ г[о]с[по]д[а]ру

---

1) О происхожденіи Польскаго соймика см. Adolf Pawiński, Sejmiki Ziemskie, Początek ich i rozwój aż do ustalenia się udziału posłów ziemskich w ustawodawstwie sejmu walnego. 1374—1505 (Warszawa 1905). Ср. Antoni Prochaska, Geneza i rozwój parlamentaryzmu za pierwszych Jagellonów (Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. Serya II. Tom XIII) и Fr. Piekosiński, Wiece, sejmiki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich (ibidem, tom XIV).

2) Стр. 22, 23, 170—171.

3) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 94—95 об. Документъ изданъ М. К. Любавскимъ — Л.-Р. соймъ, Приложенія, стр. 166—167, и Н. А. Максимейкомъ — Соймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 153—154.

зо всими паны-радами нашими ихъ милостью, духовными и свецкими, и зо всими землями здешнего паньства нашого Великого Князьства Литовского, за прозбою всихъ становъ постановили есмо соймики поветовые въ чотырехъ неделяхъ передъ вальнымъ великимъ соймомъ складати ку зъеханю всимъ обывателемъ стану рыцерского для обираня пословъ на съемъ валный въ потребахъ тыхъ, которые листы нашими ознайменны будуть". Тотъ же универсалъ обнаруживаетъ и извѣстную непривычность канцеляріи Княжества къ впервые созываемымъ предсеймовымъ собраніямъ повѣтовой шляхты: онъ называетъ ихъ то „соймиками малыми", то „соймиками поветовыми", не установивъ еще вполнѣ названія для только что учрежденнаго вида шляхетскихъ собраній. То же упоминаніе о только что состоявшемся учрежденіи предсеймоваго сеймика имѣетъ и текстъ инструкціи господарскимъ посламъ на сеймики 10 апрѣля 1566 года. По требованію этой инструкціи, господарскій посолъ послѣ передачи привѣтствія отъ великаго князя и передачи удостовѣренія своего посольства „преложити маеть, яко то его кролевъская милость на сойме прошломъ вальномъ позволити рачилъ и соймики мевати допустилъ передъ вальнымъ соймомъ и для того на онъ часъ посла своего", явившагося на настоящій сеймикъ, послалъ, „яко есть обычай въ Коруне Полской и захована около соймиковъ, кгдыжъ тые соймики звычаемъ Коруны Полское падати[1]) и упривилевати его милость г[о]с[по]д[а]ръ рачилъ . . ."[2]). Посолъ господарскій, такимъ образомъ, объясняетъ собравшимся на сеймикъ свое появленіе среди нихъ, такъ какъ областныя собранія предшествующаго времени собирались безъ присутствія на нихъ пословъ великаго князя для сообщенія предметовъ занятій предстоящаго сейма.

Итакъ, время учрежденія и время перваго созыва предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго извѣстно источникамъ совершенно точно. Этой опредѣленности указаній источниковъ, однако, не соотвѣтствуетъ

---

1) Въ оригиналѣ: „падате".

2) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 115 об. Документъ этотъ также изданъ М. К. Любавскимъ — op. cit., Приложенія, № 57 и Н. А. Максимейкомъ — op. cit., Приложенія, стр. 157—159.

опредѣленіе времени возникновенія Литовско-Русскаго предсеймоваго сеймика въ исторической литературѣ, какъ оно дѣлалось до сравнительно недавняго времени. Еще въ 1897 году было высказано мнѣніе, что сеймикъ Великаго Княжества Литовскаго былъ учрежденъ въ 1559 году [1]). Это мнѣніе основано на указаніи стараго труда Ярошевича, посвященнаго изученію внутренняго строя Литвы [2]). Ярошевичъ говоритъ, что Сигизмундъ Августъ установилъ на Виленскомъ сеймѣ 1559 года выборъ земскихъ пословъ, но къ этому прибавляетъ, что способъ избранія повѣтовыхъ пословъ былъ опредѣленъ лишь 30 декабря 1565 года [3]), т. е. уже извѣстнымъ намъ привилеемъ Сигизмунда Августа. Не совсѣмъ легко объяснить основаніе, которое имѣлъ въ виду Ярошевичъ для своего утвержденія о началѣ повѣтовыхъ сеймиковъ въ 1559 году. Повидимому, это было указа-

1) Предисловіе М. В. Довнаръ-Запольскаго къ I-му тому Документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, стр. XX. М. В. Довнаръ-Запольскій на этой страницѣ своего Предисловія и новое раздѣленіе Литовско-Русскаго государства на повѣты также пріурочиваетъ къ 1559 году: „утвержденіе въ 1559 г. сеймиковъ и раздѣленіе государства на опредѣленные районы — повѣты, является прочнымъ шагомъ въ дѣлѣ развитія литовскаго парламента.“ Но въ этихъ словахъ нѣтъ ли простого недоразумѣнія, вызваннаго трудомъ Ярошевича. Пятью строками ниже самъ М. В. Довнаръ-Запольскій пишетъ: „до 1565 г. районы, имѣвшіе представительство на сеймѣ, не были строго опредѣлены . . . . Съ 1565 г. хоруговная повѣтовая шляхта составляетъ мѣстный сеймикъ.“

2) См. о вліяніи труда Ярошевича (Obraz Litwy pod względem jéj cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII) выше, стр. 50, прим. 1.

3) Ярошевичъ пишетъ: Сигизмундъ Августъ, „aby tém bardziéj zachęcić rycerstwo litewskie do czynnego udziału w obronie zagrożonych przez Rossją Inflant, między wielą innemi dobrodziejstwami nie tylko na wybor sędziow powiatowych, ale i posłow ziemskich na Sejmie wileńskim r. 1559 zezwolił; obie te prerogatywy w Bielsku 1564 r. potwierdził, a potém znowu na Sejmie wileńskim r. 1565 d. 30 Grudnia, porządek Sejmikow przedsejmowych dla wybiérania po dwóch posłów z okręgu uległego juryzdykcji jednego ziemskiego sądu, opisał . . .“. Obraz Litwy. II. Str. 59. „Przypisy do części drugiéj“ даютъ въ соотвѣтствующей ссылкѣ (45) лишь указанія на сеймовые документы въ изданіи Дзялынскаго (Zbior Praw Litewskich), въ которыхъ нѣтъ никакого подтвержденія для принятія 1559 года, какъ даты начала повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго.

ніе на просьбы повѣтовъ Витебскаго и Мстиславскаго актами Виленскаго сейма 1559 года, причемъ Ярошевичъ не обратилъ вниманія на то, что на этомъ же сеймѣ Сигизмундомъ Августомъ было отказано хоружимъ въ ихъ просьбѣ о выборѣ шляхтою пословъ на сеймы. Вліяніе Ярошевича въ вопросѣ о возникновеніи сеймика Великаго Княжества Литовскаго сказалось и на Теодорѣ Нарбутѣ. Онъ также принялъ 1559 годъ, какъ годъ возникновенія Литовско-Русскаго сеймика[1]). Но уже въ 1883 году С. А. Бершадскій установилъ 1565 годъ, какъ годъ дарованія повѣтоваго сеймика шляхтѣ Великаго Княжества Литовскаго[2]), и затѣмъ этотъ годъ былъ усвоенъ Русскою историческою литературой[3]). Вышедшіе въ началѣ текущаго столѣтія труды М. К. Любавскаго и Н. А. Максимейка, посвященные изученію Литовско-Русскаго сейма, подтвердили дату С. А. Бершадскаго, установившаго ее на основаніи изданнаго матеріала[4]), изученіемъ матеріала рукописнаго[5]). Наконецъ, въ самое недавнее время эту дату встрѣчаемъ принятой и въ трудѣ Ѳ. И. Леонтовича, посвященномъ изученію вѣча, сеймовъ и сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго[6]). Итакъ, разногласіе по вопросу о времени возникновенія предсеймоваго повѣтоваго сеймика въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ

---

1) „Za tego szczątka rodu Jagellów, w r. 1559, obieranie posłów ziemskich na sejmy wzięło formalne urządzenie i odtąd sejm Litewski w zupełności Polskiego stał się naśladownictwem." Teodora Narbutta Pomniejsze pisma historyczne, szczególnie do historyi Litwy odnoszące się. Wilno 1856. Str. 292.

2) С. А. Бершадскій. Литовскіе Евреи. Стр. 311.

3) См. Н. В. Стороженко, Западно-Русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка, стр. 6—7. Ср. С. А. Бершадскій, Къ вопросу о сеймикахъ въ Юго-Западной Россіи (разборъ работы Н. В. Стороженка). Журн. Мин. Нар. Пр. 1888, IX, стр. 369—403.

4) Привилея 30 декабря 1565 года и II-го статута.

5) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 698, 731 и др. Н. А. Максимейко, Сеймы Л.-Р. государства, стр. 103 и сл.

6) Ѳ. И. Леонтовичъ. Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 254. Нужно отмѣтить, что еще до выхода въ свѣтъ труда Ярошевича возникновеніе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика совершенно правильно пріурочивалось къ 1566 году, т. е. къ утвержденію II-го статута Балинскимъ (Historya miasta Wilna. Przez Michała Balińskiego. Tom II. Wilno 1836. Str. 98).

въ настоящее время можно считать устраненнымъ. Основною причиною его мы считали бы то же недостаточное вниманіе къ значенію реформъ 1565—1566 годовъ, которое уже было отмѣчено нами выше, какъ причина, не позволявшая ясно уяснить и весь повѣтовый строй Княжества при смѣшеніи эпохъ до и послѣ этихъ реформъ [1]). Люблинская Унія слишкомъ заслоняла въ глазахъ историковъ преобразованіе внутренняго строя Литовско-Русскаго государства наканунѣ ея заключенія, а, между тѣмъ, и самое ея заключеніе оказалось подготовленнымъ этимъ новымъ строемъ значительно, и этотъ же новый строй обезпечивалъ Великому Княжеству Литовскому возможность сохраненія своего государственнаго значенія особаго „панства“ въ образованномъ Уніею Польско-Литовскомъ государствѣ.

Чтó же вносило учрежденіе предсеймоваго повѣтоваго сеймика въ жизнь Литовско-Русскаго государства? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ мы должны бросить хотя бы самый общій взглядъ на формы собраній, существовавшихъ въ областяхъ Литовско-Русскаго государства въ эпоху до созданія этого вида шляхетскихъ собраній. Наличность народныхъ собраній въ Литовскихъ и въ Русскихъ земляхъ, составившихъ Великое Княжество Литовское, въ настоящее время не оспаривается уже никѣмъ, хотя еще въ серединѣ XIX столѣтія нужно было ее доказывать, если не для Русской, то для Литовской части Литовско-Русскаго государства [2]). Что касается вѣча Русскихъ земель Княжества, то его прослѣживаютъ изслѣдователи въ отдѣльныхъ земляхъ до XV столѣтія включительно [3]). Но уже въ XV вѣкѣ обычнымъ

1) Стр. 40 и сл.

2) Это дѣлаетъ Теодоръ Нарбутъ въ своей статьѣ „O Sejmach Litewskich“, напечатанной на стр. 289—292 собранія его мелкихъ работъ (Pomniejsze pisma historyczne, szczegolnie do historyi Litwy odnoszące się. Wilno 1856). Ср. стр. 43 статьи А. Киркора „Великій князь Витовтъ“ (Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа. Вильно 1854).

3) П. В. Голубовскій, Исторія Смоленской земли до начала XV ст., Кіевъ 1895 (стр. 219). В. Е. Данилевичъ, Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV столѣтія, Кіевъ 1896 (стр. 183). См. Ѳ. И. Леонтовичъ, Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 236—239. Генрихъ Татуръ, изучая „археологическое значеніе Минской губерніи“, счелъ даже возможнымъ отмѣтить въ ея предѣлахъ „копища (скопища) судовыя и вѣчевыя,

названіемъ собраній въ областяхъ государства становится слово „соймъ“ или „сеймъ“. Областные соймы въ сравнительно недавнее время сдѣлались предметомъ серьезнаго вниманія изслѣдователей, особенно со времени выхода въ свѣтъ трудовъ М. К. Любавскаго „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута“ и „Литовско-Русскій сеймъ“. Въ этихъ трудахъ областные сеймы Литовско-Русскаго государства впервые получили внимательное изученіе [1]). Вышедшая почти одновременно съ послѣднимъ трудомъ М. К. Любавскаго работа Н. А. Максимейка „Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 г.“ также останавливается на областныхъ сеймахъ Великаго Княжества Литовскаго [2]). Къ вопросамъ, касающимся областныхъ собраній, обращалась и критика этихъ трудовъ [3]). Наконецъ, изученіе этихъ вопросовъ имѣемъ въ вышедшей въ свѣтъ въ текущемъ году работѣ Ѳ. И. Леонтовича „Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ“ [4]). Однако, несмотря на наличность ряда трудовъ по изученію областныхъ сеймовъ Литовско-Русскаго государства, мы не рѣшились бы признать его достигшимъ достаточной опредѣленности. Этой опредѣленности мѣшаютъ: 1) недостаточность матеріаловъ, собранныхъ изслѣдованіемъ для изученія областныхъ собраній, и 2) недостаточность изученія внутренняго строя отдѣльныхъ земель, необходимаго для выясненія вопросовъ, связанныхъ съ организаціей этихъ собраній. Но, несмотря на это отсутствіе достаточной опредѣленности въ изученіи областныхъ собраній Литовско-Русскаго государства, значеніе учрежденія повѣтоваго сеймика въ 1565 году мо-

служившія судилищемъ окрестнаго населенія и сборнымъ совѣщательнымъ пунктомъ“ (Памятная Книжка Минской губерніи на 1878 годъ. — Археологическое значеніе Минской губерніи. Стр. 113).

1) Обл. дѣл. и мѣстн. упр., стр. 869—876. Литовско-Русскій сеймъ, стр. 559, 562, 587, 607, 608 и др.

2) Стр. 1—40.

3) См. перечень критическихъ статей, вызванныхъ „Литовско-Русскимъ сеймомъ“ М. К. Любавскаго и „Сеймами“ Н. А. Максимейка въ примѣчаніи 2 на стр. 233 февральской книжки Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1910 годъ (цитированная выше статья Ѳ. И. Леонтовича).

4) Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II (стр. 233—274) и III (стр. 37—61).

жетъ быть опредѣлено хотя бы и въ общихъ чертахъ. При томъ строѣ, въ который выливалось государственное устройство Великаго Княжества Литовскаго, областныя собранія были необходимы. Ихъ требовали и отсутствіе развитой централизаціи, и недостаточность организаціи исполнительной власти; въ нихъ, наконецъ, нуждался и вальный Литовско-Русскій сеймъ, на которомъ должны были „соиматься" представители всѣхъ земель государства для постановленій, имѣющихъ обязательную силу на всемъ протяженіи государственной территоріи, и для представленія просьбъ и нуждъ отдѣльныхъ земель. Литовско-Русская верховная власть нуждалась въ областныхъ собраніяхъ и принимала со своей стороны мѣры для ихъ сохраненія и для исправленія тѣхъ неустройствъ, которыя въ нихъ вносились па мѣстѣ [1]). Но форма старыхъ областныхъ собраній должна была измѣниться. Причинами, требовавшими этого измѣненія, мы считали бы 1) все дальше и дальше по Великому Княжеству Литовскому распространявшійся разрывъ сколько-нибудь крупныхъ городовъ съ ихъ округами, 2) ростъ значенія шляхты и 3) ростъ вальнаго сейма Литовско-Русскаго государства. Вѣче русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго, съ которымъ онѣ вступили въ составъ послѣдняго, предполагало и то значеніе городовъ и тѣ связи ихъ съ волостями въ старомъ русскомъ значеніи этого слова, которыя существовали въ болѣе раннее время. Къ серединѣ XVI столѣтія положеніе центральныхъ городовъ русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго по отношенію къ этимъ землямъ измѣнилось. Нѣмецкое право, полученное большинствомъ крупныхъ городовъ, оторвало послѣдніе отъ земель и по управленію, и по интересамъ, которыми стало жить мѣщанство [2]). Въ то же время военный классъ, т. е. землевладѣльцы, обязанные нести со своихъ имѣній военную земскую службу, пріобрѣталъ все большее и большее значеніе въ эпоху постоянныхъ и тяжелыхъ войнъ государ-

---

1) Ср. постановленіе, сдѣланное въ августѣ 1486 года великимъ княземъ Казимиромъ объ отправленіи соймовъ въ Полоцкѣ. Р. Ист. Б. XXVII, ст. 409—411.

2) О городѣ до его выдѣленія Магдебургскимъ правомъ см. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ — Журн. Мин. Нар. Пр. 1868, IX, стр. 743 и сл.

ства. Мы видѣли выше [1]), что отъ земской военной службы не было свободно и мѣщанство. Но оно составляло лишь придатокъ къ боярскимъ и земянскимъ полкамъ; не оно, а послѣдніе составляли главную массу столь необходимыхъ Литовско-Русскому государству военныхъ силъ. Вырабатывавшійся принципъ свободы боярина-шляхтича ото всѣхъ повинностей кромѣ повинности войны раздѣлилъ мѣщанство и шляхту, такъ какъ первое несло и другія повинности кромѣ военной службы. Въ число „становъ, сойму належачихъ“, мѣщанство не попало. Исключеніе было сдѣлано только для мѣщанства „столечнаго мѣста“ Вильны, притомъ только въ 1568 году, да и то одновременно съ допущеніемъ представителей Виленскаго мѣста на вальные сеймы былъ построенъ своего рода мостъ между нимъ и шляхтою: членамъ Виленскаго магистрата было пожаловано шляхетское достоинство [2]). Уже въ первыя десятилѣтія XVI вѣка „землею“ Великаго Княжества Литовскаго считается его рыцарство, т. е. шляхта [3]). Такимъ образомъ, городъ не только разрывалъ старыя связи съ землею: голосъ отдѣльной земли, какъ цѣлаго, долженъ былъ уже образовываться изъ соединенія голосовъ шляхты, разбросанной по своимъ „маетностямъ“-„осѣлостямъ“, которыя, раскинувшись по всему пространству территоріи данной земли, имѣли связью съ городомъ лишь административно-судебную власть жившаго въ городѣ господарскаго намѣстника [4]). Голосъ города-мѣста уже не игралъ своей старой роли при составленіи голоса земли, во главѣ которой этотъ городъ стоялъ.

Въ XVI столѣтіи, въ эпоху до учрежденія повѣтоваго сеймика, мы имѣемъ въ областяхъ Литовско-Русскаго государства собранія двухъ главныхъ видовъ: одни изъ нихъ были связаны съ предстоящими вальными сеймами, другія собирались безъ связи съ послѣдними. Въ эпоху до учрежденія повѣтоваго сеймика представительство шляхты на вальныхъ сеймахъ не можетъ быть признано

1) Стр. 277—278.

2) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ . . . . . № 60.

3) Акты Л.-Р. государства. I. Стр. 234. Ср. выше, стр. 192.

4) О значеніи города для шляхты въ военное время см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 482.

достаточно организованнымъ. Надо думать, что въ идеѣ шляхта, какъ одинъ изъ „становъ, сойму належачихъ", должна была вся цѣликомъ присутствовать на вальныхъ сеймахъ. На военно-полевыхъ сеймахъ и въ самомъ дѣлѣ она собиралась viritim [1]). Выборы представителей шляхты на вальные сеймы въ 1511 и 1534 годахъ [2]), которые отмѣчаетъ М. К. Любавскій какъ начало организаціи шляхетскаго представительства [3]), мы склонны считать исключеніями, а не показателями постоянства явленій, о которыхъ они говорятъ. Эти выборы, думается, были произведены въ виду серьезности задачъ данныхъ сеймовъ и обстановки, при которой они собирались. Если бы было какое-нибудь постоянно практиковавшееся избраніе шляхтою своихъ представителей на вальные сеймы, то хоружимъ не было бы нужно просить на Виленскомъ сеймѣ 1559 года о томъ, чтобы „шляхта на съемъ при хоружихъ братью свою обирали и слали" [4]). Мы не рѣшились бы даже считать необходимыми самыя собранія областной шляхты передъ созываемыми вальными сеймами: если бы эти предсеймовыя собранія областной шляхты обязательно предшествовали вальнымъ сеймамъ, мы, надо думать, не имѣли бы примѣровъ составленія просьбъ земель на самыхъ сеймахъ, а такой примѣръ мы имѣемъ даже на послѣднемъ сеймѣ до-реформеннаго времени, т. е. на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ [5]).

Но, если въ идеѣ шляхта вся должна была присутствовать на сеймѣ, то въ дѣйствительности, конечно, она не могла исполнять этой обязанности „стана, сойму належачаго". Господарь самъ отлично сознавалъ, что его средневѣковое право требовать къ себѣ на совѣтъ должно было встрѣчаться съ немалыми затрудненіями для лицъ, на которыхъ это его

---

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 302. Ср. ibidem, стр. 715.

2) Для выбора пословъ на сеймъ 1511 года шляхту собирали державцы, для выбора пословъ на сеймъ 1534 года — хоружіе.

3) Op. cit. Стр. 303. Ср. ibidem, стр. 601.

4) А. З. Р. III, № 24 (I, 14). Działyński, Zbior praw Litewskich, str. 511. Необходимо отмѣтить, что статутъ 1529 года молчитъ объ участіи шляхты на сеймѣ, говоря „о свободахъ" ея (I ст., раздѣлъ III).

5) См. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 706.

право простиралось, и господарскіе привилеи считаютъ посѣщеніе сеймовъ заслугою лицъ, которыя имъ „належатъ“ [1]). Естественно, что онъ не могъ требовать отъ шляхты исполненія ея сеймовой обязанности въ полномъ объемѣ, и компромиссомъ между идеей и дѣйствительностью явилось въ данномъ случаѣ обязательное участіе въ занятіяхъ вальныхъ сеймовъ хоружихъ, этихъ признанныхъ представителей и главъ шляхты повѣтовъ-хоружествъ [2]). Отсутствіе обязательныхъ предсеймовыхъ собраній областной шляхты создавало для нея серьезныя неудобства. Шляхта не оповѣщалась обязательно о дѣлахъ предстоящаго сейма и не могла къ нимъ должнымъ образомъ подготовить своихъ хоружихъ. Это ставило ее въ весьма невыгодное положеніе по отношенію къ панскому классу, который, благодаря близости къ господарю, былъ освѣдомленъ хорошо о государственныхъ задачахъ даннаго момента и могъ при ихъ осуществленіи легче охранить свои интересы. Кромѣ того, какъ мы видѣли выше [3]), самые дореформенные повѣты-хоружества были такъ многочисленны и такъ неравномѣрны по числу шляхтичей, въ нихъ входившихъ. Это стояло на пути единенія всей шляхты въ ея выступленіяхъ, а стало быть благопріятствовало успѣшности отстаиванія панскимъ классомъ его старыхъ позицій въ борьбѣ со шляхетскимъ движеніемъ XVI столѣтія, развивавшимся, несмотря на всѣ препятствія. Учрежденіе повѣтоваго предсеймоваго сеймика въ 1565 году, создававшее обязательный созывъ повѣтовой шляхты въ предсеймовыя собранія для выслушанія сообщенія господаря о дѣлахъ предстоящаго сейма и для выбора на этотъ сеймъ своихъ пословъ, было такою же побѣдою шляхты въ ея движеніи по пути къ равноправію съ панствомъ, какъ и остальныя части реформы 1565—1566 годовъ, уже разсмотрѣнныя нами. Но повѣтовый сеймикъ сталъ возможенъ лишь какъ завершеніе повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, и не случай-

---

1) Ср. выписку изъ привилея пану Миколаю Дорогостайскому на Шерешовскую державу, приведенную нами въ прим. 3 на стр. 526—527 нашей книги Великое Княжество Литовское, томъ I.

2) О значеніи хоружихъ въ до-реформенное время см. выше, стр. 4 и сл.

3) Стр. 35, 59 и сл.

нымъ, поэтому, должно быть признано его учрежденіе только послѣ Бѣльскаго привилея 1564 года и послѣ введенія новаго повѣтоваго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Сдѣлавшійся возможнымъ послѣ Бѣльскаго привилея судебный строй шляхетскихъ повѣтовъ сливалъ пановъ со шляхтою въ „повѣтниковъ", въ качествѣ каковыхъ оба эти класса сливались и въ сеймикованьѣ, а новое разграниченіе повѣтовъ уничтожало чрезмѣрное дробленіе шляхты по до-реформеннымъ хоружествамъ, препятствовавшее образованію крупныхъ шляхетскихъ корпорацій.

Но если земли Литовско-Русскаго государства не имѣли въ до-реформенное время собраній, обязательно предшествующихъ вальнымъ сеймамъ, то вообще шляхетскія собранія во всякомъ случаѣ онѣ имѣли. Источники знаютъ областные „соймы", на которыхъ разрѣшались мѣстныя дѣла и на которыхъ составлялись челобитья господарю[1]). Но рядомъ съ этими областными соймами встрѣчаемся съ собраніями областной шляхты по хоружествамъ и повѣтамъ. Такъ, въ 1562 году Витебская шляхта проситъ своего воеводу о награжденіи его служебника Василія Григорьевича Гурка[2]), или въ 1522 году великому князю приносятъ жалобу Ганязскіе земяне на притѣсненія отъ Радивиловъ[3]) и т. п. Собранія шляхты хоружествами въ военныхъ сборахъ и намѣчавшаяся уже до реформы 1565—1566 годовъ организація ея по этимъ хоружествамъ[4]) неизбѣжно вырабатывали привычку и обсужденія шляхтою мѣстныхъ дѣлъ по соединеніямъ ея около своихъ хоружихъ. Но выработка организаціи этихъ собраній, которыя могли бы считаться не случайнымъ соединеніемъ части мѣстной шляхты, а признаннымъ закономъ органомъ выраженія желаній и нуждъ ея всей, становилась необходимой. Акты знаютъ примѣры того, какъ верховная власть иногда оказывалась въ сомнѣніи, получая заявленія съ мѣста, и должна была провѣрять, не являются ли такія заявленія дѣломъ лишь части лицъ,

1) См. цитированныя выше труды Ѳ. И. Леонтовича, М. К. Любавскаго и Н. А. Максимейка.

2) Ист.-Юрид. Матеріалы. XXI. Стр. 434—436.

3) Вил. Арх. Сб. I. № 12. Ср. ibidem, №№ 13 и 14.

4) См. выше, стр. 27 и сл.

отъ имени общаго соединенія которыхъ они подавались[1]). Учрежденіе повѣтоваго сеймика съ обязательными оповѣщеніями о созывахъ его всей шляхты повѣтовъ и съ предупрежденіемъ закона о томъ, что на сеймиковыхъ собраніяхъ будутъ имѣть силу постановленія, сдѣланныя безъ присутствія на нихъ не явившихся, давало выходъ изъ этихъ затрудненій. Такимъ образомъ, учрежденіе повѣтоваго сеймика въ 1565 году, входя органической частью въ составъ реформы 1565—1566 годовъ, являлось отвѣтомъ на рядъ запросовъ, выдвинутыхъ жизнью Великаго Княжества Литовскаго къ шестидесятымъ годамъ XVI столѣтія, съ одной стороны, и однимъ изъ крупныхъ успѣховъ шляхетскаго движенія — съ другой.

Итакъ, привилей отъ 30 декабря 1565 года и II статутъ учредили предсеймовый повѣтовый сеймикъ. Но, говоря объ этомъ сеймикѣ, статутъ 1566 года не ограничиваетъ занятій его обсужденіемъ сообщенныхъ господаремъ дѣлъ предстоящаго сейма и выборомъ пословъ сеймовыхъ. Къ этимъ предметамъ занятій повѣтоваго сеймика самъ статутъ прибавляетъ „свои“ дѣла и „всѣ потребы земскіе и долеглости оного повѣту и воеводства“, которыми также можетъ заниматься повѣтовый сеймикъ. Эта прибавка широко расширяла предметы обсужденія сеймика и кругъ дѣлъ, которыми онъ имѣлъ право заниматься. Она должна была открыть дорогу и для созданія другихъ видовъ сеймика помимо предсеймоваго, который, повидимому, исключительно имѣлся въ виду въ моментъ возникновенія повѣтоваго сеймика. Эти виды сеймика должны были начать создаваться немедленно. Ихъ создавали жизнь и потребности повѣтовъ,

---

1) Такъ напримѣръ, Жомоитскіе тивуны прислали къ Сигизмунду Старому „братью свою Венцеслава [а] Миколая“, заявляя великому князю „суровыми словы“ и представивъ ему свое заявленіе письменно, о томъ, что онъ шляхту свою „звѣчную въ повѣтѣ Шавленскомъ“ отдалъ вмѣстѣ съ Шавленскою волостью князю Яну, бискупу Виленскому. Удивляясь дерзости тивуновъ, Сигизмундъ, „маючи“, однако, „въ томъ терпливость“, послалъ своего посла „довѣдатись“, ото всѣхъ ли тивуновъ Жомойти было послано настоящее посольство. Вил. Арх. Сб. III. № 24. Въ изданіи почему то документъ пріуроченъ ко времени Сигизмунда Августа. Тотъ же документъ изданъ М. К. Любавскимъ — Обл. дѣленіе и мѣстн. упр., стр. XL—XLI Приложеній.

какъ единицъ шляхетскаго народа, повѣтовыхъ обывателей, съ ихъ нуждами и заботами. Словомъ „сеймикъ“ стало затѣмъ обозначаться не только предсеймовое собраніе повѣтовой шляхты, но всякое ея собраніе, созванное съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, притомъ не только самимъ господаремъ, но и лицами, имѣющими на то закономъ признанное право, и, наконецъ, безъ всякаго предварительнаго созыва, въ силу закона, предписавшаго собраніе нѣкоторыхъ видовъ сеймиковъ въ опредѣленное время непремѣнно. Само законодательство стало вводить рядомъ съ предсеймовымъ сеймикомъ и сеймики другого вида, но для того, чтобы совершилась эволюція понятія повѣтоваго сеймика, потребовалось все-таки нѣкоторое время.

При своемъ учрежденіи повѣтовый сеймикъ, какъ мы это видѣли выше, понимался какъ предсеймовое собраніе шляхты повѣта, подготовляющее предстоящій вальный сеймъ. Такого взгляда на повѣтовый сеймикъ держатся станы Великаго Княжества Литовскаго и въ годы послѣ заключенія Люблинской Уніи. Когда Стефанъ Баторій созвалъ въ 1577 году повѣтовые сеймики Короны и Княжества не передъ вальнымъ сеймомъ, а передъ съѣздами частей соединеннаго Польско-Литовскаго государства [1]), Волковыйскій съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго поручилъ своимъ посламъ къ королю высказать ему, что признаетъ „зложенье таковыхъ соймиковъ поветовыхъ“ противорѣчащимъ „звыклому обычаю, правамъ и волностямъ“ Княжества, такъ какъ „жадные соймики поветовые николи и ни на што иного складаны быти не мають, одно кгды ся король его милость, зъ ихъ милостью паны-радами Великого Князства Литовъского порозумевшы, водлугъ часу и потребы, съемъ великій валный зложыть рачыть, передъ которымъ соймомъ великимъ валномъ за чотыры недели соймики поветовые складаны бывають, а съ такихъ соймиковъ поветовыхъ послове ку объмышливанью всякихъ потребъ и справъ земъскихъ на съемъ великій валный отъправоване быти мають“ [2]). Волковый-

1) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 158 и сл.

2) Текстъ этой инструкціи см. ниже, Приложенія, стр. 74—85. Ср. текстъ постановленія Волковыйскаго съѣзда 1577 года — А. Вил. III, стр. 271—277.

скій съѣздъ считалъ созывъ королемъ настоящихъ сеймиковъ дѣломъ незаконнымъ и признавалъ собраніе на нихъ шляхты не ея обязанностью, а дѣломъ ея доброй воли, ради неотложныхъ нуждъ государства.

Надо думать, что пониманіе повѣтоваго сеймика II-мъ статутомъ, выдвинутое Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года, было принято и Стефаномъ Баторіемъ и государственною канцеляріею Великаго Княжества Литовскаго: въ листахъ того же короля, посланныхъ изъ Львова 18 іюля 1578 года въ повѣты Княжества и созывающихъ собранія повѣтовой шляхты передъ Виленскимъ съѣздомъ этого года[1]), слова „сеймики“ уже не встрѣчаемъ. Эти листы отъ имени Стефана Баторія говорятъ: „про то росказали есмо писати до пановъ-радъ нашихъ Великого Князства Литовъского, абы на день певъный до Вильни зъехалисе ку вынайденью обычаю, чимъ се таковая небеспечъность на тотъ часъ ратовати можеть, поки податъковые пенези на служебные собраны и жолънеры приняты будуть, якожъ и васъ, всихъ становъ, жадаемъ, абы по дъве особы з воеводъствъ и поветовъ до Вильни ку паномъ-радамъ ихъ милости на тотъ день зъехалися и тамъ зъ ихъ милостью около того намовяли и обычаи того вынашли“[2]). Сеймикъ, такимъ образомъ, не названъ; не говорится и о господарскихъ посольствахъ въ повѣты, но выборъ пословъ въ повѣтахъ совершиться долженъ, а, стало быть, повѣтовая шляхта должна была въ дѣйствительности собраться въ такія же собранія, какими были и предсеймовые сеймики.

Созывъ повѣтовыхъ сеймиковъ 1577 года и этихъ собраній шляхты повѣтовъ въ 1578 году не могъ не способствовать расширенію понятія повѣтоваго сеймика въ сознаніи народа-шляхты Великаго Княжества Литовскаго. Въ 1580, 1582 и 1584 годахъ вновь собрались Литовско-Русскіе съѣзды: въ 1580 и 1584 годахъ въ Вильнѣ, въ 1582 году въ Волковыйскѣ. На этихъ съѣздахъ опять вмѣстѣ съ панами-радою Княжества находились и представители шляхты его повѣтовъ[3]). Между

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 176 и сл.

2) Приложенія. Стр. 120.

3) Объ этихъ съѣздахъ см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 174 и сл. См. также ниже, Приложенія, стр. 123—139 и А. Вил. VII, стр. 179—182.

тѣмъ въ то же время совершалась работа депутатовъ и отчасти повѣтовой шляхты надъ составленіемъ III-го Литовскаго статута. Опытъ по созыву шляхетскихъ повѣтовыхъ собраній, не укладывавшійся въ пониманіе сеймика статутомъ 1566 года, долженъ былъ оказывать свое вліяніе на выработку болѣе широкаго пониманія этого собранія шляхты повѣтовъ. Кромѣ созыва не предсеймовыхъ собраній повѣтовой шляхты, отмѣченнаго сейчасъ, нельзя упускать изъ виду военные съѣзды повѣтовыхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго во время Московской войны, а также и съѣзды эпохи перваго и второго безкоролевій. При учрежденіи въ 1581 году трибунала Княжества сеймиками уже оффиціально были названы собранія повѣтовой шляхты для выбора членовъ этого судилища отъ повѣтовъ[1]). Работа надъ текстомъ III-го статута, не имѣвшая прямого отношенія къ вопросамъ сеймовъ, общихъ для Короны и Княжества, должна была еще болѣе утверждать широкое пониманіе сеймика какъ собранія повѣтовой шляхты. Наконецъ третье безкоролевье окончательно повліяло на выработку этого широкаго понятія сеймика.

Статутъ 1588 года называетъ три вида сеймика Великаго Княжества Литовскаго: предсеймовый[2]), посеймовый[3]) и сеймикъ-съѣздъ „головный" передъ вальнымъ сеймомъ[4]). Послѣдній видъ сеймика не былъ уже собраніемъ повѣтовой шляхты. Онъ былъ съѣздомъ радныхъ пановъ и повѣтовыхъ пословъ Литовско-Русскихъ для выработки общихъ дѣйствій на предстоящемъ сеймѣ. Представители Литовско-Русскаго „панства", прежде чѣмъ явиться на Польско-Литовскій сеймъ, на этомъ съѣздѣ сводили инструкціи, данныя различными повѣтами Княжества своимъ сеймовымъ

1) Способъ правъ трибунальскихъ. Стр. 4—5 (Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Р. XXV). Названіе сеймика собранію шляхты повѣта для выбора трибуналистовъ было дано, конечно, не безъ вліянія устава Короннаго трибунала, утвержденнаго въ 1578 году и называющаго такія собранія сеймиками (Volumina Legum II, Petersburg 1859, str. 182 sqq. Русскій переводъ конституціи Варшавскаго сейма 1578 года см. въ XXIII-й книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Р. — стр. 212—216).

2) III ст., III, 6.

3) III ст., III, 9.

4) III ст., III, 8.

посламъ, и совершали „межы себе намовы спольные въ милости братерской“, чтобы тѣмъ успѣшнѣе выступить на этомъ сеймѣ представителями и защитниками интересовъ своей Литовско-Русской „речи посполитой“ [1]). Такимъ образомъ, какъ повѣтовые сеймики III статутъ знаетъ лишь сеймики предсеймовый и посеймовый. Собраніе повѣтовой шляхты для выбора членовъ земскаго суда и этимъ кодексомъ еще называется „зъездомъ“ [2]), а не сеймикомъ, какъ его называетъ и статутъ 1566 года. Не говоритъ о сеймикѣ III статутъ, излагая способъ назначенія повѣтовыхъ хоружихъ [3]) и подкоморіевъ [4]), которые такъ же, какъ и члены земскаго суда, должны назначаться господаремъ послѣ избранія повѣтовою шляхтою ея кандидатовъ. Тенденція пониманія сеймика статутомъ 1588 года ясна: статутъ хочетъ понимать его какъ собраніе шляхты, связанное непосредственно съ вальнымъ сеймомъ. Эта тенденція заставляетъ статутъ даже отказаться отъ пониманія сеймика какъ собранія повѣтовой шляхты, которое несомнѣнно имѣлось въ виду при учрежденіи его въ 1565 году, и статутъ 1588 года называетъ сеймикомъ даже главный Литовско-Русскій съѣздъ, который, какъ мы сейчасъ видѣли, вовсе не былъ повѣтовымъ собраніемъ. Съ другой стороны, III статутъ упускаетъ изъ виду, что повѣтовый сеймикъ, не связанный непосредственно съ вальнымъ сеймомъ, уже былъ признанъ закономъ Великаго Княжества Литовскаго. О сеймикѣ для выбора членовъ трибунала говоритъ „Способъ правъ трибунальскихъ“, напечатанный Виленскою типографіей Мамоничей въ 1586 году и затѣмъ составившій даже одну книгу съ III-мъ статутомъ, напечатаннымъ въ той же типографіи [5]). Такимъ образомъ, самъ законъ расширилъ понятіе сеймика, отказавшись отъ обязательной его связи съ вальнымъ сеймомъ, хотя статутъ 1588 года еще и продолжаетъ какъ бы не замѣчать этого. Что же касается до

1) О значеніи выраженія „речъ посполитая“ см. выше, стр. 77, прим. 2.

2) III ст., IV, 1.

3) III ст., II, 5.

4) III ст., IX, 1.

5) Объ изданіяхъ III-го статута см. С. Л. Пташицкій, Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго статута (СПБ. 1893).

понимания сеймика, вырабатывавшагося жизнью, то оно стало мало по малу отождествлять сеймикъ со всякимъ собраніемъ шляхты цѣлаго повѣта, на которое она обязана являться, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, вся, согласно закону, по оповѣщеніямъ верховной власти или облеченной правомъ ея созыва власти мѣстной, или же и безъ этого оповѣщенія въ случаяхъ, установленныхъ закономъ же. Сеймикомъ сталъ называться и съѣздъ повѣтовой шляхты для выбора членовъ земскаго суда, подкоморіевъ и хоружихъ, и ея собраніе въ военномъ рушеньѣ повѣта [1]). Когда былъ учрежденъ въ XVII столѣтіи скарбовый трибуналъ, появился и сеймикъ для выбора членовъ этого трибунала отъ повѣтовъ [2]).

Итакъ, жизнь расширила понятіе сеймика по сравненію съ тѣми рамками, которыми имѣлось въ виду его ограничить при его учрежденіи. Но мы не рѣшились бы всякое собраніе повѣтовой шляхты признать имѣющимъ право на имя сеймика. Для того, чтобы собраніе шляхты повѣта могло считаться сеймикомъ, необходима была наличность двухъ условій его созыва: 1) сеймикъ долженъ быть созванъ властью, компетентною въ его созывѣ, или собраться по закону, въ назначенный закономъ регулярный срокъ собранія и 2) на сеймикъ долженъ быть приглашаемъ весь шляхетскій повѣтъ, въ полномъ его составѣ, что дѣлалось или черезъ посредство листовъ и универсаловъ компетентной власти, или разъ навсегда закономъ, установившимъ опредѣленные сроки для собранія нѣкоторыхъ видовъ сеймика.

---

1) „seymik teraźnieyszy popisowy" (1649 г.) А. Вил. I, стр. 187. Ср. ibidem, стр. 184 („ktorzyźmy się . . . . na popis do Grodna ziachali"), или А. Вил. IV, № 258 (1670 г.).

2) Напр., Ист.-Юрид. Матеріалы, XXI, стр. 174.

Глава V.

Документы, составлявшіеся въ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго при созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ.

Дѣятельность центральныхъ и повѣтовыхъ органовъ Великаго Княжества Литовскаго при созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ. Документы, сохранившіеся въ Литовской Метрикѣ по созыву предсеймовыхъ сеймиковъ времени отъ ихъ учрежденія до заключенія Люблинской Уніи. Повѣтовые господарскіе листы-универсалы, созывающіе сеймы и предваряющіе ихъ повѣтовые сеймики. Записи разсылки этихъ универсаловъ. Составъ господарскихъ пословъ на предсеймовые повѣтовые сеймики. „Науки"-инструкціи господарскимъ посламъ на сеймики. „Листъ вѣрущій" или „креденсъ". Господарскіе листы, поручающіе исполненіе посольскихъ обязанностей на повѣтовыхъ сеймикахъ. Господарскіе листы къ панамъ-радѣ передъ сеймиками предсеймовыми. Документы Литовской Метрики, относящіеся къ созыву предсеймовыхъ и предсъѣздовыхъ сеймиковъ эпохи отъ заключенія Люблинской Уніи до утвержденія III-го статута. Господарскіе повѣтовые листы-универсалы, созывающіе сеймы и предсеймовые и предсъѣздовые повѣтовые сеймики. Предписанія повѣтовымъ властямъ объ опубликованіи этихъ универсаловъ. Господарскіе листы къ княжатамъ, панятамъ и урядникамъ земскимъ и дворнымъ передъ сеймиками. Записи разсылокъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками. Господарскіе листы къ панамъ-радѣ передъ сеймиками. Составъ господарскихъ пословъ на предсеймовые повѣтовые сеймики. Документы, для этихъ пословъ составляемые: порученіе посольства, „креденсъ" и „наука". Сравненіе документовъ, составляемыхъ при созывахъ повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ въ Литовской канцеляріи, съ документами, составляемыми передъ сеймиками одновременнаго созыва въ канцеляріи Коронной.

Источники, по которымъ изучается предсеймовый сеймикъ, раздѣляются по двумъ моментамъ исторіи каждаго сеймика: его созыву и его дѣятельности. Первый изъ этихъ моментовъ, въ свою очередь, дѣлится на два: подго-

товительную работу органовъ центральныхъ и подготовительную работу органовъ мѣстныхъ. Первые рѣшаютъ вопросъ о времени созыва сеймиковъ, какъ и сейма, передъ которымъ сеймики собираются, вырабатываютъ текстъ листовъ въ повѣты, содержащихъ въ себѣ вопросы, передаваемые на обсужденіе повѣтовой шляхты передъ предстоящимъ сеймомъ, назначаютъ господарскихъ пословъ на сеймики и снабжаютъ ихъ соотвѣтствующими инструкціями, разсылаютъ господарскіе листы въ повѣты и даютъ распоряженія органамъ мѣстной администраціи относительно созыва повѣтовыхъ сеймиковъ; вторые собираютъ самые сеймики. Созванный сеймикъ приступаетъ къ своимъ занятіямъ, заслушиваетъ господарскаго посла, выбираетъ своихъ пословъ на вальный сеймъ, снабжаетъ ихъ своей инструкціей и своими указаніями и дѣлаетъ свои постановленія.

Какъ мы видѣли выше [1]), вновь учрежденные повѣтовые сеймики были впервые созваны передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года. Литовская Метрика, какъ государственный архивъ Великаго Княжества Литовскаго, сохранила слѣдующіе слѣды работы Литовской государственной канцеляріи по подготовкѣ этихъ сеймиковъ: 1) списокъ адресатовъ, которымъ понесли сеймовые листы лица, посланныя отъ канцеляріи изъ Кнышина 24 марта 1566 года, или которымъ эти листы были розданы въ Кнышинѣ [2]); 2) текстъ универсаловъ „о зложенью“ сейма [3]); 3) списокъ господарскихъ пословъ на повѣтовые сеймики [4]); 4) „листъ до всихъ вобецъ о уставе серебщызну и иныхъ платовъ и о готовости на войну, яко на рушенье посполитое“ [5]), который присое-

---

1) Стр. 292—293.

2) Лит. Метр. $\frac{III\ A}{7}$ л. л. 92—94. Издано М. К. Любавскимъ (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 164—165).

3) Ibidem, л. л. 94—95 об. Издано тамъ же (стр. 166—167) и Н. А. Максимейкомъ (Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 153—154). Тотъ же текстъ универсала — Лит. Метр. $\frac{III\ A}{7}$ л. л. 109 об. — 111 („Универсалъ до шляхты о еханью на сеймъ до Берестя пословъ ихъ и данью податковъ водле уфалы“).

4) Ibidem, л. л. 99—99 об. Издано Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 154—155. Въ изданіи не исправлена описка рукописи: „Ышина“ вмѣсто „Кнышина“).

5) Ibidem, л. л. 96—99. Дата: Вильна, 3 января 1566 года.

диненъ къ сеймиковымъ документамъ въ виду того, что повѣтовымъ сборщикамъ („бирчимъ“) было предписано на этихъ сеймикахъ дать справку объ этомъ денежномъ сборѣ [1]) и 5) текстъ инструкціи и удостовѣренія господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики [2]).

Въ томъ же 1566 году долженъ былъ собраться и другой сеймъ. Мѣстомъ для него сначала было избрано опять Берестье, но затѣмъ оно было замѣнено Городной [3]). Для подготовки сеймиковъ передъ этимъ сеймомъ въ Литовской Метрикѣ сохранились: 1) запись отъ 18 октября 1566 года о разсылкѣ сеймовыхъ листовъ [4]); 2) „универсалъ о сейме, у Берести зложономъ“ [5]); 3) списокъ господарскихъ пословъ на повѣтовые сеймики [6]); 4) текстъ инструкціи и удостовѣренія господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики [7]); 5) запись разсылки листовъ о перенесеніи мѣста предстоящаго сейма изъ Берестья въ Городну [8]) и 6) „листы до пановъ-радъ, писаные о зложенье сейму, естли у Берестю поветрее было, тогды въ Городне, або въ Кнышине, на тотъ же часъ назначаючы“ [9]).

Для сеймиковъ передъ Городенскимъ сеймомъ 1568 года Литовская Метрика сохранила: 1) „листъ до всихъ вобецъ, пи-

---

1) „. . . тогды на соймикахъ поветовыхъ, которые есмо всимъ поветомъ з ласки нашое дали, вземъши отъ бирчихъ земъскихъ ведомость . . . .“ См. выше, стр. 276.

2) Ibidem, л. л. 115 об. — 117. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 167—169) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 157 159).

3) См. М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 757—758.

4) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 125—127. Издано М. К. Любавскимъ (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 175—178) и Н. А. Максимейкомъ (Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 166—168).

5) Ibidem, л. л. 127 об. — 128 об. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 178—179) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 168—169).

6) Ibidem, л. л. 128 об. — 129 об. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 179—180) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 169—170).

7) Ibidem, л. л. 129 об. — 131. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 180—182) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 170—172).

8) Ibidem, л. л. 132 об. — 133 об. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 182—183) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 173).

9) Ibidem, л. л. 133 — 134. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же стр. 183—184) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 173—174).

саный о зложенью сойму"[1]). И, наконецъ, для сеймиковъ передъ Люблинскимъ сеймомъ 1568—1569 годовъ въ Литовской Метрикѣ имѣются: 1) запись разсылки сеймовыхъ листовъ вмѣстѣ съ листами къ повѣтовымъ „поборцамъ" о медленномъ сборѣ податковъ[2]); 2) „универсалы до поветовъ на сеймъ для скончепья уніи"[3]); 3) текстъ инструкціи и удостовѣренія господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики[4]). Какъ извѣстно, во время Люблинскаго сейма потребовался созывъ новыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго[5]). Для созыва этихъ сеймиковъ въ Литовской Метрикѣ сохранились: 1) текстъ господарскихъ листовъ въ повѣты съ записью ихъ разсылки[6]); 2) текстъ удостовѣренія господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики[7]); 3) текстъ порученія этимъ посламъ посольства отъ господаря[8]); 4) текстъ инструкціи господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики[9]); 5) текстъ тридцати двухъ сеймовыхъ листовъ

1) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. л. 73 — 74 об. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 198—200) и Н. А. Максимейкомъ (тамъ же, стр. 192—193).

2) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 181—186. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 204—207).

3) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 186—187. Издано М. К. Любавскимъ съ опущеніемъ приведеннаго нами въ текстѣ заголовка (тамъ же, стр. 207—209).

4) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. л. 132 об. — 134. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 209 211). 9-я книга Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской имѣетъ двойную пагинацію: 1) старую — буквенными числовыми знаками, 2) новую — арабскими цифрами. Новая пагинація считаетъ и оба оглавленія (новѣйшее на польскомъ языкѣ — 18 листовъ и старинное, на русскомъ языкѣ, 19—31 листы). Мы принимаемъ въ обозначеніи листовъ книги цифровую пагинацію; М. К. Любавскій — буквенную.

5) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 37 и М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 830—831.

6) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 187—192 об. Издано М. К. Любавскимъ (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 220—225).

7) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. л. 11—11 об. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 215).

8) Ibidem, л. 12. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 215—216).

9) Ibidem, л. л. 16 об. — 20 об. и Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 192 об. — 195. Издано М. К. Любавскимъ (тамъ же, стр. 216—220).

къ раднымъ панамъ [1]), въ которомъ говорится объ участіи ихъ въ занятіяхъ созываемыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ [2]).

Остановимся на этихъ документахъ времени до Люблинской Уніи и постараемся опредѣлить, въ чемъ должна была выражаться въ эту эпоху работа государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго по созыву Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ. Документами, которые должна была составлять государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго за это время, были: 1) универсалы въ повѣты, назначающіе сеймики и сеймъ и сообщающіе вопросы и дѣла, которые на предстоящемъ сеймѣ будутъ обсуждаться; 2) инструкціи господарскимъ посламъ, по которымъ они будутъ говорить или которыя они будутъ читать собравшейся на повѣтовые сеймики шляхтѣ; 3) удостовѣренія этихъ посольствъ, которыя могли сливаться въ одинъ документъ съ инструкціями посламъ, но могли выдѣляться въ особые „креденсы"; 4) листы, извѣщающіе назначенныхъ господарскими послами лицъ о порученіи имъ этого посольства; 5) особые листы къ раднымъ панамъ, какъ наиболѣе вліятельнымъ участникамъ повѣтовыхъ сеймиковъ; 6) особые листы къ князьямъ, панамъ и урядникамъ, получающимъ личныя извѣщенія о предстоящихъ сеймикахъ и сеймѣ. Кромѣ того государственная канцелярія должна была записать разсылку этихъ документовъ и записать имена господарскихъ пословъ, которые отправляются на повѣтовые сеймики. Присмотримся поближе къ документамъ, которые составлялись въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго при созывѣ предсеймовыхъ Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ.

На 10 апрѣля 1566 года были созваны первые предсеймовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго. Въ универсалахъ Сигизмунда Августа по Литовско-Русскимъ повѣтамъ, созывающихъ эти сеймики, новизна сеймикованья, какъ и новизна новыхъ повѣтоваго дѣленія и строя, выступаютъ ясно передъ читателемъ. Образецъ господарскаго универсала, приведенный въ VII-ой книгѣ Литовскихъ Пуб-

---

1) Въ ихъ числѣ и къ столовымъ урядникамъ.

2) „Листы соймовые до пановъ-радъ тыхъ, ниже й имены помененыхъ, писаныи изъ Люблина, посланыи въ року [15]69, м[е]с[е]ца мая (sic) 27 дня, то естъ..." Лит. Метр. $\frac{\text{ША}}{10}$ л. л. 12 об. — 16 об. Дата: Люблинъ, 27 апрѣля 1569 года.

личныхъ Дѣлъ Метрики, обращается отъ имени Сигизмунда Августа къ „княземъ, паномъ, врадникомъ земъскимъ, въ повете ... отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра уставленымъ, и всимъ бояромъ-шляхте, обывателемъ того повету, которые за листы нашими г[о]с[по]д[а]рскими первей того въ границахъ своихъ певныхъ постановено естъ.“ Передъ нами и только что учрежденные новые земскіе уряды только что установленныхъ повѣтовъ, и новыя границы этихъ послѣднихъ. Далѣе универсалъ говоритъ о томъ, что на „теперешнемъ“ Виленскомъ сеймѣ господарь со всею своею радою и „зо всими землями здешнего панъства“ своего, Великаго Княжества Литовскаго, „за прозбою всихъ становъ“, постановилъ „соймики поветовые въ чотырехъ неделяхъ передъ вальнымъ великимъ соймомъ складати ку зъеханю всимъ обывателемъ стану рыцерского для обираня пословъ на съемъ валпый въ потребахъ тыхъ, которые листы“ его господарскими „ознаймены будуть“. Говоритъ этотъ универсалъ отъ имени великаго князя и о томъ, что на прошломъ сеймѣ просили его паны-рада „съ прозбами покорными отъ всихъ становъ рыцеръства, на тотъ съемъ зобраныхъ“, объ увеличеніи числа радныхъ пановъ и урядовъ въ каждомъ повѣтѣ, а также упоминаетъ и о томъ, что „особливе донесена прозба“ Сигизмунду Августу о спольномъ съ Короною вальномъ сеймѣ для заключенія съ нею уніи, прибавляя къ этому о постановленіи тѣмъ же прошлымъ сеймомъ податка „на оборону и тежъ служебнымъ новопринятымъ и старымъ жолнеромъ на заплату“. Все это, „бачачи з добрымъ и пожиточнымъ речи посполитой“, Сигизмундъ Августъ принялъ и „ласкаве на то призволилъ.“ Установивъ воеводъ и каштеляновъ „въ земляхъ и въ поветехъ, а у иншихъ поветехъ марьшалъковъ для служъбы речи посполитой“, великій князь „умыслилъ“ созвать вновь вальный сеймъ и назначилъ его мѣстомъ Берестье, а временемъ созванія — черезъ двѣ недѣли „по Велице Дни, свята близко прійдучого“. Для дѣла Уніи участники этого сейма поѣдутъ изъ Берестья для съѣзда съ Польскими сенаторами и земскими послами на мѣстѣ при Польской границѣ, которое назначитъ Сигизмундъ Августъ. Пасха въ 1566 году падала на 14 апрѣля. Слѣдовательно днемъ открытія предстоящаго сейма предполагалось 28 апрѣля, и повѣтовые сеймики должны были со-

браться лишь за восемнадцать дней до начала сейма, въ то время какъ только что утвержденный II статутъ требовалъ четырехнедѣльнаго промежутка времени между днями собранія повѣтовыхъ сеймиковъ и вальнаго сейма. Мотивируетъ это нарушеніе требованія закона универсалъ слѣдующимъ образомъ отъ имени великаго князя: „ведже ижъ сесь часъ скротилъ за выеханьемъ нашимъ господарскимъ“. Это измѣненіе статутоваго срока для назначенія повѣтовыхъ сеймиковъ передъ вальнымъ сеймомъ „не маеть быти на переказе часу и року, въ статуте описаному на соймики поветовые“, и впредь послѣдніе будутъ созываться согласно со статутомъ. Самые сеймики универсаломъ именуются еще „соймиками малыми“ рядомъ съ ихъ обозначеніемъ „соймиками поветовыми“, какъ они стали именоваться впослѣдствіи постоянно. Обывателямъ повѣта универсаломъ предписывается собраться 10 апрѣля „на соймики до поветовъ своихъ“ и тамъ „намовлять“ съ повѣтовыми урядниками и со всѣмъ рыцарствомъ шляхетскаго стана „въ тыхъ потребахъ речи посполитое, вышей помененыхъ, и в ыныхъ справахъ земъскихъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на этихъ же сеймикахъ предписывается „отъ бирчихъ земъскихъ“ взять „ведомость отъ великости сумы податъку поголовного“ и договориться между собою о сборѣ этого податка. На сеймикахъ должны быть выбраны послы на предстоящій сеймъ „зъ зуполъною моцъю становити въ тыхъ речахъ вышей помененыхъ и у иншихъ потребахъ земъскихъ“, какъ это будетъ господаремъ „шпрей ознаймено“. О связи повѣтоваго сеймика съ вальнымъ сеймомъ универсалъ отъ имени великаго князя говоритъ: „а тамъ, за волею нашою господаръскою и за намовами пановъ-радъ нашихъ ихъ милости, духовныхъ и свецкихъ, и о всихъ обывателей панъства нашого Великого Князьства Литовского стану шляхетского, о таковыхъ потребахъ речи посполитое становити будете, яко бы, за помочъю Божю, дела земъские слушнымъ порадкомъ ку доброму застановенью приведены были“. Дата этого универсала: Кнышинъ, 22 марта 1566 года. Подъ его текстомъ стоитъ подпись писаря и секретаря Матыса Савицкаго[1]).

---

1) Тотъ же документъ – Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 109 об.—111. Заголовокъ его въ этомъ мѣстѣ книги: „Универсалъ до шляхты о еханью

Таково содержаніе господарскихъ универсаловъ по Великому Княжеству Литовскому, созывающихъ первые предсеймовые сеймики его повѣтовъ. Можно отмѣтить въ нихъ слѣдующее для характеристики этого начальнаго момента реализаціи законодательнаго постановленія о введеніи повѣтоваго сеймика — универсалъ о созывѣ апрѣльскихъ сеймиковъ 1566 года, вѣдь, является первымъ шагомъ верховной власти Княжества къ осуществленію предсеймоваго повѣтоваго сеймика. Во-первыхъ, бросается въ универсалѣ въ глаза новизна дѣла сеймикованья: въ началѣ настоящаго документа имѣемъ на это указаніе въ словахъ о границахъ новыхъ повѣтовъ, о новыхъ урядахъ послѣднихъ и объ учрежденіи повѣтоваго сеймика; въ концѣ документа — слова, поясняющія участіе шляхетскихъ повѣтовъ въ дѣятельности вальнаго сейма черезъ ихъ пословъ; новизна дѣла чувствуется и въ выраженіи „соймики малые", которымъ повѣтовые сеймики отдѣляются отъ прежнихъ областныхъ сеймовъ и сейма вальнаго. Во-вторыхъ, должно быть отмѣчено нарушеніе универсаломъ только что утвержденнаго статута, при первомъ же созывѣ повѣтовыхъ сеймиковъ великимъ княземъ. Наконецъ, въ-третьихъ, отмѣтимъ и соединеніе въ сеймикованьѣ податковаго дѣла, обсужденія сбора податка въ повѣтѣ, съ занятіями по подготовкѣ предстоящаго сейма черезъ выборъ повѣтовыхъ пословъ и „намовы" о дѣлахъ, сообщаемыхъ отъ господаря.

Отъ этого перваго по созыву предсеймовыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ универсала обратимся къ универсаламъ, созывающимъ ихъ передъ послѣдующими вальными сеймами Великаго Княжества Литовскаго, вплоть до Уніи 1569 года. Послѣ Берестейскаго сейма 1566 года былъ предположенъ созывъ слѣдующаго сейма въ Берестьѣ же 1 декабря того же 1566 года. Какъ образецъ универсаловъ о созывѣ повѣтовыхъ сеймиковъ передъ этимъ сеймомъ, въ VII-ую книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики внесенъ господарскій листъ въ Кіевскій повѣтъ. Этотъ универсалъ отъ имени великаго князя обращается къ „княземъ, паномъ, старостамъ и всимъ врадникомъ дворнымъ и земъ-

---

на сеймъ до Берестя пословъ ихъ и данью податковъ водле уфалы". Даты и писарской подписи въ этомъ спискѣ нѣтъ.

скимъ и повѣтовымъ, земяномъ и дворяномъ нашимъ, тымъ, которые мають именья свои въ повете Кіевъскомъ.“ Въ началѣ его говорится о посылкѣ Сигизмундомъ Августомъ, „за прозбою и порадою“ радныхъ пановъ Княжества, пословъ къ великому князю Московскому, за пропускомъ [1]) посольства для заключенія мира. Этихъ пословъ, однако, Московскій государь отпустилъ безъ всякаго „застановенья заприсяжного з ними“ [2]). Этого мало. Когда послы Сигизмунда Августа находились въ Московскомъ государствѣ, Иванъ IV построилъ замокъ на Усвятѣ и еще болѣе готовится къ войнѣ съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Въ виду этого Сигизмундъ Августъ, „съ повинное и звыклое милости ку оному панъству, отчизне“ своей, „опустивши справы“ Польши, рѣшилъ прибыть въ Литовско-Русскіе предѣлы и „соемъ вальный для намовы и потужнейшое вальки съ паны-радами“ своими „и зо всими землями мети“. Сеймъ назначается на 1 декабря 1566 года, а повѣтовые предсеймовые сеймики созываются, согласно статуту, за четыре недѣли до него, т. е. на 3 ноября. Какъ имѣютъ „намовляти“ на этихъ сеймикахъ повѣтовые обыватели „около потужъное вальки и обороны и о иныхъ потребахъ пилныхъ земъскихъ“ — объ этомъ будетъ „достаточне“ обывателямъ „ознаймено“ отъ господаря черезъ его пословъ на сеймики. Обывателямъ Кіевскаго повѣта приказывается съѣхаться въ Кіевъ на сеймикъ въ назначенный день и тамъ „намовлять и радить“ при послѣ господарскомъ. Повѣтоваго сеймика и вальнаго сейма никто не долженъ „омешкати“, такъ какъ „недбалостью и неспешнымъ еханьемъ на соймы и на войны шкодливое омешканье деламъ земъскимъ дееться.“ На сеймикахъ предписывается въ первый же день сеймикованья, „а надалей другого на[за]втрее“, т. е. утромъ слѣдующаго дня, не ожидая еще не прибывшихъ, „намовивши“ при господарскомъ послѣ съ тѣми, кто съѣдется, выбрать послами повѣта, согласно статуту, двухъ человѣкъ, „людей бачныхъ и ростропныхъ, зъ зупольною моцъю ку намовамъ сполнымъ зо всими станы“ и „выправить“ ихъ на вальный сеймъ. Далѣе въ универсалѣ стоитъ такое приказаніе: „а иншихъ

1) За „листомъ кглейтовнымъ“.

2) Ср. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 755—758.

зъездовъ въ поветехъ ни якихъ ку предлуженью справамъ земъскимъ по томъ соймику бы есте чинити не смели, кгдыжъ з ласки нашое г[о]с[по]д[а]рское, за прозьбою всихъ становъ, надали есмо вамъ тые соймики порадкомъ Коруны Польское; про то водле то того жъ обычаю Корунъного маеть ся заховати, бо мы г[о]с[по]д[а]ръ, не жъдучи иныхъ, одно съ тыми, хто до насъ на часъ, сойму зложоный, приедеть, з Божъею помочью отправовати будемъ съемъ.“ Въ виду великихъ военныхъ потребностей, въ томъ же универсалѣ предписывается всѣмъ, „хто повиненъ войну служити“, безъ замедленія становиться около гетмана на мѣстѣ, которое будетъ позднѣе назначено. Въ заключеніе универсалъ требуетъ, чтобы для точнаго опредѣленія границъ повѣта, съ вѣдома воеводы Кіевскаго, Кіевскіе подкоморій, судья и подсудокъ, снесшись съ урядниками сосѣднихъ съ Кіевскимъ повѣтовъ, сообща объѣхали границы, до которыхъ простирается судебный округъ Кіевскаго повѣта, и тамъ, гдѣ нужно, положили бы граничные знаки. Описаніе границъ должно быть затѣмъ представлено черезъ повѣтовыхъ пословъ господарю на сеймъ для соотвѣтствующаго утвержденія и постановленія великаго князя послѣ его совѣщанія съ панами-радою [1]).

Присматриваясь къ этому универсалу и сравнивая его съ предыдущимъ, необходимо сдѣлать такія замѣчанія. Обращеніе его къ повѣтовымъ обывателямъ представляется болѣе выработаннымъ и болѣе полно и опредѣленно перечисляетъ группы, на которыя распадалась повѣтовая шляхта. Далѣе, въ немъ встрѣчаемъ уже полное соблюденіе требованія статута о четырехнедѣльномъ промежуткѣ времени между днемъ собранія повѣтовыхъ сеймиковъ и началомъ засѣданій вальнаго сейма. Но въ этомъ же универсалѣ видимъ и желаніе бороться съ тѣми недостатками, которые уже успѣла обнаружить, хотя и столь недавняя, практика сеймикованья, а именно съ опаздываніемъ участниковъ сеймиковъ ко дню ихъ открытія и отсутствіемъ опредѣленія продолжительности времени для занятій предсеймоваго сеймика. Обѣ эти стороны дѣла не были предусмотрѣны ста-

1) См. выше, стр. 67.

тутомъ 1566 года[1]). Неудобство запаздыванія участниковъ сеймиковъ универсалъ старается устранить тѣмъ, что онъ приказываетъ сеймиковать и безъ опоздавшихъ, не ожидая ихъ прибытія. Что же касается времени продолжительности предсеймовыхъ сеймиковъ, то универсалъ опредѣляетъ его въ одинъ день, съ добавленіемъ лишь утра слѣдующаго дня, если это окажется необходимымъ. Но, кромѣ отмѣченнаго сейчасъ, въ томъ же универсалѣ обращаютъ на себя вниманіе еще нѣкоторыя его черты. Одна изъ нихъ, какъ и сейчасъ отмѣченныя, указываетъ на новизну строя, созданнаго реформою 1565—1566 годовъ. Это — требованіе точнаго опредѣленія границъ повѣтовъ, которое было необходимо не только для выясненія территоріальнаго района, на который простирается судебная и административная компетенція повѣтовыхъ урядовъ, но и для точнаго опредѣленія состава „повѣтниковъ", а стало быть, и лицъ, которыя имѣютъ право присутствовать на сеймикѣ повѣтовомъ. Затѣмъ нужно отмѣтить указаніе универсала на съѣзды, которые, помимо сеймиковъ, имѣли мѣсто въ повѣтахъ. Это указаніе можетъ говорить 1) о томъ, что новый видъ шляхетскаго собранія не сталъ еще вполнѣ привычнымъ для шляхты новыхъ повѣтовъ и что она продолжала еще собираться своими собраніями до-реформеннаго времени, и 2) о томъ, что, въ виду близости Уніи и военныхъ опасностей, настроеніе шляхты Великаго Княжества Литовскаго было тревожнымъ, и она, собираясь помимо поставленныхъ подъ извѣстный контроль верховной власти предсеймовыхъ сеймиковъ, отбывавшихся въ присутствіи господарскихъ пословъ и съ опредѣленными указаніями дѣлъ для обсужденія и даже съ даннымъ верховною властью направленіемъ этого обсужденія, въ своихъ рѣшеніяхъ могла пойти по пути, противоположному желаніямъ этой власти или съ ними несходному. Наконецъ, отмѣтимъ и присоединеніе въ универсалѣ къ вопросамъ предстоящаго сейма дѣла, не имѣющаго къ нему прямого отношенія. Это приказъ великаго князя шляхтѣ повѣтовъ собираться земскимъ войскомъ около гетмана. Господарь, обращаясь къ шляхтѣ по поводу

---

1) II ст., III, 5.

предстоящаго сейма, пользуется случаемъ, чтобы передать ей заодно и другое свое приказаніе, котораго исполненіе не терпитъ отлагательства, въ виду крайне назрѣвшихъ военныхъ надобностей.

Сеймъ въ Берестьѣ, однако, въ декабрѣ 1566 года собрать не удалось. Помѣшали усилившіяся опасности для Княжества со стороны Москвы. Пришлось измѣнить мѣсто для собранія вальнаго сейма, т. е. создалось положеніе, опять статутомъ не предвидѣнное. Повѣты Великаго Княжества Литовскаго были извѣщены о переносѣ сейма господарскими листами-универсалами. Въ VII-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики, какъ образецъ этихъ универсаловъ, приведенъ листъ въ Берестейскій повѣтъ. Этотъ листъ обращается отъ имени великаго князя къ Берестейскимъ воеводѣ (панъ Юрій Васильевичъ Тишкевича) и каштеляну (панъ Янъ Миколаевичъ Гайко) и къ „княземъ, паномъ, маршалькомъ, державцамъ, врадникомъ земъскимъ, бояромъ и двораномъ нашимъ, всимъ тымъ, которые имени и оселости свои въ повете Берестейскомъ мають“. Универсалъ говоритъ, что великій князь уже назначилъ было сеймъ въ Берестьѣ на 1 декабря 1566 года, какъ объ этомъ были извѣщены повѣты и листами, и послами господаря; но теперь до Сигизмунда Августа дошла „ведомость“ такая: Московскій великій князь строитъ замокъ уже на этой сторонѣ Двины, на устьѣ Улы, а попытка господарскихъ украинныхъ урядниковъ помѣшать ему окончилась неудачею. Хотя великій князь Московскій и обѣщалъ послать своихъ пословъ къ Сигизмунду Августу, но намѣреніе его еще болѣе развить военныя дѣйствія совершенно ясно. Въ виду этого господарь желалъ, чтобы сеймъ собрался въ Вильнѣ, но, такъ какъ, „за небезъпечностью поветрея, то быти не можеть“ [1]), то, желая „глубей“ пріѣхать въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго для обсужденія средствъ противодѣйствія Москвѣ, Сигизмундъ Августъ хочетъ видѣть сеймъ собравшимся уже не въ Берестьѣ, но въ Городнѣ, а если за повѣтріемъ сеймъ и въ Городнѣ не

1) Разсказъ современника объ этомъ повѣтріи въ Вильнѣ — Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, вып. II, стр. 7—8 (Дневникъ Новгородскаго подсудка Ѳеодора Евлашевскаго).

могъ бы „дойти“, то онъ назначаетъ мѣстомъ собранія его Кнышинъ, время же этого собранія остается прежнее, т. е. 1 декабря 1566 года. Обыватели повѣтовъ должны объ этомъ знать и, „ослухавши ся“, гдѣ будетъ стоять своимъ дворомъ великій князь (въ Городнѣ, или въ Кнышинѣ), туда, „не омешкиваючи“, выслать своихъ пословъ къ 1-му декабря, „давши имъ науку достаточную и моцъ зуполную“ на сеймѣ „радити и становити“ о средствахъ борьбы съ Москвою, такъ какъ „то идеть о васъ самыхъ и о волости ваши“ — прибавляетъ универсалъ. Что касается тѣхъ, кто не поѣдетъ на сеймъ, то имъ повелѣвается быть „со всимъ, што ку войне належить, въ готовости скоро по сейме ку рушеню на служъбу военную конечно“.

Разсматривая текстъ этого универсала, замѣчаемъ новый шагъ впередъ въ выработкѣ господарскаго обращенія къ повѣтамъ: въ этомъ обращеніи радные паны введены въ составъ остальныхъ повѣтовыхъ обывателей. Далѣе. Кромѣ измѣненія мѣста предстоящаго сейма отмѣтимъ въ универсалѣ опять соединеніе съ дѣломъ сейма распоряженія о военной земской службѣ повѣтовой шляхты. Въ этомъ отношеніи настоящій универсалъ дѣлаетъ то же, что и предыдущій, т. е. пользуется обращеніемъ къ шляхтѣ по поводу сейма, чтобы сдѣлать распоряженіе и о военной земской службѣ. Датированъ настоящій универсалъ 5-мъ ноября, и, конечно, онъ былъ полученъ въ повѣтахъ, когда сеймики уже разошлись, такъ что повѣтовымъ раднымъ панамъ и урядникамъ пришлось принимать особыя мѣры для оповѣщенія шляхты и даже, вѣроятно, направлять сеймиковыхъ пословъ въ городъ, гдѣ соберется сеймъ, не извѣстивъ о немъ предварительно всей шляхты. Быть можетъ, отчасти этимъ и нужно объяснять обращеніе универсала къ нимъ во главѣ повѣтовыхъ обывателей.

Слѣдующій сеймъ Великаго Княжества Литовскаго былъ созванъ въ Городну на 25 апрѣля 1568 года. Образецъ универсала объ этомъ сеймѣ, внесенный въ IX-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики, начинается такимъ обращеніемъ отъ имени Сигизмунда Августа: „княземъ, паномъ, старостамъ и всимъ врадъникомъ нашимъ дворнымъ и земъскимъ поветовымъ, земяномъ и двораномъ нашимъ и всимъ тымъ, которые именья свои мають“ въ

данномъ повѣтѣ. Великій князь напоминаетъ объ извѣстной не только панамъ-радѣ, но и всему рыцарству, обывателямъ „земль тутошнихъ панства Великого Князства“, его дѣятельности на пользу этого государства. Теперь, въ виду военныхъ опасностей отъ Москвы, „границы украинные“ Княжества „всп“, за роспускомъ земскаго войска, должны остаться „безъ слушного опатреня“. Поэтому великій князь дважды посылалъ пана Остафія Воловича[1]) изъ Койданова въ Борисовъ къ панамъ-радѣ и всѣмъ станамъ, тамъ стоявшимъ земскимъ войскомъ, сообщая имъ „таковые потребы речи посполитое и напоминаючи, абы ся змовляли и вынайдовали обычай, чимъ бы, такимъ небезъпечъностямъ забегаючи, границы змоцнити“. Но паны-рада и вся шляхта просили для этого дѣла собрать сеймъ. Сигизмундъ Августъ его и назначаетъ на 25 апрѣля, черезъ недѣлю послѣ Пасхи[2]). Мѣстомъ съѣзда пановъ-рады „и тежъ князей, пановъ, върадъниковъ дворныхъ и земъскихъ и пословъ поветовыхъ, и всихъ становъ, сойму належачихъ“, назначается Городна. Повѣтовые сеймики „во всихъ судовыхъ поветехъ“, согласно статуту, назначаются на 28 марта, т. е. за четыре недѣли до вальнаго сейма. На этихъ сеймикахъ „около потъребъ земскихъ яко маете намовляти, отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра черезъ посла нашого вамъ озънаймено будеть“ — говоритъ обывателямъ повѣтовъ универсалъ отъ имени великаго князя. Повѣтовая шляхта должна съѣхаться въ назначенный выше день въ центральные пункты своихъ повѣтовъ на сеймики и тамъ, „при после“ господарскомъ „около обороны и убезъпеченя границъ зъ собою намовивъши и порозумевъшися и обравъши послами, водлугъ статуту, двухъ особъ, людей бачъныхъ и ростропныхъ“, ихъ „выправить“ и „послать“ на предстоящій вальный сеймъ „зъ зуполною моцю ку намовамъ сполнымъ“. Эти послы будутъ вмѣстѣ съ другими „сойму належачими“ станами разсуждать и постановлять объ оборонѣ и нуждахъ „того панства“. Прибыть на сеймъ они должны безъ опозданія. Послѣ этихъ сообщеній и указаній, имѣющихъ прямое отношеніе къ дѣламъ пред-

---

1) Подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, маршалокъ дворный, староста Берестейскій и Кобринскій.

2) Пасха въ 1568 году падала на 18-е апрѣля.

стоящаго сейма, универсалъ переходитъ къ порученію сеймику относительно сбора податковъ, установленныхъ предшествующимъ сеймомъ. Собравшаяся на повѣтовые сеймики шляхта должна распорядиться, чтобы повѣтовые поборцы, отправившись въ Вильну, передали тамъ „бирчимъ головънымъ" свой отчетъ и „ревидованя" всѣхъ имѣній князей, пановъ и шляхты своего повѣта каждый — „съ чого войну служити повинни и тые поборы дали." Головные же бирчіе принесутъ „ведомость достаточную на с[ъ]емъ" о томъ, „якъ великую суму оные податъки вчинили".

Такимъ образомъ, въ этомъ универсалѣ видимъ уже приказаніе великаго князя повѣтовымъ сеймикамъ проявить распорядительную власть въ предѣлахъ своихъ повѣтовъ — дать приказъ повѣтовымъ бирчимъ по исполненію порученнаго имъ предшествующимъ сеймомъ сбора податковъ и по составленію ими описаній имѣній повѣтовыхъ обывателей для опредѣленія ихъ способности къ несенію тѣхъ или другихъ размѣровъ военной земской службы и къ уплатѣ тѣхъ или иныхъ размѣровъ податковъ. Этимъ займется и предстоящій сеймъ, такъ что, собственно говоря, данное дѣло можетъ считаться также его подготовкою, но тутъ имѣемъ, конечно, во всякомъ случаѣ болѣе приведеніе въ исполненіе постановленія прошлаго сейма, чѣмъ обсужденіе дѣлъ сейма предстоящаго.

Слѣдующимъ послѣ Городенскаго сейма 1568 года былъ уже сеймъ Люблинскій 1568—1569 годовъ, спольный съ Поляками, „для скончeнья Уніи". Универсалъ о созывѣ этого сейма, выданный Сигизмундомъ Августомъ въ Новгородскій повѣтъ и вписанный въ VII-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики, какъ образецъ универсаловъ въ Литовско-Русскіе повѣты передъ этимъ сеймомъ, отъ имени господаря обращается къ „князем, паномъ, старостамъ[1]) и всимъ врадникомъ нашимъ дворнымъ, земъскимъ, въ поветехъ отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра уставленымъ, земяномъ и двораномъ нашимъ, всимъ тымъ, которые именья и оселости свои маютъ въ повете Новгородскомъ". Великій князь далѣе говоритъ о томъ, что на съѣздъ земскаго войска

---

1) Въ оригиналѣ это слово излишне повторено.

Княжества въ Лебедевѣ пріѣзжали послы отъ пановъ-рады и становъ Польши къ раднымъ панамъ, княжатамъ, панятамъ, земскимъ и дворнымъ урядникамъ и всѣмъ станамъ рыцарства, обывателямъ Великаго Княжества Литовскаго, прося объ установленіи между обоими государствами, „спольными намовами и зволеньемъ спольнымъ," уніи, предками Сигизмунда Августа и предками обывателей обоихъ государствъ „зачатое." Тогда въ Лебедевѣ всѣ станы Княжества, „около того з собою намовивши и спольне а згодливе на то зволивши", Сигизмунду Августу „донесли и оповедили", что они „ни съ которое иное причины и якого мушенья, одно з доброе воли своее а съ таковое жъ хути и милости, зъ якою ся обыватели Корунные, братя и суседы ваши," говорить великій князь, обращаясь къ шляхтѣ, „черезъ пословъ своихъ ку вамъ оповедають, естъ есте прихильни до принятя и становенья з ними сполку братского, то естъ уніи, въ таковомъ взвязку милости-згоды братское, который бы былъ однако и заровно во всемъ пожиточнымъ обеюмъ тымъ панъствамъ", Коронѣ и Княжеству. Время созыва этого „зеханья" обывателей обоихъ государствъ поручено было въ Лебедевѣ выбрать Сигизмунду Августу, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ назначилъ какъ его, такъ и мѣсто для этого съѣзда въ текущемъ 1568 году. Великій князь далъ на это постановленіе свое согласіе и утвердилъ его своимъ „рецесомъ". Затѣмъ, на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, продолжаетъ универсалъ отъ имени Сигизмунда Августа, обращаясь къ повѣтовымъ обывателямъ, „за прозьбою васъ, всихъ становъ, обывателевъ тамошнего панъства нашого, постановили есмо зложити и черезъ листы наши озпаймити соймики поветовые", а съ этихъ сеймиковъ „зъехане" всѣмъ станамъ Короны и Княжества „при границахъ же для становеня Уніи" въ текущемъ году, что „достаточне на уфале сойму Городенского описано"[1]). Въ виду всего этого, Сигизмундъ Августъ назначаетъ теперь повѣтовые сеймики на 11 ноября[2]), а черезъ четыре недѣли послѣ нихъ съѣздъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго къ себѣ въ Вошнь на четвергъ 9 декабря. От-

1) Ср. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 482.

2) День св. Мартина.

туда уже оні съѣдутся „для становенья Уніи з станы Коруны Польское до Люблі[на] на съемъ вальный спольный“, который назначенъ на 23 декабря 1568 года. Далѣе универсалъ поясняетъ, что господарь хотѣлъ этотъ сеймъ собрать, согласно постановленію Городенскаго сейма, „при границахъ же,“ въ Парчовѣ или въ Ливѣ, но эти мѣстечки погорѣли, и въ нихъ теперь будетъ недостатокъ построекъ, а онѣ нужны „для стояня подъ часомъ зимнымъ.“ Новгородскимъ обывателямъ великій князь предписываетъ собраться въ Новгородкѣ въ назначенный имъ для повѣтоваго сеймика день и, согласно статуту, выбрать двухъ пословъ, „бачныхъ и ростропныхъ, которые бы со всякою учтивостью“, будучи при господарѣ, „речи посполитой въ таковой великой важъной потребе служити могли и умели.“ Ихъ отправить приказывается „з моцю супольною“, и они не должны опоздать пріѣздомъ въ Воинь къ назначенному дню. „За тою жъ моцъю“ послы эти должны при великомъ князѣ, вмѣстѣ съ панами-радою и съ иными „сойму належачими“ станами, постановлять „около тое речи и потребы а спольного звязъку доконченья Уніи на сойме.“ Обо всемъ этомъ будетъ еще „достаточне приложоно“ повѣтовымъ обывателямъ отъ господаря на ихъ сеймикѣ черезъ посла господарскаго.

Новое въ этомъ универсалѣ — съѣздъ членовъ вальнаго сейма Великаго Княжества Литовскаго передъ спольнымъ съ Поляками сеймомъ, назначенный впервые со времени учрежденія повѣтовыхъ сеймиковъ и не предусмотрѣнный II-мъ статутомъ. Постановленіе статута о четырехнедѣльномъ разстояніи времени примѣняется универсаломъ ко дню собранія Воиньскаго съѣзда, а не Люблинскаго сейма. Въ эпоху послѣ Уніи, какъ увидимъ ниже, оно примѣнялось, согласно статуту, къ дню открытія Польско-Литовскаго вальнаго сейма, а для времени предсеймоваго съѣзда представителей Великаго Княжества Литовскаго установился другой срокъ. Что касается дѣлъ, которыя предлагаетъ разсматриваемый универсалъ, то они составляютъ одно цѣлое — вопросъ о заключеніи уніи между Княжествомъ и Короною.

Какъ извѣстно, во время засѣданій Люблинскаго сейма радные паны и послы Великаго Княжества Литовскаго покинули Люблинъ въ исходѣ февраля 1569 года, не считая

возможнымъ продолжать дальнѣйшія занятія, въ виду непримиримости взглядовъ ихъ и Поляковъ на характеръ и значеніе обсуждаемаго соединенія государствъ. Чтобы возстановить Литовско-Русское представительство на Люблинскомъ сеймѣ, Сигизмундомъ Августомъ были созваны новые повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго, на вторникъ 10 мая 1569 года. Образцомъ господарскихъ универсаловъ, разосланныхъ передъ этими сеймиками въ повѣты Княжества, является внесенный въ VII-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики господарскій листъ къ панамъ Зеновьевичамъ [1]). Въ этихъ универсалахъ отъ имени Сигизмунда Августа обстоятельно излагается исторія подготовки заключенія Уніи на сеймахъ и съѣздахъ Великаго Княжества Литовскаго въ 60-хъ годахъ XVI столѣтія: напоминаются просьбы Литовско-Русскихъ становъ къ господарю о заключеніи Уніи съ начала Московской войны, сеймы Виленскій и Бѣльскій, Варшавскій съѣздъ съ Поляками, Польскій Парчовскій сеймъ, собраніе земскаго войска Княжества въ Молодечнѣ, Городенскій сеймъ и, наконецъ, созывъ настоящаго Люблинскаго сейма, спольнаго съ Поляками. Причина разрыва, происшедшаго на Люблинскомъ сеймѣ между представителями Короны и Княжества, излагается въ этомъ листѣ такъ: „въ томъ згодитися не могли, жебы отъ старыхъ списовъ, альбо отъ намовъ на соймехъ прошлыхъ справу Унеи починати мели, кгдыжъ яко панове-рады Великого Князьства, такъ и иные вси станы дались въ томъ слышати намъ г[о]с[по]д[а]ру, ижъ отъ братьи своее отправлены, абы не отъ старыхъ списовъ, але з милости братерское знову Унею установили“, паны же рада и станы Польскіе требовали того, чтобы держались старыхъ привилеевъ и договоровъ. Сигизмундъ Августъ, очевидно, стараясь сгладить это столкновеніе, прибавляетъ далѣе, что Поляки „и въ томъ ся слышети давали, естли бы и въ томъ привилю короля Александра [2]) што противного видело милости и сполку братъскому, и о томъ хотечи на-

1) Ср. II ст., III, 5. О разсылкѣ передъ повѣтовыми сеймиками господарскихъ листовъ отдѣльнымъ лицамъ см. ниже.

2) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ привилеѣ 1501 года, выданномъ Александромъ Казимировичемъ въ Мельникѣ.

мовляти и въ ровность всякого доброго братеръства кождый артикулъ приводячи около екзекуцыи добръ або именей, отъ столу нашого г[о]с[по]д[а]ръского отдаленыхъ". Представители Великаго Княжества Литовскаго уѣхали съ сейма, продолжаетъ универсалъ, и послѣ ихъ отъѣзда станы Польскіе потребовали отъ Сигизмунда Августа приведенія въ исполненіе привилеевъ и осуществленія правъ, которые имѣетъ Корона отъ прежнихъ королей и отъ него самого. Этого „на сторону" ему „откладати не годило, звлаща за таковымъ отеханьемъ, никоторого упевненя не вчинивши". Повѣтовымъ обывателямъ „не тайно, што около некоторыхъ земль, ку границамъ Коруны Польское прилеглыхъ, деетъ". Паны-рада Княжества, „которые ся на тотъ часъ до Вильни зъехати могли", прислали въ Люблинъ къ Сигизмунду Августу и Коронным радымъ панамъ пословъ, прося о назначеніи другого сейма для заключенія Уніи, но Сигизмундъ Августъ, въ виду вѣстей о военныхъ опасностяхъ отъ непріятелей, помня прежнія просьбы Литовско-Русскихъ обывателей объ Уніи и желая довести ея дѣло до конца, назначаетъ собраніе новыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ въ Княжествѣ. Эти сеймики должны собраться во всѣхъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ во вторникъ 10 мая. По отношенію къ назначенію этого дня для сеймиковъ повѣтовые обыватели не должны принимать во вниманіе „роковъ около збиранья соймиковъ поветовыхъ, въ статуте описаныхъ, и никоторыхъ причинъ иньшихъ", такъ какъ созывомъ ихъ Сигизмундъ Августъ не хочетъ нарушать статута и, оставляя его въ силѣ, дѣлаетъ исключеніе только для настоящаго „зъезда" и то лишь для важнѣйшихъ причинъ — ради заключенія Уніи и еще не состоявшагося постановленія объ оборонѣ [1]). Все это помня, паны Зеновьевичи должны ѣхать „до повету того, въ которомъ большую, головнейшую оселость" имѣютъ, „на соймикъ поветовый", и, на немъ „з иными станы намовивъши", выслать или тѣхъ же пословъ, которые уже были на Люблинскомъ сеймѣ, или же другихъ лицъ, „людей бачныхъ и ростропъныхъ", притомъ „не зъ замероною моцъю науку" имъ дать, какъ это было сдѣлано пред-

---

1) Деньги, собранныя земскими податками на наемныя войска, уже вышли, какъ сообщаетъ господарскій листъ.

шествующими сеймиками[1]), но „зъ зупольною и достаточною“ для окончанія дѣла Уніи и „для обмышлеваня около обороны“ Великаго Княжества Литовскаго. Къ господарю на Люблинскій сеймъ эти послы должны быть отправлены „спешне“, чтобы они были уже въ Люблинѣ въ понедѣльникъ „святокъ пришлыхъ“ 30 мая[2]). Здѣсь они безъ всякаго нарушенія „правъ, свободъ и всякихъ волностей“ Княжества и съ исключеніемъ для него екзекуціи, принятой Короною, окончивъ дѣло Уніи и занявъ на вальномъ сеймѣ вмѣстѣ съ Поляками мѣста, назначенныя имъ господаремъ — паны-рада съ панами-радою, земскіе послы съ земскими послами, — будутъ разсуждать „о въсемъ добромъ, славномъ и пожиточномъ обоихъ панъствъ“ Сигизмунда Августа, послѣдній же будетъ стараться „таковые речи ку доброму скопченью зъ славнымъ, учтивымъ и пожиточнымъ обоихъ панъствъ такъ приводити, яко бы ку чти и фале Божой з вечнымъ споминанемъ имени“ его господарскаго „таковое братерское межи тыми панъствы“ его „зъедноченье на вечные часы въ доброй милости и въ ровномъ одиноцътве зобополне держано и ховано было“. Паны Зеновьевичи приглашаются ѣхать на сеймики того повѣта, въ предѣлахъ котораго они имѣютъ „головнейшую оселость свою“. Если не всѣ станы съѣдутся на сеймикъ въ назначенное для него время, пословъ съ „зуполною моцъю“ должны выправить тѣ, кто соберется. Господарскій листъ къ панамъ Зеновьевичамъ приглашаетъ ихъ и самихъ поспѣшить къ господарю въ Люблинъ къ назначенному сроку. Въ этомъ же листѣ имѣется и такое приказаніе: „абы есте, вжо на иншій часъ соймиковъ собе всп сполом, альбо которые кольвекъ особы, прекладати не смеючи, але певне и неотменъне дня вышей менованого зъехавшися до повету“, выбирали пословъ.

Пересказанный господарскій листъ, созывающій сеймики 1569 года, какъ изданный въ исключительное время, конечно, отличается отъ подобныхъ листовъ времени болѣе

---

1) Въ „замероной моци“, т. е. въ ограниченіи полномочій повѣтовыхъ пословъ, Сигизмундъ Августъ видитъ главную причину остановки дѣла Уніи.

2) Т. е. такъ называемыхъ „зеленыхъ святокъ.“

нормальнаго. Этимъ листомъ предсеймовые сеймики созываются вторично для того же самаго сейма, для котораго уже отбыты сеймики предыдущаго созыва. О срокѣ, отдѣляющемъ эти сеймики отъ сейма, говорить не приходится, такъ какъ сеймъ уже засѣдалъ, хотя и безъ представителей Великаго Княжества Литовскаго, въ то время, когда сеймики только еще собирались. Но отмѣтимъ и въ этомъ листѣ ту же борьбу верховной власти съ собраніями повѣтовыхъ обывателей помимо созываемыхъ ею сеймиковъ, которую мы уже видѣли выше. Неоднократныя указанія на эти собранія и запрещенія ихъ въ господарскихъ листахъ по созыву сеймиковъ на короткомъ протяженіи времени говорятъ, что они составляли серьезную заботу верховной власти и были далеко не исключительнымъ явленіемъ.

Подведемъ итоги подъ нашими наблюденіями надъ господарскими листами по созыву предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ за время отъ ихъ учрежденія до Люблинской Уніи, т. е. въ короткій періодъ времени существованія повѣтоваго сеймика въ Княжествѣ, какъ совершенно самостоятельномъ и отдѣльномъ государствѣ, не вошедшемъ еще въ составъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой.

Прежде всего нужно отмѣтить развитіе сеймовыхъ универсаловъ, какъ вида документовъ, входящихъ въ составъ такъ называемыхъ „справъ сеймовыхъ“. Мы видѣли извѣстное постепенное вырабатываніе, такъ сказать, нормальной формы сеймоваго листа практикою созыва предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ, которая заставляла съ собою считаться при составленіи этого еще новаго вида документовъ въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго. Переходя къ содержанію этихъ листовъ, отмѣтимъ слѣдующее. Во-первыхъ, сеймовые универсалы не являются документами, вполнѣ вводящими на созываемыхъ сеймикахъ шляхту повѣтовъ въ дѣла и занятія предстоящаго сейма. Необходимымъ дополненіемъ къ сообщаемому ими должна быть рѣчь господарскаго посла, и сеймовые универсалы прямо указываютъ, что обстоятельнѣе съ дѣлами предстоящаго сейма повѣтовая шляхта познакомится изъ этой рѣчи. Во-вторыхъ, сеймовые универсалы могутъ соединять въ себѣ съ сообщеніями и распоряженіями великаго князя,

имѣющими прямое отношеніе къ предстоящему сейму и его занятіямъ, распоряженія, для этого сейма постороннія. Таким были въ изученныхъ сеймовыхъ листахъ приказы по созыву земскаго войска и по организаціи сбора податковъ и уплатѣ послѣднихъ, причемъ за сеймиками признавалась распорядительная власть въ податковомъ дѣлѣ. Наконецъ, пересказанные сеймовые универсалы обнаруживаютъ и такія явленія въ сеймикованьѣ, съ которыми центральная власть считаетъ себя вынужденной упорно бороться, а именно съѣзды шляхты помимо закономъ утвержденнаго повѣтоваго сеймика и устанавливавшаяся практика сеймиковъ по ограниченію своихъ пословъ въ ихъ рѣшеніяхъ на вальномъ сеймѣ — сеймики даютъ своимъ сеймовымъ посламъ „замероную моцъ“, т. е. строго ограничиваютъ ихъ въ дѣятельности на предстоящемъ сеймѣ инструкціею отъ повѣта, обязательнымъ образомъ опредѣляющею ихъ отношеніе къ вопросамъ, которые будутъ разрѣшаться на предстоящемъ вальномъ сеймѣ. Таковы общіе выводы, которые вытекаютъ изъ разсмотрѣнія сеймовыхъ универсаловъ въ повѣты за время между 1566-мъ и 1569-мъ годами.

Обратимся теперь къ записямъ разсылки господарскихъ универсаловъ передъ предсеймовыми повѣтовыми сеймиками. Универсалы, созывающіе предсеймовые сеймики 1566 года были адресованы: 1) шляхетскимъ повѣтамъ Великаго Княжества Литовскаго, 2) должностнымъ лицамъ и 3) князьямъ и панамъ, должностей не занимавшимъ. Повѣты, въ которые посланы эти листы, запись объ ихъ разсылкѣ, указываетъ слѣдующіе: Витебскій, Оршанскій, Мстиславскій, Минскій, Новгородскій, Луцкій, Владимірскій, Кремянецкій, Браславля и Вѣницы (Браславля Подольскаго), Кіевскій, Рѣчицкій, Вилькомирскій, Троцкій, Ковенскій, Упитскій, Браславля Литовскаго, Городенскій, Лидскій, Ошменскій, Виленскій[1]), Волковыйскій, Слонимскій, Пинскій, Дорогицкій, Бѣльскій и Мельницкій и земля Жомонтская, т. е. 27 изъ всѣхъ тридцати Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Не обозначены, такимъ образомъ, повѣты Мозырскій, Полоц-

---

1) Этотъ повѣтъ обозначенъ дважды: 1) въ числѣ адресатовъ, которымъ понесъ листы Адамъ Шембель, и 2) въ числѣ адресатовъ, которымъ понесъ листы Домашовскій.

кій и Берестейскій. Должностнымъ лицамъ были разосланы листы слѣдующимъ: воеводамъ Подляшскому, Кіевскому [1]), Мстиславскому, Новгородскому, Минскому; каштелянамъ Мстиславскому (онъ же и староста Мстиславскій), Полоцкому, Новгородскому, Витебскому и Берестейскому; старостамъ Луцкому и Житомирскому; земскому и дворному подскарбіямъ; маршалкамъ — пану Загоровскому, пану Воловичу, пану Каленицкому Тишковича, пану Григорію Тризнѣ, пану Михаилу Елу; хоружію дворному, чашнику, мечному, подчашію, стольнику, Троцкимъ конюшію и тивуну и Виленскому тивуну. Наконецъ — князьямъ и панамъ, а именно: князьямъ — Слуцкому, Збаражскимъ, Вишневецкимъ, Гедройтямъ, Крошинскимъ и Свирскимъ; панамъ — Ильиничамъ, Хребтовичамъ, Остикамъ, Кишичамъ, Завишамъ, Нарбутамъ, Воловичамъ, Онікею Горностаю, Михаилу Козинскому, Глѣбовичу и Сологубамъ.

Сеймиковые универсалы передъ сеймомъ 1566—1567 годовъ, предположенномъ въ Берестьѣ и собранномъ въ Городнѣ, записью объ ихъ разсылкѣ обозначены посланными въ повѣты Слонимскій, Новгородскій, Оршанскій [2]), Минскій, Ошменскій, Витебскій, Мстиславскій, Дорогицкій, Мельницкій, Бѣльскій, Волковыйскій, Луцкій, Владимірскій, Кремянецкій, Пинскій, Мозырскій, Кіевскій, Жомоитскій [3]), Городенскій, Ковенскій, Троцкій, Лидскій, Виленскій, Вилькомирскій, Браславскій и Полоцкій [4]), т. е. въ 26 повѣтовъ. Пропущены повѣты: Упитскій, Берестейскій, Браславля Подольскаго и Рѣчицкій. Воеводамъ: Подляшскому, Браславскому, Волынскому, Минскому, Кіевскому, Берестейскому, Новгородскому, Троцкому, Виленскому, Мстиславскому и старостѣ Жомоитскому; Витебскому воеводѣ былъ посланъ приказъ не съѣзжать со своего замка для сейма. Каштелянамъ: Подляшскому, Новгородскому, Луцкому, Берестейскому, Браславскому, Кіевскому [5]), Виленскому, Троцкому и Жомоит-

1) Въ оригиналѣ повторено дважды.

2) Въ оригиналѣ названъ дважды.

3) „До князей, пановъ, земли Жомоитское."

4) „До всихъ пановъ, которые имена свои въ земли Полоцкой маютъ."

5) Ему посланъ и другой листъ: „абы на соемъ не ехалъ, але въ Кіеве на местцы воеводиномъ зосталъ".

скому; каштеляну Полоцкому приказано не выѣзжать изъ своего замка [1]). Бискупамъ: Жомоитскому, Луцкому, Кіевскому и Виленскому. Подчашію, земскому подскарбію, земскому хоружію, Троцкому конюшію, подканцлеру, стольнику, чашнику, Виленскому тивуну. Маршалкамъ: Дорогицкому маршалку Адаму Косинскому [2]), пану Ивану Яцыничу, пану Волчку, пану Миколаю Сапегѣ, пану Елу, пану Ивану Воловичу и Островицкому. Тивунамъ Жомойти: Ужвенскому, Берженянскому, Вешвенскому, Поюрскому, Гондинскому, Коршовскому, Шовдовскому, Ретовскому, Дирванскому, Берженьскому, Ойраголскому, Тверскому, Дирваньскому (т. е. другихъ Дирванъ). Князьямъ: Соколенскимъ, Лукомскимъ, Друцкимъ, Ружинскимъ, Вишневецкимъ, Збаражскимъ, Слуцкому, Ярославу, Сангушковичамъ, Свирскимъ, Лукашу Свирскому и Гедройтямъ. Панамъ: Нарбутамъ, Загоровскому, Хребтовичамъ, Олизару Кирдею, Онікею Горностаю, Каленицкому, Глѣбовичу, Завишамъ, Воловичамъ, Шимковичу, Остикамъ и Зеновьевичамъ. Кромѣ того, нѣсколькимъ лицамъ были посланы господарскіе листы съ повелѣніемъ не выѣзжать на сеймъ и не покидать своихъ замковъ, а именно воеводѣ Витебскому, старостѣ Оршанскому, старостамъ Мстиславскому и Кричевскому, князю Корецкому [3]), старостѣ Острскому, каштеляну Кіевскому [4]), каштеляну Полоцкому [5]) и пану Боркулабу [6]).

Записи разсылки сеймиковыхъ универсаловъ передъ Городенскимъ сеймомъ 1568 года намъ не удалось встрѣтить въ Литовской Метрикѣ. Неизвѣстна она и въ изданіяхъ Литовско-Русскихъ документовъ. Такимъ образомъ, слѣдующею записью, подлежащею нашему разсмотрѣнію, является запись разсылки господарскихъ листовъ передъ Воиньскимъ съѣздомъ 1568 года и Люблинскимъ сеймомъ 1568—1569 годовъ. Эта запись отличается отъ предыдущихъ системою, въ которой обозначены адресаты сеймиковыхъ лис-

---

1) Т. е. изъ Лепеля. См. выше, стр. 98.
2) Онъ же былъ и писаремъ земли Дорогицкой.
3) „абы на съемъ не ехалъ, але въ староствахъ зосталъ.“
4) См. выше, прим. 5 на стр. 331.
5) См. выше.
6) Т. е. пану Боркулабу Корсаку, старостѣ Дисненскому.

товъ и которой не имѣютъ записи, приведенныя нами выше. Въ предшествующихъ записяхъ разсылки и раздачи листовъ адресатамъ имена послѣднихъ занесены безъ всякой системы, по случайнымъ соединеніямъ листовъ къ нимъ въ рукахъ одного и того же лица, которое должно было доставить эти листы по назначенію. Въ этой записи адресаты записаны по повѣтамъ. Вотъ ихъ списокъ. Виленскій повѣтъ — бискупу, воеводѣ и каштеляну Виленскимъ, крайчію[1]), Виленскому тивуну, князьямъ, панамъ и всей шляхтѣ Виленскаго повѣта; Ошменскій повѣтъ — маршалку пану Островицкому, князьямъ, панамъ и шляхтѣ повѣта; Браславскій повѣтъ (т. е. Браславля Литовскаго) — маршалку князю Болку, шляхтѣ повѣта; Вилькомирскій повѣтъ — маршалку пану Яну Шимковичу, шляхтѣ повѣта; Упитскій — шляхтѣ повѣта; Троцкій — воеводѣ и каштеляну Троцкимъ, шляхтѣ повѣта; Городенскій — маршалку пану Ивану Воловичу, всѣмъ панамъ Воловичамъ, шляхтѣ повѣта; Ковенскій — шляхтѣ повѣта; земля Жомоитская — бискупу, старостѣ и каштеляну Жомоитскимъ, стольнику[2]), чашнику[3]), шляхтѣ земли Жомоитской; Луцкій повѣтъ - бискупу Луцкому, воеводѣ Волынскому, старостѣ Луцкому, шляхтѣ повѣта; Владимірскій — маршалкамъ панамъ Петру и Василію Загоровскимъ, князьямъ Четвертенскимъ, шляхтѣ повѣта; Кремянецкій — князьямъ Вишневецкимъ, Ружинскимъ и Збаражскимъ, шляхтѣ повѣта; повѣтъ Браславля Подольскаго — воеводѣ и каштеляну Браславскимъ, шляхтѣ повѣта; Кіевскій повѣтъ — бискупу, воеводѣ и каштеляну Кіевскимъ, шляхтѣ повѣта; Бѣльскій — маршалку пану Миколаю Сапегѣ, шляхтѣ повѣта; Дорогицкій — воеводѣ и каштеляну Подляшскимъ, подчашію[4]), шляхтѣ повѣта; Мельницкій — маршалку пану Адаму Косинскому, шляхтѣ повѣта; Волковыйскій — шляхтѣ повѣта; Слонимскій — маршалку пану Палуцкому, князьямъ Деречинскимъ, шляхтѣ

---

1) Т. е. Криштофу Миколаевичу Радивилу, князю на Биржахъ и Дубинкахъ.

2) Т. е. пану Миколаю Мовнвиду Олехновичу Дорогостайскому (Кухмистровичу).

3) Т. е. пану Матвѣю Станиславовичу Петкевичу.

4) Т. е. пану Миколаю Петровичу Кишкѣ.

повѣта; Новгородскій — воеводѣ и каштеляну Новгородскимъ, панамъ Хребтовичамъ, князьямъ Масальскимъ, шляхтѣ повѣта; князю Слуцкому; Минскій повѣтъ — воеводѣ и каштеляну Минскимъ, шляхтѣ повѣта; Полоцкая земля — каштеляну Полоцкому, шляхтѣ тамошней; Мстиславскій повѣтъ — воеводѣ и каштеляну Мстиславскимъ, шляхтѣ повѣта; Оршанскій — князьямъ Друцкимъ, Лукомскимъ и Соколенскимъ, шляхтѣ повѣта; Лидскій — шляхтѣ повѣта; Берестейскій — воеводѣ и каштеляну Берестейскимъ, шляхтѣ повѣта; Пинскій — маршалку пану Кирдею Мылскому, шляхтѣ повѣта; Мозырскій — маршалку пану Каленицкому, шляхтѣ повѣта; Рѣчицкій — шляхтѣ повѣта. Кромѣ того посланными обозначены господарскіе листы въ Витебскій повѣтъ черезъ служебника воеводы Витебскаго, но адресаты этихъ листовъ не указаны.

Въ этомъ спискѣ находимъ перечень всѣхъ тридцати повѣтовъ, на которые дѣлилось Великое Княжество Литовское въ эпоху до Уніи 1569 года, уменьшившей число ихъ. Кромѣ перечня адресатовъ, приведеннаго сейчасъ, эта запись разсылки господарскихъ листовъ передъ повѣтовыми предсеймовыми сеймиками говоритъ о посылкѣ ихъ поборцамъ повѣтовымъ въ каждый повѣтъ. Только по отношенію къ Витебскому повѣту сдѣлано исключеніе: листы, направленные въ него, не перечислены по адресатамъ, и мы имѣемъ лишь общую запись — „въ поветъ Витебъскій послано листы черезъ служебъника пана воеводы Витебъского.“

Попытаемся теперь сдѣлать общія наблюденія надъ приведенными записями Литовской Метрики о разсылкѣ господарскихъ листовъ передъ повѣтовыми предсеймовыми сеймиками въ первые годы ихъ существованія, до Люблинской Уніи 1569 года, и постараемся извлечь изъ нихъ указанія, которыя могутъ служить для характеристики какъ работы государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго по созыву предсеймовыхъ сеймиковъ, такъ и для самихъ этихъ шляхетскихъ собраній въ первые годы ихъ существованія.

Первый вопросъ, который долженъ быть поставленъ по отношенію къ подлежащимъ нашему наблюденію записямъ, это вопросъ объ ихъ полнотѣ и соотвѣтствіи ихъ данныхъ съ дѣйствительностью. На этотъ вопросъ нужно отвѣтить

отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, даже повѣты не всѣ перечислены въ большинствѣ ихъ, и только одна, послѣдняя, называетъ всѣ тридцать Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Кромѣ того мы не имѣемъ ни въ одной изъ нихъ полнаго перечня воеводъ, каштеляновъ и высшихъ урядниковъ Великаго Княжества Литовскаго, между тѣмъ какъ статутъ 1566 года[1]) требуетъ вызова ихъ всѣхъ на вальные сеймы листами господарскими. Это заставляетъ относиться недовѣрчиво въ этихъ записяхъ и къ списку не-должностныхъ князей и пановъ, которые также, „подлѣ старого обычаю,“ должны вызываться на вальные сеймы лично имъ адресованными господарскими листами[2]). Объясняться эта неполнота можетъ или канцелярской небрежностью при составленіи записей[3]), или невыработанностью самаго дѣла при новизнѣ повѣтоваго сеймикованья. Весьма вѣроятно, что имѣемъ въ дѣйствительности обѣ причины, которыя лишаютъ изслѣдователя возможности получить отъ этихъ записей тѣ цѣнныя указанія, которыя онѣ могли бы ему дать при своей полнотѣ. Но, несмотря на отсутствіе этой послѣдней, изучаемыя записи могутъ дать возможность постановки вопроса о томъ, чѣмъ руководствовалась государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго при составленіи списковъ лицъ, которымъ посылались именные господарскіе листы передъ сеймами, а стало быть, и предсеймовыми сеймиками, ставшими предварительною ступенью ко входу на сеймъ. На этотъ вопросъ изучаемыя записи разсылки могутъ отвѣтить при сопоставленіи ихъ съ другими источниками, а именно со статутомъ 1566 года и записями разсылки военныхъ листовъ той же эпохи. Статутъ 1566 года гласитъ отъ имени великаго князя: „вѣдже князей, пановъ, маршалковъ и иныхъ всихъ урядниковъ земскихъ и дворныхъ, подлѣ старого обычаю, маемъ листы нашими на таковый вальный соймъ взывати, и тые вси въ радѣ посполитой мѣстца и

1) II ст., III, 5.
2) Ibidem.
3) Несмотря на всю обычную тщательность работы писарей и переписчиковъ въ Литовской Метрикѣ, книги ея имѣютъ и рядъ „омылокъ“ и погрѣшностей, которыя совершенно естественны при перепискѣ такой массы документовъ.

воты свои будуть мѣти способомъ звычаю стародавного, а послове земскіе мѣстца и воты свое мають мѣти водлѣ порадку, нижей написаного“ [1]).

Такимъ образомъ, всѣ княжата, панята и урядники земскіе и дворные должны были получать передъ сеймомъ и предшествующими ему сеймиками особые пригласительные листы отъ господаря. Можетъ быть поставленъ въ этомъ отношеніи вопросъ лишь о полученіи такихъ листовъ вновь созданными реформою 1565—1566 годовъ повѣтовыми урядниками, которые, какъ вновь учрежденные, не могли претендовать на это полученіе листовъ „подлѣ старого обычаю“ [2]). Итакъ, на основаніи требованія II-го статута, списокъ лицъ, получающихъ предъ сеймами и предсеймовыми сеймиками особые господарскіе листы, долженъ быть, сравнительно съ ихъ записями, дополненъ значительно. Сдѣлать это дополненіе даютъ возможность записи такъ называемыхъ военныхъ листовъ той же эпохи, сохранившихся въ Литовской Метрикѣ. Военные листы были призывными листами на земскую военную службу. Они направлялись въ повѣты и къ князьямъ, панамъ и должностнымъ лицамъ, выставлявшимъ свои почты отдѣльно отъ повѣтовъ [3]). 3 апрѣля 1566 года изъ Берестья были разосланы по Великому Княжеству Литовскому военные листы съ приказаніемъ обывателямъ его становиться земскимъ войскомъ въ Друцкѣ черезъ недѣлю послѣ Троицына дня [4]). Въ записи разсылки этихъ листовъ, сохранившейся въ Литовской Метрикѣ, обозначены князья, паны, бискупы, воеводы, каштеляны, маршалки, старосты, урядники, тивуны Жомойти и повѣты. Князья въ этой записи обозначены слѣдующіе: Вишневецкіе,

1) II ст., III, 5. Подтвержденіе этого Городенскимъ сеймомъ 1566—1567 годовъ — Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 451.

2) Однако о доставленіи повѣтовымъ урядникамъ особыхъ сеймовыхъ листовъ говоритъ уже рецессъ Городенскаго сейма 1566—1567 годовъ. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 451.

3) См. выше, стр. 280.

4) „Року [15]66, апреля 3 писаны листы военные по всему панъству Великому Князству Литовскому, абы въ тыдень по Светой Троицы у-во Друцку становилися. И розосланы тые листы з Берестья того жъ м[е]с[е]ца априля 20 дня“. Запись разсылки этихъ листовъ — Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 100—102.

Сангушковичи, Збаражскіе, Александръ Чорторыйскій, Ружинскіе, Свирскіе, Слуцкій, Гедройти, Крошинскій, Лукомскіе, Лукашъ Болко, Соколенскіе и Ярославъ; паны — Ольбрихтъ Ласкій, Воловичи, воеводичъ Виленскій Глѣбовичъ, пани Комаевская, пани воеводиная Витебская[1]), Завиши, Зеновьевичи, Остики, Нарбуты и Хребтовичи. Черезъ годъ, 15 апрѣля 1567 года, вновь были разосланы по Великому Княжеству Литовскому военные листы, назначающіе сборъ земскаго войска въ Молодечнѣ на день Седьмой Субботы[2]). Въ записи разсылки этихъ листовъ находимъ перечень Литовско-Русскихъ повѣтовъ, бискуповъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, урядниковъ, князей, пановъ, владыкъ, старостъ, державцевъ и тивуновъ (Виленскій и Жомоитскіе). Князья и паны внесены въ эту запись слѣдующіе: князья — Слуцкій, Деречинскіе, княгиня Ивановая Чорторыйскаго, Порыцкіе, Четвертенскіе, Ружинскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Курбскій, Свирскіе, Друцкіе, Лукомскіе и Соколенскіе; паны — Нарбуты, Хребтовичи, Шеметы, Сологубы, воеводичъ Глѣбовичъ, Витебскій воеводичъ[3]), Влошекъ и Воловичи. Владыки православные названы въ настоящей записи: Владимірскій, Луцкій, Витебскій и Пинскій.

По отношенію къ этимъ записямъ опять долженъ быть поставленъ вопросъ объ ихъ полнотѣ, такъ же какъ и по отношенію къ записямъ разсылки листовъ сеймовыхъ. Кромѣ канцелярскихъ недосмотровъ въ обѣихъ группахъ записей возможно предположеніе и того, что онѣ не были сводкою всѣхъ адресатовъ, которые могли быть записаны отдѣльно въ связи съ обозначеніемъ другихъ лицъ, которымъ была поручена доставка отдѣльныхъ листовъ, или съ обозначеніемъ другого дня, когда эти листы были переданы изъ государственной канцеляріи въ руки назначеннымъ для доставки лицамъ. Если сравнить число князей, пановъ и урядниковъ, которое даютъ

---

1) Т. е. пани Станиславовая Кищиная, пани Ганна Радивиловна.

2) „Року [15]67 писаны листы военъные по панъству его королевское милости Великому Князству Литовскому, складаючи рокъ збиранью войска у Молодечне на день Семое Суботы, теперешнего пришлого свята, и розосланы тые листы з Петрикова м[е]с[е]ца апреля 15 дня“. Запись разсылки этихъ листовъ — Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 145—147.

3) Т. е. панъ Кишка (Кищичъ).

разсмотрѣнныя записи разсылки господарскихъ листовъ съ числомъ ихъ, которое даетъ „Пописъ“ 1567 года, перечисляя ихъ почты, то оно окажется значительно меньше этого послѣдняго [1]). Но, думается, что мы въ правѣ сближать уряд-

1) Послѣ перечня почтовъ урядниковъ „Пописъ“ 1567 года переходитъ къ почтамъ „князей и княжатъ“ Княжества. Имена князей, почты которыхъ вошли въ этотъ отдѣлъ „Пописа“, слѣдующія: 1) князь Иванъ Крошинскій, подкоморій Браславскій, державца Упитскій, 2) князь Петръ Пузына, 3) князь Андрей Михайловичъ Курбскій, 4) княгиня Андреевая Одинцевичовая, 5) князь Константинъ Ивановичъ Вишневецкій, 6) князь Андрей Вишневецкій, 7) князь Александръ Александровичъ Порыцкій, 8) князь Ярославъ Матвѣевичъ Микитинича, 9) князь Александръ Александровичъ Вишневецкій, 10) князь Михайло Масалскій, 11) князь Ѳеодоръ Полубенскій, 12) князь Иванъ Ѳеодоровичъ Масалскій, судья земскій Городенскій, 13) князь Владиславъ Збаражскій, 14) княгиня Ивановая Чорторыйская, княгиня Ганна Кузминичовна Жославскаго, 15) князь Миколай Андреевичъ Збаражскій, староста Кремянецкій, 16) княгиня Дорота Никодымовна, княгиня Ивановая Васильевича Жилинская, 17) князь Александръ Ивановичъ Полубенскій, державца Волмерскій, ротмистръ короля его милости, 18) князь Левъ Сендюшковичъ Коширскій, 19) князь Юрій Андреевичъ Збаражскій, 20) князь Богушъ Корецкій, староста Браславскій и Вѣницкій. Сумма почтовъ князей показана „Пописомъ“ 1567 года: 1162 коня и 489 драбовъ. Далѣе отдѣльно идутъ князья Друцкіе и Лукомскіе (князь Тимоѳей Соколенскій; князь Павелъ Соколинскій; князь Богданъ Соколинскій; князь Андрейянъ Соколинскій; князь Богданъ Озерицкій; панъ Сопега, воеводичъ Подляшскій съ имѣній по женѣ; панъ Малхеръ Носиловскій съ имѣнія по женѣ; панъ Григорей Подбережскій со своего имѣнія Подберезья и съ Зеремца). Всего князья Лукомскіе („зо всихъ именей и приселковъ своихъ“) ставятъ 67 коней и 34 драба. Сумма почтовъ князей Друцкихъ и Лукомскихъ: 134 коня и 68 драбовъ. Далѣе идутъ „князи Кгедройтскіе“. Послѣ этого заголовка стоитъ: „въ повѣте Виленскомъ, але писалися и становилися особливе повѣту Виленского“. Тутъ рядъ лицъ (не князей; послѣдній — „князь Миколай Мицко — самъ служить князю бискупу Виленскому, з ымѣнья своего з Кгедройтского выслалъ слугъ и ставилъ кони 2 збройно . . . ., слузе имя Щастный“). Сумма почтовъ съ земель князей Гедройтскихъ: „коней 114, межи которыми пѣшый 1, а драбовъ 22“. Далѣе идутъ въ „Пописъ“ 1567 года „почты паницкіе“. Тутъ названы слѣдующіе паны: 1) панъ Беняшъ Воловичъ, державца Воложинскій, 2) панъ Миколай Юрьевичъ Волчковичъ, 3) панъ Станиславъ Скиндеръ, 4) Янъ и Станиславъ Яновичи Зеновьевичи, 5) пани Онинкеевая Горностаевая, пани Богдана Хребтовна, 6) панъ Василей Хребтовичъ, 7) панъ Станиславъ Сологубъ, подкоморій Минскій, 8) панъ Лукашъ Сологубъ, 9) пани Петровая Хребтовичова Настасья, княжна Чорторыйская, 10) панъ Жигимонтъ Сологубъ (самъ служитъ пану воеводѣ Виленскому),

пиковъ земскихъ и дворныхъ, пановъ и князей обоихъ видовъ записей и предполагать, что имена ихъ были одни и тѣ же въ спискахъ адресатовъ господарскихъ листовъ, и предсеймовыхъ, и военныхъ. Земская военная служба въ повѣтовомъ строѣ напоминала о прежнемъ особомъ отъ

---

11) панъ Иванъ Горностай, воеводичъ Новгородскій, 12) пани Мартиновая Петьковича Олена Венславовна Сирутевна, 13) пани Ивановая Хребтовичовая Магдалена Скумивовна, 14) панъ Янъ Сологубъ (самъ служитъ князю воеводѣ Троцкому), 15) панъ Станиславъ Миколаевичъ Ондрошевичъ, сынъ конюшія дворнаго, 16) панъ Ленартъ Яновичъ Клочко, 17) панъ Малхеръ Завиша, 18) панъ Миколай Скиндеръ, 19) панъ Малхеръ Сновскій, судья Новгородскій, и панъ Иванъ Есманъ съ опеки „именей небожчика пана Станислава Глебовича, которые дети и именья они въ опеце своей держать, съ тыхъ имѣней ставили почотъ", 20) панъ Богданъ Ѳеодоровичъ Сопега, 21) пани Яновая Комаевская, маршалковая господарская, старостиная Ковенская, пани Крыстина Глѣбовна, 22) пани Станиславовая Кмитиная, дочка пани Комаевской, 23) панъ Миколай Волскій, державца Ожскій и Переломскій, 24) панъ Филипъ Шимковичъ, 25) панъ Миколай Лысаковскій, каштелянъ Лысаковскій „з ымѣней, которые по смерти жоны свое, кнегини Богдановое Соломирецкое въ опеце своей держить", 26) панъ Матей Клочко Подоройскій, 27) панъ Каспоръ Юрьевичъ Сологубъ, 28) панъ Иванъ Ивановичъ Лядскій, лѣсничій Подляшскій, 29) панъ Миколай Павловичъ Юндилъ, 30) панъ Малхеръ Юндилъ, 31) пани Григорьевая Остиковая, пани Ядвига Носиловская, 32) панъ Андрей Матеевичъ Юндилъ, 33) панъ Ярошъ Синявскій, подкоморій Каменецкій, 34) панъ Иванъ Александровичъ Солтанъ, державца Острынскій, 35) панъ Миколай Синявскій, воеводичъ Русскій, староста Стрійскій „з ымѣней своихъ" (въ повѣтахъ Браславскомъ и Городенскомъ), 36) панъ Михалъ Дялынскій „з ымѣней малжонки своее, кнегини бывшое Пронское", 37) панъ Малхеръ Космовскій, подкоморій Кіевскій, 38) панъ Богданъ Павловичъ Сопега, воеводичъ Новгородскій, 39) панъ Миколай Юрьевичъ Зеновьевича, 40) панъ Станиславъ Юрьевичъ Зеновьевича, 41) панъ Григорей Остикъ, 42) панъ Остафей Ивановичъ Горностай, воеводичъ Новгородскій, 43) панъ Станиславъ Немира, 44) панъ Станиславъ Яновичъ Клочко, 45) панъ Войтехъ Войтеховичъ Нарбутъ, 46) панъ Павелъ Сновскій, 47) панъ Станиславъ Миколаевичъ Нарбутъ, воеводичъ Подляшскій, 48) панъ Матушъ Нарбутъ, 49) панъ Размусъ Довгирдъ, „судья земли Троцкое", 50) пани Миколаевая Остиковая Ганна, княжна Любецкая, 51) панъ Юрій Ильиничъ, „кграбя на Миру, самъ будучи на службе цесара хрестьянского, через служебника своего Павла Кавечинского а другого Мокгильницкого оказалъ почту з ымѣней своихъ, то есть — з Мира въ повѣте Новгородскомъ . . .", 52) панъ Доменикъ Пацъ, подкоморій Берестейскій, 53) панъ Янъ Глѣбовичъ, воеводичъ Виленскій. „Сумою всихъ почтовъ панецкихъ вышей описаныхъ" — 1243 коня и 699 драбовъ.

рядовой шляхты положеніи стоявшихъ надъ нею князей, пановъ и урядниковъ земскихъ и дворныхъ, сохранивъ за ними право выставлять свои почты отдѣльно отъ шляхетскихъ повѣтовъ. Такимъ же воспоминаніемъ стараго значенія этихъ лицъ было и полученіе ими особыхъ отъ повѣта господарскихъ листовъ передъ сеймами и предсеймовыми сеймиками. Естественно думать, что въ спискахъ отдѣльныхъ лицъ, получающихъ лично военные и сеймовые листы, должны были стоять одни и тѣ же имена. Но эти лица и даже цѣлые ихъ роды не могли въ такихъ спискахъ оставаться постоянно. Уряды отъ однихъ лицъ переходили къ другимъ; княжескіе и панскіе роды мельчали, и ихъ представители нерѣдко сливались съ повѣтовою шляхтою всецѣло [1]); съ другой стороны, въ рядахъ самой повѣтовой шляхты, теперь обладавшей равнымъ съ ними панствомъ, выдѣлялись экономически сильныя лица и фамиліи, которыя оказывались въ дѣйствительности такими же „можными“ или даже еще „можнѣе“ представителей старыхъ княжескихъ и панскихъ родовъ. „Старина“ должна была сталкиваться съ дѣйствительностью, и долженъ былъ требоваться время отъ времени пересмотръ списковъ лицъ, которыя сохраняли почетное право личнаго обращенія къ нимъ господаря съ приглашеніемъ исполнить ихъ обще-шляхетскую обязанность по отправленію военной земской службы или по сеймикованью. Такимъ пересмотромъ сразу послѣ реформы 1565—1566 годовъ мы склонны считать списокъ адресатовъ для господарскихъ листовъ, внесенный безъ всякой связи съ предыдущими и послѣдующими записями книги въ IX-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской [2]). Вотъ этотъ списокъ —

1) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 255—266.

2) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. л. 160—163. Передъ этою записью въ книгѣ находится „Листъ до враду замку Новгородского о неслушномъ суженью князя Лукаша Болеславовича Свирского съ паномъ Миколаемъ Служкою и малжонкою его о некоторые шкоды“, датированный 5 января 1569 года (л. л. 157—159 об.). Послѣ нашего списка въ книгѣ находится текстъ листа „До старосты Городеньского о сланю овса и сена до Кнышына“ подъ датою 14 января 1569 года (л. л. 163—164). Далѣе слѣдуютъ также записи документовъ 1569 года.

„Тытулы пановъ радъ ихъ милости.

Князю Валерыяну, бискупу Виленскому.

Князю Юрю Юревичу Слуцкому.

Князю Викторыну Вербицъкому, бискупу Луцкому.

Князю Юрю Петькевичу, бискупу Жомоитъскому.

Князю Миколаю Пацу, бискупу Кіевъскому.

Воеводе Виленскому, канцлеру Великого Князства Литовского, старосте Мозырскому, Лидъскому, Борысовскому, пану Миколаю Радивилу.

Пану Виленъскому, гетману навышшому Великого Князства Литовского, старосте Городенскому и Могилевъскому, пану Грыгорю Александровичу Ходкевича.

Воеводе Троцкому, князю Стефану Андреевичу Збаразъскому.

Пану Троцкому, старосте Белскому, пану Юрю Александровичу Ходкевича.

Старосте Жомоитъскому, маршалъку земъскому Великого Князства Литовъского, администратору и гетману земъли Ифлянтское, старосте Ковенскому, державцы Плотелскому и Телшовъскому, пану Яну Ходкевичу.

Воеводе Кіевскому, маршалъку земъли Волынское, старосте Володимерскому, князю [Костентину] Костенътиновичу Острозъскому.

Воеводе земъли Волынское, князю Александру Федоровичу Чорторыскому.

Воеводе Новъгородъскому, пану Павлу Ивановичу Сопезе.

Воеводе Витебъскому, пану Станиславу Пацу.

Воеводе Подляскому, старосте Менскому и Пинскому, державцы Лысковскому, Межырецкому и Яинъскому, пану Василю Тишъкевичу.

Воеводе Берестейскому, державцы Волковыскому, пану Юрю Василевичу Тишкевичу.

Воеводе Браславскому, старосте Жытомерскому и Речыцкому, князю Роману Федоровичу Санкгушъку.

Воеводе Мстиславъскому, старосте Браславскому, пану Юрю Остику.

Воеводе Менскому, державцы Каменецкому, пану Гаврылу Горностаю.

Старосте Луцкому, Браславъскому и Веницкому, князю Богушу Федоровичу Корецкому.

Кашталяны.

Кашталяну Кіевъскому, старосте Любецкому, пану Павлу Ивановичу Сопезе.

Кашталяну Луцкому, князю Андрею Ивановичу Вишневецкому.

Кашталяну Подъляшъскому, пану Грыгорю Трызьне.

Кашталяну Берестейскому, державцы Трабъскому и Красноселскому, пану Яну Миколаевичу Гайку.

Кашталяну Браславъскому, ...[1]).

Кашталяну земли Полоцкое, старосте Лепълскому, Чычерскому и Пропойскому, пану Юрю Зиновoвичу.

Кашталяну земъли Жомонтъское, тивуну волости Бержынское, пану Малхеру Шемету.

Кашталяну Новъгородскому, старосте Слонимскому, пану Грыгорю Воловичу.

Кашталяну Витебъскому, державцы Дорсунишскому[2]), пану Павлу Пацу.

Кашталяну и старосте Мъстиславскому, князю Ивану Соломприцкому.

Кашталяну Менскому, старосте Дынемборскому, пану Миколаю Тальвошу.

Подканцлерому Великого Князства Литовского, маршалъку дворному, старосте Берестейскому и Кобрынскому, пану Остафею Воловичу.

Подскарбему земъскому Великого Князства Литовского, писару нашому, державцы Марковъскому, Мяделскому, Ушполскому и Пенянскому, пану Миколаю Нарушевичу.

Врадники земъскіе и дворные.

Подчашому Великого Князства Литовъского, старосте Дорогицкому, пану Миколаю Кишце Техоновъскому.

Крайчому нашому Великого Князства Литовского, пану Крыштофу Радивилу.

---

1) Въ оригиналѣ чистое мѣсто.

2) Въ оригиналѣ: „Дорсулинскому“.

Стольнику нашому Великого Князства Литовского, [державцы] Веленскому и Бойсакголскому, тивуну Кгондынъскому, пану Миколаю Дорогостайскому.

Подскарбему дворному, писару нашому, державцы Квасовъскому, Красницкому и Индурскому, пану Лаврыну Войне.

Мечному нашому Великого Князства Литовского, . . . [1]).

Чашнику нашому Великого Князства Литовского, державцы Скерстомонскому и Росенскому, пану Матею Петьковичу.

Хоружому земъскому Великого Князства Литовского . . .[2]).

Хоружому дворному Великого Князства Литовского . . .[3]).

Маршалки.

До пана Шымъковича.
До пана Петра Загоровъского.
До пана Миколая Сопеги.
До пана Островицкого.
До пана Ивана Воловича.
До пана Яна Волъч[к]а.
До князя Ярослава.
До пана Владыки.
До пана Каленицкого.
До пана Ела.
До пана Адама Косинского.
До пана Олизара Кирдея [4]) Мылского.
До князя Лукаша Свирского.
До князя Януша Свирского.
До пана Малхера Сновъского.
До пана Василья Загоровъского.
До пана Александра Вагановъского.
До князя Пузыны.

До старостъ и державецъ.

До старосты Мелницкого и Мѣстибоговъского.
До князя Кропынского, подъкоморого Браславского.

1) Въ оригиналѣ чистое мѣсто.
2) Также.
3) Также.
4) Въ оригиналѣ: „кирделя".

До старосты Кремяницкого.
До державцы Ясвеньского.
До тивуна Виленского.
До тивуна Троцкого.
До державцы Любошанского.

До Жомонти.

До тивуна Шовъдовъского.
До тивуна Вешъвенского.
До тивуна Ужъвенского.
До тивуна Поюрского.
До тивуна Тверского.
До тивуна Ретовъского.
До тивуна Ойракголского.
До тивуна Берженского.
До тивуна Бержынянского.
До тивуна Дирвяньского.
До тивуна Дирвянъского.
До тивуна Кгондынского.
До тивуна Коршовъского.

Поветы.

Виленскій, Ошъменскій, Вилкомерскій, Браславъскій, Троцкій, Городенскій, Ковенскій, Лидскій, Упитъскій, Кіевъскій, Мозырскій, Луцкій, Володимерскій, Кремяницкій, Новъгородскій, Слонимъскій, Волковыскій, Витебъскій, Оршанъскій, Дорогицкій, Мелницъкій, Белскій, Берестейскій, Пинскій, Мъстиславскій, Браславскій - Веницкій, Менскій, Речыцкій [1]).

До княжатъ и панятъ.

До князей Санкгушъковичовъ.
До князей Ружынскихъ.
До князей Збаражъскихъ.

---

1) Въ оригиналѣ этотъ списокъ повѣтовъ написанъ такимъ образомъ: слова „виленскій" и „ошъменскій" написаны каждое на отдѣльной строкѣ, имена остальныхъ повѣтовъ написаны сплошь на нѣсколькихъ строкахъ, причемъ слова другъ отъ друга отдѣлены вертикальными чертами.

До князей Вишневецькихъ.
До князей Четвертинъскихъ.
До князей Друцкихъ.
До князей Соколинскихъ.
До князей Лукомъскихъ.
До князей Масальскихъ.
До князей Деречынскихъ.
До всихъ пановъ Хребътовичовъ.
До въсихъ пановъ Шеметовъ.
До пановъ Сологубовъ.
До пановъ Нарбутовъ[1]).

До вдовъ.

До пани воеводиное Витебъское.
До старостиное Ковенское".

Составленіе настоящаго списка въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго нужно датировать 1569-мъ годомъ, но до заключенія Люблинской Уніи. Основаніемъ для этого является изученіе состава лицъ, имъ обозначенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, мы имѣемъ въ этомъ спискѣ названнымъ дворнымъ подскарбіемъ Великаго Княжества Литовскаго пана Лаврина Войну, получившаго этотъ урядъ 19 января 1569 года[2]), а съ другой — въ числѣ урядниковъ Княжества обозначены воеводы и каштеляны воеводствъ, оторванныхъ на Люблинскомъ сеймѣ къ Польшѣ. Къ этому можетъ быть добавлено

---

1) Между строками, занятыми этими словами, и строкой со словами „до пановъ сологубовъ" въ оригиналѣ находятся двѣ строки еще. На одной изъ нихъ написано: „до князей полтевовъ"; на другой — „до князей горскихъ." Но эти двѣ строки написаны другими, болѣе блѣдными чернилами и почеркомъ, явно поддѣлывающимся подъ почеркъ, которымъ писана вся запись. Это заставило насъ опустить эти двѣ строки въ текстѣ.

2) См. J. Wolff. Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 191. См. выписку изъ привилея Лаврину Войнѣ на подскарбство и дату этого привилея у М. К. Любавскаго — Литовско-Русскій сеймъ, стр. 341.

и то, что въ IX-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики настоящій списокъ находится между записями самаго начала 1569 года[1]). Наконецъ, его составленіе представляется особенно своевременнымъ въ началѣ 1569 года и потому, что въ это время Литовско-Русское государство, приступая къ рѣшительнымъ переговорамъ съ Польшею объ Уніи, должно было стараться опредѣленнѣе обозначить свой строй и внутренніе порядки, которые оно отстаивало въ этихъ переговорахъ. Въ виду этихъ соображеній мы и рѣшились бы считать приведенный выше списокъ спискомъ адресатовъ, которымъ должны были разсылаться и господарскіе листы передъ повѣтовыми предсеймовыми сеймиками.

Обратимся теперь къ изученію господарскаго посольства на предсеймовые повѣтовые сеймики. Мы должны разсмотрѣть составъ господарскихъ пословъ и документы, которые для нихъ изготовлялись въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго.

На сеймики передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года въ Литовско-Русскіе повѣты были отправлены господарскими послами слѣдующія лица: въ Минскій повѣтъ — панъ Станиславъ Сологубъ, въ Новгородскій — панъ Головня, въ Слонимскій — панъ Нарбутъ, въ Оршанскій — Стравинскій, въ Витебскій — князь Павелъ Соколенскій, въ Мстиславскій — панъ Суходолскій, въ Лидскій — князь Янъ Болко, въ Кіевскій — Ѳеодоръ Балакиръ, въ Троцкій — панъ Андрей Держко, въ землю Полоцкую — князь Балтазаръ Лукомскій, въ Городенскій повѣтъ — панъ Иванъ Воловичъ, въ Браславскій и Вѣницкій — Андрей Садовскій, въ Упитскій — князь Крошинскій, въ Ковенскій — Дявилтовскій, во Владимірскій — панъ Загоровскій, въ Вилькомирскій — Иванъ Евтикъ, въ Виленскій — листы взялъ панъ подскарбій[2]), въ Ошменскій —Агрипа, въ Луцкій — панъ Иванъ Чапличъ, въ Волковыйскій — хоружій Пукшта[3]), въ Браслав-

---

1) См. выше, стр. 340, прим. 2.

2) Т. е., конечно, подскарбій земскій.

3) Въ оригиналѣ стоитъ: „Шумшта“. Эта описка не исправлена въ изданіи Н. А. Максимейка (Сеймы Литовско-Русскаго государства, Приложенія, стр. 155). Читать, конечно, нужно „Пукшта“. Именно его называетъ Волковыйскимъ хоружимъ „Списанье поветовъ Великого

скій — князь Андрей Масальскій, въ Кремянецкій — Олекшѣй Белецкій, въ Дорогицкій — панъ Матысъ Савицкій, въ Мельницкій — панъ Суходольскій, референдарь. Повѣты Бѣльскій и Пинскій названы въ этомъ спискѣ, но не названы послы, которые въ нихъ отправляются. Надо думать, что и слова этой записи „до повету Виленского панъ подскарбій самъ листы взялъ“ нужно понимать не какъ обозначеніе земскаго подскарбія[1]), пана Остафія Воловича, посломъ на Виленскій повѣтовый сеймикъ, а какъ указаніе на то, что онъ взялъ съ собою посольскіе документы, чтобы передать ихъ затѣмъ лицу, которому поручитъ это посольство: его положеніе раднаго пана едва ли легко совмѣстимо съ назначеніемъ господарскимъ посломъ на сеймикъ, хотя бы и первый послѣ утвержденія этого вида шляхетскихъ собраній, притомъ собирающійся въ „столечномъ мѣстѣ“ Великаго Княжества Литовскаго. Въ этомъ спискѣ имѣемъ лишь двадцать шесть вмѣсто тридцати Литовско-Русскихъ повѣтовъ[2]), что указываетъ на нѣкоторую неполноту этого списка.

Послами на предсеймовые повѣтовые сеймики, созванные на 3 ноября 1566 года, были: въ Оршанскій повѣтъ — панъ Андрей Пугачъ, въ Минскій — панъ Мартинъ Володковичъ, въ Новгородскій — панъ Ѳеодоръ Юрята, въ Бѣльскій — панъ Криковичъ, въ Слонимскій — панъ Михайло Воловичъ, въ Дорогицкій — панъ Суходольскій, референдаръ, въ Витебскій — князь Павелъ Соколенскій, въ Мстиславскій — Богушъ Олексѣевичъ, въ Мельницкій — Александръ Гинда, въ Луцкій — панъ Иванъ Чапличъ, въ Кремянецкій — панъ Иванъ Патрикей, во Владимірскій — панъ Семашко, въ Мозырскій — Ѳеодоръ Балакиръ, въ Кіевскій — Ѳеодоръ Тиша, въ Пинскій — Степанъ Григоревичъ, въ Городенскій — панъ Иванъ Макаровичъ, въ Ковенскій — панъ Млечко, въ Ошменскій — панъ Миколай Конча, въ Упитскій — князь Крошинскій, въ повѣтъ Браславля Литовскаго —

Князства Литовского и врядниковъ въ нихъ“, находящееся на л. л. 197 об. — 203 об. книги VII Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики (издано М. К. Любавскимъ — Литовско-Русскій сеймъ, Приложенія, № 79).

1) Урядъ дворнаго подскарбія былъ въ это время вакантенъ. См. J. Wolff, Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 191.

2) Пропущены: земля Жомоитская, повѣты Мозырскій, Берестейскій и Рѣчицкій.

панъ Иванъ Баса, въ Лидскій — панъ Волчко, маршалокъ [1]), въ Виленскій — князь Янъ или князь Лукашъ Болько, въ Троцкій — панъ Завиша или панъ Держко. Въ повѣтъ Браславскій долженъ выбрать посла Браславскій воевода, въ землю Жомоитскую его выбираетъ Жомоитскій староста. Что касается земли Полоцкой, то „до пана Полоцкого послана справа соймовая", т. е. Полоцкому каштеляну, управлявшему этою землею во время пребыванія ея воеводы въ Московскомъ плѣну, были посланы цѣликомъ всѣ документы для его повѣта передъ предстоящими сеймиками, и онъ самъ долженъ былъ на мѣстѣ распорядиться какъ ихъ разборомъ, опубликованіемъ и доставкою, такъ и назначеніемъ господарскаго посла на сеймикъ Полоцкаго повѣта. И этотъ списокъ повѣтовъ и пословъ на ихъ сеймики не можетъ быть признанъ полнымъ. Пропущены опять четыре повѣта [2]), какъ и въ предыдущемъ.

Слѣдующимъ спискомъ господарскихъ пословъ, находящимся въ нашемъ распоряженіи, является ихъ перечень въ актахъ по созыву повѣтовыхъ сеймиковъ передъ Воиньскимъ съѣздомъ 1568 года, съ котораго представители Великаго Княжества Литовскаго должны были отправиться на Люблинскій сеймъ 1568—1569 годовъ. Въ этомъ спискѣ названы слѣдующія лица какъ господарскіе послы на сеймики: въ Виленскій повѣтъ — Миколай Корнзна, каноникъ Виленскій, въ Троцкій — князь Петръ Жижемскій, въ Кіевскій — Лазаръ Иваницкій, въ Ковенскій — Янъ Млечко, писарь земскій Ковенскій, въ Упитскій — князь Кропинскій, въ Дорогицкій — Себестьянъ Суходольскій, въ Бѣльскій — Каспоръ Ирииковичъ, подкоморій Мельницкій, въ Берестейскій — Адамъ Патей, писарь земскій Берестейскій, въ Городенскій — Юрій Быковскій, въ Мозырскій — Ѳеодоръ Балакиръ, писарь земскій Мозырскій, въ Луцкій — панъ Александръ Семашко, подкоморій Владимірскій, въ Волковыйскій — Василей Дюка, въ землю Жомоитскую — Войтехъ Дявилтовскій, въ Слоnимскій повѣтъ — Иванъ Есманъ, въ Мельницкій — Нетецкій, въ Пинскій — мостовничій

1) Т. е. маршалокъ Лидскій Янъ Волчекъ. См. „Списанье поветовъ Великого Князства Литовского и врядниковъ въ нихъ".

2) Повѣты Вилькомирскій, Волковыйскій, Берестейскій и Рѣчицкій.

Степанъ [1]), въ Рѣчицкій — Ѳеодоръ Солтанъ, въ землю Полоцкую — князь Богданъ Соколинскій, въ повѣтъ Браславля Подольскаго — Василей Коледа, въ Минскій повѣтъ — Давыдъ Есманъ, въ Оршанскій — Богушъ Селицкій, ротмистръ Оршанскій, въ Мстиславскій — Бобоѣдъ, ротмистръ Мстиславскій, въ Новгородскій — Богушъ Овсяный, въ Витебскій — Тимоѳей Гурко. Этотъ списокъ повѣтовъ еще короче двухъ предыдущихъ. Въ немъ имѣемъ обозначенными лишь двадцать три повѣта вмѣсто тридцати, общаго числа повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго [2]).

Наконецъ, для сеймиковъ 1569 года Литовская Метрика сохранила слѣдующій списокъ господарскихъ пословъ: въ Городенскій повѣтъ — панъ Григорій Война, въ Слонимскій — князь Иванъ Полубенскій, въ землю Жомоитскую — Иванъ Илговскій, тивунъ Вешвенскій, въ Ковенскій повѣтъ — Борейша, писарь гродскій, въ Новгородскій — панъ Андрей или Головня, въ Минскій — Мартинъ Володковичъ [3]), въ Оршанскій — Воропай, писарь Оршанскій, въ Витебскій — Тимоѳей Гурко, въ Мстиславскій — городничій Радомскій, въ Пинскій — Курснецкій, въ Мозырскій — Балакиръ, писарь [4]), въ Рѣчицкій — панъ Богданъ Солтанъ, въ Кіевскій — Дѣвочка. Сверхъ того настоящая запись Литовской Метрики говоритъ, что въ Виленскій, Троцкій и Упитскій повѣты господарскихъ пословъ на сеймики выберетъ подскарбій земскій. Этотъ списокъ является самымъ короткимъ изъ приведенныхъ нами. Въ немъ обозначены всего шестнадцать повѣтовъ. Если выкинуть восемь повѣтовъ, оттор-

---

1) Т. е. мостовничій Пинскій. См. списокъ повѣтовыхъ бирчихъ, избранныхъ на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ — М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 692—693, прим. 391.

2) Пропущены повѣты: Ошменскій, Вилькомирскій, Браславскій, Лидскій, Владимірскій, Кремянецкій и Новгородскій.

3) Въ изданіи М. К. Любавскаго (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 221, послѣдняя строка) пропускъ. Послѣ словъ „листъ верущій послу" согласно съ оригиналомъ должно быть: „и инструкъцея; до хоружого дворного; до Марътина Володковича, абы посломъ былъ. Фастыкулъ листовъ до враду Оршаньского — въ которомъ листъ до обователей того повету, листъ верущій послу, инструкцыя, листъ до князей Лукомъскихъ, листъ до писара Оршаньского Воропая, абы посломъ былъ".

4) Т. е. земскій писарь Мозырскій. См. выше.

гнутыхъ на Люблинскомъ сеймѣ къ Польшѣ [1]), то и въ такомъ случаѣ не хватаетъ шести до полнаго числа повѣтовъ, оставшихся въ составѣ Великаго Княжества Литовскаго [2]). Однако повѣтъ Кіевскій названъ въ этомъ перечнѣ, и этимъ отнимается возможность, по крайней мѣрѣ, полнаго принятія предположенія о совершенно сознательномъ пропускѣ составителями или переписчикомъ этого списка оторванныхъ къ Польшѣ повѣтовъ.

Несмотря на свою неполноту, приведенные списки господарскихъ пословъ на предсеймовые сеймики въ первые годы ихъ существованія позволяютъ сдѣлать нѣсколько выводовъ для характеристики состава этихъ пословъ и способовъ ихъ назначенія. Лица, отправлявшіяся господарскими послами на повѣтовые сеймики, какъ показываютъ ихъ списки, были людьми, которые по своему общественному положенію стояли выше шляхетской массы повѣтовъ. Въ числѣ этихъ лицъ встрѣчаемъ не только представителей довольно видныхъ княжескихъ и панскихъ домовъ, какъ Соколинскихъ, Крошинскихъ, Воловичей, Сологубовъ, но и крупныхъ урядниковъ, какъ подкоморіевъ и даже маршалковъ. Господарскими послами въ повѣты разсматриваемые списки называютъ и повѣтовыхъ урядниковъ соотвѣтствующихъ повѣтовъ, которые, какъ и многіе другіе изъ названныхъ списками господарскихъ пословъ, должны были присутствовать на этихъ сеймикахъ въ качествѣ членовъ тѣхъ самыхъ шляхетскихъ повѣтовъ, въ сеймиковыя собранія которыхъ они являлись съ господарскимъ посольствомъ. Такимъ образомъ, на рядѣ сеймиковъ господарскіе послы являлись съ двоякимъ значеніемъ: господарскаго представителя и члена шляхетской корпораціи повѣта. Не исключена была возможность назначенія господарскимъ посломъ на повѣтовый сеймикъ и для духовныхъ лицъ: въ числѣ пословъ мы видѣли выше Виленскаго каноника Миколая Коризну.

Продолжая дальше наши наблюденія надъ четырьмя списками господарскихъ пословъ, мы отмѣчаемъ повторяемость порученій посольства однимъ и тѣмъ же лицамъ,

1) См. выше, стр. 76.

2) Пропущены повѣты: Ошменскій, Лидскій, Вилькомирскій, Браславскій, Полоцкій, Волковыйскій и Берестейскій.

рядомъ со смѣною другихъ пословъ. Такъ, князь Крошинскій былъ отправленъ въ качествѣ господарскаго посла на Упитскій сеймикъ трехъ слѣдующихъ одинъ за другимъ созывовъ; панъ Млечко, Иванъ Чапличъ, князь Павелъ Соколинскій и Тимоѳей Гурко по два раза подрядъ выступали господарскими послами на сеймикахъ однихъ и тѣхъ же повѣтовъ. Ѳеодоръ Балакиръ, земскій писарь Мозырскій, весною 1566 года былъ господарскимъ посломъ на Кіевскомъ сеймикѣ, а 3 ноября 1566 года, 28 марта 1568 года и 10 мая 1569 года — на сеймикѣ Мозырскомъ. Уже этихъ примѣровъ, а списки ихъ даютъ еще больше, достаточно, чтобы подмѣтить наличность ряда лицъ, которыхъ центральная власть постоянно имѣла въ виду для исполненія обязанностей господарскихъ пословъ на предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймикахъ. Кромѣ того разсмотрѣнные списки обнаруживаютъ еще два явленія въ практикѣ назначенія господарскихъ пословъ на сеймики. Первое изъ нихъ — колебаніе центральной власти въ назначеніи господарскихъ пословъ. Примѣръ такого колебанія имѣемъ хотя бы въ спискѣ пословъ на ноябрьскіе сеймики 1566 года: посломъ въ Троцкій повѣтъ назначается или панъ Завиша, или панъ Держко. По тѣмъ или другимъ основаніямъ въ моментъ составленія списковъ пословъ вопросъ о послѣ на Троцкій сеймикъ рѣшенъ не былъ, и онъ долженъ былъ разрѣшиться уже нѣсколько позднѣе. На сеймики 1569 года пословъ въ нѣсколько повѣтовъ долженъ былъ еще выбрать земскій подскарбій, уже послѣ того, какъ былъ готовъ ихъ списокъ для другихъ повѣтовъ. Наконецъ, замѣчается и передача дѣла назначенія господарскихъ пословъ въ отдѣльныхъ случаяхъ властью центральною въ руки власти областной — мы видѣли выше рядъ примѣровъ, когда назначить господарскихъ пословъ поручалось соотвѣтствующимъ воеводамъ и старостѣ Жомоитскому. Какъ увидимъ ниже, постановка дѣла по отношенію къ выработкѣ текста инструкцій господарскимъ посламъ на сеймики и обнаруживаемая изученіемъ этихъ инструкцій тенденція ограниченія значенія личности пословъ дѣлали для центральной власти возможной безъ слишкомъ большихъ колебаній передачу права назначенія господарскихъ пословъ на сеймики въ руки власти областной, которая, стоя ближе къ повѣто-

вой шляхтѣ, могла тѣмъ скорѣе и, быть можетъ, удачнѣе подобрать подходящихъ лицъ для исполненія обязанностей господарскихъ пословъ своей мѣстности.

Теперь перейдемъ къ знакомству съ содержаніемъ инструкцій, которыя давались господарскимъ посламъ на предсеймовые повѣтовые сеймики эпохи до заключенія Люблинской Уніи. Названіе документовъ этого рода — „инструкція" или „наука" послу. Оба слова, латинское и русское, одно-значущи въ своемъ значеніи, и примѣненіе ихъ для обозначенія одного и того же вида документовъ встрѣчаемъ постоянно[1]). Иногда къ слову „наука" прибавляется языкомъ источниковъ слово „злецене", т. е. порученіе: напримѣръ, „наука и злецене з росказанья его кролевское милости поселъства на соймикъ поветовый Мелънипцкій".

Инструкціей господарскимъ посламъ на весенніе сеймики 1566 года предписывается господарскому послу, пріѣхавъ въ центръ повѣта, „на местъце, на часъ и день, тому соймику поветовому зложоный", прежде всего „ознаймити" панамъ-радѣ, которые тамъ будутъ, а также урядникамъ „земъскимъ и судовымъ того повету о посланьи своемъ" отъ господаря. Это посолъ, очевидно, долженъ сдѣлать еще до открытія сеймика. Когда всѣ сеймикующіе соберутся на мѣсто сеймикованья, посолъ „въ собранью всихъ становъ" долженъ передать отъ великаго князя панамъ-радѣ „ласкавое поздоровенье", а остальнымъ станамъ рыцарства, т. е.

1) Слово „наука" въ значеніи инструкціи или указанія хорошо извѣстно Литовско-Русскимъ актамъ и употребляется ими для обозначенія инструкцій и указаній не только оффиціальной власти, но и частныхъ лицъ. Такъ напримѣръ, въ одной записи Жомоитскаго земскаго суда читаемъ: „если з науки и з направы его, Балтромея, . . . о грабежъ, въ позве поменены, светчили?" (Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 150, № 706). Въ случаѣ затрудненій власти обращаются къ господарю, „просечы о науку" как имъ должно поступить (ср. А. Вил. XXIV, стр. 222). Какъ примѣръ употребленія слова „наука" въ общемъ значеніи инструкціи актами, исходящими отъ верховной власти, приведемъ хотя бы слѣдующій заголовокъ документа, внесеннаго въ книгу Литовской Метрики: „Наука его королевское милости маршалку г[о]с-[по]д[а]ръскому, князю Янушу Болеславовичу Свирскому, для выведаня о людехъ своволъныхъ, которые купъцовъ цесаря Турецкого погромили, посланому" (Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{9}$ л. л. 176—176 об. Дата: Люблинъ, 4 февраля 1569 года).

шляхты, „ласку его милости г[о]с[по]д[а]рскую“. При этомъ онъ представляетъ удостовѣреніе своего посольства, „листъ веручи его кролевъское милости“. Этимъ, очевидно, и открываются собраніе повѣтоваго сеймика и его занятія. Затѣмъ посолъ „преложити маеть,“ что великій князь на прошломъ Виленскомъ вальномъ сеймѣ „позволити рачилъ и соймики мевати допустилъ передъ вальнымъ соймомъ“. На настоящій сеймикъ посланъ господарскій посолъ[1]), какъ и на другіе повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго, по обычаю Короны Польской — вообще повѣтовые сеймики Княжества учреждены „звычаемъ Коруны Полское.“ Паны-рада и всѣ станы, говоритъ посолъ собравшимся, „намовивши“ на сеймикѣ между собою въ тѣхъ дѣлахъ, которыя сообщены имъ сеймовыми листами, должны послать на предстоящій въ Берестьѣ сеймъ двухъ пословъ „з достаточною и зупольною моцью ку становенью всихъ становъ потребъ земъскихъ“ въ томъ, что нужно государству для сохраненія его цѣлости и для защиты его отъ врага — объ этомъ господарь будетъ стараться всѣми силами. Если на сеймикѣ потребуютъ, „абы панъ посолъ взновилъ тое межи ними, што на листе соймовомъ естъ написано“, онъ долженъ это сдѣлать. Посолъ долженъ также напомнить сеймикующимъ объ учрежденіи новыхъ воеводствъ и каштелянствъ, а также урядовъ маршалковъ и подкоморіевъ повѣтовыхъ, и можетъ собравшимся на сеймикъ „обвестити“ имена лицъ, назначенныхъ на эти должности. Напомнитъ онъ также долженъ объ учрежденіи судебныхъ урядовъ въ повѣтахъ, о дарованіи Литовско-Русскимъ повѣтамъ вообще хоругвей подъ гербомъ Великаго Княжества Литовскаго и о дарованіи хоругви, въ частности, повѣту, на сеймикѣ котораго онъ говоритъ, съ описаніемъ этой хоругви, — всѣ, кто долженъ становиться въ военное время подъ повѣтовою хоругвью, обязаны собираться около своего хоружія, согласно новому статуту и его артикуламъ о войнѣ. Далѣе „особливе“ и „съ пилностью“ долженъ посолъ „навпоменути“ всѣ станы господарскимъ именемъ, какъ уже сообщено сеймовыми листами, о „ведомости“ отъ повѣтовыхъ бирчихъ и взносахъ поголовнаго податка — „яко великую суму вынесло“. Де-

1) Называется его имя.

негъ не хватитъ на уплату наемнымъ войскамъ; это знаетъ великій князь, сообразивъ цифры поголовнаго податка со своихъ имѣній. Между тѣмъ войска эти требуютъ уплаты. Поэтому, „намовивши з собою о томъ водле уфалы сойму прошлого Виленьского, выбравши ещче знову по половицы отъ перъвшого, тотъ податокъ поголовный кромъ всякого омешканя“ повѣтовые обыватели должны вносить бирчимъ. Съ тѣхъ, кто еще не выплатилъ перваго поголовнаго податка, великій князь прикажетъ взыскать его въ двойномъ размѣрѣ, согласно сеймовой уфалѣ. Кромѣ всего этого господарскому послу поручается „напоменути“ хоружихъ объ ихъ обѣщаніи представить списки тѣхъ, кто не бывалъ „на войнахъ минулыхъ“. Эти списки должны быть переданы настоящему господарскому послу для представленія на сеймъ вмѣстѣ съ именами невыплатившихъ серебщизну.

Таково содержаніе „науки“, данной господарскимъ посламъ на Литовско-Русскіе сеймики перваго ихъ созыва. Передъ нами начало новаго повѣтоваго строя Великаго Княжества Литовскаго — эта „наука“ ясно даетъ чувствовать значеніе реформъ 1565—1566 годовъ и вводитъ насъ въ ту обстановку, въ которой Литовско-Русская шляхта впервые собиралась на свои предсеймовые повѣтовые сеймики. Господарскій посолъ поясняетъ шляхтѣ отдѣльныя стороны повѣтовой реформы и подчеркиваетъ своимъ поясненіемъ то, что въ этой реформѣ особенно важно для самой шляхты и для государства. Указаніе посла на учрежденіе сеймиковъ по образцу Польши и на выборъ пословъ ихъ по тому же образцу вполнѣ умѣстно въ рѣчи представителя великаго князя на впервые собирающихся повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго. Вполнѣ умѣстно въ этой рѣчи и указаніе на учрежденіе новыхъ урядовъ въ повѣтахъ и на дарованіе послѣднимъ новыхъ повѣтовыхъ хоругвей. Все это подтверждается шляхтѣ повѣтовъ господарскими послами изустно послѣ уже опубликованныхъ о совершившихся реформахъ универсаловъ великаго князя. Увѣренность въ дѣйствительномъ осуществленіи такъ страстно ожидавшейся шляхтою реформы будетъ тѣмъ больше, что господарскій посолъ можетъ сообщить собравшейся на сеймикъ шляхтѣ о состоявшемся уже назначеніи господаремъ опредѣленныхъ лицъ на только что созданные новые повѣ-

товые уряды и можетъ къ тому же дать дополнительныя разъясненія на вопросы, которые могутъ быть къ нему обращены отъ шляхты по поводу совершившейся реформы.

Особому вниманію господарскаго посла его инструкція поручаетъ дѣло поступленія податковыхъ денегъ съ повѣта, такъ нужныхъ земскому скарбу Литовско-Русскаго государства въ это трудное время. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію предстоящаго сейма, въ „наукѣ“ не перечислены. Они считаются извѣстными собравшимся на сеймикъ, и господарскій посолъ, лишь въ случаѣ требованія сеймикующихъ, прочитаетъ на сеймикѣ текстъ сеймоваго листа, уже полученнаго раньше въ повѣтѣ. Такимъ образомъ, содержаніе „науки“ не повторяетъ содержанія сеймовыхъ листовъ. „Наука“ даетъ послу указанія — что̀ говорить и что̀ дѣлать ему на сеймикѣ, но не предназначается для прочтенія на немъ цѣликомъ. Посолъ сохраняетъ свободу своей рѣчи въ ея фразахъ и ихъ построеніи; ему данъ лишь своего рода конспектъ этой рѣчи и указанія для его образа дѣйствій и поведенія на сеймикѣ. Можно думать, что господарскій посолъ не былъ обязанъ и предъявлять кому либо въ повѣтѣ данную ему „науку“. Онъ долженъ предъявить лишь свой „листъ вѣрущій“, удостовѣреніе даннаго ему именемъ великаго князя порученія выступить посломъ господаря на созванномъ послѣднимъ повѣтовомъ сеймикѣ. „Наука“ является только руководствомъ для самого посла въ его дѣятельности, имѣя значеніе главнымъ образомъ для него лично, а потому, надо думать, и не подлежитъ обязательному оглашенію.

Обратимся теперь къ „наукамъ“-инструкціямъ, даннымъ господарскимъ посламъ на послѣдующіе предсеймовые сеймики, и постараемся отмѣтить развитіе этого вида сеймиковыхъ документовъ въ направленіи, которое выдвинули практика Литовско-Русскаго сеймикованья и ходъ политической жизни Великаго Княжества Литовскаго.

Содержаніе „науки“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики 3 ноября 1566 года слѣдующее. Пріѣхавши въ повѣтовый центръ, посолъ долженъ „поведити“ присутствующимъ панамъ-радѣ „ласкавое поздоровене“ отъ великаго князя, „а инымъ всимъ станомъ рыцерства“ — его господарскую „ласку“. При этомъ онъ отдаетъ „листъ верушчій“ отъ великаго князя. Затѣмъ посолъ „маетъ мовити“ о томъ,

что господарь назначилъ соймъ въ Берестьѣ „для взновенья и змоцненя“ уніи съ Польшею ради увеличенія средствъ борьбы съ Москвою. Это великій князь сдѣлалъ согласно просьбамъ повѣтовыхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго, принесеннымъ ему изъ земскаго войска, собравшагося подъ Витебскомъ, и на Виленскихъ соймахъ. Господарь работаетъ для этой уніи съ большими усиліями и трудомъ на частыхъ соймахъ Короны и Княжества, но до сихъ поръ для нея ничего еще не постановлено. Кромѣ того, на прошломъ Берестейскомъ соймѣ сдѣлано постановленіе и „о потужной вальце“ противъ великаго князя Московскаго. Господарь посылалъ за глейтомъ, т. е. за пропускнымъ листомъ для пословъ въ Москву. Это панамъ-радѣ извѣстно, „и вамъ“, обращается „наука“ къ повѣтовымъ обывателямъ, „вернымъ слугамъ и подъданымъ сво[и]мъ его кролевская [милость] ознаймить казать рачилъ“, что Московскій непріятель и теперь отправилъ пословъ великаго князя Литовскаго, не сдѣлавъ никакого постановленія, а такъ онъ поступаетъ уже дважды. Хотя онъ и обѣщалъ послать своихъ пословъ къ Сигизмунду Августу, но въ то же время, задержавъ пословъ послѣдняго, „на властной отчизне его милости г[о]с[по]д[а]рьской, на Усвяте“, построилъ замокъ, да строитъ свои замки и на другихъ мѣстахъ. Отсюда совершенно ясны его враждебныя намѣренія. Господарь ради нуждъ Великаго Княжества Литовскаго ѣдетъ въ его предѣлы, оставивъ дѣла Польши, и назначаетъ мѣсто и день для вальнаго Литовско-Русскаго сойма[1]). Этотъ соймъ назначается исключительно для одного дѣла: для постановленія „о потужной вальце“. Въ виду серьезности положенія и значенія этого дѣла для славы великаго князя и самихъ повѣтовыхъ обывателей, господарь, говоритъ „наука“, обращаясь къ соймикующимъ, „напоминати рачить васъ, верныхъ подданыхъ своихъ“, чтобы „о таковой войне мыслили“. Собравшись на соймикѣ, они должны выбрать „межи собою, водле порадку статутового, двухъ особъ бачныхъ“,

---

1) Названіе мѣста и обозначеніе дня опущены въ „наукѣ“ (въ оригиналѣ чистое мѣсто). Причина этого понятна: мѣсто сойма не было еще опредѣлено во время составленія текста инструкцій господарскимъ посламъ на ноябрьскіе соймики 1566 года (см. выше, стр. 320—321).

послать ихъ на вальный сеймъ и дать имъ „достаточную и зуполную моцъ ку намовамъ и становенью о таковой потужной войне“, такъ какъ великій князь, „вси речи отложивши, ни о чомъ иномъ, только о войне намовляти и становити на томъ сойме хочетъ“. Послѣднія слова, очевидно, имѣли цѣлью подготовить согласіе сеймика на выдачу его посламъ неограниченныхъ полномочій, которыхъ невозможно было добиться передъ сеймомъ, имѣющимъ въ числѣ своихъ дѣлъ обсужденіе Уніи. Послы должны быть отправлены на сеймъ повѣтовымъ сеймикомъ такіе, которые на него не опоздаютъ и которые бы на немъ „въ речи посполитой окромъ затрудненя справоватися вмели“, такъ какъ предстоящій сеймъ долженъ сдѣлать свое дѣло быстро.

Сравненіе текста этой „науки“ съ текстомъ „науки“ предыдущей отмѣчаетъ, во-первыхъ, начало сближенія его съ текстомъ сеймовыхъ листовъ и, во-вторыхъ, начало замѣны простого конспекта рѣчи господарскаго посла на сеймикѣ готовымъ текстомъ этой рѣчи, который долженъ просто читаться посломъ въ собраніи сеймикующихъ. Первое замѣчается въ той части „науки“, которая говоритъ о дѣйствіяхъ Московскаго царя, второе — въ словахъ „вашой“, „вамъ“, „васъ“, которыя постоянно встрѣчаются въ разсматриваемой инструкціи. Даже самое выраженіе „маеть мовити“, замѣняющее выраженіе „преложити маеть“, которое находимъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ предшествующей „науки“, говоритъ о томъ, что на ноябрьскомъ сеймикѣ 1566 года господарскій посолъ долженъ былъ дословно слѣдовать въ своей рѣчи данной ему инструкціи, а на весеннемъ сеймикѣ того же года онъ говорилъ самъ, лишь пользуясь своею „наукой“ какъ конспектомъ. Но, съ другой стороны, первое изъ сдѣланныхъ сейчасъ замѣчаній нѣсколько ослабляется тѣмъ, что „наука“ обходитъ молчаніемъ часть господарскихъ приказаній повѣту, которыя имѣются въ сеймовомъ листѣ. Запрещеніе другихъ съѣздовъ шляхты кромѣ сеймиковъ, опредѣленіе границъ повѣта и требованіе исполненія обязанности шляхты по земской военной службѣ отсутствуютъ въ „наукѣ“ на ноябрьскіе сеймики 1566 года. Такимъ образомъ, нѣсколько сближаясь съ текстомъ сеймоваго листа, разсматриваемая „наука“ беретъ изъ него въ себя то, что особенно важно для занятій предстоящаго сейма, стараясь именно

на этомъ сосредоточить вниманіе сеймикующихъ. Въ то же время въ ней уже замѣтно и стремленіе точно и по возможности дословно изложить рѣчь господарскаго посла, замѣняя, такимъ образомъ, его живое слово готовымъ текстомъ, составленнымъ въ государственной канцеляріи. Иными словами, уже при подготовкѣ предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ второго созыва замѣтно стремленіе сдѣлать господарскаго посла простымъ органомъ передачи готовой рѣчи, составленной центральною властью.

Текстъ инструкціи господарскимъ посламъ на весеннie сеймики 1568 года, передъ Городенскимъ сеймомъ, не встрѣтился намъ въ Литовской Метрикѣ. Неизвѣстенъ онъ и въ изданіи. Что же касается „науки" господарскимъ посламъ на ноябрьскіе сеймики 1568 года, передъ Воинськимъ съѣздомъ и Люблинскимъ сеймомъ, то она представляетъ существенный интересъ при изученіи развитія и выработки текста документовъ этого рода. Эта „наука" совершенно ясно раздѣляется на свои составныя части. Раздѣленіе это даже отмѣчается внѣшнимъ характеромъ ея записи въ книгу Литовской Метрики. Первая часть начинается выраженіемъ „напервей". За этимъ словомъ слѣдуетъ предписаніе господарскому послу, прибывъ въ повѣтовый центръ въ день и часъ, назначенные для сеймика, „поведити" отъ великаго князя „ласкавое поздоровене" панамъ-радѣ, которые будутъ на сеймикѣ, и „ласку его милости г[о]с[по]д[а]ръскую" всѣмъ другимъ станамъ-рыцарству, а затѣмъ представить свой „листъ верушчый". Сряду послѣ этой части начинается вторая словами — „потомъ посолъ будеть мовити: г[о]с[по]д[а]ръ король его милость рачылъ росказати вашей милости паномъ-радамъ и вамъ, рыцерству своему, поведити". Послѣ этихъ словъ начинается выписка изъ сеймоваго листа, которая тянется до словъ: „его королевская милость рачылъ росказати вашой милости паномъ-радамъ и вамъ, рыцерству своему, поведити". Съ этихъ словъ идетъ текстъ, котораго нѣтъ въ сеймовомъ листѣ. Со словъ „водле постановеня и зволеня"[1]) опять возобновляется текстъ сеймоваго листа, который продолжается, уже не прерываясь, до конца текста „науки". Сеймовый листъ вписанъ въ „науку" весь съ небольшими

1) Стр. 211, 8-я строка снизу въ изданіи М. К. Любавскаго.

редакціонными измѣненіями, обычными при перепискѣ старыхъ документовъ, и не имѣющими существеннаго значенія замѣнами одного слова равнозначущимъ другимъ, или нѣкоторыми пропусками. Какъ редакціонныя измѣненія должна быть отмѣчена, во-первыхъ, замѣна перваго лица, въ которомъ обращается въ сеймовомъ листѣ великій князь къ обывателямъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго, третьимъ, въ которомъ отъ его имени читаетъ свою „науку" господарскій посолъ на сеймикѣ. Соотвѣтственно этому измѣнены и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія: напр., „зложили есмо" на „его королевская милость рачылъ зложыти" и т. п. Далѣе, характеръ документа потребовалъ редакціонныхъ замѣнъ нѣкоторыхъ фразъ другими. Такъ, слова сеймоваго листа „и приказуемъ вамъ, ажъбы есте, до места нашого до Новагородка на часъ, соймикомъ поветовымъ назначоный, зъехавшися, людей бачныхъ и ростропныхъ, которые бы, со всякою учтивостью будучи при насъ г[о]с[по]д[а]ри, речи посполитой въ таковой великой важной потребе служити могли и умели, водлугъ статуту двухъ особъ, послами обравши, з моцью супольною отправили" — замѣнены словами: „и напоминати рачыть его королевская милость вашу милость пановъ-радъ и васъ рыцерство, верныхъ подданыхъ своихъ, жебы есте, межы собою водле порадъку статутового обравъшы двухъ особъ, людей бачныхъ и ростропъныхъ, которые бы, со въсякою учтивостью будучы пры его королевской милости. речы посполитой въ таковой великой важъной потребе служыти могли-умели, з моцю зуполную отъправили". Характеръ сеймоваго листа потребовалъ и добавленія въ немъ заключительныхъ словъ: „яко черезъ посла нашого на томъ соймику поветовомъ о томъ вамъ отъ насъ достаточне преложоно будеть". Имѣются и другія подобнаго же рода отличія одного изъ разсматриваемыхъ документовъ отъ другого[1]). Примѣры замѣны одного равнозначущаго слова другимъ: замѣна слова „становенья" (сеймовый листъ) словомъ „постановеня" (наука), слова „тамошнего" (сеймовый листъ) словомъ „тутошънего" (наука) и т. д.

---

1) Такъ напр., ср. отъ словъ „будучи намъ" сеймоваго листа (7-я строка снизу на стр. 207 въ изданіи М. К. Любавскаго) съ текстомъ „науки" отъ словъ „што перво сего" (4-я строка снизу на стр. 209) по изданію того же ученаго.

Нельзя не указать, что лицо, писавшее IX-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской, въ которой сохранилась разсматриваемая „наука", различило части, на которыя послѣдняя распадается, и отмѣтило ихъ не только тѣмъ, что строки приведенныхъ выше трехъ вступительныхъ мѣстъ къ этимъ частямъ писало болѣе короткими строками (въ видѣ заголовковъ), чѣмъ остальной текстъ, но и чистыми мѣстами, оставленными тамъ, гдѣ кончается большинство этихъ частей [1]). Содержаніе той части „науки", которой нѣтъ совсѣмъ въ сеймовомъ листѣ, слѣдующее. Хотя великій князь видитъ и „ласкаве" принимаетъ отъ пановъ-рады и всѣхъ становъ своего рыцарства [2]) и „прыкладаеть ся" самъ немалыми податками и „нелитованемъ" своихъ крови и здоровья противъ Московскаго врага „и надъ повинность свою чынити досыть", но этотъ врагъ усиливаетъ свои враждебныя дѣйствія. Поэтому, желая „способомъ болшымъ противъ тому непрыятелю войну вести", господарь хотѣлъ бы, чтобы „большый посилокъ, а зъ меншимъ накладомъ" обывателей Княжества „быти могъ". Это можетъ осуществиться, благодаря уніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, когда „одностайною а сполною рукою" будетъ дѣлаться „отъпоръ" этому непріятелю. „А то не только противъ тому непрыятелю, але и противъ кажъдому, у многихъ речахъ немало пожытъку речы посполитое прыняти можеть, кгдыжъ зъгода а милость межы кажъдыми панствы особливого добра прымножене чынить", — прибавляетъ „наука". Эти слова, вставленныя въ „науку", являются мотивировкою того, что назначено главнымъ дѣломъ предстоящаго сейма. Указаніе на увеличеніе силъ для защиты Великаго Княжества Литовскаго отъ внѣшнихъ враговъ, очевидно, должно быть сдѣлано на сеймикѣ отъ имени великаго князя господарскимъ посломъ для того, чтобы рѣшительнѣе, чѣмъ сеймовые

---

1) Эти чистыя мѣста находятся передъ словами: 1) „его королевская милость рачылъ росказати вашой милости паномъ радамъ и вамъ рыцерству своему поведити" (л. 133), 2) „для того его королевская милость водле постановеня и зволеня" (л. 133 об.), 3) „бо ачъ водлугъ постановеня сойму Городенского" (л. 134), 4) „и напоминати рачыть его королевская милость вашу милость" (л. 134).

2) „Наука" обращается къ собравшимся на сеймикѣ и говоритъ: „отъ вашое милости пановъ радъ и ото всихъ становъ рыцерства своего".

листы, повліять на настроеніе повѣтовой шляхты и болѣе склонить ее къ дѣлу заключенія Уніи.

Итакъ, 1) въ „наукѣ“ на ноябрьскіе предсеймовые сеймики 1568 года имѣемъ готовую рѣчь для господарскаго посла въ ея полномъ текстѣ; 2) содержаніе этой „науки“ совпадаетъ съ содержаніемъ сеймовыхъ листовъ, уже сообщенныхъ передъ сеймиками въ повѣты; къ тексту „науки“, по сравненію съ текстомъ этихъ листовъ, добавлена лишь мотивировка предполагаемаго главнаго постановленія предстоящаго сейма, въ проведеніи котораго особенно заинтересована въ данное время центральная власть Великаго Княжества Литовскаго.

Перейдемъ теперь къ изученію „науки“ господарскимъ посламъ на послѣдніе сеймики времени отдѣльнаго отъ Польши существованія Литовско-Русскаго государства, т. е. на весенніе сеймики 1569 года, созванные уже во время засѣданій Люблинскаго сейма. Эта „наука“ извѣстна намъ по двумъ ея спискамъ, изъ которыхъ одинъ находится въ VII-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ [1]), а другой въ X-ой того же отдѣла Литовской Метрики [2]). Эта „наука“, какъ и предыдущія, начинается изложеннымъ послѣ слова „напервей“ приказаніемъ господарскому послу, явившись на мѣсто и въ часъ, назначенные для повѣтоваго сеймика, отъ великаго князя „поведити“ собравшимся панамъ-радѣ „ласкавое поздоровенье“, а инымъ всѣмъ станамъ господарскаго рыцарства — его „ласку“ и затѣмъ отдать „листъ верущый“ отъ великаго князя. „Потомъ посолъ маеть мовити: г[о]с[по]д[а]ръ король его милость рачылъ росказати вашей милости паномъ-радамъ и вамъ, рыцерству своему, пове-

---

1) Лит. Метр. $\frac{III\ A}{7}$ л. л. 192 об. — 195. По этому списку „наука“ издана М. К. Любавскимъ — Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 216—220.

2) Лит. Метр. $\frac{III\ A}{10}$ л. л. 16 об. — 20 об. Этотъ списокъ не обозначаетъ повѣта, на сеймикъ котораго отправляется господарскій посолъ, своею внѣшностью, такимъ образомъ, подчеркивая свое значеніе общаго текста этой „науки“ во всѣ повѣты. Заглавіе документа въ X-ой книгѣ такое: „Инъструкъцыя до повету. Наука и злецене поселства отъ его королевское милости через   на соймикъ, зложоный м[е]с[е]ца мая“ 10 дня 1569 года. Далѣе слѣдуетъ обычное „напервей“, которымъ начинается первая часть и въ предыдущихъ „наукахъ“. Это „напервей“ опущено въ VII-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ.

дити" — этими словами начинается вторая часть „науки". За ними сряду вписывается текстъ большей половины сеймоваго листа передъ тѣми же сеймиками [1]), съ извѣстными уже намъ при изученіи предшествующей „науки" редакціонными измѣненіями и замѣнами нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ другими. Эта выписка изъ сеймоваго листа сопровождается въ „наукѣ" слѣдующими словами, прямо указывающими на ея связь съ сеймовымъ листомъ: „яко то ширей и достаточней на листехъ его кролевъское милости до вашой милости пановъ-радъ и всего, васъ, рыцеръства его кролевское милости описано" [2]). Въ послѣдующей за этими словами самостоятельной части „науки" заключается слѣдующее. Великій князь приказалъ „особливе" передать („оповедити") сеймикующимъ, что онъ „съ подивеньемъ прыймуеть" то, что сами они просятъ объ Уніи, ради усиленія военныхъ средствъ Великаго Княжества Литовскаго, и о спольныхъ съ Поляками сеймахъ, а въ то же время даютъ своимъ повѣтовымъ посламъ „замероную моцъ" и „на становеня Унеи новый обычай", не только не держатся старыхъ привилеевъ, но даже отступаютъ отъ „певныхъ намовъ, на соймехъ около Уніи вчыненыхъ", чѣмъ приводятъ государство въ затрудненіе и оба „панства въ нелюбость и въ ростыркъ", а непріятелю этимъ доставляютъ „потеху болшую", такъ какъ „водле потребы потужная война нейдеть", а, благодаря этому, въ „панстве" господаря врагъ „ширить" и однихъ братьевъ и пріятелей сеймикующихъ держитъ въ плѣну, а у другихъ изъ нихъ отнимаетъ имѣнія. „Вы тежъ сами", продолжаетъ „наука", обращаясь къ сеймикующимъ, „частыми войнами и немалыми податъки на тую жъ войну вытягаетеся". Великій князь хорошо видитъ, какъ велика тяжесть всего этого, а между тѣмъ все это едва ли бы могло быть, если бы оба его „панства" соединились. Господарь, съ Божьею по-

1) По изданію М. К. Любавскаго отъ словъ „што перво сего", въ самомъ началѣ листа, сразу послѣ обращенія къ Зеновьевичамъ (стр. 222), до словъ „а хочемъ мети и приказуемъ" (стр. 224, 18-я строка сверху), начиная съ которыхъ текстъ обоихъ документовъ становится различнымъ.

2) Въ изданіи М. К. Любавскаго стр. 219. Ср. Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. 194 об. и $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 19 об.

мощью желая это увидѣть и исполняя просьбу самихъ повѣтовыхъ обывателей, былъ бы радъ довести до конца дѣло Уніи, но на каждомъ сеймѣ приводятъ новое и, затруднивъ дѣло, разъѣзжаются, какъ разъѣхались и теперь, не сдѣлавъ никакого постановленія и „упевненья", чѣмъ возстановляютъ противъ себя своихъ друзей и давно „споввповачоныхъ" братьевъ. Стараясь этому помѣшать, великій князь „всказовать рачы, напоминаючы съ повинности верного подданства", чтобы каждый, оглянувшись на свой долгъ по отношенію къ славѣ своего господаря и къ своей отчизнѣ, мыслилъ бы согласно съ нимъ на настоящемъ сеймикѣ. Выбравъ послами „людей бачныхъ, годныхъ", сеймикующіе не должны задержать ихъ присылку къ назначенному дню на настоящій Люблинскій сеймъ. Этимъ посламъ должно дать „зуполную моцъ" постановлять и объ Уніи, и о „сполной" оборонѣ, такъ какъ въ этомъ будетъ соблюдено, чтобы „въ ровности тые панства захованы были а одно надъ другое ся не вывышало и въ своей зацности и въ учстивости и въ достоенствахъ обои панства цале захованы были". Этимъ, дастъ Богъ, они будутъ пользоваться на вѣчныя времена, давая „сполвне" отпоръ всякому врагу и пользуясь „въ кождой учстивости" своими правами, свободами и вольностями. Господарь, со своей стороны, обѣщаетъ, не жалѣя своихъ труда и здоровья, „дотоль речы зносити", какъ во всемъ высказанномъ сеймикующимъ въ сеймовыхъ листахъ и въ настоящемъ посольствѣ „познаеть" каждый его „ласку" къ Великому Княжеству Литовскому и къ каждому обывателю его. Какъ повѣтовые послы свободно („доброволне") на Люблинскій сеймъ пріѣдутъ, такъ же свободно съ него и вернутся. Но если они не захотятъ ѣхать на сеймъ къ назначенному сроку, а этимъ учинится какой-либо вредъ Княжеству или, чего Боже упаси, явится какая-либо опасность отъ непріятеля, то пускай каждый сообразитъ самъ, что̀ отъ этого будетъ для правъ господа̀ря и для Литовско-Русскаго государства. На этомъ излагаемый документъ и оканчивается.

Присматриваясь къ этой „наукѣ", замѣчаемъ тотъ же способъ составленія ея текста, какъ и текста „наукъ" предыдущихъ. Составъ его: 1) вступительная часть о дѣйствіяхъ посла при открытіи сеймика, 2) большая выписка изъ сеймо-

ваго листа и 3) изложеніе мотивовъ, приводимыхъ отъ имени господаря въ цѣляхъ повлiять на сеймикующихъ въ пользу исполненія плановъ и намѣреній верховной власти. Разница лишь та, что въ предыдущей „наукѣ“ вписанъ сеймовый листъ цѣликомъ, а въ текстъ настоящей внесена его большая часть, да отмѣчается различіе въ порядкѣ расположенія выписаннаго изъ листа сеймоваго и вновь составленнаго для текста „науки“. Текстъ инструкціи господарскимъ посламъ на весенніе повѣтовые сеймики 1569 года также представляетъ собою рѣчь посла цѣликомъ, а не ея конспектъ.

Подводя итогъ подъ сдѣланными наблюденіями надъ текстами „наукъ“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго за 1566—1569 годы, нужно сказать слѣдующее. „Наука“-инструкція господарскому послу, бывшая при созывѣ первыхъ послѣ учрежденія предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ конспектомъ его рѣчи, затѣмъ выливается въ совершенно готовый текстъ, который долженъ лишь читать на сеймикѣ посолъ великаго князя. Господарскіе послы на первыхъ сеймикахъ 1566 года произносили свои собственныя рѣчи, имѣя возможность сами выбирать свои выраженія и самостоятельно развивать отдѣльныя части своего обращенія къ сеймикующимъ, обязанные лишь сказать непремѣнно обо всемъ, что перечислено въ выданныхъ имъ инструкціяхъ. Наоборотъ, въ послѣдующее время эта ихъ самостоятельность начинаетъ сокращаться, и господарскій посолъ на сеймикѣ превращается изъ оратора въ простого чтеца. Кромѣ того, первая „наука“ предвидитъ вопросы послу отъ сеймикующихъ и даетъ ему свои указанія, какъ на эти вопросы отвѣчать. Затѣмъ эта часть содержанія „науки“ отпала отъ ея текста, и посолъ, не имѣя опредѣленныхъ указаній, надо думать, едва ли сохранялъ и право отвѣчать на вопросы сеймикующихъ, если онъ даже былъ достаточно освѣдомленъ, чтобы давать соотвѣтствующіе отвѣты. Какъ оффиціальное лицо, онъ въ своей дѣятельности на повѣтовомъ сеймикѣ долженъ былъ точно держаться данной ему инструкціи и едва ли могъ выходить за предѣлы, обозначенные ему ею. Такимъ образомъ, если наши соображенія соотвѣтствуютъ дѣйствительной практикѣ сеймикованья, господарскій посолъ изъ живого посредника верховной власти

и сеймика повѣтоваго обратился въ своего рода обстановку послѣдняго, являясь уполномоченнымъ отъ великаго князя лишь прочитать то, что ему было дано въ текстѣ его „науки“. При такой перемѣнѣ взгляда на назначеніе господарскаго посла въ сеймикованьѣ, естественно, облегчалось и дѣло выбора лицъ для исполненія великокняжескаго посольства на повѣтовыхъ сеймикахъ. Извѣстная самостоятельность посла въ его дѣйствіяхъ на предсеймовомъ сеймикѣ требовала, чтобы центральная власть, поручая тому или другому лицу посольство, считалась и съ его способностями, и съ возможностью довѣриться его преданности ея цѣлямъ и ихъ имъ пониманію. Отмѣна этой самостоятельности устраняла личный элементъ въ дѣятельности господарскаго посла на сеймикѣ, или, по крайней мѣрѣ, сокращала его до возможнаго minimum'а.

Кромѣ этого замѣчанія изученіе текста „наукъ“ господарскимъ посламъ на повѣтовые предсеймовые сеймики даетъ возможность сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Одно изъ нихъ относится къ вопросу о самостоятельности текста „науки“ въ ряду другихъ документовъ, составляемыхъ въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго передъ одними и тѣми же предсеймовыми сеймиками Литовско-Русскихъ повѣтовъ; два другихъ — къ явленіямъ жизни Княжества, которыя находили свое отраженіе въ этихъ „наукахъ“.

Первая изъ разсмотрѣнныхъ нами инструкцій господарскимъ посламъ, „наука“ на весенніе сеймики 1566 года, является совершенно самостоятельнымъ въ своемъ текстѣ документомъ. Но уже въ слѣдующей за нею „наукѣ“ изъ разсмотрѣнныхъ нами замѣчается начало введенія въ текстъ инструкцій господарскимъ посламъ части текста сеймоваго листа, и чѣмъ дальше мы изучали эти инструкціи, тѣмъ больше отмѣчали связь обоихъ документовъ, составляемыхъ передъ одними и тѣми же предсеймовыми сеймиками: выписки изъ соотвѣтствующихъ листовъ сеймовыхъ начинаютъ занимать собою большую часть текста господарскихъ инструкцій. Причинъ этого можно предположить не одну. Во-первыхъ, весьма вѣроятно, что практика сеймикованья обнаружила сразу неосвѣдомленность значительной части собравшихся на повѣтовые сеймики въ вопросахъ, которыми долженъ

будетъ заниматься предстоящій сеймъ. Одни изъ сеймикующихъ могли оказаться призабывшими содержаніе сеймовыхъ листовъ, другіе, за неграмотностью, — ихъ вовсе не прочитавшими. Прочтеніе на сеймикѣ существеннаго изъ текста сеймоваго листа оказывалось желательнымъ и даже необходимымъ для успѣшности сеймикованья. Но, съ другой стороны, можно предположить и желаніе государственной канцеляріи нѣсколько облегчить свою работу по составленію довольно большого числа документовъ при каждомъ созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ: вмѣсто составленія совершенно самостоятельнаго текста для каждаго документа она, естественно, пользовалась уже готовымъ текстомъ, изъ котораго могла заимствовать часть, облегчая тѣмъ себѣ свою работу.

Что касается явленій жизни Великаго Княжества Литовскаго, которыя могутъ быть отмѣчены въ развитіи текста господарскихъ „наукъ" за 1566—1569 годы, то мы остановились бы на двухъ сторонахъ въ этомъ текстѣ. Одна изъ нихъ — все возрастающія указанія на заслуги Сигизмунда Августа передъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и на его труды на пользу послѣдняго. Другая — различеніе „наукою" и рѣчью посла господарскаго слоевъ повѣтовыхъ обывателей, т. е. „ихъ милости" пановъ радныхъ и господарскихъ „вѣрныхъ подданныхъ", рядовой шляхты. Первое, конечно, объясняется желаніемъ Сигизмунда Августа успѣшнѣе подготовить заключеніе Уніи и въ то же время, по возможности, идти на встрѣчу упрекамъ за отсутствіе съ его стороны „обороны" его Литовско-Русскому „панству" отъ Москвы, которая была его „повинностью господарскою" по отношенію къ его народу-шляхтѣ. Такіе упреки должны были раздаваться въ виду тяжести этой войны и утраты значительной части Литовско-Русской территоріи [1]). Но, возникая такимъ путемъ, эти прославленія господаря затѣмъ становились обычною манерою, которая принималась государственною канцеляріею при составленіи сеймиковыхъ документовъ. Что касается до различенія группъ среди сеймикующихъ, то это пережитокъ стараго строя Великаго Княжества Литовскаго, который,

---

1) О значеніи этой „повинности" господаря см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 263.

какъ мы это видѣли уже выше[1]), не совсѣмъ мирился съ стройностью шляхетской идеи, заложенной въ повѣтовой реформѣ 1565—1566 годовъ. Попытка обойтись безъ различенія группъ повѣтовой шляхты даже по отношенію къ урядникамъ и рядовой шляхтѣ, имѣвшая мѣсто въ „наукѣ" на первые сеймики 1566 года, была затѣмъ оставлена и замѣнена раздѣленіемъ ихъ, не говоря уже о панахъ-радѣ, которые, какъ особый „станъ", выдѣляются уже текстомъ этихъ первыхъ послѣ учрежденія повѣтоваго сеймика „наукъ" господарскихъ.

При изученіи „наукъ" господарскимъ посламъ на повѣтовые предсеймовые сеймики мы во всѣхъ ихъ встрѣчали „листъ вѣрущій", который посолъ предъявлялъ при открытіи сеймика. Это — удостовѣреніе его посольства, выдаваемое ему изъ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго отъ имени великаго князя. Другое названіе „листа вѣрущаго" — „креденсъ". Съ текстомъ „вѣрущихъ листовъ" мы знакомимся по „кредансу" на весенніе сеймики 1569 года, внесенному въ X-ю книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской. Въ этомъ „кредансѣ" Сигизмундъ Августъ обращается къ „княземъ, паномъ, старостамъ, маршалкомъ, державцомъ, такъ же урядникомъ" своимъ „дворнымъ и земъскимъ, въ поветехъ отъ" него „установленымъ, земяномъ и двораномъ" его, „всимъ тымъ, которые именья свои въ поветехъ Виленъскомъ, Ошменъскомъ, Лидскомъ, Вилкомирскомъ, Браславъскомъ мають". Далѣе документъ отъ имени великаго князя гласитъ: мы на настоящій сеймикъ „послали до васъ посломъ дворанина нашого[2]) и росказали есмо ему въ некоторыхъ речахъ и потребахъ земъскихъ словомъ отъ насъ мовити; вы бы, о томъ ведаючы, его выслухали и въ томъ ему веру дали, бо то суть наши слова, черезъ него до васъ вказаные". Это простое удостовѣреніе посольства и содержанія рѣчи господарскаго посла на повѣтовомъ сеймикѣ. Характеръ документа и его содержаніе не требуютъ никакихъ поясненій. Остановиться нужно только на его обращеніи. Послѣднее показываетъ, что „вѣрущій листъ" долженъ былъ представляться господарскимъ посломъ

---

1) Стр. 280.

2) Въ оригиналѣ оставлено чистое мѣсто для внесенія имени этого дворянина.

повѣтовому сеймику въ его полномъ составѣ, а не однимъ только находящимся на немъ высшимъ разрядамъ шляхты повѣта[1]). Но, кромѣ этого, поясненія требуетъ въ текстѣ настоящаго „креденса" и соединеніе на одномъ сеймикѣ всѣхъ пяти повѣтовъ Виленскаго воеводства. Это поясненіе даетъ справка съ записью разсылки господарскихъ листовъ по созыву весеннихъ сеймиковъ 1569 года. Въ ней читаемъ, что служебникъ земскаго подскарбія, „Василей Подъбийпета," понесъ къ подскарбію земскому „у фастыкуле" листы въ повѣты Лидскій, Ошменскій, Вилькомирскій и Браславскій въ двухъ видахъ: одинъ видъ этихъ листовъ приглашалъ эти повѣты на общій сеймикъ съ повѣтомъ Виленскимъ, другой — на отдѣльные сеймики каждаго изъ нихъ. Выбрать тотъ или другой способъ сеймикованья, т. е. цѣлымъ воеводствомъ или отдѣльными повѣтами, было предоставлено Виленскому воеводѣ и земскому подскарбію. Первый изъ этихъ радныхъ урядовъ занималъ въ 1569 году Миколай Юрьевичъ Радивилъ, соединявшій его съ канцлерствомъ, второй — Миколай Павловичъ Нарушевичъ. Оба данныя лица стояли при самомъ дѣлѣ выработки и разсылки господарскихъ листовъ. Государственная канцелярія ихъ составляла, земскій скарбъ ихъ разсылалъ[2]). Лица, стоявшія во главѣ обоихъ этихъ учрежденій, и были призваны разрѣшить вопросъ о способѣ сеймикованья повѣтовъ Виленскаго воеводства въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ жизни Великаго Княжества Литовскаго, когда собирались весенніе сеймики 1569 года. При этомъ Виленскій воевода, по своему значенію главы Виленскаго воеводства, могъ помочь удачному рѣшенію этого вопроса и своимъ знаніемъ состоянія повѣтовъ своего воеводства и настроенія ихъ шляхты[3]).

---

1) Заголовокъ „креденса" въ книгѣ Литовской Метрики можетъ дать толчокъ къ такому предположенію: „Кредeнсъ до князей, пановъ, на соймикъ до повету черезъ дворанина посланый".

2) О связи земскаго скарба съ государственной канцеляріей Великаго Княжества Литовскаго см. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 394—395. Сравненіе со скарбомъ Литовско-Русскаго государства Московскаго Казеннаго двора см. у С. А. Бѣлокурова — О Посольскомъ Приказѣ, стр. 20—21 (Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1906 и отдѣльно М. 1906).

3) О перепискѣ Радивила и Нарушевича въ эпоху Люблинскаго сейма см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, I, стр. 43, 67 и др.

Такимъ образомъ, удостовѣреніе господарскаго посольства въ „кредансѣ“ 1569 года цѣлому воеводству, въ составѣ всѣхъ его повѣтовъ, а не послѣднимъ каждому отдѣльно, вызвано предположеніемъ центральной власти о возможности общаго сеймика этихъ повѣтовъ, и, конечно, при обычномъ и нормальномъ созывѣ сеймиковъ повѣтовыхъ оно обращалось лишь къ обывателямъ одного повѣта, того, на сеймикъ котораго посолъ отправлялся. Конечно, и въ томъ образцѣ „креденса“, который приведенъ нами, текстъ его обращенія подлежалъ измѣненію, если Радивилъ и Нарушевичъ склонятся къ созыву сеймиковъ каждаго изъ пяти повѣтовъ Виленскаго воеводства отдѣльно, а не въ одномъ воеводскомъ сеймикѣ.

Лицо, ѣхавшее господарскимъ посломъ на предсеймовый повѣтовый сеймикъ, должно было быть оффиціально извѣщено о данномъ ему порученіи посольства. Это дѣлалось особымъ листомъ-приказомъ великаго князя. Въ такомъ листѣ отъ имени господаря предписывалось данному лицу отправиться въ качествѣ господарскаго посла на сеймикъ того или другого повѣта и править тамъ господарское посольство, держась „науки“, ему посланной. Въ образцѣ такого листа на весенніе сеймики 1569 года, приведенномъ въ X-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики, это выражено слѣдующимъ образомъ: „ . . . а такъ прыказуемъ тобе, ижъ бы еси на тотъ соймикъ, на местце назначоное[1]) отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра посломъ ехалъ и паномъ радамъ нашымъ ихъ милости и всимъ станомъ, тому соймику належачымъ, которые ся тамъ зъедуть, листъ нашъ зашытый, до нихъ писаный, который пры семъ листе нашомъ до тебе посылаемъ, подавшы, именемъ нашымъ г[о]с[по]д[а]ръскимъ въ речахъ земъскихъ мовилъ и посельство отправовалъ, заховаючыся и правуючыся въ томъ водле науки нашое, которую есмо въ семъ листе нашомъ до тебе послати казали“. Подъ „листомъ зашытымъ“, конечно, разумѣется „кредансъ“, который предъявляетъ господарскій посолъ сеймикующимъ, какъ мы это видѣли уже выше. Можетъ быть поставленъ вопросъ: сразу ли явился въ практикѣ разсматриваемый

---

1) Далѣе въ оригиналѣ стоятъ вписанныя другимъ почеркомъ и другими чернилами слова: „тутъ местцо“.

видъ документовъ, т. е. оффиціальный письменный приказъ извѣстному лицу быть господарскимъ посломъ на соймикѣ? Ставить этотъ вопросъ позволяютъ слова „злецене поселства“, которыя стоятъ рядомъ со словомъ „наука“ въ заголовкахъ инструкцій посламъ господарскимъ. Въ каждомъ экземплярѣ такой „науки“ стояло имя посла, а этотъ документъ вручался послу незапечатаннымъ для его руководства или для прочтенія на соймикѣ, въ то время какъ „креденсъ“ онъ получалъ „зашитымъ“, т. е. запечатаннымъ. Текстовъ такихъ листовъ намъ не удалось встрѣтить въ Литовской Метрикѣ до времени подготовки весеннихъ предсеймовыхъ соймиковъ 1569 года, но трудно основываться на этомъ и на словѣ „злецене“ въ заголовкахъ господарскихъ инструкцій для того, чтобы считать появленіе этого вида документовъ результатомъ развитія дѣла соймикованья и подготовки повѣтовыхъ предсеймовыхъ соймиковъ государственною канцеляріею Великаго Княжества Литовскаго. Слово „злецене“ встрѣчается и въ заголовкѣ инструкціи тѣмъ господарскимъ посламъ, которые получили приведенный выше листъ-приказъ о порученіи имъ посольства, а отсутствіе его образцовъ въ извѣстныхъ намъ книгахъ Литовской Метрики ничего не доказываетъ въ этомъ отношеніи: въ нихъ нѣтъ и текста „креденсовъ“ или „листовъ вѣрущихъ“ на соймики до 1569 года, а этотъ документъ вручался несомнѣнно каждому господарскому послу на соймики, начиная съ первыхъ соймиковъ 1566 года, о чемъ совершенно опредѣленно говорятъ „науки“ господарскимъ посламъ на нихъ.

Чтобы покончить съ документами, составлявшимися въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго передъ предсеймовыми повѣтовыми соймиками въ 1566—1569 годахъ, намъ нужно еще остановиться на листахъ къ панамъ-радѣ передъ этими соймиками и на данныхъ объ ихъ разсылкѣ. Изученіе этихъ листовъ должно показать: тѣ ли свѣдѣнія и тотъ же ли текстъ получали передъ соймиками радные паны въ листахъ, направленныхъ къ нимъ, какъ и повѣтовая шляхта въ листахъ, адресованныхъ въ повѣты; изученіе данныхъ разсылки должно обнаружить составъ лицъ, имѣвшихъ право на полученіе этихъ листовъ. Образцомъ листа къ панамъ-радѣ передъ повѣтовыми предсеймовыми соймиками является „листъ соймовый до пановъ радъ“

передъ весенними сеймиками 1569 года, въ которомъ Сигизмундъ Августъ обращается къ земскому подскарбію Великаго Княжества Литовскаго, господарскому писарю, державцѣ Марковскому, Мядельскому, Ушпольскому и Пенянскому, пану Миколаю Нарушевичу [1]). Сличая текстъ этого листа съ текстомъ листа къ панамъ Зеновьевичамъ, пересказаннымъ нами выше [2]), замѣчаемъ почти полное ихъ тожество. Различіе ихъ выражается, кромѣ чисто писарскихъ отличій, измѣненіями, вызванными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ листа положеніемъ адресата, какъ члена господарской рады, который лично вызывается и на вальный сеймъ [3]). Кромѣ того, конечно, множественное число въ словахъ, говорящихъ о Зеновьевичахъ въ листѣ, имъ адресованномъ, замѣняется единственнымъ числомъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, говорящихъ о Нарушевичѣ, въ листѣ къ послѣднему. Въ листѣ къ панамъ-радѣ, выданномъ Сигизмундомъ Августомъ 27 апрѣля 1569 года въ Люблинѣ, нѣтъ ничего, чего не было бы въ листѣ къ Зеновьевичамъ, а стало быть и въ повѣты, что заключало бы въ себѣ особыя свѣдѣнія и сообщенія по поводу предстоящихъ сеймиковъ и сейма. Есть различіе и въ указаніи повѣтоваго сеймика, на которомъ присутствовать приглашаются адресаты сравниваемыхъ лис-

1) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. л. 13—16 об. Дата: Люблинъ, 27 апрѣля 1569 года.

2) Стр. 326—328.

3) „. . . тыхъ же пословъ, которые на сойме теперешнемъ Любельскомъ первей были, альбо иныыхъ, людей бачныхъ и ростропъныхъ, не з замероною моцъю науки, яко первей сего посломъ была (sic) дана, але зъ зупольною и достаточною ку сконъченью тое справы Уніи, такъ же и для обмышлеванья около обороны оного панства нашого Великого Князства Литовского, чымъ бы ся убезпечыти могло, на тотъ же перво вамъ зложоный спольный съемъ здеся до Люблина ку намъ г[о]с[по]д[а]ру отправивъшы, самъ з местъца своего здеся до Люблина на тотъ же перво зложоный съемъ ехалъ. Которые послы со всихъ поветовъ Великого Князства Литовского сезде въ Люблине на часъ певный, въ понеделокъ святокъ прышлыхъ, м[е]с[е]ца мая тридцатого дня у насъ г[о]с[по]д[а]ра становили, а твоя бы милость, на тотъ же день сезде до Люблина прыехавъшы, со всякою зацностью, учстивостью и кромъ жадного нарушеня правъ, свободъ и всякихъ вольностей, въ ономъ панстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ звыклыхъ, зо вшелякимъ обварованьемъ екзекуцыи, то естъ отбираня добръ столу нашого господаръского . . .“ Ср. листъ Зеновьевичамъ, стр. 224—225 въ изданіи М. К. Любавскаго.

товъ: Зеновьевичи приглашаются ѣхать „па тотъ часъ помененый до повету того, въ которомъ большую, головнейшую оселость маете, на соймикъ поветовый“; Нарушевичъ же — „на соймикъ до которого колвекъ повету“. Какъ радный панъ, занимавшій урядъ не пріуроченный къ какому-либо воеводству или повѣту, подобно воеводамъ и каштелянамъ, онъ могъ выбрать для своего присутствія любой повѣтовый сеймикъ, на которомъ ему будетъ удобно быть. Наконецъ, отмѣтимъ слова „ваша милость панове рада нашы и вси станы“ вмѣсто „вси станы“ [1]), „ничого не постановившы ихъ милость панове рады нашы и иншые станы“ вмѣсто „ничого не постановивши“ [2]) и т. п., которыя вставлены въ текстъ листа къ Нарушевичу, какъ къ радному пану, во вниманіе къ его положенію члена господарской рады Великаго Княжества Литовскаго. Характеръ работы государственной канцеляріи надъ листами къ панамъ-радѣ и къ остальнымъ лицамъ и въ повѣты передъ сеймиками ярко иллюстрируется слѣдующимъ мѣстомъ листа къ Нарушевичу: „для чого абы есте вже на иншый часъ соймиковъ собе вси споломъ, або которые колвекъ особы, жаднымъ днемъ прекладати [3]) не смеючы, але певне а неотменне дня вышей мененого зъехавъшыся . . . .“ Тутъ писавшій даже не измѣнилъ второго лица множественнаго числа въ словѣ „есте“ или не перестроилъ фразы введеніемъ добавочныхъ словъ, а просто вписалъ общій текстъ листовъ сеймовыхъ [4]).

Итакъ, листъ къ Нарушевичу не даетъ права считать листы, отправляемые въ изучаемую эпоху передъ сеймиками предсеймовыми къ панамъ-радѣ, обязательно заключающими въ себѣ большій матеріалъ, чѣмъ и листы въ повѣты. Бо́льшая освѣдомленность радныхъ пановъ во время сейми-

---

1) 4-ая строка снизу на стр. 222 въ изданіи М. К. Любавскаго.

2) 12—11 строки снизу на стр. 223 того же изданія.

3) Въ оригиналѣ описка: „переклади“.

4) См. стр. 225, 11—9 строки снизу въ изданіи М. К. Любавскаго. Оканчивается господарскій листъ къ Нарушевичу (сряду послѣ приведенныхъ нами въ текстѣ словъ „дня вышей мененого зъехавъшыся“ такъ: „на соймикъ до которого колвекъ повету, пословъ, яко ся вышей въ семъ листе поменило, отправовали и якъ посломъ поветовымъ поспешытися, такъ и твоя милость самъ ку намъ г[о]с[до]д[а]ру до Люблина на часъ назначоный абы не омешкивали“. Далѣе сразу слѣдуетъ дата листа: Люблинъ, 27 апрѣля 1569 года.

кованья должна была, такимъ образомъ, получаться изъ другихъ источниковъ, а не изъ обычныхъ господарскихъ листовъ, которые они получали передъ повѣтовыми соймиками. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ другихъ образцовъ листовъ, адресованныхъ панамъ-радѣ передъ повѣтовыми предсоймовыми соймиками эпохи до заключенія Люблинской Уніи, кромѣ разсмотрѣннаго. Поэтому и наблюденіе наше не можетъ претендовать на то, чтобы считаться общею характеристикою господарскихъ листовъ раднымъ панамъ Великаго Княжества Литовскаго передъ соймиками за изучаемое время, но листы того же содержанія, какъ и Нарушевичу, передъ весенними соймиками 1569 года были разосланы всѣмъ Литовско-Русскимъ раднымъ панамъ. Въ X-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики передъ текстомъ разсмотрѣннаго листа къ Нарушевичу стоитъ заголовокъ, говорящій объ общемъ значеніи этого текста: „Листъ соймовый до пановъ радъ.“ Запись о разсылкѣ этихъ листовъ[1]), предшествующая въ книгѣ тексту листа къ Нарушевичу, не оставляетъ сомнѣнія въ общемъ значеніи этого текста. Запись эта озаглавлена такъ: „Листы соймовые до пановъ радъ тыхъ, нижей имены помененыхъ, писаныи[2]), изъ Люблина посланыи[3]) въ року 69 м[е]с[е]ца апреля[4]) 27 дня, то есть.“ Далѣе перечислены слѣдующіе адресаты: бискупы Виленскій, Луцкій, Жомоитскій и Кіевскій, князь Слуцкій, воевода и каштелянъ Виленскіе, воевода и каштелянъ Троцкіе, староста Жомоитскій, воеводы — Кіевскій, Полоцкій, Новгородскій, Витебскій, Подляшскій, Мстиславскій, Браславскій, Берестейскій и Минскій, каштеляны — Кіевскій, Берестейскій, Мстиславскій, Подляшскій, Новгородскій, Полоцкій, Минскій, Браславскій и Жомоитскій, подскарбій земскій и урядники столовые[5]) — крайчій, стольникъ и чашникъ. За-

1) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{10}$ л. 12 об.

2) Въ оригиналѣ: „писаный“.

3) Въ оригиналѣ: „посланый“.

4) Исправляемъ изъ „мая“ оригинала, такъ какъ слѣдующій за этимъ заголовкомъ листъ къ Нарушевичу имѣетъ именно эту дату.

5) „До врядниковъ столовыхъ:
до крайчого,
до стольника,
до чашника“.

ключается эта запись словами: „всихъ листовъ тыхъ писано трыдцать и два“.

Этотъ списокъ радныхъ пановъ Великаго Княжества Литовскаго вызываетъ, однако, вопросы. Подсчетъ числа листовъ — „трыдцать и два“ — совершенно совпадаетъ съ числомъ адресатовъ, итогъ которому онъ подводитъ. Но мы имѣемъ пропущенными въ этомъ спискѣ воеводу и каштеляна Волынскихъ. Оба эти уряда не были вакантны въ 1569 году: первый изъ нихъ былъ занятъ княземъ Александромъ Ѳеодоровичемъ Чорторыйскимъ, а второй — княземъ Андреемъ Ивановичемъ Вишневецкимъ. Предположить, что эти лица не обозначены въ спискѣ радныхъ пановъ Великаго Княжества Литовскаго потому, что Волынь 1 марта 1569 года была присоединена къ Польшѣ [1]), мы не имѣемъ права, такъ какъ въ тотъ же день было присоединено къ Польшѣ и Подляшье, а между тѣмъ его воевода и каштелянъ въ этомъ спискѣ имѣются. Этого мало. Самое внесеніе въ него Подляшскихъ радныхъ пановъ было нарушеніемъ требованія Польскаго сейма о томъ, чтобы канцелярія Княжества не вѣдала больше дѣлъ Подляшья и Волыни [2]). Очевидно, что канцелярія Великаго Княжества Литовскаго не исполнила этого требованія и, вѣроятно, убѣдила отступить отъ него и самого Сигизмунда Августа. Но твердо опереться на этотъ списокъ для выводовъ мы не рѣшились бы: имѣя пропускъ и предполагая дополненіе въ части, перечисляющей воеводъ и каштеляновъ, онъ не можетъ быть признанъ надежнымъ источникомъ и въ части, перечисляющей столовыхъ урядниковъ.

Мы разсмотрѣли документы, которые составлялись въ государственной канцеляріи Великаго Княжества передъ повѣтовыми предсеймовыми сеймиками за время отъ учрежденія этихъ собраній шляхты Литовско-Русскихъ повѣтовъ до заключенія Люблинской Уніи. За три года практики созывовъ сеймиковъ государственная канцелярія Княжества успѣла пріобрѣсти извѣстный навыкъ въ составленіи этихъ документовъ и выработать опредѣленныя формы и манеру, въ которыхъ они составлялись. Разсматривая отдѣль-

---

1) И. И. Лаппо. Великое Княжество Литовское. Томъ I. Стр. 27.
2) Ibidem. Стр. 28.

ные документы „справъ соймовыхъ“, мы имѣли случаи отмѣчать и извѣстное движеніе въ выработкѣ текста отдѣльныхъ видовъ господарскихъ листовъ, входившихъ въ составъ этихъ „справъ“. Дѣло налаживалось и, выливаясь въ опредѣленныя формы, становилось уже привычнымъ по своей техникѣ чинамъ, работавшимъ въ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго надъ составленіемъ листовъ, изъ нея выходившихъ. Лѣтомъ 1569 года Люблинская Унія была наконецъ утверждена, и Великое Княжество Литовское, какъ „панство“ вступило въ основанное на договорѣ соединеніе съ „панствомъ“ Польскимъ. Однимъ изъ условій этого договора явились „спольные“ сеймы. На подготовкѣ предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ государственною канцеляріею Княжества отмѣна особыхъ Литовско-Русскихъ сеймовъ и замѣна ихъ спольными сеймами съ Короною должны были несомнѣнно отразиться. Теперь эта канцелярія должна была составлять предсеймовые документы для тѣхъ же сеймовъ, для которыхъ ихъ одновременно вырабатывала и канцелярія Коронная. Это должно было сближать работу передъ сеймами и предшествующими имъ сеймиками въ обѣихъ канцеляріяхъ. Въ то же время продолжалось и дальнѣйшее развитіе техники по изготовленію соотвѣтствующихъ формъ для листовъ, выходившихъ изъ государственной канцеляріи Княжества. Къ разсмотрѣнію имѣющихъ отношеніе къ созыву предсеймовыхъ сеймиковъ и выходившихъ изъ этой канцеляріи документовъ въ годы послѣ Люблинской Уніи теперь и обратимся.

Послѣ образованія соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой въ царствованіе Сигизмунда Августа вальные сеймы собирались въ 1570 и 1572 годахъ. Намъ не удалось встрѣтить въ Литовской Метрикѣ документовъ, которые были составлены для повѣтовыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ передъ сеймомъ 1570 года, но документы по созыву повѣтовыхъ сеймиковъ передъ сеймомъ 1572 года удалось встрѣтить собранными полностью въ „справѣ соймовой“, вписанной въ LVI-ю книгу Судныхъ Дѣлъ Литовскихъ Метрики [1]). Эта „справа“ особенно обширна, благодаря тому, что вальный сеймъ пришлось не разъ отсрочивать, а также

1) Приложенія. Стр. 1—42.

дѣлать отступленія отъ установленнаго статутомъ 1566 года способа сеймикованья, въ виду повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ то время въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Въ составъ „справы соймовой“ передъ Варшавскимъ сеймомъ 1572 года входитъ прежде всего „наука“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики [1]). За нею слѣдуютъ текстъ господарскихъ листовъ въ повѣты [2]), текстъ запечатанныхъ („зашитыхъ“) листовъ къ старшимъ панамъ-радѣ [3]), текстъ запечатанныхъ же листовъ къ панамъ-радѣ „меншимъ“ [4]); текстъ незапечатанныхъ („отвороныхъ“) листовъ къ княжатамъ и панятамъ и къ урядникамъ земскимъ и дворнымъ [5]), текстъ листовъ къ повѣтовымъ маршалкамъ [6]). Далѣе въ составъ той же „справы“ входятъ: текстъ порученія посольства лицамъ, назначеннымъ господарскими послами на повѣтовые сеймики [7]), и текстъ приказа объ опубликованіи въ повѣтахъ господарскихъ листовъ, назначающихъ предсеймовые сеймики [8]). Къ этимъ документамъ, обычнымъ по своему характеру при созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ, присоединенъ еще одинъ, вызванный особенностью положенія дѣлъ въ одномъ изъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, а именно въ повѣтѣ Виленскомъ. Это — господарскій „листъ зашитый около зъеханя на соймикъ не до Вилна для мору, але на иншое местъце“, адресованный къ раднымъ панамъ Виленскаго воеводства, т. е. къ бискупу, воеводѣ и каштеляну Виленскимъ [9]). Но сеймъ, назначенный на 6 января 1572 года, былъ отсроченъ до 2 февраля того же года. Это вызвало новую работу канцеляріи Княжества. Въ декабрѣ 1571 года были составлены „листы около отроченья сойму, на Три Кроли зложоного, до Громницъ“. Опять были

---

1) Приложенія. № I, 1.

2) Ibidem, 2. Особаго содержанія повѣтовые листы были посланы въ воеводства Виленское и Троцкое, которыхъ повѣты должны были собраться на сеймики въ виду повѣтрія не по повѣтамъ, а по воеводствамъ — ibidem. 3.

3) Ibidem, 4.

4) Ibidem, 5.

5) Ibidem, 6.

6) Ibidem, 7.

7) Ibidem, 9.

8) Ibidem, 10.

9) Ibidem, 8.

составлены текстъ листовъ „заштыхъ“ къ шести старшимъ раднымъ панамъ[1]), а, надо думать, по ихъ образцу были разосланы листы и къ остальнымъ сенаторамъ Великаго Княжества Литовскаго, и текстъ листовъ въ повѣты[2]). Къ нимъ присоединяются два листа, не имѣющіе общаго значенія въ дѣлѣ подготовки обычныхъ предсеймовыхъ сеймиковъ[3]). Но сейму 1572 года не удалось состояться и 2 февраля. Онъ былъ вновь отсроченъ, на этотъ разъ до 2 марта. Снова пришлось государственной канцеляріи составить объ этомъ „заштые“ господарскіе листы къ шести старшимъ раднымъ панамъ[4]), а также и къ остальнымъ панамъ-радѣ[5]) и листы въ повѣты[6]). Таковъ составъ документовъ „справы соймовой“ по созыву сейма 1572 года и повѣтовыхъ передъ нимъ сеймиковъ.

Король Генрихъ не успѣлъ созвать ни одного вальнаго сейма въ свое короткое царствованіе. Но его преемникъ Стефанъ Баторій созвалъ одинъ за другимъ семь сеймовъ соединенной Речи Посполитой[7]). Первый изъ этихъ сеймовъ былъ созванъ въ Торунѣ въ октябрѣ 1576 года. Онъ былъ назначенъ сперва на день св. Михаила, т. е. на 29 сентября 1576 года, но затѣмъ перенесенъ „у колку дней по Светомъ Михаилу на день Светого Франътишка“, т. е. на 4 октября. Документы по созыву этого сейма разбросаны въ различныхъ книгахъ Литовской Метрики. Намъ извѣстны: 1) текстъ господарскихъ листовъ въ повѣты, 2) текстъ инструкціи господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики, которая ссылается на эти листы въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ говорится объ отсрочкѣ сейма на нѣсколько дней съ 29-го сентября и 3) списокъ господарскихъ листовъ въ повѣты[8]). Въ

---

1) Ibidem, 11.
2) Ibidem, 12.
3) Ibidem, 14 и 15.
4) Ibidem, 16.
5) См. ibidem, стр. 39.
6) Ibidem, 17.
7) Торунскій сеймъ 1576 года, Варшавскіе сеймы 1578, 1580, 1581, 1582 и 1585 годовъ и созванный на 2 февраля 1587 года сеймъ въ Варшавѣ, не успѣвшій, однако, собраться за смертью короля Стефана.
8) Инструкція господарскимъ посламъ и ихъ списокъ изданы ниже — Приложенія, № II. Текстъ листовъ въ повѣты слѣдующій. — „Листы соймовые, до всихъ становъ Великого Князства Литовского писа-

гораздо болѣе полномъ составѣ и притомъ въ одной книгѣ Литовской Метрики намъ удалось встрѣтить документы по созыву повѣтовыхъ сеймиковъ передъ январьскимъ Вар-

ные, складаючи соймъ въ Торуню въ року [15]76 на день Светого Михала. Стефанъ, Божью милостью король Польскій etc. Воеводе Меньскому, пану Миколаю Сапезе, такъ же княземъ, паномъ, маръшалъкомъ, старостамъ, деръжавцамъ, врадникомъ земскимъ и дворнымъ и всему рицерству, обывателемъ воеводъства Менъского, земль и поветовъ, къ нему належачихъ. Всимъ вобецъ и каждому зособна ознаймуемъ и ку ведомости приводимъ, ижь што ваша милость, панове рады наши духовные и светъскіе и вси станы, рицерство Великого Князства Литовского, [зъ] зъезду Мстибоговского присылали до насъ братю свою, некоторыхъ ихъ милости пановъ радъ нашихъ и пановъ врадниковъ земскихъ и дворъныхъ, такъ же зо всихъ земль, воеводствъ и поветовъ [Великого] Князства Литовъского часу елекцыи и коронацыи нашое уближило, а ижь есмо послы наши до вашихъ милостей, всихъ становъ Великого Князства Литовского, на зъездъ Мстибоговъскій посылали, упоминаючи и ласкавостью добротливости нашое до згоды приводечи, жебы, таковое разрозненье для доброго и пожиточного речи посполитое и для задеръжанья въ целости тыхъ панствъ, Коруны Польское и Великого Князства Литовского, ку згоде и братскому поровнанью приведъши, на панованье нашо у Великомъ Князтве Литовскомъ зезволили, въ чомъ ваша милость панове рады и вси станы, будучи народъ вольный, цнотливый, яко въ кождыхъ иныхъ, такъ и въ той справе, ростропности и доброго баченья уживаючи а въ целости захованья речы посполитое постерегаючи, з милости своее ку персоне маестату нашого на панованье нашо у Великомъ Князтве Литовскомъ умыслъ свой склонивши, черезъ тыхъ же пановъ пословъ своихъ того ся домовляли и потребовали, ижъ быхмо то, што ся народови Великого Князства Литовского уближило, обваровавъши захованье правъ, вольности и свободъ Великого Князства Литовского, присегою нашою утвердили. Въ чомъ мы, повинъность нашу господарскую знаючи, а таковую жъ хуть и склонъность, которую вси ваша милость панове рады и иные станы Великого Князства Литовского, вдячне намъ милые, ку особе маестату нашого оказали, зо вшелякою ласкавостью пріймуючи, ради, на то, водлугъ жадливости пановъ пословъ зезволивши, яко на тое все, до чого повинъность наша, присегу есмо учинили, такъ и то, што ся намъ з особы нашое годило, особливыми листы нашими объваровали и утвердили; а што ся на тотъ часъ безъ сойму великого вального отъправити и скончити не могло, то есмо на съемъ великій вальный, блиско пришлый, отъложили; чого всего преписы съ канъцлеріи нашое, хто бы того потребовалъ, выдавати есмо росказали, и до земль, воеводствъ и поветовъ Великого Князства Литовского розослано будеть, водле прозбы пановъ пословъ. А кгды есмо тому всему, што намъ належало досыть учинили, тогды ихъ милость панове послове, за моцю и злеценьемъ, отъ всихъ становъ имъ данымъ, именемъ своимъ и именемъ вашихъ милостей пановъ радъ, братьи своее, на веръное подданьство

шавскимъ сеймомъ 1578 года. Мы имѣемъ для созыва этихъ сеймиковъ: 1) текстъ господарскихъ листовъ въ повѣты, 2) текстъ господарскихъ сеймовыхъ листовъ къ панамъ-радѣ,

---

присегу намъ вделали и то зверъхности нашой отъдали, што належало персоне маестату нашого ку владзы и справованью речи посполитое. Мы, похваливши имя Вшехмоцного Пана, которій такъ великіе справы ку згоде зноспти рачить, таковое змоцъненье поприсяженьемъ тое всее справы вашей милости ознаймуемъ. Ваша бы милость, панове рады наши, и вси станы, обыватели Великого Князъства Литовъского, о томъ ведаючи, кгдыжъ вшелякіе справы около щастливого панованья нашого достаточне ся сконъчили и дошли, всякіе справы, врадомъ вашей милости сенаторскимъ, такъ же врадомъ кгродъскимъ и земъскимъ поветовымъ належачіе, подъ зверхностью и тытуломъ нашимъ г[о]с[по]д[а]ръскимъ радили и справы судовые водле обычаю права посполитого и статуту Великого Князства Литовъского отъправовали. А ижъ намъ панове послове, перекладаючи немалые небезпеченъства того панства, Великого Князства Литовъского, обороны потребовали, тогды, яко есмо особу маестату нашого зо всимъ, што есмо намилшого въ себе мети могли, до тыхъ панствъ вынесли, такъ ку обороне и задержанью целости ихъ не толко маетности, але и здоровъя нашого господарского, где того потреба окажеть, литовати не будемъ, кгдыжъ, за постановенемъ обороны въ Короне Польской, вжо уфаленое и постановленое, такъ о всемъ добромъ и безпечномъ Коруны Полское и Великого Князства Литовъского зо всимъ усилованьемъ нашимъ обмышлеваемъ, ижъ быхмо ради безпечность и целость тыхъ панъствъ задержали, якожъ и теперъ замъки пограничные опатрити и людми служебными границы з властности нашое господарское осмотрети и посилити есмо велели, а до великого князя Московского, ознаймуючи ему панованье наше и то, же покой, застановленый з нимъ, дерьжати хочемъ и кровопролитя въ христіянъстве не жедаемъ, писали есмо и посланцы наши до него посылаемъ; ведъже до чого бы ся онъ мети хотелъ, тогды мы, маючи ведомость съ тое стороны, не омешкаемъ особою нашою ку поратованью и вшелякимъ потребамъ того паньства прибыти. Якожъ для того и для иныхъ всихъ потребъ, речи посполитое належачихъ, а неменшъ поважаючи потребы и жаданья народу Великого Князства Литовского въ тыхъ артыкулехъ, которіе ся теперъ безъ сойму вального скончити не могли, такъ же и для постановенья порадное обороны умыслили есмо съемъ вальный мети на день Светого Михаила въ Торуню, кгдыжъ съ Торуня такъ далеко до Вильня, яко и до Варшевы, догажаючи тому, ижъ быхмо ся тамъ, где того потреба окажеть, поспешити не омешкали, для чого и соймики повстовые передъ соймомъ великимъ вальнымъ передъ Светымъ Михаломъ за чотыри недели, то есть месеца сенътебра первого дня, складаемъ. На которихъ соймикохъ въ поветехъ вси станы, яко о тыхъ справахъ и артыкулехъ, о чомъ есте до насъ черезъ послы свои вказывали и што естъ до сойму великого вального отъложоно, такъ и то, што черезъ посла нашого на соймики поветовые отъ насъ будеть подано, якъ во всихъ

3) текстъ сеймиковыхъ листовъ, которые были отправлены къ княжатамъ и панятамъ, 4) текстъ „кредепса“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики, 5) текстъ господарскихъ листовъ съ порученіемъ посольства этимъ посламъ, 6) текстъ инструкціи имъ и 7) запись разсылки сеймиковыхъ документовъ, вышедшихъ изъ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года[1]). Для изученія созыва предсеймовыхъ сеймиковъ эпохи Стефана Баторія намъ удалось найти въ Литовской Метрикѣ еще документы лишь 1586 года, т. е. послѣднихъ предсеймовыхъ сеймиковъ, созванныхъ въ это царствованіе. Эти документы слѣдующіе: 1) текстъ сеймовыхъ листовъ господарскихъ въ повѣты, 2) текстъ „кредепса“ господарскимъ посламъ и 3) текстъ порученія этимъ посламъ господарскаго посольства на повѣтовые сеймики[2]).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ документы по созыву сеймиковъ передъ тремя сеймами эпохи Баторія: 1576, 1578 и 1586 годовъ. Но король Стефанъ созывалъ кромѣ сеймовъ и съѣзды. Въ 1577 году были созваны съѣзды какъ въ Княжествѣ, такъ и въ Коронѣ. Кромѣ того Баторіемъ созывались съѣзды и въ одномъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Документы по созыву сеймиковъ передъ этими съѣздами также сохранились. Для сеймиковъ передъ съѣздомъ 1577 года имѣемъ въ Литовской Метрикѣ слѣдующіе документы[3]): 1) текстъ инструкціи господарскимъ посламъ

посполитыхъ, такъ и въ кождой земли, воеводъствахъ и поветахъ особно потребахъ и долеглостяхъ намовивши, послы отъправили, которіе прикладомъ, яко се въ Польще въ Корчине и въ Коле соймики головные отправують, до Волъковыйска зъехавши и з собою се порозумевши, ижь бы отътуль прибытьемъ своимъ на соемъ великій вальный не омешкивали. А ижь тежь на постановеню сойму Любельского пры Уніи постановлено и депутовано певные особы для поправованья статуту, про то, што кольвекъ се поправило и еще до сойму вального поправити можеть, абы на тотъ же соймъ принесено, яко бы ся тому постановенью досыть стало, кгдыжь то и въ артыкулехъ короля Генърика, черезъ насъ поприсежоныхъ, естъ доложоно. Писанъ у Варъшаве, лета Божого Нарож[енья] 1576, месеца іюля 7 дня. Матей Савицкій, каштелянъ Подъляшъскій, писаръ Великого Князства Литовского“ (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. л. 14—16 об.).

1) Приложенія. № VI.

2) Приложенія. № X.

3) Приложенія. № III.

на эти сеймики, 2) текстъ господарскихъ универсаловъ въ повѣты, 3) два текста господарскихъ листовъ къ раднымъ панамъ, 4) текстъ господарскихъ листовъ съ порученіемъ посольства посламъ, назначеннымъ на повѣтовые сеймики, 5) запись лицъ, назначенныхъ господарскими послами, и запись разсылки сеймиковыхъ документовъ. Наконецъ, для созыва сеймиковъ передъ съѣздами 1578 и 1580 годовъ имѣемъ[1]: 1) текстъ господарскихъ листовъ въ повѣты и 2) запись разсылки сеймиковыхъ документовъ.

Такимъ образомъ, намъ не удалось найти въ Литовской Метрикѣ документовъ по созыву рѣшительно всѣхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго, созванныхъ Сигизмундомъ Августомъ и Стефаномъ Баторіемъ. Но это не лишаетъ насъ возможности изучить работу центральныхъ органовъ и канцеляріи Княжества по созыву предсеймовыхъ и предсъѣздовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ за эту эпоху: созывъ ихъ совершался по выработанному шаблону, съ очень небольшими къ нему добавленіями и отъ него уклоненіями, вызывавшимися иногда потребностями минуты, и для изученія общей картины этой работы собранные источники могутъ быть признаны совершенно достаточными. Съ другой стороны, мы рѣшились ограничить наше наблюденіе надъ документами канцеляріи Княжества, составляемыми въ ней для созыва этихъ сеймиковъ, 1586-мъ годомъ по слѣдующимъ основаніямъ: 1) установленіе опредѣленныхъ формъ, въ которыя вылилась работа государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго по созыву этого вида сеймиковъ послѣ Люблинской Уніи, опредѣлилось именно въ эту эпоху, которая завершилась составленіемъ III-го Литовскаго статута, ставшаго Литовско-Русскимъ кодексомъ для всего послѣдующаго существованія Великаго Княжества Литовскаго въ значеніи „панства", т. е. вплоть до раздѣловъ Речи Посполитой Польско-Литовской[2], 2) при изученіи подготовки повѣтовыхъ сеймиковъ эпохи Сигизмунда Вазы пришлось бы или перейти въ XVII сто-

1) Приложенія. №№ VII и VIII.

2) И послѣ присоединенія Великаго Княжества Литовскаго къ Россійской Имперіи III статутъ, какъ извѣстно, долго еще служилъ закономъ, дѣйствовавшимъ на его территоріи.

лѣтіе, или остановить это изученіе на половинѣ царствованія этого короля, что одинаково неудобно. Итакъ, ограничившись перечисленными выше документами, присмотримся поближе къ нимъ и познакомимся съ ихъ формою и характеромъ содержанія.

На первомъ планѣ въ ряду документовъ по созыву повѣтовыхъ сеймиковъ передъ сеймами и съѣздами нужно поставить господарскіе универсалы или листы въ повѣты, извѣщающіе повѣтовыхъ обывателей о предстоящихъ сеймикахъ и указывающіе вопросы, ради разрѣшенія которыхъ сеймики созываются. Эти листы обращаются къ повѣтовой шляхтѣ обычнымъ обращеніемъ универсаловъ: „княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, маръшалкомъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ земъскимъ и дворънымъ и всему рыцеръству-шляхте, обователемъ“ того или другого повѣта [1]. Иногда въ этой формулѣ обращенія встрѣчаемъ добавленными слова „кнегинямъ, панямъ, вдовамъ“ и „двораномъ нашимъ [2]“. Иногда во главѣ повѣтовыхъ обывателей обращеніе господарскаго сеймоваго листа ставитъ воеводу [3]), конечно, если этотъ листъ обращается къ обывателямъ центральнаго, а не другихъ повѣтовъ воеводства; иногда же въ этомъ обращеніи перечисляются всѣ радные паны такого повѣта [4]).

Универсалы въ повѣты не всегда одинаково подробны. Универсалы отъ 1 октября 1571 года [5]) представляютъ собою короткое извѣщеніе о предстоящихъ сеймикахъ и сеймѣ, который созывается „для великихъ а важныхъ потребъ земъскихъ Коруны Польское и Великого Князства Литовъского, яко одно сполное речи посполитое“, отложенныхъ отъ прошлыхъ сеймовъ; къ этому прибавляются „не менъшые потребы и небезпечности земъскіе“, которыя также не могутъ терпѣть никакой задержки. Далѣе говорится о назначеніи сейма на день „Трехъ Кролей, свята Рымъского“ въ 1572 году и о созывѣ повѣтовыхъ сеймиковъ въ Княжествѣ на 9 де-

1) Приложенія. Стр. 97. Ср. стр. 119, 123 и 140.

2) Ibidem. Стр. 64.

3) См. выше, стр. 378, примѣчаніе.

4) Приложенія. Стр. 13, 30, 39.

5) Приложенія № I, 2.

кабря 1571 года, такъ какъ, согласно статуту Великаго Княжества Литовскаго, повѣтовые сеймики должны предшествовать вальному сейму четырьмя недѣлями. Что касается до сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія предметовъ предстоящаго сейма, то универсалы его не даютъ; по ихъ словамъ, отъ господаря на сеймикъ посланъ его посолъ (названъ по имени) „з наукою зуполною", и имъ „вси тые справы и потребы земъскіе, которые выконанья своего потребують, также и всякіе небезъпечности, о чомъ на соймѣ вальномъ радити, з науки, отъ" господаря „на писме ему даное", собравшимся на сеймикѣ „оповеданы и достаточне а меновите ознаймены будуть". Въ заключеніе универсалы предписываютъ обывателямъ повѣта съѣхаться въ повѣтовый центръ на сеймикъ въ назначенный для него день, выслушать отъ господарскаго посла то, что поручено сообщить имъ, и, не ожидая долго еще не прибывшихъ на сеймикъ, сдѣлать „въ тыхъ речахъ намову межи собою", а затѣмъ выбрать изъ своей среды пословъ на сеймъ и выправить ихъ въ Варшаву, „давши имъ зуполъную, а не замероную отъ себе моцъ".

Универсалы Баторія, созывающіе повѣтовые сеймики передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года, подробнѣе [1]). Въ нихъ прежде всего читаемъ довольно обстоятельное упоминаніе о сношеніяхъ съ королемъ Стефаномъ Мстибоговскаго съѣзда Княжества [2]) и о согласіи послѣдняго на возведеніе на престолъ Баторія, а также о благодарности короля за это согласіе и объ утвержденіи имъ особыми листами правъ Великаго Княжества Литовскаго (за исключеніемъ отложеннаго на ближайшій сеймъ). Баторій съ благодарностью говоритъ о принесенной ему послами Княжества присягѣ именемъ всей Литовско-Русской шляхты и прибавляетъ о возобновленіи обычнаго функціонированія урядовъ послѣ прекращенія безкоролевья [3]). Далѣе универсалъ говоритъ о большихъ опасностяхъ Великаго Княжества Литовскаго, о которыхъ довели до свѣдѣнія короля послы Мстибоговскаго

---

1) См. выше стр. 377, прим. 8.

2) Объ этихъ сношеніяхъ см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 142 и сл.

3) Ср. выше, стр. 118, прим. 4.

съѣзда. Стефанъ Баторій готовъ служить дѣлу защиты Княжества, не жалѣя своихъ средствъ и здоровья; онъ упоминаетъ о своемъ распоряженіи осмотрѣть пограничные замки и усилить ихъ военныя средства, а также объ отправкѣ имъ пословъ въ Москву для установленія мира; въ случаѣ неблагопріятнаго оборота сношеній съ Московскимъ государемъ, король Стефанъ лично прибудетъ въ предѣлы Княжества. Для этихъ дѣлъ, а также для всѣхъ другихъ нуждъ государственныхъ, а не менѣе того и для разрѣшенія дѣла о требованіяхъ, представленныхъ королю для Великаго Княжества Литовскаго Мстибоговскимъ съѣздомъ, которыхъ онъ не можетъ исполнить безъ разсмотрѣнія ихъ сеймомъ, и наконецъ для постановленія „порадное обороны“ Стефанъ Баторій созываетъ въ Торунѣ сеймъ на день св. Михаила въ 1576 году. Торунь, какъ мѣсто для сейма, избранъ, по словамъ универсала, потому, что онъ находится въ одинаковомъ разстояніи какъ отъ Вильны, такъ и отъ Варшавы, и изъ него Баторій можетъ безъ задержки поспѣшить туда, „где того потреба окажеть“. Сеймики въ повѣтахъ Княжества назначаются на 1 сентября, и на нихъ повѣтовая шляхта приглашается совѣщаться 1) о тѣхъ „справахъ и артыкулехъ“, которые были переданы королю отъ Мстибоговскаго съѣзда и которые отложены до сейма, 2) о томъ, что будетъ изложено сеймику господарскимъ посломъ, 3) обо „всихъ посполитыхъ такъ и въ кождой земли, воеводъствахъ и поветахъ особно потребахъ и долеглостяхъ“. Сеймики должны выбрать своихъ пословъ на сеймъ, и эти послы передъ сеймомъ, на который они не должны опоздать, предварительно должны собраться и совѣщаться между собою въ Волковыйскѣ, подобно тому какъ это дѣлаютъ сеймиковые послы Польскіе въ Колѣ и Корчинѣ. Въ заключеніе универсалъ говоритъ о томъ, чтобы на предстоящій сеймъ были доставлены исправленія Литовскаго статута, которыя уже готовы или которыя будутъ изготовлены къ сейму. Это тѣ исправленія, о которыхъ постановилъ еще Люблинскій сеймъ, назначившій для совершенія ихъ депутатовъ, и о которыхъ говорятъ также Генриховы артикулы, утвержденные и присягою Стефана Баторія [1]).

---

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 194 и сл.

Повѣтовые универсалы передъ Торунскимъ сеймомъ несомнѣнно отражаютъ на себѣ обстоятельства признанія Стефана Баторія Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и настроеніе послѣдняго въ только что закончившееся безкоролевье[1]). Первая часть ихъ текста прямо говоритъ о нихъ. Самое объясненіе причины выбора Торуня, какъ мѣста для предстоящаго сейма, тѣмъ, что онъ находится въ одинаковомъ разстояніи отъ Вильны и отъ Варшавы, даетъ отзвукъ требованія Мстибоговскаго съѣзда о томъ, чтобы спольные вальные сеймы собирались попеременно въ Княжествѣ и въ Коронѣ. Наконецъ, можно указать и на упоминаніе о „потребахъ и долеглостяхъ" повѣтовъ, слова, которыя даетъ и II статутъ въ своемъ артикулѣ о повѣтовыхъ сеймикахъ, — настойчивая охрана своихъ правъ Княжествомъ въ эту эпоху могла заставить внести эти слова статута въ универсалы, хотя они и не вносились въ универсалы Сигизмунда Августа предъ сеймомъ 1572 года. Но обстоятельнаго изложенія дѣлъ, которыя будетъ обсуждать предстоящій сеймъ, не находимъ и въ этихъ универсалахъ: дѣла сейма сообщитъ повѣтовому сеймику господарскій посолъ по своей „наукѣ"-инструкціи, съ которою онъ явится.

Повѣтовые универсалы Стефана Баторія передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года также передаютъ обстоятельное изложеніе вопросовъ и дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію предстоящаго сейма, господарскому послу. Въ началѣ ихъ текста говорится о неуспѣшности занятій предыдущаго, т. е. Торунскаго сейма. Далѣе — о возобновленіи войны съ Москвою, о военныхъ успѣхахъ послѣдней и объ опустошеніяхъ, совершенныхъ ею. Король созываетъ сеймъ, „прыхиляючыся статутови, водле которого на соймехъ валныхъ о войне намовы мають быти"; также онъ заботится и объ организаціи правосудія. Затѣмъ указывается день открытія сейма и сеймиковъ. На послѣднихъ предлагается совѣщаться какъ объ изложенномъ выше, такъ и о другомъ, что „шырей черезъ посла" господарскаго „на томъ соймику" будетъ сообщено отъ господаря. Далѣе предписывается выбрать на сеймъ по два посла отъ повѣтовъ, „яко статутъ омавяеть", а также собраться всѣмъ на предсеймовый съѣздъ

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 115 и сл.

въ Волковыйскѣ вмѣстѣ съ этими послами, а оттуда съ ними же ѣхать на сеймъ. Король убѣждаетъ не опоздать на сеймъ, такъ какъ срокъ засѣданій его назначенъ короткій, а потребности государства чрезвычайныя. Покончивши на сеймѣ съ дѣлами, о которыхъ говорятъ универсалы (т. е. Московская война и устройство суда), Баторій выражаетъ готовность видѣть на немъ разрѣшенными и остальныя дѣла Великаго Княжества Литовскаго — „рады бы есмо тежъ и иные потребы речы посполитое, [которые] потребнейшые вашей милости паномъ радамъ и всимъ станомъ, на сойме будучымъ, видети будуть, обравшы, съ помочъю Божъю отъправовали, поколе часу, замероного сойму, ставати будеть“. Въ заключеніе король проситъ снабдить повѣтовыхъ пословъ „незамероною моцю“ и желаетъ поспѣшнаго прибытія ихъ на сеймъ.

Въ этихъ универсалахъ отражается: 1) крайне серьезный и напряженный моментъ для Великаго Княжества Литовскаго, въ который вступила Московская война, 2) протестъ Княжества противъ „незвыклаго“ съѣзда и сеймиковъ передъ нимъ, которые собиралъ Баторій въ предшествующемъ году[1]), — ссылки на статутъ особенно умѣстны въ виду этого и 3) желаніе короля Стефана не возстановлять противъ себя Княжества въ виду неисполненія Торунскимъ сеймомъ требованій Мстибоговскаго съѣзда и протеста на этомъ сеймѣ Литовско-Русскихъ представителей[2]). Послѣднее видно не только въ обѣщаніи короля заняться на сеймѣ „потребнейшими“ дѣлами Княжества, если останется время, но и въ его приглашеніи Литовско-Русской шляхты явиться цѣликомъ всей на Волковыйскій съѣздъ и Варшавскій сеймъ.

Сеймиковые универсалы Стефана Баторія, изданные 8 ноября 1586 года, кратки. Въ началѣ ихъ текста король съ грустью говоритъ о томъ, что всѣмъ извѣстна полная неуспѣшность для государства работы предыдущихъ сеймовъ. Баторій, очевидно, уже не вѣритъ въ способность сейма работать на пользу государства. Онъ говоритъ, что созы-

---

1) См. Приложенія, № IV и А. Вил. III, стр. 271—277. (Тотъ же документъ — A. H. R. G. P. ill. XI, № LVIII). Ср. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 161 и сл.

2) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 154—157 и прим. 4 къ стр. 154.

ваетъ новый сеймъ въ виду требованія созыва сеймовъ черезъ каждые два года „правомъ посполитымъ“. Помня это, король, „за радою пановъ радъ“ своихъ, для нуждъ государства назначаетъ сеймъ въ Варшавѣ на 2 февраля 1587 года, а сеймики передъ этимъ сеймомъ, согласно статуту, — на 2 января того же года. На повѣтовые сеймики явится господарскій посолъ, который именемъ короля сообщитъ всѣ дѣла, предположенныя для занятій предстоящаго сейма. Сеймикующимъ предписывается, обдумавъ эти нужды государства, выбрать и послать своихъ пословъ на сеймъ съ „моцю незамероною“. Эти универсалы не сообщаютъ повѣтовой шляхтѣ ровно ничего о содержаніи дѣлъ и вопросовъ, которые будутъ обсуждаться на предстоящемъ сеймѣ, цѣликомъ возлагая на господарскаго посла ознакомленіе съ ними сеймикующихъ. Начало документа говоритъ лишь о настроеніи Баторія въ послѣдній годъ его жизни, когда онъ созывалъ уже не успѣвшій собраться въ его царствованіе сеймъ и когда онъ находился въ тяжеломъ положеніи человѣка, убѣдившагося въ своемъ безсиліи сдѣлать для соединеннаго государства то, о чемъ онъ мечталъ раньше какъ его господарь.

Подведемъ итогъ подъ нашими наблюденіями надъ имѣющимися въ нашемъ распоряженіи господарскими сеймиковыми универсалами эпохи между Люблинской Уніей и смертью Стефана Баторія. Универсалы передъ послѣдними сеймиками царствованія Сигизмунда Августа не даютъ никакихъ предварительныхъ сообщеній повѣтовой шляхтѣ о томъ, что ей придется обсуждать на сеймикѣ какъ дѣла предстоящаго сейма. Это она узнаетъ лишь во время сеймикованья отъ господарскаго посла. То же нужно сказать и объ универсалахъ Баторія, созывающихъ не успѣвшіе уже собраться за его смертью повѣтовые сеймики 1587 года. Остальные изъ разсмотрѣнныхъ нами универсаловъ короля Стефана, также предоставляя господарскимъ посламъ обстоятельное ознакомленіе сеймиковъ съ вопросами и дѣлами предстоящаго сейма, даютъ, однако, указаніе главнѣйшихъ потребностей государства, въ данное время подлежащихъ обсужденію предстоящаго сейма, дѣлая это, правда, въ самомъ общемъ видѣ. Сверхъ того универсалы Баторія въ своихъ обращеніяхъ къ шляхтѣ повѣтовъ даютъ ей свѣдѣнія о настроеніи господаря и объ его личномъ отношеніи

къ вопросамъ, волнующимъ и занимающимъ народъ-шляхту. Такимъ образомъ, изученіе разсмотрѣнныхъ сеймовыхъ или сеймиковыхъ универсаловъ приводитъ насъ къ двумъ выводамъ: 1) эти универсалы почти отказываются отъ задачи ознакомленія повѣтовой шляхты съ дѣлами предстоящаго сейма и стремятся передавать ее цѣликомъ въ руки господарскаго посла и его „науки“, превращаясь сами въ болѣе или менѣе формальное оповѣщеніе шляхетскихъ повѣтовъ о сеймикахъ и сеймѣ; 2) эти универсалы служатъ не только прямому своему назначенію, т. е. созыву повѣтовыхъ сеймиковъ, но ими пользуется господарь и для того, чтобы входить черезъ нихъ въ непосредственное общеніе съ народомъ-шляхтою, помимо спольнаго сейма и его пословъ и пановъ радныхъ, и высказывается передъ нимъ въ этихъ листахъ непосредственно. И Стефанъ Баторій, неудовлетворенный дѣятельностью сеймовъ, видимо, искалъ этого общенія прямо съ шляхетскимъ народомъ черезъ головы пановъ-рады и пословъ повѣтовыхъ, въ этомъ общеніи отыскивая почву для своей дѣятельности.

Обратимся теперь къ универсаламъ Баторія, созывающимъ повѣтовые сеймики не передъ сеймомъ, а передъ Литовско-Русскимъ съѣздомъ, сеймикомъ „головнымъ“, какъ его называютъ иногда источники. Первые сеймики этого рода были созваны въ 1577 году. Универсалы въ повѣты передъ ними составлены съ гораздо болѣе обстоятельнымъ изложеніемъ требующихъ обсужденія дѣлъ, чѣмъ это дѣлалось въ универсалахъ по созыву сеймиковъ предсеймовыхъ. Послѣ обычнаго обращенія къ повѣтовой шляхтѣ текстъ этихъ универсаловъ говоритъ о Гданскомъ дѣлѣ, Татарскомъ вторженіи и постановленіи посполитаго рушенья Торунскимъ сеймомъ. Король уже выдалъ военные листы, призывающіе въ посполитое рушенье, но паны-рада, собранные Баторіемъ на конвокацію во Вроцлавокъ, посовѣтовали ему, задержавъ созывъ земскаго войска въ рушеньѣ, сначала собрать повѣтовые сеймики и обратиться къ нимъ съ предложеніемъ найти способъ для борьбы съ Гданскомъ и съ Татарами. Король согласился съ этимъ предложеніемъ пановъ-рады и назначилъ повѣтовые и главные сеймики въ Великой и Малой Польшахъ, а также въ Мазовіи. Великому Княжеству Литовскому на 22 іюня 1577 года также назначаются по-

вѣтовые сеймики, а черезъ двѣ недѣли послѣ нихъ главный сеймикъ въ Волковыйскѣ, „на местьцу упрывилеваномъ". Баторій приглашаетъ повѣтовыхъ обывателей съѣзжаться на эти сеймики для „достаточъныхъ намовъ" и, обращаясь къ раднымъ панамъ и „стану рыцеръскому", проситъ ихъ выбрать изъ своей среды на Волковыйскій главный сеймикъ по нѣскольку пословъ, которые должны королю „дорогу показать", какъ справиться съ затрудненіями, переживаемыми государствомъ. На повѣтовые сеймики явятся господарскіе послы съ инструкціею отъ короля Стефана, и эти послы „шырей" изложатъ сеймикамъ дѣла и потребности, ради которыхъ они созываются. Король говоритъ о своей готовности, не жалѣя себя, служить государству и выражаетъ увѣренность, что по примѣру своихъ предковъ повѣтовая шляхта соберется на свои сеймики и укажетъ ему путь къ выводу государства изъ его затрудненій. Далѣе Баторій гарантируетъ, что созываемые необычные сеймики не причинятъ никакого ущерба „праву посполитому и звычаю давному"; передъ сеймомъ будутъ созваны обычные сеймики, и пусть никто не видитъ въ настоящемъ распоряженіи короля „уближенье праву посполитому". Въ заключеніе король Стефанъ отдаетъ приказаніе административному уряду повѣта опубликовать настоящій его универсалъ въ городѣ и при храмахъ.

Универсалы, созывающіе повѣтовые сеймики и съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго въ 1580 году, также составлены съ обстоятельнымъ изложеніемъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго съѣзда. Они даже замѣняютъ собою подробное ознакомленіе сеймикующихъ съ этими вопросами, обыкновенно получаемое ими отъ господарскихъ пословъ, которые даже вовсе и не были отправлены на эти сеймики. Послѣ обычнаго обращенія къ повѣтовымъ обывателямъ текстъ этихъ универсаловъ излагаетъ заслуги короля Стефана передъ государствомъ съ начала его царствованія и особенно отмѣчаетъ возвращеніе имъ отъ Москвы завоеванныхъ ею Литовско-Русскихъ городовъ и замковъ. Но мира съ Москвою еще нѣтъ. Для выработки способовъ добиться отъ нея „успокоеня панствъ" короля былъ недавно созванъ вальный сеймъ въ Варшавѣ[1]), который рѣшилъ

1) Имѣется въ виду сеймъ 1579—1580 годовъ.

продолжать Московскую войну. Не жалѣя себя, Баторій поспѣшилъ послѣ этого сейма въ Великое Княжество Литовское для быстраго принятія военныхъ мѣръ. Иванъ IV прислалъ своего гонца съ предложеніемъ выслать къ нему пословъ, но это сдѣлано имъ лишь для того, чтобы выиграть время. Королю Стефану нужно рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) о своемъ „рушеньѣ" къ войску, 2) о безопасности Великаго Княжества Литовскаго во время его отсутствія, 3) о предложеніи, присланномъ великимъ княземъ Московскимъ черезъ его „посланника", и о возможной его готовности къ заключенію мира „не з ущербкомъ, але з вывышанемъ славы" господаря и рыцарства Княжества, 4) „о иншихъ справахъ земъскихъ". Это „всимъ станомъ ведати належить" и никого не касается больше, чѣмъ „верныхъ обывателей панства того", т. е. Великаго Княжества Литовскаго, и обезпеченія ихъ женъ, дѣтей и имущества. Желая обо всемъ этомъ посовѣтоваться со всѣми Литовско-Русскими станами, Баторій назначилъ и назначаетъ настоящимъ своимъ листомъ съѣздъ панамъ-радѣ, земскимъ урядникамъ и всѣмъ, кого изберетъ повѣтовая шляхта Княжества изъ своей среды. Съѣздъ назначается на 17 апрѣля 1580 года „въ столечномъ мѣстѣ", въ Вильнѣ, а повѣтовые передъ нимъ сеймики — на 5-ое число того же мѣсяца. На своемъ сеймикѣ, который соберется въ обычномъ мѣстѣ сеймикованья, повѣтовая шляхта обсудитъ то, что изложено въ настоящемъ универсалѣ, и изберетъ изъ своей среды на предстоящій Виленскій съѣздъ двухъ, трехъ, или больше, сколько пожелаетъ, своихъ пословъ. Универсалъ этимъ приглашаетъ обывателей повѣтовыхъ „обмышлять" вмѣстѣ съ панами-радою и другими станами, которые съѣдутся въ Вильнѣ 17 апрѣля. Въ заключеніе дается удостовѣреніе того, что Стефанъ Баторій желаетъ Великому Княжеству Литовскому всякаго добра и будетъ всѣми силами дѣйствовать въ пользу расширенія вольностей и выгодъ Княжества, а также для увеличенія спокойствія его обывателей. Достаточно обстоятельное изложеніе дѣлъ находимъ и въ текстѣ универсаловъ, созывающихъ Виленскій съѣздъ 1578 года[1]).

Такимъ образомъ, универсалы, созывающіе повѣтовые

---

1) Приложенія. Стр. 119—121.

сеймики передъ съѣздами, стараются возможно полнѣе ввести повѣтовыхъ обывателей въ дѣла, заставляющія созывать эти съѣзды. Отсутствіе утвержденія этого вида шляхетскихъ собраній въ „правѣ посполитомъ", т. е. въ статутѣ, и исключительность обстоятельствъ, при которыхъ они созывались, требовали и болѣе подробныхъ сообщеній шляхетскимъ повѣтамъ.

Господарскіе универсалы, созывающіе повѣтовые предсеймовые сеймики и соймъ, отсылаются для опубликованія въ повѣтахъ къ администраціи послѣднихъ, т. е. къ воеводамъ въ центральныхъ повѣтахъ и къ судовымъ старостамъ въ остальныхъ. Это опубликованіе требуетъ соотвѣтствующей дѣятельности повѣтовыхъ административныхъ органовъ. „Справа соймовая" 1571 года имѣетъ въ своемъ составѣ и особый текстъ листовъ, вышедшихъ изъ Литовской канцеляріи — „а до старостъ поветовыхъ о ознаймене листовъ соймовыхъ" [1]), — предписывающихъ это опубликованіе. Листъ обращается отъ имени господаря къ старостѣ, или, въ случаѣ его отсутствія, къ его намѣстнику съ извѣщеніемъ, что „до рукъ" его посылается господарскій листъ „отворопый" (о назначеніи сеймика и сейма) къ князьямъ, панамъ, воеводамъ, старостамъ, урядникамъ земскимъ и дворнымъ и ко всѣмъ станамъ народа шляхетскаго, владѣющимъ имѣніями въ его повѣтѣ. Старостѣ или его подстаростѣ предписывается этотъ листъ, сейчасъ же по его полученіи, огласить въ городахъ и мѣстечкахъ повѣта при храмахъ и на торгахъ, снять съ него копіи и разослать ихъ черезъ повѣтовыхъ возныхъ въ имѣнія радныхъ пановъ, княжатъ, панятъ и урядниковъ земскихъ и дворныхъ, находящіяся въ этомъ повѣтѣ. Когда соберется сеймикъ, представитель старостинскаго повѣтоваго уряда, т. е. самъ староста или его подстароста, долженъ предъявить присланный ему отъ господаря сеймиковый универсалъ собравшейся на повѣтовый сеймикъ шляхтѣ.

Но спеціальные листы съ распоряженіями по опубликованію универсаловъ, созывающихъ повѣтовые сеймики, быть можетъ, и не представляли собою необходимой части „справъ соймовыхъ". Правда, что отсутствіе ихъ текста въ

1) Приложенія. Стр. 27—28.

группахъ сеймиковыхъ документовъ, собранныхъ нами въ Литовской Метрикѣ для сеймиковъ времени Стефана Баторія, можетъ быть объясняемо и случайностью, вродѣ недосмотра или сознательнаго пропуска ихъ переписчиками Метрики въ канцлерство Льва Сапеги, но можно и думать, что практика созывовъ сеймовъ и сеймиковъ мало по малу должна была упразднить эти листы. Въ самомъ текстѣ сеймиковыхъ универсаловъ въ повѣты, изданныхъ въ царствованіе Баторія, находимъ иногда и приказаніе объ опубликованіи ихъ, отдаваемое органу повѣтовой администраціи [1]. Статутъ 1588 года, который вообще исправлялъ и дополнялъ II статутъ на основаніи потребностей, обнаруженныхъ жизнью за время, протекшее между утвержденіемъ этихъ двухъ Литовско-Русскихъ кодексовъ, вноситъ прямо въ законъ способъ опубликованія сеймиковыхъ универсаловъ, говоря притомъ, что они опубликовываются такъ же, какъ и листы военные, т. е. созывающіе земское войско Великаго Княжества Литовскаго въ посполитомъ рушеньѣ [2]).

Кромѣ универсаловъ въ повѣты при созывѣ сеймиковъ и сеймовъ въ государственной канцеляріи Княжества, какъ и въ эпоху до Уніи, составлялись господарскіе листы 1) къ панамъ-радѣ и 2) къ княжатамъ, панятамъ и урядникамъ земскимъ и дворнымъ. Познакомимся сначала со вторыми изъ этихъ листовъ. Они посылались адресатамъ не запечатанными („отвороные“), какъ и универсалы въ повѣты. Уже это одно уменьшало ихъ значеніе: у господаря для ихъ адресатовъ нѣтъ дѣлъ и сообщеній, которыя требовали бы охраны ихъ тайны, и съ листами къ нимъ знакомятся и повѣтовый старостинскій урядъ, и лицо, ихъ доставлявшее по назначенію. Въ „справѣ соймовой“ 1571 года, какъ образецъ текста листовъ къ княжатамъ и панятамъ, приведенъ листъ къ князю Юрію Юрьевичу Слуцкому. Въ этомъ листѣ Сигизмундомъ Августомъ сообщается князю Слуцкому, что онъ рѣшилъ созвать на 6 января 1572 года въ Варшавѣ вальный сеймъ „для великихъ а важныхъ потребъ земскихъ Коруны Полское и Великого Князства Литовъского, яко одное сполное речи посполитое“. Отъ предшествующихъ сеймовъ отложены дѣла,

---

1) См. Приложенія, стр. 66, 100.

2) III ст., III, 6.

которыя „выконанья скутечного потребують"; къ нимъ присоединились „не меньшіе потребы и небезъпечности земъскіе", также не терпящія задержки. Этимъ объясняетъ излагаемый листъ рѣшеніе короля созвать спольный вальный сеймъ въ Варшавѣ на 6 января 1572 года, а 9 декабря 1571 года собрать въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ повѣтовые сеймики, которые согласно Литовскому статуту должны четырьмя недѣлями предшествовать сейму. Всѣ предметы предстоящаго сейма будутъ сообщены сеймикамъ господарскими послами, отправленными королемъ въ повѣты „з наукою зупольною". Отъ князя Слуцкаго господарскій листъ требуетъ участія въ занятіяхъ повѣтоваго сеймика. Онъ говоритъ: „а такъ штобы твоя милость, о томъ ведаючи, а на соймикъ поветовый, на часъ и день помененый, до повету належного, въ которомъ головнейшіе имена свои маешъ, зъехавши, сполне з ыными князи, паны и врадники земскими и дворными, такъ же з рыцерствомъ-шляхтою, которые ся тежъ на оный соймикъ зъедуть, тыхъ всихъ потребъ земъскихъ отъ посланца нашого съ писма науки нашое, ему даное, выслухали и, не ждучи долго иншихъ, хто бы пріехати омешкалъ", учинили „намову" между собою на сеймикѣ и выбрали изъ своей среды пословъ на сеймъ, давъ имъ „зуполную, а не замероную отъ себе моцъ", и выправили ихъ въ Варшаву на сеймъ. Такого же содержанія, какъ листъ къ князю Слуцкому, были передъ Варшавскимъ сеймомъ 1572 года отправлены листы къ князьямъ Лукомскимъ, Друцкимъ, Гедройтямъ, Соколинскимъ и къ панамъ Воловичамъ, Глѣбовичамъ, Зеновьевичамъ, Завишамъ, Остикамъ и Нарбутамъ.

Въ числѣ документовъ по подготовкѣ Варшавскаго сейма 1578 года также сохранился текстъ господарскаго листа къ княжатамъ и панятамъ [1]). Какъ образецъ этого текста въ LX-ой книгѣ Литовскихъ Записей Метрики приведенъ

---

1) Въ книгѣ Литовской Метрики этотъ листъ озаглавленъ: „Листъ соймиковый до княжатъ, панятъ и шляхты" (см. Приложенія, стр. 101). Слова „и шляхты" внесены въ этотъ заголовокъ (быть можетъ только при перепискѣ Метрики на рубежѣ XVI и XVII столѣтій), конечно, по недосмотру, такъ какъ рядовая шляхта не получала особыхъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками, оповѣщаемая о нихъ общими универсалами въ повѣты.

листъ къ князьямъ Друцкимъ. Въ немъ Стефанъ Баторій, обращаясь „ко всимъ княземъ Друцъкимъ“, извѣщаетъ ихъ о назначеніи имъ на 14 января 1578 года сейма въ Варшавѣ въ виду потребностей государства, согласно „радѣ“ пановъ радныхъ. „Водлугъ звыклого обычаю, яко статутъ омаваеть“, назначены предсеймовые сеймики для „намовъ сполныхъ“ и выправы пословъ сеймовыхъ, а черезъ двѣ недѣли послѣ этихъ сеймиковъ назначается съѣздъ въ Волковыйскѣ. Князья Друцкіе приглашаются Баторіемъ прибыть на повѣтовые сеймики, участвовать въ ихъ „намовахъ“ о дѣлахъ, которыя указаны въ универсалахъ и которыя сообщитъ сеймику подробнѣе господарскій посолъ, и принять участіе въ выборѣ пословъ и въ выправѣ ихъ съ неограниченными полномочіями на предстоящій сеймъ. По даннымъ записи разсылки господарскихъ листовъ передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года такіе листы были посланы князьямъ Свирскимъ, Ярославичамъ, Жижемскимъ, Огинскимъ, Друцкимъ, Лукомскимъ, Соколинскимъ, Гедройтямъ, Полубенскимъ, панамъ Воловичамъ, Тишкевичамъ, Шеметамъ, Зеновьевичамъ, Сапегамъ, Завишамъ и Хребтовичамъ и старостамъ Городенскому и Оршанскому.

Рядомъ съ листами къ княжатамъ и панятамъ изъ Литовской канцеляріи передъ сеймиками и сеймомъ отправлялись особые господарскіе листы къ урядникамъ земскимъ и дворнымъ. „Справа соймовая“ 1571 года называетъ такіе листы къ подчашію, крайчію, стольнику, чашнику, мечному, хоружію земскому, хоружію дворному, тивунамъ Виленскому и Троцкому. Текстъ этихъ листовъ тотъ же, что и текстъ листовъ къ княжатамъ и панятамъ — „тымъ тежъ обычаемъ, яко вышей до княжатъ, панятъ описано“. Та же „справа“ даетъ еще текстъ особыхъ господарскихъ листовъ къ повѣтовымъ маршалкамъ: князьямъ Лукашу и Яну Болкамъ, панамъ Волчку, Ивану Воловичу, Каленицкому, Александру Вагановскому, Миколаю Сапегѣ и Кирдею. Текстъ этихъ листовъ дословно сходенъ съ текстомъ листовъ къ княжатамъ и панятамъ. Запись разсылки сеймиковыхъ листовъ передъ сеймомъ 1578 года нѣсколько иначе говоритъ объ этихъ листахъ къ княжатамъ, панятамъ и урядникамъ земскимъ и дворнымъ. Мы привели выше перечень княжатъ и панятъ, которымъ были посланы особые листы передъ сеймиками и

сеймомъ 1578 года. Такіе же, т. е. „отъвороные“, листы были тогда посланы къ повѣтовымъ маршалкамъ[1]) и къ тивунамъ[2]). Къ князю же Слуцкому, подчашію, крайчію, стольнику, ловчію, подстолію, хоружію земскому, чашнику, хоружію дворному, мечному, а также къ писарямъ Гарабурдѣ и Андрею[3]) были посланы листы „запитые“, какъ и къ панамъ-радѣ. Передъ съѣздомъ 1577 года особые листы въ записи ихъ разсылки указаны вмѣстѣ и къ панамъ-радѣ, и къ урядникамъ. Кромѣ сенаторовъ Великаго Княжества Литовскаго въ этомъ спискѣ стоятъ: князь Слуцкій, подскарбій дворный, подчашій, стольникъ, подстолій, чашникъ, мечный, старосты Городенскій и Оршанскій и повѣтовые маршалки. Наконецъ, запись разсылки господарскихъ листовъ передъ сеймиками и Виленскимъ съѣздомъ 1580 года указываетъ 12 листовъ къ тивунамъ и листы къ сенаторамъ, причемъ въ перечнѣ сенаторовъ уже не встрѣчаемъ князя Слуцкаго и земскихъ и дворныхъ урядниковъ кромѣ подскарбія дворнаго[4]).

Остановимся нѣсколько на записяхъ этихъ разсылокъ господарскихъ листовъ передъ повѣтовыми сеймиками и постараемся выяснить: 1) кто, кромѣ сенаторовъ, имѣлъ право на полученіе особыхъ, лично адресованныхъ сеймиковыхъ листовъ; 2) какое основаніе было для того, чтобы нѣкоторыя лица изъ шляхты, не принадлежащія къ составу сената, получали такіе особые листы, въ то время какъ остальная шляхта должна была довольствоваться общими универсалами въ повѣты; 3) насколько увеличивали эти листы освѣдомленность ихъ адресатовъ по сравненію съ освѣдомленностью остальной массы повѣтоваго шляхетства. Начнемъ съ послѣдняго вопроса. Текстъ листа къ княжатамъ и панятамъ, который былъ составленъ передъ Варшавскимъ сеймомъ 1572 года, совершенно совпадаетъ съ текстомъ повѣтовыхъ универсаловъ передъ тѣмъ

1) Числомъ 13.

2) Числомъ 12.

3) Т. е. Андрею Ивановичу Обрынскому. Ср. J. Wolff, Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Lit., str. 270.

4) Запись разсылки универсаловъ, созывающихъ Виленскій съѣздъ 1578 года (Приложенія, стр. 121-122), внѣ всякаго сомнѣнія имѣетъ очень значительные пропуски, а потому мы и оставляемъ ее въ сторонѣ.

же сеймомъ. Различіе ихъ только въ обращеніи да въ соотвѣтствующей замѣнѣ множественнаго числа единственнымъ, если господарскій листъ обращался къ одному князю или пану, а не къ нѣсколькимъ. Текстъ господарскаго листа къ княжатамъ и панятамъ, выданнаго передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года, даже много короче текста повѣтовыхъ универсаловъ, выданныхъ тогда же. Онъ представляетъ собою простое формальное приглашеніе явиться на повѣтовый сеймикъ и участвовать въ его занятіяхъ. Наконецъ, на основаніи приписки, сдѣланной въ книгѣ Литовской Метрики послѣ текста повѣтовыхъ листовъ передъ Виленскимъ съѣздомъ 1580 года[1]), можемъ полагать, что и при этомъ созывѣ повѣтовыхъ сеймиковъ лицамъ, получавшимъ особые листы, были отправлены обыкновенные повѣтовые универсалы. Такимъ образомъ, нужно признать, что особый господарскій листъ передъ сеймикомъ не прибавлялъ ничего къ освѣдомленности его адресата въ дѣлахъ и вопросахъ предстоящихъ сеймиковъ и сеймовъ къ тому, что онъ узнавалъ изъ повѣтоваго универсала или зналъ изъ другихъ источниковъ, доступныхъ ему, благодаря его знакомствамъ и чисто личнымъ связямъ. Можно даже подмѣтить тенденцію къ сокращенію содержанія этихъ лично адресуемыхъ господарскихъ листовъ по сравненію съ повѣтовыми универсалами, которые были вполнѣ доступны ознакомленію княжатъ, панятъ и урядниковъ, какъ повѣтовыхъ обывателей.

Основаніемъ для полученія этихъ личныхъ извѣщеній передъ сеймиками и сеймомъ было уже извѣстное намъ[2]) требованіе II-го статута, подтвержденное и Городенскимъ сеймомъ 1566—1567 годовъ, о томъ, чтобы князья, паны, маршалки и всѣ урядники земскіе и дворные получали „подлѣ старого обычаю“ особые господарскіе листы, приглашающіе ихъ на вальные сеймы, а стало быть, и на предваряющіе послѣдніе сеймики повѣтовые. Послѣ заключенія Люблинской Уніи Великое Княжество Литовское сеймовало уже на Коронномъ сеймѣ, который, хотя и сталъ „сполнымъ“, т. е. Польско-Литовскимъ, но не допустилъ въ свой составъ этихъ лицъ, хотя Княжество и долго настаивало на уступкахъ Польши

1) Приложенія. Стр. 125, прим. 2.
2) См. выше, стр. 335—336.

въ этомъ отношеніи [1]). Однако статутъ 1566 года былъ дѣйствующимъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ закономъ и въ эпоху послѣ заключенія Люблинской Уніи, и это требовало исполненія его постановленій о способахъ созыва соймиковъ и сеймовъ. Но измѣненіе сеймованья черезъ замѣну вальнаго сейма Княжества общимъ сеймомъ съ Короною требовало отказа отъ этого постановленія II-го статута или соотвѣтствующаго его измѣненія. Статутъ 1588 года такое измѣненіе и совершилъ. Вмѣсто особаго вызова на сеймы княжатъ, панятъ, маршалковъ и урядниковъ земскихъ и дворныхъ онъ установилъ простое доставленіе каждому изъ нихъ экземпляра универсала о созывѣ сеймиковъ, добавивъ къ этимъ лицамъ и урядниковъ повѣтовыхъ, чего требовало опредѣлившееся къ этому времени значеніе шляхетскаго повѣта [2]). Статутъ 1588 года требуетъ, чтобы, получивъ за двѣ недѣли до сеймиковъ господарскіе о нихъ универсалы, гродскій урядъ каждаго повѣта разослалъ ихъ „черезъ возныхъ поветовыхъ до пановъ радъ, до княжатъ, панятъ, врядниковъ земъскихъ и поветовыхъ и до инъшихъ становъ народу шляхетского, до кого перѣдъ тымъ [з] стародавна листы соймовые съ канъцляреи" господарской „посылывано". Эти листы возные „до домовъ ихъ мають носить" [3]). Такимъ образомъ, несмотря на всю неуступчивость Великаго Княжества Литовскаго въ дѣлѣ сохраненія своей „старины" въ годы послѣ заключенія Уніи, оно должно было признать необходимость соотвѣтствующаго ея измѣненія въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что практика созыва сеймиковъ, какъ мы это видѣли, обнаружила и ненадобность для существа дѣла въ особыхъ текстахъ господарскихъ листовъ, отправляемыхъ къ княжатамъ, панятамъ и урядникамъ. Отмѣнивъ окончательно эти особые листы, III статутъ, однако, съ традиціей совсѣмъ порвать не рѣшился и постарался примирить ее съ этою отмѣною, потребовавъ доставленія экземпляровъ общихъ повѣтовыхъ универсаловъ о сеймикахъ на домъ тѣмъ, кто получалъ прежде особые листы сеймовые.

---

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 100 и др.
2) См. выше, стр. 336, прим. 2.
3) III ст., III, 6.

Что касается состава лицъ, получавшихъ въ эпоху послѣ 1569 года особые господарскіе листы передъ повѣтовыми сеймиками, то мы не рѣшились бы строго основываться на данныхъ записей ихъ адресатовъ при опредѣленіи этого состава. Выше мы видѣли[1]) списокъ этихъ лицъ, составленный въ 1569 году. Съ нимъ не вполнѣ совпадаютъ списки адресатовъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками 1571, 1577 и 1578 годовъ. Конечно, составъ княжатъ и панятъ съ теченіемъ времени долженъ былъ мѣняться въ силу прекращенія отдѣльныхъ фамилій или мельчанія ихъ, но на такомъ короткомъ протяженіи времени эти перемѣны не должны были быть слишкомъ замѣтны. Притомъ списокъ князей и пановъ въ записи разсылки сеймиковыхъ листовъ 1578 года полнѣе, чѣмъ въ такихъ же записяхъ 1571 и 1577 годовъ. Это заставляетъ насъ удержаться отъ составленія претендующаго на полноту списка князей и пановъ, имѣвшихъ право на ряду съ урядниками земскими и дворными на полученіе особыхъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками. Нахожденіе ихъ именъ въ соотвѣтствующихъ записяхъ книгъ Литовской Метрики доказываетъ несомнѣнно наличность ихъ въ ряду адресатовъ этихъ листовъ, но отсутствіе чьего-либо имени едва ли можетъ быть признано основаніемъ для того, чтобы считать его доказательствомъ дѣйствительнаго отказа лицу, носящему это имя, въ правѣ полученія такого листа. Съ одной стороны, нужно думать, что вопросомъ о доставленіи спеціальныхъ листовъ передъ сеймиками отдѣльнымъ лицамъ были болѣе озабочены повѣтовые уряды, съ ними имѣвшіе дѣло на мѣстѣ, чѣмъ органы центральнаго управленія; съ другой стороны, при перепискѣ Литовской Метрики на рубежѣ XVI и XVII столѣтій, конечно, считались больше съ практическимъ, а не историческимъ значеніемъ ея книгъ[2]), а списки князей и пановъ не представляли въ этомъ отношеніи большой цѣны, какъ и вообще большинство сеймиковыхъ документовъ, выходившихъ изъ государственной канцеляріи Княжества[3]).

---

1) Стр. 341—345.

2) Ср. Р. Ист. Б. XXVII, Предисловіе, стр. II.

3) Этимъ мы, главнымъ образомъ, объясняемъ и отсутствіе ряда такихъ документовъ въ книгахъ Метрики Литовской.

Обратимся къ знакомству съ содержаніемъ господарскихъ листовъ, которые передъ повѣтовыми сеймиками и слѣдующимъ за ними сеймомъ разсылались панамъ-радѣ Великаго Княжества Литовскаго. Внѣшняя особенность этихъ листовъ та, что они посылались запечатанными, „зашитыми", а не „отворозными". Иногда различаются листы къ панамъ-радѣ „старшимъ", т. е. къ бискупу, воеводѣ и каштеляну Виленскимъ, воеводѣ и каштеляну Троцкимъ и старостѣ Жомоитскому, и къ „меньшимъ" раднымъ панамъ, т. е. ко всѣмъ остальнымъ Литовско-Русскимъ сенаторамъ. Какъ образецъ „зашитаго" листа къ старшимъ панамъ-радѣ „справа соймовая" 1571 года приводитъ листъ къ Виленскому бискупу, князю Валеріяну. Въ этомъ листѣ читается слѣдующее. Сигизмундъ Августъ говоритъ, что Виленскому бискупу изъ ранѣе полученныхъ имъ господарскихъ листовъ, которыми спрашивалось его мнѣніе о назначеніи вальнаго сейма, уже извѣстно объ опасностяхъ, грозящихъ государству. Эти опасности: 1) образъ дѣйствій „мистра Немецкого" по отношенію къ Прусской землѣ, 2) дѣйствія королей Шведскаго и Датскаго по отношенію къ землѣ Лифляндской и „знищенье" Гданскаго порта, 3) исходъ времени перемирія съ Москвою, 4) требованіе Крымскимъ ханомъ упоминковъ въ двѣсти тысячъ золотыхъ, задержанныхъ за три года, и его угрозы вторгнуться въ предѣлы государствъ Сигизмунда Августа въ случаѣ ихъ неуплаты — объ этомъ онъ нѣсколько разъ давалъ знать черезъ свои листы и своихъ гонцовъ, а теперь сообщилъ о своей неслыханной прежде побѣдѣ надъ великимъ княземъ Московскимъ [1]), о чемъ бискупъ Виленскій подробнѣе узнаетъ изъ посылаемой къ нему копіи листа, присланнаго отъ хана съ гонцомъ. Кромѣ того много есть и другихъ опасностей, которыя грозятъ отъ сосѣдей. Нужно заняться и дѣломъ Риги, которая имѣетъ вліяніе не только на другіе Лифляндскіе города, но и на всю землю Лифляндскую и которая все еще не можетъ придти въ полное подданство Сигизмунду Августу и Польско-Литовскому государству [2]), а также и Гданскомъ, Торунемъ

---

1) Имѣется въ виду извѣстное вторженіе въ Московскіе предѣлы Крымскаго хана въ 1571 году.

2) „речи посполитой обойга народу, Польского и Литовъского".

и Елбингомъ, Прусскими городами, отказывающимися исполнять сеймовыя уфалы и декреты и мандаты Сигизмунда Августа [1]). Кромѣ вальнаго сейма король не видитъ иного пути, чтобы „забечи“ всѣмъ этимъ дѣламъ и вопросамъ. Наконецъ, сверхъ того и отъ предшествующихъ сеймовъ отложены важныя дѣла, которыя требуютъ немедленнаго и окончательнаго разрѣшенія. Въ виду всего этого Сигизмундъ Августъ назначилъ спольный вальный сеймъ въ Варшавѣ на 6 января 1572 года, а согласно статуту вальному сейму должны предшествовать четырьмя недѣлями повѣтовые сеймики, которые и назначаются на 9 декабря 1571 года. Король „напоминаетъ“ Виленскаго бискупа, чтобы онъ „з повинъности и з належъности достоенъства своего“ не замедлилъ пріѣхать въ Вильну на этотъ сеймикъ и на немъ, вмѣстѣ съ другими панами-радою, земскими урядниками и Виленскою шляхтою „намову вчинивши“, заботливо старался о выборѣ съ этого сеймика сеймовыхъ пословъ, людей „зацныхъ, мудрыхъ, статечныхъ“, которые бы заботились о добрѣ для государства; притомъ — чтобы эти послы были посланы Виленскимъ повѣтовымъ сеймикомъ съ неограниченными полномочіями. Управившись на Виленскомъ сеймикѣ „водле потребы“, князь Валеріянъ приглашается прибыть лично на вальный сеймъ въ Варшаву, чтобы, нисколько не опаздывая къ началу сейма, тамъ „водле повинъности и вери своее“ при господарѣ „о всемъ добромъ и пожиточномъ речи посполитое радити и объмышливати“.

Текстъ „зашитыхъ“ листовъ, отправленныхъ въ то же время къ панамъ-радѣ „меньшимъ“, тождественъ съ только что пересказаннымъ листомъ къ старшимъ сенаторамъ за исключеніемъ двухъ добавленій къ тексту послѣдняго по сравненію съ первымъ. Эти добавленія слѣдующія. Во-первыхъ, въ началѣ листа къ старшимъ сенаторамъ стоитъ: „вжо ознаймено естъ твоей милости перво сего першими листы нашими, которими есмо досегали зданья твоее милости около зложенья сойму валного“. Это мѣсто опущено въ текстѣ листовъ къ младшимъ сенаторамъ, замѣненное

---

1) Изложеніе отношеній къ этимъ городамъ — Adam Szelągowski, Walka o Bałtyk (We Lwowie 1904), str. 61 nn.

просто словами: „ознаймуемъ твоей милости“. Другое добавленіе: слова „яко то ширей твоя милость вырозумеешъ съ преложенья листу того, которого преписъ естъ посланъ до твоее милости“, — рѣчь идетъ о копіи съ перевода листа Крымскаго хана объ его побѣдѣ надъ Москвою, присланнаго имъ Сигизмунду Августу. Это сопоставленіе текста листовъ къ старшимъ и къ младшимъ раднымъ панамъ обнаруживаетъ: 1) совѣщаніе короля со старшими Литовско-Русскими сенаторами по вопросу о созывѣ вальнаго сейма, совѣщаніе, котораго у него, надо думать, не было съ сенаторами меньшими, и 2) нѣсколько большую освѣдомленность отъ господаря передъ сеймиками и сеймомъ для старшихъ радныхъ пановъ, правда, освѣдомленность не въ общемъ рядѣ вопросовъ, а въ подробностяхъ одного изъ нихъ.

Въ собранныхъ нами документахъ по созыву послѣдующихъ сеймиковъ и сеймовъ не встрѣчаемъ уже различенія господарскихъ листовъ къ старшимъ и меньшимъ панамъ-радѣ. Вмѣсто двухъ различныхъ текстовъ Литовская Метрика даетъ уже одинъ текстъ „листовъ сеймовыхъ до пановъ радъ“. Передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года господарскими листами раднымъ панамъ сообщалось слѣдующее. Панамъ-радѣ и всѣмъ вообще въ государствахъ короля, по словамъ этого листа, извѣстно, съ какими цѣлями былъ созванъ предшествующій сеймъ въ Торунѣ; болѣе же всего онъ созванъ былъ для обезпеченія Великому Княжеству Литовскому обороны отъ Москвы. На этомъ сеймѣ ничего, согласнаго требованіямъ нуждъ государственныхъ, постановлено не было, и это слѣдуетъ объяснять какъ особеннымъ несчастіемъ государства, такъ и переговорами о мирѣ, веденными въ это время съ Москвою. Но уже послѣ отправленія королевскихъ пословъ къ великому князю Московскому послѣдній вторгнулся въ землю Лифляндскую, а сверхъ того приблизился и къ Вильнѣ, завоевавъ замки по Двинѣ. Послы короля Стефана не дошли до Ивана IV-го и задержались въ дорогѣ. Видя въ дѣйствіяхъ великаго князя Московскаго явную вражду, считая себя не давшимъ со своей стороны никакого повода для пролитія Московскимъ государемъ крови христіанской, желая посовѣтоваться со всѣми станами о защитѣ государства и дѣйствуя согласно

статуту, требующему обсужденія вопросовъ войны только на вальныхъ сеймахъ, а также заботясь объ организаціи правосудія въ своихъ государствахъ[1]), Стефанъ Баторій, „за радою“ своихъ радныхъ пановъ, назначаетъ на 14 января 1578 года вальный сеймъ въ Варшавѣ, а также и сеймики передъ нимъ, оповѣщая объ этомъ особыми своими листами всѣ повѣты и воеводства. Эти листы адресатъ приглашается опубликовать въ своей державѣ, а самъ приглашается принять участіе въ сеймикахъ вмѣстѣ съ другими панами радными, урядниками и рыцарскими станами. Послѣ обсужденія вмѣстѣ съ остальными сеймикующими сообщенныхъ настоящимъ листомъ пану-радѣ дѣлъ, а также и другихъ дѣлъ, которыя „шырей черезъ посланьца“ господарскаго на сеймикѣ „преложоны будуть“, сеймикующіе должны, согласно статуту, отправить двухъ своихъ пословъ на Варшавскій сеймъ, а сами всѣ черезъ двѣ недѣли послѣ повѣтоваго сеймика ѣхать на съѣздъ въ Волковыйскъ. Прямо съ этого съѣзда панъ-рада приглашается прибыть вмѣстѣ съ повѣтовыми послами на сеймъ въ Варшаву. Это сдѣлать ему предлагается безъ опозданія, такъ какъ кромѣ перечисленныхъ въ настоящемъ листѣ важнѣйшихъ дѣлъ есть много другихъ, отложенныхъ съ предшествующихъ сеймовъ рецессами, и хорошо бы было, если бы созываемый теперь сеймъ, выбравъ изъ нихъ на его взглядъ важнѣйшія, разрѣшилъ ихъ до окончанія срока его засѣданій. Поэтому то король и проситъ о снабженіи повѣтовыми сеймиками ихъ пословъ неограниченными полномочіями. Въ заключеніе Стефанъ Баторій выражаетъ свою увѣренность въ преданности пановъ-рады государству и славѣ своего господаря и въ ихъ полезной дѣятельности, а также увѣряетъ ихъ впередъ въ своей благодарности за ихъ поспѣшное прибытіе на предстоящій сеймъ и полезную на немъ дѣятельность.

Между актами созывовъ другихъ предсеймовыхъ сеймиковъ намъ не удалось встрѣтить особыхъ листовъ къ панамъ-радѣ. Но изъ этого, конечно, нельзя заключать, чтобы такіе листы не были составлены и разосланы передъ этими

---

1) Имѣется въ виду учрежденіе Короннаго трибунала и обсужденіе вопроса о созданіи трибунала Княжества.

сеймиками: они просто не были вписаны въ тѣ книги, въ которыя были внесены документы этихъ созывовъ.

Передъ Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года также были отправлены особые листы къ раднымъ панамъ. LX-я книга Литовскихъ Записей Метрики сохранила два различныхъ ихъ текста. Первый изъ этихъ текстовъ озаглавленъ: „Листы, до пановъ радъ писаные о зложенью соймиковъ поветовыхъ и зъезду головного у Волковыску на оказанье и поданье дороги, яко бы се своволные Кгданщане ускромити а Рускіе краи отъ Татаръ убеспечыти могли". Заглавіе второго: „и другій листъ таковый же до пановъ радъ." Какъ образецъ перваго текста въ книгѣ Метрики приведенъ листъ, обращающійся къ „кашталяну Жомоитъскому, старосте Дынемборъскому, тивуну Биржаньскому, пану Миколаю Талвошу." Какъ образецъ второго — „князю Миколаю Пацу, бискупу Кіевскому"[1]). Адресаты этихъ листовъ принадлежатъ къ одной и той же „лавицѣ" пановъ-рады Литовско-Русской: къ раднымъ панамъ „меньшимъ".

Содержаніе перваго листа слѣдующее. Обращаясь къ радному пану, Стефанъ Баторій говоритъ, что уже раньше онъ сообщалъ панамъ-радѣ о поведеніи Гданщанъ, которые не только не хотятъ одуматься, но нападаютъ на людей шляхетскихъ, захватываютъ ихъ имущество, жгутъ и опустошаютъ, разрушили до основанія и опустошили Оливскій монастырь, притомъ ложно и несправедливо представляя чужимъ странамъ дѣйствія короля и Польши. Это было причиною того, что Баторій здѣсь такъ долго занимался ихъ ложными и непотребными трактатами и не могъ оборонить Волынь и Подолію отъ того, что тамъ случилось. Гданщане же черезъ Магнуса и Московскаго великаго князя приводятъ Татаръ на короля и его подданныхъ — Баторій имѣетъ свѣдѣнія, что они съ Магнусомъ и Иваномъ IV-мъ имѣютъ соглашеніе и что послѣдній посылалъ къ Татарамъ своихъ пословъ и упоминки. Королю тяжело переживать такой образъ дѣйствій этихъ злыхъ людей, а также и затрудненія, число которыхъ увеличилось, — огонь свирѣпствуетъ на разныхъ и отдаленныхъ одно отъ другого мѣстахъ. Не-

---

1) Въ оригиналѣ стоитъ: „Виленьскому".

вѣроятно, чтобы король самъ одинъ могъ помочь дѣлу, не имѣя въ своемъ распоряженіи ничего кромѣ посполитаго рушенья, какъ постановилъ Торунскій сеймъ. Стефанъ Баторій хотѣлъ уже прибѣгнуть къ этому средству и распорядился изданіемъ призывныхъ въ рушенье виццей въ Польшѣ и военныхъ листовъ въ Княжествѣ, однако панамъ-радѣ, собравшимся къ нему на конвокацію во Вроцлавкѣ, подумалось, чтобы король не прибѣгалъ къ этому послѣднему „лекаръству", но чтобы сперва созвалъ сеймики и просилъ бы ихъ указать ему путь для предупрежденія этого „упадка" государства, такъ какъ онъ долженъ силою приводить Гданщанъ къ исполненію ихъ обязанностей, а кромѣ того требуется отраженіе внѣшнихъ враговъ и обезпеченіе Русскихъ, Волынскихъ и Подольскихъ краевъ, Великаго Княжества Литовскаго и Лифляндской земли. Баторій согласился съ совѣтомъ, даннымъ ему панами-радою, а потому и назначаетъ всѣмъ, кто только обязанъ служить земскую военную службу въ посполитомъ рушеньѣ, собраніе повѣтовыхъ и главныхъ сеймиковъ въ Великой и Малой Польшахъ и въ Мазовіи. На этихъ сеймикахъ все это должно быть обдумано. Хотя король Стефанъ и посылаетъ своихъ пословъ къ великому князю Московскому, но онъ не знаетъ, съ чѣмъ и какъ они отъ него вернутся: Иванъ IV теперь такъ дружитъ съ Крымскимъ ханомъ, а Гданщанамъ отъ этого идетъ польза. Поэтому, видя, что Великому Княжеству Литовскому не меньше требуется обезпеченія, а также такъ какъ оба государства (Польша и Княжество) составляютъ одну речь посполитую и должны вмѣстѣ нести всѣ ея нужды, король назначаетъ повѣтовые Литовско-Русскіе сеймики на 22 іюня, а за ними черезъ двѣ недѣли главный сеймикъ Княжества въ Волковыйскѣ, такимъ же способомъ, какъ въ Польшѣ отбываются главные сеймики въ Колѣ и въ Корчинѣ. „Твоя милость", обращается господарскій листъ къ пану Миколаю Талвошу, какъ панъ-рада и каштелянъ своей земли, не долженъ задержаться прибытіемъ на повѣтовый сеймикъ и на сеймикъ главный. На нихъ онъ приглашается королемъ „достаточне намовы" учинить съ другими станами и быть „з местъца и достоенъства своего инъшымъ" людямъ примѣромъ и „поводомъ". Общее совѣщаніе на сеймикахъ пусть укажетъ королю путь,

какъ ему справиться съ потребностями государственными. То обстоятельство, что настоящіе сеймики ради крайнихъ нуждъ государства созываются не за четыре недѣли передъ вальнымъ сеймомъ, какъ они должны созываться согласно статуту, „праву посполитому и звычаю давному ничого перекажати и уймовати не маеть“. Это удостовѣряя и обезпечивая, король приказалъ высказать въ своихъ повѣтовыхъ листахъ (т. е. въ листахъ, созывающихъ настоящіе сеймики), что передъ вальнымъ сеймомъ, который онъ созоветъ потомъ, будутъ назначены листами господарскими и обычные сеймики согласно статуту. Поэтому король желаетъ, чтобы каштелянъ Жомоитскій, какъ господарскій панъ-рада, будучи на сеймикахъ, повѣтовомъ и главномъ, умѣлъ доказать всѣмъ необходимость настоящаго распоряженія короля Стефана, чтобы оно не считалось „уближеньемъ права посполитого“. Если будетъ нужно, король готовъ обезпечить это и особыми своими листами.

Текстъ второго господарскаго листа передъ тѣми же сеймиками, въ своемъ образцѣ, занесенномъ въ ту же книгу Метрики, обращающійся къ Кіевскому бискупу Миколаю Пацу, гласитъ слѣдующее. Король уже писалъ Кіевскому бискупу о созваніи сеймиковъ въ воеводствахъ и повѣтахъ Польши и Княжества, но „съ певныхъ прычынъ“ господарскіе листы не такъ скоро высланы въ Великое Княжество Литовское. Поэтому въ Великой и Малой Польшахъ уже состоялись сеймики, какъ въ воеводствахъ и повѣтахъ, такъ и главные въ Колѣ и въ Корчинѣ. Какъ о состоявшихся Польскихъ сеймикахъ, такъ и объ ихъ постановленіяхъ король рѣшилъ сообщить адресату настоящаго своего листа. Эти сеймики, отказавшись отъ посполитаго рушенья, постановили вести войну противъ Гданщанъ и Татаръ наемными войсками, для чего дали разрѣшеніе на поборъ по всей Польшѣ въ тѣхъ же размѣрахъ и способахъ его взиманія, въ которыхъ онъ былъ постановленъ въ 1569 году Люблинскимъ сеймомъ. Копію этого постановленія Корчинскаго главнаго сеймика за подписью писаря король приказалъ послать адресату настоящаго листа „до вырозуменья“. Воеводства Великой Польши сдѣлали такое же постановленіе на главномъ сеймикѣ въ Колѣ. Такъ какъ королю было заявлено, чтобы и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ не

задерживали дѣла съ сеймиками, дабы въ соединенномъ государствѣ не „значылосе“ въ несеніи тяготы „роздвоенье“, король, приказавъ немедленно послать по Княжеству свои листы и текстъ этого постановленія, сдѣланнаго въ Польшѣ, поручилъ своимъ посламъ на сеймикѝ послѣднее сообщить панамъ-радѣ и другимъ станамъ и рыцарству. Адресату пересказываемаго листа король впередъ сообщаетъ объ этомъ, чтобы, зная о постановленіяхъ Польши, онъ „до того тежъ радою своею, на соймику поветовомъ и головномъ у Волковыйску будучы, прыводилъ, яко бы тая потреба речы посполитое згодне а однако отъправована была, кгдыжъ, въ сполной речы посполитой седечы, всимъ краемъ панствъ тыхъ однакое обороны и убезпеченья потреба“. Это нужно особенно потому, что съ Московскимъ великимъ княземъ не постановлено ничего опредѣленнаго. Хотя къ нему и отправлены королемъ послы, но съ чѣмъ и какъ скоро они возвратятся, онъ не знаетъ съ увѣренностью. Къ тому же нужно „обавлятися“ и Татарскаго вторженія. Это король Стефанъ отдаетъ „болшому и ростропъному уваженью и баченью“ адресата настоящаго своего листа, увѣренный въ томъ, что онъ ради любви къ государству и „ласки“ господарской будетъ дѣйствовать такъ, чтобы дѣло было совершено съ благомъ и выгодою государства и со славою королевскою.

Эти листы къ раднымъ панамъ относятся къ двумъ различнымъ моментамъ, которые переживалъ Стефанъ Баторій въ дни созыва сеймиковъ 1577 года. Когда онъ подписывалъ первые листы, датированные Варшавою и 29-мъ апрѣля 1577 года, онъ еще не зналъ рѣшенія сеймиковъ Польши, пошедшихъ на встрѣчу его желанію. Дата листовъ второй группы: Мальборкъ, май 1577 года. Подписывая ихъ, Стефанъ Баторій уже былъ на пути къ Гданску и, спокойный за удачу своего проекта веденія войны не посполитымъ рушеньемъ, а регулярнымъ войскомъ, онъ боялся лишь того, что Великое Княжество Литовское, раздраженное неисполненіемъ его требованій Торунскимъ сеймомъ, откажетъ ему въ своемъ согласіи на податокъ, необходимый для оплаты содержанія и похода наемнаго регулярнаго войска. Передъ нами, такимъ образомъ, господарскіе листы, которые были выданы въ различные моменты дѣятельности государ-

ственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго по созыву предсъѣздовыхъ сеймиковъ 1577 года. Что касается содержанія текстовъ обоихъ листовъ, то въ немъ нѣтъ никакихъ указаній на обращеніе въ нихъ господаря только къ панамъ-радѣ одной „лавицы“, а не къ раднымъ панамъ обѣихъ „лавицъ“ рады Литовско-Русской [1]). Тожество текста господарскихъ листовъ къ обоимъ разрядамъ пановъ-рады Княжества передъ Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года обнаруживается и сличеніемъ листа къ пану Миколаю Талвошу съ листами къ князю Миколаю Юрьевичу Радивилу [2]) и къ пану Яну Еронимовичу Ходкевичу [3]). Радивилъ былъ въ 1577 году Виленскимъ воеводою и канцлеромъ Великаго Княжества Литовскаго, Ходкевичъ — Виленскимъ каштеляномъ, Жомоитскимъ старостою и земскимъ маршалкомъ Княжества. Такимъ образомъ, оба они занимали послѣ Виленскаго бискупа первыя мѣста въ радѣ Литовско-Русской. Но текстъ листовъ Стефана Баторія къ нимъ, выданныхъ также изъ Варшавы 29 апрѣля 1577 года, отличается отъ текста листа къ Жомоитскому каштеляну кромѣ имени и титуловъ въ обращеніи лишь тѣмъ, что Радивилъ и Ходкевичъ называются не просто „радами“ господаря, а его „великими радами“, да въ листѣ къ Ходкевичу имѣется прибавка о томъ, что его положеніе администратора Лифляндіи можетъ ему помѣшать присутствовать на повѣтовомъ и главномъ сеймикахъ, созываемыхъ королемъ [4]). Во всемъ остальномъ содержаніе сравниваемыхъ трехъ экземпляровъ господарскаго листа къ сенаторамъ Великаго Княжества Литовскаго передъ Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года совершено тождественно.

Итакъ, и передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года, и передъ Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года старшіе и меньшіе сенаторы Великаго Княжества Литовскаго получили одинъ и тотъ же текстъ господарскихъ листовъ передъ

---

1) Объ этихъ „лавицахъ“ см. И. И. Лаппо, op. cit. стр. 696—697.

2) A. H. R. G. P. ill. XI. № LIII.

3) Вил. Арх. Сб. IV. № 22.

4) „А про то, жебы твоя милость, яко великая рада наша, на соймику повѣтовымъ и на головномъ будучи, естли бы твоя милость подъ тымъ часомъ до земли Лифлянтское не отъѣхалъ, умѣлъ то всимъ достаточне преложити и вывести....“ (стр. 31).

повѣтовыми сеймиками. Отсюда, думается, мы въ правѣ заключить, что въ эпоху короля Стефана уже не считалось необходимымъ посылать передъ повѣтовыми сеймиками различные тексты господарскихъ листовъ членамъ каждой изъ двухъ „лавицъ“ рады Литовско-Русской. Но „справа соймовая“ 1571 года различаетъ отчетливо тексты этихъ листовъ[1]). Сверхъ того, когда сеймъ 1572 года былъ отсроченъ и перенесенъ съ 6 января на 2 февраля того же года, то господарскіе листы объ этой отсрочкѣ были внесены въ Литовскую Метрику съ обозначеніемъ ихъ разсылки старшимъ панамъ раднымъ[2]). Къ младшимъ панамъ-радѣ даже, можно думать, объ этой отсрочкѣ совсѣмъ не было послано господарскихъ листовъ. Кромѣ отсутствія въ составѣ „справы соймовой“ 1571 года текста этихъ листовъ такъ заставляетъ думать и запись о разсылкѣ всѣхъ листовъ объ этой отсрочкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней обозначена отсылка господарскихъ листовъ въ повѣты и только шести листовъ „зашитыхъ“ къ сенаторамъ лично, т. е. къ Виленскимъ бискупу, воеводѣ и каштеляну, Троцкимъ воеводѣ и каштеляну и Жомоитскому старостѣ[3]). Передъ нами, такимъ образомъ, выступаетъ, повидимому, отмѣна особыхъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками повѣтовыми къ панамъ-радѣ старшимъ и меньшимъ въ эпоху послѣ смерти послѣдняго Ягеллона. Объяснять это нужно 1) перемѣною въ положеніи Великаго Княжества Литовскаго послѣ Люблинской Уніи, которая поставила новыя задачи и нивеллировала значеніе „лавицъ“ Литовско-Русскихъ пановъ-рады, заставляя забывать историческое различіе ихъ въ чести и значеніи, еще свѣжее въ эпоху царствованія Сигизмунда Августа, несмотря на заключеніе Уніи, и 2) созданіемъ со вступленіемъ на престолъ перваго послѣ Люблинской Уніи новаго короля такъ называемой „прибочной рады“[4]), которая уничтожила необходимость исторически сложившейся большей освѣдомленности въ государственныхъ дѣлахъ для старшихъ радныхъ пановъ Княжества, основанной раньше

1) Приложенія. Стр. 17—21.
2) Ibidem. Стр. 28.
3) Ibidem. Стр. 31—32.
4) О „прибочной радѣ“ см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 689

на ихъ исключительномъ значеніи въ Литовско-Русскомъ государствѣ, а потому и большей близости къ своему господарю великому князю.

Теперь перейдемъ къ организаціи и подготовкѣ господарскаго посольства на повѣтовые сеймики въ годы послѣ заключенія Люблинской Уніи. Остановимся сначала на выборѣ лицъ для исполненія обязанностей господарскихъ пословъ на сеймикахъ изучаемой эпохи. Въ нашемъ распоряженіи три списка этихъ пословъ, а именно на сеймики 1576[1]), 1577[2]) и 1578[3]) годовъ. Изучая списки господарскихъ пословъ на предсеймовые сеймики эпохи до Люблинской Уніи, мы отмѣтили достаточно высокое общественное положеніе лицъ, которымъ ввѣрялось посольство, связь многихъ изъ нихъ съ соотвѣтствующими сеймиками какъ членовъ шляхетскихъ корпорацій сеймикующихъ повѣтовъ и нерѣдкую передачу выбора лица для несенія обязанностей господарскаго посла въ руки главъ мѣстной администраціи. Все это наблюдается и при изученіи списковъ господарскихъ пословъ второй половины семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія[4]). Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя лица обозначены въ этихъ спискахъ послами на два или даже на всѣ три сеймика послѣдовательныхъ созывовъ[5]). Достаточно высокое общественное положеніе назначаемыхъ господарскими послами лицъ также ясно обнаруживается и въ эту эпоху. Но изученіе этихъ списковъ можетъ дать основаніе и для опредѣленія тенденціи къ порученію господарскаго посольства на сеймики повѣтовымъ урядникамъ тѣхъ самыхъ повѣтовъ, на сеймикахъ которыхъ они должны были выступать въ качествѣ пословъ господарскихъ. Число повѣтовыхъ урядниковъ, которымъ поручается господарское посольство на сеймикахъ ихъ повѣтовъ, достигаетъ приблизительно поло-

---

1) Приложенія. Стр. 54.

2) Ibidem. Стр. 71—72.

3) Ibidem. Стр. 117—118.

4) Такъ напримѣръ, назначить господарскихъ пословъ на сеймики 1576 года было предоставлено воеводѣ Виленскому, старостѣ Жомоитскому, воеводѣ Витебскому и старостамъ Мстиславскому и Оршанскому.

5) Нпр., панъ Себестьянъ Третякъ, земскій судья Лидскій, былъ господарскимъ посломъ на Лидскомъ повѣтовомъ сеймикѣ въ 1576, 1577 и 1578 годахъ.

вины ихъ общаго числа въ спискахъ пословъ передъ нѣкоторыми сеймиками[1]). Въ числѣ господарскихъ пословъ на сеймики и въ эпоху послѣ Люблинской Уніи, какъ и до нея, встрѣчаемъ иногда и духовныхъ лицъ[2]) — духовный санъ не препятствуетъ исполненію обязанностей господарскаго посла на повѣтовомъ сеймикѣ.

Переходя отъ личности господарскихъ пословъ къ документамъ, которые для нихъ составлялись передъ повѣтовыми сеймиками въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго, мы видимъ тѣ же виды этихъ документовъ, которые уже намъ извѣстны въ эпоху до Люблинской Уніи, а именно: листъ съ порученіемъ посольства, „креденсъ" и „науку".

Господарскіе листы, поручающіе посольство, встрѣчаемъ въ собранныхъ нами актахъ по созыву сеймиковъ 1571, 1577, 1578 и 1587 годовъ[3]). Текстъ этихъ листовъ носитъ вообще формальный характеръ. Только листы посламъ на предсъѣздовые сеймики 1577 года вводятъ въ этотъ текстъ часть, которая отличаетъ ихъ отъ остальныхъ. Въ образцѣ этихъ листовъ читаемъ о доставленіи королю Стефану извѣстія о постановленіи Польскими главными сеймиками податка на наемъ войска. Извѣстіе это получено Баторіемъ уже послѣ отправки послу его инструкціи. Настоящій листъ дѣлаетъ, поэтому, дополненіе къ послѣдней. Это дополненіе, начинаясь съ указанія послу на то, что онъ долженъ прибавить къ данному ему тексту инструкціи, затѣмъ переходитъ въ готовый текстъ того, что онъ долженъ прочесть сеймикующимъ въ дополненіе къ своей „наукѣ"[4]). Такимъ образомъ, установившійся вполнѣ формальный характеръ этого документа нѣсколько измѣнился въ настоящемъ случаѣ лишь потому, что въ него по слу-

1) См., нпр., Приложенія, стр. 54.

2) Князь Станиславъ Дмовскій, деканъ Луцкій, былъ господарскимъ посломъ на Берестейскій сеймикъ 1577 года. Приложенія, стр. 72.

3) Приложенія, стр. 26—27, 70—71, 103—104, 142—143.

4) Отъ словъ „про то, кгды водле инъструкъцыи нашое" (стр. 71, строка 5 сверху) до слова „доложышъ" (стр. 71, строка 7 сверху) имѣемъ указаніе послу. Весь дальнѣйшій текстъ (вплоть до даты листа) предназначается къ простому прочтенію на сеймикѣ въ качествѣ дополненія къ „наукѣ". Посолъ лишь долженъ, вѣроятно, замѣнить третье лицо вторымъ, обращаясь къ сеймикующимъ.

чайной причинѣ пришлось внести дополненіе къ тексту уже раньше изготовленной „науки“ господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики.

„Кредeнсъ“, или „листъ вѣрущій“, находимъ лишь въ актахъ по созыву сеймиковъ 1578 и 1587 годовъ[1]). Упоминаній объ этомъ удостовѣреніи посольства нѣтъ ни въ „наукахъ“, ни въ листахъ-порученіяхъ посольства на сеймики другихъ созывовъ, документы которыхъ собраны нами. Можно предположить, — если считать, что отсутствіе текстовъ „листовъ вѣрущихъ“ въ актахъ созывовъ сеймиковъ 1571 и 1577 годовъ не является простою случайностью ихъ пропуска при внесеніи въ соотвѣтствующія книги Литовской Метрики, — что нѣкоторое время существовала тенденція къ отмѣнѣ этого вида документовъ, какъ излишняго. Въ самомъ дѣлѣ, въ заголовкѣ текста „науки“ на сеймики 1571 года имѣемъ оставленнымъ въ книгѣ Метрики мѣсто для обозначенія имени посла и имени повѣта, на сеймикъ котораго онъ отправляется[2]). Это можетъ указывать на ненужность особаго „кредeнса“ въ повѣтъ, такъ какъ его замѣняетъ соотвѣтствующее указаніе заголовка „науки“. Въ заголовкѣ „науки“ на сеймики 1577 года имѣемъ даже обозначеніе повѣта, хотя и не обозначено имя посла[3]), но въ заголовкѣ этого же вида документовъ на сеймики передъ Торунскимъ сеймомъ имѣемъ оставленнымъ въ заголовкѣ чистое мѣсто для вписанія имени посла рядомъ съ обозначеніемъ повѣта[4]), что заставляетъ предполагать то же и въ заголовкѣ „науки“ 1577 года, въ ея текстѣ до переписки въ книгу Метрики. Но, если такая тенденція и дѣйствительно одно время существовала, отъ нея пришлось, очевидно, отказаться съ 1578 года, быть можетъ, не безъ вліянія опыта 1577 года, когда Великое Княжество Литовское такъ энергично выступило въ защиту формальной стороны созыва своихъ повѣтовыхъ сеймиковъ.

„Кредeнсъ“ или „листъ вѣрущій“ — оба названія являются вполнѣ равноправными — обращается отъ имени гос-

1) Приложенія. Стр. 102—103, 141—142.
2) Приложенія. Стр. 1.
3) Ibidem. Стр. 55.
4) Ibidem. Стр. 43.

подаря къ шляхетскому повѣту въ его цѣломъ, съ обычнымъ перечисленіемъ группъ его шляхетныхъ обывателей[1]). Въ этомъ документѣ сообщается повѣту о посылкѣ господаремъ на созываемый имъ повѣтовый соймикъ своего посла, который называется въ кредeнсѣ и которому предписано сообщить соймикующимъ „некоторые потребы речы посполитое“ по инструкціи, данной ему. Повѣту предлагается дать ему вѣру во всемъ, что онъ будетъ говорить на соймикѣ господарскимъ именемъ. Чисто формальный характеръ этого вида документовъ совершенно ясенъ изъ сравненія его текстовъ, выданныхъ передъ соймиками 1578 и 1587 годовъ. Самыя выраженія этихъ текстовъ сходны, какъ совершенно сходно и ихъ построеніе. Но „листъ вѣрущій“, нужно думать, былъ цѣненъ для повѣтовой шляхты потому, что онъ къ ней обращался какъ къ шляхетской корпораціи и формально передъ нею удостовѣрялъ въ документѣ подъ титуломъ и за подписью господаря, а также со скрѣпою господарскаго писаря, то, что могло быть вполнѣ удостовѣрено предъявленіемъ господарскимъ посломъ его инструкціи, въ заголовкѣ которой уже находилось это удостовѣреніе.

Чтобы покончить съ документами, которые составлялись въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго для господарскихъ пословъ на соймики повѣтовые въ годы послѣ Люблинской Уніи, намъ нужно остановиться на господарскихъ „наукахъ“, которыя выдавались этимъ посламъ. Мы не станемъ пересказывать этихъ документовъ, самыхъ обширныхъ изъ всего состава „справъ соймовыхъ“, — читатель найдетъ ихъ образцы изданными въ Приложеніяхъ[2]). Но мы должны присмотрѣться къ этимъ „наукамъ“, чтобы отмѣтить характеръ этого вида документовъ и ихъ развитіе въ эпоху послѣ Люблинской Уніи. Мы видѣли выше[3]), что въ годы до Уніи 1569 года инструкція господарскимъ посламъ изъ указаній для ихъ дѣятельности

1) См. одно изъ этихъ названій на стр. 102, а другое на стр. 141 Приложеній. Обращенный къ центральному повѣту воеводства, кредeнсъ ставитъ во главѣ его обывателей воеводу (ibidem, стр. 141), а, вѣроятно, долженъ ставить и другихъ радныхъ пановъ воеводства.

2) Приложенія. Стр. 1—13, 43—53, 55—63, 104—115.

3) Стр. 364.

на повѣтовыхъ сеймикахъ и конспектовъ ихъ рѣчей на этихъ сеймикахъ уже обратилась въ совершенно готовый текстъ, который долженъ былъ только читать господарскій посолъ сеймикующимъ. Тотъ же характеръ, какъ совершенно установившійся, „наука“ имѣетъ въ эпоху и послѣ 1569 года. Господарскій посолъ „съ того жъ писма мовити маетъ“[1]), или „въ тые слова . . . . мовити маетъ“[2]) — говорятъ тексты „наукъ“, приводя за этими словами готовыя рѣчи для господарскихъ пословъ на повѣтовыхъ сеймикахъ. Въ этихъ рѣчахъ имѣемъ обстоятельное и достаточно полное изложеніе дѣлъ и вопросовъ, которыми долженъ заняться сеймикъ. Дѣла и вопросы, которые сообщались сеймикамъ инструкціями господарскимъ посламъ на нихъ, излагаютъ и внѣшнія и внутреннія задачи, стоящія въ данное время передъ соединеннымъ государствомъ и требующія сеймоваго обсужденія. Излагаются въ инструкціяхъ и военныя дѣйствія, и переговоры, и тѣ или другіе поступки сосѣдей, а также внутреннія дѣла и задачи Польско-Литовской Речи Посполитой. Но рядомъ съ этими общими дѣлами „науки“ говорятъ и объ особыхъ дѣлахъ „речи посполитой“ Короны и „речи посполитой“ Княжества. Особенно замѣтнымъ это раздѣленіе становится въ эпоху Стефана Баторія. Въ „наукѣ“ господарскимъ посламъ на Литовско-Русскіе сеймики передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года имѣемъ довольно обстоятельное изложеніе отношенія короля къ требованіямъ, представленнымъ Мстибоговскимъ съѣздомъ, которыя были враждебно встрѣчены Польшею[3]). Въ „наукѣ“ господарскимъ посламъ на сеймики передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года находимъ опять часть текста, посвященную исключительно дѣламъ Великаго Княжества Литовскаго[4]). Въ послѣдней „наукѣ“ сообщеніе о чисто Польскихъ дѣлахъ дѣлается съ поясненіемъ, что о нихъ въ извѣстность ставятся Литовско-Русскіе сеймики лишь потому, что Княжество и Корона соединены въ одномъ госу-

1) Приложенія. Стр. 1.

2) Ibidem. Стр. 43.

3) Приложенія. Стр. 51. Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 154—157.

4) Приложенія. Стр. 111—112.

дарствѣ, а вслѣдствіе этого какъ нужды Польши сообщаются на сеймики Княжества, такъ и нужды послѣдняго — на сеймики первой. Однако это сообщеніе чисто Коронныхъ дѣлъ сдѣлано лишь въ видѣ краткаго ихъ перечня [1]).

„Науки" господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики занимаютъ центральное мѣсто въ ряду документовъ по созыву предсеймовыхъ и предсъѣздовыхъ сеймиковъ. Ставши текстами рѣчей господаря, которые читались его послами на сеймикахъ, „науки" и должны были подготовлять сеймикующіе шляхетскіе повѣты къ предстоящимъ сеймамъ. Сеймиковые и сеймовые универсалы получили, главнымъ образомъ, значеніе оповѣщеній повѣтовыхъ обывателей о созываемыхъ сеймикахъ и слѣдующихъ за ними сеймахъ или съѣздахъ. Обстоятельное же ознакомленіе сеймикующихъ съ дѣлами, подлежащими обсужденію сеймиковъ и слѣдующихъ за ними съѣздовъ Княжества и спольныхъ Польско-Литовскихъ сеймовъ, было передано „наукамъ" господарскимъ посламъ на повѣтовые сеймики. Но съѣзды Великаго Княжества Литовскаго, собиравшіеся не передъ вальными спольными сеймами и не для общихъ съ Польшею дѣлъ, не требовали присылки господарскихъ пословъ на повѣтовые Литовско-Русскіе сеймики, передъ такими съѣздами созываемые. Повѣтовые универсалы, созывающіе сеймики передъ Виленскими съѣздами 1578 и 1580 годовъ, ничего не говорятъ о послахъ господарскихъ на повѣтовые сеймики, а просто предписываютъ выборъ послѣдними своихъ пословъ на съѣзды [2]). Такимъ образомъ, „науки" господарскимъ посламъ составлялись въ изучаемое время въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго лишь передъ сеймиками, предшествовавшими спольнымъ вальнымъ сеймамъ и Волковыйскому съѣзду 1577 года, такъ же, какъ и Польскимъ главнымъ сеймикамъ того же года, созывавшимся взамѣнъ вальнаго сейма. Это показываетъ, что „наука" господарскому послу на повѣтовый сеймикъ была документомъ, являющимся необходимою составною частью лишь „справъ" сеймовыхъ, а не съѣздовыхъ. Но связанная съ дѣятельностью предстоя-

1) Ibidem. Стр. 112.

2) Приложенія. Стр. 119—121 и 123—125.

щаго сейма, какъ собранія сенаторовъ и пословъ земскихъ всего соединеннаго государства около короля, „наука" пріобрѣтала и особое значеніе для послѣдняго. Черезъ нее, какъ свою рѣчь, господарь еще болѣе имѣлъ возможность входить въ непосредственное общеніе съ повѣтовою шляхтою, чѣмъ это позволяли дѣлать ему его универсалы передъ сеймиками въ повѣты[1]). Въ рѣчахъ-„наукахъ", которыя часто очень обширны и не коротки всегда, господарь получалъ полную возможность не только принимать свои мѣры воздѣйствія на народъ-шляхту въ интересахъ предстоящаго сейма, но и объяснять ей тѣ или иныя свои дѣйствія, приближая къ этому народу свою личность, стараясь примирить съ собою недовольныхъ и увеличить свое личное обаяніе, поскольку это ему позволяли обстоятельства и условія его дѣятельности[2]).

Мы разсмотрѣли документы, составлявшіеся въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго передъ предсеймовыми сеймиками за время отъ учрежденія этого вида собраній шляхты Литовско-Русскихъ повѣтовъ до окончательной выработки III-го статута, опредѣлившаго строй Княжества на все послѣдующее время его исторіи какъ „панства". Конечно, иногда къ нимъ должны были являться въ практикѣ созывовъ предсеймовыхъ сеймиковъ и добавленія. Если сеймъ отсрочивался на болѣе или менѣе продолжительное время, т. е. на недѣли или мѣсяцы, необходимыми становились составленіе и разсылка соотвѣтствующихъ листовъ отъ господаря, извѣщающихъ объ этой отсрочкѣ. Лишь отсрочка на нѣсколько дней, когда не нарушалось сколько-нибудь замѣтно постановленіе статута о срокахъ между повѣтовыми сеймиками и вальнымъ сеймомъ, какъ это было, напримѣръ, при созывѣ Торунскаго сейма 1576 года, не должна была требовать разсылки дополнительныхъ листовъ господарскихъ. Этотъ сеймъ былъ первоначально назначенъ на день св. Михаила, но затѣмъ перенесенъ на день св. Франциска, т. е. всего на пять дней (съ 29 сентября на 4 октября). Такая перемѣна дня открытія сейма могла быть сообщаема повѣтовой шляхтѣ просто

---

1) См. выше, стр. 387—388.

2) Ср. Приложенія, стр. 2, 43—44, 51 и др.

господарскимъ посломъ на повѣтовомъ сеймикѣ, или даже обходиться безъ всякаго ея оповѣщенія. Но, если отсрочка сейма была болѣе или менѣе значительна, требовался выпускъ изъ канцеляріи Княжества цѣлаго ряда новыхъ документовъ, о ней извѣщающихъ и ее объясняющихъ. Примѣръ этого имѣемъ въ „справѣ соймовой" 1571 года[1]). Иногда приходилось составлять въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго особые листы и въ виду осложненій въ состояніи или въ сеймикованьѣ отдѣльныхъ повѣтовъ. Но такіе документы вызывались отклоненіемъ условій сеймикованья отдѣльныхъ повѣтовъ отъ его нормы. Съ этими уклоненіями познакомимся ниже, при изученіи организаціи Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика[2]). Но наше изученіе документовъ по созыву предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ было бы неполнымъ, если бы мы эти документы не подвергли сравненію съ аналогичными документами, выдававшимися передъ тѣми же сеймами въ Польшу въ эпоху существованія соединеннаго Польско-Литовскаго государства, т. е. послѣ Люблинской Уніи 1569 года. Общій сеймъ для Короны и Княжества требуетъ этого сравненія не только при изученіи спольнаго Польско-Литовскаго сеймованья, но и при изученіи повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго. Обратимся же къ этому сравненію, сколько намъ позволяютъ его произвести наши источники, и постараемся воспользоваться его результатами для уясненія работы государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго по созыву Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ рядомъ съ аналогичною работою канцеляріи Коронной по созыву сеймиковъ Коронныхъ передъ одними и тѣми же вальными Польско-Литовскими сеймами.

Начнемъ наше сравненіе этихъ документовъ съ сравненія текста инструкцій-„наукъ" королевскимъ посламъ на сеймики, созванные передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года. Вотъ начало текста инструкціи этимъ посламъ на сеймики Княжества[3]) и Короны[4]).

---

1) Приложенія. Стр. 28—32 и 37—42.

2) Глава X.

3) Приложенія. Стр. 104—115.

4) Źródła Dziejowe. Tom IV Str. 244—256.

Што ваша милость панове рада и станы рыцерства Великого Князства Литовъского зъ [зъ]езду Волковыйского черезъ пословъ своихъ просили его королевъское милости о зложенье сойму, о чомъ и въ Короне Полской зъ [зъ]ездовъ Корчыньского и Колского его кор[олевская] милость отъ всихъ становъ прошонъ естъ, а такъ его королевъская милость, догожаючы прозбамъ вашой милости и становъ Коронъныхъ, мысль свою на томъ зоставити былъ рачылъ, якобы...

Dogadzaiąc jkmć prośbom wszystkich województw Koronnych, które przez posły swe z zjazdów Korczyńskiego, Kolskiego i Wolkowyskiego o prędkie złożenie sejmu jkmci prosili, na tym był myśl swą zasadzić raczył, jakoby . . . .

Далѣе идетъ дословный переводъ польскаго текста инструкціи на русскій языкъ съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ, не имѣющимъ сколько нибудь серьезнаго значенія и легко объясняемымъ простыми редакціонными соображеніями или недосмотрами переписчика[1]). Самый переводъ сдѣланъ очень близко къ польскому тексту. Большинство словъ, общихъ обоимъ языкамъ, сохранено, измѣнена лишь форма[2]). Но рядъ польскихъ и латинскихъ словъ переданъ и совсѣмъ другими словами того же значенія[3]).

Однако довольно скоро начинаютъ обнаруживаться и существенныя отличія обоихъ сравниваемыхъ текстовъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ отличій en regard.

короля его милости од ынъшыхъ справъ и опатрованья потребъ Коронъныхъ и Великого Князства Литовского черезъ тотъ часъ задержало[4]).

króla jmci od inszych spraw i opatrowania potrzeb Koronnych przez ten czas zadzierżało[5]).

1) Нпр., „але ижъ Панъ Богъ наведити рачылъ Коруну“ — „nawiedził Pan Bóg Koronę . . .“, или „але вси тые ихъ поступъки облудные были“ — „ale wzystkie te ich postępki obludne i wykretne były“.

2) Нпр., „злое предъсевзяте“ — „złe przedsiewzięcie“.

3) Нпр., „што наборъздей“ — „co prędzéj“.

4) Приложенія. Стр. 106 (8—6 строки снизу).

5) Żródła Dziejowe. IV. Str. 246 (строки 15 и 14 снизу).

А такъ его кор[олевская] милость вашей милости ознаймовати рачыть прычыны, для чого до того паньства, Великого Князства Литовъского, и ку обороне земли Лифлянтъское прыбыти не могъ, и, ачъ то непрыятель шкодливый и небезпечъный естъ, хотяжъ домовый, ведъже не естъ такъ потужъный, абы з непрыятелми посторонными, звлаща з Московъскимъ, ровнанъ быти мелъ . . . .[1]).

Acz-ci jeszcze jest nadzieja, żeć podobno ci ludzie ku sobie przyjdą, a uznawszy występek swój, wrócą się do powinności swojéj. Do któréj ciż posłowie mając zlecenie od panów swoich, mają też pozwolenie od jkmci, miasto to uporne seryo napominają, przestrzegając, jakoby cum dignitate króla jmci et salvis regni juribus, mogli ich przywieść do powinnego posłuszeństwa. W czym iż ci posłowie za pozwoleniem jkmci, radą wszech panów rad, którzy przy królu jmci byli, a za zleceniem panów swoich czynią takowe staranie, nietylko to co każdy baczyć może, ściąga się ad bonum pacis, aby król jmć mając spokojne państwo swe, mógł zatym pilniéj niebezpieczeństwa od postronnych nieprzyjaciół opatrować et sumptus belli na nie obracać, ale jeszcze i prawo Koronne na ziemie Pruskie tym się bardziéj objaśnia i gruntuje; jednak to miasto uporne acz jest nieprzyjaciel jako domowi szkodliwy i niebezpieczny, wszakże nie jest tak potężny, aby z nieprzyjaciołmi postronnemi zwłaszcza Moskiewskim równany być miał . . . .[2]).

Про то тая сказа и по великой части утрапенье земли Лифлянтъское, за которымъ вжо идеть

Ta tedy skaza i po wielkiéj części utracenie ziemie Inflanckiej, za którym już idzie o samo Wiel-

1) Приложенія. Стр. 108 (19—13 строки снизу).
2) Żródła Dziejowe. IV. Str. 248 (строки 23—6 снизу).

о самое Великое Князство Литовское и о землю Прускую, дала имъ наиболшую прычыну; его королевъская милость, ижъ тотъ съеймъ наиболшей для поратованья Ифлянтское земли а для опатренья небезпечъностей, вжо праве Великое Князство Литовъское угораючыхъ, зложыти рачылъ на день четверътыйнадъцать м[е]с[е]ца геньвара. Въ чомъ послове тое жъ земли Лифлянтъское его королевъское милости пилне а з великимъ нареканьемъ, вжо для Бога а для сполка хрестіянъского, наконецъ тежъ для славы речы посполитое Коронъное и Великого Князства Литовского, которыи ся прылучыла, подъ оборону отъдала, просили, абы отъ кор[оля] его милости и отъ становъ тыхъ панъствъ повинъную помочъ и ратунокъ перъвей мела, нижли бы до коньца въ руки непрыятелскіе прышли. А маючы на бачъности, ваша милость, пановъ радъ Великого Князства Литовского вказанье о съемъ, же до того часу, водлугъ описанья сполныхъ списовъ и прывиля Уніи, жадное постановеное постановенье на прошлыхъ соймехъ сполное обороны не стало се[1]).

kie Księstwo Litewskie i o ziemię Pruską, dało największą przyczynę królowi jmci, iż ten sejm najwięcéj i dla poratowania Inflanckiéj ziemie, a dla opatrzenia niebezpieczności już prawie Wielkie Księstwo Litewskie ugarających, złożyć raczył. W czym posłowie tejże ziemie Inflanckiéj jkmci pilnie a z wielkim narzekaniem już dla Boga, już dla spółku chrześciańskiego, już też dla sławy rzplitéj Koronnéj, któréj się przyłączyła i pod obronę poddała, prosili, aby od króla jmci i od stanów Koronnych powinną pomoc ratunek pierwéj miała, niżliby do końca w ręce nieprzyjacielskie przyszła. Przy niéj Wielkie Księstwo Litewskie także widząc spólne swoje niebezpieczeństwo, ratunku się i obrony u jkmci i wszystkiéj Korony upomina, narzekając, że do tego czasu, według opisania wspólnych spisów i przywilejów Uniéj żadne się spólnéj obrony z Księstwem Litewskim postanowienie na przeszłych sejmiech nie stało[2]).

А такъ не треба въ томъ ничого вонтъпити, ижъ бы се тотъ

A tak nie trzeba w tym nic wątpić, jeśliby się ten tyran o

---

1) Приложенія. Стр. 109 (3—21 строки сверху).
2) Źródła Dziejowe. IV. Str. 249 (строки 10—27 сверху).

непрыятель, окрутенъствомъ пануючы, и о землю Прускую за тою прылеглостью, которую опановалъ, певне кусить. Нехай теперъ того жаденъ не розумееть, абы се Великое Князство Литовъское тымъ способомъ, якъ передъ тымъ, безъ земли Лифлянтъское, обыйти и безпечъно быти мело — иншый часъ былъ оного веку, кгды Крыжаки сами толко в Ыфлянътехъ росказовали, которые, будучы обычаевъ, народомъ хрестіянскимъ прывыклыхъ, иначей ся Великому Князству Литовскому ставили и вечънымъ миромъ успокоены были и, овшемъ войны уставичъные ведучы з Московъскимъ, немалую оборону отъ своее стороны Великому Князству Литовъскому чынили, але теперъ, за осягненемъ великое части земли Лифлянтское черезъ того непрыятеля, вжо есть сполное небезпеченство з Великимъ Князствомъ Литовъскимъ; а где бы еще тотъ непрыятель узялъ в Ыфлянътехъ одинъ же толко позосталый добре моцъный замокъ Дынавентъ и место Рыгу, вжо бы затымъ ганъдли на поръте морьскомъ, которые суть въ Прусехъ, устали и купецъство чужоземъское, которое на тотъ часъ, до порътовъ безпечъне прыходечы, великій пожытокъ той Коруне и Великому Князству Литовъскому чынять, вже бы затымъ тотъ непрыятель, пры-

ziemię Pruską za tą przyległością, którą opanował, pewnie kusił. Niechaj teraz tego żaden nie rozumie, aby się Księstwo Litewskie tym sposobem, jako przedtym bez ziemie Inflanckiéj obejść i bezpieczne być miało. Inszy ono czas był, gdy Krzyżacy sami tylko w Inflanciech rozkazowali, którzy będąc obyczajów narodom chrześciańskim przywykłych, inaczéj się Księstwu Litewskiemu stawili i owszem wojny ustawiczne wiodąc z Moskiewskim, nie małą obronę od swéj strony Księstwu Litewskiemu czynili; lecz teraz za osiągnieniem wielkiéj części ziemie Inflanckiéj przez tego nieprzyjaciela, już jest wspólne niebezpieczeństwo jéj z Księstwém Litewskim. A gdzieby jeszcze ten nieprzyjaciel wziął w Inflanciech jedenże tylko pozostały a dobrze mocny zamek Diament i miasto Rygę, jużby zatym nawigacya do portów, które są w Prusiech, bardzo niebezpieczną i trudniejszą być musiała. Ustałyby po wielkiéj części kupiectwa i handle cudzoziemskie, które natenczas do portów przespiecznie przychodząc, wielki pożytek Koronie tèj czynią. Jużby zatém nieprzyjaciel ten, opanowawszy tak szeroko dominium maris, nietylko państwom Koronnym był ściślejszy, ale i sroższy prawie wszystkiemu chrześciaństwu. Przetoż acz saméj ziemie Inflanckiéj, prowincyéj zacnéj, która w sobie ma zamki mocne,

шедъшы такъ шыроко въ опанованья мора, не толко тымъ паньствамъ былъ силнейшый, але кгрожъшый праве всимъ въ суседстве. Про тожъ, ачъ самое земли Лифлянтъское, паньства такъ зацьного, которое въ собе маеть замъки моцъные, места частые, поръты особливые, пожытъки такъ з жыжности земли, яко тежъ много иныхъ речей розмаитые, слушне Корона вся и Великое Князство Литовъское боронити повинъно; идеть тежъ прытомъ и о землю Прускую, а не мней о безпечность и Великого Князства Литовъского — напоминаеть его кор[олевская] милость пилне, абы на томъ сойме наперъвей безъ жадное отъволоки нашолъ-постановилъ ся певный обычай сполное обороны, за которымъ не толко бы ся могла земля Лифлянтъская поратовать, але яко бы отъ непрыятеля того все то, што давно отъ Великого Князства Литовского одышло, ку великому пожытъку оного паньства и ку розшыренью сполное речы посполитое а вечъной славе короля его милости и народовъ тыхъ паньствъ ратовати могло[1].

miasta gęste, porty osobliwe, pożytki tak z żyzności ziemie jako z wiela inszych rzeczy rozmaite, słusznie Korona wszystka bronić powinna, zwłaszcza gdyż ją pod obronę swą wzięła; wszakże gdyż ten nieprzyjaciel nietylko od Inflant ale i skądinąd zakłada na Wielkie Księstwo Litewskie, jakoby go pożyć mógł, któremu jako spólnéj rzplitéj spólna jest obrona powinna, idzie téż przytym i o ziemię Pruską, Koronną prowincyą a zatym o wszystkę Koronę: napomina król jmć pilnie, aby na tym sejmie napierwéj bez żadnéj odwłoki nalazł się i postanowił pewny obyczaj spólnéj obrony, za którym nietylkoby się mogła ziemia Inflancka poratować, ale jakoby się od tyrana tamtego wszystko to, co dawno od Księstwa Litewskiego odeszło, ku wielkiemu pożytkowi Koronnemu, ku rozszerzeniu państw spólnéj rzplitéj i ku sławie wiecznéj króla jkmci i narodów Koronnych rekuperować mogło[2].

Приведенныхъ выписокъ уже могло бы быть признано достаточнымъ для характеристики сравниваемыхъ текстовъ. Дополнимъ ихъ еще нѣсколькими, болѣе краткими, для боль-

1) Приложенія, стр. 110—111.
2) Żródła Dziejowe. IV. Str. 250—251.

шей опредѣленности выводовъ. За приведенною сейчасъ выпискою инструкція посламъ на сеймики Княжества говоритъ о недостаткѣ средствъ на наемъ войска, необходимаго для обороны, и затѣмъ переходитъ къ дѣлу исправленія Литовскаго статута. Инструкція посламъ на Коронные сеймики опускаетъ эти части Литовско-Русской инструкціи и прямо переходитъ къ вопросу о посполитомъ скарбѣ. Слова о военныхъ нуждахъ, которыя въ Литовско-Русской инструкціи предшествуютъ словамъ объ исправленіи статута, въ Коронной инструкціи стоятъ ниже. Такимъ образомъ, въ Литовско-Русской инструкціи имѣемъ вставку упоминанія о дѣлахъ одного Княжества съ перестановкою общаго текста, невыгодно отзывающеюся на смыслѣ даннаго мѣста [1]). Далѣе новая перестановка общаго текста. Вслѣдъ за указаніемъ на необходимость реформы и развитія государственныхъ финансовъ Литовско-Русская инструкція переходитъ къ вопросу о монетѣ, который въ Коронной инструкціи излагается много ниже [2]). Послѣ предложенія о монетѣ Литовско-Русская инструкція говоритъ слѣдующее: „а ижъ тежъ ваша милость въ одну речъ посполитую съ Короною Полскою злучени естесте, про то его кор[олевская] милость, яко потребы вашей милости, Великого Князства Литовского, на соймики Коронные подати, такъ тежъ Полскіе потребы, звлаща около судовъ, незгоды з духовеньствомъ, квартъ и трохъ частей, отъ скаръбу отъдаленыхъ, ку ведомости вашей милости донесть росказать рачылъ“ [3]).

Остановимся нѣсколько на этой части текста сравниваемыхъ инструкцій. Во-первыхъ, отмѣтимъ, что слова о внесеніи „потребъ“ Великаго Княжества Литовскаго на сеймики Польши подтверждаются текстомъ Коронной инструкціи лишь отчасти, а не цѣликомъ: въ послѣдней есть упоминаніе о нуждахъ обороны Княжества, но нѣтъ ни слова объ исправленіи его статута. Во-вторыхъ, заслуживаетъ вниманія самая оговорка и поясненіе, съ которыми вносятся на Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики чисто Польскія дѣла: это дѣла другого „панства“, съ которымъ лишь

1) Приложенія, стр. 111. Źródła Dziejowe, str. 251.
2) Приложенія, стр. 112. Źródła Dziejowe, str. 254—255.
3) Приложенія. Стр. 112.

въ договорномъ соединеніи находится Великое Княжество Литовское.

Переходя къ окончанію сравниваемыхъ инструкцій, замѣчаемъ, что текста Коронной инструкціи нѣтъ въ спискѣ инструкціи Литовско-Русской, который сохранился въ LX-ой книгѣ Литовскихъ Записей Метрики Литовской. Можно думать, что это является простымъ дефектомъ переписки въ эту книгу государственнаго Литовско-Русскаго архива.

Подведемъ итогъ нашему сравненію текстовъ инструкціи королевскимъ посламъ на сеймики Польши и Великаго Княжества Литовскаго передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года. Текстъ Литовско-Русской инструкціи долженъ быть признанъ переводомъ текста инструкціи Коронной. Кромѣ общаго характера обоихъ текстовъ, говорящаго о переводѣ одного съ другого, въ доказательство переводнаго происхожденія именно Литовско-Русскаго текста могутъ быть указаны нѣкоторыя чисто польскія слова, имъ принятыя, и даже ошибки въ падежныхъ формахъ, перенесенныхъ прямо изъ польскаго текста, безъ измѣненія ихъ по требованію согласованія русскимъ языкомъ. Хорошій примѣръ этого имѣемъ въ приведенной выше выпискѣ: „з жыжности земли, яко тежъ много иныхъ речей розмаитые"; въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Короннаго текста стоитъ — „rzeczy rozmaite". Но, являясь переводомъ текста Короннаго, Литовско-Русскій текстъ значительно уклоняется отъ своего оригинала въ отдѣльныхъ случаяхъ. Оставляя въ сторонѣ малозначащія отличія обоихъ текстовъ, необходимо отмѣтить: 1) иное расположеніе текста въ нѣкоторыхъ частяхъ сравниваемыхъ документовъ, 2) вставки и пропуски фразъ и частей, 3) различное отношеніе обоихъ текстовъ къ значенію Великаго Княжества въ соединенномъ государствѣ. Два первыя изъ этихъ замѣчаній достаточно иллюстрированы нами выше. Что касается третьяго, то оно ясно выступаетъ при сравненіи нашихъ текстовъ. Въ инструкціи Коронной Великое Княжество Литовское не стоитъ рядомъ съ Польшею въ своихъ правахъ, какъ равнаго съ нею „панства" въ соединенной Речи Посполитой. Наоборотъ, въ текстѣ инструкціи Литовско-Русской это равенство значенія обоихъ „панствъ" выступаетъ совершенно ясно. Кромѣ приведеннаго выше въ выпискахъ изъ обѣихъ инструкцій, это

иллюстрируется сличеніемъ ряда другихъ частей сравниваемыхъ текстовъ. Сдѣлаемъ нѣсколько такихъ сличеній: „въ тыхъ паньствахъ“ [1]) — „w téj Koronie“ [2]); „на тые панства“ [3]) — „na Koronę“ [4]); „панства“ [5]) — „Korona“ [6]); „паньствъ“ [7]) — „Korony“ [8]): „паньства“ [9]) — „Koronę“ [10]); „за которымъ и тры части и четверътую часть скаръбови посполитому въ Полще были прывлащени, выпашли“ [11]) — „za którą i trzy części i czwarta część skarbowi pospolitemu byli ewinkowane, należli“ [12]); „по екъзекуцыи въ Полще, а у Великомъ Князстве Литовъскомъ по Уніи“ [13]) — „po egzekucyéj“ [14]); „кожъдый непрыятель тыхъ паньствъ“ [15]) — „każdy nieprzyjaciel téj Korony“ [16]); „король его милость не маеть а ни хочеть мети ничого своего особливого, съ Коруны а не з Великого Князства Литовъского певъне ничого не выносить“ [17]) — „król jmść nie ma, ani chce mieć nic swego privatum, nic osobnego, z Korony téj pewnie nic nie wynosi“ [18]); „пана, той Коруне и Великому Князству Литовъскому такъ зычъливого“ [19]) — „pana Koronie téj tak życzliwego“ [20]) и т. п.

Мы привели довольно много отличій текстовъ инструкціи королевскимъ посламъ, отправленнымъ на сеймики Польши и Великаго Княжества Литовскаго, которые были созваны передъ однимъ и тѣмъ же вальнымъ Польско-Ли-

1) Приложенія. Стр. 104.
2) Żródła Dziejowe. IV. Str. 244.
3) Приложенія. Стр. 104.
4) Żródła Dziejowe. IV. Str. 244.
5) Приложенія. Стр. 108.
6) Żródła Dziejowe. IV. Str. 248.
7) Приложенія. Стр. 109.
8) Żródła Dziejowe. IV. Str. 249.
9) Приложенія. Стр. 109.
10) Żródła Dziejowe. IV. Str. 250.
11) Приложенія. Стр. 111.
12) Żródła Dziejowe. IV. Str. 251.
13) Приложенія. Стр. 111.
14) Żródła Dziejowe. IV. Str. 251.
15) Приложенія. Стр. 114.
16) Żródła Dziejowe. IV. Str. 253.
17) Приложенія. Стр. 114.
18) Żródła Dziejowe. IV. Str. 253.
19) Приложенія. Стр. 115.
20) Żródła Dziejowe. IV. Str. 254.

товскимъ сеймомъ. Эти отличія не могутъ быть признаны случайными, такъ какъ ихъ обиліе, само по себѣ являющееся достаточнымъ для такого вывода, сопровождается вполнѣ опредѣленною тенденціею, вскрываемою разсмотрѣніемъ содержанія исходныхъ мѣстъ обоихъ текстовъ. Необходимо приходится сдѣлать выводъ, что сеймики Княжества и сеймики Короны, выслушивая въ общемъ одни и тѣ же сообщенія отъ королевскаго посла по поводу предстоящаго сейма, получали эти сообщенія изложенными въ нѣсколько различной окраскѣ значенія Польши и Великаго Княжества Литовскаго въ созданномъ Люблинскою Уніей соединенномъ государствѣ. При этомъ инструкція на сеймики Княжества выдвигаетъ впередъ интересы этого послѣдняго и сверхъ того сообщаетъ о дѣлахъ чисто Литовско-Русскихъ, о которыхъ умалчиваетъ инструкція на сеймики Короны, сливая съ Польшею все соединенное государство, или выдвигая ея интересы на первый планъ.

Наблюденія надъ текстами инструкцій, составленными въ канцеляріяхъ Княжества и Короны для господарскихъ пословъ на сеймики передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года, дополняются наблюденіями надъ текстами такихъ инструкцій, составленныхъ въ этихъ канцеляріяхъ при созывѣ сеймиковъ передъ другими сеймами. Въ текстѣ инструкціи господарскимъ посламъ на Коронные сеймики, собранные передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года[1]), не только имѣемъ соотвѣтствующія измѣненія отдѣльныхъ выраженій и фразъ[2]),

1) Żródła Dziejowe. Tom IV. Str. 38—44.

2) Нпр.: „przyjąwszy na ramiona swe, nie bez uważania tak wielkie brzemię regimentu, tak szerokich prowincyi i wielkości ludu Bożego pod sprawę swą wziąwszy" (Żr. Dz., str. 38) и „вземъшы на себе такъ великіе беремена потребъ речы посполитое и великость люду Божъего" (Приложенія, стр. 43); „także téż i wszystko wielkie ks. litew. do téjże zgody przyciągnął" (Żr. Dz., str. 39) и „такъ же и тое панъство, Великое Князство Литовъское, до тое згоды прытягнулъ" (Приложенія, стр. 44); „między stany téż koronnemi różnice są, także téż w. ks. litewskiego i ziemie pruskie z koroną pewne potrzeby swe przekładają" (Żr. Dz., str. 41—42) и „особливе тежъ межы станы Корунными и Великого Князства Литовъского розницы суть въ некоторыхъ многихъ потребахъ и долеглостяхъ земъскихъ; такъ же земли Пруское съ Коруною певные потребы свои прекладають" (Приложенія, стр. 47); „dla zadzierżenia rzpltéj i dobrego WMci i sławnéj korony téj i w. ks. litewskiego" (Żr. Dz., str. 42) и „для

но и пропускъ той части „науки" на сеймики Великаго Княжества Литовскаго, которая говоритъ о требованіяхъ, предъявленныхъ Мстибоговскимъ съѣздомъ Княжества Стефану Баторію при признаніи его вступленія на престолъ соединеннаго государства Великимъ Княжествомъ Литовскимъ [1]). Имѣются и другіе пропуски однимъ изъ сравниваемыхъ текстовъ частей другого.

Обнаруживаются несходства и текстовъ другихъ документовъ, которые составлялись въ канцеляріяхъ Короны и Княжества при созывѣ сеймиковъ передъ одними и тѣми же Польско-Литовскими вальными сеймами. „Листы сеймовые до пановъ радъ" Литовско-Русскихъ, разосланные передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года [2]), заключаютъ въ себѣ не тотъ текстъ, который имѣемъ въ листахъ „ad majores consiliarios" Польши, выданныхъ передъ тѣмъ же сеймомъ [3]). Сравниваемые листы различаются и содержаніемъ, и языкомъ [4]), и датировкою [5]). Что касается Короннаго текста, соотвѣтствующаго тексту листа сеймиковаго повѣтоваго, выданнаго Стефаномъ Баторіемъ въ Литовско-Русскіе повѣты передъ декабрьскими сеймиками 1577 года [6]), то его нѣтъ въ ряду документовъ по созыву этихъ сеймиковъ, изданныхъ А. И. Павинскимъ [7]). Листы „ad nobilitatem" [8]) Польши соотвѣтствуютъ листамъ „до княжатъ, панятъ и шляхты" Княжества [9]), являясь совершенно сходными въ своемъ содержаніи [10]). Въ листахъ къ Польскимъ старостамъ королемъ предписывается разослать текстъ листовъ „ad no-

---

задеръжанья речы посполитое и доброго всихъ в[а]ш[ое] милости, тыхъ славныхъ панъствъ, Коруны Полское и Великого Князства Литовского" (Приложенія, стр. 48) и т. п.

1) Отъ словъ „а къ тому, яко в[аша] милость паны рады и иные станы жадали зъ з[ъ]езду своего Мстибоговъского" (Приложенія, стр. 51).

2) Приложенія. Стр. 99—101.

3) Żródła Dziejowe. Tom IV. № CLIX.

4) Въ Корону — на латинскомъ языкѣ, въ Княжество — на русскомъ.

5) Въ Корону 15 ноября, въ Княжество — 2 ноября.

6) Приложенія. Стр. 97—99.

7) Żródła Dziejowe. Tom IV. Str. 235—256.

8) Ibidem. № CLIV. Въ словахъ „iisdem verbis quibus supra nr. CLII" недосмотръ. Конечно, нужно читать вмѣсто „nr. CLII" — „nr. CLIII".

9) Приложенія, стр. 101—102.

10) Отличія ихъ въ обращеніи, въ назначеніи мѣста и времени и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

bilitatem" урядникамъ земскимъ и людямъ шляхетскимъ ихъ староствъ. Относительно же опубликованія созыва сейма и сеймиковъ въ этихъ листахъ старостамъ отдается приказъ лишь огласить и опубликовать въ торговые дни въ городахъ и мѣстечкахъ черезъ возныхъ созывъ сеймиковъ и вальнаго сейма [1]). О посылкѣ старостамъ особаго текста королевскаго универсала листъ къ нимъ не говоритъ ничего. Не говоритъ о такомъ универсалѣ и листъ къ старостамъ о созывѣ Коронныхъ сеймиковъ передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года [2]). Текстъ листовъ „ad nobilitatem" Польши, указанный нами выше, не имѣетъ въ себѣ указанія на извѣщеніе шляхты господарскими листами „о потребахъ речы посполитое", которое имѣется въ соотвѣтствующихъ листахъ къ княжатамъ, панятамъ и шляхтѣ Княжества [3]). Является, въ силу этихъ наблюденій, вопросъ: было ли необходимо оповѣщеніе Польской шляхты болѣе подробными универсалами о дѣлахъ предстоящаго сейма? Ленгнихъ писалъ въ XVIII столѣтіи, что такое оповѣщеніе дѣлалось [4]), но уже Скржетускій, писавшій въ томъ же XVIII вѣкѣ, говоритъ лишь вообще о королевскихъ универсалахъ, созывающихъ предсеймовые сеймики, безъ болѣе подробнаго указанія ихъ содержанія [5]). То же глухое указаніе на эти универсалы находимъ и въ литературѣ послѣдующаго времени [6]).

1) „Rozkazujemy tedy, abyś te sejmy i walny koronny w miastach, w miasteczkach starostwa swego we dni targowe wedle zwyczaju przez woźnego obwołać i pyblicować rozkazal". Żr. Dz. Tom IV. Str. 238.

2) Ibidem. Str. 48—49.

3) Приложенія. Стр. 101.

4) „Literae quibus Ordines vocantur, praeter conuentuum et comitiorum diem, rerum de quibus in comitiis consultandum summam continent, ac ad castra seu arces iudiciales singulorum palatinatuum et terrarum, in quibus habendi conuentus, dimittuntur, et tum voce ministri iudicialis, w o z n y appellati, in oppidorum foris publicantur, tum ad valvas templorum descriptae proponuntur". G o t f r i d i L e n g n i c h Jus Publicum Regni Poloni. Tomus II. Gedani 1766. P. 323. (По польскому изданію 1836 года стр. 336—337 — Prawo Pospolite Królestwa Polskiego. Wydanie nowe, w poprawném tłómaczeniu obadwa łacińskie połączające, ogłoszone za sprawą i nakładem redakcyi Kwartalnika Naukowego. Kraków 1836).

5) Prawo Polityczne Narodu Polskiego przez X. W i n c e n t e g o S k r z e t u s k i e g o S. P. Tom I. W Warszawie 1782. Str. 230.

6) Нпр., J a n W i n c e n t y B a n d t k i e S t ę ż y ń s k i, Historya Prawa Polskiego, napisana i wykładana przed rokiem 1830 w. b. Warszaw-

Мы не станемъ входить въ этотъ вопросъ о способахъ оповѣщенія шляхты Короны передъ сеймиками, такъ какъ 1) это задача изученія историческаго прошлаго Польши, а не Литовско-Русскаго государства, соединившагося съ нею Уніею, и 2) для выводовъ о тожествѣ или различіи документовъ, составляемыхъ передъ предсеймовыми сеймиками одного и того же созыва, сдѣланныя нами сравненія уже даютъ достаточно матеріала [1]). Къ этимъ выводамъ теперь и обратимся.

Документы по созыву сеймиковъ Польскихъ и Литовско-Русскихъ, составлявшіеся въ государственной канцеляріи Короны и въ государственной канцеляріи Княжества, не могутъ быть признаны тождественными. Ихъ различіе наблюдается и внѣшнее, и внутреннее. Кромѣ языка и времени выдачи они отличаются и своимъ содержаніемъ. Языкомъ документовъ, направляемыхъ передъ сеймиками въ Корону, былъ языкъ польскій для большинства документовъ и латинскій для нѣкоторыхъ изъ нихъ; языкомъ документовъ, направляемыхъ передъ сеймиками того же созыва въ Княжество, былъ языкъ русскій. Время выдачи этихъ доку-

---

skim Aleksandryjskim Uniwersytecie (Warszawa 1850), str. 610; Adolf Pawiński, Rządy Sejmikowe w Polsce na tle stosunków województw Kujawskich (Warszawa 1888), str. 16; Józef Siemieński, Organizacya sejmiku Ziemi Dobrzyńskiej (Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. Serya II. Tom XXIII. W Krakowie 1906), str. 275—281. Ср. Adam Szelągowski, Wzrost Państwa Polskiego w XV i XVI w. Polska na przełomie wieków średnich i nowych (Lwów 1904), str. 285 или Станиславъ Кутшеба, Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши (переводъ съ польскаго подъ редакціей Н. В. Ястребова, СПБ. 1907), стр. 156.

1) Текстъ универсаловъ Стефана Баторія, созывающихъ въ Польшѣ предсъѣздовые сеймики 1577 года (Źródła Dziejowe, tom IV, № LII), заключаетъ въ себѣ достаточно обстоятельное изложеніе дѣлъ, для которыхъ сеймики созываются. Но созывъ этихъ сеймиковъ былъ дѣломъ чрезвычайнымъ. На нихъ созывалась шляхта, уже предупрежденная двумя вицами, т. е. призывными военными листами, о сборѣ въ посполитомъ рушеньѣ, и они созывались не передъ вальнымъ сеймомъ, а передъ съѣздами главныхъ частей Польши, т. е. Великой и Малой Польшѣ и Мазовіи. Ср. этотъ универсалъ съ текстомъ господарскихъ листовъ, созывающихъ повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго передъ такимъ же его съѣздомъ въ Волковыйскѣ (Приложенія, стр. 64—66).

ментовъ изъ соотвѣтствующихъ канцелярій не должно было быть однимъ и тѣмъ же. Послѣднему соотвѣтствуетъ и то, что срокъ созыва сеймиковъ передъ вальными сеймами былъ инымъ для Короны и для Княжества [1]). Переходя къ внутреннимъ различіямъ сравниваемыхъ документовъ, замѣчаемъ, прежде всего, различный характеръ обращеній господарскихъ листовъ въ эти два „панства" соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой. Принципъ демократическаго шляхетскаго равенства является гораздо болѣе выдержаннымъ въ листахъ, направляемыхъ въ Польшу, чѣмъ въ листахъ, направляемыхъ въ Великое Княжество Литовское [2]). Въ своихъ обращеніяхъ къ повѣтамъ Литовско-Русскимъ господарь перечисляетъ группы, изъ которыхъ слагалась Литовско-Русская шляхта: „княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, маръшалкомъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ земъскимъ и дворъным и всему рыцеръству-шляхте, обывателемъ" того или другого повѣта [3]), причемъ такія обращенія то короче, то распространеннѣе въ зависимости отъ того, является ли данный повѣтъ въ своемъ воеводствѣ центральнымъ или нѣтъ, т. е. имѣетъ или не имѣетъ въ своемъ составѣ тѣхъ урядниковъ, которые бывали только въ центральныхъ повѣтахъ [4]). Обращеніе къ сенаторомъ Польши проще, чѣмъ обращеніе къ раднымъ панамъ Великаго Княжества Литовскаго въ соотвѣтствующихъ листахъ, посылаемыхъ отъ короля къ нимъ передъ сеймиками [5]). Но рядомъ съ этою чертою, которая иллюстрируетъ оффиціальный взглядъ на степень выдержанности идеи шляхетскаго равенства въ томъ и другомъ изъ соединившихся Уніею „панствъ", сравненіе текстовъ соотвѣтствующихъ документовъ уполномочиваетъ и на другіе выводы. Часть документовъ, составляемыхъ при созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ въ канцеляріи Княжества, была переводомъ на русскій языкъ соотвѣтствующихъ документовъ, составляемыхъ въ канцеляріи Коронной. Но, являясь

1) Въ Польшѣ шесть недѣль (для чрезвычайныхъ сеймовъ этотъ срокъ могъ сокращаться до трехъ недѣль), въ Княжествѣ — четыре недѣли.

2) Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 231.

3) Приложенія. Стр. 97.

4) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 266—390 и 565—635.

5) Ср. Żródła Dziejowe, tom IV, №№ XXII, XXIII и др.

переводомъ Коронныхъ документовъ, документы, составляемые въ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго 1) подчеркивали государственное значеніе своего „панства" въ соединенномъ государствѣ, не такъ опредѣленно и ясно выступающее въ соотвѣтствующихъ документахъ Коронныхъ, и 2) вносили въ свой текстъ самостоятельно составляемыя части, имѣвшія значеніе для одного Великаго Княжества Литовскаго, опуская при этомъ тѣ части соотвѣтствующихъ Коронныхъ документовъ, которыя имѣли значеніе для Польши, какъ отдѣльнаго „панства", съ которымъ Княжество было соединено Уніею. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти выводы, къ которымъ приводитъ сравненіе документовъ по созыву предсеймовыхъ сеймиковъ Короны и Княжества, должны имѣть свое значеніе и для изученія спольнаго сеймованья Польско-Литовской Речи Посполитой. Мы не можемъ, конечно, останавливаться на этомъ на настоящихъ страницахъ, посвященныхъ лишь изученію Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика, но мы не можемъ не отмѣтить значенія выводовъ, къ которымъ приводитъ сравненіе документовъ Короны и Княжества по созыву предсеймовыхъ сеймиковъ, для оцѣнки ихъ какъ источниковъ для изученія историческаго прошлаго Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Различіе соотвѣтствующихъ документовъ по созыву сеймиковъ и сеймовъ заставляетъ признать, что одинъ и тотъ же изъ этихъ документовъ не можетъ являться одинаково источникомъ для изученія обоихъ „панствъ" соединеннаго государства, несмотря на то, что Корона и Княжество имѣли съ 1569 года общій вальный сеймъ, созываемый одною и тою же верховною властью.

Глава VI.

Сеймикъ предсеймовый.

Основные моменты въ дѣятельности предсеймоваго повѣтоваго сеймика. Послы повѣтоваго сеймика. Вопросъ о „стравныхъ" деньгахъ для нихъ и его разрѣшеніе. Составъ повѣтовыхъ пословъ на вальные сеймы. Полномочія этихъ пословъ. Инструкція, составляемая повѣтовымъ сеймикомъ для своихъ пословъ сеймовыхъ. Утвержденіе инструкціи повѣтовымъ сеймикомъ. Инструкція Виленскаго сеймика отъ 30 декабря 1594 года и инструкція Берестейскаго сеймика отъ 30 декабря 1596 года, какъ образцы этого вида сеймиковыхъ документовъ. Языкъ инструкцій посламъ повѣтовыхъ сеймиковъ на Польско-Литовскіе вальные сеймы. Языкъ инструкцій повѣтовымъ посламъ на съѣзды Великаго Княжества Литовскаго. Внесеніе повѣтовой инструкціи въ оффиціальныя книги уряда.

Дѣятельность предсеймоваго повѣтоваго сеймика, какъ таковаго, слагалась изъ трехъ моментовъ: 1) заслушанія и обсужденія „науки" господарскаго посла на сеймикъ, передававшей сеймикующимъ отъ имени господаря свѣдѣнія и заявленія послѣдняго, которыя онъ считалъ нужнымъ сообщить повѣтовой шляхтѣ предъ созываемымъ сеймомъ, 2) выбора пословъ сеймика на предстоящій сеймъ и 3) составленія и утвержденія инструкціи этимъ посламъ отъ повѣта. Тѣ же три момента были и въ дѣятельности повѣтовыхъ сеймиковъ, созванныхъ передъ Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года, котораго постановленіе должно было замѣнить для Великаго Княжества Литовскаго постановленіе вальнаго сейма. Мы уже разсмотрѣли подготовку созыва повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ государственной канцеляріею Княжества[1]) и видѣли, что представляли собою „науки" господарскимъ посламъ

---

1) Глава V.

на сеймики и въ чемъ должна была выражаться дѣятельность этихъ пословъ во время сеймикованья. Теперь мы должны познакомиться съ двумя остальными изъ указанныхъ выше моментовъ дѣятельности предсеймоваго сеймика, т. е. съ выборомъ повѣтовыхъ пословъ на предстоящій сеймъ и составленіемъ для нихъ инструкціи.

При выборѣ своихъ пословъ на сеймъ, двухъ человѣкъ по требованію закона[1]), повѣтовому сеймику необходимо было считаться съ цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ. Если для сенатора поѣздка на сеймъ сплошь и рядомъ не представляла чего-либо особенно заманчиваго — онъ бывалъ на сеймахъ и въ засѣданіяхъ господарской рады много разъ и хорошо знаетъ блескъ королевскаго двора и обстановку сеймованья, а также знаетъ и хлопотливость сеймовой работы, и тяжесть дороги, которую нужно проѣхать въ путешествіи на сеймъ, — то для повѣтоваго посла поѣздка на сеймъ должна была представляться дѣломъ заманчивымъ, и онъ могъ ея добиваться. Кромѣ того, что поѣздка на сеймъ въ качествѣ повѣтоваго посла давала шляхтичу возможность посмотрѣть господарскій дворъ, сеймъ, новыя мѣста и новыхъ людей, она была для него путемъ къ возвышенію и пріобрѣтенію извѣстности какъ въ своемъ повѣтѣ, такъ и въ государствѣ. Избранный посломъ на сеймъ шляхтичъ не только увеличивалъ свой авторитетъ въ своемъ повѣтѣ, выдѣлявшемъ его изъ остального повѣтоваго шляхетства, но могъ извлечь изъ своего посольства для себя выгоды и отъ возможности сдѣлаться лично извѣстнымъ господарю и панамъ раднымъ. Эта извѣстность могла при умѣніи и удачѣ открывать путь къ возвышенію по іерархической лѣстницѣ урядовъ и къ пріобрѣтенію пожалованій[2]). Сама верховная власть смотрѣла на участіе въ сеймованьѣ какъ на заслугу, какъ на трудъ, заслуживающій награды. Такъ, привилей короля Генриха, выданный Жомоитскому подкоморію, тивуну Ойрагольскому, пану Миколаю Станкевичу Белевичу

1) II ст., III, 5. III ст., III, 6.

2) Ср., нпр., связи Новгородскаго подсудка Θеодора Евлашевскаго, часть которыхъ онъ завязалъ во время исполненій посольскихъ обязанностей на сеймахъ — см. его Дневникъ во II-омъ выпускѣ Мемуаровъ, относящихся къ исторіи Южной Руси.

на лѣсничества Вилкейское, Юрборское и Скерстомонское, говоритъ, что эти лѣсничества жалуются Белевичу за его службы, „которые онъ королю его милости“ Сигизмунду Августу „и речы посполитой отъ часу немалого, такъ роты ку служьбамъ земскимъ выводячы, яко и на частые соймы вальные въ справахъ речи посполитое езьдечи, завжды верне, цнотливе и зъ немалыми утратами маетности своее зъ себе показовалъ и до сего часу показывати не переставаеть“ [1]). И въ самомъ дѣлѣ, если взглянуть на поѣздку повѣтоваго посла на сеймъ съ точки зрѣнія хозяйственныхъ интересовъ шляхтича, то она несомнѣнно соединялась для него со значительными потерями. Посолъ отрывался на довольно продолжительное время отъ своего „господарства“-хозяйства [2]), иногда въ самое горячее время земледѣльческихъ работъ. Кромѣ того, до окончательнаго разрѣшенія вопроса о такъ называемыхъ „стравныхъ“ деньгахъ, т. е. о прогонахъ повѣтовымъ посламъ на вальные сеймы [3]), сеймовыя поѣздки этихъ пословъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и, по

1) „Лист, пану Станькевичу на лесницства Вилкейское, Юрборъское и Скерстомоньское даный“. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. л. 76 об. — 77 об. (дата: Краковъ, 10 мая 1574 года). То же самое признаніе присутствія на сеймахъ заслугою встрѣчаемъ и въ другихъ документахъ. См., нпр., И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 526—527, прим. 3. — выписка изъ привилея пану Миколаю Дорогостайскому, стольнику Княжества, на Шерешовскую державу („Листъ пана столниковъ на Шерешовъ“, данный Генрихомъ въ Краковѣ 28 марта 1574 года. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. л. 4 об. — 6). Указаніе на присутствіе Дорогостайскаго на сеймахъ, какъ на его заслугу, находимъ и въ другихъ документахъ, выданныхъ королемъ Генрихомъ по поводу пожалованія Дорогостайскому Шерешовской державы — см. „Листъ пану Миколаю Дорогостайскому и до Яроша Кречевъского о державу Шерешовскую“ (Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. л. 115 об. — 116 об.; дата: Краковъ, 28 марта 1574 года) и „О томъ же листъ, писаный до пана подскарбего земъского“ (ibidem, л. л. 116 об. — 117 об.; дата та же). Ср. выше стр. 300—301.

2) Обычная продолжительность вальныхъ сеймовъ въ эпоху спольнаго съ Поляками сеймованья была опредѣлена закономъ въ шесть недѣль. Къ этому нужно прибавить время, которое тратилъ посолъ на путешествіе на сеймъ и обратно.

3) Мы считаемъ обмолвкою выраженіе „жалованье“, которое употребляетъ Ѳ. И. Леонтовичъ, обозначая имъ „стравныя“ деньги. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 271 (Ѳ. И. Леонтовичъ. Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ).

крайней мѣрѣ, отчасти должны были требовать отъ нихъ и собственныхъ расходовъ.

Путешествіе на сеймъ было несомнѣнно дѣломъ недешевымъ и въ то время, когда послы повѣтовыхъ сеймиковъ отправлялись на свои Литовско-Русскіе вальные сеймы, собиравшіеся до Уніи въ предѣлахъ Княжества. Оно сдѣлалось еще болѣе дорогимъ, когда на сеймы приходилось ѣздить послѣ заключенія Уніи въ Польшу. Понятно, что вопросъ о средствахъ для содержанія сеймовыхъ представителей повѣтовъ долженъ былъ явиться предметомъ серьезнаго вниманія шляхты. Въ эпоху до учрежденія повѣтоваго предсеймоваго сеймика обязательными представителями шляхты на вальныхъ сеймахъ были ея хоружіе. Они должны были совершать свои сеймовыя поѣздки по своему уряду, въ число обязанностей котораго входило и сеймованье. Надо думать, что никакихъ пособій на эти поѣздки они не получали или, по крайней мѣрѣ, не имѣли на нихъ признаннаго права. На это указываетъ просьба хоружихъ Подляшскихъ повѣтовъ, представленная на Виленскомъ сеймѣ 1547 года, въ которой они хлопотали о назначеніи имъ „опатренья" по ихъ уряду, такъ какъ они, вызываемые на сеймы господарскими листами, несутъ много расходовъ по сеймовымъ поѣздкамъ. Тогда же Подляшскіе повѣты просили господаря объ указаніи источника для „стравныхъ" денегъ ихъ сеймовымъ посламъ, которые по господарскому приказанію высылаются повѣтами Подляшья на вальные сеймы. Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ на эти просьбы предложеніемъ шляхтѣ самой складываться на „страву" хоружію и посламъ, которые ею посылаются на сеймы [1]), прибавивъ, что такъ должно быть въ силу обычая [2]). Въ этомъ отвѣтѣ несомнѣнно чувствуется взглядъ на участіе въ сеймахъ, какъ на „повинность", которой исполненія можетъ требовать господарь отъ „стана, сойму належачаго". Содержаніе участниковъ сеймовыхъ собраній не входило въ

1) При этомъ Сигизмундъ Августъ предложилъ, надо думать для экономіи, посылать на вальные сеймы при хоружихъ лишь по одному послу отъ повѣта, не закрывая этимъ, однако, возможности и увеличенія ихъ числа — „a chcą li dwu, maią tez obrac".

2) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 532.

обязанности господаря и казны. Собиравшіеся на сеймы должны были являться на нихъ и ихъ отбывать такъ же по своей „повинности“, какъ они должны были собираться въ военные сборы и совершать походы, не получая никакихъ пособій на нихъ отъ государства. Какъ земскій воинъ самъ везъ съ собою въ походъ съѣстные припасы, такъ ихъ везли съ собою на сеймы и участники послѣднихъ[1]). Только раздачею „господъ“, т. е. квартиръ, во время сеймовъ центральная власть приходила на помощь участникамъ сеймовъ, прибывавшимъ въ тотъ или другой городъ для сеймованья[2]).

Съ учрежденіемъ предсеймоваго повѣтоваго сеймика вопросъ объ обезпеченіи сеймовыхъ пословъ шляхты получалъ уже нѣсколько иное освѣщеніе. Теперь создавалось обязательное и выборное представительство повѣтовой шляхты на вальныхъ сеймахъ вмѣсто представительства ея хоружими по ихъ урядамъ съ добавленіемъ одного или нѣсколькихъ пословъ, которые отправлялись для принесенія просьбъ шляхты или по требованію господаря, замѣняя собою на вальныхъ сеймахъ всю шляхту „viritim“. Хоружіе даже перестали быть вовсе непремѣнными представителями повѣтовой шляхты на сеймахъ; они могли со времени учрежденія предсеймоваго повѣтоваго сеймика бывать послами шляхетскихъ повѣтовъ лишь въ томъ случаѣ, если сеймики этихъ повѣтовъ выбирали ихъ своими послами, какъ простыхъ членовъ повѣтовыхъ шляхетскихъ корпорацій, совершенно такъ же, какъ они выбирали и другихъ своихъ пословъ, всего по два отъ каждаго повѣта. Такимъ образомъ, всякій намекъ на соединеніе сеймованья съ какимъ-либо шляхетскимъ урядомъ исчезъ со времени учрежденія предсеймоваго сеймика, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалась и всякая гарантія того, что сеймовое посольство будетъ поручено повѣтомъ лицу сколько-нибудь достаточному, а стало быть имѣющему возможность на собственныя средства совершить поѣздку на сеймъ, такъ какъ занятіе уряда хоружія вообще было доступно только болѣе или менѣе обезпеченному шляхтичу. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе своего значенія въ госу-

---

1) Ср. примѣръ Виленскаго сейма 1525 года, приводимый Н. А. Максимейкомъ (Сеймы Л.-Р. государства, стр. 156).

2) Ср. Н. А. Максимейко, op. cit., стр. 156. См. ниже, въ главѣ X.

дарствѣ давало шляхтѣ основаніе болѣе энергично выступить съ требованіемъ разрѣшенія вопроса о „стравныхъ“ деньгахъ въ направленіи, болѣе соотвѣтствующемъ интересамъ и ея пословъ, и ея самой.

Уже на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ, во время котораго и былъ учрежденъ предсеймовый повѣтовый сеймикъ, станы сейма просили Сигизмунда Августа, „жебы посломъ поветовымъ, на съемъ вальный едучи, опатренье на страву зъ скарбу земского было давано“. Отвѣтомъ господаря на эту просьбу было слѣдующее: „ижъ которого часу поплаты съ подданыхъ своихъ на потребу речи посполитое земское даете, тогды подъ такимъ часомъ поступенья податку и посломъ земскимъ на съемъ вальный отправу на страву“ господарь распорядился выдать. При этомъ Сигизмундомъ Августомъ было прибавлено, что такой же порядокъ существуетъ и въ Польшѣ [1]). Это было, конечно, разрѣшеніемъ вопроса лишь временнымъ. Самый текстъ отвѣта Сигизмунда Августа указываетъ на это. На Городенскомъ сеймѣ 1566—1567 годовъ станы вновь представили господарю просьбу, чтобы онъ „з ласки своее господарьское, прикладомъ обычаю въ панстве его милости господарскомъ Корунномъ, на страву зъ скарбу его королевское милост[и] опатривати росказати рачилъ“. На эту просьбу Сигизмундъ Августъ отвѣтилъ: „въ Полщи на то ся всѣ складають до скарбу господарского, а господаръ его милость зъ скарбу за ся съ того посломъ на страву давати рачилъ; по тому жъ и вы, коли на то ся складати будете, господаръ его милость посломъ на страву давати кажеть“ [2]). Надо думать, что станы Великаго Княжества Литовскаго имѣли достаточное основаніе, чтобы указывать въ своемъ требованіи выдачи „стравныхъ“ денегъ повѣтовымъ посламъ отъ господаря на примѣръ Польши и не довольствоваться этимъ отвѣтомъ Сигизмунда Августа, такъ какъ въ Польшѣ дѣйствительно сеймовые послы въ эпоху послѣднихъ двухъ Ягеллоновъ получали „на страву“ изъ дворнаго королевскаго скарба [3]).

---

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 174.

2) Н. А. Максимейко. Op. cit. Приложенія. Стр. 176.

3) Adolf Pawiński. Rządy Sejmikowe w Polsce. Str. 67.

Вопросъ о „стравныхъ“ деньгахъ не получилъ своего окончательнаго разрѣшенія въ годы до Уніи 1569 года, и Великое Княжество Литовское должно было заниматься имъ и въ эпоху уже спольнаго Польско-Литовскаго сеймованья. Въ эту эпоху онъ становился особенно серьезнымъ въ виду того, что на сеймы повѣтовымъ посламъ Княжества нужно было ѣздить уже за границу своего „панства“, что увеличивало и ихъ дорогу, и ихъ расходы, связанные съ путешествіемъ[1]). Начиная съ самаго Люблинскаго сейма, установившаго Унію, дѣло „опатренья на страву“ для повѣтовыхъ пословъ привлекало вниманіе и шляхты, и верховной власти. Въ 1569 году, съ Люблинскаго сейма, въ Литовско-Русскіе повѣты были выданы Сигизмундомъ Августомъ листы[2]), въ которыхъ отъ имени его говорится о томъ, что „многіе съ пословъ зъ земль и поветовъ того паньства“, Великаго Княжества Литовскаго, „упоминалися и просили“ у него „опатреня“ изъ его скарба „на сътраву, за чымъ бы въ потребахъ речы посполитое на томъ сойме травити могли“. Ясно, что повѣтовые сеймики, пославшіе пословъ на сеймъ, или вовсе не снабдили ихъ деньгами „на страву“, или выдали ихъ въ недостаточномъ количествѣ. Сигизмундъ Августъ на этотъ разъ приказалъ „осмотрети“ содержаніе посламъ многихъ земель и повѣтовъ Княжества

---

1) Кромѣ естественнаго увеличенія расходовъ отъ поѣздокъ въ Польшу, какъ „заграничное панство“, Литовско-Русскіе послы теряли и на монетѣ, что признавалось оффиціально господарскими листами. См. Приложенія, стр. 9—10.

2) Въ IX-ую книгу Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики (Лит. Метр. $\frac{III\ A}{9}$ л. л. 185 об. — 186 об.) внесенъ „Листъ до обывателевъ повету Мозырского о даванье п[е]н[е]зей посломъ на сеймы“, выданный 15 февраля 1569 года въ Люблинѣ (изданъ М. К. Любавскимъ — Л.-Р. сеймъ, Приложенія, № 74). Но сряду за текстомъ этого листа въ этой книгѣ Литовской Метрики находится перечень воеводствъ и повѣтовъ Княжества (онъ напечатанъ нами выше, стр. 74, прим. 2), что указываетъ на посылку такихъ же листовъ и въ другіе повѣты. Этотъ перечень опускаетъ воеводства Волынское, Полоцкое, Подляшское, Браславля Подольскаго и землю Жомоитскую. Быть можетъ, въ этомъ нужно видѣть указаніе на то, что повѣты этихъ воеводствъ именно и были тѣми, которые обезпечили своихъ пословъ прогонными деньгами, постановивъ для этой цѣли особый податокъ, какъ говоритъ пересказываемый нами въ текстѣ документъ.

изъ средствъ своего „властъного“ скарба. Надо думать, что это распоряженіе его было вызвано желаніемъ не осложнять своихъ отношеній къ посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ на сеймѣ для заключенія Уніи Княжества съ Польшею, вызывавшаго такія большія затрудненія. Но господарь заявляетъ, что повѣтовымъ посламъ „немало пенезей“ его „роздано“ и что эти деньги отпущены имъ съ тѣмъ, чтобы повѣтовые обыватели, сложившись, вернули ихъ въ господарскій скарбъ, такъ какъ это „власная потреба земъская“, а потому и не можетъ на этотъ скарбъ „складано быти“. Во многихъ повѣтахъ, сообщаетъ Сигизмундъ Августъ, „на страву“ посламъ постановленъ особый податокъ по добровольному согласію обывателей, и этимъ податкомъ послы были „отъправленые“. Поэтому и въ остальныхъ повѣтахъ долженъ быть установленъ податокъ же для возвращенія въ господарскій скарбъ выданныхъ изъ него посламъ денегъ. Настоящій листъ приказываетъ повѣтовымъ обывателямъ съѣхаться для постановленія податка „подълугъ воли своее, яко се“ имъ „видети будеть“, и передать деньги въ скарбъ черезъ земскихъ пословъ, которые были повѣтомъ отправлены на настоящій сеймъ. Что касается пановъ-рады и урядниковъ господарскихъ земскихъ, которые лично присутствують на этомъ сеймѣ, то они не должны отказываться отъ своего участія въ уплатѣ этого податка, такъ какъ по своимъ осѣлостямъ они принимаютъ участіе въ повѣтовыхъ сеймикахъ и вмѣстѣ съ остальными обывателями „пословъ обираютъ и выправуютъ“. Въ заключеніе, высказавъ требованіе, чтобы предписанное имъ было исполнено безъ всякаго „омешъканя и спошенства“, господарь прибавляетъ, что послѣ возвращенія въ его скарбъ выданныхъ изъ него посламъ денегъ „се тому таковый обычай вынайдовати мусить, яко бы скарбъ“ его „тое шкоды незвыклое не поносилъ“.

Итакъ, вопросъ о томъ, откуда и какъ должны добываться „стравныя“ деньги повѣтовымъ посламъ на сеймы, оставался открытымъ въ моментъ соединенія Княжества съ Короною Люблинскою Уніею 1569 года. Повѣтовые предсеймовые сеймики 1570 года собирались, не имѣя еще законодательнаго разрѣшенія этого вопроса. Передъ ними были разосланы господарскіе листы въ Литовско-Русскіе

повѣты съ разрѣшеніемъ его только на одинъ данный случай. Сохранившійся въ Литовской Метрикѣ листъ Сигизмунда Августа въ Виленскій повѣтъ передъ этими сеймиками [1]) заключаетъ въ себѣ скорѣе просьбу, чѣмъ приказаніе

1) „Жикгимонтъ etc. Князю Валерыяну — бискупу Виленьскому, воеводе Виленьскому, канцлеру нашому Великого Князства Литовского, старосте Мозыръскому и Лидъскому, державцы Борисовъскому — пану Миколаю Юревичу Радивилу, пану Виленьскому, гетьману нашому навышъшому Великого Князства Литовского, старосте Городеньскому и Могилевъскому — пану Григорью Александровича Ходъкевича и инымъ княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, старостамъ, державцамъ, подъкоморому, войскому, судьи, подъсудку, писару и всимъ врадникомъ земскимъ земли воеводъства Виленьского, земяномъ и дворяномъ нашимъ, которыеименья и оселости свои мають въ земли Виленьской. Ведомо есть вамъ о зложеньи черезъ насъ г[о]с[по]д[а]ра сойму вального всимъ обывателемъ панъствъ нашыхъ, такъ Коруны Польское, яко и Великого Князства Литовского, у Варшаве по святе Великоденъномъ въ року нинешнемъ семдесятомъ прышломъ, въ трохъ неделяхъ передъ которимъ и соймики поветовые ижъ дойти мають, вступивши въ постъ пришлый великій м[е]с[е]ца февраля двадцатого дня. Про то мы г[о]с[по]д[а]ръ, постерегаючи того, абы въ обиранью и посланью пословъ земъскихъ на съемъ омешканье не деяло се и вымова въ людехъ на соймикахъ не была въ складанью посломъ на страву, тогды съ повинъности нашое г[о]с[по]д[а]ръское видело ся намъ васъ въ томъ листомъ нашимъ напоменути, якожъ напоминаемъ съ пожеданьемъ нашимъ г[о]с[по]д[а]ръскимъ, абы есте на день, соймикомъ зложоный водлугъ першыхъ листовъ нашихъ соймовыхъ, зъехавшися до Вильни на соймикъ поветовый, о всихъ тыхъ потребахъ земъскихъ, которые вамъ черезъ посла нашого, водле инъструкцыи, ему отъ насъ даное, ознаймены будуть, намовляли и, пословъ з воеводъства Виленьского обравши, з милости своее ку намъ г[о]с[по]д[а]ру и ку речи посполитой на страву имъ зложили, не беручы передъ себе и не вымовляючи ся тымъ, же сте того вделати не повинъни, абысь послы на рокъ, сойму зложоный, на съемъ пріехати не омешкали а яко бы, для незложенья на страву, потребамъ речы посполитое ничого не перешкажало. И ачъ то бывало передъ тымъ, же на съемъ посломъ на страву складано въ поветехъ, ведъже тотъ звычай давный вамъ въ пошлину не пойдеть, але на томъ то пришломъ сойме около того найдеть ся обычай такій слушный з намовы спольное всихъ становъ, отколь посломъ поветовымъ напотомъ на съемъ на страву маеть быти давано, чого минути и занехати будеть трудно, абы ся то не мело на теперешнемъ пришломъ сойме осмотрети, кгдыжъ бы потомъ жаденъ посломъ на съемъ ехати о своемъ грошу не поднялъ ся". Лит. Метр. $\frac{II\ A}{56}$ л. л. 1 об. — 2 об. Дата: Варшава, 24 января 1570 года. Заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Листъ, писаный до пановъ радъ и врядниковъ земскихъ, на соймику Виленскомъ, передъ соймомъ валнымъ зложонымъ, будучихъ, о складане на страву посломъ земскимъ".

господаря о томъ, чтобы повѣтовые обыватели сложились только на этотъ разъ „на страву" своимъ посламъ, гарантируя при этомъ, что старый, уже извѣстный намъ способъ обезпеченія пословъ шляхты на сеймы до-реформеннаго времени, когда она сама выдавала своимъ сеймовымъ посламъ содержаніе, какъ и это возобновленіе его, не пойдутъ ей „въ пошлину". Сеймъ 1570 года долженъ найти источникъ для „стравныхъ" денегъ повѣтовымъ посламъ на сеймы, ибо въ противномъ случаѣ, „о своемъ грошу", ни одинъ шляхтичъ не станетъ принимать на себя посольства на сеймы отъ сеймиковъ. Такого же содержанія листы, конечно, были посланы и въ остальные повѣты Княжества — листъ въ Виленскій повѣтъ несомнѣнно вписанъ въ книгу Литовской Метрики въ значеніи ихъ образца.

Вопроса о „стравѣ" посламъ касались и господарскіе листы къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ повѣтовой администраціи, разосланные передъ тѣми же сеймиками[1]). Эти

1) Какъ образецъ этихъ листовъ въ ту же книгу Литовской Метрики внесенъ листъ къ Браславскому старостѣ. — „Жикгимонтъ Августъ etc. Воеводе Мстиславъскому, старосте Браславъскому, пану Юрю Остику, а въ небытъности его милости самого у Браславлю, ино подъстаростему его милости тамошнему. Посылаемъ въ семъ фастыкуле листы нашы отъвороные, писаные до князей, пановъ и всихъ становъ народу шляхетъского у повете Браславъскомъ — одинъ о помкненье року сойму вальному всимъ обывателемъ панъствъ нашихъ, такъ Коруны Польское, яко и Великого Князства Литовского, сезде у Варшаве черезъ насъ г[о]с[по]д[а]ра зложоного, однымъ тыднемъ далей, то есть по Великодню, святе теперъ прышломъ, въ трехъ неделяхъ, а другій о зложенье на страву посломъ тымъ, которые на тотъ соймъ съ повету Браславъского будуть посланы — яко то все съ тыхъ листовъ нашихъ шпрей и достаточней твоя милость вырозумеешъ. Про то, штобы твоя милость, пане воевода, а, въ небытности его милости самого у Браславлю, тобе, подъстаростій его милости тамошній, приказуемъ, ажъ бы еси оный нашъ листъ о помкнене сойму вального того жъ часу, скоро тобе данъ будеть, въ месте въ Браславли и в ыныхъ местечкахъ того повету, пры костелехъ и на торъгохъ объволати велелъ, а потомъ яко тотъ листъ, такъ и другій, о зложенье на страву посломъ писаный, на соймику тамошнемъ поветовымъ всимъ становъ, которые ся на тотъ соймикъ зъедуть, оказати велелъ и самъ до того, з стороны своее, ся причинилъ, яко бы, пословъ на съемъ до Варшевы выправившы, на страву имъ зложили, а то будеть на сойме з намовъ спольныхъ осмотрено, отъколь потомъ посломъ земъскимъ на съемъ маеть быти опатрывано. А къ тому пры тыхъ же листехъ посылаемъ особливый листъ нашъ, писаный такъ же

листы предписывали старостинскимъ урядамъ повѣтовъ опубликованіе господарскихъ универсаловъ объ отсрочкѣ вальнаго сейма и о сложеніи повѣтовыхъ обывателей „на страву“ ихъ посламъ на этотъ сеймъ, а также и объ отсрочкѣ разбора судебныхъ дѣлъ судомъ господаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ главѣ повѣтовой администраціи Сигизмундомъ Августомъ предписывается оказать свое вліяніе на повѣтовый сеймикъ, чтобы онъ согласился сложиться „на страву“ своимъ посламъ сеймовымъ, причемъ и въ этомъ листѣ, какъ и въ листѣ къ повѣту, прибавлено о предстоящемъ постановленіи сейма касательно опредѣленія источника для обезпеченія сеймовыхъ пословъ повѣтовъ.

Итакъ, Варшавскій сеймъ 1570 года долженъ былъ законодательнымъ путемъ разрѣшить вопросъ объ источникахъ для „стравныхъ“ денегъ посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ на вальные сеймы. Но онъ не выполнилъ того, что отъ него ожидалось, ни въ этомъ дѣлѣ, ни въ другихъ. На сеймѣ 1570 года Сигизмундъ Августъ отказался признать извѣстное Сандомирское соглашеніе лютеранъ, кальвинистовъ и моравскихъ братьевъ Польши, и этотъ отказъ короля помѣшалъ осуществленію предполагавшихся серьезныхъ реформъ и постановленій сейма[1]). По внутреннимъ дѣламъ сейму 1570 года пришлось ограничиться лишь рецессомъ, отлагавшимъ эти дѣла до созыва слѣдующаго сейма. Утвердить ему удалось лишь „constitutiones“ для Гданска[2]). Не разрѣшенный законодательнымъ путемъ вопросъ о деньгахъ „на страву“ поэтому долженъ былъ вновь подняться на ближайшихъ повѣтовыхъ предсеймовыхъ сей-

до всихъ становъ того повету около отроченья всихъ справъ, суду и выроку нашому г[о]с[по]д[а]рьскому належачихъ, на часъ певный, то естъ по Великодню у трохъ неделяхъ, яко то вырозумеешъ достаточне съ того листу нашого, который тежъ абы еси того жъ часу, кромъ всякого продлуженья, въ овомъ повете ку ведомости всимъ становъ объволати и ознаймити велелъ и на соймику поветовомъ его имъ оказалъ“. Лит. Метр. $\frac{II\ A}{56}$ л. л. 2 об. — 3. Дата: Варшава, 24 января 1570 года. Заголовокъ въ книгѣ Метрики: „До повету Браславского о помкнене року, сойму назначоного, далей, о зложене посломъ на страву и отрочаючи вси справы судовые на иный часъ“.

1) Ср. М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши (переводъ подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева), томъ II, стр. 101.

2) Volumina Legum. Tom II (Petersburg 1859). Str. 108—123.

микахъ. Слѣдующій сеймъ созывался на 6 января 1572 года. Господарскіе универсалы въ повѣты о сеймикахъ, предваряющихъ этотъ сеймъ[1]), молчатъ о „стравныхъ“ деньгахъ. Не говоритъ о нихъ прямо и „наука“ господарскимъ посламъ на эти сеймики. Но послѣдняя все-таки дѣлаетъ намекъ на возможный путь для разрѣшенія вопроса о деньгахъ „на страву“ сеймовымъ посламъ. Въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго сейма, она называетъ дѣло „о заложенью тежъ скарбу посполитого“ [2]). Естественно, что, приводя въ большіе систему и порядокъ государственное хозяйство и его кассу, этотъ „посполитый скарбъ“ могъ бы создать возможность и разрѣшенія вопроса о „стравныхъ“ деньгахъ, измѣняя существующій временно порядокъ въ этомъ дѣлѣ, противъ котораго возставала повѣтовая шляхта Княжества. Можно думать, что съ точки зрѣнія Сигизмунда Августа и его совѣтниковъ это упоминаніе господарскими послами на сеймикахъ о „посполитомъ скарбѣ“ представлялось способнымъ отвлечь Литовско-Русскую шляхту отъ протестовъ противъ существующаго порядка изысканія средствъ на сеймовыя поѣздки пословъ повѣтовыхъ. Если такой расчетъ дѣйствительно былъ, то онъ долженъ быть признанъ неудавшимся, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ части повѣтовыхъ сеймиковъ этого созыва, если не по отношенію къ нимъ всѣмъ. Часть Литовско-Русскихъ сеймиковъ этого созыва, весьма возможно, въ виду свирѣпствовавшаго въ то время повѣтрія спѣша покончить съ сеймикованьемъ скорѣе, и не занялась этимъ вопросомъ обстоятельно[3]). Но на то, что вопросъ о „стравѣ“ посламъ повѣтовымъ все-таки поднимался въ это время на сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго, мы имѣемъ прямое указаніе источниковъ. Это указаніе касается сеймика Жомоитскаго. „Отписъ“ Сигизмунда Августа Жомоитскому старостѣ, пану Яну Ходкевичу, отъ 13 января 1572 года[4]), являющійся отвѣтомъ короля на листъ, полученный

1) Приложенія. Стр. 13—14.

2) Ibidem. Стр. 11.

3) Повѣты нѣкоторыхъ воеводствъ, въ виду повѣтрія, даже отбывали свои сеймики этого созыва не порознь, т. е. повѣтами, а вмѣстѣ — цѣлыми воеводствами.

4) Сеймъ былъ отсроченъ до 2 февраля.

отъ него, говоритъ о томъ, что Жомонтскій сеймикъ, прошедшій при маломъ съѣздѣ шляхты, съ большими трудностями и опасностями отъ повѣтрія, все-таки не хотѣлъ „посломъ на страву складатися“. Основаніемъ для отказа отъ выдачи „стравныхъ“ денегъ Жомонтская шляхта выставляла листы Сигизмунда Августа, писанные къ ней [1]) передъ сеймомъ 1570 года, въ которыхъ король просилъ ее только на тотъ разъ сложиться „на страву“ посламъ, обѣщая изысканіе источниковъ для этихъ денегъ на будущее время постановленіемъ этого сейма. Отвѣчая на сообщеніе объ этомъ Яну Ходкевичу, Сигизмундъ Августъ напоминаетъ ему о безрезультатности Варшавскаго сейма 1570 года и проситъ Жомонтскаго старосту убѣдить всѣ станы и шляхту земли Жомонтской, „писаньемъ своимъ то преложивши“, чтобы они сложились „на страву“ своимъ посламъ и черезъ этихъ уже пословъ „домовлялисе“ на сеймѣ установленія источниковъ для „стравныхъ“ денегъ. Со своей стороны король обѣщаетъ имъ въ этомъ дѣлѣ поддержку [2]).

1) Какъ и въ другіе повѣты. См. выше, стр. 438—441.

2) „Отписъ до пана старосты Жомойтского въ речи таковой же о соймику Жомонтскомъ и о новинахъ з Ифлянтъ з стороны Рижанъ. Жикгимонтъ Августъ, Божю милостю король Польскій etc. Старосте Жомойтъскому. Данъ естъ намъ листъ твоее милости, въ которомъ твоя милость до насъ пишешъ, ознаймуючи, же соймикъ поветовый въ земли Жомойтъской за пильнымъ стараньемъ твоее милости, ачъ з великою трудностью и небезъпечностью поветрея, вжо дошолъ а посълы на съемъ для несобранья всее шляхты тамошнее только тры обраны, яко есмо з листу твоее милости достаточне зрозумели, и ради то слышимъ а отъ твое милости вдячне з ласкою нашою господаръскою пріймуемъ, же стараньемъ своимъ, яко великая и верная рада наша, до того ся причинилъ. А што пишешъ твоя милость, ижь шляхта посломъ на страву складатися не хотели, вымову делаючи листы нашими, передъ перъшимъ соймомъ тутошнимъ въ року семдесятомъ до нихъ о зложенье посломъ на страву писаными, абы только на онъ часъ то учинили, а на сойме мело ся то опатрити и постановити, отколь бы потомъ посломъ на страву давано, ино, яко твоей милости, такъ же и имъ самымъ естъ то ведомо, же на ономъ прошломъ сойме не только то, але и болшіе великоважные речи земскіе водле потребы постановитися не могли и на пришлый съемъ преложоны. Про то, абы твоя милость, всимъ становъ и рицерству шляхте оное земли Жомойтьское писаньемъ своимъ то преложивши, до того ихъ привелъ, жебы ся и теперъ пословъ (sic) безъ жадного затрудненья на страву зложили, а черезъ тыхъ же пословъ своихъ на сойме того домовлялисе, абы на пришлый часъ вжо ся то слушне опа-

Мы не можемъ указать, въ какихъ повѣтахъ вопросъ о складчинѣ шляхты посламъ ея „на страву" прошелъ въ 1571 году безъ протестовъ и въ какихъ онъ ихъ вызвалъ, какъ это было несомнѣнно на сеймикѣ Жомоитскомъ. Предсеймовые сеймики не вели протоколовъ своихъ занятій и преній, а вырабатывали свои инструкціи посламъ, какъ результатъ этихъ преній. Притомъ и самыя инструкціи этого времени намъ не встрѣтились въ актахъ, изученныхъ нами. Но устройству складчины „на страву" посламъ въ нѣкоторыхъ повѣтахъ и воеводствахъ должна была мѣшать самая обстановка занятій сеймиковъ 1571 года. По причинѣ повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ это время въ Княжествѣ, многіе сеймики собирались тогда по воеводствамъ, по нѣскольку повѣтовыхъ сеймиковъ вмѣстѣ, притомъ въ малочисленномъ собраніи шляхты. Это должно было мѣшать установленію соглашенія о сборѣ „стравныхъ" денегъ, такъ какъ малому числу собравшихся шляхтичей приходилось рѣшать вопросъ о раскладкѣ ихъ не только на себя,

---

трило и постановило, отколь бы послы на страву мели, до которого постановенья и выпалязку мы господар[ъ] причинитися не занехаемъ, только абы ся тымъ пріеханьемъ пословъ на съемъ ку затрудненью якому потребъ земскихъ не омешкало. Къ тому особливе въ томъ же листе своемъ писалъ твоя милость до насъ господара, ознаймуючи о умысле мещанъ Рижскихъ, яко твоей милости отъ некоторихъ зычливыхъ з Риги знати дано, ижь, ачъ они до насъ господара листъ свой, которій твоя милость пры листе своемъ съ копеею листу ихъ, до цесара его милости писаного, послалъ, писали, даючи о собе справу, же до цесара его милости, хотечи быти отъ повинъности его милости вольными, послали, ведьже, звонтпивши о Макгнусе и королю Дуньскомъ, хотять отъ цесара его милости ведомость взяти, если бы имъ отколь з Решп Немецъкое якая надея въ помочи могла быти ку вызволеню своему съ подъданства нашого господарского. Якосмо тежъ то съ писанья твое милости достаточне зрозумели, вдячне отъ твоее милости пріймуючи, ижь съ преложенства своего не занехиваешъ о таковыхъ речахъ дбалого выведованья чинити. И впередъ, звлаща кгды послы ихъ отъ цесара вернуть ся, досегай твоя милость, водле баченья своего, певное ведомости, што за отказъ на писанье свое, альбо и въ чомъ иньшомъ якое порозуменье отъ цесара его милости и отъ кого иного з Решп Немецькое мети будуть, абы ся то все на сойме пришломъ слушне опатрило и предсявзятье ихъ, если бы ся иначей, нижли намъ о собе справу дають, указовало, ускромило". Дата: Варшава, 13 января 1572 года. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. л. 9 об. — 10.

но и на большее, чѣмъ они, число шляхтичей, на сеймикъ не пріѣхавшихъ. Въ виду добровольнаго характера настоящаго денежнаго сбора, рѣшать при такой обстановкѣ вопросъ объ обложеніи имъ шляхетскаго повѣта не могло не быть затруднительнымъ. Прямое указаніе на это источниковъ мы имѣемъ по отношенію къ Ковенскому повѣту. 31 декабря 1571 года въ Варшавѣ Сигизмундомъ Августомъ былъ выданъ листъ къ обывателямъ этого повѣта, въ которомъ онъ говоритъ о доведенномъ до него Троцкими воеводою и каштеляномъ отказѣ Ковенской шляхты вручить посламъ выработанную на общемъ сеймикѣ всѣхъ повѣтовъ Троцкаго воеводства „моцъ", имъ „написаную", и сложиться для нихъ „на страву" безъ остальныхъ Ковенскихъ обывателей, на сеймикъ не прибывшихъ. „Про то", говоритъ господарскій листъ, „тую моцъ до поветовъ, кождый до своего, для запечетованья и зложенья посломъ на страву взяли". Эта послѣдняя фраза документа указываетъ на то, что шляхта не только Ковенскаго, но и остальныхъ повѣтовъ Троцкаго воеводства, собранная на общій сеймикъ въ Сомилишки, поступила такъ же. По просьбѣ воеводы и каштеляна Троцкихъ, представленной господарю именемъ всѣхъ обывателей Ковенскаго повѣта, Сигизмундъ Августъ назначилъ время для собранія повѣтовой шляхты „на местцо звыклое" для приложенія печатей къ „моцѣ" тѣми, кто не былъ на сеймикѣ въ Сомилишкахъ, и для складчины „на страву посломъ" [1]).

Сейму 1572 года, отъ котораго ожидалось разрѣшеніе вопроса о „стравныхъ" деньгахъ, не пришлось оправдать этого ожиданія Литовско-Русской шляхты, какъ и сейму 1570 года. Ему не удалось оставить послѣ себя ни конституціи, ни даже рецесса. Самъ Сигизмундъ Августъ, приближавшійся уже къ смерти, не имѣлъ силъ оказать достаточнаго содѣйствія разрѣшенію вопроса о „стравныхъ" деньгахъ, обѣщаннаго имъ Литовско-Русской повѣтовой

1) Приложенія. Стр. 36—37. Приведенныя нами въ текстѣ слова этого листа о томъ, чтобы въ каждый повѣтъ Троцкаго воеводства была взята „моцъ", выработанная въ Сомилишкахъ, показываютъ, что такіе же господарскіе листы были посланы и въ повѣты Троцкій, Городенскій и Упитскій.

шляхтѣ [1]). 7 іюля 1572 года, со смертью послѣдняго Ягеллона, Великое Княжество Литовское вступило вмѣстѣ съ Польшею въ первое безкоролевье соединеннаго государства, которое, прервавшись кратковременнымъ царствованіемъ Генриха Валезія [2]), смѣнилось новымъ безкоролевьемъ 1575—1576 годовъ. Серьезность задачъ, которыя стояли въ эти годы передъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, обезпечивавшимъ и охранявшимъ свое государственное значеніе въ Польско-Литовской Речи Посполитой, и тревожность времени отодвигали на второй планъ дѣло о „стравѣ“ повѣтовымъ посламъ, заслоняемое гораздо болѣе крупными дѣлами и вопросами государственной жизни Княжества въ эту эпоху [3]). Первая половина царствованія Стефана Баторія прошла при крайнемъ обостреніи военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ Москвою, когда, напрягая всѣ свои силы для этой борьбы, Великое Княжество Литовское не имѣло возможности удѣлять достаточно вниманія вопросамъ внутренней организаціи своего „панства“ [4]). Но послѣ окончанія Московской войны вопросъ о „стравныхъ“ деньгахъ былъ поднятъ вновь и былъ поставленъ твердо на путь, который долженъ былъ наконецъ привести къ его разрѣшенію. Этимъ путемъ было внесеніе постановленія о „стравѣ“ Литовско-Русскимъ повѣтовымъ посламъ въ проектъ III-го статута, который изготовлялся депутатами Великаго Княжества Литовскаго [5]). Въ „артыкулахъ“ этого проекта, которые Виленскій съѣздъ 1584 года представилъ Стефану Баторію для сообщенія ихъ черезъ господарскихъ пословъ на сеймики Княжества передъ вальнымъ сеймомъ, находимъ и проектъ разрѣшенія вопроса о „стравныхъ“ деньгахъ. Депутатскій проектъ III-го статута въ 7-мъ и 29-мъ артикулахъ III-го

---

1) Евлашевскій самый неуспѣхъ Варшавскаго сейма 1572 года объясняетъ болѣзнью Сигизмунда Августа: „король его милость Августъ южъ былъ хорый, про то жъ се ничого не постановило“. Мемуары, отн. къ исторіи Южной Руси. Вып. II. Стр. 11.

2) Король Генрихъ пробылъ въ Польшѣ только съ середины февраля по конецъ іюня 1574 года.

3) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 91—153.

4) См. ibidem, стр. 170—181.

5) Ср. выше, стр. 72 (и прим. 4) и стр. 103.

раздѣла предположилъ „податокъ по два грошы з волоки на страву посломъ, которые на съеймъ вальный выправовани бывають, на будованье домовъ для зложенья книгъ земскихъ и на иншые потребы, яко шырей то естъ описано". Но Виленскій съѣздъ 1584 года не нашелъ возможнымъ согласиться съ этимъ предположеніемъ депутатскаго проекта, такъ какъ предки пановъ-рады и шляхты Великаго Княжества Литовскаго „варовали се того, абы вечный платъ николи не былъ вношонъ" на ихъ имѣнія и подданныхъ. Къ этому радные паны прибавили, что они не могутъ согласиться на такой податокъ и потому, что каждый изъ нихъ, обязанный по своему положенію сенатора лично ѣздить на сеймы, уже обременяетъ ради этихъ поѣздокъ своихъ подданныхъ „подводами и иными потребами". Въ виду всего этого Виленскій съѣздъ 1584 года предложилъ отнести расходъ „на страву" повѣтовымъ посламъ на счетъ „скарба речы посполитое", который онъ предполагалъ учредить съ передачею ему чеканки монеты для Великаго Княжества Литовскаго. Этотъ же „скарбъ посполитый", по проекту Виленскаго съѣзда 1584 года, долженъ былъ давать средства и на покрытіе другихъ расходовъ государственнаго и повѣтоваго значенія въ Княжествѣ, а въ то же время и явиться кредитнымъ учрежденіемъ для нуждающихся въ ссудахъ Литовско-Русскихъ обывателей. Ожидая скораго разрѣшенія вопроса объ источникахъ для „стравныхъ" денегъ отъ ближайшаго сейма послѣ обсужденія его на Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймикахъ, которые соберутся передъ этимъ сеймомъ, свѣтскіе паны-рада на Виленскомъ съѣздѣ 1584 года согласились только для повѣтовыхъ пословъ на этотъ сеймъ выдать „на страву" со своихъ подданныхъ въ размѣрахъ, „яко се панове рыцерство въ поветехъ на соймикахъ змовять для выправы паномъ посломъ на съеймъ". Но отъ этой выдачи денегъ свободны должны быть всѣ сенаторы Княжества, которые на сеймъ поѣдутъ; ей подлежатъ лишь паны-рада, на сеймъ не ѣдущіе [1]). Послѣдніе

1) Приложенія. Стр. 135—137. Сообщеніе этихъ „артыкуловъ" Виленскаго съѣзда 1584 года на предсеймовые сеймики повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго, а также утвержденіе III-го статута были гарантированы Стефаномъ Баторіемъ 25 марта 1584 года — A. H. R. G. P. ill., tomus XI, № CLVII и Вил. Арх. Сб. III, № 32.

слова указываютъ на тотъ способъ, которымъ собирались „стравныя“ деньги до этого времени. Очевидно, что онѣ выдавались повѣтовыми обывателями, которые, выбирая на сеймикѣ своихъ сеймовыхъ пословъ, дѣлали постановленіе и о сборѣ для нихъ съ повѣта „на страву“, хотя и возставали противъ такого способа собиранія „стравныхъ“ денегъ, какъ мы это видѣли выше.

Статутъ 1588 года объ источникахъ „стравныхъ“ денегъ отъ имени господаря говоритъ такъ: „а отъкуль тымъ посломъ на страву маеть быти давано, то вжо особливою уфалою соймовою естъ варовано, што за мocно держано быти маеть, одно не подъдаючы подъ тое добръ нашихъ господарскихъ и костельныхъ“ [1]). Эти слова III-го статута ясно намекаютъ на податокъ, налагаемый для „стравныхъ“ денегъ на имѣнія повѣтовыхъ обывателей. Они показываютъ въ то же время, что духовные паны-рада, твердо защищая имѣнія своихъ каѳедръ отъ этого податка и не соглашаясь на него и на Виленскомъ съѣздѣ 1584 года, сумѣли настоять на своемъ и при выработкѣ окончательной редакціи Литовско-Русскаго кодекса. Что касается пановъ-рады свѣтскихъ, то они должны были подчиниться общему для повѣтовыхъ обывателей обложенію „на страву“ посламъ, хотя, какъ сейчасъ увидимъ, имъ удалось сохранить ту оговорку о свободѣ отъ этого обложенія радныхъ пановъ, не пропускающихъ даннаго сейма, которую они сдѣлали и въ 1584 году.

Указаніе III-го статута на „уфалу соймовую“, которою уже сдѣлано постановленіе объ источникахъ для „стравныхъ“ денегъ, не можетъ быть, однако, признано вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что это постановленіе внесено лишь въ конституцію Варшавскаго сейма 1598 года, т. е. сейма, собравшагося черезъ десять лѣтъ послѣ утвержденія III-го статута. Въ этой конституціи читаемъ, что деньги для пословъ, устанавливаемыя на повѣтовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго, каждый долженъ выдавать въ назначенный срокъ подъ страхомъ привлеченія къ гродскому суду повѣта со штрафомъ въ десять копъ литовскихъ грошей; отъ уплаты установленнаго

1) III ст., III, 7.

сеймикомъ сбора освобождаются лишь столовыя господарскія земли и имѣнія тѣхъ сенаторовъ, которые поѣдутъ на сеймъ [1]).

Настоящее постановленіе, такимъ образомъ, сдѣлано послѣ утвержденія статута 1588 года, хотя онъ и говоритъ о немъ какъ о дѣйствующемъ. Можно предположить, что оно дѣйствительно состоялось на Варшавскомъ сеймѣ 1585 года, не бывъ только оформленнымъ внесеніемъ въ сеймовую конституцію, которой не выработалъ этотъ бурный сеймъ [2]). Но и при этомъ предположеніи необходимо отмѣтить тенденцію къ перенесенію расходовъ на прогоны посламъ съ плечъ шляхты на доходы господарскихъ столовыхъ земель, которую обнаруживаетъ ноябрьскій Виленскій съѣздъ 1587 года, хотя, правда, лишь для посольства къ кандидатамъ на Польско-Литовскій престолъ, а не для повѣтовыхъ пословъ сеймовыхъ [3]). Постановленіе Варшавскаго сейма 1598 года не совсѣмъ совпадаетъ съ постановленіемъ III-го статута и въ его молчаніи объ освобожденіи „добръ костельныхъ“ отъ уплаты сборовъ на прогоны сеймовымъ посламъ повѣтовъ. Быть можетъ, это неосвобожденіе церковныхъ земельныхъ имуществъ отъ несенія общей съ имѣніями шляхты тяжести сборовъ на „стравныя“ деньги было отчасти вызвано желаніемъ поставить духовныхъ сенаторовъ въ равныя условія съ сенаторами свѣтскими по уплатѣ этихъ сборовъ въ случаѣ неисполненія ими своей обязанности присутствованія на сеймахъ. Литовско-Русская шляхта была недовольна этими манкировками своихъ радныхъ пановъ, и требованіе того, чтобы паны-рада ѣздили на сеймы, не отговариваясь никакими „priwatami“, находимъ, напримѣръ, внесеннымъ въ инструкцію, данную 31 декабря 1596 года Берестейскимъ сеймикомъ своимъ посламъ на Варшавскій сеймъ 1597 года [4]). Возможно, что эти требованія шляхты отчасти и отразились на изложенномъ сеймовомъ постановленіи 1598 года [5]).

---

1) Volumina Legum. Tom II (Petersburg 1859). Str. 372 (артикулъ 30 — „O Poselskie pieniądze W. X. Lit.“).

2) Объ этомъ сеймѣ см. J. Szujski, op. cit., str. 96—101.

3) Приложенія. Стр. 153.

4) А. Вил. II. Стр. 154.

5) Варшавскій сеймъ 1597 года конституціи не оставилъ. Тѣмъ вѣроятнѣе отраженіе на постановленіи сейма 1598 года „O Poselskie pie-

Статутъ 1588 года опредѣлилъ и размѣры „стравныхъ" денегъ для сеймовыхъ пословъ каждаго изъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Имъ назначено[1]) Жомоитскимъ посламъ 200 копъ грошей, Виленскимъ[2]), Ошменскимъ, Лидскимъ, Вилькомирскимъ, Троцкимъ, Упитскимъ, Полоцкимъ, Новгородскимъ, Волковыйскимъ, Витебскимъ, Оршанскимъ, Мстиславскимъ и Минскимъ — по 160 копъ грошей, Браславскимъ, Городенскимъ, Ковенскимъ, Слонимскимъ, Берестейскимъ, Пинскимъ, Мозырскимъ и Рѣчицкимъ — по 120 копъ грошей. Но, въ случаѣ вздорожанія „збожья и иное живности", сумма, выдаваемая посламъ „на страву", должна быть увеличена „водлугъ уваженья часу и далекости дороги, естлибы се коли трафило, съ потребы речы посполитое, гдѣ далей надъ звыклое местьце сеймъ мети". Иными словами, не только вздорожаніе припасовъ, но и назначеніе мѣстомъ вальнаго сейма не Варшавы, а другого города, влекли за собою увеличеніе „стравныхъ" денегъ для сеймовыхъ пословъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Такъ разрѣшился къ концу XVI столѣтія вопросъ о „стравѣ" посламъ, который получилъ законодательное разрѣшеніе и въ части, касающейся источниковъ для „стравныхъ" денегъ, и въ части, касающейся ихъ размѣра для пословъ каждаго повѣта Великаго Княжества Литовскаго.

„Стравныя" деньги дѣлали возможнымъ для шляхетскаго повѣта высылать на вальные сеймы членовъ своей корпораціи, не справляясь съ тѣмъ, располагаютъ ли избранныя имъ лица достаточными средствами для сеймовой по-

---

niądze W. X. Lit." инструкцій Литовско-Русскихъ повѣтовъ, составленныхъ для предшествующаго ему сейма.

1) III ст., III, 7.

2) Въ изданіи III-го статута въ XIX-ой книгѣ Временника Имп. Общ. Ист. и Др. Р. стоитъ: „Виленьскимъ пословъ шестьдесятъ копъ грошей". Это, конечно, опечатка. Въ Мамоничскомъ изданіи статута 1588 года это мѣсто читается: „виленьскимъ послом сто шестьдесятъ копъ грошей" (первая строка на стр. 75 трехъ первыхъ изданій статута 1588 года — по каталогу Имп. Публичной Библіотеки №№ I. 2. № 6 г, I. 2. № 7 а и I. 2. № 8). Эта опечатка названнаго изданія III-го статута ввела въ заблужденіе Ѳ. И. Леонтовича, принявшаго 60 копъ грошей для „стравныхъ" денегъ сеймовымъ посламъ Виленскаго повѣта (Ѳ. И. Леонтовичъ. Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 271).

ѣздки. Но, конечно, въ послы выбирались шляхтичи болѣе или менѣе достаточные, и трудно себѣ представить въ положеніи сеймоваго посла какого-нибудь малоземельнаго или „убогаго" шляхтича. Несомнѣнно, представителями шляхетскихъ повѣтовъ на вальныхъ сеймахъ были шляхтичи „добре осѣлые", владѣющіе значительными имѣніями въ повѣтахъ, — требованіе, которое соблюдалось при выборѣ и кандидатовъ на повѣтовые уряды. Но для несенія обязанностей сеймоваго посла должны были требоваться и извѣстная способность, и нѣкоторая подготовка. Господарскіе универсалы въ повѣты и „науки" господарскимъ посламъ на предсеймовые сеймики требуютъ, чтобы сеймиками выбирались въ послы на сеймы люди „бачъные и ростропъные"[1]), „зацные, мудріе и статечные, которые бы ся о все доброе речы посполитое старали"[2]), „люди мудріе, годные и которые бы, милуючи речъ посполитую, во всемъ на жадную речъ болшъ ся не огъледали, одно на самые потребы речи посполитое"[3]), „особы ростропъные, исправные"[4]), „люди добрые, ростропные и бачные"[5]) и т. п. Для удачнаго исполненія обязанностей сеймоваго посла въ эпоху послѣ Уніи сверхъ этихъ качествъ необходимо было и нѣкоторое знаніе польскаго языка, и было желательно знакомство съ языкомъ латинскимъ. Польско-Литовскій сеймъ велъ свои засѣданія на польскомъ языкѣ; рядъ документовъ, писанныхъ по-латыни, особенно относящихся къ внѣшнимъ сношеніямъ соединеннаго государства, сеймъ долженъ былъ заслушивать во время своихъ занятій; наконецъ, избирательные короли Польско-Литовской Речи Посполитой XVI столѣтія, не владѣвшіе свободно польскимъ языкомъ, произносили свои рѣчи также на латинскомъ языкѣ[6]). Нѣкоторое знаніе латинскаго языка для

1) Приложенія. Стр. 98.
2) Ibidem. Стр. 14.
3) Ibidem. Стр. 3.
4) Ibidem. Стр. 141.
5) Ibidem. Стр. 125.
6) См., напр., рѣчи Стефана Баторія, произнесенныя на Варшавскомъ сеймѣ 1581 года — A. H. R. G. P. ill., tomus XI, p. 313—314, 317—318, 329. При оцѣнкѣ кандидатовъ на престолъ Польско-Литовской Речи Посполитой уже не говорилось о знаніи ими польскаго или русскаго языка, а серьезнымъ шансомъ въ пользу избранія бывало и хорошее

сеймовыхъ пословъ требовалось и потому, что въ сеймовыхъ рѣчахъ встрѣчаемъ постоянно отдѣльныя слова и цѣлыя цитаты, которыя давала классическая литература образованнымъ людямъ XVI вѣка или латынь католической церкви и латинская терминологія Коронныхъ судовъ и спеціальныхъ уставовъ и трактатовъ. Нѣкоторые сеймы должны были даже составлять отдѣльныя конституціи на латинскомъ языкѣ [1]).

Представить себѣ рядовыхъ шляхтичей чисто-русскихъ земель несущими при такихъ условіяхъ повѣтовыя посольства на Польско-Литовскихъ сеймахъ едва ли возможно. Надо думать, что контингентъ лицъ, подходившихъ къ исполненію обязанностей пословъ сеймовыхъ, не могъ быть великъ въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ, по крайней мѣрѣ въ первыя десятилѣтія существованія Польско-Литовской Речи Посполитой. Если Польскіе сеймики поручали сеймовыя посольства обыкновенно однимъ и тѣмъ же лицамъ [2]), то, конечно, это должно было быть тѣмъ естественнѣе для повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго, особенно въ первыя десятилѣтія послѣ Люблинской Уніи. Сообразивъ всѣ условія, которымъ должны были удовлетворять сеймовые послы Литовско-Русскихъ повѣтовъ, необходимо признать наиболѣе подходящими для сеймовыхъ посольствъ должностныхъ лицъ, входившихъ въ составъ повѣтовыхъ шляхетскихъ корпорацій. Но изъ нихъ еще въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія нѣкоторые не умѣли или не желали подписывать своего имени латинскими буквами и подписывали его буквами русскими на документахъ, писанныхъ на польскомъ языкѣ [3]). Являясь наиболѣе подхо-

---

знаніе латинскаго языка. Ср. Ѳ. Вержбовскій, Двѣ кандидатуры на Польскій престолъ, Вильгельма изъ Розенберга и эрцгерцога Фердинанда 1574—1575 (Варшава 1889), стр. 24.

1) Нпр., Constitutiones, civitati Gedanensi praescriptae et authoritate comitiorum Varsaviensium an. 1570 confirmatae". — Volumina Legum, t. II (Petersburg 1859), p. 108—123.

2) См. A. Pawiński, Rządy Sejmikowe, str. 64—65.

3) Нпр., Василій Букраба, хоружій Берестейскій — А. Вил. II, стр. 154. Примѣры подписей, сдѣланныхъ русскими буквами на сеймиковыхъ документахъ второй половины XVII столѣтія — Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 300, прим. 1.

дящими лицами для отправленія сеймовыхъ посольствъ, Литовско-Русскіе урядники посылались повѣтовыми сеймиками охотно уже на отдѣльные сеймы Княжества въ годы до Уніи 1569 года. Такъ, послами Витебскаго повѣта на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года были Витебскіе городничій (Петръ Тимоѳеевичъ Кисель) и земскій судья (Иванъ Богушевичъ)[1], послами Жомонтской земли на томъ же сеймѣ были тивунъ Ойрагольскій, подкоморій Жомонтскій (панъ Миколай Станькевичъ) и тивунъ Ретовскій (панъ Маркъ Лавриновичъ Внучко) вмѣстѣ съ двумя недолжностными земянами (панъ Янъ Стецкевичъ и панъ Августынъ)[2].

Въ эпоху спольнаго сеймованья съ Польшею Литовско-Русскихъ урядниковъ также часто встрѣчаемъ въ качествѣ повѣтовыхъ пословъ на сеймахъ. Такъ, послами на коронаціонный сеймъ послѣ избранія Генриха Жомоитскій сеймикъ послалъ Миколая Станькевича Белевича, подкоморія Жомоитскаго, тивуна Ойрагольскаго, пана Войтеха Юрьевича Белевича, старостича Жомонтскаго, тивуна Шовдовскаго, и пана Станислава Мартиновича Чеховича[3]; послами Виленскаго сеймика на Краковскій сеймъ 1595 года были Янъ Глѣбовичъ на Дубровнѣ, стольникъ Великаго Княжества Литовскаго, староста Радошковскій, державца Упитскій, и Александръ Ходкевичъ, графъ на Шкловѣ и на Мышѣ[4]. Но, конечно, рядомъ съ должностными лицами повѣтовые сеймики отправляли на вальные сеймы и членовъ своихъ шляхетскихъ корпорацій, которые уряжовъ не занимали. Въ приведенныхъ сейчасъ примѣрахъ мы уже встрѣтились съ ними рядомъ съ урядниками. Иногда и оба представителя повѣта на вальномъ сеймѣ оказывались лицами, должностей не занимавшими. Такъ, Берестейскій сеймикъ отправилъ на Варшавскій сеймъ 1597 года своими послами пана Яна Боговитина Шумбарскаго и пана Яна Телятицкаго[5]. Иногда одно и то же

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 202.

2) Ibidem. Стр. 200.

3) Вил. Арх. Сб. IV. № 10.

4) А. Вил. VIII. Стр. 332.

5) А. Вил. II. Стр. 149. Такой же составъ повѣтовыхъ пословъ наблюдается и въ послѣдующее время: нпр., Берестейскій сеймикъ въ

лицо посылалось повѣтомъ на сеймы много разъ, являясь посломъ его на рядѣ сеймовъ различныхъ созывовъ, пользуясь постояннымъ довѣріемъ всего повѣта, или проводимое сильною партіею. Примѣромъ такого неоднократнаго исполненія повѣтоваго посольства однимъ и тѣмъ же лицомъ можетъ быть указанъ уже названный нами выше Жомоитскій подкоморій и тивунъ Ойрагольскій Миколай Станькевичъ Белевичъ.

Повѣтовые послы должны были имѣть удостовѣреніе своего посольства отъ сеймиковъ, ихъ избиравшихъ. Это такъ называемая „моцъ", которая должна была быть выдана имъ сеймикующимъ шляхетскимъ повѣтомъ, скрѣпленная печатями или подписями „повѣтниковъ". Такое утвержденіе шляхетскимъ повѣтомъ „моцы" для его пословъ было необходимо, и верховная власть серьезно была озабочена тѣмъ, чтобы это утвержденіе дѣйствительно было сдѣлано при избраніи сеймовыхъ пословъ каждымъ повѣтомъ[1]). Но желанія центральной власти и желанія шляхетскихъ повѣтовъ по отношенію къ характеру и размѣрамъ этой „моцы" разошлись сразу послѣ учрежденія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика. Первая желала имѣть „моцъ" повѣтовымъ посламъ „незамероною", т. е. неограниченною; наоборотъ, повѣтовая шляхта стала ограничивать ее, идя въ разрѣзъ съ желаніемъ центральной власти. Весьма вѣроятно, что почвою, на которой выростало ограниченіе полномочій сеймовыхъ пословъ Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ въ первые годы сеймикованья Княжества, былъ вопросъ о соединеніи съ Польшею, который былъ поднятъ Сигизмундомъ Августомъ уже при созывѣ первыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ послѣ ихъ учрежденія. Господарскіе листы - универсалы передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года называютъ въ числѣ дѣлъ предстоящаго сейма „потребы речи посполитое около Унеи" и говорятъ о предстоящей поѣздкѣ представителей Великаго Княжества Литовскаго на съѣздъ съ сенаторами и послами Польши „для постанове[н]я скуточного въ

1666 году послалъ на сеймъ пана Бенедикта Сапегу, стольника Великаго Княжества Литовскаго, и пана Стефана Курча, подкоморія Лидскаго (А. Вил. III, стр. 377) и т. п.

1) Приложенія. Стр. 36—37. Ср. выше, стр. 445.

справахъ Уніи сполной братьской, одностайной милости-згоде належачихъ“ [1]). Въ этомъ дѣлѣ Уніи и нужно, по всей вѣроятности, искать главную причину требованія Сигизмундомъ Августомъ присылки пословъ отъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ „зъ зупольною моцъю“, какъ и, наоборотъ, ограниченія ими полномочій этихъ пословъ. Что именно здѣсь, а не въ самомъ преобразованіи Литовско-Русскаго государства реформами 1565—1566 годовъ лежитъ эта причина, показываетъ и постоянное возобновленіе Сигизмундомъ Августомъ требованія „незамероной моцы“ для сеймовыхъ пословъ повѣтовъ Княжества въ послѣдующихъ его сеймовыхъ универсалахъ, въ которыхъ самая неудача попытокъ заключенія Уніи ставится въ прямую причинную связь съ ограниченіемъ полномочій своимъ посламъ Литовско-Русскими сеймиками [2]). Вопросъ объ условіяхъ соединенія съ Польшею Великаго Княжества Литовскаго слишкомъ глубоко захватывалъ его обывателей, чтобы они могли уполномочивать своихъ пословъ вести дѣло Уніи безъ опредѣленныхъ указаній со своей стороны. Къ обсужденію вопросовъ Уніи присоединялись „просьбы“, которыя по старому, еще до-реформенному обычаю Литовско-Русская шляхта представляла своему господарю и на сеймы послѣ реформы 1565—1566 годовъ, какъ она это дѣлала и до нея [3]). Изъ соединенія „моцы“ съ этими просьбами и отвѣтами повѣтовыхъ сеймиковъ на вопросы, поставленные ихъ обсужденію универсалами великаго князя и „науками“ его пословъ сеймиковыхъ, и образовался тотъ документъ, который получилъ названіе инструкціи сеймовымъ посламъ повѣтовыхъ сеймиковъ.

Итакъ, уже въ годы до Люблинской Уніи предсеймовые Литовско-Русскіе сеймики вступили на путь ограниченія своихъ пословъ сеймовыхъ, посылая ихъ на сеймы съ „замероною моцъю“. Эта послѣдняя и должна была выливаться въ форму инструкціи сеймикующаго повѣта его по-

1) М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 166. Н. А. Максимейко, Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 153. Ср. выше, стр. 314.

2) См. выше, стр. 327—328 и 362—363.

3) См. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 200—204, 482—496 и др.

сламъ, въ которой давались имъ указанія, направляющія и ограничивающія ихъ дѣятельность на вальныхъ сеймахъ. Въ эпоху послѣ Люблинской Уніи инструкціи повѣтовыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ ихъ посламъ, отправляемымъ на „спольные“ съ Польшею сеймы, должны были не только сохраниться, но и получить новыя основанія для своего существованія и развитія. Съ одной стороны, въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ примѣръ сеймиковъ Коронныхъ, которые постоянно ограничивали своихъ сеймовыхъ пословъ инструкціями, составлявшимися для нихъ сеймикующими [1]). Съ другой стороны, самая дѣятельность представителей Польши на Люблинскомъ сеймѣ съ оторваніемъ отъ Великаго Княжества Литовскаго четырехъ воеводствъ должна была возбуждать недовѣріе Литовско-Русской шляхты къ Коронному сейму, хотя онъ и сталъ послѣ Уніи Польско-Литовскимъ. Годы послѣ Уніи не только не могли ослабить этого недовѣрія, а, наоборотъ, его должны были увеличивать. Интересы Литовско-Русскихъ повѣтовъ и всего „панства“ Литовско-Русскаго требовали энергичной охраны, и повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго въ инструкціяхъ своимъ сеймовымъ посламъ должна была видѣть средство ея осуществленія [2]).

Инструкція, вручаемая повѣтовымъ сеймикомъ своимъ посламъ, должна быть утверждена подписями и печатями обывателей, уполномочившихъ пословъ быть выразителями желаній и мыслей повѣта на предстоящемъ сеймѣ. Она является и инструкціей, и удостовѣреніемъ посольскихъ полномочій одновременно. Поэтому въ сеймиковую инструкцію обязательно вписываются имена тѣхъ лицъ, которымъ она дается, какъ посламъ повѣта. Обыкновенно имена по-

---

1) Объ инструкціи, какъ ограниченіи пословъ Коронныхъ сеймиковъ, см. Adolf Pawiński, Rządy Sejmikowe, str. 73.

2) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 83 и сл. Эта охрана самою шляхтою интересовъ Княжества была тѣмъ нужнѣе, что сенатъ соединеннаго государства имѣлъ больше представителей Польши, чѣмъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ какъ маршалки Литовско-Русскихъ повѣтовъ, соотвѣтствовавшіе меньшимъ каштелянамъ Короны, не были введены въ него, несмотря на всѣ старанія становъ Княжества. Число членовъ посольской избы отъ Польши также было больше, чѣмъ отъ Великаго Княжества Литовскаго.

словъ обозначаются въ самомъ началѣ текста инструкціи, въ ея заголовкѣ [1]), но иногда эти имена встрѣчаемъ лишь въ серединѣ текста, или даже въ концѣ его [2]). Быть можетъ, въ послѣднихъ случаяхъ возможно полагать, что послы сеймика были выбраны не въ началѣ его занятій, а въ ихъ концѣ, уже послѣ составленія текста инструкціи. Но безъ обозначенія именъ пословъ сеймиковая инструкція не могла быть составлена, такъ какъ она выдавалась лишь на имя опредѣленныхъ лицъ.

Являясь документомъ высокой степени важности — и изложеніемъ желаній и мыслей шляхетскаго повѣта, и удостовѣреніемъ посольства для избранныхъ имъ пословъ, — сеймиковая инструкція должна имѣть несомнѣнные признаки своей подлинности. Вотъ почему требовалось непремѣнно утвержденіе и скрѣпленіе ея печатями всѣхъ шляхетскихъ обывателей повѣта. Повѣтовые предсеймовые сеймики 1571 года отправлялись въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ во время повѣтрія, свирѣпствовавшаго особенно сильно въ Виленскомъ и Троцкомъ воеводствахъ. Это заставило Сигизмунда Августа приказать повѣтамъ Виленскаго и Троцкаго воеводствъ сеймиковать въ 1571 году по воеводствамъ, а не по повѣтамъ, т. е. на одномъ сеймикѣ перваго изъ этихъ воеводствъ должна была собраться шляхта всѣхъ пяти его повѣтовъ, а на одномъ сеймикѣ второго — шляхта всѣхъ четырехъ повѣтовъ послѣдняго. Этотъ сеймикъ Троцкаго воеводства собрался въ Сомилишкахъ. Послѣ его окончанія, какъ мы видѣли выше [3]), Троцкіе воевода и каштелянъ донесли Сигизмунду Августу, что шляхта повѣтовъ ихъ воеводства съѣхалась на сеймикъ въ маломъ числѣ. Въ виду этого, хотя присутствовавшіе на немъ и выбрали пословъ отъ повѣтовъ и приложили свои печати къ „моцы, посломъ написаной“, но, сдѣлавъ это, они взяли съ собою эти документы въ повѣты для утвержденія ихъ печатями остальныхъ членовъ своихъ шляхетскихъ корпо-

---

1) А. Вил. VIII, стр. 332 (1594 г.). Примѣры, относящіеся къ XVII столѣтію — А. Вил. II, стр. 167 (1634 г.), А. Вил. III, стр. 377 (1666 г.), А. Вил. IV, стр. 76 (1670 г.), А. Вил. VIII, стр. 342 (1698 г.).

2) А. Вил. II. Стр. 153.

3) Стр. 445 и прим. 1.

рацій. Назначая по просьбѣ воеводы и каштеляна Троцкихъ съѣзды шляхты этихъ повѣтовъ, Сигизмундъ Августъ предписалъ, чтобы „моцы", взятыя въ повѣты съ Сомилишскаго сеймика, „запечатовали", съѣхавшись на обычныя мѣста своихъ сеймиковыхъ собраній, тѣ обыватели, которые ихъ „еще не печатовали" [1]). Такимъ образомъ, утвержденіе инструкціи обывателями всего повѣта представляется необходимымъ. Шляхетская масса повѣтовъ, въ составѣ которой многіе не умѣли писать, утверждала инструкціи сеймовымъ посламъ, какъ и другіе документы, выходившіе съ повѣтовыхъ сеймиковъ, приложеніемъ своихъ печатей, часть же шляхты ихъ и подписывала. Но, конечно, о томъ, чтобы инструкціи, какъ и другіе документы, составлявшіеся на повѣтовыхъ сеймикахъ, подписывались всѣми рѣшительно членами шляхетскихъ корпорацій соотвѣтствующихъ повѣтовъ, не можетъ быть и рѣчи. Повѣтовые сеймики должны выбирать своихъ пословъ и дѣлать свои постановленія, „не ждучи неприбылыхъ", какъ мы это уже видѣли [2]). Приведенное сейчасъ приказаніе Сигизмунда Августа о приложеніи печатей шляхтою повѣтовъ къ недостаточнымъ числомъ ея утвержденнымъ „моцамъ" также говоритъ о съѣздѣ повѣтовыхъ обывателей, а не о доставленіи ихъ имъ на домъ. Инструкція посламъ повѣтовъ на сеймы утверждалась отъ имени цѣлаго повѣта его сеймикомъ, т. е. лишь тою частью повѣтовыхъ обывателей, которые съѣхались для сеймикованья [3]).

Инструкціи посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ на сеймы XVI столѣтія сохранилось въ книгахъ повѣтовыхъ судовъ Великаго Княжества Литовскаго немного. Изданными въ печати мы имѣемъ всего два документа этого рода, а именно инструкцію Виленскаго сеймика, данную 30 декабря 1594 года [4]), и инструкцію сеймика Берестейскаго, данную

1) Приложенія. Стр. 36—37.

2) Стр. 317 и др.

3) Для XVIII столѣтія имѣемъ примѣры подписыванія инструкціи однимъ директоромъ сеймика (напр., А. Вил. VIII, стр. 370). Но это явленіе нужно признать позднѣйшимъ. Въ замѣнѣ подписей сеймикующихъ подписью одного лишь директора сеймика можно видѣть вліяніе Польскаго порядка. См. Adolf Pawiński, Rządy Sejmikowe, str. 19. Ср. А. Вил. XXIII, №№ 211, 214, 290 — акты Холмскаго сеймика.

4) А. Вил. VIII. Стр. 332—337.

30 декабря 1596 года[1]). Но повѣтовыхъ инструкцій, составленныхъ Литовско-Русскими сеймиками XVII и XVIII столѣтій, сохранилось весьма большое число. Часть ихъ уже напечатана, часть еще ожидаетъ изданія. Въ актовыхъ книгахъ Виленскаго Центральнаго Архива намъ не удалось встрѣтить ни одной инструкціи XVI вѣка въ дополненіе къ двумъ, изданнымъ Виленскою Коммиссіею для разбора и изданія древнихъ актовъ. Не удалось ихъ встрѣтить и въ актовыхъ книгахъ нынѣ уже слитаго съ Виленскимъ Центральнымъ Архивомъ Центральнаго Архива Витебскаго[2]). Причиною того, что актовыя книги повѣтовыхъ судовъ такъ мало сохранили сеймиковыхъ инструкцій XVI столѣтія, конечно, являются, съ одной стороны. утрата значительнаго ихъ числа[3]), а съ другой — не всегда достаточно тщательное ихъ веденіе и достаточно бережное къ нимъ отношеніе въ повѣтахъ Княжества[4]), несмотря на заботу объ этомъ Литовско-Русскаго закона[5]). Такимъ образомъ, не въ актовыхъ книгахъ повѣтовыхъ судовъ, въ которыя, какъ увидимъ ниже, сеймики вносили свои инструкціи и другіе акты своей дѣятельности, могутъ найтись эти документы, а въ видѣ отдѣльныхъ листовъ, оригиналовъ или копій, которые сохранились внѣ актовыхъ книгъ повѣтовыхъ судовъ Княжества, собранныхъ въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ Великаго Княжества Литовскаго. Обратимся теперь къ двумъ находящимся въ нашемъ распоряженіи повѣтовымъ инструкціямъ конца XVI столѣтія и поближе познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

Инструкція Виленскаго повѣтоваго сеймика, собраннаго передъ Краковскимъ сеймомъ 1595 года, дана 30 декабря

1) А. Вил. II. Стр. 149—154.

2) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1904, IV, стр. 326 и сл.

3) Источники сохранили указанія на гибель ряда актовыхъ книгъ различныхъ урядовъ въ большомъ числѣ; нпр., Ист.-Юр. Матеріалы XXV, стр. 384 (гибель отъ огня Полоцкихъ гродскихъ и земскихъ книгъ), Ист.-Юр. Матеріалы XVII, стр. 354 (захватъ книгъ войскомъ), ibidem, стр. 397 (гибель книгъ отъ огня). Въ 1753 году книгъ Кричевскаго Магдебургскаго уряда уже не имѣлось за время съ 1604 по 1735 годъ (ibidem, стр. 342).

4) См., нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 63 (№ 329) или стр. 102 (№ 231).

5) II ст., IV, 11. III ст., IV, 13.

1594 года Виленскимъ посламъ на этотъ сеймъ, а именно пану Яну Глѣбовичу на Дубровнѣ, стольнику Великаго Княжества Литовскаго, старостѣ Радошковскому, державцѣ Упитскому, и пану Александру Ходкевичу, графу на Шкловѣ и на Мышѣ[1]). Она начинается порученіемъ посламъ повѣта передать самымъ пристойнымъ образомъ вниманію короля вѣрное подданство Виленской повѣтовой шляхты съ выраженіемъ ея радости по поводу возвращенія его въ Польшу изъ его наслѣдственнаго королевства[2]). Послы должны благодарить Сигизмунда III-го за его заботы и труды, которые онъ несетъ для государства, не жалѣя своего господарскаго здоровья. При этомъ они должны ему принести пожеланіе счастливаго царствованія и впредь, къ „хвалѣ" Всемогущаго Бога и на благо отчизны и страхъ врагамъ государства. Затѣмъ инструкція требуетъ отъословъ, чтобы они вѣрно и доброжелательно соблюдали все то, что имъ указано инструкціею повѣтоваго сеймика.

Первый пунктъ этихъ слѣдующихъ дальше указаній излагаемой инструкціи касается назначенія Кракова мѣстомъ собранія предстоящаго сейма. Инструкція Виленскаго сеймика отмѣчаетъ, что самъ король сознаетъ нарушеніе этимъ закона, такъ какъ въ конституціи Уніи „per expressa te słowa formalia są", что сеймы вальные должны собираться въ Варшавѣ. Это нарушеніе закона признаетъ и Виленскій сеймикъ. Если имѣется серьезное основаніе, по которому сеймъ не можетъ быть созваннымъ въ Варшавѣ, то королю вольно, по сообщеніи обстоятельствъ дѣла раднымъ панамъ и ихъ совѣту, назначить сеймъ въ Польшѣ тамъ, гдѣ это сдѣлать „commodius". Но настоящій сеймъ созывается Сигизмундомъ III-мъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства сенаторовъ Великаго Княжества Литовскаго, какъ имѣетъ свѣдѣнія Виленскій повѣтовый сеймикъ, а потому онъ считаетъ его созываемымъ противно закону и неправильнымъ. Въ виду этого сеймикъ поручаетъ своимъ посламъ на предсеймовомъ съѣздѣ Княжества въ Слонимѣ[3]) посовѣтоваться

---

1) А. Вил. VIII. Стр. 332—337.

2) Сигизмундъ III въ 1593 году отправился въ Швецію и вернулся въ Краковъ 2 октября 1594 года. Ср. J. Szujski, Dzieje Polski, tom III, str. 162—163.

3) О Слонимскомъ съѣздѣ см. выше, стр. 306—307.

съ сенаторами и повѣтовыми послами Великаго Княжества Литовскаго о томъ, ѣхать ли на этотъ сеймъ всѣмъ, или только выслать на него извѣстное число Литовско-Русскихъ представителей изъ кола сенаторскаго и изъ кола посольскаго. Какъ согласятся въ этомъ вопросѣ всѣ сенаторы и послы на Слонимскомъ съѣздѣ, такъ должны поступить и Виленскіе послы, присоединившись къ ихъ рѣшенію. Если же, чего избави Богъ, единогласія по этому дѣлу на Слонимскомъ съѣздѣ не будетъ, то послы Виленскаго повѣта должны примкнуть къ тому мнѣнію, котораго будетъ держаться большинство.

Послѣ этого формальнаго вопроса по поводу созыва предстоящаго сейма излагаемая инструкція переходитъ къ отвѣтамъ на королевскія предложенія о дѣлахъ, для него предназначенныхъ. Въ сеймовой пропозиціи короля „praecipuum" является то, чтобы сеймики Княжества, оставивъ въ сторонѣ всѣ другія дѣла и внутреннія нужды государства, разсуждали лишь о военныхъ средствахъ [1]) противъ Турокъ для предупрежденія предстоящихъ отъ нихъ опасностей. Согласно братской Уніи съ Польшею, Виленскій сеймикъ къ этому расположенъ и ни въ чемъ не хочетъ выдавать своей братіи, но онъ полагаетъ, что, гася пожаръ у сосѣда, нужно заботиться и о своемъ собственномъ домѣ [2]). Великому Княжеству Литовскому грозятъ опасности отъ Татаръ, которые намѣреваются отомстить за грабежъ казаковъ въ Ордѣ и въ Валахіи. Нужно готовиться къ защитѣ Княжества отъ Татаръ и обсуждать прежде ее, чѣмъ предложеніе короля касательно военныхъ дѣйствій противъ Турокъ; о первомъ изъ этихъ вопросовъ Виленскій повѣтовый сеймикъ считаетъ себя обязаннымъ болѣе думать, чѣмъ о второмъ. Но имѣется и другая внѣшняя опасность для Великаго Княжества Литовскаго. Съ Москвою нѣтъ заключеннаго вѣчнаго мира [3]). Поэтому Виленскій сеймикъ считаетъ нужнымъ не упускать изъ виду и того, что силы Княжества

1) „o gotowości".

2) „iednak, u sąsiada gasząc, na własny dom baczenie mieć potrzeba".

3) „z Moskiewskim wiecznego przemierza nie mamy, który za przyięciem y postanowieniem pokoiu wieczystego, abo unii z nami, nam y cesarzowi iego mości chrześciiańskiemu wielką y potężną pomocą przeciw poganom zawsze być może".

должны оставаться внутри его собственныхъ границъ, дабы, по истеченіи срока перемирія, Московскій непріятель не ударилъ на Великое Княжество Литовское при ослабленныхъ его силахъ и не только не сталъ бы вести военныя дѣйствія противъ самихъ составляющихъ настоящую инструкцію обывателей Виленскаго повѣта, но могъ бы овладѣть и ихъ отчизною. Поэтому послы Виленскаго сеймика должны рачительно [1]) добиваться отъ короля и всѣхъ Коронныхъ становъ, которые соберутся на Краковскомъ сеймѣ, чтобы имъ была дана возможность передать сенаторамъ и посламъ Княжества вѣрное и надежное обезпеченіе того, что будетъ заключенъ вѣчный миръ между Москвою, съ одной стороны, и Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, съ другой.

„Но не менѣе нужно намъ оглянуться на сохраненіе вполнѣ въ цѣлости правъ, вольности и свободы въ отчизнѣ нашей“, продолжаютъ сеймикующіе на Виленскомъ повѣтовомъ сеймикѣ въ своей инструкціи, „чѣмъ и на всякую опасность отъ внѣшняго врага“ [2]). Поэтому они отмѣчаютъ, что король до настоящаго еще времени не далъ человѣку изъ народа Великаго Княжества Литовскаго [3]) Виленскаго бискупства, этого перваго мѣста въ сенатѣ Княжества [4]).

Сигизмундъ III долженъ былъ это сдѣлать, согласно правамъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго и согласно своей по отношенію къ нимъ господарской „повинности“, на первомъ же сеймѣ послѣ того, какъ Виленское бискупство стало вакантнымъ. По конституціи о вакантныхъ урядахъ онъ долженъ былъ отдать его человѣку изъ народа Княжества [5]). Поэтому послы Виленскаго повѣтоваго сеймика должны просить короля, чтобы онъ замѣстилъ сенаторское кресло Виленскаго бискупа Литовцемъ

---

1) „pilnie“.

2) „A iż nie mniey nam należy oglądać się na całe zawsze zatrzymanie praw, wolności y swobodności w oyczyznie naszey, iako y na wszelaką niebespieczność od nieprzyiaciół“.

3) „człowiekowi narodu naszego Litewskiego“.

4) Каѳедра и сенаторское кресло Виленскаго бискупа были вакантны послѣ перемѣщенія въ 1590 году Юрія Радивила на бискупство Краковское. См. Historya kościoła Polskiego przez X. Melchiora Bulińskiego, tom III (W Krakowie 1874), str. 205.

5) „człowiekowi narodu naszego“.

уже въ началѣ настоящаго сейма. Если король этого сдѣлать не пожелаетъ — Виленскій сеймикъ, однако, не ожидаетъ отъ него отказа въ исполненіи того, что онъ сдѣлать обязанъ, — то Виленскіе послы должны убѣждать сенаторовъ Княжества, которые будутъ въ это время находиться при королѣ, чтобы они поступили по своему сенаторскому долгу и согласно данному ими всѣмъ станамъ Великаго Княжества Литовскаго обѣщанію на Виленскомъ съѣздѣ [1]), а также согласно своему обязательству, принятому ими на себя въ 1593 году на другомъ Виленскомъ съѣздѣ и утвержденному шляхетскимъ словомъ относительно того, что они не допустятъ на Виленское бискупство никакого чужеземца или Поляка [2]). Послы сеймика должны обратиться и къ панамъ-печатарямъ Княжества, т. е. къ канцлеру и подканцлеру, и напомнить имъ о томъ же обязательствѣ, чтобы они не скрѣпляли государственною печатью Великаго Княжества Литовскаго привилея на Виленское бискупство не Литовцу, охраняя Княжество отъ уменьшенія правъ, присяжными стражами которыхъ они являются. Но этого всего мало. „Братію", сенаторовъ и пословъ Коронныхъ, послы Виленскаго сеймика должны просить о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ передъ королемъ, согласно соединенію Уніи и ихъ „повинности" къ обывателямъ Княжества, чтобы послѣдніе оставались при своихъ свободахъ и вольностяхъ по своимъ правамъ и обычаямъ и условіямъ Уніи. При этомъ Виленскіе послы сообщаютъ Полякамъ, что они отправлены на сеймъ своимъ сеймикомъ безъ ограниченія полномочій въ дѣлѣ установленія средствъ обороны отъ „поганыхъ", что сдѣлано имъ изъ расположенія къ Полякамъ, своей братіи, и изъ желанія соблюдать Унію. Если, несмотря на всѣ эти дѣйствія, послы Виленскаго повѣта не добьются исполненія требованія о назначеніи Виленскимъ бискупомъ Литовца,

---

1) Годъ этого съѣзда пропущенъ инструкціею. Имѣется въ виду Виленскій съѣздъ 1591 года. См. о немъ А. Вил. VIII, стр. 326.

2) „że żadnego extraneum, ani Polaka, oprócz narodu Litewskiego człowieka na biskupstwie Wileńskim cierpieć y w possesyą maią brać onego dopuszczać nie maią według dalszey decleracyey ich mości w konstytucyi o tym biskupstwie Wileńskim, na tym że ziezdzie Wileńskim uczynioney . . ." Ср. А. Вил. VIII, стр. 327—328.

они, какъ добрые стражи правъ и вольности пославшихъ ихъ обывателей, должны вернуться обратно въ свой повѣтъ, заявивъ свою протестацію и не приступая ни къ какимъ дѣламъ сейма. По настоящему дѣлу Виленскіе послы должны поступать, ни въ чемъ не отступая отъ этихъ указаній данной имъ инструкціи.

Послѣ этого излагаемый документъ переходитъ къ вопросу о защитѣ Великаго Княжества Литовскаго отъ ожидаемаго нападенія Татаръ. Король увѣдомляетъ повѣтовыхъ обывателей, что имъ нужно въ Княжествѣ опасаться быстрой мести отъ Татаръ, вслѣдствіе опустошенія Орды и Валахіи низовыми казаками (это предвидитъ и сама Виленская шляхта). Зимою Татарамъ для войны въ предѣлахъ Княжества благопріятствуетъ замерзаніе рѣкъ и болотъ, но еще болѣе нужно ожидать Татарскаго вторженія потому, что Великое Княжество Литовское на своихъ границахъ нигдѣ не имѣетъ готоваго для его отраженія войска. Лучшимъ предупрежденіемъ грозящей отъ Татаръ опасности — о ней говорилъ сеймикующимъ и господарскій посолъ по тексту данной ему инструкціи — Виленскій сеймикъ считаетъ неотлучное пребываніе въ предѣлахъ Княжества его наивысшаго гетмана. Поэтому Виленскій сеймикъ, присоединяясь къ постановленію Виленскаго съѣзда всего Княжества, сдѣланному въ 1593 году, упросилъ занимающаго этотъ урядъ своего воеводу [1]) не ѣхать въ Краковъ, куда уѣзжаетъ такъ много главныхъ лицъ Княжества, а остаться въ его предѣлахъ изъ любви къ отчизнѣ и по обязанности гетманскаго уряда. При этомъ Виленскій сеймикъ обезпечилъ своего воеводу, какъ гетмана, въ слѣдующемъ: если, чего Боже упаси, будетъ отчизнѣ грозить какая-либо опасность отъ Татаръ, отъ низовыхъ казаковъ или отъ кого-либо иного, то повѣтовые обыватели будутъ поступать во всемъ согласно съ конституціей Виленскаго съѣзда 1593 года, постановленной всѣми станами Великаго Княжества Литовскаго. Своимъ посламъ на Краковскій сеймъ Виленскій сеймикъ настоящею инструкціею поручаетъ приложить на предстоящемъ

---

1) Панъ Криштофъ Радивилъ, князь на Биржахъ съ Дубинокъ, воевода Виленскій, гетманъ наивысшій Великаго Княжества Литовскаго, староста Солецкій и Урендовскій, державца Коконгавскій.

съѣздѣ въ Слонимѣ [1]) всѣ старанія къ тому, чтобы послы и сенаторы Княжества во время Краковскаго сейма обезпечили оборону его при наивысшемъ гетманѣ [2]).

Послѣдующіе отдѣлы инструкціи Виленскаго сеймика 1594 года гораздо короче уже изложенныхъ нами ея частей. Одни изъ нихъ являются отвѣтами на предложенные обсужденію сеймика вопросы отъ короля, другіе вносятся сеймикующими по собственной инициативѣ. Къ числу первыхъ прежде всего относится отвѣтъ на сообщеніе Сигизмунда III-го объ опасности и оскорбленіяхъ, которыя онъ пережилъ въ Гданскѣ во время своего пребыванія въ этомъ городѣ въ 1593 году [3]). Виленскій сеймикъ поручаетъ по этому дѣлу своимъ посламъ изыскать на сеймѣ вмѣстѣ съ остальными станами, которые на немъ будутъ, наипристойнѣйшій способъ для почетной „nagrody“ съ пристойнымъ соблюденіемъ „dignitatis“ короля и славы народовъ соединеннаго государства, а также съ наказаніемъ своевольныхъ поступковъ.

Затѣмъ инструкція Виленскимъ посламъ переходитъ къ дѣлу объ Эстоніи. Сеймикъ видитъ въ инкорпораціи и полномъ присоединеніи къ Коронѣ и Княжеству Эстоніи увеличеніе силъ для борьбы съ „погаными“. Поэтому послы его должны, посовѣтовавшись съ послами не только Великаго Княжества Литовскаго, но и Польши, просить короля, чтобы онъ, согласно „пактамъ“ и своему господарскому долгу, не откладывалъ дальше присоединенія Эстоніи къ Коронѣ и Княжеству.

Между другими дѣлами, заявляетъ Виленскій сеймикъ,

---

1) Этотъ съѣздъ долженъ состояться согласно статуту 1588 года. Ср. выше, стр. 306—307.

2) „. . . y panom posłom naszym to zlecamy, aby na przyszłym ziezdzie Słonimskim, iako naypilnieysze staranie o to u drugich braci naszey, ich mości panów senatorów y panów posłów Wielkiego Xięstwa Litewskiego czynili, aby pod odprawowaniem tego niezwyczaynego seymu w Krakowie iako niebespieczniey Xięstwo Litewskie potrzebno obronie przy iego xiążęcey mości, iako przy terminie naszym opatrzono być mogło“.

3) См. объ этомъ Г. В. Форстенъ, Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ (1544—1648), томъ II (СПБ. 1894), стр. 29 и Adam Szelągowski, Walka o Baltyk, str. 141—142 i 383 (Przypisy — Do rozdziału X). Ср. J. Szujski, Dzieje Polski, tom III, str. 162.

его безпокоитъ не меньше и то, что Люблинскій трибуналъ[1]) „nullo jure", противъ Уніи, отваживается большую часть Берестейскаго воеводства втягивать въ Польшу своими декретами и даже хочетъ эти декреты приводить въ исполненіе. Хотя уже давно объ этомъ дѣлѣ упоминалось и упоминается часто на сеймахъ, но оно все еще не получило своего разрѣшенія. Послы Виленскіе должны держать это дѣло въ своей памяти, чтобы оно было разрѣшено безъ дальнѣйшей затяжки. Должны они помочь и Литовскому шляхтичу, пану Мицутѣ, который этимъ трибуналомъ весьма „ukrywdzony" съ нарушеніемъ вольности и права. Панъ Мицута и самъ не отказывается лично подтвердить свою жалобу на Люблинскій трибуналъ.

Серьезное вниманіе обращаетъ далѣе Виленскій сеймикъ на дѣйствія противъ свободы совѣсти, установленной конфедераціей[2]). Необузданные, своевольные люди, нарушая общее спокойствіе и миръ, чинятъ раздоры въ дѣлахъ различія религій, дѣлая это притомъ не только словесно, но и мятежами, бросаясь на молитвенные „сборы" христіанъ и захватывая ихъ въ Коронѣ, Княжествѣ и Пруссіи, поступая въ этомъ въ разрѣзъ конфедераціи и къ разрушенію общаго спокойствія. Обдумывая установленіе мира съ чужими народами, не менѣе нужно успокоить и раздоры домашніе. Поэтому Виленскіе послы должны стараться о томъ, чтобы самымъ дѣйствительнымъ образомъ такія своеволія были обузданы наказаніями, установленными конфедераціей и закономъ.

Затѣмъ въ пересказываемую инструкцію внесены три дѣла, поднятыя на Виленскомъ сеймикѣ отдѣльными лицами: 1) старостою Дынаменскимъ, паномъ Островскимъ, 2) паномъ Яномъ Гарабурдою и 3) паномъ Зибутомъ Гаскоповичемъ. Панъ Островскій обратился къ Виленскому повѣтовому сеймику съ просьбою и увѣдомленіемъ[3]) о жела-

---

1) О трибуналѣ въ Люблинѣ см. Oswald Balzer, Geneza Trybunału Koronnego, str. 323.

2) Имѣется въ виду, конечно, извѣстная Варшавская конфедерація 1573 года, актъ которой былъ внесенъ и въ статутъ 1588 года (III ст., III, 3).

3) „Prośba pana Ostrowskiego, starosty Dynamenskiego y prestrogą, którą przedłożył na seymiku naszym".

тельности доведенія до короля черезъ Виленскихъ пословъ о томъ, чтобы въ Инфлянтской землѣ не нарушались сдѣланныя о ней институціи [1]). Отъ пана Яна Гарабурды была принесена на Виленскій сеймикъ просьба болѣе личнаго характера. Онъ просилъ сеймикъ [2]) о томъ, чтобы его не безпокоили позвами задворнаго суда о Свислочскомъ имѣніи, пожалованномъ за заслуги его отцу, Минскому каштеляну, пану Михаилу Гарабурдѣ, такъ какъ актъ и конституція Уніи установили провѣрку такихъ пожалованій-привилеевъ только на вальныхъ сеймахъ. Виленскій сеймикъ поручаетъ своимъ посламъ передать королю эту просьбу пана Гарабурды: разсмотрѣніе привилеевъ, согласно присягѣ короля, должно имѣть мѣсто только на сеймѣ, и должно быть наложено наказаніе на тѣхъ, кто нарушаетъ конституцію Уніи. Наконецъ, третье изъ этихъ дѣлъ, дѣло Ганскопвича, заключается въ слѣдующемъ. Панъ Зибутъ Ганскопвичъ, войскій и поборца Ковенскаго повѣта, довелъ до свѣдѣнія Виленскаго сеймика [3]), что Ковенскіе мѣщане не пожелали уплатить ему побора, который вносили всѣ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ [4]). Вслѣдствіе этого Ковенскіе мѣщане обвинены судомъ и, вѣроятно, уже приговорены трибуналомъ къ баниціи. По этому дѣлу послы Виленскаго сеймика должны ходатайствовать о томъ, чтобы виновные были найдены, дабы сборъ побора не терпѣлъ ущерба.

Затѣмъ инструкція говоритъ о необходимости освѣдомленія речи посполитой о томъ, „co iako się obrócilo“ по отношенію къ королевскимъ имѣніямъ, упоминаетъ о поборахъ, съ Княжества поступившихъ [5]), и требуетъ окончанія исправленія статута [6]). Касательно жалованья, заслуженнаго

---

1) См. „Konstytucye Inflantskie za Stefana krola w Warszawie r. 1582“ - Volumina Legum, tom II (Petersburg 1859), str. 220—223.

2) „Doniesiona też iest do nas prośba od iegomości pana Jana Haraburdy na seymiku naszym . . . .“

3) См. поборовый универсалъ Варшавскаго сейма 1593 года — Volumina Legum, tom II (Petersburg 1859), str. 348—354.

4) „które z Wielkiego Xięstwa Litewskiego wszyscy płacili“.

5) Текстъ въ этомъ мѣстѣ испорченъ.

6) „Poprawa statutu iż nie dochodzi, upominać się, aby dokończona była, gdy że wszystko Xięstwo Litewskie niemały naklad na to uczyniło“.

всѣми украинными, т. е. пограничными, ротмистрами и жолнерами Великаго Княжества Литовскаго, Виленскій сеймикъ поручаетъ своимъ посламъ хлопотать, чтобы имъ въ ихъ старости и нищетѣ было заплачено.

Посовѣтовавшись съ послами Ошменскими, Виленскіе послы должны оказать помощь обывателямъ Ошменскаго повѣта въ дѣлѣ ихъ повѣтоваго земскаго писарства[1]). Далѣе послы Виленскаго сеймика должны стараться о томъ, чтобы получило свой конецъ дѣло королевскаго секретаря, пана Яна Чижа[2]) о недоборѣ побора въ воеводствѣ[3]) и мѣстѣ Виленскихъ по причинѣ повѣтрія, а также чтобы получило свой конецъ и дѣло пана Петра Гарабурды о побоpовомъ остаткѣ и объ уплатѣ долга въ королевскомъ скарбѣ.

Затѣмъ инструкція поручаетъ Виленскимъ посламъ дѣло Мстиславскаго воеводы[4]) и дѣло князей Вишневецкихъ. Мстиславскій воевода хлопочетъ о томъ, чтобы онъ могъ оставаться и Мстиславскимъ старостою[5]). Что касается князей Вишневецкихъ, то Виленскіе послы должны имъ помочь въ полученіи вознагражденія за службы и потери, которыя понесли ихъ отецъ[6]) и братъ, панъ староста Черкасскій[7]). Послы Виленскаго сеймика должны помочь и въ просьбѣ пана Криштофа Дѣшка, чтобы за его выдающіяся и соединенныя съ потерями заслуги онъ получилъ право вѣчнаго владѣнія на деревнѣ Манастыранахъ, лежащей на Семигродской и Волошской границахъ, а если это невозможно, то чтобы ему была внесена какая-либо сумма на деревнѣ Тухнѣ, которою онъ владѣетъ подъ Торунемъ.

Наконецъ, послѣднее порученіе Виленскаго сеймика

1) На содержаніе этого дѣла намъ не удалось встрѣтить указанія въ актахъ.

2) Поборца побора.

3) Т. е. центральномъ повѣтѣ Виленскаго воеводства. Ср. выше, стр. 73—74.

4) Т. е. пана Еронима Юрьевича Ходкевича, назначеннаго Мстиславскимъ воеводою 24 іюня 1593 года. См. Józef Wolff, Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 29.

5) О раздѣленіи урядовъ воеводы и старосты Мстиславскихъ см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 591.

6) Т. е. князь Михаилъ Александровичъ, каштелянъ Кіевскій, староста Черкасскій. См. Józef Wolff, Kniaziowie Litewsko-Ruscy, str. 558.

7) Т. е. князь Александръ Михайловичъ. См. ibidem, стр. 559—560.

его посламъ также относится къ дѣлу опредѣленнаго лица. Послы должны ходатайствовать за пана Петра Варакунскаго, чтобы ему за его выдающіяся услуги государству[1]) было дано право вѣчнаго владѣнія на Байсаголской деревнѣ въ Жомойти, или же чтобы ему была внесена денежная сумма. Этимъ оканчиваются порученія, данныя Виленскимъ повѣтовымъ сеймикомъ 1594 года его посламъ.

Таково содержаніе инструкціи посламъ Виленскаго сеймика на Польско-Литовскій Краковскій сеймъ 1595 года. Присматриваясь къ этой инструкціи, замѣчаемъ, что повѣтовый Виленскій сеймикъ въ своихъ занятіяхъ интересовался 1) дѣлами всего соединеннаго Польско-Литовскаго государства, 2) дѣлами Великаго Княжества Литовскаго, какъ цѣлаго „панства", 3) дѣлами своего повѣта и 4) дѣлами отдѣльныхъ лицъ, вносимыми на сеймикъ. Что касается инициативы возбужденія вопросовъ и дѣлъ на Виленскомъ сеймикѣ 1594 года, то она принадлежала прежде всего, конечно, королевской власти. Но артикуловъ, являющихся отвѣтами на вопросы, королемъ поставленные, и имъ предложенныя темы, которыя будутъ обсуждаться на предстоящемъ сеймѣ, меньшинство въ ряду всѣхъ артикуловъ пересказанной нами инструкціи. Это — оборона Короны и Княжества и Гданское дѣло. Остальные артикулы инструкціи возникли безъ всякихъ указаній отъ короля объ обсужденіи дѣлъ, явившихся ихъ содержаніемъ. Даже во главѣ всѣхъ артикуловъ инструкціи поставлено Виленскимъ сеймикомъ дѣло о замѣщеніи каѳедры и сенаторскаго кресла Виленскаго бискупа, обсужденіе котораго было выдвинуто непосредственно самими сеймикующими, и разрѣшеніе его въ направленіи, ими указанномъ, было поставлено непремѣннымъ условіемъ участія Виленскихъ пословъ въ сеймовой работѣ; если этого разрѣшенія не послѣдуетъ, они должны немедленно покинуть сеймъ, заявивъ свой протестъ. Дѣло о Виленскомъ бискупствѣ и нѣкоторыя другія[2]), ко-

---

1) „za znaczne posługi w r.-p. pokazowane y za ochronienie starania sdrowia iego".

2) Какъ объ Эстоніи, объ оборонѣ отъ Татаръ, о Люблинскомъ трибуналѣ, о королевскихъ имѣніяхъ, о разновѣріи, о статутѣ, о ротмистрахъ и жолнерахъ.

нечно, занимали всю шляхту Виленскаго повѣта, собравшуюся на сеймикъ, и были, надо думать, возбуждены на сеймикѣ нѣсколькими лицами, или при полной поддержкѣ сеймикующихъ, узнававшихъ въ возбужденныхъ вопросахъ вопросы, надъ которыми такъ или иначе, въ тѣхъ или другихъ сторонахъ ихъ, они всѣ думали уже раньше. Другія дѣла возникли въ обсужденіи Виленскаго сеймика вслѣдствіе толчковъ, данныхъ ему извнѣ, причемъ это имѣло мѣсто по отношенію и къ дѣламъ государственнаго или повѣтоваго значенія, и къ дѣламъ характера личнаго. Требованія соблюденія Инфлянтскихъ институцій и постановленій конституціи Уніи были внесены въ инструкцію сеймикомъ — первое въ виду заявленія Дынаменскаго старосты, пана Островскаго, второе по поводу обсужденія сеймикующими просьбы пана Яна Гарабурды о поддержкѣ его въ дѣлѣ объ имѣніи, выслуженномъ его отцомъ. Точно также общій вопросъ легко могъ возникнуть и изъ заявленія Ковенскаго поборцы Ганскоповича объ отказѣ Ковенскаго мѣста платить ему установленный сеймомъ поборъ; самъ Ганскоповичъ, конечно, поднялъ его и на Ковенскомъ сеймикѣ, и въ внесеніи имъ этого дѣла на обсужденіе Виленскаго сеймика, а надо думать, и другихъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ нужно видѣть указаніе на признаніе имъ самимъ этого вопроса имѣющимъ государственное значеніе для всего Великаго Княжества Литовскаго.

Но другіе артикулы пересказанной инструкціи имѣютъ характеръ уже простыхъ ходатайствъ Виленскаго сеймика для поддержки просьбъ и желаній Ошменскаго повѣта и отдѣльныхъ лицъ. Эти просьбы и желанія были доведены до сеймика Виленскаго повѣта и смогли такъ или иначе получить сочувствіе его участниковъ. Ошменскій шляхетскій повѣтъ, надо думать, обратился къ Виленскому, а вѣроятно, и къ другимъ повѣтамъ своего воеводства съ просьбою о поддержкѣ его въ дѣлѣ его земскаго писарства, которое могло получить принципіальное значеніе съ точки зрѣнія правъ шляхетской повѣтовой корпораціи [1]). Что же касается дѣлъ Яна Чижа, Петра Гарабурды, Мстиславскаго

---

[1]) О сношеніяхъ повѣтовъ, какъ шляхетскихъ корпорацій, см. ниже, въ IX, X и XI главахъ.

воеводы Ходкевича и другихъ лицъ, то они были, конечно, возбуждены или ими самими, или ихъ „пріятелями“ изъ состава сеймикующихъ. Одно изъ дѣлъ, касающихся интересовъ отдѣльныхъ лицъ, пригодилось Виленскому сеймику для иллюстраціи незаконныхъ дѣйствій Люблинскаго трибунала, и онъ помѣстилъ его въ текстъ своей инструкціи какъ разъ вслѣдъ за своимъ общимъ требованіемъ воспрещенія ему распространять его компетенцію на территорію Великаго Княжества Литовскаго [1]). Три другихъ дѣла, возникшихъ на сеймикѣ по заявленіямъ отдѣльныхъ лицъ [2]), давая возможность постановки на основаніи ихъ общихъ вопросовъ государственной жизни, поставлены въ текстѣ инструкціи между дѣлами государственнаго значенія. Наконецъ, ходатайства по дѣлу Ошменскаго повѣта и остальныхъ отдѣльныхъ лицъ, обратившихся за поддержкою къ Виленскому сеймику, заключаютъ текстъ инструкціи, какъ дѣла, не имѣющія яснаго государственнаго значенія. Отмѣтимъ еще одну частность, которая является цѣнной для характеристики значенія повѣтоваго сеймика. Его поддержки ищутъ отдѣльныя лица не только въ своихъ личныхъ дѣлахъ, но и въ вопросахъ общаго государственнаго значенія, черезъ посредство сеймика пролагая для нихъ путь къ разсмотрѣнію и рѣшенію на вальномъ сеймѣ. Хорошій примѣръ этого — просьба Дынаменскаго старосты о соблюденіи Инфлянтскихъ институцій.

Вступительная и заключительная части инструкціи Виленскаго сеймика 1594 года не были пересказаны нами. Первая представляетъ собою заглавіе документа, вторая — его утвержденіе и датированіе. Вотъ переводъ вступительной части съ польскаго на русскій языкъ: „Инструкція Виленскаго сеймика, собраннаго его королевскою милостью на 29-й день декабря [3]) въ настоящемъ 94-мъ году, данная ихъ милостямъ панамъ посламъ, нами выбраннымъ и упрошеннымъ, вельможнымъ ихъ милостямъ панамъ, пану Яну Глѣбовичу на Дубровнѣ, стольнику Великаго Княжества Литовскаго, старостѣ Радошковскому, державцѣ Упитскому, и

1) Дѣло шляхтича Мицуты.
2) Просьбы Островскаго, Яна Гарабурды и Ганскоповича.
3) Передано въ оригиналѣ латинскимъ словомъ: „Decembris“.

пану Александру Ходкевичу, графу на Шкловѣ и на Мышѣ". А вотъ переводъ части заключительной: „Которую инструкцію, составленную съ согласія [1]) насъ всѣхъ, даемъ ихъ милостямъ панамъ посламъ нашимъ съ приложеніемъ къ ней нашихъ печатей и съ подписью нашихъ рукъ. Писанъ на сеймикѣ нашемъ въ Вильнѣ, 30-го дня декабря [2]) 1594-го года". По словамъ записи Виленскихъ гродскихъ книгъ, въ которыя внесена эта инструкція, у нея „печатей притисненыхъ и подписовъ рукъ немало". Внесена она въ гродскія Виленскія книги въ тотъ же самый день, когда была утверждена сеймикомъ, т. е. 30 декабря 1594 года, и ее представили для внесенія въ книги гродскому Виленскому уряду [3]), „постановившисе ихъ милость нѣкоторые обыватели Великого Князства Литовского въ повѣтѣ Виленскомъ, которые се были на сеймикъ теперешній, въ року нынѣшнемъ тысеча пятьсотъ девятьдесять четвертомъ мѣсяца декабра двадцать девятого дня, за листомъ его королевское милости прыпалымъ, тутъ до мѣста Виленского зъѣхали, и то, што зъ собою о добромъ речи посполитое згодне намовили, на письмѣ съ печатьми своими и съ подписами рукъ своихъ ку вписанью до книгъ кгродскихъ Виленскихъ подали".

Другой извѣстный намъ образецъ инструкцій посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ на Польско-Литовскіе сеймы конца XVI столѣтія — инструкція Берестейскаго сеймика, созваннаго на 30 декабря 1596 года, передъ Варшавскимъ сеймомъ 1597 года [4]). Эта инструкція заключаетъ въ себѣ слѣдующія части: 1) выраженіе чувствъ и пожеланій для принесенія ихъ королю, 2) постановленіе по поводу поставленнаго королемъ вопроса о способѣ борьбы съ Турками, 3) постановленіе сеймика по поводу королевскаго сообщенія о Крымѣ и казакахъ, 4) постановленіе сеймика по поводу королевскаго сообщенія о несоблюденіи сеймовыхъ постановленій, 5) разрѣшеніе повѣтовымъ посламъ выслушать, по просьбѣ короля, Шведское посольство [5]), 6) о

1) „Którą instrukcyę, ze zgodą nas wszystkich uczynioną".

2) „Decembra".

3) Самому Виленскому воеводѣ.

4) А. Вил. II. Стр. 149—154.

5) „Poruczamy tedy to posłom naszym, aby poselstwa ich (т. е. Шведскихъ пословъ) na seimie przyszlem przysluchali y spólnie [z] stany Co-

выдачѣ побора съ Берестейскаго повѣта, 7) порученіе сеймикомъ своимъ посламъ хлопотать о точномъ соблюденіи границъ Берестейскаго воеводства съ Польшею и о невызовѣ его обывателей въ Польскіе суды, которымъ они не подлежатъ по своимъ осѣлостямъ, 8) просьба къ королю не назначать на каѳедру и сенаторское кресло Виленскаго бискупа Поляка, хотя король и проситъ согласія Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ обывателей на такое назначеніе [1]. Далѣе слѣдуетъ въ инструкціи рядъ просьбъ, которыя раздѣлены какъ „petyta 1", „petyta 2", „petyta 3" и т. д. Эти просьбы слѣдующія: 1) по частному судебному уголовному дѣлу — наказаніе для общаго примѣра, 2) по такому же дѣлу, при чемъ приговоръ предрѣшается сеймикомъ, 3), 4) и 5) просьбы о коммиссарахъ для имѣній трехъ паповъ [2]),

---

ronnemi o zatrzymaniu królewstwa tam tego radzili y obmysliwali, bez zatrwożenia a zatrudnienia jednak jakiego rzeczy pospolitey naszei, y owszem bespeczenstwo jey pierwiey pilnie opatrziwszy".

1) „Co się prozby iego krolewskiey mosci dotycze, abysmy pozwolili królu jegomosci biskupstwo Wilenskie, na czas jedno, dać polakowi; iż to jest tesz niebezpieczne y bardzo strzasliwe pozwalać, co przeciwko dawnym prawom, przywilejom y zwyczajom, które przodkowie króla jego mosci, pana naszego, swiętey y wieczney pamięci królowie Polsczi y Wielkiego Xięstwa Litewskiego nie jedno przodkom naszym sczodrobliwie nadali, ale ie też zawsze wiecznie y nienaruszuie chowali y trzymali; tedy raczey poruczamy to poslom naszym, iżby uniżenie y pokornie prożby naszi doniesli do jego królewskiey mosci, aby jego królewska mosć, przykladem swiątobliwych przodkow swoich, nic przeciwko prawom y przywilejom, od nich nadanym, nie czinil y owszem nas przy nich, jakośmy ich do tego czasu w spokoynem używaniu zawsze byli, spokoinie zachować raczył, abysmy tak z większą chęcią za jego król. mosć, pana naszego milosciwego, Pana Boga prosic nie przestawali. Wszakosz, iesliby się to ich milosciam panom radam y panom poslom wojewodztw y powiatow W. X. L., braciey naszei, zdalo co, odkladamy to na ziazd glowny Słonimski, gdzie to nie jedno nas samych, ale y wszytko Xięstwo Litewskie zachodzi, którym jesli się to będzie zdalo pozwolić tego królu jegomosci na czas, za jakiem dobrem y pewnem warunkiem, naszy poslowie przeczić temu nie mają. Ale gdzie by . . . to ich mosciam panom radam y panom poslom drugim nie zdalo, tedy panowie poslowie naszi mają się w tem z ich milosciami wszystkiemi zgadzać, nie rożniąc się od starszych".

2) Пана воеводы Витебскаго (т. е. Миколая Павловича Сапеги, имѣвшаго связи съ Берестейскимъ шляхетскимъ повѣтомъ, такъ какъ до назначенія на Витебскій воеводскій урядъ онъ былъ воеводою Берестейскимъ) — о разграниченіи его и королевскихъ имѣній; пана Яна Грека „z uczesnikami jego" — объ опредѣленіи количества забранной у нихъ къ коро-

6) о томъ, чтобы трибуналъ Великаго Княжества Литовскаго отправлялъ свои сессіи только въ Вильнѣ[1]), 7) просьба къ королю объ учрежденіи ярмарки въ Берестьѣ, 8) требованіе на съѣздѣ въ Слонимѣ, чтобы паны-рада ѣхали на сеймъ.

Настоящая инструкція была дана Берестейскимъ сеймикомъ избраннымъ имъ посламъ, пану Яну Боговитину Шумбарскому и пану Яну Телятицкому. Начинается она такъ: „мы, рады, земскіе урядники, рыцарство-шляхта и всѣ обыватели Берестейскаго воеводства[2]), которые съѣхались въ Берестье на повѣтовый сеймикъ, собранный королемъ его милостью на нынѣшній 30-й день мѣсяца декабря, выслушавши посольство къ намъ отъ короля его милости черезъ посла его королевской милости, уразумѣли . . . .“[3]). Заканчивается инструкція слѣдующими словами: „Писанъ въ Берестьѣ, дня 30-го мѣсяца декабря 1596 года. На которой инструкціи нашей отъ насъ ихъ милостямъ панамъ посламъ, братіи нашей, подписались своими собственными руками и притиснули свои печати“[4]). Запись этой инструкціи въ Берестейскія земскія книги приводитъ слѣдующія подписи, сдѣланныя подъ ея текстомъ: 1) Ипатій, епископъ Владимірскій, 2) Миколай Сапега, воевода Витебскій, 3) Левъ Сапега, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, 4) Петръ Литвиновскій, маршалокъ короля его милости, 5) Василій Букраба, хоружій Берестейскій, 6) Ѳеодоръ Поцѣй, судья земскій Берестейскій, 7) Богданъ Туминскій, подсудокъ, 8) Левъ Поцѣй, 9) Янъ Мелешко,

---

левскому селу Малашевичамъ (для пана Грека Берестейскіе послы должны просить и вознагражденія изъ королевскихъ земель за забранныя у него другія земли); пана Яна Тышкевича, воеводича Берестейскаго — объ опредѣленіи количества земли, забранной еще отъ имѣнія его отца къ землямъ Рѣчицкаго двора, и о вознагражденіи за нихъ другою землею.

1) Трибуналъ Великаго Княжества Литовскаго, по его уставу 1581 года, отправлялъ свои сессіи въ Вильнѣ (для повѣтовъ Виленскаго, Ошменскаго, Лидскаго, Вилькомирскаго, Браславскаго и Полоцкаго), въ Трокахъ (для повѣтовъ Троцкаго, Городенскаго, Ковенскаго и Упитскаго), въ Новгородкѣ (повѣты Новгородскій, Слонимскій, Волковыйскій, Берестейскій и Пинскій) и въ Минскѣ (для повѣтовъ Витебскаго, Оршанскаго, Мстиславскаго, Минскаго, Мозырскаго и Рѣчицкаго). Измѣненія 1588 г. — А. З. Р. IV, № 3.

2) Слово „воеводство“ употреблено въ значеніи центральнаго повѣта воеводства. См. выше, стр. 73—74 и 468.

3) Даемъ въ текстѣ переводъ съ польскаго языка.

4) Также.

10) Остафій Янъ Тышкевичъ, 11) Беняжъ Буховецкій, 12) Янъ Каменскій, 13) Богданъ Черневскій, 14) Иванъ Бряжовскій, 15) Олехно Робчичъ, 16) Янъ Туржубацкій, 17) Василій Львовичъ Горновскій, 18) Криштофъ Звержъ, 19) Іозефъ Котельницкій[1]).

Представили эту инструкцію Берестейскому земскому суду для внесенія ея въ его книги, „постановившисе очевисто у суду, урожоные ихъ милость панъ Василей Букраба, хоружый[2]) воеводства Берестейского [а] панъ Остафій Янъ Тишкевичъ, воеводичъ Берестейскій, секретарь его королевское милости, будучи депутованыи[3]) на одданью ку уписанью до книгъ инструкціи, на соймику въ року прошломъ девятьдесятъ шостомъ у Берестью, мѣсяца декабра тридцать первого дня учиненое отъ ихъ милости пановъ-радъ и урадниковъ земскихъ, кгродскихъ, рыцерства и шляхты, всихъ обывателей воеводства Берестейского, паномъ посломъ, зъ воеводства Берестейского обранымъ, даное, то есть пану Янови Боговитиновичъ Шумбарскому и пану Яну Телятицкому, на соймъ вальный теперешній Варшавскій въ року девятьдесятъ семомъ до Варшавы, покладали и оповѣдали намъ тую инструкцію ку отправованью тымъ посламъ посельства, на томъ соймѣ вальномъ отправуючого, за печатьми и подписомъ рукъ вельможныхъ ихъ милости пановъ-радъ, также за печатьми и подписами рукъ урядниковъ земскихъ и кгродскихъ и иншихъ много рыцерства-шляхты, обывателей воеводства Берестейского, просечи, абы тая инструкція для вѣдомости всихъ до книгъ земскихъ уписана была, которую мы, врадъ, бачачи речь быть водле права слушную, приняли, и въ словѣ до слова такъ се въ собѣ маетъ" — такими словами земскій Берестейскій урядъ разсказываетъ о представленіи ему настоящей инструкціи для внесенія ея въ земскія книги Берестейскаго повѣта.

Изученіе записи этой инструкціи въ Берестейскія земскія книги даетъ возможность сдѣлать слѣдующія замѣча-

---

1) Всѣ подписи за исключеніемъ двухъ сдѣланы латинскими буквами. Двѣ, сдѣланныя русскими буквами, слѣдующія: „Василій Букраба, хоружій Берестейскій“ и „Олехно Робчичъ“.

2) Въ изданіи: „хорунжый“.

3) Въ изданіи: „депутованый“.

нія: 1) инструкція была внесена въ книги повѣта далеко не сразу послѣ ея составленія — 10 января 1597 года[1]) помѣчено какъ дата ея внесенія въ книги, а 30 декабря 1596 года обозначено датою ея составленія; 2) послы, избранные на вальный сеймъ Берестейскимъ сеймикомъ, инструкціи не подписывали; 3) для внесенія инструкціи въ повѣтовыя книги сеймикъ „депутовалъ" нѣкоторыхъ изъ участниковъ своихъ занятій; 4) внесена инструкція въ книги повѣтоваго земскаго суда „для вѣдомости всихъ", что указываетъ на отсутствіе на сеймикѣ части шляхты Берестейскаго повѣта.

Останавливаясь на содержаніи инструкціи Берестейскаго сеймика 1596 года и сравнивая его съ содержаніемъ пересказанной выше инструкціи Виленскаго сеймика 1594 года, замѣчаемъ, что характеръ обоихъ документовъ совершенно тождественenъ: выраженіе чувствъ къ королю и ему пожеланія, отвѣты на предложенные королемъ обсужденію сеймика вопросы и дѣла предстоящаго сейма, поднятые самимъ сеймикомъ вопросы и дѣла государственнаго или повѣтоваго значенія и, наконецъ, возбуждаемыя сеймикомъ ходатайства за отдѣльныхъ лицъ. Можно признать, что инструкція повѣтовымъ посламъ сеймовымъ, какъ видъ документовъ, выработалась вполнѣ въ опредѣленный типъ уже въ XVI столѣтіи, переходящій безъ существенныхъ измѣненій въ XVII-е и даже въ XVIII-е столѣтія[2]).

Подведемъ итогъ нашего изученія инструкціи сеймовымъ посламъ, какъ документа, выходящаго отъ Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика. Повѣтовая инструкція посламъ сеймика 1) заключаетъ въ себѣ указанія этимъ посламъ не только въ ихъ дѣятельности на вальномъ Польско-Литовскомъ сеймѣ, но и на „головномъ" сеймикѣ Княжества, т. е. на предсеймовомъ съѣздѣ Литовско-Русскихъ сенаторовъ и повѣтовыхъ пословъ, а также и по непосредственной

---

1) Въ изданіи, конечно, опечатка или недосмотръ: „лѣта . . . . 1596".

2) См. образцы сеймиковыхъ инструкцій, изданные въ Актахъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, въ Археографическомъ Сборникѣ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси, издаваемомъ при управленіи Виленскаго учебнаго округа, и въ Историко-Юридическихъ Матеріалахъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ.

передачѣ верховной власти желаній и просьбъ шляхетскаго повѣта; 2) она не является протоколомъ занятій сеймика; 3) она можетъ не быть подписана всѣми сеймикующими; 4) она является отвѣтомъ на вопросы, поставленные сеймику отъ имени короля лишь въ однѣхъ своихъ частяхъ, другія же части повѣтовой инструкціи возникали совершенно независимо отъ указаній верховной власти; 5) въ инструкціи отражается личное на повѣтовый сеймикъ вліяніе отдѣльныхъ его участниковъ или ихъ „пріятелей", которое обнаруживается какъ во внесеніи въ нее частныхъ просьбъ, такъ и въ возбужденіи на сеймикѣ вопросовъ, которые иногда могутъ развиваться и въ вопросы государственнаго или повѣтоваго значенія.

Языкъ сеймиковыхъ инструкцій конца XVI столѣтія и послѣдующаго времени польскій. Это совершенно понятно, несмотря на значеніе русскаго языка, какъ государственнаго. Послы Литовско-Русскихъ повѣтовъ везли свои инструкціи на Польско-Литовскій вальный сеймъ, языкомъ обсужденія дѣлъ на которомъ былъ языкъ польскій. Конечно, въ годы до заключенія Уніи 1569 года на свои Литовско-Русскіе сеймы повѣты Великаго Княжества Литовскаго посылали своихъ пословъ съ „просьбами"-инструкціями, писанными на государственномъ русскомъ языкѣ[1]). Исключеніе могли составлять только повѣты Подляшья съ польскимъ языкомъ ихъ шляхты, но мы уже видѣли выше[2]), что отвѣты господаря на послѣднемъ Литовско-Русскомъ сеймѣ, т. е. на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, уже были даны и Подляшанамъ на русскомъ языкѣ. Можетъ быть поставленъ вопросъ объ языкѣ инструкцій Литовско-Русскихъ сеймиковъ на Польско-Литовскіе сеймы въ первые годы послѣ Люблинской Уніи. Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что сразу, уже на первые послѣ Уніи спольные сеймы Литовско-Русскіе повѣтовые послы со всѣхъ сеймиковъ Княжества повезли инструкціи, писанныя по-польски. Весьма возможно, что нѣкоторое время русскій языкъ оставался и языкомъ повѣтовыхъ инструкцій посламъ на сеймы, пока

1) См. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 200—204, 474—496, 497—502 и Н. А. Максимейко, Сеймы Л.-Р. государства, Приложенія, стр. 175—183.

2) Стр. 166.

не образовалось еще привычки къ сеймованью на польскомъ языкѣ. Что касается самого польскаго языка Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ инструкцій, то онъ является своеобразнымъ соединеніемъ языка польскаго (часто съ обильными руссизмами) съ латинскимъ: латинскія слова и цѣлыя фразы такъ и пестрятъ текстъ инструкцій XVII и XVIII, если не XVI, столѣтій [1]).

Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики, какъ мы видѣли выше [2]), созывались въ эпоху послѣ Люблинской Уніи не только передъ вальными Польско-Литовскими сеймами, но и передъ съѣздами Великаго Княжества Литовскаго, собиравшимися независимо отъ спольныхъ сеймовъ и имѣвшими совершенно самостоятельное значеніе. Повѣтовые сеймики, отправляя своихъ пословъ на эти съѣзды, вручали имъ также свои инструкціи, которыя, конечно, уже составлялись не на польскомъ, а на государственномъ русскомъ языкѣ. Постановленія этихъ съѣздовъ и ихъ инструкціи посламъ, отправляемымъ къ королю, составлялись на русскомъ языкѣ [3]), на которомъ Литовско-Русскіе съѣзды вели и свои засѣданія. Даже сеймикъ Волыни, вошедшей въ 1569 году въ составъ земель Короны, составилъ въ 1577 году инструкцію своимъ посламъ къ Стефану Баторію на русскомъ языкѣ и получилъ на этомъ же языкѣ отвѣты отъ короля [4]), такъ какъ и Волынь сохранила послѣ Люблинской Уніи русскій языкъ въ значеніи оффиціальнаго языка своей земской жизни [5]).

---

1) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 292—299.

2) Стр. 380—381 и др.

3) См. Приложенія, стр. 74—85 и А. Вил. III, стр. 271—277. Ср. A. H. R. G. P. ill. XI, № LVIII.

4) См. Приложенія, стр. 86—96. Писанныя на польскомъ языкѣ инструкціи сеймовымъ посламъ Волынскаго сеймика — Архивъ Юго-Западной Россіи, часть II, томъ I, №№ VIII, IX и др.

5) Требованіе соблюденія права Волыни сохранить послѣ Уніи русскій языкъ въ оффиціальныхъ актахъ см. на стр. 89 Приложеній. Постановленія Волынскаго сеймика по дѣламъ „речи посполитое воеводства земли Волынское“, изложенныя на русскомъ языкѣ, см. въ цитированномъ въ предыдущемъ примѣчаніи томѣ Архива Юго-Западной Россіи (№№ II — IV). Какъ извѣстно, и послѣ Люблинской Уніи Волынь сохранила статутъ 1566 года въ значеніи своего кодекса, что дало ему названіе Волынскаго.

Чтобы покончить съ изученіемъ сеймиковой инструкціи, какъ документа повѣтоваго сеймика, намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ объ ея внесеніи въ оффиціальныя книги. Это внесеніе имѣло двоякую цѣль: 1) сдѣлать ее доступною всѣмъ обывателямъ повѣта для ознакомленія [1]) и 2) сохранить документъ на будущее время отъ „згубы“ [2]). Самымъ естественнымъ, конечно, было внесеніе сеймиковыхъ инструкцій въ гродскія книги, постоянно открытыя для заявленій повѣтовыхъ обывателей. Возможно было внесеніе инструкцій и въ повѣтовыя земскія книги, въ которыхъ, какъ книгахъ выборнаго шляхетскаго суда, наиболѣе прилично было находиться этимъ документамъ, составляемымъ шляхетскими корпораціями повѣтовъ. Но земскіе роки, во время которыхъ „отпирались“ книги земскихъ судовъ, отбывались лишь три раза въ году [3]), и несовпаденіе ихъ съ повѣтовымъ сеймикомъ часто затрудняло внесеніе инструкціи именно въ эти книги. Однако нужно признать возможнымъ внесеніе сеймиковыхъ инструкцій и въ книги даже мѣстскихъ, т. е. не-шляхетскихъ, судовъ, если почему-либо это приходилось дѣлать. По крайней мѣрѣ въ XVII столѣтіи извѣстны такіе примѣры внесенія сеймиковыхъ актовъ въ книги мѣстскихъ урядовъ [4]). Вносилась сеймиковая инструкція въ оффиціальныя книги того или другого уряда или сразу послѣ ея утвержденія сеймикомъ, или же спустя нѣкоторое время, иногда довольно значительное.

---

1) См. выше, стр. 475.

2) Т. е. съ тою же цѣлью, съ какою повѣтовая шляхта старалась вносить въ эти книги и другіе имѣющіе цѣну документы. См. выше, стр. 114—115.

3) См. выше, стр. 65—66 и прим. 4 на стр. 112.

4) Нпр., Ист.-Юр. Матеріалы, X, стр. 214—215.

Глава VII.

Сеймикъ посеймовый.

Необходимость существованія посеймоваго повѣтоваго сеймика рядомъ съ сеймикомъ предсеймовымъ. Постановленія статута 1588 года о посеймовомъ сеймикѣ. Значеніе посеймоваго сеймика въ глазахъ повѣтовой шляхты. Возникновеніе Литовско-Русскаго посеймоваго повѣтоваго сеймика. Отчетъ повѣтовыхъ пословъ послѣ ихъ возвращенія съ вальнаго сейма. Обсужденіе приведенія въ исполненіе сеймовыхъ постановленій въ повѣтахъ. Образецъ акта постановленій посеймоваго повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго XVII столѣтія. Значеніе посеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ для центральной власти. Документы, выходившіе съ посеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ. Языкъ, на которомъ составлялись акты постановленій посеймовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, и внесеніе этихъ актовъ въ оффиціальныя книги.

Вальный сеймъ требовалъ не только сеймиковъ предсеймовыхъ, которые обсуждали дѣла предстоящаго сейма и выбирали повѣтовыхъ пословъ на сеймъ, снабжая ихъ своими инструкціями. Послѣ окончанія сейма необходимо нужно было оповѣщеніе шляхты повѣтовъ о состоявшихся его постановленіяхъ. Извѣщеніе о постановленныхъ сеймомъ поборахъ или посполитомъ рушеньѣ дѣлалось господарскими универсалами; но оповѣщенія требовали и постановленія по текущимъ дѣламъ государства, которыя не находили своего мѣста въ этихъ универсалахъ, оставаясь внесенными лишь въ сеймовыя „ухвалы", конституціи. Кромѣ того, какъ мы видѣли выше, отдѣльные повѣты ожидали отъ сеймовъ, или отъ господаря во время ихъ, разрѣшенія своихъ мѣстныхъ дѣлъ и удовлетворенія своихъ повѣтовыхъ ходатайствъ. Собраніе шляхты повѣта послѣ окончанія вальнаго сейма должно было возникнуть неизбѣжно, и вопросъ могъ быть лишь въ томъ, въ какую форму это собраніе выльется и будетъ ли оно предоставлено

закономъ самой жизни, или же онъ приметъ его подъ свой контроль или, по крайней мѣрѣ, признаетъ его законодательнымъ путемъ.

Второй статутъ еще не знаетъ посеймоваго сеймика въ своихъ артикулахъ. Лишь статутъ 1588 года ввелъ въ Литовско-Русскій кодексъ статью, которая даетъ постановленія объ этомъ видѣ повѣтоваго сеймика. Девятый артикулъ третьяго раздѣла статута 1588 года[1]) гласитъ, что послѣ окончанія вальнаго сейма, черезъ четыре недѣли „по выволанью сойму“, въ каждомъ повѣтѣ „мають бывати“ сеймики „такимъ обычаемъ“: послы повѣта, вернувшись съ сейма, немедленно извѣщаютъ о своемъ возвращеніи воеводу или судоваго старосту повѣта[2]), а эти стоящіе во главѣ повѣтовой администраціи урядники, или ихъ намѣстники, должны „то черезъ возныхъ шляхте обволати“, чтобы она съѣхалась въ указанный выше „рокъ“ на сеймикъ „ку слуханью пословъ своихъ“. Цѣль этого сеймика слѣдующая: „жебы на тыхъ соймикахъ послове, съ поветовъ на сеймъ посыланые, звернувшисе з сейму, дали о томъ всимъ обывателемъ кождого повету ведомость достаточную, што бы на которомъ сойме въ справахъ и потребахъ речы посполитое справили и постановили“. Кто съѣдется на этотъ сеймикъ, „тые тыхъ справъ соймовыхъ слухати мають“. Не пріѣхавшіе на посеймовый сеймикъ повѣтовые обыватели не подлежатъ никакимъ наказаніямъ, но они такъ же, какъ и бывшіе на немъ, „соймовому постановенью досыть чинити мають“. Постановленія сейма вернувшіеся съ него послы приносятъ въ повѣтъ „на письме, за печатью“ господарскою и передаютъ этотъ документъ земскому судебному уряду повѣта для храненія его при земскихъ книгахъ, а также представляютъ сеймовыя постановленія для вписанія ихъ въ повѣтовыя гродскія книги. Самый документъ, заключающій въ себѣ эту копію сеймовыхъ постановленій, долженъ

1) Заголовокъ этого артикула слѣдующій: „О складанью соймиковъ по сойме вальномъ и о даванью дармо съ канцляреи справъ соймовыхъ“.

2) Конечно, въ случаѣ отсутствія воеводы въ центральномъ повѣтѣ воеводства и старость въ остальныхъ повѣтахъ, это заявленіе отъ пословъ должны были принимать ихъ намѣстники.

выдаваться повѣтовымъ посламъ изъ государственной канцеляріи „даръмо“ и безъ всякаго „затрудненья“.

Въ девятомъ артикулѣ третьяго раздѣла статута 1588 года, такимъ образомъ, по отношенію къ посеймовому сеймику установляется: 1) его цѣль, 2) время созыва, 3) роль повѣтовой администраціи при его созывѣ, 4) представленіе послами повѣта оффиціально имъ выданной изъ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго копіи сеймовыхъ постановленій и 5) обязательность подчиненія постановленіямъ закончившагося сейма для тѣхъ повѣтовыхъ обывателей, которые не примутъ участія въ занятіяхъ посеймоваго сеймика, не явившись на него, т. е. невозможность для нихъ оправдывать свое неподчиненіе этимъ постановленіямъ тѣмъ, что они лично не выслушали на сеймикѣ отчета пословъ о постановленіяхъ сейма. Несомнѣнно, что всѣмъ этимъ центральная власть стремилась поставить посеймовый сеймикъ въ извѣстныя рамки, опредѣленныя закономъ и нѣсколько обезпечивающія ее отъ случайностей, которыя могутъ создаваться въ повѣтахъ при оповѣщеніи ихъ о подлежащихъ исполненію постановленіяхъ сеймовъ. Четырехнедѣльный срокъ созыва сеймиковъ послѣ окончанія вальнаго сейма обезпечивалъ невозможность затяжки дѣла оповѣщенія повѣтовъ о сеймовыхъ постановленіяхъ; оффиціальная копія этихъ постановленій дѣлала невозможнымъ ихъ искаженіе, вольное или невольное, послами при сообщеніи ихъ въ повѣты; наконецъ, невозможность оправдываться отсутствіемъ на посеймовомъ сеймикѣ при неисполненіи сеймовыхъ постановленій давала центральной власти возможность черезъ четыре недѣли послѣ окончанія сейма считать всѣ повѣты Великаго Княжества Литовскаго уже оповѣщенными оффиціально о томъ, что подлежитъ ихъ исполненію въ силу сеймовыхъ постановленій. Что касается опредѣленія роли повѣтовой администраціи при созывѣ посеймовыхъ сеймиковъ, то оно обнаруживаетъ тенденцію не выпускать этого созыва изъ рукъ административной власти повѣтовъ, отвѣтственныя главы которой назначались господаремъ и, слѣдовательно, были облечены извѣстнымъ его довѣріемъ. Нельзя кромѣ того не отмѣтить, что, опредѣляя цѣль и назначеніе посеймоваго сеймика, статутъ 1588 года совершенно ясно ограничиваетъ ихъ ознакомленіемъ съ постановленіями

состоявшагося сейма, не говоря ни слова о возможности ихъ обсужденія и критики.

Признанный статутомъ, посеймовый сеймикъ пріобрѣлъ значеніе акта, безъ котораго сеймовыя постановленія не подлежатъ исполненію въ повѣтахъ. Отчетъ пословъ на этомъ сеймикѣ сталъ разсматриваться какъ необходимая формальность для того, чтобы можно было требовать отъ повѣтовой шляхты исполненія постановленнаго на сеймѣ. Вотъ примѣръ, рисующій это значеніе посеймоваго сеймика и отчета пословъ на немъ. Маршалокъ господарскій Станиславъ Мартиновичъ Чеховичъ [1]), назначенный Варшавскимъ вальнымъ сеймомъ 1590 года поборцею въ землѣ Жомонтской, самъ не могъ явиться въ Жомойть съ универсалами о поборахъ, задержавшись въ Вильнѣ, и послалъ къ Жомонтскому гродскому уряду ихъ „черезъ посланца своего безъ мешканья". Но подстароста Жомонтской земли [2]) „публикацыи и никоторого обволываня вознымъ чинити не казалъ" и „устне некоторымъ вознымъ заказалъ, абы того не смели важити, даючи тому причину, ижъ еще отъ пановъ пословъ нашихъ земли Жомонтское . . . . реляціи не слухано и никоторое ведомости отъ ихъ милости и до сего часу нетъ". Мнѣніе Жомонтскаго подстаросты раздѣляли вполнѣ и „панове обывателе земли Жомонтское". Они „одностайне поведили: яко пановъ пословъ нашихъ съ посельства ихъ реляцыи не слухали есмо и о томъ ведомости не маемъ, такъ того поголовного и побору не дамо, бо дей еще и у Вел. Кн. Литовскомъ съ поветовъ, зъ воеводствъ не даютъ и не маютъ воли дати, а мы безъ нихъ такого тежару подымовати не повинни есмо" [3]).

Итакъ, посеймовый сеймикъ былъ внесенъ въ Литовско-Русскій кодексъ лишь къ концу эпохи Стефана Баторія. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что фактически онъ не существовалъ уже въ предшествующее время. Въ источникахъ можно найти указанія на то, что шляхта Великаго

1) Поборовымъ универсаломъ 1590 года, напечатаннымъ во II-мъ томѣ Voluminum Legum, вмѣсто Чеховича Жомонтскимъ поборцею названъ Stanisław Sierewicz (Vol. Legum, tom II, Petersburg 1859, str. 325).

2) Панъ Станиславъ Пукста Клавзгейловичъ, бывшій одновременно и Волковыйскимъ хоружимъ.

3) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 141 (№ 592).

Княжества Литовскаго собиралась въ свои собранія послѣ вальныхъ сеймовъ не только до утвержденія въ 1588 году III-го статута, но и до заключенія Люблинской Упіи. Еще отъ времени даже до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ мы имѣемъ извѣстія о заботѣ верховной власти Княжества объ упорядоченіи дѣла сообщенія шляхтѣ сеймовыхъ постановленій. Въ „ухвалѣ" Виленскаго сейма 1554 года, въ одномъ изъ отвѣтовъ Сигизмунда Августа на просьбы становъ, читаемъ: „и таковые ухвалы соймовые съ канцелярыи пристойнѣ абы есте брали и до братьи вашое относили"[1]). Доставленіе копій сеймовыхъ постановленій шляхтѣ ея представителями на сеймахъ Литовско-Русскихъ, о которомъ говоритъ эта „ухвала", едва ли можетъ быть представлено безъ собраній областной шляхты, на которыхъ бы она съ ними ознакомлялась[2]). Такимъ образомъ, еще до утвержденія новаго повѣтоваго строя и до полнаго признанія значенія народа-шляхты въ государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго намѣчалась необходимость или желательность собраній областной шляхты послѣ вальныхъ сеймовъ для ея оповѣщенія о постановленіяхъ этихъ сеймовъ. Конечно, въ годы послѣ реформъ 1565—1566 годовъ такія собранія получили еще бо́льшія основанія, а также и болѣе правильную и опредѣленную организацію по образцу учрежденнаго закономъ предсеймоваго повѣтоваго сеймика.

Середина шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, когда возникъ Литовско-Русскій повѣтовый сеймикъ, была не только эпохою реформъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, но и временемъ крайне тяжелой Московской войны и опасностей со стороны Крыма. Отъ каждаго сейма Литовско-Русская шляхта должна была ожидать постановленій о новыхъ податкахъ и военныхъ рушеньяхъ. Къ этому присоединяется дѣло объ Уніи, которое сильно волновало шляхетскій народъ Княжества, стремившійся къ охранѣ правъ своихъ и своего „панства" въ готовящемся соедине-

1) А. З. Р. III. № 13. I, 3 (стр. 52).

2) Оповѣщеніе областной шляхты путемъ выставленія этой копіи „ухвалъ соймовыхъ" или списковъ съ нея въ городахъ и мѣстечкахъ должно быть признано не достигающимъ своей цѣли освѣдомленія областной шляхты по причинѣ неграмотности большой ея части.

ніи съ Польшею, на смыслъ и значеніе котораго послѣдняя смотритъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Литовско-Русское государство. Въ то же время на вальные сеймы второй половины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго вноситъ длинный рядъ своихъ просьбъ и желаній, имѣющихъ своею цѣлью развитіе отдѣльныхъ сторонъ реформъ 1565—1566 годовъ, закрѣпленіе ея значенія и разрѣшеніе различныхъ вопросовъ, связанныхъ тѣсно съ шляхетскими интересами, особенно важныя въ виду близости Уніи и необходимаго поэтому полнаго закрѣпленія и уясненія правъ шляхты и Литовско-Русскаго „панства", которыя должны быть сохранены послѣ Уніи въ соединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ. При такой обстановкѣ жизни Литовско-Русской шляхты въ эти годы вальные сеймы должны были вызывать жгучій интересъ въ шляхетскомъ народѣ Великаго Княжества Литовскаго, и онъ не могъ не требовать отъ своихъ повѣтовыхъ пословъ отчетовъ въ ихъ дѣятельности на вальныхъ сеймахъ и сообщеній о томъ, что эти сеймы постановляли и что на нихъ такъ или иначе узнавали уполномоченные представители повѣтовыхъ сеймиковъ.

Мы видѣли выше[1]) указанія источниковъ на борьбу центральной власти Великаго Княжества Литовскаго съ собраніями повѣтовой шляхты, которыя имѣли мѣсто въ годы кануна заключенія Люблинской Уніи помимо сеймиковъ предсеймовыхъ. Но сама верховная власть должна была прибѣгать къ созыву такихъ повѣтовыхъ собраній въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ, 15 февраля 1569 года Сигизмундъ Августъ обратился къ шляхтѣ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, приглашая ее немедленно собраться въ повѣтовыхъ съѣздахъ для постановленія податка съ повѣтовъ для возвращенія въ господарскій скарбъ денегъ, выданныхъ изъ него „на страву" повѣтовымъ посламъ, пріѣхавшимъ на Люблинскій сеймъ[2]). Въ концѣ февраля 1569 года[3]) уже происходилъ разъѣздъ представителей Великаго Княжества Литов-

---

1) Стр. 437—438.

2) См. прим. 2 на стр. 437. Ср. прим. 4 на стр. 312.

3) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 27 и М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 821—822.

скаго, и повѣтовыя собранія, созванныя этимъ распоряженіемъ Сигизмунда Августа могли соединиться съ отчетами повѣтовыхъ пословъ о сеймѣ. Да и вообще дѣло Уніи не могло не требовать сообщеній пословъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ высылавшей ихъ повѣтовой шляхтѣ.

Послѣ заключенія Люблинской Уніи потребность Литовско-Русской шляхты получать отчеты своихъ пословъ на спольные Польско-Литовскіе сеймы по ихъ возвращеніи съ этихъ сеймовъ не только не могла уменьшиться, но, наоборотъ, должна была увеличиться. Полнаго довѣрія къ этимъ сеймамъ быть въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ не могло: его образованію препятствовалъ самый способъ, который былъ избранъ Люблинскимъ сеймомъ для заключенія Уніи, съ отторженіемъ отъ Княжества части его территоріи. Это довѣріе не могло увеличиться и въ годы, ближайшіе къ году заключенія Уніи, когда противъ дѣятельности представителей Польши на спольныхъ сеймахъ представители Великаго Княжества Литовскаго иногда должны были подавать свои протесты[1]). Время двухъ первыхъ безкоролевій съ его исключительными опасностями, тревогами и новизною обстановки для Княжества должно было также вносить свое вліяніе на увеличеніе потребности Литовско-Русской повѣтовой шляхты въ посеймовыхъ собраніяхъ для выслушиванія возвратившихся съ сеймовъ пословъ повѣтовыхъ.

Кромѣ всего этого продолжала дѣйствовать и причина, дѣлавшая посеймовыя собранія повѣтовой шляхты нужными для центральной власти, т. е. значеніе ихъ для оповѣщенія повѣтовыхъ обывателей о постановленіяхъ сеймовъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Въ универсалахъ Стефана Баторія, созывающихъ Виленскій съѣздъ Литовско-Русскихъ радныхъ пановъ, земскихъ урядниковъ и выборныхъ отъ повѣтовъ па 17 апрѣля 1580 года, встрѣчаемъ такія слова о постановленіи Варшавскаго сейма 1579 года: „которое постановене соймовое яко вамъ вже до ведомости пришло...“[2]). Эти слова говорятъ о сообщеніи повѣтовой шляхтѣ Великаго Княжества Литовскаго сеймоваго постановленія. Это

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 154—157 и прим. 4.

2) Приложенія. Стр. 124.

сообщеніе можетъ быть понято въ видѣ оглашенія его черезъ возныхъ на рынкахъ и выставленія его копій на видныхъ мѣстахъ (при храмахъ) въ повѣтовыхъ центрахъ, но, надо думать, что шляхта повѣтовъ также и собиралась для полученія отъ вернувшихся съ сейма своихъ пословъ свѣдѣній о закончившемся вальномъ соймѣ и ихъ дѣятельности во время его. Отчетъ повѣтовыхъ пословъ передъ пославшею ихъ на сеймъ шляхтою долженъ былъ имѣть мѣсто, думается, непремѣнно: если повѣтовая шляхта давала имъ инструкціи и порученія для ихъ дѣятельности во время сеймовъ, она должна была провѣрить исполненіе ихъ послами послѣ ихъ возвращенія въ повѣтъ, чтобы признать или не признать ихъ исполнившими то, что поручилъ имъ сдѣлать на соймѣ повѣтъ. Сверхъ того, какъ мы видѣли выше [1]), повѣтовые сеймики вносили въ инструкціи своимъ посламъ сеймовымъ рядъ порученій по дѣламъ отдѣльныхъ лицъ, которыя не могли находить своего исполненія въ сеймовыхъ конституціяхъ по самому своему характеру: часть ихъ предназначалась для передачи непосредственно королю, а не сейму. Съ другой стороны, мы также видѣли выше [2]), что инструкціи повѣтовымъ посламъ знаютъ порученія, которыя должны исполняться не на вальныхъ Польско-Литовскихъ сеймахъ, а на предсеймовыхъ Литовско-Русскихъ съѣздахъ. Дѣятельность этихъ съѣздовъ также не могла находить своего изложенія въ сеймовыхъ конституціяхъ. Такимъ образомъ, опубликованіе послѣднихъ въ повѣтахъ отнюдь не могло быть достаточнымъ для того, чтобы шляхетскіе повѣты Великаго Княжества Литовскаго считали себя получившими сколько-нибудь достаточныя сообщенія о дѣятельности своихъ сеймовыхъ пословъ въ исполненіе данныхъ имъ сеймиками инструкцій. Повѣтовые послы, какъ связанные въ своей дѣятельности на вальныхъ сеймахъ сеймиковыми инструкціями, подлежали отвѣту за невыполненіе ихъ, и отъ болѣе поздняго, правда, времени мы имѣемъ прямыя указанія источниковъ на оффиціально заявляемыя обвиненія сеймовыхъ пословъ нѣкоторыхъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ въ неисполненіи ими данныхъ

1) Стр. 466 и сл.
2) Стр. 460 и сл.

нмъ инструкцій и въ дѣятельности, идущей въ разрѣзъ съ интересами всего Великаго Княжества Литовскаго вообще и пославшаго на сеймъ ихъ повѣта въ частности [1]).

Въ виду всего этого мы полагаемъ, что посеймовый сеймикъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ существовалъ задолго до формальнаго признанія его закономъ Княжества, т. е. статутомъ 1588 года. Но послѣдній не только призналъ его существованіе, но и сдѣлалъ имѣющія серьезное значеніе постановленія относительно его организаціи и болѣе правильнаго отправленія.

Думать о томъ, что посеймовый повѣтовый сеймикъ былъ заимствованъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ отъ Польши, едва ли возможно. Историкъ Польскаго сеймика, А. И. Павинскій первый слѣдъ посеймовыхъ сеймиковъ въ Коронѣ отмѣчаетъ въ 1591 году, говоря, что въ обычномъ теченіи дѣлъ и обсужденіи ихъ Польскими воеводствами не существовало до этого времени никакихъ сеймиковъ кромѣ посольскихъ, т. е. предсеймовыхъ, и депутатскихъ, т. е. для выбора депутатовъ въ Коронный трибуналъ, учрежденный въ 1578 году [2]). Павинскій предполагаетъ возможнымъ ожиданіе шляхтою отчетовъ отъ ея пословъ до слѣдующаго предсеймоваго или депутатскаго сеймика, или же до другихъ съѣздовъ [3]). Мы не станемъ входить въ вопросъ о томъ, когда и какъ возникъ „реляційный“ Коронный сеймикъ [4]), — это вопросъ,

1) См., нпр., внесенный 2 мая 1665 года (въ изданіи по недосмотру обозначенъ 1655 годъ) въ Берестейскія гродскія книги протестъ пана Криштофа Паца (канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго), бискупа Луцкаго Миколая Пражмовскаго (канцлеръ Коронный) и пана Михаила Паца (воевода Смоленскій, гетманъ польный Великаго Княжества Литовскаго) противъ дѣятельности на сеймѣ 1665 года Минскихъ пословъ, пана Мартина Володкевича (городничій Минскій) и пана Теодора Лукомскаго. А. Вил. III. № 182.

2) Adolf Pawiński. Rządy Sejmikowe. Str. 118.

3) „Wreszcie i dawniéj, za Zygmuntów, kiedy się ślachta zjeżdżała na najbliższe po sejmie kwerele grodzkie czyli na sądy skargowe, mogla również wysluchać opowieści o tém, co się na sejmie dzialo i jak sobie posłowie w pewnych sprawach postąpili“. Ibidem.

4) Уже въ извѣстномъ трудѣ Скржетускаго, вышедшемъ въ 1782 году, происхожденіе посеймовыхъ сеймиковъ въ Польшѣ признается гораздо болѣе раннимъ, чѣмъ конецъ XVI столѣтія. Скржетускій пишетъ: „Ze Posłowie mocą tylko i w imieniu swoich Woiewodztw, podług przepisanych sobie Instrukcyi dzialac powinni, dla tego obowiązani są zda-

подлежащій изслѣдованію историческаго прошлаго Польши, а не Великаго Княжества Литовскаго. Но мы должны отмѣтить, что конституція Варшавскаго сейма 1591 года, впервые упоминающая о посеймовомъ сеймикѣ въ Коронѣ, говоритъ о сохраненіи для Великаго Княжества Литовскаго уже существовавшаго въ немъ къ этому времени порядка отбыванія посеймоваго сеймика[1]), т. е. порядка утвержденнаго III-мъ статутомъ, какъ мы это видѣли выше. Самый срокъ для собранія посеймовыхъ сеймиковъ въ Коронѣ конституція Варшавскаго сейма 1591 года установляетъ иной, чѣмъ тотъ, который былъ принятъ статутомъ 1588 года для посеймовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ: по конституціи 1591 года эти сеймики собираются въ Польшѣ черезъ восемь недѣль послѣ окончанія вальнаго сейма, по статуту 1588 года въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ они должны собираться уже черезъ четыре недѣли послѣ закрытія того же сейма. Быть можетъ, въ этомъ сокращенномъ вдвое срокѣ собранія посеймовыхъ сеймп-

wać sprawę Obywatelom z tego, co uczynili na Seymie; i ztąd Seymiki po-Seymowe Relacyinemi nazywaią się. Zwyczay ich dawnieyszy w Polszcze, iako świadczą Kroniki Narodowe, potwierdzony został prawem Roku 1589, rozkazuiącym, aby z każdego Seymu powrociwszy Posłowie dawali przed Bracią sprawę z tego, co tam postanowiono" (Prawo Polityczne Narodu Polskiego przez X. Wincentego Skrzetuskiego S. P. Tom I. W Warszawie 1782. Str. 241). Поэтому совершенно напрасно г. Семенскій сближаетъ Скржетускаго съ Павинскимъ въ вопросѣ о происхожденіи Короннаго реляційнаго сеймика (Józef Siemieński, Organizacya sejmiku Ziemi Dobrzyńskiej. Rozprawy Ak. Um. Wydział Hist.-Filoz. Serya II. Tom XXIII. Str. 294). Ленгнихъ также относилъ возникновеніе реляційнаго сеймика къ болѣе раннему времени (Gotfridi Lengnich, Jus Publicum Regni Poloni. Tomus II. Gedani 1766. P. 432. Ср. польскій переводъ — Prawo Pospolite Królestwa Polskiego, Kraków 1836, str. 377—378). Приведенныя нами слова Скржетускаго находимъ нѣсколько лишь измѣненными и на стр. 614 Historyi Prawa Polskiego Jana Wincentego Bandtkie Stężyńskiego (Warszawa 1850).

1) „Ziazdy na zwyklych mieyscach, w ośm niedziel skladamy po Seymie wszystkim, dla dania liczby przed Posły braciey, dla obierania Poborcow, y deputowanych Szafarzow, do odprawy y sądzenia żolnierzow, wedle konstytucyi opisanego processu: oprocz Woiewodztwa Mazowieckiego, y tych Woiewodztw, ktorzy ie sobie tu obrali, nie naruszaiąc prawa Wielkiego X. Litewskiego, ktore Ziazdy takowym pokoiem y bespieczeństwem warujemy, iako prawo iest o Seymach napisane, pro hac vice". Volumina Legum, tom II (Petersburg 1859). P. 332 (22).

ковъ Литовско-Русскихъ по сравненію со срокомъ собранія такихъ же сеймиковъ Польскихъ нужно видѣть указаніе на ту обстановку приподнятаго интереса къ занятіямъ вальныхъ сеймовъ, которая существовала въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ съ самаго появленія въ немъ повѣтоваго сеймика, какъ мы старались показать выше.

Дѣятельность посеймоваго сеймика Литовско-Русскихъ повѣтовъ, естественно, должна была распадаться на два главныхъ момента: 1) отчетъ повѣтовыхъ пословъ о дѣятельности сейма и его постановленіяхъ и объ исполненіи послами данной имъ сеймикомъ инструкціи и 2) обсужденіе приведенія въ исполненіе этихъ постановленій въ повѣтѣ. Отчетъ пословъ не могъ ограничиваться простымъ прочтеніемъ на сеймикѣ копіи сеймовой „ухвалы“, т. е. конституціи, выданной имъ изъ государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго. Такой отчетъ не заключалъ бы въ себѣ отвѣта на тѣ просьбы, которыя вручались шляхетскими повѣтами своимъ посламъ для передачи господарю касательно мѣстныхъ повѣтовыхъ дѣлъ и дѣлъ отдѣльныхъ лицъ, не требовавшихъ санкціи вальнаго сейма, а нуждавшихся лишь въ распоряженіи самого господаря. Кромѣ того, отъ своихъ пословъ сеймикъ долженъ былъ ожидать, конечно, болѣе подробнаго и живого разсказа о дѣятельности закончившагося сейма, чѣмъ та оффиціальная бумага, которую они привозили на сеймикъ и которая представляла собою простую копію съ сеймовой конституціи. Отъ пословъ сеймикъ долженъ былъ ожидать и требовать объясненія происхожденія сеймовыхъ постановленій и разсказа о работѣ сейма и о томъ, что происходило на немъ и во время его занятій въ центрѣ государственной жизни Польско-Литовской Речи Посполитой, который создавался наличностью сейма въ томъ или другомъ городѣ соединеннаго государства. Наконецъ, ожидалъ повѣтовый сеймикъ отъ своихъ пословъ и разсказа о предшествовавшемъ Польско-Литовскому вальному сейму съѣздѣ или сеймикѣ „головномъ“ Великаго Княжества Литовскаго. И надо думать, что разспросы пословъ сеймикующими не ограничивались сеймикомъ и временемъ его занятій, а продолжались и внѣ и послѣ него „на учтахъ“ и въ „господахъ“, гдѣ собирались повѣтовые шляхтичи группами.

Второй моментъ дѣятельности посеймоваго сеймика, т. е. обсужденіе приведенія въ исполненіе въ повѣтѣ постановленій, сдѣланныхъ закончившимся сеймомъ, также долженъ былъ сопровождаться немалымъ обмѣномъ мнѣній и рѣчей между сеймикующими. Уплата податковъ, обычно требуемая вальными сеймами отъ повѣтовъ, вызывала необходимость извѣстныхъ распоряженій и соглашеній отъ сеймикующихъ, и едва ли вопросы, съ нею связанные, могли проходить всегда гладко въ собраніи тѣхъ, кто долженъ былъ эти податки выплачивать со своихъ имѣній и подданныхъ. Актъ постановленія посеймоваго сеймика носилъ названіе „ухвалы“ или „лявдума“ [1]). Намъ не удалось встрѣтить въ извѣстныхъ намъ источникахъ ни одного образца „ухвалы“ посеймоваго сеймика XVI столѣтія. Но едва ли можно сомнѣваться, что какъ форма повѣтовыхъ инструкцій предсеймовыхъ сеймиковъ вполнѣ опредѣлилась уже въ XVI столѣтіи и была передана готовою въ столѣтіе слѣдующее, такъ точно и „лявдумъ“ посеймоваго сеймика въ XVII вѣкѣ вполнѣ сохраняетъ ту форму, которая выработалась уже въ XVI столѣтіи. Это даетъ намъ возможность воспользоваться соотвѣтствующимъ документомъ XVII вѣка для приведенія его въ качествѣ образца акта постановленій посеймоваго сеймика, по типу котораго должны были составляться аналогичные документы и въ XVI столѣтіи.

6 августа 1661 года въ Берестьѣ собрался реляційный, т. е. посеймовый, сеймикъ Берестейскаго повѣта. Съѣхавшись на него, Берестейскіе повѣтовые обыватели избрали сеймиковымъ директоромъ пана Кароля Коптя, воеводу Полоцкаго, и приступили къ слушанію реляціи своего посла. Затѣмъ они выбрали двухъ поборцевъ для постановленнаго сеймомъ податка, а именно пана Александра Бржошка (для перваго срока) и пана Томаша Зглнчинскаго (для второго срока). Этимъ поборцамъ Берестейскій повѣтъ долженъ выдать двадцать два подымныхъ. Конституція сеймовая, кромѣ того, предписала назначить люстратора для повѣрки акциза, чтобы могла „constare certitudo perceptorum“ [2]). Въ исполненіе этого постановленія Берестейскій сеймикъ упро-

1) Лявдумъ, т. е. латинское laudum.

2) См. Volumina Legum, tom IV (Petersburg 1859), str. 370—372.

сплъ пана Лукаша Лышчинскаго, который чинитъ ее по всѣмъ мѣстечкамъ, гдѣ только акцизъ получается, и подаетъ о ней донесенія въ скарбовый трибуналъ. Тотъ же люстраторъ долженъ собрать при первомъ срокѣ и недоимки (retenta) двухъ подымныхъ, которыя были установлены Берестейскимъ воеводствомъ-повѣтомъ во время посполитаго рушенья и затѣмъ одобрены сеймомъ.

Этимъ исчерпывается содержаніе постановленій августовскаго посеймоваго Берестейскаго сеймика 1661 года, сдѣланныхъ для приведенія въ исполненіе конституціи сейма, послѣ котораго онъ собрался. Но этимъ сеймикъ не ограничился. Онъ сдѣлалъ рядъ своихъ постановленій, не имѣющихъ ничего общаго съ сеймовою конституціею, сообщеніе о которой онъ получилъ отъ своего посла. При сборѣ подымнаго панами Бржошкомъ и Згличинскимъ, по постановленію этого сеймика, должны быть собраны при каждомъ срокѣ уплаты еще по шести грошей съ каждаго дыма въ пользу Берестейскаго бернардинскаго монастыря [1]). Изъ остатка недоимокъ двухъ подымныхъ сеймикъ ассигнуетъ сто золотыхъ на расходы Берестейскаго земскаго писаря. Въ деклараціи воеводства Берестейскаго опредѣленъ „modus securitatis domesticae", но, видя по различнымъ причинамъ невозможность посполитаго рушенья повѣта, сеймикъ назначаетъ „in vim" его выдачу денегъ на двѣсти казацкихъ коней [2]), которыхъ Берестейскій повѣтъ обязуется выставить за выданными королемъ призывными листами въ рушенье тамъ, гдѣ будетъ назначено мѣсто королемъ или гетманомъ. Выставленные повѣтомъ вооруженные конники должны прослужить четверть года безъ всякихъ жалобъ и безъ обидъ населенію во время похода. Свое постановленіе относительно замѣны посполитаго рушенья повѣта наймомъ отряда Берестейскій сеймикъ рѣшилъ отослать къ королю на его утвержденіе. Во всѣхъ остальныхъ своихъ постановленіяхъ, такимъ образомъ, повѣтовый сеймикъ считалъ свои полномочія вполнѣ достаточными.

Подъ пересказаннымъ сейчасъ „лявдумомъ" подписались тридцать четыре Берестейскихъ обывателя съ директо-

---

1) На покрытіе его трапезной (refectarza).

2) По 80-ти золотыхъ на коня.

ромъ сеймика во главѣ [1]). Внесено это сеймиковое постановленіе въ Берестейскія гродскія книги 7 августа 1661 года [2]) коморникомъ Павломъ Босяцкимъ, который также подписался на немъ въ числѣ участниковъ сеймика.

Пересказанный документъ дастъ представленіе о характерѣ постановленій посеймовыхъ сеймиковъ. Конечно аналогичные документы XVI столѣтія должны были имѣть свои особенности, обусловливающіяся временемъ ихъ составленія и вопросами, тогда стоявшими на очереди въ жизни Великаго Княжества Литовскаго и его отдѣльныхъ повѣтовъ. Скарбовый трибуналъ еще не существовалъ въ XVI столѣтіи, не успѣла еще развиться вполнѣ и та тенденція къ замѣнѣ личнаго исполненія повѣтовой шляхтою своихъ военныхъ обязанностей наймомъ вмѣсто себя отряда войска, которую мы встрѣчаемъ ярко выраженною въ постановленіи Берестейскаго сеймика 6 августа 1661 года. Но почва для нея была готова уже въ XVI вѣкѣ, въ тѣхъ уклоненіяхъ шляхты отъ военной земской службы, которыя мы уже видѣли выше [3]). Самые сеймы XVI столѣтія, конечно, передавали для приведенія въ исполненіе въ повѣты другія постановленія, чѣмъ Варшавскій сеймъ 1661 года. Наконецъ, и культурное вліяніе Польши въ XVI вѣкѣ должно было чувствоваться меньше, чѣмъ во второй половинѣ XVII столѣтія. Но, конечно, и постановленія посеймовыхъ сеймиковъ XVI столѣтія также распадались на два главныхъ отдѣла, какъ и пересказанныя постановленія сеймика 1661 года, т. е. на постановленія по приведенію въ исполненіе конституціи состоявшагося сейма и независимо отъ нея дѣлаемыя постановленія самого сеймика.

Потребность въ обсужденіи шляхетскими повѣтами вопросовъ и дѣлъ, служившихъ предметами занятій вальныхъ сеймовъ, замѣчается не только въ средѣ самой повѣтовой шляхты. Посеймовые сеймики нужны для постановленій, организующихъ приведеніе въ исполненіе въ предѣлахъ повѣтовъ постановленнаго вальными сеймами. Но этого мало. Иногда центральная власть ждетъ отъ

1) Воевода Полоцкій, староста Берестейскій, панъ Янъ Кароль Копоть.
2) А. Вил. III. № 195.
3) Стр. 60—62.

шляхетскихъ повѣтовъ, такъ сказать, предварительнаго обсужденія вопросовъ, которые будутъ разрѣшаться на сеймахъ слѣдующихъ созывовъ и на которыхъ желательно остановить вниманіе повѣтовой шляхты еще до сообщенія ихъ ей въ сеймовыхъ универсалахъ или въ „наукахъ“ господарскимъ посламъ для сеймиковъ, предваряющихъ эти сеймы. Иногда господарь предлагалъ повѣтовымъ посламъ, явившимся на вальный сеймъ, отвезти на обсужденіе ихъ избирателей вопросы, поднятые на данномъ сеймѣ, но имъ не разрѣшенные. Повѣтовые посеймовые сеймики выработаютъ ихъ разрѣшеніе или подготовятъ его заблаговременно, и народъ-шляхта обдумаетъ и обсудитъ ихъ внѣ оффиціальныхъ сеймиковыхъ собраній въ теченіе мѣсяцевъ, которые протекутъ отъ посеймоваго сеймика до созыва новаго сеймика предсеймоваго. Такъ, на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году Сигизмундъ Августъ указалъ посольской избѣ рядъ подобныхъ вопросовъ для передачи шляхтѣ — способъ избранія короля, учрежденіе посполитаго скарба и т. д.[1]). Повѣтовые послы должны все это передать своей „братіи“, т. е. своимъ одноповѣтникамъ для обсужденія на сеймикахъ[2]). Трудно думать, что Сигизмундъ Августъ, давая это порученіе повѣтовымъ посламъ, бывшимъ въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, имѣлъ въ виду исполненіе ими его лишь на предсеймовыхъ сеймикахъ слѣдующаго созыва. Ставить вопросы и дѣла на обсужденіе предсеймовыхъ сеймиковъ онъ долженъ былъ обычнымъ путемъ, черезъ посредство своихъ господарскихъ пословъ, которые передавали ихъ сеймикующимъ по тексту своей „науки“-инструкціи. Этотъ путь былъ и надежнѣе, кромѣ того, что онъ былъ утвержденнымъ обычною практикою созывовъ предсеймовыхъ сеймиковъ, такъ какъ господарскіе послы точно передавали дѣла и вопросы, вносимые королемъ на сеймики, читая имъ свою „науку“, въ то время какъ бывшіе на предыдущемъ сеймѣ повѣтовые послы, сохраняя свободу своихъ рѣчей на сеймикахъ, могли вольно или невольно пойти

1) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Королевствомъ Польскимъ. СПБ. 1869. Стр. 592—594.

2) Нпр.: „abysczye y tho braczici odniesli, aby o thim mowiono bilo na seimikach“. Ibidem, стр. 593.

въ разрѣзъ направленію, которое желательно въ данныхъ дѣлахъ и вопросахъ для короля. Наоборотъ, сообщая эти дѣла и вопросы шляхетскимъ повѣтамъ черезъ посредство ихъ пословъ, возвратившихся съ закончившаго свои занятія сейма, господарь ожидалъ, надо думать, ихъ сообщенія сеймикамъ посеймовымъ, сохраняя за собою возможность своевременно, передъ сеймомъ, который будетъ ихъ рѣшать, вновь остановить на нихъ мысль и вниманіе повѣтовой шляхты уже черезъ посредство своего посла, который ихъ сообщитъ по тексту данной ему „науки".

Мы видѣли выше, что посеймовый повѣтовый сеймикъ приводилъ въ исполненіе постановленія закончившагося вальнаго сейма, дѣлая соотвѣтствующія распоряженія въ своемъ повѣтѣ, а также что онъ и независимо отъ сейма дѣлалъ свои постановленія, имѣющія обязательную силу для его повѣта. Эти постановленія, какъ того, такъ и другого происхожденія, не только вносились въ „уфалу" или „лявдумъ" сеймика, но могли опубликовываться и соотвѣтствующимъ сеймиковымъ универсаломъ. Отъ XVII вѣка до насъ дошли образцы такихъ универсаловъ[1]). Возможно, что и въ XVI столѣтіи Литовско-Русскіе посеймовые сеймики составляли подобные документы. Рядомъ съ этими универсалами посеймовые повѣтовые сеймики, какъ и прочіе виды сеймиковъ, конечно, могли выдавать и другіе документы и „листы", составленіе которыхъ вызывалось тѣми „потребами" и вопросами, которые занимали въ данный моментъ сеймикующихъ, требуя отъ нихъ того или другого выступленія въ значеніи шляхетской корпораціи повѣта. Но съ соединеніемъ на повѣтовыхъ сеймикахъ съ дѣлами, которыя являются прямою цѣлью ихъ созыва, дѣлъ, не имѣющихъ непосредственной связи съ этою цѣлью, познакомимся уже ниже, при изученіи организаціи повѣтоваго сеймика, какъ

1) Нпр., универсалъ Оршанскаго сеймика отъ 6 іюля 1647 года, начинающійся слѣдующими словами: „my, dignitarze, urzędnicy ziemscy y grodzscy, szlachta, rycerstwo y obywatele powiatu Orszanskiego, ktorzysmy się na seymik relacyiny, po seymie trzyniedzielnym Warszawskim, szczęsliwie skonczonym w roku teraznieyszym tysiąc szesc set czterdziestym siodmym mca iulii szostego dnia przypadaiący, do Orszy ziachali, oznaymuiemy tym listem uniwersalem naszym . . . ." Ист.-Юрид. Матеріалы. X. Стр. 214.

собранія шляхетской корпораціи повѣта. На настоящихъ же страницахъ остановимся еще лишь на двухъ вопросахъ: 1) на языкѣ документовъ, которые выдавались посеймовыми сеймиками Литовско-Русскихъ повѣтовъ, и 2) на внесеніи этихъ документовъ въ оффиціальныя книги повѣтовыхъ урядовъ.

Языкъ постановленій посеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго въ изданныхъ актахъ ихъ XVII и XVIII столѣтій польскій [1]) съ тѣми особенностями его, которыя были отмѣчены нами выше при изученіи инструкцій сеймовымъ посламъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ [2]). Что касается XVI столѣтія, то надо думать, что постановленія посеймовыхъ сеймиковъ Княжества этого времени, по крайней мѣрѣ въ ближайшіе годы къ заключенію Люблинской Уніи, писались на русскомъ языкѣ, если не во всѣхъ безъ исключенія, то въ значительномъ числѣ Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Основаніями для такого утвержденія являются: 1) несомнѣнная непривычка Литовско-Русской шляхты этого времени къ польскому языку Польско-Литовскихъ вальныхъ сеймовъ, уже отмѣченная нами выше [3]), 2) русскій языкъ документовъ, выходившихъ съ сеймиковъ и отъ шляхетскихъ корпорацій повѣтовъ Княжества въ эту эпоху [4]), 3) русскій языкъ документовъ, которые относятся къ сношеніямъ сеймиковыхъ пословъ съ посылавшими ихъ на вальные сеймы Литовско-Русскими шляхетскими повѣтами [5]), и 4) русскій языкъ документовъ, говорящихъ объ исполненіи постановленій Польско-Литовскихъ вальныхъ сеймовъ въ повѣтахъ Княжества [6]). Надо думать, что лишь постепенно въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ образовался usus употребленія польскаго языка на сеймикѣ посеймовомъ,

---

1) Нпр., А. Вил. I, стр. 201—203, А. Вил. III, стр. 339—340, 368—369, 388—389, А. Вил. IV, стр. 44—46, 112—114, 130—131, 161—162, 189—190, 208 209, 234—235, 301—304, 338—340 и рядъ другихъ въ различныхъ томахъ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, и Историко-Юридическихъ Матеріаловъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ.

2) См. выше, стр. 478.

3) Стр. 451—452 и 477—478.

4) См. IX и XI главы.

5) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 136 (№ 532).

6) Нпр., ibidem, стр. 67 (№ 370) и 171 (№ 183).

какъ связанномъ съ дѣятельностью сейма, ведшаго свои засѣданія на польскомъ языкѣ. Отъ XVI столѣтія до насъ дошли притомъ переводы постановленій этихъ сеймовъ съ польскаго на русскій, государственный языкъ Великаго Княжества Литовскаго, которые вписаны въ книги его государственнаго архива, т. е. Литовской Метрики[1]). Эти переводы на русскій языкъ сеймовыхъ постановленій, конечно, потому и вносились въ книги Метрики Литовской, что копіи съ нихъ выдавались послѣ сеймовъ посламъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ для доставленія ихъ въ повѣты Княжества — порядокъ, который, какъ мы видѣли выше[2]), былъ санкціонированъ статутомъ 1588 года. Все это заставляетъ признать польскій языкъ актовъ постановленій посеймовыхъ сеймиковъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго общепринятымъ языкомъ этого вида сеймиковыхъ документовъ далеко не сразу послѣ Люблинской Уніи и съ увѣренностью предполагать лишь постепенное вытѣсненіе имъ государственнаго русскаго языка въ документахъ, составляемыхъ Литовско-Русскими повѣтовыми сеймиками въ связи съ постановленіями вальныхъ сеймовъ[3]).

Что касается внесенія постановленій Литовско-Русскихъ посеймовыхъ сеймиковъ въ оффиціальныя книги урядовъ, то, конечно, и цѣли его и способы были тѣ же, которые мы уже видѣли выше[4]), изучая аналогичный актъ дѣятельности предсеймоваго сеймика повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго по отношенію къ его инструкціи посламъ сеймовымъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи примѣровъ XVI столѣтія, мы должны это признать на основаніи аналогіи дѣятельности повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ и примѣровъ болѣе поздняго времени[5]).

---

1) См. выше, стр. 126, прим. 3. Русскій текстъ части конституціи Варшавскаго сейма 1578 года — Временникъ Имп. Моск. Общества Ист. и Др. Росс. XXIII, стр. 212—216 (отдѣлъ книги — „Статутъ Великого Князьства Литовского"). Ср. III ст., III, 3.

2) Стр. 481—482.

3) См., нпр., „Реестръ выбраня пенезей въ земли Жомоитской, коней шляхетскихъ и отъ подымниковъ", датированный 2-мъ апрѣля 1568 года и составленный по распоряженію Шавлянскаго сеймика земли Жомоитской. Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I. Стр. 125 (№ 352).

4) Стр. 479.

5) Примѣры см. выше, стр. 493 и 496, прим. 1.

Глава VIII.

Сеймикъ для избранія членовъ земскихъ судовъ и другихъ должностныхъ лицъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ.

Сеймикъ для избранія кандидатовъ на уряды членовъ земскихъ судовъ, какъ первое по времени признанія закономъ собраніе повѣтовой шляхты для выбора должностныхъ лицъ повѣтовъ. Организація этого вида повѣтоваго сеймика статутомъ 1566 года. Начало дѣятельности земскихъ судовъ въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ и начало избранія ихъ состава повѣтовою шляхтою. Акты назначенія членовъ земскихъ судовъ времени дѣйствія II-го статута. Черты для изученія сеймика, избирающаго членовъ земскихъ судовъ, почерпаемыя изъ документовъ, говорящихъ объ осложненіяхъ дѣла этого избранія. Статутъ 1588 года о сеймикѣ для выбора членовъ земскихъ судовъ и организація этимъ кодексомъ избранія кандидатовъ на уряды повѣтовыхъ подкоморіевъ и хоружихъ по образцу избранія кандидатовъ на земскіе судебные уряды. Избраніе повѣтовыхъ возныхъ и генералъ-возныхъ, введенное III-мъ статутомъ.

Право повѣтовой шляхты Великаго Княжества Литовскаго на избраніе должностныхъ лицъ своихъ шляхетскихъ повѣтовъ было намѣчено реформою 1565—1566 годовъ, но окончательно развилось лишь ко времени утвержденія статута 1588 года. Организація повѣтоваго земскаго суда, какъ ее опредѣляли реформа 1565—1566 годовъ и II статутъ, требовала избранія членовъ этого суда повѣтовою шляхтою изъ состава шляхетскихъ корпорацій[1]. Такимъ образомъ, начало повѣтоваго избранія было признано сразу послѣ введенія реформою 1565—1566 годовъ новаго Литовско-Русскаго повѣта, но было признано лишь по отношенію къ тремъ урядамъ повѣтовъ Княжества, а именно земскихъ судьи, подсудка и писаря. Два слѣдующихъ за

1) См. выше, стр. 108.

утвержденіемъ II-го статута десятилѣтія, какъ мы видѣли выше [1]), были временемъ дальнѣйшаго развитія повѣтоваго строя Великаго Княжества Литовскаго на основѣ идеи повѣтоваго шляхетства. Требованіе осѣлости въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ для лицъ, получающихъ повѣтовые уряды, развивалось рядомъ съ распространеніемъ начала избранія „повѣтниковъ“ на повѣтовыхъ должностныхъ лицъ, которыя въ эпоху дѣйствія статута 1566 года назначались единолично господарскою властью, и статутъ 1588 года установилъ избраніе шляхетскими повѣтами кандидатовъ на должности повѣтовыхъ хоружихъ и подкоморіевъ, а также выборъ ими шляхтичей для замѣщенія урядовъ возныхъ [2]). Мы уже имѣли случай отмѣтить выше [3]), какъ это стремленіе шляхты къ участію въ замѣщеніи областныхъ урядовъ проявлялось уже до введенія повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, т. е. до организаціи шляхетскаго народа Великаго Княжества Литовскаго въ повѣтовыя корпораціи съ ихъ признанными закономъ опредѣленнымъ составомъ и опредѣленными правами. Тѣмъ естественнѣе было развитіе начала повѣтоваго избранія въ эпоху послѣ этой реформы.

Итакъ, собранія повѣтовой шляхты Великаго Княжества Литовскаго для избранія на повѣтовые уряды реформою 1565—1566 годовъ были введены только въ цѣляхъ замѣщенія должностей, входившихъ въ составъ членовъ земскихъ судовъ повѣтовъ. О выборѣ земскихъ судьи, подсудка и писаря II статутъ отъ имени великаго князя постановляетъ слѣдующее [4]): „напервей маемъ мы господаръ часъ певный зложити и то листы нашими по всихъ таковыхъ повѣтехъ ознаймити, гдѣ въ кождомъ повѣтѣ княжата, панове рада наша, также рицерство и шляхта, вси, хто кольвекъ якого стану будетъ тамъ имѣнья свои мѣти, зъѣхатися мають до двора, которій на посродку того повѣту будетъ, и тые, которые ся зъѣдутъ, не ждучи никого, хто бы, въ повѣтѣ имѣнье маючи, пріѣхати не хотѣлъ ку тому

1) Стр. 143—146.

2) См. выше, стр. 106—107, 110, 113, 126—131 и 143—146.

3) I глава. Объ участіи нѣкоторыхъ Литовско-Русскихъ земель въ назначеніи господаремъ ихъ воеводъ см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 582—584.

4) II ст., IV, 1.

року, мають выбрати зо всее шляхты того повѣту, братьи своее, па кождый врядъ таковый, на судейство — чотырохъ людей добрихъ, на подсудство — другихъ чотырохъ, на писарство — третихъ чотырохъ, людей добрыхъ, цнотливыхъ, ростропныхъ, въ правѣ умѣетныхъ [1]), роду шляхецского, въ томъ повѣтѣ добрѣ оселыхъ, не иное вѣры только хрестіянское; и, выбравшы ихъ, тыхъ выбраныхъ черезъ листы свои намъ господарю ознаймити мають, а мы съ тыхъ всихъ двападцати особъ выберемъ трехъ до того повѣту на врядъ земскій, на судъ — судью и подсудка и писара". Выбранные шляхетскими повѣтами и утвержденные въ своихъ должностяхъ господаремъ, члены земскихъ судовъ должны принести присягу по тексту, приведенному въ статутѣ. Присяга эта приносится на первыхъ же земскихъ рокахъ, въ собраніи шляхты, передъ воеводою [2]), а „въ небытности воеводиной — передъ кашталяны".

Передъ нами въ приведенныхъ словахъ статута 1566 года постановленія закона, вводящія изучаемый видъ собраній повѣтовой шляхты и соединяющія общія о нихъ узаконенія съ постановленіями относительно ихъ перваго послѣ учрежденія созыва. Послѣдующія слова того же артикула II-го статута говорятъ о дальнѣйшихъ созывахъ этого только что учрежденнаго вида собраній шляхетскихъ повѣтовъ Княжества. Когда умретъ членъ земскаго суда, составъ котораго избранъ и утвержденъ сейчасъ указаннымъ способомъ, а случится это „въ небытности" господаря, оставшіеся въ живыхъ остальные члены этого суда должны извѣстить объ его смерти своего воеводу, и послѣдній „черезъ листы свои" назначаетъ „часъ" для съѣзда старостъ, урядниковъ и шляхты „того повѣту". Въ землѣ Жомоитской, конечно, это извѣщеніе направляется къ Жомоитскому старостѣ, который въ такомъ случаѣ также созываетъ съѣздъ тивуновъ, шляхты и обывателей „всякого стану оное Жомоитское земли". Въ назначенное время „вси станы оного повѣту" съѣзжаются и выбираютъ на мѣсто умершаго члена своего земскаго суда четырехъ кандидатовъ, дѣлая это совершенно

1) Въ изданіи II-го статута въ XXIII-й книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. недосмотръ: „у мѣстныхъ".

2) Въ землѣ Жомоитской — передъ ея старостою.

такъ же, какъ было указано выше статутомъ для первыхъ выборовъ. Свое избраніе съѣхавшіеся должны „ознаймить“ господарю „черезъ листы свои отвороные [1]) за печатью воеводиною“, а господарь, выбравъ одного изъ представленныхъ ему четырехъ кандидатовъ на вакантный урядъ, утверждаетъ его „не отволочнѣ“. Въ случаѣ выбора съѣхавшеюся шляхтою на мѣсто умершаго одного изъ членовъ того же земскаго суда, онъ представляется господарю въ качествѣ единственнаго кандидата, безъ избранія еще трехъ кандидатовъ, и получаетъ утвержденіе отъ великаго князя; четырехъ же кандидатовъ шляхта въ такомъ случаѣ выбираетъ лишь на урядъ, ставшій вакантнымъ за его перемѣщеніемъ. Вновь назначенные этимъ путемъ члены земскихъ судовъ приносятъ присягу указаннымъ выше способомъ. Заканчивая свой артикулъ „О выбиранью судей въ повѣтѣ“, статутъ 1566 года гласитъ: „и такъ мають вѣко вѣчными часы въ повѣтехъ около выбранья тыхъ врядниковъ справовати ся и заховати“.

Присматриваясь ближе къ приведеннымъ сейчасъ постановленіямъ II-го статута, мы должны отмѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, съѣздъ повѣтовой шляхты для выбора членовъ земскаго суда не называется статутомъ соймикомъ [2]). Во-вторыхъ, при выборѣ этихъ должностныхъ лицъ шляхетскій повѣтъ не можетъ обойтись одними своими силами и средствами. Онъ долженъ считаться не только со своими повѣтовыми урядниками и шляхтою, но и съ воеводою, который былъ одинъ на цѣлое воеводство, состоявшее въ большинствѣ случаевъ не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ повѣтовъ. Воевода извѣщается о смерти члена земскаго суда; онъ же созываетъ „въ небытности“ господаря повѣтовую шляхту для новыхъ выборовъ; наконецъ, за его печатью долженъ быть „листъ“ шляхты, представляющій на утвержденіе господаря избранныхъ ею кандидатовъ на земскіе судебные уряды. Такимъ образомъ, шляхетскіе повѣты были лишены статутомъ 1566 года возможности взять цѣликомъ въ свои руки дѣло избранія членовъ своихъ земскихъ

1) Исправляемъ изъ „отворотные“ изданія II-го статута въ XXIII-й книгѣ Временника.

2) Ср. выше, стр. 288.

повѣтовыхъ судовъ; онъ обязалъ ихъ извѣстною зависимостью отъ воеводскаго уряда.

II статутъ указываетъ, что уже первый составъ земскихъ судовъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ послѣ введенія повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ былъ избранъ способомъ, имъ установленнымъ. Подтвержденіе этого указанія имѣемъ въ листахъ Сигизмунда Августа, выдашыхъ имъ въ повѣты Великаго Княжества Литовскаго о началѣ дѣятельности создашыхъ реформою судовъ повѣтовыхъ. Въ текстѣ такого листа, направленнаго въ Пинскій повѣтъ и датированнаго Вильною и 28-мъ января 1566 года[1]), находятся слѣдующія слова: „къ тому тежъ и врадниковъ судовыхъ на оный поветъ Пинскій . . . . водлугъ уписаня статуту нового на кождый врадъ по чотыры особы съ посродку васъ, братю вашу, земянъ-шляхту, людей добрыхъ, обрали есте и намъ ихъ обявили и оповедили, на которыхъ и мы, господаръ, межы тое брати вашое, въономъ повете Пинскомъ на тотъ врадъ земскій судовый черезъ васъ, рыцерство наше, обраные, [з] зверхности нашое г[о]с[по]д[а]рское позваляемъ и установляемъ на оные врады тыхъ особъ — на судейство Ивана Офанасовича Фуръса, на подсудство Ивана Домановича, на писарство Гурына Семеновича Фуръса“. Первая судебная сессія этого земскаго суда Пинскаго повѣта должна была состояться, согласно этому листу Сигизмунда Августа, „на часъ певный, на день Громницъ, Рымского свята, въ року нинешнемъ шестдесятъ шостомъ прышлого м[е]с[е]ца февраля второго дня“. „На который рокъ“, продолжаетъ документъ отъ имени господаря, „тые врадники судовые земскіе вышей описаные оного повету Пинского, собравъшыся, будутъ повинни наперней пры бытности васъ, князей, пановъ, рыцерства-шляхты тамошънего повету, которые се тамъ з[ъ]едете, и передъ посланъцомъ нашымъ, черезъ которого печать наша [отдана будеть], прысегу на тые врады свои водле того, яко въ статуте есть выображоно, вчынити“.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ совершенно категорическое указаніе оффиціальнаго акта на то, что въ Пинскомъ

---

1) Виленскій Центральный Архивъ, № 13014. Пинскаго гродскаго суда (1662 г.) № 27. Стр. 355—358. Ср. выше, стр. 69 и прим. 4.

повѣтѣ весь первый составъ его земскаго суда былъ выбранъ Пинскою шляхтою, утвержденъ въ исходѣ января 1566 года Сигизмундомъ Августомъ и долженъ былъ приступить къ исполненію своихъ судебныхъ обязанностей 2 февраля того же 1566 года. Но, обращаясь къ актамъ областныхъ судовъ Великаго Княжества Литовскаго, мы получаемъ отъ нихъ свѣдѣнія о томъ, что земскіе суды начали свои дѣйствія уже до начала 1566 года. Въ актовой книгѣ Слонимскаго земскаго суда за 1565--1566 годы подъ 1-мъ іюня 1565 года записано[1]): „права земскіе есть ся почали справовати нововыданые водлугъ артыкуловъ и порядку, въ статуте описаные . . . .“ Далѣе въ той же записи читаемъ, что Сигизмундъ Августъ „росказалъ моцне словомъ своимъ господарьскимъ, яко панъ хрестіянски, щчодробливе справедливость светую на вси стороны давать, узычать водлугъ Пана Бога подъ гербомъ Великого Князьства Литовского, которы есть данъ и принесенъ презъ послы его королевской милости писаромъ земскимъ — до каждого повету у Великомъ Князьстве Литовскомъ“. Та же запись говоритъ объ отказѣ пановъ радныхъ отъ ихъ прежнихъ правъ по суду, сдѣланномъ ими на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года[2]), и прославляетъ за этотъ отказъ Троцкаго воеводу, пана Миколая Радивила. Это прославленіе особенно умѣстно въ книгѣ Слонимскаго суда потому, что въ до-реформенное время Слонимъ принадлежалъ къ округу Троцкаго воеводства[3]). Указавъ на установленіе общаго для всѣхъ обывателей Великаго Княжества Литовскаго суда, пересказываемая запись упоминаетъ о томъ, что Сигизмундъ Августъ „з рамени своего господарьского воеводове, кашталяны, маршалки, подкоморе, судьи, подсудки и писаре далъ, захову ючи насъ единакою справедливостю и свободою з братьею а суседы нашими паны Поляки, якожъ намъ въ поветъ Слонимски ку розмноженю справедливости з рамени своего господарьского маршалкомъ — пана Ивана Яцынича, подкоморымъ — пана Станислава Миколаевича Нарбута, воеводича Подляшского, судью — пана Михайла Лавриновича Соколовского,

1) А. Вил. XXII. Стр. 147—149.

2) См. выше, стр. 55—56.

3) См. выше, стр. 9 и 31.

а подсудка — пана Потея Ельца, а писара — пана Богуша Тушевицкого, того жъ повету, не обчихъ, але въ томъ повете оселыхъ". Судья, подсудокъ и писарь Слонимскіе, по словамъ этой записи, „съ порадою шляхтъ, явне на то з росказаня его королевской милости зобраныхъ[1]) до Слонима, на часъ и день зложоный, то есть месеца іюня первого дня, суды земъскіе есть ся засадили, и роки першіе почали ся справовати на завтрей Духа Светого року шестьдесятъ пятого, месеца іюня одинадцатого дня".

Въ этой записи Слонимскаго земскаго суда обращають на себя вниманіе три существенныхъ отличія въ изложеніи начальнаго момента въ исторіи этого суда по сравненію съ изложеніемъ того же момента господарскимъ листомъ въ Пинскій повѣтъ, приведеннымъ нами выше: 1) господарская печать для земскаго суда въ Слонимѣ была доставлена лѣтомъ 1565 года, а въ Пинскъ лишь зимою 1566 года, 2) первые земскіе роки въ Слонимѣ начались 11 іюня 1565 года, а въ Пинскѣ только 2 февраля 1566 года. Кромѣ того, Слонимскіе земскіе судья, подсудокъ и писарь были назначены, по словамъ приведенной выше записи, въ 1565 году господаремъ со своего „раменя", т. е., повидимому, собственною его властью. Но мы не рѣшились бы говорить, основываясь на этомъ словѣ, что въ данномъ случаѣ не имѣло мѣста избраніе шляхтою повѣта ея кандидатовъ на земскіе судебные уряды: надо думать, что мы имѣемъ простой пропускъ указанія на это избраніе, вызванный отчасти и тѣмъ, что запись говоритъ о назначеніи господаремъ всѣхъ вновь учрежденныхъ урядниковъ, большая часть которыхъ назначалась имъ безъ всякаго участія повѣтовой шляхты въ ихъ избраніи. Въ актовыхъ книгахъ другихъ земскихъ судовъ мы также имѣемъ указанія на дѣятельность судьи, подсудка и писаря уже въ серединѣ іюня 1565 года. Такъ, въ Городнѣ уже въ это время засѣдали князь Иванъ Өеодоровичъ Масальскій, панъ Иванъ Макаровичъ и панъ Лавринъ Война, какъ судья, подсудокъ и писарь Городенскаго повѣта[2]). Къ этимъ даннымъ Литовско-Русскихъ актовъ нужно прибавить идущія въ разрѣзъ съ ними слова днев-

1) Въ изданіи: „забраными".
2) А. Вил. XVII. № 1014.

ника современника повѣтовой реформы, подсудка Новгородскаго повѣта Ѳеодора Евлашевскаго, о томъ, что первые земскіе роки во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ начали отсуживаться „о Светомъ Михаиле“ 1566 года, т. е. съ конца сентября этого года[1].

Такимъ образомъ, мы имѣемъ, повидимому, противорѣчія нашихъ источниковъ въ ихъ указаніяхъ о началѣ земскаго суда въ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго. Но эти противорѣчія должны быть признаны лишь указаніями на два различныхъ момента въ исторіи введенія земскаго суда въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ. Въ самомъ дѣлѣ, просмотръ актовъ Слонимскаго земскаго суда, слѣдующихъ въ его книгѣ вслѣдъ за приведенною нами выше записью отъ 1 іюня 1565 года, обнаруживаетъ дѣятельность этого суда день за днемъ, а не по тѣмъ сессіямъ, которыя были введены статутомъ 1566 года въ его окончательно утвержденной редакціи. Эта окончательная редакція

1) Въ изданіи дневника Евлашевскаго (Мемуары, отн. къ исторіи Южной Руси, вып. II, стр. 8) или въ спискѣ съ рукописи (а быть можетъ и въ самой рукописи), съ котораго изданіе сдѣлано стоитъ: „того жъ року 1565 наперше роки земске были во всемъ панстве Литовскимъ о светомъ Михаиле“. Читать нужно внѣ всякаго сомнѣнія: „того жъ року 1566“. Въ самомъ дѣлѣ: 1) уже страницею выше (по изданію) Евлашевскій перешелъ къ изложенію событій 1566 года, 2) четырьмя строками ниже выписанныхъ нами словъ въ изданіи читаемъ: „року 1565, а веку моего 21, были летомъ у короля его милости Жикгмонта Августа послове великые московские“, а именно Ѳеодоръ Ивановичъ Колычовъ, Григорій Ивановичъ Нагой и Василій Яковлевичъ Щелкановъ: „тое же осени король его милость былъ зъ войскомъ въ шику подъ Радошковичами“. Все, что изложено Евлашевскимъ въ этомъ мѣстѣ относится къ 1567 году: самъ онъ имѣлъ 21-й годъ въ 1566—1567 году, родившись 7 февраля 1546 года (Мемуары II, стр. 5); Умный Колычовъ, Нагой и Щелкаловъ были посланы Иваномъ Грознымъ къ Сигизмунду Августу въ 1567 году (Книга Посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго, № 170); наконецъ, „въ шику“ подъ Радошковичами Сигизмундъ Августъ былъ въ концѣ того же 1567 года (М. К. Любавскій, Л.-Р. сеймъ, стр. 780—781). Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ дневникѣ Евлашевскаго совершенно послѣдовательно сдѣланныя замѣтки, относящіяся къ 1566 и 1567 годамъ, лишь неправильно датированныя или не исправленныя въ описках рукописи изданіемъ. Передъ записями 1566 года находятся записи 1564 и 1565 годовъ (стр. 6—7 изданія); послѣ приведенной нами записи, несомнѣнно относящейся къ событіямъ 1567 года, идутъ записи событій 1568, 1569 и 1570 годовъ (стр. 9 изданія).

была утверждена лишь 1 іюля 1566 года съ внесеніемъ въ статутъ „артыкуловъ поправы статутовое“, выработанныхъ на Берестейскомъ сеймѣ 1566 года панами-радою и всѣми станами Великаго Княжества Литовскаго [1]). До этого утвержденія окончательной редакціи II-го статута были утверждены двѣ его редакціи предшествующія: первая — въ Бѣльскѣ, 1 іюля 1564 года [2]), вторая — въ Вильнѣ, на сеймѣ 1565—1566 годовъ [3]). Начало избранія членовъ земскихъ судовъ было признано уже Бѣльскимъ привилеемъ Сигизмунда Августа отъ 1 іюля 1564 года, въ которомъ господарь разрѣшилъ „теперъ и заразомъ тотъ новый порядокъ и росправу въ засаженью судовъ, обиранью на то врядниковъ и розложенью местецъ на судъ и на положенье и хованье книгъ судовыхъ учинити и постановити“. Тотъ же привилей назначаетъ день св. Мартина (т. е. 11 ноября) 1564 года временемъ, когда „мается тотъ статутъ и вѣси справы, поступъки, порядки и въступъ а початокъ его зачати“ [4]).

Приведенная выше выписка изъ земскихъ Слонимскихъ книгъ показываетъ, что начало введенія земскаго суда въ Слонимскомъ повѣтѣ, однако, запоздало до 11 іюня 1565 года. Встаетъ вопросъ: во всѣхъ ли повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго начало функціонированія земскихъ судовъ было одновременнымъ, или же эти суды въ различныхъ повѣтахъ начали свою дѣятельность не въ одинъ и тотъ же день? Если мы примемъ послѣднее, то всѣ противорѣчія нашихъ источниковъ легко разрѣшатся. Вѣроятность того, что не всѣ повѣты могли успѣть ввести въ дѣйствіе свои земскіе суды, увеличивается извѣстною уже намъ обстановкою, при которой осуществлялась реформа 1565—1566 годовъ [5]), когда не только создавались въ новыхъ повѣтахъ вновь учрежденные уряды, но и опредѣлялись границы этихъ повѣтовъ, т. е. опредѣлялся, притомъ не безъ коле-

---

1) См. „Статутъ Великого Князьства Литовского 1566 года“ по изданію въ XXIII книгѣ Временника Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., стр. 13.

2) См. ibidem, стр. 4—11.

3) См. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 717 и сл.

4) Цитируемъ по изданію М. К. Любавскаго (Л.-Р. сеймъ, Приложенія, стр. 137—138).

5) См. выше, стр. 66—98 и 259—260.

баній, составъ повѣтовой шляхты, шляхетскія корпораціи, призванныя II-мъ статутомъ къ избранію изъ своей среды кандидатовъ на земскіе судебные уряды. Невозможно предположить, чтобы тѣ трудности и вопросы, которые на мѣстахъ создавала повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ при ея осуществленіи, могли разрѣшаться такъ быстро, чтобы черезъ какіе-нибудь четыре мѣсяца послѣ изданія Бѣльскаго привилея всѣ Литовско-Русскіе новые повѣты, сами только что создаваемые, могли управиться съ выборами и организаціей своихъ земскихъ судовъ. Естественнѣе предположить, что собранія шляхты отдѣльныхъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго для перваго выбора членовъ ихъ земскихъ судовъ были созваны Сигизмундомъ Августомъ въ различное время, а не всѣ одновременно; только по мѣрѣ налаживанія введенія реформы 1565—1566 годовъ въ отдѣльныхъ повѣтахъ создавалась возможность созыва ихъ шляхты въ избирательныя собранія. Составъ лицъ, занявшихъ созданные реформою уряды, окончательно опредѣлился лишь къ веснѣ 1566 года, когда ихъ имена могли уже быть сообщены всей Литовско-Русской шляхтѣ[1]).

Если мы примемъ сейчасъ приведенныя соображенія, то кажущіяся противорѣчія нашихъ источниковъ по вопросу о введеніи земскаго суда въ отдѣльныхъ повѣтахъ устранятся. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны будемъ признать, что тотъ видъ повѣтоваго сеймика, который назывался съѣздомъ для избранія земскихъ судебныхъ урядниковъ и который начиналъ собою всѣ сеймики для выбора должностныхъ лицъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, возникъ въ послѣднихъ не одновременно, но въ различныхъ повѣтахъ въ различное время, между концомъ 1564 и самымъ началомъ 1566 годовъ.

Обращаясь къ актамъ назначенія членовъ земскихъ судовъ, т. е. къ господарскимъ привилеямъ, утверждающимъ въ должности одного изъ четырехъ кандидатовъ-„електовъ", представляемыхъ къ этому утвержденію повѣтовою шляхтою, встрѣчаемъ въ нихъ всегда упоминаніе объ этомъ избраніи шляхетскими повѣтами ихъ кандидатовъ. Въ привилеѣ на земскій судебный урядъ господарь „ознаймуеть" своимъ

---

1) См. выше, стр. 353.

листомъ, что къ нему писали и присылали князья, паны и шляхта того или другого повѣта, „ознаймуючи“ ему, что въ ихъ повѣтѣ „въ животе не стало“ такого-то земскаго судебнаго урядника. Они „межы собою“ на этотъ урядъ „чотырохъ особъ певныхъ, шляхтичовъ, въ томъ повете оселыхъ, обрали“ и просятъ господаря, чтобы онъ, „съ тыхъ особъ на одного зезволившы, на тотъ врадъ“ его „потвердилъ“. Господарь даетъ этотъ урядъ одному изъ четырехъ представленныхъ кандидатовъ, „земенину“ своему „тамошнего повету“ такому-то, „годность залецоную въ нимъ бачачи“. Назначаемое лицо „маеть“ свой урядъ „до живота своего держати и, учинивши присегу на першыхъ рокохъ водле статуту на тотъ врадъ, посполъ“ съ остальными двумя членами того же суда даннаго повѣта „вси справы судовые, тому суду земъскому и ихъ владности належачіе, судити и справовати во всемъ слушне, пристойне и порадне, водле повинъности, тому враду приналежачое, правъ и вольностей земъскихъ и статуту права посполитого пильне постерегаючи и ничимъ его не отъступуючи“. Въ заключеніе господарь въ такомъ привилеѣ приказываетъ „всимъ обывателемъ стану шляхетъского, которіе кольвекъ оселости свои въ томъ повете“ имѣютъ, чтобы они, вновь назначеннаго земскаго судебнаго урядника „за утверженьемъ“ господарскимъ „приняввши, противу нему вшелякую учъстивость и послушеньство, што на врадъ его водлугъ статуту приналежить, чинили“ [1]).

Въ своей обычной массѣ такіе привилеи, писанные по установившейся формѣ, не прибавляютъ ничего къ тому, что даетъ для изученія этого вида сеймика статутъ. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда выборъ члена земскаго суда чѣмъ-либо осложнялся, привилеи на земскіе судебные уряды даютъ изслѣдователю матеріалъ болѣе щедро. Такимъ документомъ

---

1) Примѣры привилеевъ на земскіе судебные уряды: Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. л. 86—86 об. („Привилей Стефану Ловейку на подсудство повету Мозырского“; дата: Торунь, сеймъ вальный, 6 декабря 1576 года), ibidem, л. л. 87 об. — 88 („Привилей Адаму Рустейковичу на писарство земское Жомоитское“; дата та же), Лит. Метр. $\frac{I\ A}{57}$ л. л. 6—6 об. („Листъ пана Масалского на подсудъство Городенское“; дата: Краковъ, 15 апрѣля 1574 года), ibidem, л. 7 („Листъ пану Макару Мартиновичу на подсудъство Пиньское“; дата та же).

является, напримѣръ, „Привилей Гаврилу Яковицкому на подсудство Володимерское“, выданный Сигизмундомъ Августомъ въ Варшавѣ 29 сентября 1568 года[1]). Изъ него узнаемъ, что послѣ смерти подсудка Владимірскаго повѣта, тамошняго земянина Павла Шпаковскаго, Волынскій воевода, князь Александръ Θеодоровичъ Чорторыйскій, соблюдая требованіе статута, нѣсколько разъ „объсылалъ“ своимъ листомъ князей

1) „Жикгимонтъ Августъ, Божью милостью король Полскій etc. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Што которое подсудство земское повету Володимерского перво сего держалъ отъ насъ земенинъ тамошній Павелъ Шпаковскій, ино, ижъ онъ з сего света зшолъ, а по его смерти воевода Волыньскій, князь Алексанъдро Федоровичъ Чоръторыскій, заховываючи ся въ томъ водлугъ статуту, всихъ князей и пановъ, земянъ оного повету по кольку кроть листомъ своимъ объсылалъ, абы се до замку нашого Володимеръского зъехали и на тотъ врядъ, подсудъство того Володимерского повету, на местъце оного змерлого подсудка межы собою електовъ, чотырохъ особъ, выбрали и до насъ г[о]с[по]д[а]ря съ тымъ послали. За которымъ объсыланьемъ князя воеводы Волыньского кгды ся они на обиранье тыхъ електовъ не зеждъчали, або, если се которые и зъехавши, въ томъ ся межы собою, яко его милость о томъ до насъ писалъ, не зъгожали, его милость князь воевода Волынъскій съ тыми, которыя ся на тотъ часъ ку его милости зехали, то есть з владыкою Володимерскимъ и Берестейскимъ Феодосіемъ а з маршалкомъ нашимъ, паномъ Петромъ Богдановичомъ Загоровскимъ и з некоторыми иными, въ томъ повете оселыми, на тотъ врядъ подсудство земское повету Володимерского електовъ, чотырохъ особъ шляхтичовъ, братью свою, въ томъ повете оселыхъ, межы собою обравшы, до насъ г[о]с[по]д[а]ря прислалъ, просячи насъ, абыхмо, одного з нихъ которого въ тотъ поветъ подсудкомъ давши, на то его листомъ нашимъ потвердили. А такъ мы, межы тыми чотырма особами, на тотъ врядъ намъ подаными, одного земянина, въ томъ же повете оселого, Гаврыла Яковицкого обравши, въ тотъ поветъ Володимерскій подсудкомъ земскимъ даемъ и симъ листомъ нашимъ на тотъ врядъ подсудъство его установляемъ и то ему потвержаемъ: маеть онъ, водлугъ статуту на теперешнихъ рокохъ судовыхъ припалыхъ присягу на тотъ врядъ учинивши, зъ судею и писаромъ оного повету вси справы, тому враду и ихъ властности належачіе, во всемъ слушне и радне, водле повинъности, на тотъ врядъ пристойное, справовати, водлугъ статуту права посполитого заховываючисе а волностей земскихъ пильне постерегаючи и ничимъ ихъ не отъступуючи. И на то есмо ему дали сесь нашъ листъ з нашою печатью и съ подписью руки нашое г[о]с[по]д[а]рьское“. Дата: Варшава, 29 сентября 1568 года. Настоящій листъ имѣетъ „подписъ руки г[о]с[по]д[а]рьское“ и скрѣпу писаря („Базиліусъ Древинскій писарь“). Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. л. 31—31 об.

и пановъ Владимірскаго повѣта, созывая ихъ во Владимірскій замокъ для выбора четырехъ кандидатовъ на вакантный урядъ повѣтоваго подсудка. Но по „объсыланью“ своего воеводы Владимірская шляхта или не съѣзжалась, или, съѣхавшись, не приходила къ соглашенію при выборахъ. Объ этомъ Волынскій воевода писалъ и къ Сигизмунду Августу. Дѣло кончилось тѣмъ, что воевода вмѣстѣ со съѣхавшимися къ нему Владимірскимъ и Берестейскимъ владыкою Ѳеодосіемъ, господарскимъ маршалкомъ, паномъ Петромъ Богдановичемъ Загоровскимъ и съ нѣкоторыми другими осѣлыми во Владимірскомъ повѣтѣ лицами, безъ другихъ ихъ одноповѣтниковъ, выбрали четырехъ кандидатовъ и представили ихъ господарю для утвержденія одного изъ нихъ на урядъ Владимірскаго подсудка. Изъ этихъ четырехъ кандидатовъ Сигизмундъ Августъ выбралъ Гаврила Яковицкаго и утвердилъ его, несмотря на то, что избраніе повѣтовыхъ кандидатовъ совершилось безъ участія въ немъ большинства обывателей повѣта, и выданный имъ Яковицкому привилей на должность Владимірскаго подсудка, изложивши ходъ этого дѣла, говоритъ о назначеніи его въ тѣхъ же выраженіяхъ, которыя являются обычною формою такихъ привилеевъ, приведенною нами выше.

Передъ нами примѣръ чрезвычайно малаго съѣзда повѣтовой шляхты для избранія члена земскаго суда и нежеланія ея собираться для этой цѣли. Однако нельзя признать такое явленіе сколько-нибудь общимъ. Наоборотъ, нужно думать, что повѣтовая шляхта очень интересовалась дѣломъ избранія своихъ земскихъ судебныхъ урядниковъ. Права этого избранія она такъ настойчиво добивалась, какъ мы видѣли выше [1]), и не могла, только что его получивъ, перестать имъ интересоваться. Кромѣ того должность члена земскаго суда, соединенная съ достаточнымъ вознагражденіемъ и вліяніемъ, не могла не привлекать претендентовъ, да и всему шляхетскому повѣту не могла быть безразлична личность человѣка, входившаго въ составъ земскаго суда, имѣвшаго такое крупное значеніе для повѣтовыхъ обывателей. Въ виду всего этого мы ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ права обобщать того, что говоритъ пересказанный

1) Стр. 19 и сл.

нами документъ объ отношеніи шляхты Владимірскаго повѣта къ выборамъ своего земскаго подсудка, и считать такое отношеніе сколько-нибудь обычнымъ для повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ 1568 году Владимірская шляхта имѣла основаніе для того, чтобы быть недовольною отношеніемъ Сигизмунда Августа къ ея заявленію касательно ея земскаго суда, и, не имѣя возможности устроить его такъ, какъ желала, надо думать, выражала свое недовольство демонстративнымъ отказомъ избирать членовъ этого суда. Дѣло было въ томъ, что обыватели Владимірскаго повѣта представили Сигизмунду Августу черезъ своихъ пословъ на Городенскомъ сеймѣ 1568 года жалобу на своего земскаго судью Богдана Костюшковича, который, „не будучы отъ“ нихъ „обранымъ и поданымъ на судейство“, выхлопоталъ у господаря себѣ назначеніе на этотъ урядъ. Владимірскій предсеймовый сеймикъ просилъ Сигизмунда Августа, чтобы онъ, Костюшковича „съ того враду зложивъшы“, назначилъ имъ другого судью изъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ ему Владимірскимъ шляхетскимъ повѣтомъ. Однако Сигизмундъ Августъ не исполнилъ этой просьбы, „зоставилъ“ Богдана Костюшковича „при томъ вряде, судьстве земскомъ Володимерскомъ“, и 15 іюля 1568 года выдалъ съ извѣщеніемъ объ этомъ свой листъ во Владимірскій повѣтъ [1]). Совершенно понятно, что Владимірская шляхта должна была увидѣть въ этомъ нарушеніе господаремъ ея правъ и вольностей и отказалась съѣзжаться для выборовъ своего подсудка, т. е. ближайшаго сотрудника судьи, котораго она не хотѣла признать получившимъ судейскій урядъ законнымъ образомъ.

Отмѣченныя уже нами значеніе земскаго суда и выгоды, которыя давали земскіе судебные уряды лицамъ, ихъ занимавшимъ, вызывали попытки устранить съ этихъ урядовъ, дѣлаемыя иногда отдѣльными повѣтовыми обывателями или цѣлыми ихъ партіями по отношенію къ тѣмъ или другимъ шляхтичамъ, ихъ занимавшимъ, а также попытки захвата этихъ урядовъ незаконнымъ образомъ. Примѣръ перваго имѣемъ въ Упитскомъ повѣтѣ почти сразу послѣ введенія

---

1) Н. А. Максимейко. Сеймы Л.-Р. государства. Приложенія. Стр. 194—195.

въ немъ земскаго суда. Въ 1567 году господарскій судъ имѣлъ уже на своемъ разсмотрѣніи дѣло о хоружичѣ Упитскомъ Миколаѣ Яновичѣ, который во время первыхъ Михайловскихъ роковъ Упитскаго земскаго суда, „пропомневшы боязни Божое и звирхности господарское, з многими помочниками, собе въ томъ равными“, пріѣхалъ въ Поневѣжъ [1]), гдѣ собрался на свою сессію земскій судъ, и „межы рыцерствомъ-шляхтою, которые ся для справъ судовыхъ на роки были зъехали, бунтъ и замешканье на тыхъ жо роцехъ учынилъ“. Яновичъ отказывался „становитися“ передъ земскими судебными урядниками и „суду и справы ихъ послушнымъ быти“, не признавая Упитскаго земскаго судью, пана Балтромея Левоня, законнымъ образомъ получившимъ его урядъ [2]).

Что касается захвата земскаго судебнаго уряда лицомъ, которое не имѣло на него права, то примѣръ возникновенія дѣла о такомъ захватѣ имѣемъ въ 1569 году въ Вилькомирѣ. Сигизмундъ Августъ 29 іюля 1570 года разсматривалъ вмѣстѣ съ панами-радою въ Варшавѣ дѣло по жалобѣ Подляшскаго воеводы и Дорогицкаго старосты, пана Миколая Кишки Тохановскаго на господарскаго дворянина Миколая Кончу. Послѣдній обвинялся въ томъ, что незаконнымъ образомъ захватилъ урядъ Вилькомирскаго писаря, а сверхъ того не вписалъ въ декретъ своего повѣтоваго суда „доводы и справы“ по дѣлу пана Кишки Тохановскаго съ панами Остиками [3]). Представителемъ обвиненія при разборѣ этого дѣла выступилъ „умоцованый“ Подляшскаго воеводы Мартинъ Межиньскій, который „съ позву“ предъявилъ къ Кончѣ обвиненіе въ томъ, что онъ овладѣлъ урядомъ Вилькомирскаго земскаго писаря и устранилъ избранныхъ Вилькомирскою шляхтою четырехъ кандидатовъ, воспользовавшись своимъ пребываніемъ при господарѣ на сеймѣ въ качествѣ повѣтоваго посла, хотя и имѣлъ пору-

1) О Поневѣжѣ, какъ центрѣ Упитскаго повѣта, см. выше, стр. 96—98.

2) Н. А. Максимейко. Op. cit. Приложенія. Стр. 150—151.

3) „Справа пана Миколая Кишки Тохановского з Миколаемъ Кончою о неслушное одержане привилею на писарство земское Вилкомирское и о невписане до декрету доводовъ и справъ его въ справе съ паны Остиками“. Лит. Метр. $\frac{II\,A}{55}$ л. л. 52 об. — 56 об.

ченіе отъ своихъ одноповѣтниковъ представить господарю ихъ „електовъ“ для утвержденія одного изъ нихъ [1]).

Представителемъ Кончи при разборѣ этого дѣла явился его „умоцованый“ Романовскій, и пренія сторонъ даютъ въ излагаемомъ актѣ нѣсколько чертъ, дополняющихъ наши свѣдѣнія о дѣятельности сеймиковъ для избранія земскихъ судебныхъ урядниковъ. Когда во время разбора дѣла „отпорной“ сторонѣ было предъявлено требованіе стороны „поводовой“ о предъявленіи „елекъцыи“, т. е. самаго документа о выборѣ Вилькомирскою шляхтою кандидатовъ на урядъ ея земскаго писаря, Романовскій заявилъ, что этотъ документъ остался въ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго и что нѣтъ обычая, чтобы его хранило у себя получившее урядъ лицо — для этого лица достаточно госпо-

1) „Ижъ дей минулого шестьдесятъ девятого року дворанинъ его кор[олевское] милости Миколай Конъча, отъ всее шляхты повету Вилькомирского на соймъ Любельскій спольный прошлый посломъ обранъ будучи и отъ нихъ взявши инъструкъцыю подъ ихъ печатьми чотырохъ особъ шляхтичовъ на врадъ писаръство земское до того повету Вилькомирского по зешъломъ писары тамошнемъ Станиславе Девялтовскомъ у короля его милости просити, онъ, заочъне речъ свою украсивши, оныхъ електовъ, на инъструкъцеи описаныхъ, надъ право и статутъ земскій и ку уближенью справедливости его милости на сторону опустивъши, нетъ ведома за якою причиною на тое писарство у его кор[олевское] милости привилей собе упросилъ. А потомъ на рокохъ судовыхъ земскихъ прошлыхъ, о Светомъ Михаиле Рымъского свята въ року прошломъ шестьдесятъ девятомъ, оного вся шляхъта повету Вилькомирского писаромъ въ томъ повете мети не хотела. Але онъ, обецуючи имъ скоро по тыхъ одныхъ рокохъ судовыхъ инъшого писара земского до того повету своимъ накладомъ у его кор[олевское] милости подъ некоторыми певными обовязки зъеднати, упросилъ ихъ, жебы только на одны тые роки веръху описаные судовые писаромъ тамъ быти мелъ, а то ни для чого инъшого, только кгволи воеводе Мстиславскому, старосте Браславскому, пану Юрю а дворанину его королевское милости, пану Григорю Остикомъ для справы ихъ, которую они за позваньемъ своимъ зъ его милостью о имене Вижуны и о речи рухомые, о листы и привилья некоторые на оныхъ роцехъ мели, якожъ дей онъ на онъ часъ на тыхъ рокохъ о Светомъ Михаиле у Вилькомирско въ той справе его милости, которую з воеводою Мстиславскимъ, старостою Браславскимъ, паномъ Григоръемъ Остикомъ мелъ, ку великой шкоде его милости а надъ право доводовъ и поступъковъ правныхъ зъ стороны его противъ паномъ Остикомъ, у суду земского Вилькомирского чиненыхъ, достаточне писати и докладати не хотелъ“.

дарскаго привилея, выданнаго ему на его должность [1]). Тотъ же Романовскій, стараясь отвести обвиненіе отъ своего довѣрителя, говорилъ: „а тежъ не одинъ бы панъ воевода [2]), але вся шляхта, кгды бы Кончу такового быти розумели, заразъ бы ся противъ ему оповедати и тымъ врадомъ ему справовати не допустили, на остатокъ бы королеви его милости о томъ на соймъ черезъ послы свои дати знати мели“.

Итакъ, сеймикъ для выбора членовъ земскаго суда могъ пользоваться для представленія избранныхъ имъ кандидатовъ на судебные уряды къ утвержденію господаря сеймовыми послами своего повѣта, избираемыми сеймикомъ предсеймовымъ, а, возможно, могъ и сливаться съ послѣднимъ — если предсеймовый сеймикъ собирался около того времени, когда въ какомъ-либо повѣтѣ предстояли выборы земскихъ судьи, подсудка или писаря, то совершенно естественно могло дѣлаться назначеніе мѣстнымъ воеводою этихъ выборовъ какъ разъ на время сеймика предсеймоваго во избѣжаніе лишней траты шляхтою времени и средствъ на новую поѣздку въ повѣтовый центръ спеціально для такихъ выборовъ. Въ приведенныхъ выше преніяхъ сторонъ при разборѣ дѣла Вилькомирскаго земскаго писаря Миколая Кончи имѣемъ указаніе и на расходы, которые несъ шляхетскій повѣтъ, посылая на утвержденіе господаря своихъ кандидатовъ на земскіе судебные уряды [3]). Поѣздку повѣтовыхъ послапцевъ, которые везли къ великому князю „елекцію“, т. е. документъ объ избраніи этихъ кандидатовъ, шляхта повѣта должна была оплачивать, и естественно, что она старалась использовать своихъ пословъ сеймовыхъ для передачи господарю такихъ документовъ. Что касается самихъ

1) „На што Романовскій поведилъ, што дей панъ воевода Подляшъскій домогаеть ся, абы Конча елекъцыю положилъ, ино тая елекъцыя пры канъцлерен короля его милости зостала, ани тежъ звычай естъ, абы сторона у себе то ховати мела; досыть маеть на даннне, листе короля его милости, которая светъчить, ижъ Конча на тотъ врадъ писарскій за тою елекъцыею з ласки короля его милости постановленъ“ (л. 54 об.).

2) Т. е. воевода Подляшскій, панъ Миколай Кишка Техановскій.

3) На эти расходы прямо указываютъ слова „умоцованаго“ пана Кишки Техановскаго о томъ, что Конча обѣщалъ Вилькомирской шляхтѣ добыть у господаря назначеніе ей другого земскаго писаря „своимъ накладомъ“. См. выше, стр. 513, прим. 1.

избирательныхъ документовъ, то, какъ показываютъ тѣ же приведенныя пренія по дѣлу Копчи, они оставались въ господарской канцеляріи Княжества, и ихъ возвращеніе въ повѣты не представлялось нужнымъ — произведя выборы кандидатовъ, составивъ соотвѣтствующій документъ объ этихъ выборахъ и организовавъ доставленіе этого документа къ господарю, сеймикъ для избранія членовъ земскихъ судовъ исполнялъ этимъ свое назначеніе и передавалъ дѣло въ руки великаго князя.

Сеймикъ для выбора членовъ земскаго суда, введенный реформою 1565—1566 годовъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе вырабатывался какъ собраніе повѣтовой шляхты Великаго Княжества Литовскаго: создавалась привычка обывателей повѣтовъ къ выборамъ своихъ должностныхъ лицъ и налаживалась самая ихъ техника. Такимъ образомъ опредѣлялась форма, въ которую выливалось осуществленіе права Литовско-Русской повѣтовой шляхты на избраніе должностныхъ лицъ ея повѣтовъ, пока лишь земскихъ судебныхъ урядниковъ, и ею пріобрѣтался опытъ въ этомъ дѣлѣ. Въ то же время росло и сознаніе шляхты Княжества, какъ повѣтовыхъ корпорацій его „народа“ [1]). Развитіе шляхетскаго повѣта происходило одновременно съ развитіемъ повѣтоваго сеймикованья и выработкою техники послѣдняго. Депутаты Великаго Княжества Литовскаго, работавшіе надъ проектомъ III-го статута, должны были считаться со всѣмъ этимъ тѣмъ болѣе, что и сами Литовско-Русскіе шляхетскіе повѣты принимали участіе въ этой работѣ [2]). Выработавшійся къ восьмидесятымъ годамъ XVI столѣтія въ опредѣленныя формы и пріобрѣвшій опытъ въ дѣлѣ избранія повѣтовыхъ должностныхъ лицъ, сеймикъ для выборовъ членовъ земскаго суда совершенно естественно долженъ былъ явиться къ этому времени вполнѣ готовымъ видомъ собраній повѣтовой шляхты, который могъ расширить свое назначеніе и изъ сеймика, собираемаго только для выбора земскихъ судебныхъ урядниковъ, быть обращеннымъ въ сеймикъ для выбора другихъ повѣтовыхъ должностныхъ лицъ, которыхъ избраніе III статутъ отдалъ въ руки шляхетскихъ повѣтовъ.

---

1) См. выше, стр. 126—131 и 143—146.

2) См. выше, стр. 72, прим. 4 и стр. 306 и Приложенія, стр. 133—139.

Повѣтовыми урядами, при замѣщеніи которыхъ статутъ 1588 года призналъ вновь начало избранія шляхетскихъ повѣтовъ, были уряды хоружія, подкоморія и вознаго. Два первыхъ уряда должны быть признаны должностями крупнаго значенія въ повѣтахъ. Уже извѣстное намъ ихъ назначеніе въ повѣтовой жизни [1]), дававшее имъ право на признаніе этого значенія, дополняется установленіемъ верховной власти ихъ, такъ сказать, ранга въ ряду должностныхъ лицъ повѣтовъ: на повѣтовыхъ сеймикахъ имъ было отведено рецессомъ Городенскаго сейма 1566—1567 годовъ и III-мъ статутомъ мѣсто выше войскаго и членовъ земскаго суда повѣта [2]). Урядъ вознаго былъ должностью, напротивъ, мелкою. Этимъ нужно объяснять и то различіе въ формѣ, которая была дана статутомъ 1588 года для избранія повѣтовою шляхтою подкоморіевъ и хоружихъ, съ одной стороны, и возныхъ съ другой: выборы первыхъ должны производиться совершенно такъ же, какъ выборы членовъ земскихъ судовъ; выборы возныхъ — по нѣсколько упрощенному способу.

Самый сеймикъ для выбора членовъ земскихъ судовъ III статутъ оставляетъ въ томъ видѣ, какъ его организовалъ предшествующій кодексъ, такъ же, какъ и этотъ послѣдній, все еще называя его не сеймикомъ, а „съѣздомъ“ [3]). Онъ прибавилъ только нѣкоторыя дополнительныя постановленія, которыя не измѣняютъ нисколько основныхъ чертъ этого сеймика. Въ самомъ дѣлѣ, статутъ 1588 года въ своемъ артикулѣ „О вольномъ обиранью вряду земского, судіи, подсудьковъ и писаровъ въ кождой земли и поветѣ“ [4]), отъ имени короля Стефана [5]), оставляя въ силѣ права Литовско-Русской шляхты по избранію состава ея земскихъ судовъ, дарованныя ей Сигизмундомъ Августомъ и внесенныя во II статутъ, постано-

1) См. выше, стр. 106—107 и 109—110.

2) Н. А. Максимейко. Op. cit. Приложенія. Стр. 176. III ст., III, 6.

3) См. выше, стр. 307.

4) III ст., IV, 1.

5) Въ этомъ упоминаніи Стефана Баторія, какъ господаря, отъ имени котораго гласитъ III статутъ, нужно видѣть одно изъ указаній на то, что Великое Княжество Литовское не считалось съ Сигизмундомъ III-мъ, статутъ утвердившимъ. Послѣднему утвержденіе этого кодекса было предложено Княжествомъ какъ условіе признанія его своимъ господаремъ. Ср. выше, стр. 259, прим. 1.

вляетъ: „кгды бы который з врядниковъ тыхъ земъскихъ - судья, подъсудокъ, або писаръ — умеръ, тогды другіе врядники живопозосталые мають намъ господару о томъ черезъ листъ свой знати дати то, кгды быхмо были въ здешнемъ паньстве нашомъ Великомъ Князстве Литовскомъ, а гдѣ бы се то трафило въ небытности нашой въ томъ панстве, тогды о томъ мають дати ведати воеводе, а въ земли Жомонтской старосте Жомонтъскому, а въ небытности воеводы або старосты [1]), ино кашталяномъ оное земли, а за такимъ даньемъ знать маемъ мы господаръ черезъ листъ нашъ безъ жадное проволоки, а въ небытности нашой маеть воевода або кашталянъ черезъ листы свои старосте поветовому, врядникомъ земъскимъ и шляхте того повету, а староста Жомонтъский, або тежъ кашталянъ, тивуномъ, шляхте и всякого стану оное земли Жомонтъское обывателемъ такъ же черезъ листъ свой часъ ку зъеханью зложити, приславшы такий листъ въ тотъ поветъ до вряду кгродского, передъ часомъ, на то зложонымъ, за чотыри недели, и тотъ листъ маетъ быти везде въ томъ повете обволанъ и объголошонъ тымъ обычаемъ, яко и о иншихъ листехъ нашихъ соймовыхъ або военыхъ естъ вышей описано въ розделе третемъ“ [2]). Въ назначенный такимъ листомъ день всѣ обыватели этого повѣта, съѣхавшись „до замку альбо двору“ господарскаго, т. е. въ повѣтовый центръ, избираютъ изъ своей среды на мѣсто умершаго урядника четырехъ кандидатовъ, „шляхтичовъ, людей добрыхъ, побожныхъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ праве умеетъныхъ, писати умеючихъ, родичовъ того паньства Великого Князства и въ томъ повете не ново, незмышлене оселыхъ“. Изъ этихъ четырехъ кандидатовъ, представленныхъ господарю повѣтовыми обывателями „на письме за печатьми своими“, онъ избираетъ одного и утверждаетъ его „до живота его, альбо до вывышенья“ на другой урядъ. Оставляетъ статутъ 1588 года въ полной силѣ и постановленіе предшествующаго кодекса о томъ, что въ случаѣ перемѣщенія на вакантный урядъ одного изъ членовъ того же земскаго суда „иншихъ електовъ не потреба будетъ прикла-

---

1) Т. е. въ Жомойти старосты Жомонтскаго.

2) III ст., III, 6. Ср. III ст., II, 1. Примѣръ назначенія господаремъ съѣзда для избранія членовъ земскихъ судовъ въ эпоху дѣйствія III-го статута — А. Вил. I, стр. 167 (1611 г.).

дати“: онъ представляется единственнымъ кандидатомъ, обязательно утверждаемымъ господаремъ, и только на его мѣсто избираются обычнымъ порядкомъ четыре кандидата. Оставляетъ въ силѣ III статутъ и постановленія статута 1566 года о присягѣ вновь назначаемыхъ изложеннымъ выше способомъ членовъ земскихъ судовъ на первыхъ „рокахъ“ послѣ ихъ назначенія.

Такимъ образомъ, статутъ 1588 года къ постановленному II-мъ статутомъ о выборахъ членовъ земскихъ судовъ добавилъ лишь требованіе дѣйствительной и долговременной повѣтовой осѣлости и принадлежности къ „родичамъ“ Литовско-Русскаго „панства“. Требованіе первой было результатомъ развитія повѣта, какъ шляхетской корпораціи, уже отмѣченнаго нами выше[1]; требованіе второй было направлено противъ Польши въ защиту государственной самостоятельности Великаго Княжества Литовскаго, отстаивавшаго свое значеніе особаго „панства“ въ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой. Самой организаціи дѣла выбора земскихъ повѣтовыхъ урядниковъ III статутъ не измѣнялъ, и это должно быть принято какъ доказательство того, что Литовско-Русская шляхта была вполнѣ довольна постановленіями статута 1566 года касательно этого выбора, а также и того, что сеймикъ для избранія членовъ земскихъ судовъ не обнаружилъ въ своей практикѣ надобности въ какихъ-либо существенныхъ преобразованіяхъ. Поэтому совершенно естественно, что и сеймики для избранія повѣтовыхъ подкоморіевъ и хоружихъ были организованы статутомъ 1588 года совершенно по образцу сеймика для выбора земскихъ судебныхъ урядниковъ. И о назначеніи повѣтоваго подкоморія, и о назначеніи повѣтоваго хоружія III статутъ говоритъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ отъ имени господаря: „ведьже того вряду“, т. е. уряда подкоморія и хоружія, „иначей давати не маемъ, одно за обраньемъ на то певныхъ особъ чотырехъ черезъ обывателей кождое земли и повету тымъ порядкомъ, яко обиранье врядниковъ[2]) судовыхъ земъскихъ — судьи, подъ-

---

1) Стр. 127 и сл.

2) Въ артикулѣ, говорящемъ о назначеніи подкоморія, стоитъ: „инъшыхъ врядниковъ“.

судка и писара — есть въ семъ статуте описано, а съ тыхъ особъ, обраныхъ и намъ отъ становъ поданыхъ, кого се намъ напрыстойнеи видети будеть, того мы господаръ, [з] зверхности нашое господарское на тотъ врядъ преложимъ и привильемъ нашимъ его потвердимъ" [1]). По отношенію къ подкоморію соотвѣтствующій артикулъ статута прибавляетъ только слова о нелишеніи его уряда до его смерти, или до назначенія на высшую должность, да требованіе принесенія имъ присяги по своему судебному уряду на первыхъ послѣ его назначенія земскихъ рокахъ его повѣта. Оба эти добавленія вызваны значеніемъ должности подкоморія какъ повѣтоваго судебнаго уряда [2]).

Иначе, чѣмъ избраніе повѣтовыхъ подкоморіевъ, хоружихъ и членовъ земскихъ судовъ, организуетъ статутъ 1588 года избраніе повѣтовыхъ возныхъ. Урядъ вознаго былъ мелкимъ повѣтовымъ урядомъ [3]), и лицо, занимавшее его, отнюдь не принадлежало къ верхнимъ слоямъ шляхты. II статутъ отдаетъ дѣло назначенія повѣтовыхъ возныхъ цѣликомъ въ руки соотвѣтствующихъ воеводъ [4]), требуя лишь отъ нихъ, чтобы они назначали на этотъ урядъ „шляхту, людей добрыхъ, вѣры годныхъ, цнотливыхъ, оселыхъ въ томъ же повѣтѣ, такъ много, яко бы ихъ потреба указовала, водлѣ повѣту и широкости его а потребы людской", и добавляя къ этому требованіе принятія ими отъ назначаемыхъ ими возныхъ присяги по ихъ должности [5]). III статутъ выборы возныхъ передаетъ въ руки повѣтовой шляхты и только ихъ утвержденіе оставляетъ въ рукахъ вое-

1) III ст., IX, 1 и II, 5. Артикулъ, говорящій о назначеніи хоружія, упоминаетъ и объ участіи пановъ-рады въ его утвержденіи. Мелкихъ отличій обоихъ сравниваемыхъ артикуловъ не отмѣчаемъ.

2) Примѣръ заявленія подкоморія о желаніи его принести присягу послѣ назначенія на должность — Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 30 (№ 212). Ср. подобное же заявленіе земскаго судьи — ibidem, стр. 91 (№ 96).

3) См. выше, стр. 112—114. Ср. также Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 272—278 и 288—289, Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 65—66 и 110—112 и И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 358—359.

4) Въ землѣ Жомоитской назначеніе возныхъ принадлежитъ ея старостѣ.

5) II ст., IV, 4.

водъ. Онъ постановляетъ, что возныхъ въ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго избираетъ повѣтовая шляхта вмѣстѣ съ земскимъ судебнымъ урядомъ повѣта, а соотвѣтствующіе воеводы или староста Жомоитскій ихъ лишь „уставляютъ“ и „пострыгаютъ“, т. е. утверждаютъ. При этомъ, избирая возныхъ, повѣтовая шляхта должна своему воеводѣ „черезъ листъ свой“ давать „сведецьство о цноте и добромъ захованью ихъ“. Иными словами, повѣтовая шляхта доставляетъ воеводѣ своего рода актъ избранія вознаго и ручается за его личныя качества[1]). Число возныхъ, требующихся для нуждъ повѣта, опредѣляется и по II-му, и по III-му статутамъ размѣрами и потребностями повѣта.

Долженъ быть поставленъ вопросъ: имѣетъ ли въ виду статутъ 1588 года, говоря объ избраніи возныхъ, сеймикъ, или земскіе роки? На этотъ вопросъ можетъ быть данъ утвердительный отвѣтъ для обоихъ возможныхъ его рѣшеній. Слова статута „возныхъ . . . . ., которыхъ врядъ земъскій и шляхта оберуть,“ не противорѣчатъ ни одному изъ этихъ отвѣтовъ. Возможность выбора возныхъ во время земскихъ роковъ должна представляться тѣмъ болѣе естественной, что, какъ увидимъ ниже[2]), собравшаяся на нихъ повѣтовая шляхта до нѣкоторой степени могла выступать въ значеніи шляхетской корпораціи своего повѣта. Но, съ другой стороны, земскіе судебные урядники находились вмѣстѣ со шляхтою и на повѣтовомъ сеймикѣ, что открывало возможность избранія возныхъ и въ этихъ, закономъ признанныхъ полноправными, собраніяхъ шляхетскихъ повѣтовъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что III статутъ не требуетъ особыхъ оповѣщеній повѣтовой шляхты о предстоящихъ выборахъ на „урядъ возновскій“. Такихъ оповѣщеній онъ требуетъ лишь для выборовъ подкоморія, хоружія и членовъ земскаго суда. Это, съ одной стороны, показываетъ невысокій взглядъ на значеніе „возновства“, а, съ другой стороны, отдаетъ въ руки самой шляхты выборъ того собранія своей повѣтовой корпораціи для избранія возныхъ, которое она сама признаетъ для себя желательнымъ. Необходимымъ условіемъ остается лишь требованіе, чтобы при избраніи

1) III ст., IV, 8.
2) Глава XI.

возныхъ находился повѣтовый земскій урядъ, т. е. члены главнаго изъ судовъ повѣта.

Какъ примѣръ акта о назначеніи вознаго можетъ быть приведенъ листъ къ Витебскимъ повѣтовымъ обывателямъ, выданный 17 марта 1591 года ихъ воеводою, паномъ Миколаемъ Сапегою [1]). Въ этомъ листѣ Миколай Павловичъ Сапега, воевода Витебскій, староста Велижскій, державца Суражскій, объявляетъ Витебскимъ обывателямъ, что 16 марта 1591 года, будучи „на сеймику", земскіе и замковые урядники вмѣстѣ со шляхтою Витебскаго повѣта заявили ему о недостаткѣ въ ихъ повѣтѣ вознаго и просили его имъ таковаго назначить. При этомъ они „залетили" ему на этотъ урядъ „почъстивого шляхтича" Михаила Тимоѳеевича Добріецкаго, „поведаючы быти его на тотъ урадъ годъного". Воевода „за залеценьемъ" земскихъ урядниковъ и шляхты утвердилъ Витебскимъ вознымъ Добріецкаго „присегою его и пострыгъ водълугъ статуту права земъского". Этотъ „листъ" воеводы былъ затѣмъ внесенъ въ гродскія и земскія книги Витебскаго повѣта, представленный соотвѣтствующимъ урядамъ самимъ Добріецкимъ, уже именуемымъ оффиціально „вознымъ".

Долженъ быть поставленъ вопросъ: для какой цѣли былъ созванъ въ серединѣ марта 1591 года Витебскій повѣтовый сеймикъ, заявившій своему воеводѣ о недостаткѣ возныхъ въ повѣтѣ и представившій Добріецкаго къ утвержденію на возновскомъ урядѣ? Текстъ листа Миколая Сапеги не даетъ никакихъ указаній на то, что это былъ сеймикъ, созванный спеціально для избранія вознаго. Наоборотъ, въ немъ можно видѣть указаніе на то, что вопросъ о возномъ былъ поднятъ „на сеймику" какъ дѣло, не имѣющее прямой связи съ главною цѣлью его созыва. И въ самомъ дѣлѣ, сеймики въ серединѣ марта 1591 года были собраны Сигиз-

1) Ист.-Юр. Матеріалы XXXI. Акты Витебскаго земскаго суда роковъ Михайловскихъ 1592 г. № 4. Тотъ же документъ изданъ по недосмотру тамъ же подъ № 9. Раньше онъ былъ изданъ въ прим. 4 на стр. 273 іюньской книжки Журнала Мин. Нар. Пр. за 1897 годъ. Другіе примѣры назначенія или присяги вознаго при его вступленіи въ должность — Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. I, стр. 137 (№ 172); II, стр. 122 (№ 298); III, стр. 16 (№ 194), 37 (№ 25); IV, ст. 109 (№ 3), 113 (№ 31), 137 (№ 2); V, ст. 194 (№ 39), 201—202 (№№ 7 и 9), 203 (№ 20).

мундомъ III-мъ во всѣхъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго. На Варшавскомъ сеймѣ 1590—1591 года[1]), при установленіи побора, сенаторы и послы Княжества стали особнякомъ отъ представителей Польши и заявили, что они имѣютъ „limitatam potestatem do pozwolenia takowego podatku“, прося короля собрать для этого дѣла сеймики Литовско-Русскихъ повѣтовъ и обнадеживая его въ ихъ согласіи на поборъ. Въ виду этого Сигизмундъ III и назначилъ собраніе повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго черезъ восемь недѣль послѣ окончанія настоящаго Варшавскаго сейма[2]), котораго конституція и поборовый универсалъ датированы 15-мъ января 1591 года[3]). Такимъ образомъ, Витебскій сеймикъ, представлявшій 16 марта 1591 года вознаго на утвержденіе своего воеводы, и былъ сеймикомъ, созваннымъ королемъ для разрѣшенія вопроса о поборѣ съ Княжества[4]).

Итакъ, мы имѣемъ на реальномъ примѣрѣ подтвержденіе того, что для выбора повѣтовыхъ возныхъ не было надобности въ созывѣ спеціальныхъ собраній повѣтовой шляхты: этотъ выборъ она могла производить, собравшись для другихъ цѣлей и пользуясь своимъ собраніемъ для того, чтобы въ немъ произвести и избраніе своего вознаго. Такимъ же способомъ долженъ былъ выбираться и генералъ-возный, учрежденный статутомъ 1588 года[5]). Утвержденіе его, однако, отличалось отъ утвержденія рядовыхъ возныхъ. Послѣднихъ утверждаетъ мѣстный воевода, а генералъ-возный утверждается королемъ, выдающимъ свой „листъ“ на этотъ урядъ лицу по представленію „отъ воеводъ, старостъ судовыхъ и шляхты, обывателевъ тыхъ поветовъ, отъкуль тотъ будеть“[6]). Такъ

1) Сеймъ былъ созванъ на 3 декабря 1590 года и закончился 15 января 1591 года. Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII (Francofurti ad Moenum MDCLXXII). P. 291.

2) Volumina Legum. Tom II (Petersburg 1859). Str. 333 (Uniwersał Poborowy).

3) Ibidem. Str. 333, 341.

4) О Виленскомъ съѣздѣ Великаго Княжества Литовскаго, которымъ былъ „uchwalony“ въ 1591 году поборъ см. А. Вил. VIII, стр. 326.

5) См. выше, стр. 113—114.

6) III ст., IV, 104. Образецъ господарскаго листа, утверждающаго генералъ-вознаго — Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 274, прим. 2

невысокое значеніе „возновского уряда“ создавало упрощенный способъ избранія и генералъ-вознаго, несмотря на то, что онъ получалъ свое утвержденіе только отъ господаря, какъ и другія, выше его стоящія по своему значенію должностныя лица повѣтовъ.

(тотъ же документъ — Ист.-Юр. Матеріалы XXXI, Акты Витебскаго земскаго суда роковъ Михайловскихъ 1592 г., стр. 23.

Глава IX.

Сеймикъ для выбора членовъ трибунала Великаго Княжества Литовскаго.

Учрежденіе трибунала Великаго Княжества Литовскаго и организація „Способомъ правъ трибунальскихъ“ выбора Литовско-Русскими повѣтами судей трибунала. Земля Жомоитская и трибуналъ Великаго Княжества Литовскаго. Введеніе сеймика для выбора членовъ трибунала и въ Жомойти. Пользованіе сеймикомъ для выбора судей трибунальскихъ шляхтою для цѣлей, не имѣвшихъ прямой связи съ главнымъ предметомъ его занятій. Такое же пользованіе имъ верховною властью. Совпаденія сеймика для выбора членовъ трибунала съ другими видами повѣтоваго сеймика. Пользованіе сеймикомъ для избранія трибунальскихъ судей лицами, вѣдавшими сборъ податковъ съ повѣтовъ, для внесенія въ сеймиковое собраніе шляхты дѣлъ по этому сбору.

Сеймикъ для выбора членовъ трибунала Великаго Княжества Литовскаго былъ въ XVI столѣтіи единственнымъ видомъ повѣтоваго сеймика, который долженъ былъ собираться регулярно, каждый годъ въ опредѣленный день. „Способъ правъ трибунальскихъ“, утвержденный 1 марта 1581 года на Варшавскомъ сеймѣ [1]), установляетъ, что, начиная съ 1582 года, „въ каждомъ воеводстве, земли и повѣте, гдѣ кольвекъ суды земскіе отправованы бываютъ“, должны собираться сеймики ежегодно „на свято Громницы“, т. е. въ день праздника Срѣтенія Господня. Въ этотъ день „вси панове рады, врядники земскіе и дворные и вся шляхта рыцерство, обыватели оного воеводства и повѣту, гдѣ хто оселость свою маетъ, зъеждчатись маютъ въ кождомъ

1) Изданъ въ XXV-ой книгѣ Временника Имп. Моск. Общества Ист. и Др. Росс. съ Мамоничскаго изданія его въ 1586 году, имѣющаго такой заголовокъ: „Трибуналъ обывателямъ Великого Князства Литовского на сойме Варшавскомъ даны року 1581“.

году и повинни будуть, а такъ, съѣхавшися, судей до тыхъ судовъ головныхъ обирати маютъ; а который бы на таковый соймикъ не прибылъ, будь съ пановъ радъ, або врядниковъ и тежъ шляхты, того ничого шкодити тому обиранью судей не маеть, але тые, которые ся съберуть, обирати маютъ" [1]). Соймикъ для выбора трибуналистовъ, соймикъ „трибунальскій", или „громничный", какъ онъ обыкновенно назывался по дню своего собранія, такимъ образомъ ничѣмъ не отличается по своему составу отъ остальныхъ видовъ повѣтоваго сеймика. Его составъ: паны-рада, земскіе и дворные урядники и шляхта, обыватели даннаго повѣта, владѣющіе въ предѣлахъ послѣдняго осѣлостями-имѣніями. Какъ и на соймикахъ остальныхъ видовъ, такъ и на этомъ, собравшіеся не ожидаютъ неприбывшихъ къ его открытію и соймикуютъ безъ нихъ — установленнаго закономъ quorum'a вообще повѣтовый соймикъ не знаетъ, и въ какомъ бы числѣ шляхта на него не собралась, она считается въ законномъ составѣ, и неприбытіе на соймикъ какого бы то ни было числа „повѣтниковъ" не лишаетъ его постановленій законной силы.

Собравшись на соймикъ въ день Срѣтенія, т. е. 2 февраля, „кождое воеводство, земля, або повѣтъ обирати маютъ и будуть повинни межи собою" двухъ членовъ трибунала, „особъ годныхъ, богобойныхъ, цнотливыхъ" [2]), свѣдущихъ въ „правахъ" и „звычаяхъ" Великаго Княжества Литовскаго, „умеетныхъ правъ трибунальскихъ и оселыхъ". Иными словами, каждый центральный повѣтъ и всѣ остальные повѣты Литовско-Русскихъ воеводствъ [3]) выбираютъ на громничныхъ соймикахъ по два трибуналиста изъ числа своихъ „повѣтниковъ". Избираемыя лица должны удовлетворять обычнымъ требованіямъ, которыя предъявляетъ законъ къ личнымъ качествамъ избираемыхъ на судебныя должности [4]), и сверхъ того должны знать „права трибунальскія". Выби-

1) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XXV. Способъ правъ трибунальскихъ. Стр. 4 5. Въ приведенной въ текстѣ выпискѣ исправляемъ „ничого" изъ „ничего" изданія.

2) Исправляемъ изъ „цноткливыхъ" изданія.

3) Объ употребленіи словъ „земля" и „воеводство" въ значеніи слова „повѣтъ" см. выше, стр. 73—74.

4) См. выше, стр. 500 и 517.

рая членовъ трибунала, повѣтовые сеймики не должны считаться съ экономическимъ или служебнымъ положеніемъ кандидатовъ; они избираютъ „кого кольвекъ, якого колвекъ стану, будь съ пановъ радъ, албо врядниковъ земскихъ, або князевъ, пановъ, шляхты, кого сами похочуть, были бы чоловѣка годного, не брагуючи особами“. Выбранныя въ судьи трибунала лица сохраняютъ свои полномочія въ теченіе года, и на смѣну имъ слѣдующіе громничные сеймики избираютъ новыхъ трибунальскихъ судей, которые ихъ смѣняютъ. Вторичное избраніе сряду не разрѣшается закономъ; „до двухъ годъ“ бывшій судьею трибунала не можетъ занять въ немъ прежнее свое мѣсто снова. Исключеніе допускается лишь въ томъ случаѣ, если сеймикъ единогласно изберетъ судью трибунала вторично и „упроситъ“ его принять это избраніе — если бы „вси одностайне згодили а, ижъ бы ся того подънялъ, сами упросили“. Если на повѣтовомъ сеймикѣ избраніе судей трибунала отъ повѣта не состоится, или избранный въ трибуналъ заболѣетъ или умретъ, то сеймикъ трибунальскій вновь въ томъ же году не собирается, и судьи, выбранные остальными повѣтами Великаго Княжества Литовскаго „вси справы оного жъ воеводства албо повѣту отправовати маютъ, а въ небытности другихъ нігчого [1]) тому шкодити не маетъ“ [2]).

Занятія громничнаго сеймика приняты закономъ подъ свою охрану [3]). На этотъ сеймикъ никто не долженъ являться „збройне, з жадными бронями и з никоторою стрельбою окромъ меча, корда, шабли и шпады“. Поэтому каждый, кто пріѣдетъ на громничный сеймикъ, долженъ, подъѣзжая къ мѣсту его собранія, „ручницы“ разрядить выстрѣломъ

1) Исправляемъ изъ „ничего“ изданія.

2) Далѣе артикулъ „Способъ обиранья судей“ переходитъ уже къ вопросамъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ дѣятельности громничнаго сеймика.

3) Артикулъ подъ заглавіемъ „Способъ безпечности соймиковъ на обиранье тыхъ судей и порядковъ прихоженья передъ тотъ судъ головный“ (въ изданіи XXV-ой книги Временника стр. 11—13). Въ этомъ артикулѣ совершенно одинаково охраняются закономъ засѣданія трибунала и сеймики, выбирающіе его судей. Ср. охрану закономъ засѣданій судовъ повѣтовыхъ — Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 279 и Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 91—94.

изъ нихъ, а затѣмъ „поховати“ въ своей квартирѣ „такъ ручницы, гаркабузы, яко и луки“. Съ ними нельзя ходить по городу, въ которомъ собрался трибунальскій соймикъ, ни днемъ, ни ночью и стрѣлять изъ нихъ тутъ воспрещено. Если кто-нибудь ранитъ „кого якою стрельбою“ въ это время, онъ подлежитъ смертной казни. Кто станетъ ходить съ огнестрѣльнымъ оружіемъ по городу во время дѣятельности громничнаго соймика, тотъ подлежитъ наказанію штрафомъ въ двѣнадцать копъ грошей, „не сходечы“ притомъ „отъ соймику“, т. е. безъ всякой судебной проволочки. Взысканіе этого штрафа производится слѣдующимъ образомъ. Гродскій урядъ того повѣта, въ центрѣ котораго отправлялся громничный соймикъ, вызываетъ провинившагося своею повѣсткою, „позвомъ“, на судебное засѣданіе черезъ двѣ недѣли, и это засѣданіе будетъ „рокомъ завитымъ“, т. е. такимъ, на которомъ рѣшеніе дѣла не можетъ быть отложено. На этомъ судебномъ засѣданіи „заразомъ, не спускаючи з местца“, если вызванный на судъ явится, съ него взыскивается его „вина“; если же онъ на судъ не явится, то эта „вина“ взыскивается на его имѣніи „кромъ вшелякое фольгки“. Кто не допуститъ гродскому уряду „отправы“, т. е. взысканія этого штрафа на своемъ имѣніи, тотъ подлежитъ уплатѣ его въ двойномъ размѣрѣ [1]).

Трибуналъ, или „судъ головный“, Великаго Княжества Литовскаго [2]) замѣнилъ собою судъ господарскій въ большинствѣ дѣлъ, которыя раньше шли въ этотъ послѣдній. Судъ господаря сохранилъ за собою лишь „артыкулы, манстатови и зверьхности“ господаря „належачые, то есть

1) О взысканіи съ нежелающаго подчиниться приговору, притомъ предвидя возможность упорнаго характера этого нежеланія, говоритъ артикулъ „Отправа таковыхъ судовъ въ речахъ осужоныхъ“ (по изданію XXV-ой книги Временника, стр. 17—21). Къ этому артикулу отсылаетъ и артикулъ подъ заглавіемъ „Способъ безпечности соймиковъ на обиранье тыхъ судей и порядковъ прихоженья передъ тотъ судъ головный“.

2) О происхожденіи и учрежденіи трибунала Великаго Княжества Литовскаго см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 181—189 и М. Н. Ясинскій, Главный Литовскій Трибуналъ, его происхожденіе, организація и компетенція (Выпускъ первый. Происхожденіе Гл. Лит. Трибунала. Кіевъ 1901). См. также разборъ послѣдняго труда, составленный М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ — Отчетъ о присужденіи премій П. Н. Батюшкова, стр. 91—148 (СПБ. 1904).

въ речахъ таковыхъ кривавыхъ, кому бы шло заразомъ о горло", также „о почстивость" и, наконецъ, „справы, столу и скарбу" господарскимъ „належачые", и дѣла „добръ" его, которыя остаются въ вѣдѣніи господарскаго суда „подлѣ статуту". Конечно господарскому же суду должны подлежать по прежнему, на основаніи Литовскаго статута, и аппелляціи отъ суда коммиссаровъ, назначаемыхъ господаремъ для разбора отдѣльныхъ дѣлъ [1]). Всѣ остальныя дѣла, которыми такъ обремененъ былъ раньше господарскій дворный или „задворный" судъ, отошли отъ него къ трибуналу, т. е. къ суду трибуналистовъ, избираемыхъ ежегодно на громничныхъ повѣтовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго. „Передъ нами, судьями головными, на трыбуналъ у Великомъ Кн[я]зьтве Литовскомъ з воеводствъ и поветовъ на сесь рокъ осмдесятъ шостый обраными", — читаемъ въ началѣ одной выписи „съ книгъ справъ судовъ головныхъ трибуналныхъ, отправованыхъ у Вилни" [2]).

---

1) Артикулъ подъ заглавіемъ „Што судити маютъ" (по изданію въ XXV-ой книгѣ Временника стр. 7 8).

2) Описаніе Рук. Отд. Вил. Публ. Библ., вып. V, Приложенія, стр. 38. Акты и декреты трибунала Великаго Княжества Литовскаго напечатаны въ XI, XII, XIII и XV томахъ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Но документы, изданные въ этихъ томахъ Виленскаго изданія, заимствованы изъ книгъ трибунала, составленныхъ лишь въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (ср. Н. Горбачевскій, Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губерній Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской . . . . . Вильна 1872, стр. 1—72). Для болѣе ранняго времени мы не имѣемъ изданнаго собранія актовъ трибунала, и отдѣльные документы, говорящіе объ его дѣятельности, разбросаны въ различныхъ изданіяхъ и рукописныхъ собраніяхъ, нпр., Лит. Метр. $\frac{I\ A}{68}$ л. л. 245 об. — 246 („Отослане до суду трыбуналского справы Василя Чапли и потомковъ Крыштофа Корнеля съ паномъ Крыштофомъ Садовскимъ и малжонкою его"; дата: Варшава, 2 декабря 1582 года), А. Вил. I, стр. 239 (1583 г.), Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. л. 198 198 об. („Декретъ пановъ Шукъштовъ з Петромъ Лавриновичомъ, братомъ ихъ стрыечънымъ, о невыделенье части именья Опитолоцъкого" — этотъ декретъ упоминаетъ предшествующее ему „всказанье трыбуналское"; самый декретъ постановили 6 ноября 1586 года въ Городнѣ подканцлеръ Княжества, староста Слонимскій, державца Марковскій и Мядельскій, панъ Левъ Сапега и при немъ господарскіе писари Княжества и дворные урядники, „на отправоване судовъ" господарскихъ „высажоные"), Лит.

Но былъ одинъ обширный повѣтъ Княжества, который нѣкоторое время не признавалъ надъ собою компетенціи Литовско-Русскаго трибунала, а стало быть, и не принималъ участія въ избраніи его членовъ, т. е. не собирался на громничные сеймики. Этимъ повѣтомъ была Жомойть. При учрежденіи въ 1581 году трибунала Великаго Княжества Литовскаго „земля Жомоитьская, якъ свои вольности и звычаи особливые мають, тогды они особливе въ земли Жомойтской, естли похочуть, певную личбу особъ на отправованье тыхъ судовъ головныхъ собе обрати мають и тымъ же порядкомъ суды свои головные у Жомойти на мѣстцу певномъ у мѣстѣ Росейняхъ, албо гдѣ ся зезволятъ, отъправовати будутъ“ [1]). Такимъ образомъ, земля Жомоитская сохранила въ 1581 году за собою право устроить у себя особый Жомоитскій трибуналъ, который бы вѣдалъ для Жомойти тѣ дѣла, которыя учрежденный въ этомъ году Литовско-Русскій трибуналъ бралъ на себя для всѣхъ остальныхъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ этомъ непризнаніи Жомоитскою землею общаго для всѣхъ остальныхъ земель Княжества высшаго аппелляціоннаго судилища, конечно, имѣемъ выраженіе взгляда шляхты этой земли на болѣе или менѣе самостоятельное значеніе „речи посполитой“ Жомоитской въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, который мы видѣли уже выше [2]) и который признается верховною властью Княжества, какъ это видно и изъ приведенныхъ сейчасъ словъ „Способа правъ трибунальскихъ“.

Однако земля Жомоитская, обезпечивъ себѣ право создать

Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. л. 213—215 („Декретъ Андрею Сулистровскому з Геліяшомъ Корсакомъ о недопущене чинить отправы водле декрету трибуналского за суму всказаную, за што того Геліяша Корсака выволано“ — этотъ декретъ выданъ судомъ короля съ панами-радою 9 мая 1584 года въ Городнѣ, а дѣло разсматривалось трибуналомъ 16 сентября 1583 года), ibidem л. л. 242—243 („Отложене на иншій часъ справы земенина Полоцкого Павла Шишчинича зъ Юремъ Котовицкимъ о упрошене подъ нимъ отчизны его въ повете Полоцкомъ“ — актъ суда пановъ-рады Княжества, которые смотрѣли дѣло „за росказаньемъ“ короля, „заседшы на прослуханье справъ“; дата акта — Городна, 15 мая 1584 года; въ актѣ упоминается трибунальскій декретъ).

1) Артикулъ „Способъ обиранья судей“ (стр. 5 въ изданіи XXV-ой книги Временника).

2) Стр. 90—91. Ср. стр. 77, прим. 2.

свой особый трибуналъ, не воспользовалась этимъ правомъ, и Жомоитскому трибуналу такъ и не удалось возникнуть. Жомойть по прежнему и послѣ учрежденія трибунала Великаго Княжества Литовскаго обращалась къ господарю съ тѣми дѣлами, которыя онъ въ 1581 году передалъ этому высшему Литовско-Русскому судилищу. Акты знаютъ примѣры такихъ обращеній, которыя создавали неудобства для господарскаго суда, освободившагося уже, какъ казалось, отъ подобныхъ дѣлъ, и нарушали систему раздѣленія судебныхъ дѣлъ, которая налаживалась съ учрежденіемъ трибунала. Или присоединеніе Жомоитской земли къ трибуналу Великаго Княжества Литовскаго, или учрежденіе ею особаго трибунала для Жомойти ожидались съ году на годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, ожидалось и начало въ ней сеймика для выбора „судей головныхъ, трибунальскихъ". До того или иного разрѣшенія Жомоитскою землею этого вопроса о трибуналѣ господарскій судъ долженъ былъ встрѣчаться съ дѣлами, которыя вносились въ него изъ Жомойти, и, не считая себя въ правѣ вторгаться въ кругъ дѣлъ, отмежеванныхъ въ 1581 году для трибунала, высказываться лишь отчасти по нимъ, откладывая „светую справедливость" въ такихъ „справахъ" до разрѣшенія вопроса о Жомоитскомъ трибуналѣ, хотя и не скрывая своего нетерпѣнія по этому поводу[1]).

1) Какъ образецъ актовъ такого содержанія можетъ быть приведенъ слѣдующій документъ. -- „Стефанъ, Божъю милостью король Полскій, [великій князь Литовскій]. Слухали есмо справы съ паны радами нашими, на тотъ часъ при насъ г[о]с[по]д[а]ри будучими. Жаловали съ позву земяне наши земли Жомоитское Миколай а Янъ Петровичы Довъкгяловича на врадниковъ нашихъ судовыхъ земъскихъ земли Жомоитское, на Казимера Яновича Орвида — судью, на Кришътофа Яновича Белевича — подсудъка, на Адама Рустейковича — писара, такъ тежъ на маршалъка нашого, тивуна въ земли Жомоитской Ретовъского, урожоного Марка Внучъка о томъ, ижъ дей тотъ судъ нашъ земъскій, еще почавъшы отъ року тисеча пятсотъ семъдесятъ четвертого, за позвы земъскими Жомоитскими з маршалъка нашого, тивуна въ земли Жомоитской Ретовъского Марка Внучъка о именье, у волости Крожской лежачое, названое Покрожонты, о челядь неволную, о люди тягълые и данъники и до того часу справедливости имъ не чынить, якожъ дей и въ року теперешънемъ осмъдесятъ четверътомъ о Светой Тройцы, святе Рымъскомъ, кгды имъ рокъ за позвы земъскими з Маркомъ Внучъкомъ

Но прошли цѣлыхъ семь лѣтъ, пока вопросъ о трибуналѣ для Жомойти получилъ свое окончательное разрѣшеніе. Можно предположить, что на направленіе, въ которомъ послѣдовало его разрѣшеніе, повліяли какъ сознаніе труд-

---

передъ судъ ихъ припадалъ, отъ початья роковъ пятого дня водлугъ реестру, м[е]с[е]ца іюня первого дня, коли они Марка Внучъка до права волали, судъ дей земъскій Жомоитскій, за нестаньемъ Марка Внучъка выслухавъшы всее справы ихъ по достатъку, до дня завътрешънего, суботы м[е]с[е]ца іюня второго дня на вырокъ собе взяли; то пакъ дей, по выслуханью оное справы ихъ и отъложенью ее до завътрея того жъ дня, кгды Марко Внучокъ пріехалъ, они повторе ихъ ку справе прыступовати прымусили, менуючы быть пятый день роковъ за третій. Которая то жалоба ихъ шырей на позве описана и доложона естъ. На которую жалобу ихъ врадъ нашъ судовый земъли Жомоитское черезъ умоцованого своего Рафала Заневъского, а маршалокъ нашъ, урожоный Марекъ Вънучокъ самъ особою своею, отказъ чынечы, тотъ рокъ и позовъ бурыли, поведаючы, ижъ они на тотъ позовъ нашъ дворный отъказовать не естъ повинни, кгдыжъ дей мы г[о]с[по]д[а]ръ, вси таковые справы зложывъшы зъ себе и на судъ головъный трыбуналскій отославъшы, по всихъ воеводствахъ и поветахъ въ панъстве нашомъ, Великомъ Князстве Литовъскомъ, объявили, же такіе справы не за дворомъ нашимъ, до суду головъного ити маютъ, што показывалъ, ижъ въ трыбунале естъ описано и рокъ земли Жомоитской ку отъправованью судовъ головъныхъ трибуналскихъ естъ помененъ. Сторона поводовая на то поведила, же еще и до того часу, якъ се тые суды трибуналскіе у Великомъ Князстве Литовъскомъ зачали, въ земли Жомоитской николи сужоны не были и съ тыхъ прычынъ, не могучы собе зъ судомъ земскимъ Жомоитскимъ справедливости довести, за дворомъ нашимъ позвати мусели, и просили, абы тая справа на дворе нашомъ была сужона. Мы, г[о]с[по]д[а]ръ, выслухавъшы мовенья обу-дъвухъ сторонъ и намовивъшися въ томъ съ паны радами нашими, а хотяжъ бачили есмо то, же справедливость светая яко естъ речъ передъ Богомъ вдячъная, такъ тежъ кажъдому мела быти безотъволочъне чинена, але, ижъ за прозбою всихъ становъ Великого Князства Литовъского, зложившы мы г[оспо]д[а]рь з особы нашое, таковые суды на трыбуналъ есмо вложыли и сеймовою уфалою ствердили, про то и тую справу, на сесь часъ не конъчечы ее на дворе нашомъ, одослали есмо до трыбуналу, ведже подъ тымъ способомъ, ижъ, если бы обыватели земли Жомоитское на Громъницы близко пришълые въ року осмъдесятъ пятомъ и на тотъ четвертый рокъ судей головъныхъ на трибуналъ не обрали и водлугъ науки, въ трыбунале описаное, въ томъ не заховали се, яко то по тые тры годы учинили, тогды вжо такъ тая справа, яко и вси инъшіе на дворе нашомъ за позвы дворными и за апеляцыями отъ судовъ кгродскихъ, земъскихъ и подкоморскихъ рокъ и роки мети будутъ, и мы, г[о]с[по]д[а]ръ, съ паны радами нашими таковые суды и справы на

пости организаціи особаго трибунала для Жомойти, который потребовалъ бы значительнаго числа трибуналистовъ отъ одной земли и кромѣ того особаго состава канцеляріи для нихъ, такъ и пережитое послѣ смерти Стефана Баторія безкоролевье, показавшее значеніе единства всего Великаго Княжества Литовскаго, въ его организаціи какъ сплоченнаго „панства", для достиженія исполненія его государственныхъ требованій въ соединенномъ Уніею Польско-Литовскомъ государствѣ[1]). Создавать новый оплотъ сепаратизма для „речи посполитой" Жомойти отъ „речи посполитой" всего Великаго Княжества Литовскаго, каковымъ явился бы особый Жомойтскій трибуналъ, при такихъ условіяхъ было невыгодно. Къ началу царствованія Сигизмунда III-го земля Жомойтская рѣшила присоединиться къ общему для всего Великаго Княжества Литовскаго трибуналу, и это присоединеніе было утверждено Сигизмундомъ III-мъ на коронаціонномъ сеймѣ. Въ текстѣ листа, даннаго Сигизмундомъ III-мъ 1 февраля 1588 года на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, читаемъ: „а ижъ земъля Жомойтская, которая была одержала особные суды трибуналскіе, але ихъ до того часу не ужывала, тогды до трибуналу Великого Князства

дворе нашомъ судити и отъправовать будемъ, забегаючы тому, абы люди укривъжоные конецъ справедливости светое безотъволочъне мети могли. А ижъ умоцованый суду земъского, такъ же и сторона, урожоный Марко Внучъко, домавъляли се винъ, въ статуте и въ трыбунале описаныхъ, тогъды мы, бачечы, же Миколай а Янъ Довъкгяловичы, маючы такъ долгую проволоку у справедливости и не могучы где инъдей позвати, кгдыжъ трыбуналу въ земли Жомойтской и до сего часу не было и теперъ нетъ, до насъ, г[о]с[по]д[а]ра, позвать мусели, тогъды есмо то вырокомъ нашимъ нашъли и сказали, же они подъ тые вины, въ статуте и въ трибунале описаные, не подлегають и стороны позваные тыхъ винъ на нихъ такъ въ праве земскомъ, яко тежъ и въ трибуналу доходить и поисkивати не мають. Што естъ для памети до книгъ нашихъ г[о]с[по]д[а]ръскихъ канъцлерейскихъ записано. Писанъ у Городне, лета отъ Нароженья Сына Божого тисеча пятсотъ осмъдесятъ четвертого, м[е]с[е]ца ноября двадцать четвертого дня. Левъ Сапега, писар[ъ]". Лит. Метр. $\frac{I\ A}{68}$ л. л. 351 об. — 352 об. („Отослане до трыбуналу справы земянъ Жомойтскихъ Довкгяловичовъ з Маркомъ Внучкомъ о имене Покрожонты"). Тотъ же документъ — Лит. Метр. $\frac{II\ A}{61}$ л. л. 330 об. — 332.

1) Ср. выше, стр. 258—259.

Литовского приступила, и мы имъ того позваляемъ, и ижо депутаты, которыхъ они прикладомъ инишихъ воеводствъ по три на кождый годъ обрати мають, споломъ з другими завжды заседати и суды всй порадкомъ своимъ [судити] и отправовати мають“ 1). Этотъ листъ Сигизмунда Вазы, представляющій собою подтвержденіе исполненія требованій, предъявленныхъ ему Великимъ Княжествомъ Литовскимъ при его короновании, полагалъ, такимъ образомъ, начало и громничному сеймику въ землѣ Жомоитской, которая на общихъ для всѣхъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ основаніяхъ стала выбирать своихъ членовъ трибунала Великаго Княжества Литовскаго, какъ она стала вносить теперь и свои „справы“ въ это высшее судилище Литовско-Русскаго „панства“ 2).

Итакъ, съ начала царствованія Сигизмунда Вазы свои громничные сеймики отбывали уже всѣ безъ исключенія

---

1) Этотъ документъ — Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. л. 277 об. — 278 об. Настоящій листъ Сигизмунда III-го изданъ въ VIII-омъ томѣ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ (стр. 262—263) по тексту записи его въ Виленскія гродскія книги, сдѣланной 8 августа 1593 года. Въ книги эти онъ былъ представленъ въ видѣ „видимуса“ изъ канцелярейскихъ книгъ за печатью Великаго Княжества Литовскаго и за подписью подканцлера (панъ Габріель Война) отъ имени земскаго подскарбія Княжества, пана Деметра Халецкаго съ Хальча, его служебникомъ, паномъ Яномъ Зерчинскимъ. Самый „видимусъ“ во вступленіи своемъ (передъ текстомъ самаго листа) говоритъ, что выдачею его исполняется просьба земскаго подскарбія Халецкаго „о выданье ему видимусу съ книгъ канцеляріи“ Сигизмунда III-го „привилею потверженья отъ“ него „постановенья становъ Великого Князства Литовского, на щасливой коронаціи“ его „даного“. Выданъ Халецкому этотъ „видимусъ съ книгъ канцелярійскихъ“ былъ 10 мая 1593 года. Въ этомъ же листѣ Сигизмунда III-го находится и утвержденіе измѣненія распорядка сессій Литовско-Русскаго трибунала. Тотъ же документъ изданъ въ IV-мъ томѣ Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи (№ 3). Одновременно съ присоединеніемъ къ трибуналу Великаго Княжества Литовскаго Жомоитская земля получила отъ Сигизмунда III-го и подтвержденіе нѣкоторыхъ правъ, гарантирующихъ ей отдѣльныя стороны ея особаго положенія въ Княжествѣ (А. З. Р. IV, № 2).

2) Примѣры указаній источниковъ на обращенія къ трибуналу Великаго Княжества Литовскаго со стороны земли Жомоитской — Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 35 (№ 268) — 25 іюня 1588 года (аппелляція); ibidem, стр. 44 (№ 115) — 29 мая 1589 года (передача трибунальскихъ позвовъ); ibidem, стр. 74 (№ 438) — 8 іюля 1589 года (аппелляція); и рядъ другихъ въ томъ же и слѣдующихъ выпускахъ Описи.

повѣты Великаго Княжества Литовскаго. Но этими сеймиками, какъ и другими своими собраніями [1]), повѣтовая шляхта пользовалась и для цѣлей, не имѣвшихъ ничего общаго съ тою главною цѣлью, ради которой они созывались, т. е. съ выборомъ членовъ трибунала. Такъ, шляхта Волковыйскаго повѣта составила на своемъ громничномъ сеймикѣ 1586 года такого содержанія листъ къ двумъ другимъ повѣтамъ своего Новгородскаго воеводства: „Велможные а наймилостивые панове, урядники земскіе и кгродскіе, рыцерство все, обывателе воеводства Новгородского и повету Слонимского! Паномъ а брати нашой милостиве ласкавымъ. Ознаймуемы вашимъ милостямъ и до ведомости доносимъ о припадку, который се сталъ де у насъ въ повете Волковыскомъ, намъ усимъ барзо жалоснымъ, ижъ Сила Михайловичъ Скроботъ з многими помочниками своими и немалымъ оршакомъ татаръ Новгородскихъ, з н[е]н[е]зи нанятыхъ, наехавши моцно кгвалтомъ на домъ шляхтица, въ повете Волковыскомъ оселого, именемъ пана Миколая Кременского, самого, соломою въ дому обволокшы, запалилъ и моцю его добылъ, а, добывши, ганебне зранившы, змордовавшы и звезавшы, з собою его взялъ и сына его летъ недорослого, именемъ Миколая, а внука своего, также звезавшы, з собою взялъ и не ведати где того пана Кременского з сыномъ его поделъ; а жону пана Кременского и матку его, съ того дому ихъ обобравшы и зелживость имъ учинивши, з дому выгналъ и маетность всю пана Кременъского на возы, которіи зъ собою колкодесятъ возъ тотъ Сила Скроботъ спососбивши, въ тотъ часъ забралъ. А ижъ тотъ Сила Скроботъ не поеднокроть наезды на домы шляхецкіе чинить и на иншихъ братю нашу еще похваляеть, будучи чоловекомъ неоселымъ, держемы то о ласце и милости в[ашихъ] м[и]л[остей], нашихъ милостивыхъ пановъ и брати, ижъ в[аши] м[и]л[ости], посполу того з нами жалуючы, тому забеганью обмышляти будете рачили, яко бы се такое своволенство и морды погамовать могли, а злочинцы караны были“ [2]).

1) См. ниже, главы X и XI.

2) Вил. Центр. Архивъ, № 7866 (Слонимскаго гродскаго суда 1583—1586 г. г.), л. л. 364 об. — 365. Вслѣдъ за приведенными нами въ текстѣ словами въ книгѣ стоитъ: „зачим бы каждый з нас здоровя

Приведенный сейчасъ документъ показываетъ, какъ пользовалась повѣтовая шляхта громничнымъ сеймикомъ для своихъ коллективныхъ выступленій отъ имени повѣта, не имѣющихъ ничего общаго съ выборомъ трибуналистовъ. Но сохранились документы, рисующіе и пользованіе верховною властью этимъ сеймикомъ, ежегодно въ опредѣленное время отбывавшимся Литовско-Русскою шляхтою, для сношеній съ повѣтами Княжества, обыватели которыхъ собрались на день Громницъ для выбора своихъ депутатовъ въ трибуналъ. Примѣръ такихъ документовъ мы можемъ, однако, привести лишь изъ актовъ XVII столѣтія. Въ актовыхъ книгахъ Берестейскаго земскаго суда за 1634 годъ встрѣчаемъ „листъ згодного постановенья отъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ, дигнитаровъ, урядниковъ и всего рыцерства, обывателовъ воеводства Берестейского, па соймику теперешнемъ громничномъ сталый“ [1]). Изъ этого „листа“ узнаемъ, что, когда повѣтовые обыватели Берестейскаго повѣта собрались 2 февраля 1634 года на свой громничный сеймикъ для выбора судей трибунала, на этотъ же сеймикъ прибылъ и королевскій посолъ, который по данной ему инструкціи „negotia Reipublicae, sobie od iego królewskiey mości commissa, dość luculenter retulit et omnes Reipublicae necessitates enumeravit“. Господарскій посолъ принесъ отъ короля приказаніе избрать повѣтовыхъ пословъ на созываемый на 2 марта 1634 года съѣздъ въ Вильнѣ „ad capescenda consilia“. Въ исполненіе этого приказанія Берестейскій громничный сеймикъ избралъ двухъ своихъ пословъ [2]) и далъ имъ „plenariam et absolutam potestatem“, разрѣшилъ „ex nunc“ три побора, выбралъ повѣтоваго поборцу [3]) для ихъ сбора и на-

---

своего“. Этими словами оканчивается оборотъ листа 364. Слѣдующій, т. е. 365-й, листъ книги сильно истлѣлъ. Приводимъ конецъ документа, обозначая точками истлѣвшія мѣста: „дан з Волковыска ..... раню судей головных трибуналских, м[е]с[е]ца февраля .... тисеча пятьсотъ осмъдесятъ шостого ... печатей притисненыхъ обывателевъ повету Волковыского .... неных трицат шесть а подпис рук подписаных их .... писмом полским девет а другимъ писмом тры тыми .... саны“. Далѣе слѣдуютъ подписи.

1) А. Вил. II. Стр. 169—171.

2) Городенскій подкоморій, князь Григорій Масальскій и панъ Еронимъ Еленскій.

3) Подсудокъ Берестейскій, панъ Теодоръ Станиславъ Букраба.

значилъ день для ихъ уплаты. Если потребуется, то Берестейскій сеймикъ согласенъ еще на другіе поборы, въ случаѣ желанія предстоящаго Виленскаго съѣзда ихъ установить, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы назначеніе поборцевъ не было сдѣлано на съѣздѣ, но было бы оставлено до реляційнаго, т. е. посъѣздоваго сеймика. Заканчивается это постановленіе Берестейскаго громничнаго сеймика 1634 года порученіемъ двумъ его участникамъ представить къ внесенію въ земскія Берестейскія книги настоящее постановленіе вмѣстѣ съ именами трибуналистовъ, избранныхъ тѣмъ же сеймикомъ [1]). Такимъ образомъ, громничный сеймикъ поручилъ двумъ лицамъ изъ среды сеймикующихъ представить на одномъ листѣ въ земскія книги и свои постановленія, сдѣланныя въ отвѣтъ на сообщенное сеймику господарскимъ посломъ, и актъ избранія своихъ трибуналистовъ. Это указаніе на внесеніе въ повѣтовыя книги именъ лицъ, избранныхъ сеймикомъ въ составъ судей трибунала, надо думать, должно быть принято и для болѣе ранняго времени — внесеніе въ книги земскаго или гродскаго повѣтоваго уряда было обычнымъ способомъ, который примѣнялся для сохраненія всякаго документа въ эпоху послѣ введенія повѣтовыхъ судовъ съ ихъ книгами, имѣвшими и судебное, и нотаріальное значеніе [2]).

Въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ мы имѣемъ образецъ пользованія громничнымъ сеймикомъ верховною властью для сообщенія повѣтовой шляхтѣ дѣлъ предстоящаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго. Регулярность созывовъ громничныхъ сеймиковъ дѣлала удобнымъ пользованіе ими для того, чтобы, не созывая особыхъ собраній

---

1) „Zatem te zgodne i iednostayne postanowienie nasze zamykaiąc, użyliśmy s koła naszego jegomość pana Jarosza Skindera i jegomość pana Jana Roszetarskiego, aby ichmościowie naśi tak tę zgodę naszę, iako też i to, żeśmy na sądy główne trybunalne iego królewskiey mości kniazia Jana Szuyskiego, chorążego Brzeskiego, i iegomość pana Maxymiliiana Kaleczyckiego na rok teraznieyszy tysiąc sześćset trzydziesty czwarty obrali, do xiąg ziemskich Brzeskich donieść raczyli“. Далѣе слѣдуютъ дата и подписи. Инструкція посламъ Берестейскаго громничнаго сеймика на Виленскій съѣздъ внесена въ ту же земскую книгу Берестейскаго повѣта двадцатью листами выше и напечатана въ томъ же II-мъ томѣ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ (стр. 167—169).

2) См. выше, стр. 114—115.

Литовско-Русской повѣтовой шляхты, входить съ нею въ сношенія именно на этихъ сеймикахъ. Можно предположить и возможность сознательнаго выбора верховною властью въ приведенномъ выше примѣрѣ дня для Виленскаго съѣзда съ такимъ расчетомъ, чтобы для подготовки этого съѣзда можно было воспользоваться громничными сеймиками Великаго Княжества Литовскаго. Такимъ образомъ, въ данномъ примѣрѣ мы имѣемъ случай совпаденія съ громничнымъ сеймикомъ сеймика предсъѣздоваго. Но громничные сеймики могли совпадать и съ сеймиками предсеймовыми, въ тѣхъ случаяхъ, когда вальные сеймы были созываемы на первые числа марта и предсеймовые сеймики, въ силу требованія Литовско-Русскаго закона предваряющіе ихъ четырьмя недѣлями, должны были отбываться въ первыхъ числахъ февраля. Примѣръ такого совпаденія имѣемъ въ 1590 году, когда вальный сеймъ былъ созванъ на 8 марта [1]). Повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго были созваны на 1 февраля и совпали, такимъ образомъ, съ сеймиками громничными. Полоцкій сеймикъ этого созыва продолжался четыре дня, т. е. 1-го, 2-го, 3-го и 4-го февраля [2]), Минскій — не менѣе трехъ дней [3]); сеймики другихъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ также, конечно, не окончили въ одинъ день своего дѣла по подготовкѣ предстоящаго сейма и слились, слѣдовательно, съ сеймиками громничными, которые, согласно „Способу правъ трибунальскихъ“, должны были открываться 2 февраля каждаго года. Изъ одного документа, имѣющаго отношеніе къ Полоцкому сеймику этого созыва [4]), узнаемъ, что на этомъ сеймикѣ, въ продолженіе

1) „Proinde rex postquam Revalia rediit comitia pro 8 martii anni 1590 indixerat, et literis ad particulares conventus omnes cives et subditos ad ferendam opem et consilio juvandam patriam invitabat“. Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII. Francofurti ad Moenum MDCLXXII. P. 289 (liber nonus). Конституція этого сейма датирована 19-мъ апрѣля — Volumina Legum, tom II (Petersburg 1859), str. 319. О Польскихъ сеймикахъ послѣ этого сейма см. Adolf Pawiński, Rządy Sejmikowe, str. 351.

2) См. ниже, примѣчаніе 4 къ настоящей страницѣ.

3) См. ниже, примѣчаніе 1 къ стр. 540.

4) „Року [15]90, м[е]с[е]ца февраля 10 дня. Писалъ и присылалъ до враду кгродского замку г[о]с[по]д[а]рьского Менского, до мене, Яна Петрашковича, подстаростего Менского, земенинъ г[о]с[по]д[а]рьскій вое-

трехъ дней, господарскій Полоцкій земянинъ и шафаръ Полоцкаго повѣта, панъ Ярошъ Остафьевичъ Корсакъ „упоминалъ се“ у земскаго поборцы Полоцкаго воеводства, пана Романа Реута, чтобы послѣдній на настоящемъ

водства Полоцкого, панъ Ярошъ Остафъевичъ Корсакъ, оповедаючы передо мною на враде тыми словы, ижъ дей въ року теперъ идучомъ тисеча пятсотъ деветдесятомъ, по соймику и зъездe всихъ обывателей воеводства Полоцкого, который соймикъ отъ его королевское милости былъ зложонъ м[е]с[е]ца февраля первого дня, я передъ его милостью ясневелможнымъ паномъ, паномъ Миколаемъ Монвидомъ Дорогостайскимъ, воеводою Полоцкимъ, а передъ дыкнитарми, врадники земскими, черезъ тотъ увесь соймикъ, почавшы второго, третего, четвертого дня того м[е]с[е]ца февраля упоминалъ се есми въ пана поборцы земского воеводства Полоцкого, пана Романа Ревута, абы онъ на томъ соймику, который былъ теперъ передъ соймомъ валнымъ отъ его к[о]р[олевское] милости зложонъ, з выбраныхъ поборовъ личбу достаточную учынилъ и мне, шафарови того воеводства Полоцкого, п[е]незы поборовые вси отдалъ и ведымымъ мене въ томъ учынилъ, если онъ самъ поборца водле универсалу заховалъ въ подаваню на спозыване до враду тыхъ недбалыхъ, которые побору, на сойме уфаленого, до него не отдали; такъ же и самъ суму, которая мне отъ пана поборцы по Светомъ Михайле, Рымскомъ святе, у чотыры недели была дана, ознаймить есми былъ готовъ; нижли панъ поборца черезъ вси тые тры дни личбы достаточное не учынилъ, одно, показавшы реестру первей по Михайле Светомъ въ чотыры недели до мене отъ него передъ врадниками земскими отданое сумы, тотъ реестръ съ квитами, которые отъ пановъ шляхты пры взятю побору собе даные маеть, корыкговалъ, которы реестръ съ тыми квитами не естъ зъгодны, а надъ то ни якой личбы од одобраныхъ поборовъ не чынилъ и мне, шафарови того воеводства Полоцкого, ни якое ведомости не далъ, если ему вси обыватели тотъ поборъ, на сойме уфалены, отдали, чы ли за неотданемъ побору недбалого водле универсалу соймового до враду на спозыване отдалъ, зачымъ я, не маючы ведомости о томъ отъ пана поборцы земского, пана Романа Ревута, пыталомъ враду кгродского Полоцкого — пана Якуба Семашка наместника Полоцкого а пана Павла Кгодачевского суди, пана Миколая Подборского писара, врадниковъ судовыхъ кгродскихъ Полоцкихъ, — абы мене о томъ, если кого изъ обывателей-шляхты воеводства Полоцкого, маючи отъ пана поборцы собе на врадъ на спозыване отданыхъ, о не отданыхъ побор[ахъ] позывали; нижли и врадники кгродскіе на тотъ часъ мене ведомымъ въ томъ учынить не хотели, поведаючы то, ижъ мы того чынить тобе не повинни — пытай собе поборцы земского, пана Романа Ревута. Затымъ я, обаваючы се, абыхъ самъ вины, въ универсале соймовомъ описаной, не подлегалъ съ тое прычыны, ижъ, не маючы отъ пана поборцы земского, пана Романа Реута, ведомости — хто вжо до него тотъ поборъ отдалъ, кого не далъ, такъ же отъ враду — кого бы врадъ кгродскій о поборъ за отданемъ на спозыване отъ по-

сеймикѣ далъ отчетъ въ выбранныхъ поборахъ и передалъ собранныя деньги Корсаку, какъ шафару Полоцкаго воеводства, а также далъ бы свѣдѣнія о томъ, соблюдалъ ли онъ требованія побороваго универсала о взысканіи этого побора. При этомъ самъ Корсакъ выражалъ готовность объявить ту сумму, которая была передана ему Реутомъ черезъ четыре недѣли послѣ дня св. Михаила. Однако Реутъ въ продолженіе трехъ дней сеймика отчета не далъ, а лишь показалъ реестръ суммы, переданной имъ Корсаку передъ Полоцкими земскими урядниками черезъ четыре недѣли послѣ дня св. Михаила. Но этотъ реестръ оказался расходящимся съ „квитами“ отдѣльныхъ шляхтичей при внесеніи ими побора. Кромѣ реестра Реутъ не представилъ Корсаку никакого отчета и не сообщилъ ему: 1) всѣ ли Полоцкіе обыватели выдали ему постановленный сеймомъ поборъ и 2) какъ онъ передалъ не выплатившихъ этого побора повѣтовому уряду для вызова ихъ передъ него къ отвѣту, чего требуетъ универсалъ сеймовый. Не получивъ всѣхъ этихъ свѣдѣній отъ поборцы, Корсакъ запросилъ Полоцкихъ гродскихъ урядниковъ, т. е. намѣстника воеводы и гродскихъ судью и писаря, о выдачѣ ему свѣдѣній о томъ, кого изъ шляхты Реутъ передалъ Полоцкому гродскому уряду для вызова передъ него и для взысканія побора. Однако и гродскіе урядники отказали ему

борцы о поборъ позывалъ, а кого не позывалъ, ихъ самихъ, то естъ поборцы и враду кгродского, до трыбуналу позывать не могуть. А кгды се соймикъ докончылъ, я тое оповедане мое на пана поборцы земского, пана Романа Реута, и на врадъ кгродскій Полоцкій вжо по соймику томъ заразъ, того жъ м[е]с[е]ца февраля пятого дня, передъ его милостью ясневелможъным панóмъ Миколаемъ Монвидомъ Дорогостайскимъ, воеводою Полоцкимъ, самъ черезъ себе чынилъ и просиломъ его милости пана воеводы того дня пятого, а потомъ и шостого и семого дня м[е]с[е]ца февраля, абы тое оповедане мое до книгъ кгродскихъ записать росказать рачылъ; ижли его милость оповеданя моего прынять и до книгъ записать росказать не рачылъ. Про то деӣ я съ тымъ оповеданемъ моимъ тутъ до вашей милости, враду кгродского воеводства Менского, посыламъ и прошу, абы тое оповедане мое до книгъ кгродскихъ Менскихъ записано было. Што естъ записано и выписъ выданъ“. Вил. Центр. Арх. № 11765. Л. л. 438 об. — 439 об. Ср. „Warunek wybierania poborow“ въ побоpовомъ универсалѣ 1589 года — Volumina Legum, tom II (Petersburg 1859), str. 302—303. Имена поборцевъ и шафаровъ этого побора — ibidem, str. 303—304.

въ просимыхъ имъ свѣдѣніяхъ, заявляя, что они не должны ему ихъ давать, пусть онъ спрашиваетъ самого поборцу Реута. Корсакъ, въ виду всего этого боясь попасть подъ наказаніе, которымъ грозитъ сеймовый универсалъ назначеннымъ сеймомъ сборщикамъ этого побора и его шафарамъ въ случаѣ ихъ неисправности, сразу послѣ окончанія сеймика сдѣлалъ Полоцкому воеводѣ заявленіе, направленное противъ Реута и Полоцкаго гродскаго уряда, и просилъ воеводу цѣлыхъ три дня (5-го, 6-го и 7-го февраля), чтобы онъ приказалъ это изложенное нами его заявленіе внести въ книги своего уряда. Воевода Полоцкій, однако, отказалъ Корсаку въ его просьбѣ, почему онъ и долженъ былъ обратиться съ нею къ гродскому уряду сосѣдняго Минскаго воеводства, который и внесъ это заявленіе въ свои книги, а также выдалъ ему и выпись его.

Пересказанный документъ говоритъ не только о совпаденіи громничнаго сеймика съ сеймикомъ предсеймовымъ, но и о пользованіи имъ повѣтовымъ шафаромъ для того, чтобы на немъ, предъ собравшеюся шляхтою повѣта и его урядниками, поднять дѣло объ уплатѣ побора, наложеннаго на повѣтъ предшествующимъ сеймомъ, а также чтобы заявить о представляющихся ему неправильными дѣйствіяхъ, въ данномъ случаѣ поборцы, назначеннаго сеймомъ. Появленіе на повѣтовыхъ сеймикахъ дѣлъ по сбору податковъ и жалобъ на дѣйствія оффиціальныхъ лицъ повѣта было обычнымъ явленіемъ вообще на сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго; на этомъ намъ еще придется остановиться ниже, при изученіи организаціи повѣтоваго сеймика.

Подобно Полоцкому февральскому сеймику 1590 года, и другіе одновременно съ нимъ собравшіеся повѣтовые сеймики Литовско-Русскіе имѣли дѣло съ вопросами по сбору побора, установленнаго Варшавскимъ сеймомъ 1589 года. Въ источникахъ намъ удалось встрѣтить указаніе на поднятіе этихъ вопросовъ на сеймикѣ Минскомъ[1]). На этотъ

1) „Лета отъ Нароженья Сына Божъего тисеча пятьсотъ девятдесятого м[е]с[е]ца февъраля третего дня. На рочкохъ судовыхъ кгродскихъ Меньскихъ февъралевыхъ, передъ нами, Яномъ Петрашковичомъ — подстаростимъ, Шыманомъ Матеевичомъ — судьею, а Алекъсандромъ Мацкевичомъ — писаромъ, врадниками кгродскими Менскими, будучыми отъ велможного пана его милости, пана Дмитра Скумина Тишкевича,

сеймикъ явился шафаръ Минскаго воеводства, князь Янъ Горскій, чтобы вмѣстѣ съ Минскими урядниками выслушать отчетъ поборцевъ Минскаго, Мозырскаго и Рѣчицкаго повѣтовъ. Шафаръ имѣлъ въ виду кромѣ того сообщить

маршалка его к[о]р[олевское] милости, старосты Менского, писара староствъ и волостей украинныхъ Руских, становечы се очевисто, его м[и]л[ость] князь Янъ Горскій, шафаръ его королевъское милости п[е]н[е]зей поборовыхъ, зъ сойму теперешнего прошлого Варшавъского у воеводстве Меньскомъ установленымъ универсаломъ сеймовымъ упевненый, оповедалъ тымъ способомъ, ижъ дей я, заховуючы се водлугъ науки, въ универсале описаное, пріехалемъ тутъ до замъку г[о]с[по]д[а]рьского Менского на сеймикъ, который естъ черезъ листъ его королевъское милости зложонъ на день сегоднешній, первый м[е]с[е]ца февраля въ року теперешънемъ деветдесятомъ, для слуханя личбы зъ ихъ милостьями паны дыкгнитары воеводства тутошнего Меньского пановъ поборцовъ, зъ сойму теперъ прошлого Варшавъского установленыхъ, меновите у воеводстве Менскомъ пана Григоря Макаровича, у повете Мозырскомъ пана Стефана Ловейка, — у повете Речыцскомъ пана Алекъсандра Юдрыцского, и хотечи то ихъ милостьямъ паномъ дыкгнитаромъ оповедати, якъ много мне отъ пановъ поборцовъ на рокохъ, въ универсале описаныхъ, тыхъ п[е]н[е]зей поборовыхъ дошло водлугъ квитовъ, отъ нихъ даныхъ. Которые тые квиты передъ нами на враде за печатьми пановъ поборцовъ и съ подписомъ рукъ ихъ показывалъ, въ которыхъ квитехъ кождый панъ поборца ознаймуеть, якъ много на которомъ року тыхъ п[е]н[е]зей до его милости пана шафара отъдали, то естъ меновите показовалъ квитъ поборцы воеводства пана Григоря Макаровича за печатью и съ подписомъ руки его, подъ датою року осмъдесятъ девятого м[е]с[е]ца октебра осмого дня, ижъ на томъ першомъ року водлугъ универсалу отъдалъ до его милости пана шафара п[е]н[е]зей поборовыхъ з воеводства Меньского всего сумою тисечу копъ, сто копъ и осмъдесятъ копъ грошей и грошей шестнадцать и п[е]н[е]зи два; другій квитъ — поборцы повету Речыцского, пана Алекъсандра Юдыцского, подъ датою року осмъдесятъ девятого м[е]с[е]ца ноября двадцать шостого дня, въ которомъ ознаймуеть, ижъ на першомъ року водлугъ универсалу отдалъ до его милости князя Яна Горского, шафара его королевское милости, п[е]н[е]зей поборовыхъ съ повету Речыцского всего сумою шестсотъ копъ грошей личбы и монеты литовъское; третій квитъ — поборцы Мозырского, пана Стефана Ловейка, въ которомъ ознаймуеть, ижъ на тотъ же часъ на першомъ року водлугъ универсалу отдалъ до его милости пана шафара съ поборовъ Мозырскихъ, то естъ всего сумою чотырыста копъ и осмъдесятъ копъ грошей; четвертый квитъ — пана Григоря Макаровича, поборцы воеводства Меньского, подъ датою року деветдесятого м[есе]ца февраля третего дня, ижъ на другомъ року водлугъ универсалу отдалъ до его милости пана шафара съ поборовъ воеводства Меньского всего сумою тисечу копъ грошей и сто копъ грошей личбы литовское; квитъ пана Алекъсандра Юдрыц-

урядникамъ, сколько онъ получилъ поборовыхъ денегъ отъ поборцевъ повѣтовъ Минскаго воеводства. Но часть земскихъ урядниковъ Минскаго воеводства на сеймикъ не пріѣхала; тѣ же, которые пріѣхали, отказались слушать отчетъ о сборѣ побора поборцами, хотя шафаръ и ожидалъ въ продолженіе всѣхъ трехъ дней сеймика. Въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ ограничиться только внесеніемъ въ гродскія Минскія книги заявленія объ этомъ вмѣстѣ съ итогами собраннаго поборцами.

Пересказанные документы говорятъ какъ о соединеніи съ громничнымъ сеймикомъ сеймиковъ другого назначенія, такъ и о введеніи въ кругъ его занятій предметовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ цѣли его собранія. Но это послѣднее было обычнымъ явленіемъ при сеймикованьѣ вообще, и намъ еще придется остановиться на немъ подробнѣе ниже [1]).

ского, поборцы повету Речыцского, ижъ на другомъ року водлугъ универсалу отдалъ съ поборовъ повету Речыцского до его милости пана шафара осмъдесятъ копъ и чотыры копы грошей и грошей двадцать деветь, п[е]н[е]зи два. На которомъ томъ помененомъ соймику его милость князь Янъ Горскій, шафаръ его к[о]р[олевское] милости, дня первшого, другого и третего становилъ и пилность черезъ весь сеймикъ чынилъ, нижли ихъ милость панове дыкгнитары на тотъ сеймикъ все не з[ъ]ехали се, а хотя жъ некоторые и прыбыли, нижли помененыхъ поборцовъ слухать въ чыненю личбы не хотели. И просилъ его милость князь Янъ Горскій, абы тое оповедане его и пилность его до книгъ кгродскихъ Менскихъ записано было, што естъ записано". Вил. Центр. Архивъ, № 11765. Л. л. 474 об. — 475 об. Ср. поборовый универсалъ Варшавскаго сейма 1589 года. Volumina Legum. Tom II (Petersburg 1859). Str. 296—304.

1) Глава X.

Глава X.

Внутренняя организація Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика.

Составъ сеймикующихъ. Необходимость принадлежности къ повѣтовому шляхетству для права участія въ занятіяхъ соотвѣтствующаго сеймика. Вопросъ объ участіи въ сеймикованьѣ повѣтовыхъ шляхтичей, принадлежавшихъ къ „стану духовному“. Должностныя лица въ составѣ сеймикующихъ. Отношеніе привилеевъ на уряды къ участію въ сеймикованьѣ должностныхъ лицъ, которымъ они выдавались. Участіе соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ на сеймикахъ ихъ и другихъ повѣтовъ. Мѣсто сеймикованья. Помѣщенія, въ которыхъ повѣтовые сеймики собирались. Сеймикованье не повѣтами, а воеводствами. Предсѣдатель повѣтоваго сеймика и его секретари. Сеймиковая „згода“. Значеніе во время сеймикованья отдѣльныхъ группъ сеймикующихъ: паны-рада, прочія должностныя лица и не-должностная шляхта. Продолжительность повѣтовыхъ сеймиковъ. Ихъ компетенція и соединеніе различныхъ дѣлъ на сеймикахъ опредѣленнаго назначенія. Повѣтовый сеймикъ и не-шляхетское населеніе. Города и повѣтовый сеймикъ.

Мы разсмотрѣли четыре вида повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго, которые были признаны Литовско-Русскимъ закономъ въ значеніи собраній шляхты, выражавшихъ ея волю и желанія и производившихъ выборы должностныхъ лицъ повѣтовъ и судей трибунала. Передъ нами теперь стоитъ задача изученія внутренней организаціи повѣтоваго сеймика Княжества. Собиравшіеся для различныхъ цѣлей сеймики Литовско-Русскихъ повѣтовъ выливались въ опредѣленную форму собраній народа-шляхты Великаго Княжества Литовскаго, и эта форма должна была получить извѣстное единство, несмотря на различіе цѣлей, ради которыхъ повѣтовая шляхта собиралась на тотъ или другой сеймикъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ основу компе-

тенціи всѣхъ видовъ повѣтовыхъ сеймиковъ ложилась одна и та же идея, идея политическихъ правъ шляхты, какъ „народа" Великаго Княжества Литовскаго, который составляется изъ шляхетскихъ корпорацій его повѣтовъ. Такимъ образомъ, если въ отдѣльныхъ видахъ повѣтовыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ мы имѣемъ извѣстную модификацію, вносимую различіемъ цѣлей ихъ созывовъ и вызываемыми этимъ различіемъ соотвѣтствующими особенностями того или другого вида сеймиковъ, то, несмотря на это, основныя черты повѣтоваго сеймика, какъ собранія шляхетской корпораціи повѣта, должны были вылиться въ опредѣленныя формы его внутренней организаціи, общія для всѣхъ его видовъ. Къ изученію этой внутренней организаціи Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика и обратимся.

Статутъ 1566 года опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ кругъ лицъ, составляющихъ повѣтовый сеймикъ и имѣющихъ на него доступъ: „на которые соймики мають зъѣжджатися и бывати тые воеводове и каштелянове, врядники земскіе, по тому жъ князове, панове, шляхта того жъ повѣту и воеводства" [1]). Такой же составъ сеймикующихъ опредѣляетъ и привилей Сигизмунда Августа отъ 30 декабря 1565 года, вводящій повѣтовые сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ [2]). Этотъ привилей лишь дополняетъ перечень участниковъ сеймиковъ урядниками дворными [3]), право присутствія которыхъ на соотвѣтствующихъ сеймикахъ по ихъ осѣлостямъ уже заключается и въ словахъ II-го статута: дворные урядники были также осѣлыми шляхтичами, а стало быть, какъ таковые входили въ составъ „шляхты того жъ повѣту и воеводства", о которой говоритъ статутъ. Болѣе подробно перечисляетъ составъ сеймикующихъ статутъ 1588 года. По его словамъ на „соймики мають зъеждчатисе и бывати тые особы: бискупове, воеводове, кашталяни и врядники земъскіе, князи, панове и шляхта, кождый у своемъ воеводстве або повете; а въ земли Жомоитъской — бискупъ, староста Жомоитъскій, кашталянъ, тивунове и иные врядники земъскіе и рицер-

1) II ст., III, 5. Ср. выше, стр. 287.
2) А. З. Р. III. № 38.
3) Ср. выше, стр. 290.

ство-шляхта"[1]). Такимъ образомъ, III статутъ болѣе отчетливо и подробно обозначаетъ составъ повѣтовыхъ сеймиковъ, чѣмъ это дѣлаетъ предшествующій кодексъ, но въ обоихъ кодексахъ одинаково мы имѣемъ раздѣленіе участниковъ повѣтовыхъ сеймиковъ на двѣ основныя группы: 1) должностныя лица и 2) не-должностная повѣтовая шляхта, съ массой которой сливаются и князья и паны, войдя въ ея составъ со времени повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ[2]). Остановимся сначала на второй изъ этихъ группъ.

Правомъ доступа на повѣтовый сеймикъ пользовалась только шляхта, притомъ владѣвшая осѣлостями именно въ данномъ повѣтѣ[3]). Вотъ почему источники отмѣчаютъ рядъ случаевъ поднятія именно на сеймикахъ вопроса о принадлежности того или другого лица къ шляхетству или объ его повѣтовой осѣлости[4]). Соотвѣтствующіе документы прямо указываютъ на то, что подозрѣнія въ не-шляхетствѣ иногда высказывались на сеймикахъ при столкновеніи отдѣльныхъ ихъ участниковъ, когда они имѣли одинъ съ другимъ „розмову"[5]).

---

1) III ст., III, 6.

2) См. выше, стр. 55, 203—204 и 220—221.

3) См. выше, стр. 57, 104, 119, 223, 226, 315 и сл.

4) См., нпр., А. Вил. XXIV, №№ 104 и 247.

5) „Лета Бож[ъего] Нарож[енья] 1569, м[е]с[е]ца ген[вара] 11 дня. Г[о]с[по]д[а]ръ король его милость и великій князь Жыкгимонтъ Августъ рачылъ росказати до книгъ его милости господарскихъ канцлярейскихъ записати. — Што перво сего, будучы на соймику поветовомъ въ Трокахъ о Светомъ Мартине, минуломъ святе, воевода Троцкій, князь Стефанъ Збаразскій, тамъ же земяне повету Троцкого Михайло Богушевичъ Ворона а Станиславъ Кгабрыяловичъ Бурба, маючы передъ его милостью розмову зъ судьею кгродкимъ Троцкимъ Радивономъ Толоконъскимъ, ку почъстивости ему прыганили, менечые быти не шляхтичомъ. Якожъ Радивонъ Толоконъскій, хотечы шляхетство свое оказати, просилъ, абы то на судъ его кролевскій милости было отослано. А такъ его милость князь воевода Троцкій зложылъ имъ, обема сторонамъ, рокъ ку той справе передъ его кролевскою милостью стати: отъ того дня, яко ся ихъ милость панове рада Великого Князства Литовского и вси станы, сойму належачые, до Вилня зежъчати почали, въ чотырохъ неделяхъ. Который рокъ здеся въ Люблине м[е]с[е]ца генъвара пятого дня кгды прыпалъ, ино Радивонъ Толоконъскій передъ его кролевскою милостью становилъ и черезъ часъ немалый пильность чинилъ, а тые земяне вышъшей мененые сами не стали и никого з моцъю отъ себе не прысылали. А ижъ тежъ его королевская милость инъшыми великоважными справы его

Такъ, въ обстановкѣ личныхъ или партійныхъ столкновеній во время сеймикованья особенно легко и удобно поднимался вопросъ о правѣ участія противника въ сеймиковыхъ „обрадахъ", которое основывалось на повѣтовомъ шляхетствѣ и которое не провѣрялось передъ открытіемъ сеймиковъ для ихъ участниковъ.

Но при томъ происхожденіи и способахъ образованія Литовско-Русскаго повѣтоваго шляхетства, которые мы видѣли выше [1]), слишкомъ строгое примѣненіе требованія „урожонаго почстиваго шляхетства" не всегда могло оказываться возможнымъ, по крайней мѣрѣ въ XVI столѣтіи. Въ самомъ дѣлѣ, акты изрѣдка говорятъ о присутствіи и „боярина" на сеймикѣ въ ту эпоху, когда общимъ и обычнымъ обозначеніемъ принадлежавшихъ къ составу повѣтовой шляхты было слово „земянинъ", или слово „панъ" [2]). Такъ, въ одной записи Жомоитскихъ земскихъ книгъ 1590 года читаемъ заявленіе боярина Станислава Юревича о нападеніи на него въ то время, когда онъ возвращался въ свою „господу" изъ Россіенскаго костела „зъ соймику" [3]). Если идея шляхетскаго повѣта сталкивалась, какъ мы это видѣли выше [4]), съ сословной организаціей до-реформеннаго времени и не такъ легко и просто съ нею примирялась, то пережитки

милости г[о]с[по]д[а]рьскими и земскими соймовыми забавенъ, тогды тое речы смотрети доспешонъ не будучы, рачылъ тую справу переложыти по прыеханью его милости г[о]с[по]д[а]рьскомъ з сойму теперешнего Любельского въ границы Великого Князства Литовского за чотыры недели; на который рокъ оные земяне Михайло Богушевичъ Ворона а Станиславъ Бурба передъ его кролевскою милостью стати и въ томъ, што на Толоконского мевили, росправу з нимъ прыняти маютъ. А естлибы въ томъ часе, нижли они з собою въ томъ росправу прыймуть, оного Радивона Толоконского, з Божего допущеня, часъ смертельный зашолъ, тогды оная прымовка доброй славе и почъстивости его самого, детей и потомъковъ его ничого шкодити не маеть и не будеть. Што про памети до книгъ его кролевское милости канцлярейскихъ записано, чого и выписъ съ книгъ Радивону Толоконскому естъ данъ. Писанъ въ Люблине". Лит. Метр. $\frac{II\ A}{61}$ л. л. 152—152 об. („Отложене справы Радивону Толоконскому з Михаиломъ Вороною а Станиславомъ Бурбою о прымовку подстивости его").

1) Глава III.

2) См. выше, стр. 196 и 204.

3) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 75 (№ 449).

4) Глава III.

этого болѣе ранняго времени не могли не отражаться и на составѣ повѣтоваго сеймика, по крайней мѣрѣ въ первыя десятилѣтія его существованія и въ отдѣльныхъ повѣтахъ, или въ единичныхъ случаяхъ.

Вся шляхта, осѣлая въ повѣтѣ, должна быть признана имѣющею право участія въ его сеймикѣ. Лишь утрата шляхетства или повѣтовой осѣлости закрывала шляхтичу доступъ на повѣтовый сеймикъ. Отсюда слѣдуетъ, что и свѣтскія, и духовныя лица одинаково могли быть участниками повѣтовыхъ сеймиковъ, если они были шляхтичами, осѣлыми въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ. Однако, мы не рѣшились бы утверждать, что шляхтичи, посвященные въ духовные саны, въ дѣйствительности были обычными участниками сеймиковыхъ собраній шляхетскихъ повѣтовъ. Въ извѣстныхъ намъ источникахъ, относящихся къ дѣятельности Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ XVI столѣтія намъ удалось встрѣтить только два указанія на присутствіе духовнаго лица, не соединявшаго своего сана съ сенаторскимъ кресломъ. Послѣднее соединеніе имѣемъ въ значеніи католическихъ бискуповъ, которые, будучи радными панами Великаго Княжества Литовскаго, получали свое опредѣленное мѣсто и на соотвѣтствующихъ повѣтовыхъ сеймикахъ, какъ это увидимъ ниже. Два же указанія источниковъ, которыя мы имѣемъ въ виду, говорятъ о присутствіи на сеймикахъ владыки Берестейскаго и Владимірскаго. Первое изъ этихъ указаній говоритъ, что на Владимірскомъ сеймикѣ, собравшемся въ 1568 году во Владимірскомъ замкѣ для избранія кандидатовъ на урядъ повѣтоваго земскаго подсудка, находился и Θеодосій, владыка Владимірскій и Берестейскій [1]). Другое говоритъ объ участіи Владимірскаго владыки Ипатія [2]) въ занятіяхъ Берестейскаго предсеймоваго сеймика, собравшагося въ исходѣ декабря 1596 года [3]). Но по отношенію къ этому второму указанію источниковъ не-

1) См. выше, стр. 509, прим. 1.

2) Т. е. извѣстнаго Ипатія Потѣя, получившаго санъ епископа Владиміро-Волынскаго и Берестейскаго въ 1593 году. Ср. митр. Макарій, Исторія Русской Церкви, томъ IX (СПБ. 1879), стр. 535—536 и прим. 515.

3) См. его подпись на составленной этимъ сеймикомъ инструкціи посламъ на сеймъ — А. Вил. II, стр. 154. Ср. выше, стр. 474.

обходимо не забывать того, что 1) до своего назначенія на Владимірскую и Берестейскую каѳедру епископъ Ипатій, называвшійся тогда еще Адамомъ Потѣемъ, былъ каштеляномъ того самаго Берестейскаго воеводства [1]), на сеймикѣ центральнаго повѣта котораго онъ присутствовалъ въ 1596 году, и 2) въ 1595 году онъ уже принялъ церковную унію съ Римомъ и могъ считать себя стоящимъ по значенію рядомъ съ католическими бискупами, хотя послѣдніе имѣли свое мѣсто на сеймикахъ не по своему церковно-іерархическому значенію, а по значенію членовъ господарской рады или сената Великаго Княжества Литовскаго. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ въ концѣ концовъ надежныхъ данныхъ, чтобы признать духовныхъ шляхтичей фактически широко пользующимися правомъ участія въ сеймикованьѣ, хотя они обладали „урожонымъ шляхетствомъ" и осѣлостью въ отдѣльныхъ повѣтахъ [2]).

Кромѣ не-должностной шляхты на повѣтовыхъ сеймикахъ присутствуютъ должностныя лица. Одни изъ нихъ по своему положенію входили въ составъ „стана" сенаторскаго, другія — въ составъ „стана" рыцарскаго, шляхетскаго [3]). Статутъ 1566 года перечисляетъ ихъ въ рядахъ сеймикующихъ довольно кратко; статутъ 1588 года нѣсколько распространяетъ это перечисленіе [4]). Но вопросомъ о должностныхъ лицахъ, которыя входятъ въ составъ сеймикующихъ, великій князь и вальный сеймъ Великаго Княжества Литовскаго должны были заняться, конечно, еще въ ближайшіе годы къ учрежденію Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика, когда разрѣшались вообще вопросы, связанные съ осуществленіемъ реформъ 1565—1566 годовъ, а стало быть, и вопросы только что введеннаго повѣтоваго сеймикованья. Дѣйствительно, рецессомъ Городенскаго сейма 1566—1567 годовъ было постановлено: „князь бискупъ, панъ воевода и панъ каштелянъ на соймикахъ маютъ бывати

1) См., нпр., А. З. Р. IV, № 44.

2) Сеймиковые акты позднѣйшаго времени лишь изрѣдка называютъ духовныхъ лицъ въ составѣ сеймикующихъ — нпр., А. Вил. IV, стр. 45 (1669 г.) или А. Вил. VIII, стр. 340 (1671 г.).

3) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 266—440 и 564—670.

4) См. выше, стр. 544—545.

кождый у своемъ у воеводстве и на враде — Виленскіе у Вильни, Троцкіе у Трокахъ и также и иные вси врадники кождый у своемъ вряде и повете" [1]). На томъ же сеймѣ были опредѣлены и мѣста на сеймикахъ для должностныхъ лицъ, на нихъ присутствующихъ: „а местца на соймикахъ врядники земскіе давные, яко маршалки, тивуны и иншіе всѣ, местецъ своихъ старыхъ уживати мають; а поветовые мають местца мети тымъ порядкомъ — подкоморій, хоружій, войскій, судя, подсудокъ, писарь" [2]). Тотъ же сеймъ назначилъ и штрафъ за неприбытіе должностныхъ лицъ на сеймикъ: съ радныхъ пановъ по пяти копъ грошей, а съ урядниковъ земскихъ и повѣтовыхъ по двѣ копы [3]). Наконецъ, III статутъ далъ еще болѣе подробное опредѣленіе мѣста на повѣтовыхъ сеймикахъ для должностныхъ лицъ, на немъ присутствующихъ. Онъ постановилъ: „а местца и порадокъ заседанья и вотъ на зъездехъ и соймикохъ тымъ обычаемъ маеть быти — воевода, каштолянъ, а гдѣ каштоляна нетъ, маршалокъ оного повету, подъкоморый, хоружій, судья, подъсудокъ, войскій, стольникъ, подъстолій, писарь земскій, за тымъ врядники кгродскіе, панове и иншая шляхта" [4]).

Обращаясь къ господарскимъ привилеямъ на уряды, выданнымъ въ ближайшее время къ учрежденію повѣтоваго сеймика, мы не находимъ въ нихъ упоминаній о мѣстѣ соотвѣтствующаго должностного лица на сеймикѣ, сколько можемъ судить по извѣстнымъ намъ образцамъ документовъ этого рода. Какъ примѣры привилеевъ, выданныхъ Сигизмундомъ Августомъ на воеводскіе уряды сразу послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, могутъ быть указаны „Привилей князю Стефану Збаражскому на воеводство Троцкое" отъ 18 марта 1566 года [5]) и „Привилей князю Роману Санкгушку на воеводство Браславское и Венницкое", данный въ томъ же году [6]). Въ первомъ изъ

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. Томъ I. Стр. 451.

2) Н. А. Максимейко. Сеймы Л.-Р. государства. Приложенія. Стр. 176.

3) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. Томъ I. Стр. 450—451.

4) III ст., III, 6.

5) Лит. Метр. $\frac{1А}{49}$ л. л. 1—1 об.

6) Ibidem. Л. л. 3 об.—4 об.

этихъ привилеевъ права вновь назначеннаго Троцкаго воеводы опредѣляются слѣдующимъ образомъ отъ имени Сигизмунда Августа: „дали есмо его милости воеводъство Троцкое зо всимъ достоеньствомъ и владностью того воеводства, яко и передъ нимъ будучіе воеводове держали и вживали, — маеть князь Стефанъ Збаражскій, тое воеводство Троцкое держачи, местца, звыклого воеводамъ Троцъкимъ въ лавицы радъ нашихъ, и всякого достоеньства и владности того воеводства вживати и пожитки, съ того воеводства приходячіе, на себе брати и тежъ судити и радити и всякіе справы, што враду его милости, воеводству Троцкому, належыть, справовати, яко и продкове его милости, панове воеводове Троцкіе, до сего часу уживали и справовали" [1]). Привилей князю Сангушку говоритъ объ его воеводскомъ урядѣ такъ: „предречоному князю Роману Сонкгушковичу, старосте Житомиръскому, даемъ въ той земли нашой Подольской Великого Князтва Литовского воеводъство Браславское и Веницкое, который местце въ лавицы радъ нашихъ заседати, всякое учстивости, владности и моцы и тежъ пожитковъ воеводства оного Браславского и Веницкого, отъ насъ наданыхъ, уживати и во всемъ радити и справовати маеть, яко належыть ему, раде нашой, воеводе оное земли Браславское и Веницкое, яко въ статуте права земского есть описано; ведже, за примноженьемъ таковаго достоеньства воеводского въ земли оной, права и волности вси оное земли при моцы заховываемъ" [2]). Привилей князю Збаражскому говоритъ о Троцкомъ воеводскомъ урядѣ, существовавшемъ еще съ 1413 года; привилей князю Сангушку — о только что въ 1566 году учрежденномъ урядѣ воеводы Браславля и Вѣницы, и этою новизною его вызваны слова

---

1) Далѣе привилей отъ имени господаря продолжаетъ: „а мы его милость маемъ на томъ воеводстве со всякою учстивостью, враду и достоеньству его милости належачою, заховати до его милости живота, альбо до опатренья иньшого вышъшимъ местцомъ и достоеньствомъ. И на то даемъ его милости сесь листъ нашъ, до которого на твердость того и печать нашу приложити есмо казали".

2) Далѣе документъ отъ имени великаго князя продолжаетъ: „для чого, подписавши сесь листъ рукою нашою г[о]с[по]д[а]рьскою, и на утвержене тыхъ всихъ речей, верху описаныхъ, печать нашу къ нему привесити есмо казали".

привилея о сохраненіи въ неприкосновенности правъ Подольской земли, которыя не уменьшаются созданіемъ не существовавшей въ ней до этого времени должности воеводы [1]). Но о мѣстѣ воеводы на повѣтовыхъ сеймикахъ молчатъ оба привилея. Второй изъ нихъ лишь ссылается на статутъ права земскаго, т. е. на статутъ 1566 года, въ которомъ нужно искать опредѣленіе компетенціи воеводскаго уряда. Въ этомъ кодексѣ, въ артикулѣ „О соймикохъ повѣтовыхъ" [2]), и найдемъ уже извѣстное намъ опредѣленіе состава сеймикующихъ съ воеводами и каштелянами во главѣ [3]).

Иное отношеніе къ участію радныхъ пановъ воеводствъ въ повѣтовомъ сеймикованьѣ встрѣчаемъ въ привилеяхъ, выдаваемыхъ на уряды воеводъ и каштеляновъ въ послѣдующее время. Эти привилеи уже говорятъ о мѣстѣ получающихъ ихъ лицъ на соотвѣтствующихъ повѣтовыхъ сеймикахъ. Такъ, въ привилеѣ, выданномъ въ 1576 году Стефаномъ Баторіемъ пану Габріелю Горностаю на Берестейское воеводство [4]), читаемъ: „маеть его милость панъ Кгабріель Горностай, воевода Берестейскій, тое воеводъство Берестейское держати ажъ до жывота своего албо до болшого вывышъшенья и опатренья нашого г[о]с[по]д[а]рьского, ужываючы на немъ всякое учтивости такъ на соймехъ валъныхъ панствъ нашыхъ, въ Коруне Польской и Великомъ Князстве Литовскомъ, на местъцу своемъ, правомъ посполитымъ упрывилъеванымъ, въ раде нашой заседати, такъ тежъ на соймикахъ, на зъездехъ поветовыхъ у воеводъстве своемъ и в ынъшыхъ воеводъствахъ Короны Полское и Великого Князства Литовского, где бы ся трафило, радити и вотовати съ прысеги и водле наболшое умеетности своее" [5]).

---

1) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 589.

2) II ст., III, 5.

3) См. выше, стр. 544.

4) Лит. Метр. $\frac{I\,A}{58}$ л. л. 1—1 об. („Привилей пану Габрилу Горностаю на воеводство Берестейское". Дата: Варшава, 6 іюля 1576 года).

5) Далѣе привилей продолжаетъ: „такъ тежъ ужываючы всякихъ пожытковъ, которые бы на тое воеводство здавна прыналежали, по тому, яко первшый воевода Берестейскій, староста Волъковыйскій, панъ Юрей Василевичъ Тышъкевича Логойскій держалъ. И на то дали есмо его

То же упоминаніе о мѣстѣ воеводы на сеймикахъ встрѣчаемъ и въ привилеѣ, выданномъ въ томъ же 1576 году Стефаномъ Баторіемъ на воеводство Полоцкое пану Миколаю Дорогостайскому [1]). Привилеи, выданные Сигизмундомъ III-мъ на сенаторскіе уряды воеводствъ, также говорятъ объ участіи этихъ урядниковъ въ сеймикованьѣ. Такъ, привилей этого короля пану Малхеру Завишѣ на Витебское каштелянство гласитъ: „маеть" свой каштелянскій урядъ занимать до своей смерти или до назначенія его господаремъ на высшую должность и „ужывати на немъ всякое учтивости, такъ на соймехъ валныхъ [2]) панствъ нашихъ, въ Коруне Полской и у Великомъ Князстве Литовскомъ, на местцу своемъ, правомъ посполитымъ упривильеваномъ, заседати, такъ тежъ

милости сесь нашъ листъ съ подписомъ руки властъное нашое г[о]с[по]д[а]ръское, до которого на твердость тое речы и печать нашу привесити есмо росказали". Тотъ же привилей — Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. л. 41 об.—42 об. („Привилей пану Кгабріелю Горностаю на воеводъство Берестейское").

1) „. . . дали есмо и симъ листомъ нашымъ даемъ его милости воеводъство Полоцкое з всякою владзою того достоеньства и што кольвекъ здавна ку нему прыслухаеть, съ тымъ еще докладомъ, ижъ, где бы Панъ Богъ, з милосердья Своего Бозского возъревшы на справедливость нашу и всее речы посполитое, рачилъ намъ помочы дойти замку Полоцъкого и всихъ земль и волостей Полоцкихъ, которые непрыятельская рука, посягнувшы, несправедливе держыть, тогды то все по давному обычаю маеть панъ Миколай Дорогостайскій, воевода Полоцъкій, дeръжати зо въсякими на воеводъство тое пожытъками и з доходами, якимъ кольвекъ именемъ назваными, здавна прыслухаючыми, ни въ чомъ ихъ не змнейшываючы, одно яко и первшые воеводове Полоцъкіе деръжали, ужываючы на немъ до жывота своего альбо до вышшого и пожыточнейшого опатреня нашого г[о]с[по]д[а]ръского всякое учтивости, такъ на соймехъ вальныхъ паньствъ нашыхъ, въ Короне Польской и у Великомъ Князстве Литовскомъ, на местъцу своемъ, правомъ посполитымъ упрывилееванымъ, въ раде нашой заседаючы, яко тежъ на соймикохъ, на зъездехъ поветовыхъ въ воеводъстве своемъ и в ыншыхъ воеводъствахъ Короны Польское и Великого Князства Литовского, где бы ся трафило радити и вотовати, съ присяги и водле набольшое умеетъности своее. И на то дали есмо его милости сесь нашъ листъ съ подъписомъ властъное руки нашое г[о]с[по]д[а]ръское, до которого на твердость тое речы и печать нашу привесити есмо росказали". Заголовокъ документа въ книгѣ Литовской Метрики: „Привилей пану Миколаю Дорогостайскому на воеводство Полоцкое" (дата: Варшава, 7 іюля 1576 года). Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. л. 2—3. Тотъ же привилей — Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. л. 44—45.

2) Слово „валных" въ оригиналѣ излишне повторено.

на соймикохъ и везде на зъездехъ всякихъ посполитыхъ радити и вотовати съ присеги и водле наболшое умеетности своее“ [1]).

Сличеніе приведенныхъ мѣстъ привилеевъ времени Стефана Баторія и Сигизмунда III-го, въ которыхъ говорится объ участіи радныхъ пановъ воеводствъ въ вальныхъ сеймахъ и сеймикахъ и съѣздахъ повѣтовыхъ, самою тождественностью ихъ выраженій даетъ основаніе признать, что упоминаніе объ этомъ участіи вошло въ форму господарскихъ привилеевъ на воеводскіе и каштелянскіе уряды, которая была выработана государственною канцеляріею Великаго Княжества Литовскаго уже въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія. Новый характеръ вальныхъ сеймовъ, ставшихъ послѣ Люблинской Уніи спольными съ Польшею, имѣетъ свое отраженіе въ этой формѣ привилеевъ; но не менѣе въ ней выступаетъ и признаніе значенія повѣтовыхъ сеймиковъ и съѣздовъ въ Литовско-Русской государственной жизни. Простая ссылка на статутъ, которую мы видѣли въ привилеѣ на воеводство, выданномъ въ 1566 году, замѣнилась особымъ упоминаніемъ объ участіи воеводъ и каштеляновъ въ сеймованьи и сеймикованьи, при чемъ лишь эту сторону значенія этихъ урядниковъ привилеи на ихъ должности выдѣляютъ особымъ обозначеніемъ, во всемъ остальномъ ограничиваясь общими словами о прежнихъ правахъ и значеніи жалуемыхъ урядовъ.

Переходя отъ привилеевъ на уряды воеводскіе и каштелянскіе къ привилеямъ на другіе уряды, приходится отмѣтить въ однихъ изъ нихъ молчаніе объ участіи соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ на сеймикахъ, рядомъ съ упоминаніемъ о немъ въ другихъ. Это замѣчаніе имѣетъ свою силу какъ по отношенію къ привилеямъ на уряды высшіе центральные, такъ и по отношенію къ привилеямъ

---

1) Далѣе привилей продолжаетъ: „такъ тежъ уживаючи всякихъ пожитковъ, которіе бы здавна на тую кашталянею належали, по тому, яко и первшій кашталянъ Витебскій держалъ. И на то дали есмо его милости пану Малхеру Завиши сесь нашъ листъ съ подписомъ руки нашое, до которого и печать нашу привесити есмо велели“. Дата: Краковъ, 6 февраля 1588 года. Заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Привилей его милости пану Малхеру Завишы на кашталянею Витебскую“. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. л. 277—277 об.

на уряды повѣтовые. Такъ, привилей, данный Стефаномъ Баторіемъ въ Варшавѣ 6 іюля 1576 года пану Ѳеодору Скумину на урядъ дворнаго подскарбія [1]), говоритъ, что панъ Скуминъ „маеть" этотъ урядъ, „подъскарбство дворъное держати, учтивости, месца на соймехъ и соймикахъ, такъ тежъ владзы и пожытковъ, на тотъ врадъ здавна належачихъ, уживати . . . ." Говоритъ о мѣстѣ на сеймикахъ и привилей, данный тѣмъ же королемъ 22 іюля 1576 года въ Тыкотинѣ на урядъ Минскаго войскаго Стефану Юрьевичу Ванькевичу [2]). Въ этомъ привилеѣ отъ имени короля говорится: „маеть онъ тотъ врадъ, войское земли Меньское, до живота своего альбо до лепъшого опатренья нашого деръжати, учтивости всякое и местца на соймикохъ, такъ тежъ владзы, пожитковъ, на тотъ врадъ належачихъ, уживати . . . ." Но рядомъ съ этими упоминаніями о мѣстѣ на сеймикахъ соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ встрѣчаемъ отсутствіе указаній на это мѣсто въ привилеяхъ не только на такіе уряды, какъ земское подскарбство [3]) или подстольство [4]) Великаго Княжества Литовскаго, но и на должности повѣтовыхъ маршалковъ [5]), хоружихъ [6]) и подкоморіевъ [7]). Приви-

---

1) „Привилей пану Федору Скумину на подскарбъство дворное". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. л. 42 об. — 43 об. Тотъ же привилей — Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. л. 1 об. — 2.

2) „Стефану Ванькевичу на войское Менское". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{58}$ л. л. 16—16 об.

3) „Пану Лаврину Войне на подскарбство земъское В[еликого] Кн[язства] Лит[о]вског[о]". Ibidem, л. л. 18—22. Дата: Варшава, 30 іюля 1576 года.

4) „Привилей пану Яну Яновичу Зеновичу на подстолство Великого Князства Литовского". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. л. 51—51 об. Дата: Тыкотинъ, 18 іюля 1576 года.

5) „Листъ на маршалковство Гор[о]д[ен]ское", данный Стефаномъ Баторіемъ князю Ѳеодору Ивановичу Масальскому въ Городнѣ 28 іюня 1582 года. Этотъ привилей жалуетъ князю Масальскому „врадъ маршалковскій, который на тотъ часъ вакувалъ по небожчику пану Ивану Воловичу". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$ л. 158.

6) „Привилей Василю Корсаку на хоружство повету Мозырского". Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. л. 85—85 об. Дата: Торунь, сеймъ вальный, 6 декабря 1576 года.

7) „Богушу Олексеевичу на подкоморство Новгородское". Лит.

леи Сигизмунда Августа, выданные въ 1568 и 1570 годахъ на урядъ Берестейскаго войскаго[1]), опускаютъ слова о мѣстѣ этого урядника на сеймикахъ, которыя мы видѣли выше внесенными въ привилей Баторія, выданный въ 1576 году на войское Минское. Отсутствіе указанія на это мѣсто встрѣчаемъ въ привилеяхъ Сигизмунда Августа и его преемниковъ и на другіе уряды[2]).

Наблюденія надъ привилеями на уряды приводитъ къ выводу, что государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго не выработала общей формы ихъ по отношенію къ обозначенію или необозначенію мѣста на сеймикахъ для должностныхъ лицъ и, включая указаніе на сеймики и повѣтовые съѣзды въ одни привилеи, опускала его въ другихъ. Но въ привилеяхъ на уряды радныхъ пановъ воеводствъ, т. е. воеводъ и каштеляновъ, тенденція къ введенію упоминанія объ участіи этихъ сановниковъ въ сеймикованьѣ обнаруживается яснѣе въ ту эпоху, когда повѣтовые сеймики успѣли уже показать свое значеніе въ государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго, въ годы послѣ смерти послѣдняго Ягеллона. Конечно, большой нужды во внесеніи особыхъ указаній на мѣсто должностныхъ лицъ въ повѣтовыхъ собраніяхъ шляхты и не было, такъ какъ статутъ совершенно ясно говоритъ объ участіи радныхъ пановъ и урядниковъ въ сеймикованьѣ[3]), и лишь признаніе особой

Метр. $\frac{I\ A}{58}$ л. л. 108 об. — 109 об. (дата: Торунь, 30 ноября 1576 года). „Привилей Каспору Чеховичу Кочарзе на подкоморство Вилкомирское". (дата: Торунь, 3 декабря 1576 года). Лит. Метр. $\frac{I\ A}{63}$ л. л. 89 об. — 90.

1) „Привилей Рафалу Прокулею на войское Берестейское". Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ л. 11 (дата: Кнышинъ, 13 апрѣля 1568 года). „Привилей Григорю Сатановскому на войское Берестейское". Ibidem, л. л. 76—76 об. (дата: Варшава, 31 іюля 1570 года).

2) Нпр., „Привилей на конюшство Витебское Анъдрею Сивицкому", данный въ Варшавѣ 29 мая 1572 года (Лит. Метр. $\frac{I\ A}{49}$ — послѣдній документъ книги), или „Привилей Василю Рагозе на хоружство дворное", данный въ Люблинѣ 30 марта 1566 года (ibidem, л. 6 об.), или „Привилей пану Станиславу Шемету на врядъ кухмистровство Вел[икого] Кн[я]з[ства] Литовского", данный въ Кнышинѣ 25 іюля 1576 года (Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. л. 52 об. — 53). Ср. привилеи на земскіе судебные уряды, указанные выше — стр. 508, прим. 1.

3) См. выше, стр. 544.

„учтивости“ для нихъ на повѣтовыхъ съѣздахъ и сеймикахъ могло имѣть дѣйствительную цѣну въ глазахъ обладателей урядовъ.

Мы видѣли выше [1]), что законодательнымъ путемъ были опредѣлены обязанность должностныхъ лицъ присутствовать на повѣтовыхъ сеймикахъ и ихъ мѣсто въ этихъ собраніяхъ повѣтовой шляхты. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы должностныя лица обязательно бывали именно на тѣхъ сеймикахъ, съ повѣтами которыхъ они были связаны своими урядами. Такъ, на Берестейскомъ предсеймовомъ сеймикѣ 1596 года находился и Витебскій воевода, панъ Миколай Сапега [2]), который, такимъ образомъ, предпочелъ этотъ сеймикъ сеймику центральнаго повѣта своего Витебскаго воеводства, выбиравшему своихъ сеймовыхъ пословъ и составлявшему для нихъ инструкцію безъ своего воеводы. Сеймиковые документы послѣдующаго времени даютъ длинный рядъ примѣровъ присутствія должностныхъ лицъ на сеймикахъ не тѣхъ повѣтовъ, къ которымъ они принадлежали по своимъ урядамъ [3]). Имѣя осѣлость въ различныхъ повѣтахъ, лицо, занимавшее урядъ, пріуроченный къ какому-либо одному воеводству или повѣту, имѣло и право участія на повѣтовыхъ сеймикахъ тѣхъ повѣтовъ, въ которыхъ оно было осѣлымъ шляхтичемъ, а личные его интересы или интересы его партіи, или, наконецъ, случайное пребываніе его не въ повѣтѣ, на сеймикѣ котораго оно должно было присутствовать по своему уряду, могли заставлять его предпочесть этому сеймику другой. Такимъ образомъ, шляхетскіе повѣты сплошь и рядомъ должны были сеймиковать безъ того или другого числа своихъ должностныхъ лицъ, что въ извѣстной степени нарушало цѣльность шляхетскаго повѣта въ собраніи его членовъ.

Наиболѣе богатымъ присутствіемъ радныхъ пановъ и должностныхъ лицъ, естественно, долженъ былъ быть сеймикъ Виленскаго повѣта. Значеніе Вильны, какъ „столечнаго мѣста“ Великаго Княжества Литовскаго, должно было

---

1) Стр. 548—549.

2) А. Вил. II. Стр. 154.

3) Нпр., А. Вил. I, стр. 176, 186, 188; II, стр. 154, 168, 170; III, стр. 339, 369, 392, 397; IV, стр. 45, 74 и др.; VIII, стр. 340, 345.

притягивать и къ Виленскому повѣтовому сеймику, собиравшемуся въ этомъ городѣ, большое число различныхъ урядниковъ разныхъ повѣтовъ и воеводствъ, если они имѣли право присутствовать на этомъ сеймикѣ[1]). Не могло не имѣть тутъ вліянія и то, что на Виленскомъ сеймикѣ предполагалось присутствіе трехъ первыхъ по мѣсту въ ряду радныхъ пановъ Княжества сенаторовъ, т. е. Виленскихъ бискупа, воеводы и каштеляна, изъ которыхъ два послѣднихъ обычно соединялі со своими сенаторскими урядами Виленскаго воеводства другія наиболѣе вліятельныя должности Литовско-Русскаго „панства“[2]). Авторитетность Виленскаго сеймика въ ряду остальныхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго и личныя связи или зависимость отъ Виленскихъ радныхъ пановъ не могли не вызывать желанія и у рядовыхъ и у должностныхъ шляхтичей, присутствовать именно на этомъ сеймикѣ, если только они имѣли право и возможность это дѣлать. Сеймики остальныхъ повѣтовъ должны были имѣть въ своемъ составѣ меньше сенаторовъ и урядниковъ Литовско-Русскихъ. При этомъ сеймики повѣтовъ не-центральныхъ въ воеводствахъ могли имѣть въ своемъ составѣ радныхъ пановъ лишь случайно, такъ какъ въ числѣ должностныхъ лицъ ихъ повѣтовъ не было ни одного, которое принадлежало къ „стану сенаторскому“. Это различіе состава повѣтовыхъ сеймиковъ отражается какъ на актахъ ихъ созыва, такъ и на документахъ, отъ нихъ выходившихъ. Универсалы, созывающіе сеймики центральныхъ повѣтовъ воеводствъ Литовско-Русскихъ, обращаются къ ихъ сенаторамъ, урядникамъ и обывателямъ[3]); универсалы, созывающіе сеймики остальныхъ повѣтовъ, — лишь къ ихъ урядникамъ и обывателямъ[4]). Равнымъ образомъ и повѣтовые сеймики

1) Нпр., на Виленскомъ сеймикѣ, собравшемся 26 мая 1671 года, присутствовали кромѣ Виленскаго воеводы (Михаилъ Пацъ, великій гетманъ Княжества) воевода Смоленскій (Григорій Подберезскій), земскій подскарбій Великаго Княжества Литовскаго (Еронимъ Криспинъ Киршенштейнъ) и рядъ должностныхъ лицъ различныхъ воеводствъ и повѣтовъ. А. Вил. VIII. Стр. 340.

2) См. Jósef Wolff, Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 73 i 79—80.

3) Приложенія. Стр. 15, 30, 64, 97, 123.

4) Приложенія. Стр. 119.

въ актахъ своей дѣятельности, давая общее перечисленіе группъ своего состава, или говорятъ о присутствіи на нихъ радныхъ пановъ, или нѣтъ. Въ однихъ случаяхъ соотвѣтствующіе документы начинаются словами: „мы, рады, урядники, рыцерство-шляхта, обыватели того или другого повѣта“ [1]; въ другихъ слово „рады“ бываетъ опущено [2].

При нормальномъ теченіи жизни повѣта его сеймикъ долженъ собираться въ центральномъ его пунктѣ, гдѣ пребываютъ повѣтовые административные органы и земскій судъ. Статутъ 1566 года, говоря о предсеймовомъ сеймикѣ, даже подчеркиваетъ это значеніе земскаго суда для повѣта: по два сеймовыхъ посла избираются „отъ кождого суду земского“ [3]. Сеймикъ для выбора членовъ земскаго суда долженъ по тому же статуту имѣть мѣстомъ своего собранія „дворъ, которій на посродку того повѣту будетъ“ [4]. Замокъ же или дворъ господарскій въ повѣтѣ является мѣстомъ сеймиковыхъ собраній и по статуту 1588 года [5]. Это — мѣсто „звыклое“ для сеймиковъ, какъ выражаются иногда источники [6]. Помѣщеніями, въ которыхъ сеймиковали въ Польшѣ, обычно были фарные, т. е. приходскіе костелы [7]. Размѣры ихъ зданій дѣлали возможнымъ собраніе въ нихъ иногда очень большого числа сеймикующихъ, а та связь, которая съ дѣтства и изстари существовала у Польскихъ шляхтичей съ ихъ приходскимъ храмомъ въ эпоху возникновенія сеймиковъ Польши, роднила ихъ съ этими зданіями. Въ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго должно было быть нѣсколько иначе, по крайней мѣрѣ въ значительномъ числѣ ихъ. Католическая религія была религіею къ серединѣ XVI столѣтія лишь меньшинства земель, составившихъ къ этому времени Литовско-Русское государство. Большинство

---

1) Нпр., А. Вил. II, стр. 149.

2) Нпр., Ист.-Юр. Матеріалы, XXVI, стр. 292.

3) II ст., III, 5. Ср. III ст., III, 6. Ср. выше, стр. 288.

4) II ст., IV, 1. Ср. выше, стр. 499.

5) III ст., IV, 1.

6) Нпр., Приложенія, стр. 36.

7) См., нпр., Adolf Pawiński, Rządy Sejmikowe w Polsce, str. 11 или Józef Siemieński, Organizacya sejmiku Ziemi Dobrzyńskiej (Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Hist.-Filoz. Serya II. Tom XXIII), str. 306.

земель этого государства были землями русскими[1]), религіей которыхъ было православіе. Кромѣ того, въ моментъ учрежденія повѣтоваго сеймика въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ широкою волною по землямъ его разливалось разновѣріе, внесенное реформаціоннымъ движеніемъ. Такимъ образомъ, въ однихъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ не могло возникнуть традиціи сеймикованья въ костелахъ еще въ эпоху нераздѣльнаго господства католической религіи надъ ихъ шляхтою, а въ другихъ никакихъ связей съ католическими храмами громаднаго большинства шляхты не существовало вовсе. Самыхъ костеловъ могло и не быть во многихъ повѣтовыхъ центрахъ Великаго Княжества Литовскаго. Но въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Княжества сеймики отбывались дѣйствительно въ костелахъ. Для XVI столѣтія мы можемъ привести указанія Жомоитскихъ земскихъ книгъ на то, что сеймикъ Жомойти собирался въ Россіенскомъ костелѣ[2]). Акты Берестейскаго сеймика позднѣйшаго времени называютъ бернардинскій костелъ въ Берестьѣ мѣстомъ сеймикованья Берестейскаго повѣта[3]). Въ большинствѣ Литовско-Русскихъ повѣтовъ сеймики собирались, конечно, въ „избахъ судовыхъ“, которыя находились въ повѣтовыхъ центрахъ. Прямое указаніе на это для Троцкаго повѣта имѣемъ въ одномъ документѣ, вышедшемъ съ апрѣльскаго Троцкаго сеймика 1647 года[4]). Изъ этого документа почерпаемъ свѣ-

---

1) О національныхъ отношеніяхъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ см. А. І. Вольдемаръ, Національная борьба въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI вѣкахъ — Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ, томъ XIV, кн. 3, стр. 160—198.

2) См., нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 75 (№№ 449 и 452).

3) А. Вил. III. Стр. 368 (№ 195).

4) „Лета отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ сорокъ семого, м[е]с[е]ца апреля дванадцатого дня. На враде г[о]с[по]д[а]рскомъ кгродскомъ Троцъкомъ, передо мною Каспромъ Алекъсанъдромъ Швабомъ, старостою Шмелтинъскимъ, подъвоеводимъ Троцкимъ, оповедалъ и ку актыкованъю подалъ до книгъ кгродскихъ Троцкихъ земенинъ г[о]с[по]д[а]рскій воеводъства Троцъкого, панъ Андрей Ясудовичъ протестацыю отъ обывателевъ воеводства Троцкого, нижей именами на подписахъ выражоныхъ, просилъ, абы тая протестацыя до книгъ кгродскихъ Троцъкихъ была уписана. Которую уписуючы у книги отъ слова

дѣнія о томъ, что часть сеймикующихъ находилась во время сеймикованья въ „судовой избѣ“ Троцкаго повѣта, а остальные размѣстились на ея дворѣ, въ ней не помѣщаясь. Часть

до слова, такъ се въ собе маеть: „My, dygnitarze, urzędnicy ziemscy grodzcy, obywatele, rycerstwo y szlachta woiewodztwa Trockiego, wszyscy iednostaynie soleniter protestuiemy sie na iasniewielmoznego iego msc pana Alexandra Oginskiego, woiewode Minskiego, y na iego msc pana Dmitra Bychowca, podsędka Trockiego, o to, iz w roku teraznieyszym tysiąc szescset czterdziestym siodmym msca apryla iednastego dnia, gdysmy sie ziachali na seymik do Trok za uniwersałami, od iego krolewskiey msci pana naszego miłosciwego wyniesionemi, dla obierania poslow na seym trzyniedzielny constytucyą seymową naznaczonym y na mieyscu zwyczaynym, gdzie sie seymiki z dawnych czasow w zamku Trockim odprawuią, prezentowawszy, chcelismy more solito dyrektora spoysrzodka siebie obierac, iego msc pan woiewoda Minski, uczyniwszy znaczną fakcyią z iego mscm panem Dmitrem Bychowcem, podsędkiem Trockim, chcąc oba ich msc panow synow swoich — iego msc pan woiewoda iego msc pana Bohdana Oginskiego, chorązego nadwornego Wielkiego Xięstwa Litewskiego, a iego msc pan podsędek iego msc pana Jana Bychowca mimo wola y intencyą wszytkich nas, obywatelow woiewodztwa Trockiego, na poselstwo promowowac, naprzod w uporze stanowszy, aby per uota dyrektora, czego sie wszyscy bracia iednostaynie pilno domawiali, nie podawano, bronili ý, wielkie aklamatye strony zwey uczyniwszy, kilka godzin na tym strawiwszy, mimą yntencyą praw dyrektorem został, oglaszaiąc to, iz we zwyczaiu tego nigdy nie bywalo y nigdzie nie masz per uota dyrektora obierac y, poki zyw będe, w tey izbie będe zasiadał, nie dam sobie zgarsci dyrekcy zadnemu wydrzbo y nikomu tego ustąpic nie myszle. A gdy takowym sposobem dyrektorem niemał per forcam został, ze za zgromodzeniem niemałym szlachta w yzbie zmiescic sie nie mogła, wszyscy unanimiter, aby na podworze iego msc pan woiewoda dla rozdania głosow wyszedł, upraszali, przy swym zawziętym uporze stanowszy, na to zadno miaro pozwolic nie chciał z wielką szlachty braci młodszey oppressyą, ktora podolinami tuląc sie musiała. A co więtsza, dawszy tylko głos tey braci y obywatelom, ktorzy poki stołu stawalo siedzieli y onemu applawdawali, wszytkim inszym obywatelom woiewodztwa Trockiego, ktorzy wota swoie w sprawach rzeczy pospolitey powazne, do instrukcyey sie stosuiące, do obrania posłow nalezące, podawac chcieli, glosu dac nie chcial. A gdy po kilkakrotnie bracia wszyscy iednostaynie powstawszy summa cum submissyone iego msc pana woiewode upraszali, aby im głosow wolnych według zwyczaiu dawnego nie bronił, zadno miaro y prozby nie dawszy mieysca, czego s prawa bronic nie mogł, summo cum praeiudicią iurium legum na to pozwolic nie chciał, postrzekszy to barzo dobrze, ze ani iego msc pan syn iego msci, ani iego msc pan Bychowiec, syn iego msci pana podsędka Trockiego, posłami z milosci braterskiey stanąc by nie mogli. Za czym widząc przez iego msc pana woiewode oppressyanem summam stanu szlacheckiemu, my wszyscy, głosow naszych nie daiąc do instrukcyey, iego krolewskoj msci pana naszego miłosciwego

находившихся въ избѣ сидѣла вокругъ стола. Другимъ около этого стола мѣста не хватало. При этомъ документъ называетъ мѣсто собранія апрѣльскаго Троцкаго сеймика 1647 года мѣстомъ „zwyczaynym", т. е. обычнымъ. Необходимо думать, что именно въ „судовыхъ избахъ" отбывало свои сеймики большинство Литовско-Русскихъ шляхетскихъ повѣтовъ и во вторую половину XVI столѣтія, пользуясь и самими избами, и ихъ дворами.

Въ повѣтовыхъ центрахъ, какъ мы уже отмѣтили выше, сеймики отбывались при нормальномъ теченіи жизни повѣтовъ. Когда оно нарушалось, могло дѣлаться невозможнымъ собраніе шляхты въ повѣтовомъ центрѣ. Примѣры такого положенія дѣлъ имѣемъ въ собраніяхъ повѣтовыхъ сеймиковъ во время повѣтрія, когда съѣздъ обывателей въ зараженный эпидеміей центръ повѣта становился опаснымъ для ихъ жизни. Когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія во многихъ повѣтахъ Великаго Княжества свирѣпствовало повѣтріе, ихъ сеймики собрались внѣ повѣтовыхъ центровъ. Такъ, Новгородскій повѣтъ сеймиковалъ въ серединѣ сентября 1572 года не въ Новгородкѣ, а въ

---

nie pozymawiaiąc, poslow nie obiraiąc, na iego msci pana woiewode Minskiego o tak wielkie bezprawie y uymie wolnosci naszych szlacheckich, przez odięte glosy stałe, protestowawszy sie, z zamku Trockiego odezlismy. A iego msc pan woiewoda Minski po odeysciu naszym, zostawszy z iego mscą panom podsędkem Trockim w yzbie, ich mscow panow synow swoich sługami swemi, w niebytnosci nas, wszytkich obywatelow, za poslow obrali, ktorych my za poslow nie mamy y miec nie chcemy. W czym sobie my, obywatele, za takowym iego msci pana woiewody Minskiego postępkiem, s prawem pospolitym nie zgodnym, wolnosciom szlacheckim przeciwnym y szkodliwym, wielko oppressyią praw y swiebod naszych odnosząc. te protestacyą naszą do xiąg grodzkich Trockich donosimy s podpisem rąk y pieczęciami naszymi, nizey wyrazonemi". Далѣе слѣдуетъ болѣе семидесяти подписей, изъ которыхъ семь сдѣланы русскими буквами. При передачѣ этого документа въ изданіи мы старались передать его совершенно точно, не исправляя ошибокъ его польскаго языка, такъ какъ эти ошибки являются обычными въ составляемыхъ на польскомъ языкѣ актахъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ. Обычныя сокращенія („o" наверху въ значеніи „go" и т. п.) польскихъ рукописей мы восполняли, какъ раскрывали и обычныя сокращенія латинскихъ словъ. Сокращеніе слова „miłosc" („msc") оставляли не раскрытымъ. Документъ находится въ книгѣ № $\frac{1}{A}$ Трокскаго гродскаго суда (Виленскій Центральный Архивъ, № 5955), л. л. 262—263 об.

Мошевичахъ, потому что „з Божъего допущенья у Новогородку на тотъ часъ поветрее“ было „не малое“ [1]). Сеймики конца 1571 года, созванные Сигизмундомъ Августомъ передъ Варшавскимъ сеймомъ 1572 года, также собирались въ части Литовско-Русскихъ повѣтовъ во время повѣтрія. „Отписъ“ Сигизмунда Августа къ Виленскимъ воеводѣ (онъ же и канцлеръ) и каштеляну, Троцкому каштеляну (онъ же подканцлеръ) и Жомоитскому старостѣ (онъ же маршалокъ земскій) такъ говоритъ объ этихъ сеймикахъ: „Въ тыхъ часехъ данъ естъ намъ листъ отъ вашое милости, пановъ радъ нашихъ, которимъ ознаймуете ваша милость намъ казнь Божью отъ поветрія, мало не по всихъ сторонахъ въ панъстве нашомъ, Великомъ Князстве Литовскомъ и въ земли Жомойтской. А ижь вжо листы соймовые и ведомость о сойме вашу милость дошла, про то, чинечи досыть воли и росказанью нашому, абы соймики поветовые могли дойти где на местъцу здоровомъ, якохмо о томъ до вашое милости писати велели, на часъ, въ листехъ соймовыхъ описаный, зложили есте ваша милость местъца сеймикомъ, то естъ Виленъскому и повстовъ, ку нему належачимъ, — у Волькиникахъ, Троцъкому — у Сомилишкахъ, Новгородскому — у Слониме, а Жомойтскій соймикъ твоя милость, пане старосто Жомойтскій, хочешъ зложити хотя где въ полю, кгдыжъ не только въ местечъкахъ, але и въ домехъ шляхетъскихъ тая казнь Божая розмножилася и з великою небезпечностью прійдеть местъца тые переежджати, где поветрее панустъ. Одножъ доведуете ся ваша милость писаньемъ своимъ, науки нашое досегаючы, если бы съ причинъ тое казни Божое, которая и въ Коруне Польской розширилася такъ же мало не по всихъ кутехъ, мелъ быти сеймъ на иный дальшій часъ по Трехъ Кролехъ номкненъ, абыхмо отписомъ нашимъ вашу милость ведомыхъ учынили, жебы есте, такъ же не скваняючися и не зводечи братьи своее шляхты на тотъ день, соймикомъ зложоный, въ безпечности здоровъе свое и ихъ заховати могли; а где бы съемъ не былъ помъкненъ, тогды, не спущаючися на то, хочете ваша милость предъ ся на соймики на день девятый декабра ехати. Нижли обавляетеся ваша

---

1) А. Вил. XXXI. № 26.

милость неякое трудности на сойме, же вашу милость слухи дошли отъ некоторое шляхты о две речи новые, то есть о з[ъ]ехапье на одно местъцо, кождому повету до своего воеводъства, а другая около запечетованья листовъ сеймовыхъ не звыклою печатю Великого Князства Литовского. И подасте намъ раду и зданье свое, если бы ся тежь то намъ видело, абы ся листы соймовые переписали а звыклою печатью Великого Князства Литовского запечатаны. И вы стерегаетеся, ваша милость, того, ижь бы въ затрудненьи неякомъ для тое речи на сойме у пановъ Поляковъ вси Литовчичи не были винованни, а у насъ г[о]с[по]д[а]ра никоторого мниманья за то не понесли. Якохмо то ширей з листу вашое милости вырозумели и вдячне то отъ вашое милости, пановъ радъ нашихъ, прiймуемъ, же въ речахъ нашихъ г[о]с[по]д[а]рьскихъ и земскихъ такъ дбале и охотъне поступуете, а, прихиляючися и згожаючися з росказаньемъ нашимъ, соймики на тотъ часъ, отъ насъ зложоный, девятого дня декабра мети хочете, ознаймивши то князю бискупу Виленскому, до которого твоя милость, пане воевода Виленъскiй, з листы нашими послалъ, кабы вси поветы, въ своихъ воеводъствахъ на одно местцо, гдесте ваша милость зложили, зъехавшисе на соймики, пословъ обрали. Але о помъкненьи [1]) сойму на дальшiй часъ по Трохъ Кролехъ, о томъ ни отъ кого съ пановъ радъ нашихъ Корунныхъ до насъ не писано. Намъ тежь самымъ откладати нелзя, на што ся ваша милость, вси панове рады наши, первей зезволили, хиба если бы, чого Боже вховай, былъ кгвалтъ а казнь Божая ширилася, для которое бы трудно сеймовати, — тогды роскажемъ вашой милости ознаймити о всемъ достаточне, если ся съемъ далей помъкнути мусить; а соймики на положоный часъ предъ ся кгды дойдуть и послы ся оберуть, ино тымъ ся ничого не затруднить, але то ещо лепей, же готови будуть ехати на съемъ, хотя жь бы ся и преложилъ на дальшiй часъ“ [2]).

1) Въ оригиналѣ: „томъкненьи“.

2) Въ оригиналѣ дальше стоитъ знакъ, обозначающiй etc. Заголовокъ въ книгѣ Метрики и окончанiе этого документа см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 88, прим. 2 (слова „што ся дотычеть“ слѣдують сряду за словами „на дальшiй часъ“). Этотъ „отписъ“ обращается отъ имени Сигизмунда Августа къ „воеводе Виленъ-

Приведенная выписка изъ „описа“ Сигизмунда Августа къ четыремъ раднымъ панамъ Княжества ярко рисуетъ размѣры повѣтрія въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго воеводствъ и Жомоитской земли. Виленскій и Троцкій воеводскіе сеймики, какъ узнаемъ изъ этого документа, были назначены въ Волкинникахъ и Сомилишкахъ, т. е. даже не въ повѣтовыхъ центрахъ, а въ простыхъ мѣстечкахъ, а Жомоитскій староста предполагалъ созвать сеймикъ Жомойти просто въ полѣ, несмотря на зимнее время. Что касается Новгородскаго воеводскаго сеймика, то въ исходѣ 1571 года онъ былъ назначенъ въ Слонимѣ, т. е. въ одномъ изъ трехъ повѣтовыхъ центровъ Новгородскаго воеводства[1]). Сеймики этого созыва во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ созывались не по повѣтамъ, какъ этого требовалъ статутъ, а по воеводствамъ: всѣ повѣты того или другого воеводства должны были сеймиковать вмѣстѣ на одномъ общемъ сеймикѣ[2]). „Отписъ“ Сигизмунда Августа, выписка изъ котораго приведена нами, даетъ знать, что Литовско-Русская шляхта усматривала въ такомъ способѣ сеймикованья новшество и высказывала недовольство имъ, какъ и необычнымъ способомъ „запечетованья листовъ соймовыхъ“, на которыхъ она видѣла государственную печать Великаго Княжества Литовскаго замѣненною „сигнетомъ“, т. е. перстнемъ господаря. Въ этомъ недовольствѣ нужно видѣть выраженіе боязни шляхты какого-либо ущерба правамъ Литовско-Русскаго „панства“ и его шляхетскаго народа, которыя такъ ревниво охраняло Великое Княжество Литовское послѣ Люблинской Уніи[3]). Но самая идея сеймикованья не повѣтами, а воеводствами не была новою въ 1571 году. Всего тремя годами раньше, на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, же-

---

скому, канъцлеру нашому Великого Князства Литовского, старосте Мозыръскому, державцы Борисовскому, пану Миколаю Юръевичу Радивилу; пану Виленъскому, гетьману нашому навышъшому Великого Князства Литовского; пану Троцъкому; старосте Жомойтъскому, маршалъку земъскому Великого Князства Литовского“. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{56}$ л. л. 5 об. — 7. Дата: Варшава, 25 ноября 1571 года.

1) Новгородокъ, Слонимъ и Волковыйскъ.

2) Приложенія. Стр. 35.

3) Изложеніе этого дѣла о „сыкгнетовой“ печати — И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 88—90.

лапіе замѣнить повѣтовые сеймики сеймиками воеводскими было высказано шляхтою Виленскою и Волынскою. Виленское воеводство просило на этомъ сеймѣ Сигизмунда Августа о томъ, чтобы „для болшое оздобы и учтивости того воеводства Виленского, столицы его милости господарское, и для лепшого и способнейшого обмышляня на соймикохъ въ потребахъ земскихъ а для порадпейшого обираня и выправованя посломъ на соймы великіе вальныи" обыватели Ошменскаго, Лидскаго, Вилькомирскаго и Браславскаго повѣтовъ сеймиковали въ Вильнѣ вмѣстѣ съ повѣтомъ Виленскимъ, съ сохраненіемъ, однако, самостоятельнаго значенія этихъ повѣтовъ и съ выборомъ отъ каждаго изъ нихъ по два сеймовыхъ посла, хотя они и сеймиковали бы на одномъ сеймикѣ [1]). Земля Волынская на томъ же Городенскомъ сеймѣ 1568 года просила, чтобы „у-въ оной земли Волынской соймики поветовые порозну отправованы не были, то есть у Володимеру [и] у Кременцу", но чтобы всѣ Волынскіе обыватели съѣзжались „ку соймику на одно местце до места столечного въ той земли, до Луцка", или же съѣзжались бы поочередно, „разъ на одинъ соймикъ до Луцка, а на другій до Володимера, а на третій до Кременца" [2]). Обѣ эти просьбы были удовлетворены Сигизмундомъ Августомъ только для одного созыва предсеймовыхъ сеймиковъ, а именно ближайшихъ послѣ Городенскаго сейма 1568 года сеймиковъ того же года, которые должны были выбрать пословъ на спольный съ Поляками сеймъ для заключенія Уніи.

Въ просьбѣ земли Волынской объ общемъ сеймикованьѣ, представленной ею въ 1568 году, нужно видѣть выраженіе сознанія единства этой земли, бывшее результатомъ ея предшествующей исторіи и жизни. Это единство требовало и одного сеймика для обсужденія нуждъ и дѣлъ „речи посполитой" земли Волынской. Что касается аналогичной и представленной тогда же просьбы Виленскаго воеводства, то ее можно считать вызванною сознаніемъ значенія Виленскаго сеймика въ ряду другихъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго вообще и въ

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 485.
2) Ibidem. Стр. 487.

данное время въ особенности. Виленскій сеймикъ, какъ мы уже отмѣтили выше[1]), имѣлъ въ своемъ составѣ наиболѣе крупныхъ сановниковъ и вліятельныхъ лицъ Литовско-Русскаго „панства“. Это придавало его голосу большую авторитетность, которая усиливалась „столечнымъ“ значеніемъ города, въ которомъ онъ собирался, и въ эпоху обсужденія условій соединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею было желательно еще болѣе увеличить значеніе этого центральнаго сеймика Литовско-Русскаго государства, поставивъ его въ значеніи сеймика цѣлаго Виленскаго воеводства во главѣ сеймиковъ повѣтовыхъ. Къ тому же во главѣ Виленскаго воеводства стояли въ это время Николай Юрьевичъ Радивилъ, въ значеніи его воеводы, и Григорій Александровичъ Ходкевичъ, въ значеніи его каштеляна, бывшіе тогда вмѣстѣ съ Яномъ Еронимовичемъ Ходкевичемъ наиболѣе вліятельными лицами въ Литовско-Русскомъ государствѣ[2]). При этомъ Янъ Ходкевичъ, какъ земскій маршалокъ Княжества, по значенію этого своего уряда также естественно могъ предпочесть присутствіе на сеймикѣ въ Вильнѣ присутствію на сеймикѣ земли Жомоитской, старостою которой онъ былъ также. Виленскій сеймикъ при такихъ условіяхъ долженъ былъ стать несомнѣннымъ руководителемъ всего Великаго Княжества Литовскаго. Но можно видѣть въ просьбѣ объ общемъ сеймикованьѣ всѣхъ пяти повѣтовъ Виленскаго воеводства и сознаніе того, что этотъ сеймикъ притягивалъ къ себѣ изъ сосѣднихъ съ Виленскимъ повѣтовъ шляхту послѣднихъ, имѣвшую какое либо право на немъ присутствовать. Необходимость этого привлеченія въ Вильну на сеймикъ должностныхъ лицъ и шляхтичей изъ другихъ повѣтовъ, гдѣ первымъ было естественнѣе находиться на сеймикѣ по ихъ урядамъ, а вторымъ — по размѣрамъ и значенію ихъ имѣній-осѣлостей, уже отмѣчена нами выше[3]). Естественно, что сила притяженія Виленскаго сеймика должна была чувствоваться особенно въ ближайшихъ къ Виленскому повѣтахъ, и это могло быть причиною желанія слить эти ближайшіе повѣты, т. е. повѣты Виленскаго воеводства, въ одномъ сеймикѣ.

---

1) Стр. 556—557.

2) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 682.

3) Стр. 556—557.

Сеймикованье по воеводствамъ, а не по повѣтамъ, въ исходѣ 1571 года вызвало рядъ вопросовъ и затрудненій. Мы уже видѣли, что собравшаяся тогда на воеводскіе сеймики шляхта отказывалась складываться „на страву" сеймовымъ посламъ и что потребовался созывъ новыхъ сеймиковъ, опять по повѣтамъ и на мѣстахъ „звыклыхъ", какъ для постановленій о „стравныхъ" деньгахъ, такъ и для утвержденія инструкцій посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ на Варшавскій сеймъ 1572 года [1]). Конечно, причина, оффиціально выставляемая для объясненія созыва этихъ новыхъ сеймиковъ, т. е. малый съѣздъ на нихъ шляхты въ виду повѣтрія [2]), имѣла свое дѣйствительное значеніе. Но рядомъ съ нею позволительно предположить для этого созыва и причину другую. Назначеніе Сигизмундомъ Августомъ въ дополненіе къ сеймикамъ исхода 1571 года новаго съѣзда шляхты „на местцо звыклое", несмотря на повѣтріе, говоритъ о томъ, что Литовско-Русскіе повѣты уже привыкли къ тому, чтобы ихъ сеймики отбывались въ повѣтовыхъ центрахъ, и что, такимъ образомъ, создавалась традиція по отношенію къ мѣсту сеймикованья, пріобрѣтавшая своего рода значеніе закона. Конечно, чрезвычайныя обстоятельства могли заставлять переносить мѣсто собранія повѣтоваго сеймика изъ центра повѣта — это могло быть во время эпидемій, вторженія внѣшняго врага, или другихъ чрезвычайныхъ осложненій повѣтовой жизни, — но при нормальномъ ея теченіи сеймикъ долженъ былъ собираться на мѣстѣ „звыкломъ", въ повѣтовомъ центрѣ.

Повѣтовый сеймикъ, какъ собраніе повѣтовой шляхетской корпораціи, долженъ былъ имѣть своего предсѣдателя въ значеніи руководителя занятій и „обмовъ" сеймикующихъ. Сеймики въ Польшѣ открывались старшимъ изъ сенаторовъ, присутствовавшихъ на сеймикѣ [3]). Въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, какъ мы это уже видѣли выше, далеко не всѣ повѣтовые сеймики имѣли въ своемъ составѣ лицъ „стана сенаторскаго" [4]). Если въ Польшѣ, въ

---

1) Стр. 445.

2) Приложенія. Стр. 36.

3) Ср. Adolf Pawiński, Rządy Sejmikowe, str. 18.

4) Маршалки Литовско-Русскихъ повѣтовъ, соотвѣтствующіе мень-

случаѣ отсутствія сенаторовъ на сеймикѣ, его открывалъ старшій изъ должностныхъ лицъ[1]), то тѣмъ обычнѣе это должно было быть въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ ни одного опредѣленнаго указанія источниковъ на то, какъ и кѣмъ открывались занятія Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ изучаемаго времени, и должны основываться лишь на соображеніяхъ необходимости какого-либо момента, съ котораго собравшаяся шляхта признавалась сеймикомъ, и естественности, что этотъ моментъ создавался заявленіемъ объ открытіи сеймикованья старшимъ изъ находившихся на сеймикѣ должностныхъ членовъ сеймикующаго шляхетскаго повѣта. Но лицо, открывавшее сеймикъ, далеко не всегда, по крайней мѣрѣ въ болѣе позднее время, получало значеніе предсѣдателя сеймика въ его занятіяхъ. Съ теченіемъ времени Литовско-Русскій повѣтовый сеймикъ сталъ избирать для руководства своими занятіями изъ состава сеймикующихъ директора или маршалка сеймика, какъ это дѣлалъ и сеймикъ Польскій. Представленія объ этомъ директорѣ или маршалкѣ повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго, существующія въ исторической литературѣ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ быть признаны правильными. Ленгнихъ и Скржетускій, писавшіе свои труды еще въ XVIII столѣтіи, отрицали наличность выборнаго маршалка въ сеймикованьѣ Великаго Княжества Литовскаго. Ленгнихъ, говоря о сеймикахъ соединенной Речи Посполитой, писалъ: „praeses conuentuum Mareschalcus vocatur, qui pluralitate suffragiorum ex numero nobilium eligitur, quemque possessiones in illo palatinatu aut terra habere oportet: nisi quod in Lituania Mareschalci terrestres sui tractus conuentibus praesident“ [2]). Что касается Скржетускаго, то онъ называетъ предсѣдателемъ

шимъ каштелянамъ Польши, не были признаны сенаторами. Ср. выше, стр. 456, прим. 2.

1) Ср. X. Wincenty Skrzetuski, Prawo Polityczne Nar. Polsk., tom I, str. 233.

2) Gotfridi Lengnich Jus Publicum Regni Poloni. Tomus II. Gedani 1766. P. 324—325. Ср. ibidem, p. 321 („Mareschalci electi conuentuum Praesides, in Lituania Mareschalci terrestres“). Слово „tractus“ въ выпискѣ, приведенной нами въ текстѣ, употреблено, конечно, въ значеніи слова „повѣтъ“. См. выше, стр. 50, прим. 2.

Литовско-Русскаго сеймика старшаго сенатора или урядника въ воеводскихъ повѣтахъ и повѣтоваго маршалка въ остальныхъ [1]). Въ дальнѣйшей разработкѣ исторіи и исторіи права соединеннаго государства мы не имѣемъ попытокъ изученія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика и его организаціи на основѣ актовъ его дѣятельности, и высказанное о предсѣдателѣ сеймика Княжества Ленгнихомъ и Скржетускимъ повторялось безъ всякой провѣрки [2]). Дѣло осложнилось еще тѣмъ, что въ переводѣ труда Ленгниха на польскій языкъ, вышедшемъ въ Краковѣ въ 1836 году, приведенныя нами выше слова его о значеніи маршалка на сеймикѣ были неправильно переведены: слово „terrestres“ было переведено словомъ „ziemscy“ [3]). Это повлекло за собою смѣшеніе повѣтоваго маршалка съ земскимъ маршалкомъ Великаго Княжества Литовскаго, который былъ одинъ на все Литовско-Русское „панство“ и былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ членовъ его сенаторскаго „стана“ [4]). Такимъ образомъ, къ представленію Ленгниха и Скржетускаго о сеймиковомъ маршалкѣ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, которое, какъ увидимъ ниже, даже можетъ быть принято съ извѣстнымъ ограниченіемъ времени для его значенія и грѣшитъ лишь слишкомъ широкимъ обобщеніемъ, присоединилась прямая ошибка, требующая коренного исправленія [5]).

---

1) X. Wincenty Skrzetuski. Op. cit. Str. 233.

2) См., нпр., Jan Wincenty Bandtkie-Stężyński, Historya Prawa Polskiego (Warszawa 1850), str. 612; Starożytności Polskie, tom II (Poznań 1852), str. 434; Adam Szelągowski, Wzrost Państwa Polskiego w XV i XVI w. Polska na przelomie wieków średnich i nowych (Lwów 1904), str. 285.

3) „W Litwie Marszalkowie Ziemscy na sejmikach przewodzą“. G. Lengnicha, Prawo Pospolite Królestwa Polskiego (Wydanie nowe, w poprawném tlómaczeniu obadwa lacińskie połączające, ogloszone za sprawą i nakladem redakcyi Kwartalnika Naukowego. Kraków 1836). str. 337.

4) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 637—642.

5) Нужно пожалѣть, что эта ошибка польской исторической литературы безъ всякихъ оговорокъ дается и въ русскомъ переводѣ труда по исторіи Польши Влад. Грабеньскаго (Влад. Грабеньскій, Исторія Польскаго народа. СПБ. 1910), предназначенномъ для широкаго круга читателей и сдѣланномъ подъ редакціей прив.-доц. С.-Петербургскаго Университета Н. Ястребова. Н. В. Ястребовъ, повидимому, отчасти знакомъ и съ русскими изслѣдованіями по исторіи Великаго Княжества Литовскаго (см. его Предисловіе къ русскому переводу труда

Литовско-Русскій повѣтовый сеймикъ, какъ и сеймикъ Коронный, избиралъ своего маршалка или директора уже къ серединѣ XVII столѣтія. Приведенный нами выше документъ[1]), вышедшій въ 1647 году съ Троцкаго сеймика, говоритъ, что Троцкая шляхта, собравшись на этотъ сеймикъ, хотѣла выбирать „more solito" своего директора. Правда, что находившійся въ составѣ сеймикующихъ Минскій воевода, панъ Александръ Огинскій заявлялъ, что никогда и нигдѣ не бывало того, чтобы сеймиковаго директора избирали „per vota": но даже, если признать долю правды въ этомъ заявленіи желавшаго во что бы то ни стало стать директоромъ этого сеймика Огинскаго, то во всякомъ случаѣ указаніе на переходъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ къ избранію своихъ предсѣдателей въ данномъ документѣ мы констатировать должны. Нужно думать, что своихъ сеймиковыхъ маршалковъ, или директоровъ, Литовско-Русскіе повѣты начинали избирать около середины XVII столѣтія. При этомъ мы не рѣшились бы сказать, что всѣ они стали это дѣлать въ одно и то же время. Быть можетъ этимъ различіемъ времени начала введенія избираемаго сеймиковаго маршалка въ различныхъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго и нужно объяснять возможность совершенно противоположнаго отношенія къ вопросу о выборѣ директора на Троцкомъ сеймикѣ 1647 года: Минскій воевода вмѣстѣ со своими „пріятелями" этотъ выборъ отрицалъ, большинство Троцкой шляхты его признавало. Акты Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ называютъ, начиная съ сере-

---

д-ра Станислава Кутшебы — Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. СПБ. 1907). Тѣмъ естественнѣе было бы ожидать отъ него соотвѣтствующихъ исправленій промаховъ г. Грабеньскаго въ примѣчаніяхъ къ его тексту. Ошибки переведеннаго труда г. Грабеньскаго въ тѣхъ частяхъ, гдѣ онъ говоритъ о Литвѣ, не исчерпываются смѣшеніемъ маршалка земскаго съ маршалками повѣтовыми (стр. 144 и 149). Этотъ трудъ въ переводѣ совершенно неправильно говоритъ на рядѣ страницъ о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, нпр., стр. 143 („на Литвѣ въ повѣтѣ было три земскихъ судьи и подсудокъ; предсѣдатель назывался земскимъ президентомъ"), стр. 144 (объ урядахъ Литовскихъ) и др. Странно читать и недосмотръ на стр. 123, благодаря которому оказывается, что Стефанъ Баторій былъ избранъ Польскимъ королемъ „на поляхъ Волги".

1) Стр. 560—561, примѣчаніе.

дины XVII столѣтія маршалковъ или директоровъ на сеймикахъ различныхъ повѣтовъ. Такъ, директоромъ Берестейскаго сеймика, собравшагося въ іюнѣ 1632 года, былъ Левъ Сапега, воевода Виленскій, великій гетманъ Великаго Княжества Литовскаго[1]); директоромъ августовскаго сеймика того же повѣта въ 1632 же году былъ Александръ Людвикъ Радивилъ, воевода Берестейскій[2]); директоромъ Берестейскаго же громничнаго сеймика въ 1634 году былъ Андрей Масальскій, каштелянъ Берестейскій[3]): директоромъ Городенскаго сеймика, собравшагося въ іюнѣ 1649 года, былъ Янъ Казимиръ Ходкевичъ, каштелянъ Виленскій[4]); директоромъ Новгородскаго сеймика, собравшагося въ декабрѣ 1658 года — Криштофъ Володковичъ, воевода Новгородскій[5]); директоромъ Минскаго іюньскаго сеймика въ 1659 году — Ѳеодоръ Володкевичъ, войскій и судья гродскій[6]); директоромъ Пинскаго іюньскаго сеймика въ 1666 году — Янъ Кароль Млоцкій, староста Пинскій[7]); маршалкомъ Виленскаго майскаго сеймика въ 1671 году — Михаилъ Пацъ, воевода Виленскій, великій гетманъ Великаго Княжества Литовскаго[8]); и т. д.[9]).

Такимъ образомъ, со времени середины XVII столѣтія мы имѣемъ постоянныя упоминанія актовъ Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ о сеймиковыхъ маршалкахъ или директорахъ. Что касается необходимости въ предсѣдателѣ собраній шляхты, то она, конечно, ясно чувствовалась Литовско-Русскими повѣтовыми сеймиками и въ XVI столѣтіи. Руководителемъ своихъ преній шляхта избираетъ какое-либо

1) А. Вил. III. Стр. 338.

2) Ibidem. Стр. 339.

3) А. Вил. II. Стр. 168.

4) А. Вил. I. Стр. 186.

5) Рук. Имп. Публ. Библ. Польская F, II, № 20. Л. 3 („Laudum Woiewodztwa Nowogrodzkiego").

6) Ibidem. Л. 5 („Seymik Relatiyny Minski").

7) Виленскій Центр. Архивъ. № 13018 (Пинскаго гродскаго суда № 31). Л. 695.

8) А. Вил. VIII. Стр. 340.

9) Другіе примѣры: А. Вил. III, стр. 369 (Берестейскій сеймикъ 1661 года; ср. выше, стр. 491), или Ист.-Юрид. Матеріалы XXVI, стр. 299 (директоромъ Оршанскаго сеймика, собравшагося 15 октября 1668 года, былъ Самуилъ Кмитицъ, хоружій Оршанскій).

лицо изъ состава собравшихся на то или другое, имѣющее серьезное значеніе и многолюдный составъ, совѣщаніе, конечно, и въ это уже время. Такъ, при началѣ извѣстнаго засѣданія православнаго собора 6 октября 1596 года по вопросу о заключенной съ Римомъ церковной уніи, которое имѣло мѣсто въ домѣ пана Райскаго въ Берестьѣ, свѣтское коло участниковъ этого собора избираетъ изъ своей среды маршалкомъ Демьяна Гулевича, Волынскаго посла[1]). Но начала избранія большинствомъ голосовъ руководителя своихъ сеймиковыхъ собраній въ XVI столѣтіи повѣтовая шляхта еще очевидно не выработала. Въ эту эпоху она не избирала большинствомъ голосовъ, а признавала вся предсѣдателемъ своихъ сеймиковъ тѣхъ изъ сенаторовъ и должностныхъ лицъ, находившихся въ составѣ сеймикующихъ, которые были старшими по своему рангу. Но быть можетъ, что въ словахъ Ленгниха о значеніи повѣтовыхъ маршалковъ какъ предсѣдателей сеймиковъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ мы имѣемъ отраженіе порядка дѣйствительно существовавшаго въ XVI столѣтіи въ не-воеводскихъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго[2]). Повѣтовый маршалокъ стоялъ во главѣ повѣта, какъ отряда земскаго войска, а шляхетскіе повѣты были корпораціями рыцарства-шляхты, объединявшимися подъ своими хоругвями около хоружихъ и стоявшихъ надъ ними маршалковъ. Если въ центральныхъ повѣтахъ значеніе военачальника повѣтоваго рыцарства держалъ въ своихъ рукахъ каштелянъ, то, несмотря на свою принадлежность къ сенаторскому „стану“, онъ терялъ въ своемъ авторитетѣ рядомъ съ воеводою, стоявшимъ во главѣ земскаго войска всѣхъ повѣтовъ его

---

1) Ср. митр. Макарій, Исторія Русской Церкви, томъ IX (СПБ. 1879), стр. 659—660.

2) Надо думать, что Ленгнихъ имѣлъ какое-нибудь основаніе для того, чтобы написать свои слова о повѣтовыхъ маршалкахъ Княжества, какъ предсѣдателяхъ его сеймиковъ. Основательность его труда не позволяетъ полагать иначе. Но Польша всегда плохо знала Великое Княжество Литовское; примѣры этого увидимъ еще ниже. Возможно, что Ленгнихъ писалъ о сеймикѣ Великаго Княжества Литовскаго на основаніи разсказовъ о немъ, шедшихъ еще отъ XVI столѣтія, или на основаніи документовъ и свидѣтельствъ, относящихся именно къ этому времени.

воеводства. Такимъ образомъ, при своемъ значеніи въ повѣтѣ маршалокъ являлся и наиболѣе естественнымъ предсѣдателемъ во время сеймикованья его повѣтоваго шляхетскаго полка, если не было въ числѣ сеймикующихъ кого-либо изъ радныхъ пановъ Княжества, которымъ принадлежало высшее мѣсто на сеймикѣ, какъ входившимъ въ составъ „стана сенаторскаго“, а не просто „шляхетскаго“.

Подводя итогъ нашего изученія вопроса о предсѣдательствѣ на Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймикахъ, мы должны установить слѣдующее: XVI столѣтіе еще не знаетъ избранія сеймиковыхъ предсѣдателей сеймикующими, это избраніе большинствомъ голосовъ установилось лишь въ XVII вѣкѣ. Повѣтовый сеймикъ Великаго Княжества Литовскаго не избиралъ своего предсѣдателя, а признавалъ его въ лицѣ старшаго должностного лица, на сеймикѣ присутствовавшаго. Но постоянныхъ, обязательно по своему уряду долженствующихъ являться для предсѣдательствованія на сеймикахъ лицъ мы не встрѣчаемъ въ Литовско-Русскомъ сеймикованьѣ XVI столѣтія. Каждый сеймикъ имѣлъ руководителемъ своихъ „обрадованій“ то или другое должностное лицо, въ зависимости отъ своего состава. Такъ, и въ XVI столѣтіи въ концѣ концовъ мы имѣемъ лишь предсѣдателей отдѣльныхъ сеймиковъ, а не постоянное предсѣдательство въ сеймикованьѣ того или другого изъ повѣтовъ, хотя Литовско-Русскій законъ, какъ мы это видѣли, какъ будто бы намѣчалъ послѣднее, дѣлая свои постановленія о мѣстахъ на сеймикахъ для радныхъ пановъ и урядниковъ и предоставляя одному изъ нихъ первое мѣсто. Середина XVII столѣтія, введя избраніе сеймикующею шляхтою ея сеймиковыхъ предсѣдателей „per vota“, приносила этимъ съ собою новый успѣхъ идеи шляхетскаго равенства. Каждый сеймикъ голосами братіи-шляхты сталъ выбирать своего директора [1]). Быть можетъ въ этомъ можно видѣть и другую сторону: слабую тенденцію къ введенію въ „обрадованьяхъ“ принципа большинства голосовъ рядомъ

1) Акты иногда подчеркиваютъ это значеніе директора только для одного сеймика, нпр.: „Łukasz Harbowski, skarbnik Czernihowski, iako dyrektor na ten czas koła rycerskiego woiewodztwa Brzeskiego“ (А. Вил. III, стр. 389— 1662 годъ).

съ принципомъ „згоды“, т. е. единогласія, тенденцію, которой не суждено было, однако, вполнѣ окрѣпнуть.

Кромѣ предсѣдателя повѣтовый сеймикъ долженъ былъ имѣть лицъ, которыя исполняли на немъ секретарскія обязанности. И составленіе инструкціи сеймовымъ посламъ, и составленіе актовъ постановленій или избраній, дѣлаемыхъ сеймиками, требовали того, чтобы во время сеймикованья кто-либо изъ сеймикующихъ писалъ соотвѣтствующій актъ и вносилъ въ него то, что постановлялъ сеймикъ[1]). Для этой цѣли Польскіе сеймики выбирали изъ своего состава ассессоровъ[2]). Акты Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ не знаютъ выборныхъ ассессоровъ не только для XVI столѣтія, но и для послѣдующаго времени. Скржетускій утверждаетъ, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ обязанности сеймиковыхъ ассессоровъ исполняли четыре изъ присутствовавшихъ на сеймикѣ урядниковъ[3]). Это, конечно, вполнѣ естественно, но необходимо имѣть въ виду возможность случаевъ и недостатка числа присутствовавшихъ урядниковъ для несенія ассессорскихъ обязанностей. Едва ли правильно будетъ полагать, что одни только урядники помогали предсѣдателю сеймика во время сеймикованья, и едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что всегда одно и то же число лицъ записывало сеймиковыя „справы“. Это дѣлали, надо думать, обыкновенно урядники потому, что они были людьми грамотными и притомъ опытными въ оффиціальномъ письмоводствѣ. Къ тому же для того, чтобы участвовать въ составленіи и редактированіи документовъ, выходившихъ отъ сеймиковъ, нужно было умѣть писать по-польски или, по крайней мѣрѣ, владѣть умѣньемъ писать латинскими буквами, ибо сеймиковыя инструкціи и „лявдумы“ уже въ XVI столѣтіи писались не русскими буквами, а мы уже видѣли

---

1) Ср. „вота“, о которыхъ говоритъ статутъ (III ст., III, 6) и которыя подаютъ сеймикующіе для внесенія ихъ въ инструкцію. См. выше, стр. 560, примѣчаніе.

2) См., нпр., X. Wincenty Skrzetuski, op. cit., str. 233, или Jan Wincenty Bandtkie-Stężyński, Historya Prawa Polskiego, str. 611—612, или Adolf Pawiński, Rządy Sejmikowe, str. 20.

3) X. Wincenty Skrzetuski. Op. cit. Str. 233. Въ концѣ XVIII столѣтія иногда и акты Литовско-Русскихъ сеймиковъ упоминаютъ объ избраніи ассессоровъ. Нпр., А. Вил. II, стр. 194 (1792 г.).

выше[1]), что этимъ умѣньемъ обладала въ изучаемое время далеко не вся повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго. Поэтому совершенно естественно, что имѣвшія соотвѣтствующіе опытъ и знанія должностныя лица и были обычными секретарями Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ. Но мы не думаемъ, чтобы была закрыта возможность исполненія секретарскихъ обязанностей на сеймикахъ Княжества и для не-должностныхъ шляхтичей, если они обладали соотвѣтствующими качествами, необходимыми для этого дѣла, особенно въ случаѣ недостатка должностныхъ лицъ въ составѣ сеймикующихъ.

Повѣтовый сеймикъ былъ братскимъ „обрадованьемъ" шляхетскаго повѣта. Его рѣшенія сеймикующіе вырабатываютъ, „зволившыся вси одностайнымъ зданьемъ" [2]), и эти рѣшенія являются ихъ общею „згодою" [3]). Идея сеймика предполагаетъ „милость братерскую" въ средѣ сеймикующихъ повѣтовъ и „милость" къ господарю и государству. Она предполагаетъ, такимъ образомъ, наличность „милости"-любви къ общему благу, которая должна обезпечивать сеймикамъ „одностайность" во время сеймикованья. „Згода", т. е. общее согласіе, и должна гарантироваться наличностью этой „милости" къ отчизнѣ и къ братіи-шляхтѣ. Извѣстная идеализація вмѣстѣ со слѣдами старой патріархальности нѣсколько чувствуется въ этой идеѣ повѣтоваго сеймика. Но, высказывая эту идею, Литовско-Русская верховная власть хорошо знаетъ возможность „приводить" сеймикующихъ къ этой „згодѣ" вліяніемъ, или мнѣніемъ-„зданьемъ" вліятельныхъ участниковъ сеймиковъ [4]). Разслоеніе повѣтовой шляхты на группы съ не совсѣмъ совпадающими интересами, наличность среди нея противоположныхъ мнѣній, вліяніе на нее отдѣльныхъ лицъ и, наконецъ, группировка ея на основѣ всего этого на партіи хорошо, конечно, были извѣстны верховной власти Великаго Княжества Литовскаго. Безъ сомнѣнія не менѣе ясно все это сознавалось и самою шляхтою. Конечно, въ различное время и въ различныхъ

1) Стр. 452.
2) II ст., III, 5.
3) Ср. А. Вил. III, стр. 337, 339 и др.
4) См. выше, стр. 443 и прим. 2.

повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго эта группировка шляхты должна была слагаться неодинаково. У насъ нѣтъ возможности, по недостатку матеріала, прослѣдить настроенія Литовско-Русскихъ повѣтовъ во второй половинѣ XVI столѣтія. Но мы должны, изучая повѣтовый сеймикъ, какъ общій институтъ государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго въ эту эпоху, остановиться на значеніи въ его дѣятельности отдѣльныхъ группъ его участниковъ, дѣлая это путемъ общаго опредѣленія условій, создававшихъ вліяніе ихъ представителей, а не путемъ изученія роли отдѣльныхъ личностей или группировки опредѣленныхъ лицъ.

Литовско-Русскій законъ, какъ мы видѣли выше [1]), въ составѣ повѣтовыхъ сеймиковъ различаетъ радныхъ пановъ [2]), должностныхъ лицъ, князей, пановъ и рядовую шляхту повѣтовъ. То же самое дѣлаютъ и акты, относящіеся къ повѣтовымъ сеймикамъ Великаго Княжества Литовскаго [3]). Значеніе представителей этихъ группъ не могло быть одно и то же во время сеймикованья. Паны-рада должны были прежде всего обладать большею освѣдомленностью по сравненію съ остальными участниками сеймиковъ. Самый созывъ предсеймовыхъ сеймиковъ и сеймовъ долженъ былъ дѣлаться господаремъ не иначе, какъ съ ихъ вѣдома, и паны-рада участвовали не только въ выборѣ времени и мѣста для сеймовъ, но и въ обсужденіи вопросовъ и дѣлъ, на сеймы вносимыхъ [4]). Кромѣ того передъ предсеймовыми сеймиками радные паны получали особые листы отъ господаря, освѣдомлявшіе ихъ въ большей степени, чѣмъ освѣдомлялись остальные участники сеймиковъ господарскими универсалами и листами, адресованными къ княжатамъ, панятамъ и части урядниковъ. Такимъ образомъ, на предсеймовые сеймики паны-рада являлись съ гораздо лучшимъ и полнымъ знаніемъ дѣлъ, подлежащихъ сеймиковымъ

---

1) Стр. 544—545.

2) II статутъ называетъ воеводъ и каштеляновъ (II ст., III, 5); статутъ 1588 года къ нимъ прибавляетъ бискуповъ (III ст., III, 6). Но, конечно, на сеймикахъ бывали и паны-рада, не занимавшіе воеводскихъ или каштелянскихъ урядовъ.

3) См. выше, стр. 557—558.

4) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 711.

„обмовамъ", чѣмъ остальные повѣтовые обыватели, при чемъ это знаніе господарь давать имъ былъ обязанъ. Но кромѣ того они приносили съ собою на сеймикъ и ту освѣдомленность, которая доставлялась имъ ихъ связями и не всегда подлежала оглашенію въ оффиціальныхъ документахъ, или даже въ перепискѣ съ ними господаря. Панъ-рада на сеймикѣ въ силу всего этого не только имѣлъ возможность влiять на сеймикующихъ тѣми или другими доводами, въ которыхъ онъ приводилъ факты, неизвѣстные остальнымъ сеймикующимъ, но онъ могъ оказывать вліяніе и просто своимъ мнѣніемъ, за которымъ сеймикъ искалъ основаній достаточно сильныхъ, но скрытыхъ отъ сеймикующихъ. На сеймикахъ не предсеймовыхъ радные паны также сохраняли это преимущество большей освѣдомленности, хотя господарь и не обязанъ былъ имъ ее доставлять: ихъ положеніе, какъ членовъ сената, и ихъ связи и безъ того вооружали ихъ достаточнымъ знаніемъ вопросовъ государственной жизни, а также тѣхъ теченій и вліяній, съ которыми нужно было считаться въ сеймикованьѣ.

Къ большей освѣдомленности радныхъ пановъ присоединялось ихъ значеніе по урядамъ, которые они занимали, соединяя ихъ съ мѣстомъ въ „лавицѣ" радъ господарскихъ. Каждый сенаторскій урядъ давалъ его обладателю ту или иную отрасль управленія, центральнаго или областного. Кромѣ того радные паны обычно надѣлялись староствами, какъ судовыми, такъ и несудовыми[1]). Такимъ образомъ, радный панъ выступалъ на повѣтовомъ сеймикѣ вооруженнымъ властью, отъ которой такъ или иначе зависѣла значительная часть сеймикующихъ, правда внѣ сеймика и лишь отдѣльными сторонами, которыми она соприкасалась съ нимъ, какъ должностнымъ лицомъ. Наконецъ, панъ-рада долженъ былъ выдѣляться и тѣмъ значеніемъ, которое давали ему его матеріальныя средства. Радные паны, за немногими исключеніями, были очень крупными землевладѣльцами. Это глубокое различіе размѣровъ земельныхъ владѣній пановъ-рады и остальныхъ „сыновъ земскихъ"[2]) Великаго Княжества Литовскаго отчетливо иллю-

1) Ср. выше, стр. 132 и сл.

2) См. это выраженіе на стр. 135 Приложеній.

стрируется сравненіемъ цифръ ратниковъ, выставляемыхъ ими и шляхтою въ сборахъ земскаго войска. „Пописъ“ 1567 года подсчитываетъ 4890 конниковъ и 2471 пѣшаго драба въ „почтахъ“ Литовско-Русскихъ радныхъ пановъ [1]). Между тѣмъ цѣлые шляхетскіе повѣты дали въ этомъ „Пописѣ“ лишь слѣдующія цифры: Виленскій повѣтъ — 508 коней и 80 драбовъ, Ошменскій — 686 коней, 10 пѣшихъ шляхтичей и 79 драбовъ, Вилькомирскій — 650 коней, 3 пѣшихъ шляхтича и 51 драбъ, повѣтъ Браславля Литовскаго — 81 конь и 14 драбовъ, Троцкій повѣтъ — 591 конь, 23 пѣшихъ и 25 драбовъ, Городенскій — 685 коней, 29 пѣшихъ шляхтичей и 29 драбовъ, Лидскій — 798 коней, 48 пѣшихъ шляхтичей и 41 драбъ, Ковенскій — 694 коня и 34 драба, Упитскій — 358 коней и 50 драбовъ, Новгородскій — 449 коней, 16 пѣшихъ шляхтичей и 54 драба, Волковыйскій — пѣшихъ и конниковъ 357 и 30 драбовъ, Слонимскій — 247 коней, 28 пѣшихъ шляхтичей и 28 драбовъ, Берестейскій — 420 коней и пѣшихъ и 52 драба, Пинскій — 234 коня и 23 драба, Дорогицкій — 3752 коня, 949 пѣшихъ шляхтичей и 111 драбовъ, Бѣльскій — 3568 коней, 438 пѣшихъ шляхтичей и 21 драбъ, Минскій — 221 конь и 45 драбовъ, Рѣчицкій — 44 коня и 5 драбовъ, Оршанскій — 7 коней и 2 драба, Мозырскій — 24 коня и 6 драбовъ, земля Волынская — 697 коней и 228 драбовъ, земля Жомоитская — 2873 коня, 14 пѣшихъ и 185 драбовъ [2]). Такимъ образомъ, всѣ повѣты Великаго Княжества Литовскаго, обозначенные „Пописомъ“ 1567 года, выставили 19502 коней и пѣшихъ шляхтичей и 1193 драбовъ. Если даже принять въ соображеніе то, что повѣтовая шляхта неполно явилась къ исполненію своихъ обязанностей земскихъ воиновъ [3]), что иногда отмѣчается и текстомъ самого „Пописа“ 1567 года [4]), то и въ такомъ слу-

1) Л. 16 (ст. 454 изданія) или л. 856.

2) Итоги выставленныхъ повѣтами военныхъ силъ даны не только въ концѣ „пописа“ каждаго повѣта, но и въ заключительной части рукописной книги, на л. л. 857—859. Эти послѣдніе итоги не всегда сходятся съ итогами, данными въ концѣ „пописа“ каждаго повѣта, по которымъ мы ихъ и исправляли.

3) См. выше, стр. 60—62.

4) Нпр., о повѣтѣ Оршанскомъ въ „Пописѣ“ 1567 года замѣчено: „было шесть пріехало, а иншая шляхта зосталася на замку тамошнемъ

чаѣ цифры „почтовъ" пановъ-рады представляются внушительными рядомъ съ цифрами повѣтовыхъ отрядовъ [1]). Но эти цифры „почтовъ пановъ радъ ихъ милости Великого Князьства Литовского" пріобрѣтаютъ еще бо́льшую внушительность, если мы не будемъ забывать, что они выставлены только тридцатью лицами. Размѣры „почтовъ" отдѣльныхъ радныхъ пановъ опредѣлены „Пописомъ" 1567 года слѣдующимъ образомъ: 1) панъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, панъ Виленскій, гетманъ наивысшій Великаго Княжества Литовскаго, староста Городенскій, державца Могилевскій — 407 коней и 200 драбовъ [2]); 2) панъ Юрій Васильевичъ Тишкевичъ, воевода Берестейскій — 62 коня и 24 драба; 3) князь Андрей Тимоѳеевичъ Капуста, каштелянъ Браславскій, староста Овручскій — 105 коней и 22 драба; 4) панъ Григорій Есифовичъ Тризна, каштелянъ Подляшскій — 22 коня и 11 драбовъ; 5) панъ Василій Тишкевичъ, воевода Подляшскій — 66 коней и 33 драба; 6) панъ Янъ Гайко, каштелянъ Берестейскій, державца Трабскій и Красносельскій — 48 коней и 23 драба; 7) панъ Юрій Зеновьевичъ, каштелянъ Полоцкій, державца Лепельскій, Чичерскій и Пропойскій — 47 коней и 24 драба; 8) Валеріянъ, князь бискупъ Виленскій — 100 коней и 50 драбовъ; 9) князь Александръ Чорторыйскій, воевода Волынскій —100 коней и 50 драбовъ; 10) панъ Юрій Александровичъ Ходкевичъ, каштелянъ Троцкій, староста Бѣльскій — 180 коней и 102 драба; 11) панъ Ольбрихтъ Ласскій, воевода Спрацкій („съ Полски"), съ имѣній своей жены, княгини Біяты Ильиной Острожской — 203 коня и 40 драбовъ; 12) панъ Михайло Козинскій, каштелянъ Луцкій — 40 коней и 18 драбовъ; 13) князь Стефанъ Збаражскій, воевода Троцкій — 173 коня и 84 драба; 14) панъ Юрій Остикъ, воевода Мстиславскій, староста Браславскій — 141 конь и 35 драбовъ; 15) панъ Янъ Еронимовичъ Ходке-

---

украиномъ, на Орши" (л. 859); или о повѣтѣ Мозырскомъ: „повѣту Мозырского не выехало болшеи, одно конеи 24" (ibidem).

1) Общая цифра „почтовъ" урядниковъ земскихъ и дворныхъ и повѣтовыхъ маршалковъ — 880 коней и 435 драбовъ, княжатъ — 1410 коней и 533 драба, панятъ 1659 коней и 909 драбовъ. См. итоги на л. л. 856—856 об. рукописи „Пописа" 1567 года.

2) Со своихъ имѣній, съ опекаемыхъ имъ имѣній сыновей князя Януша Кузминича Жеславскаго и съ Супрасльскаго монастыря.

вичъ, староста Жомоитскій, маршалокъ земскій Великаго Княжества Литовскаго, администраторъ и гетманъ земли Инфлянтской, державца Плотельскій и Тельшовскій — 360 коней и 240 драбовъ; 16) панъ Остафій Воловичъ, подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, маршалокъ дворный, староста Берестейскій и Кобринскій — 254 коня и 71 драбъ; 17) панъ Григорій Воловичъ, каштелянъ Новгородскій, староста Слонимскій — 35 коней и 2 драба; 18) панъ Миколай Тальвошъ, каштелянъ Минскій, староста Дынембургскій — 37 коней и 10 драбовъ; 19) панъ Гаврило Ивановичъ Горностай, воевода Минскій, державца Каменецкій — 49 коней и 44 янычара и драба; 20) панъ Мальхеръ Шеметъ, каштелянъ земли Жомоитской — 67 коней и 34 драба; 21) пани Станиславовая Кишчиная, воеводиная Витебская, пани Анна Радивиловна — 407 коней и 160 драбовъ; 22) панъ Миколай Радивилъ, воевода Виленскій, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, староста Мозырскій, державца Борисовскій и Лидскій — 400 коней и 200 драбовъ; 23) князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода Кіевскій, маршалокъ Волынской земли, староста Владимірскій — 200 коней и 100 драбовъ; 24) князь Юрій Юрьевичъ Слуцкій — 478 коней и 300 драбовъ; 25) панъ Павелъ Ивановичъ Сопега, воевода Новгородскій — 120 коней и 124 драба; 26) князь Романъ Сангушковичъ, воевода Браславскій, гетманъ дворный, староста Житомирскій — 100 коней и 50 драбовъ; 27) панъ Миколай Нарушевичъ, подскарбій земскій Великаго Княжества Литовскаго, писарь господарскій, державца Марковскій, Мядельскій, Ушпольскій и Пенянскій — 100 коней и 40 драбовъ; 28) панъ Миколай Криштофъ Радивилъ, „з Олыки и Несвижа, кграбя на Шидловъцу“ — 539 коней и 386 драбовъ; 29) Миколай Пацъ, князь бискупъ Кіевскій — 20 коней и 10 драбовъ; 30) панъ Павелъ Пацъ, каштелянъ Витебскій — 50 коней и 20 драбовъ.

Присматриваясь къ этому списку, замѣчаемъ, что число воиновъ, выставленныхъ нѣкоторыми изъ радныхъ пановъ, превышаетъ число ратниковъ, выставленныхъ рядомъ цѣлыхъ шляхетскихъ повѣтовъ. Самую крупную цифру даетъ „Пописъ“ 1567 года для „почта“ пана Миколая Криштофа Радивила, а именно 925 воиновъ. Если присоединить къ числу воиновъ, выставленныхъ этимъ паномъ, число воиновъ,

выставленныхъ представителями той же фамиліи, т. е. паномъ Миколаемъ (600) и пани Анною (567), то получится цифра въ 2092 человѣка. Размѣры имѣній Радивиловъ[1]) создають и соотвѣтствующіе имъ громадные размѣры ихъ „почтовъ“, какъ по ихъ обязанности, такъ и на „ласку“ господаря. Конечно рядомъ съ крупными цифрами „почтовъ“ отдѣльныхъ радныхъ пановъ (князя Слуцкаго, князя Острожскаго, Ходкевичей и др.) встрѣчаемъ и цифры болѣе мелкія, но по сравненію съ числомъ воиновъ, выставляемыхъ отдѣльными шляхтичами и онѣ должны быть признаны очень значительными.

Размѣрамъ земельныхъ имуществъ большинства радныхъ пановъ соотвѣтствовали и ихъ денежныя средства. Эти послѣднія получались ими не только какъ доходы съ ихъ собственности, но и какъ доходы со староствъ и державъ, даваемыхъ господаремъ въ управленіе каждому пану-радѣ, какъ и каждому лицу, занимающему сколько-нибудь крупные центральные и дворные уряды. Размѣры оборотныхъ капиталовъ многихъ радныхъ пановъ видны изъ размѣровъ ссудъ, которыя они могли дѣлать земскому скарбу, когда онъ нуждался въ деньгахъ: тысячи копъ грошей сплошь и рядомъ ссужались панами-радою подъ залогъ столовыхъ имѣній[2]). Матеріальнымъ средствамъ радныхъ пановъ соотвѣтствовала обстановка ихъ жизни, въ которой традиціи старыхъ владѣтельныхъ панскихъ и княжескихъ домовъ, стоявшихъ раньше рядомъ съ господаремъ надъ старымъ боярствомъ-шляхтою, переплетались съ новою роскошью, шедшею съ Запада, и подражаніемъ двору великаго князя и чужеземныхъ властителей. Тѣ паны-рада, которыхъ матеріальныя средства не были слишкомъ велики, тянулись за болѣе счастливыми въ этомъ отношеніи своими товарищами по „лавицѣ“ радъ господарскихъ, прибѣгая къ кредиту, широко доступному для сенатора.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вліянію отдѣльныхъ

---

1) Ср., нпр., о Биржахъ, принадлежавшихъ Радивиламъ, работу Е. Тышкевича Eustachy Tyszkiewicz, Birże. Rzut oka na przeszłość miasta, zamku i ordynacyi. St.-Petersburg 1869. Ср. актъ раздѣла имѣній Радивиловъ въ 1520 году — Вил. Арх. Сб. VII, № 9.

2) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 269 и сл.

радныхъ пановъ на повѣтовые сеймики было открыто много путей. Шляхта должна была имѣть извѣстный піететъ по отношенію къ радному пану, который можетъ „контрадыковати“ [1]) самому господарю, „не стоечи, але седечи при его королевской милости“ [2]), и который входитъ въ составъ рады Великаго Княжества Литовскаго, стоящей во главѣ Литовско-Русскаго „панства“, а при избирательности великаго князя и соединеніи съ Польшею въ эпоху послѣ Люблинской Уніи пріобрѣвшей особенное значеніе, взявъ на себя часть значенія, прежде принадлежавшаго исключительно господарю [3]). Но рядомъ съ этимъ піететомъ, который часто усиливался личнымъ обаяніемъ того или другого пана-рады, передъ сеймикующими должна была стоять его „можность“, т. е. сила, какъ должностного лица и обладателя крупныхъ матеріальныхъ средствъ. Возможность отблагодарить своихъ „пріятелей“ ходатайствомъ за нихъ, быть за нихъ „у причинѣ“ при какомъ-либо пожалованіи отъ господаря, соединялась для раднаго пана съ возможностью и отдарить ихъ за услугу деньгами или кускомъ земли изъ своихъ обширныхъ владѣній [4]). Кромѣ того, крупные паны имѣли въ составѣ слугъ повѣтовыхъ шляхтичей [5]) и могли опираться на ихъ голоса въ сеймикованьѣ еще больше, чѣмъ на голоса своихъ „пріятелей“, а обладаніе земельными имѣніями въ границахъ того или другого повѣта открывало этимъ панамъ возможность надѣлять своихъ слугъ-шляхтичей осѣлостями въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ и тѣмъ дѣлать ихъ полноправными участниками того или другого повѣтоваго сеймика, какъ мы уже отмѣтили выше [6]).

Паны-рада выступали и посредниками между господаремъ и повѣтовыми сеймиками въ тѣхъ случаяхъ, когда сеймикованье почему-либо осложнялось и требовалось до-

---

1) А. Вил. VI. Стр. 207.

2) Вил. Арх. Сб. I. № 45. Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 713, прим. 3.

3) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 683—736.

4) См. ibidem, стр. 441 и сл.

5) См. выше, стр. 243 и сл.

6) См. выше, стр. 246—247.

веденіе объ этомъ до свѣдѣнія великаго князя[1]). Наконецъ къ нимъ же обращается и господарь съ просьбами объ оказаніи вліянія на сеймикъ въ желательномъ для господаря направленіи[2]). Такимъ образомъ, значеніе радныхъ пановъ на повѣтовыхъ сеймикахъ и ихъ вліяніе на сеймикующихъ должны быть признаны крупными. Но отъ этого признанія далеко до того, чтобы можно было согласиться съ отрицаніемъ всякой самостоятельности повѣтовой шляхты на сеймикахъ и съ утвержденіемъ, что Литовско-Русскій повѣтовый сеймикъ былъ лишь исполнителемъ желаній пановъ-рады Княжества, которыя мы находимъ въ исторической литературѣ.

И въ трудахъ болѣе ранняго времени, и въ трудахъ времени новѣйшаго встрѣчаемъ утвержденіе, что на повѣтовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго до Люблинской Уніи 1569 года шляхта не имѣла никакого значенія. Основаніемъ для этого утвержденія являются

1) См. выше, стр. 443 и прим. 2. Ср. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 88—90, прим. 2 и 3 къ стр. 88. Какъ образецъ документовъ такого содержанія можетъ быть приведенъ также слѣдующій „Отписъ“ Сигизмунда Августа: „Жикгимонтъ Августъ. Воеводе Виленъскому, канъцлеру Великого Князства Литовского, старосте Мозырскому и Лидъскому, державцы Борисовъскому, пану Миколаю Юревичу Радивилу. Вырозумели есмо достаточне з листу твоее милости, которій намъ въ тыхъ часехъ отъ твоее милости данъ, ижъ соймикъ земли воеводства Виленского, на часъ зложоный з одного зо всихъ поветовъ, ку воеводъству Виленскому прислухаючихъ, за пильнымъ стараньемъ твоее милости у Волкиникахъ вжо дошолъ, ачъ з великою небезпечностью отъ повeтрея и при маломъ собраню шляхты. Ино мы то отъ твое милости, яко великое и верное рады нашое, вдячне пріймуемъ, же за таковымъ дбалымъ стараньемъ твоее милости потребамъ речи посполитое досыть ся стало. А што въ ономъ же листе своемъ пишешъ твоя милость, жедаючи насъ г[о]с[по]д[а]ра, абы послове, на съемъ обраные, за неборздымъ своимъ ку сойму пріеханьемъ съ причинъ, намъ отъ твоее милости ознайменыхъ, отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра виноване не были, альбо абыхмо сойму далей помкнули, а такъ, ижъ вжо перво сего съ певныхъ причинъ тотъ съемъ ажъ до Громницъ естъ помкненъ, о чомъ твоей милости з листу нашого, въ той речи ку твоей милости, яко и иньшымъ паномъ радамъ нашимъ, писаного до того часу, вжо ведомость дойти могла, - тогды ваша милость, панове рады, такъ же и послы поветовые ку выправе на съемъ часу досыть маютъ“. Дата документа: Варшава, 31 декабря 1571 года. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{56}$ л. л. 8 об. —9. Заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Отписъ въ той же речи соймовой до пана воеводы Виленского“.

2) См., напр., выше, стр. 400, 404, 406 и 440, прим. 1.

слова, сказанныя на Люблинскомъ сеймѣ Дорогицкимъ хоружимъ, подстаростою Брянскимъ Миколаемъ Буйно и маршалкомъ Польскихъ пословъ на этомъ сеймѣ Чарнковскимъ [1]). Буйно говорилъ 15 апрѣля 1569 года о сеймикахъ Княжества слѣдующее: „Что же касается до того, чтобы Литовцамъ созывать сеймики, то противъ этого я скажу, что тамъ вовсе не было сеймиковъ со времени Парчевскаго сейма. Сеймики тамъ отбываются иначе, чѣмъ у васъ, г. г. Тамъ пріѣзжаютъ на сеймикъ только воевода, староста, да хоружій; напишутъ что имъ вздумается и пошлютъ къ земянину на домъ, чтобы подписалъ. Если онъ не подпишетъ, то они отдуютъ его палками. Поэтому не понимаю, какая тамъ могла бы быть надобность въ сеймикахъ? Тамъ шляхта не участвуетъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ; тамъ сенаторы дѣлаютъ что хотятъ. Если вы назначите имъ сеймики, то развѣ для того, чтобы протянуть имъ время, и они тамъ еще напишутъ, что даютъ посламъ ограниченную власть, чего безъ сеймиковъ не сдѣлали бы, а вы, г. г., будете здѣсь даромъ жить. Они того лишь и добиваются, какъ бы выторговать у васъ назадъ Волынь и Подляшье. Ради Бога, не дайте имъ обмануть васъ“ [2]).

Передъ нами тотъ моментъ Люблинскаго сейма, когда рѣшался вопросъ о созывѣ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго для возстановленія Литовско-Русскаго представительства на сеймѣ, уничтоженнаго отъѣздомъ съ него радныхъ пановъ и повѣтовыхъ пословъ

---

1) См., нпр., Jędrzej Moraczewski, Polska w złotym wieku, przedstawiona wyimkami z dziejów Rzeczypospolitéj Polskiéj (Poznań 1851), str. 212—213 („sejmiki litewskie nie odbywały się jednakże w duchu wolności polskiéj, sprzeciwiali im się książęta i możni panowie, a na sejmie ostatecznéj unii r. 1569 zachodziły skargi, że zjeżdżą tylko wojewoda, starosta i chorąży, spiszą co im potrzeba i obsełają po domach szlachcie do przyłożenia pieczęci, a takiemu coby się od tego wyłamywał, nawet i kijami zagrażają“). Ср. Ѳ. И. Леонтовичъ, Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ - Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 261—262 (и цитируемое имъ во 2-мъ примѣчаніи къ стр. 261 мѣсто извѣстнаго труда Ярошевича Obraz Litwy).

2) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Королевствомъ Польскимъ. СПБ. 1869. Стр. 290. Цитируемъ въ текстѣ по переводу М. О. Кояловича, замѣняя слово „хорунжій“ словомъ „хоружій“ и слово „Подлѣсье“ словомъ „Подляшье“.

Княжества [1]). Должностное лицо Подляшья и горячій сторонникъ его „втѣленія“ въ Польшу, Буйно боится пересмотра вопроса объ отторженіи Подляшской земли отъ Великаго Княжества Литовскаго, и эта боязнь ясно обнаруживается въ концѣ приведенныхъ нами его словъ. Какъ Подляшскій шляхтичъ, притомъ хоружій, онъ, конечно, отлично зналъ объ учрежденіи въ исходѣ 1565 года повѣтоваго Литовско-Русскаго сеймика, какъ зналъ и о томъ, что съ 1566 года этотъ сеймикъ выслушивалъ передъ сеймами господарскихъ пословъ и избиралъ своихъ сеймовыхъ представителей, а также выбиралъ кандидатовъ на земскіе судебные уряды. Но мы уже знаемъ то недовольство Подляшской шляхты, которое было вызвано въ концѣ шестидесятыхъ годовъ обнаруженнымъ Литовско-Русскимъ сеймомъ стремленіемъ къ большему сплоченію Подляшья съ остальными землями Великаго Княжества Литовскаго во имя идеи его государственнаго единства [2]). Отказъ въ признаніи польскаго языка языкомъ Подляшья въ государственныхъ дѣлахъ и актахъ, его касающихся, и желаніе болѣе сплотить Подляшскіе повѣты съ остальными повѣтами Литовско-Русскаго государства не могли не вызывать недовольства въ значительномъ числѣ Подляшской шляхты, привыкшей къ извѣстному сепаратизму и чувствовавшей для себя болѣе родными Поляковъ, чѣмъ Литовцевъ и Русскихъ. Это настроеніе и принесъ съ собою Дорогицкій хоружій Миколай Буйно. Выражая его въ своей рѣчи, Буйно не безъ искусства внесъ въ приведенныя выше его слова именно то, что должно было способствовать цѣли его выступленія, т. е. отклоненію Польскою частью Люблинскаго сейма созыва новыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ, отъ которыхъ онъ опасался требованія пересмотра вопроса о присоединеніи къ Польшѣ Подляшья. Парчовскій сеймъ 1564 года, на которомъ велись переговоры объ Уніи, не привелъ, какъ извѣстно, къ опредѣленнымъ результатамъ въ выработкѣ условій соединенія Польши и Великаго Княжества Литовскаго. На слѣдующемъ Польскомъ сеймѣ, собравшемся въ Петрковѣ въ 1565 году, дѣло было представлено такъ, что Литовско-

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 27 и сл.

2) Стр. 171—173.

Русская шляхта въ Парчовѣ соглашалась на условія Уніи, предложенныя Поляками, и только „потентаты“ Княжества помѣшали успѣху дѣла[1]). Теперь, на Люблинскомъ сеймѣ дѣло Уніи почти погибало, опять-таки главнымъ образомъ благодаря энергичной защитѣ самостоятельности Литовско-Русскаго государства тѣми же „потентатами“, т. е. крупнѣйшими радными панами Великаго Княжества Литовскаго. Лишній разъ бросить камень въ этихъ „потентатовъ“, настаивавшихъ притомъ на созывѣ новыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, должно было входить въ планы Дорогицкаго хоружія тѣмъ болѣе, что у Подляшанъ накопилось много съ ними счетовъ за предшествующее время[2]). Ударъ еще болѣе удачнымъ долженъ былъ представляться и потому, что онъ совпадалъ съ враждебнымъ настроеніемъ къ „можновладству“ Польскихъ пословъ Люблинскаго сейма, въ то время, когда идеи экзекутистовъ такъ широко захватили Польскую шляхту. Увлеченный своимъ настроеніемъ Буйно притомъ забылъ, что сеймики Великаго Княжества Литовскаго отправляли свои собранія, „не ждучи неприбылыхъ“[3]), что уничтожало всякую надобность въ разсылкѣ ихъ постановленій на утвержденіе оставшейся дома шляхты.

Итакъ, въ словахъ Дорогицкаго хоружія Буйна на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, которыя обыкновенно кладутся въ основу представленій о значеніи радныхъ пановъ на повѣтовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго, мы не можемъ признать указанія, имѣющаго какое-либо значеніе для изученія Литовско-Русскаго сеймика этой эпохи. Эти слова для историка могутъ имѣть значеніе лишь какъ иллюстрація настроенія представителя Подляшья на Люблинскомъ сеймѣ.

Обратимся теперь къ оцѣнкѣ свидѣтельства другого

---

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 677. Ѳ. И. Леонтовичъ полагаетъ, что до Люблинской Уніи „на мѣстныхъ сеймикахъ Литвы-Руси шляхтѣ принадлежала лишь чисто пассивная роль“, такъ какъ „на дѣлѣ всѣмъ заправляли мѣстные воеводы, кастеляны, старосты и вообще крупная знать“. (Ѳ. И. Леонтовичъ, op. cit., стр. 261). Основанія, на которыхъ построенъ этотъ взглядъ, уже указаны нами выше.

2) См. выше, стр. 157 и сл.

3) См. выше, стр. 317, 499 и др.

участника того же сейма, которое также сыграло свою роль въ созданіи представленій о повѣтовыхъ сеймикахъ Княжества. Станиславъ Чарнковскій, Коронный референдарій и маршалокъ посольской избы Люблинскаго сейма, 18 апрѣля 1569 года, между прочимъ, сказалъ слѣдующее о повѣтовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго: „тамъ шляхта не ѣздитъ на сеймики, какъ у насъ, а пріѣдутъ — воевода, кастелянъ, староста и пошлютъ потомъ къ шляхтѣ постановленное ими для подписи и приложенія печати, и если кто не приложитъ печати, то погрозятъ палкой“ [1]. Въ этихъ словахъ Чарнковскаго нельзя не видѣть вліянія того, что всего тремя днями раньше сказалъ о сеймикахъ Княжества Буйно и что, очевидно, произвело достаточно сильное впечатлѣніе на членовъ Польской посольской избы Люблинскаго сейма. Вліяніе словъ Буйна особенно ясно чувствуется въ этомъ упоминаніи о палкахъ, при помощи которыхъ Литовско-Русскіе „потентаты“ заставляютъ шляхту исполнять свою волю. Это рѣзкое выраженіе, конечно, запомнилось и было ходячимъ словомъ въ разговорахъ Польскихъ шляхтичей, засѣдавшихъ на сеймѣ въ Люблинѣ. Естественно, что Чарнковскій, настаивая на томъ, чтобы не было созыва Литовско-Русскихъ сеймиковъ, противъ котораго ратовалъ раньше и Буйно, обращаясь съ рѣчью къ сенаторамъ, требовавшимъ этого созыва, высказалъ ставшимъ популярнымъ въ посольской избѣ изображеніе сеймика Княжества, сдѣланное недавнимъ подданнымъ Литовско-Русскаго государства, хотя и враждебнымъ ему Подляшскимъ шляхтичемъ. Польша плохо знала Великое Княжество Литовское, хотя и считала его присоединеннымъ къ себѣ еще въ XIV столѣтіи. Дѣйствительное его положеніе знали Польскіе сенаторы, близкіе къ королю и встрѣчавшіеся съ его Литовско-Русскими подданными во время своихъ поѣздокъ въ Литовско-Русское государство къ нему или съ нимъ, а также видѣвшіе ихъ во время ихъ пріѣздовъ къ нему, какъ своему великому князю, въ Польшу; этому знанію Литовско-Русскаго государства въ средѣ Польскаго сената благопріятствовали и брачныя связи отдѣльныхъ круп-

---

1) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года (СПБ. 1869). Стр. 308. Въ текстѣ цитируемъ по переводу М. О. Кояловича.

ныхъ Польскихъ и Литовско-Русскихъ фамилій, а также постоянные переговоры объ Уніи въ началѣ второй половины XVI вѣка. Быть можетъ этимъ и нужно объяснять бо́льшую уступчивость Литовско-Русскимъ требованіямъ па Люблинскомъ сеймѣ со стороны сената, чѣмъ со стороны посольской избы Польши. Шляхетская масса Польши, за исключеніемъ отдѣльныхъ ея представителей, внѣ всякаго сомнѣнія, Великаго Княжества Литовскаго почти совсѣмъ не знала. Хорошей иллюстраціей этого незнанія Поляками Княжества и строя его жизни является Описаніе Польши, посвященное Яномъ Красинскимъ 20 мая 1574 года королю Генриху [1]), въ которомъ помѣщены росказни о томъ, что въ Литвѣ не пользуются монетой [2]), что въ Литвѣ мало городовъ [3]) и т. п.

Итакъ, рѣшеніе вопроса о значеніи приведенныхъ нами словъ Чарнковскаго для изученія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика можетъ быть только отрицательное. Такимъ образомъ, оба основанія, которыя принимаются въ исторической литературѣ для представленій о повѣтовомъ сеймикѣ Княжества кануна Люблинской Уніи, какъ о всецѣло находившимся въ рукахъ воеводъ и каштеляновъ, должны быть отвергнуты. Думать о такомъ отношеніи сеймикующей шляхты къ раднымъ панамъ въ дѣйствительности едва ли возможно. Десятки лѣтъ Литовско-Русская шляхта штурмовала исключительное положеніе панскаго класса Великаго Княжества Литовскаго и за нѣсколько уже лѣтъ до Люблинской Уніи вошла наконецъ въ цитадель исключительныхъ правъ и преимуществъ панства съ Бѣльскимъ привилеемъ 1564 года и реформами 1565—1566 годовъ въ рукахъ. Традиціи, выработанныя этою борьбою, не могли умереть, и, имѣя ихъ передъ собою, шляхта Литовско-Русскихъ повѣтовъ не могла быть простымъ стадомъ, покорно стоящимъ на сеймикахъ передъ радными панами, какъ своими пастырями. Вліяніе радныхъ пановъ на сеймикахъ должно было

---

1) Jana Krasińskiego, Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne Polski w wieku XVI, oraz materyały do panowania Henryka Walezyusza, przetłumaczone, zebrane i objaśnione przez Stanisława Budzińskiego. Warszawa 1852.

2) Op. cit. Str. 98—99.

3) Ibidem. Str. 102—103.

быть крупнымъ, и мы уже видѣли для него основанія. Но отсюда еще далеко до ихъ безусловнаго господства надъ повѣтовою шляхтою во время сеймикованья, и мы уже видѣли выше примѣръ отказа Владимірской шляхты явиться по призыву своего воеводы въ 1568 году на сеймикъ для выбора кандидатовъ на урядъ земскаго подсудка, несмотря на то, что воевода нѣсколько разъ ее „листомъ своимъ объсылалъ", приглашая на сеймикъ [1]).

Что касается до Литовско-Русскаго сеймикованья XVI столѣтія въ годы послѣ Люблинской Уніи, то мы имѣемъ прямыя указанія источниковъ на столкновенія шляхтичей съ радными панами во время самыхъ „обрадованій" повѣтовыхъ сеймиковъ. Такъ, на Волковыйскомъ съѣздѣ 1577 года Полоцкій воевода [2]) заявилъ, что, когда онъ, „за листы его королевъское милости соймикъ поветовый въ земли воеводства Полоцъкого зложывшы, тамъ зъехати рачылъ, тогды панове шляхъта, обыватели земли Полоцъкое, до его милости зшедшыся, всказанья и листовъ его королевъское милости выслухавшы, некоторые съ нихъ для якихсь намовъ отъ его милости отошли а тамъ, одъшедъшы и посла его королевъское милости до себе везвавшы, ... словы обелжыли и, съ паномъ воеводою соймику порадне не отъправуючы, прочъ ся розехали". Представитель Полоцкой шляхты на Волковыйскомъ съѣздѣ, панъ Дмитръ Корсакъ объяснилъ, что Полоцкіе обыватели „для якихсь волностей своихъ пану воеводе Полоцъкому соймику отъправовати не допустили". Выяснивъ это, Волковыйскій съѣздъ постановилъ: „которые рознпцы и неснаски нжъ ся подъ бокомъ непрыятелскимъ деють, то его кор[олевской] милости преложыти, жебы панове шляхъта земли Полоцкое таковыхъ розтыръковъ противко пану воеводе не чынили, але, водле прыстойности, статочъне ся въ повинъностяхъ своихъ заховали" [3]).

Кромѣ вліянія голосовъ радныхъ пановъ, во время повѣтоваго сеймикованья должно было замѣчаться и вліяніе

1) См. выше, стр. 509, прим. 1.

2) Т. е. панъ Миколай Миколаевичъ Дорогостайскій, воевода Полоцкій и стольникъ Великаго Княжества Литовскаго.

3) Приложенія. Стр. 84—85.

голосовъ урядниковъ. Урядники земскіе, дворные и повѣтовые стояли надъ рядовою шляхтою, благодаря и своему должностному положенію, и своимъ связямъ, и своей большей матеріальной обезпеченности. Въ числѣ должностныхъ лицъ, занимавшихъ центральные земскіе и дворные, а также нѣкоторые повѣтовые уряды, особенно маршалковъ и подкоморіевъ, можно было встрѣтить и представителей довольно крупныхъ панскихъ и княжескихъ фамилій [1]). Конечно и къ ихъ голосамъ прислушивалась сеймикующая шляхта, если и не такъ внимательно, какъ къ голосамъ пановъ-рады, и имъ, такъ же, какъ послѣднимъ представлялось много возможностей образовывать около себя на сеймикахъ достаточно сильныя партіи, опираясь на свое значеніе и на своихъ служилыхъ шляхтичей и „пріятелей". Значеніе старостъ и державцевъ, которое имѣло большое число изъ нихъ, также, конечно, увеличивало ихъ авторитетъ во время сеймикованья.

Что касается не-должностной шляхты, среди которой было много представителей и старыхъ панскихъ или княжескихъ фамилій („княжатъ и панятъ"), то и въ ея средѣ существовало отмѣченное уже нами выше разслоеніе [2]), которое вызывало и различіе степени авторитетности того или другого шляхтича во время сеймикованья. Можно думать, что далеко не вся повѣтовая шляхта пользовалась своимъ правомъ сеймикованья, отвлекаемая отъ него условіями своей жизни и обстановкою своего быта, которыхъ тяжесть и скудость едва ли позволяли требующія расходовъ и отвлекающія отъ работы поѣздки на сеймики. Рядомъ съ шляхтичами, старавшимися принимать участіе въ сеймикованьѣ нѣсколькихъ повѣтовъ, въ границахъ которыхъ лежали ихъ осѣлости, несомнѣнно было большое число и такихъ, которые уклонялись отъ сеймикованья даже въ одномъ, гдѣ они имѣли кусокъ земли, составлявшій ихъ скудное „господарство", и

1) О должностныхъ лицахъ Великаго Княжества Литовскаго, не принадлежавшихъ къ „стану сенаторскому", см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 266—420. „Пописъ" 1567 года для почтовъ, которые выставили „врадники короля его милости земскіе и дворные и тежъ маршалки и писары", даетъ 880 коней и 435 драбовъ (л. 25, ст. 467 изданія).

2) Стр. 279—285.

число сеймикующихъ въ обычное, не исключительное время въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ было не больше, а вѣроятно меньше, той цифры въ 700 человѣкъ, которая принимается для средняго числа участниковъ сеймиковъ Коронныхъ[1]).

Продолжительность отдѣльныхъ сеймиковъ, конечно, не была одна и та же. Она зависѣла отъ количества и важности дѣлъ и вопросовъ, съ одной стороны, и отъ настроенія сеймикующихъ, съ другой. При учрежденіи повѣтоваго сеймика вопросъ объ его продолжительности не остановилъ на себѣ вниманія законодательства, и II статутъ не говоритъ о ней ни слова, ни въ артикулѣ „О соймикохъ повѣтовыхъ“[2]), ни въ артикулѣ „О выбиранью судей въ повѣтѣ“[3]). Это совершенно понятно: учрежденіе повѣтовыхъ сеймиковъ не сопровождалось точной регламентаціей ихъ дѣятельности, и ихъ организація во многомъ предоставлялась самой жизни[4]). Но уже собраніе первыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ поставило вопросъ объ опредѣленіи времени, въ продолженіе котораго сеймикъ долженъ покончить свои занятія, и господарскіе универсалы, созывающіе предсеймовые сеймики на 3 ноября 1566 года, предписываютъ покончить на нихъ съ выборомъ сеймовыхъ пословъ и составленіемъ для нихъ „моцы“ въ одинъ день, „а надалей другого на[за]втрее“[5]). Однако, если практика сеймикованья сразу, при первомъ же созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ, поставила вопросъ объ ограниченіи времени ихъ продолжительности, то слишкомъ рѣшительное сокращеніе его оказалось, очевидно, неисполнимымъ, такъ какъ тотъ самый сеймъ, передъ которымъ собирались ноябрьскіе сеймики 1566 года, счелъ необходимымъ признать увеличеніе времени сеймикованья. Городенскій сеймъ 1566—1567 годовъ постановилъ: „а соймикъ далей стояти и справа на немъ ити не маеть, только три дни“[6]). Послѣдующее время обнаружило недостаточность и трехдневнаго срока для

1) Ср. Adolf Pawiński, Rządy Sejmikowe, str. 6—7.
2) II ст., III, 5.
3) II ст., IV, 1.
4) См. выше, глава IV.
5) См. выше, стр. 317.
6) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. Томъ I. Стр. 451.

того, чтобы сеймикъ могъ управиться со своими запятіями, и статутъ 1588 года увеличилъ этотъ срокъ еще однимъ днемъ, оговоривъ, однако, чтобы начиналось сеймикованье уже въ первый день, на который сеймикъ созывался: „а соймикъ далей стояти и справа на немъ ити не маеть, только надалей черезъ чотыри дни, але пріеждчати вси на соймикъ винъни будуть першого дня“ [1]). Такимъ образомъ совершилось окончательное опредѣленіе времени продолжительности того вида сеймиковъ, задержки въ дѣятельности котораго были особенно неудобны, такъ какъ онѣ отзывались и па началѣ запятій вальныхъ сеймовъ, а съ введеніемъ предсеймовыхъ съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго, и па открытіи послѣднихъ. Для продолжительности „памовъ“ остальныхъ видовъ повѣтовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскій законъ пе далъ своего опредѣленія, но надо думать, что въ исключительныхъ случаяхъ и предсеймовые сеймики пе всегда ограничивались временемъ, предоставленнымъ имъ закономъ.

Переходя къ вопросу о компетенціи повѣтоваго сеймика, нужно отмѣтить, что она нелегко поддается точному опредѣленію. Самъ Литовско-Русскій законъ отказывается отъ попытки его сдѣлать. Говоря о предсеймовомъ повѣтовомъ сеймикѣ, статутъ 1566 года признаетъ его право „намовляти“ не только о томъ, что будетъ внесено па сеймикъ отъ господаря, но и „о своихъ и о всѣхъ потребахъ земскихъ и долеглостяхъ оного повѣту и воеводства“ [2]). Статутъ 1588 года пытается нѣсколько сократить эту широту вопросовъ, которые могутъ подниматься па повѣтовыхъ сеймикахъ и въ соотвѣтствующемъ своемъ артикулѣ [3]) опускаетъ упоминаніе о „всѣхъ потребахъ земскихъ“, сохраняя лишь упоминаніе о „всихъ потребахъ и долеглостяхъ оного повету и воеводства“. Однако „земскія потребы“, дѣла цѣлаго Литовско-Русскаго „панства“, несмотря на это, продолжали обсуждать повѣтовые сеймики, пе справляясь съ тѣмъ, поставлены ли эти дѣла, или не поставлены центральною властью на сеймиковое обсужденіе. Примѣры этого

---

1) III ст., III, 6.

2) II ст., III, 5. Ср. выше, стр. 287 и сл.

3) III ст., III, 6.

мы видѣли не разъ, изучая предсеймовый повѣтовый сеймикъ [1]). Трудность точнаго опредѣленія компетенціи повѣтоваго сеймика обусловливается значеніемъ шляхетскаго повѣта и характеромъ сеймика, какъ его собранія.

Повѣтовая шляхта была подданными господаря и гражданами Великаго Княжества Литовскаго, съ 1569 года находившагося въ соединеніи съ Польшею. Такимъ образомъ, создавались три вида дѣлъ и вопросовъ, которые входили въ сферу обсужденія повѣтоваго сеймика и по отношенію къ которымъ его компетенція не была одна и та же. Одни изъ этихъ дѣлъ подлежали самостоятельному вѣдѣнію сеймика; другія требовали компетенціи общей для всего Великаго Княжества Литовскаго власти; наконецъ третьи могли быть разрѣшаемы лишь властью, общею для всего соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Повѣтовый сеймикъ и былъ органомъ, который обладалъ вполнѣ достаточною компетенціею для разрѣшенія чисто повѣтовыхъ дѣлъ. Дѣла всего Литовско-Русскаго „панства“ онъ обсуждалъ въ значеніи составной части „речи посполитой“ Княжества и могъ лишь такъ или иначе подготовлять ихъ разрѣшеніе, такъ какъ послѣднее принадлежало съѣзду Великаго Княжества Литовскаго, который отчасти разрѣшалъ ихъ самъ, а отчасти передавалъ на рѣшеніе общей власти для всего соединеннаго государства. Этотъ же съѣздъ, учрежденный въ силу требованія Княжества при избраніи короля Генриха [2]), разсматривалъ Литовско-Русскія дѣла, вносимыя на обсужденіе Польско-Литовскихъ вальныхъ сеймовъ, и вырабатывалъ единство дѣйствій представителей Великаго Княжества Литовскаго на этихъ сеймахъ. Что касается господаря, то онъ для Литовско-Русскаго „панства“ послѣ Люблинской Уніи выступаетъ въ двоякомъ значеніи. Первымъ изъ нихъ было значеніе его какъ главы всей Польско-Литовской Речи Посполитой въ дѣлахъ и вопросахъ, которые были общими для Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Но рядомъ съ этимъ значеніемъ общаго „короля его милости“ господарь для Княжества по прежнему сохранялъ и значеніе его ве-

---

1) См. выше, стр. 460 и сл.

2) См. подтвержденіе Стефаномъ Баторіемъ Генриховыхъ артикуловъ въ 1576 году — Volumina Legum, tom II (Petersburg 1859), str. 151—152.

ликаго князя. Онъ назначалъ должностныхъ лицъ Литовско-Русскаго „панства", онъ созывалъ сеймики Княжества для избранія кандидатовъ на извѣстные уряды, онъ собиралъ отдѣльные Литовско-Русскіе съѣзды, онъ гарантировалъ утвержденіе Литовско-Русскихъ законовъ еще до разсмотрѣнія ихъ вальнымъ Польско-Литовскимъ сеймомъ [1]). Къ господарю же непосредственно повѣтовый сеймикъ могъ обращаться и со своими отдѣльными просьбами и ходатайствами [2]).

Получалась, такимъ образомъ, довольно сложная обстановка, въ которой было не такъ легко въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить точно направленіе дѣла, возникавшаго на сеймикѣ, и компетенцію послѣдняго по отношенію къ нему. При такихъ условіяхъ должна была вступить въ свои права жизнь, которая, не находя вполнѣ точной регулировки сеймикованья въ законѣ, неизбѣжно вносила разнообразіе въ опредѣленіе сеймиками ихъ компетенціи въ связи съ обстановкою сеймикованья въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ различное время. Къ этому нужно прибавить, что договоръ Уніи 1569 года, съ одной стороны, не давалъ возможности удачно встрѣчать и разрѣшать тѣ противорѣчія которыя несла ему послѣдующая жизнь соединеннаго государства; а съ другой стороны, Великое Княжество Литовское пріобрѣтало уже въ XVI столѣтіи и особыя права, которыя ему противорѣчили [3]).

Изучая компетенцію Литовско-Русскаго сеймика, мы должны раздѣлить ея сферу на двѣ области: 1) дѣла, которыя повѣтовый сеймикъ лишь разсматривалъ, передавая ихъ на разрѣшеніе высшихъ инстанцій, и 2) дѣла, которыя онъ разрѣшалъ собственною властью. Опредѣлить точно кругъ дѣлъ и вопросовъ первой группы едва ли возможно, и изученіе четырехъ основныхъ видовъ повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго уже обнаружило передъ нами разнообразіе дѣлъ и различіе иниціативы ихъ возбужденія на сеймикахъ [4]). Рядомъ съ дѣлами, поставленными

---

1) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 198 и сл. Ср. Вил. Арх. Сб. III, № 32 (тотъ же документъ — А. Н. R. G. P. ill. XI, № CLVII).

2) См. выше, стр. 467 и сл.

3) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I. стр. 83 и сл.

4) Главы VI—IX.

на обсужденіе сеймиковъ верховною властью, мы видѣли рядъ дѣлъ, проникавшихъ на нихъ путемъ заявленій отдѣльныхъ лицъ и корпорацій, при чемъ эти послѣднія были дѣлами и частными, отдѣльныхъ лицъ, и повѣтовыми, и государственными. Инціатива внесенія сеймикомъ дѣлъ въ стоявшія надъ нимъ инстанціи ограничена не была, и для нея былъ открытъ полный просторъ. Но повѣтовый сеймикъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, не всегда считаетъ себя обязаннымъ къ точному исполненію того, что этими высшими инстанціями постановлено. Какъ мы видѣли выше, Берестейскій сеймикъ 1661 года въ замѣну посполитаго рушенья, установленнаго на сеймѣ, постановилъ податокъ на наемъ отряда, отославъ это свое постановленіе на утвержденіе короля [1]).

Что касается дѣлъ повѣтовыхъ, то сеймикъ въ этой области долженъ былъ различать свою компетенцію слѣдующимъ образомъ: одни изъ его рѣшеній требовали утвержденія стоявшей надъ повѣтомъ власти, другія онъ приводилъ въ исполненіе самъ. Къ числу первыхъ относится избраніе кандидатовъ на уряды подкоморія, хоружія и членовъ земскихъ судовъ и выборъ возныхъ. Мы уже знаемъ, что для избираемыхъ шляхетскими повѣтами лицъ требовалось утвержденіе — для однихъ господаря, для другихъ воеводы. Утвержденія верховной власти всего соединеннаго государства или центральной власти Великаго Княжества Литовскаго требовали и тѣ постановленія повѣтоваго сеймика, которыя, имѣя въ виду его повѣтъ, затрагивали общіе интересы Польско-Литовской Речи Посполитой или Княжества въ значеніи „панства“.

Но при исключительныхъ условіяхъ повѣтовый сеймикъ могъ и отдѣлить „речь посполитую“ своего повѣта отъ „речи посполитой“ Великаго Княжества Литовскаго [2]). Такъ, когда въ 1657 году Пинскій повѣтъ принесъ Богдану Хмельницкому „поприсяжоное всего повету Пинского“ съ нимъ и Запорожскимъ войскомъ „зъедночепье“, Пинскій сеймикъ, созванный повѣтовымъ маршалкомъ, долженъ былъ выслушать своихъ пословъ, возвратившихся отъ казацкаго гетмана

---

1) Стр. 492.

2) О значеніи выраженія „речь посполитая“ см. ниже, стр. 77, прим. 2.

съ извѣстіемъ „о ласце“ гетманской „ку всему повету“ [1]). Этотъ фактъ относится къ серединѣ XVII столѣтія, но идея значенія повѣта, какъ отдѣльной ячейки „речи посполитой“ Княжества, заложена уже во вторую половину XVI вѣка, и данный примѣръ рисуетъ возможность вывода изъ нея, достигающаго размѣровъ крайнихъ.

При нормальномъ теченіи жизни Великаго Княжества Литовскаго и соединеннаго государства повѣтовый сеймикъ налагаетъ на шляхту своего повѣта податки, исполняя этимъ постановленіе сейма, или назначая ихъ исключительно по собственному рѣшенію [2]). Онъ разсматриваетъ заявленія и жалобы, приносимыя повѣтовыми обывателями по поводу дѣйствій тѣхъ или другихъ должностныхъ или оффиціальныхъ лицъ, представляющихся имъ неправильными или наносящими имъ ущербъ [3]). Сеймикъ, какъ собраніе шляхетской корпораціи повѣта для „обмовъ въ милости братерской“, дѣлалъ не только тѣ или другія распоряженія по повѣту, но долженъ былъ имѣть значеніе и контролирующаго органа въ теченіи повѣтовой жизни. Отсюда понятны не только разнообразіе дѣлъ и вопросовъ, поднимаемыхъ и обсуждаемыхъ или разрѣшаемыхъ на повѣтовыхъ сеймикахъ, но и невозможность для сеймиковъ ограничивать свои занятія только извѣстными заранѣе опредѣленными темами. Рядомъ съ дѣлами, ради которыхъ собирался тотъ или другой повѣтовый сеймикъ, на немъ обсуждались самыя различныя „потребы“ земскія и повѣтовыя, и историкъ, беря въ свои руки акты сеймика опредѣленнаго Литовско-Русскимъ закономъ назначенія, долженъ быть всегда готовъ встрѣтить въ нихъ дѣла и вопросы самаго разнообразнаго содержанія.

Въ числѣ этихъ дѣлъ могли быть и дѣла судебныя, такъ какъ сеймикъ могъ брать на себя иногда и судебныя функціи, несмотря на наличность ряда судовъ, между которыми были раздѣлены всѣ „справы судовыя“. Примѣры, которые мы можемъ привести для иллюстраціи этой стороны сеймикованья, относятся къ XVII столѣтію, но мы не можемъ отрицать возможности для повѣтоваго сеймика вы-

1) Журн. Мин. Нар. Пр. 1910. II. Стр. 287.

2) См. выше, стр. 483 и сл.

3) Нпр., Вил. Арх. Сб. IV, № 10.

ступать въ значеніи суда и въ предшествующее время. Эти примѣры говорятъ о разборѣ сеймиками какъ дѣлъ о шляхетствѣ отдѣльныхъ лицъ, такъ и дѣлъ о самоуправствѣ и насиліяхъ, производимыхъ въ границахъ повѣтовъ. Какъ образецъ акта разбора сеймикомъ дѣла о шляхетствѣ можетъ быть указанъ хотя бы „декретъ семиковы граничпій Мстиславскій, въ заданю нетшляхетства отъ небозчика Володимера Кгорского Матею Глушанину виводни", упоминающійся въ Кричевскихъ актовыхъ книгахъ XVII столѣтія[1]). Образцомъ разбора сеймикомъ дѣла о насиліяхъ и самоуправствѣ является внесенный 20 мая 1657 года въ Пинскія гродскія книги „декретъ суду ихъ милости пановъ обывателевъ повету Пинского сеймикового въ справе высоце превелебного въ Бозе его милости отца Іозефа Нелюбовича Тукалского, архимандрыты Лещынского, з ихъ милостями паномъ Адамомъ Станиславомъ Юдицкимъ, паномъ Грегорымъ Войною Ясенецкимъ, мечнымъ Мозырскимъ, и малжонками ихъ милости, панею Зофеею Радковскою Якубовою Ометиною, паномъ Александромъ Казновскимъ, панами Вылазскими и паномъ Марціяномъ Закобелскимъ въ речы, нижей въ немъ меновите выражоной, ферованый а презъ ясневелможного его милости пана Павла Сапеги, воеводы Виленъского, гетмана великого Вел[икого] Княз[ства] Лит[овского], апъпробованый" [2]). Этотъ декретъ начинается такъ: „1657 года, марта 6. Передъ нами — маршалкомъ Пинскаго повѣта Лукашемъ Елскимъ, подсудкомъ Мозырскаго повѣта Александромъ Ленкевичемъ, высланнымъ для ниже названнаго дѣла ясневельможнымъ его милостью паномъ Павломъ Сапегою, воеводою Виленскимъ и великимъ гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго, Бортянскимъ, Здитовскимъ, Рославскимъ и т. д. старостою, и нами, урядниками земскими и гродскими и рыцарствомъ-шляхтою, обывателями Пинскаго повѣта, которые сего дня съѣхались въ Пинскій замокъ на сеймикъ, назначенный ясневельможнымъ его милостью паномъ воеводою Виленскимъ, гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго, разсматривалось дѣло между"

1) Ист.-Юр. Матеріалы. XVII. Стр. 234.

2) Вил. Центр. Архивъ, № 13009. Пинскаго гродскаго суда(1656 -1658) № 22. А, л. л. 681 (стр. 399) — 688 об. (стр. 414).

лицами, которыя уже перечислены нами выше [1]). Пострадавшею и искавшею правосудія стороною въ этомъ дѣлѣ былъ Лещинскій архимандритъ, а за его отсутствіемъ на сеймикѣ велъ его дѣло повѣтовый инстигаторъ. Обвиненіе предъявлено было пану Юдицкому и его товарищамъ такое: они нарушили общее спокойствіе, а также миръ, заключенный Короною и Княжествомъ съ Москвою; сверхъ того они обвинялись въ грабежѣ, убійствѣ монаховъ, разлитіи и топтаніи ногами въ церкви св. Даровъ, похищеніи драгоцѣнностей и привилеевъ, а также въ причиненіи различныхъ „шкодъ" и убытковъ, всего на сумму въ 300 тысячъ золотыхъ польскихъ; къ этому присоединяются убытки, причиненные ими уже не архимандриту и его монастырю, а другимъ лицамъ — королевскому полковнику пану Николаю Косткѣ и различнымъ обывателямъ Пинскаго повѣта. Послѣ разбора дѣла сеймиковый судъ вынесъ свой приговоръ. Этимъ приговоромъ панъ Юдицкій, панъ Война Ясенецкій и ихъ жены были присуждены къ возвращенію Лещинскому архимандриту всего заграбленнаго, къ конфискаціи имущества и къ смертной казни. Пинскій сеймикъ тутъ же поручилъ присланному гетманомъ Мозырскому подсудку Ленкевичу и выбраннымъ изъ „кола" шляхетскаго стольнику Адаму Бржескому, земскому писарю Казимиру Войнѣ и подстаростѣ Владиславу Войнѣ, урядникамъ повѣта Пинскаго, передать вмѣстѣ съ генералъ-возными и стороною-шляхтою имѣнія преступниковъ „tak strone, iako y fiscam" [2]), т. е. истцамъ въ ихъ убыткахъ и скарбу въ силу конфискаціи за преступленія. Обвиненные по тому же дѣлу пани Ометиная, ея зять Казиовскій и паны Вылазскіе, явившіеся на сейми-

1) Въ оригиналѣ начало декрета читается такъ: „Roku tysiąc szescset pięcdziesiąt siodmego msca marca szostego dnia. Przed nami, Lukaszem Jelskim, marszałkiem powiatu Pinskiego, Alexandrem Lenkiewiczem, podsędkiem powiatu Mozyrskiego, z ramienia iasniewielmoznego iego msci pana Pawła Sapiehi, woiewody Wilenskiego, hetmana wielkiego W. X. L. Borcianskiego, Zdzitowskiego, Rosławskiego etc. starosty, do sprawy nizey mianowaney zesłanym, y nami, urzędnikami ziemskiemi, grodzkiemi, rycerstwem szlachtą, obywatelami powiatu Pinskiego, ktorzy my się na seymiku dnia dzisieyszego do zamku Pinskiego ziachali na terminie seymiku naszego, od iasniewielmoznego iego mosci pana woiewody Wilenskiego, hetmana wielkiego W. X. L., naznaczonym, odprawowała się sprawa miedzy . . . . . ."

2) Л. 687 об. (стр. 412).

ковый суд лично, были задержаны сеймикомъ въ Пинскомъ замкѣ до утвержденія приговора гетманомъ. Что же касается пана Мартіяна Закобелскаго, также причастнаго къ этому дѣлу и съ пѣшими и драгунскими хоругвями причинявшаго вредъ Пинскимъ обывателямъ, то сеймикъ и его декретовалъ „poena[1]) legum“ и отослалъ къ гетману для приведенія въ исполненіе законнаго наказанія. Этотъ декретъ Пинскаго сеймиковаго суда утвержденъ тридцать одною подписью сеймиковавшихъ и приложеніемъ къ нему земской печати Пинскаго повѣта, а затѣмъ получилъ и гетманскую „аппробацію“[2]).

Приведенный сейчасъ документъ относится къ серединѣ XVII столѣтія, притомъ къ эпохѣ чрезвычайныхъ потрясеній и внѣшнихъ опасностей, которыя переживались въ то время Великимъ Княжествомъ Литовскимъ вообще и Пинскимъ повѣтомъ въ частности, а также и всѣмъ соединеннымъ Польско-Литовскимъ государствомъ. Этими опасностями и объясняется участіе великаго гетмана, т. е. главнокомандующаго Княжества, въ созывѣ Пинскаго сеймиковаго суда и утвержденіи его декрета. XVII столѣтіе было временемъ, когда сознаніе повѣтовыми корпораціями народа-шляхты своего значенія развилось полнѣе, чѣмъ оно было въ четыре послѣднія десятилѣтія XVI вѣка. И не только привычка къ повѣтовому строю вызывала этотъ ростъ значенія шляхетскихъ повѣтовъ, когда новыя поколѣнія Литовско-Русской шляхты уже выростали въ его обстановкѣ, еще не совсѣмъ привычной въ болѣе раннее время. Каждое безкоролевье давало для него новыя силы, какъ давали ихъ и осложненія жизни соединеннаго государства, которыми такъ богато XVII столѣтіе. Поэтому переносить вполнѣ черты повѣтоваго сеймика, почерпаемыя въ источникахъ этого вѣка, на XVI столѣтіе мы, конечно, не имѣемъ права. Но зачатки тѣхъ явленій, которыя вполнѣ обнаруживаютъ себя

1) Въ оригиналѣ: „paena“.

2) „А аппробацыя того декрету ясневелможъного его милости пана Павла Сапеги, воеводы Виленского, гетмана великого Вел[икого] Княз[ства] Лит[овского] на немъ написана тыми словы: anno tysiąc szescset pięcdziesiąt siodmego, dnia iedenastego may na instantią ich msciow panow obywatelow ten dekret, przez ich msciow ferowany, approbuię. Paweł Sapieha, woiewoda Wilenski, hetman wielki W. X. L.“

въ позднѣйшее время, искать мы обязаны и въ эпохѣ предыдущей. Повѣтовый сеймикъ развивался не путемъ внесенія теоретическихъ идей государственнаго права въ его организацію, а въ своемъ развитіи шелъ въ направленіи, которое опредѣлялось идеею повѣта, какъ корпораціи народа-шляхты, въ значеніи ячейки „речи посполитой“ Княжества, образующейся изъ соединенія повѣтовъ. Это развитіе совершалось подъ вліяніемъ той обстановки, въ которой протекала жизнь Великаго Княжества Литовскаго и его повѣтовъ и которая вызывала примѣненіе повѣтовой идеи къ явленіямъ, встававшимъ передъ повѣтами. Идея шляхетскаго повѣта Литовско-Русскому „панству“ была дана реформами 1565—1566 годовъ и закрѣплена послѣдующими десятилѣтіями XVI вѣка. Источники, оставленные XVII столѣтіемъ и приведенные уже въ извѣстность въ настоящее время, полнѣе рисуютъ тѣ выводы изъ повѣтовой идеи, которые получили свое выраженіе въ сеймикованьѣ этого времени, чѣмъ источники XVI столѣтія, недостатокъ которыхъ при изученіи сеймикованья отдѣльныхъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ такъ сильно чувствуется. Но мы не можемъ безусловно отрицать, что многія черты, рисующія размѣры компетенціи повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго XVII вѣка, вскроются, когда станутъ доступными изслѣдованію неизвѣстные въ настоящее время матеріалы, и для послѣднихъ десятилѣтій столѣтія XVI-го, съ ихъ Московскою войной, тремя безкоролевьями, защитою и опредѣленіемъ правъ Литовско-Русскаго „панства“ въ соединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ и выработкою Литовско-Русскаго кодекса, въ той его редакціи, которая сохранила свою силу до конца существованія Великаго Княжества Литовскаго въ значеніи „панства“, т. е. до раздѣловъ Речи Посполитой.

Повѣтовый сеймикъ былъ собраніемъ народа-шляхты. Но значеніе его заставляло тянуться къ нему и тѣ группы населенія повѣтовъ, какъ территоріальныхъ округовъ, которыя не входили въ составъ повѣтовой шляхты. Для этихъ группъ путь къ внесенію своихъ нуждъ на повѣтовые сеймики съ цѣлью полученія ихъ удовлетворенія или передачи дальше, т. е. мѣстнымъ властямъ, господарю, съѣзду Великаго Княжества Литовскаго, или вальному Польско-Литовскому сейму,

лежалъ черезъ посредство полноправныхъ участниковъ сеймиковъ, повѣтовыхъ шляхтичей. Религіозная борьба на сеймахъ конца XVI столѣтія[1]), когда повѣтовые послы выступали съ требованіями, рождавшимися въ средѣ носителей тѣхъ или другихъ религіозныхъ ученій и вырабатывавшимися и шляхтою и не-шляхтою въ руководящихъ организаціяхъ отдѣльныхъ частей населенія, объединяемыхъ не сословностью, а религіей, показываетъ пользованіе сеймиками для своихъ цѣлей православною и католическою церквями и протестантскими и сектантскими обществами. Принадлежность отдѣльныхъ шляхтичей къ той или другой религіи открывала возможность внесенія на повѣтовые сеймики требованій и желаній, вырабатываемыхъ внѣ сеймиковъ. Несомнѣнно, что детальное изученіе сеймикованья Великаго Княжества Литовскаго обнаружитъ слѣды проникновенія на Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики и требованій еврейства, а быть можетъ, отчасти и крестьянства, особенно со времени обостренія крестьянскаго вопроса въ эпоху казацкихъ войнъ. Но особенно удобно по источникамъ, извѣстнымъ уже въ настоящее время, выясняется возможность для городовъ находить доступъ для своихъ нуждъ на повѣтовые сеймики.

Въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ повелось издавна назначать войтами городовъ, надѣленныхъ Нѣмецкимъ правомъ, шляхтичей, притомъ сплошь и рядомъ достаточно крупнаго общественнаго положенія. Списки войтовъ отдѣльныхъ городовъ называютъ рядъ болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, занимавшихъ войтовскіе уряды. Такъ, Могилевскимъ войтомъ съ дарованіемъ Могилеву Магдебургскаго права въ 1577 году былъ назначенъ господарскій писарь и Виленскій подкоморій Миколай Ясенскій, а его преемникомъ былъ Мартинъ Стравинскій, тивунъ и городничій Троцкій[2]); съ дарованіемъ Магдебургскаго права въ 1597 году Витебску, войтомъ этого города былъ назначенъ Витебскій земянинъ,

---

1) Ср. изслѣдованіе П. Н. Жуковича — Сеймовая борьба православнаго Западнорусскаго дворянства съ Церковной Уніей (до 1609 г.). Спб. 1901. Разборъ этого труда, сдѣланный проф. С. Голубевымъ, см. на стр. 11—30 Отчета о присужденіи премій П. Н. Батюшкова (СПБ. 1904).

2) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 483, прим. 2.

„урожоный“ Юрій Лѣтецкій [1]), а въ Вильнѣ войтовской урядъ занималъ рядъ лицъ не только шляхетскаго происхожденія, но и выдающагося значенія [2]).

Но въ значеніи войтовъ шляхтичи стояли не только во главѣ крупныхъ городовъ, но и городовъ помельче, притомъ даже не пользующихся полнотою самоуправленія; иногда войтовство принадлежало имъ даже наслѣдственно [3]). Такимъ образомъ, шляхетство войта, главы города, открывало путь для внесенія желаній и просьбъ городовъ на сеймики тѣхъ повѣтовъ, въ которыхъ ихъ войты обладали земскою осѣлостью. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ иногда подписи войтовъ въ рядахъ подписей подъ актами постановленій повѣтовыхъ сеймиковъ [4]).

Но города прибѣгали и къ другимъ способамъ, которыми они достигали внесенія своихъ нуждъ на сеймики. Это были тѣ же способы, которыми они пользовались и для передачи своихъ просьбъ на вальные сеймы, т. е. спеціально отправляемыя посольства и подарки, которые должны повліять на ихъ участниковъ. Отъ XVII и XVIII столѣтій сохранилось много указаній на обращеніе городовъ къ этимъ путямъ проведенія своихъ пожеланій. Приходо-расходныя книги Могилева въ числѣ расходовъ, дѣлаемыхъ магистратомъ этого города, называютъ нерѣдко расходы по поѣздкамъ членовъ магистрата на сеймы и сеймики. Эти поѣздки обходились городу обыкновенно недешево. Такъ, въ 1692 году стоимость „выправы“ пана Девулскаго „на сеймъ для пилнованя справъ мескихъ“ была въ нѣсколько сотъ золотыхъ [5]), изъ числа которыхъ ему было дано „за пърацу“ 110 золотыхъ. Тотъ же панъ Девулскій въ 1685 году получилъ отъ Могилевскаго магистрата 60 золотыхъ, „кгды ехалъ до Орши на трикролный сеймикъ“ [6]). Сохранились и

1) А. З. Р. IV. № 118. Тотъ же документъ перепзданъ А. П. Сапуновымъ на стр. 74—82 перваго тома его изданія Витебская Старина (Витебскъ 1883).

2) Michał Baliński. Historya Miasta Wilna. Tom II. Wilno 1836. Str. 126—128 (Dodatki).

3) См., нпр., привилей, данный въ 1568 году Якову Гричину на Воиньское войтовство - И. И. Лаппо, op. cit., стр. 484, прим. 1.

4) См., нпр., А. Вил. IV, стр. 69.

5) Ист.-Юр. Матеріалы. IX. Стр. 117 и сл.

6) Ист.-Юр. Матеріалы. III. Стр. 37.

образцы инструкцій, которыя давались городами своимъ посламъ въ такихъ поѣздкахъ и которыя указываютъ на пріемы, примѣняемые этими послами въ ихъ дѣятельности. Напримѣръ, инструкція Виленскаго магистрата отправляемымъ имъ посламъ на сеймъ 1669 года[1]) предписываетъ, чтобы эти послы, прибывъ въ Варшаву, постарались получить аудіенцію у пановъ печатарей Великаго Княжества Литовскаго (т. е. у канцлера и подканцлера), заинтересовали нуждами Вильны маршалка „рыцарскаго кола“ и этимъ путемъ провели на сеймѣ рядъ желаній Виленскаго мѣста[2]). Примѣровъ посылки Литовско-Русскими городами своихъ пословъ на сеймы и сеймики даютъ достаточно и опубликованные источники[3]); еще больше ихъ должно быть въ матеріалахъ рукописныхъ.

Но города старались располагать въ свою пользу уча-

---

1) „Instructia, od magistratu Wilenskiego ich mm. panom Pawlowi Boimowi — sekretarzowi i. kro. msci, woytowi Wilen., Baltromieiowi Cyniakiemu — raycy miasta Wilen., Symonowi Kazimierzowi Kurowiczowi — sekretarzowi i. kro. msci, pisarzowi Wilen., na seym eleccyiny do abdycatij i kro. msci Warszawski, w roku teraznieyszym tysiąc szescsett szescdziesiątym dziewiątym msca maia wtorego dnia przypadaiący, iadącym, dana“. Документъ извѣстенъ намъ въ копіи, принадлежащей Императорской Археографической Коммиссіи. Эта копія входитъ въ составъ списковъ, доставленныхъ Виленскою Временною Коммиссіею, учрежденною для разбора архива бывшаго Литовскаго Трибунала (см. Протоколы засѣданій Археографической Коммиссіи 1841—49 г. г., вып. II, стр. 220—221; засѣданіе 25 апрѣля 1844 года). Настоящая копія имѣетъ такую скрѣпу: „Вѣрно. Членъ Коммиссіи Антоній Марциновскій. Членъ Коммиссіи Викентій Нарбуттъ. Священникъ Михаилъ Корсакевичъ“. Копія обозначена № 61 и слѣдующимъ заголовкомъ: „Инструкція отъ Виленскаго Магистрата отправляемымъ посламъ на сеймъ элекційный“.

2) „Przybywszy, da Pan Bog, szczęsliwe do Warszawy, starać się o to maią, aby czas audientij u iasnie wielmożnych ich mm. panow pieczętarzow W-o X-a Litt. y im pana directora kola rycerskiego ziednawszy, utrapionego miasta tego desideria przełożyli, upraszaiąc, aby w osobliwym respeccie dla wielkiego zruinowania y ustawicznych ciężarow mieć raczyli“. За этимъ вступленіемъ слѣдуетъ рядъ пожеланій Вильны. Заканчивается документъ такъ: „Pisan u Wilnie, roku y dnia wyżey mianowanego. Na własne rozkazanie wszytkiego magistratu ich msc. pp. burmistrzow y radziec miasta Wilen. sesionate zgromadzonego Symon Pietrowicz, rayca y pisarz Wilenski podpisall m. pr.“

3) См., напр., Ист.-Юр. Матеріалы V — стр. 13, 91 и 184, VI — стр. 261, XXI — стр. 1, а также другіе томы того же изданія.

стниковъ сеймовъ и сеймиковъ и путемъ подарковъ, имъ подносимыхъ. Намъ уже пришлось отмѣчать задариваніе ими крупныхъ сановниковъ Великаго Княжества Литовскаго и ихъ слугъ [1]). То же замѣчается въ отношеніяхъ городовъ и къ повѣтовымъ урядникамъ и шляхтѣ, только, конечно, подарки имъ предназначались помельче. Приходо-расходныя книги Могилева, на которыя намъ уже приходилось ссылаться выше, заносятъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ на свои страницы то подарки посламъ повѣтовымъ [2]) или должностнымъ лицамъ повѣтовъ [3]), то расходы по угощенію шляхты [4]), расположенія которой приходилось искать городу. Сохраненные для болѣе поздняго времени источниками факты, рисующіе пути, которыми пользовались города Великаго Княжества Литовскаго для проведенія своихъ просьбъ и желаній на сеймики и сеймы, должны быть въ своихъ общихъ очертаніяхъ переносимы и на XVI столѣтіе. И не только жизненность самыхъ явленій и ихъ неизбѣжность при томъ строѣ, въ который вылилась организація Княжества во вторую половину XVI вѣка, заставляютъ это дѣлать: мы имѣемъ, правда рѣдкія, основанія для этого и въ извѣстныхъ источникахъ [5]). Такъ исключеніе мѣщанства, какъ и другихъ группъ населенія Великаго Княжества Литовскаго, не обладавшихъ „почтивымъ шляхетствомъ“, изъ состава полноправнаго его „народа“, лишая ихъ прямыхъ путей удовлетворенія своихъ нуждъ и желаній, заставляло ихъ искать путей обходныхъ, которые не могли сплошь и рядомъ не вносить нездороваго элемента и въ сеймованье, и въ сеймикованье.

---

1) И. И. Лаппо. Великое Княжество Литовское. Томъ I. Стр. 714—716.

2) Нпр., Ист.-Юр. Матеріалы III, стр. 43, 44 и др., или Ист.-Юр. Матеріалы XXIV, стр. 24.

3) Нпр., Ист.-Юр. Матеріалы XVIII, стр. 33 (подарокъ замковому писарю), или ibidem, стр. 52 (подарокъ слугѣ Оршанскаго судьи).

4) Нпр., ibidem, стр. 79.

5) Напримѣръ, актовыя книги Могилевскаго магистрата за 1578 годъ сохранили въ своихъ записяхъ упоминаніе о поѣздкѣ депутаціи Могилева на Варшавскій сеймъ этого года „отъ всего места у потребахъ“. Эти депутаты были отправлены „ку его к[оролевской] м[илости] и до ихъ милости пановъ радъ Великого Князства Литовского, такъ же и до его м[и]л[ос]ти пана войта“ Могилева. Ист.-Юр. Матеріалы, XXXII, стр. 41 (Акта албо справы ураду войтовства Могилевского . . . .).

Глава XI.

Военные сборы и земскіе роки въ значеніи собраній повѣтовой шляхты. Сеймикъ времени безкоролевья.

Военные сборы шляхетскихъ повѣтовъ, какъ собранія, во время которыхъ происходили совѣщанія и вырабатывались постановленія повѣтовой шляхты. Групповыя собранія шляхты. Земскіе роки въ значеніи собраній повѣтовой шляхты и ея коллективныя выступленія съ этихъ роковъ. Повѣтовый сеймикъ времени безкоролевій и невозможность его изученія безъ знакомства съ дѣятельностью и значеніемъ общихъ съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго. Виленскіе съѣзды эпохи третьяго безкоролевья въ ихъ постановленіяхъ о Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ собраніяхъ этого времени. Виды собраній шляхетскихъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго въ эпохи безкоролевій и задачи, которыя передъ ними стояли.

Мы видѣли выше [1]) четыре основныхъ вида повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго, признанныхъ Литовско-Русскимъ закономъ и имъ въ значительной степени организованныхъ. Но сеймиками предсеймовымъ, посеймовымъ и избирательными, собиравшимися для выбора должностныхъ лицъ повѣтовъ и членовъ трибунала Княжества, не исчерпываются всѣ виды собраній шляхетскихъ корпорацій повѣтовъ Литовско-Русскихъ. Кромѣ нихъ повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго и въ другихъ своихъ собраніяхъ обсуждала дѣла, принимала рѣшенія и выступала съ соотвѣтствующими заявленіями и актами. Такія собранія шляхетскихъ повѣтовъ имѣли мѣсто и въ эпохи наличности „звирхности господарской“, при наличности господаря во главѣ соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Еще больше они учащались и еще сильнѣе развивалась ихъ

---

1) Главы VI, VII, VIII и IX.

дѣятельность въ годины безкоролевій. Къ знакомству съ этими видами собраній шляхты Литовско-Русскихъ повѣтовъ теперь и обратимся.

Рыцарство-шляхта Великаго Княжества Литовскаго, представляя собою его „народъ“, не только обладало правами, въ числѣ которыхъ было и право соймикованья, но несло на свою „речь посполитую“ обязанности, и основною изъ этихъ обязанностей была земская военная служба. Въ этой службѣ повѣтовая шляхта собиралась около своихъ хоружихъ и маршалковъ или каштеляновъ [1]). Само собою разумѣется, что въ военныхъ земскихъ сборахъ, для „пописовъ“ или для „рушенья“, шляхетскіе повѣты продолжали сознавать себя шляхетскими корпораціями и отнюдь не отказывались отъ своего права обсуждать повѣтовыя и земскія дѣла, хотя они и стояли въ этихъ сборахъ въ значеніи повѣтовыхъ полковъ. Исторія Руси хорошо знаетъ вѣча народныхъ полковъ во время походовъ, не менѣе хорошо знаетъ исторія Литовско-Русскаго государства военные полевые сеймы: вооруженный народъ осуществлялъ свое право обсужденія дѣлъ, стоя съ оружіемъ въ рукахъ во время похода или военнаго сбора, какъ онъ осуществлялъ его и не созванный въ земское войско. Съ образованіемъ реформами 1565—1566 годовъ шляхетскихъ корпорацій новыхъ повѣтовъ, шляхта послѣднихъ не только не могла отказаться отъ этого переданнаго традиціей права, но должна была еще лучше сознавать его, организованная въ повѣтовыя корпораціи съ ихъ обще-государственнымъ и мѣстнымъ значеніемъ. Центральная власть должна была молчаливо признавать это значеніе военныхъ сборовъ шляхты, которые даже, собственно говоря, должны считаться болѣе полными, а потому и болѣе авторитетными, собраніями повѣтовой шляхты, чѣмъ соймики, такъ какъ на нихъ должны были являться всѣ шляхетные обыватели повѣтовъ подъ угрозою строгаго наказанія, въ то время какъ соймики отбывались, „не ждучи неприбылыхъ“, и безъ всякаго, даже хотя бы небольшого, штрафа для пропустившихъ ихъ не-должностныхъ шляхтичей. Конечно, такое значеніе военныхъ сборовъ шляхетскихъ повѣтовъ не могло не составлять серьезныхъ неудобствъ

---

1) См. выше, стр. 105.

для центральной власти государства: съ одной стороны, она была лишена возможности всякаго руководства шляхтою въ этихъ собраніяхъ, руководства, которое она старалась хотя нѣсколько обезпечить себѣ на предсеймовыхъ сеймикахъ „науками" господарскимъ посламъ, а на посеймовыхъ — сообщеніемъ въ повѣты оффиціальныхъ копій сеймовыхъ конституцій; съ другой стороны, превращеніе повѣтовыхъ полковъ въ собраніе полноправнаго „народа" отнюдь не могло быть признаваемо удобнымъ въ интересахъ военнаго дѣла, и въ предпочтеніи такимъ знатокомъ этого дѣла, какимъ былъ Стефанъ Баторій, посполитому рушенью наемныхъ войскъ можно видѣть не только сознаніе значенія послѣднихъ, какъ хорошо обученныхъ регулярныхъ полковъ, но и сознаніе опасности во время войны отъ соединенія въ шляхтѣ значенія войска со значеніемъ „народа" [1]).

Въ числѣ тѣхъ „иншихъ" съѣздовъ, противъ которыхъ возставалъ Сигизмундъ Августъ, созывая на 10 мая 1569 года Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики [2]), были несомнѣнно и военные сборы шляхты повѣтовъ: Великое Княжество Литовское въ это время, повидимому, помышляло вооруженною рукою возстановить права своего „панства", которыя нарушалъ Люблинскій сеймъ [3]). Указаніе на съѣзды Литовско-Русской шляхты въ военные сборы повѣтовъ даютъ и листы Стефана Баторія, выданные въ Вильнѣ 20 апрѣля 1579 года [4]). Въ этихъ листахъ Баторій, созывая шляхту Великаго Княжества Литовскаго „до Свира" для военныхъ дѣйствій противъ Москвы, говоритъ о томъ, что „за пріѣханьемъ" его въ предѣлы Княжества „за разомъ многіе" изъ Литовско-Русскихъ обывателей „сами" рѣшили съ „господаремъ у войско съ почты своими ѣхати, — а другіе зъ зъѣздовъ повѣтовыхъ и тежъ черезъ посланцовъ своихъ таковую жъ упреймость свою на тую потребу, здоровья и маетности

1) Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 157—158.

2) См. выше, стр. 326—328.

3) И. И. Лаппо. Op. cit. Стр. 29.

4) Вил. Арх. Сб. I. № 50. Изданный листъ Баторія направленъ въ землю Полоцкую, но самый текстъ его показываетъ, что такіе же листы были разосланы по всему Великому Княжеству Литовскому.

своее не литуючи [1]), противъ тому непрыятелю зъ" королемъ Стефаномъ „тягнути оферовали со всихъ воеводствъ и повѣтовъ". Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ эту эпоху повѣты Великаго Княжества Литовскаго собирались въ военныхъ сборахъ: ихъ требовали опасности отъ Москвы. Самыя рѣшенія отдѣльныхъ повѣтовъ „тягнути", т. е. идти въ походъ, требовали и соотвѣтствующихъ распоряженій мѣстныхъ шляхетскихъ военныхъ властей для приведенія ихъ въ исполненіе.

Источники XVII столѣтія даютъ длинный рядъ примѣровъ созывовъ повѣтовой шляхты ея повѣтовыми военными урядниками не только для чисто военныхъ цѣлей, но и для „намовъ". Вотъ нѣсколько образцовъ такихъ созывовъ Пинской шляхты въ 1656 и 1657 годахъ. 9 января 1656 года мечный и хоружій Пинскаго повѣта Базилій Орда выдалъ свой универсалъ, созывающій шляхту его повѣта „viritim", съ „почтами", на 17 января 1656 года въ Пинскъ на совѣщаніе [2]). Собравшись въ этотъ день, Пинская шляхта дѣлаетъ свое постановленіе и обнародываетъ его своимъ универсаломъ, внесеннымъ въ Пинскія гродскія книги какъ „универсалъ ихъ милости пановъ обывателевъ повету Пинского" [3]). Этотъ универсалъ, подписанный Пинскимъ подкоморіемъ Миколаемъ Кунцевичемъ, въ качествѣ директора „кола" шляхты, и Пинскимъ хоружимъ и мечнымъ Базиліемъ Ордою, назначаетъ общій съѣздъ всей шляхты повѣта, съ „почтами" и въ полной военной готовности, въ Пинскѣ на 25 января того же года. 21 февраля 1656 года въ Пинскія гродскія книги была сдѣлана новая запись универсала, созывающаго повѣтовую шляхту: „постановившысе очевисто, панъ Лукашъ Копецъ именемъ его милости пана Лукаша Елского, маршалъка и пулковника повету Пинского, универсалъ его милости въ речы, въ немъ выражоной, ку актыкованю до книгъ кгродскихъ Пин-

---

1) Въ изданіи „минуючи".

2) Виленскій Центральный Архивъ, № 13009. Пинскаго гродскаго суда (1656—1658), № 22, А, л. л. 16—16 об. (или стр. 9—10).

3) Ibidem. Л. 35 об. (или стр. 48). Этимъ универсаломъ опубликовывается постановленіе „w tym że miescie Pinskim w gromadzie sine diuisione belli we wszystkiey gotowosci y woiennym porządku zostawac".

скихъ подалъ". Въ этомъ универсалѣ панъ Елскій сообщаетъ Пинскому повѣту о возвращеніи его пословъ, посланныхъ къ королю, и о желаніи ихъ возможно скорѣе сдѣлать реляцію своего посольства. Снесшись съ ними, Елскій настоящимъ универсаломъ назначаетъ въ Пинскѣ сеймикъ на 3 марта для выслушанія этой реляціи [1]).

Съ весны 1657 года Пинскія гродскія книги опять возобновляютъ записи документовъ, созывающихъ повѣтовую шляхту. 6 мая этого года въ нихъ внесенъ [2]) универсалъ пана Павла Сапеги, воеводы Виленскаго и гетмана Великаго Княжества Литовскаго, выданный въ Берестьѣ 2 мая 1657 года и требующій отъ обывателей Пинскаго повѣта, чтобы они, собравшись въ Пинскѣ, строго охраняли перемиріе съ царемъ Московскимъ. На этомъ универсалѣ Пинскіе маршалокъ и хоружій сдѣлали свою приписку, которою созывали шляхту своего повѣта на 11 мая въ Пинскъ какъ въ посполитое рушенье, такъ и для совѣщанія [3]). 18 мая 1657 года Пинскіе маршалокъ и хоружій выдали новый универсалъ по своему повѣту: въ виду опустошеній его различными войсками, они приглашали повѣтовую шляхту въ Пинскъ на 23 мая „do rady zdrowey" [4]).

Дальнѣйшія записи Пинскихъ гродскихъ книгъ даютъ рядъ другихъ документовъ, говорящихъ о созывахъ въ это время Пинской шляхты и ея постановленіяхъ. Мы не станемъ утомлять читателя приведеніемъ ихъ [5]), такъ какъ уже

1) Ibidem. Л. л. 59—59 об. (или стр. 95—96). Дата этого универсала: Пинскъ, 21 февраля 1656 года. „У того универсалу пры печати подписъ руки тыми словы: W. mw. mm. panow y braci sluga powolny Łukasz Jelski, marszalek y pułkownik powiatu Pinskiego".

2) Ibidem. Л. л. 671 об. — 672 (или стр. 380—381).

3) „На которомъ универсале написъ его милости пана маршалка и его милости пана хоружого повету Пинского съ подписами рукъ ихъ милости, въ тые слова писаный: po zaleceniu służb naszych w łaskę w. mw, naszych msciwych panow y braci, unizenie w. mw. upraszamy, abyscie w. m. nasi msci panowie wedlug uniwersalu tego, od iasniewielmoznego i. m. pana hetmana naszego wydanego, wszyscy osobami swemi, tak na consultę, iako y na pospolite ruszenie, na dzien iedenasty mai do Pinska ze wszelaką gotowoscią stawali woienną". Далѣе слѣдуютъ подписи маршалка и хоружія.

4) Этотъ универсалъ внесенъ въ Пинскія гродскія книги 19 мая 1657 года. Ibidem. Л. л. 675—675 об. (или стр. 387—388).

5) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 286, прим. 3.

приведенное нами достаточно выясняетъ и значеніе военныхъ съѣздовъ, и способы ихъ созыва въ Пинскомъ повѣтѣ въ серединѣ XVII столѣтія. Думается, что мы едва ли очень погрѣшимъ противъ истины, если тѣ общія очертанія значенія и характера военныхъ сборовъ повѣтовой шляхты, которыя даютъ приведенныя нами записи Пинскихъ гродскихъ книгъ середины XVII столѣтія, примемъ и для времени предшествующаго, отбросивъ, конечно, то, что въ нихъ относится спеціально къ эпохѣ, когда онѣ сдѣланы. Уже было отмѣчено нами выше[1]), что со временемъ военные сборы повѣтовой шляхты, соединяясь съ сеймикованьемъ, даже иногда и именуются сеймиками.

Мы имѣемъ рядъ указаній источниковъ, говорящихъ о выступленіи шляхты того или другого повѣта въ значеніи повѣтовой корпораціи, но не дѣлающихъ никакого указанія на то, что рѣшеніе сдѣлать такое выступленіе было принято на сеймикѣ. Такъ, когда Стефанъ Баторій въ маѣ 1582 года проѣзжалъ черезъ Вилькомиръ, къ нему обратилась „вся шляхта“ господаря, „земяне повету Вилкомирского“, съ заявленіемъ, „ижъ дей они сами и подданые ихъ, будучи частокротъ а розными часы и меновите въ томъ теперешнемъ року“ жолнерами „въ браню непомерномъ живности и маетностей ихъ велице укривденіе и зубожени“, не могутъ выдать въ срокъ поборцѣ податка, постановленнаго въ 1582 году Волковыйскимъ съѣздомъ. Король Стефанъ вошелъ въ положеніе Вилькомирской шляхты, которая „обтяжливе“ просила его о снисхожденіи, и постановилъ: „въ чомъ мы г[о]с[по]д[а]рь прозбу ихъ слушную быть бачечы, а ведаючи и уважаючи то, ижъ они не з якого иного огурства своего, але для великого зубоженя своего отъ жолнеровъ, того податку уфаленого на рокъ назначоный отдать не могли, вжо есмо всихъ земянъ нашихъ оного повету Вилкомирского отъ таковыхъ совитостей и винъ, въ универсале поборо[во]мъ описаныхъ, на нихъ за неотдане податку, за сесь рокъ осмъдесятый вторый приходячого, зътягаючихъ, вызволили и волными учинили, одно самую истизну[2]), хто што отъ себе водлугъ универсалу дать повиненъ“, должны

1) Стр. 308.

2) Въ оригиналѣ: „устизну“.

выдать своему повѣтовому поборцѣ въ назначенный Стефаномъ Баторіемъ имъ срокъ [1]). Пріурочить составленіе этой коллективной просьбы шляхты Вилькомирскаго повѣта къ сеймику предсеймовому или посеймовому мы не можемъ, такъ какъ сеймъ въ 1582 году былъ созванъ королемъ Стефаномъ на 2 октября [2]) этого года, а его грамота, исполняющая изложенную сейчасъ просьбу Вилькомирской шляхты, датирована 12-мъ мая 1582 года. Такимъ образомъ, можно думать въ данномъ случаѣ лишь о сеймикѣ, не связанномъ съ вальнымъ сеймомъ, или о собраніи шляхты въ военномъ сборѣ, или же, наконецъ, о какомъ-либо другомъ видѣ собраній шляхты Вилькомирскаго повѣта.

Шляхетскій повѣтъ, помимо сеймиковъ и военныхъ сборовъ, которые имѣли признанное значеніе его собраній, выражавшихъ его волю или желанія, зналъ рядъ другихъ собраній. Прежде всего необходимо были собранія тѣхъ или другихъ группъ повѣтовыхъ обывателей, объединяемыхъ единствомъ ихъ интересовъ или дѣлъ, которые не были обще-повѣтовыми, а, такъ сказать, групповыми. Понятно, что такое объединеніе по группамъ имѣло самыя различныя основанія [3]). Но былъ одинъ видъ съѣздовъ повѣтовой шляхты, въ которыхъ она выступала, если не вполнѣ въ значеніи собранія цѣлаго повѣта, то въ значеніи приближающагося къ нему по многолюдству съѣзда повѣтовыхъ обывателей. Такими собраніями повѣтовой шляхты были земскіе роки.

Для шляхетскаго повѣта земскіе роки, т. е. сессіи повѣтоваго земскаго суда, имѣли не одно только судебное значеніе: они получили также значеніе своего рода съѣздовъ повѣтовой шляхты. Самый характеръ дѣлъ, которыя под-

---

1) Настоящій документъ послѣ титула Стефана Баторія обращается къ „поборцы повету Вилкомирского Станиславу Довъмонтовичу Сесицъкому“. Дата документа: Вилькомиръ, 10 мая 1582 года. Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. 138.

2) Рейнгольда Гейденштейна Записки о Московской войнѣ (1578—1582). Переводъ съ латинскаго. Изданіе Археографической Коммиссіи. СПБ. 1889. Стр. 282.

3) Ср., напр., собранія шляхтичей-прихожанъ того или другого храма для обезпеченія средствъ содержанія его или его духовенства (напр., Описаніе Рук. Отд. Вил. Публ. Библ., вып. II, стр. 22, № 103).

лежали вѣдѣнію земскихъ судовъ, долженъ былъ дѣлать земскіе роки посѣщаемыми большимъ числомъ шляхтичей, такъ какъ число всевозможныхъ сдѣлокъ, заявленій и актовъ, относящихся къ шляхетскому землевладѣнію, представляемыхъ этимъ судамъ на каждой сессіи, было очень значительно и привлекало къ ихъ книгамъ длинный рядъ повѣтовыхъ обывателей. Кромѣ самихъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ на земскіе роки съѣзжалось большое число ихъ „пріятелей“ съ цѣлью помочь имъ въ веденіи дѣла на судѣ[1]), а наконецъ, и не имѣющихъ уже рѣшительно никакого отношенія къ дѣламъ данной сессіи суда шляхтичей, пріѣзжавшихъ въ повѣтовый центръ къ этому времени, чтобы потолкаться среди односповѣтниковъ, повидаться со своими знакомыми, собрать слухи и новости и провести время съ пріятелями за пивомъ, медомъ и горѣлкою въ „господѣ“[2]), или „будучи упрошеному на учту“[3]), или просто въ „домѣ въѣздномъ“, хозяинъ котораго можетъ „шынъкъ въ немъ мети, то естъ медъ, пиво, горелку и всякіе речы стравные на продажу держати“[4]). Время, когда отсуживались земскіе роки, было чрезвычайно удобно для поѣздокъ шляхты въ повѣтовые центры. Въ самомъ дѣлѣ, осень и середина зимы, когда отсуживались Михайловскіе и Трикрольскіе роки, были для шляхтича удобнымъ временемъ для того, чтобы онъ могъ оставлять свое „господарство“-хозяйство безъ личнаго присмотра: это не были дни спѣшныхъ хозяйственныхъ заботъ и трудовъ. Что касается роковъ Троицкихъ, то ихъ начало совпадало съ такъ называемыми „зелеными“ святками, когда праздникъ прерывалъ земледѣльческія работы. Кромѣ того ко времени роковъ сплошь и рядомъ пріурочивалось и время ярмарокъ въ городахъ и мѣстечкахъ, въ которыхъ находились „избы судовыя“ повѣтовыхъ центровъ. Отъ своихъ поѣздокъ въ эти центры во время земскихъ роковъ шляхтичъ извлекалъ и пользу какъ землевладѣлецъ, продавая продукты своего хозяйства и дѣлая покупки.

---

1) См., нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 147 (№ 670).
2) Нпр., ibidem, стр. 27 (№ 184), 51 (№ 205) и др.
3) Ibidem. Стр. 101 (№ 225).
4) Ibidem. Стр. 166 (№ 115).

Самъ Литовско-Русскій законъ признаетъ значеніе земскихъ роковъ какъ собранія повѣтовой шляхты. Должностныя лица, вѣдающія судъ въ повѣтахъ, приносятъ послѣ утвержденія въ должности соотвѣтствующую присягу на земскихъ рокахъ передъ земскимъ судебнымъ урядомъ, при чемъ законъ иногда подчеркиваетъ присутствіе шляхты на рокахъ, говоря, что эта присяга приносится „передъ врядомъ судовымъ земъскимъ и передъ всими иными станы". Кромѣ членовъ самого земскаго суда такую присягу приносятъ судовые старосты, члены гродскихъ судовъ, подкоморіе и коморники [1]). Въ случаѣ неприбытія на сессію кого-либо изъ членовъ земскаго суда, собравшаяся на земскіе роки шляхта выбираетъ его замѣстителя [2]), приближая этимъ до извѣстной степени значеніе своего собранія къ значенію повѣтоваго сеймика, избиравшаго кандидатовъ на уряды членовъ земскаго суда. Признаніе земскихъ роковъ съѣздами повѣтовой шляхты видно и изъ примѣровъ заявленій поборцевъ, которыя дѣлаются на рокахъ при съѣздѣ „многихъ людей зацныхъ . . . . пановъ шляхты, обывателей" [3]) повѣта, какъ они дѣлаются и на сеймикахъ, что мы уже наблюдали выше [4]).

Быть можетъ, хотя бы отчасти, утвержденію такого значенія роковъ земскихъ способствовала и самая обстановка, при которой „засаживались" въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ ихъ земскіе суды. Мы видѣли выше [5]), что дѣятельность этихъ судовъ начиналась „съ порадою шляхтъ", собранныхъ къ ея открытію въ повѣтовые центры господаремъ. Это первое собраніе повѣтовой шляхты только что создаваемыхъ реформою 1565—1566 годовъ новыхъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго было и первымъ выступленіемъ ихъ въ значеніи новыхъ шляхетскихъ корпорацій. Самъ повѣтовый предсеймовый сеймикъ возникалъ до нѣкоторой степени въ связи съ введеніемъ земскихъ судовъ, такъ какъ избирательные округи для выбора сеймовыхъ пословъ

1) См. выше, стр. 130—131.
2) Ист.-Юр. Матеріалы, XXXI, Акты Витебск. земскаго суда. Стр. 66.
3) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 141 (№ 592).
4) Стр. 538 и сл.
5) Стр. 504.

опредѣлялись округами этихъ судовъ: по два посла на вальный сеймъ шляхта избираетъ „отъ кождого суду земского“[1]). Необходимо признать, такимъ образомъ, и вѣроятность образованія извѣстной традиціи, которая давала основаніе повѣтовой шляхтѣ считать свои съѣзды на земскіе роки достаточно авторитетными своими собраніями, если и не сеймиками.

Собравшись на земскіе роки, повѣтовые шляхтичи не только выдаютъ отъ имени своего собранія тѣ или другія удостовѣренія, но обращаются и съ коллективными ходатайствами. Примѣромъ перваго можетъ служить хотя бы „листъ“, выданный съ земскихъ Трикрольскихъ роковъ 1598 года Берестейскою шляхтою[2]). Въ этомъ документѣ читаемъ слѣдующее: „Всимъ вобецъ и кождому зособна, кому бы то належало ведати. Мы особы, ниже́й помененые, которіе есмо до того листу, печати свои притиснувшы, и руками своими, которіе умели, подписали, ознаймуемъ и сведецство певное даемъ о томъ, штожъ, будучы намъ на рокохъ Трикролскихъ земскихъ Берестейскихъ въ року нинешнимъ деветдесятъ осмомъ, пана Криштофа Шолковского, съ повету Вилкомирского чоловека намъ въ томъ воеводстве нашомъ Берестейскомъ добре знаемого, а некоторымъ з насъ и уроженя его сведомымъ, — виделисмо его быти въ добромъ здоровю, такъ же и признаня его передъ судомъ земскимъ Берестейскимъ на тыхъ же рокохъ, вышей помененыхъ, продажы вечыстое имени его Шолкова и Митова его милости пану Каспору Скорулскому будучы ведоми, для лепшое веры до того листу нашого печати свои приложыли и руками се своими подписали. Писанъ Б[е]рестю, року отъ Нароженя Сына Божего тисеча пятсотъ деветдесятъ осмого, м[е]с[е]ца генвара двадцатого дня“. Къ этому листу приложены „печатей розныхъ гербовъ притисненыхъ тридцать“ и его подписали 30 человѣкъ[3]).

Иногда собравшаяся на земскіе роки шляхта выдаетъ

---

1) См. выше, стр. 288.

2) Вил. Центр. Архивъ, № 13880. Вилькомирскаго гродскаго суда (1598 г.), № 3. Л. 109 об.

3) Изъ этихъ подписей три сдѣланы русскими буквами (Остафія Рудницкаго, Томаша Адамовича Завадскаго и Остафія Кучука Лазуцкаго); остальныя — польскими.

то или другое удостовѣреніе и въ цѣляхъ опроверженія правильности приговора суда, которая оспаривается проигравшимъ дѣло и обращающимся къ ней за поддержкою и соотвѣтствующимъ свидѣтельствомъ[1]). Но иногда съ земскихъ роковъ возбуждались и ходатайства, которыя передавались затѣмъ соотвѣтствующей власти. Если Кіевская шляхта въ 1575 году могла со своихъ роковъ отправить къ своему воеводѣ письменное ходатайство за Печерскаго архимандрита Сильвестра[2]), то мы не видимъ причины отрицать возможность подобныхъ выступленій въ тѣхъ или другихъ случаяхъ и для шляхты Литовско-Русскихъ повѣтовъ, не отторгнутыхъ къ Польшѣ въ 1569 году. Необходимо признать, что собравшаяся на земскихъ рокахъ повѣтовая шляхта могла сознавать себя шляхетскимъ собраніемъ большого авторитета, хотя это собраніе и не имѣло значенія повѣтоваго сеймика.

---

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. IV. Ст. 5 (№ 32).

2) Вил. Арх. Сб. IV, № 12. Какъ другой примѣръ выступленія Кіевской шляхты съ земскихъ роковъ можетъ быть указанъ „Листъ созпаный отъ шляхты и урядниковъ земскихъ воеводства Кіевского велебному Мелентію Хребтовичу на импне церковъное, называемое Копловъ, въ повете Кіевъскомъ лежачое, видимусомъ выданый". Послѣ титула Стефана Баторія этотъ листъ говоритъ слѣдующее: „Ознаймуемы тымъ листомъ н[а]шимъ всимъ вобецъ и каждому зособна, кому то вѣдати належить, ижъ оказалъ передъ нами велебъный Мелентій Хребтовичъ, архимандрытъ Кіевскій монастыра н[а]шого Печерского, листъ подъ титуломъ и печатми урядниковъ земскихъ, шляхты-рицерства, обывателій земли Кіевское, на рокохъ земскихъ въ замку н[а]шомъ Овруцкомъ на Святый Михалъ въ року недавно прошломъ тисеча пятсотъ семдесять осмомъ будучихъ, которымъ листомъ сознавають стародавъное уживанъе и держанъе именъя властного церковного, на имя Коплова, што шпрей въ томъ листе есть описано, просечи насъ за то, абыхмо ему видимусъ того листу подъ печатью н[а]шою Коронною выдать и оный листъ до книгъ н[а]шихъ канцелерійскихъ Коронъныхъ въписати росказали". Этотъ листъ далѣе и вписывается. Лит. Метр. $^{I\,B}_{26,27}$ л. л. 139 об. — 141 (дата документа: Вильна, 10 апрѣля 1579 года). На листахъ 143 об. 145 въ той же книгѣ Метрики находится „Листъ к[о]р[оля] его милости велебному Мелентію Хребътовичу на кануны, за зознанемъ шляхты и врядниковъ земскихъ воеводства Кіевского видимусомъ выданъ". Въ этотъ листъ вписанъ „Листъ подъ титуломъ и печатми урядниковъ земскихъ, шляхты-рыцерства, обывателій земли Кіевское, на рокохъ земскихъ въ замъку нашомъ Овруцкомъ на Светый Михалъ въ року недавно прошломъ тисеча пятсотъ семдесятъ осмомъ будучихъ". Дата документа та же, т. е. Вильна, 10 апрѣля 1579 года.

Чтобы закончить наше изученіе сеймиковъ и повѣтовыхъ собраній Литовско-Русской шляхты XVI столѣтія послѣ введенія реформъ 1565—1566 годовъ, намъ остается еще остановиться на повѣтовомъ сеймикѣ времени безкоролевій. Но выполнить задачу изученія сеймикованья этого времени мы можемъ на настоящихъ страницахъ только отчасти. Дѣло въ томъ, что въ годины безкоролевій дѣятельность повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго тѣсно примыкала къ дѣятельности его съѣздовъ. Эти съѣзды своими постановленіями выражали волю всего Литовско-Русскаго шляхетскаго народа, которая составлялась путемъ согласованія желаній и постановленій отдѣльныхъ повѣтовъ, на которые этотъ народъ распадался. Требованія, вырабатываемыя на съѣздахъ Великаго Княжества Литовскаго, предъявлялись затѣмъ соединенной съ нимъ Уніей Польшѣ и кандидатамъ на престолъ соединеннаго государства, какъ условія признанія ихъ Литовско-Русскимъ „панствомъ“. Съ другой стороны, постановленія этихъ съѣздовъ передавались въ повѣты къ исполненію или на обсужденіе и, такимъ образомъ, давали извѣстное направленіе повѣтовому сеймикованью Великаго Княжества Литовскаго въ эпохи безкоролевій. Все это заставляетъ признать наличность тѣсныхъ связей повѣтовыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ со съѣздами во время „интеррегни“, какъ иногда выражаются источники. Между тѣмъ дѣятельность съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго принадлежитъ къ числу темъ, совершенно не разработанныхъ еще научнымъ изслѣдованіемъ.

При такихъ условіяхъ мы должны отказаться на настоящихъ страницахъ отъ всякой попытки изученія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика времени безкоролевья въ его развитіи на протяженіи трехъ безкоролевій второй половины XVI столѣтія, которыя одно за другимъ должны были вносить свое вліяніе въ это развитіе. Но мы постараемся на основаніи документальныхъ данныхъ уяснить отношенія повѣтовыхъ сеймиковъ и общаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху третьяго безкоролевья, какъ времени наиболѣе полнаго развитія подлежащаго нашему изученію вида сеймиковъ, послѣ опытовъ двухъ предшествующихъ безкоролевій, и затѣмъ остановиться на характерѣ ихъ дѣятельности и способахъ созыва.

12 декабря 1586 года скончался Стефанъ Баторій, и отъ конца января 1587 года мы уже имѣемъ постановленіе Виленскаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго [1]). Это постановленіе начинается слѣдующими словами: „мы, рады духовные и свѣцкіе, княжата, панята, врадники земскіе и дворные и послове земскіе зо всихъ воеводствъ и повѣтовъ, и все рыцерство, обывателн того панства, Великого Князства Литовского и земли Жомоитское, которые се есьмо теперъ на тотъ часъ, по смерти короля его милости и великого князя Литовского, пана нашого, светое славное памети Стефана, до мѣста столечного Виленского на часъ певный, въ року теперешнемъ осемьдесятъ семомъ мѣсеца генваря двадцать девятого дня, для спольныхъ намовъ и застановенья межи нами порядку и покою внутренного зъѣхали, ознаймуемъ и чинимъ вѣдомо всимъ вобецъ и каждому зособна . . .“ Передъ нами постановленіе не только собранныхъ вызовомъ на съѣздъ его участниковъ, но и пословъ, избранныхъ повѣтами Великаго Княжества Литовскаго. Является вопросъ: кѣмъ же были созваны Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики для избранія этихъ пословъ?

На 2 января 1587 года были назначены повѣтовые сеймики Княжества еще Стефаномъ Баторіемъ, выдавшимъ въ Городнѣ 8 ноября 1586 года листы, ихъ созывающіе [2]). Эти сеймики должны были быть обычными предсеймовыми собраніями Литовско-Русской шляхты въ виду назначеннаго королемъ на 2 февраля 1587 года въ Варшавѣ вальнаго сейма. Но едва ли возможно думать, что эти сеймики собрались на основаніи распоряженія уже скончавшагося короля. Гейденштейнъ говоритъ, что арцибискупъ Станиславъ Карнковскій, получивъ извѣстіе о смерти короля Стефана, разослалъ универсалы „in omnes partes“, созывая сеймики во всѣхъ воеводствахъ и приглашая сенаторовъ въ Варшаву на начало февраля. Но, по его словамъ, шляхта, узнавъ о кончинѣ короля, самостоятельно собиралась въ свои собранія во многихъ воеводствахъ еще до универсаловъ Карнковскаго, считая, что смертью короля верховная власть возвращена въ ея руки [3]). Въ повѣтахъ Великаго

1) А. Вил. III. Стр. 310—319.

2) Приложенія. Стр. 140—141.

3) „In plerisque vero palatinatibus, morte regis cognita, per eamque

Княжества Литовскаго шляхта должна была собраться тѣмъ скорѣе, что король умеръ въ Городнѣ, т. е. въ Литовско-Русскихъ предѣлахъ, и вѣсть объ его кончинѣ должна была довольно быстро распространиться по Княжеству. Въ Городнѣ при королѣ находились радные паны, а также дворные и земскіе урядники Великаго Княжества Литовскаго; наконецъ, вѣсти быстро расходились отъ Городенскихъ мѣщанъ и двора господарскаго [1]). Паны-рада Литовско-Русскаго „панства" должны были немедленно принять мѣры со своей стороны для оповѣщенія его шляхетскаго народа, лишившагося своего господаря. Такимъ образомъ, повѣтовые сеймики, выславшіе своихъ пословъ на январьскій Виленскій съѣздъ 1587 года, должны были, внѣ всякаго сомнѣнія, собраться независимо отъ универсаловъ примаса.

Остановимся на постановленіяхъ январьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года и посмотримъ, что̀ они говорятъ о собраніяхъ шляхты въ эпоху наступившаго безкоролевья. Эти постановленія предвидятъ конвокаціи, елекцію и съѣзды [2]). Елекціонные сеймы, конечно, имѣются въ виду какъ сеймы, общіе съ Поляками. Конвокаціи, надо думать, также понимались Виленскимъ съѣздомъ преимущественно какъ общіе съ Поляками конвокаціонные сеймы, хотя это слово употреблялось и для обозначенія отдѣльныхъ отъ Польши съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго. Наконецъ въ числѣ съѣздовъ, о которыхъ говорятъ разсматриваемыя по-

---

imperio omni ad nobilitatem revocato, etiam ad edictum archiepiskopi ultro nobilitas convenerat, ad quosdam nuntium mortis regiae, priusquam ex conventibus dilaberentur, pervenerat." Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII (Francofurti ad Moenum MDCLXXII). P. 243.

1) См. „O śmierci króla Stefana list od sekretarza I. K. M. Jerzego Chiakor do J. W. Volfganga Kownackiego, kanclerza księstwa Siedmiogrodzkiego" — Juliana Ursyna Niemcewicza, Podróże Historyczne po ziemiach Polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte (Paryż 1858), str. 351 356. Акты судебной дѣятельности Литовско-Русскихъ сенаторовъ при королѣ Стефанѣ въ Городнѣ въ исходѣ ноября 1586 года см., нпр., на л. л. 208 об. 209 (дата: Городна, 27 ноября 1586 года) и 211 об. — 212 (дата: Городна, 27 ноября 1586 года) книги $\frac{I\ A}{65}$ Литовской Метрики.

2) Слова „або и на соймѣхъ и при пану пришломъ" (А. Вил. III, стр. 317), конечно, надо относить уже ко времени прекращенія безкоролевья.

становленія, ими понимались, конечно, и съѣзды повѣтовые. Январьскій Виленскій съѣздъ 1587 года прямо предвидитъ слѣдующіе виды собраній шляхты въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ: 1) для выбора членовъ трибунала Княжества, 2) рушенья въ помощь повѣтовому суду и 3) военные сборы повѣтовой шляхты. О первыхъ изъ этихъ собраній онъ говоритъ: „ижъ на часъ певный, передъ Великоднемъ пришлымъ за три недѣли въ понедѣлокъ, въ року теперешнемъ осьмьдесятъ семомъ електове на трибуналъ во всихъ воеводствахъ, гдѣ ихъ на теперешнихъ Громницахъ не обирано, обраны быти маютъ". Очевидно, что Виленскій съѣздъ, на основаніи свѣдѣній отъ повѣтовыхъ представителей Княжества, предвидитъ, что громничные сеймики не соберутся во всѣхъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ въ виду незнанія шляхты о продолженіи дѣятельности трибунала, устанавливаемомъ съѣздомъ, несмотря на наступившее безкоролевье [1]). Постановленіе съѣзда, состоявшееся 30 января 1587 года, не поспѣетъ во всѣ повѣты во-время, чтобы предупредить несобраніе громничныхъ сеймиковъ. Этимъ объясняется его редакція.

Что касается рушенья повѣтовъ въ помощь повѣтовымъ судамъ, то оно устанавливается январьскимъ Виленскимъ съѣздомъ въ двухъ случаяхъ. Первый изъ нихъ имѣетъ въ виду нежеланіе явиться на судъ [2]), или отказъ подчиниться его приговору — „на таковоrо кождого, яко взрушителя и турбатора покою посполитого, мы вси обыватели оного воеводства або повѣту, отъ вышшого до наменшого стану, за ознайменіемъ листовнымъ отъ враду кгродского, маемъ моцно повстати и на него рушитися", гласитъ постановленіе [3]). Въ данномъ случаѣ, такимъ образомъ, шляхту повѣта собираетъ гродскій урядъ. Другой случай рушенья повѣта вызывается неправильными дѣйствіями самого гродскаго уряда. Если такія дѣйствія имъ будутъ совершены, пострадавшая сторона вызываетъ его „на рокъ

1) Всѣ обычные повѣтовые суды прекращали свою дѣятельность во время безкоролевій (см. выше, стр. 115). Учрежденный въ 1581 году трибуналъ также, очевидно, по крайней мѣрѣ, часть Литовско-Русскихъ повѣтовъ считала не дѣйствующимъ въ это время.

2) Кромѣ случаевъ, оговоренныхъ съѣздомъ.

3) А. Вил. III. Стр. 312.

завитый" предъ судъ сосѣдняго повѣта, по выбору этой стороны — „а за всказаньемъ врадовымъ и ознайменьемъ тое сказанье враду земскому того повѣту, гдѣ судъ перший былъ, маетъ врадъ земский зо всими обывательми оного воеводства або повѣту, давши имъ знать черезъ листъ свой, рушитися и моцно сторонѣ укривжоной на имѣньяхъ и маетности того враду недбалого отправу вчинити"[1]). Въ этомъ случаѣ рушитъ повѣтъ его урядъ земскій. Наконецъ, право созывать чисто военные сборы повѣтовой шляхты было январьскимъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года предоставлено воеводѣ Виленскому и польному гетману Великаго Княжества Литовскаго[2]), пану Криштофу Радивилу во всѣхъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ, кромѣ земли Жомоитской, въ которой оно принадлежитъ Жомоитскому старостѣ[3]).

Но кромѣ этихъ собраній шляхты повѣтовъ Виленскій съѣздъ предвидитъ и другія. На это указываютъ его постановленіе о Берестейскомъ воеводствѣ и заключительныя слова всего документа. Первое говоритъ, что Берестейскіе послы на съѣздѣ „оповѣдалися, ижъ при своемъ постановеномъ порадку въ воеводствѣ своемъ, зъ стороны справедливости учиненого, зоставаютъ". Тутъ передъ нами, конечно, требованіе инструкціи, которую далъ своимъ посламъ на съѣздъ Берестейскій сеймикъ, уже сдѣлавшій самостоятельно свое постановленіе о судѣ во время наступившаго безкоролевья. Но въ одномъ изъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ судомъ, Берестейскіе послы „однакъ же до братьи свое то относятъ"[4]). Очевидно, что имѣется въ виду сеймикъ, на которомъ послы сдѣлаютъ реляцію своего посольства. Заключительныя слова постановленій январьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года также говорятъ о реляційныхъ сеймикахъ, хотя и не называютъ ихъ прямо: „которое постановенье наше, печатьми своими ствердивши и руками, хто писать умѣлъ, подписавши, до книгъ кгродскихъ Виленскихъ вписати дали есьмо, а съ тыхъ книгъ выписы подъ печатью

---

1) Ibidem. Стр. 315.

2) Польный гетманъ въ данномъ случаѣ потому замѣняетъ гетмана наивысшаго, что урядъ послѣдняго былъ въ то время вакантенъ. См. Józef Wolff, Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 150.

3) А. Вил. III. Стр. 318.

4) Ibidem. Стр. 317.

кгродскою Виленскою [въ] кождое воеводство и повѣтъ взято для отправованья тыхъ судовъ быти маетъ" [1]).

Теперь перейдемъ къ постановленіямъ Виленскаго съѣзда, собравшагося 2 октября того же 1587 года [2]), и отмѣтимъ въ нихъ то, что они даютъ для изученія шляхетскихъ собраній эпохи третьяго безкоролевья. Этотъ съѣздъ собрался послѣ полученія повѣтами Великаго Княжества Литовскаго разосланныхъ Литовско-Русскими панами-радою универсаловъ о происшедшемъ на избирательномъ сеймѣ 1587 года нарушеніи правъ, вольностей и „списовъ" Уніи, благодаря избранію одновременно двухъ господарей многими радными панами Короны и частью ея шляхты, что подробно изложено въ протестаціи, сдѣланной тогда же нѣкоторыми панами-радою и всѣмъ рыцарствомъ Княжества, а также нѣкоторыми сенаторами и частью рыцарства Польши [3]). Собравшись и обсудивъ положеніе дѣлъ, октябрьскій Виленскій съѣздъ, „сполне змовившисе и зголившисе зъ собою", постановилъ созвать новый съѣздъ Великаго Княжества Литовскаго въ Вильнѣ же на 8 ноября 1587 года [4]). На этотъ съѣздъ паны-рада и шляхетные обыватели Княжества, свѣтскаго и духовнаго стана, приглашаются явиться „особами своими", а не замѣнять себя повѣтовыми послами. Но, конечно, это приглашеніе отнюдь не уменьшало необходимости повѣтовыхъ сеймиковъ передъ предстоящимъ Виленскимъ съѣздомъ.

Передъ самимъ октябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики были созваны на 16 сентября универсалами, выданными 25 августа 1587 года въ Варшавѣ радою и рыцарствомъ Короны и Княжества [5]). Въ виду развивавшихся событій они приглашали

---

1) Ibidem. Стр. 319.

2) Приложенія. № XI.

3) Ibidem. Стр. 144—145.

4) Ibidem. Стр. 146.

5) Этотъ универсалъ вписанъ въ книгу Литовской Метрики $\frac{IA}{65}$ л. л (236—236 об.) съ заголовкомъ: „Uniwersał, pod Warszawą po nominatij dwu canditatow na Krolicstwo Polskie y W. X. Litt. wydany". Начинается онъ словами: „my, rady, ricerstwo oboiga narodu, Coronny (sic) Polskiey i Wielkiego Xięstwa Litewskiego, wszytkim, komu to wiedziec naliezy oznaimuiemy . . . ."

обывателей соединенной Речи Посполитой собраться на эти сеймики, а послѣ нихъ „do kupy" для того, чтобы общими силами справиться съ опасностями [1]). Но октябрьскій Виленскій съѣздъ имѣлъ дѣло и съ заявленіями представителей отдѣльныхъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго [2]), представленными, конечно, по требованію соотвѣтствующихъ сеймиковъ.

Созванный октябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ на 8 ноября съѣздъ въ Вильнѣ состоялся и 17 ноября 1587 года утвердилъ свои постановленія [3]). Съѣздъ оглашаетъ во всеобщее свѣдѣніе отправленіе имъ пословъ въ Польшу для выбора между двумя кандидатами на престолъ, т. е. Австрійскимъ эрцгерцогомъ Максимиліаномъ и Шведскимъ королевичемъ Сигизмундомъ, согласно Литовско-Русскимъ интересамъ, и для рѣшенія этого вопроса именемъ всего Великаго Княжества Литовскаго. Далѣе документъ продолжаетъ: „а ижъ въ таковыхъ небезпечностяхъ речи посполитое потреба обмышливать о раде и помочи паномъ посломъ нашымъ, которіе до Полски выправены суть, для потребъ, припалыхъ въ речи посполитой, складаемъ и постановили есмо соймики во всихъ воеводствахъ и поветехъ на певный часъ, то естъ на день тридцатый м[е]с[е]ца декабра въ року осмдесятъ семомъ" [4]). На этихъ сеймикахъ должны быть выбраны повѣтовые послы, которые затѣмъ обязаны быть готовыми отправиться съ неограниченными полномочіями въ Берестье, когда назначитъ имъ для этого съѣзда день Литовско-Русское посольство, отправленное для выше указаннаго дѣла въ Польшу. Вмѣстѣ съ членами этого посольства повѣтовые послы будутъ въ Берестьѣ обсуждать положеніе дѣлъ и дѣлать постановленія. Кромѣ того настоящій Виленскій съѣздъ постановилъ, чтобы всѣ обыватели Великаго Княжества Литовскаго были въ боевой готовности, въ виду настоящихъ

1) „aby, z milosci oiczyzny temu zlemu zabiegaiąc, na seimiki sie na dzien 16 septembris zbiezeli na mieisca zwykle a po tym sie do kupy wszyscy ruszyli a tak szkodliwy ogien w R. P. vgasili, praw i wolnosci swych postrzegali i s tym tak postąpili, iako by bylo z nailiepszem R. P., w czem iesli bysmy niedbalemi okazali, pewnego zginienia nasie[go] spodziewami".

2) См. Приложенія, стр. 148.

3) Приложенія. № XII.

4) Ibidem. Стр. 151.

обстоятельствъ [1]). Этимъ Литовско-Русская шляхта созывалась въ военные сборы шляхетскихъ повѣтовъ.

Берестейскій съѣздъ [2]), о которомъ говоритъ универсалъ ноябрьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года, и рѣшилъ вопросъ о признаніи Великимъ Княжествомъ Литовскимъ эрцгерцога Максимиліана или королевича Сигизмунда, т. е. одного изъ двухъ „номинатовъ" на престолъ соединенной Речи Посполитой. Онъ ведетъ переговоры съ обоими претендентами и въ концѣ концовъ признаетъ Сигизмунда Вазу Литовско-Русскимъ великимъ княземъ и королемъ Польско-Литовской Речи Посполитой, выработавъ условія для этого признанія [3]).

Таковы данныя, которыя даютъ постановленія трехъ Виленскихъ съѣздовъ 1587 года для изученія Литовско-Русскаго сеймика времени безкоролевья. Они показываютъ, что въ эпоху третьяго безкоролевья повѣтовые сеймики созывались властью съѣзда Великаго Княжества Литовскаго, должны были собираться по закону о сеймикахъ для выбора членовъ трибунала и, наконецъ, собирались въ повѣтахъ помимо постановленій съѣздовъ и требованій закона. Къ этимъ сеймикамъ нужно прибавить сеймики, которые собирались для Польши и Литовско-Русскаго „панства" примасомъ и общими сеймами. Но рядомъ со всѣми этими сеймиками въ повѣтахъ собираются военныя собранія шляхты. Разсматривая постановленія Виленскихъ съѣздовъ 1587 года, мы видѣли, что они или отдаютъ созывъ этихъ собраній въ руки центральной военной власти Великаго Княжества

1) Ibidem.

2) О съѣздѣ въ Берестьѣ говорятъ и „Instructia, od ich m. panow rad y rycerstwa W-o X-a Litt. ich m. panom posłom do obudwu nominatow dana na ziezdzie głownym W-o X-a Litt. od 8 dnia nouębris legitime złozonym dana" (Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. л. 245—246), и „Modus legationis przi tei generalnei instructii" (ibidem, л. л. 246 об. — 247 об.). Послѣдній документъ назначаетъ временемъ съѣзда пословъ въ Берестьѣ 13 декабря 1587 года.

3) См. „Uniuersal w Brzesciu postanowiony" (Лит. Метр. $\frac{I\ A}{65}$ л. л. 257 - 258), датированный Берестьемъ и 24-мъ декабря 1587 года, и „Instructia ich mczy panow posłow" (ibidem, л. л. 258—261) подъ датою: Берестье, 23 декабря 1587 года. Въ ту же книгу Литовской Метрики внесены и документы, относящіеся къ сношеніямъ Берестейскаго съѣзда съ обоими „номинатами".

Литовскаго, т. е. гетмана, или созываютъ ихъ сами. Въ последнемъ случаѣ этотъ созывъ непосредственно передается въ руки повѣтовыхъ военныхъ властей — хоружихъ маршалковъ и каштеляновъ. Но, конечно, въ военные сборы повѣтовая шляхта въ годины безкоролевій должна была собираться и безъ указаній съѣзда: этого требовала охрана безопасности повѣтовъ. Наконецъ, засѣданія каптуровыхъ судовъ собирали, нужно думать, еще большее число шляхты, чѣмъ земскіе роки обычнаго времени. Потребность чаще бывать въ повѣтовомъ центрѣ среди одноповѣтниковъ чувствовалась шляхтою еще сильнѣе въ это время, а исключительная компетенція каптуровыхъ судовъ придавала большое значеніе избранію замѣстителей не прибывшихъ и не принесшихъ соотвѣтствующей присяги членовъ этихъ судовъ, которое должна была дѣлать собравшаяся на „роки порядкомъ каптура“ шляхта.

Что касается вопросовъ, которые должна была обсуждать, собираясь во время безкоролевій, повѣтовая шляхта, то, какъ мы уже отмѣтили выше, эти вопросы имѣли или значеніе повѣтовое, или значеніе дѣлъ Литовско-Русскаго „панства“, или, наконецъ, значеніе дѣлъ всего соединеннаго Польско-Литовскаго государства.

На этомъ мы закончимъ нашъ краткій очеркъ Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика времени безкоролевья. Этотъ сеймикъ требуетъ гораздо болѣе глубокой научной обработки, невозможной безъ обстоятельнаго изученія съѣзда Великаго Княжества Литовскаго. Заняться изученіемъ этого послѣдняго мы предполагаемъ въ дальнѣйшемъ продолженіи нашего труда, а потому и оставляемъ за собою право вновь вернуться къ изслѣдованію повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго въ эпохи безкоролевій въ связи съ изученіемъ съѣзда Литовско-Русскаго „панства“.

Приложенія.

I. Повѣтовые сеймики передъ Варшавскимъ сеймомъ 1572 года.

Справа соймовая року 1571, м[есе]ца.[1])

(Литовская Метрика, Судныхъ Дѣлъ Литовскихъ книга 56, листы 19 об.—45.)

У Варшаве справа соймовая на съемъ, который на Три Кроли въ року 72 зложонъ. Л. 19 об.

1.

Наперъвей инъструкцыи до всихъ поветовъ, писаные тымъ обычаемъ.

Наука г[о]с[по]д[а]ра короля его милости и великого князя Жикгимонта Августа послови его к[о]р[олевское] милости N[2]) на соймикъ N[3]) о выправлење пословъ до Варшавы на съемъ вальный, въ року 72 на Три Кроли зложоный, даная у Варшаве летъ Бож[ъего] Нарож[ен]ъ[я] 1571, м[есе]ца.[4])

Посолъ его к[о]р[олевское] милости ихъ м[и]л[остямъ] паномъ радамъ и инымъ всимъ станомъ, также рыцерству-шляхъте, которые ся на тотъ соймикъ зъедуть, ласку его м[и]л[ости] г[оспо]д[а]ръскую оповедивши, то все, яко нижей описано, съ того жъ писма мовити маеть.

1) Названіе мѣсяца опущено въ оригиналѣ.

2) Въ оригиналѣ стоитъ буква М, имѣя передъ собою и послѣ себя точки.

3) Также.

4) Названіе мѣсяца опущено въ оригиналѣ.

Ижъ его королевъская милость, уставичне обмышлеваючи, тую працу и всякое старанье чинити рачыть, абы за фортунъного панованья своего Корону Польскую и Великое Князъство Литовъское, и вси панъства свои добримъ радомъ и беспечънымъ покоемъ опатрилъ, отъ всякого нераду и небеспечъности речъ посполитую вызволилъ и высвободилъ, въ чомъ, яко его королевская милость ничого не фолькгуеть здоровъю своему, такъ певне за тымъ стараньемъ своимъ не такъ далеко своего ищеть пожитъку, але болшъ доброго, пожиточного и беспечного речи посполитой, а хто се одно хочеть присмотрети, такъ на частыхъ соймехъ[1]), которые его к[о]р[олевская] милость мевати рачить, ничого певне инъшого з нихъ не обачить, одно его королевъское милости о речи посполитой великіе а праве неизносные працы и старанья, за которыми здоровъе свое торгаеть и ущербляеть, фрасунъковъ частыхъ а немалыхъ уживаючи, зъвлаща кгды на тыхъ соймехъ некоторые речи
Л. 20 бывають || вътяганы, не такъ нагле потребные речи посполитое, для которихъ большіе справы, которые отъ его королевъское милости, з рецесовъ соймовъ прошлыхъ и водлугъ часу и потребы належъные, прекладаны бывають, волочися и з великимъ небеспеченъствомъ и нерадомъ панъствъ его к[о]р[олевское] м[и]л[ости] на иншій часъ откладатися мусять. А про тожъ, где бы его кор[олевская] м[и]л[ость] здоровя своего, леты и тежъ розмаитыми працами въ речи посполитой, а снать, и росторгненьемъ въ мысли своей около теперешнего стану своего, также и частыми соймами сторганого и нарушоного, большей хотелъ постерегати, а нижъли мильшое мелъ у себе доброе безъпечъное речи посполитое, тогды бы тыхъ соймовъ черезъ часъ долъгій занехалъ, але, помнечи на повинъность свою, радней отъкладаеть на сторону вшелякій вчасъ и опатриванье здоровъя своего, абы только за живота своего вшелякіе трудности и небезъпеченъства успокоилъ и осмотрелъ, а речъ посполитую по собе у добромъ порадку и въ варованомъ безпеченъстве зоставилъ. Которіе речи посполитой великіе затрудненья и небезпеченъства ачъ за всякою потребою его к[о]р[олевская] милость завжды звыклъ пильне обмышливать и опатривать, а ведже ижъ на тотъ часъ такъ ся ихъ много а таковыхъ знесло, которимъ его к[о]р[олевская] милость самъ жаднымъ способомъ, окромъ радъ и зезволенья всихъ становъ, здолати не можеть, для того тогды, за доложеньемъ и радою ихъ м[и]л[ости] пановъ радъ

1) Въ оригиналѣ: „частымъ соймомъ".

Корунныхъ и Великого Князъства Литовъского, съемъ валный спольный на день Трехъ Кролей, свята Римъского, которое будеть въ року прійдучомъ семъдесятъ второмъ, у Варшаве, водлугъ уфалы Любельское, складати рачить, на который абы есте, згодне обравши съ посродку себе, послы свои послали, напоминати въ томъ его к[о]р[олевская] милость васъ рачить. А тые послы жебы били люди мудріе, годные и которые || бы, милуючи речъ посполитую, во всемъ Об.
на жадную речъ болшъ ся не огъледали, одно на самые потребы речи посполитое и, маючи отъ васъ моцъ зупольную, а не замероную, при к[о]р[оли] его м[и]л[ости], весполокъ з ынъшими станы, о тыхъ речахъ наперъвей радили и становили, которіе его к[о]р[олевской] м[и]л[ости], за радою ихъ милость пановъ радъ, будуть ся здали, абы яко тые, которіе маючи у себе великое небезпеченъство, отъволоки и отъкладу не теръпели, а речы посполитое инъшими речъми не забавляючи, з добрымъ а пожиточнымъ отправлены и опатроны были. На который день, тому то вальному сойму назначоный, яко до его к[о]р[олевское] м[и]л[ости] ихъ м[и]л[ость] панове рада до Варшавы зъехатися будуть рачили, такъ тежъ ничого въ томъ не вонтъпить его к[о]р[олевская] м[и]л[ость], ижъ, за тымъ напомненьемъ, и послове, отъ васъ обраные, на тотъ же день становитися и прiехати не омешкають. А ижбы всимъ тайные не были причины, для которыхъ его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] тотъ съемъ складати рачить, для того тые небеспеченъства и потребы Коруны Польское и Великого Князъства Литовъского вашимъ м[и]л[остямъ] кор[оль] его м[и]л[ос]ть прекладаеть.

А праве на очи показовать рачить, же частокроть з многихъ посторонъныхъ краевъ такъ послове его кор[олевскую] милость, яко и инъшіе люди объчіе становъ зацныхъ, которые суть зычливыми пріятели кор[олю] его м[и]л[ости] и панъствамъ его м[и]л[ости] г[оспо]д[а]ръскимъ, и черезъ листы дають знать, же мистръ Немецкій по всей Реши, у всихъ праве княжатъ и местъ вольныхъ преднейшихъ Решскихъ, дивные старанья и практеки чинить, яко жъ и на прошломъ Решскомъ сойме, такъ у цесара его м[и]л[ости], яко тежъ у всихъ становъ Решскихъ, не занехалъ старанья въшелякого чинити, якобы до земль Прускихъ и ку Лифлянтомъ прійти могъ. Для чого много людей, такъ пешихъ, яко и езъныхъ, абы тому предсявзятью своему досыть учинилъ, розмаитымъ способомъ за часу се збираеть а часу || погоды своее ждеть, Л. 21
за которою бы щастя своего покусить, а до тамъ тыхъ земль вторгнути и опановати ихъ могъ. На которые таковые практыки

того мистра и пнъшихъ некоторыхъ княжатъ Немецкихъ ачъ его кор[олевская] м[и]л[ость], яко повиненъ, пильное око маеть и всякое престреженье противко пмъ завсегды чинить рачить, однакъ того не бачить, которымъ бы способомъ отъ таковогo небеспеченства тамъ тые земли, альбо радней вся Коруна на потомъные часы прожъна и волна быти могла, толко ижъбы се то на томъ сойме, за радою всихъ становъ, беспечъне опатрило и обваровало. Якожъ отъ теперешнего цесара его м[и]л[ости] подаються до того слушные обычаи, которіе не однокроть кор[оля] его милость такъ черезъ листы, яко и черезъ послы свои, пріятельскимъ а праве повинънымъ обычаемъ упоминаеть, абы послы свои до его цесаръское м[и]л[ости] послати рачилъ, при которыхъ бы цесаръ его м[и]л[ость] тотъ давный споръ о земли Прускіе, на которые Реша менеть ся меть право, на вечные часы, з добримъ панъствъ его к[о]р[олевское] м[и]л[ости] могъ загомовать и успокоить. Которой, яко слушне, отъ цесара его м[и]л[ости] для спокоенья и отъверъненья небеспеченъства земль Прускихъ дороги поданое кор[оль] его м[и]л[ость] яко на сторону не откладаеть и о вшемъ естъ вдячонъ, такъ тежъ розуметь рачить, абы вжо безъ далшое отволоки послы съ того сойму для тое потребы речи посполитое до цесара его м[и]л[ости], за радою всихъ становъ Корунъныхъ сполна и Великого Князъства Литовъского, посланы были, которые бы не новую якую речь о земли Прускіе вщинали, которые здавна кор[оль] его м[и]л[ость] держить за варовными и достаточными правы, але
Об. ижъбы у цесара его м[и]л[ос]т[и] такъ ся старали, яко бы вжъды || доброго злучоного пріятельства, а не инымъ способомъ черезъ цесара его милость з Решою тая давная справа сконъчона была, а затымъ мистрови Немецкому, который ся съ тыхъ земль домагаеть и дивные, а панъствамъ его кор[олевское] м[и]л[ости] шкодливые практыки чинить, вечное молъчанье заказано было.

З Московъскимъ маеть его кор[олевская] м[и]л[ость] до коротъкого часу, толко уже до полътора года, черезъ послы свои взятое перемире. Которіе послы яко у Москве частованы отъ него и хованы были, якосвыхъ се зелъживостей и утисненья натеръпели, розумееть тому его кор[олевская] м[и]л[ость], ижъ то всимъ вамъ естъ ведомо добре. А тое перемеръе съ тымъ непріятелемъ, у которого естъ вера завжды непевная, присегою малое местце маеть, и черезъ тотъ часъ коротъкій не розумееть к[о]р[оль] его м[и]л[ость], абы мело быти певное и статечное, кгдыжъ тотъ непріятель замокъ Таврусъ, который былъ черезъ войско его

кор[олевское] м[и]л[ости] взятый, въ перемеръномъ листе менованый, жебы а ни король его м[и]л[ость], а ни онъ того замъку не уживалъ черезъ тотъ часъ, поки перемиръе тръвати будеть, передъ ся его мимо то забудовалъ, а на инъшихъ местцахъ, або урочищахъ, з стороны границъ Великого Кн[яз]тв[а], которіе въ покою быти мають, подъ тымъ перемеръемъ некоторые замъки[1]) збудовалъ и другіе будовати хочетъ. При томъ много иныхъ таковыхъ речей вчинаеть, зачимъ ясне се показуеть, ижъ онъ того примерья статечне деръжати не будеть, але зо всякою погодою вдиратися и поседати панъства его кор[олевское] м[и]л[ости] не престанеть. Тотъ же непріятель черезъ Макгнуса, которому не мало войска своего злетилъ, Леалъ, дворъ его кор[олев]ъ[ское] м[и]л[ости] и колькое есть Ифлянтъской земли подъ тымъ же перемиремъ спалилъ и спустошилъ. || Про то, кгдыжъ не певное есть съ тыхъ причинъ з Московъскимъ перемиръе, а къ тому бы тежъ и напевнейшое было, тогды полътора года толко будеть, потребъная есть речь на томъ сойме яко о томъ радить и то постановить, яко бы и противъку непреспеченьству, естли бы которые часу того перемеръя отъ него на панъства его королевъское милости, пришла была певная оборона и опатренье певное, ижъ, кгды перемеръе выйдеть, абы се згодне отъ всихъ Корунъныхъ и Великого Князъства Литовъского становъ обычайваровный нашолъ и постановилъ, за которымъбы не только панства его к[о]р[олевское] м[и]л[ости] мели певную а статечъную и уставичъную оборону, але ижъ бы се за се то и все Коруне и Великому Князъству Литовъскому назадъ вернути и освободити могло, што обычаемъ тыранскимъ тотъ непріятелъ и продъкове его забрали и поселили. Л. 22

А ижъ, наболшей за его королевъское милости стараньемъ, въ Щетине угода и поровнанье сталосе межи корольми Шведъскимъ и Дуньскимъ, въ которомъ меновите естъ тое до листу всихъ комисаровъ вложоно, которые на тотъ часъ тамъ были, абы тые вси розницы, которые король его милость з обема тыми корольми меть рачить, на певный часъ угожоныи и поровнаныи[2]) были, а тотъ часъ давно минулъ, вжо не можеть ничого иньшого отътоль его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] розумети, одно, кгдыжъ тамъ тые оба два короли статечъне межи собою угоду постановленую держать, а, ижъ бы съ королемъ его м[и]л[остью] розницы поровнаны были, ни-

1) Въ оригиналѣ: „замъку".
2) Въ оригиналѣ: „угожоный и поровнаный".

чого о то не дъбають; ижъ тежъ оба два тое пріязни и покою, которую зъ его к[о]р[олевскою] м[и]л[остью] за тымъ способомъ принели, мало што важать, отъколь потреба ся еще обавлять, абы
Об. тые кор[оли], где могуть а большей панствамъ его кор[олевское] || милости [1]) шкодити, тымъ спрудка не зашкодили, то есть абы въ Лифлянтехъ, где немало замковъ оба два держать, ничого нового ку остаточному скаженю тамъ тое земли не зачали, якожъ въ Щетинъской угоде оба два тое, такъ король Дуньскій и Шведскій, владность Лифлянтъское земли цесару его милости и Реши Немецкой прызнали и место Ревель з ынъшими месты и замъки до рукъ комисаровъ цесарскихъ отдати обецали, потреба тогды о томъ печу мети, абы тые оба два пречоные короли, маючи межи собою порозуменя, пнованья его королевъское милости моръского королю его милости [2]) не затруднили, або не опановали, зачимъ портъ Кгданьскій и иные поръты его королевъское милости, съ которыхъ маеть Коруна и Великое Князство Литовское большей похопъ до всякихъ богастъствъ и стебы, въ нивечъ обернуться мусели. А портъ Московъскій до Нарви вжо бы вольный былъ, якожъ з стороны короля Дунского ясне се то предсявзятье показати можеть, который черезъ армату свою теперъ въ тыхъ часехъ, трынадцать окрутовъ властъныхъ, король его милость фребиторомъ, которые кор[оль] его м[и]л[ость] для боронення до Наръви порту Московъского ховати рачить, въ порте Пуцкой на кгрунъте его к[о]р[олевское] м[и]л[ости] недавно, передъ колкомъ недель, безъ жадного данья причины непріязни, своволне взялъ — впотреба тогды на таковые справы и поступки тыхъ кор[олей] пильне а безъ омешканья обойзрети и такое опатренье, за радою всихъ становъ Корунъныхъ и Великого Князъства Литовъского, учинити, яко бы не только въ земли Лифлянтъской покой або безъпечность отъ нихъ быти могла, але и пнованье на моры, на которомъ вси порты короля его милости [3]) заселм, а съ тыхъ безмала не вси купецства и богатъства до панствъ его к[о]р[олевское] м[и]л[ости] приходять, жебы ся статечне осмотрело и такій обычай нашолъ, за кото-
Л. 23 рымъ || бы вжо не фрабитерами только могли ся небезпеченьства на мору гамовати и портъ до Наръви нищити и псовати, але и статечъную армату, которую кожъдый съ пановъ хрестіанъскихъ,

1) Въ оригиналѣ: „млсть“.
2) Въ оригиналѣ: „король его млсть“.
3) Въ оригиналѣ: „млсть“.

который кольвекъ одно маеть портъ морьскій, звыкъ з великимъ коштомъ, также з розмаитыми а великими пожитъками на мору свое ховати.

До тыхъ же небезпечностей приступило и тое великое, Боже дай только, абы не певное небезпеченство, ижъ царъ Перекопскій не по одинъ разъ через послы, а на остатъку черезъ теперешнего гонъца своего, который оповедилъ именемъ того жъ пана своего о звытежъстве, которое недавно тотъ поганецъ, никгды передъ тымъ неслыханое, одеръжалъ надъ великимъ княземъ Московъскимъ, и великую оттоль користь отнесъ, зачимъ, тымъ большей поднесшися, упоминаеться у его королевъской милости упоминъковъ, за три годы задержаныхъ, а то не вкладаючи до того четверътого году, которого былъ вторгненье до земли и панъствъ Корунъныхъ учинилъ. Черезъ которые послы свои явные пригрозки указуеть, ижъ, если ему тые упоминъки врыхле заплачоны не будуть, зо всякою моцъю своею въ панъства его королевъское милости вторгнути и оные обычаемъ непріятельскимъ нищити и воевати обецуеть. Которіе упоминъки ижъ по двакроть сто тисечей золотыхъ выносять, отъколь бы такъ великая сума тому царови заплачона быти могла, розумети тому его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] не рачить, абовемъ што ся дотычеть, абы король его м[и]л[ость] з доходовъ, которые властъне на выхованье столу его королев[ское] м[и]л[ости] приходять, тую суму заплатити могъ, сведомо ихъ милостямъ паномъ радомъ, же король его милость, маючи тые доходы || многими росходы обложоные, жаднымъ способомъ тому Об.
зделати не могуть, а тымъ большей, ижъ король его милость черезъ тые два годы з доходовъ тыхъ, до столу его к[о]р[олевское] м[и]л[ости] належачихъ, яко о томъ ваша м[и]л[ость] ведаете, четвертую часть въ Коруне Польской речи посполитой, которые жолнеромъ не были заплачоны, платити рачилъ, а з скарбу земъского Великого Князъства Литовъского замки украиные и въ земъли Инфлянтъской опатруються, и многіе ротмистромъ пешимъ и пушкаромъ на тыхъ замцехъ еще винъно. А естли бы тежъ хто розумелъ, же бы тотъ долгъ такъ великій цару Перекопному [з] скарбу речи посполитое Корунъное заплачонъ быти могъ, снадне того дорозуметися можеть, якій естъ того скарбу великій недостатокъ, кгдыжъ тотъ малый почотъ людей служебныхъ, которій естъ на Подолью и въ земли Инфлянтъской, жаднымъ способомъ съ четвертое части черезъ цалый годъ выховатися не можеть. Потреба тогды въ тое пильне вглянути, яко бы ся пригрозкамъ и небез-

печностямъ отъ непріятела, свежимъ и такъ великимъ звитежъствомъ надъ Московскимъ поднесеного, забечи могло.

За тымъ тежъ, зешстьемъ съ того света кролевича его милости Угоръского, съ чого король его милость, яко з смерти сестренца своего, естъ велми жалостивъ, кгдыжъ спріяльный ему былъ для служъбы речи посполитое хрестіянъское долъго живота, ачъ зычить его королевъская милость, абы Коруна Польская и Великое Князъство Литовъское были отъ земли Угоръское безъпечны, ведже, ижъ ся въ Седмикгродской земли паномъ отмена великая стала, обавляеться его королевъская милость, жебы за тымъ якая наглая и шкодливая небезъпечъность з Угоръ на Коруну не прышла, якожъ вжо и отъ Турковъ, которые суть на Филяку, не малые ся шкоды подъданымъ его королевъской милости въ Спиской
Л. 24 земли деють, — про то || на томъ же пришломъ сойме пристойная речъ будеть, абы се то варовне осмотрело.

Рыга, место, на которое не толко иньшіе места, але и вся земъля Лифлянтская огледа[е]тъся, до того часу еще до скутечного послушенъства королеви его милости, Коруне и Великому Князъству Литовъскому, яко одной речи посполитой, прывестися не можеть, бо и тые комисары, которые тамъ, по прошломъ сойме Варшавъскомъ, для постановенья кгрунътовного въ томъ месте король его милость послати былъ рачилъ, ничого тамъ праве не справившы, до дому ся вернули зась, и тые другіе комисары, которые тамъ же его королевъская милость послати рачилъ, не великая надея естъ за незгодою великою того места, жебы тамъ въ той мере около упевненья скутечъного въ верномъ подъданьстве обывателевъ тамошнихъ противъ короля его милости[1]) и речи посполитой панъствъ его милости г[о]с[по]д[а]ръскихъ справити што кгрунътовного могли, кгдыжъ, яко его королевъская милость съ певное справы отъ его милости[2]) пана старосты Жомоитъского, администратора и гетмана земли Лифлянтъское, вырозумети рачилъ, же, за пріеханьемъ недавного часу черезъ Рыгу до Московского пословъ цесара его милости хрестіянъского и за посельствомъ до тыхъ же Рыжанъ цесара его милости[3]) и некоторыхъ княжатъ зъ Реши Немецкое, естъ въ немаломъ затрвоженью около подъданьства его кор[олевъское] м[и]л[ости] и речи посполитое панъства короля его милости[4])

1) Въ оригиналѣ: „млсть".
2) Также.
3) Также.
4) Также.

тое место и иньшіе обыватели земли Лифлянтъское а подъданые его королевъское милости.

У Кгданьску тежъ, до которого его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] по колко разъ з соймовъ прошлыхъ комисаровъ своихъ посылати рачилъ, есть теперъ всихъ речей замешанье || и затресенье великое, Об.
кгдыжъ Кгданьщане упорне того всего приняти не хотели, што тамъ комисары его кор[олевское] м[и]л[ости], з сойму Любельского посыланые, постановили и самъ то его к[о]р[олевская] милость моцъю соймовою на томъ прошломъ Варшавскомъ сойме потвердити и по сойме черезъ комисаровъ своихъ попирати рачилъ. Потреба на томъ пришломъ сойме пильне въ тое вглянути, жебы Кгданьскъ, на которомъ, яко месте портовомъ, панъствамъ его кор[олевское] м[и]л[ости] много належить, въ такій порадокъ былъ вправленъ, за которимъ бы не только своя воля и упоръ Кгданщанъ ускроменъ и загамованъ быти могъ, але ижъ бы ся зо всякою небезпечьностью и тамъ тое место богатити, а Коруна з Великимъ Князствомъ звыклые купецъства съ пожитъкомъ своимъ тамъ мети могла.

Также и другіе места Прускіе, Торунъ и Ельбекгъ, въ многихъ речахъ упорне ся ставять, противъ росказанью и декретомъ его королевъское м[и]л[ости], а въ томъ згодне посполъ з местомъ Кгданьскимъ ихъ поборовъ, на соймехъ вальныхъ прошлыхъ, Любельскомъ и Варшавскомъ, уфаленыхъ, давати, екзекуціи декретомъ короля его м[и]л[ости] збраняючися, чинили, што се деетъ з великою шкодою скарбу речи посполитое панъствъ его м[и]л[ости] г[о]с[по]д[а]ръскихъ и з уближенемъ звирхности его кор[олевское] м[и]л[ости], якожъ много людей въ Коруне Полской и у Великомъ Князстве Литовскомъ, а злаща тые, што слушне и справедливе поборы выдали, на то се тежъ ускаржають и такъ розумеють, абы се имъ безправъе якое деяти мело, а тоже видять, ижъ онъ и иньшіе отъ тыхъ уфаленыхъ податковъ, або ихъ не даючи, альбо велми мало даючи, улегають, притомъ и то розумеють, где бы спольна а справне тые податъки отъ всихъ выданы, ижъ бы певне было больше пенезей податковыхъ до скарбу кор[оля] его м[и]л[ости]. || Л. 25

Монета ижъ, за тымъ зъедноченьемъ Коруны Полское з Великимъ Князъствомъ Литовъскимъ, маеть быти однако роблена, о той вжо потреба певное постановенье вчинити, жебы тотъ артыкулъ о монете, которій есть всей речы посполитой потребный и пожиточный, далей ся не отъкладалъ, кгдыжъ для того отъкладу порозность

подлое мынцы чужоземское, которое велми много до паньства его королевъское милости внесено, великую шкоду везъде подыймують, а меновите, яко ваша милость, обыватели Великого Князства Литовского, маючи свою добрую старую мынъцу, нжъ се около нее до того часу жадное постановенье не стало, кгды тутъ до Коруны прiежъдчаете, не могучы своее мынъцы водлугъ ее ваги, одно за Полскую удавати, много на томъ шкодуете. Про то, яко о поравнанье съ тое мынцы Литовъское, жебы вси ваша милость, обыватели Великого Князъства Литовъского, на ней не тратили, такъ тежъ о кованю новое однакое мынъцы безъ далшого отъкладу, слушне маеть ся на томъ сойме постановити и за намо[во]ю всихъ становъ оказати, отколь бы ся сребро на бытье новое монеты достати и доложити могло. А такъ на початъку того пришлого сойму пристойная речъ будеть, абы около бранця тое Литовъское мынъцы, вже накованое, постановенье, яко бы мела быти брана, або яко бы ее шацунокъ уставичне мелъ быти, постановенье было, жебы, яко вышей помено, ваша милость, обыватели Великого Князъства Литовъского, на томъ не шкодовали, около чого его королевъская милость рачилъ росказати доложити въ науце до всихъ земль и поветовъ Корунъныхъ на соймики и черезъ послы
Об. свои оповедити, || же ваша милость, панове рады Великого Князства Литовского, такъ на прошломъ сойме тутошнемъ Варшавъскомъ, яко тежъ и теперъ черезъ листы свои его королевской милости въ томъ оповедалися, ижъ, где бы ся на початъку сойму о томъ на шацунъку монеты Литовъское не намовило и не постановило статечъне, трудно бы послове и сами ваша милость, панове рада Великого Князъства Литовъского, на томъ же сойме особами своими ку далшимъ поступъкомъ соймовымъ задержатисе могли, што все ку объмышлеванью становъ Корунънымъ Польскимъ его королевская милость ознаймити росказать рачилъ.

Люстраторове, з сойму Любеньского на ревизью и шацунокъ добръ вольныхъ короля его милости въ Полще высланые, на томъ же тежъ сойме справу ревизыи своее дати мають, которiе ижъ тежъ мели тое злеценье огледати и описати певные местъца и урочища въ земляхъ Подольскихъ, Волынъскихъ и Кiевъскихъ, покуль бы мели быти раздаваны вечности, або леньно. Про то, кгды такое описанье на тотъ съемъ отънесуть, потреба будеть о томъ радити и што певного постановити, яко бы тые тамъ краи з добримъ и пожиточнымъ речи посполитое и короля его милости осажатися могли.

А такъ вжо кожъдый з вашихъ милости бачити может, якъ

слушне тому король его милость, за такими, которые ся выличили, небезъпеченствы и потребами, соймъ тотъ на часъ вышей менованый складати рачить, при чомъ тежъ его королевъская милость вамъ на паметь приводить тые справы, которые суть Любелскимъ и Варшавскимъ рецесомъ на тотъ съемъ пришлый и ку скуточной намове и конъченью || зависли, яко опатренью потомъства его Л. 26
королевское милости, водле декларацыи рецесу Варшавского, такъ же тежъ по зейшстью пана о обычаю и местъцу выбиранья короля на кролевство, кгдыжъ кождой мудрой и фортунъной речы посполитой за часу при[с]тоить то обмышлевать и опатривать, жебы прышлые небезпеченьства отъверънены[1]) отъ нее быть могли, бо на тыхъ двохъ артыкулехъ, яко на фунъдаменьте предънейшомъ уся беспечность, покой посполитый, целость, здоровъе и захованье Коруны тое и Великого Князъства Литовъского праве зависло.

О заложенью тежъ скарбу посполитого не последнейшая намова слушне бы быти мела, кгдыжъ безъ него трудно се што, такъ часу покою, яко и небезъпеченъства, почати и зъ добримъ речи посполитое отъправити маеть, въ чомъ прыкладъ ясный з ынъшихъ порадныхъ кролевствъ слушне брати маемъ, въ которыхъ наглые и кгвалътовные небезъпечьности з скарбу посполитого осмотриваны и загамованы бывають.

На справедливости, которая естъ кгрунътомъ всякое речы посполитое, яко много Коруне Польской и Великому Князъству Литовъскому належить, кождый то[2]) добре з васъ розумееть, которую король его милость, водлугъ повинъности своее, ачъ з великою хутью радъ чинить, ведъже, ижъ за тымъ покоемъ, которого Коруна Польская, з ласки Божей, за фартунъного панованья его королевское милости много летъ уживаеть, намножило розъмаитыхъ а незличоныхъ справъ межи людми, снадне то каждый мудрый а бачный розумееть и у себе уважыть, естли его королевъская милость той повинъности своей во всемъ досытъ учинити можеть. Для чого слушне ся маеть на томъ сойме радити, яковый бы || обычай для прудъшое справедливости людъское могъ Об.
быти знайденъ и постановленъ.

Естъ еще до того много иныхъ справъ, речи посполитое потребныхъ, которые, на прошлыхъ соймехъ зачатые, рецесами на тотъ пришлый съемъ суть отъложоны, яко цла, мыта, также въ

1) Въ оригиналѣ: „отъверъненье“.

2) Въ оригиналѣ: „тот“.

Полще, а не у Великомъ Князъстве Литовъскомъ, ликвидацые евиктъцые о добрахъ, екъзекуцыи подлеглыхъ, и што кому надъ право взято, такъ же тежъ и въ статутехъ немало правъ и привильевъ, которіе того потребують для захованья покою посполитого и выполъненья скуточное справедливости, абы повинъное а свое властъное выполънене взяли, што ижъ ся давно въ Польще зачало, а ку выконанью водле правъ Полскихъ еще не пришло, про то и о томъ всемъ слушне се на томъ сойме маеть намовляти и становить.

Вжо тогды кождый з васъ, слышачи таковые, которые ся именемъ его королевское милости вашой милости преложили, небезпеченства, а ведаючи о такъ много важныхъ потребахъ и справахъ речи посполитое, снадне обачити можете, яко слушне и потребъне тотъ съемъ его королевъская милость на часъ вышей помененый складать рачить, при чомъ Пану Богу кожъдый з васъ дяковать повиненъ, ижъ Онъ, з ласки Своее, часу погодного узычати рачить, абы такъ, за помочъю и благаславенъствомъ Божимъ, могли ся предъ часомъ тые небезъпеченъства Корунъные и Великого Князъства варовне осмотрети а наглые и важные потребы речи посполитое з добрымъ порадъкомъ и покоемъ посполитымъ отъправить и постановити, до чого всего, за помочъю Божою, на его королевъской милости сходити ничого не будеть. Въ томъ тежъ его ко-
Л. 27 ролевъская милость ничого не вонтъпить, || о што и пилне напоминати рачить, абы есте черезъ послы свои, весполокъ зъ его к[о]р[олевскою] м[и]л[остью] и съ паны радами, старатися о то не занехали, жебы вжо, кроме дальшое отъволоки, тые преложоные кгвалътовнейшіе небезъпечъности и пильнейшіе потребы речы посполитое на томъ сойме, за радою и намовою, згодою мели певный варунокъ и скутечную отъправу. Што все жебы ся снадней, рыхлей а з лепъшимъ пожиткомъ речи посполитое опатрити и отъправити могло, ачъ Пана Бога напервей о то вси сполне просить маемъ, который яко до всего доброго самъ оказыю и часъ намъ даеть, такъ старанья и рады наши щастити будеть рачилъ, ведже ку тому розумееть его кор[олевская] м[и]л[ость] тымъ быть великую дорогу и причину, кгды ся тые впередъ небезпеченъства объмышливать и осмотрывать а потребы речы посполитое отъправовать будуть, которіе, яко срожшіе и наглейшіе, вамъ суть преложоны, инъшимъ справамъ и потребамъ Корунъным и Великого Князства, есть ли бы ся которые вамъ здали опатренья потребовать, не первей местъца даваючы, въ чомъ не вонтъпить его королевъская милость, ижъ вы, маючы ведомость такъ пильное а ми-

лостивое его к[о]р[олевское] милости[1]) о речи посполитой старанье меновите, а зупольную моцъ до становенья всихъ речей посломъ своимъ поручивши, то однакъ имъ тыхъ часовъ такъ небезъпечъныхъ поручити особливе не занехаете, абы, се згожаючи з волею и радою его к[о]р[олевское] м[и]л[ости] и радъ Корунъныхъ и Великого Князства, або радъне имаючи баченье на самую потребу речи посполитое, справы вышей менованые, которые суть вамъ досыть долъгими словы преложоны, порадне отъправили. Которые, кгды ся, дасть || Богъ, тымъ способомъ, за его кор[олевское] м[и]- Об.
л[ости] и за вашихъ милостей, всихъ Корунъныхъ и Великого Князъства Литовъского становъ, пильнымъ старанемъ, з добримъ речи посполитое отъправять, яко его кор[олевская] милость, по долъгихъ а уставичъныхъ працахъ бачечи быти Коруну Полскую и Великое Князъство Литовъское отъ всякого небезъпеченъства вольное и на всемъ порадное, великого отътуль коханья и роскоши зажывать будеть, такъ и ваша милость не толко сами за часу живота своего мылый покой мети и спорадное а безъпечное вольности тешитися будете, але тожъ все въ цалости на вечъные часы потомъству своему зоставите.

2.

При томъ листы поветовые.

Жикгимонтъ Августъ.

Князю Валеріяну — бискупу Виленъскому, воеводе Виленъскому, пану Виленъскому, также княземъ, паномъ, маршалъкомъ, старостамъ, державцамъ, врядникомъ, тивуну, подъкоморому, войскому, судьи, по[дсу]дъку, писару земли воеводъства Виленского и тежъ земяномъ и двораномъ нашимъ, всему рыцерству-шляхъте, тымъ, которіе именья и оселости свои маютъ въ земли Виленъской.

Ознаймуемъ вашой милости паномъ радомъ нашимъ и вамъ, всимъ становъ, ижъ для великихъ а важныхъ потребъ земъскихъ Коруны Польское и Великого Князства Литовъского, яко одно сполное речи посполитое, которые, за отложеньемъ съ про-

---

1) Въ оригиналѣ: „млсть“.

Л. 28 шлыхъ соймовъ, выконанья скутечъного потребують, до чого || приступили не меньшые потребы и небезпечности земъскіе — тые тежъ омешканья жадного терпети не могуть, — а для того, съ повинъности нашое г[о]с[по]д[а]ръское, хотечи все ку доброму порадку привести и въ речи посполитой успокоенье вчинити, зложили есмо и складаемъ съемъ великій вальный, спольный народомъ Польскимъ и Литовъскимъ, у Варшаве на день Трехъ Кролей, свята Рымъского, которое будеть въ року пришломъ семъдесятъ второмъ. А ижъ, водле статуту оного панъства нашого, Великого Князства Литовъского, соймики поветовые съемъ вальный чотырма неделями мають уперажати, тогды соймикомъ во всихъ земляхъ, воеводъствахъ и поветехъ складаемъ часъ певный, у неделю м[е]с[е]ца декабра девятого дня въ семъ року семъдесятъ перъвомъ. Якожъ на соймикъ Виленъскій послали есмо отъ насъ г[оспо]д[а]ра з наукою зуполною [1]), а черезъ него вси тые справы и потребы земъскіе, которые выконанья своего потребують, также и всякіе небезъпечности, о чомъ на сойме вальномъ радити потреба, з науки, отъ насъ на писме ему даное, вамъ оповеданы и достаточне а меновите [2]) ознаймены будуть. А такъ штобы есте, о томъ ведаючы, а на соймикъ поветовый, на часъ и день помененый, до Вилни зъехавшися, тыхъ всихъ потребъ земъскихъ отъ того посланъца нашого, съ писма науки нашое, ему даное, выслухали и, не ждучи долго инъшихъ, хто бы пріехати омешъкивалъ, [съ] тыми, которіе ся зъедете, въ тыхъ речахъ намову межи собою вчинивши, пословъ съ посродъку себе, людей зацныхъ, мудрихъ и статечныхъ, которые бы ся о все доброе речы посполитое || старали, обрали [3]) и, давши имъ зуполъную, а не замеронуую отъ себе, моцъ, до Варъшавы на день, сойму валному зложоный, выправили и послали, жебы на сойме, восполокъ з ыными станы Коруны Польское и Великого Князьства Литовъского, вси потребы, речи посполитой належачые, скутечне, маючы моцъ незамеронуую, справовати и становити могли. А инакъ, съ поданое вери вашое и для ласки нашое г[о]с[по]д[а]ръское, штобы есте не чинили. Писанъ у Варшаве, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1571, м[е]с[е]ца октября 1 дня.

Об. (at line "литое || старали")

---

1) Въ оригиналѣ имя пропущено. Оставлено для него пустое мѣсто и поставленъ знакъ пропуска.

2) Въ оригиналѣ: „меновити“.

3) Въ оригиналѣ: „абрали“.

Въ тое жъ слово и до иныхъ всихъ воеводствъ и поветовъ писано, толко особливые два листы до Вилни и до Трокъ писаны тымъ обычаемъ, и для того особливе 2 инструкцыи з местцомъ наверху голымъ послано.

3.

Жикгимонтъ Августъ.

Князю Валеріяну — бискупу Виленъскому, воеводе Виленъскому, пану Виленъскому, также княземъ, паномъ, маршалъкомъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ земъскимъ, подъкоморымъ, войскому, судъямъ, подъсудъкомъ и писаромъ земли воеводъства Виленъского и поветовъ, ку воеводъству Виленъскому належачихъ — Ошменъского, Вилкомиръского, Лидъского и Браславского — и тежъ земяномъ и двораномъ нашимъ, всему рыцерству-шляхъте, тымъ, которіе именья свои мають у земли воеводъства Виленъского и у поветехъ помененыхъ — Ошменъскомъ, Вилкомиръскомъ, Лидъскомъ и Браславъскомъ.

Ознаймуемъ вашой милости паномъ радамъ нашимъ и вамъ, всимъ станомъ, ижъ для великихъ а важныхъ потребъ || земъскихъ Л. 29
Коруны Польское и Великого Князъства Литовъского, яко одное спольное речи посполитое, которые, за отъложеньемъ [съ] прошлыхъ соймовъ, выконанья скутечного потребують, до чого ижъ приступили не менъшіе потребы и небезъпечности земъскіе — тые тежъ омешканья жадного терпети не могуть, — а для того, съ повинъности нашое г[о]с[по]д[а]ръское, хотечи все ку доброму порадку привести и въ речы посполитой успокоенье вчинити, зложили есмо и складаемъ съемъ великій валный, сполный народомъ Польскимъ и Литовскимъ, у Варшеве на день Трехъ Кролей, свята Рымъского, которое будеть въ року пришломъ семъдесятъ второмъ. А ижъ, водле статуту оного панъства нашого, Великого Князъства Литовъского, соймики поветовые съемъ валный чотыръма неделями мають упережати, тогды соймикомъ во всихъ земляхъ, воеводъствахъ и поветехъ складаемъ часъ певный — у неделю м[е]с[е]ца декабра девятого дня, въ семъ року семъдесятъ первомъ; и ачъ первей зособна въ кождомъ повете соймики бывали,

нижли, яко насъ слухи доходять, ижъ, з воли Божое, у Вилни, такъ же въ Ошмене, въ Медникахъ и по инъшихъ местечкахъ околичныхъ поветрее моровое оказуеться, про то, постерегаючи, жебы, за зъеханьемъ вашимъ особна до тыхъ местъ, где соймики поветовые звыкли бывати, чого Боже уховай, и межи вами самыми не заповетрилося, зачимъ бы потомъ и сезде на съемъ валный небезъпечно было пріехати, тогды виделосе бы намъ, абы есте вси съ помененыхъ поветовъ воеводъства Виленъского, толко на тотъ теперешній разъ, для уворованья отъ поветрея [1]), на сой-
Об. микъ поветовый на одно местъцо, до [2]), або тамъ, где бы ся ‖ в[а]шой милости, паномъ радамъ нашимъ, ознаймити и [на]значити наслушней здало, зъехавшися, въ тыхъ потребахъ речи посполитое намову вчинили. А статутови, ижъ ся не въ поветехъ своихъ тотъ соймикъ отъправовати маеть, уближенья жадного не будеть, кгдыжъ у воеводъстве своемъ зъедетеся — сама причина казни Божое того слушне варовати потребуеть. На который [3]) соймикъ, Виленъскій и всихъ поветовъ, ку нему належачихъ, — Ошъменскій, Вилкомиръскій, Лидъскій и Браславъскій — ку сполному вашому на одно местцо зъеханью, послали есмо отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра зъ зуполною моцю, черезъ которого вси тые справы и потребы земъскіе, которые выконанья своего потребують, также и всякіе небезъпечности, о чомъ на сойме валномъ радити надобе, з науки, отъ насъ на писме ему даное, вамъ оповеданы, достаточне а меновите ознаймены и вычитаны будуть. А про то штобы есте, о томъ ведаючи а пошлины въ той речи, около зъеханья васъ, всихъ становъ, съ поветовъ верху описаныхъ на одно местъцо, на пришлый часъ не обавляючися, на часъ и день помененый, тому теперешънему соймику зложоный, тамъ, где ся помененымъ паномъ радамъ нашимъ ихъ милости [4]) наслушней и отъ поветрея набезпечъней [5]) будеть видело, зъехалися и тыхъ всихъ потребъ земъскихъ отъ того посланъца нашого съ писма науки нашое, ему даное, выслухали, а, не ждучи долго инъшихъ, хто бы пріехати омешкивалъ, съ тыми, которіе ся зъедете, въ тыхъ речахъ намову межи собою вчинивши, пословъ съ посродъку

1) Въ оригиналѣ: „поветрая“.
2) Пустое мѣсто въ оригиналѣ.
3) Въ оригиналѣ: „которые“.
4) Въ оригиналѣ: „млсть“.
5) Въ оригиналѣ: „небезпечъней“.

себе, водле давного звычаю, зъ воеводъства Виленъского и особливе съ кождого повету, ку нему належачого, людей зацъ || ныхъ, муд- Л. 30
рихъ и статечныхъ, которые бы ся о все добърое речи посполитое старали, обрали и, давши имъ зуполную а не замероную отъ себе моцъ, до Варшавы на день, сойму валному зложоный, выправили и послали, жебы на сойме, весполокъ з ыными станы Коруны Польское и Великого Князства Литовъского, вси потребы, речи посполитой належачіе, скутечне, маючи моцъ незамероную, справовати и становити могли. А инакъ, съ подданое верн вашое и для ласки нашое г[о]с[по]д[а]ръское, штобы есте не чинили. Писанъ у Варшаве, летъ Бож[ъего] Нарож[ен]ъ[я] 1571, м[е]с[е]ца октября 1 дня.

4.

А до пановъ радъ старшихъ, то естъ:

до князя бискупа Виленъского,
до пана воеводы Виленъского,
до пана Виленъского,
до пана воеводы Троцкого,
до пана Троцкого
и до пана старосты Жомоитского.

Листы зашитые, тымъ обычаемъ. || Об.

Жикгимонтъ Августъ.

Князю Валеріяну, бискупу Виленъскому. Вжо ознаймено естъ твоей милости перво сего першими листы нашими, которими есмо досегали зданья твоее милости около зложенья сойму валного, яко ся намъ и [1]) панъствамъ нашимъ небезпеченства з стороны пракътыку мистра Немецкого о земли Пpускіе, также тежъ з стороны королей Дунъского и Шведъского о земли Лифлянтскіе и о знищенье порту Кгданьского потреба обавляти, а еще болшей отъ

1) Въ оригиналѣ: „о".

великого князя Московъского, [съ] которимъ за полътора года перемеръе выходить. До тыхъ тежъ небезпечностей приступило и тое, ижъ царъ Перекопъскій, упоминаючися у насъ упоминъковъ, за три годы задержаныхъ, которихъ шацунокъ выносить по два кроть сто тисечей золотыхъ, где бы есмо тыхъ упоминъковъ ему не дали, пригрозъки [1]) явъные оповедаеть, хотечи непріятельскимъ обычаемъ вторъгненье до панствъ нашихъ учинити, о чомъ вжо по кольку кроть черезъ листы и гонъцы свои намъ давалъ знать, а на остатъку и теперъ черезъ листъ и гонца своего ознаймилъ о неслыханомъ передъ тымъ звитежъстве своемъ, которое въ тыхъ часехъ одержалъ надъ великимъ княземъ Московъскимъ, яко то ширей твоя милость вырозумеешъ съ преложенья листу того, которого преписъ естъ посланъ до твоее м[и]л[ости]. А про то тые вси речи и много иныхъ, которые отъ суседовъ прилеглыхъ оказуються, опатреня неомешканого потребують. И въ то тежъ потреба естъ пильне вглянуть, же Рига, место, на которое не только инъшіе места у Лифлянтехъ, але и вся земля Лифлянтъская пильне ся огледаеть, до того часу до скуточного подъданства нашого и речи посполитой обойга [2]) народу, Польского и Литовъского, привернутися не можеть. Также Кгданскъ, Торунь, Келбинкъ, места
Прускіе, уфаломъ соймовымъ, декретомъ и мандатомъ нашимъ въ
Л. 31 многихъ речахъ екъзекуцыи выконанья взъбра || няються чинить. Тому всему, окромъ вального сойму, яко бы забечи, дороги не бачимъ. Надъ то съ прошлыхъ соймовъ отложоны суть некоторіе великіе а пильные справы, которые, сконъченья скутечъного [3]) потребуючи, отъволоки з многихъ важныхъ потребъ терпети не могуть. А такъ, съ тыхъ всихъ причинъ, съемъ великій валный, спольный обоему народу, Короны Польское и Великого Князъства Литовъского, яко одное речи посполитое обывателемъ, у Варшаве на день Трехъ Кролей, свята Римъского въ року пришломъ семъдесятъ второмъ зложили есмо, который съемъ. водле стату[ту] Великого Князства Литовъского, маеть упередить соймикъ поветовый [4]) чотырма неделми, на день певный, то естъ у неделю м[е]с[е]ца декабра девятого дня въ семъ року семъдесятъ первомъ. Для чого твою милость напоминаемъ, абы твоя милость, з по-

---

1) Въ оригиналѣ: „призгозъки."
2) Въ оригиналѣ: „обойго."
3) Въ оригиналѣ: „ксутечъного."
4) Въ оригиналѣ: „повеповетовый."

винъности и з належъности достоенъства своего, до Вильни на день, тому теперешнему соймику зложоный, пріехати не омешъкалъ а тамъ, з ыными паны радами нашими, з врадниками земъскими и з рыцерствомъ-шляхътою земли Виленъское намову вчинивши, пильне ся до того причинилъ, абы з того соймику послы, люди зацные, мудрые, статечные, которіе бы ся старали о все доброе речи посполитое, были обраны а [з] зуполною и незамероною моцъю на вальный съемъ послани, а потомъ, справивши все на томъ соймику водле потребы, абы твоя милость и самъ на валный съемъ до Варшавы пріехалъ, водле повинъности и вери своее, при насъ г[оспо]д[а]ри о всемъ добромъ и пожиточномъ речи посполитое радити и объмышливати, часу и дня назначоного ничимъ не омешкиваючи. Писанъ у Варшаве, летъ Бож[ъего] Нарож[енья] 1571, м[е]с[е]ца окт[ябра] 1 дня. || Об.

5.

А тымъ обычаемъ до пановъ радъ меншихъ, такъже зашитые:

до бискупа Жомоитского,
до воеводы Новъгородского,
до воеводы Смоленского,
до воеводы Полоцкого,
до воеводы Витебского,
до воеводы Берестейского,
до воеводы Мъстиславского,
до воеводы Меньского,
до кашталяна Жомоитского,
до кашталяна Новгородского,
до кашталяна Смоленъского,
до кашталяна Полоцкого,
до кашталяна Витебъского,
до кашталяна Берестейского,
до кашталяна Мстиславъского,
до кашталяна Менъского,
до пана маршалъка дворного,
до пана подъскарбего земъского.

Жикгимонтъ Августъ.

Ознаймуемъ твоей милости, ижъ ся намъ г[о]с[по]д[а]ру и панъствамъ нашимъ небезъпеченства з сътороны пракътыкъ
Л. 32 мистра || Немецкого о земли Прускіе, также тежъ з стороны королей Дунъского и Шведъского о земли Лифлянтъскіе и о знищенье порту Кгданьского потреба обавляти, а ещо болшей отъ князя великого Московъского, [съ] которымъ вжо одно полтора года перемеръе маемо. До тыхъ тежъ небеспечностей приступило и тое, ижъ царъ Перекопъскій упоминаеться [1]) у насъ упоминъковъ, за три годы задержаныхъ, которыхъ шацунокъ выносить по два кроть сто тисечей золотыхъ, где бы есмо тыхъ упоминъковъ ему не дали, пригрозски явные оповедаеть, хотечи непріятелскимъ обычаемъ вторгнене до панствъ нашихъ учинити, о чомъ вжо по кольку кроть черезъ листы и гонъцы свои намъ далъ знати, а на остатку и теперъ черезъ листъ и гонъца своего ознаймилъ о неслыханомъ передъ тымъ звытежъстве своемъ, которое въ тыхъ часехъ одержалъ надъ великимъ княземъ Московъскимъ. А про то тые вси речи и много иныхъ, которіе отъ суседовъ прилеглыхъ оказуються, опатренья неомешъканого потребують. И въ то тежъ потреба естъ пильне вглянуть, же Рига, место, на которое не только инъшіе места у Лифлянтехъ, але и вся земля Лифлянтъская пилне ся огледаеть, до того часу до скутечного подъданъства нашого и речи посполитой обоего народу, Полского и Литовского, привернутися не можеть. Такъ же Кгданскъ, Торунь и Елбинкъ, места Прускіе, уфаламъ соймовымъ, декретомъ и мандатомъ нашимъ въ многихъ речахъ выконанья възбраняються чинить. Тому всему, окромъ валного сойму, яко бы забечи, дороги не бачимъ. Надъ то съ прошлыхъ соймовъ отложоны суть некоторые великіе а пилные справы, которіе, сконъченья скутеч-
Об. ного потребуючи, || отволоки з многихъ важныхъ потребъ терпети не могуть. А такъ съ тыхъ всихъ причинъ съемъ валный обоимъ народомъ, Полскимъ и Великого Князства Литовъского, сполный, яко одъное речи посполитое обывателемъ, у Варшаве на день Трехъ Кролей, свята Римъского, которое будеть въ року пришломъ семъдесятъ второмъ, зложили есмо, на которій съемъ, водле стату[ту] Великого Князъства Литовъского, маеть упередить соймикъ поветовый чотырма недельми, на день певный, то естъ

---

1) Въ оригиналѣ: „упоминаются."

у неделю м[е]с[е]ца декабра девятого дня въ року нинешнемъ семъдесятъ первомъ. Для чого твою милость напомпнаемъ, абы еси съ повинъности и належности достоенства и врадовъ своихъ до [1]), на день, тому теперешнему соймику зложоный, пріехати не омешкалъ, а тамъ [2]) з ыными паны радами нашими, з врядниками земскими и рыцерствомъ-шляхътою повету [3]) намову вчинившы, пильне до того ся причинилъ, абы з того соймику послы, люди зацные, мудріе, статечные, которые бы ся старали о все доброе речи посполитое, были обраны а зъ зуполною и незамероною моцъю на валный съемъ послани, а потомъ, справившы все на томъ соймику водле потребы, абы твоя м[и]л[ость] и самъ на валный съемъ до Варшавы пріехалъ, водле повинъности и веры своее, при насъ г[о]с[по]д[а]ри о всемъ добромъ и пожиточномъ [4]) речи посполитое радити и обмышливати, часу и дня назначоного ничимъ не омешкаючи. Писанъ у Варшаве, летъ Божъ[его] Нарож[ен]ъ[я] 1571, м[е]с[е]ца окт[ября] 1 дня. || Л. 33

— —

6.

До княжатъ, панятъ, то естъ:

до князя Слуцкого,
до пановъ Воловичовъ,
до пановъ Глебовичовъ,
до князей Лукомъскихъ,
до пановъ Зеновъевичовъ,
до пановъ Завишъ,
до князей Друцкихъ,
до князей Кгедройтевъ,
до князей Соколинъскихъ,
до пановъ Остиковъ,
до Нарбутовъ.

---

1) Пустое мѣсто въ оригиналѣ.
2) Въ оригиналѣ: „такъ“.
3) Пустое мѣсто въ оригиналѣ.
4) Въ оригиналѣ: „пожиточнымъ.“

Листы отъвороные, тымъ обычаемъ.

Жикгимонтъ Августъ.

Князю Юрю Юревичу Слуцкому.

Ознаймуемъ твоей милости, ижъ для великихъ а важныхъ потребъ земскихъ Коруны Полское и Великого Князства Литовъского, яко одное сполное речи посполитое, которые, за отъложеньемъ съ прошлыхъ соймовъ, выконанья скутечного потребують, до чого приступили не меньшіе потребы и небезъпечности земъскіе, тые тежъ омешканья жадного терепети не могуть. А для того, съ повинъности нашое г[о]с[по]д[а]ръское, хотечи все ку доброму порадъку привести и въ речы посполитой успокоенье вчинити, зложили есмо и складаемъ съемъ великій вальный, спольный народомъ Польскимъ и Литовъскимъ, у Варшеве на день Трохъ Кролей, Римского свята, которое будеть въ року пришломъ семъ-
Об. десятъ || второмъ. А ижъ, водле статуту оного панства нашого, Великого Князства Литовского, соймики поветовые съемъ валный чотырма неделями мають упережати, тогды соймикомъ во въсихъ земляхъ, воеводъствахъ и поветехъ складаемъ часъ певный, у неделю м[е]с[е]да декабра девятого дня въ семъ року семъдесятъ первомъ. Якожъ на тые соймики до кождого повету послали есмо отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра з наукою зупольною особъ певъныхъ, черезъ которыхъ вси тые справы и потребы земскіе, што выконанья своего потребують, такъже и всякіе небезъпечности, о чомъ на сойме вальномъ радити потреба, з науки, отъ насъ имъ на письме даное, всимъ станомъ оповеданы и достаточне а меновите озъназймены будуть. А такъ штобы твоя милость, о томъ ведаючи, а на соймикъ поветовый, на часъ и день помененый, до повету належного, въ которомъ головнейшіе имени свои маешъ, зъехавши, сполне з ыными князи, паны и врадники земскими и дворными, такъже з рыцерствомъ-шляхтою, которые ся тежъ на оный соймикъ зъедуть, тыхъ всихъ потребъ земъскихъ отъ посланца нашого съ писма науки нашое, ему даное, выслухали и, не ждучи долго иншихъ, хто бы пріехати омешкалъ, съ тыми, которые ся зъедете, въ тыхъ речахъ намову межи собою учинивши, пословъ съ посродку себе, людей зацныхъ, мудрыхъ и статечныхъ, которые бы ся о все доброе речи посполитое старали, обрали и, давши имъ зуполную а не замероную отъ себе моцъ, до Варшавы на день, сойму валному зложоный, выправили и послали, жебы на

сойме, весполокъ з ыными станы Коруны Полское и Великого Князства Литовского, вси потребы, речи посполитой належачіе, маючи незамероную моцъ, || скутечне справовати и становити Л. 34
могли. А инакъ, съ подданое веры своее и для ласки нашое г[о]с[по]д[а]ръское, абы твоя милость не чинилъ. Писанъ у Варшаве, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1571, м[есе]ца октября 1 дня.

А до врядниковъ земскихъ и дворныхъ, то естъ:

до пана подчашого,
до пана крайчого,
до пана столника,
до пана чашника,
до пана мечного,
до хоружого земского,
до хоружого дворного,
до тивуна Виленского, абы на соймикъ до Вилни ехалъ, такъже
до тивуна Троцкого.

Тымъ тежъ обычаемъ, яко вышей до княжатъ, панятъ описано.

7.

До маршалъковъ, то естъ:

до князя Лукаша Болка,
до князя Яна Болка,
до пана Волъчъка,
до пана Ивана Воловича, || Об.
до пана Каленицкого,
до пана Александра Вагановъского,
до пана Миколая Сапеги,
до пана Кирдея.

Тымъ обычаемъ.

Жикгимонтъ Августъ.

Ознаймуемъ тобе, ижъ для великихъ а важныхъ потребъ земъскихъ Коруны Польское и Великого Князства Литовского, яко одное сполное речи посполитое, которые, за отъложеньемъ съ прошлыхъ соймовъ, выконанья скутечного потребують, до чого приступили не меньшіе потребы и небезпечности земскіе, тые тежъ омешканья жадного терпети не могуть. А для того, съ повинности нашое г[о]с[по]д[а]ръское, хотечи все ку доброму порадъку привести и въ речи посполитой успокоене учинити, зложили есмо и складаемъ съемъ великій валный, сполный народомъ Польскимъ и Литовскимъ, у Варшаве на день Трехъ Кролей, свята Рымъского, которое будеть въ року пришломъ семъдесятъ второмъ. А ижъ, водле статуту оного панъства нашого, Великого Князства Литовского, соймики поветовые съемъ валный чотырма неделями мають упережати, тогды соймикомъ во всихъ земляхъ, воеводствахъ и поветохъ складаемъ часъ певный, у неделю м[е]с[е]ца декабра девятого дня въ семъ року семдесятъ первомъ. Якожъ на тые соймики до кождого повету послали есмо отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра з наукою зуполною особъ певныхъ, черезъ которыхъ вси тые справы и потребы земскіе, што выконаня своего потребують, также и всякіе небезпечности, о чомъ на сойме валномъ радити потреба, з науки, отъ насъ имъ на писме даное, всимъ становъ оповеданы и достаточне а меновите ознаймены будуть.
Л. 35 А такъ штобы еси, || о томъ ведаючи, а на соймикъ поветовый, на часъ и день помененый, до повету своего належного, сполне з ыными князи, паны и врадники земскими и дворными, такъже з рыцерствомъ-шляхтою, которіе ся тежъ на оный соймикъ зъедуть, тыхъ всихъ потребъ земскихъ отъ посланца нашого [съ] писма науки нашое, ему даное, выслухали и, не ждучи долго иншихъ, хто бы пріехати омешкивалъ, съ тыми, которые ся зъедете, въ тыхъ речахъ намову межи собою учинивши, пословъ съ посродку себе, людей зацныхъ, мудрихъ и статечныхъ, которые бы ся о все доброе речи посполитое старали, [обрали] и, давши имъ зуполную а не замеровую отъ себе моцъ, до Варшавы на день, сойму валному зложоный, выправили и послали, жебы на сойме, весполокъ з ыными станы Коруны Полское и Великого Князства Литовского, вси потребы, речи посполитой належачіе, маючи незамероную

моцъ, скутечне справовати и становити могли. А инакъ, съ подданое вери своее и для ласки нашое г[о]с[по]д[а]ръское, абы еси не чинилъ. Писанъ у Варшаве, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1571, м[е]с[е]ца октябра 1 дня.

8.

Листъ зашитый около зъеханя на соймикъ не до Вилна для мору, але на иншое местъце.

Жикгимонтъ Августъ.

Князю Валеріяну — бискупу Виленскому, воеводе Виленскому, пану Виленскому.

Ижъ для великихъ а важныхъ потребъ земскихъ, такъ Коруны Полское, яко и Великого Князства Литовского, зложили есмо съемъ великій валный, сполный, сезде, у Варшаве, на день Трехъ Кролей, свята Рымского въ року пришломъ семдесятъ второмъ, а соймикомъ поветовымъ, которые, водъле статуту земъского Великого Князства Литовъского, съемъ вальный чотыръма неделями упережають, часъ певный, у неделю м[е]с[е]ца декабра девятого дня въ семъ року 71, о чомъ всемъ вашей милости черезъ особливые листы наши || зашитые, также и инымъ всимъ становъ, Об.
до того належачимъ, достаточней ознаймити есмо велели; и ачъ первей въ кождомъ повете соймики зособна бывали и такъ суть листы наши розосланы до в[ашой] м[илости] пановъ радъ нашихъ и до всихъ становъ шляхетъскихъ, нижли, яко насъ слухи доходять, ижъ, з воли Божое, у месте Виленъскомъ, также и по инъшыхъ местечкахъ околичныхъ, поветріе моровое оказуеться, про то, постерегаючы, жебы зъеханьемъ князей, пановъ и рицерства-шляхъты особна до тыхъ местъ, где соймики поветовые звыкли бывати, чого Боже уховай, и межи ими самыми не заповетрилося, зачимъ бы потомъ и сезде на съемъ валный небезъпечно было пріехати, — тогды видело бы ся намъ, абы вси станы съ поветовъ того воеводства Виленъского, то естъ Ошменъского, Вилькомиръского, Лидъского и Браславъского, толко на тотъ теперешній разъ, для уварованья отъ поветрія, на соймикъ поветовый на одно местцо, тамъ, где бы ся вашой милости па-

номъ радамъ нашимъ наслушней здало, зъехавшися, въ тыхъ потребахъ речи посполитое, которіе на инструкцыяхъ нашихъ меновите суть описаны, намову учинили, около чого, яко до вашой милости, также до всихъ становъ воеводъства Виленъского и тыхъ помененыхъ поветовъ, ку нему належачихъ, листъ нашъ писати есмо велели. Ваша бы м[и]л[ость], о томъ межи собою сполне порозумевъшися, на тотъ соймикъ Виленъскій съ поменеными поветы, для тое причины, про уварованье отъ поветрія, на местъцо певное, где бы ся вашой милости слушне здало и отъ поветрія было безпечно обрали и назначили, а всимъ станомъ воеводъства Виленъского и поветовъ, Ошменского, Вилкомирского, Лидъского и Браславъского, о томъ ознаймивши, з стороны своее ку тому ся причинили и всихъ становъ до того привели, жебы ся тамъ на тое местъцо, черезъ вашу м[и]л[ость] обраное, зодного зъехали и тотъ соймикъ отъправили водле инстру[к]цыи нашое. Писанъ у Варшаве, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1571, м[е]с[е]ца октября
л. 36 1 дня. ||

9.

До словъ на соймики поветовые тымъ обычаемъ писано.

Жикгимонтъ Августъ [1]).

Ознаймуемъ тобе, ижъ для великихъ а важныхъ потребъ земъскихъ Коруны Полское и Великого Князъства Литовъского зложили есмо съемъ великій валный, обоему народу сполный, у Варшаве на день Трехъ Королей, свята пришлого въ року семъдесятъ второмъ, а соймикомъ поветовымъ во всихъ земляхъ, воеводъствахъ и поветехъ Великого Князства Литовъского часъ певный назначили есмо, у неделю м[е]с[е]ца декабра девятого дня въ семъ року семъдесятъ первомъ, о чомъ такъ паномъ радомъ нашимъ ихъ милости, яко инымъ становъ и рицерству-шляхъте кожъдого воеводства и повету черезъ листы наши ознаймити есмо велели. Якожъ, водле звыклого обычаю, на соймикъ повето-

1) Въ оригиналѣ другою рукою и болѣе блѣдными чернилами далѣе прибавлено: „божю млтю."

вый 1) посломъ отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра тебе посылаемъ, а, хотечи по тобе то мети, приказуемъ, ажъбы еси на тотъ соймикъ поветовый 2), на день зложоный, м[е]с[е]ца декабра девятого дня, посломъ отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра ехалъ а з ынъструкцыи нашое г[о]с[по]д[а]ръское, которая тобе при семъ листе на писме за печатью нашою послана есть, ихъ милости паномъ радамъ нашимъ, врядникомъ земъскимъ и дворнымъ и инымъ всимъ станомъ, также рыцерству-шляхъте, которіе ся на тамъ тотъ соймикъ зъедуть, именемъ нашимъ г[о]с[по]д[а]ръскимъ вси тые потребы земъскіе оповедилъ и вычиталъ, иначей того не чинечи и дня, соймикомъ зложоного, не омешкиваючи, для ласки нашое г[о]с[по]д[а]ръское. Писанъ у Варшаве, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1571, м[е]с[е]ца октябра 3 дня. || Об.

—

10.

А до старостъ поветовыхъ о ознаймене листовъ соймовыхъ, тымъ обычаемъ.

Жикгимонтъ Августъ.

. . . . 3), а въ небытности его самого у 4), ино 5) его тамошнему.

Посылаемъ до рукъ твоихъ въ томъ звязъку листъ нашъ отвороный, писаный до кн[я]зей, пановъ, воеводъ, старостъ и врядниковъ нашихъ земъскихъ и дворныхъ, и до всихъ становъ народу шляхетского, которые именья свои маютъ у 6), о зложенью черезъ насъ г[о]с[по]д[а]ра сойму валного сезде, у Варшаве, на день Трехъ Кролей въ року пришломъ семъдесятъ второмъ, а соймиковъ поветовыхъ, которіе съемъ валный, водле статуту Ве-

1) Пустое мѣсто въ оригиналѣ.

2) Также.

3) Отмѣченное точками представляетъ собою въ оригиналѣ пустое мѣсто.

4) Пустое мѣсто въ оригиналѣ.

5) Также.

6) Также.

ликого Князъства Литовъского, чотырма неделями упережають, на часъ певный, то есть въ неделю м[е]с[е]ца декабра девятого дня въ семъ року семъдесятъ первомъ, яко достаточне и меновите въ ономъ листе нашомъ описано естъ. Твоя бы милость, пане [1], а въ небытности его самого [2], тобе подъстаростему его тамошнему приказуемъ, ажбы еси оный листъ нашъ о зложенью сойму валного и соймиковъ поветовыхъ того жъ часу, скоро тобе сесь нашъ листъ данъ будеть, въ месте [3] и в ыныхъ местечкахъ [4], пры костелехъ и на торгохъ объволати велелъ и копею, з него списавши, до именей пановъ радъ нашихъ ихъ милости, также княжатъ, панятъ и врадниковъ земъскихъ и дворныхъ, въ ономъ повете лежачихъ, черезъ возныхъ розослалъ, а потомъ тотъ листъ нашъ на соймику тамошнемъ поветовомъ всимъ станомъ, которіе ся тамъ зъедуть, оказалъ, иначей не чинечи конечно. Писанъ у Варшаве, лет[а] Бож[ъего] Наро-
Л. 37 ж[енья] 1571, м[есе]ца [5]. ||

Року 71 писаные листы около отроченья сойму, на Три Кроли зложоного, до Громницъ.

11.

Напервей листы зашитые до пановъ радъ старшихъ, то есть:

до князя бискупа Виленъского,
до пана воеводы Виленъского,
до пана Виленъского,
до князя воеводы Троцкого,
до пана Троцкого,
до пана старосты Жомоитского.

---

1) Пустое мѣсто въ оригиналѣ.
2) Также.
3) Также.
4) Также.
5) Названіе мѣсяца и число его опущены въ оригиналѣ.

Тымъ обычаемъ.

Жикгимонтъ [1]).

Ознаймуемъ твоей милости, ижъ, яко панове рады наши Корунъные и некоторіе ваша милость, оного панъства нашого, Великого Князъства Литовъского, писали ку намъ г[о]с[по]д[а]ру, жедаючи насъ о помкненье сойму вального, на день Трохъ Кролей въ року пришломъ семдесятъ второмъ у Варшаве зложоно[го], съ певныхъ причинъ, звлаща наболшей для поветрія морового, которое, з воли Божое, такъ сезде въ Полще, яко и у Великомъ Князстве, на розныхъ местцахъ еще не устало, зачимъ вашой милости паномъ радамъ и посломъ земъскимъ, и инымъ становъ, сойму належачимъ, на тотъ съемъ, для местцъ, по дорогамъ заповетреныхъ, до насъ г[о]с[по]д[а]ра ехати небезъпечно; а къ тому, ижъ и соймики поветовые на некоторихъ местцахъ еще не дошли, — про то || мы, за радою в[ашое] м[илости] пановъ радъ Об. нашихъ, на то позволивши, тотъ съемъ отъкладаемъ на инъшій часъ, то естъ до Громницъ, свята въ ономъ же семъдесятъ второмъ року пришлого, не отъменяючи местца, сойму зложоного у Варшаве, подъ тою жъ моцъю, яко и первей на Три Кроли былъ зложонъ, о чомъ есмо до всихъ земль, воеводъствъ и поветовъ обу-двухъ панствъ нашихъ, Корунъного и Великого Князства Литовъского, листы наши послати велели, тое спреложенье сойму всимъ въобецъ ознаймуючи. А твоя бы милость, тежъ о томъ ведаючи, на съемъ ку Тромъ Кролемъ сезде не ездилъ, але на Грамъницы, свято пришлое въ року 72, до Варшавы, водле першихъ листовъ нашихъ соймовыхъ, для справованья речей земъскихъ пріехалъ, кгдыжъ потребы речи посполитое далъшого [2]) отъкладу терпети не могуть. Маемъ за то, ижъ твоя милость, для ласки нашое г[о]с[по]д[а]ръское и съ хути а повинъности своее, на часъ, сойму зложоный, ку Громъницамъ, прибыти не омешкаешъ. Писанъ у Варшаве, лет[а] Божъ[его] Нарож[ен]ъ[я] 1571, м[е]с[е]ца декабра 24 дня.

---

1) За этимъ словомъ въ оригиналѣ стоитъ слово „августъ“, написанное другою рукою и болѣе блѣдными чернилами.

2) Въ оригиналѣ: „далъшое“.

12.

А до всихъ поветовъ тымъ обычаемъ.

Жикгимонтъ.

Князю Валеріяну — бискупу Виленскому, воеводе Виленскому, пану Виленъскому, также инымъ княземъ, паномъ, врядникомъ земъскимъ и дворнымъ, маршалъкомъ, старостамъ, державцамъ и врядникомъ поветовымъ, подкоморому, войскому, судьи, подъсудку и писару земли воеводъства Виленъского, и тежъ земяномъ и двораномъ нашимъ, всему рыцерству-шляхъте, тымъ, ко-
Л. 38 торіе именья свои маютъ || у земли воеводства Виленского.

Ознаймуемъ, ижъ, за радою и писаньемъ пановъ радъ нашихъ, такъ Корунъныхъ, яко и некоторихъ вашое милости, пановъ радъ нашихъ оного панства нашого, Великого Князъства Литовъского, съемъ валный, которій на день Трохъ Кролей въ року пришломъ семъдесятъ второмъ сезде, у Варшаве, отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра былъ зложонъ, съ причинъ великоважныхъ, а звлаща для поветрія, которое въ Коруне Полской и у Великомъ Князъстве Литовъскомъ на многихъ местцахъ, з воли Божое, еще не устало и соймики не везде, для тое жъ казни Божое, дошли, отложили есмо и откладаемъ на иный часъ, то естъ до Громъницъ, свята пришлого въономъ же року семъдесятъ второмъ, не отъменяючи местца, сойму зложоного у Варшаве, подъ тою жъ моцъю, за тыми жъ листы и инструкцыями нашими соймовыми, которые вжо до всихъ земль, воеводствъ и поветовъ панствъ нашихъ суть посланы. О чомъ ведаючи, ваша милость панове рады наши и иные вси станы, сойму належачіе, также послы, которіе на тотъ съемъ зъ оное земли воеводъства Виленского суть обраны, абы есте ку Тромъ Крюлемъ, яко было первей вамъ черезъ листы наши ознаймено, сезъде не ездили, але на Громницы, свято пришлое въ року 72, на съемъ у Варшаве становилися, омешканья ніякого не чинечи, кгдыжъ часу досыть ся помъкнуло.

Твоя бы м[и]л[ость], пане воевода Виленскій, а въ небытъности его милости самого у Вилни, наместънику его милости тамошнему приказуемъ, ажъбы еси сесь нашъ листъ того жъ часу, скоро тобе данъ будеть, въ местехъ и местечкахъ земли воеводъства Виленского, при костелехъ и на торгохъ обволати велелъ и копеи, з него списавши, до именей пановъ радъ нашихъ ихъ милости, также княжатъ, панятъ, врадниковъ земъскихъ и дворныхъ,

въ оной земли лежачихъ, черезъ возныхъ розослалъ и всимъ станомъ, кому то ведати належить, ознаймити казалъ, иначей не чинечи конечно. Писанъ у Варшаве, лет[а] Бож[ъего] Нарож[ен]ъ[я] 71, м[е]с[е]ца декабра 24 дня. || Об.

Которіе листы розослано тымъ обычаемъ. До пана подскаръбего, черезъ коморника его Хренницкого [1]):

до земъли Жомоитское,
до повету Ковенского,
до повету Упитского,
до повету Браславского,
до повету Вилкомирского,
до повету Витебского,
до повету Мстиславского,
до земли Полоцкое,
до повету Оршанского,
до повету Речицкого.

До пана Троцкого черезъ коморника пана маршалка дворного Станислава Жилинского:

1 — зашитый до самого пана Троцкого,
2 — зашитый до князя воеводы Троцкого,
3 — до повету Троцкого,
4 — до повету Берестейского,
5 — до повету Пинского.

До пана воеводы Виленского, черезъ того жъ Жилинского:

1 — зашитый до пана воеводы самого,
2 — зашитый до бискупа Виленского,

---

1) Далѣе въ оригиналѣ текстъ идетъ въ два параллельныхъ столбца. Первый столбецъ начинается словами: „до земъли жомоитское“. Начало второго столбца: „2 зашитый до бискупа виленского“.

3 — до повету Виленского,
4 — до повету Новгородского,
5 — до повету Лидского,
6 — до повету Менского,
7 — до повету Ошменского,
8 — до повету Мозырского.

Черезъ того жъ послано до Мокгилницкого врядника Лопеницкого 3 листы:

1 — зашитый до пана старосты Жомоитского,
2 — до повету Волковыйского,
3 — до повету Слонимского.

Черезъ коморника пана Виленского Шепетовского:

листъ зашитый до пана Виленского,
Л. 39 другій до повету Городенского. ||

13.

Лимитацыя отъ Громницъ до Середопостья [1]).

Жикгимонтъ Августъ.

Княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, кнегинямъ, панямъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ земскимъ и дворнымъ и всей шляхте воеводства Новгородского.

Што которые справы, суду нашому г[оспо]д[а]ръскому належачіе за позвы и за мандаты нашими, хто з врадниками нашими земскими и кгродскими и иными особами запозъвалсе, также которые мають роки, отъ врадовъ земскихъ и кгродскихъ за апеляцыями зложоные и записаные становитися ку росправе передъ нами г[о]с[по]д[а]ремъ въ якой колвекъ речи, водле першихъ листовъ нашихъ, за лимитацыями мели быти на дворе нашомъ

1) Настоящій документъ, не имѣющій прямой связи съ созывомъ соймиковъ, издается потому, что помѣщенъ въ 56-ой книгѣ Судныхъ Дѣлъ Литовскихъ въ ряду актовъ „Справы соймовой“ 1571 года.

судовне отправованы на Громницы, свято пришлое въ року семдесятъ второмъ, — ино, ижъ тые таковые суды и апеляцыи, для некоторыхъ певныхъ причинъ и иншихъ потребъ земскихъ, на тотъ рокъ отсужованы быти не могуть, про то вси тые справы посполитые, за позвы и за мандаты нашими, такъ же и за апеляцыями отъ врадовъ земскихъ и кгродскихъ суду нашому належачіе, и тые, которые, по дате сего листу нашого, такъ за апеляцыами отъ судовъ земскихъ и кгродскихъ, яко за позвы нашими, припадать будуть, симъ листомъ нашимъ прекладаемъ на иншій часъ певный, то есть на завтрее недели середопостное посту великого, на понеделокъ м[е]с[е]ца марца семогонадцать дня въ ономъ жо року пришломъ семдесятъ второмъ. Вы бы, о томъ ведаючи, на тотъ рокъ, на Громницы, для тыхъ справъ всихъ до насъ не едъдечи, на завтрее || недели середопостное, у понеделокъ м[е]с[е]ца марца семогонадцать дня въ року пришломъ семдесятъ второмъ, кождый маючи рокъ водле першихъ лимитацый, передъ нами г[о]с[по]д[а]ремъ, тамъ, где, дасть Богъ, на онъ часъ дворомъ нашимъ будемъ, становился и справы свои пилновалъ. Ведъже съ тое лимитацыи выймуемъ справу маршалка дворного Великого Князства Литовского, пана Миколая Криштофа Радивила и братьи его милости молодшое, пана Юря, пана Олбрихта и пана Станислава Радивиловъ, воеводичовъ Виленъскихъ, з врадниками земскими повету Ошъменского, судьею, подсудкомъ и писаромъ, о неслушный, яко панъ маршалокъ менуеть, судъ и сказане ихъ кашталяну Каменецкому, пану Ярошу Синявскому и малжонце его, паней Ганне Жеславской, учиненый о долгъ, который яко бы зошлый воевода Виленъскій, маршалокъ земскій, канъцлеръ Великого Князства Литовского, небожчикъ панъ Миколай Радивилъ, отецъ ихъ милости, паней Каменецкой виненъ зоставши, не заплатилъ и панъ маршалокъ з братьею своею помененого платити не хотели. Тая справа передъ нами г[о]с[по]д[а]ремъ на дворе нашомъ отправована будеть на рокъ тотъ, который отъ пана маршалка помененымъ врадникомъ земъскимъ Ошменъскимъ при поданю имъ позвовъ нашихъ, въ той речи пану маршалку и братьи его милости по нихъ выданыхъ, зложонъ. А къ тому — справу дворанина нашого Войтеха Сампелборского, которую онъ маеть за позвы нашими з воеводичомъ Новъгородскимъ, паномъ Остафъемъ Горностаемъ о долгъ свой, въ позъвехъ нашихъ и въ записехъ пана Горностаевыхъ menовите описаный, кгдыжъ се панъ Остафей Горностай Сампелборскому въ томъ, за

позваньемъ его въ кождого суду и права, а меновите передъ
Л. 40 нами г[о]с[по]д[а]ремъ, на першомъ року, || яко на завитомъ, усправедливити обовезалъ; тая тежъ справа передъ нами г[о]с[по]д[а]ремъ, на дворе нашомъ отправована будеть также на тотъ рокъ, который отъ Сампельборского помененому пану воеводичу Новгородскому, при поданю ему позвовъ нашихъ, естъ зложонъ. Тежъ выймуемъ съ тое лимитацыи справу земенина нашого Войны Пахабовича з жоною его Милославою и пасынковъ его Ивана а Миколая Федоровичовъ Гарабурдичовъ, которую они мають за позвы нашими з врадниками земскими тамошнего повету Новгородского, судею, подсудъкомъ и писаромъ, о неякій неслушный судъ и сказанье ихъ земенину нашому Анъдрею Ждановичу Сачковичу, противъ ихъ о именье ихъ отчизное, надъ рекою Ушою лежачое, Ушу учиненый; которой справе, Войне Похабовичу з врадниками земскими Новгородскими, покладаемъ часъ ку росправе — день Светого Матея, у понеделокъ м[е]с[е]ца февраля двадцать пятого дня въ томъ же року семдесятъ второмъ; на который рокъ повинни будуть суди земскіе Новгородскіе, передъ нами г[о]с[по]д[а]ремъ ставши, стороне жалуючой за позвы нашими усправедливитися. А што ся дотычеть инъшихъ некоторыхъ справъ, суду и выроку нашому г[о]с[по]д[а]ръскому належачихъ, которые особливымъ преложеньемъ нашимъ роки свои записаные мають, тые на роки, отъ насъ имъ зложоные и записаные, отправоватися будуть. Къ тому тежъ выймуемъ съ тыхъ лимитацыи справы тые, хто бы позванъ былъ о властную речъ нашу г[о]с[по]д[а]ръскую и о пожитокъ столу и скарбу нашого, же кождый, въ таковой нашой речи маючи рокъ, передъ нами становити и усправедливити ся намъ г[о]с[по]д[а]ру будеть повиненъ.

Об. Твоя бы милость, || пане воеводо Новгородскій, а въ небытности его милости самого у Новогородку, ино наместнику его милости тамошнему приказуемъ, ажъбы еси сесь нашъ листъ всимъ вобецъ обывателемъ того воеводства ознаймилъ, при костелехъ и на [то]ргохъ объволати казалъ, абы кождый, о томъ ведомость маючи, року и часу зложоного въ справе своей передъ нами г[о]с[по]д[а]ремъ на дворе нашомъ пиленъ былъ. Писанъ у Варшаве, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1571, м[е]с[е]ца декабра 31 дня.

14.

До повету Волковыйского о зехане на соймикъ для того, ижъ на першомъ з Новгородскимъ и Слонимскимъ не были.

Жикгимонтъ Августъ.

Княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, врадникомъ земскимъ и дворнымъ, старостамъ, державцамъ и тежъ врядникомъ поветовымъ земъскимъ и кгродскимъ и всему рыцерству-шляхте, тымъ, которые именя свои маютъ у повете Волковыйскомъ.

Што перво сего, съ пилныхъ потребъ земскихъ зложивши есмо съемъ валный сезде, у Варшаве, на день Трохъ Кролей, который потомъ далей, до Громницъ, помъкненъ, листы наши до всихъ земль, воеводствъ и поветовъ, о томъ ознаймуючи, писати велели, абы се на соймики поветовые, ку намовамъ въ потребахъ речи посполитое, вси поветы до своего воеводства, съ певныхъ причинъ, то естъ для снадънейшого устереженя отъ поветрія, которое, з воли Божое, на розныхъ местъцахъ тамъ, у Великомъ Князстве Литовскомъ, паповало, на одно местце зъехавши, пословъ на тотъ съемъ выправили, — ино маемъ того ведомость, ижъ соймикъ воеводства Новгородского, который || съ поветы [1]), Л. 41
ку нему належачими, Слонимскимъ и тамошнимъ Волковыйскимъ, такъ же сполне, на одномъ местцу, мелъ быти отправованъ, ачъ вжо у Слониме на часъ, отъ насъ черезъ листы наши зложоный, дошолъ, нижли дей вы, обыватели повету Волковыйского, не ведати зъ якихъ причинъ, на немъ не были и пословъ съ повету своего на съемъ не обрали. А такъ мы, постерегаючи, абы ся за тымъ въ потребахъ земъскихъ якое затрудненье и омешканье не деяло, знову черезъ листъ нашъ ку зъеханью вашому для тое справы на соймикъ складаемъ часъ певный, то естъ [2]), и приказуемъ вамъ, ажъбы есте, уживаючи у себе пилные а великоважные потребы речи посполитое, безъ всякого эпломешкства на часъ помененый тамъ, въ повете своемъ Волковыйскомъ, на местцо, соймикомъ звыклое, зъехалися, а листовъ и инструкъцыи нашое [3]) соймовое з воеводства Новгородского, до которого, такъ

1) Слова „с поветы" въ оригиналѣ повторены дважды (на л. 41 и на его оборотѣ).

2) Пустое мѣсто въ оригиналѣ.

3) Въ оригиналѣ: „и нашое".

же до поветовъ, ку нему належачихъ, Слонимского и Волковыйского, съ причинъ певныхъ зодного, черезъ посла нашого есмо послали, досягнувъши и з нихъ вси потребы земъскіе розумевши, звыклымъ обычаемъ въ томъ намову слушную межи собою учинили и, пословъ съ посродку себе обравши а на страву имъ зложивши, на съемъ тотъ зъ зуполною моцъю отъ себе выправили и послали, жебы на часъ назъначоный, ку Громницамъ, пріехати не омешкали. Писанъ у Варшаве, летъ Бож[ъего] Нарож[енья] 1571, м[е]с[е]ца декабра 31 дня.

15.

Об. Листъ до обывателей повету Ковенского о запечатоване моцы посломъ и о зложене на страву. ||

Жикгимонтъ.

Княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ земъскимъ и кгродскимъ поветовымъ и всему рыцерству-шляхте, обывателемъ повету Ковенъского.

Писал[и] до насъ воевода Троцкій, князь Стефанъ Анъдреевичъ Зб[а]ражскій [а] панъ Троцкій, подканъцлерій Великого Князства Литовского, староста Берестейскій и Кобрынскій, панъ Остафей Воловичъ, ижъ вы на соймику, который, для заповетреня, со всими поветы земъли воеводства Троцкого въ Сомилишкахъ отправованъ, некоторые, зъехавшися, ачъ есте послы меновали и моцъ посломъ написаную тые, которые на томъ соймику были, запечатовали, нижли, ижъ многіе для заповетреня не зъехалися, про то тую моцъ до поветовъ, кождый до своего, для запечетованья и зложенья посломъ на страву взяли. И жедали насъ князь воевода Троцкій и панъ Троцкій именемъ всихъ васъ, абыхмо черезъ листъ нашъ часъ ку зъеханью вашому для тое справы зложили. Мы складаемъ вамъ, въ томъ повете Ковенскомъ певный часъ, то естъ [1]), на который абы есте, на местцо звыклое зъехавшися, тую моцъ запечатовали тые, которые з васъ еще не печатовали, и, на страву посломъ зложивши, на

---

1) Пустое мѣсто въ оригиналѣ.

съемъ валный до Варшавы ихъ отправили, жебы на часъ, сойму теперъ знову черезъ насъ зложоный, то естъ ку Громницамъ въ року семъдесятъ второмъ, пріехати не омешкали. Писанъ у Варшаве, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1571, м[е]с[е]ца декабра 31 дня. || Л. 42

16.

Одрочене того жъ сойму отъ Громницъ до 2 дня марца.

Напервей листы зашитые до пановъ радъ старшихъ, то естъ:

до бискупа Виленъского,
до воеводы Виленъского,
до пана Виленъского,
до воеводы Троцкого,
по пана Троцкого,
до старосты Жомоитского.

Тымъ обычаемъ.

Жикгимонтъ Августъ.

Тытулъ.

Поведаемъ твоей милости, ижъ, з ласки Божое, на тотъ часъ есмо въ добромъ здоровъю. При томъ ведомо естъ твоей милости, зъ якихъ прычинъ, за радою некоторыхъ вашое милости пановъ радъ нашихъ обоего панства нашого, Коруны Полское и Великого Князства Литовского, съемъ валный, на свято прошлое Трехъ Кролей зложоный, преложили есмо были на Громницы, свято блиско пришлое, въ томъ же нинешнемъ року семдесятъ второмъ. На который день преложоный ради быхмо видели, абы ся ваша милость панове рады наши и вси станы, сойму належачіе, на съемъ зъехавши, о тыхъ всихъ речахъ, о которыхъ на инструкъцыяхъ нашихъ, на соймики отъ насъ посланыхъ, вжо достаточне естъ описано, радили и намовляли. Але, ижъ еще на мно-

гихъ местцахъ, яко того насъ ведомость доходить, казнь Божя.
Об. поветріе, не уставаеть || и овшемъ, за тою неуставичностю зимы, шириться, для которого небезпечно бы пришло переежчати вашей милости паномъ радамъ нашимъ и инымъ станомъ, едучи на сьемъ, местца заповетроные, а къ тому еще до того приступило небезпеченство отъ поганства Татаръ, которихъ великіе войска, зобравшися неподалеку панствъ нашихъ, поготову на поли суть, хотячи, вторгнувши въ панства наши, доводить злого умыслу своего, чого имъ Боже не поможи, — для чого воевода Рускій, гетманъ нашъ Коруны Полское, панъ Юрій Язловецкій, въ часъ тому забегаючи, з людми нашими служебными противъ тымъ людемъ непріятелскимъ на отпоръ есть въ тягненью, до которого некоторые панове рады наши Корунные и много рыцерства иныхъ прилеглыхъ краевъ, з милости противо отчизне своей, вжо ся зъехали, и, што часъ, войска до пана воеводы Руского прибываеть, которая потреба за тыми людми непріятелскими коли бы дойти мела, еще о томъ жадное ведомости отъ пана гетмана не маемъ, — а про то, съ тыхъ причинъ, естесмы до того приведени, а не хотечи людей соймомъ отъ обороны земское завстегати, тотъ съемъ, на Громницы преложоный, далей помкнувши, складаемъ его на день вторый м[е]с[е]ца марца въ року нинешнемъ 72-мъ, то естъ въ двохъ неделяхъ въ постъ великій вступивши, въ той [1]) же моцы, яко на Три Кроли и на Громницы отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра зложонъ былъ, местца сойму у Варшаве не отменяючи. Который часъ розумемъ быти безъпечный для посполитого всихъ зъеханя, кгдыжъ и отъ небезпеченства Татарского панства наши, за помочъю Божою, волни будуть, и мы на онъ часъ, за радою и намовами вашей милости пановъ радъ нашихъ и всихъ становъ, яко инъшые потребы земскіе, такъ небезпечности, которыхъ ся на мору въ портехъ нашихъ обавъляемъ, погодне осмотрети будемъ
Л. 43 могли. О чомъ твоя || милость ведаючи, абы еси, съ хути и милости своее противо намъ г[о]с[по]д[а]ру и речи посполитой, на часъ вышей помененый, м[е]с[е]ца марца второго дня, на сьемъ до насъ для отправованья речей соймовыхъ пріехати не омешкивалъ, кгдыжъ потребы земскіе, а болшей небезпеченьства портовъ нашихъ, которые первей, а нижли погода [2]) на мору плыванью окрутомъ настане[ть], опатренья потребують а далшого откладу

1) Въ оригиналѣ: „вжой“.
2) Въ оригиналѣ: „погада“.

терпети не могуть. Што пжъ твоя милость, съ повинности своее, учинити не занехаешъ, того естесмо певни. Писанъ у Варшаве, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1572, м[е]с[е]ца генвара 18 дня.

А до инпихъ всихъ воеводъ, кромъ кашталяновъ, листы зашитые тымъ же обычаемъ, троха зверху отменивши, и до пана подскарбего.

17.

А до земль и воеводствъ тымъ обычаемъ.

Жикгимонтъ Августъ.

Князю Валеріяну — бискупу Виленскому, воеводе Виленскому, пану Виленскому, такъ же княземъ, паномъ, врадникомъ земъскимъ и дворнымъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ и врадникомъ поветовымъ, подкоморому, войскому, суди, подсудъку и писару земли воеводства Виленского, и тежъ земяномъ и дворановъ нашимъ, всему рыцерству-шляхте, тымъ, которые именья свои маютъ у воеводстве Виленскомъ.

Што перво сего, за радою некоторыхъ вашое милости пановъ радъ нашихъ обу-двухъ панъствъ, такъ Короны Полское, яко и Великого Князства Литовского, и за чоломбитьемъ рыцерства-шляхты з многихъ поветовъ, съ певныхъ некоторыхъ причинъ, || преложили есмо съемъ вальный, сполный тымъ панъствамъ нашимъ, Коруне Полской и Великому Князству Литовскому, на свято прошлое въ року нинешнемъ семъдесятъ второмъ, ино, пжъ ку онымъ першимъ причинамъ, для которыхъ ся тотъ съемъ отъ Трохъ Кролей до Громницъ былъ помкнулъ, еще болшіе приступили, а къ тому ижъ казнь Божя поветрія не увезде уставаетъ за непогодою зимы, такъ неуставичное, про то о тотъ повторе отъ насъ зложоный сойму часъ на Громницы, помкнули есмо далей, якожъ и симъ листомъ нашимъ, всимъ вобецъ ознай- Об.

муючи, прекладаемъ на день вторый м[е]с[е]ца марца, то есть у двохъ неделяхъ уступивши у великій постъ въ року нинешнемъ семъдесятъ второмъ, въ той же моцы, яко на Три Кроли и на Громницы мелъ ся почати, инъструкъцый нашихъ, на соймики до всихъ земль, воеводствъ и поветовъ Корунъныхъ и Великого Князства отъ насъ посланыхъ, ни въ чомъ и местца сойму валъному у Варшаве не отменяючи. Вы бы о томъ ведали а, яко ваша милость панове рады, такъ же и послы, съ поветовъ обраные, на тотъ съемъ ку Громницамъ абы есте вжо не ехали, але на тотъ день преложоный, м[е]с[е]ца марца второго дня, вступивши въ постъ великій въ двохъ неделяхъ въ року нинешнемъ семдесятъ второмъ, на сьемъ валный у Варшаве становилися, дня того ничимъ не омешкиваючи, кгдыжъ потребы речи посполитое великоважные, которые на инструкъцыяхъ нашихъ на соймикахъ вамъ вжо преложоны, омешканя нiякого далей терпети не могуть.

А про то, штобы твоя милость, пане воеводо Виленьскій, а въ небытности его милости самого у Вилни, тобе, наместнику его милости тамошнему, приказуемъ, ажъбы еси сесь нашъ листъ
Л. 44 того жъ часу, скоро тобе данъ || будеть, у месте Виленъскомъ и по иныхъ местехъ и местечкахъ земли воеводства Виленъского, при костелехъ и на торгохъ объволати велелъ и, копеи, з него списавши, до имеией пановъ радъ нашихъ ихъ милости, такъ же княжатъ, панятъ, врадниковъ земскихъ и дворныхъ, въ оной земли лежачихъ, черезъ возныхъ розославъ, и всимъ станомъ, кому то ведати належить, ознаймити казалъ, иначей не чинечи для ласки нашое г[о]с[по]д[а]ръское конечно. Писанъ у Варшаве, лет[а] Божъ[его] Нарож[ен]ъ[я] 1572, м[е]с[е]ца генвара 18 дня.

А до поветовъ, где воеводствъ нетъ, такъ же, толко старосту у головахъ, а потомъ — княземъ, паномъ [1]).

---

1) Далѣе въ оригиналѣ стоитъ дважды повторенный знакъ, обозначающій etc.

Тые листы розослано м[е]с[е]ца генвара 20 дня тымъ обычаемъ.

До пана подскарбего земского послано тые листы зашитые черезъ Александра Вакабулу [1]):

до бискупа Виленъского,
до воеводы Витебъского,
до воеводы Полоцъкого,
до воеводы Мъстиславского,
до воеводы Троцкого,
до бискупа Жомоитского,
до воеводы Новгородского,
до воеводы Смоленского,

до пана подскарбего самого,
другій до пана подскарбего о розослане тыхъ листовъ; до пана старосты Жомоитского взялъ слуга панскій Александро и маеть его въ дорозе его м[и]л[ости] отдати. ‖ Об.

Листы отвороные, до пана подскарбего посланые черезъ Александра [2]):

до Витебска,
до Вилкомира,
до Мстиславля,
до Браславля,
до земли Полоцкое,
до Трокъ,
до Ковна,
до Жомойти,
до Вильни,
до Новагородка,

1) Слѣдующая за этимъ заголовкомъ запись разсылки листовъ въ оригиналѣ писана въ два столбца. Второй столбецъ начинается словами: „до пана подскарбего самого“. Записи второго столбца раздѣлены въ оригиналѣ горизонтальными чертами.

2) Слѣдующая запись разсылки листовъ въ оригиналѣ также писана въ два столбца. Второй столбецъ начинается словами: „при тых же листех“. Послѣ слова „менъска“ стоитъ горизонтальная черта. Такими же чертами раздѣлены записи второго столбца.

до Упиты,
до Мозыра,
до Орши,
до Слонима,
до Меньска.

До пана Троцкого черезъ слугу его, которій сезде у Варшаве для господы его м[и]л[ости] былъ:

отвороный до повету Берестейского,
до повету Речицького,
зашитый до его милости самого.

При тыхъ же листехъ:

листъ зашитый до пана воеводы Берестейского,
листъ зашитый до пана воеводы Меньского,
листъ отъвороный до повету Волковыйского,
до пана Войны черезъ Углика,
листъ отвороный до Пинска,
до Городьна,
зашитый до пана Виленского,
до пана Виленского — зашитый до его м[и]л[ости] самого, отвороный до Ошмены,
Л. 45 третій до Лиды [1]). ||

1) Далѣе въ 56-ой книгѣ Судныхъ Дѣлъ Литовскихъ находятся лишь два внесенныхъ въ нее документа: 1) „Лимитацыя отъ Середопостя до Светого Петра" (лл. 45 об. — 46 об.; дата: Варшава, 27 февраля 1572 года) и 2) „Лимитацыя отъ Светого Петра до Светого Мартина" (лл. 46 об. — 47 об.; дата: Варшава, 1 іюня 1572 года). Всего въ книгѣ 47 листовъ.

II. Повѣтовые сеймики передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года.

1.

(Литовская Метрика, Записей Литовскихъ книга 60, листы 9—16 об.)

Наука послу его кор[олевское] милости, пану [1]), до воеводства Виленъского на соймикъ поветовый отъ его кор[олевское] милости отъправленому. Летъ Бож[ъего] Нарож[енья] 15[76], м[е]с[е]ца августа [2]).

Посолъ его королевское милости маеть отъ его кор[олевское] милости пановъ радъ ихъ милости поздоровить, а инымъ станомъ ласку кор[оля] его милости поведать; а потомъ въ тые слова до пановъ радъ ихъ милости и до всего рыцерства, которые на соймикъ се зъедуть, отъ его королевъское милости мовити маеть.

Яко его королевъская милость, за презренемъ Божымъ и за вольнымъ обранемъ усихъ становъ Коруны Полское и Великого Князства Литовского, зосталъ естъ паномъ той славной речы посполитой обоего народу, такъ Полского, яко и Литовъского, и, вземъшы на себе такъ великіе беремена потребъ речы посполитое и великость люду Божъего, старатися рачылъ со всякою пильностью и працою своею, яко бы напродъ, з воли Божъее, и вызваню Его светому, а потомъ тежъ людскому мнеманью о надеи о собе погодилъ, же его на такъ зацный станъ достоенъства королевского вывышыли, чынечы досыть повинности своей королевъской, водлугъ набольшого преможенья своего, якожъ певенъ

1) Имя посла пропущено въ оригиналѣ — оставлено пустое мѣсто.
2) Число опущено въ оригиналѣ.

Л. 9 естъ то его || королевъская милость, ижъ кожъдый бачыть и прызнати то мусыть его королевъской милости, ижъ его королевъская милость около выконанья повинности своее, иле можности и часу доставало, з особы своее ничого омешкати не рачылъ, бо наболшую а наважнейшую повинъность свое около потверженья правъ и вольностей всыхъ становъ, обывателей Коруны Польское и Великого Князства Литовъского, такъ у Семиградской земли передъ паны послы Корунъными, яко тежъ у Кракове пры корунацыи и на инъшыхъ местъцахъ, где того потреба оказовала, такъ прысегою и печатованьемъ сумненья своего, водле звычаю королевъ хрестіанъскихъ, потверъдилъ и то скутъкомъ пополънити рачыть, ижъ такъ усей речы посполитой вобецъ, яко тежъ и кожъдому зособна, ни въ чомъ права его не нарушылъ и никому не нарушылъ и николи не нарушыть, и овшемъ еще чынить, и чынити волю меть рачыть, оказуючы то ласкавыми учынъками, же естъ таковымъ паномъ, который ничого инъшого, одно всего доброго и почъстивого подданымъ своимъ и всей речы посполитой зычыть и объмышлевати рачыть, надъ здоровъе свое пожытокъ речы посполитое перекладаючы. Яко то кожъдый на око видети [1]) можеть, ижъ, скоро уседшы на столицы королевъской, на которой его Панъ Богъ, з воли Своее светое, посадити рачылъ, теды заразомъ о покою, о згоде и о добромъ постановенью речы посполитое объмышлевати и вспловати рачылъ и немало речей таковыхъ отъложылъ, которые до доброго речы посполитое перекажали, яко розность межы людми з розное елекъцыи до згоды прывести рачылъ и много особъ зацныхъ, которые той справе противни были, до себе его королевъская милость прывелъ, такъ же и тое панъство, Великое Князство Литовъское, до тое згоды прытягнулъ, съ каждымъ ласкаве а скромне, никого, одно упоръне
Об. собе противного, || не дотыкаючы. И, постановивъшы, за ласкою Божъю, тые вси речы такъ добрые и потребные, певенъ его королевъская милость вшелякого беспеченъства, такъ домового, яко и посторонъного, кгдыжъ, где ся значыли трвоги и замешанье речы посполитой, тамъ се то все, з ласки Божей, успокоило, зачымъ ужо вси справы и поступъки его кор[олевское] милости фалебне и прыемне пошли, за што его королевъская милость, чынячы дяки П[а]ну Богу, прывлащаючы то воли и ласце Его светой, зуполъную надею мети рачыть, же и на потомные часы ласки Его све-

1) Въ оригиналѣ: „видечы“

тое и поваженя щастливого въ росказованью своемъ ужывати будеть ку доброму речы посполитое и ку несмерътельной славе своей и народовъ тыхъ, надъ которыми его Панъ Богъ самъ преложити и паномъ учынити рачылъ.

А ведже и наперодъ хотячы о то се пильне прычыняти, объмышлеваючы въ часъ о потребы и ратунъки, и вшелякіе, которые до того належать и которыхъ въ тыхъ панъствахъ не доставаеть, и праве вшелякихъ трудностей, недостатъковъ, а затымъ и небезпеченьства намножылосе, бо, хотяжъ теперъ, за ласкою Божою, на початъку панованья его королевъское милости покою вжываючы есте, есмо доброе надеи о всемъ добромъ речы посполитое нашое, але, бачачы прычыны некоторыхъ небезпечъностей, кгдыжъ у домовыхъ потребахъ до всего податъку еще не прышло, потреба се выстерегать страху и небезпеченьства, яко отъ посторонъного непрыятеля, такъ отъ домовыхъ незгодъ а ростыръковъ, которые для непорадку деети мусять. И кожъдый то можеть бачыть, же покой Коруны Польское и Великого Князства Литовъского еще з многихъ сторонъ небеспечъный, кгдыжъ то речъ естъ ведомая, ижъ з олекцыи прошлое межы многими зацными особами, которыи о тое панъство старали, предъсевзятье ихъ не дошло, же се на его кор[олевскую] милость и на тыхъ, которые кор[оля] его милость || обирали, гневають, и доходять слухи его Л. 10
коро[левскую] милость з Решы Немецкое, же ся тамъ еще о то люди не впо[ко]или, же бы снать штось скрытого объмышлевали, чымъ бы его королевъской милости, панъствамъ тымъ зашкодить могли, естли не черезъ себе, тогды черезъ кого инъшого, которые бы якую кольвекъ прычыну до того мели, яко естъ мистръ Пруcкій албо Крыжацъкій, который снать, менуючы неякое право на землю Прускую, будеть хотечы теперъ з нимъ за такими прычынами озватися, а могучы мети якое ку подпоре того предсявзятья своего поратованье, што могуть ему, подобно, дати тые, которые бы рады собе подъ тою заслоною жаль свой ветовали. Такъ же король Дуньскій, который отъ колка летъ крывды и деспектовъ немало Коруне Полской и паномъ нашымъ зешлымъ начынилъ [1]), слугъ его королевъское милости и речы посполитое, называемыхъ фраибитровъ, которые мора стерегли, окрутне а сромотне заморъдовавшы и маетности людское немало забравъшы, месту Кгданъскому колкодесятъ окрутовъ отъилялъ и теперъ ихъ у себе маеть

1) Въ оригиналѣ: „начынили“.

и еще болшей брати и место Кгданскъ з ынъшыми месты прылеглыми опановать перехваляетъся; который, подобно, съ покоемъ седети не будеть, а своей давъной мысли, за чыимъ колвекъ початъкомъ, альбо тежъ самъ своею радою ужывати теперъ, подобно, не хочеть, кгдыжъ за часомъ якимъ погоднымъ кожъдый своего щастья ужыти покушаеть. А [о] князю великомъ Московъскомъ яко слухи доходять, ижъ, подобно, неякое прьязненье и порозуменье его съ цесаромъ хрестіянъскимъ естъ, а король Дуньскій такъ же, снать, сполечъность з ними держачы. Боже уховай, абы се теперъ на одно не змовили, якобы трудность Коруне учынить могли! А теперъ вжо на свято Внебовзятье Панны Марыи перемире з Московъскимъ вышло, которое было по одеханю короля его милости Генърыка черезъ станы Коруны Полское и Великого Князства
Об. Литовъского з нимъ учынено и постановлено. А онъ не звыкъ || часу и погоды своее омешкивати, и потреба се выстерегати, абы гордого умыслу своего ужыти не кусылъся, а звлаща же естъ готовъ завжды. Отъ Татаръ тежъ, альбо отъ цесара Турецъкого могъ бы быти покой за тымъ перемиръемъ, которое [1]) Коруна Полская з нимъ маеть, але, ижъ з нашыхъ людей, козаковъ пограничъныхъ, прычыны великое до зачепъки и зрушенья покою бывають, для которыхъ не толко съ чоловечомъ веры хрестіанъское, але бы тежъ и великимъ прыятелемъ былъ, тогды бы се прыязнь трудно ховати мела за таковою справою, яко они ужывають, бо недавныхъ часовъ цару Перекопъскому замокъ его Асламъ-Городокъ збурыли и подъ замъкомъ цара Турецкого, подъ Тягинею, немало селъ его выбрали [а] спалили и много иныхъ шкодъ значныхъ почынили и чынити не переставають, для чого они, подобно, мусять тымъ же обычаемъ намъ то отъдавати; и потреба того постерегати, абы для таковогo ихъ своволеньства перемиръе тое, которое Коруна Полская съ цесаромъ Турецъкимъ маеть, не было ростопено. Такъ же и отъ другихъ суседовъ своихъ, ку панъствамъ его королевъское милости границамъ прылеглыхъ, не можеть его королевъская милость ничого ведати о прыязни и о покою, хотяжъ о непрыязнь ихъ ничого не ведаеть, кгдыжъ еще жаднымъ з нихъ постановене новое не сталося. А не толко отъ объчыхъ людей, але и отъ своихъ покой не естъ певный, кгдыжъ Кгданскъ и некоторые места Пруские преднейшые пры немъ еще повинного подданьства своего Коруне [и] его ко-

1) Въ оригиналѣ: „которая“.

р[олевской] милости не отъдали, и тая ведомость его коро[левское] милости доходить, же у-въ ономъ краю съ прылеглыхъ сторонъ потреба се небольшого небезпеченьства сподевати, такъ же тежъ и съ порозуменья ихъ зобаполного, зачымъ бы певный початокъ войны мусялъ ся || показать. А княже Пруское, тежъ маючы Л. 11
панство ленское подъ Коруною и будучы не подданымъ, съ чимъ о корунацыи его королевъское милости былъ объвещонъ, и до того часу еще кор[оля] его милость съ повинъностью своею ся не оповедалъ и з нею ся не отъкрылъ; теды трудно о немъ што певного розуметн. Такъ же и окромъ тыхъ еще ся не дають никоторые особы, которы, пры давномъ своемъ противномъ упоре стоечы, обачыться въ томъ не хотять, што речы посполитой, матъце своей, суть повиньни, отъ которое ся отълучывшы, верънутисе до еей не хочуть, инъшого стерегучы, нижли повинъности своее противко речы посполитой, у которой ся породили. Про то, естлибы се такіе въ тыхъ тамъ земляхъ найдовали, абы отъ в[ашихъ] м[и]л[остей] были напомнены, ижъбы се обачыли а то, што повиньни, отчызне своей и его королевъской милости отъдавали и, ведаючы, што се на сойме корунацыи постановило, чого естъ потреба, абы тому конецъ былъ учыненъ.

Особливе тежъ межы станы Корунными и Великого Князства Литовъского розницы суть въ некоторыхъ многихъ потребахъ и долеглостяхъ земъскихъ; такъ же земли Пруское съ Коруною певные потребы свои прекладають. А домовые тежъ речы и потребы одне порадку и недостатъку не помалу стиснены суть, добра столу королевъского, цла, жупы и иные доходы суть затруднены; такъ же на скарбъ Корунъный и Великого Князства Литовъского великіе потребы прыпадають, а въ скарбе тежъ великіе недостатъки суть; што естъ з немалымъ подивеньемъ, ижъ такіе прыпадъки въ тыхъ панъствахъ, а такъ много речей и товаровъ, которые до чужыхъ земль выносять, безъ которыхъ се они жаднымъ обычаемъ обыйти быть не могуть, такій пожытокъ рекъ и мора, же тымъ всимъ кожъдымъ панствомъ хрестіанъскимъ поровнать, а другихъ и переровнать бы могли. Тотъ же || Об.
нерадъ усеньскіе добра старожытные обычай псуеть, а вместо добрыхъ звычаевъ прышли великіе своволенъства, мужобойства, моръды, забиванье з ручънипъ, вшетечъности, кгвалты, лупества, збытъки, утраты и иныхъ много збыточъныхъ а шкарадныхъ выступковъ. И смотречы далей въ справы рыцерскіе, у своволеньство, у зуфалство и въ недъбалость о речахъ потребныхъ и прыстой-

лыхъ, и во всякій иный нерадъ, которого ся досыть своволне намножыло, и праве войны ся счынають, што Боже дай, абы въ речы посполитой устало а до перъвшыхъ правъ продковъ нашыхъ и доброго порадку прынти могло, зачымъ бы еще тая речъ посполитая такъ заквитнула, ижъ бы надъ инъшые нешто мети могла, кгды бы одно цвиченья и добрый порадокъ прышолъ, бо, снать, передъ иными всими маеть такую великость рыцеръства крови шляхетъское, што каждый г[о]с[по]д[а]ръ у себе за наибольшый скаръбъ почытати можеть, которыхъ его королевъская милость умиловалъ и всего доброго, съ повинъности своее, чынити рачыть. И такъ бы се тежъ о то хотелъ старать, прычыняючысе до всего доброго и пожыточъного речы посполитое, такій фунъдаментъ панованья своего закладаючы, отъколь бы не толко они сами, што теперъ суть, жывали, але и потомъство тое зацное крови шляхетъское тешыться могло, што его королевъская милость, нашъ милостивый панъ, въ кожъдой потребе речы посполитое ясне оказати будеть рачылъ, же то каждый познаеть, ижъ его королевъская милость не толко того, што бы одно могъ перемочы, жаловати не будеть, але и кровъ свою пролить и здоровъе свое положыть для задеръжанья речы посполитое и доброго всихъ в[а]ш[ое] милости, тыхъ славныхъ панъствъ, Коруны Полское и Великого Князства Литовского, обецуеть. И певне на его коро-
Л. 12 левъскую милость ничого не зыйдеть, одно потреба, || абысмы сами до того се мели, про то объмышлеваючы его кор[олевской] милости о всемъ добромъ речы посполитое и смотречы на ее небезпеченьства а забегаючы имъ съ повинъности своее, ничого занехать не рачыть.

Але, ижъ не можеть иначей забежыть его кор[олевская] милость тымъ всимъ потребамъ, и, водле правъ и волностей, звыклыхъ въ той же речы посполитой, безъ усыхъ становъ не могучы о всемъ становити, рачылъ его королевъская милость, намовивъшысе въ томъ з вашою милостью, съ паны радами своими, такъ Корунъными, такъ и з вашою милостью, которые пры его королевъское милости на тотъ часъ у Кнышыне были, а отъ иныхъ зданье и раду ихъ милости на листехъ маючы, зложыти былъ рачылъ съеймъ валъный Коронный обу-двумъ народомъ, Полскому и Литовъскому, яко одному а нероздельному телу, въ Торуню на день Светого Михала, што вжо в[ашымъ] милостямъ [1])

---

1) Въ оригиналѣ описка: „млсть",

паномъ радамъ и всимъераномъ и рыцеръству-шляхте, до всихъ воеводствъ Великого Князства Литовъского на листехъ его королевъское милости перъвей сего ознаймено естъ. Одножъ теперъ его королевъская милость, съ певныхъ прычынъ, на далшый часъ тотъ съеймъ, то естъ у колку дней по Светомъ Михаилу, на день Светого Франътишка, помъкнути и зложыти рачылъ; и ачъ бы его королевъска[я] милость радней где ближей тотъ съеймъ мелъ пры Великомъ Князстве Литовъскомъ, поважаючы часъ выстья перемиръя з великимъ княземъ Московъскимъ, одно ижъ тое местце не безъ великое прычыны ихъ милость панове рады его королевъское милости подали, на што его королевъская милость имъ позволити рачылъ, бачечы, ижъ до Вильни мало не такъ далеко съ Торуня, яко и з Варъшавы. А ижъ его королевъская милость, за порадою вашей милости пановъ радъ своихъ, рачылъ послати до великого князя Московъского посланъцы свои, ведомо чынечы ему о панованьи своемъ || на Коруне Полской и Великомъ Об.
Князстве Литовскомъ и волю и умыслъ свой г[о]с[по]д[а]ръскій ознаймуючы, же зо всими г[о]с[по]д[а]ръми хрестіянъскими и з нимъ зычыть его королевъская милость [1]) згоды и едыноства за панованья своего для добра всего хрестіянъства, про то его королевъская милость, черезъ тыхъ посланъцовъ своихъ веемшы ведомость о вмысле того суседа, водле того его королевъская милость будеть рачылъ се справовати за радою вашей милости пановъ радъ, звлаща яко часъ и потреба окажеть; а естли бы тежъ задеръжавшы, або и не задержавшы посланъцовъ короля его милости, нно король его милость хочеть о томъ такъ объмышлевати, ижъ бы тежъ што на то[мъ] мейшого его королевъ[ской] милости на томъ сойме зашло, тогды король его милость до того панъства своего, Великого Князства Литовъского, самъ перъсуною маестату своего г[о]с[по]д[а]ръского прыбыти [хочеть] и омешкивати не рачыть. А тымъ часомъ росказалъ его королевъская милость посилокъ границамъ учынити а певный почотъ служебныхъ съ паномъ гетъманомъ дворънымъ выправити.

А ижъ то ваша милость панове рады латвей знати могуть, также и станы рыцеръства, яко будучы ведомые поступъковъ справы войны съ тыми границъниками [2]), ижъ потреба естъ всякое готовости и чуйности, и кожъдое способности, и великого

1) Въ оригиналѣ: „королевъское млсти“.
2) Въ оригиналѣ: „граничъникомъ“.

накладу, а его королевъская милость, яко бы не радъ далъ прычыны ку розливанью крови хрестіянъское, такъ бы тежъ не хотелъ видеть намнейшого укрывженья панъствъ и подданыхъ своихъ, а про то бы его королевъская милость въ той справе такъ спешне, за помочъю Божею, поступовати хотелъ, яко бы непрыятелъ, хотечы, не взялъ. Для чого и то его королевъская милость ознаймовати в[а]ш[ой] милости рачыть, ижъ панове Поляцы
Л. 13 намовяли готовость поспешную ку войне часу корунацыи || его королевъское милости, тамъ, где бы того потреба оказовала; а къ тому тотъ податокъ, што часу небытности г[о]с[по]д[а]ра постановили передъ алекъцыею короля Генърыка, тогды яко тотъ перъшый недобраного, такъ и тотъ теперешній, на который ся на елекъцыи з в[ашой] м[и]л[остью] у Варъшаве змовляли, подали до шафунъку его королевъское милости на оборону и потребу речы посполитое земъское на коронацыи, такъ же и четьверътую часть доходовъ, которы[е] зъ добръ королевъскихъ на самую потребу речы посполитое належать, што черезъ урады звыклые отправуеть и выдаваеть на таковые потребы земъскіе. О то его королевъская милость ознаймившы вашемъ милостямъ, жодати рачыть, жебы ваша милость, уважывшы такіе небезпечъности панствъ короля его милости, отъчызнъ вашыхъ, въ готовости ку войне были, яко вжо о томъ черезъ листъ его королевъское милости по всихъ воеводствахъ и поветахъ Великого Князства Литовского вашымъ милостямъ объвещоно естъ. А про то ижъ бы ваша милость, на таковые пилные и кгвалтовные потребы земъскіе бачъность маючы, до того се склонили, до чого станы Корунъные, а, яко въ одной речы посполитой заровно все попосячы, таковый же податокъ з ыменей и подданыхъ своихъ зезволили и постановили, якій былъ уфаленъ часу Уніи на сойме Любелскомъ. И певенъ того его коро[левская] милость, же в[аша] милость, съ повинъное милости своей ку отъчызне вашой и ку таковымъ потребамъ речы посполитое, заровно, яко панове Поляцы учынили, до того се прычыните, который ни на што иного, одно для войны потужъное противко непрыятелю оборочать будеть. А ижъ на отданье того податъку часу певного и одного року, порозну отъ
Об. себе будучы, на соймикохъ зложыти не может[е], || тогды абы в[аша] милость, тутъ на соймику намовившысе, на зъезде в[аша] милость, который ведле правъ вашыхъ у Волковыйску передъ тымъ соймомъ валнымъ за две недели мети маете, часы и роки певные отъданью того податъку, яко до поборъцовъ, такъ и од

поборъцовъ до скарбу речы посполитое, зложыте и постановите, якожъ его королевъская милость для таковое потребы речы посполитое то чынити рачыть и таковый же податокъ, яко з добръ и подданыхъ его кор[олевское] милости въ Коруне Полской уфаленъ, тымъ же обы[ча]емъ з добръ [и] подданыхъ своихъ у Великомъ Князстве Литовъскомъ на тые жъ потребы речы посполитое поступовати рачыть.

А къ тому, яко в[аша] милость паны рады и иные станы жадали зъ з[ъ]езду своего Мстибоговъского черезъ братью свою, пановъ радъ и иныхъ становъ, его королевъсеое милости о некоторые певные артыкулы съ паны Поляки ку поровнанью, што ижъ сойму валному належало, его кор[олевская] милость то на соймики поветовые въ Полще подати и ознаймити то рачылъ, хотяжъ накоротъце, яко то вышей у той инъструкцыи естъ доложоно. Ведже на сойме, теперъ близко прышломъ, будеть ся отъ его королевъское милости оповедати особливый артыкулъ кажъдый. А не безъ прычыни то его королевъская милость чынити рачыть, такъ черезъ писмо ознаймуеть, што ся дасть познати часу своего, бо, естли в[аша] милость въ томъ за посланъемъ пословъ вашыхъ хуть его королевъское милости познали, ижъ у Варшаве то, што з особы его королевъское милости належало, его королевская милость выполнити и на жоданье еей в[ашой] милости радъ хутливе учынити рачылъ, яко то в[ашой] милости ведомо естъ отъ братьи вашое, которые съ тымъ до его королевъской милости прыездили, — теды напередъ не мнейшую хуть и усылованье его королевъское милости || маете познати, ижъ его королевъская милость Л. 14
не хочеть литовати объмышленья своего, прыводечы все ку лепъшому речы посполитое, кгдыжъ его королевъская милость надъ згоду а милость братерскую, яко въ сполной речы посполитой, ничого лепъшого и пожыточнейшого панъствамъ своимъ быти не бачыть.

А такъ, тые вси великоважные потребы и справы речы посполитое обоего народу, Коруны Полское и Великого Князства Литовъского, его королевъская милость ознаймившы вашымъ милостямъ, рачыть взывати всихъ становъ, сойму належачыхъ, на тотъ зложоный валный съеймъ до Торуня, абы се на него, водле обычаю, такъ ку забеженью небезпеченьствамъ речы посполитое, яко тежъ и для объмышлеваня о ней и потребахъ и о порадку всего доброго знесли, а о томъ, што бы се знайдовало ку безпечъному и учтивому, становили, не отъкладаючы на сторону и не

занедбаваючы тежъ того усего, што бы передъ тымъ ку доброму речы посполитое тое зачато и еще не сконъчоно и не выполнено, а звлаща справедливость светую передъ очыма маючы, бы се въ ней досыть людемъ деяло.

Въ чомъ его кор[олевская] милость, нашъ милостивый панъ, не хотелъ занехати, абы и того в[ашу] милость ознаймить не мялъ, ижъ его королевъская милость рачыть добре ведати, же на сойме у Люблине описано естъ местъце соймовы Варъшава съ тымъ докладомъ, ижъ, за потребою речы посполитое и за радою п[а]новъ радъ ихъ милости, можетъ быти где инъде съеймъ зложонъ, што его королевъская милость з великомъ розмысломъ, за радою ихъ милости п[а]новъ радъ, учынити рачылъ, же не Варъшаву, але Торунь ку зложенью сойму местъце обрано естъ, угожаючы тому затрудненью земль Прускихъ, што се вышей поме-
Об. нило, и маючы тежъ бачъность на то, же || и тая война отъ посторонъныхъ людей, которое [1]) ся потреба сподевать, нигде инъде, одно въ Прусехъ зачать бы се мела, и съ тыхъ таковыхъ прычынъ умыслъ свой на то король его милость оберънути рачылъ, ижъ бы, тамъ будучы, и за якимъ зажареньемъ близшей былъ ку рушенью его. Про то розумети его королевъская милость рачыть, ижъ съ такимъ же уваженьемъ, яко то его королевъская милость учынити рачылъ, в[аша] милость прыимате, кгдыжъ всимъ землямъ тое речы посполитое Торунь не естъ отъглейшый, нижли Варшава, и тотъ же пожытокъ рекъ и прыпущенья потребъ естъ до Торуня, што и до Варшавы.

А ижъ на то его королевъская милость паметати добре рачыть, што ему естъ межы иными правы и артыкулы, па елекъцыи короля Генърыка постановлеными, ку прысезе и захованью ихъ подано, абы съеймъ вальный не былъ долъжей держапъ, одно шесть недель, чого бы король его милость не радъ переступовалъ продолженемъ часу того, и овшемъ радней бы сойму укоротилъ, статечне се отъправившысе што бы колвекъ ку потребе речы посполитой належало и угожаючы тому, яко бы се тымъ соймомъ што нарыхлей отъправити могъ, але, ижъ подъ часомъ бываютъ перерываны рады и справы речы посполитое розными [2]) а своими властъными потребами, тогды вельце бы радъ то его королевъская милость виделъ, абы, кожъдую речъ на своемъ часе

1) Въ оригиналѣ: „которые“.
2) Въ оригиналѣ: „рознымъ“.

и местъцу зоставуючы, а отъправуючы одно по другомъ, водле порадъку своего все конъчыти се могло [1]), про то его королевъская милость рачыть напоминати, абы ваша милость съ посродку себе, водле давного звычаю, обирали послы особы статечъные и ростропные, и таковые, которые бы пожытокъ и добро[е] речы посполитой болшъ миловали, нижли свои || потребы альбо пожытъки, и овшемъ абы кожъды таковый обиранъ не былъ, который бы потребы свое на сойме мелъ, абы ими справы речы посполитое не затруднялъ; а жебы тежъ тые послове зуполную, а не замероную моцъ до всихъ справъ речы посполитое на томъ сойме мели для згоды з другими, кгдыжъ бы тымъ замереньемъ моцы съ поветового соймику уближыли владности и моцы сойму валного, на которомъ вжо о всихъ речахъ, што колвекъ вжо речы посполитой естъ потребно, ражоно и становено бываеть, къ тому ижъ жадный ведати не можеть, што за часомъ прыпадати будеть, кгдыжъ то часъ отъкрываеть, зачымъ рада и объмышлеванье быти мусыть; про то и поданье владъности до таковое рады мусить быти не замероное, але зуполное, абы за таковою целою зуполною [2]), а не розерваною радою могло се на всемъ потребамъ речы посполитое досыть делати и отъправовати ее статечне во всемъ, яко бы вжо напотомъ вси потребы, або небезпеченьства речы посполитое были таковою [3]) радою ратунковъ и обороною опатренья и объварованья, яко бы з нихъ жадному боязнъ а не трвокга николи не прыходила и овшемъ абы кождый за покоемъ седети, права и свободъ своихъ ужываючы, тешыть ся могъ за доброго порадъку справы и владности его королевъской милости, кгдыжъ его королевъская милость хочеть то собе оказати, Пана Бога о то просячы а зо всякою пилностью о то ся тежъ стараючы, яко бы собе вечъную славу по дякованью з благославенъствомъ у в[а]ш[ое] милости пановъ радъ и во всихъ подданыхъ своихъ, такъ отъ || зацного потомъства в[ашое] милости зъеднати моглъ на вечные часы.

Л. 15 — Об.

---

1) Дальше въ оригиналѣ чистое мѣсто.

2) Въ оригиналѣ: „зуполную“.

3) Въ оригиналѣ: „таковую“.

Съ которою инъструкцыею и з листи соймиковыми послами отъ его кор[олевское] милости з Варъшавы ехали въ року [15]76, месеца августа 18 дня.

Панъ Матъфей секретар[ъ] [1]) — до Вилни.

Тотъ же понесъ листы до князя бискупа Виленъского [и] до пана воеводы Виленъского.

Къ тому тые жъ инъструкъцыи до поветовъ: Лидского, — где посломъ [2]) панъ Третякъ судья, — Ошъменъского, Браславского, Мозырского. Тамъ пословъ панъ воевода Виленъскій самъ маеть обрати.

Панъ Миколай Конъча — до Вилкомиръи.

Панъ Котовичъ, писаръ земъскій Городеньскій, — до Городна.

Панъ Космовъскій секретар[ъ] — до Менска.

Тотъ же понесъ такежъ инъструкъцыи до Речыцы князю Жыжемъскому, до Мстиславла п[а]ну кашталяну и старосте Мстиславъскому.

Панъ Миколай Немъчыновичъ — до Слонима.

Панъ Делницъкій Грыгорей — до Ковна.

Василей Ивашковичъ коморъникъ понесъ: до воеводства Троцкого, где посломъ панъ Марътинъ Стравинъскій, — до воеводства Новъгородского, где посломъ панъ хоружый Новгородскій Илья Ивановичъ, — до повету Волъковыйского, где посломъ панъ Пукшта хоружый, — до повету Упитъского, где посломъ панъ Млечъко, писаръ земъскій Упитъскій, — до воеводства Полоцъкого, пану воеводе Полоцъкому въ руки, который тамъ посла обрати самъ маеть.

Тотъ же Василей — до князя бискупа Жомонтского, до пана
Л. 16 Жомонтъского и до тыхъ п[а]новъ воеводъ описаныхъ взялъ. ||

До Жомонти инъструкъцыю понесъ з листы Нарбутъ, служебникъ пана Виленъского, его милости въ руки, ижъ его милость посла на соймикъ Жомонтъскій маеть обрати.

До Берестья, где посломъ панъ Патей писар[ъ], понесъ служебникъ пана Троцъкого Горъновъскій.

До Витебъска понесъ въ руки пану воеводе Витебъскому, абы его милость посла обралъ, — служебникъ его милости Осиповъскій.

До Оръшы въ руки пану старосте Оршанъскому, абы онъ же посла обралъ, — слуга его милости Богданъ Реутъ.

До Пинъска его милость панъ подскаръбій земъскій самъ взялъ.

---

1) Въ оригиналѣ дальше чистое мѣсто.

2) Въ оригиналѣ: „постомъ“.

III. Повѣтовые соймики передъ Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года.

(Литовская Метрика, Записей Литовскихъ книга 60, листы 89 об. — 102).

1.

Наука послу до воеводъства Виленьского на соймикъ того воеводъства, дана у Варъшаве року 1577, м[е]с[е]ца апреля 22 дня.

З великимъ жалемъ его кор[олевская] милость, нашъ милостивый панъ, ужывати рачыть тое всее справы, которая ся вжо отъ немалого часу дееть з Кгданъщаны, людми [1]) зуфалыми а всее речы посполитое и его королевъское милости противники и непрыятелми явными. Што тымъ болшей жалости королю его милости прыдаваеть, || же они злость а упоръ свой, яко могуть, покрываюгь, а здобечыся справами, цудными словы подъ баръвою укрывженья и утяженья на правехъ своихъ, которые поведають мети отъ Короны въ противное мниманье, нижли ижъ собе Корона и его королевъская милость побожными хрестіянъского пана поступъки у всихъ людей еднаеть. Такъ ижъ тежъ въ той всей справе Кгданьской, яко ся з ними зачала, не покажеть ся ничого иного з стороны его королевъское милости, одно щырая доброть а праве отъцовъская милость противко нимъ [2]), хотя злымъ а непослушнымъ подданымъ, яко то вжо листы его кор[олевское] милости и розесланъемъ трактатовъ [3]) съ ними до ведомости всихъ Л. 89 об.

1) Въ оригиналѣ: „людму“.
2) Въ оригиналѣ: „намъ“.
3) Въ оригиналѣ: „трактановъ“.

прыведено. Они зась, што въ справахъ своихъ зачынали, альбо замышляли, подъ покрывъкою упокоренья и переедная противъ его кор[олевской] милости и всей речы посполитой выступъковъ своихъ, которыхъ досыть начынили, беручы часто кглейты, ку справе подаваючы розлыхъ а все неслушныхъ конъдыцый, свое крывды албо обътяженья, которыхъ жадныхъ не маютъ, прекладаючы, во всемъ облудне ся заховали неласкою, албо покою, але чого иного шукаючы. Бо, кгдыжъ имъ отъ его кор[олевское] милости местъце ку становенью и посланью пословъ позволено было съ тыми конъдытiями, абы, опустившы моцъ войны, люди служебные военъные абы роспустили, место отъ объчыхъ и посторонъныхъ успокоили а скромне съ покорою ласки его кор[олевское] милости шукали, — они въ томъ жолнеровъ, такъ конъныхъ, яко и пешыхъ, а все объчыхъ, до места напустили, имъ росказованье всего места подали, збунътовали, вшелякими достатъки опатрыли а праве вжо на пляцъ а побой выставили. Якожъ немало маетъностей, дворовъ шляхетъскихъ, собе прылеглыхъ, спленъдровали, кляшторъ
Л. 90 Оливу, одинъ славный а зацный клейнотъ || паданья становъ Полскихъ, которые Кгданскъ фунъдовали, до кгрунъту збурыли, не хотечы Полского имени тамъ зоставити, паствечыся кровъю людей невалечъныхъ; до посторонъныхъ панъствъ, звлаща до Решы Немецкое, письма сромотъные подъ своими герьбы розослали, подаваючы кор[оля] его милости и тотъ цный народъ Полскiй сромотъне непрыстойному мниманью, шосо яко объразливая а незноcтъная речъ естъ его кор[олевской] милости, пану пашому, королеви хрестiянъскому, такъ же и народови нашому, который завсегды о добрую славу и о почътивость стоялъ, — снадне то кожъдый у себе поважать можетъ. Такъ же у тыхъ пановъ помочы, фолдрунъку своего спротивеньства найдовали; наконецъ до Московъского, старожытъного а праве дедичъного непрыятеля, и его помочъниковъ ся оборочали — всюды практыки и бунъты съ тое речы противко народови нашому, а предъ се они, свою злость а упоръ здобечы, входи ся скаръжать на крывды а утиски свое, которыхъ великiй [1]) реестръ на конъдыцыяхъ своихъ были подали, въ чомъ ничого иного не замыкалося, одно абы съ повинъности своее противко пану и речы посполитой, што зовуть Латинъскимъ езыкомъ рекгалью, и выломитися могли, просечы, абы то з нихъ за малую часть н[е]н[е]зей, кор[олю] его милости подъ заслоною

1) Въ оригиналѣ: „великихъ".

ублаганья ласки его кор[олевское] милости подавануую, зложоно было, то естъ абы вся зверъхность, назвиска и росказованье съ тамъ-того места было знесено. А межы ными то меновите было: абы речы, постановеные о Кгданскъ на соймехъ валныхъ, не кладены были; жебы жадные кглейты не важны были; жадные апелляцые з Кгданска не шли, — чымъ ся показуеть зверхность Короны надъ тымъ местомъ; жебы король тамъ никгды не въеждчалъ, || одно у двухъсотъ коней; жебы король и Корона до порту не мели ничого и людей своихъ на мору не мевали; — и иные были тежъ троха лжейшые. Которые то конъдытіи, яко они зовуть кгравамина [1]), то естъ обътяженья, хотя скоро вси неслушные были, однакъ его кор[олевская] милость, ведучы все ку доброму концу а покоеви, позволялъ на некоторые, бы были речы посполитой и достоенъству его кор[олевское] милости не объразливы, за радою ихъ милости пановъ сенаторовъ, которые около себе мелъ, знести албо отъменити, другіе болшые на съеймъ валный до узнанья всихъ становъ имъ отъкладалъ, конфирмацыю правъ и варунокъ о вере на писме подавалъ и вшелякую ласку, яко и другимъ подданымъ своимъ оферовалъ, ижъ бы по упокоренью своемъ тую жъ повинъность речы посполитое и его кор[олевской] милости отъдали, которую станы Корунъные вси учынили. Они, з великимъ своимъ упоромъ а вжо з болшымъ зуфалствомъ отъкладаючы все на сторону, што имъ позволено, пры своимъ упоре зостали, всего заразъ просечы, яко собе написали, до сойму отъкладати ничого не хотечы, оповедаючы а явне черезъ писма свои деклярующыся въ томъ, же они ничого съ Короною, албо з речъю посполитою всею Полскою, сполного ни маюгь, а ни о ней и зверхности ей ведати хочуть. Толко королемъ его милостью самымъ до жывота его становити хочуть, подаваючы тыхъ обычаевъ и конъдыцый, о которые жебы ся зъ его кор[олевскою] милостью [2]) латъве умовити и погодити могли, где бы одно до Короны и до становъ Коронъныхъ тягнены не были, — явне то вже указуючы, што скрытого въ собе мели, же имъ идеть згола, абы владзы Коронъное прожъны были, и то, же не для покою, але для проволоки трактовали [3]), абы часъ зволокли, Коруну затруднили, помочъ собе и оборону объмыслили, маючы тежъ тую затуху, же не Об.

1) Въ оригиналѣ: „кгравалина“.
2) Въ оригиналѣ: „млсть“
3) Въ оригиналѣ: „тратковали“.

могъ мети кор[оль] его милость съ Короны, яко ся въ томъ дають
Л. 91 явне слышети, таковое [1]) || потужности, за которою бы водле
потребы место тое задержано пры послушеньстве Коронъномъ было.

Але, то его кор[олевская] милость бачачы, уважаючы у себе, што повиненъ речы посполитой и сумненью своему [2]), которое оной обовезалъ, прекладаючы ее доброе и ужыточъное надъ все свое властное, видечы въ таковыхъ конъдыцыяхъ ее великіе небезпеченства и шкоду, бачечы тежъ тыхъ людей великую злость и упоръ, — непогамованые трактаты и прожъные змовы з ними были, кгдыжъ за кождымъ разомъ труднейшые а ку стеръпенью неслушнейшые конъдитіи подавали, а наконецъ не толко отъповедали, але вжо моцъю объходити ся почали, яко ся вышей вспомнено, занехавшы давныхъ трактатовъ. З ними утечыся рачылъ до того лекаръства, которые станы Коронъные на валномъ сойме Торуньскомъ въ потребе небезпеченъства речъ посполитую постановили, то естъ до военъного рушенья, же двое листы военъные казалъ заразъ розослати до Полски и до Великого Князства Литовъского, абы были люди поготову прыбыло до того, нжъ подъ тымъ часомъ кгды ся его кор[олевская] милость тою Кгданъскою справою забавилъ а далеко отъ краевъ Подолскихъ отъдалилъ, где скоро по сойме бы ся тая речъ з Кгданъщани такъ, яко ся того вси сподевали, покойне и добрымъ обычаемъ была доконала, мелъ ся оберънути и тамъ украину объехати а покой онымъ мордомъ осмотрети. Але для тое похибъное а омылное справы и поступъку з Кгданъщаны не моглъ учынити, а Татарове надъ надею съ царевичы Перекопъскими вторхнули въ землю его кор[олевское] милости и шкоду немалую учынили, а его кор[олевская] милость столко войска не мелъ, абы ся роздвоити и огонь тотъ, который ся въ колку сторонъ запалилъ, угасити могъ. Про то, варуючы и опатруючы, яко розумелъ налепей а набеспечъней потребы речы
Об. посполитое, яко се || намовило на сойме, вити двое въ Полще
и до Великого Князства Литовъского такъ же листы военъные розослати казати рачылъ и третіе бы вжо былъ выслати росказалъ, нижли въ томъ отъ ихъ милости пановъ радъ Коронъныхъ, которыхъ вжо былъ рачылъ до себе до Врацълавка везвать, задержанъ, кгдыжъ ся ихъ милости здало: для многихъ околичъностей, а наболшей для небезпеченьствъ Коронъныхъ по розныхъ

---

1) „Таковое“ повторено въ оригиналѣ и на оборотѣ листа 91.

2) Въ оригиналѣ: „своемъ“.

местъцахъ, абы передъ высланьемъ тыхъ третихъ витевъ и листовъ военъныхъ были еще поветовые соймики зложоны, на которыхъ бы о тыхъ трудностяхъ и небезпеченъст[в]ахъ отъ милости.[1]) всихъ становъ речы были уважоны, а потомъ на головнейшые соймики, такъ у Великой, яко и въ Малой Полще, и у Великомъ Князстве Литовскомъ, на звыклые местъца знесены, отъколь вся Корона латвей ся з-съ обою порозумети можеть около зношенья тыхъ своихъ объмышляваней. А тутъ вжо в[а]ш[а] милость, обачывшы тые потребы з великими ихъ небезпеченъствы, рачыте у себе найдовати, которымъ бы имъ обычаемъ забегати а речъ посполитую ратовати, въ чомъ его кор[олевская] милость в[ашой] милости ничого не замераеть, бо готовъ естъ перестати на томъ, што бы есте колвекъ в[аша] милость за сполное а згодное намовы вынашли, толко бы певный а безпечъный обычай былъ обороны, который кгды бы не былъ отъ в[ашое] милости намовенъ, за кгвалтомъ до способу, на сойме королю его милости подано[го], прыити бы мусело, то естъ до рушенья посполитого, ачъ бы тымъ толко одна сторона поратовалася а з ынъшыхъ сторонъ границы отъкрыти бы ся мусели.

Ведже и тому нелзя бы иначей ратунъку дать, бо видите ваша милость, же непрыятелъ береть, непорожнеоть, палить, шкоды чынить, а што ведаеть, на што еще мыслить и на што ся збираеть, то певная бы ихъ съ тое было, звлаща тыхъ злыхъ людей Кгданщанъ, яко здавна взяли не утуленую злость противко народомъ тымъ, ради бы и кому иному въ моцъ подали, || якожъ Л. 92
вжо того з давныхъ часовъ, за преднихъ королей, покушали, яко за Жыкгимонъта короля Перъшого о таковую жъ неверу некоторые з ннхъ на горъле карани были, за Жыкгимонъта Авъгуста буръмистры чотыры з другими были на розные местъца по Короне до везенья розосланы, за Генърыка потомъ, хотяжъ отъ нихъ, яко и отъ всихъ становъ Коронныхъ згодныхъ, былъ за пана обранъ [2]), и противко мому, а болшей противко Короне, отъкрылися ихъ бунъты и практыки, яко бы ся съ повинъного послушенъства выбили. Тое жъ и теперъ мыслять и напотомъ мыслити а одно оказыи гледети погодное будуть, яко бы того злосливого предсевзятья довели, будучы подъ послушенъствомъ Коронънымъ, збогатившыся а праве яко вепры утучывшы з маетъности еей, паны

---

1) Въ оригиналѣ передъ словомъ „мсти“ стоитъ буква „т“.
2) Въ оригиналѣ: „обрал“.

ся почынили, а насъ помалили, а вжо заледве речъю самою, хотя не назвискомъ, довели того были практыками своими, же яко панъ тыхъ народовъ были, кгдыжъ вси збожъя, товары, маетъности доходовъ тыхъ панъствъ въ рукахъ своихъ мели з налепъшымъ пожыткомъ своимъ а шкодою и великою обелжывостью тыхъ панъствъ. Теперъ вжо прышолъ, кгдыжъ значъне Панъ Богъ злихъ тыхъ и злость хочеть ихъ карати, жебы были во всей гордой мысли ускромени а до ихъ повинъности прыведени, то есть абы ся чули быти поддаными Коронъными, члонъки ее згодными а пожыточъными, не тыранами шкодливыми, а вжо бы тутъ собе и потомству своему на веки покой и конецъ розницамъ тымъ учынити, яко бы ся напотомъ никгды не подносили въ горъдость а не кусилися о таковое спротивенье, бо то ничого иного не естъ, одно яко ужа въ занадрахъ ховать, подозреного собе теръпети,
Об. который ничого, одно шкоду || а [не]згоду объмышливаеть. Продкове тое речы посполитое за давныхъ часовъ, отъ короля его милость Локетъка, о тотъ Кгданскъ и вси Прускіе земли, великіе трудности и клопоты подоймуючы а кровъ свою часто для нихъ проливаючы, стерегли того пилно, абы тое место и тые вси краи цалы пры Короне стали, якожъ того, за ласкою Божою, довели; тые жъ продкове в[ашихъ] м[ило]ст[ей] конъфедерацыю чынили, подъ почътивостями своими перестерегиваючы одрыванья отъ Короны члонъковъ ихъ, чогосте ваша милость сами потверъдили, тое жъ шкобуючы. А зашъбы се годило теперъ того оступить за легъкимъ уваженьемъ тыхъ речей, вжо тутъ потреба се обачыти и тое такъ передъ се взяти, яко бы вжо того, што ся передъ себе взяло, статечъне, беспечъне, съ пофалою людскою а з добрымъ обецънымъ всее речы посполитое докопало и довело, чого напотребней естъ послушенъства ихъ упреймого и ужыванья волного торговъ замере ку всимъ инъшымъ свободамъ, которые собе панъ и Корона, водле правъ и прывилевъ ихъ же самыхъ, зоставила. А ижъ, за помочъю Божою и справедливостью а щa[с]тьемъ его кор[олевское] милости а такъ же и славное памети, тыхъ своволныхъ безецъныхъ людей войско естъ поражоно, которое было выслано не ку униженью Короне и его кор[олевское] милости, яко то здобячы передъ тымъ обецовали, але абы было войско кор[оля] его милости, братью и кровъ вашей милости стеръли, а напередъ Тчовъ и иные места Прускіе поседи, што се значыть з великости людей, которые и землею и водою, з делы, з стрелбою и з ынными прыправами и достатки ку добыванью

местъ выправили, беручы собе ку помочы счастья своего шкоду, которую Татарове учынили, што Панъ Богъ всемогучый, который ся бридить препихомъ и неверъностью подданыхъ противко паномъ, иначей з милосеръдя Своего оберънути рачылъ, || зомстился тое взгоръды его кор[олевское] милости зверхности, отъ Себе постановеное, — съ чого Пану Богу будь вечная честь [и] фвала. Л. 93

Про то, прыгледевшыся таковымъ поступкомъ ихъ, бачыть [1]) его кор[олевская] милость, ижъ и съ тое стороны чуйности великое потреба, розумеючы водле справъ беговъ военныхъ, же Таtаръскихъ войскъ тутъ въ землю его кор[олевское] милости ажъ бы ся подъ жнива сподевати, а о собе его кор[олевская] милость [2]), не розрываючысе на две стороне, чому бы тежъ досыть учынити не могъ, теперъ за тою погодою подъ Кгданскъ поспешыти ся а постарати, абы, за помочъю Божою, тому затрудненью отъ гордыхъ подданыхъ конецъ щастливый што нарыхлей отъ него; а потомъ нигде инъдей, одно заразъ на украину Рускую оберънутися умыслити рачылъ, абы огледелъ, ижъ бы тотъ шарпачъ а волкъ шкодливый обывателевъ Коронъныхъ кровъю хрестіянъскою далей ся паствити не могъ, въ томъ на ихъ прудкость а ни на омылную веру и обетницу пріязни облудное не огледаючыся. Ведже подъ тымъ часомъ потреба печу мети, абы заразомъ людъ рыцерскій въ Руси былъ хованъ и, где ся король его милость рушыть, абы войска болшей прыбывало; а, въ поля идучы, потреба жывность войску прыготованья, на местъцахъ потребныхъ замъки будовати и людьми служебными, стрелбою и пушкарами умоцнити; а такъ же тутъ, въ Прусехъ, потреба войска добре болшого, куль, пороховъ, прыправъ ку добываныю места; а кгды Панъ Богъ, въ которомъ его кор[олевская] милость всю надею свою напередъ покладаеть, тыхъ своволныхъ подданыхъ до повинъного послушеньства поможеть прывести, треба замокъ будовати и порътъ, взявшы, умоцнити и людми ку стереженью того осадити и опатрыти, и на мору сторожа абы была, на што спродку кошту немалого потреба, || который бы ся потомъ у великій пожытокъ ку убогаченью народу вашыхъ милостей оберънулъ. Кгдыжъ тежъ неподобно, абы они теперъ подъ то своею трвогою местъ Поморъскихъ, съ которыми бунтъ держать, не мели прозбами по- Об.

1) Въ оригиналѣ: „бочат“.
2) Въ оригиналѣ: „млсти“.

рушыти, абы имъ людей послали, ку тому и з якимъ паномъ потужънымъ абы тежъ не мели мети порозуменья, якожъ суть вести о королю Дуньскомъ, же имъ збройно на ратунокъ моремъ прыбываеть, што все, да ли Панъ Богъ, делностью а справою его кор[олевское] милости упратнутися можеть.

Але тые вси трудности безъ посплку самому его кор[олевской] милости на собе задержати не подобно естъ, кгдыжъ ся покажеть, яко много своего власного, што з Угоръ прынесъ, на потребы Коронъные выдалъ, а съ тыхъ панствъ доходовъ повинъныхъ праве ничого не маеть, толко тытулъ голый королевъскій, до которого подпоры яко много потреба, кожъдый ведаеть, мяръкуючы свой станъ, хотя меньшый, — звлаща тые трудности и небезпеченьства на розныхъ а далекихъ отъ себе местцахъ. Што абы есте в[аша] милость у себе пилне уважыли, его кор[олевская] милость напоминати рачыть, Паномъ Богомъ самымъ светъчечы, же въ томъ ничого своего не шукаеть, практыкъ жадныхъ не ужываеть, а ни имъ прывыклъ и прывыкати не хочеть, толко щыре а отъцовъскихъ беспечъное и доброе в[ашой] милости прекладаеть и з сумъненья своего в[ашой] милости складаеть, ижъ, естлибы в[аша] милость особою, албо особами якими, которые речы добрые звыкли замешывати, хотели ся дати увести къ тому розыйти, жебы тое напоминанье его кор[олевское] милости у себе легце уважали, тогды его кор[олевская] милость в[ашой] милости [1]) и речы посполитой виненъ зостанеть, але в[аша] милость сами ей и собе упадокъ прынесете, а его кор[олевская] милость, яко правый а щырый милостникъ в[ашое] милости всихъ, Пана Бога о то просыть, абы то отъдалити рачылъ, ижъ бы онъ на таковый упадокъ не гле-
Л. 94 делъ, || а радней напередъ кровъ [2]) свою [3]) для доброго в[ашое] милости и тое речы посполитое славное пролилъ а здоровъе свое для нее положылъ, а нижли бы жыти мелъ. З другое стороны тымъ пилней естъ осмотреты [4]) отъ поганъ, абы ся кровъю хрестіанъскою, которая естъ непреплачона, не паствили, кгды бы тотъ огонь занехался, заразъ бы отъ него вся речъ посполитая съ пломенемъ се огорънула. Другій — ратунъкомъ треба тоетамъ другое небезпеченьство осмотрети, а загасившы тотъ огонь

1) Въ оригиналѣ: „млсть".
2) Въ оригиналѣ: „кровъю".
3) Въ оригиналѣ: „своею".
4) Въ оригиналѣ за этимъ словомъ еще разъ повторено: „пилней естъ".

Кгданьскій и успокоившы тое-тутъ местъце такъ же и з другихъ сторонъ, ему прылеглыхъ, безпеченъствомъ такимъ, яко бы напотомъ жадная небезпечъность отъ него не была Короне, всю мысль до успокоенья Подолскихъ землъ и всеей украины тамътое его кор[олевской] милости треба оберънути а, тамъ зъехавшы, замъки пограничъные огледети, оборону такую объмышлити, яко бы напотомъ въ беспечъномъ покою тамошніе люди се дели а болшей отъ непріятеля того прудкого воевани не были. Окромъ Татаръ и Кгданъщанъ чого ся отъ некоторыхъ пановъ сподевати маемо, еще его кор[олевская] милость ведати не рачыть, але Кгданъщане всегды практыки строять и ажъ Московъского черезъ Магнуса сегали, якожъ остаточъная бы то была и праве яко бы шаленыхъ самыхъ противко всей Коруне туръные зачати бы не въ певную надею кого можъного они сами бы не вытрвали, [1]) а межы иными короля Дунъского вспоминають [2]).

Паметати рачыть его кор[олевская] милость, што послове земскіе пожытъки розмаитые задержаные королю его милости въ Торуню показовали, — але толко имя ратунъку, а не речъ самая, ачъ его кор[олевская] милость не естъ отъ того, абы ся въ тые речы взглянути не мело, якожъ и чынить тому досыть, але часу || потребуеть, а упадокъ з двухъ сторонъ передъ очыма, естли ся што не покажеть, до чого бы ся заразъ кинути могло [3]). Об.

Естъ тежъ то многимъ людемъ ведомо, а звлаща тымъ, которые беглость въ речахъ мають, яко великую а незносную шкоду тые панъства теръпять про недостатокъ мынъцы своее, бо чужое фалшывое досыть нанесено, тыхъ панъствъ добрую вынищоно, такъ ижъ вжо зредка выдати. Што хотечы его кор[олевская] милость погамовати, шукалъ бы тежъ обычаевъ, абы была своя добрая бита; и пособили бы ся люди, которые своими достатъки, естли бы его кор[олевская] милость самъ не могъ, тую справу зачали. Што абы ся за ведомостью в[ашое] милости [4]), становъ Коронныхъ и Великого Князства Литовъского, деяло, — въ томъ его кор[олевская] милость в[а]ш[ой] милости всихъ напоминати рачылъ.

Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское.

---

1) Въ оригиналѣ: „вытврали".
2) Въ оригиналѣ дальше строка обрывается.
3) Также.
4) Въ оригиналѣ: „млстью".

2.

Универсалы на соймики поветовые, у Великомъ Князьстве Литовскомъ о своволныхъ Кгданщанахъ и небеспеченствахъ Рускихъ, естлибы се на рушенье посполитое зъгодили, розосланые.

Стефанъ, Божъю милостью король Полскій, великій князь Литовскій.

Княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, маршалъкомъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ, тивуномъ, врадникомъ земскимъ и дворнымъ, вдовамъ, земяномъ и двораномъ нашымъ и всему рыцерству-шляхъте, и всимъ тымъ, которыеименья и оселости свое въ повете Виленскомъ мають, кому колвекъ ку ведомости тотъ листъ нашъ дойдеть.

Не естъ тайно, што се намъ въ Короне отъ своволне гор-
Л. 95 дыхъ Кгданъщанъ до || того часу деетъ и яко, насъ и иньшые справы нашы вси облуднымп трактаты своими задержываючы, ркомо до послушеньства прыходечы, часъ зволокли и затруднили; бо, бы ли они насъ такъ долго не задеръжали были, бысмо были давно близко тамъ-тыхъ краювъ, до которыхъ Татарове тыми часы вторъгнули, и онымъ бысмо были лепъшое убезпеченье и ратунокъ дали. А, ижъ се то иначей стало, нижли есмо мыслили и собе и Короне жычыли, з великою жалостью того ужываемъ. Ведже, ижъ тое трудности прыбыло и на розныхъ и далекихъ отъ себе местъцахъ небезпечъность оказалася, што не могло быти ничымъ иньшымъ ратовано, одно рушеньемъ посполитымъ, на сойме постановленымъ, яко жесмо ся хотели до того склонити и военъные листы ку рушенью выслати; але ижо ся то здало паномъ радамъ нашымъ, которые ку намъ до Вроцлавка на конъвокацыю зъехалися, абы, посполитое рушенье задержавшы, соймики напродъ зложыли и на тыхъ соймикохъ становъ всихъ напоменули, яко бы вынайденъ былъ обычай ку забеженью таковому упадку речы посполитое. Кгдыжъ нелза, одно моцъю прымушати тыхъ злыхъ людей до повинъности ихъ ку речы посполитой, а коли жъ потреба отъпору неприятелемъ такъ въ Рускихъ, Волынъскихъ, Подолскихъ, яко тежъ Литовъскихъ и Ифлянтъскихъ краяхъ, зоставили есмо на томъ, до чого насъ на тотъ часъ панове рады нашы радами своими прыводили. И про то всимъ, которые одно до рушенья посполитого належать, соймики повето-

вые у воеводствахъ и земляхъ, такъ тежъ и головные у Великой и Малой Полще и въ Мазовшу на местцахъ певныхъ зложоны суть; а кгды Великое Князство Литовъское, сполне речы посполитой ужываючы, однако всимъ потребамъ и прыпадкомъ речы посполитое ратунъкомъ належать, звлаща ижъ тежъ и границъ овыхъ земль опатренья и убезъпеченья отъ непрыятелъ граничъныхъ потребують, || про то и въ ономъ панъстве и земляхъ, Об.
Великому Князству належачыхъ, складаемъ соймики на день двадцать вторый м[е]с[е]ца іюня въ року теперешнемъ семъдесятъ семомъ, а потомъ у двухъ неделяхъ всихъ воеводствъ и поветовъ до Волковыйска, на местъцу упрывилеваномъ, соймикъ [1]) головный [2]) складаемъ, прыкладомъ того, яко въ Корчыне и въ Коле въ Полще головные соймики назначоны суть. На которые то соймики, такъ поветовые, яко и головные, жадаемъ, абы есте зъехалися и на нихъ достаточъные намовы межы собою учынили, звлаща в[аша] милость, панове рады нашы, постерегаючы местцъ сенаторъскихъ своихъ и догажаючы потребе речы посполитое, працы своее не литовали а стану рыцеръского на головный соймикъ Волковыйскій, съ посродку себе по колку особъ обравшы, послати и намъ, не мешкаючы, дорогу показали, яко бы ся тые потребы такъ прудкіе и наглые отъправовать а з учтивостью и славою нашою [и] речы посполитое Коронъное и Великого Князства Литовъского отъправовати могли. То абы все тымъ лепей зрозумели, опатрыли и поратовали, тогды на кожъдые соймики послы нашы съ певною инъструкъцыею назначыли есмо, ничого не вонтъпечы, же прыкладомъ продковъ своихъ, якосте то и сами звыкли завжды чынить, на соймики, такъ поветовые, яко и головные, поедете и о томъ всемъ, што пишемъ [3]) и што шырей отъ насъ вамъ посолъ нашъ преложыть, и радити будете, и намъ слушную и прыстойную, безъ всякое отъволоки, дорогу покажете до забеженья а отъправенья тыхъ пилныхъ а наглыхъ потребъ речы посполитое, кгдыжъ вжо то, што есмо зачали противко тымъ злымъ а упорнымъ людемъ, во имя Божъе заразомъ вжо тыми, которые на тотъ часъ пры собе маемъ и меть ся сподеваемъ, конъчыти хочемъ, а заразомъ тежъ и беспеченьство Рускихъ и иныхъ земль, ничого въ томъ а ни трудъностямъ, а

1) Въ оригиналѣ исправлено въ „соймики".
2) Въ оригиналѣ: „головные".
3) Въ оригиналѣ исправлено болѣе новыми чернилами изъ „пишешъ".

Л. 96 ни накладамъ, а ни здоровъю нашому не фолкгуючы, || а опатровати; але доброе посполитое и кровъю нашою запечатовати хочемъ, певни пры томъ будучы, же намъ упрыймость и веръность ваша до того жъ хутне, статечъне а верне поможете, што ся всимъ добрымъ, завжды кождому, отъ насъ и отъ речы посполитое, и кгды ся оказыя трафить, отдавати будеть. А ведже тое таковое зложенье соймиковъ, на тотъ часъ учыненое, для пaглое а кгвалтовное потребы зложоны и праву посполитому и звычаю давному переказовати и уймовати ничого не маеть, и овшемъ передъ соймомъ валнымъ, который, водле потребы и права, естли не борздей, тогды на часъ описаный хочемъ зложыти, на онъ часъ соймики звыклые мають быти черезъ листы нашы назначоные. А про то абы жаденъ за уближенье праву посполитому того не розумелъ, што ся на тотъ часъ для потребъ кгвалтовныхъ постановило. И то симъ листомъ варуемъ, ижъ то въ обычай звыклій ити и уближенья праву посполитому чынити не можеть.

А такъ твоя милость, пане воевода Виленъскій, а въ небытъности самого, враду его милости тамошнему Виленъскому прыказуемъ, ижъ бы тотъ листъ и универъсалъ нашъ въ месте и пры костелехъ объволати и объвестити казали, жебы вси[мъ] то ку ведомости прышло, яко бы на соймики ехати не омешкали для таковыхъ великихъ потребъ речы посполитое радити и намовяти. Писанъ у Варъшаве, летъ Бож[его] Нарож[ен]ъ[я] 1577, м[е]с[е]ца апреля 29 дня.

Об. Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское. ||

3.

Листы, до пановъ радъ писаные о зложеню соймиковъ поветовыхъ и зъезду головного у Волковыску на оказанье и поданье дороги, яко бы се своволные Кгданщане ускромити а Рускіе краи отъ Татаръ убеспечыти могли.

Стефанъ, Божъю милостю король Полскій, великій князь Литовскій.

Кашталяну Жомоптъскому, старосте Дынемборъскому, тивуну Биржаньскому, пану Миколаю Талвошу.

Давали есмо перъвей сего знати вашой милости паномъ радамъ нашымъ о своволномъ а гордомъ предсевзятью Кгданъщанъ, которые и до сего часу не толко ся упаметати не хочуть, але еще учътивые шляхетъскіе прылеглые люди паеждчають, маетъности ихъ беруть, палять, пустошать и клашторъ Оливскій до кгрунъту збурыли и спустошыли. Подаваючы насъ и Корону до посторонъныхъ краевъ омылне и несправедливе, дали тежъ до того прычыну, же есмы се зде на такъ долгій часъ для непотребныхъ а облудныхъ трактатовъ ихъ забавили, а того, што теперъ на Волыню [и] на Подолю стало, поратовать и оборонить не могли; а наконецъ черезъ Макгнуса и Московъского на насъ [и] подданыхъ нашыхъ погановъ тыхъ прыводять, кгдыжъ тую справу маемъ, же они з Московъскимъ и з Макгнусомъ порозуменье мають и Московъскій тыми часы послы и упоминъки свои до Таtаръ слалъ. А, ижъ тые злые люди такъ ся з нами объходять и до того насъ прывели, з великою жалостью того ужываемъ, а тыхъ трудностей, которыхъ намъ прыбыло; и на розныхъ а далекихъ местъцахъ горыть, и неподобно, абысмы ихъ сами ратовати могли, не маючы ничого || иного, одно рушенье посполитое, Л. 97
водле уфалы сойму прошлого Торуньского. Якожъ вжо хотели есмо до того прыступить и вити въ Полще а до Великого Князства Литовъского листы военъные о рушенье росказали [1]) выдать, але, ижъ се то видело паномъ радамъ нашымъ, которые на тотъ часъ ку намъ, г[о]с[по]д[а]ру, на конъвокацыю до Вроцълавка прыеждчали, же бысмы се до того остатнего лекаръства не утекали, але же бысмы напередъ соймики зложыли и на нихъ всихъ напоменули, абы намъ дорогу показали до забеженья тому упадку речы посполитое. Кгдыжъ вжо мусимъ моцю тыхъ злыхъ людей прыводити до повинъности ихъ а ижъ тежъ потреба отъпору непрыятелемъ и убезпеченья такъ въ Рускихъ, Волынъскихъ, Подолскихъ краяхъ, яко Великого Князства Литовъского и въ земли Ифлянтской, престали есмо на томъ, до чого насъ на тотъ часъ панове рады нашы вели, и для того всимъ, которые одно до рушенья посполитого суть повинни, зложыли есмо соймики поветовые у воеводствахъ, въ земляхъ, у поветехъ, такъ же тежъ и головные у Малой и Великой Полще въ Корчыне и въ Коле и въ

1) Въ оригиналѣ: „росказать“.

Мазовшу, на местъцахъ звыклыхъ, абы, со всихъ соймиковъ поветовыхъ на оные головные зъехавъшыся, тымъ достаточъней межы собою порозуметь и объмыслить могли, бо, хотяжъ послы до великого князя Московъского высылаемъ, ведже того не ведаемъ, яко ся отътоль отъправять, звлаща кгды такъ ся прыязнить съ царомъ Перекопъскимъ и тымъ злымъ людемъ Кгданъщаномъ отуху съ тыхъ-тамъ сторонъ прыходить [1]. Про то, бачачы, ижъ Великому Князству Литовъскому не мней естъ потреба убезпоченья а кгдыжъ въ одно[й] речы [2]) посполитой обои панъ-
Об. ства замыкаются и сполне вси потребы речы посполитое || поносить мають, для того въономъ панъстве, Великомъ Князстве Литовскомъ, во всихъ поветехъ складаемъ соймики на певный день, передъ [Све]тымъ Яномъ за два дни, то естъ м[е]с[е]ца іюня двадцать второго дня, а потомъ у двухъ неделяхъ у Волковыйску головный соймикъ складаемъ, тымъ же обычаемъ, яко въ Полще — и въ Коле, и въ Коръчыне. На которые то соймики, такъ поветовыи, яко тежъ и головный, т[воя] милость, яко рада наша и кашталянъ земли своее, жадаемъ [3]), ижъ бы прыбыть не омешкалъ и на нихъ посполъ з ынъшыми станы достаточъне намовы учынилъ а з местъца и достоенъства своего инъшымъ прыкладомъ и поводомъ былъ; а з сполное намовы вашое абысте намъ дорогу подали и оказали, яко бы се тые потребы такъ кгвалтовные и наглые осмотреть и ратовать зъ учъстивымъ и славнымъ нашымъ г[о]с[по]д[а]ръскимъ и речы посполитое могли. А ижъ таковые соймики для кгвалтовне а нагле прыпалыхъ потребъ речы посполитое не въ чотырохъ неделяхъ передъ соймомъ валнымъ великимъ, яко то водле статуту звыкло бывать, на тотъ часъ зложыли есмо, тогды то праву посполитому и звычаю давному ничого перекажати и уймовати не маеть, якожъ, то упевняючы и объвароваючы въ листехъ [4]) нашыхъ, во вси воеводства, земли и поветы посланыхъ, доложыти есмо росказали, же передъ соймомъ великимъ валнымъ, который дле часу и права описаного зложыти хочемъ, на онъ часъ соймики звыклые, въ статуте описаные, черезъ листы нашы мають быти ознаймены. А про то, жебы т[воя] милость, яко рада наша, на соймику поветовомъ и на головномъ

1) Въ оригиналѣ: „прыходить“.
2) Въ оригиналѣ: „речъ“.
3) Въ оригиналѣ: „жадала“.
4) Въ оригиналѣ: „местехъ“.

будучы, умелъ то всимъ достаточне преложыти и вывести, ижъ бы того за уближенье[1]) || права посполитого не брано, кгдыжъ, Л. 98
естлибы того была потреба, тогды и особливыми листы нашыми вароватн то хочемо. Писанъ у Варъшаве, лета Божъсго Нароженья 1577, м[е]с[е]ца апреля 29 дня.

Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское.

4.

И другій листъ таковый же до пановъ радъ.

Стефанъ, Божъю милостью король Полскій, великій князь Литовскій.

Князю Миколаю Пацу, бискупу Виленьскому (sic).

Такъ, яко есмо до т[воее] милости писали около зложенья соймиковъ у воеводствахъ и поветехъ въ Полщы и у Великомъ Князстве Литовъскомъ, одно ижъ съ певныхъ прычынъ листы нашы до Великого Князства Литовъского такъ борздо не суть высланы, зачымъ се отъправили соймики у Великой и Малой Полщы у воеводствахъ и поветехъ, а головные въ Коле и въ Корчыне, што ку ведомости здало се намъ т[воей] милости ознаймити, же, ухиливши на сторону посполитое рушенье, постановили людми служебными тую войну противъ Кгданъщанъ и Татаромъ отъправовати и для того поборъ по всей Короне Полской водлугъ того, яко на сойме Любелскомъ року шестдесятъ девятого былъ постановенъ, дати позволили и которымъ обычаемъ тотъ податокъ маетъ быти выбиранъ. Тогды тое постановенье кгловного соймику Коръчынъского въ Новомъ || Месте, казавшы переписати, до Об.
т[воее] милости до вырозуменья послати есмо велели съ подписаньемъ руки писаръское. А тымъ же обычаемъ оборону з воеводствъ Великое Полски на головномъ соймику въ Коле постановили. А ижъ тежъ естъ есмо напомнены въ томъ, жебы и у Великомъ Князстве Литовъскомъ з соймиками не омешкивалося, яко бы въ сполной речы посполитой розностью поношенья тежаровъ роздвоенье не значыло се, яко неомешканне[2]) росказавшы

---

1) Въ оригиналѣ: „уближеньем“.
2) Въ оригиналѣ: „неомешканье“.

листы выслати, и тое постановенье, въ Полще вчыненое, посломъ нашымъ, на тые соймики посланымъ, вашой милости паномъ радамъ нашымъ и инымъ станомъ и рыцерству преложыти поручыли. А т[воей] милости [1]), яко раде нашой, впередъ то ознаймуемъ, ижъ бы, ведомость маючы такового постановенья въ Полще, до того тежъ радою своею, на соймику поветовомъ и головномъ у Волковыйску будучы, прыводилъ, яко бы тая потреба речы посполитое згодне а однако отъправована была, кгдыжъ, въ сполной речы посполитой седечы, всимъ краемъ панствъ тыхъ однакое обороны и убезпеченья потреба, звлаща ижъ тежъ з великимъ княземъ Московъскимъ ничого певного не естъ постановлено, ачъ колвекъ есмо до него пословъ нашыхъ отъправили, але, щымъ и яко се борздо до насъ вернуть, певности нетъ, къ тому и отъ Татаръ вторгненья обавлятися потреба, што болшому и ростропъному уваженью и баченью т[вое] милости пущаемъ, розумеючы то о твоей милости: для милости речы посполитой и ласки нашое въ то угожати и чынити будешъ, што бы было з добрымъ а по-
Л. 99 жыточънымъ || речы посполитое и з славою нашою королевъскою. Писанъ у Мальборку, лета Божъ[его] Нарож[енья] 1577, м[е]с[е]ца мая 1 дня.

Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское.

5.

Листы, писаные до пословъ на соймики поветовые.

Стефанъ, Божъю милостью король Полскій, великій князь Литовскій.

Подкоморому Мстиславъскому Миколаю Суходолскому.

По отъправе того листу, инъструкъцыи нашое, до тебе, прынесено намъ ведомость со всихъ воеводъствъ и соймиковъ поветовыхъ Великое и Мало[е] Полски, такъ же и головныхъ соймиковъ въ Коле и въ Корчыне, ижъ зволилися вси станы, ухиливъшы посполитое рушене, на тотъ часъ отъправовати тую потребу противко Татаромъ и противо Кгданъщаномъ служебными людми, на которые люди служебные податокъ постановили тымъ

---

1) Въ оригиналѣ: „мисть“.

обычаемъ, яко на Любелскомъ сойме въ року шестьдесятъ девятомъ зложонъ былъ, для чого ку вырозуменью тобе препись постановенья соймику Корътчынъского въ Новомъ Месте посылаемъ, якожъ и на соймику Великое Полски воеводствъ въ Коле тымъ же обычаемъ постановенье [1]) || дошло. Про то, кгды водле инъ- Об.
структъцыи нашое поселство на соймику до пановъ радъ и всихъ становъ отъправишъ, по томъ того доложышъ, же по отъправе тое всее справы такая ведомость насъ дошла о постановенью и зволенью всихъ становъ, а однако и згодне во всихъ воеводствахъ. А, ижъ Великого Князства Литовъского воеводъства въ одно[й] речы посполитой суть, въ которой всякіе тежары заровно и однако маютъ поносити, про то тежъ именемъ нашымъ напомнишъ ихъ милости пановъ радъ нашыхъ и всихъ становъ рыцеръства оного воеводъства, абы такъ объмышлевали и становили, яко бы ся все сполне, з добрымъ и пожыточънымъ речы посполитое и славы нашое отъправовати могло, кгдыжъ Великого Князства Литовъского границы не мней убезпеченья и уварованья потребуютъ, бо, хотя есмо до великого князя Московского послы отъправили, але того ведомость не е[с]тъ, яко борздо и съ чымъ до насъ ся верънутъ. А такъ на вси тые речы великое бачности мети и вторгненья отъ Татаръ обавятъся потреба, до чого абы ся вси ихъ милость зданьемъ своимъ знашали и немешканый обычай тому вынайдовали, што бы было ку лепъшому ихъ самыхъ и отъчызны ихъ. А мы до всего, што бы было ку доброму и убезпечоному оного панъства, вшелякую склонъность и усылованье нашое оборочати хочемъ. Писанъ у Малборку, летъ Божъ[его] Нарож[ен]ъ[я] 1577, м[е]с[е]ца мая [2]) дня. || Л. 100

До воеводства Виленского.

До Вилни — панъ Миколай Ясенскій, писар[ъ] его кор[олевское] милости.

До Лиды — панъ Себестъянъ Третякъ, судя земъскій.

До Вилкомира — панъ Малхеръ Завиша.

До Ошмены — панъ Петръ, хоружый, писар[ъ] земъскій.

До Браславля — его милость панъ воевода Виленскій посла обрати и въ листы его кор[олевское] милости вписати маетъ.

---

1) Въ оригиналѣ: „постановеные“.

2) Число пропущено въ оригиналѣ.

Воеводство Троцкое.

До Трокъ — панъ Юзефъ Воловичъ, державца Довкговъскій и Перелайскій.

До Ковна — князь Богданъ Огинъскій.

До Упиты — панъ Янъ Млечъко, писаръ земскій.

До Городна — панъ Юри Тишковичъ, дворанинъ его кор[олевское] милости.

Земля Жомонтъская.

До Жомоити — панъ Войтехъ Девялтовъскій, секретар[ъ] его кор[олевское] милости.

Воеводство Полоцкое.

До земли Полоцъкое — панъ Оникей Корсакъ, державца Вороноцкій.

Воеводство Новъгородское.

До Новагородка — панъ Есифъ Головня, подсудокъ земскій;
Об. тому послу листы || отъданы въ руки пры дворе его кор[олевское] милости.

До Волковыйска — панъ Миколай Тишковичъ.

До Слонима — панъ Михайло Гарабурда, писаръ его кор[олевское] милости.

Воеводство Витебъское.

До Витебъска — князь Юръи Соколинъскій, подъкоморый.

До Оръшы — панъ Марътинъ Стравинъскій, тивунъ и городничый Троцкій.

Воеводство Берестейское.

До Берестья — князь Станиславъ Дмовъскій, деканъ Луцкій; тому послу послано листы отселъ, з двору.

До Пинъска — панъ Василей Федюшко, хоружый.

Воеводство Мстиславъское.

До Мъстиславля — панъ Миколай Суходолскій, подкоморый.

Воеводство Менское.

До Менъска — панъ Стефанъ Гладкій, писаръ земъскій.

До Мозыра — панъ Иванъ Мелешко, подкоморый.

До Речыцы — панъ Анъдрей Халецъкій, писар[ъ] земъскій.

Листы на соймики, до тыхъ особъ и поветовъ писаные:

до бискупа Виленьского,
до бискупа Жомоитъского,
до бискупа Кіевъского,
до князя Слуцъкого,
до воеводы Виленьского,
до воеводы Троцкого, || Л. 101
до пана Виленьского,
до воеводы Новъгородъского,
до воеводы Полоцъкого,
до воеводы Берестейского,
до воеводы Мстиславъского,
до воеводы Витебъского,
до воеводы Менъского,
до кашталяна Жомоитъского,
до кашталяна Новгородъского,
до кашталяна Меньского,
до кашталяна Мъстиславъского,
до кашталяна Витебъского,
до кашталяна Берестейского,
до кашталяна Полоцъкого,
до кашталяна Смоленьского,
до подскаръбего земъского,
до подскаръбего дворъного,
до маръшалка дворъного,
до подчашого,
до стольника,
до подъстолего,
до чашника,
до мечъного,
до старосты Городенъского,
до старосты Оръшаньского, || Об.
до маръшалъковъ поветовыхъ,
до поветовъ и до воеводъствъ особливе, яко вышей пры послехъ.

IV. Инструкція посламъ Волковыйскаго съѣзда 1577 года.

(Литовская Метрика, Записей Литовскихъ книга 60, листы 154 об.—163 об.)

Инъструкцыя ихъ м[и]л[ос]ти пановъ радъ, врадниковъ столовыхъ дворъныхъ, князей, пановъ, маршалъковъ, старостъ и всихъ пословъ з воеводствъ и поветовъ Великого Князства Литовъского, на зъезде Волъковыскомъ будучыхъ, до короля его милости, г[оспо]д[а]ра нашого, посломъ, ку его к[о]р[олевской] милости отъ всихъ насъ выправленымъ, то естъ ихъ м[и]л[ости] пану Войтеху Девилтовъскому, секретару его к[о]р[олевское] м[и]л[ости], подкоморому Ковеньскому, а пану Мартину Стравинскому, тивуну и городничому Троцкому, даная.

Напередъ, прыехавшы ку его кор[олевской] милости, поволности служъбъ и верного подданьства нашого маютъ его кор[олевской] милости, яко може быть, з наболшою учъстивостью маестату его кор[олевское] милости залетити[1]).

Пры томъ съ пилностью то его кор[олевской] милости маютъ преложыти. Ижъ што въ тыхъ часехъ ознаймено намъ черезъ листы его кор[олевское] милости, ижъ быхъмо, ся на соймики поветовые зъехавшы, о всякихъ потребахъ речы посполитое и около убезпеченья паньствъ его кор[олевское] милости намовляли и объмышливали, — ино мы, видечы и розумеючы зложенье таковыхъ соймиковъ поветовыхъ звыклому обычаю, правамъ и волностямъ нашымъ противное, кгдыжъ въ справахъ нашыхъ то варовне опи-

1) Въ оригиналѣ дальше оставлено пустое мѣсто.

сано маемъ, ижъ жадные соймики поветовые николи и ни на што иного складаны быти не мають, одно кгды ся король его милость, зъ ихъ милостью паны радами Великого Князства Литовъского порозумевшы, водлугъ часу || и потребы, съемъ великій валный Л.154 об.
зложыть рачыть, передъ которымъ соймомъ великимъ валномъ за чотыры недели соймики поветовые складаны бывають, а съ такихъ соймиковъ поветовыхъ послове ку объмышливанью всякихъ потребъ и справъ земъскихъ на съемъ великій валный отъправоване быти мають; а ижъ о зложенье сойму великого, на которое не толко ведомости не маемъ, але, снать, и тые теперешные соймики, не порозумевшыся зъ ихъ милостью паны радами Великого Князства Литовъского, суть зложоны, тогды тежъ и мы не толко, ижъ противъ правъ и волностей нашыхъ, ничого на таковыхъ соймикохъ становити, але прызнавати ихъ не могли есмо и ни признаваемъ. А ведъже, описанью листовъ его кор[олевское] милости и о вказанью некоторомъ, черезъ пановъ пословъ его кор[олевское] милости до насъ злецономъ, ведомость маючы а веръне повоненьство подданьства нашого его кор[олевской] милости заховываючы, не на жадные соймики, которые съ прычынъ звышпомененыхъ надъ право посполитое тымъ способомъ, яко ся вишей поменило, складаны быти не могли, одно ку прослуханью листовъ и вказанья его кор[олевское] милости, черезъ пановъ пословъ до насъ въ поветы донесеного, з доброе воли нашое, на тотъ часъ ся есмо на местца, соймикомъ звыклые, зъехавшы, а яко листи его кор[олевское] милости, до насъ писаные, зъ вдячъностью прынявшы, такъ и поселствъ его кор[олевское] милости, отъ пановъ пословъ до насъ вказаныхъ, || зо всякою учтивостью выслу- Л. 155
хавшы а з намовъ нашыхъ сполныхъ то обачаючы, же въ справахъ земскихъ, которые всихъ становъ заходять, заровно всимъ намовляти и объмышливати прыстоитъ и тымъ потужъней бываетъ, — про то, розумеючы ку намовамъ тыхъ справъ зъеханье становъ зо всихъ воеводствъ и поветовъ Великого Князства Литовского на одно местъце не помалу потребное, на то есмо сами, з доброе воли нашое и для потребъ речы посполитое зезволили, ижъ ся есмо вси станы Великого Князства Литовъского, на одно местъце, до Волковыйска, зъехавшы, такъ около тыхъ потребъ его кор[олевское] милости, намъ черезъ листы и послы его кор[олевское] милости ознайменыхъ, яко и въ инъшыхъ пилныхъ потребахъ того паньства, Великого Князства Литовъского, намовляли и объмышливали.

Съ которыхъ намовъ нашыхъ то есмо напродъ зъ жалемъ нашымъ немалымъ обычаемъ и то его кор[олевской] милости преложыти злецаемъ, ижъ за панованья его королевъское милости, теперешнего г[о]с[по]д[а]ра нашого, то пасъ дотыкаеть, ижъ перъвей, кгды на съемъ великій Торуньскій часовъ недавно прошлыхъ насъ взывано, тогды того въ листехъ и въ сказанью его кор[олевское] милости докладано, ижъ быхъмо съ посродъку себе братью нашу, людей добрыхъ, цнотливыхъ, посылали, и въ теперешънемъ всказаню и инъструкъцыи его кор[олевское] милости, черезъ пановъ
Об. пословъ короля || его милости намъ поданомъ, то доложоно, ижъ быхъмо таковой особе або особамъ, которые речы добрые звыкли замешывати, не давали ся уводити, што з великимъ жалемъ насъ объходить, кгдыжъ николи продкове нашы отъ продъковъ его королевъское милости иначей розумены не были и мы певне до инакъшого розуменья и наимнейшого, уховай Боже, противко мниманья прычыны есмо не дали и не даемъ, ижъ быхъмо розно межы собою о веръныхъ и цнотливыхъ поступъковъ нашыхъ розумети мели, але, яко одънакою верою и цнотою поволеньство подданьства паномъ нашымъ вызнавати и всякіе справы речы посполитое отъправовати есмо звыкли, такъ на съемъ и до всякихъ потребъ речы посполитое зъеждчалися, не инакъшыхъ пословъ съ посродъку себе, братью нашу, одно веръныхъ и цнотливыхъ отъправуемъ и справы речы посполитое залецаемъ, кгдыжъ тежъ инакъшыхъ въ зацномъ а цнотливомъ народе нашомъ не маемъ, такъ же и таковыхъ, которые бы речы добрые звыкли замешывати межы собою, не могли есмо не ведали и не ведаемъ. Въ чомъ ижъ надъ заделыване нашо таковые всказанья съ канъцеляреи его кор[олевское] милости, ку жалю нашому насъ доходять, што
Л. 156 николи продъковъ нашыхъ || за продъковъ короля его милости не потыкало, и о теперешнемъ г[о]с[по]д[а]ру нашомъ того не держымъ, ижъ не толко о народе нашомъ верномъ и цнотливомъ, а кожъдому намъ зацнейшому посланцомъ народови ровномъ иначей его королевъская милость держати не можеть, але тежъ и намнейшого мниманья мети не рачыть, одно яко о веръныхъ, цнотливыхъ и статечъне во всихъ справахъ речы посполитое справуючыся и поступуючы подданыхъ его кор[олевское] милости. Для чого мають ихъ милость о то его королевъское милости мовити и канъцелярею Великого Князства Литовъского напоменути, жебы съ таковыми намъ жалосне дотъкливыми кляузулами листы и всказанье его кор[олевское] милости насъ потомъ не доходило.

Не мней тежъ то передъ его кор[олевскою] милостью преложыти и съ пилностью то до его кор[олевское] милости донести, ижъ листы, яко около розныхъ вере, такъ и в ынпшыхъ справахъ, съ канъцлереи его королевское милости надъ право и волности нашы и надъ попрысяженье его кор[олевское] милости выходять, а наконецъ подданые власные некоторыхъ насъ листы его кор[олевское] милости, поличаючыся поддаными его кор[олевское] милости, выносять, зачымъ немалые бунъты уростають, а, уховай Боже, затымъ и шкодливые речы прыпадать могуть, што не менъшое уближенье и ущырбокъ правамъ и волностямъ || нашымъ прыносить, — абы таковые листы, которые надъ права и волности нашы выданы, жадное моцы не мели, а потомъ таковые, албо тымъ подобные, выдаваны не были. Особливе и въ томъ жаль нашъ его королевъское милости преложоно и яко з наболшою учътивостью то его королевъской милости прыпомнено маеть быти, абы панове послове и инъшая братя наша лепъшую вдячъность въ справахъ и пры отъеханью въ отправахъ своихъ отъ его кор[олевское] милости отъносили, нижли, яко насъ ведомость доходить, на сойме Торуньскомъ отънесли, што не одно пановъ пословъ, але и въ особахъ ихъ всихъ насъ объходить. Об.

Пры[1]) томъ, яко естъ намъ въ листехъ его кор[олевское] милости черезъ пановъ пословъ шыроце преложоно около своволного и упоръного предсевзятья непослушныхъ подданыхъ его королевъское милости Кгданьщанъ, ижъ не толко повинъного подданьства его королевъской милости не отъдали а отъдати не хочуть, але еще до посторонъныхъ краинъ, своволности а препыхъ свой покрываючы, противне справы короля его милости подають и ку сказе панъствъ его королевъской милости посторонъными паньствами, его королевъское милости шкодливыми суседами, порозуменья мають, многіе ку пану непрыстойные спротивенъства оказують, зачомъ его королевъская милость валку противъ нимъ, яко противъникомъ[2]) своимъ подънесъ, — тогды мы, яко веръные а всего добра цале зычлывые подданые || его королевъское милости, яко быхъмо ради все доброе и щастливое его кор[олевское] милости и речы посполитое видели, такъ того своволного и упоръного предъсевзятья Кгданъщанъ фалити не можемъ, якожъ быхъмо и сами вшелякого въ томъ намъ прыстойного объмышлеванья не Л. 157

1) Этимъ словомъ начинается красная строка и въ оригиналѣ.

2) Въ оригиналѣ: „противъниковъ".

занехали. Але, ижъ есмо праве и въ той справе отъ его королевъское милости и отъ братьи нашое пановъ Поляковъ упослежоны, ижъ ихъ милость, з нами се не порозумеваючи, таковое поднесенье войны домовое учынили, тогды з стороны того, жесмо перъвей въ томъ упослежоны, з жалостью поносити мусимъ, яко въ той справе занедбанье и занехане. О то, ижъбы его королевъская милость тыхъ упоръныхъ подданыхъ до верного и имъ повинъного и прыстойного послушеньства вборзде прывести рачылъ, Пана Бога просимъ, съ пилнымъ уваженьемъ то обачаючы и добре уважаючы то, што Самъ зъ его королевъскою милостью до насъ вказовати рачыть, ижъ, где бы его кор[олевская] милость тымъ Кгданьскомъ забавенъ быти не рачылъ, тогды бы тымъ потужънейшый съ пострахомъ во вси стороны [1]) отъпоръ непрыятелемъ а безпеченье паньствъ его королевъское милости за щасливого панованья его королевъское милости быти могло, кгдыжъ ся немало небезпеченьства, яко зъ стороны поганъцовъ Татаръ съ пустошеньемъ паньствъ его кор[олевское] милости и розляньемъ крви братьи нашое стало, такъ и з другое зъ стороны, отъ великого князя Московъского не маючы никоторого певного застано-
Об. венья покою здешнему паньству его королевъское || милости а поготову видечы уставичъные а праве кгвалтовные небезпечъности въ земли Лифляптъской з сътороны того жъ великого князя Московъского, княжати Макгнуса и инъшыхъ, такового жъ, уховай Боже, рыхлого небезпеченьства сподеваючысе, ради быхъмо завжды волнейшого его королевъскую милость, пана нашого, отъ справъ дома затрудненыхъ ку отъпору и постраху непрыятелей посторонъныхъ видели, для чого ижъ бы его королевъская милость особою маестату своего до здешнего паньства, Великого Князства Литовъского, прыбыти рачылъ. Пилне о то просимъ, кгдыжъ о тое неборздое, не ведаемъ для чого, до князя Московъского пана посла Полского, съ которымъ панове послове Великого Князства Литовского ехати готови будучы, давно ожыдають, еханье, [з] стороны Великого Князства Литовъского велми неубезпечаеть, а з стороны земли [2]) Ифлянтъское праве кгвалтовная наглость небезпеченьства оное земли дотыкаеть, — про то, ачъ быхъмо ради, прыкладомъ продъковъ нашыхъ, въ кождой потребе г[о]с[по]д[а]рской и речы посполитой не омешкали, але, свои великіе небезпечъ-

---

1) Въ оригиналѣ: „зстороны“.

2) Въ оригиналѣ „земли“ излишне повторено.

ности передъ очыма видечы а отъ братьи нашое пановъ Поляковъ николи повинъное помочы водле списовъ и попрысяженья сполного въ здешнее паньство сами не маючы, звлаща въ небытъности его королевъское милости въ тутошнемъ паньстве, до прудъшого упадъку, чого Боже уховай, || не прышло, не помалу ся Л. 158
обавяемъ, кгдыжъ, за оторъваньемъ силъ, з вековъ вечъныхъ з Великимъ Князствомъ Литовъскимъ споеныхъ, то естъ за отлученьемъ земль Кіевъское, Волынское, Подъляское, Браславъское и з ними множъства пановъ радъ, княжатъ, панятъ, становъ рыцеръства зацъного, естесмо праве на силахъ нашыхъ противъ непрыятеля ку отъпоромъ звыклымъ звутлени а ку устраненымъ небезпечъностямъ нашымъ не толко моцы албо помочы, которая отъ насъ оторъвана, не знаемъ, але и рады ку убезпеченью того паньства, не одно домовое, але и черезъ послы спешне, водле часу и потребы, застановленое, мевати не можемъ. А ижъ ку забеганью небезпечъностей того паньства перекладати намъ его королевъская милость рачыть, абыхъмо албо рушеньемъ нашымъ посполитымъ, яко бы водле зезволенья пановъ пословъ нашыхъ, на сойме валномъ въ Торуни будучыхъ, тому панъству отъпоръ непрыятелеви чынили, або ся податкомъ на люде служебные, прыкладомъ застановенья пановъ Поляковъ, братьи нашое, яко они теперъ межы собою постановили, преложыли, — тогды, яко его королевъская милость, панъ нашъ, попрысягшы намъ [1]) праву и волности нашы, добре о нихъ ведати рачыть, такъ и мы ся въ нихъ, водле повинностей нашыхъ, добре чуемъ, ижъ рушенье насъ, одное Литвы розно, безъ короля его милости и безъ пановъ Поляковъ, быти || не можетъ. А панове послове нашы, Об.
которые въ Торуню были, тую справу намъ даютъ, и на протестацыи ся, съ канъцелярыи его королевъское милости выданой [2]) то оказал[о], ижъ на рушене посполитое безъ таковою, яковою потребовали, порадку не зезволяти, а ижъ на ономъ сойме валномъ и податокъ на люди служебные не былъ постановленъ, — тогды мы иначей не розумеемъ, одно, водле звыклости правъ и свебодъ нашыхъ, ижъ жадные податъки безъ сойму и безъ зезволенья всихъ становъ становитися не могутъ. А ижъ его королевъская милость прыпоминати рачыть, ижъ станы Полскіе теперъ

---

1) Въ оригиналѣ „намъ" излишне повторено.
2) Текстъ этой протестаціи — И. И. Лаппо. Великое Княжество Литовское, т. I, стр. 154—156 (прим. 4).

на соймикохъ своихъ поветовыхъ податокъ постановили, абыхъмо и мы тымъ же прыкладомъ то учынили, тогды мы доброму баченью ихъ милости пановъ Поляковъ, братьи нашое, то, если же ихъ милость напротивъ правомъ и волностямъ нашымъ сполнымъ учынили, пущаемъ, але сами того иначей не видимы, одно ижъ таковое постановенье податьковъ, которые никгды на соймикохъ поветовыхъ становлены не бывали, не толко правамъ и свебодамъ [1]) нашымъ сполнымъ, але на остатокъ и звычаемъ стародавнымъ естъ противно. Што мы з великимъ а, уховай Боже, для напотомъ шкодливымъ прыкладомъ розумеючы и якое небезпечъное секвели выстерегаючыся, на такое постановенье братьи нашое, пановъ Поляковъ, которые, з нами въ одъной речы посполитой будучы, о то ся з нами не порозумевали [а] учынили, || не
Л. 159 толко ижъ не подлегаемъ, албо подълегать и зезволять есмо не повинъни и не хочемъ.

А [2]) што есмо мы сами, не моцъю жадныхъ соймиковъ поветовыхъ албо зезду здешнего Волковыйского, одно з доброе воли нашое, ку обороне того паньства, а не на што иного, податъку памовили и постановили, и порадокъ шафунъку его памовили — то его королевъской милости ознаймити маютъ съ тымъ докладомъ, ижъ есмо то собе варовали, же, хотя бы потомъ и листы короля его милости о то вышли, тогды таковые соймики поветовые потомъ никгды складаны быти не маютъ. Але теперъ пилне о то его королевъской милости просити, абы его королевъская милость о убезпеченью того паньства, Великого Князства Литовъского, и земли Ифлянтъское объмышливати и потужную отъ непрыятелъ оборону надъ нами держати рачылъ, особливе ижъбы его королевъская милость, таковый же податокъ, на якій ся есмо мы сами доброволне зезволили, з вшелякихъ добръ своихъ, водлугъ постановенья нашого выбрати росказавшы, до таковаго жъ шафунъку, яко есмо памовили, выдати росказати рачылъ, съ которого податъку ачъ колвекъ надъ оборону Великого Князства Литовъского нигде выдаватися не маетъ.

А ведъже где бы и на землю Ифлянтъскую, которая естъ певными пакты и прысяженемъ нигде инъдей, одно до Великого Князства Литовъского прылучона || и члонъкомъ Великого Князства Литовъского естъ, кгвалтовная потреба прыпала, тогды
Об.

1) Въ оригиналѣ: „всебодамъ".
2) Этимъ словомъ начинается красная строка и въ оригиналѣ.

быхъмо, якъ перъвей, такъ и теперъ могли ся ку обороне оное земли прыложити, одножъ за такими слухами, которые на онъ часъ не одно ведомости доходять, ижъ бы тая земля Ифлянтъская, кровью насъ и братьи нашое, незносными наклады скаръбу земского Великого Князства Литовъского и податъковъ нашыхъ и знищеньемъ маетъности пановъ радъ ихъ милости и инъшое братьи нашое до того часу пры Великомъ Князстве Литовскомъ држаная и доброволнымъ[1]) ихъ зезволеньемъ злучоная, не ведати якимъ способомъ ку Полщы бы прыворочона и въ адъминистрацыю албо въ якiесь права ленъные людемъ инъшого, а не нашого народу, злецана быти мела, што ес[тл]и бы ся такъ, чого Боже уховай, найдовало, — тогды особливе и о то его королевъское милости просити и съ пилнымъ уваженьемъ то преложыти, ижъбы оное земли Ифляитъское, яко тое, которая и списы, и прысягами нигде инъдей, одно ку Великому Князству Литовъскому [ся] злучыла и нележыть, въ жадную вонтъпливость отъ Великого Князства Литовъского провадити не рачылъ и никому того его королевъская милость не допустилъ, адъминистраторовъ мимо народъ нашъ тамъ жадныхъ давати не рачылъ, кгдыжъ въ оной земли отъ продка его королевъское милости, славное памети Жыкгимонта Авъгуста, зъезволеньемъ всихъ насъ, его милости пану Виленъскому || адъминистрацыя оного панъства достаточъне Л. 160
естъ злецона, которую его милость справуючы, ижъ не толко на маетности знищенье, платечы людемъ служебнымъ своимъ власнымъ, але и на здоровъю немалые ущыръбки прынялъ; а ижъ его милости[2]) немало заслужоного не доплачоно, абы его королевъская милость, водле обликгацыи короля его милости Генърыка, жолнеромъ тамошнимъ и его милости пану Виленьскому заплатити росказати рачылъ. А наперодъ ес[л]ибы вжо самъ его милость, тому досыть учынити а остатъкомъ маетъности своее задержати не могучы, то з съебе зложыти хотелъ, тогды пилне того постерегати и короля его милости прозбами нашыми а праве повинъне до того прыводити, жебы его королевъская милость, кгды бы то его милость панъ Виленьскiй пустити мелъ, никому иному, одно человеку народу нашого Литовъского оную землю въ одъминистрацыю злецити и завжъды ее пры Великомъ Князстве Литовъскомъ зоставовати рачылъ, кгдыжъ и теперъ, упадъку оное земли

---

1) Въ оригиналѣ: „доброволныхъ“.

2) Въ оригиналѣ: „млсть“.

постерегаючы, ужыли есмо въ томъ его милости пана Виленьского, ижъ его милость з малымъ людомъ, не лптую[чы] здоровъя своего и тежъ маетъности, ку обороне оное земли тягнути маеть, одно ижъбы его кор[олевская] милость въ томъ его милости пана
Об. Виленьского потужъностью войскъ и вшелякою радою и помочю || подпирати рачылъ, — пилне о то его кор[олевскую] милость просимъ.

Особливе естъ намъ въ поселстве его кор[олевское] милости доложоно, абыхмо около битья мынъцы, албо монеты, ся намовяли и становили, докладаючы, ижъ ся таковые люди до того найдують, которые бы на форытованье ее наложыти хотели. Тогды, ижъ то естъ речъ властне сойму належачая, про то то розумеемъ, же ся о кованью мынъцы, албо монеты, безъ сойму великовалного ничого достаточъного постановитися не можеть, и про то то на съемъ отъложоно быти маеть. А ведъже на сойме валномъ где бы ся хто колвекъ таковый найдовалъ, жебы мынъцу своимъ власнымъ коштомъ фолдровати хотелъ, тогды розумеемъ, ижъ тотъ кожъдый для своего бы ся власного пожытъку до того мети мелъ. Про то, кгды бы ся колвекъ о мынъцахъ и монетахъ, водле часу и местъца [1]) належъного, становити прыходило, тогды просимъ его королевъское милости, жебы то остерегано, яко бы не особами для назвиска фолдрованья, але для потребъ, власне речы посполитой належачыхъ, поратованья ку пожытку речы посполитое, мынъца была мынъцована — въ Полщы подъ зверъхностью короля его милости и з ведомостью пановъ радъ и за справою врадъниковъ Полскихъ жебы таковые справы во всемъ
Л. 161 порадъку захованы были, а въ Литъве подъ зверхностю || короля его милости, за ведомостью пановъ радъ а за справою врадъниковъ Литовъскихъ отъправовали.

Особливе [2]) тежъ то ихъ милость панове послове нашы маютъ его королевъское милости прыпоменути и пилне ся о то домовити, ижъ дошло насъ то ведати, же его милость князь бискупъ Виленъскій съ капитулою и зо всимъ духовеньствомъ своимъ рачыть неякій податокъ з добръ духовныхъ, у Великомъ Князстве Литовъскомъ лежачыхъ, съ постановенья якогась духовного Полского выбравъшы, не ведаемъ где до кого до Полски хочеть отъсылати, чымъ бы ся ніякое отълучене отъ Великого

1) Въ оригиналѣ: „местъцахъ“.

2) Этимъ словомъ начинается красная строка и въ оригиналѣ.

Князства Литовского чынити мело, чого никгды продъкове его милости не делали. А такъ добре бы, ижъбы его королевъская милость листомъ своимъ въ томъ князя бискупа Виленьского напоменути рачылъ, жебы з добръ духовныхъ его милость того податъку нигде не оборочалъ и не отъдавалъ, одно на потребы здешнего паньства, Великого Князства Литовъского, кгдыжъ добра духовныхъ въ томъ паньстве подъ ровною з нашыми шляхетъскими обороною и по [не]малой части з властныхъ отъчызнъ отъ продъковъ нашыхъ наданы, бо, кгды князь бискупъ, тымъ ся отъ насъ отълучаючы, заровно з нами того податъку до поборъцовъ здешнихъ поветовыхъ не давалъ и подъ владзу, з сыноду Полского || постановленую, отъсылалъ, то есмо пры становенью податку теперешнего уфалили и постановили, ижъ добра бискупъи з ураду пана маръшалка и пана подскаръбего на речъ посполитую мають быти взяты. Об.

Ижъ [1]) тежъ за не мнейшое уближене правъ [2]) и свободъ нашыхъ быти розумеемъ, ижъ его королевъская милость, не ведаемъ з якихъ прычынъ, поборъ албо мыта новые кромъ зезволенья всихъ насъ и надъ оповеданье пословъ нашыхъ, которые въ Торуни будуть на то не зезволяли, постановити рачылъ, — пилне его королевъское милости просити, ижъбы тые поборы албо мыта новые браны не были.

Съ [3]) великимъ тежъ ущыръбъкомъ и немалымъ жалемъ того ужываемъ, ижъ его королевъская милость, ещо въ здешнемъ паньстве, Великомъ Князстве Литовъскомъ, не бывшы и насъ, верънызхъ подданыхъ своихъ, не познавшы, такъ же и добръ столу своего не обачывшы, немало имсней и пожытъковъ столу Великого Князства Литовъского розныхъ народовъ людемъ роздати рачылъ, и теперъ, снать, немало тыхъ, которые опатренья отъ его королевъское милости з добръ Великого Князства Литовъского потребують. А такъ о то пилне его кор[олевское] милости просити, ижъбы его королевъская милость добръ столу Великого Князства Литовъского безъ ведомости пановъ радъ и становъ здешнего паньства никому з народовъ || объчыхъ и суседъскихъ роздавати не рачылъ, кгдыжъ досыть немало провинъцый Великого Князства Литовского однымъ разомъ до Коруны естъ безправне Л. 162

1) Этимъ словомъ начинается красная строка и въ оригиналѣ.

2) Въ оригиналѣ: „справъ“

3) Этимъ словомъ начинается красная строка и въ оригиналѣ.

отълучоно [1]), — где болшой шырокости снадней кому будеть воля его кор[олевское] милости опатренье чынити, у Великомъ Князстве Литовскомъ добръ, столу короля его милости належачыхъ, не ущыръбьяючы.

А [2]) пры томъ и то его кор[олевской] милости пилне преложыти, же ся не одно роздаваньемъ добръ его кор[олевское] милости столу Великого Князства Литовъского зменьшенье делать, але и рознымъ отърываньемъ людей таковыхъ, которые, крывды чынечы а никому прави быти не хотечы, од владности и врадовъ належныхъ отърываютъся, яко то въ повете Берестейскомъ панъ Касперъ Дембинъскій и инъшыхъ немало чынять, ижъ, ся з добрами своими, у Великомъ Князстве Литовъскомъ а въ повете Берестейскомъ лежачыми, часомъ до воеводства Любелского а часомъ до воеводъства Подляшского отърываючыся, многимъ, которые отъ нихъ укрывжоны, у враде належномъ не одно сами ся не усправедливяють, але еще и инъшую братью нашу отъ врадовъ належныхъ до судовъ незвыклыхъ потягають. О то его королевъское милости просити, абы то его кор[олевская] милость завстегнути и
Об. до врадовъ належныхъ послушеньство водлугъ стародавного || звычаю чынити росказати рачылъ.

Пры [3]) томъ, ижъ розумеемъ, же для кгвалтовныхъ и пилныхъ потребъ речы посполитое съемъ великій валный зложонъ быти мусить, тогды жебы для всякого убезпеченья того паньства, Великого Князства Литовъского, и земли Ифлянтъское, такъ же и для справедливости людъское, которое пилне потребуемъ, панове послове мають его королевъской милости просити, кгды бы съемъ валный становленъ былъ, ижъбы его королевъская милость нигде инъде, одно тутъ, у Великомъ Князстве Литовъскомъ, а не може ли быти, тогды где близко пры границахъ Великого Князства Литовъского съеймъ великій валный складати рачылъ.

Къ [4]) тому. Што до ведомости всихъ насъ донесъ его милость панъ воевода Полоцъкій, оповедаючы то, ижъ, кгды его милость, за листы его королевъское милости соймикъ поветовый въ земли воеводства Полоцъкого зложывшы, тамъ зъехати рачылъ,

---

1) Въ оригиналѣ послѣ этого слова стоитъ знакъ, обозначающій пропускъ или etc.

2) Этимъ словомъ начинается красная строка и въ оригиналѣ.

3) Также.

4) Также.

тогды панове шляхъта, обыватели земли Полоцькое, до его милости зшедшыся, всказанья и листовъ его королевъское милости выслухавшы, некоторые съ нихъ для якихсь намовъ отъ его милости отошли а тамъ, одъшедъшы и посла его королевъское милости до себе везвавшы, яко передъ нами самъ панъ Оникей Корсакъ справу давалъ, словы обелжыли и, съ паномъ воеводою соймику порадне не отъправуючы, прочъ ся розехали. До чого ся сезде, на зезде Волковыйскомъ || панъ Дмитръ Корьсакъ, отъ Л. 163
пановъ шляхъты земли Полоцкое посломъ ся быти менечы, оповедалъ, нжъ бы для якихсь волностей своихъ пану воеводе Полоцъкому соймику отъправовати не допустили. Которые розницы и неснаски ижъ ся подъ бокомъ непрыятелскимъ деють, то его кор[олевской] милости преложыти, жебы панове шляхъта земли Полоцкое таковыхъ розтыръковъ противко пану воеводе не чынили, але, водле прыстойности, статочъне ся въ повинъностяхъ своихъ заховали. А ижъ за такими розницами соймикъ поветовый звыклымъ порадкомъ [1]) въ оной земли Полоцъкой не дошолъ, абы его королевъская милость съ паны радами Великого Князства Литовъского винного въ томъ, чы его ся то прычыною деяло, вынайти росказати рачылъ.

Донесена [2]) есть тежъ намъ прозба отъ пословъ и отъ всихъ обывателей земли Жомоитъское, ижъ бы въ некоторыхъ многихъ справахъ немало надъ права и волности оной земли стародавные деятися мели, о которыхъ на тотъ часъ ачъ шыроце не докладаемъ, але толко то прыпоминаемъ, ижъ где бы панове Жомоитъскіе, съ часомъ то его кор[олевской] милости преложывшы, о поправенье волности и звычаевъ оное земли стародавныхъ его кор[олевское] милости просили, ижъбы его кор[олевская] милость, милостиве ихъ выслухавшы, водлугъ светобливого баченья своего отъправити росказать рачылъ.

Писанъ у Волковыйску, року 1577, м[е]с[е]да іюля 18 дня. || Об.

---

1) Въ оригиналѣ: „податкомъ“.

2) Этимъ словомъ начинается красная строка и въ оригиналѣ.

V. Волынскій сеймикъ 1577 года.

Литовская Метрика, Записей Коронныхъ книга 26, 27; листы 100—102).

М[есе]ца мая[1]).

Инструкціа паномъ посломъ воеводства Волынского.

Инструкцыа паномъ посломъ, брати нашой, з воеводства Волынского, зъ соймику Луцкого до короля его м[и]л[ости] посланымъ, то есть пану Федору Рудецкому а пану Деміяну Гулевичу, м[е]с[е]ца мая первого дня, року семдесятъ семого дана[2]).

Напервій его королевской м[и]л[ости], нашому милостивому пану, отъ насъ всихъ обывателій земли воеводства Волынского, пановъ радъ и всихъ дигнитаровъ, шляхты-рыцерства всего, унижоныи службы и верное подданство милостивой ласце его королевской м[и]л[ости] залецити[3]).

Потомъ поздровене отъ насъ всѣхъ его королевской м[и]л[ости] уделати.

Потомъ. Ижъ естъ обвещоно намъ всимъ черезъ посла его королевское м[и]л[ости], пана Базилія Древинского, писара его королевской милости, о Кгданщане, яко о спротивникахъ его королевской м[и]л[ости] и речи посполитое, которые, з добръ Коронныхъ поднесшися, въ ныхъ сталися спротивниками его королевской милости и речи посполитое, зведши людей чюжоземцовъ

1) Число опущено въ оригиналѣ.

2) Въ оригиналѣ дальше пустое мѣсто.

3) Также.

и надъ ними гетмановъ, потягнули въ панство Коронное, хотечи великую шкоду и спустошене вделати, замки, мѣста, волости бурити. А ижъ, за ласкою милостивого Бога и за щастьемъ его к[о]р[олевской] милости, нашого м[и]л[остивого] пана, презъ велможного пана Яна Зборовского гетмана и рицерства его к[о]ролевской м[и]л[ости] межпе естъ поражены подъ Тщовомъ, то его королевской милости, пашому милостивому пану, ознаймити, ижъ естъ есмо, з ласки Божое а за щастемъ его королевской [1]) м[и]л[ости], тому звитеззству надъ тымъ непріятелемъ вдячни, пана Бога хвалячи и про || сячи о способене болшого щастя надъ Л. 100
кождымъ непріятелемъ его королевской [2]) милости и речи посполитое. И тежъ подяковане отъ насъ всихъ его к[о]р[олевской] милости вделати, за таковое старане, коштъ и опатрованье, которое его к[о]р[олевская] милость рачитъ делати, одно съ повинъности, а наболшей з милости противко вернымъ подданымъ его к[о]р[олевской] м[и]л[ости], обывателемъ Короннымъ, не литуючи не тылко кошту великого, але, надставуючи працею и здоровъемъ своимъ г[о]с[по]д[а]рскимъ, вси небезпечности Коронные варовати и кождого непріятеля Коронного за Божею помочъю ускромяти рачилъ [3]).

Потомъ ижъ его к[о]р[олевская] м[и]л[ость], нашъ милостивый панъ, рачилъ презъ посла своего того нещастя и спустошеня нашого жаловати, которая ся отъ цара Перекопского и войска его стала, ижъ онъ, надъ присегу и упевненье свое вторгнувши въ тутошніи краи, шкоды великіе учинилъ, обецуючи ся его кор[олевской] милости яко нарихлій и наспешній быть може тыи крае отъ того непріятеля небезпеченства нашимъ людемъ служебным[ъ] опатрить, и самъ, дасть ли Панъ Богъ, вспоконвши тамошнеи небеспеченства [4]), звлаща Кгданскъ, его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] особою своею г[о]с[по]д[а]рскою щасливе до насъ обецоватися прибыти рачитъ а, за помочъю Божою и обмышливанемъ его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] и всей речи посполитое, тому непріятелеви отпоръ и помсту вчинити, чого мы будучи вдячни отъ его королевской м[и]л[ости] того жалованья и милостивого оферованя; за тое панове послове наши его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] подя-

1) Въ оригиналѣ: „королевскии".
2) Также.
3) Въ оригиналѣ дальше пустое мѣсто.
4) Въ оригиналѣ: „небеспеченство".

ковати мають и просить его к[о]р[олевской] милости спешній о опатренье тутошнихъ краевъ отъ того непріятеля, нимъ, дасть Панъ Богъ фортунне, его к[о]р[олевская] милость тутъ до тыхъ краевъ прибыти рачить [1]).

Рачилъ тежъ его к[о]р[олевская] милость ознаймити презъ того жъ пана посла и инструкцію его к[о]р[олевской] м[и]л[ости], ижъ его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] рачить намъ не забороняти, абысмы правъ своихъ у воеводстве нашомъ уживали, яко есмо пирвій презъ послы наши на сойме Торуньскомъ просили. Съ того панове послове наши мають его к[о]р[олевской] милости подяковати и за то просити, абы конфирмація съ канцеляріи его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] ку объвещеню всимъ у воеводстве Волыньскомъ была дана на уживанье справедливости, яко есмо у
Об. своемъ воеводстве постановили своимъ правомъ [2]). ||

Потомъ рачилъ его к[о]р[олевская] милость презъ пана посла и инструкцію свою ознаймити о небезпечностяхъ Коронныхъ, звлаща отъ Кгданска и тутошнихъ краевъ нашихъ отъ Татаръ, абысмы обмышливали [3]) способомъ обороны. На то панове послове наши его к[о]р[олевской] милости, нашому милостивому пану, мають ознаймити: хотя той соймикъ естъ противъ правомъ и волностямъ Короннымъ, кгдыжъ соймики не естъ никгды у воеводствахъ обвещоны, толко передъ соймомъ великимъ валнымъ, на которомъ сойме валнымъ такъ обмышливанье певное и становене всей речи посполитой будь и на поборы бываеть, але, видечи пилную и кгвалтовную потребу на сесь часъ Коронную и догожаючи ей, згожаючися з ынщими воеводствы, паны а братею нашою, варуючи то, абы на пришлыи часы таковыи соймики не бывали и тежъ вици третіи на посполитое рушенье абы выдаваны не были, такъ же укривъжоные и знищоныи отъ поганцовъ Татаръ вси, и меновите его милость княжа Костантинъ Острозскій, воевода Кіевскій, которій тежъ отъ непріятеля великіи шкоды маеть, отъ тыхъ платовъ были волни, — о чомъ панове послове наши его к[о]р[олевской] м[и]л[ости], нашому милостивому пану, болшую прозбу и варунки донести мають [4]).

Донести тежъ панове послове, братя наши, мають прозбы до

1) Въ оригиналѣ дальше пустое мѣсто.
2) Также.
3) Въ оригиналѣ: „обмышливати“.
4) Въ оригиналѣ дальше пустое мѣсто.

его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] отъ насъ всихъ, ижъ се намъ з великимъ уближенемъ надъ права, привиля и волности наши деетъ, што бачимо не тылко намъ з великою трудностю, але и въ речи посполитой затрудненъемъ: ижъ писмомъ Полскимъ, межи которымъ и словъ Латынскихъ много, съ канъцелеріи его к[о]р[олевской] милости до насъ пишуть и отсылають, отъ которого мы писма Полского и Латинского естъ отъ продковъ светое славное памяти его к[о]р[олевской] милости добре присягами и привилями, яко тежъ и отъ его к[о]р[олевской] милости, нашого м[и]л[остивого] пана, есть певне варованы, который варунокъ его к[о]р[олевская] милость, нашъ милостивый панъ, самъ добре паметати рачить, — которому мы писму водле звычаевъ нашихъ не подлегли и намъ ест[ь] не пожиточно. И делать прозбы до его к[о]р[олевской] милости, ижь бы его к[о]р[олевская] милость ихъ милости паномъ печатаромъ росказати рачилъ, абы вже презъ то некоторыхъ листовъ Полскимъ а ни Латипъскимъ писмомъ до насъ || не писали, а ни отсылали. И то его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] ознаймити, жесмы и паномъ старостамъ своимъ то оповедали: кгды бы потомъ листы писмомъ Полскимъ, або Латинскимъ принесены были, абы на вряды свое не пріймовали [1]). Л 101

Проситъ тежъ панове послове, братя наши, маютъ его к[о]р[олевскую] м[и]л[остъ], иж[ь] се намъ надъ привиля, права и волности наши деетъ, иж[ь] Ивана а Федора Бережецкихъ, земянъ повету Кремянецкого воеводъства Волынского, позвано ихъ позвы, которые ест[ь] выданы съ канцелеріи его к[о]р[олевской] милости, абы становилися и привиля або листы твердости, зачимъ именье Бережцы держать, показали. Што мы есть добре варованы отъ продковъ его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] и отъ его к[о]р[олевской] м[и]л[ости, нашого милостивого пана, же на насъ такіи позвы выдаваны никгды быти ни маютъ и нѣкоторихъ привилевъ а ни твердостій мы и потомки наши к[о]ролемь а ни речи посполитой на иминя и державы наши показовати ни маемъ. Пилне и унижоне его к[о]р[олевскую] м[и]л[остъ] панове послове просити маютъ, иж[ь] бы его к[о]р[олевская] м[и]л[остъ] ихъ милости паномъ печатаромъ милостиве росказати рачилъ, абы таковыи позвы никгды ни по кого, по обывателей воеводства Волынского выдаваны не были, и тые Бережецкіе отъ тыхъ позвовъ абы волни были [2]).

---

1) Въ оригиналѣ дальше пустое мѣсто.

2) Также.

Просить тежъ панове послове наши мають его к[о]р[олевскую] м[и]л[ость] о то. Которіе побору не отдали, на сойме прошломъ уфаленого, таковыи з винами чотырнадцати гривен[ъ], которіе вины на томъ же сойме прошломъ уфалено, поборъ тотъ отдавати мають. Ино, кгдыжъ то ни за чимъ иншимъ стало, тылко за тривогою и великою небезспечностю отъ непріятеля Татаръ ижъ тотъ поборъ до того часу омешкалъ отдать, — абы его королевская м[и]л[ость] рачилъ з ласки свое г[о]с[по]д[а]рское волными учинити; хотя бы въ кого и старостове брали, або поборцы, иж[ь] бы оныи вины всимъ были верънены и отданы, а платъ тотъ безъ винъ готовы отдати [1]).

Просить тежъ панове послове его к[о]р[олевскую] м[и]л[ость] мають: иж[ь] такъ великіи а частыи непрезпечности отъ непріятеля Татаръ столица его к[о]р[олевской] милости, замокъ Луц-
Об. кый, || потребуеть великого опатренъя и оборонъ, иж[ь] бы его к[о]р[олевская] милость, з ласки своее г[оспо]д[а]рское, дѣлами и порохами съ Тыкотина опатрить рачилъ, — ачъ звычай нашь есть зацный, же противко каждому непріятелеви г[оспо]д[а]рскому и речи посполитой сами, горла свое выношаючи и головы надставлячи, за Божою помочю отпоръ давали, але жоны и дети наши, также и маетности, спровадившися до замку, передъ непріятелемъ иж[ь] бы лепшое презпечности ужити могли, нижли на тотъ часъ [2]).

Што панове послове наши, маючи то въ порученю отъ насъ, мають, до его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] донести, ширей и достаточней его королевской милости, нашому милостивому пану, устъне проповедити.

2.

(Литовская Метрика, Записей Коронныхъ книга 26, 27; листы 147—148).

Инструкція пановъ пословъ воеводства [3]) Волынского, з соймику Луцкого до к[о]р[оля] его м[и]л[ости] посланымъ, то ест[ь] пану Федорови

---

1) Конецъ строки въ оригиналѣ.

2) Въ оригиналѣ стоитъ знакъ для обозначенія конца просьбы.

3) „Воеводства“ излишне повторено въ оригиналѣ.

Рудецкому а пану Деміянови Гулевичови, м[е]с[е]ца мая первого дня, року тисеча пятсотъ семдесятъ семого дана.

Ижъ поселъ к[о]р[оля] его милости, панъ Базиліушъ Древинскый, писар[ь] его к[о]р[олевской] милости, принеслъ на соймикъ нашъ инъструкцыю съ канцелеріи короля его милости надъ права, волности и || привилей нашь не нашимъ Рускимъ, але Полскимъ писмемъ, змешанымъ з Лацинскимъ языкомъ, або мовою, съ которое мы не умеемъ, — [1]) просить мають панове послове к[о]р[оля] его милости, абы ихъ милостямъ паномъ печатаромъ рачилъ росказати, жебы, водлугъ правъ и привилеевъ нашихъ, которые намъ король его м[и]л[ость] поприсягъ, листы съ канъцелеріи его к[о]р[олевской] милости до насъ нашимъ Рускимъ языкомъ выдавати и высылати рачили, бо, если бы напотомъ такіи листы Полскимъ албо Латынскимъ писмомъ до насъ съ канцелеріи его к[о]р[олевской] милости выношованы были, оповедати ся мають панове послове наши королю его милости, же такихъ листовъ противъ праву и волностямъ нашимъ пріймовать не будемъ и пановъ старостъ воеводства земли Волынское напомънелисмы, жебы такихъ листовъ на урядехъ своихъ не пріймовали [2]). Л. 147

А иж[ъ] въ обу-дву инструкціахъ к[о]р[оля] его м[и]л[ости] преложилисе такъ строны Кгданьска, яко и въ наших[ъ] краех[ъ] великіе небезспеченства, которихъ опатрить ратунъку его к[о]р[олевской] милости естъ потребно, одно панове послове наши, кгды з головнійшихъ соймиковъ Коронныхъ послове до к[о]р[оля] его милости зъѣдутъ, намовити ся мают[ь] способъ згодное обороны тымъ краемъ съ тымъ докладомъ: если предъ вышшьями третины поступленъ будет[ь] поборъ, жебысмы вже отъ посполитого рушеня волни были и к[о]роль его милость жебы насъ упевнить рачилъ, же за такимъ податкомъ отъ непріятеля жадного небезпечепъства не уживемъ, кгдыжъ намъ и присягъ отъ непріятелій насъ оборонити [3]).

Къ тому, кгдыжъ вшелякіи податки нигде инде, одно на соймахъ валныхъ становлены быти мають, абы тое поступене податьковъ безъ соймовъ въ пошлине намъ не пошло || и соймы валне намъ не уплынели [4]). Об.

1) Длинная черта въ оригиналѣ.

2) Далѣе въ оригиналѣ черта.

3) Далѣе въ оригиналѣ пустое мѣсто.

4) Далѣе въ оригиналѣ черта.

А што ся дотычеть способу судовъ, въ земляхъ постановеныхъ, тыи и мы, якосмы постановили, маемо нигде индей, толко у себе въ своихъ воеводствахъ, уживати ихъ хочемъ своимъ правомъ.

Братя тежъ наши, земяне земли Волынское повѣту Кремянецкого, панъ Иванъ Некрашовичъ а панъ Федоръ Горшановичъ Бережецкiи зъ иншими сусиды своими, паны имѣнья Бережецкого, которому то Иванови Бережецкому тое весны Татарове отца забили, домъ з селомъ спалили, люди зо всею маетностъю ихъ выбрали, дали намъ таковую справу, иж[ь] съ канъцелерiи его к[о]р[олевской] милости Коронное выданъ есть по нихъ манъдатъ, абы, предъ королемъ его милостью ставши, право свое, зачимъ иминъе свое Березсцы держат[ь], положили. Одно иж[ь] и то дѣетъся намъ противъ праву, волности и привилеемъ нашимъ на отчизне и дедичъне нашой показовать намъ права свое[1]) — просить маютъ панове послове наши короля его милости, жебы ихъ милостямъ паномъ печатаромъ Коронымъ рачилъ росказати, абы такихъ манъдатовъ противъ правъ и волностямъ нашимъ съ канцелерiи его королевское милости выдавать не рачили.

3.

(Литовская Метрика, Записей Коронныхъ книга 26, 27; листы 148—150 об.)

М[есе]ца iюня [2]).

Респонсъ, даный именемъ его к[о]р[олевское] м[и]л[ости] посломъ изъ соймику Луцкого воеводства земли Волынскiи, урожоному Федору Рудецл. 148 скому дня [3]) м[есе]ца iюня, року [4]). ||

Залеценъе служъбъ до ласки его к[о]р[олевское] милости рицерства воеводства земли Волынское вдячно естъ его к[о]р[олев-

1) Далѣе въ оригиналѣ черта.
2) Число опущено въ оригиналѣ.
3) Далѣе въ оригиналѣ черта.
4) Обозначенiе года (какъ и дня) пропущено въ оригиналѣ.

ской] м[и]л[ости], нашому милостивому пану, а также то, ижъ узнавають пилное старане его к[о]р[олевское] милости о доброе речи посполитыи, которой, Богъ свѣдокъ естъ его к[о]р[олевской] милости, чинить рачи, же ничого иного не мыслить, ни на што печи не маеть, запомнявши не толко вчасу своего, але здоровъя своего и наконец[ъ] самъ себе [1]).

На сойме Торунскимъ потребы речи посполитыи не были опатроные и ничого се потѣшного не стало. Тымъ се его королевская м[и]л[ость] а ни напротивъ тымъ, а ни претивъ онымъ особамъ ображать не рачи. Причитаеть то грехомъ насъ всѣхъ, для которыхъ Панъ Богъ нещасте намъ радъ нашихъ; на тотъ часъ Пана Бога о то проситъ, абы напотымъ з лѣпшимъ пожиткомъ працы соймовыи удавалисе, не вонтпечи въ томъ ничого, ижъ напотымъ Панъ Богъ до того згоднейшіе мысли становъ з милосердъя Своего а за ублаганемъ Его Святого Маестату способляти будеть рачилъ [2]).

Ижъ обыватели воеводства земли Волынское на соймику Луцкомъ уфолкговали великимъ небезпеченствомъ Коронымъ [3]), которое ихъ з двохъ сторонъ а далекихъ отъ себе утисковали и угарали, учинили то, яко праве сынове матки своее, речи посполитыи, которые, Панъ Богъ вѣдаеть, не властного своего пожитку, але безпечного и пожиточного речи посполитыи его к[о]р[олевская] милость шукати рачилъ [4]).

А яко его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] жадное речи не рачить оборочать а ни до схованя своего, а ни до помъпы, албо пыхи, а ни до кротофиле, але переставаючи на досыть скромнымъ житю, и то вшитко, што и власного своего з собою откуль инуль принеслъ, оборочати рачить на опатренъе потребъ въ речи || посполитое, такъ и тое помочи нигде индей не обернеть, одно противко неприятелемъ Короннымъ, такъ внентрнымъ, яко и обчимъ [5]). Об.

Вѣдаючи теды его к[о]р[олевская] м[и]л[ость], якое речь посполита, которую болшей, нижли здровъе свое милуеть, объмышлянъе естъ повиненъ тую учинность воеводства земли Во-

1) Далѣе въ оригиналѣ черта.
2) Также.
3) Въ оригиналѣ: „коронам".
4) Далѣе въ оригиналѣ черта.
5) Далѣе въ оригиналѣ пустое мѣсто.

лыпской отъ нихъ з ласкою и съ подякованъемъ приймовать рачить.

При томъ о то его к[о]р[олевская] милость жадать рачить, абы жаденъ не розумялъ, же бы его к[о]р[олевская] милость нерадней былъ о томъ ратунку сполечне зо всѣмъ на сойме валномъ намовлялъ. Але нагле потребы, которые зволоки не терпять, его к[о]р[олевская] милость то отняли, для чого ихъ милость панове рады, которіи ся были до Влоцлавка на конвокацію зъехали, въ великости сенату едностайне его к[о]р[олевской] м[и]л[ости] рачили [радити], абы былъ его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] помочи на соймикахъ шукать рачилъ а самъ за тымъ предъ се вдячне непріятелей забѣгалъ. А такъ учинилъ то его к[о]р[олевская] милость не самъ з своего умыслу, але за радою ихъ милости пановъ радъ, не къ уближенью соймовъ валныхъ и не, жебы былъ его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] нерадній соймъ мялъ, але, же то на его королевскую м[и]л[ость] и пановъ радъ кгвалтъ и неставанье часу до забеганя такъ наглымъ речамъ [1]).

Еднакъ, ижъ вѣдаеть его к[о]р[олевская] милость около складаня соймовъ валныхъ повинъность свою, тое не толко хочеть досыть учинити, але ижъ видзи веле потребъ его и часъ, въ артыкулахъ Генриковыхъ описаный, упередить а соймъ валный што нарихлей зложити мыслить, радъ бы зложилъ гдѣ наближій отъ небезпеченствъ отъ поганъ, жебы се имъ з близска забѣгало и безпеченство трывалое а, дасть Богъ, вѣчное краевъ тамъ-тыхъ опатрило, въ чимъ его к[о]р[олевская] милость водле обычаю будеть рачилъ речь здання и иныхъ пановъ радъ своихъ, которые не естъ
Л. 149 на сесь часъ при боку его королевской милости. || А на томъ сойме не занехаеть его к[о]р[олевская] милость жадныхъ справъ речи посполитыи, ей потребныхъ [2]).

Универсалы около поборовъ всѣхъ восводствъ въ оденъ его к[о]р[олевская] милость звести роскажеть съ престреганъемъ тымъ, которые въ нихъ естъ, такъ же тежъ и старый Любелскій, на который се всѣ тые реферують, жебы се то все публиковало а потомъ што парихлій выконывало, што естъ ку поратованью речи посполитое постановлено.

Видить его королевская м[и]л[ость], якіи суть на сесь часъ небезспеченъства земль Рускихъ и Волынскихъ, которымъ не

1) Далѣе въ оригиналѣ черты.

2) Также.

тылко четвертая часть вштка, которую тамъ зуполне оброци, але и чимъ пнымъ, што масть отъ речи посполитыи и самъ з себе могу перемочи а наконецъ и кровю своею забегати хочу и люди што преможе набольшей тамъ приймовать рачи.

Не мешкаючи, рачи до Львова его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] посылать его м[и]л[ость] пана Зарновского, абы за наукою его к[о]р[олевское] милости и пановъ радъ съ панемъ гетманемъ и ротмистрами, которихъ его королевъская м[и]л[ость] рачилъ до тое службы везвати и еще взоветь, способъ тое обороны, абы была речи посполитой пожиточна и безъ плачу людского, постановилъ; п[е]н[е]зи тежъ южъ тамъ для тыхъ людей суть[1]).

А скоро, дастъ Богъ, тую потребу Кгданскую щастливе его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] отправи, самъ своею головою тамъ се обернет[ь] и, дастъ Богъ, з непріятелемъ тамтымъ[2]) зрадливымъ чинить будеть, по границы вшиткой замки всѣ самъ обвеждзи[3]) и такъ опатри, же дастъ Богъ, то тамъ по границе безспечно будет[ь], на што кошту всякого, который бы колвекъ перемогъ а ни будеть, рачилъ жаловати[4]). || Об.

Отъ посполитого рушенья, на сойме Торунскомъ уфаленого, его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] на тотъ часъ волными чинить рачить воеводство земли Волынское и всѣ иныи воеводства Коронне[5]).

Што се дотычеть судовъ, тамъ въ томъ воеводстве Волынскимъ постановленыхъ, не рачить его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] быть противъ тому, овшемъ водлугъ артыкуловъ Генърпковыхъ; на што ся обыватели и рицерство воеводства землѣ Волынское всѣ еднако на то на зезде посполитымъ згодять, на томъ его к[о]р[олевская] милость перестать будеть рачилъ[6]).

Ижъ рицерство воеводства землѣ Волынское просили насъ за то, абы тыи всѣ имѣнья, отъ Татаровъ попаленые и спустошоные, а меновите велможного кнежати Костенътина Острозского, воеводы Кіевского, отъ побору, теразъ уфаленого, волными были, — не рачи его к[о]р[олевская] м[и]л[ость] быти противъ тому, овшемъ,

1) Далѣе въ оригиналѣ черта.

2) Можно читать и: „тамъ тымъ".

3) Можетъ быть прочитано и: „объеждзи".

4) Далѣе въ оригиналѣ пустое мѣсто.

5) Конецъ строки въ оригиналѣ.

6) Далѣе въ оригиналѣ черта.

яко въ речи слушней тымъ, которіи тотъ поборъ выбирати будуть, такъ заховати ся кажеть [1]).

Позвы по Федора а Ивана Бережецкихъ ижъ суть выданые съ канцелеріи короля его м[и]л[ости], тое се стало за тымъ, же дано справу, яко бы добра его к[о]р[олевское] м[и]л[ости] староства Кремянецкого тры лятъ мѣли. Не розумее его к[о]р[олевская] милость, абы се тымъ што уближило правомъ ихъ. Еднакъ хочеть то его к[о]р[олевская] милость тое справы прислухать, и, кгды се покаже, же есть неслушне позваны, будуть вызволеные [2]).

Стороны писма Руского, — ижъ просять, абы всякіи справы ихъ воеводства Волынского Рускимъ писмомъ выдаваны и отправованы были, тыи се водлугъ потребы каждое съ канъцелеріи короля его м[и]л[ости] не инакшимъ, одно Рускимъ писмомъ выдають
Л. 150 и отъправованы бывають. ||

Што ся дотычеть справъ спольныхъ Коронъныхъ, которіе се были звыкли Полскимъ писанъемъ выдавати и выдаваные до сего часу были, росказати его королевская м[и]л[ость] рачить напотомъ съ таковыхъ всякихъ справъ сполныхъ Коронныхъ до воеводства Волынъского преписы посылати [3]).

Оказуючи хуть свою его к[о]р[олевская] милость рицерству воеводства земли Волынское, не хочеть его королевъская милость затрудняти вытяганъемъ винъ чотырнадцати гривенъ за неотданъемъ побору, на соймѣ коронаціи его королевской милости уфаленого, што бы на короля его милости приходило, варуючи то, абы се таковое занедбанъе и омешканъе въ отъданъю поборовъ на часъ назначоный напотымъ не дѣяло. А за держимы поборъ абы безъ омешканъя выдали [4]).

---

1) Далѣе въ оригиналѣ черты.

2) Далѣе въ оригиналѣ пустое мѣсто.

3) Въ оригиналѣ конецъ строки.

4) Воспроизведеніе этого „респонса" въ изданіи крайне затрудняется тѣмъ, что онъ писанъ на ломанномъ языкѣ Короннымъ писаремъ, передѣлывавшимъ слова на польскій ладъ, а иногда и прямо пользовавшимся польскими словами. Въ виду этого, вставляя „ъ, и, ь" на концѣ словъ въ изданіи, невозможно было выдержать какое-либо единообразіе. Языкъ же „респонса", лишая яснаго смысла нѣкоторыя отдѣльныя фразы, не допускаетъ въ большинствѣ случаевъ и коньектуръ, которыя могли бы быть сдѣланы съ увѣренностью.

VI. Повѣтовые сеймики передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года.

(Литовская Метрика, Записей Литовскихъ книга 60, листы 129 об.—146.

1.

Листъ сеймиковый поветовый.

Стефанъ, Божъю милостью король Полскій, великій князь Литовскій.

Княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, маръшалкомъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ земъскимъ и дворънымъ и всему рыцеръству-шляхте, обователемъ воеводъства Виленьского.

Не естъ тайно вашей милости радамъ нашымъ и всемъ вобецъ въ паньствахъ нашыхъ, для чого былъ съемъ валный отъ насъ въ Торуню зложонъ, а наболшей для объварованья потужъное обороны и кожъдое небезпечъности отъ непрыятеля нашого, великого князя Московъского, звлаща оному паньству, Великому Князству Литовъскому. На которомъ сойме ижъ, за пилнымъ усылованьемъ нашымъ, ничого водле потребы || постановити се не Л.129 об.
могло, то мусить быти прычытано особливой нефортуне речы посполитое и таковому убезпеченю, которое князь великій Московъскій черезъ листы свое о заховане покою на оный же съемъ черезъ нашы посланьцы послалъ, зачымъ и пословъ великихъ вже есмо до него отъправили были. Але, кгды послове нашы вжо до него ехали, онъ подъ тымъ часомъ, втегнувшы въ паньства нашы, до земли Лифлянтъское, ку опанованью ее прыводечы, замъки и места панованья нашого поседалъ, людемъ народу хрестіяньского мордовалъ, пленилъ, а надъ то ку столечъному месту нашому Вилну опанованьемъ замъковъ Поддвинъскихъ досыть недалеко

се прыближылъ, зачымъ и послове нашы въ дорозе ся задержали, а до него не шли. Мы, бачачы таковый подступокъ явною непрыязнью показаный намъ и речы посполитой а маючы то напередъ по ласце Божой, жесмо жадное прычыны тому суседови нашому ку розлитью крви хрестiяньское не дали, и хотечы о томъ со всими станы намовляти, яко бы, за помочъю Божъю, непрыятель того предсевзятья своего съ потехою не ужывалъ и потомъ на паньства нашы торъгатися не смелъ, а прыхиляючыся статутови, водле которого на соймехъ валныхъ о войне намовы мають
Л. 130 быти, маючы тежъ на бачъности и то, абы || въ справедливости людской панствъ нашыхъ порадокъ захованъ былъ, кгдыжъ безъ тыхъ двохъ речей, справедливости а потужъности войны, жадное паньство въ целости своей зоставати не можеть, — про то, за радою вашой милости пановъ радъ нашыхъ, складаемъ съемъ валный на день четверътынадъцать м[е]с[е]ца генвара у Варъшаве, якожъ и соймики складаемъ на местъцу звыкломъ въ томъ воеводстве, у Вилни на день [1]). И жадаемъ, абысте ваша милость панове рады нашы, з ыными врадники и станы рыцеръства зъехавшысе и намовившы межы собою о тыхъ преречоныхъ речахъ и о иныхъ, которые шырей черезъ посла нашого на томъ соймику отъ насъ будуть преложены, яко статутъ омавяеть, пословъ, две особе, людей бачъныхъ и ростропъныхъ, на съемъ валный до Варшавы выправили и сами особами своими, вси посполу, на Волковыйскiй соймикъ у двухъ неделяхъ по соймикахъ поветовыхъ ехали, а отътоль тамъ просто на тотъ съемъ весполокъ съ послами на день назначоный прыбыти не омешкали, бачачы таковые кгвалтовные потребы речы посполитое, кгдыжъ часъ естъ недолгiй назначонъ отъправованья сойму. И про то жадаемъ, абы вси станы
Об. на день перъшый сойму назначоный || зъехалися, яко бы въ омешканье справы речы посполитое не прыходили, бо, отъправившы тые справы, въ томъ листе назначоные, яко преднейшые, рады бы есмо тежъ и иные потребы речы посполитое, [которые] потребнейшые вашей милости паномъ радамъ и всимъ станомъ, на сойме будучымъ, видети будуть, обравшы, съ помочъю Божъю отъправовали, поколе часу, замероного сойму, ставати будеть, для чого абы есте ваша милость пословъ незамероною моцю посылали. А певни есмо того, же ваша милость, вси однакою милостью ку речы посполитой, отъчызне своей милой, и славе нашой будучы

1) Чистое мѣсто въ оригиналѣ.

порушени, то все, што бы было ку лепъшому, объмышлевати не опустите, и то познати маете, же на насъ въ обмышлеванье таковыхъ справъ и зычливостей и милости ку речы посполитой ничого не зыйдеть, а кожъдое объмышлеванье въ таковыхъ справахъ речы посполитое и прыбытье поспешъное на съемъ вашей милости паномъ радамъ и кожъдому вшелякою вдячъностью отъ насъ ся платити будеть. Писанъ у Малборъку, лета Божъ[его] Нарож[ен]ъ[я] 1577, м[е]с[е]ца ноябра 2 дня. || Л. 131

2.

Листы сеймовые до пановъ радъ.

Стефанъ, Божъю милостью король Полскій, великій князь Литовскій.

Воеводе Виленьскому, канъцлеру Великого Княз[ства] Литовъского, старосте Лидъскому, пану Миколаю Юревичу Радивилу.

Не естъ тайно то в[ашой] милости раде нашой и всимъ вобецъ въ панъствахъ нашыхъ, для чого былъ съеймъ валный отъ насъ въ Торуню зложонъ, а наболшей для объварованья потужъное обороны и кожъдое небезпечъности отъ непрыятеля нашого, великого князя Московъского, звлаща оному паньству, Великому Князству Литовъскому. На которомъ сойме ижъ, за пилнымъ усилованемъ пашымъ, ничого водле потребы постановити ся не могло, то мусить быти прычытано особливой нефортуне речы посполитой и таковому убезпеченью, которое князь великій Московъскій черезъ листы свое о захованье покою на оный же съемъ черезъ нашы посланьцы послалъ, зачымъ и пословъ великихъ вжо есмо до него отъправили были. Але, кгды послове || нашы вжо до Об. него ехали, онъ подъ тымъ часомъ, втегнувшы въ панства нашы, до земли Лифлянтъское, а ку опанованью еей прыводечы, замъки и места панованья нашого поседалъ, людей народу хрестіяньского мордовалъ, пленилъ, а надъ то ку столечъному месту нашому Вильну опанованьемъ замъковъ Поддвинскихъ досыть недалеко ся прыближылъ, зачымъ и послове нашы въ дорозе ся задержали, а до него не шли. Мы, бачечы таковый подступокъ явною[1]) не-

1) Въ оригиналѣ: „явную“.

прыязнью показаный намъ и речы посполитой а маючы то напередъ по ласце Божой, же есмо жадное прычыны тому суседови нашому ку розлитью крви хрестіяньское не дали, и хотячы о томъ зо всими станы намовляти, яко бы, за помочъю Божъю, непрыятель того предсевзятья своего съ потехою не ужывалъ и потомъ на паньства нашы торгати се не смелъ, а прыхиляючысе статутови, водле которого на соймехъ валныхъ о войне намовы мають быти, маючы тежъ на бачъности и то, абы въ справедливости людской панъствъ нашыхъ порадокъ захованъ былъ, кгдыжъ безъ тыхъ двохъ речей, справедливости а потужъности войны, жадное паньство въ целости своей зоставати не можеть, — про то, за радою пановъ радъ нашыхъ, складаемъ съеймъ валный на день четверътынадцать м[е]с[е]ца геньвара у Варъшаве, якожъ и соймики скла-
Л. 132 даемъ || на местъцу звыкломъ въ кожъдомъ повете и въ воеводъствахъ на день [1]) особливыми листами нашыми. Которые абы твоя милость, у деръжаве своей заразомъ объволати и ознаймити казавшы, самъ, з ыными паны радами нашыми, врадники и станы рыцерства на соймикахъ будучы и намовившысе межы собою о тыхъ преречоныхъ речахъ и о иныхъ, которые шырей черезъ посланьца нашого на томъ соймику отъ насъ преложоны будуть, яко статутъ омовяеть, пословъ, две особе, людей бачъныхъ и ростропныхъ, на съеймъ валный до Варъшавы отъправили и сами особами своими, вси посполу, на Волковыйскій соймикъ у двухъ неделяхъ по соймикахъ поветовыхъ ехали, а отътоль тамъ просто на тотъ съеймъ веспολокъ съ послами па день назначоный прыбыти не омешкали, бачачы таковые кгвалтовные потребы речы посполитое, кгдыжъ часъ естъ недолгій назначонъ отъправованья сойму. И про то жадаемъ, абы тв[оя] милость на день перъшый сойму назначоный прыбыти не омешкалъ, яко бы въ омешкане справы речы посполитое не прыходили, бо, отъправившы тые справы, въ томъ листе назначоные, яко преднейшые, ради бы есмо тежъ и иные речы посполитое потребнейшые, которые се съ перъшыхъ соймовъ [2]) рецесы откладали и которые напотребнейшые в[ашимъ] милостямъ [3]) паномъ радамъ и всимъ станомъ, на сойме
Об. будучымъ, видети будуть, || обравшы, съ помочъю Божъю, отъправовали, поколе часу, замероного сойму, ставати будеть, для

1) Чистое мѣсто въ оригиналѣ.

2) Въ оригиналѣ: „соймиковъ“.

3) Въ оригиналѣ послѣднія два слова написаны ошибочно: „вмлсть“.

чого абы есте ваша милость незамероною моцъю посылали. А певни есмо того, же ваша милость, вси однакою милостью ку речы посполитой, отъчызне своей милой, и славе нашой будучы порушени, то все, што бы было ку лепъшому объмышлеванью, не опустите, и то познати маете, же на насъ въ объмышлеванью таковыхъ справъ въ зычливости и милости ку речы посполитой ничого не зыйдеть, а кожъдое объмышлеванье въ таковыхъ справахъ речы посполитое и прибытье [1]) поспешъное на сеймъ в[ашой] милости панамъ радамъ и кожъдому вшелякою вдячъностью отъ насъ се платити будеть. Писанъ у Малборъку, летъ Божъ[его] Нарож[ен]ъ[я] 1577, м[е]с[е]ца ноября 2 дня.

Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское.

Миколай Ясеньскій писар[ъ].

3.

Листъ соймиковый до княжатъ, панятъ и шляхты.

Стефанъ, Божъю милостью король Полскій, великій князь Литовскій.

Ко всимъ княземъ Друцъкимъ.

Ижъ, за пилными а велико || важъными и кгвалтовными Л. 133
потребами речы посполитое и за радою пановъ радъ нашыхъ, зложыли есмо сеймъ валъный на день четверътынадъцать м[е]с[е]ца генъвара у Варъшаве, а передъ соймомъ валнымъ, водлугъ звыклого обычаю, яко статутъ омавяеть, на намовы сполные въ потребахъ речы посполитое и выправенье пословъ на сеймъ складаемъ соймики въ кожъдомъ воеводстве и поветехъ на день [2]), а по отъправе соймиковъ поветовыхъ у две недели зъездъ у Волковыйску. Про то штобы есте, на соймики поветовые и до Волковыйска для сполныхъ намовъ зъехавшы а пилне и згодне намовяючы со всими станы рыцеръства о потребахъ речы посполитое, которые [3]) листами нашыми особливыми ознаймены и черезъ по-

---

1) Въ оригиналѣ: „прыбытью".
2) Чистое мѣсто въ оригиналѣ.
3) Въ оригиналѣ: „которое".

словъ нашыхъ шырей вамъ преложены будуть, пословъ, две особе, людей бачъныхъ и ростропъныхъ, на съеймъ валный до Варъшавы выправили незамероною моцю а безъ омешканя, яко бы дня и часу, сойму назначоного, не похибяли, кгдыжъ недолгій часъ отъправованья сойму правомъ посполитымъ естъ объварованъ, а дбалость и поспешъность кожъдого въ тыхъ речахъ вдячъне отъ насъ будеть прыймована. Писанъ у Малборъку, лета Божъ[его] Нарож[ен]ъ[я] 1577, м[есе]ца ноебра 2 дня.

Об. Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское. ||

4.

Креденсъ посломъ до поветовъ.

Стефанъ, Божю милостью король Полскій, великій князь Литовскій.

Княземъ, паномъ, маръшалкомъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ нашымъ и всему рыцеръству-шляхъте, обователемъ повету Слонимского [1]).

Ижъ для потребъ речы посполитое пилныхъ а кгвалтовныхъ зложывшы есмо съемъ валный на зеханье всимъ станомъ, сойму належачымъ, у Варъшаве на певный часъ, на день четверътыйнадцать м[е]с[е]ца геньвара, а, водле статуту заховываючысе, и соймики поветовые у чотырохъ неделяхъ передъ соймомъ тымъ валнымъ назначыли есмо, которые [2]) прыпасти маютъ [3]). А такъ, водле звыклого обычаю хотечы, абы вси станы, на томъ соймику поветовомъ будучымъ ведаючы, о чомъ [4]) намовы и становенье на сойме валномъ быти маютъ, тымъ снадней и латвей пословъ своихъ на съеймъ валный з достаточною а не замероною наукою и моцю выправовали, про то послали есмо тамъ на тотъ соймикъ Слонимскій посломъ отъ насъ подкоморого тамошнего Аврама Мелешка, росказавшы ему водле инъструкъцыи нашое, ему

1) Въ оригиналѣ: „лидъского“.
2) Въ оригиналѣ: „которое“.
3) Чистое мѣсто въ оригиналѣ.
4) Слова „о чомъ“ въ оригиналѣ излишне повторены.

даное, некоторые [1]) потребы || речы посполитое вамъ преложыть Л. 134
и оповедить. Въ чомъ во всемъ, што онъ именемъ нашымъ вамъ мовити будеть, абы есте ему веру дали, бо то суть речы, отъ насъ черезъ него до васъ вказаны[е]. Писанъ у Малборъку, летъ Божъ[его] Нарож[ев]ъ[я] 1577, м[е]с[е]ца ноебра 2 дня.

Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское.

Миколай Ясеньскій писаръ.

5.

Листы до пословъ на соймики поветовые.

Стефанъ, Божъю милостью король Полскій и великій [князь Литовскій].

Подкоморому Витебъскому, державцы волости Озерыское и Усвятское, князю Юрю Соколинскому.

Ижъ для потребъ речы посполитое пилныхъ а кгвалтовныхъ зложывшы есмо съеймъ валный на зеханье всимъ станомъ, сойму належачымъ, у Варъшаве на певный часъ, м[е]с[е]ца геньвара четверътогонадцать дня, а, водле статуту захowываючысе, соймики поветовые въ чотырохъ неделяхъ передъ соймомъ тымъ валнымъ назначыли есмо, которые прыпасти маютъ [2]). А такъ, водле звыклого обычаю хотечы, абы вси станы, || на соймикахъ пове- Об.
товыхъ будучые, ведаючы, о чомъ намовы и становеня на сойме валномъ быти маютъ, тымъ спадней пословъ своихъ на тотъ сеймъ валный з достаточъною моцъю а не замероною наукою выправовали, про то абы еси до повету Городеньского посломъ отъ насъ былъ и на соймикъ того повету на день вышей помененый до Городна поспешылъ ся и, тамъ прыехавшы, за листомъ нашымъ верущымъ, водле инструкцыи нашое, которое тобе пры семъ листе нашомъ посылаемъ, паномъ радамъ нашымъ ихъ милости, на томъ соймику будучымъ, отъ насъ поздоровенье, а нымъ всимъ станомъ, обывателемъ того повету, ласку нашу г[о]с[по]-

---

1) Въ оригиналѣ: „некоторое".

2) Чистое мѣсто въ оригиналѣ.

д[а]ръскую поведившы, тые вси справы и потребы речы посполитое, яко на инъструкъцыи нашой достаточъне описано, имъ преложылъ. Писанъ у Малборъку, лета Божъ[его] Нарож[енья] 1577, м[е]с[е]ца ноебра 2 дня.

Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское.

Л. 135 Миколай Ясеньскій писаръ. ||

6.

Инъструкцыя, на соймики воеводствъ и поветовъ у Великомъ Князстве Литовскомъ посломъ его к[о]р[олевское] милости дана.

Лета Божъ[его] Нарож[енья] 1577, м[е]с[е]ца ноебра 2 дня.

Што ваша милость панове рада и станы рыцерства Великого Князства Литовъского зъ [зъ]езду Волковыйского черезъ пословъ своихъ просили его королевъское милости о зложенье сойму, о чомъ и въ Короне Полской зъ [зъ]ездовъ Корчыньского и Колского его кор[олевская] милость отъ всихъ становъ прошонъ естъ, а такъ его королевъская милость, догожаючы прозбамъ вашой милости и становъ Коронъныхъ, мысль свою на томъ зоставити былъ рачылъ, яко бы въ борздомъ часе для опатренья потребъ речы посполитое, которые въ тыхъ паньствахъ доброго а всимъ людемъ милого порадъку потребують, съеймъ валный зложылъ, на которомъ могли бы се были отъправити вси справы, такъ въ давныхъ, яко и въ последнихъ рецесехъ помененые. Але, ижъ Панъ Богъ з дивное а таемное рады Своеей, а певне для греховъ нашыхъ, великіе небезпеченьства и трвоги на тые панства отъ розныхъ непрыятелей подъ тыми часы перепустити || рачылъ, повинъная

Об. естъ речъ отъ Его светое милости таковое навеженье скромне прыймовати и за все Ему фалу вздавати а о томъ што наборъздей радити и пилное старанье чынити, яко бы за престрогою такъ кгвалтовныхъ небезпечъностей могла се речъ посполитая, розмаитыми шкодами, нерадомъ домовымъ и дивными прыгодами утрапеная, вжды коли двигнути и ратовати. Але ижъ Панъ Богъ наведити рачылъ Коруну великою[1]) а шкодливою трудъностю отъ

---

1) Въ оригиналѣ: „великую“.

Кгданъщанъ, непослушныхъ его королевъское милости подданыхъ, съ которыми по все тые часы король его милость якъ ласкаве поступовалъ, яко се пилне старалъ, жебы ихъ былъ добрыми а праве отъцовъскими обычайми до послушеньства прывелъ, жаднымъ то таемно не естъ. Але они, абы противностью своею упоръне ся провадили, розмаитыхъ форътелевъ найдовати и ужывати черезъ вси тые часы не занехали, посылали частые послы свое до его королевъское милости, кглейты собе выправовали, трактаты чынили, артыкулы подавали, але вси тые ихъ поступъки облудные были, кгдыжъ подъ тымъ часомъ людей жолнерскихъ болшей до места прыняли, место валами и розмаитыми тверъжами тымъ болшей умоцнили, торъгнулися на домы шляхетъскіе, которые злупили и кровъю ихъ учъстивою облили; Оливу, кляшторъ зацный, выставнымъ будованемъ збудованый, побравшы з него великіе[1]) и богатые клейноты || костелные, праве з Л. 136 кгрунъту збурыли и знищыли, который ижъ естъ подаванья его королевъское милости, хотечы, абы тымъ способомъ на ономъ местъцу и паметь значного добродейства королевъ Полскихъ, продковъ его королевъское милости, выгладили. Мало на томъ. Маючы практыки з Москвою и черезъ нихъ съ Татары, яко того его королевская милость съ певныхъ людей правдивого писанья доведатися рачылъ, и шкодливые[2]) учынили, за которыми Татарове, въ земли Рускіе и Волыньскіе вторъгнувшы, великіе шкоды и сказу почынили. А тотъ промыслъ злые люди для того были предъ себе взяли, жебы были тымъ способомъ короля его милости одъ ускроменья своего спротивеня одъвели а за тымъ латвей места и местечъка въ Прусехъ поседали. Чого жебы были могли довести и доказати, выслали з места войско свое з делы и з ынымъ нарадомъ военънымъ; нижли справедливый Панъ Богъ покаралъ таковый препыхъ и злое предъсевзяте ихъ, кгдыжъ все оное ихъ войско отъ малое личъбы людей его королевъское милости естъ праве на голову поражоно и збито. За которою поражъкою могъ се кождый сподевати, же тое место мело[3]) вжды вжо ку собе прыйти а почутися въ повинъности своей. Але, надъ мниманье всихъ ничого тымъ не будучымъ взрушоно, еще бол-

1) Въ оригиналѣ: „великое“.
2) Въ инструкціи на Коронные сеймики: „szkodliwe uczynili“. Zródla Dziejowe, IV, str. 245.
3) Въ оригиналѣ: „мало“.

шую а ядовитъшую противность свою ажъ до того часу провадять. Отъколь его кор[олевская] милость видечы такъ великую трудъ-
Об. ность и небезпеченьства речы посполитое, съ тымъ || умысломъ до Прусъ ехати рачылъ, абы, за пилнымъ стараньемъ своимъ тамъ-тое место до повинъного послушеньства прыведъшы, могъ што наборъздей на отправованью инъшыхъ потребъ Коронныхъ мысль и старанье свое все оберънути. Але, ижъ ся тамъ не все здарило, дала того прычыну и ку наболшой переказе была малая личъба людей, звлаща пешыхъ, которыхъ до тое справы наболшей было потреба; перешкажали и местъца коло того места, до пребыванья трудные, кгдыжъ не мал[о] зо всихъ сторонъ великими ровы, багнами, водами, тресовицами естъ объточоно, з одное стороны толко до него отъ горъ естъ прыступъ, — ижъ въ томъ ничого напередъ не дадуть жадному месту въ хрестіяньстве. Не было ку помочы, што ижъ король его милость о положенью въ такъ трудныхъ местъцахъ оного места передъ часомъ достаточное ведомости не мелъ, чому ся теперъ очевисте з многими людьми водлугъ потребы прыпатрылъ. Прыехавшы до Прусъ, умыслилъ былъ его корол[евская] милость, з гетъманомъ войско свое пославшы, Лятеръни добывати. Одножъ тые прычыны вытиснули то на его кор[олев]ъ[скую] милость, ижъ, видечи малость людей, которыхъ з
Л. 137 гетманомъ еще бы меншъ певне было, || самъ се рушыти мусялъ вжо [не] до Лятеръни, але подъ самый Кгданскъ, што учынили облудъность преднейшыхъ мещанъ Кгданьскихъ, которые, рекомо, съ плачемъ и з нареканьемъ часто упоминаючы, прывели въ тую надею некоторые панове рады, а они то его кор[олевскую] милость выставили, же за прытягненьемъ подъ Кгданьскъ мела ся тая вся справа съ тыми людъми рыхлей конъчыть. За чымъ на ономъ местцу были прыпущени до трактатовъ, которые черезъ колконадъцать дней трвали; але у места упоръного жадная речъ местца не мела, предъ се оное ку своей повинъности не прышло и, овшемъ пры своей злости зоставаючы, короля его милости од ынъшыхъ справъ и опатрованья потребъ Коронъныхъ и Великого Князства Литовского черезъ тотъ часъ задержало, хотяжъ не щастилъ ихъ Панъ Богъ, кгдыжъ увезде, где колвекъ одно тотъ непрыятель з муровъ и з болотъ указалъ, завжды былъ битъ и съ тог[о] [1]) односилъ. Люди тежъ нашы пры томъ тые, кото-

1) Въ инструкціи на Коронные сеймики вмѣсто послѣднихъ двухъ словъ стоитъ: „klęskę“. (Źr. Dz. IV, str. 246).

рые въ потребахъ не бывали и добыванья местъ не видели, охинулися, же имъ теперъ дела и кули не суть страшни. Забитыхъ людей злыхъ въ потребе, — преднейшый гетьманъ, погинуло имъ тежъ много людей челнейшыхъ. Если ся што не водлугъ мысли повело, то се не стороны Поляковъ, але стороны Немъцовъ — з Немъцы стало. Ничымъ се непрыятель не крепчилъ, одно въ местъце [1]) || але межы водами, ижъ за два месецы место такъ Об.
моцное тверъжами великими и непребытыми местъцы опатроные черезъ малый почотъ людей взято быти не могло, жаденъ се тому, хто одно естъ сведомъ справъ военъныхъ, дивовати не будеть, кгдыжъ, прыведъшы собе на паметь справы и давныхъ вековъ, и которые суть за памети нашое, латьве з нихъ обачыть, яко славные ва̀лечъники далеко около слабъшыхъ местъ должей ся бивали, а часомъ, ихъ облегъшы, умысльне добыванья и взятья ихъ съ тыхъ прычынъ зволокали, абы и безъ шкоды и всихъ людей и безъ розлитья крви оные места подъ моцъ свою взяти могли и предъсевзятью своему въ томъ догодили, жебы тыхъ местъ, на которыхъ ихъ паньствамъ [2]) много належыть, такъ не знищыли, яко бы напотомъ никгды вскурати не могли. Прегледелся тежъ тому кожъдый, же его королевъская милость для занеханья по тые часы прошлые справъ рыцеръскихъ добыванья местъ не были способни, ачъ на цныхъ а охотъныхъ серъцахъ рыцеръскихъ ничого не сходило; але што се дотычеть роботниковъ, до такихъ справъ потребныхъ, тыхъ его коро[левская] милость, стараючысе зо вшелякою пилностью, изъ своихъ властъныхъ дерьжавъ за п[е]н[е]зи достати не могъ; зачымъ якъ добрая оказыя въ той справе уплынула — ведають то вси, которые у войску его кор[олевское] милости были. Однакъ маеть || надею въ Пану Л. 138
Богу его кор[олевская] милость, же Онъ, з ласки Своее светое, если не такъ рыхлый, тогды добрый конецъ въ той справе дати будеть рачылъ. Албовемъ, за розсаженьемъ людей его кор[олевская] милость праве въ круги коло места, самые невчасы кошты вставичъные, которые черезъ такъ немалый часъ тамъ тые своволники чынять, отънятье пожытъковъ, которыми ся были богатити звыкли, латвей имъ тое ихъ предсевзятье своволное упрыкрать а до прыстойное повинъности прыведуть, которые тымъ лепей а рыхлей бы се имъ упрыкрало, кгды бы имъ море отънято

---

1) Въ оригиналѣ болѣе черными чернилами исправлено въ „месте“.
2) Въ оригиналѣ: „паньствахъ“.

было, але съ трудъностью на тотъ часъ быти можеть, кгдыжъ король его милость на мору войска такъ прудъко мети не можеть, толко за скаженемъ поръту, и, тому бы ся заразомъ догодившы, было могло который бы зась за недолгій часъ накладомъ тыхъ же злыхъ людей могъ быти вычыщонъ. Однакъ, ижъ о томъ были розные зданья отъ пановъ радъ, не хотелъ того его кор[олевская] милость безъ досягненя и рады всихъ учынити, и бы се одно его кор[олевская] милость могъ способити на достатокъ людей пешыхъ, о которыхъ не толко для тое потребы, але для иныхъ многихъ, объмышлевати и старатися потреба — будеть недолго тотъ погодный часъ, и дасть Богъ Самъ тую оказыю, же тымъ злымъ людемъ а ни реки, а ни болота, а ни воды не помогуть, и здарыть то з ласки Своей, же се тая справа не задолго ку болшому
Об. || пожытькови и доброму речы посполитое скончыть. До чого послове отъ розныхъ куферъштовъ Решскихъ, княжать Немецкихъ, которые въ тыхъ дняхъ съ поселствомъ у Малборъку у короля его милости были, тымъ лепъшую дорогу подали, кгдыжъ, оферовавшы и одънесшы его коро[левской] милости именемъ пановъ своихъ упрыймые зычливости, прыязни и добрые суседъства, сказили серъца злымъ людемъ, ижъ звонтьпити мусели о вшелякомъ ратунъку, естли ся до того часу въ томъ упоре своемъ съ которое стороны сподевали. А такъ его кор[олевская] милость вашей милости ознаймовати рачыть прычыны, для чого до того паньства, Великого Князства Литовъского, и ку обороне земли Лифлянтъское прыбыти не могъ, и, ачъ то непрыятель шкодливый и небезпечъный естъ, хотяжъ домовый, ведъже не естъ такъ потужъный, абы з непрыятелми посторонными, звлаща з Московъскимъ, ровнанъ быти мелъ, который ижъ въ земли своей, для владзы своей тыраньское, все можеть снадне, яко то вси ведають; и панства тые з великою шкодою своею чують, коли и где хочеть панъствомъ его коро[левское] милости шкоды чынити и оные поседати звыкъ. Якожъ тыми часы, обецавшыся спокойне заховати
Л. 139 и кглейтъ на послы давшы, надъ обетницу и прыречене || свое втягнулъ въ землю Лифлянтъскую, где замъки — одно моцю, другіе прыхилностью обывателевъ тамъ-тое земли — ажъ по реку Двину побралъ и осегнулъ, а бы его былъ самъ Панъ Богъ, з невымовное ласки Своее, не отъверънулъ, за тымъ же вытягненемъ а близкимъ прышанъцованьемъ могъ бы былъ перъвей, а нижли обователи того паньства, Великого Князства Литовъского, до ратунъку зобрали, и болшіе шкоды учынити. А ижъ вжо отъ

тыхъ посягненыхъ замъковъ до Вилна боръздо близкую и такъ лацъную дорогу маеть, же ему жадные замъки, а ни твержы, ажъ до самого Вилна не суть на перешкоде, про то тая сказа и по великой части утрапенье земли Лифлянтъское, за которымъ вжо идеть о самое Великое Князство Литовское и о землю Прускую, дала имъ [1]) наиболшую прычыну; его королевъская милость, ижъ тотъ съеймъ наиболшей для поратованья Ифлянтское земли а для опатренья небезпечъностей, вжо праве Великое Князство Литовъское угораючыхъ, зложыти рачылъ на день четверътыйнадъцать м[е]с[е]ца геньвара. Въ чомъ послове тое жъ земли Лифлянтъское его королевъское милости пилне а з великимъ нареканьемъ, вжо для Бога а для сполка хрестіянъского, наконецъ тежъ для славы речы посполитое Коронъное и Великого Князства Литовского, которыи ся прылучыла, подъ оборону отъдала, просили, абы отъ кор[оля] || его милости и отъ становъ тыхъ панъствъ по- Об.
винъную помочъ и ратунокъ перъвей мела, нижли бы до коньца въ руки непрыятелскіе прышли. А маючы на бачъности ваша милость пановъ радъ Великого Князства Литовского всказанье о съемъ, же до того часу, водлугъ описанья сполныхъ списовъ и прывиля Уніи, жадное постановеное [2]) постановенье на прошлыхъ соймехъ сполное обороны не сталосе, про тожъ передъ всими иными речъми слушне на томъ сойме напередъ около данья ратунку земли Лифлянтъской и о постановенью сполное обороны з Великимъ Князствомъ Литовъскимъ потреба постановити и объмышлевати, бо бачыть то кожъдый, якъ много на томъ належыть, абы Московъскій непрыятель тыхъ-тамъ замковъ, которые побралъ и за малого часу предлуженемъ не змоцнилъ, кгдыжъ з нихъ маеть простую и близкую дорогу до Вилна, такъ же тежъ и до Прусъ; зачымъ и перемиръе, надолго кгды бы з нимъ теперъ взято быти мело, яковый бы пожытокъ прынесло, — латвей то вси бачыть могуть. Потреба теперъ обачыти и на то печу мети, естли бы се тому непрыятелеви вжо такъ до коньца за неопатръностью тыхъ паньствъ щастило, абы, чого Боже уховай, и инъшые, которые на тую Корону пилне гледять, оказыи не мели на тотъ часъ выповедети ей прыязнь, а речамъ своимъ, шарпаючы тые паньства, догажати. Потреба се и на то || огледати, ижъ Л. 140
Московскій з давныхъ вековъ и продковъ своихъ менить мети

1) Въ оригиналѣ „имъ“ зачеркнуто.

2) Повидимому исправлено въ оригиналѣ изъ „постановенье“.

право на землю Прускую, выводечы, яко бы продъкове его Кгданскъ, Малборъкъ, Хойницу и иные места Прускіе заложыти мели — который [1]) выводъ свой шыроко выписалъ князю Алекъсанъдру Полубеньскому, а онъ его кор[олев]ъ[ской] милости [2]) до рукъ одосалалъ; а такъ не треба въ томъ ничого вонтъпити, ижъ бы се тотъ непрыятель, окрутенъствомъ пануючы, и о землю Прускую за тою прылеглостью, которую опановалъ, певне кусить. Нехай теперъ того жаденъ не розумееть, абы се Великое Князство Литовъское тымъ способомъ, якъ передъ тымъ, безъ земли Лифлянтъское, обыйти и безпечъно быти мело — иншый часъ былъ оного веку, кгды Крыжаки сами толко в Ыфлянътехъ росказовали, которые, будучы обычаевъ, народомъ хрестіянскимъ прывыклыхъ, иначей ся Великому Князству Литовскому ставили и вечънымъ миромъ успокоены были и, овшемъ войны уставичъные ведучы з Московъскимъ, немалую оборону отъ своее стороны Великому Князству Литовъскому чынили, але теперъ, за осягненемъ великое части земли Лифлянтское черезъ того непрыятеля, вжо естъ сполное небезпеченство з Великимъ Князствомъ Литовъскимъ; а где бы еще тотъ непрыятель узялъ в Ыфлянътехъ одинъ же толко позосталый добре моцъный замокъ Дынавентъ и место Рыгу,
Об. вжо бы затымъ ганъдли на порътe моръскомъ, которые суть ||
въ Прусехъ, устали и купецъство чужоземъское, которое на тотъ часъ, до порътовъ безпечъне прыходечы, великій пожытокъ той Коруне и Великому Князству Литовъскому чынять, вже бы затымъ тотъ непрыятель, прышедъшы такъ шыроко въ опанованья мора, не толко тымъ паньствамъ былъ силнейшый, але кгрожъшый праве всимъ въ суседстве. Про тожъ, ачъ самое земли Лифлянтъское, паньства такъ зацълого, которое въ собе маетъ замъки моцъные, места частые, порътъы особливые, пожытъки такъ з жывности [3]) земли, яко тежъ много иныхъ речей розмаитыхъ [4]), слушне Корона вся и Великое Князство Литовъское боронити повинъно; идеть тежъ прытомъ и о землю Прускую, а не мней о безпечность и Великого Князства Литовъского — напоминаеть его кор[олевская] милость пилне, абы на томъ сойме наперъвей безъ жадное отъволоки нашолъ-постановилъ ся певный обычай сполное обо-

1) Въ оригиналѣ: „которыи".
2) Въ оригиналѣ: „млсть".
3) Въ оригиналѣ: „жыжности".
4) Въ оригиналѣ: „розмаитые".

роны, за которымъ не толко бы ся могла земля Лифлянтъская поратовать, але яко бы отъ непрыятеля того все то, што давно отъ Великого Князства Литовского одышло, ку великому пожытъку оного паньства и ку розшыренью сполное речы посполитое а вечъной славе короля его милости и народовъ тыхъ паньствъ ратовати могло [1]). Прытомъ его королевъская милость напоминати рачыть, ижъ въ тыхъ паньствахъ Коронъныхъ, за ласкою милого Бога, ничого на рыцеръстве езномъ не зходить, съ которымъ снадне потребы военъные отъправоватися могуть; але на людехъ пешыхъ ижъ не помалу зешло, которыхъ до тыхъ же справъ военъныхъ не мней, || одно яко и езнихъ, потреба, — безъ которыхъ Л. 141 трудно замъки пограничъные опатроны и подъ непрыятелемъ здобываныи и взяты быти могуть. А такъ напоминаеть его кор[олевская] милость, жебы, пры становенью обычаю сполное обороны на потомъные часы, могло се то показать, отъколе бы и якимъ способомъ мели быти пешые до справъ рыцеръскихъ способнейшые.

Радъ бы тежъ его кор[олевская] милость виделъ, абы се около поправы статуту того паньства, Великого Князства Литовского, што съ перъвшыхъ соймовъ прекладано, на томъ сойме становило; и, естли што до поправы естъ готового, абы знесено, яко бы справедливость людьская статечъне и порадне [2]) отъправоватися могла, кгды бы его кор[олевская] милость радъ во всихъ справахъ речы посполитое а поготову справедливости порадокъ виделъ. На скаръбы посполитые, такъ въ Короне, яко у Великомъ Князстве Литовъскомъ, прожне бы хто тую сполную оборону мелъ указывати, кгдыжъ, естли на онъ часъ, коли Унія доходила и екъзекутія скутокъ свой брала, — за которымъ и тры части и четверътую часть скаръбови посполитому въ Полще были прывлащени, — вынашли то станы Коронные, же постановенье сполное з Великимъ Князствомъ Литовъскимъ было потребно; а теперъ певне далеко естъ потребнейшые, звлаща ижъ доходы скарбные розмаитыми обычайми суть черезъ тые лета — по екъзекуцыи въ Полще, а у Великомъ Князстве Литовъскомъ по Уніи — велми зменшеные. Для которые прычыны трудъней вжо теперъ его королевъская милость || войну вести з непрыяте- Об. лемъ, трудней поселства, выхованья особы и двору своего и инъшые тежары речы посполитое отъправовати [мастъ]. Права на

---

1) Дальше чистое мѣсто въ оригиналѣ.

2) Въ оригиналѣ дальше стоитъ опять: „и порадъне“.

отъпущенье и на розданье трохъ частей доходовъ скаръбныхъ николи король его милость ламати а ни хочеть, а ни будеть; але въ томъ згоды и зволенья всихъ становъ очекиваеть, ачъ скарбъ естъ велико зменьшоный и заведеный. Потреба певне, жебы се которымъ обычаемъ надъ перъшое зостановенье помнажати и поратовати моглъ; которому бы было на великой помочы, кгды бы се жупъ, целъ и мытъ съ повышеньемъ малымъ слушное постановене учынило, ачъ тая теперешнея потреба сполное обороны, которое Ифлянтская земля и Великое Князство Литовъское потребуеть, а ни такимъ, а ни инъшымъ обычаемъ, кромя ижъ бы собе вси кгвалтъ учынили, отъправена быти не можеть [1]).

До чого тежъ бачыть потребу его кор[олевская] милость [2]), абы мынъца кована была, которое кождый бачыть, якій естъ недостатокъ въ тыхъ паньствахъ, а якъ се до нее внесло з великою шкодою розмаитыхъ монетъ чужоземскихъ, черезъ которые абы речъ посполитая шкоды далей не теръпела, слушне то опатроно быти маеть [3]).

А ижъ тежъ ваша милость въ одну речъ посполитую съ Короною Полскою злучени естесте, про то его кор[олевская] милость, яко потребы вашей милости, Великого Князства Литовского, на соймики Коронные подати, такъ тежъ Полскіе
Л. 142 потребы, звлаща около || судовъ, незгоды з духовеньствомъ, квартъ и трохъ частей, отъ скаръбу отъдаленыхъ, ку ведомости вашей милости донесть росказать рачылъ [4]).

Кгды бы ся оборона на томъ сойме наперъвей постановить, безъ которое, яко се вжо поведило, трудъно вцале и въ покою речъ посполитая на далшые часы зостати маеть, зычыть того его королевъская милость, абы тежъ инъшые справы и потребы речы посполитое, которые суть въ рецесехъ описаны, на томъ же сойме отъправовани были. Але, ижъ ихъ естъ великая личъба и такъ се ихъ много зобрало, же неподобная [речъ], абы за шесть недель, которые суть водлугъ конъстытуцыи соймови назначоны, отъправитися могли, однакъ, чого наболшей речъ посполитая потребуеть и што наболшей всихъ долегаеть, то ся напервей маеть отъправовати: якожъ справедливости а одъностайность судовъ слушне и передъ

---

1) Дальше въ оригиналѣ чистое мѣсто.
2) Въ оригиналѣ: „млстн".
3) Дальше въ оригиналѣ чистое мѣсто.
4) Также.

тыхъ же ихъ милости пановъ радъ нашыхъ, до иншыхъ радъ и обывателевъ того панства, которые на томъ зебраню при насъ не были, листы зъ жаданемъ пашимъ о таковый жо посилокъ писали есмо, зложивши имъ часъ и местца до намовъ спольныхъ въ воеводствахъ и въ поветехъ. Якожъ на тыхъ зъездехъ, кого одно ведомость таковое потребы нашое дошла и можность зносити могла, а мало не въси станы народу || шляхецкого, такъ же з Об. милости своее, а не з жадное повинности, намъ се съ того не вымовили, показуючи то значне, ижъ, яко перъвей продковъ нашихъ, королей ихъ милости Полскихъ и великихъ князей Литовскихъ, миловали, такъ же и ку намъ таковую жъ милость и веру мають и показують. Чого есмо не толко словы, але и самою речю истотне дознали, кгдыжъ, скоро часъ войны слушный припалъ, напередъ въ Свире, потомъ въ Дисне и на иныхъ местцахъ съ такими почты намъ се оказовали и при насъ черезъ увесь часъ, войне належачій, были, же и за нихъ, таковымъ подпартьемъ войска досыть великого и потужного, противо тому непріятелеви безпечне здорове нашо вынести есмо могли. Якожъ, з ласки Божое, вседши щастливе па конь пашъ, до тое потребы противо тому непріятелю есмо тягнули, который, будучи въ зебранью з войскомъ своимъ ве Пскове, напротивко намъ ставити ся не хотелъ, а мы замокъ Полоцкій и къ тому Красное, Ситно, Козъяны, Туровлю, Сушу и иные непріятелъскіе замки, въ земли Полоцкой побудованые, од непріятеля одобравши, подъ пановане нашо до Великого Князства Литовъского привернули есмо. Особливе теперъ повторе, кгды на другомъ сойме Варъшавскомъ [1]) тое жъ войны попирати со всими станы уфалено, съ тое жъ верн, ухъности и певности, которое есмо значне по народе [2]) того панства, Великого Князства Литовского, дознали, росказали есмо то и въ универсалъ соймовый вложити, держачи то о панехъ радахъ, старостахъ и державцахъ нашихъ Великого Князства Литовъского, же насъ до тое потребы и по другій разъ ратовати не позапехають. Што не ку жадъному ущирбку правъ и волностей ихъ учинили есмо, але з самое ухъности нашое, которую певную мели есмо и маемъ и которое есмо || по нихъ вжо дознали. Гдежъ и на тотъ Л. 26 часъ, звернувъшися намъ, з ласки Божое, въ добромъ здоровю съ

1) Въ оригиналѣ: „варъшовскомъ."
2) Въ оригиналѣ: „нароже".

того сойму Варшавского до места нашого столечного Великого Князства Литовъского, до Вилня, везвавши есмо ихъ милость пановъ радъ нашихъ и рыцерства того панства, которые на тотъ часъ до насъ прибыти могли, учинили есмо до нихъ жаданье нашо, абы намъ хутъ свою и до теперешнее потребы ку потужнейшому поппраню войны показали и насъ подмогли, обецуючи имъ словомъ нашимъ кролевскимъ, же то въ жадную повинность а ни въ звыклость имъ не пойдетъ, и овшемъ ласкою нашою г[о]с[по]д[а]ръскою и примноженемъ вшелякихъ волностей нагорожати имъ хотечи. Што они, яко верные слуги и подданые наши а милосники отчизны и речи своее посполитое, кождый з особы своее, хутливе намъ и позволили. Которую жъ то хутъ, милость и веру, значне и з великимъ накладомъ ихъ показаную, мы обачивши, кгды жехмы по нихъ таковое вери и милости дознали, якое, подобно, жаденъ инъшій народъ противо паномъ своимъ тымъ ровно не показовалъ а не показуетъ надъ повинность свою, бо они и первей сего, и на тотъ часъ не суть повинни до тое войны, одно податкомъ, на сойме уфаленымъ, такъ, яко и обователи Коронные, прикладать се. Которому податку и оны досыть учинивши, надъ то еще, толко на самое жадане нашо, съ такъ великимъ почтомъ людей ставилися при насъ г[о]с[по]д[а]ри у войску и съ такою поволностю, хутю и зычливостью, ижъ тежъ во всемъ годными были найдены отъ насъ — чого одно есмо по нихъ потребовали и то, [што] цному рицерству належало, то все хутливе и мужне оказовали. Для чого не годилосе намъ иначей, одно тую веру и зычливость ихъ, намъ и речи посполитой мужне оказаную, значне вызнати и вывышшити и на вечную паметку
Об. на писме то имъ зоставить. А ижъ то вжо повторе для || насъ чинять, обовяючися, абы то не приносило имъ самымъ, такъ же и потомкомъ ихъ якое звыклости и ущирбку волностямъ и правамъ ихъ не чинило и на томъ до таковаго вытягненья не примушало, — ихъ милость панове рада наша, врадники и рыцерство здешнего панства нашого Великого Князства Литовъского ужиивали насъ о то прозбами своими, абыхмо имъ зезнанье[1]) и варунокъ на то дати, звлаща о таковой[2]) уфности нашой около подпартья отъ нихъ на тую другую потребу военную, которая [въ]

1) Въ оригиналѣ: „зезнаные".
2) Въ оригиналѣ: „таковом".

универсале соймовомъ есть описана и объяснена, абы имъ жадного уближеня и инакъшого выкладаня и розуменя не приносила.

Про то мы, Стефанъ, Божю милостю король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомонтскій, Мазовецкій, Ифлянтскій, княже Седмикгродское и иныхъ — паномъ радамъ, княжатомъ, папятомъ, врадникомъ и всему рыцерству, обователемъ того панства Великого Князства Литовъского, симъ листомъ нашимъ то зезнаваемъ и обясняемъ, всимъ посполите [1]) и кождому зособна, же, яко права, констытуціе и статута и волности ихъ вшелякіе съ того ихъ вызволяють, такъ и мы то имъ признаваемъ, же тому никгды не подлегли а ни были повинни, а, што колвекъ чинили и на тотъ часъ учинять подле обетници своее, то з самое хути и милости ку намъ г[о]с[по]д[а]ру и отчизне своей показують. Особливе тотъ артикулъ, который з уфности нашое о ихъ посилкови на тое другое вытегненье въ универсалъ соймовый вписанъ, тымъ листомъ нашимъ варуемъ, ижъ то не въ жадную повинность [2]) имъ покладано маеть быти а ни иначей розумено, одно же з само[е] щирое нашое уфъности, а не ку нарушеню и зламаню правъ и волностей ихъ есть вложоно. А то варуемъ словомъ нашимъ королевскимъ, за насъ и за потомки наши, короли Полскіе || и великіе князи Литовскіе, обецуючи [и] прирекаючи Л. 27
подъ присегою нашою, имъ даною, ижъ а ни теперъ, а ни вечистыми часы то имъ за повинностъ жадную поличано быти не маеть а ни можеть, имъ самымъ и ихъ потомкомъ, а мы и потомкове наши напотомъ безъ уфалы соймовое до того ихъ приводити не маемъ, и никгды подъ то подлегати не повинни, ижъ бы коли з нами и съ потомками нашими ехати повинни мели окромя доброе воли своее а для ласки нашое г[о]с[по]д[а]ръское, якожъ и тые, которые первей з нами не ездили, жадное вины не отнесли и теперъ, есливы которые з нами ехати не могли, жадное вины [3]) поносити и неласце нашой подлегати не будуть, кгдыжъ кождый, который едеть, волно, съ хути своее и з милости ку намъ и отчизне своей поедеть; за што мы тыхъ, которые з нами ездили и теперъ повторе поедуть, щодрыблившою ласкою, нижли тыхъ, што дома зостануть, опатровати будемъ. И на то дали есмо сесь нашъ листъ, подписавши его власною рукою нашою

1) Въ оригиналѣ: „в посполите".
2) Въ оригиналѣ: „в повинност".
3) Въ оригиналѣ: „выны".

г[о]с[по]д[а]ръскою, и печать нашу привесити есмо велели. Писанъ у Вилни, лет[а] Бож[ъего] Нарож[енья] 1580, м[е]с[е]ца априля 29 дня.

Об. Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское. ||

3.

(Литовская Метрика, Записей Коронныхъ книга 22, листы 28–29.)

Стефанъ, Божю милостю король Полскій, великій князь Литовскій.

Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всимъ посполите и кождому зособна, кому то ведать належить.

Ижъ што перъво сего на прошломъ вальномъ сойме Варшавъскомъ въ року минуломъ тисеча пятсотъ семъдесятъ девятомъ были до насъ донесены прозбы отъ пановъ радъ нашыхъ [и] пословъ земъскихъ Великого Князства Литовъского около порадку справедливости, то естъ отправованя апеляцый [1]), на судъ нашъ г[о]с[по]д[а]ръскій належачихъ, абы тотъ таковый порадокъ около справедливости и при немъ некоторые артикулы поправы статуту Великого Князства Литовъского имъ были отъ насъ выданы и моцю оного сойму ствержены. Якожъ есмо на то позволили водле артикуловъ, при обираню короля Генрыка постановеныхъ и черезъ насъ поприсяженыхъ, и, отсуженя таковыхъ апеляцій з насъ зложивши, тотъ порадокъ — которымъ обычаемъ таковые апеляціе черезъ особъ, которыхъ вы, вси станы Великого Князства Литовъского, межи собою на то обрали, — на писме, посполу съ поправою артикуловъ статутовыхъ, выдати есмо имъ росказали, за
Л. 28 варункомъ и змоцненъемъ тое речи ко[н]стытуціею || соймовою. Якожъ уже и рукою нашою тотъ порадокъ списаный около тыхъ судовъ подписали были, але, ижъ констытуція соймовая на томъ Варшавскомъ сойме не дошла жадная окромъ самого универсалу соймового [2]), про то тежъ и тотъ порадокъ справедливости, отсуживаня апеляцій и поправа артикуловъ статутовыхъ, у нимъ опи-

---

1) Въ оригиналѣ: „апеляцыи“.

2) Послѣ этого слова въ оригиналѣ стоитъ знакъ для вставки пропущеннаго (въ видѣ римской единицы), но внизу и на полѣ долженствующаго быть вставленнымъ нѣтъ.

саныхъ, не выдано. А панове рады наши, княжата, панята, маршалки, врядники земскіе и дворные и вси станы рыцерство, обователи панства нашого Великого Князства Литовъского, зъехавшися здесе за листы и везванемъ нашимъ, тутъ до места Виленского, столечного у Великомъ Князстве, на конвакуцію, ку намовамъ въ справахъ и потребахъ военныхъ, вси зводне и одностайне чинили намъ припоминане и прозбу о выдане[1]) того нового порадку справедливости и около отправованя и отсуживаня апеляцій. На што, якосмы перво сего на сойме у Варшаве хутливе были зезволили и оный порадокъ вжо рукою нашою подписали, такъ и на сесь часъ, жеданю и прозбе пановъ радъ нашихъ и въсихъ становъ досыть чинечи и въ томъ ихъ всихъ упевняючи[2]), варуемъ то имъ симъ листомъ нашимъ, ижъ на сойме валномъ пришломъ, который напервей отъ насъ для потребъ и справъ речи посполитое зложонъ будеть, маемъ станомъ Великого Князства Литовского тотъ порадокъ новый около отправованя апеляцій, на судъ нашъ припадаючихъ, посполу съ поправою артикуловъ статутовыхъ, въ немъ описаныхъ, выдати и, въ констытуцію || соймовую то заразомъ уписати росказавши, по всему панству нашому Великому Князству Литовъскому черезъ листы наши казати обволати, ижбы вжо таковые суды водлугъ оного порадку, черезъ насъ выданого, отсуживаны и отправованы черезъ насъ были. А, еслибы тежъ того была потреба, жебы и што артикуловъ въ томъ порадку справедливости поправило, тогды то имъ волно будетъ на соймикахъ пришлыхъ учинити, а мы то имъ съ тою поправою выдать обецуемъ подъ словомъ нашимъ королевскимъ водлугъ того способу и порадку, яко въ Коруне Полской естъ постановено, заховавши толко тые суды, которые персуне маестату нашого, особливе о добра столу нашого, власне суду нашому г[о]с[по]д[а]ръскому належать. Для чого тотъ листъ нашъ, рукою нашою власною подписавши, печетю нашою Великого Князства Литовъского запечатовать есмо велели. Писанъ у Вилни, лета Божего Нароженя 1580, м[е]с[е]ца априля 29 дня. Об.

Подписъ руки г[о]с[по]д[а]ръское. || Л. 29

1) Въ оригиналѣ: „выданемъ".
2) Въ оригиналѣ: „упевняучи".

IX. Артикулы проекта третьяго статута, представленные Виленскимъ съѣздомъ 1584 года для сообщенія ихъ черезъ господарскихъ пословъ на обсужденіе предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ.

(Литовская Метрика, Судныхъ Дѣлъ Литовскихъ книга 61, листы 132 об.—136.)

Вписане некоторихъ артыкуловъ, чого панове депутати, на поправу статуту обраные, безъ брати скончить не могли, то есть о даване посломъ на страву на соймъ, о поправу замковъ и мостовъ, о волность колеюмъ Виленского и иншихъ отъ войны, о складъ товаровъ [1]).

Лета Божъего Нароженья 1584, м[е]с[е]ца марца 25 дня.

Г[о]с[по]д[а]ръ король его милость и великій князь Стефанъ рачылъ росказати до книгъ своихъ канъцелярыйскихъ уписати, ижъ ихъ милость панове рады и послове, которые се были зъехали тутъ до Вилня ку сконъченью поправы статутовое, оповедали его к[о]р[олевской] милости, ижъ пры доконанью тое справы статуто-
Л. 132 об. вое || не могли некоторыхъ артыкуловъ и иныхъ речей, до того жъ статуту потребныхъ, сконъчыть безъ братьи своее, просечы, абы его к[о]р[олевская] милость часу зложенья соймиковъ у поветехъ передъ соймомъ вальнымъ черезъ посла своего на сой-

1) Дальше въ оригиналѣ стоитъ дважды повторенный знакъ, обозначающій etc.

мики послати рачылъ то, што межы собою намовъляли, и подали то на писме до канъцелярыи его к[о]р[олевское] милости. А его королевская милость рачылъ росказать до книгъ канъцелярыйскихъ тое поданья ихъ милости уписати. И такъ се въ собе маеть.

Мы, рада Великого Князства Литовъского, духовные и свецкiе, и послове з воеводствъ и поветовъ, за волею и листы его к[о]р[олевское] милости зобраные тутъ до Вилни для скончченья и згоды артыкуловъ правъ, писаныхъ черезъ депутатовъ нашыхъ, яко бы се отъ всихъ становъ згодне ку конъфирмацыи и до его к[о]р[олевское] милости на съемъ тотъ статутъ новый прынесенъ былъ.

Въ которомъ статуте ижехъмы обачыли въ розделе третемъ, въ артыкуле семомъ и двадцать девятомъ, описаный податокъ по два грошы з волоки на страву посломъ, которые на съеймъ вальный выправовани бывають, на будованье домовъ для зложенья книгъ земскихъ и на иншые потребы, яко шырей то есть описано, — але, ижъ вси продкове нашы варовали се того, абы вечный платъ николи не былъ впошонъ на маетъности и, подданыхъ нашыхъ, про то мы, рады духовные и свецкiе, именей [и] подданыхъ нашыхъ подъ такiй податокъ поддавать не можемъ, кгдыжъ на съеймъ есть звыклость намъ радамъ самымъ особами нашыми ездить, а на таковые дороги нашы подданые подводами и иными потребами обътяжоны бывають. Ведьже, выпайдуючы тому обычай, абы послове могли быть выправовани порадне || з воеводствъ и поветовъ, даючы имъ на страву водле описаня, такъ быхмо розумели пожыточне: до трехъ летъ на кожъдый рокъ по осми грошей з волоки або зъ службы людей, а з огородника два грошы, тымъ обычаемъ, яко на прошлые войны плачоно, а з местъскихъ домовъ по пети п[е]н[е]зей давати; заложыть скарбъ речы посполитое, то есть просить его к[о]р[олевскую] милость, абы мынцу зо всимъ начыпемъ мынцарскимъ, даровати рачылъ на речъ посполитую, а таковымъ зыскомъ з мынцы на страву послы отправованы будуть и иные потребы въ поветехъ, яко будованье домовъ судовыхъ и тымъ подобные справы за намовою спольною речы посполитое опатровать се могуть, кгдыжъ сеймъ не на кожъдый рокъ будеть, а з мынъцы таковый певный пожытокъ на кожъдый рокъ будеть. Надъ то еще немалую шкоду въ томъ речы посполитое бачымъ, ижъ люди, потребуючы п[е]н[е]зей, великую интересу, до цалого грошa, а некоторые и большей, дають отъ копы на тыдень, зачымъ сынове земскiе ку убоству и звищенью прыходять. А, кгды въ скарбе речы посполитое замноженье будеть, Л. 133

тогъды съ тое жъ мынъцы таковые п[е]н[е]зи могуть быти позычаны на певные маетности, не беручы большей инътересы, только по два п[е]н[е]зи отъ копы Литовское на тыдень, што водле важности сумы, зложоное съ того податку, можеть учынить немалый пожытокъ въ кождой чверти лета и, съ чого теперъ не естъ жаденъ пожытокъ речы посполитое, можеть быти поратованье ей и
Об. сыномъ земскимъ ульженье такъ великихъ || лифъ даванья и указанье и знищенью великому маетности ихъ. А справцы абы до того дочесные были, такъ зъ стану рыцерского, яко и местъского; а одинъ сенаторъ до року чотыри кроть, то естъ въ кождую чверть лета, абы догледалъ порадку кованья монеты и шафованья п[е]н[е]зей з мынцы, зъ якимъ прымноженьемъ то отъправуеть се. Просить тежъ короля его милости, абы тутъ у Вильни нихто на лифу на золото и на серебро не давалъ, одно абы въ мынцы давано, тежъ по два п[е]н[е]зи отъ копы, бо много купъцовъ, уступившы гандель свой купецкій, на лифу дають, а чужоземцы серебро вывозять прочъ зъ земли, которое въ лифе гине, такъ же и некоторые зъ стану рыцерского, покинувшы господарства пристойные, на лифу п[е]н[е]зи дають. А, кгды таковая мынца будеть вжо въ рукахъ речы посполитое, тогъды, коли прыйдеть часъ соймику въ Слониме, яко се новымъ статутомъ постановило, мають се з личбою знести на тотъ зъездъ и п[е]н[е]зи належачые паномъ посломъ мають прынести справцы мынъцные, за ведомостью оного преложоного з радъ; тамъ же мають показать справу свою и пожытокъ, который черезъ тотъ часъ речы посполитой прымножыли, а панове рада, послове и рыцерство, которые се тамъ зъедуть, выслухавши ихъ личбы, мають ихъ, водлугъ годности справы ихъ уваженье чынечы, пры томъ зоставити, або на тое местъце инъшыхъ обрать, абы се около его объходили и люди до пана въ знаемость и цвиченье прыходили. А варовать то, абы тыхъ п[е]н[е]зей жаденъ не смелъ брати безъ позволенья всихъ становъ, подъ почтивостью, яко на того, хто озметь, такъ и на того, хто дасть [1]), безъ ведомости речы посполитое. Што все на сойме сполномъ съ паны Поляки можеть
Л. 134 быти || стверъжоно и варовано, яко се будеть належей видеть и яко се намовять на соймикахъ. Если бы се то имъ не подабало, тогды нехай инъшый обычай найдуть зъ стороны выправованья пословъ на съеймъ и заложенья скарбу речы посполитое. А

1) Въ оригиналѣ: „озмет".

на тотъ толко прышлый соймъ мы, рады свецъкіе, который бы не ехалъ на съеймъ, маемъ росказать дать на страву посломъ, на съеймъ обранымъ, съ подданыхъ своихъ по тому, яко се панове рыцерство въ поветехъ на соймикахъ змовять для выправы паномъ посломъ на съеймъ; а потомъ вжо, яко се вышей меновало, съ такого пожитку мынцы мають быти послы выпъравованы, або якій иншый пожытокъ межы собою найдуть тому жъ таковому ровному пожитку.

Къ тому. Въ томъ же статуте, въ розделе четьвертомъ, артыкуле тридцатомъ, есть написано: робота замковъ, мостовъ, даванья стацый, где передъ тымъ было, абы и теперъ давано. Што може се вытегать далеко, бо бымъ за тымъ могъ урадъ и неповинъныхъ прымушати до тое повинъности, а отътоль бы наклади права уросли. Про то, кгды того часъ прыйдеть, тогды бы се намъ видело постановити на купецкіе люди, ижъбы вжо вси[1]) места г[о]с[по]д[а]ръскіе, духовные и свецкіе и чужоземскіе купъцы, и кождый чоловекъ, который се купецтвомъ объходить, прыкладалсе и платилъ мыта, ку старому платечы а давно звыклому мыту не большей: отъ каменя воску грошей шесть, отъ лою грошей два, хмелю грошей полтора, на бочъце соли три грошы, а отъ селедцовъ ку старому мыту грошей чотыри, отъ скуръ всякихъ — ижъ въ земли естъ потреба для посполитого чоловека немало, заграничники безъ того се обыйти не могуть, а про то купецъ, выправажаючы || за границу, нехай бы платилъ отъ скуръ Об.
воловыхъ ку старому мыту грошы тры, отъ пары юхтовъ нового мыта ку старому тры грошы, отъ цимцовое и козловое скуры ку старому мыту п[е]н[е]зей пять, отъ двухъ скуръ дубленыхъ грошы чотыри, отъ скуры одное яловичое грошы два; отъ бочки жыта, которую за границу купецъ провадить, а не господаръ своее роботы, отъ бочъки полтора гроша; а такъ и отъ иного збожъя; а инъшые товары, которые до панства идуть, такъ сукна, яко и едъвабные, золотые, коренья и иные всякіе речы и косматые товары, шацуючы на копы, отъ копы по грошей тры. А съ такихъ местъ, которые нигде мыта не дають, абы, проводечы товары за границу, по тому, яко вышей описано, платили. А скобное мыто отъ тыхъ товаровъ, яко отъ суконъ, едъвабевъ, коренья и иныхъ речей, абы платили по тры грошы. А таковые, которые одно на одномъ местъцу старого мыта не платять, и иные купъцы, што

---

1) Въ оригиналѣ: „всим“.

провадять за границу и у границу, отъ копы по грошей два ку старому мыту абы давали съ купного мыта, а яко купецъ ошацуе свои товары, — отъ того мыта дать. А затымъ лацъно можеть быть постановена цена вшелякимъ товаромъ, по чому што маеть въ земли продавать, показавъшы ему пожытокъ за фурълонъ и за працу и за то, што мыта даеть, абы и купецъ мелъ пожытокъ и въ земли дорогость товаровъ не была, яко на тотъ часъ — по чому хто хочеть, продають товары, зъ заграничъя прыпровадившы. А тое подвышоное цло абы было оборочано на выкупене[1]) добръ столу короля его милости, черезъ продъки короля его милости заведеныхъ. А съ тыхъ таковыхъ добръ окупеныхъ абы его к[о]-
Л. 135 р[олевская] милость ничого не роздавалъ, || але абы з нихъ накадъ чынено на будованье замковъ тымъ обычаемъ, яко то самъ его к[о]р[олевская] милость презъ послы свои до насъ на тотъ зъездъ вказать рачылъ, хотечы, абы валомъ сыпаны стены замковые, кгдыжъ будованье замковъ деревомъ пи[к]чемное естъ и кисчее отъ старости а отъ огня. А такъ, водлугъ важности и купенья именья, освободять имена королевъскіе, и тежаръ з ыменя шляхецкого знесеть се, кгдыжъ и передъ тымъ замки граничные будовано з добръ короля его милости, где на то повинныхъ людей з ыменъ шляхецъкихъ не было. А што се дотычеть мостовъ на таковыхъ местъцахъ, где мостити потреба, тогды можеть панъ оного именья забудовати мостъ, а нехай мостовое маеть за свой накладъ водлугъ уваженья комисаровъ, на то отъ его к[о]р[олевское] милости высланыхъ. А варунокъ выбиранья п[е]н[е]зей, на мытахъ подвышоное вложоныхъ, и на вси тые речы, вышей описаные, яко будеть намовенье въ поветехъ, абы передъ прышлымъ соймомъ прынесено до Волковыйска, кгдыжъ въ Слониме зъездъ новымъ статутомъ еще не естъ стверженый, а, тамъ намовившысе сполне и згодне, на съеймъ до его к[о]р[олевское] милости ку стверъженью прынести се.

То маеть особливе з розделу четьверътого артыкулъ сорокъ шостый о роки земскіе — абы не одного часу во всихъ поветехъ доходили — отъложоно на соймики въ поветы на уваженье всихъ и для прынесенья на соймикъ Волковыйскій. Естъ тежъ потреба, абы на тыхъ же соймикахъ, отъ его к[о]р[олевское] милости зложоныхъ передъ соймомъ, въ поветехъ намовляли около высвобоженья колеіумъ Виленского отъ службы военъное, о што сами

1) Въ оригиналѣ: „выкупно".

колеяцы просять, даючы тую прычыну, ижъ съ тыхъ добръ, которые суть наданы || на колеіумъ, выживенья сами меть не могуть, но толко жебы служъбу земскую мели чымъ служыти. Про то съ тыхъ именъ, которые теперъ вжо суть наданы и потомъ отъ кого бы на тотъ колеіумъ и на иные колеіумъ надано было, абы съ того войны не служыли, кгдыжъ оттуль наука и цвиченье молодымъ людемъ иде, што за одинъ скарбъ речы посполитой ма быть почытано. Об.

Добре тежъ, абы въ поветехъ намовляли о складехъ — абы у границахъ Великого Князства Литовъского были складаны вси товары, звлаща збожъя, попелы, клепъки, ванчосы, яко бы купъцы чужоземскіе тыхъ товаровъ у паньствахъ нашыхъ сами искали, а брakованьемъ незмеръныимъ, кгды до нихъ прыходять, посторонъные места не паношылисе и людей не утежали, бо, кгды будуть сами прыежъдчати по таковые товары, безъ которыхъ се они обыйти не могуть, тогды вжо такъ будуть торговати, яко бы не утежалъ того, хто продаеть, звлаща бракомъ.

А для того то писмо наше оповедали есмо передъ его к[о]р[олевскою] милостью, абы во вси поветы на соймики, посылаючы послы, слово отъ слова выдавано и межы иньшыми речами, отъ его к[о]р[олевское] милости подаными, о томъ намовляли. Писанъ у Вилни, року 1584, м[е]с[е]ца . дня[1]). || Л. 136

---

1) Въ оригиналѣ передъ словомъ „дня“ оставлено чистое мѣсто. Предшествующій настоящему документу документъ въ 61-ой книгѣ Судныхъ Дѣлъ Литовскихъ датированъ 24-мъ марта 1584 года (л. 132 об.). Тою же датою помѣченъ и слѣдующій за нимъ документъ этой книги (л. 137).

X. Повѣтовые сеймики передъ Варшавскимъ сеймомъ 1587 года, не состоявшимся за смертью короля Стефана.

(Литовская Метрика, Записей Литовскихъ книга 65, листы 200—200 об.)

1.

Листъ сеймовый выданый.

Стефанъ, Божю милостю король Полскій, великій князь Литовскій.

Княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ вдовамъ, врадникомъ земъскимъ и дворнымъ, земяномъ и двораномъ нашимъ и всей шляхте, обователемъ воеводства [1]).

Ведомо естъ вашимъ [2]) милостямъ, и паномъ радамъ нашимъ и всимъ вобецъ, ижъ на прошълыхъ соймохъ валныхъ ничого се не постановило въ справахъ и потребахъ речи посполитое, а къ тому постановлено естъ и правомъ посполитымъ варовано, ижъбы сеймъ валный не далей, одно въ двухъ летехъ доходили, што мы на добромъ баченю маючи, для пилныхъ и великоважныхъ потребъ речи посполитое, за радою пановъ радъ нашихъ, зложили есмо соймъ валный у Варшаве на вторый день м[е]с[е]ца февъраля въ року близко прышъломъ тисеча пятсотъ осмдесятъ семомъ, водлугъ нового календара, всимъ земълямъ Коруны Полское и Великого Князства Литовъского. А передъ соймомъ валнымъ зложили есмо соймики, водле статуту, во всихъ воеводствахъ,

1) Для имени воеводства въ оригиналѣ оставлено чистое мѣсто.

2) Въ оригиналѣ: „вашей“.

земъляхъ и поветехъ у Великомъ Князстве Литовъскомъ обычаемъ звыклымъ, якожъ и воеводству 1) складаемъ соймикъ поветовый на день вторый м[е]с[е]да генвара въ року близко прышъломъ осмдесятъ семомъ. Вы бы, о томъ ведаючи, зъехалисе вси, до того належачіе, на местце звыкълое 2), а на тотъ часъ и посолъ, отъ насъ отправленый, прибудеть и вси речи, которые мають быти на томъ сойме справованы, именемъ нашимъ вамъ преложить. А вы, порозумевши такъ великимъ потребамъ, пословъ бы есте обрали и послали на сеймъ, особъ ростропъныхъ, исправныхъ, з моцю не замероною, абы о всихъ тыхъ речахъ намовляли и съ позволеньемъ нашимъ становили, яко бы се все, съ помочю Божою, ку лепъшому речи посполитое зносило и становило. Писанъ у Городне, року Божего Нарож[енья] 1586, м[е]с[е]ца ноябра 8 дня.

Геліяшъ Пелкгрымовскій 3).

2.

Листъ поселскій верущій до повету.

Стефанъ, Божю милостю король Полскій, [великій князь Литовскій].

Воеводе Виленьскому, гетьману полному Великого Князства Литовъского, старосте Борысовскому, || Солецкому и Урендовскому, пану Крыштофу Радивилу, княжати на Биржахъ и Дубинкахъ, и тежъ княземъ, паномъ, маршалъкомъ, старостамъ, державцамъ, врадникомъ нашимъ и всему рыцерству-шляхте, обывателемъ воеводства Виленьского. Л. 200

Ижъ для пилныхъ потребъ речи посполитое зложили есьмо сьемъ валный на зеханье всимъ становъ, сойму належачимъ, у Варшаве на певный часъ, на день вторый м[е]с[е]ца февраля въ року близко прышломъ тисеча пятсотъ осмдесятъ семомъ, а, водле статуту заховуючися, ижъ соймики поветовые въ чотырохъ неде-

---

1) Чистое мѣсто въ оригиналѣ.

2) Также.

3) Тотъ же текстъ сеймоваго листа находится на листѣ 235 той же книги. Чистыя мѣста на листѣ 235 заполнены слѣдующими словами: 1-е мѣсто — „минского“, 2-е — „минскому“, 3-е — „до минска“.

ляхъ передъ соймомъ валнымъ назначили есьмо, которые припасти маютъ м[е]с[е]ца геньвара второго дня [1]), а такъ водле звыкълого обычаю хотечи, абы вси станы, на томъ соймику будучіе, ведаючи, о чомъ намовы становеные на сойме валномъ быти маютъ, тымъ снадъней и латъвей пословъ своихъ на сьемъ валный з достаточною а не замероною наукою и моцю выправовали, — про то послали есмо на тотъ соймикъ Виленскій посломъ отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра [2]), росказавши ему водле инъструкцеи нашое, ему даное, никоторые потребы речи посполитое в[ашой] милости паномъ радамъ нашимъ и всимъ становъ преложити и оповедити. Въ чомъ во всемъ, што онъ именемъ нашимъ вамъ мовити будетъ, абысте ему вяре дали, бо то естъ речи, отъ насъ до васъ черезъ него всказаные. Писанъ у Городне, року [15]86, м[е]с[е]ца ноября 8 дня.

Стефанусъ Рекъсь.

Геліяшъ Пелкгрымовскій [3]).

3.

Листъ, послу даный на соймикъ.

Стефанъ, Божью милостю король Полскій, великій князь [4]) Литовскій.

Ижъ для потребъ речи посполитое зложили есьмо сьемъ валный на зеханье всимъ становъ, сойму належачимъ, [у] Варшове на часъ певный, на день вторый м[е]с[е]ца февраля въ року

---

1) Въ оригиналѣ дальше стоитъ: „а воеводству виленскому мсца“ съ чистымъ мѣстомъ послѣ послѣдняго слова.

2) Въ оригиналѣ чистое мѣсто.

3) Тотъ же документъ находится на листѣ 235 второмъ той же книги (по недосмотру этотъ листъ пропущенъ при счетѣ листовъ книги и не имѣетъ пагинаціи; слѣдующій за нимъ листъ обозначенъ 236-мъ). Слова „а воеводству виленскому мсца“ (см. выше, примѣчаніе 1-е) въ этомъ спискѣ отсутствуютъ. Имя посла также опущено. Вмѣсто „никоторые потребы“ стоитъ — „накоторые потребы“. Слова „в чомъ во всем“ и т. д. до слова „абысте“ пропущены, но послѣ слова „оповедити“ сряду стоитъ: „абы есте ему веру дали бо то суть речы от нас до васъ черезъ него всказаные писанъ у городне лета божъ нарожъ 1586 мца“ (названіе мѣсяца и число опущены).

4) Въ оригиналѣ вмѣсто „князь“ стоитъ буква „х“.

прышломъ тисеча пятсотъ осмъдесятъ семомъ, а, водле статуту заховуючисе, соймики повстовые въ чотырохъ неделяхъ передъ соймомъ валнымъ назначили есмо, которые припасти маютъ м[е]с[е]ца генвара второго дня, а такъ водле звыклого обычаю хотечи, абы вси станы, на соймикахъ поветовыхъ будучіе, ведаючи, о чомъ намовы становеные на сойме валномъ быти маютъ, тымъ снадъней и латвей пословъ своихъ на тотъ сьемъ валъный з достаточною наукою [а] не замеровою моцъю выправовали, — про то, абы твоя милость до воеводства [1]) посломъ отъ насъ былъ на соймикъ того воеводства, на день вышей помененый до Берестья поспешилъ ся, о чомъ пріехавши за тымъ листомъ нашимъ верущимъ, водле инъструкъцеи нашое, которую т[воеей] милости при семъ листе нашомъ посылаемъ, паномъ радамъ нашимъ ихъ милостямъ, на томъ соймику будучимъ, отъ насъ поздоровене а инымъ всимъ становъ, обователемъ того воеводъства, ласку нашу г[о]с[по]д[а]рскую оповедивши, тые вси справы и потребы речи посполитое, яко на инъструкъцыи нашой достаточне описано, имъ преложилъ. Писанъ у Городне, року [15]86, м[е]с[е]ца ноябра 8 [дня].

Stephanus Rex.

Геліашъ Пелкгрымовскій [2]). || Об.

1) Въ оригиналѣ чистое мѣсто.

2) Тотъ же документъ находится на листѣ 228 той же книги. Послѣ титула на этомъ листѣ стоитъ: „посполитое зложили есмо съемъ валный на зъсхане иж для потреб речи посполитое всимъ становъ сойму належачим варшове на час певный“. Далѣе во всемъ сходно съ текстомъ, находящимся на оборотѣ 200-го листа. Чистое мѣсто послѣ слова „воеводства“ занято словомъ „берестейского“. Дата: Городна, 26 октября 1586 года.

XI. Универсалъ Виленскаго съѣзда отъ 11 октября 1587 года.

(Литовская Метрика, Записей Литовскихъ книга 65, листы 236 об. 238.)

Мы[1]), рады духовные и светскіе, такъ же и все рыцерство Великого Князства Литовского, со всихъ воеводъствъ и поветовъ, которыесмо се сезде до Вилна въ року теперешнемъ осмъдесятъ семомъ, м[е]с[е]ца октебра второго дня, за объвещенемъ и обосланемъ черезъ листы отъ ихъ милости пановъ радъ и рыцеръства Великого Князьства Литовского, которые у Варшаве часу елекцыи, теперъ въ року осмъдесятъ семомъ назначоной, позостали были, ознаймуемъ всимъ вобецъ, кому того ведати належыть, ижъ што на прошломъ сойме елекцыи Варшавское въ року осмъдесятъ семомъ надъ право, волности и списы Унеи отъ многихъ пановъ радъ и части рыцерства Корунного, безъ зезволеня и ведомости иныхъ пановъ радъ и рыцерства Короны Полское и всихъ становъ рыцерства Великого Князства Литовского, двухъ пановъ меновано, обрано и публиковано, о чомъ всемъ шырей и достаточней естъ описано и доложоно на протестацыи, которую некоторые панове рада и все рыцерство Великого Князства Литовского а некоторые тежъ панове рада и часть рыцерства Коронного учинили, што на универсалехъ до всихъ воеводъствъ и поветовъ Великого Князьства Литовского з Варшавы зъ прошлого[2]) сойму елекцыи
Л. 236 об. отъ ихъ милости || пановъ радъ Великого Князства Литовского

---

1) Передъ началомъ этого документа въ оригиналѣ находится заголовокъ: „Ziazd głowny W° Xª Lith był 2 dz. octobris w Wilnie, na ktorim, nic nie concluduionc, drugi ziazd głowny takze zlozony tim universalem, nizei pisanym na 8 dz. nouiembris 1587“.

2) Въ оригиналѣ: „спрошлого“.

Указатель именъ географическихъ[1].

1) Цифры, поставленныя въ скобкахъ, обозначаютъ страницы Приложеній. Сокращеніе: г. — господарскій.

Указатель именъ личныхъ[1].

---

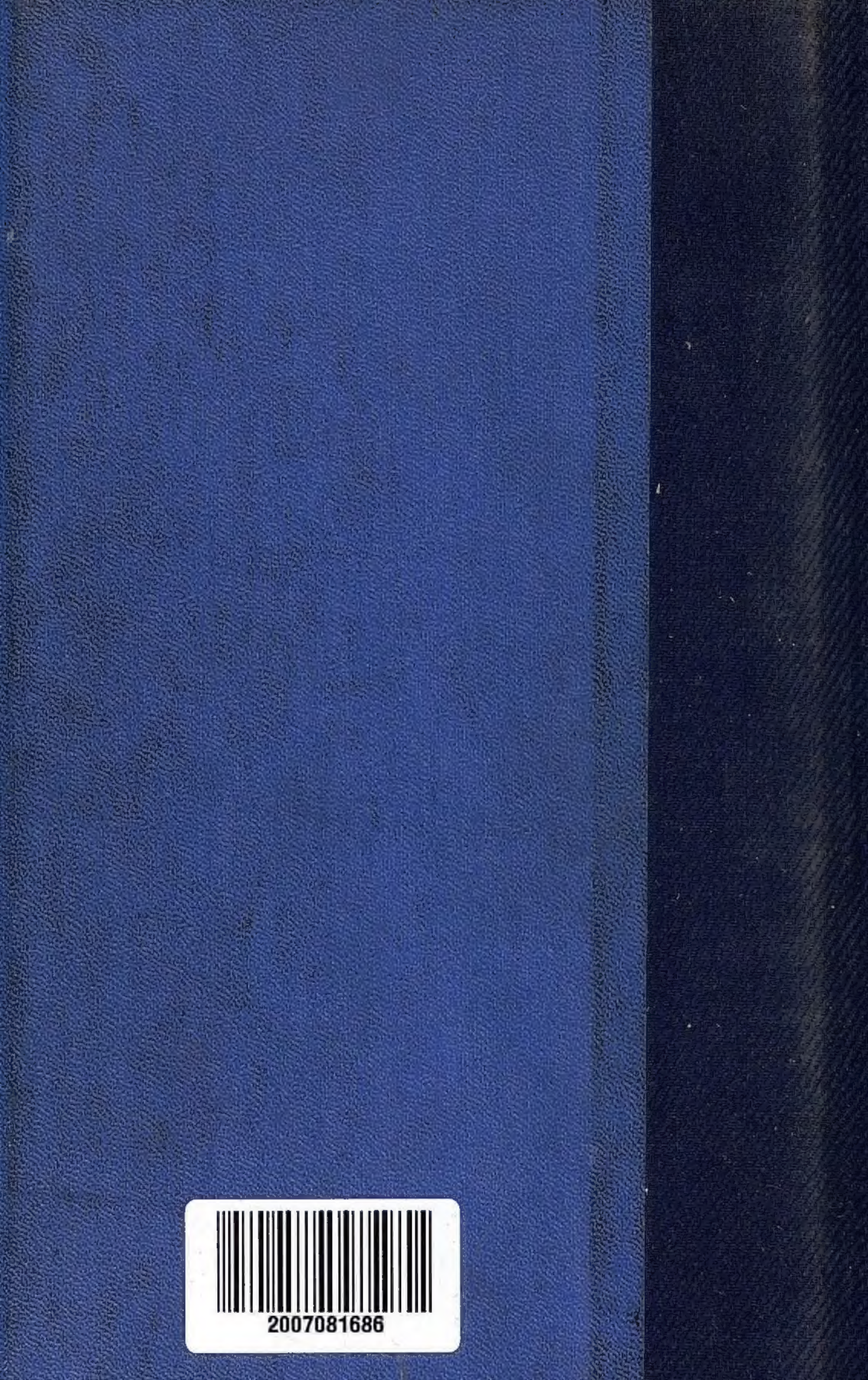
1) Сокращенія: б. — бояринъ, в. — воевода, г. — господарскій, д. — державца, дв. — дворянинъ, з. — земянинъ, кашт. — каштелянъ, кн. — князь, марш. — маршалокъ, нам. — намѣстникъ, ротм. — ротмистръ, ст. — староста, шл. — шляхтичъ, ц. — цитируемый авторъ или издатель. Цифры, поставленныя въ скобкахъ, обозначаютъ страницы Приложеній.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
15	15 сн.	Sanguskо́w	Sanguszkо́w
21	3 св.	судьями,	судьями
24	13 св.	домагается	домогается
31	5 сн.	повѣта	повѣта)
83	13 св.	онъ	онъ,
96	15 сн.	оный,	оный
98	5 сн.	1905)	1905),
102	3 сн.	суда	суда,
112	7 св.	подстаростимъ	подстаростимъ,
115	2 сн.	Pozna	Poznań
116	2 сн.	этой.	этой
129	8 сн.	Пип	Пип-
129	4 сн.	столь	столь-
157	15 св.	возныхъ [7]),	возныхъ [7])
157	4 сн.	уря	уря-
208	11 сн.	жонамъ	женамъ
212	2 сн.	военъ	военъ-
264	16 св.	тонѣтъ [3]).	то нѣтъ [3]).
264	19 сн.	ша	ша-
264	12 сн.	ку	ку-
271	7 св.	Княжеста	Княжества
287	15 сн.	сеймики	сеймикъ
295	18 сн.	Harbutta	Narbutta
433	19 сн.	3.	3
435	1 сн.	156. См. ниже въ главѣ X.	156.
474	16 сн.	Малашевичамъ	Малашевичамъ земли
516	7 св.	верховной власти	верховною властью
523	1 сн.	23.	23).
525	17 св.	не	ни
537	11 св.	первые	первыя
557	16 св.	, присутствовать	присутствовать
561	11 сн.	слѣдуетъ	слѣдуютъ
572	17 св.	какъ	, какъ
572	18 св.	повѣтовъ	повѣтовъ,

Стр. Прил.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
5	19 сн.	Литовъ	Литовъ-

Сверхъ того: на стр. 132 Приложеній конецъ листа 28 долженъ быть обозначенъ не послѣ слова „ко[н]стытуціею“, а послѣ слова „таковый“ (20 строка сн.).


2007081686